

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

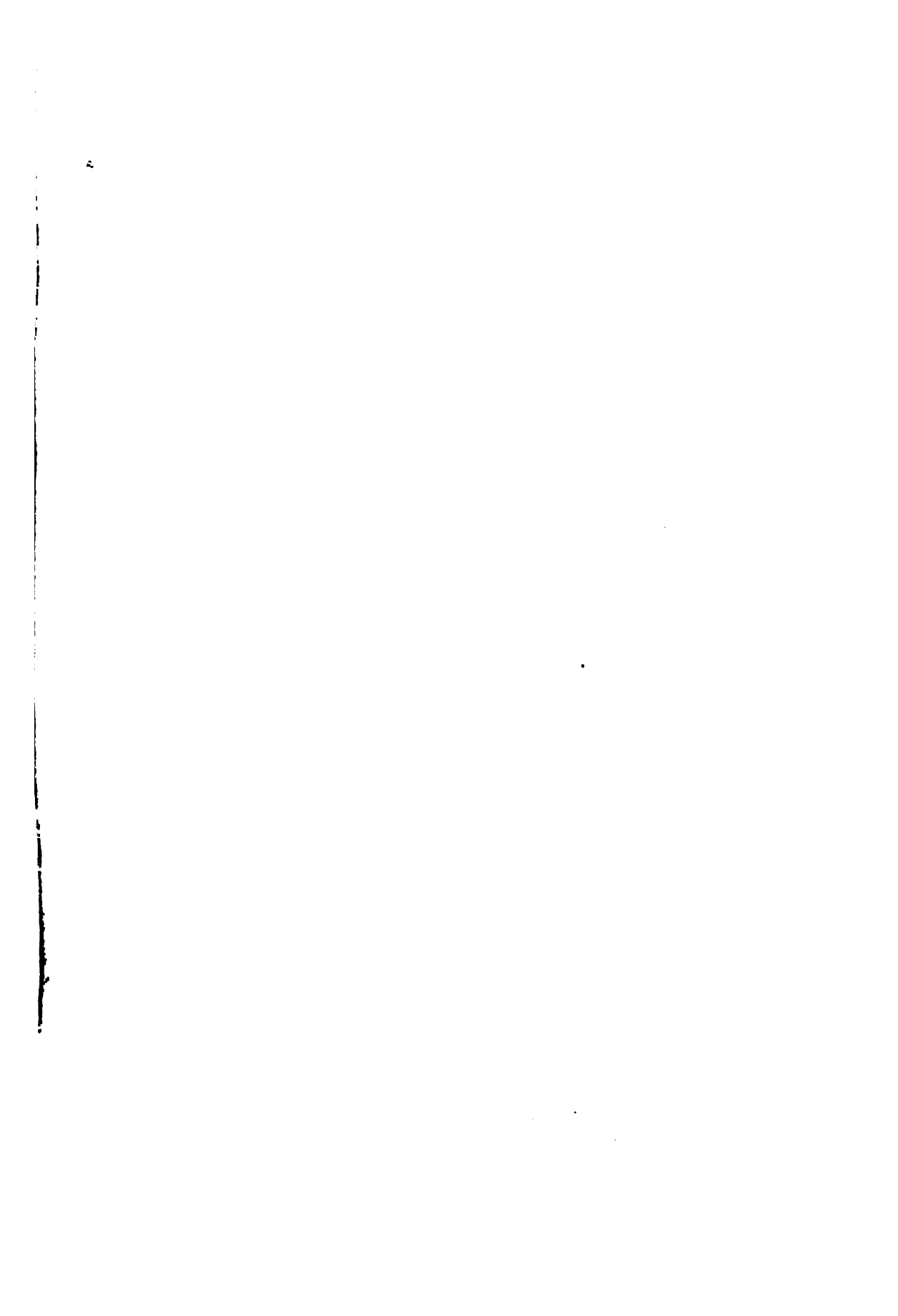
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

01

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

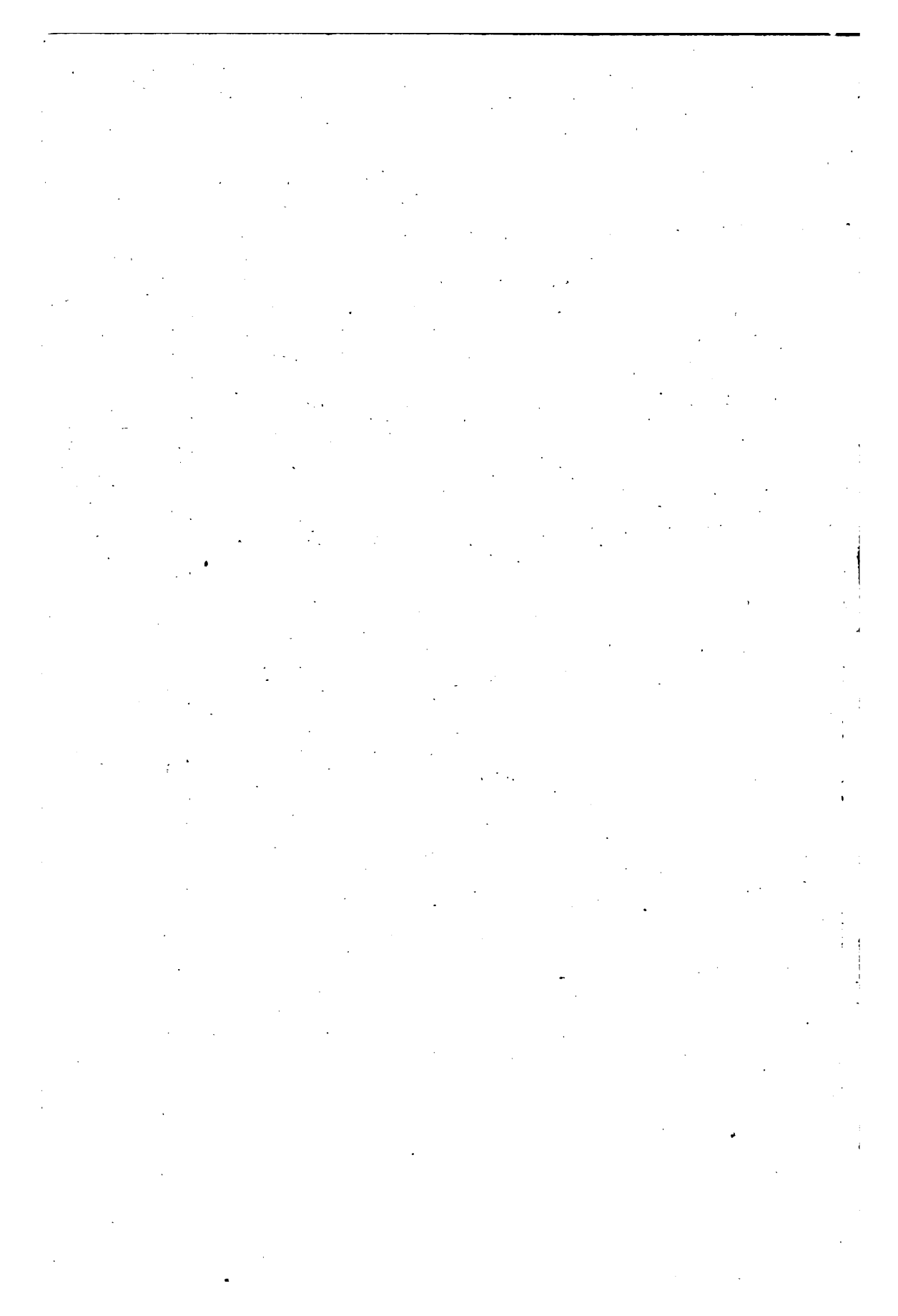
ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и М. А. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Нарбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. В. Каюкина въ Москвѣ; Н. Я. Оглобина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Кишелея въ Ригѣ; у Фосса (Г. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; у Г. Лозакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома Сборника 3 рубля 50 коп.

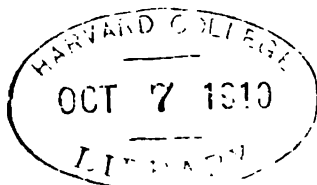
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лнп., № 12.
1906.

~~L Soc 3983.18~~

P Slav 109. 50 (81)

Minot fund

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1906 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
В. Изергинъ. Матеріалы для литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. I—II..... № 1.	I и 1—78
Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1903 году. [Рецензіи на труды: В. Н. Перетца — А. И. Соболевскаго, А. И. Яценевскаго — П. А. Лаврова, В. А. Погорѣлова — А. И. Соболевскаго]. № 2.	II и 1—42
Отчетъ о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1901 года ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. [Рецензіи на трудъ П. А. Ровинскаго — П. А. Лаврова]..... № 3.	I и 1—112
Отчетъ о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1904 года ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. [Рецензіи на труды: И. Квачалы — В. И. Ламанскаго, Н. М. Петровскаго — Г. М. Князева, С. М. Кульбакина — В. К. Порженскаго]..... № 4.	II и 1—110
Шестнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1905 года. Отчетъ и рецензіи I—IV. [Рецензіи на труды: М. А. Лохвицкой — Е. Р., О. Н. Чюминой — Д. Б. Петрова, В. С. Лихачева — А. Н. Гилярова, Е. Милицыной — Н. П. Кондакова]. № 5.	II и 1—81
Н. Лихачевъ. Письмо папы Піа V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бревахъ. (Этюдъ по дипломатикѣ папъ)..... № 6.	II и 1—175
С. Шамбинаго. Повѣсти о мамаевомъ побоищѣ.... № 7.	VI, 1—375 и 1—190

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 1.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ СБОРНИКОВЪ.

I—II.

В. Изергина.

— * * * —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1905 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

І.

Греческій источникъ одного слова въ „Златоструѣ“.

Занимаясь выясненіемъ литературнаго состава „Златоуста“ и сборниковъ, имѣющихъ съ нимъ связь, и сравнивая съ этою цѣлію начала статей, входящихъ въ составъ этихъ сборниковъ, съ началами сочиненій, принадлежащихъ извѣстнымъ отцамъ церкви, я натолкнулся на сходство началъ статей, приписываемыхъ и въ греческихъ изданіяхъ, и въ славянскихъ рукописяхъ разнымъ писателямъ. А именно: въ такъ называемомъ Златоструѣ XII вѣка (Императ. Публ. Б-ки: Гр. I. № 46), на л. 51 имѣется статья: *ἰω̃. зл̃а. оу̃. ѿ ч̃сти св̃щенникъ слоко. г̃и̃ вл̃г̃и. Нач. Богоноснѣѣи игнатіѣ. повелѣваѣтъ гл̃а к̃п̃омъ. в̃ннмаѣте да и б̃ѣ ваша д̃ша примъ спс̃ѣтъ.* Та же статья имѣется и въ полномъ спискѣ Златоструя. Такъ въ спискѣ Импер. Публ. Б-ки XVI в. Г. I. № 218 (Толст. I. № 47), л. 468 об. имѣется слово 98-е: *иже во ст̃ѣ ѿца н̃шго і̃ѡн златоуст̃аго ѿ ч̃ти с̃ѣнникъ. сл̃ко. вл̃г̃ослови ѿч̃е. Нач. Б̃гоноснѣѣи игнатіи, повелѣваѣтъ гл̃а і̃п̃к̃ѡ в̃ннмаѣте да и б̃ѣ ваша* (пропущено: *д̃ша*) *пр̃ѣмъ сп̃ас̃ѣтъ.* Рядомъ съ этимъ въ Синод. спискѣ конца XIV вѣка пандектъ Антіоха, инока лавры св. Саввы № 153 (по опис. Горскаго и Невоструева, по прежн. кат. № 3), на л. 108 имѣется глава 124: *Ѹ̃ т̃ѣ. ѿ ст̃ыд̃ѣт̃іса н̃ѣр̃ѣи. р̃к̃д. Начи: Б̃гоноснѣѣи игнат̃ъ. посыл̃аѣтъ гл̃а. ѿп̃а послуш̃аѣте.*

Замѣтивъ это, хотя и неполнѣ точное, сходство началъ и заглавій, обращаюсь къ изслѣдованію В. Малинина о Златоструѣ XII вѣка. Оказывается, что и авторъ этого сочиненія отмѣтилъ сходство означенныхъ статей, хотя и призналъ, что «происхождение» этого слова для него «неизвѣстно»¹⁾. Тогда я обратился къ греческому подлиннику Пандектъ Антиоха, и сличеніе показало, что указанное слово «Златоструя» есть не что иное, какъ переводъ 124 главы этихъ Пандектъ²⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности сличить текстъ этого слова по «Златострую» съ текстомъ 124 гл. Пандектъ по извѣстнымъ древнѣйшимъ славянскимъ переводамъ, каковы списокъ Пандектъ XI вѣка Воскресенскаго монастыря³⁾ и списокъ XIV вѣка Московской Синодальной библіотеки, а имѣли возможность сличить переводъ «Златоструя» съ переводомъ Пандектъ лишь по списку XVI вѣка Импер. Публ. Б-ки Ф. I. № 217, въ которомъ наша статья составляетъ, какъ и въ греческомъ подлинникѣ, также главу 124 и помѣщена на л. 52—52 об., при чемъ оказалось, что въ Пандектахъ и въ «Златоструѣ» мы имѣемъ два различные перевода гл. 124-й Пандектъ Антиоха.

Приводимъ отмѣченныя нами различія въ переводѣ⁴⁾.

ἀγγελος — Зл: вѣстникъ. П: аггль.

αἰδέομαι: Прѣπον οὖν ἐστὶν, ἀγαπητοὶ καὶ φίλοι Θεοῦ, αἰδεῖσθαι τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ. Зл: лѣпо оубо ксть възлюбленны (Т: возлюбленн) и другы бжїи чисти. и сщеникы кго. П: лѣпо оубо ѣ възлюбленн и годѣ боу стыдѣтиса чиститель ѣго.

ἀποφέρω: Οὐ γὰρ ὅπου βούλονται βαδίζουσιν τῶν θρεμμάτων

1) В. Малининъ. Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII в. Кіевъ. 1870, стр. 218 и примѣч. 1.

2) Migne. Patrologiae cura. compl. ser. gr. t. 89, p. 1420.

3) Въ трудѣ архим. Амфилохїа: «Изслѣдованіе о пандектѣ Антиоха, находящемся въ Воскресенской Новоіерусалимской библіотекѣ» (Москва 1880) — глава 124-я не напечатана.

4) «Златоструй» XII вѣка обозначаемъ: Зл. Полный списокъ «Златоструя» И. П. Б-ки Ф. I. 218, XVI в. (Толст. I, № 47) обозначаемъ: Т. Списокъ Пандектъ И. П. Б-ки XVI в. Ф. I. № 217 (Толст. I, № 46) обозначаемъ: П.

αἱ ἀγέλαι, ἀλλ' ἐνθαπερ οἱ ποιμένες αὐτάς ἀποφέρουσιν. Зл: не
ниже во (Т: не надѣже во) хотать пасоуѣтсѧ овецѧ стада. нѣ
надеже ꙗ пастоуѣси сънабѣдѧтъ. П: не ꙗможе хотать ꙗдоу пѧ-
сома стада, нѣ ꙗможе пастоуѣси ꙗ клонѧ.

ἀρέσκω: πᾶσιν ἀρέσκειν. Зл: вѣсѣмъ оугажати (Т: оуго-
жати). П: вѣсѣмъ гóдѧти.

ἀριστερός: οὐκ ἐκκλίνης ἀπὸ τοῦ ῥήματος δεξιὰ ἢ ἀριστερά.
Зл: не оуклонисѧ ни налѣво ни надесно. П: не оуклонисѧ ѿ
гѧа надесно ꙗли налѣво.

ἀρχιερεύς: ἀρχιερεύς. Зл: старѣишина сѣѣничъ. П:
началочниститель. Ὁ δὲ Κύριος καὶ μέγας ἀρχιερεύς φησὶν.
Зл: гдѣ же и великѣи старѣишина сѣѣничскѣи ... рече.
П: Гѣ же великѣи архієрен рѣ.

ἀρχων: Ἀρχοντα γὰρ τοῦ λαοῦ σου οὐκ ἐρεῖς κακῶς. Зл:
старѣишинѣ людиѣ своиѣ да не речеши зѣла. П: кнѣзю во
людѣи своиѣ не речеши зла.

δέον: δέον οὖν ἐστίν. Зл: подобно оубо кстѣ. П: лѣпо
оубо ѣ.

διάκονος: διακόνους. Зл: слоужителемъ. П: діакѡмъ.
Οὐ γὰρ βρωμάτων καὶ πομάτων εἰσὶν διάκονοι. Зл: не брашнѡу
во и питію соуѣ слоужителе (Т: слоужитѣи). П: не браш-
номъ во и питіемъ соуѣ слѡгы.

ἐλπίς: τῆς Ἐλπίδος ἡμῶν. Зл: надѣжею нашею. П: оупо-
ваніѧ нашего.

ἐντρέπομαι: Ὁμοίως πάντες ἐντρεπέσθωσαν τοὺς διακόνους
ὡς Ἰησοῦν Χριστόν. Зл: такоже вѣси да чѣтоуѣ слоужителѧ
ѡко самого хѣа. П: тако ꙗ вѣси да страмляютсѧ діакѣ ѡко
ісѣу хѣа.

ἐπίσκοπος: Τῷ ἐπισκόπῳ προσέχετε. Зл: кпѣомъ. кѣни-
манте. П: впѣпа послѡманте. Χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου. Зл: вѣс
пискоупѧ. П: крѣмѣ впѣпа. Ὁ τὸν ἐπίσκοπον τιμῶν. Зл: ниже
во сѣла чѣтетѣ. П: ꙗже впѣпа чтѣи.

ἐπιστέλλω: Ὁ Θεοφόρος Ἰγνάτιος ἐπιστέλλει, λέγων. Зл:
Богоносивѣи игнатіе. повелѣвактѣ гѧа. П: Бѣносивѣи игнатіе

πρὶς μιλίῃ (Синод. сп. XIV в. № 153, л. 108: посылаетъ)
гласъ.

ἐπισυνάγω: ἐκεῖ ἡ καθολικὴ Ἐκκλησία ἐπισυνάγεται: Зл: тоу съборнаѣ цр҃кѣ съходитѣсѣ. П: τὸ σὺν ἁνὰ цр҃кῃ σὺν-
ράѣтсѣ.

εὐάρεστος: τοῦτο καὶ τῷ Θεῷ εὐάρεστον. Зл: се и вѣи
вѣгооугодно кстѣ. П: τὸ τὸ εὐγ годѣ ѣстѣ.

εὐλαβέομαι: Ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ σου εὐλαβοῦ τὸν Κύριον. Зл: вѣсею дѣшею теокю вѣгоучствоуи г҃а. П: вѣсею дѣшю сѣ го-
тован г҃оу.

ιερεύς: ὁ ἱερεύς. Зл: сѣнникѣ. П: чистителѣ. Τοὺς ἱερεῖς
αὐτοῦ θαύμαζε. Зл: сѣнникомѣ кго дненсѣ (Т: чѣтѣ воздаван).
П: чистителемѣ ѣго дѣнсѣ. Дѣзѣзе ѣереѣ. Зл: славн сѣнника.
П: славн чистителѣ. См. слово: ὑπερηφάνια.

καλέω: ὁ καλούμενος ὑπὸ τοῦ Θεοῦ. Зл: зѣваннн ѣ вѣ.
П: нарѣцаемнн вѣмѣ.

κηρύσσω: τὸ δὲ Πνεῦμα ἐκήρυσεν. Зл: доухѣ же пропо-
вѣда. П: дѣхѣ же повѣда.

λατρεύω: τῷ διαβόλῳ λατρεύει. Зл: днѣволоу слоужитѣ.
П: дѣволод работѣ.

ρίκειώω: οὗς (= τοὺς ἱερεῖς) γὰρ ὁ Θεὸς ὤκειώσατο καὶ ἐδόξαsen.
Зл: кже нзвѣра г҃ѣ и прославн. П: кѣ оуѣво вѣ ѡпрѣснн и
прославн.

ὀνομάζω: ὡς περ ὅπου περ ἂν ὀνομασθῇ Χριστὸς Ἰησοῦς. Зл: кже ндеже (Т: ндеже во) нарнцѣктѣсѣ хсѣ. П: кже ндеже
именовасѣ хсѣ г҃сѣ.

πράσσω: μηδὲν πράσσειν. Зл: ничѣсже не творити. П:
нѣчто дѣати. Но далѣе переводится одинаково: Ὁ λάθρα ἐπι-
σκόπου τι πράσσω. Зл: а нже отан пискоуѣа чѣто творитѣ.
П: и нже тѣн ѣппа чѣто творнѣ.

πρεσβύτερος: πρεσβυτέροις. Зл: сѣнникомѣ. П: по-
пѣмѣ. Τοὺς δὲ πρεσβυτέρους. Зл: попы же. П: поповѣ же.
προσέχω. См. слово: ἐπίσκοπος.

συνηγορέω: συνηγορεῖ δὲ τῷ λόγῳ καὶ ὁ Νομὸς λέγων. Зл:

сѣвѣтьствоуѣтъ же (Т: послѣдшествоуѣтъ же) словеси сегоу
и законъ гл҃а. П: сѣгласѣет же словеси и законъ гл҃а.

ὑπερφανία: Καὶ ἄνθρωπος, ὃς ἂν ποήσει ὑπερφανίαν τοῦ
μὴ ἀκοῦσαι τοῦ ἱερέως. Зл: чл҃кѣ во иже (Т: слова: иже — нѣтъ)
аще сѣтворитъ прѣзрѣнник. кже не послоушати сѣенника.
П: и чл҃кѣ иже аще теорѣ прѣзоріе не послѣшати чистителя.

ὑπηρετής: Ἐκκλησίας Θεοῦ ὑπηρετάι. Зл: цр҃квѣмъ вѣнимъ
соутъ слоугы. П: цр҃кен вѣнн работници соу.

φαίνω: Ὅπου γὰρ ἂν φαυῇ ἐπίσκοπος. Зл: иже во явнѣтсѣ
ѣпѣ. П: идеѣ аще боудѣтъ ѣпѣ.

Приведенные примѣры съ достаточною ясностію показы-
ваютъ, что, съ одной стороны, въ полныхъ спискахъ перевода
Пандектъ Антиоха и, съ другой стороны, въ спискахъ Злато-
струя мы имѣемъ два совершенно разные перевода главы 124-й
Пандектъ Антиоха. Кромѣ того, нѣкоторые изъ приведенныхъ
примѣровъ (напр. подъ сл. αἰδεῖσθαι, ἀποφέρω) указываютъ на то,
что различія въ переводѣ зависятъ не отъ переводчика, а отъ
различія самыхъ оригиналовъ, которые были подъ руками пере-
водчиковъ. И дѣйствительно, можно указать нѣсколько характер-
ныхъ отличій въ текстѣ 124 главы Пандектъ по спискамъ пол-
наго перевода Пандектъ и по спискамъ Златоструя, которыя
ясно показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ двумя
различными переводами, но и съ двумя различными редакціями
греческаго оригинала статьи. Во-первыхъ, можно указать нѣ-
сколько мѣстъ, гдѣ переводъ Златоструя ближе къ греческому
тексту, изданному въ Patrologia аббата Migne'я. Именно:

1. Δέον οὖν ἐστὶν αὐτοὺς φυλάσσεσθαι τὰ ἐγκλήματα ὡς πῦρ.
Зл: подобно оубо ксть хранити реченны ихъ яко огнь. П: аѣ-
по оубо ѣ хранитисѣ грѣховѣ яко ѡгна.

2. Два мѣста, приведенныя выше подъ словами: αἰδεῖσθαι и
ἀποφέρω.

Однако, отличія эти не существенны. Наоборотъ, во многихъ
мѣстахъ текстъ Златоструя рѣзко отличается отъ греческаго
подлинника, между тѣмъ какъ переводъ по списку Пандектъ

Αντιόχα въ этихъ мѣстахъ близко къ греческому тексту 124-й главы Пандектъ. Приводимъ эти мѣста:

1. Οὐκ ἔξόν οὖν ἔστιν χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου, οὔτε βαδίζειν, οὔτε ἀγάπην ποιεῖν, ἀλλ' ὁ ἄν' ἐκεῖνος δοκιμάσῃ, τοῦτο καὶ τῷ Θεῷ εὐάρεστον. Π: не подоваеть оубо безъ еѣпа ни крематн нѣ лювве теорити. нѣ еже ѡще ѡнѣ нскѡсѣн то то боу годѣ естъ. Въ Зл. только: неподовѣно оубо ксть ве сѣла ни крѣстити. ни любѣве теорити. се и бѣи благоугодно ксть.

2. Ὅμοιως πάντες ἐντρεπέσθωσαν. . . τοὺς. . . πρεσβυτέρους ὡς συνέδριον Θεοῦ, καὶ ὡς δεσμὸν ἀποστόλων. Π: такоѣ н вси да страмаются. . . поповѣ. . . яко н събора еѣѣла. н яко оузы аѣпакы. Въ Зл: такоже вси да чьтоутъ. . . попы. . . (Т: акы) съпрѣстольники аѣла. и съпроугы (Т: сѣпроугы) аѣломѣ.

3. Αποδανείται ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος. Π: да оумре чѣлкѣ тѣ. Въ Зл: достоннѣ ксть чѣлкѣ тѣ съмьрти.

4. Καὶ εἶπεν Κύριος πρὸς Ἀαρών, λέγων· Ἐγὼ μερίς σου καὶ κληρονομία· καὶ λειτουργήσῃ ὁ Λευὶ εἰς τὴν σκηνὴν τοῦ μαρτυρίου. Π: н рѣ гѣ аѣронѡ гѣла. и послѡжитѣ левѣтннѣ сѣни сѣѣдѣнѣла. Въ Зл: рече гѣ къ аѣроноу гѣѣ ты. слоужитель ксть кровѣ сѣѣдетельствѡ (Т: И пакы рече гѣѣ къ аѣронѡ. гѣѣ ты къ слѡжаѣиѣ мнѣ во храмѣ сѣѣдѣнѣла).

5. Καὶ ἐπάγει, λέγων· «Ἐρωτῶμεν δὲ ὑμᾶς, ἀδελφοί, εἰδέναι τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν, καὶ προϊσταμένους ὑμῖν ἐν Κυρίῳ, καὶ νοουθετοῦντας ὑμᾶς, καὶ ἡγεῖσθαι αὐτοὺς ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐν ἀγάπῃ, διὰ τὸ ἔργον αὐτῶν εἰρηνεύετε ἐν ἑαυτοῖς». Καὶ πάλιν, «Οἱ πρεσβύτεροι διπλῆς τιμῆς ἀξιούσθωσαν. Μάλιστα οἱ κοπιῶντες ἐν λόγῳ καὶ διδασκαλίᾳ. Π: н прѣводѣтѣ гѣла, молим же вы враѣ видѣти трѡжаюмааса въ васѣ н прѣставники наша ѡ гѣ. и наказыаеѣ. н ѡмѣните ѣ. прѣѣзаниха въ любовь за дѣло нѣ мирѡните же въ севѣ. н пакы, попове сѡгоуеѣ чьсти да вывѣѡтѣ. пачеѣ трѡжаюѣиѣнса въ словеси н оученѣи. Въ Зл. только: и приводить гѣла молимѣ же вы братнѣ вѣдѣти и трѡжаюѣиѣнса въ васѣ. оуѣѣжати ѣ паче излнха доѣро творити любѣвѣню.

6. Οὐ θέμις τοίνυν ποτὲ ἱερεῖ ἀντιστῆναι. Π: недостоѣ оубо

николи^н чистителю противѣтиса. Зл: нѣсть речено нѣне. ни дрѣвеле сѣнникоу^н противелатиса.

Приведенныя мѣста ясно показываютъ, что переводчикъ слова, составляющаго въ полномъ Златоструѣ гл. 98-ю (въ Златоструѣ XII в. гл. 25), имѣлъ передъ собою главу 124 Пандектъ Антиоха не въ той редакціи, въ какой имѣлъ ее переводчикъ полного собранія Пандектъ этого писателя, хотя и текстъ этихъ послѣднихъ у переводчика также нѣсколько отличался отъ изданнаго въ *Patrologia* аббата Migne'я. Отмѣченныя различія, а равно и пропуски въ текстѣ слова, находящагося въ Златоструѣ, общія какъ тексту рукописи XII вѣка, такъ и Златострую полного извода, подтверждаютъ это заключеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все содержаніе слова и его объемъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что имѣющееся въ Златоструѣ слово не «подобно» только 124-й главѣ Пандектъ Антиоха, какъ выразился осторожно въ своемъ изслѣдованіи Златоструя по рукописи XII вѣка г. Малининъ, а есть не что иное, какъ переводъ именно этой 124 главы Пандектъ Антиоха. Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что какъ въ рукописи XII вѣка, такъ и въ полныхъ спискахъ Златоструя слово это усваивается Іоанну Златоусту и внесено было въ Златоструй лишь потому, что составителю оно извѣстно было съ именемъ этого знаменитаго отца церкви, такъ какъ составитель Златоструя «сего блженнаго ѡуана златоустаго почюудивьса. словеснѣи мдрости. и благодѣти стго дха. извыкъ емѣ чистѣ вса кнѣгы. и изера вса словеса ѡ всѣхъ его кнѣгы. въ сѣмъ едины сложи кнѣгы»¹⁾, т. е. въ Златоструй. Ясно, что и на греческомъ языкѣ глава 124 Пандектъ Антиоха, въ нѣсколько измѣненной редакціи, извѣстна была отдѣльно и приписывалась Іоанну Златоусту. Статья эта, вѣроятно, помѣщалась съ именемъ сего отца Церкви въ сборникахъ статей, извлеченныхъ изъ тво-

1) Прологъ царя Симеона. В. Малининъ. Изслѣд. Златоструя по рукописи XII в., стр. 80—81.

реній преимущественно Іоанна Златоустаго, въ родѣ сборниковъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ катенъ, и оттуда могла попасть и въ нашъ Златоструй.

Такимъ образомъ относительно главы 98 полного извода Златоструя (гл. 25 рукописи XII вѣка) позволительно, какъ кажется, сдѣлать такое заключеніе:

1. Глава 98-я полного извода Златоструя есть переводъ 124-й главы Пандектъ Антиоха.

2. Переводъ статьи въ Златоструѣ не заимствованъ изъ полного перевода Пандектъ Антиоха, а сдѣланъ самостоятельно.

3. 124 гл. Пандектъ Антиоха обращалась на греческомъ языкѣ отдѣльно въ нѣсколько измѣненной редакціи и надписывалась именемъ Іоанна Златоустаго, въ каковомъ видѣ и попала въ славянскій Златоструй.

Златоструй Императорской Публ. Б-ки, XII в., Фп. I, № 46, л. 51.

іѡ. злѡ. оѣ. ѡ части свѣщенникъ слоко. гн влѣвн. *).

Богоносивын игнатіе¹⁾. повелѣкакъ глѡ кѣпомъ. вѣннманте да н бѣ ваша дѡша примъ спсѣтъ²⁾.

Migne. Patrologiae cursus completus, ser. graeca, t. 89, p. 1415.

Pandectes scripturae divinitus inspiratae ven. patris Antiochi, laurae sancti Sabae monachi.

Pag. 1820: Λόγος ρηδ'. Περί τοῦ αἰδεῖσθαι ἱερεῖς.

Ὁ Θεοφόρος Ἰγνατίος ἐπιστέλλει, λέγων· «Τῷ ἐπισκόπῳ προσέχετε, ἵνα καὶ ὁ Θεὸς ὑμῖν.

Импер. Публ. Б-ки, рукопись XVI в. F. I, № 217. (Толст. I, № 46). Пандекты Антиоха.

л. 52: ѡ то¹⁾ ѡже стыдѣтисѡ сѣенны²⁾. рѣд.

Бѣгоносивын игнатіе прѣсмылѣе глѡ. вѣкпа послѣдшанте да н бѣ вастѣ.

Разнотченіи по полн. списку Златоструя И. П. Б-ки: F. I, № 218. (Толст. I, № 47), л. 68 об.: *) нже во сѣмъ ѡца ншго іѡа златоустѡго ѡ чти сѣенникъ. слѡво влѣгосавын ѡчѡ. 1) игнатій. 2) да і бѣъ ваша прѣмъ спсѣтъ.

ПОВИННОЮЮРИНИМСА
ПІНОУ¹⁾ И СЦЕННИКОМЪ И
СЛОУЖИТЕЛЕМЪ. СЪ
ТѢМИ ЧАСТЬ ИМЪ ВОУ-
ДИМѢТИ О БѢ²⁾ И ПА-
КЪ И ПАСЛОУШАХОМЪ
(sic) ѿ НЕМЪ ЖЕ КЛЖЮ
[ѿКО] (ВЫТЕРЛОСЬ) ѿ
ПАТІИ ЧЛОВѢЧЕСКЪ НЕ
РАЗОУМѢХЪ³⁾ ДОУХЪ
ЖЕ ПРОПОВѢДА СИЦЕ
ГЛА. ВЕС ПИСКОУПА НЕ
ТЕОРИТЕ НИЧЬСОЖЕ⁴⁾
ПОДОВАКЪ ОУБО ВЕС
ПИСКОУПА НИЧЬСОЖЕ⁵⁾
НЕ ТЕОРИТИ НАМЪ. ИЖЕ
ВО⁶⁾ ІВЛЕНІА ІПІПЪ
ТОУ И МНОЖЕСТВО
ВЛГЫНЪ ВОУДЕТЬ. ІКО-
ЖЕ ІДЕЖЕ⁷⁾ НАРИ-
ЦАКЪСА⁸⁾ ХСЪ. ТОУ⁹⁾
СЪВОРНІА ЦРКЪ СЪ-
ХОДИТЬСА.

НЕ ИЖЕ ВО¹⁰⁾ ХОТАТЬ
ПАСОУТЬСА ОВЪЦА СТА-
ДА. НЪ ІДЕЖЕ ІА ПА-
СТОУСИ СЪНАВѢДАТЬ.
БЪНѢ ЖЕ СТАДА ѾСТА-
ЮЩАІА.¹¹⁾ РАСХЪЩАЮТЬ

Ἀντίφυχον ἐγὼ τῷ
ὑποτασσομένῳ ἐπισκό-
πῳ, πρεσβυτέροις τε καὶ
διακόνοις, μετ' αὐτῶν μοι
γένοιτο τὸ μέρος ἔχειν
ἐν Θεῷ». Καὶ αὖθις,
«Μάρτυς μοι, ἐν ᾧ δέδε-
μαι, ὅτι ἀπὸ σαρκὸς ἀν-
θρωπίνης οὐκ ἔγνων».
Τὸ δὲ Πνεῦμα ἐκήρυσσεν
λέγων τάδε. Χωρὶς τοῦ
ἐπισκόπου μηδὲν ποι-
εῖτε. Χρὴ οὖν ἄνευ τοῦ
ἐπισκόπου μηδὲν πράσ-
σειν ἡμᾶς. Ὅπου γάρ
ἂν φανῇ ἐπίσκοπος, ἐκεῖ
τὸ πλῆθος ἦτω. Ὡς-
περ ὅπου περ ἂν ὀνο-
μασθῇ Χριστὸς Ἰησοῦς,
ἐκεῖ ἡ καθολικὴ Ἐκκλη-
σία ἐπισυνάγεται.

Οὐ γὰρ ὅπου βού-
λονται βαδίζουσιν τῶν
θρεμμάτων αἱ ἀγέλαι,
ἀλλ' ἐνθα περ οἱ ποιμέ-
νες αὐτὰς ἀποφέρου-
σιν. Τὰ δὲ ἔξω τῆς

ЗАДШІЕ АЗЪ ПОВИННОЮ-
ЦИМСА ЕПІПОУ. ПОПОМ
ЖЕ И ДІАКОМЪ СЪ НИМИ
ЧАСТЬ БОУДИ ИМѢТИ
ѿ БѢ²⁾. И ПАКЪ, ПО-
СЛДХЪ МИ Ѣ ІГО ЖЕ РД³⁾
СМЪ. ІКО ѿ
ПАТІИ ЧЛКА НЕРАЗУМѢ⁴⁾
ДХЪ ЖЕ ПОВѢДА МИ
ГЛА СІЦЕ, КРЪМѢ ІПІПА
НИЧТО⁵⁾ НИ ТЕОРИТЕ.
НЕ ПОДОВАѢ ВЕЗЪ ІПІПА
НИЧТО⁶⁾ ДѢАТИ НА⁷⁾. ІДЕ⁸⁾
АЩЕ ВОУДЕТЬ ІПІПЪ.
ТОУ МНОЖЕСТВО ВДН.
ІКО ІДЕЖЕ ІМЕНОВАСА
ХС ІС, ТО СЪВРАНАД
ЦРКЪ СЪВІРАЕТСА.

НЕ ІМОЖЕ ХОТАТЬ
ІДОУ ПАСОМА СТАДА,
НЪ ІМОЖЕ ПАСТОУСИ
ІА КЛОНА. А ѾСТАЮЩА
КРЪМѢ СТАДА, РАСХЪ-
ЩАЮТЬ ІО ЗЕВРІЕ, І

1) повинноицимса епко.
послхъ ми іго же ради клжю іко ѿ оустъ члчъ нераззумѣхъ.
чтожи. 6) ідеже ко аци. 7) Вм.: ікоже ідеже — въ сп. XVI в. только: ідеже ко.
8) нарицаѣтса. 9) тоу н. 10) не ідеже ко. 11) крѣмѣ же стада и постѣха
остаѣша.

2) с тѣми и часть имъ боудѣтъ ѿ бѣ.

3) і пакы

іко ѿ оустъ члчъ нераззумѣхъ.

4) ничто же.

5) ни-

чтожи. 6) ідеже ко аци. 7) Вм.: ікоже ідеже — въ сп. XVI в. только: ідеже ко.

8) нарицаѣтса.

9) тоу н.

10) не ідеже ко.

11) крѣмѣ же стада и постѣха

и¹⁾ зѣѣрик и пицію севѣ творать заблаоужьшними. неподобно²⁾ оубо ксть ве сѣла ни крѣстити. ни любѣве творити. се и бѣи блгооугодно ксть.

иже бо сѣла чѣтеть. то ѿ нѣа почтенѣ боудеть. а иже отан пискоупа³⁾ чѣто творитъ. то днѣволоу слоужитъ. ноужда⁴⁾ ксть повиноватиса и попомъ. ѿко н апломъ хѣомъ. надѣжею нашею. да видими ими обрацѣмъсѣ. подобактѣ же и днѣкомъ.⁵⁾ рекъше слоужителемъ танинъ хѣвъ. по кѣсемоу образоу вѣсѣмъ оугажати.⁶⁾ не брашноу бо и питию соутъ слоужители⁷⁾ нѣ цркѣамъ вѣжнѣамъ соутъ слоуж-

ἀγέλης ἀπομένοντα δι-
αρπάζουσιν οἱ θῆρες,
καὶ τροφήν ἑαυτῶν
ποιοῦνται τὸ πεπλανη-
μένον. Οὐκ ἔξόν οὖν
ἔστιν χωρὶς τοῦ ἐπισ-
κόπου, οὔτε βαδίζειν,
οὔτε ἀγάπην ποιεῖν,
ἀλλ' ὁ ἄν ἐκεῖνος δοκι-
μάσῃ, τοῦτο καὶ τῷ
Θεῷ εὐάρεστον.

Ὁ τὸν ἐπίσκοπον τι-
μῶν, ὑπὸ τοῦ Θεοῦ τι-
μᾶται. Ὁ λάδρα ἐπι-
σκόπου τι πράσων, τῷ
διαβόλῳ λατρεύει. Ἀναγ-
καῖον δέ ἐστιν, ὑπο-
τάσσεσθαι καὶ τῷ πρεσ-
βυτερίῳ, ὡς ἀποστόλοις
Ἰησοῦ Χριστοῦ, τῆς
Ἑλπίδος ἡμῶν, κατὰ
πάντα τρόπον πᾶσιν
ἀρέσκειν. Οὐ γὰρ βρω-
μάτων καὶ πομάτων εἰ-
σὶν διάκονοι, ἀλλὰ Ἐκ-
κλησίας Θεοῦ ὑπηρέται.
Δέον οὖν ἐστὶν αὐτοὺς
φυλάσσεσθαι τὰ ἐγκλή-
ματα ὡς πῦρ.

пицѣ севѣ творать
владѣице. не подо-
баеть оубо везѣ еѣпа
ни крецати нѣ любве
творити. нѣ ѣже аѣме
ѡнѣ искусѣи то то
боу годѣ есть.

иже еѣпа чтѣ. то ѡ
бѣ честенъ ѣ. и иже
тан еѣпа что творѣ,
то дѣаволѣ рабѡтаѣ.
нѣжно же ѣ повинно-
ватиса и прѣзвѣтеръ-
ствѣ ѡко аплау¹⁾ ісѣ
хѣа оупованѣа нашего.
ѡ нем же живѣще в
немъ ѡбрацѣмъсѣ.
пѣвѣ же и дѣако²⁾
ѡко слѣжителемъ свѣ-
це танинъ іс хѣв по
ксемѣ ѡвразѣ вѣмъ
гѣдѣти. не брашномъ
бо и питѣемъ соу
слѣгѣ. нѣ цркѣи еѣжѣ
рабѡтѣици соу. лѣпо
оубо ѣ хранѣтиса
грѣховѣ ѡко ѡгнѣ.

1) слова: и — нѣтъ. 2) неподобен. 3) еѣ еѣпа. 4) нѣжа тѣ. 5) дѣакоѣ.
619) оугажати. 7) слоужитѣлѣи.

глы.¹⁾ подобно оубо ксть хранити реченихъ ѿко огнь.²⁾

такоже вси да чьтоуть слоужителя ѿко самого х̃са.³⁾ а кппа ѿко ѿца х̃ва ба.⁴⁾ попы же⁵⁾ съпрѣстоальники апла.⁶⁾ и съпроугы⁷⁾ апломъ ве сихъ во цр̃кы нарицаются.⁸⁾ съвѣтствоуютъ⁹⁾ же словеси семоу и законъ гл̃а. храни зѣло по всемоу кинко аще речеть ти сѣиикъ. да¹⁰⁾ сътвори¹¹⁾ не оуклониса ни налѣво ни надесно¹²⁾ ѿ гл̃а ихъ.¹³⁾ чл̃къ во нже¹⁴⁾ аще сътворитъ прѣзрѣнникъ. кже не послужити сѣииника достоннъ ксть чл̃къ тъ¹⁵⁾ съмьрти.

рече и¹⁶⁾ пр̃ркъ малахиа. оустьноу сѣииничскоу гл̃ы съхрани. разоумъ и зако-

Ὁμοίως πάντες ἐν-
τρεπέσθωσαν τοὺς δια-
κόνους ὡς Ἰησοῦν Χρι-
στὸν, καὶ τὸν ἐπίσκοπον
ὡς τὸν Πατέρα· τοὺς δὲ
πρεσβυτέρους ὡς συνέ-
δριον Θεοῦ, καὶ ὡς δεσ-
μὸν ἀποστόλων· χωρὶς
τούτων Ἐκκλησία οὐ
καλεῖται· συνηγορεῖ δὲ
τῷ λόγῳ καὶ ὁ Νόμος
λέγων· «Φυλάτῃ σφό-
δρα κατὰ πάντα, ὅσα
ἂν εἴποι σοι ὁ ἱερεὺς,
ποιήσεις· οὐκ ἐκκλίνης
ἀπὸ τοῦ ρήματος δεξιὰ
ἢ ἀριστερά. Καὶ ἄνθρω-
πος, ὃς ἂν ποιήσῃ ὑπερη-
φανίαν τοῦ μὴ ἀκοῦσαι
τοῦ ἱερέως, ἀποδανεῖται
ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος».

Ὁ δὲ προφήτης Μα-
λαχίας φησὶν, «Χεῖλη
ιερέως φυλάξει γινῶσιν,
καὶ νόμον ἐκζητήσου-

такъ и вси да стра-
мляются диакъ ѿко
іс̃у х̃а. а еппа ѿко
ѿца, поповъ же ѿко
и събора бж̃а. и ѿко
оузы апл̃кы. безъ сн̃
во цр̃кы не нарицетса.
съгласует же словеси
и законъ гл̃а. съхра-
ните зѣло по всему
елко аще рече ти чи-
ститель. сътвориши
не оуклониса ѿ гл̃а
надесно или налѣво. и
чл̃къ иже аще творитъ
прѣзрѣ не послужити
чистителю. да оумре
чл̃къ тъ.

пр̃ркъ же малах̃а.
оустнѣ чистителевъ
рече да храните раз-
умъ, и законъ изы-

1) по еѣимъ цр̃квѣмъ слоужать. 2) ѿко и огнь. 3) ѿко і ѿца. 4) ікы
самого х̃а. 5) же акы. 6) апла. 7) съпроугы. 8) цр̃кѣи ни нарицаются.
9) послѣдствуютъ. 10) слова: да — вѣтъ. 11) добавлено: и. 12) ни десно.
13) ѿ гл̃а ихъ. 14) пропущено: нже. 15) тѣм. 16) рече же и.

НА ВЪЗНИЦЮТЬ¹⁾ ОТЪ
ОУСТЪ КГО. ЗАНЕЖЕ
ВѢСТЬНИКЪ КСТЬ ГДА
ВСЕДЪРЖИТЕЛА. ВЪ
МИРѢ ИСПРАВЕЛѢ ХО-
ДИ. И МНОГЫ ѠВРАТИ
Ѡ НЕПРАВДЫ ННЪ²⁾
РЕЧЕ ВСЕЮ ДШЕЮ
ТВОЮ³⁾ БЛГОЧЕСТВОУИ
ГДА. И СЦѢНИКОМЪ КГО
ДВЕНСА.⁴⁾ ВСЕЮ СИ-
ЛОЮ ТВОЮ⁵⁾ ВЪЗЛЮ-
БИ СЪТВОРШАДОГО ТА.
И СЛУГЪ КГО НЕ ОСТАВИ.
ВОАНСА ГДА И СЛАВИ СЦѢ-
НИКА.

И ПАКЪ РЕЧЕ ЗА-
КОНЪ. СЦѢНИЦИ (sic)
СОУТЬ ВѢИ СВОЕМД.⁶⁾
ЖРТВЫ ВО ГДЕН. И ДА-
РЫ ГОУ⁷⁾ СВОЕМОУ ТИ
ПРИНОСАТЬ И СТѢИ
СОУТЬ. И ПАКЪ СЦѢНИ
КСТЬ ГГН СВОЕМОУ.
ДАРЫ ВО ГЕН БОУ ВА-
ШЕМОУ ТЪ ПРИНОСИТЬ.
ДА СТЪ КСТЬ ТЕ-
БЕ.⁸⁾ РЕЧЕ ГДА КЪ АРО-
НОУ ГЛЪ⁹⁾ ТЫ. СЛОУ-

σιν ἐκ στόματος αὐτοῦ,
διότι ἄγγελος Κυρίου
παντοκράτορος ἐστίν.
Ἐν εἰρήνῃ κατευθύνων
ἐπορεύθη μετ' ἐμοῦ, καὶ
πολλοὺς ἐπέστρεψεν ἐξ
ἀδικίας». Καὶ ἄλλος·
Ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ σου
εὐλαβοῦ τὸν Κύριον, καὶ
τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ θαύ-
μαζε, ἐν ὅλῃ τῇ δυνά-
μει σου ἀγάπα τὸν ποι-
ήσαντά σε, καὶ τοὺς λει-
τουργοὺς αὐτοῦ μὴ ἐγ-
καταλίπης. Φοβοῦ τὸν
Κύριον, καὶ δόξαζε ἱε-
ρέων.

Καὶ αὖθις ὁ Νό-
μος· «Οἱ ἱερεῖς ἅγιοι
ἔσονται τῷ Θεῷ αὐτῶν·
τὰς γὰρ θυσίας Κυρίῳ
τῷ Θεῷ αὐτῶν αὐτοὶ
προσφέρουσιν· καὶ ἔσον-
ται ἅγιοι». Καὶ πάλιν·
«Ὁ ἱερεὺς ἅγιός ἐστιν
Κυρίου τοῦ Θεοῦ. τὰ
γὰρ δῶρα Κυρίῳ τῷ
Θεῷ ἡμῶν οὗτος προσ-
φέρει, καὶ ἅγιος ἔσται
σοι. Καὶ εἶπεν Κύριος

ЩЕТЬ НЪЗЪ ОУСТЪ ЕГО.
ЗАНЕ, АГГЛА ГДА ВСЕДРЪ-
ЖИТЕЛА ЕСТЬ ВЪ МИ-
РѢ ИСПРАВЕЛѢ ХОДИ
СО МНОЮ, И МНОГЫ
ВЪЗВРАТИ Ѡ НЕПРАВ-
ДЫ. И ННЪ. ВСЕЮ ДШЕЮ
СН ГОТОВАН ГОУ И ЧИ-
СТИТЕЛЕМЪ ЕГО ДВЕН-
СА. ВСЕЮ СИЛОЮ СВОЕЮ
ЛЮБИ СЪТВОРШАДОГО ТА
И СЛДГЪ ЕГО НЕ ѠСТАВИ
ВОАНСА ГДА, И СЛАВИ
ЧИСТИТЕЛА.

И ПАКЪ, ЗАКОНЪ,
ЧИСТИТЕЛЕ СТѢИ ВД-
ДОУТЬ БОУ НЪ. ЖЕРТВЫ
ВО ГОУ ВД СВОЕМД ПРИ-
НЕСОУ И ДА ВДДОУ СТѢИ.
И ПАКЪ, ЧИСТИТЕЛЬ СТЪ
ЕСТЬ ГОУ БОУ СВОЕМД,
ДАРЫ ВО ГОУ БОУ СВОЕ-
МД СЪ ПРИНОСИТЬ, СТЪ
ДА ВОУДѢ И ТЕБѢ. И
РѢ ГДА. ДАРОМД ГЛА. И
ПОСЛАЖИТЬ ЛЕВИТИНЪ
СЪНИ СЕДѢНІА. И ТИ

1) вѣнщи. 2) и ннъ. 3) своєю. 4) чтъ воззвѣнѣ. 5) слова: твоею —
нѣтъ. 6) Сн ѡсѡн'ни соутъ гдѣмъ вѣѣ. 7) вѣни. 8) пропущены слова:
сѡнни юста гѣн своемоу. дары во гѣн боу вашемоу тѣ приносятъ. да сѣѣ юста тѣѣ.
9) глн.

ныне же оуныша¹⁾ оулучи слоужьвы. ѡже²⁾ больша завѣта. и прикводитъ гла мо-
лимъ же кы вратны. вѣдѣти и³⁾ троужаю-
щася къ васъ. оубѣ-
жати ѡ паче излнха
добро творити любѣ-
вию.⁴⁾

лѣпо оубо ксть къ-
злюбьленныкы.⁵⁾ и
дроггы⁶⁾ вѣны чн-
сти⁷⁾. и сѣнники ко
ѡже избъра гла и про-
слави. ноужаши (sic)⁸⁾
чловекомъ дѣлгы
вѣздаѣти.⁹⁾ и¹⁰⁾ не о
себѣ¹¹⁾ кто прикметъ
чѣсть. нѣ¹²⁾ зѣвднѣи
ѡ бѣ. нѣсть речено
ныне. ни дрѣвле¹³⁾

φωρωτέρας τετύχηκεν
λειτουργίας, ὅσον καὶ
χρεῖττονος διαθήκης ἐσ-
τίν μεσότης. Καὶ ἐπάγει,
λέγων· «Ἐρωτῶμεν δὲ
ὑμᾶς, ἀδελφοί, εἰδέναι
τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν,
καὶ προϊσταμένους ὑμῖν
ἐν Κυρίῳ, καὶ νοουθε-
τοῦντας ὑμᾶς, καὶ ἡγεῖ-
σθαι αὐτοὺς ὑπὲρ ἐκπε-
ρισσοῦ ἐν ἀγάπῃ, διὰ τὸ
ἔργον αὐτῶν εἰρηνεύετε
ἐν ἑαυτοῖς». Καὶ πάλιν,
«Οἱ πρεσβύτεροι διπλῆς
τιμῆς ἀξιούσθωσαν. Μά-
λιστα οἱ κοπιῶντες ἐν
λόγῳ καὶ διδασκαλίᾳ».

Πρέπον οὖν ἐστίν,
ἀγαπητοὶ καὶ φίλοι
Θεοῦ, αἰδεῖσθαι τοὺς ἱε-
ρεῖς αὐτοῦ. Οὐδὲ γὰρ ὁ
Θεὸς οἰκειώσατο καὶ ἐδό-
ξασεν, ἀνάγκη καὶ τοὺς
ἀνθρώπους τὴν οφειλὴν
ἀποδιδόναι· καὶ οὐχ ἑαυ-
τῷ τις λαμβάνει τὴν τι-
μὴν, ἀλλ' ὁ καλούμε-
νος ὑπὸ τοῦ Θεοῦ. Οὐ
δέμεις τοίνυν ποτὲ ἱερεῖ

женіе бѣко и лѣчша
завѣта. и прѣводитъ
гла, молимъ же вы
врѣе видѣти трѣжаю-
щася в васъ и при-
ставники ваша ѡ гл. и
наказую вы. и имѣните
ѡ прѣизлнха къ лю-
бови за дѣло нѣ ми-
ръните же къ себѣ. и
пакы, попове сдоужѣ
чѣсти да вывѣдѣтъ.
паче трѣжающася
къ словеси и оученіи.

лѣпо оубо ѣ вѣз-
любленіи и годѣ боу
стѣдѣтиса чистителъ
ѣго. ѡ оубо бѣ ѡпрѣ-
снн и прослави. тѣ
нѣжда ѣ члѣкѣ долгы
вѣздаѣти, нѣбо не ѡ
себѣ кѣто прѣмаетъ
чѣсть нѣ нарѣцаемыи
бѣмъ. недостои оубо
николи чистителю
противѣтиса, прѣти-

1) ннѣ і оуныша. 2) добавлено: н. 3) пропущено: н. 4) оубѣжати (sic)
паче вса творѣти любѣвию. 5) возлюбленіи. 6) ѡны дроггы. 7) чти. 8) нѣжда
ко і. 9) вѣздаѣти нѣмъ. 10) пропущено: н. 11) добавлено: ко. 12) до-
бавлено: н. 13) ннѣсть (sic) речено ннѣ и приже.

сѣѣннику противла-
тиса. противлающии
во сѣ соудъ севѣ при-
кмяють. 1) речено 2)
во ксть старѣшнинѣ
людиѣ сконхъ да не
речеши 3) зѣла. гдѣ
же 4) великѣ старѣ-
шнина сѣѣничскѣхъ.
прикмяли кастъ рече
мене прикмяеть. и
прикмяли мене прик-
мяеть посѣлакъшаа-
го мѣ. и прикмяли
прѣка. 5) пророческоу
мѣздохъ приметь. 6)
и 7) прикмяли правъ-
дника. мѣздохъ пра-
вѣдничю приметь. 8)
томоу слава нѣне
и присно и въ вѣ 9).

ἀντιστῆναι· οἱ γὰρ ἀν-
τιστάμενοι αὐτοῖς, χρί-
μα λήφονται. Ἀρχον-
τα γὰρ τοῦ λαοῦ σου
οὐκ ἐρεῖς κακῶς. Ὁ
δὲ Κύριος καὶ μέγας
ἀρχιερεὺς φησὶν, «Ὁ
δεχόμενος ὑμᾶς, ἐμὲ
δέχεται, καὶ ὁ ἐμὲ δε-
χόμενος, δεχεται τὸν
ἀποστείλαντά με». — «Ὁ
δεχόμενος προφήτην,
εἰς ὄνομα προφήτου,
μισθὸν προφήτου λή-
ψεται. Καὶ ὁ δεχόμενος
δίκαιον, εἰς ὄνομα δι-
καίου, μισθὸν δικαίου
λήψεται». Αὐτῷ ἡ δό-
ξα εἰς τοὺς αἰῶνας.
Ἀμήν.

ващѣхъ вѣсѣ сѣѣ
прѣмля. кнѣзю волюди
скои не речеши зла.
Гдѣ же великѣ архі-
ерен рѣ. прѣмляхъ въ
мене прѣмляеть. а прѣ-
мляхъ мене, прѣмляе
пославаго мѣ. а прѣ-
мляхъ прѣка ко нмѣ
прѣче мѣздохъ прѣю прѣ-
мляеть. и прѣмляхъ
прѣнка во нмѣ пра-
ведниче мѣздохъ пра-
ведничю прѣмляе. ѡ хѣ
исѣ гдѣ наше ѡмоу

1) противлающіи во сѣ соудъ кѣ вѣмляють.

2) писано.

3) речи.

4) про-

пущено: и. 5) добавлено: въ нмѣ прѣчи.

6) мѣздохъ прѣчию прѣмляеть.

7) про-

пущено: и.

8) прѣмляе.

9) и во вѣки вѣкомъ, аминь.

II

Два Измарагда Императорской Публичной Библиотеки.

I.

Въ описаніи рукописей гр. О. Л. Толстова Калайдовича указанъ 1) одинъ Измарагдъ 1509 года. (Отд. I, № 108, по каталогу Импер. Публ. Б-ки F. I, № 225), изъ котораго Калайдовичъ привелъ содержаніе послѣсловія, не указавъ однако состава рукописи, и 2) одинъ сборникъ XV вѣка (Отд. I, № 214, по каталогу Императорской Публ. Б-ки F. I, № 209), при чемъ привелъ и перечень заглавій статей этой рукописи безъ указанія началъ. При подробномъ разсмотрѣніи этого послѣдняго сборника оказалось, что это также Измарагдъ почти тождественнаго съ вышеуказаннымъ (F. I, № 225) Измарагдомъ состава.

Такъ какъ оба эти Измарагда до сихъ поръ не были описаны, то я и позволяю себѣ представить здѣсь ихъ сравнительное описаніе. Оба они заслуживаютъ, какъ я думаю, быть описанными прежде всего уже по своей сравнительной древности. Во вторыхъ, первый изъ этихъ Измарагдовъ интересенъ не только потому, что имѣетъ точную дату, но и потому, что здѣсь поименованы писцы рукописи, и можно установить, кто изъ этихъ писцовъ и какую часть рукописи писалъ, т. е. здѣсь мы имѣемъ два автографа съ точнымъ обозначеніемъ времени жизни писцовъ, а также и мѣста написанія рукописи. Для второго Измарагда описаніе необходимо потому, что въ немъ нѣкоторыхъ частей не достаетъ

и листы въ рукописи спутаны такъ, что безъ описанія трудно имъ пользоваться. Помимо того этотъ послѣдній Измарагдъ заслуживаетъ вниманія потому, что среди добавочныхъ къ нему статей имѣется поученіе, составленное на основаніи рѣдко встрѣчающагося въ славянскихъ рукописяхъ и неизвѣстнаго на греческомъ языкѣ апокрифа: «Откровеніе святого Варуха» (F. I, № 209, лл. 291—293 об.).

Первый Измарагдъ 1506 года (F. I, № 225) написанъ на бумагѣ въ листъ, полууставомъ, въ два столбца. Первая половина рукописи написана довольно блѣдными рыжеватыми чернилами, другая часть рукописи написана болѣе темными чернилами. Рукопись довольно хорошо сохранилась, и лишь нижніе углы всѣхъ листовъ рукописи, съ перваго до послѣдняго, сильно обтрепаны и оборвались. Однако, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ листовъ, ни на одномъ листѣ не тронутъ на оборванныхъ углахъ листовъ самый текстъ рукописи. Переплетена рукопись въ доски, покрытыя темною кожею, съ застѣжками. Переплетъ сохранился прекрасно. Въ бумагѣ водяной знакъ: бычачья голова съ высокимъ между рогами крестомъ, три раза перевитымъ змѣею.

Рукопись не дошла до насъ вполне въ своемъ первоначальномъ видѣ. Начало рукописи — первые четыре листа, на которыхъ помѣщены оглавленіе и начало первой статьи, написаны на другой бумагѣ и другою рукою, полууставомъ XVII вѣка, также въ два столбца, чернилами черными и болѣе яркими, чѣмъ вся рукопись. Писецъ, которому принадлежатъ эти четыре листа, удачно подвелъ текстъ, закончивъ недостававшій текстъ какъ разъ въ самомъ концѣ 4-го л. об. Кромѣ того въ рукописи не оказалось лл. 12, 13, 14 и 30, но они дополнены позднѣе. Листы эти написаны на болѣе бѣлой бумагѣ, съ особымъ водянымъ знакомъ, неискуснымъ полууставомъ XVII—XVIII вѣка, въ одинъ столбецъ. Писецъ не подвелъ хорошо текста, и потому нижняя половина л. 14 об. осталась бѣлою, а на л. 30 об. ему пришлось стѣснить послѣднія строки, чтобы уписать весь текстъ.

Подлинная рукопись оканчивается на первомъ столбцѣ листа 271-го. Послѣ окончанія текста Измарагда писецъ внизу 1-го столбца написалъ:

СЛАВА ЕДИНОМУ ВЪ СѢ
 ВРЪШЕНШЕМОУ ВСАКО
 ДѢЛО БЛАГО ДАВЕШЕМОУ
 ПО НАЧАЛАѢ
 КОНЕ
 ЦѢ
 А
 МИ
 НЬ.

Весь второй столбец листа 271-го занять слѣдующимъ послѣсловіемъ:

В' лѣто. 73. 51. мѣца марта
л. днѣ. к патѣ. кончана
вышла книга сіа. рекомаѧ
измарагдъ. При вѣговѣхъ
рно^х велико^х книзѣхъ васи^е
ивановичѣхъ и всемъ рѣ;
И при архієписѣпѣхъ нашемъ
сѣмонѣ митрополитѣхъ
всемъ рѣ. въ вѣспасаемѣхъ
градѣхъ галичѣхъ. въ ѡбитѣ-
ли стѣхъ ѡникъ и чюдотворецѣхъ
фрѣла и лабра. Строены^х
и попеченіемъ гна ншѣхъ
матѣѣхъ ивановича суди
мантова. рукою мно
гогрѣшиа игумена ва
сіана. да фѣка попова
сіа родиѡнова. а гдѣ

вѣдѣ^х в своѣй грѣбности
 ѿли свои^х нераденіємъ
 ѿписалиса в' книзе сей
 ѿ бы вѣ рѣ^х, свои^х ѿмѣ^х
 ѿ со кннманіе^х сами ѿспр
 вите. а нѣ не позаслоveni
 те. но заслоveni ѿ про
 кинанте ѿвѣща^х нашѣ в. .
 га діавола. матѣща. . . .
 . наши^х.
 а вѣ мира. воу¹⁾.

Такимъ образомъ изъ этого послѣсловія узнаемъ, что рукопись написана въ 1509 г. и закончена 30-го марта, написана въ Галичѣ, въ монастырѣ свв. Фрола и Лавра, строеніемъ и попеченіемъ Матѣя Ивановича Судимантова. Писцы: игуменъ Вассіанъ и поповскій сынъ Ѳеодоръ Родіоновъ. Изъ сравненія почерковъ рукописи съ почеркомъ послѣсловія видно, что первая часть рукописи написана Ѳеодоромъ Родіоновымъ, а именно съ начала рукописи до сл. 127: «пав'ла аѿла заповѣѣ». Въ означенномъ словѣ съ л. 170 об. начинается съ седьмой строки 1-го столбца почеркъ игумена Вассіана и продолжается до конца рукописи. Кромѣ того въ части рукописи, написанной Ѳ. Родіоновымъ, въ словѣ 126-мъ сѣтънѣ ѿцѣ. како хрѣтіанѣмъ жити на л. 167 об. семь строкъ перваго столбца, второй столбецъ и л. 168 до л. 168 об. написаны третьею рукою, не принадлежащею ни первому, ни второму писцу. Такимъ образомъ въ первоначальномъ написаніи рукописи участвовали три писца и дополнили рукопись два писца.

На л. 2 об., 3 и 3 об. имѣется поздняя неискusstная запись: сия книга москова (sic) купца васили яковлева. На л. 48 и 49 другая запись скорописью и другою рукою: прода^х Чюдоева монастыря, на л. 77: недрѣев' тихѣенъ и на л. 89:

1) Точками обозначены мѣста, оборванные въ рукописи.

И рѣку приложѣ. За тѣмъ на лл. 200 об. и 201 имѣется еще новая запись внизу листовъ: «сѣа книга села острова леонѣтиа никитина».

Тою же рукою, какою написаны записи на лл. 48, 49 и 77, сдѣланы въ рукописи исправленія текста словъ съ 30 по 40 включительно. Напр. на л. 37: послѣ словъ: ни гравите, ни крадите—сверху строки надписано: ни наслаўите. На л. 41: луче вы (поправлено: лоуч^{ше} вы) не гравити неже (поправлено: неже^ш) чюжи^{мъ} теорити (поправлено: творити^т) нѣ во

^{члоуѣкъ то есть}

на ползоу (поправлено: нѣ во на ползоу). Въ большинствѣ древнѣй текстъ не тронуть, но есть мѣста, гдѣ перемаранъ и самый текстъ. Напр. л. 42 об. Древнѣй текстъ: а не подаа вѣга рѣ. оумрети ѿ ѿставити всѣ. Поправлено: а не подаа вѣга

^{всегомъ}

рѣ. оумреть ѿ ѿставитъ всѣ. Л. 46. дроуга си. Поправлено: дроуга своего. Л. 46 об.: ѿже во ктѣ лѣниваго на оугоженнѣ вжнѣ востритъ. Поправлено: ѿже во ктѣ лѣ-

^{члоуѣка}

ниваго на оугоженнѣ вжнѣ приведетъ.

Въ одномъ мѣстѣ рукописи перепутаны листы. Слѣдуетъ читать: лл. 109, 109 об., л. 120—129 об., л. 110—119 об., л. 130, 131 и т. д.

Первый листъ рукописи значительно потрепанъ и съ оборота въ трехъ мѣстахъ подклеенъ, хотя текстъ сохранился. Сверху первого листа оставлено мѣсто для заставки. Начинается рукопись оглавленіемъ, которое хотя написано въ два столбца, но строки идутъ черезъ оба столбца такъ, какъ будто рукопись написана въ одинъ столбецъ. Слѣдуетъ оглавленіе:

л. 1. (Гл)авы извѣстн
цѣла книги. глѣмь
ваѣви ѿ.
шего. і ѿанна зла
чтѣннѣ вжтѣнны^т

мѣ. настоа
измарагда. гѣ
Иже ко сты^т ѿца на
таоуѣстаго. ѿ
писаннѣ.

Нач. Прїидеѣ брѣв. да слышимъ слово ползы дхѣныа испол'нено. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 3. Стр. 172.)

л. 7. Слово д̄. ѿб̄. іѡана златаѡутаго. како не лѣнитиса книгъ честї. гї влѣи ѡче: ѿ

Нач. Мнози непочитаньель вжтѣнагѡ писанїа. съ пракаго поѡти съвератиша. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 4. Стр. 172. Ср. 1-й ред. сл. 4. Стр. 11.)

л. 8. Слово е̄. слб̄. стго ѿфрѣма. како слоушаѣ книгъ.

Нач. ѿгда брате лоукавыи ти помыслаѣ оумъ моути. оутѣшиса почитанїемъ стынъ книгъ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 5; ред. 1-я, сл. 3-е. Стр. 172 и 11.)

л. 8 об. Слово з̄. слб̄. стынъ апл̄. и стынъ ѡц̄. како жити хртїанѡмъ.

Нач. Подобаѣтъ всакомоу хртїаниноу чѣо жити. и вса с рассмотренїемъ творити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 6. Стр. 172.)

л. 9 об. Слово з̄. слб̄. іѡана златаѡута ѡ глцӣ. яко немоушно спїтиса в' миру.

л. 10. Нач.: Извѣстно да ѿ. яко не спїтъ мѣсто нѣ. аще не с'твориѣ вола внѣ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 7. Стр. 172.)

л. 10 об. Слово ӣ. сло. іѡана златаѡутаго. ѡ гордѣни.

Нач. Да яко сѣ непотребляемъ. ѡ вхрастїа (sic) не може расти. тако члѣкъ гордъ не можетъ спїтиса. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 8. Стр. 172. Ред. 1-я, сл. 14. Стр. 13.)

л. 11 об. Слово д̄. слб̄. стго іѡана злѡѡу ѡ кленоуциса во ажѡ.

Нач. ѿга во кого видиши живѡуща въ злобьнеѣ богатствѣ. ничего ни приемающа злѣ. не влжї ѿ. но пла

Здѣсь обрывается письмо писца подлинной рукописи, и статья продолжается на вставленных и написанных въ XVII—XVIII в. листахъ словами: чи и скорби. ѡномѣ во лѡтыа мѣки примѣтъ такоаго. (Яковлевъ. Ред. 1-я, сл. 9. Стр. 172—3. Ср. ред. 2-й сл. 67. Стр. 24).

л. 13. Слово г̄. слб̄а (sic). іѡа злѡѡустаго ѡ лечацӣ воле̄ни воухованїемъ.

Нач. Житѣа сего наводѣмаа нѣмъ скорѣнаа ѿли имѣнїе ли-
шѣнїе, ѿли боленїи тѣ^мки. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 10. Стр. 173.
Ср. ред. 1-й сл. 56, стр. 22).

л. 14 об. Слово ^{стаго} дѣ. Глѣва (sic) ѿѡанна милостиваго ѡ ѿсходѣ
дшѣ гдѣ блѣгословѣи ѡчѣ

Нач. Тѣло многѣ стра^х ѡдержѣи дшѣ тогда истезѣемѣ.....
всѣхъ снѣ ѡбѣщѣтъ бѣсовѣи дшѣи в нѣмъ волю свою

На этомъ заканчивается л. 14 об. и новый почеркъ, съ л. 15
опять подлинная рукопись: твою познаю. тѣ не ѡставятъ ѡуѣгонѣ
дшѣи далѣ ѿтти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 11, стр. 173. Ред. 2-й
сл. 58. Стр. 23.)

л. 15. Слово бѣ. Глѣб. ѿѡа злоу^ста. ѡ нѣгра^х. ѿ ѡ пла-
санїи.

Нач. Зем^наа ѡверѣтъше злѣ смышленїа. приидѣте ѿ ѡуслы-
шимъ дѣхѣнаа ѡу^снна. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 12. Стр. 173.
Ср. ред. 2-й сл. 25. Стр. 15.)

л. 16 об. Слово гѣ. Глѣб. стѣм^х ѡцѣ ѡ пѣмѣстѣхъ. гѣи влѣм: ~

Нач. Иже вѣ не пѣти ѡноу^х. того вѣзѣранаа велѣмѣи стѣи
ѡцѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 13. Стр. 173.)

л. 18. Слово дѣ. Глѣб. ѿѡанна злоу^стго (sic). ѡго же рѣ мо-
вить гѣ. того ѿ каз^нить.

Нач. Ицѣ кого видѣши неправдѣа ѿ злобѣна члѣка. в зрѣвѣи
ѡбнѣнаа живѡущи. тѣ не чюдѣи тому. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 14.
Стр. 173.)

л. 19. Слово бѣ. Глѣб. ѿѡа злоу^сстаго. ѡ самовластѣи.

Нач. Коѣмъ дѣлаа винѣи вѣхѡмъ самовластѣи слышите. (Яков-
левъ. Ред. 2, сл. 15. Стр. 173.)

л. 20. Слово бѣ. Глѣб. ѿѡанна злоу^ста. ѡ завѣсти. гѣи влѣ.

Нач. Любимѣи азъ длѣгъ своей ѡдаю на всакъ дѣнѣ. а вѣше
же ѡ иже внимати ѿ творити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 16. Стр.
173—174.)

л. 21 об. Слово бѣ. Глѣб. стѣо аналѣста. ѿгоу^смена синайс-
каго. иже гнѣва не ѿмѣти ни на кого.

Нач. Много можѣ матѣа правед'наго поспѣваѣма. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 17. Стр. 174. Ред. 1, сл. 47. Стр. 19.)

л. 22 об. Слово нї. слб. тогѣ анастасна. ѣже не ѡсоужатї:.

Нач. Не ѡсоужайте рѣ. да не ѡсоужени воудѣте. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 18. Стр. 174. Ред. 1, сл. 48. Стр. 19.)

л. 23 об. Слово дї. Глб. іѡанѣ златаоуст. ѡ соудѣ. гї влѣи ѡчѣ.

Нач. Оуже помыслите вратѣ. донелѣ живи всма какъ страѣ ймамъ прина(л. 24)ти в' днѣ соѣннѣ. (Яковлевъ. 2 ред., сл. Стр. 174.)

л. 25. Слово к. Глб. іѡанѣ златаоустаго. ѣко не прїатѣна веѣ исповѣданнѣ матїн: ~

Нач. Приходящи вѣсѣ ѡ пица на пицію. хвалиѣ и прославиѣ вѣа нашѣ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 20).

л. 26. Слово кѣ. Глб. стїи ѡцѣ къ христїанїмъ. ктѣ ѡставляѣ женоѣ и дѣти. и ѡходї в манїтѣ.

Нач. Рекоѣ вы послоушайте любов'но вѣсѣ. аще в мирѣ ѣсте и вѣ вѣтѣстїѣ живете. ѡвѣсто да оуѣѣсте. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 21. Стр. 174. Ср. ред. 1-й сл. 27. Стр. 15).

л. 27. Слово кѣ. Глб. іѡанѣ златаоустаго. ѡ расмотрѣнїи спїсѣнїа. гї влѣи: ~

Нач. Некѣдоѣще не просто ѡзвираѣмъ. нѣ ксѣ разоѣм'но ѡспїтавѣши да теориѣ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 22. Стр. 174. Ср. ред. 1-й сл. 62. Стр. 23).

л. 28. Слово кг. слб. стїо нїфон'та. к' вѣрныѣ. гї влѣи ѡ.

Нач. Тайноѣ цребѣ достойтѣ тайти. а дѣла вѣїа ясно проповѣдати. (Яковлевъ, ред. 2, сл. 23. Стр. 174. Ред. 1-й сл. 50. Стр. 20).

л. 29. Слово 24. слб. стїо іѡанѣ златауста. ѡ расмотрѣнїи матїн:.

Нач. Оуподовисѣ слава мира сего пламени ѡгненоѣ. ѡже погнѣщенѣ дровы и вѣ вѣсокѣ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 24).

Текстъ 1509-го года кончается на л. 29 об. словами: ѣко тѣѣ дѣла вѣдѣша вѣа вѣ плоти. а прїже то. Затѣмъ вставленѣ

листь, написанный тѣмъ же почеркомъ, какъ и листы 12, 13 и 14. Листъ 30 нач: а преже того не видалъ николиже.

л. 30. Слово кѣ. слово іѡанна златоустаго ѡ творѣніи многа зла а не принѣмаю (sic) здѣ ведѣ. . .

Нач. Оараѡнъ црѣ колѣно приѣтъ дѡгетерпѣніа (л. 30 об.) вѣла (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 25. Стр. 174—175).

л. 30 оканчивается: григоріи рече многѡды вѡгочѣи многи скѡби и тѣги и прѣ во время страсти приѣло зане ма

Затѣмъ снова съ л. 31 идетъ до конца подлинная рукопись: аы ѡмахоу нѣкакни грѣхи.

л. 31. Слово 26. Глѡ. стго ан'тихъа велика. како достѡи (л. 31 об.) вѡюстиса злѡи женѣ вѡзоумни. ги вѡви ѡ.

Нач. Хвалоу вѣздамъ вѡу ѡ оучениѣ скѡн на ѡстину настав'лаѣми ѣсма. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 26. Стр. 175).

л. 32 об. Слово кз. Глѡ. іѡанна златоустаго. о глѣхъ шко нѣ¹⁾ моуки грѣшникѡ:

Нач. Оувѣтъ нечлѣнъ се како вратнѣ оувѣжи. моуки злаа творѣи. (Яковлевъ. Ред. 2-я, 27. Стр. 175. Ред. 1-й сл. 9).

л. 34. Слово кн. Глѡ. стѣи ѡцѣ. ѡже не ѡсоужати. ни ѡви-дѣти вѡдемъ ѡ сирѡ:

Нач. Црѣ ли ѣси ѡли кнѣзъ ѡли вѡвѡда. ѡли соул. тѣ по-мѣсли ѡ кого ѣси власть прѣалѣ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 28. Стр. 175).

л. 35. Слово кд. Глѡ. прит'ча ѡ вѡгаты ѡ вѡгарски кнѣ. ги вѣ.

Нач. Чѡкъ нѣкѡи хѡжѡше на полѣ чѣѣ. ѡ не вѣ на поли тѡ ни дѣери ни лѣса. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 29. Стр. 175. Ред. 1-я, сл. 10. Стр. 12).

л. 36. Слово л. Глѡ. стго вѣрѣма ѡ соудѣ. ѡ ѡ покаян'и ги вѣ.

Нач. Ширинѣ зем'ла ѡ кон'ци ѣа. ничто на оуспѣѡ вѣ страшнѣи днѣ соудѡ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 30. Стр. 175).

1) Слово нѣ написано на погѣ позднѣйшею рукою.

л. 37. Слово ѿ. Глаголю. стго иѡана златауѣстаго. како вѣстати вѣнощи молити: ✠

Нач. Шѣнтѣ прѣими ѡ чловеѣче рекѣше стѣмъ мѣтеѣ. ѡградиша ѿми. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 31. Стр. 175. Ср. ред. 1-й сл. 45).

л. 38 об. Слово 32. Глаголю. стго нифонѣта. ѡ искоушенїи вѣжїи: ✠

Нач. Гего рѣ вѣрѣ послушаѣ еѣтъ оукорѣ прѣимати ѿ скорби. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 32).

л. 39 об. Слово ѿ. Глаголю. стго нифонѣта. ѡ роуѣсальѣ. гѣ вѣлен: ✠

Нач. Иного вѣ идоуѣцю влаженомоу нифонѣтоу вѣ црѣви стѣмъ вѣца на оутреню. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 33. Стр. 175. Ред. 1, сл. 23. Стр. 14).

л. 40 об. Слово ѿ. Глаголю. иѡана златауѣста. ѡ рассмотрѣни мѣтїи. гѣ вѣлен ѡ: ✠

Нач. Которѣи оуспѣѣ е съвѣлѣци иного¹⁾. ѡвлѣци же оувогаго сиротоу. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 34. Стр. 175—176).

л. 42. Слово ѿ. сло. иѡана златауѣстаго. о вѣроуѣци²⁾ многаѣ и мѣнїа: ✠

Нач. Нѣнѣ оуво вратиѣ время ѣ. вѣзгласити кѣ вамѣ пррѣкоѣ слово. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 35. Стр. 176).

л. 43. Слово ѿ. сло. стго великѣ васильѣ. гѣ вѣлен ѡчѣ: ✠

Нач. Иже в вѣрѣ соуѣтъ хриѣтиѣнѣстѣи. всакомоу члѣкоу даѣтѣ ѡ вѣа агѣлъ на съхранѣнїе. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 36. Стр. 176).

л. 44. Слово ѿ. сло. иѡана златауѣстаго. о крѣпости: ✠ (Чит. о кротости).

Нач. Гѣ рѣ лоуѣчѣше ѣ иѣскати крѣпости. (чит: кротости)²⁾ нежели мѣртѣи. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 37. Стр. 176. Ср. 1-й ред. сл. 33. Стр. 16).

1) Надѣ словомѣ: иного — скорописью надписано: со иного ѣ.

2) Вѣ дальнѣйшемѣ изложѣнїи и вѣ этомѣ текстѣ появляѣтся слово крѣ-
тость, а не крѣпость.

л. 45. Слово ѿн. Глаголю ꙗко не достоѣи ѿтѣти ѿѣла пою. г҃и вавѣи ѿче: ~

Нач. Иже древѣле въ сѣ повѣданію на. нѣкто ѿ вѣрныхъ въ моужѣ етерѣ вѣговолзненѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 38. Стр. 176).

л. 46 об. Слово (а)д¹⁾. Глаголю іѡанна златоуста. како ѡста-вѣлѣти дѣло ѿтѣти къ цркви: ~

Нач. И ѡ семь оубо друзи ѿ вратъ глго въ. азъ во днѣ ѿ днѣ болѣ надѣхъсѣ съврати лю въ црквѣ. на послоушаніе вѣтхенныхъ словѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 39. Стр. 177).

л. 47 об. Слово 40. смородово посланіе къ вкесеню епископу. г҃и вавѣи: ~

Нач. Знжеши ты црквѣ вѣ пилоуєси. ꙗкоже подаю. хитро-стѣми оубо оукрашеноу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 40. Стр. 177).

л. 48 об. Слово ѿн. Глаголю іѡанна златоуста. ꙗко не повасть престати оучаще. г҃и вавѣи: ~

Нач. Молю въ оубо прїидѣте нѣ. ѿ слышите възлюбленїи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 41. Стр. 177).

л. 49 об. Слово ѿн. пѣоученіе (sic) стго іѡанна златоуста. г҃и вавѣи: ~

Нач. Възлюбими (sic) друзи ѿ вратѣ. своѣ длѣгъ ѡдаю. ѿ частѣмъ оучениѣ надѣхъсѣ оустѣкноути оустремленіе плань-ственоѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 42. Стр. 177).

л. 50 об. Слово ѿн. слб. стго афанѣа. (о)²⁾ различїи спсѣнїа: ~

Нач. Реченїо во вѣи сице. въ свѣдѣи немощь рода нашего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 43. Стр. 177. Ред. 1-я, сл. 46. Стр. 19).

л. 52. Слово ѿн. Глаголю стго афанасїа о мѣтїи. г҃и вавѣи ѿ.

Нач. И се же вѣдати на. потребно ѣ. ꙗко вѣтѣо на. долѣ ѣ вѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 44. Стр. 177).

л. 53. Слово 45. слб. іѡанна златоустаго. ѡ гл҃цѣхъ въ цркви. г҃и вавѣи ѿче.

1) Буква л обрѣзана при переплетѣ.

2) Писецъ забылъ написать киноварную букву.

Нач. Глѡ вы въз'любленіи. ѿвѣстоуѣ волю вѣю. юже сътворше спсєни воудети. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 41. Стр. 177. Ср. 1-й ред. сл. 51. Стр. 20).

л. 54. Слово 46. Глѡ. ѿѡана златауста. ѡко не поѡаѣ вѣри мати ѡкавѣтаючи: ѿ гѣ вѣи ѡ.

Нач. Добро оубо ѣ въз'любленіи надѣити на гѣ. нежели надѣити на кнѣѡ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 46. Стр. 177—178).

л. 55. Слово мѡ. притча. о трѣхъ друѣзѣхъ.

Нач. Члѣкъ нѣкъи ѿмаше трѣи друѣгѣи. дѣю же любаше ѣ. чѣаше. а на трѣхъ неврежениѣ ѿмаше вел'ми. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 47. Стр. 178).

л. 56 об. Слово мѡ. поѡучениѣ лѣнивеймѣ. ѿже не даѡтъ. похѡла дѣлатели стѣго васильѡ. гѣ вѣ: ѿ

Нач. ѿже вы глѡ вратиѣ слышите. не хотѣешию во ми ѡ сиѣ к вамѣ глѣти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 48. Стр. 178).

л. 57 об. Слово мѡ. слѡ. стѣго васильѡ. к лѣнивеймѣ: ѿ

Нач. Любими ѡ семь павѣлъ аплѣ ѿвѣстоуѣ. вѣа на дѣло порознаго возведемѣ. ползѣ намѣ многа будѣтъ ѡ вѣа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 49. Стр. 178).

л. 58 об. Слово ѡ. слѡ. ѿѡана златаустаго. ѡ добрыѣ женаѣ.

Нач. Оуслышите жениѣ заповѣди вѣжѣа. ѿ наоучитѣ вѣ молчанѣи повиновати моужѣѣ своиѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 50. Стр. 178. Ср. ред. 2-й сл. 52. Стр. 20).

л. 59 об. Слово ѡа. слѡ. ѿѡана златаустаго. о добрыѣ. ѿ ѡ злыѣѣ женаѣ. гѣ вѣа: ѿ

Нач. Е посланиѣ к рим'ляноѣ. аплѣ павѣлъ мѣнити. многи доврѣѡ жениѣ с похѡлою глѣ. (Яковлевъ. Ред. 1-я, сл. 51. Стр. 178).

л. 61. Слово ѡѣ. Глѡ. ѿѡана златауста. ѡ злыѣ женаѣ: ѿ

Нач. Ёсть лоуѣе в' поустѣиѣи съ зѣвр'ми жити. неже съ злѡю женою. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 52. Стр. 178. Ср. Ред. 1-й сл. 52. Стр. 20).

л. 62 об. Слово ѡг. Глѡ. ѡ прѣчи ѡ наказанѣи дѣтеѣ к родителеѣ: ѿ

Нач. Члѣци вѣнчани иже въсто въ глѣмѣхъ. кажите (поправлено: накажите) замлада дѣти свои. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 53. Стр. 178).

л. 64. Слово ѿд. Глѣбъ. Стѣго иѡанна златоустаго. како имѣти челоудъ. гдѣ вѣнч: ✠

Нач. Ище же кто ѿ насъ рабы имать и рабѣмъ. да наоучить а и поудить на крѣпленіе и на покаяніе. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 54. Ср. ред. 1-й сл. 58, стр. 20).

л. 65 Слово ѿд. Глѣбъ стѣхъ ѡцѣхъ какѡ дѣтѣмъ чтѣти родитѣ: ✠

Нач. Послоушайте вѣрѣ и сестры заповѣди гдѣ. ю к законникоу чѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 55. Стр. 179).

л. 65 об. Слово ѿд. Глѣбъ. стѣго иѡанна златоустаго. како чтѣ (л. 66) ти презвитера: ✠

Нач. Оувидите колико иѣрѣйска власть. и чѣхъ крѣпѣ (sic; чит: крѣпѣмъ) и покаяніе. и причастіемъ поновляю вѣрѣмъ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 55. Стр. 179).

л. 66 об. Слово ѿд. Глѣбъ. стѣхъ ѡцѣхъ. о женитѣхъ. и ѡ люводѣхъ: ✠

Нач. Чювственѣ разоумѣно. и оумѣны слоухи ѡверзше. прїидите оубо слышите ясно вси иже на ползоу естъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 57. Стр. 179).

л. 68. Слово ѿд. Глѣбъ. стѣго иѡанна златоустаго. о терпѣннхъ бѣгохвалениа. да немного плачемъ оумерши. гдѣ вѣнч ѡ: ✠

Нач. Прїю имѣте вѣпамати днѣ смѣртнѣхъ. мнози бо вчера с нами выѣша члѣкы. нѣхъ же нѣхъ и с нами. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 58. Стр. 179).

л. 74. Слово 59. Глѣбъ. стѣго иѡанна златоуста. о хрѣстіанствѣ: ✠

Нач. Послоушайте иже въсѣтъно (sic). мнози оубо толико слытнѣмъ хрѣстіанѣ. а по житію вѣлнни. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 59. Стр. 179).

л. 76 об. Слово 62. Глѣбъ. ѡ еуѣлїа. ѡ лоу. о вѣгѣтомъ лазарї¹⁾.

1) Здѣсь сдѣлана поправка, повидимому, позднѣйшею рукою: о вѣгѣтомъ лазарї.

Нач. Иже ѿ богатѣмъ. и лазарева притча вѣми на ползѡу ѣ оубогымъ и вѣтымъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 60. Стр. 180).

л. 78. Слово 61. Глѡ о нѣкоемъ вѣлоуѣници. иже матню теораше. а влоуѣда сѧ не ѡста. гѣ влѣи ѡ: ✚

Нач. Таковоѡ ѡ семь сказаѡ. в лѣта лѣѡна црл. бѣ моу славе (л. 78 об.) в кѡстантинѣ гра и вѣтъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 61. Стр. 180).

л. 79. Слово 62. Глѡ. иѡана златаѡустаго. како оучѣниѧ слоушати: ✚

Нач. Иѡзъ во по всѧ дѣи вѣзлюбленіи оучѣниѣ теорю. вы. да выѣсте добродѣтелно пожии. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 62).

л. 80. Слово 63. поученіѣ стго ѡца иѡана златаѡстаго.

Нач. Ище кѡ влѣчѣиѣ и бѡлюбивѣ. прѣидѣте и слышите. да насладѣтѣ дѡвѣнаго поученіѧ сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 63. Стр. 180).

л. 81. Слово 64. поученіѣ стго иѡана златаѡу. о матни: ✚

Нач. Иѡкоже в садѣхъ виноугра разлѣчѣниѧ плодове сѡтъ. тако вѣ црквиѣхъ стѣиѣхъ оучѣниѧ многа соу и оучѣни мнози. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 64. Стр. 180).

л. 82. Слово 65. поученіѣ стго ѡца кирила архіеппа: ✚

Нач. Дѡвѣное оубо сѣмѧ вѣашиѣхъ дѡшѡхъ. оуже и первое и второе вѣсѣѧ есмѧ. (Яковлевъ, 2 ред., сл. 65. Стр. 180).

л. 83. Слово 66. Глѡ. стго иѡана златаѡустаго. кѡ вѣрѣниѣ: гѣ влѣи ѡ: ✚

Нач. Иѡзъ любивѣи свой дѡмъ на всѧкъ дѣи ѡдаѡ. оучѣниѣхъ волю вѣѡю иѡвѣстоуѡ вы. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 66. Стр. 180).

л. 84. Слово 67. слѡ. стго иѡана златаѡустаго. о крѣпости. и ѡ разоумѣ. гдѣ же ѣ вѣ члѣцѣ: ✚

Нач. Ге оубо азъ вѣзлюбленіи. часто оучѣниѣ теорѧ. надѣѧ вѣзвранѣти пѣанѣства наоуѣкъ зѡи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 67. Стр. 180—181).

л. 85. Слово 68. слѡ. иѡана златаѡута. ѡ твари вѣи. и ѡ конѣиѣхъ смртѣиѣи. и ѡ покаѣниѣ: ✚

л. 93 об. Слово бз. слб. стѣнѣ ѡцѣ ѡ лѣсти мира сего: ѿ

Нач. И аще кто ѡ члѣкѣ славы сѣмъ желаетъ временнымъ, тѣ не можѣ. славы еѣѣ разоумѣти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 76. Стр. 181).

л. 95. Слово бз. слб. стѣнѣ ѡцѣ ѡ покаяніи. гдѣ бѣли ѡ: ѿ

Нач. Глѣтѣ писаниѣ. нѣци многожѣ и кающѣ ѡ грѣсѣхъ. и пакѣ тѣмъ творѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 77. Стр. 181).

л. 96. Слово бн. слб. стѣнѣ ѡцѣ ѡ заветчаніи покаяніа: ѿ

Нач. Любимѣи слышнѣ аще въ грѣсѣхъ ѡстарѣлѣсѣ члѣкѣ. положѣи заветѣ свой к боу. моласѣ глѣ съ возмѣхуаннѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 78. Стр. 181).

л. 97. Слово бд. слб. стѣнѣ ѡцѣ ѡ покаяніи. гдѣ бѣли ѡ.

Нач. Ище оуво скота не презримѣ в' калоуѣ гразуца. тѣ вси простирабѣмѣ роуцѣ и з'вѣици хотѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 79. Стр. 181).

л. 98. Слово п. въспрѣ антиѡха. ѡжѣтѣ стѣго епифаніа. гдѣ бѣли ѡчѣ: ѿ

Нач. Глѣ вѣѣ что дѣла попоустѣнѣ ѣ вобвати дѣвѣла на члѣкѣ: — ѡвѣ. да любѣици вѣа прожѣтѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 80. Стр. 181. Ср. ред. 1-й сл. 67, стр. 24).

л. 100. Слово па. слб. стѣго ѡцаа златоустаго. ѡ оумирающѣхъ е'незапоуѣ. и оутопающѣхъ:

Нач. Оуво что хошѣмѣ глѣтѣ ѡ оумирающѣхъ е'незапоуѣ. или з вѣга лѣтѣвѣши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 81. Стр. 181—182).

л. 101. Слово пѣ. Блжѣнаго ѣвѣвѣна архѣеппа. гдѣ бѣли: ѿ

Нач. Лѣтѣ въ единѣ ѡ дѣи члѣкѣ превозасѣ рѣкоуѣ оутѣпе. да ѡвѣи глѣхоуѣ по дѣломѣ въспрѣа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 82, стр. 193).

л. 102. Слово пг. слб. стѣго ѡца. днѣннѣсѣмъ. ѡ желѣицихъ. ии бѣли ѡчѣ: ѿ

Нач. Иногда къ стѣмоу днѣннѣсиѣ мнози прѣидоша хѣтолюбѣи. хотѣи ѡ (л. 102 об.) него¹⁾ днѣннѣхъ оучениѣмѣ оутѣвшѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 83. Ср. 1-й ред. сл. 13).

1) Здѣсь въ рукописи на л. 102 об. вытерты ошибочно написанныя слова на первой строкѣ и въ началѣ второй и вытертое мѣсто оставлено бѣлымъ.

л. 104. Слово пѣ. Глѣбъ. стѣиѣ ѿца ѿ совлазѣнѣ вѣсовѣстѣ :
(sic: въ концѣ строки).

Нач. Гѣ како вѣси вѣзмогаю на нѣ. слышите волю' во
нашиѣ злыѣ дѣла погнѣвѣмъ злѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 84.
Стр. 183).

л. 105. Слово 85. Глѣбъ. стѣо ѣфрѣма ѿ покаѣнїи. гѣ вѣ: ѿ

Нач. Йже вѣ патрі слышимъ вѣе влаженаго дѣда глѣбѣ.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 85. Стр. 183. Ред. 1, сл. 36. Стр. 17).

л. 106 об. Слово пѣ. Глѣбъ. стѣо йѡанна златаѡустаго. како
пѣено вѣ цркви с вѣрою приходити.

Нач. Цркви нѣо ѣ любилии. ѣ что сиѣ вѣци страшнѣе.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 86. Стр. 183).

л. 107 об. Слово пѣ. Глѣбъ. стѣо йѡна златаѡустаго кѣ
вѣоу'цѣмъ. ѣ ко вѣоуамъ. гѣ вѣи ѿ: ѿ

Нач. (л. 108)¹⁾ Йже же сѣа заповѣди слышите всѣ. пѣ во
тѣ моуѣ ѣ женѣ сѣ слово ѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 87. Стр. 183).

л. 109. Слово пѣ. Глѣбъ. стѣо йѡанна златаѡустаго. ѿ чѣтѣ
дѣшѣмъ. гѣ вѣи ѿ: ѿ

Нач. Мѣ оубо да навѣикнемъ. что ѣ йже чѣка сквернѣиѣ.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 88. Стр. 183. Ред. 1, сл. 41. Стр. 18).

Послѣ л. 109 об. слѣдуетъ читать л. 120 и т. д.

л. 120 об. Слово пѣ. слѣбъ. стѣо ѣфрѣма. ѿ матѣи житїа
сѣго. гѣ вѣи ѿ: ѿ

Нач. Оуѣже навѣдитъ нѣ ерѣма на дѣло вѣчѣнаго живота.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 89. Стр. 183).

л. 121 об. Слово чѣ. слѣбъ. стѣо йѡанна златаѡустаго. ѿ
приатїи тѣла. ѣ (л. 122) крови гѣи: ѿ

Нач. Любилии слышите сѣго рѣ вѣка гѣ нашѣ йсѣ. хѣ. вѣ
нашю плоть ѿвѣлесѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 90. Стр. 183—
184. Ср. ред. 1-й гл. 35. Стр. 17).

л. 124 об. Слово чѣ. Глѣбъ. стѣо йѡанна златаѡустаго. ѿ казниѣ
вѣиѣ на нѣи: ѿ

1) Въ началѣ столбца двѣ строки вытерты.

Нач. Иѣко же мѣрніи врачеве. не ѡждиѡ да к нимъ воіини придоуть. вѣ в недоуѣзѣ слезать. но приходяще сами врачюѡ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 91. Стр. 184).

л. 127. Слово чѣ. слѡ. стѣго иѡанѣа злѡоустѣаго. како (л. 127 об.) попомъ оучити лю: ~

Нач. Иѣко аще не послоушаѡ оучини. нѣ мѣ не престанѣ оучаще. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 92. Стр. 184).

л. 128 об. Слово чѣ. слѡ. стѣго генѣа патріарха црѣа грѣ: ~

Нач. Готовите враѣ на исхоу дѣла дѡвраа. с ними же ѡидѣмъ скѣта сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 93. Стр. 184).

Послѣ листа 129 об. слѣдуетъ читать л. 110 и т. д.

л. 110. Сл. чѣ (д обрѣзано). слѡ. стѣго сѣеного мѣа. панкратѣа: ~

Нач. Оуслышите враѣ ижеѣсто. ико ѡвѣднѣи трапезѣ двѣ матѣмъ ѣста. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 94. Стр. 184).

л. 111 об. Слово чѣ. аггѣлѡкоу покѣста. наказоуѣ стѣи василей. гѣ вѣви ѡчѣ: ~

Нач. Ёе слышите ѡ гѣ слоко. аггѣлѣ сказаѣ вѣрнѣмъ и страха вѣжѣа не ймоу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 95. Стр. 184. Ср. ред. 1-й сл. 7. Стр. 11).

л. 113. Слово чѣ. слѡ. стѣго симѡна. еѣпа. месопотомѣскаго (sic). како воітѣи смрѣти. гѣ вѣви ѡ: ~

Нач. Послоушайте вратѣе. какъ (sic) страхъ и вѣдоу прѣати ймѣа дѣа. к чѣ исхода иже ѡ сего житѣа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 96. Стр. 184—185).

л. 115. Слово чѣ. слѡ. о погребаѣмѣи кѣ црѣва. гѣ вѣви: ~

Нач. Оужасно чѡ памѣтѣи достоино. повѣда иѡанѣнѣ римѣланѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 97. Стр. 185).

л. 116. Слово чѣ. слѡ. ѡ кладоуѣиѣи кѣ црѣва. гѣ вѣви: ~

Нач. Да слышите ѣще ѡ погребаѣмѣи кѣ црѣва. валѣнѣтиѡнѣ соуѣа мѣздоимѣа люѣа оумре. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 98. Стр. 185).

л. 117. Слово чѣ. слѡ. свѣдено прѣтѣю. ѡ сѣставѣ тѣла чѣа. гѣ вѣви ѡ: ~

Нач. Иже писаніє рѣ. что ѿ вѣда ѿпоустѣе зем'ла ѿ црѣ
ѿзнеможеть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 99. Стр. 185).

л. 117 об. Слово 100. слѣ. стго ѿѡана злѣоустаго. како въ
цркви приходѣ с вѣрою. гѣ вѣли ѿ: ✽

Нач. Идѣже во рѣ хс деѡ (л. 118) или трѣ съвокупленіи
во ѿма моѡ. ту ѡсма посреди нѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 100).

л. 119 об. Слово рѣ. слѣ. стго ѿѡана злѣоустаго. вѣпадающѣ
в вѣды. гѣ вѣли ѿ.

Нач. Ико сѣи же хотать во ѡгнь вѣзгнѣтити преже дымъ
подѣйм'ше слезать. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 101. Стр. 185).

Послѣ л. 119 об. слѣдуетъ читать л. 130 и т. д.

л. 130. Сл. 102. слѣ. ѡ старци иже мѣткою дожѣ с небесн
сведе: ✽

Нач. Бѣ нѣкогѣ в моурастѣи ѡвласти вездѡждіе велико.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 102. Стр. 185).

л. 131 об. Слово 103. слѣ. стго григоріа девѡслов'ца. гѣ
вѣле: ✽

Нач. Бѣ нѣкаѡ жена матрона ѿменемъ. ѿ недаѣно вѣ сѣѣ
ѡ невѣстоу пѣмалѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 103, стр. 185).

л. 132. Слово 104. поученіе стго василіа. гѣ вѣли ѿ.

Нач. Научиса вѣрѣи члѣ. выти вѣго (л. 132 об.) чѣнѣ дѣ
латель. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 104. Стр. 186).

л. 133 об. Слово 105. поученіе стго ѿѡа златаустаго.
на памѣ стѣи дѣпѣ: ✽

Нач. Помѣслите оубо ѿ разоумѣйте закона воудѣ слава ѿ
чѣѣ принати оубожишимъ вѣгоу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 105.
Стр. 186).

л. 135. Слово рѣ. слѣ. прѣвнаго ларіѡна ѡ житіи семѣ: ✽

Нач. Хоудѡ ѿ маловременѡе житіа сего наслажѣнѣ скоро
погибающіа. слава меч'таного свѣта сего. (Яковлевъ. Ред. 2,
сл. 106. Стр. 186).

л. 136 об. Слово рѣ. слѣ. стго василіа кесарѣнскаго. ѡ стѣмъ
постѣ: ✽

Нач. Вѣстроуѣте рѣ в' новомѣсч'нѣмъ троубѡу. въ на-

рочитѣмъ днѣ праздника вашего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 107. Стр. 186).

л. 138. Слово рѣ. Ѡлѣ. стѣо нифонѣта ѡ вѣгѣтѣмъ скоуѣпѣ: ✠

Нач. Іногѣ стѣи нифонѣтъ (sic) хода. видѣ члѣвѣка. вмоу же молаше множество нициѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 108. Стр. 186).

л. 139. Слово рѣ. Ѡлѣ. ѡ немѣтѣмъ вѣтѣмъ. гѣ вѣи: ✠

Нач. Не глѣо оуѣо на вѣгѣтѣмъ. ѣже подати доврѣ живѣуѣтъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 109. Стр. 186. Ср. ред. 1-й гл. 38 и 39. Стр. 18).

л. 140 об. Слово рѣ. Ѡлѣ. ѡ вѣгалѣмъ. ѣже ѡ матѣѣмъ: ✠

Нач. Ёже прѣкѣ рѣ. да сѣ исправитѣ мѣтѣмъ моѣ. ѣко кадило прѣ товоѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 110. Стр. 186).

л. 141 об. Слово 111. Ѡлѣ. вѣтѣмъ ѡ вѣлазѣмъ покаѣнѣи: ✠

Нач. Іѣко же подоваѣ намъ вратѣи ѣ ѡѣи вѣюсти сѣе хитрѣ. да не погнѣнемъ злѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 111. Стр. 186. Ср. Ред. 1-й сл. 73. Стр. 26).

л. 144. Слово 112. Ѡлѣ. стѣи ѡѣѣ. ѡ житѣи члѣвѣтѣмъ: ✠

Нач. Рокѣлѣ ли хѣщемъ рѣи житѣи члѣѣ. велико во вѣмъи ѣщемъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 112. Стр. 186).

л. 145. Слово рѣ. Ѡлѣ. о глѣиѣ ѣко злѣ оумираѣци не вѣжѣмъ повелѣнѣи: ✠

Нач. Оуѣо нелѣпо несѣмѣслѣнѣиѣ. послѣушати глѣиѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 113. Стр. 187).

л. 146 об. Слово рѣ. слѣ. стѣо ѡѣа григорѣа. ѡ перѣвозданѣнѣмъ. гѣ вѣи ѡ: ✠

Нач. Ѡзда вѣѣ прѣже адама ѡ землѣмъ. ѣ ѡ рѣбра ѣго жѣноу вмоу сѣѣа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 114. Стр. 187).

л. 147 об. Слово рѣ. [Ѡ]лѣ. [Ѡ]тѣо¹⁾ ѣѡѣа златаѣстаго. ѡ стѣмъ постѣи: ✠

Нач. [П]¹⁾ очѣѣ соуѣ мнози глѣиѣ. не трѣвѣ пѡѣ. ѣ вѣ чѣтѣѣ

1) Писецъ забылъ написать киноварью поставленные въ скобкахъ буквы. Въ послѣдствіи другой писецъ вставилъ ихъ черными чернилами.

жиюущимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 115. Ср. ред. 1-й сл. 32. Стр. 16).

л. 149. Сл. рѣ. Глб. стго нѡѡ зѡаоустаго. ѡ пощенїи: ✽

Нач. Йже ктѡ вѣрюиъ и вѣринъ. прїидѣте и слышите сказаніе ѡ постѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 116. Ср. ред. 1-й сл. 32. Стр. 16).

л. 150. Слово рѣ. Глб. стго нѡѡна зѡаоустаго. ѡ стѣмъ постѣ: ✽

Нач. Оуже ѡ постѣ истинноу сказаемоу. да оуѣсте вси. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 117. Стр. 187. Ср. ред. 1-й сл. 31. Стр. 16).

л. 151 об. Слово рѣ. Глб. о видѣнїи. павѡла апѡла: ✽

Нач. Тако гѡ прркомъ глѣ. доколѣ съгрѣшаєте. и прилагаєте грѣхи на грѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 118. Стр. 187).

л. 153. Слово рѣ. Глб. стго кирила. ѡ страсѣ вѣи: ✽

Нач. Всегда лювини вѣи и сестрии. имѣе стра вѣи прѣ ѡчима своимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 119. Стр. 188).

л. 154. Сл. рѣ. Глб. стго пахомїа. ѡ сѣредѣ. и ѡ патѣцѣ: ✽

Нач. Йже потай врагъ тайноу. давы намъ спсѣнїа не прїимати. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 120. Стр. 188).

л. 155 об. Слово рѣ. Глб. стынѣ ѡцѣ. како хрѣианѣ жити: ✽

Нач. Брѣи и сестрии слышите оучнїа стѡа. соутъ во вѣ хрѣианѣ нѣци. иже имъ токѡмо хрѣианскѡ дрѣжати. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 121. Стр. 188. Ср. ред. 1-й сл. 57. Стр. 22).

л. 158. Слово рѣ. Глб. о страсѣ вѣи. и ѡ покаднїи: ✽

Нач. Лювини паоулова сладкаго оучнїа послоушающе. распространите срѣца и оуши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 122. Стр. 188).

л. 159 об. Слово рѣ. Глб. стынѣ ѡцѣ. како дхѣиѣ празноуѣ: ✽

Нач. Йже ктѡ вѣринъ и влагодѣиъ. лѣпо нѣ вѣткенѣмъ празднїи имѣти вѣ чистотѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 123. Стр. 188).

л. 161. Слово рѣд. Глаб. стго ѿѡана златоустаго. ѿ велицѣмъ постѣ. ѿ апльскыи: ✠

Нач. Чаѿи вѣрнѣи ѿ постѣ сказаниа слышите. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 124. Стр. 188—189).

л. 162 об. Сл. рѣе. Глаб. стынъ апла. ѿ велицѣмъ постѣ. ѿ ѿ петровѣ. ѿ ѿ филиповѣ. ги ваки ѿ: ✠

Нач. Иже вѣрнѣи соутъ. слышите вратѣ ѿ сестрыи. ѿ вси стар'ци ѿ оунѣи. писанъ ѿ постѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 125. Стр. 189).

л. 166 об. Слово [рѣ]з¹⁾. слб. стынъ ѿца. како хртѣанѿмъ жити: ✠

Нач. Нынѣ лювимѣи оучѣние сѣ слышите. ѿмѣите же прѣвѣе сѣ вѣиѣ стра въ срѣци своемъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 126. Стр. 189).

л. 170. Слово рѣ[з]²⁾. пав'ла апла заповѣ: ✠

Нач. Иже въздѣржиши ѿ жено: несъвокоуѣмлющеся с моужемъ своимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 127. Стр. 189).

л. 175 об. Слово рѣи. слб влжѣна бвсѣвѣмъ. иже въ хвалити волащемъ. ѿ ѿ ѿбѣе влѣи ѿ:

Нач. Оузрѣвъ бдинъ ѿ дни црѣ александръ. нѣкобго вѣна чѣка лежаща ѿ пришѣ к' немоу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 128. Стр. 189. Ред. 1-й сл. 11. Стр. 12).

л. 179. Слово рѣд. Глаб стго ѿца кѣрила ѿ исхѣдѣ дѣи. ѿ ѿ двадесати мытарствъ.

Нач. Гѣи³⁾ тайны не свѣдѣ мнози. сю намъ кѣрилъ философъ повѣда. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 129. Стр. 189. Ред. 1-й сл. 12. Стр. 13).

л. 183 об. Слово [рѣ]з³⁾. посучѣе крѣанѣмъ. ѿзлазлатоустаго.

Нач. Оузриши аще кого живоуца въ заповѣдѣ гни. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 130. Стр. 189).

1) Буквы рѣ заклеены.

2) Буква з оборвана.

3) Буква ѣ при переплетѣ обрѣзана.

л. 221. Слово рмѣ. овѣщє сѣмъ поученіє іѡѡ златаустаго:
Нач. Брѣе прѣо жадаєтъ сѣнїа нашего хс̄с̄ вѣъ ншѣ. ѡ всеѣа
призыва (sic) ны не престаєтъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 147.
Стр. 191—192).

л. 223. Слово рмѣ. слѡ стго ефрѣма о казнѣ вѣжнхъ. и
ѡ ратѣ.

Нач. Оуднимса врѣе ѡ поюдимса чѣколюваю. ѡ мѣти бѣа
ншѣе како не хоцѣи ни єдино҃го на смѣрти вѣ грѣсѣ. (Яковлевъ.
Ред. 2, сл. 148. Стр. 192).

л. 224 об. Слово рмѣ. Глѡ. посланіє нѣкобѣго ѡца къ снѡ
дх̄овномъ:

Нач. Желѡю лювимичє сѣнїа тебѣго. тѣмъ вѣеніє даю ти.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 149. Стр. 192).

л. 225 об. Слово рѣ. поученіє стѣмъ ѡца дшѣеполезно:

Нач. Яци вѣ извѣстїю сє лювимий. понеѣ вижю выѡ прихо-
даща къ цр҃квѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 150. Стр. 192).

л. 227. Слово рѣ. Глѡ о филиповѣ говѣнїи єже прѣ ржѣтѣмъ
х̄вѣмъ: ✠

Нач. Брѣе сє время ѡ вѣзѣржанїа. оуставленѣ пѡ, стѣмн
нашимн оучѣтлн. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 151. Стр. 192).

л. 228 об. Слово рѣ. поученіє стго ѡца нашѣго васнѣа
вєанкаго.

Нач. Оустраантє лювимий сѣнїє дшѣа своимъ в малое сє
время. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 152. Стр. 192).

л. 229 об. Слово рѣ. поучѣє стго ѡца ншѣ гєнадїа. па-
трїарха цр҃аграда.

Нач. Желѡю лювимий сє вѣ извѣстити. да вѣгодѣно по-
жнѣше спсѣтѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 153. Стр. 193).

л. 230 об. Слово рѣ. Глѡ. стго афонѣа александрѣскаго єже
не ѡсоужати.

Нач. Ёже что оувѡ не пѡбаєтъ. ѡли согрѣшающнѣ ѡглатѣ.
(Яковлевъ. Ред. 2, сл. 154. Стр. 193).

л. 232. Слово рѣ. Глѡ. іѡѡ злауста єже не ѡсоужати. но
оучити.

Нач. Мыслено да слышите. еже ꙗко рече въ сѣмь вѣдѣнъ. не соудѣте да не ѿсуждени боудѣте (на поле вынесено: те). (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 155. Стр. 193).

л. 233. Слово рѣз. Глаголю ѿ чернѣица егоу вѣси хотѣли прелестити.

Нач. Оубоу сѣдѣше вѣмѣствѣхъ вѣдѣ, и хотѣху вѣси прелестити (л. 233 об.) емо. прелестити емо. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 156. Стр. 193).

л. 234. Слово рѣз. Глаголю петра чернѣица. ѿ житѣи семь: ѿ

Нач. И аще кто ѿ члѣкѣ оубоу и скорби. и вѣдѣи прелестити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 157. Стр. 193).

л. 235. Слово рѣз. Глаголю ѿ нѣкоу. ижемени.

Нач. Сѣвѣи жѣи. начални и мы дѣи прѣи в манастири сѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 158. Стр. 193).

л. 236. Слово рѣз. Глаголю ѿ нѣкоу коупци вѣи: ѿ

Нач. О семь поѣда вѣи. вѣи коупецъ во дѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 159. Стр. 193).

л. 237 об. Слово рѣз. Глаголю ѿ пандока ѿ сѣи.

Нач. О сѣи антиѣи глѣи. поне вѣи нѣи емоу. и кѣи ѿишася. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 161¹⁾. Стр. 194).

л. 239 об. Слово рѣз. прѣи исаио сѣи. иже прѣи сѣи сѣи. ѿ послѣи дѣи. прѣи дѣи сѣи хотѣи на ны грѣи рѣи наши.

Нач. О члѣи слышите. тако глѣи. вѣи глѣи оустѣи мои. и приклѣи оуши ваши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 162. Стр. 194).

л. 241. Слово рѣз. Глаголю ѿ исповѣдани грѣи кѣи ѿишася. дѣи.

Нач. Оубоу вѣи живѣи вѣи старца зѣи. сѣи нѣи ѿ помысли вѣи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 163. Стр. 194).

л. 242. Слово рѣз. Глаголю сѣи ѿишася кѣи нѣи сила.

1) Указаннаго Яковлевымъ слова 160-го: «Слово св. отецъ о заповѣдехъ Господнихъ» въ описываемомъ Измарагдѣ не имѣется.

Нач. **Ѹ** невилѧ къ вѧѣ вѧѣ чакѧлювецѧ бѣ с'теори мира сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 164. Стр. 194).

1. 242 об. Слово рѣз. **Ѹ**лѣ генѧлѧ патрѧрха цѧраграда. о чѧоуцнхъ многыа книги:

Нач. **Ѹ** чѧѣ что тревѣши многиѣ ѧща книгѣ. ѧще воиса вѧ ѧ правдѣ теора чѧеши книги. ѧ си ѡдны доволно ти на сѧнѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 165. Стр. 194. Ср. ред. 1-й сл. 40. Стр. 18).

1. 243 об. Слово рѣз. **Ѹ**казанѣ симѧна епѧпа володимерскаго. о печерскыѣ черныцѣѣ ѡ титѣ попѣ ѧ ѡ бѧагрѧ дѧцѣ:

Нач. **Ѹ**е днѣно ѧ стрѧшно чѣ, вѣе саѣ видѣ въ тѣѣ стѣѣ монастыри.

1. 244 об. Слово рѣз. **Ѹ**лѣ. о златокоу'неци. ѧже мѧтвѧю сотвори. въ зѧйтѧоути горѣ ѧ коврицнса к ннѧѣ рѣкѣ:

Нач. Въ александрѧн. вѣгѧпѣстѧн. вѣѧше нѣкто златѧкоу'знецѧ (sic). славѧнѣ зѧлѧвъ въ всемѣ градѣ тѣѣ хѧтрѧсти рѧѣ.

1. 246 об. Слово рѣз. слѣ стѣо мннѧа палѧѧ. ѡ вторѣѣ прише- стѧн ѧ ѡ стрѧшнѣѣ сѣдѣ ѧ ѡ воудѣщѧю мѧуцѣ ѧ ѡ оумнлѧнѧ дшн.

Нач. Нѣѣ испѧѣжѣса дшѣ. ѧ нѣѣ оумнлѧса. ѧ нѣѣ въсплѧ- чисѧ. 1. 248: молнса рѣ ѧ въ теѧѧмѣ. да тѧ ѧзвѧкѧи стрѧшнаѣ ѡсѣженѧ. ѧ мѣченѧ вѣчнѧ. Зачало: **Ѹ**ѧ оуѧѧ хѧтѧи прѧнтн сѣтн прѣнѧнѣ соуѧ. **Ѹ**ѣ нѣѣ **Ѹ**с ѧ възѧти комѣждѣ по дѣлѧѣ ѣго. . . . 1. 262 об. (конч:) поѧѣе всеѧ прѧгѧтѧкоуѣ ѧ славѧще срдѧ ѧхѣ в' кѣкѣ вѣскѧнѣчнѣѧ; воуднѣ ѧ нѧѣ полоуѣнтн вѧѣѣ вѣчнѣѣ; ѡ хѣѣ **Ѹ**сѣ:

1. 262. Слово 168. вѣѧѧцѧ мѧѧѧѣѧ прѣка кнѧѣ ѡ вѧѧ. книга перѧѧ:

Нач. **Ѹ**зѧнѣ вѧ прѧѧѣѣ роуѧкоѣ вѣѧю крѣнѧнѣ ногѧ ѡѧрѧѣ.

1. 263. ѡ дрѣѣѣ жнѣѧѣѣ нѣ в рѧн ѧзѣѣѣѣ слѣ:

Нач. Мнѧзннѣ ѡ дрѣѣѣ жнѣѧнѣѣѣ. въспрѣнѣе словѣсн вѧѧѧѧѣѣ.

1. 264. ѡ прѣкословѧ смѣшѧнѧ ѧѧѧѧѣ со вѣѧѧѣѣ:

Гѧѧѧнѣ же ѧѧѧ смѣшѧнѣ ѧѧѧѧѣ съ ѣѧѧѧѣ вѧѣ ѧнѧѧѧѣ да воудѣѣ. ѧѧѧѣ оуѧѣѣ понѣ вѣнѧѣ ѧзнѧнѣ вѧѣ ѧз рѧѧѣ. **Ѹ**. **Ѹ**ѣ со-

твори плачаса. и тако пото^у въ со еѣвою. вѣомер'ским' же футѣ-
гнато^у глѣци^и. ꙗко сѣпостѣ со бѣкою въ. и рѣ^и кайна. проклати
да вѣдоу^и. и се истина быти мию¹⁾).

Далѣе киноварною буквою начинается: Позна же а́да^и женѣ
свою и зачѣ^и рѣ^и кайна.

л. 264 об. ѿ авелѣ. тогожѣ .: ~

Нач. По се^и же въ а́дамоу сѣ^и. его^и именова авелѣ.

л. 265. ѿ ламехѣ.

Нач. О^и ламе^и ѿ чрева мѣре^и своихъ родисѣ слѣпѣ.

л. 265 об. ѿ кайновѣ смрти изыскано въ.

Нач. Отоужив же си кайнѣ ѿ многоволеженныѣ ѿно^и
жизни. ѿже стѣнати на земли и трастисѣ.

л. 266. ѿ авелѣ како погребено въ тѣло ѣ.

Нач. ꙗ́дам' же видѣвъ авелѣ ѡвита. не вѣды ѡвра^и смрти
каковѣ въ ѣ.

л. 266 об. Слово 169. житіе и жи'нѣ приеныѣ мѣре^и нашѣ (sic).
ѡуфросиніи. рекомыѣ измараѣ.

Нач. Въ моу^и во александри^и градѣ вѣгѣ^и зѣлѣ^и и чти^и
именѣ пафноу^и.

Затѣмъ на 2-мъ столбцѣ листа 271 слѣдуетъ послѣсловіе
(см. выше).

На оборотѣ листа 271-го, полууставомъ, написано начало
статьи:

слово ѿ прозвютерѣ кѣпадъшимъ въ прѣлюводѣніиѣ. и
проценѣ вышю покажніиѣ .:.

Нач. Прозвютерѣ нѣкто въ констан'тинѣ градѣ, и ѿ дѣла
днѣвола впаде въ вѣдѣ.

Статья обрывается въ концѣ 2-го столбца на словахъ: аще
въ^и могла^и свои^и грѣховѣ сѣдити и плакатисѣ; ѿ ѿже се слы-
шавѣ.

Этимъ заканчивается рукопись и далѣе прямо слѣдуетъ доска
переплета.

1) Последнія слова: и се истина быти мию — написаны киноварью. На по-
ляхъ рукописи отиѣчено: ѿ кѣѣ.

II.

Другой измарагдъ Императорской Публичной Библіотеки — **Г. I. № 209** — изъ собранія гр. **Θ. Толстого** — былъ описанъ **Калайдовичемъ** въ числѣ рукописей послѣдняго въ отд. I подъ № 214 и названъ въ описаніи «**сборникомъ**». Въ описаніи замѣчено, что рукопись написана полууставомъ XV вѣка, на 296 листахъ, что начало и конецъ утрачены, и что въ 7155 году (1647) она «**принадлежала Серапіону, кажется, Митрополиту Сарскому и Подонскому**». Затѣмъ въ описаніи перечислены заглавія статей въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ въ рукописи, безъ указанія началъ.

Описаніе это является крайне недостаточнымъ и не даетъ вѣрнаго представленія о рукописи. Въ этой рукописи не только не достаетъ начала и конца, но въ ней не достаетъ многихъ листовъ въ срединѣ, и кромѣ того при переплетѣ листы были сильно перепутаны. Вслѣдствіе этого въ описаніи отмѣчены нѣкоторыя статьи, отъ которыхъ въ рукописи сохранилось только начало, и не отмѣчены такія статьи, у которыхъ начало утрачено. Число листовъ, вслѣдствіе невѣрной первоначальной нумераціи, указано также неправильно: рукопись имѣетъ не 296, а 297 листовъ, согласно исправленной вверху листовъ нумераціи. Рукопись эта заслуживаетъ вниманія еще и потому, что написана въ два столбца чрезвычайно оригинальнымъ полууставомъ. Полууставъ крупный, прямой, совершенно не похожій на полууставъ рукописей XV и XVI вѣковъ. Въ почеркѣ замѣтно, какъ будто у писца дрожала рука. Особенно характерно широкое двойное *w* (*ω*), напоминающее греческую омегу. Линія, соединяющія оба столбика въ буквахъ *и* и *н*, вездѣ помѣщаются вверху буквы съ такимъ слабымъ наклономъ, что иногда эти буквы трудно различить. Буква *ъ* похожа на современное рукописное *з* (*гъ*); *ѣ* иногда похоже на *з* (*ъ*). Большинство листовъ подклеено синеватою бумагою, такъ какъ верхніе лѣвые углы многихъ

листовъ (у корешка переплета) были, вѣроятно вслѣдствіе ветхости, обрѣзаны, при чемъ на многихъ листахъ былъ срѣзанъ текстъ, иногда строкъ по 5—7.

На первыхъ четырехъ листахъ сохранился конецъ скорописной записи: *всемъ рѣ и лѣта, зрѣе гдѣ по повелѣнію велика гдѣа пресѣнаго серапимѣа.*

Начала рукописи не достаетъ. Утрачены первые десять словъ измарагда. Рукопись начинается 11-мъ словомъ Іоанна Милостиваго о исходѣ души (F. I. № 225, л. 14 об.) со словъ:..... и по всѣмъ дни.¹⁾ всѣ часы мыслѣ. шенъ въ страстѣ. ѿ томъ часѣ смртнѣмъ вывѣ. носѣше на памѣть. стго ларийна слово. иже гѣше. ѣгда преставитсѣ хоташе. ѿ смиренѣа дше. п. лѣ² равотала еси хоу. и войшисѣ хотѣ аще изыти.

л. 1 об. Слово вѣ. сло³. іѡа⁴. злоустаго ѿ и҃гра⁵. и ѿ пласѣи.

Нач. Земнаѣ всѣ ѡвергѣше. зламъ смышленіѣ. прїидите и оуслышимъ. дѣнаѣ (л. 2) [оучѣнѣа]. (F. I, № 225, сл. 12, л. 15).

л. 3. Слово гѣ. сло⁶. стхъ ѿцѣ. ѿ пѣльнестѣ. вѣе.

Нач. Иже вы не пити ѿиноудѣ. того възвранѣють велѣми. стїи во ѿцѣ не возбранѣша намъ того. вѣ пити и ѣсти в законѣ. (F. I. № 225, сл. 13, л. 16 об.).

л. 4 об. Слово дѣ. сло⁷. іѡа⁸. злоустаго ѣго же любитъ гѣ. того и казнитъ.

Нач. Иже кого видиши неправедна. и злобѣна члѣка. во здравїи ѿвило (sic) живоу҃ра. то не чюдисѣ томѣ. (F. I, № 225, сл. 14, л. 18).

Слово обрывается на л. 4 об. словами: ты ва҃галъ е животѣ скоѣмъ приѣтъ. протнкоу мало доврѣдѣ

Затѣмъ между лл. 4 об. и 5 не достаетъ части рукописи. Но изъ этой утраченной части рукописи сохранился одинъ листъ — въ рукописи л. 146. На немъ сохранилось окончаніе слова 19

1) Точками, какъ и далѣе, обозначены слова, обрѣзанные въ рукописи и заклеенныя бумагой.

(по F. I. № 225) «Іоанна златоустаго о судѣ». (Нач.: Оу́же помысли́те вратѣ, донелѣ́ живен ісма) со словъ: и пороуганіе. ѿ вы и члѣци несмысленни не вѣсте ли. шко въ грѣсехъ ісмы зачалиса и т. д. до конца. А затѣмъ на томъ же л. 146 сохранилось начало слова 20-го (по F. I. № 225; сл. 21 — по F. I. № 209): слѣ. іѡнъ златѹста іко неприатна безспрады (sic) мно-стыни: ѿ Нач. (л. 146 об.). Преходѣще вратѣ. ѿ пици на пици хвалимъ и прославили хѣ вѣа нашего. Л. 146 об. конч: пѣть оуродивыхъ дѣѣ. недоставшѹ во маслѣ рекше доврѣмъ делѣ. рѣ великий каславѣ. Затѣмъ не достаетъ листовъ и слѣ-дуетъ л. 5, который начинается окончаніемъ слова 22-го (по F. I. № 225): «Іоанна Златоустаго о разсмотрѣніи спасенія», — со словъ: вше да творимъ. а не безвѣстно. да не погнѣнемъ. дши во невѣжѣмъ кожѣ насъ.

Слѣдующее слово (23-е по F. I. № 225) въ данномъ изма-рагдѣ обозначено 24-мъ. Слѣдовательно, въ этомъ спискѣ было еще лишнее слово, котораго въ F. I. № 225 не имѣется.

л. 6. Слово кѣ. сло². стѣо нифонта к вернымъ члѣко².

Нач. Тайноу во црѣоу достойтъ хранили а дела вжѣл. Асно проповѣдати. (F. I. № 225, сл. 23, л. 28).

л. 7. Слово кѣ. сло². стѣхъ ѡцѣ ѡ славѣ мира сего: ѿ

Нач. (л. 7 об.) Оуподобиса¹) слава мира сего плами [ог]²) 'неноу. иже погнѣ[ца]еть²) дровы. и высть высокъ. (F. I. № 225, сл. 24, л. 29).

л. 8 об. Слово кѣ. сло². іѡа. златѹста. ѡ теорацихъ многа залѣа. а не принимающихъ. з'дѣ вѣды. влѣви ѡ.

Нач. (л. 9) Оарайнъ црѣ кол'ко приѣтъ. долготерпеніѣ вжѣл. терпаше во ёмоу вѣѣ. (F. I. № 225, сл. 25, л. 30).

л. 10. Слово кѣ. сло². антиѹха мниха. како достойтъ влѣ-стиса залѣхъ женѣ бездмнѣ² (sic).

1) Послѣ слова: Оуподобиса — писецъ ошибочно написалъ свамі, а потомъ продолжалъ: слава мира сего.

2) Буквы ог и далѣе ца выжжены.

Нач. Хвалоу въздадимъ вѣоу. ꙗко ѡченьемъ симъ. на истинноу наставляемъ ѡсмы (F. I. № 225, сл. 26, л. 31).

л. 11 об. Слово ѿн. сло. ѿ глѣнѣ. ꙗко нѣ грѣшныи моукы.

Нач. Оубѣтъ съ не члѣнѣ вратѣ. како оубѣжимъ моукы злѣа творѣце. (F. I. № 225, сл. 27, л. 32 об.).

л. 12 об. Слово ѿд. сло. стѣхъ ѿцѣ. ѡже не ѡвидѣти вѣо-
вѣцѣ. ѿ сиротѣ.

Нач. Црѣ ли ѡси. ѿли кнѣ ѿли вѣонода. ѿ соудѣа. то мысли
ѡ кого ѡси властъ приѣа. (F. I. № 225, сл. 28, л. 34).

л. 14. Слово ѿ. слѣ. прѣчѣ. ѿ вѣоаты ѿ вѣогарьскѣхъ
книгѣ.

Нач. Члѣкѣ некѣи. хѣоаше на поли чистѣ. ѿ не вѣ на поли
томѣ. ни дѣври. ни лѣса. (F. I. № 225, сл. 29, л. 35).

л. 15 об. Слово ѿа. слѣ. стѣо ѡфрема ѡ соудѣ вѣи ѿ
покаѣе.

Нач. Ширина земли. ѿ конци вѣ. ничѣто намѣ приспѣтъ в
той страшнѣи дѣи соудѣ. (F. I. № 225, сл. 30, л. 36).

л. 17. Слово ѿв. сло. ѿва. злѣуѣта. како вѣстѣати. в ноцѣ.
моантѣс.

Нач. Цѣтъ прѣими ѿ члѣе рекше стѣа матѣи. ѿ ѡтрадѣса
ѿми. (F. I. № 225, сл. 31, л. 37).

л. 18 об. Слово ѿг. сло. стѣо нѣфѣнта ѿ ѿскоушенѣи вѣаѿ.

Нач. Оего дѣла вратѣе попоуѣаѣтъ вѣ. оукоры ѿ скорѣ.
прѣимѣти. (F. I. 225, сл. 32, л. 38 об.).

л. 20. Слово ѿд. сло. стѣо. нѣфѣнта. ѿ роуслѣхѣ.

Нач. Иногда вѣстъ. ѿдѣцоу вѣаѣномоу нѣфѣнтоу. вѣ
црѣковѣ стѣа вѣа на оутренѣю. (F. I. № 225, сл. 33, л. 39 об.).

л. 21 об. Слово ѿе. слѣ. ѿва. злѣуѣстаго ѿ расмѣтрѣи мѣтѣи.

Нач. Кѣи оуспѣхѣ ѡстѣ. стѣвѣци ѿного. ѡвѣци же оубѣ-
гаго. (F. I. № 225, сл. 34, л. 40 об.).

л. 23. Слово ѿз. сло. ѿва. злѣуѣстѣ ѿ вѣроуѣцихѣ много
ѿменѣе.

Нач. Нѣи оубѣо намѣ вратѣе. вѣоѣо вѣрема вѣстъ. вѣоѣаѣти к
вѣамѣ. прѣѣоѣо слово. (F. I. № 225, сл. 35, л. 42).

л. 25. Слово аз. сло^о. стго велика^а вснла^а. како веси блаз-
нать. вѣрными чабѣи.

Нач. Иже кто в' вѣрѣ сѣть. хртѣмнстїи. есакомоу ч'ло-
векоу даѣтса. ѿ вѣа ангѣлѣ. (F. I. № 225, сл. 36, л. 43).

л. 26 об. Слово ми. сло^о. іѡа. злауѣстаго. ѿ кротости.

Нач. Гѣ рече. искати естъ кротости. нежели мѣрти. (F. I. № 225, сл. 37, л. 44).

л. 27 об. Слово ад. сло^о. ѿ патерика. іако не достоитѣ. ити
ѿ црѣи. вѣа поютъ. вѣген ѿ.

Нач. Иже древле выстъ. се поведа намѣ нѣкто ѿ невѣр-
ныхъ вѣ моужѣ етерѣ вѣбожзниеѣ. (F. I. № 225, сл. 38,
л. 45).

л. 29. Слово м. сло^о. іѡн. злауѣста^а. іако ѡставнеѣ дѣло ити
ко црѣи.

Нач. И ѿ се (sic) оубо друзѣ и братьѣ. глѡ вы аз' во днѣ
ѿ днѣ. (л. 29 об.) воле надежсѣ. съвирати люди въ црѣковѣ.
(F. I. № 225, сл. 39, л. 46 об.).

л. 31. Слово ма. сло^о. сирахово. посланіе ко евсевию епѣоу.
вѣген ѿ.

Нач. Снжѣши ты црѣкѣ. въ пилоуѣи. іакоже повѣдаѣтъ
хитростѣми оубо оукрашеноу вел'ми. (F. I. № 225, сл. 40,
л. 47).

л. 32. Слово мѣ. сло^о. іѡа. злауѣста іако не подоваѣтъ прѣ-
статн (sic) ѡчаще.

Нач. Молю вы оубо. прїидите нѣѣ. и слышите. возлюбле-
нїи. се во вамѣ дхѣнныѣ. ѡдаю долги. (F. I. № 225, сл. 41,
л. 48 об.).

л. 33 об. Слово мѣ. сло^о. іѡа. златауѣстаго: ѿ

Нач. Изъ оубо любимиїи. друзѣ и братьѣ. свой долгѣ ѡдаю
всегда. и частымѣ оученьѣмѣ. надежсѣ оусекноути. оустрем-
леніе. пѣмнстееное. (F. I. № 225, сл. 42, л. 49 об.).

л. 34 об. Слово м. сло^о. стго афонасѣа. ѿ различїи спа-
сенна. вѣген.

Нач. Речено выстъ сице. вѣѣ советѣи. немощь рода нашего

ѣко вагѣи чакѣлюеца. многѣи на^х разлчнѣи. поути спѣнѣю да-
роваеъ. (F. I. № 225, сл. 43, л. 50 об.).

л. 36 об. Слово мѣ. сло^х. стѣго. афонасѣа. ѿ матѣни.

Нач. И ѣже видѣти намъ потребно ѣ. ѣко богатыство далъ
есть намъ вѣъ. (F. I. № 225, сл. 44, л. 52).

л. 38. Слово мѣ. сло^х. іѡа. злаѣста^х ѿ глѣнхъ во црѣвѣ.

Нач. Глѣо вы возлюбленіи извѣстоуѣ колю ежѣю. (F. I.
№ 225, сл. 45, л. 53).

л. 39. Слово мѣ. сло^х. іѡа. злаѣста^х. ѣко не подоваеъ вѣрѣ
ати ѡклеветаю^х.

Нач. Добро оуво ѣ возлюбленіи надѣ(л. 39 об.)ѣтисѣ на гѣ.
нежели надѣтисѣ на кѣзѣ. (F. I. № 225, сл. 46, л. 54).

л. 41. Слово мѣ. Притѣа. стѣго варлама. ѡ тре^х дрѣзе^х.

Нач. Чакѣ некѣи. ѣмаше трѣ друзѣи. двѣю же любаше и
чѣмаше велѣми, а на третѣемъ друзѣи. невреженѣ ѣмаше велѣми.
(F. I. № 225, сл. 47, л. 55).

л. 42 об. Слово мѣ. подченѣ. ленивѣхъ. ѣже не дѣлаюъ. и
похваля делателемъ. стѣго васнѣа: ѡ

Нач. (л. 43). Ѣже вы глѣо братѣ. слышите, не хотѣвши во
ми ѡ сѣхъ кѣамъ глѣи. но воюсѣ рѣнаго. (F. I. № 225, сл. 48,
л. 56 об.).

л. 44. Слово нѣ. сло^х. к ленивѣмъ стѣго. васнѣа.

Нач. (л. 44 об.). Лювнѣи. ѿ семъ апѣлѣ павелѣ извѣстуѣтъ.
ѣгда на дѣло порозднаго возведемъ. полѣза намъ многа боу-
деть ѿ гѣ вѣа. (F. I. № 225, сл. 49, л. 57 об.).

л. 45 об. Слово нѣ. сло^х. іѡанѣна злаѣстаго. ѿ доверѣхъ
женахъ: ѡ

Нач. Оуслышите жены заповѣди вѣа. и наоучитесѣ во
молчанѣи. повинуватисѣ моужемъ своимъ. (F. I. № 225, сл. 50,
л. 58 об.).

л. 47. Слово нѣ. сло^х. іѡа. злаѣстаго. ѿ доверѣхъ женахъ. и ѿ
злѣхъ.

Нач. Во посланѣ к римланомъ. апѣлѣ павелѣ менить. мно-
гимъ доверѣа жены. похваляю глѣа. (F. I. № 225, сл. 51, л. 59 об.).

л. 48 об. Слово ѿг. сло^о. ѿѡа. злауѣстаго. ѡ зл'ыхъ жена^{хъ}.

Нач. Юсть лоучши во поустыни. со зверми жити, неже съ з'лою женою. (F. I. № 225, сл. 52, л. 61).

л. 51 об. Слово ѿ. слб. ѡ прит'чи ѿ ѡ наказаніи дѣтей. к родителемъ своимъ.

Нач. Чаѣщи енеманте ѿзвесто. ѡ глѣмыхъ снхъ. ѿ нака-зайте ѿзлаада дѣти свои. (F. I. № 225, сл. 53, л. 62 об.).

л. 53. Слово ѿе. слово. ѿѡа. злауѣстаго. како ѿметн челады свою.

Нач. Ёще же ѡще кто ѡ васъ братье. равн ѿмать ѿ равн-ни. да оучите ѿ ѿ поудите ѿ на крещеніе. ѿ на покалнѣ. (F. I. № 225, сл. 54, л. 64).

л. 54 об. Слово ѿз. сло^о. стхъ ѡѡ. како дѣтемъ ч'тити родителъ свои.

Нач. Послоушайте братьѣ. ѿ сестры заповѣдн гна. ѿже к законноу рече. (F. I. № 225, сл. 55, л. 65).

л. 56. Слово ѿз. слб ѿѡа. злауѣстаго. како ч'тити прозви-тера.

Нач. Оуѣдите вси. коанка ѿбреніскаѿ власть ѿ честь. (F. I. № 225, сл. 56, л. 65 об.).

л. 57. Слово ѿи. сло^о. стхъ ѡ ѡженітеѣ. ѿ ѡ любовдѣлннѣ: ѡ

Нач. Чюѣстенаѿ разоумъно. ѿ оумннѣ слоухъ (sic). ѡверъзше. прійдите оубо. ѿ слышите ѿсно вси. (F. I. № 225, сл. 57, л. 66 об.).

л. 59. Слово ѿд. сло^о. ѿѡа злауѣстаѿ ѡ терпѣннѣ. ѿ ѡ ваѡхвал-леніи. да не много ѡ оумершихъ. плачемсѣ.

Нач. Пріѡ ѿмѣти в памяти. днѣ смертннѣ. мнози вчера с вами вывше съ члѣкы. ннѣ же нѣ в вами. (F. I. № 225, сл. 58, л. 68).

л. 67 об. Слово ѡ. сло^о. ѿѡа. злауѣстаго. ѡ хрѣстѣлннѣстѣѣ.

Нач. Послоушайте ѿзвесто. мнози оубо тол'ко слытѣмъ хртѣлнѣ. а по житыѡ ѡл'ини. (F. I. № 225, сл. 59, л. 74).

л. 71. Слово ѡа. слб. ѡ лоукы стѡ ѡѡлѣѣ прит'ча. ѡ вѣте^{хъ} лазаре. ѿ ѡвого^{хъ}.

Нач. Їже ѿ богатемъ лазарѣ притѣа. велѣми на пол'зоу
естъ оубогимъ. ѿ богатымъ. (F. I. № 225, сл. 60, л. 76 об.).

л. 73 об. Слово ѿв. слѣ. ѿ некоемъ влоудникѣ. нѣ мѣтню
творѣщ' ¹⁾ а влоуда сѣ не ѡста.

Нач. Тако ѿ семъ сказаѣтъ. в лѣта. лѣѡна црѣа. вѣ некто
члѣкъ славенъ. (F. I. № 225, сл. 61, л. 78).

л. 74 об. Слово ѿг. слѣ. ѿѡа. злѣѡустаѣ како оученіѣ сѣдша-
ти. вѣгѣи ѿ.

Нач. Їзъ оу⁶⁰ по всѣмъ днѣи. возлюбленіи. оученіѣ теоріѣ вѣ.
(F. I. № 225, сл. 62, л. 79).

л. 76. Слово ѿ. слѣ. поѣчително. ѿѡан'на. злѣѡустаѣ.

Нач. Ї аще кто вѣгѣч'тнеъ. ѿ вѣгѣлюбнеъ пріидите. ѿ слышѣте
вратѣѣ. да насладимсѣ дхѣнаго сего. вѣгѣнаго оученіѣ. (F. I.
№ 225, сл. 63, л. 80).

л. 77. Слово ѿе. поѣченіѣ. ѿ милостыни. ѿѡа. златаѡстаго.

Нач. Їкоже во виноградехъ. разлічнѣи плодове соутъ. тако
ѿ во стѣхъ црѣвахъ. плодове соутъ. (F. I. № 225, сл. 64,
л. 81).

л. 78 об. Слово ѿз. поѣченіѣ. стѣго ѿѡа киріаа. архіепіа
ѡлександрійскаго.

Нач. Доуховное оубо семѣа. вѣвашихъ дшѣхъ. оуже ѿ перѣковѣ.
ѿ вторѣѣ всеѣлѣѣ ѣсмѣ. (F. I. № 225, сл. 65, л. 82).

л. 80. Слово ѿз. слѣ. ѿѡа. злѣѡустаго. к невѣрнымъ.

Нач. Їзъ оубо любиміи свой долгъ. на всѣмъ днѣ. ѡдаѡ
оученіемъ. (F. I. № 225, сл. 66, л. 83).

л. 81. Слово ѿи. слѣ. ѿѡа. злѣѡустаѣ. ѡ крепости ѿ ѿ разоу-
мѣ. гдѣе живѣтъ (л. 81 об.) вѣ члѣѣѣ. гдѣ вѣгѣи.

Нач. Се оубо ѡзъ любиміи. часто оучениѣ теорѣа. надеѣсѣ
возвранити. ѿ пѣаньстеа. ѿ наоукъ з'лыхъ. (F. I. № 225, сл.
67, л. 84).

л. 83. Слово ѿд. слѣ. ѿѡа. злѣѡустаѣ. ѿ тваріи вѣжѣи. ѿ ѡ кон-
чинѣ смрѣтѣни. ѿ ѿ покаѣи.

1) Такъ написано въ концѣ строки.

Нач. Прелѣростію скобю вѣѣ. всю тварь сътворившѣ. ѿ не-
вытѣѣ в вытѣѣ приведеѣ. (F. I. № 225, сл. 68, л. 85).

л. 84. Слово бѣ. слово. іѡа. зладѣстаго. ѿ матѣни.

Нач. Ище вес печали чѣче. желебши выти, то оуклонисѣ ма-
тежѣ (sic) мирьскаго. (F. I. № 225, сл. 69, л. 86).

л. 85 об. Слово бѣ. слѣ. іѡа. зладѣста. да нейзанише. по
младенцехъ. плачемъ. вѣѣи ѿ.

Нач. Се ѡбаче мыслиши младен'ца оумираѡща зрѣ. се было
наследникоу. выти мѡѡго именьѣ. (F. I. № 225, сл. 70, л. 87).

л. 86 об. Слово бѣ. слѣ. іѡа. зладѣста. ѿ невестаѡщихъ на
заоутренію.

Нач. Оже в лености кто вѣ житиѣ семъ превывебѣѣ. то не
спѣтсѣ. (F. I. № 225, сл. 71, л. 88).

л. 88 об. Слово бѣ. повченіѣ. іѡа. зладѣстаго. к вернымъ ѿ
сиротаѣ.

Нач. Ширина земьскаѣ. и долгота морѣ. и реки. и источ-
ники всѣ веленью вѣѣю. повинноуѣтсѣ. (F. I. № 225, сл. 72,
л. 89).

л. 90. Слово бѣ. слѣ. іѡа. зладѣста. поч'то бѣ ѡстави на-
пасти и скорби. и болезни стѣѣ пѣиѣмати. вѣѣи ѿ.

Нач. И се намѣ извѣсто ѣ вратѣѣ. многы во попѣстнаѣ вѣѣ.
стѣѣти оутѣдникомъ своимъ прѣиѣмати. (F. I. № 225, сл. 73,
л. 90 об.).

л. 91 об. Слово бѣ. слѣ. іѡа. зладѣстаго. ѿ впадаѡщихъ
вѣѣды. и в печали. вѣѣи.

Нач. Се же да вѣсте. иѣ частымъ печали любима вѣѣу. (F. I.
№ 225, сл. 74, л. 91 об.).

л. 93. Слово бѣ. слѣ. іѡа. зладѣста иѣ не ѡчаѣтѣи к вѣѣѣ.

Нач. Ико аще кто добро творѣ. в вѣдоу впадеѣ. или в
волѣзни лѣтѣѣ. (F. I. № 225, сл. 75, л. 92 об.).

л. 94. Слово бѣ. слѣ. стѣѣѣ ѡѣѣ. ѿ лѣсти мира сего.

Нач. Иже аще кто ѿ чѣѣѣ. славы сѣѣ желебѣѣ. времен'нымъ.
то не можемъ (sic). славы вѣѣѣѣ разоумѣѣти. (F. I. № 225, сл.
76, л. 93 об.).

л. 95 об. Слово ѿн. сло^о. стхъ ѿца. ѿ покаяній. влѣви ѿ.

Нач. Глѣ стѣ писаніе неціи. многожы кающеса ѿ грѣсѣ^т своихъ. и пакы тожѣ творѣтъ. (F. I. № 225, сл. 77, л. 95).

л. 97. Слово ѿд. сло^о. стхъ ѿца. ѿ заветаи покаянія. влѣви ѿ.

Нач. Любиміи слышите. аще въ грѣсѣ^т състарѣхса члѣкъ. и положи заветъ свой к боу. (F. I. № 225, сл. 78, л. 96).

л. 98 об. Слово г. слово стхъ ѿца ѿ наказаній. ги.

Нач. Аще оубо скота не призрѣмъ. в калу гразлица (sic), то вси простираемъ роуцѣ извелеши хотѣше. (F. I. № 225, сл. 79, л. 97).

л. 100. Слово па. воспрѣ. стѣо. антиѿха. и ѿветѣ (sic) стѣо епифаніа.

Нач. Глѣ бѣ. что дѣла попустилъ ѣ. воевати. ѿветѣ. да любѣщей вѣа промѣтса. (F. I. № 225, сл. 80, л. 98).

л. 102 об. Слово пѣ. саѣ. ѿ оумираюцихъ внезапоу. и оутопаюцихъ. влѣви.

Нач. Оубо что хоцѣмъ глѣти. ѿ оумираюцихъ. внезапоу или со врега лѣтѣвшоу. (F. I. № 225, сл. 81, л. 100).

л. 104. Слово пг. слово. влажина^т. ѣвсєвѣа. архіеппа.

Нач. Люте во єдинъ ѿ днѣи. члѣкъ перевозса рѣкоу. и оутопе. (F. I. № 225, сл. 82, л. 101).

л. 105 об. Слово г. сло^о. стѣо. ѿца. деѿниса. ѿ желѣюцихъ (sic) много ѣ оумершихъ.

Нач. Иногда ко стѣмѣ ѿцю деѿнисю мнози прїдоша хѣлювци. (F. I. № 225, сл. 83, л. 102).

л. 108. Слово пѣ. сло^о. стхъ ѿца. ѿ съвѣзніе вѣсовѣстї.

Нач. Се како вѣси возмогаютъ на ны. слышите волю бо нашихъ дѣла. злѣхъ погываемъ люте. (F. I. № 225, сл. 84, л. 104).

л. 109. Слово пѣ. слово. стѣо ѿца ѣфрема. ѣ покаяи.

Нач. Иже въ псалтырї слышимъ братѣ. влѣнаго дѣда. глѣоца. сѣ днѣ иже сотвори глѣ. възрауѣмса в оны. (F. I. № 225, сл. 85, л. 105).

л. 111. Слово пз. слб. іѡа. злауѣстаго. како подобно въ цркви приходити. с верою.

Нач. Цркви нбо естъ любимиі. что сѣхъ вещей. страшнѣе цркви. (F. I. № 225, сл. 86, л. 106 об.).

л. 112. Слово пи. слб. іѡа. Заутаѣстаго (sic). ко вдов'цемъ. и вдовамъ.

Нач. Еще же сеѧ заповѣди. слышите вси. паче во теѧ дѣла. моужь и женъ. се слово ѿ. (F. I. № 225, сл. 87, л. 107 об.).

л. 113 об. Слово пд. слово. іѡа. злауѣстаго. ѡ чистотѣ душевнѣй.

Нач. Мы оубо да навыкнемъ. что ѿ иже чѣка сквернить. (F. I. № 225, сл. 88, л. 109).

л. 115 об. Слово ч. слб. стго. вфрема. ѡ матежи житіа сего члѣкаго.

Нач. Оуже наводит ны время. на дѣло вѣчнаго живота. и неразориимыя славы. (F. I. № 225, сл. 89, л. 120).

л. 117. Слово ча. слб. іѡа. злауѣстаѧ ѡ принятіи тела и крове гни. влг.

Нач. Любиміи слышите. сего ради владыка. гѣ нашъ іс хс. в нашоу плоть ѡблечесѧ. (F. I. № 225, сл. 90, л. 121 об.).

л. 120. Слово чѣ. слб. іѡа. злауѣстаѧ ѡ казнехъ вѣжнхъ на насъ. гн влген.

Нач. Ико же мрніи врачее не ѡжидаютъ. да к нимъ врачй (чит.: больнии) (л. 120 об.) прійдоутъ. бгда в недоузеѣ слезать. (F. I. № 225, сл. 91, л. 124 об.).

л. 124. Слово чг. слб. іѡа злауѣстаго. како сщникомъ оучити люди¹⁾. влген.

Нач. Ико аще не слоушаютъ оучиміи. но мы не престаемъ. оучащихъ. (F. I. № 225, сл. 92, л. 127).

л. 125 об. Слово чд. слово, стго ѡ генадѣ. патриар'ха. влген. ѡ.

1) Въ ркпсн: люлюди.

1) Слогъ: мо надписанъ сверху позднѣйшею рукою.

пѣмше слезати. тоже ѡгнь възгоритсѧ. (F. I. № 225, сл. 101, л. 119 об.).

л. 139 об. Слово рѣ. слово. ѡ старцѣ ѡже мѣтеюю сквою дождь сведе с нѣсе.

Нач. Бысть нѣкогда в моурьстѣи ѡласти вездождѣ велико. (F. I. № 225, сл. 102, л. 130).

л. 141. Слово рѣ. слово. стѣо григоріа двѣсловца, ѡ некоѣи женѣ ѡмене^н матрѣ.

Нач. Бѣ некаѧ жена. ѡменемъ матрена. ѡже недавно вѣ не вѣстоу снѣ ѡм помѧлъ. (F. I. № 225, сл. 103, л. 131 об.).

л. 142. Слово рѣ. поученіѣ. стѣо васильѧ. вѣгеті.

Нач. Научисѧ вѣрны члѣе выти. вѣгочестѣи дѣлатель. (F. I. № 225, сл. 104, л. 132).

л. 143 об. Слово рѣ. побченіѣ. нѣа злоуѣстаго. на памяти стѣхъ. ѡплѧ. вѣген.

Нач. Поумислите оубо вратѣ. ѡ разуумѣйте. какова воудеть слава. ѡ честь приѧти. (F. I. № 225, сл. 105, л. 133 об.).

л. 145 об. Слово рѣ. слѣ. рѣнаго ѡ нашего. лариѡна. вѣ. ѡ житіи семъ многомѣтежемъ. (F. I. № 225, сл. 106, л. 135).

Нач. Хоудѣ ѡ маловременѣ житѣѧ сего. наслаженіѣ. скоропогибѣлющѧ слава. мечетнаѧ света сего.

На этомъ обрывается л. 145 об. Далѣе слѣдуетъ читать л. 149:

F. I. № 225, л. 135.
слава мечѣтанаго свѣ-
та сего. ѡ неспѧѧ же
вѣтъ вес конѣца ѣ.
ѡ неоубѣдоми соутъ [л. 135 об.] да-
роуе.

F. I. № 209, л. 145 об.:
слава мечетнаѧ све-
та сего. (л. 149).
. . лѣтъ вез[конца] ѣсть.
ѡ не[удовѣми]и (sic) соутъ
да[ровѣ]¹).

1) Лѣвый верхній уголь л. 149-го обрѣзанъ и подклеенъ. Точками обозначено недостающее; въ прямыхъ скобкахъ поставлено то, что дополнилъ на подклеѣнкѣ позднѣѣшій писецъ.

Затѣмъ слѣдуетъ читать лл. 150—152 об.

л. 150 об. Слово рѣ. слѣ. стѣго ѡца васильа. кесаріискаго ѡ стѣмъ постѣ.

Нач. Въстроуенте¹⁾ рече в новомесѣчною трѣвоу. в нарочитый день п[ра]дника вашего²⁾. (F. I. № 225, сл. 107, л. 136 об.).

л. 152. Слово рѣ. слово. стѣго нифонта. ѡ вѣгатеи ѡ скоу-
пемъ. гѣ вѣв.

Нач. Иногда стѣи нифонтъ ходи. ѡ видѣ чѣка. ѣмоу же мо-
лашесѣ. множество ницихъ. (F. I. № 225, сл. 108, л. 138).

Читать далѣе листы слѣдуетъ такъ: 152 об., 154, 154 об.,
153, 153 об., 155, 155 об.

л. 154 об. Слово рѣ. слово. ѡ богаты не мѣтеи. вѣв.

Нач. Не глѣо оубо на вѣгаты. иже подалѣе[.]³⁾ ѡ доврѣ жи-
воути. (F. I. № 225, сл. 109, л. 139).

л. 155 об. Слово рѣ. слово ѡ еѣла. иже ѡ матфеѣ.

Нач. Юже прѣкъ рече. да сѣ ѡсправѣтъ матфеѣ мол. ѣко ка-
дило прѣ тобою. (F. I. № 225, сл. 110, л. 140 об.).

Слово обрывается на л. 155 об. словами: почто сѣ не хва-
лиши не стыдиши глѣти. да сѣ ѡсправѣтъ матфеѣ. Затѣмъ части
рукописи не достаетъ, а именно (по F. I. № 225) конца слова
110-го, 111-го и начала слова 112-го: стѣи ѡца. ѡ житѣи
чѣчѣстѣмъ, конецъ котораго сохранился на л. 156 со словъ:

F. I. № 225, л. 144:
како же ѣзекый црѣ. ѡ
ниневгитанѣ живота
прошши. приложѣ
ѣ ѡмъ вѣ. (л. 144 об.) но
извѣсто нѣ и повѣда-
ѣтъ прѣрѣти ѡсточ-
нѣ павелъ апосталъ (sic)
великый глѣтъ.

/....
.... шимъ
стѣ
.... о . ѡ . пов
.... тѣ. прѣмѣрѣти ѡсточ-
никъ. ѡплѣ великы
павелъ.

1) Въ ркпси: Въстроуенти.

2) Поставленные въ скобкахъ слова написаны позднѣе на подклейкѣ.

3) Буква стерлась.

Читать лл. 156, 156 об., 157, 157 об.

л. 157. Слово рї. (по F. I. № 225 сл. 113). слѣ. ѿ глѣющихъ
ѣко злѣ оумирающихъ, не вѣжѣмъ повеленьѣ ѡмѣраѣ.

Нач. Оубо нелѣпо несмысленныхъ. послоушати. глѣце. (F. I. № 225, сл. 113, л. 145).

Слово обрывается на л. 157 об. словами: наведоу на неѣ
казнь злоу глѣдъ же ѣ рать. ѣ разлчнѣи.

Далѣе въ рукописи недостаетъ (по F. I. № 225) окончанія
слова 113 и начала слова 114-го: «стѣо ѿца григорїа. ѿ перевоз-
даннѣмъ», конецъ котораго сохранился на л. 158 со словъ:
грати начаша пла(с)анѣмъ. ѣ въ томъ часѣ растоуписъ земла.

Читать листы: 158—166 об.

л. 158 об. Слово рѣ. слѣ іѡа. злауѣста ѿ стѣмъ постѣ.

Нач. То почѣо соутъ мнози глѣущѣ. не тревѣ постѣ. во
чистѣотѣ живѣущимъ. (F. I. № 225, сл. 115, л. 147 об.).

л. 160. Слово рѣ. слѣ. іѡа. злауѣста ѿ пощенїи. гѣ в.

Нач. Їже кто вѣголювнѣ. ѣ вѣренъ. прїидите ѣ оуслышѣте.
сказанїа ѡ постѣ. (F. I. № 225, сл. 116, л. 149).

л. 161 об. Слово рїи. слѣ. іѡа. злауѣста. ѡ стѣмъ. постѣ.

Нач. Оубе ѡ постѣ. ѣстинноу сказаемоу. да оубесте всн.
(F. I. № 225, сл. 117, л. 150).

л. 163 об. Слово рѣ. слово. ѿ виденїи стѣо апѣа. павла.

Нач. Тако глѣ прѣкомъ. доколѣ согрѣшаѣте. ѣ прилагаете
грѣхи на грѣхы. (F. I. № 225, сл. 118, л. 151 об.).

л. 165 об. Слово рѣ. слово. стѣо ѿца. кирила. ѿ страстѣ
вѣжѣи.

Нач. Всегда любнѣиѣ, вратѣ ѣ сестры. ѣмѣемъ страхъ вѣжѣи
(sic). во срѣци своѣмъ. (F. I. № 225, сл. 119, л. 153).

Слово обрывается на л. 166 об. на словахъ: ѡ чѣжихъ грѣ-
ховѣ. не ѡсоужѣйте. да не ѡсоужѣни боудете. кто.

Не достаетъ (по F. I. № 215) окончанія слова 119-го, слова
120-го и начала слова 121-го: «стѣи ѿца. како хрѣтианѣ
жити», конецъ котораго сохранился на л. 167 со словъ: ѣ глѣти
здѣ. ѣ ѡкѣ лжѣю мнѣти. оуготованнѣ. грѣшникомъ моуки.

Чѣтать лл. 167—180 об.

л. 169 об. Слово рѣг. слѣ. іѡа. злѡуѣста. ѡ страстѣ вѣжѣ. и ѡ покаѣннѣ. гѣ.

Нач. Любимѣи павлова апѡла. сладкаго оученѣа. послушѣюще. распространите срѣца и оушеса. (F. I. № 225, сл. 122, л. 158).

л. 172. Слово рѣк. слово. стѣхъ ѡца како дѣхенѣ праздновати. гѣ вѣген.

Нач. Иже кто вѣренѣ и вѣгочѣненѣ. лепо ны бѣсть вратѣбѣ. вѣженѣа празднѣикѣ. имѣти. в чѣтѣ дѣхенѣ. (F. I. № 225, сл. 123, л. 159 об.).

л. 174. Слово рѣк[е]¹⁾. слѣ. іѡа. злѡуѣста. ѡ велицѣ постѣ. и ѡ апѡки постѣхъ.

Нач. Члѣци вѣрнѣи. ѡ постѣ сказаннѣ слышите. (F. I. № 225, сл. 124, л. 161).

л. 175 об. Слово рѣз. сло. стѣхъ апѡла. и стѣ ѡца. ѡ велицѣ постѣ. и петрѣ. и днѣнѣ.

Нач. Иже вѣрнѣи соутѣ слышите вратѣбѣ. и сестры. и вси старѣи, и юнѣи. писанѣа ѡ постѣ. (F. I. № 225, сл. 125, л. 162 об.).

Слово это, составляющее въ F. I. № 225 одну большую статью, разбито въ F. I. № 209 на два слова слѣдующимъ образомъ:

F. I. № 225, л. 165.
сѣи всѣа слышѣюще вратѣ
пѣцѣимъ сѣа въ чѣтѣхъ
днѣи сѣа постнѣа
преитѣи. вѣдержанѣе
ѡ всакого злѣа. да радостно
вѣскрѣнѣа доидѣмъ. славаѣе
стоуѣю трѣцю ѡца и сѣа
и стѣго дѣхѣа.

F. I. № 209, л. 179.
сѣи всѣа слышѣюще. вратѣбѣ
потѣцѣимъ сѣа. в чѣстѣхъ
днѣи сѣа постнѣа
преитѣи. воздержанѣемъ
ѡ всакого злѣа. да радостно.
воскрѣнѣа хѣа доидѣмъ.
славаѣе стоуѣю трѣцю. ѡца и сѣа.
и стѣго дѣхѣа.

1) Буква «е» обрѣзана при переплетѣ книги.

ЕЖЕ ПРЕ ВГОЛѢ МНО-
ГА СТВОРИЕШЕ ЗЛАА. НАМЪ
ДОСТОЯНИ НИ ГЛѢВЪ ЕЪС-
КЛОННИИ. ПЛАЧЮЩЕ
И СКОРВАЩЕ ѿ ТОМЪ.

СЛОВО РѢЗ. СЛО^В. ѠБОУДОУЩА-
ГО ВѢКА СЛОВѢ. Ѡ Ѡ СЕИ ЖИЗ-
НИ. ГИ.

Нач. Ёже прѣ вѣомъ мно-
га стѣворихомъ злѣмъ. намъ
во достѣмло. ни главы вос-
клонити. плачущейсѣ.
и скорѣише ѿ томъ.

Слово въ Ф. I. № 209 обрывается на л. 180 об. на словах:
заповѣди вѣдѣ сътворяюще. съ смиренѣмъ. тѣло ѿ кровь
гнѣ. достонѣ

Послѣ сего въ рукописи не достаѣтъ (по F. I. № 225) конца сего 125-го слова и начала слова 126-го: стѣмъ ѡцѣ. како хрѣтіанѣмъ жити. — Продолженіе этого слова сохранилось на л. 147 со словъ: то бѣустрѣанѣтъ въ ѣ. дѣмъколъ. и грѣхъ е' вась. акы желѣзо естъ... Затѣмъ листы должны слѣдовать такъ: 147, 147 об. 181—186 об.

л. 183 об. Слово рѣд. слѣд. заповѣдь. стѣго аплѣ. павла. влѣ.

Нач. Йже въздѣжііша жено. несъвокоуплѣощесѧ. с моужемъ своимъ. (F. I. № 225, сл. 127, л. 170).

Слово обрывается на л. 186 об. словами: вѣдѣтеже сѧ. ѿ срамословѣѧ. Затѣмъ не достаѣтъ листа и слѣдуетъ съ л. 187-го конецъ этого же слова: ѿдѣтъ на тѧ печаль. ѿнѧ на друга. но поскорѣн ѿ немѧ. ѿ оутѣши ѿго. Листы читать такъ: 186—192 об. Слово заканчивается на л. 189.

л. 189. Слово рл. слб. влжѣнаго ѣвсєвѣа. ѣже вѣа хвалити
болѣшемоу, и ѡ нѣвѣ. гдѣ влѣви.

Нач. Оүзрѣвъ ѣдинъ ѿ днѣи. црѣ ѡлександръ. некоѣго члѣка
болна лежаща. ѡи пришедъ к нему. (F. I. № 225, сл. 128,
л. 175 об.).

Обрывается на л. 192 об. словами: а́ что вѣда лоучитсѧ. и
много на вѣа хоулы и́знесоуть. оуправленіа почитающей своѣа.
аще гдѣ сподѣтъ, или

Не достаетъ окончанія сего слова и начала слѣдующаго: **Глѣ стѣо ѡца кѣрила ѡ нсходѣ дшн. и ѡ двадесати мытарстѣ.** (F. I. № 225, сл. 129, л. 179). Не достаетъ лишь незначительной части, остальное — со словъ: **свое тѣло. ѡ него же изыде. оумил'но ко ангѣломъ взирающе** — сохранилось съ л. 193. Читать листы 193—199 об.

л. 198. поученіе. **іѡа. злоу҃стаго. хртѣаномъ. г҃и. вѣи ѡ.**

Нач. [Оу҃зриш]и **ѡце кого[ж]неоуща. в за[по]вѣдехъ г҃инѣ¹⁾.** (F. I. № 225, сл. 130, л. 183 об.).

Слово обрывается на л. 199 об. словами: **воудѣт ли велено. вернымъ играти. гоусли и пласати. се во поганыхъ.** Затѣмъ не достаетъ конца сего слова и начала слова 131 (F. I. № 225): **стыѣ ѡца ѡ тазнѡѣтѣ.** Конецъ сего слова сохранился съ л. 200 со словъ: **влоудѣства моѡ изношахоу. ѡко же ѣсмы ѡ двоу҃лѣтѣ рѣства своѣго. что створилъ.** Читать далѣе листы: 200—214 об.

л. 201. Слово **рл. слѣ. іѡа. злау҃. ѡ слеп'ци. ѣмоу҃ хс.** ѡчи ѡверзе ко їѣрихонѣ градыи.

Нач. (л. 201 об.). **Мы оу҃во да слышимъ. вѣрнии сказаніе се ѡ егѣа.** (F. I. № 225, сл. 132, л. 186 об.).

л. 203. Слово **рлѣ. слово. стхъ ѡца ѡ временемъ житїи. г҃и вѣи ѡ.**

Нач. **Ѣже подоваѣтъ намъ братьѣ. въкратцемъ семъ житїи творити. прїидите и слышите.** (F. I. № 225, сл. 133, л. 188).

л. 205. Слово **рлз. слѣ. ѡ нѣкою дѣю соусѣдѣ. шевци.**

Нач. **Послоушайте братьѣ. и ѡ семъ. вѣста. дѣа соуседа шевци. вкоупѣ живоуща.** (F. I. № 225, сл. 134, л. 189).

л. 206 об. Слово **рлз. слѣ. стхъ ѡца о правдѣ, и ѡ неправдѣ. г҃и вѣи ѡ.**

Нач. **Оу҃во перевѣе въ правда вѣомъ сотворена. во члѣехъ. потомъ же ѡ неприѣзни.** (F. I. № 225, сл. 135, л. 190 об.).

л. 208 об. Слово **рлн. слово. ѡ покаѣнии грѣшныхъ. г҃и.**

1) Поставленное въ прямыхъ скобкахъ заглесено и дополнено по F. I. № 225.

Нач. Како видн снѡ вещь. повѣда ѿ вѣжнѣи павелъ прост-
тѣи. (F. I. № 225, сл. 136, л. 191 об.).

л. 210. Слово рѣд. сло^о. стѣго ѣфрема ѿ второмъ прѣшествѣи.
гѣи вѣлѣи.

Нач. (л. 210 об.). И ѣгда житѣе члѣкомъ. лѣта реченалъ скон-
чаютѣ. прѣйти ѣматъ гѣ с нвси. (F. I. № 225, сл. 137, л. 193).

На л. 214 об. статья прерывается словами: потомъ въпро-
симѣи боудѣтъ црѣ. ѿ князи. ѿ соудѣи. ѿ вѣлѣможн. бѣтнѣи. ѿ
оувозн. малѣи ѿ вѣлѣи. моужѣе ѿ жены. чернѣи. ѿ чернѣи.
Затѣмъ статья продолжается на л. 236:

F. I. № 225, л. 196. Потѣмъ въ-
спросимѣи вѣдѣ црѣи ѿ князи. сѣа
ѿ вѣможн. бѣгати ѿ оувѣзѣи.
малѣи ѿ вѣлѣи. моужѣи ѿ жены.
чернѣи ѿ чернѣи. всакъ ко-
жѣо ѿ дѣлѣхъ. ѡвѣщаѣе. ѿ прѣ-
имѣи кождѣ. ѡко^о сѣтвори^т
боудѣ на сѣ^е свѣтѣ.

F. I. № 209, л. 236: сѣмъ кой-
жѣ. ѿ дѣлѣхъ ѡвѣщаѣе, ѿ
прѣи. ѡкож
боудѣтъ.¹⁾ сѣмъ свѣтѣ.

Листъ 236 об. оканчивается такъ: козлища грѣшнѣи наре-
четѣ. и^и вѣлѣи (sic) гордѣи. оученѣи неслышающе (sic), все вре-
мѣи живота своѣго. в сытости ѿко пѣлѣнѣстѣе пожнѣи. ѿ немѣтѣи
ѡко же богатѣи ѡнѣ, тати же ѿ клеветнѣи. злодѣи. братонѣ-
мѣи (sic), не кающѣсѣ ѿ злѣвахъ своихъ. разбойнѣи. гра

Далѣе слѣдуетъ читать листъ 215, который начинается: ви-
телѣе. пѣлѣи по мѣѣ соудѣи, ѿ сиротѣмъ ѡвѣдѣи. скоу-
пѣи же. ѿ жестосердѣи. Далѣе статья продолжается на листахъ
215 об. 216—220 об.; на л. 220 об. статья обрывается сло-
вами: си любѣицимъ ма оуготовѣхъ. мѣвѣи ѿ миротворцемъ.
Конецъ статьи утречѣи.

Далѣе слѣдовало: слѣ ѿ нѣли бѣженаго ѣвѣвѣи. Нач. Нѣли

1) Точками обозначены заклеенныя бумагой слова.

соуци и по оутреннѣ сѣдаѣѣ ѡсеевѣ вѣжнѣмоу ѡпѣѣ²⁾. По F. I. № 225 это — слово 138, по F. I. № 209 — слово 140. Но въ F. I. № 209 начало слова, вмѣстѣ съ концомъ слова Ефрема, утрачено. Продолжается это слово на л. 221:

F. I. 225, л. 201 об.: вѣтон вѣ-
днѣ нача вѣѣ строити тварѣ.
и вѣ той днѣ вѣскрсе хс ѡ
мртѣхъ. радѣ всемоу мирѣ
дарова.

F. I. № 209, л. 221: мртѣхъ ра-
достъ всемоу мироу дарова.

Листы далѣе читать слѣдуетъ такъ: 221—235 об., 244—244 об. 237—243 об.

л. 226 об. Слово рѣмѣ. слѣ. ѡ нѣли. иѣкова врата гѣмѣ. ѡпѣмѣ. иѣрѣмѣкаго.

Нач. Хс вѣѣ. почи ѡ дѣлѣхъ своихъ. въ седьмый днѣ, во первый днѣ. созда вѣѣ свѣтъ. (F. I. № 225, сл. 139, л. 205 об.).

л. 231 об. Слово рѣмѣ. слово. стѣго. иѣмѣ златѣстаго. подчѣнѣ дѣиѣполезнѣ.

Нбч. Нже дѣла златѣмѣ погнѣмѣющаго. жѣтѣмѣ сего. вознѣнавѣднѣ. то спсѣѣ дѣшоу своѣ. (F. I. № 225, сл. 140, л. 208 об.).

л. 233 об. Слово рѣмѣ. слово. стѣго. иѣмѣ златѣстаго. еже не ѡчѣмѣтисѣ своѣго спѣмѣмѣ, гѣмѣ вѣѣмѣ ѡчѣ.

Нач. Сего жѣтѣмѣмѣ матежѣ. рассмотрѣте. ѣ чѣиѣ доколѣ оуво не помѣнемѣсѣ. (F. I. № 225, сл. 141, л. 210).

л. 235 об. Слово [р]ѣмѣ. слѣ. стѣго. ефрема ѡ кончинѣмѣ мира сего, гѣмѣ вѣѣмѣ ѡ. Заголовкомъ заканчивается л. 235 об. Слово начинается на л. 244.

Нач. (л. 244). Темѣмѣ вѣйтѣсѣ [вѣрѣѣ] грозѣмѣ и страхѣ [а соу]дѣмѣ вѣжѣмѣ, вѣнѣз[апоу] во] днѣмѣ той, на [идѣтѣ]мѣ страшный¹⁾. (F. I. № 225, сл. 142, л. 211 об.).

2) Взято изъ F. I. № 225, л. 201 об.

1) Поставленное въ прямыхъ скобкахъ въ рѣписи обрѣзано и подѣвлено; дополнено здѣсь по F. I. № 225.

л. 238. Слово рѣмѣ. сло^о. іѡа^а. злѡу^астѣ. в немъ же прит^ачю сказа^атъ. чем^о подобно ѣ жит^аѣ сѣ насто^аѡщее наше како в не^а лѣстимса.

Нач. Всѣ оуво възлюбленіи. свѣта сего вѣскортѣ. премин^аоу^аютса. (F. I. № 225, сл. 143, л. 213). Въ этомъ словѣ имѣется еще частное киноварное заглавіе: л. 238 об.: но слышите чемоу наше. подобно жит^аѣ. сею притч^аю ѡ немъ глѣтъ. Далѣе киноварный заголовокъ: слѣд. сказа^атъ прѣт^ач^аю. ѡ чл^ачестемъ. жит^аѣи. Нач. Члѣкоу неко^аѣмоу вселшоусѣ в домъ с женою сво^аю. На поляхъ однако слово это не отмѣчено цифрою и въ общій счетъ словъ книги не вошло. Слѣдовательно, писецъ считалъ его, какъ и должно, продолженіемъ предыдущаго. Оно обрывается на л. 243 об. словами: ѡставѣ всѣ. неправдою со-
бран^ана и мѣн^аѣа родъ же ѣго. и друзи ка^ах^аоу. ѡ з^алои.

Затѣмъ листа не доста^атъ и на л. 252 слѣдуетъ окончаніе сего слова:

F. I. № 225.

л. 216 об. мы оу^аво та-
ци ѣсмы в^арѣ. кто
оу^аво л^асти жи^аа се-
го не ѡч^авѣтъ. ли
болѣз^анью, ли ѡ вла-
стелен насил^аоу^аѣмъ
ли ѡ разбойникъ. ли
ѡ воды и т. д. до конца слова.

F. I. № 209.

л. 252.
.....
.....
.....
.....
..... насил^аоу^аѣмъ.
или ѡ разбойникъ. или
ѡ воды и т. д. до конца слова.

л. 252 об. Слово рѣмѣ. сло^о. ѡ тативѣмъ слѣпци. гѣ вѣ.

Нач. Бѣ некіи слѣпци на восточни странѣ. на мѣстѣ на-
рицаѣмъ навлонѣ. (F. I. № 225, сл. 144, л. 217). Затѣмъ
послѣ л. 252 об. слѣдуетъ читать лл. 245—251 об.

л. 245 об. Слово рѣмѣ. сказаніе стѣго аѣфонасѣа. а^арх^аи^аѣп^апа
а^алекс^аи^ар^ас^аѣскаго, ко а^аѣнти^ах^аѣ (sic) кн^азю. вопро^аси^ах^аш^ау ѣго. гѣ вѣи
ѡчѣ.

Нач. Сѹкоудѣ въ срѣдн челоуекоу. выведють помыслы. и сло-
веса хоуана. (F. I. № 225, сл. 145, л. 217 об.).

л. 248 об. Слово рѣмн. подченіѣ, іѡа. зладѹстаго. на памѣ стѣго
апѣла. илн мчѣнка ѡвци^н.

Нач. Да бѣте ведоуще вратѣи. и сестры, іако в сѣн днѣ іако
памать стѣго. и въ цркви вси да снитетеса. (F. I. № 225, сл.
146, л. 219 об.).

л. 250 об. Слово рѣд. слѣ. дроутоѣ. ѡбщѣмѣ. стѣмъ. поуче-
ніѣ. іѡа зладѹстаго.

Нач. Братѣѣ. прѣно жадаѣтъ. спѣнѣа нашего хсѣ вѣтъ. и всегда
призываѣм ны не престаѣтъ. (F. I. № 225, сл. 147, л. 221).

Слово обрывается на л. 251 об. словами: сѣ же сатанина
соутѣ дѣла. и хъ же ісмы ѡрицалисѣа. Затѣмъ недостаетъ окон-
чанія сего слова, и начала слова (по F. I. № 225) 128-го: стѣго
вѣрѣма ѡ казнѣ^х вѣжѣмъ. и ѡ ратѣ^х, конецъ котораго сохра-
нился съ л. 253 со словъ: наша неправды и везаконїа. ѡмно-
жишасѣа много знаменѣа по[ка]завшихъ¹⁾. Затѣмъ листы чи-
тать такъ: 253—258 об.

л. 255. Слово рѣа. посланїѣ [нѣко]ѣго¹⁾ ѡца. ко снѣу дхѣвно-
моу. гѣи вѣгѣ.

Нач. Желайю лѡбвиимчѣ. спѣнѣа твоѣго. тѣмъ вѣагословенїѣ
даю ти. (F. I. № 225, сл. 149, л. 224 об.).

л. 257. Слово рѣнѣ. поученїѣ стѣхъ ѡца дѣеполезно.

Нач. Ёще вы сѣ. ижеѣцоу лѡбѣимий, понеже виждѹ вы. оуже
приходѣаще ко цркви (F. I. № 225, сл. 150, л. 225 об.).

Обрывается на л. 258 об. словами: апѣлн стѣлемъ предаша.
недостойны^х вѣжѣноуѹ цркви вѣхода. но вне имъ стоати. дон-
деже. Затѣмъ недостаетъ окончанія сего слова и начала (по F. I.
№ 225) слова 251-го: о филипповѣ говѣшіи, еже предъ рожде-
ствомъ Христовымъ, окончанїе котораго сохранилось съ л. 259
со словъ: [живоу] ца заѣ. ѡ чада чт'о ѡво речемъ. ко вѣсоу
в соудный дѣнъ. Листы читать такъ: 259—272 об.

1) Поставленное въ прямыхъ скобахъ заклеено.

л. 259. Слово рѣ. поученіе. стѣо великаго ѡца. васнла. ѡ жєнахъ.

Нач. Оустралѣйте любѣиміи (sic) спѣше дшамъ своимъ. в малоѡ се времѣ. (F. I. № 225, сл. 152, л. 228 об.).

л. 261. Слово рѣ. повченіе, стѣо ѡца гєнадіа, патріарха, костѣнтинаграда. гѣ благословєн ѡче: ~

Нач. Жєлаю любиміи. ѡ сѣ возрєстїти ми вамъ. да вы вѣо-оугодно пожнєшє. спсѣтєсѣ. (F. I. № 225, сл. 153, л. 229 об.).

л. 263. Слово рѣ. слѣ. стѣо ѡца афонасѣ. александрїискаго ѣже не ѡсоужатї.

Нач. Ёже чѣто оуво не подовабѣтъ. ѡли сѣгрѣшающихъ. ѡглѣти. (F. I. № 225, сл. 154, л. 230 об.).

л. 265 об. Слово рѣ. слѣ. ѡца. злѣуста. ѣже не ѡсоужати но оучити. гѣ вѣ.

Нач. Мыслєно да слышѣте ѣже гѣ рече. вѣ стѣмъ вѣліи. не соудите. да не ѡсоужєни воудєте. (F. I. № 225, сл. 155, л. 232).

л. 267. Слово рѣ. слѣ. ѡ чернѣци, ѣго же вѣси. хотєша прєльстити.

Нач. Оуво сѣдѣше вратѣ вѣмолѣствоуѣ ѡ хотѣша вѣси прєльстити ѣго. (F. № I. 225, сл. 156, л. 233).

л. 268 об. Слово рѣ. слѣ. петра. чернорисца. ѡ житїи семъ. гѣ вѣ вѣ.

Нач. Ёще кто ѡ члѣкъ оукорѣ ѡ скорєи. ѡ вѣды прїємлєть. (F. I. № 225, сл. 157, л. 234).

л. 270. Слово рѣ. слѣ. ѡ патєрика. ѡ нековѣ ѡгоуменї. гѣ вѣ вѣ.

Нач. Ѳвѣстоу житїю вѣ. началнїкъ. некто ѡгѣмєнъ. ѡмѣлїи в манастири своє. оу сєвѣ. с. вратїи. (F. I. № 225, сл. 158, л. 235).

л. 171 об. Слово рѣ. слѣ. ѡ нековѣмъ кѣпци вѣвоѣзнице.

Нач. Ѳ семъ повѣда ѣлїгѣ вѣсєвїи. вѣ некто коупецъ. во александрїи. (F. I. № 225, сл. 159, л. 236). Обрывается на л. 272 об. словами: ѡмамъ сокровєно злато. нарѣ ѡ мєсто ѡма. вѣ

вземши. и долгѣ. За тѣмъ утрачены конецъ сего слова и начало (по F. I. № 225) слова 160: отъ пандока о снѣхъ, котораго конецъ сохранился на л. 273 со словъ: погнвнете, и молитѣ вѣгѣу всегда. игда спати хота. и егда востанѣтѣ сна. Читать листы 273—278 об.

л. 273. Слово рѣг. прѣтво исайю. сна амосова. и прѣтцова с рыданьѣ, ѡ послѣднѣ днѣхъ. провнѣтѣ стѣмъ дѣмъ. хота-ща быти.

Нач. Ѡ чацѣ слышите, тако глѣ гѣ. и внемлете глѣ ѡстѣ мойхъ. (F. I. № 225, сл. 161, л. 239 об.).

л. 277. Слово рѣ. сло. ѡ исповѣданнѣ грѣховѣ. ко ѡцю духовному.

Нач. Ѡцю етерѣу живоуцѣ близѣ, старца зинона. сего некто ѡ помыслѣхъ воспроси. (F. I. № 225, сл. 162, л. 241.).

л. 278 об. Слово рѣ. сло. стѣ ѡцѣ (sic) кирила ѡ небесныхъ силахъ.

Нач. Ѡ небытъ в бытъ. влѣмъ челоуколюбѣцѣ бѣ. сътворити мира сего. прѣтѣ помысли. небытъ силы. (F. I. № 225, сл. 163, л. 242).

Обрывается на л. 278 об. словами: а друзѣи на помощь. посылаѣми. а ииѣи на казнѣ съгрѣшающимъ.

Конецъ Измарагда утраченъ. На остальныхъ листахъ сохранились дополнительные къ Измарагду статьи. Съ л. 279 нач. окончаніе статьи Кіево-печерскаго Патерика (по сп. Импер. Публ. Б-ки Q. п. I. № 31, 1406 г., л. 193 об.: ѡ поуминѣ пѣрниц. Нач. Ѡже ѡ поуминѣ вземше сло. на сповѣданнѣ снѣдѣ). Сравнивая текстъ Измарагда F. I. № 209 со статьею Патерика, видимъ, что статья въ Измарагдѣ заимствована изъ Патерика по древнѣйшей его редакціи, а не по Кассіановской. Приводимъ параллельныя выдержки по названному Измарагду, по Патерику древней редакціи (по сп. Q. п. I. № 31) и по Кассіановской ред. (по сп. Импер. Публ. Б-ки Q. I. № 460, XV в.).

Патер. Q. I. № 490.

л. 154 об.: рече же
 блѣнныи. ѿже
 члѣк' сѣтъ. и
 то ѿ пожнетъ,
 понеже ѡстави
 ма глѣна, и жѣ
 на. ѿ самъ въспри-
 алъ ѿси (л. 155). Гѣ
 сългавъ вѣоки ѿ
 мою хѣдость пре-
 зрѣвъ. но ѡваче
 оучимы ѿсмынекъ за-
 вѣти злѣ за злѣ
 шѣше рѣцете ѿмоу
 зовѣ та пѣмниъ.
 вѣставъ приди
 сѣмо. ѿ ѿгда при-
 шѣше ѿзгѣте
 ѿмѣ. тогда вол'-
 ныи зрѣвъ вѣ. ѿ
 в' тои часъ прѣ-
 иде къ блѣн'но-
 мѣ. ни кым' же во-
 димъ.

прп^{хв}-

нынѣ же поноси
 томѣ

Патер. Q. I. п. № 31.

л. 197: рѣ же
 блѣнныи. ѿже
 члѣк' всѣи
 то ѿ пожнѣ.
 понеже ѡстави
 ма глѣна ѿ жѣд-
 на. сѣи самъ въспри-
 алъ кѣтъ
 солгавъ вѣи. и
 презрѣвъ мою хоу-
 достъ. но ѡваче
 оучимы кѣсмы. не.
 вѣздавати злѣ за злѣ.
 шѣше рѣцѣте ѿмоу
 зовѣ та поумниъ.
 вѣставъ приди
 сѣмо. ѿгда (л. 197 об.)
 рѣ.

си

вол-

нынѣ самъ

при-

иде

никим же во-

димъ. а кы не
 ѿмѣи волѣзни.

ѿ того чѣ. блѣ
 ныи же поноси
 томоу.

Измар. F. I. № 209.

л. 279.

глѣна ѿ жѣд-

[на]. сѣи самъ воспри-
 [а]лъ ѿ.

сългавъ вѣи ѿ
 презрѣвъ мою хоу-
 достъ но ѡваче
 оу[чи]мныи есмы. не
 воздавати злѣ за злѣ.
 шѣше рѣцете ѿмоу.
 зовѣт' та поумниъ.
 вѣставъ приди
 сѣмо, ѿгда же
 возваше ѿ.

вол-

нынѣ самъ

прѣ-

иде. ѿ

никим же во-

димъ вѣствѣ, а кы не
 ѿма (sic) волѣзни.

ѿ того же часа блѣ-
 ныи, поноси
 ѿмоу рече.

л. 281 об. Слово рѣа. слово. стѣо ѡца дорофѣа. поученіа.
 гѣи блѣн ѿ.

Нач. Види стѣи ѡца дорофѣи. пришѣша на починаніе. заоу-
 треніи. дѣмъ стѣмъ.

л. 282 об. Слово рѡн. слѡ. стѣо ѳрема. ѡ кончинѣ мира сего. гѣ влѣ.

Нач. Тем же вратѣ. войтесѧ грозы. и страха вжѣмъ соудѧ.

л. 284 об. Слово рѡг. слѡ. стѣо ѳрема ѡ житиѣ семѣ.

Нач. Блжѣни возлюбивѣше бѣа. и не радѣше ѡ всѧческѣхъ. зем-
леныѣ кещехъ.

л. 286. Слово рѡ. слѡ. іѡа. злѡустѧго. ѡ соудѣнемъ семѣ
житиѣ, и ѡ ползѣ дшѣвѣнѣи. и оумлѣнѣи. влѣнѣи ѡче.

Нач. Возлюбленіи. ѡставляешѣ соудѣнѧ дѣла. и погнѣвающѧ.
житѣа сего. вѧудите. Читатѣ листы такъ: 286—290 об., 148—
148 об., 291 и т. д.

л. 291. Слово рѡе. вѣдѣнѣи стѣо вароухѧ. влѣнѣи ѡче.

Нач. Ѣниде гѣ поерѣди раѧ. и повелѣ анѣломъ. наса-
дѣти рай.

л. 293 об. Слово рѡз. слѡ. ѡ старчества стѣхъ. ѡцѣ. влѣнѣи.

Нач. Ѣи же вѣдѣти ѣсть. аще кто. часы смѧ достигнѣти
исправѣти. съ (л. 294) страхомъ вжѣимъ.

л. 294 об. ¹⁾ стѣо нѣла, вѣнѣстѡлѧ.

Нач. Рѣ стѣи нѣла. ѣко ѣже на лоучѣшѧ. молѣы и молѣнѣи.
не подѡбаѣтъ. л. 295: ты же не всѧкого сего хоцѣши. воспрѡ.
Како же мѣ подѡбаѣтъ прѣвытѣ. ѡвѣтъ. Ѣице достѡитѣ прѣ-
выти. мало пѣти. ... л. 295 об.: рече во иже аще творите. все
во слѡвоу вжѣю²⁾ стѣо. ісѧа. Нач. Подѡбаѣтъ се вѣдати и намъ.
возлюбленіи. ѣко всѧка я тайнѣ вышѧа вѣседа. Конч.:
и прочѧа во оустѡвѣ мѧтѣы наменѧютсѧ. и вчитѧютсѧ. воспрѡ.
Ѣгда молѡсѧ. и люво (л. 296) пѡю. не чѡю силы глѣмышъ. ѡ
ѡжесто (далѣе двѣ строки заклѣены). ѡвѣ ище и ты не чѡѣши.
но вѣси чѡютъ. чтѡ слышѧаще трѣпѣцоутъ. оубо непрѣстѧни. поѧ
молѧсѧ. и помалѡ ѡ вѣзѣ оумѧгчѣти жесточество³⁾

л. 296 Слово рѡз. слѡ. ѡ крѣтѣ чѣнѣ.

Нач. Ѣ крѣтѣ всѣстѣи. и чѣтѣи. хѣ вѣ нашѣ. помѣлуи при-
ходѧщѧ к тобѣ вѣрою и чѣтымъ срѣѣмъ.

1) Номеръ слова на полѣ не обозначѣнъ.

л. 296 об. Слово рѣн. сло^у. гдѣ нашего іс^ха. ко оучникѣмъ его.

Нач. Оѣдѣицѣ же ісѣу. на горѣ бѣлиѣнѣстѣи, ѿ пристѣи-
пиша къ нему. оучникѣи его единѣи л. 296 об. конч.: мнози
бо прѣидѣуть ко ѿмѣи мое. глѣице. азъ ѣсма х^с. и мно. . .

Затѣмъ часть рукописи утрачена. Листъ 297, повидимому,
составляетъ часть этого самаго слова. Нач.: севѣи колеѣи ѿко
тамо възнесутѣ. вѣжѣи воздержѣсѣи. ѿко пици райскии.
оуготованѣи нмѣи и т. д.; л. 297 об. конч.: горе согрѣ-
шѣица колеѣи. оутро глѣицеи. покаѣтѣсѣи. не вѣдѣи чѣи ро-
дитъ ношѣи. горѣи даѣицеи. рѣкѣи.

На этомъ рукопись оканчивается.

Въ заключеніе приведемъ порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ
читать листы въ рукописи: 1—4 (часть рукописи утрачена),
146 (часть рукописи утрачена), 5—145 об., 149, 150—152
об., 154, 153, 155 (часть рукописи утрачена), 156—157 об.
(часть утрачена), 158—166 об. (часть утрачена), 167—180 об.
(часть утрачена), 147, 181—186 об. (часть утрачена), 187—
192 об. (часть утрачена), 193—199 об. (часть утрачена), 200—
214 об. (часть утрачена), 236, 215—220 об. (часть утрачена),
221—235 об., 244, 237—243 об. (часть утрачена), 252—
252 об., 245—261 об. (часть утрачена), 253—285 об. (часть
утрачена), 259—272 об. (часть утрачена), 273—278 об. (часть
утрачена), 279—290 об., 148—148 об., 291—296 об. (часть
утрачена), 297 (конецъ рукописи утраченъ).

Для характеристики языка и письма рукописей приводимъ
два поученія по обоимъ спискамъ. Изъ этихъ поученій въ Изма-
рагдѣ F. I. № 225 первое написано писцомъ первой половины
рукописи поповскимъ сыномъ Θεодоромъ Родіоновымъ, а второе
писцомъ второй части рукописи игуменомъ Вассіаномъ.

1) Точками обозначены мѣста, обрѣзанныя въ рукописи.

Измарагдъ Импер. Публ. Б-ки
F. I. № 225, л. 34.

слѡ. стѣиѣ ѡцѣ. ѡже не
ѡсоужати. ни ѡвидѣти вдовы
и сирѡ: —

Црѣ ли ѡси ѡли кнѣзѣ ѡли
ковѡда. ѡли соудѣ. тѣ помысли
ѡ кого ѡси власть прѣдѣ.
ѡли кто вы дѣ е вѣдѣ
и сирѡ. оумѣ мдрѣ. да оумѣ-
ѡте гонити мѣстѣ. сице гѣтѣ
гѣ слышите кнѣзи соудѣ члѣч-
скыя. да не ѡправдиши ви-
новатаго мѣзѣ рѣ. и не
оустѣдѣси силнаго лица. ѡз-
бавѣ ѡвидимаго. да самѣ
соудиши (sic) ѡзбавленѣ в соудѣ
страшнаго дѣни. всакнѣ вдовы
и сироты не ѡзловите.
да не разгнѣваѣтѣ гѣ про-
стиѡ на вы. гѣтѣ во пррѣкѣ
ѡсавѣмѣ. ѡце неправдою ѡзловѣ-
шиши сиротоу ѡли вдови-
цю. и в горѣсти дѣша иѣ въз-
дѣхѡщи възопиѡ ко мнѣ.

скоро оуслышѡ вопль иѣ. и
поуциѡ на вы гнѣѣтѣ свой.
и погоубѡю вы напрасно. и воудѡ-
утѣ жены ваша вдовы. и
чада ваша сироты.
и никто иѣ не помилоуѣ
ѡ имени (sic) сиротинѣ и
вдовичинѣ не помышлѣи. и

Измарагдъ Импер. Публ. Б-ки
F. I. № 209, л. 12 об.

слѡ. стѣхѣ ѡцѣ. ѡже не ѡви-
дѣти вдовѣцѣ. и сиротѣ.

Црѣ ли ѡси. ѡли кнѣзѣ ѡли
ковѡда. и соудѣмѣ. то мысли
ѡ кого ѡси власть прѣдѣ.
ѡли кто далѣ вы ѡстѣ...¹⁾ стѣ
и сирѡ.... и мдрѣ. да о....
ѡте гонити.... сице гѣтѣ
гѣ слышите кнѣзи. соудѣмѣ
члѣчкыя. да не ѡправдиши ви-
новатаго. мѣзѣ ради. и не
оустѣдѣси. силнаго лица. ѡз-
бавѣ ѡвидимаго. да саѣ
воудѣши ѡзбавленѣ в соудѣ
страшнаго дѣни всакыя же вдовы,
и сироты. не ѡзловите.
да не разгнѣваѣтѣ гѣ. про-
стиѡ на вы. гѣтѣ во пророкомѣ
ѡсавѣмѣ. ѡце неправдою ѡзловѣ-
шиши сиротоу. ѡли вдови-
цю. и в горѣсти дѣша нѣхѣ. въз-
ѣ [л. 13] хѡщи нѣхѣ. възопиѡтъ
[ко мнѣ.

скоро оуслышѡ вопль иѣхѣ. и
поуциѡ на вы гнѣѣтѣ свой.
и погубѡю вы напрасно. и воудѡ-
утѣ жены ваша вдовы. ѡ
чада ваша воудѡутѣ сироты.
и никто иѣхѣ не помилоуѣтѣ.
и ѡ именѣи сиротинѣ. и
вдовѣчинѣ. помышлѣи хотѣ

ХОТА ВЗАТИСА. СИЛЕ (sic) ВО Ъ ГѢ
 МЦА БѢ. РЕКЪ А° ЕСМЬ
 ѠЦѢ СИРОТАМЪ И МЫСТИ-
 ТЕЛЪ ВДОВИЦАМЪ. ИЗ РОУКЪ СИЛ-
 НАГО ИЗБАВЛАНІИ. ГОРЕ ѠБН-
 ДАЩЕМОУ ВДОВИЦЮ ЛОУЧЕ
 ВЫ БМОУ ѠГНЬ В ДОМЪ СВОИ
 ВЪВЕРГЪШЕ И ЗАПАЛИШЕ
 ИЗВѢГНОУТИ. НЕЖЕ ЗА СИ
 ВЪЗДЫХАНІЕ ВЪВЕРЪ [л. 34 об.]

[ЖЕНОУ ВЫ-

ТИ ВЪ ГЕѠНОУ ѠГНЕНОУЮ. ТѢМ
 ЖЕ БЕЗЪ ИСПЫТАНІА НЕ ПРИЕМ-
 ЛИ КЛЕВЕТЫ НА СИРОТЫ И
 ВДОВИЦА. И НЕ ВЪСКОРѢ ВѢРЫ
 ИМИТЕ ѠБЖАЮЩИ. ЧѢ
 ВЛЮДѢТЕ СѢТИ ДІАВОЛА.
 ПОСЛОУШАЙТЕ ЖЕ ПѢ ПИСА-
 НІА. ГЛѢЦА СИРОТѢ ВОУДИ
 ПОМОЩНИИ. БЛГБЛАТЪ ТА
 ОУСТА ВДОВИЧА. ВОУДИ СИ-
 РЫМЪ ѠЦѢ. ВЪ МОУ-
 ЖА МѢСТО ВДОВИЦАМИ ПО-
 ПЕЦИСА¹⁾. И МОЛЕНІА ѠБНДИ-
 МА СКОРО ПОСЛОУШАИ.
 СЕ ВО ВЕЛИКА Ъ ДОВРОДѢ-
 ТЕЛЪ ПРЕ ВѢУ. ЕЖЕ НАДѢ-
 ЛАТИ ВДОВИЦИ И СИРОТЫ.
 И ОУТѢШАТИ ВЪ ПЕЧА-
 ЛЕЪ СОУЩАА. ЛОУЧЕ ВЫ МА-
 ЛО ДУЕРО ПРИѠВЕРСТИ СЪ
 БЛЕНІЕ. НЕЖЕ ВГТ-

ВЗАТИ А. СИЛЕНЪ ВО БѢСТЬ ГѢ.
 МЦА ЕЮ РЕКЫИ. АЗЪ ЕСМЬ
 ѠЦѢ СИРОТАМЪ. И ѠМЫСТИ-
 ТЕЛЪ ВДОВИЦА. ИЗ РОУКЪ СИЛ-
 НЫЪ ИЗБАВЛЯЮ ИХЪ. ГОРЕ ѠБН-
 ДАЩЕМОУ ВДОВИЦЮ. ЛОУЧШЕ
 ВЫ БМОУ ѠГНЬ В ДОМЪ СВОИ
 ВОВЕРГЪШЕ. И ЗАПАЛИШЕ
 ИЗВѢГНОУТИ. НЕЖЕЛИ ЗА СІХЪ
 ВОЗДЫХАНІЕ. ВЪВЕРЖЕНОУ ВЫ-

ТИ. ВЪ ГЕѠНОУ ѠГНЕНОУЮ. ТЕМ
 ЖЕ БЕЗЪ ИСПЫТАНІА. НЕ ПРИЕМ-
 ЛЕТЪ КЛЕВЕТЫ. НА СИРОТЫ И
 ВДОВИЦИ. И НЕ ВОСКОРѢ ВЕРОУ
 ИМИТЕ. ѠБЖИВАЮЩИМЪ. НО
 ВЛЮДИТЕСА СЕТЕИ. ДІАВОЛНХЪ.
 ПОСЛОУШАЙТЕ ЖЕ ПѢ ПИСА-
 НІА. ГЛЮЦИ СИРОТѢ ВОУДИ
 ПОМОЩНИКЪ. И БЛГБЛАТЪ ТА.
 ОУСТА ВДОВИЧА. ВОУДИ СИ-
 РЫМЪ. АКИ ѠЦѢ. И ВО МОУ-
 ЖА МЕСТО. ВДОВИЦАМИ ПО-
 ПЕЦИСА. И МОЛЕНІА ѠБНДИ-
 МАГО СКОРО ПОСЛОУШАИ. [л. 13 об.]
 СЕ ВО ВЕЛИКА БѢСТЬ ДОВРОДѢ-
 ТЕЛЪ ПРЕ ВѢУ. ЕЖЕ НАДѢ-
 ЛАТИ ВДОВИЦИ. И СИРОТЫ.
 И ОУТѢШАТИ ИХЪ В ПЕЧА-
 ЛИ СОУЩАА. ЛОУЧШИ ВО
 ПРИѠВЕРСТИ ИМА. ДОБРО СЪ
 БЛГОСЛОВЕНЬВАНІА. НЕЖЕЛИ ВО-

1) Въ рукописи ошибочно написано: попопциса.

во много с' клат'-
кою. постави' та црѣ в'
великыи санъ и к тобѣ
идоуть мали и велици.
славѣни и неславѣни. да-
ры и чти приносяще
ти. то благо е ѿ вѣ
даровано. нѣ влюди
грѣхомъ взати. се
неправда е вѣ кто
мзду дастъ хотя сѣпер'-
ника препрѣти. и боудеши
неправѣнъ ѿсоужаа члѣка.
въ ѿвразъ бжїи сѣтворена.
его же рѣ хс кровь свою
пролиа. проклать рѣ всакъ
соудити неправѣно. и простъ
гнѣа нецѣла на ни
до вѣка. и ѿгнѣ снѣсть
домы иѣ вземающе мзу.
и чада иѣ не пожноутъ. не-
чѣта рѣ ѿцѣ свонѣ
юже неправдоу взимахоутъ.
ѿ властели неправдивий
мздоймѣци. юже съврасте
[л. 35] ѿ вдовы и сироты. то
в негасимомъ ѿгни по-
гнѣта е душамъ вашимъ: ✠

л. 234. Слѣдъ петра черно-
рица, ѿ житїи семѣ: ✠

И аще кто ѿ члѣкѣ

гательство многое. со клат-
вою, поставиа' та црѣ, в
великомъ санѣ. и к тобѣ
идоуть мали и велици. и.
славѣни и неславѣни. да-
роуе и честь приносяще
ти. то благо еѣтъ ѿ вѣ
даровано ти. но влюдиа
сѣ грѣхомъ взатиа, се во
неправда еѣтъ, егда кто
мзду даѣтъ. хотя соупер-
ника препрети. и боудеши
неправѣно ѿсоуждаа члѣка.
во ѿвразъ бжїи сѣтворена.
его же ради хс. кровь свою
пролиа. проклать рече всакъ
соудити неправѣно. и простъ
гнѣа нецѣла на нихъ
до вѣка. и ѿгнѣ снѣсть
домы. вземающе мзу. и
чада иѣ не пожноутъ. не
честьа ради. мзы оцѣ ихъ.
юже неправдоу взимахоутъ.
ѿ властели неправдивий.
мздоймѣци. аже съврасте.
ѿ вдовѣ и ѿ сиротѣ. то
в негасимомъ ѿгни. подѣ-
гнета еѣтъ душамъ вашимъ.
бгѣу нашемъ слава всегда
и нѣтъ: ✠

л. 268 об. слѣдъ петра чер-
норисца. ѿ житїи семѣ.
гнѣа вѣгнѣи ѿ.

И аще кто ѿ члѣкѣ

оукѡры и скорен, и бѣды
примѣлѣ, в хѡдомъ жѣи
сеѣ. тои въ ѡномъ вѣщѣ
ѡ бѣ в велицѣи чѣсти воу-
дѣ. почто любили са-
ми са чюжѣмъ. радости вѣч-
нымъ. и по истиннѣ яко во
тмѣ бсмы. въ грѣсѣхъ
живоущи. не видиѣ во
ни чюемса что творѣше.
и оставѣше истинноу
а зламъ¹⁾ творимъ, слышаще
не слышимъ. и видѣше не
видимъ. іако не истинно
мниѣ, вѣ ѡ црѣвѣ повѣда-
емамъ. и ѡ моукѣ грѣшны
ѡнъ живѣи ны
дарѣи и щедрѣтъ. а
мы єго ѡврацаемса. гнѣ [л.
234 об.] вми нашими и зло-
вами и неправдами. ѡнъ
сѣмрѣти за ны прѣтъ. и
кровѣю своєю искипи¹⁾ ны.
а мы сами са лишаемъ
всѣсмертнаго живѣта. симъ
временныѣ лѣтащеся. раз-
личьемъ рнѣ и мнозѣхъ
совранѣмъ. и пѣанѣстѣхъ,
ѡ члѣвѣцѣ в скѣлѣсти
живѣши. а неправдами
звѣрама. а не подавама бѣга
рѣ. то надѣвши ли

оукоры и скорен. и бѣды
примѣлѣтъ. в хѡдомъ жѣи
семъ. тои во ѡномъ вѣщѣ.
ѡ бѣга в велици чѣсти воу-
дѣтъ. почто любимѣи. са-
ми лишаемъ. радости вѣч-
нымъ. по истиннѣ. яко во
тмѣ бсмы. во грѣсѣхъ
живоущей. не видимъ во
ни чюемса что творѣше.
и оставѣше истинноу.
а зламъ творимъ. слышаще
и не слышимъ. и видѣ не
о амы не ист
. мъ. вѣже ѡ црѣвѣи бжѣи.
повѣдаемамъ намъ. и ѡ моукѣ
грѣшнымъ. ѡнъ живѣтъ да-
роуѣтъ, и щедроуѣтъ. а
самѣи єго ѡврацаемса. и
гнѣвимъ. и нашими зло-
вами. и неправдами. ѡнъ
страсть за ны приѣтъ. и
кровѣю своєю искоупи ны.
а мы сами са лишаемъ.
всѣсмертнаго живѣта. симъ
времены (sic) лѣтащеся. раз-
личьемъ [л. 269] ризъ им
сѣбра ѡнѣст
. е. аще в упо
. живѣши. а не вѣдами
собирама . не подавама бѣга
дѣла. то надѣвши ли са.

1) Писецъ второй части рукописи, игуменъ Вассіанъ, нерѣдко употре-
бляетъ ж, а равно з, ѡ, ѣ, чего не наблюдается у Феофора Родіонова.

въ гробъ взати ѿмѣніе
с собою. ѿ неразоум-
не не ѡстиса. все ѡста-
нетъ ѿмѣ ѡже собра¹⁾.
а ты со грѣху токмо ѡидеши.
и се же не всемѣ ѿ
ѡстанеть. и зѣ же
мнози лишени вываѡ
ѿмѣніа. ѡвни ѡ татей и
ѿнни потопоша. и
сожъжени ѡгна. а ѿни
е сласте² и е' пѣнстевъ
и въ влоудѣ погоуѣили ѿмѣ-
ніе [своеи дѣш на съвазнь]
ѡ вратѣ почто не ба ра
ѿмѣніе по³⁾гоуѣимъ и не
цадимъ дѣша своа. аще во
кого развоиници срѣцють
хотѣще ѿго ѡуѣити. то мо-
ласа все даѡ ѿмѣ ѿмѣніе.
гѣм живѡ ми
дайте. а ѿмѣніе себе
възмите; ѡ любимни ка-
ко се не зло. смѣтнаго ра⁴⁾
живота не врежемъ
ѿмѣніа всего. а бесмѣт-
ныа ра⁵⁾ дѣша не ѡво-

во гробъ взати ѿмѣніе
свое с собою. ѿ неразоум-
не. не ѡстиса. все ѡста-
нетъ ѿнемѣ ѡже събра.
а ты грѣху токмо ѡиде-
ши. и се же не всемѣ ѿ.
ѿже ѡстанеть. и зѣ во
мнози, лишени вываѡтъ
ѿменіа. ѡвѣи ѡ татей. а
ѿни потопоша. а ѿни
пожъжени ѡ огна. а ѿни
во сластехъ. и во пѣнстевъ.
и во влоудѣ погоуѣили. ѿмѣ-
ніе свое дѣш на съвазнь.
ѡ вратѣ. почто ѿмѣніе.
не ба ради гоуѣимъ. и
цадимъ дѣш своихъ. аще во
развоиници кого срѣцють.
хотѣще ѡуѣити и. то мо-
ла ѿмѣ. все ѿменіе свое
даѡтъ. гѣм ѿмѣ живѡтъ
ми дайте. а ѿменіе свое
возмите. ѡ любимни. ка-
ко се не зло. смѣтнаго ра-
ди живота. не врежемъ.
ѿменіа всего. а всемѣ [л. 269 об.] .
рtnыа дѣла дѣша, не ѡво-

1) Затѣмъ въ ркписи снова повторено: ѿмѣніе взати с собою. ѡ неразоуми не ѡстиса. все ѡстанетъ ѿмѣ ѿже собра.

2) Слова: своеи дѣш . . . ѿмѣніе по — писецъ пропустилъ и подъ значкомъ ѣ вписалъ на верху листа. Но при переплетѣ слова: своеи дѣш на съвазнь, поставленныя въ прямыхъ скобкахъ и взятыя нами изъ F. I. № 209, были обрѣзаны, а со словъ: ѡ вратѣ почто не ба ра — были срѣзаны надстрочные знаки.

лимы даѣти дру҃гимъ же
ѡце в морѣ и ли на рѣцѣ.
бо҃ра велика лоу҃чнтса.
то в' водоу и с коравла
метаю рекоу҃ще.
ѡ выху҃хъ живи сами. ѡ
имѣнїе вѣ дасть.
ѡ вѣрѣ [л. 235] вѣа вы на
рѣци кѣ боу. даи же на
вѣны живѣ. ѡ имѣнїа
не врежемъ. но мы дѣши врежемъ.
ѡ имѣнїе беремъ. сирѣчѣ работи.
крадемъ ѡбидимъ. да вы
много собрати. аще вы моци
но вѣхъ вы погубяѣ. имѣнїе
к себѣ прїаѣ. мнози же в
земли скрываю ѡ вѣ
дѣла не даю. да како
немѣтнѣи помиловани боудете.
немѣтнѣи немѣтнѣи соуѣ ѡ

[вѣа.

ѡ любимиѣи почто не печалѣи ѡ
ѡ сѣни и наше. ни мало волю не

[спѣ-

ѣмъ на добро за то на вѣды
соуѣ. вѣа во кто кѣ цр҃кѣи боу-
дѣ ити то мы протѣ-
гавѣса лежа. чешемса лѣ-
нимса. аще же и прїидемъ
кѣ цр҃кѣи, то стоимъ
ѡки оу нѣкоѣ зла с оу-
жею. вѣстѣмъ же и не
слышимъ словесъ вѣнъ стѣхъ.
и стѣжаѣмса рекѣще

лимы даѣти. дру҃гимъ же
ѡце во морѣ. и ли на рѣцѣ.
бо҃ра зѣла лоу҃чнтса
то в' водоу и с коравла.
имѣнїе вметаю. рѣкоу҃-
ще. ѡ выхѣмъ живи сами
выли. ѡ имѣнїе вѣ дасть.
ѡ вѣрѣ. вѣа вы на.
рѣци ко боу. даѣ вѣчѣ-
ныи живѣ. ѡ имѣнїа
не врежемъ. но мы дѣши не вре-
жемъ. а именье беремъ. сирѣчѣ
работи. крадемъ
ѡбидимъ, да вы
много. вѣхъ погубити. ѡ именье
к себѣ прїаѣ. мнози же в
земли скрываю. ѡ вѣа
дѣла не даю. да како
немѣтнѣи соудѣ. ѡ вѣа боу-

дѣть ѡ любимиѣи. почто не
печалѣмса спѣѣмъ нашимъ.

ни мало волю. не спѣѣмъ
на добро. за то на вѣды
соуѣ. вѣа во ко цр҃кѣи боу-
дѣ ити. то мы протѣ-
гавѣмса лежа чешемса. ле-
нимса. аще же и прїидемъ
кѣ цр҃кѣи. то мы стоимъ.
ѡки не оу коѣго зла с оу-
жею. вѣстоуѣмъ. и не
слышимъ словесъ стѣхъ. [л. 270]
стоужаем си. и рекоу҃ще

ДОЛГО ПОЮ. АЩЕ НЕ БѢѢ
 НО ВЪ МЫСЛИ. А ДРОУ-
 ЗНІИ НЕ ДОЖАВЪ КОНЦА ОБѢ-
 ГАЮ. А ИНИИ ВЕСѢДОУЮ
 НЕПОДВНАА. ЕДИНАГО ЧСА
 НЕ МОГОУЪ ВЪ ЦРКВИ
 З' БОЛЗНЫЮ СТОАТИ. А МНО-
 ГО НА ОУЛИЦАХЪ. АИ Е ПИ-
 РО ВЪ ДНѢ СТОАТЬ. А
 ИНИИ ВСЮ НОЩЬ НЕ СПА. ПЬЮЩЕ
 ДѢЛАЮЩЕ ЗЛАА НА
 ПАГОУВЪ ДШАА. И ИНИИ
 ВЪ ЦРКВИ СТОАТЬ ЗЛАА МЫ-
 СЛА. ВѢСЪ ВО ПРИПАДАА
 ВЪ ОУХО ШЕПЧЕ. АИГЛА
 ГИИ ДАНЫ НА СОБЛЮДЕНІЕ
 ЧАКЪ. ТО ВЕЛИКИ ПЛАЧЕТЪ
 ОУ НЕА.

ДОЛГО ПОЮТЬ. АЩЕ НЕ ЛЕН.
 НО ВЪ МЫСЛИ СВОЕИ. А ДРОУ-
 ЗНИ НЕ ДОЖАВЪ КОНЦА ОБЕ-
 ГАЮТЬ. А ИНИИ ВѢСѢДОУ-
 ЮТЬ. НЕПОДОВНАА. ЕДИНАГО
 ЧАСА НЕ МОГОУТЬ ВЪ ЦРКВИ
 СЪ БОЛЗНЫЮ СТОАТИ. А МНО-
 ГО НА ОУЛИЦАХЪ. ИЛИ Е ПИ-
 РОУ ВСЪ ДНѢ СТОАТЬ. А
 ИНИИ ВСЮ НОЩЬ И СПАТЬ (sic).
 ПЬЮЩЕ И ДѢЮЩЕ ЗЛАА. НА
 ПАГОУВЪ ДШАА. ИНИИ ЖЕ
 ВО ЦРКВИ СТОА. А ЗЛАА МЫ-
 СЛАТЬ. ВѢСЪ ВО ПРИПАДАА.
 ВЪ ОУХО ШЕПЧЕТЪ ИМА. АИГЛА
 ГИИ ДАНЫИ. НА СОБЛЮДЕНІЕ
 ЧАКОУ. ТО ВЕЛИКИ ПЛАЧЕТСЯ
 ОУ НЕМА. ЕГОУ НАШЕМО.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 2.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1903 году.

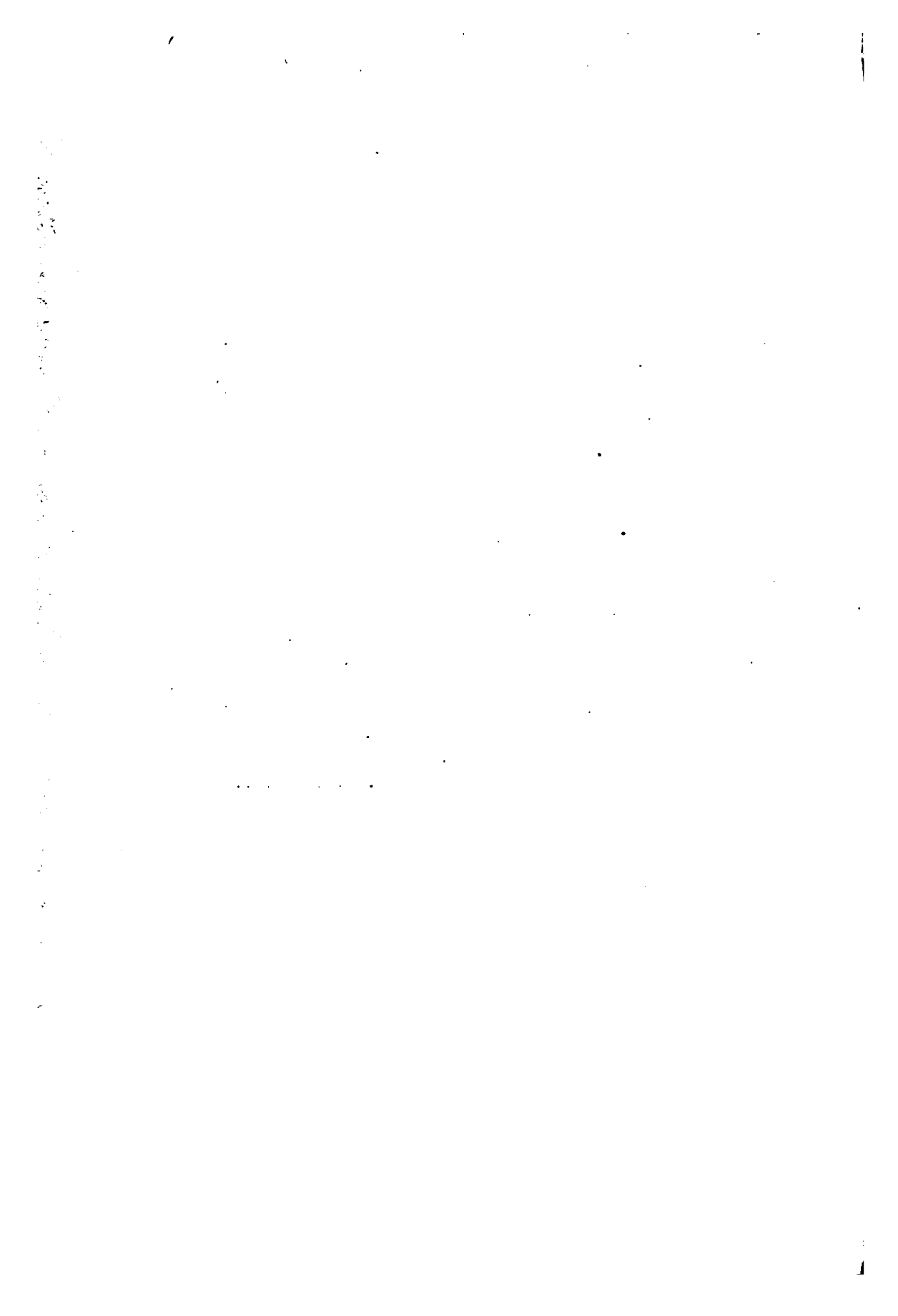
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1905 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, читанный въ тор- жественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1903 года Ординарнымъ Академикомъ <i>Н. П. Кон-</i> <i>даковымъ</i>	1
I. <i>В. Н. Перетцъ</i> , Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVII в. С.-Пб. 1902.	
<i>В. Н. Перетцъ</i> , Очерки старинной малорусской поэзіи. С.-Пб. 1903.	
Рецензія Академика <i>А. И. Соболевскаго</i>	13
II. <i>А. Н. Яцимирскій</i> , Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣя- тельности. Рукопись.	
Рецензія Профессора <i>П. А. Лаврова</i>	23
III. Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ второй. Сборники и лексиконы. — Вы- пускъ третій. Псалтыри. — Выпускъ четвертый. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ <i>Валерій</i> <i>Погорѣловъ</i> , М. 1899 — 1903.	
Рецензія Академика <i>А. И. Соболевскаго</i>	41

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
29 декабря 1903 года

Ординарнымъ академикомъ Н. П. Кондаковымъ.

Въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовскихъ премій поступило всего семь сочиненій, представленныхъ четырьмя соискателями означенныхъ премій. Изъ этого числа два сочиненія одного автора оставались отложенными отъ предыдущаго конкурса 1901 года; одно сочиненіе было перенесено на конкурсъ по соисканію премій графа Д. А. Толстого, присужденіе которыхъ должно состояться въ этомъ же году. Для оцѣнки представленныхъ сочиненій была, согласно § 10 Правилъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, образована Комиссія, въ составъ которой вошли всѣ члены Отдѣленія, проживающіе въ Петербургѣ. Разсмотрѣнію Комиссіи подлежало всего шесть нижеупомянутыхъ сочиненій, принадлежащихъ тремъ отдѣльнымъ авторамъ:

I.

Трудъ экстраординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владимира въ Кіевѣ В. Н. Перетца «*Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка*» (С.-Петербургъ,

1902) («Изслѣдованія и Матеріалы». Томъ III), съ присоединенною къ нему, въ видѣ дополненія, брошюрою: «*Очерки старинной малорусской поэзіи*» (С.-Петербургъ, 1903).

Разсмотрѣніе означенныхъ двухъ трудовъ было исполнено ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Третій томъ «Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ» состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ. *Первая*, болѣшая, половина посвящена вопросу о происхожденіи тонического стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи пастора Глюка и его сотрудника и преемника по школѣ магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность.

Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся послѣ Пауза бумагъ, авторъ удачно поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими стихами Тредьяковскаго. Слабыми сторонами этой половины труда В. Н. Перетца слѣдуетъ считать: 1) отсутствіе обзора стихотворства Петровскаго времени и ближайшихъ къ нему годовъ XVIII столѣтія, до 1740 г. приблизительно, такъ какъ безъ этого обзора нельзя говорить рѣшительно о значеніи тоническихъ стиховъ Глюка и Пауза; 2) слабое знакомство съ историческими данными о Глюкѣ и его школѣ.

Вторая половина труда В. Н. Перетца говоритъ о малоизвѣстномъ малорусскомъ писателѣ конца XVIII вѣка, Некрашевичѣ. Авторъ, на основаніи по большей части новыхъ, найденныхъ имъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Некрашевича и опредѣляетъ его значеніе въ исторіи русской литературы. И въ этой части чувствуется недостатокъ—отсутствіе обзора стихотворства у малоруссовъ второй половины XVIII вѣка.

«*Очерки старинной малорусской поэзіи*» В. Н. Перетца—оттискъ статьи, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» 1903 г.

кн. 1. Въ немъ авторъ издалъ по рукописямъ XVIII в. нѣсколько стихотвореній, въ томъ или другомъ отношеніи любопытныхъ, въ ихъ числѣ русскій текстъ Эпиникіона Теофана Прокоповича, извѣстный ранѣе лишь въ отрывкахъ, съ критико-библіографическими замѣчаніями.

«Всѣ труды В. Н. Перетца, — говоритъ въ заключеніи своей рецензіи академикъ А. И. Соболевскій, — представляютъ большое количество новыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ, изданныхъ по рукописямъ разныхъ русскихъ столичныхъ и провинціальныхъ книгохранилищъ, важность и цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они вполне заслуживаютъ награды половиною Ломоносовскою премією».

II.

Разсмотрѣніе представленнаго въ рукописи труда А. И. Яцимирскаго подъ заглавіемъ: «*Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности*» — было поручено профессору Имп. Санктпетербургскаго Университета П. А. Лаврову.

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности Григорія Цамблака. Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностью касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынскою литературой о Цамблакѣ и, обратно, румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянскою письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія Цамблака, примыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгаринѣмъ. Г. Яцимирскій видитъ въ Григоріи Цамблѣ уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что Цамблѣ покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи Гавріилъ не названъ Цамблѣмъ и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря Гавріиломъ, котораго онъ въ свою очередь отождествляетъ съ Григоріемъ Цамблѣмъ. На Аѳонѣ Григорій принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инокъ, Григорій по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галицкимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе Григоріемъ словъ на рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Нового. Отвергая игуменство Григорія въ Дежанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Іліи, 4) на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ, Цамблѣ уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ

извѣстіе о смерти Кипріяна, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407—1408 гг. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію Григорія въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ Цамблакъ занялъ Кіевскую митрополію и вызвалъ противодействіе московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріяну, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409—1410 г. и б) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздвиженіе, 6) похвалы великомученику Димитрію и 7) Евѣмію Тырновскому въ 1416—1417 г. Касаясь вопроса объ участіи Цамблака на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные Григоріемъ предъ отцами собора. Переходя за тѣмъ къ возвращенію Григорія въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей скорѣ смерти Григорія, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что Цамблакъ, тайно оставивъ наше отечество, удалился въ Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Нямецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника Гавріила. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Какъ разъ въ близкое къ смерти Цамблака время является въ Нямецкомъ монастырѣ инокъ Гавріилъ, которому принадлежатъ многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѣмія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ Цамблака. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса

о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г. — изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи, — а затѣмъ переходитъ къ обзорѣ письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что валахи еще въ XIV в. находились въ сношеніяхъ съ болгарями, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе.

Труды Гавріила, начиная съ 1423 — 1424 г., являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345 — 378). Не ограничиваясь этимъ, г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ Гавріила и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацию молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе Гавріила, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ Гавріила, на подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ. Вполнѣ справедливы замѣчанія г. Яцимирскаго о важности рукописей Гавріила для сужденія о реформѣ патриарха Евенмія. Въ то время какъ Константинъ Костенчскій положилъ основаніе ресавскимъ изводамъ, Гавріилъ въ своихъ книжныхъ трудахъ оставался вѣренъ тырновскому правописанію. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало молдавской исторіографіи положено Гавріиломъ, которому можно приписывать Тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о Цамблакѣ въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ

Цамблака отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ Цамблака въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности Григорія-Гавріила Цамблака.

Изъ предложеннаго нами краткаго обзорѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи Цамблака и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами бібліотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полного признанія труды, а именно описаніе рукописей Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества) и печатающееся описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Сверхъ того, имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки» (Москва, 1898 г.) и статьи въ «Извѣстіяхъ». Только благодаря этому знакомству съ рукописной молдавской литературой г. Яцимирскій могъ выступить съ взглядомъ о тождествѣ Григорія и Гавріила. Правда, собранныя имъ прямыя и косвенныя доказательства, по нашему мнѣнію, еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Во всякомъ случаѣ, попытка г. Яцимирскаго удачѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ документомъ тождества Григорія и Гавріила было бы, если бы мы знали, что переписавшій въ 1389 г. творенія Исаака Сирина въ Лаврѣ св. Аѳанасія грѣшный Гавріилъ былъ именно Григорій Цамблакъ, но въ этомъ случаѣ при имени Гавріила нѣтъ имени Цамблакъ. Правда, г. Яцимирскій утверждаетъ, что почеркъ этого Гавріила и почеркъ Гавріила Схимонаха принадлежатъ

одному лицу (241 стр.). Снимковъ не приложено и провѣрить это указаніе мы не можемъ; если это такъ, то и тогда удостовѣряется лишь тождество Гавріила, бывшаго на Аѳонѣ, и Гавріила схимонаха; но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого Гавріила съ Григоріемъ Цамблакомъ недостаетъ автографа Григорія (что признаетъ и авторъ, см. стр. 242). Авторъ взаимнѣ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей Гавріила до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Немецкаго игумена Θεодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Θεодосій сравниваетъ іеромонаха Іоилѣ, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги, — съ Гавріиломъ Цамблакомъ: «яко нѣкъгда Гавріиль Цамблакъ, игумень отъ нашъ Нямѣцскіи монастырь, добри кѣнигы написавъ сладкими словесы поучалъ всѣхъ христіаны, и трѣдь къ трѣдомъ прѣлагалъ *святительскимъ степенъ ѡставъ*, къ богѣ ѡтиде». По нашему мнѣнію, скорѣе можно въ этомъ выраженіи: «святительскіи степенъ ѡставъ къ богѣ ѡтиде» — видѣть указаніе на то, что Цамблакъ умеръ въ схимѣ, а не на то, что онъ былъ митрополитомъ въ Кіевѣ. Приводимое въ связь съ этимъ свидѣтельство Козачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не маловажнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего Григорій, извѣстный многочисленными самостоятельными трудами, многочисленными словами и житіями въ первый періодъ своей дѣятельности, избличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ Григорію Цамблаку (стр. 82). Что же касается принадлежности ему Тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать внѣ сомнѣнія тождество Григорія и Гавріила, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности Гавріила,

особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ. Если же прибавить, что г. Яцимирскій приступилъ къ печатанію сочиненій Григорія Цамблака въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, то слѣдуетъ признать за его трудами, посвященными этому писателю, большую цѣнность.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга г. Яцимирскаго, встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія который представилъ оцѣнку словъ Григорія Цамблака, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ Григорія Цамблака болгаринѣмъ (стр. 21), не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ.

На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра «мучениколюбный», безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Очень сомнительными кажутся намъ возраженія противъ игуменства Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ (стр. 150). Указанія рукописей и особенно Владислава Грамматика, близкаго по времени къ Цамблаку, получаютъ въ этомъ вопросѣ большую важность. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явилось какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149 — 150). Мы предпочитаемъ, вмѣстѣ съ предшественниками автора, въ Плинаирской обители, игуменомъ которой называетъ себя Григорій Цамблакъ въ похвальному словѣ Кипріану, — видѣть Плинарійскую Константинопольскую обитель, нежели вѣввоздушную, вопреки разсужденіямъ (стр. 161 — 163) г. Яцимирскаго. По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнаніе мѣста, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія кирилловскую часть Реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памят-

никомъ XI — XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Углешъ Мрнявевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целеби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Несмотря на это, въ виду того, что книга *) г. Яцимирскаго даетъ богатый и часто новый цѣнный матеріалъ для біографіи Цамблака и югославянской письменности его времени, г. рецензентъ позволяетъ себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

III.

Три выпуска труда **В. А. Погорѣлова**, вышедшаго въ серіи изданія: «Описаніе рукописей Типографской Библіотеки» а) «Сборники и Лексиконы» (Вып. 2-й), б) «Псалтыри» (Вып. 3-й) и в) «Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702 — 1727» (Вып. 4-й) — были разсмотрѣны ординарнымъ академикомъ **А. И. Соболевскимъ**.

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской библіотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Вторымъ, третимъ и четвертымъ — принадлежащія г. Погорѣлову, посвящены 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25 — 44), 2) псалтырямъ (№№ 45 — 63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702 — 1727 гг. (№№ 64 — 82), всего 58 рукописямъ

*) Представленный на премію въ рукописи **А. И. Яцимирскимъ** трудъ носитъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаніи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно-библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

XIII — XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: «*О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри*» (стр. V — LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще бѣольшую цѣнность, еслибы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ номеровъ.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства, г. рецензентъ полагаетъ, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

Комиссія, разсмотрѣвъ представленныя сочиненія и полученные къ указанному правиламъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій сроку рецензіи на нихъ: ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и профессора П. А. Лаврова, не нашла возможнымъ присудить полной Ломоносовской преміи (въ тысячу рублей) никому изъ упомянутыхъ соискателей. Вопросъ же о правѣ всѣхъ соискателей на награжденіе представленныхъ ими трудовъ половинными Ломоносовскими преміями былъ рѣшенъ закрытою баллотировкою. Такимъ образомъ были присуждены большинствомъ голосовъ двѣ половинныя преміи, по пятьсотъ рублей каждая, — профессору В. Н. Перетцу и А. И. Яци-

мирскому. Что же касается труда В. А. Погорѣлова, то Комиссія нашла справедливымъ отличить его почетнымъ отзывомъ имени Ломоносова.

Означенное заключеніе Комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію поступившіе на Ломоносовскій конкурсъ печатные и рукописные труды.

Слѣдующее ближайшее присужденіе Ломоносовскихъ премій по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ — послѣдуетъ въ 1905 году. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-ое іюня 1905 года.

I.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы.

Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в.

Спб. 1902.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. Спб. 1903.

Рецензія Академика А. И. Соболевскаго.

I.

Первая, большая половина «Изслѣдованій» посвящена вопросу о происхожденіи тонического стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи извѣстнаго пастора Глюка и его сотрудника и преемника по нѣмецкой школѣ въ Москвѣ, магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность. Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся по его смерти бумагъ, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковскаго. Эта часть «Изслѣдованій» даетъ также много новыхъ свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ въ Москвѣ Петровской эпохи, между прочимъ документы относительно нѣмецкой школы въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, въ первой части «Изслѣдованій» есть слабая сторона. Это — незнакомство автора съ нѣкоторыми давно уже изданными матеріалами, использованными какъ въ другихъ тру-

дахъ, такъ особенно въ диссертациі М. Ф. Владимирскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка», а также и съ самой этою диссертациею. Оно привело автора къ нѣсколькимъ ошибкамъ или неудачнымъ замѣчаніямъ, къ счастью, почти исключительно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о школѣ Глюка.

На стр. 73 В. Н. Перетцъ недоумѣваетъ, откуда Пекарскій взялъ свои свѣдѣнія объ этой школѣ и о программѣ Глюка. Между тѣмъ программа была напечатана впервые митрополитомъ Евгеніемъ въ журналѣ *Друзь Простыщенія* 1806 года; потомъ она появилась на страницахъ «Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей» того же Евгенія (М. 1838). Хотя послѣдній не указалъ, гдѣ находится подлинникъ программы, тѣмъ не менѣе, въ виду близости Евгенія къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому и А. Θ. Малиновскому, можно было предполагать, что ее слѣдуетъ искать въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. И дѣйствительно, она, автографъ Глюка, хранится въ этомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими документами о Глюкѣ, и имѣетъ быть въ скоромъ времени издана С. А. Бѣлокуровымъ¹⁾.

На стр. 157 В. Н. Перетцъ говоритъ о педагогическомъ персоналѣ школы Глюка-Пауза и между прочимъ замѣчаетъ: «трудно приписать приглашеніе Штурмевеля (одного изъ учителей) ко времени до мая 1705 года, какъ это дѣлаетъ Пекарскій, называя учителя конной ѣзды: Штурмевель». Между тѣмъ въ «каталогѣ учителей и наукъ», паходящемся при программѣ Глюка и вмѣстѣ съ послѣднею изданномъ Евгеніемъ, значится и Штурмевель, «конскій учитель».

На стр. 165 у автора мы читаемъ: «М. И. Демковъ... совершенно безосновательно утверждаетъ, что въ школѣ Глюка было въ 1706 году 300 учениковъ». Г. Демковъ взялъ эту цифру у М. Ф. Владимирскаго-Буданова, который привелъ выписку изъ документа, напечатаннаго И. Д. Бѣляевымъ въ га-

1) Трудомъ С. А. Бѣлокурова, посвященнымъ нѣмецкимъ школамъ въ Москвѣ при Петрѣ и уже приготовленнымъ къ печати, В. Н. Перетцъ кое-гдѣ воспользовался. См. стр. 154, 197.

зетѣ *День* 1863 года, № 15, и теперь хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1573. Этотъ документъ — не что иное, какъ докладъ царю Петру о нѣмецкой школѣ, 1706 года, съ резолюціей Петра. Докладъ предлагаетъ увеличить очень скромное въ то время число учениковъ школы до 300; резолюція Петра гласитъ: «больше 100 человекъ не принимать»¹⁾.

На стр. 189 авторъ упоминаетъ о Коетѣ и замѣчаетъ, что это лицо было знакомо съ Паузомъ. Изъ только что упомянутаго документа видно, что Коетъ и Веселовскій были какъ-бы попечителями нѣмецкой школы.

На стр. 164—165 авторъ указываетъ на связь школы Глюка-Пауза съ школами піетистовъ въ Германіи и Швеціи. Онъ могъ бы подкрѣпить свое указаніе ссылкой на важное свидѣтельство Фоккеродта о томъ, что Глюкъ «устроилъ свое училище совершенно по правиламъ шведскаго церковнаго устава» («Россія при Петрѣ Великомъ», М. 1874, стр. 101), передающее намъ мнѣніе о школѣ жившихъ въ Москвѣ иноземцевъ²⁾.

Конечно, эти мелочи не имѣютъ значенія и мало замѣтны³⁾.

Какъ мы уже сказали, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковского.

Онъ не вѣритъ, что русская *народная* пѣсня оказала вліяніе на теоретическія построенія Тредьяковского. По его мнѣнію, Тредьяковскій былъ лишь «скромный компиляторъ въ области теоріи поэзіи и никогда особой рѣшительности и изобрѣтательности не обнаруживалъ», да и стихотворенія его по своему строенію имѣютъ очень мало сходства съ народными пѣснями (стр. 69).

1) Здѣсь же упоминается о девяти стипендіяхъ Посольскаго приказа въ этой школѣ и трехъ Ижерской канцеляріи. Ср. у В. Н. Перетца стр. 164.

2) И. А. Шляпкинъ отсюда заключаетъ о пропагандѣ Глюкомъ и Паузомъ лютеранства (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 г., № 9, стр. 237), но мы не видимъ для этого достаточныхъ основаній. Ср. у В. Н. Перетца стр. 224.

3) Укажемъ еще на одну мелочь. Авторъ не знаетъ о существованіи упомянутой у митрополита Евгенія книжки Глюка: «*Aga et honoris et amoris*», Hall. Sax. 1690, f., гдѣ находится стихотвореніе Глюка на *славянскомъ*, еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Мы не сумѣли найти эту книжку.

Это вынуждаетъ В. Н. Перетца искать такое посредствующее звено, которое бы могло связать намъ теорію Тредьяковскаго съ жизнью и указало бы, какой образецъ могъ послужить руководящей нитью» Тредьяковскому «въ его открытіи». «И такое звено, продолжаетъ авторъ, — имѣется. Оно создано трудами двухъ незаслуженно забытыхъ исторіей дѣятелей русской литературы». Это — Глюкъ и Паузы, «писавшіе тоническіе стихи по образцу нѣмецкаго тоническаго стиха еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка». Но у Тредьяковскаго, по автору, есть заслуга: онъ «имѣлъ смѣлость воспользоваться опытомъ» Глюка и Пауза (стр. 34).

Но какъ Тредьяковскій могъ познакомиться съ открытіемъ ученыхъ нѣмцевъ и оцѣнить его? Нѣтъ основаній предполагать близкое личное знакомство Тредьяковскаго съ Паузомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и устные бесѣды ихъ о русскомъ стихосложеніи. Изъ данныхъ относительно судьбы книжнаго имущества Пауза, приведенныхъ В. Н. Перетцемъ, не видно, чтобы Тредьяковскій интересовался этимъ имуществомъ. Дѣйствительно, выписки изъ источниковъ по русской исторіи могли интересовать академика Байера и другихъ нѣмцевъ, не знавшихъ по-русски; стихи Глюка и Пауза даже ихъ едва ли интересовали. А чѣмъ изъ имущества Пауза могъ заинтересоваться Тредьяковскій? Матеріалами по русской исторіи? Но онъ понималъ источники русской исторіи несравненно лучше, чѣмъ Паузы, и они были для него болѣе доступны, чѣмъ для Пауза. Стихами? Но содержаніе ихъ для него было совершенно неинтересно, а ихъ нѣмецко-русскій языкъ съ сочиненными словами, съ пропускомъ звуковъ, съ неправильными оборотами, вообще странный (или даже смѣшной) для русскаго слуха, могъ лишь оттолкнуть его отъ нихъ. Стихотворнымъ размѣромъ? В. Н. Перетцъ, привыкшій къ тоническимъ размѣрамъ, увидѣлъ въ нихъ тоническіе стихи; а Тредьяковскому, смотрѣвшему на стихи сквозь призму силлабической теоріи, едва ли можно было усмотрѣть въ нихъ что-нибудь для себя новое; онъ имѣлъ полное основаніе принимать за плохіе силлабическіе — такіе, напримѣръ, стихи:

Охъ, времена прескорбная,
 Весь Бога сонмъ скорбится;
 Плачемъ вси: сынъ Божіи
 Мучень во гробъ вложится (№ 15);

или:

Исусъ Христосъ Спаситель,
 Смерти насилитель,
 Гроба оставилъ,
 Всталъ и насъ избавилъ (№ 21).

Сверхъ того, съ подобными *латинскими* рифмованными стихами Тредьяковский былъ прекрасно знакомъ; они писались не только нѣмцами, но и поляками и русскими. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ послѣдняго стихотворенія въ униатской книжкѣ: «Акаѳистъ, sive Laudes quas Beatissimae Virgini Mariae...», Vilnae, 1650:

Animatus liber Christi,
 Consignatus Spiritu,
 Virgo, angelo fuisti
 Qui Dei praemonitu
 Dixit: Ave, quae solvisti
 Alligatos gemitu.

Необходимо также обратить вниманіе на то обстоятельство, что Тредьяковский въ старшихъ своихъ тоническихъ стихахъ пользуется хореемъ, между тѣмъ какъ Глюкъ и Паузы пишутъ разными размѣрами, между прочимъ ямбомъ¹⁾.

1) Детальное изученіе стихотворнаго перевода Псалтыри Тредьяковского, говоритъ авторъ, «обнаружить намъ, безъ сомнѣнія, зависимость его стиха, особенно ямбическаго, отъ нѣмецкихъ оригиналовъ, если не отъ переводовъ Глюка и Паузы» (стр. 343). В. Н. Перетцъ забылъ, что Псалтырь Тредьяковского, гдѣ есть ямбическій размѣръ, получила окончательный видъ уже тогда, когда вошелъ въ славу Ломоносовъ съ его ямбическимъ размѣромъ. Необходимо имѣть въ виду, что Ломоносовъ оказалъ значительное вліяніе на позднѣйшія произведенія Тредьяковского. Достаточно сравнить языкъ силлабическихъ одъ Тредьяковского съ ихъ позднѣйшими тоническими передѣлками, чтобы видѣть это вліяніе.

Словомъ, мы не видимъ возможности установить связь между стихами Тредьяковского съ одной стороны и стихами Глюка и Пауза, для того, чтобы сказать, что первый подражалъ послѣднимъ¹⁾).

Откуда же взялась тоническая теорія Тредьяковского?

По нашему мнѣнію, она — открытіе Тредьяковского. Тредьяковскій не имѣлъ вкуса и не умѣлъ справиться съ русскимъ языкомъ своего времени; но онъ былъ человѣкъ и неглупый, и трудолюбивый; ему никакъ нельзя отказать въ большомъ интересѣ къ теоретическимъ вопросамъ. Открыть тоническій стихъ ему было нетрудно, такъ какъ въ его время этотъ размѣръ — конечно, въ несовершенномъ видѣ — уже существовалъ *на практикѣ*.

Въ концѣ XVII-го и первой четверти XVIII вѣковъ, лучше — въ Петровскую эпоху, рядомъ съ правильными силлабическими стихотвореніями московскихъ ученыхъ въ родѣ К. Истомина и Ѳ. Поликарпова, существовали стихотворенія разныхъ поэтовъ-профановъ, не знавшихъ никакой стихотворной теоріи и писавшихъ по слуху, на основаніи съ одной стороны малорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ образцовъ, съ другой — русскихъ народныхъ пѣсенъ лирическаго характера. Это были почти исключительно *тѣсны* о любви, приличные и — что нерѣдко — неприличные. Они до насъ дошли и въ рукописныхъ пѣсенникахъ половины XVIII вѣка, и въ повѣсти Петровской эпохи объ Александрѣ кавалерѣ російскомъ, герои котораго усердно упражняются въ стихотворствѣ. Вотъ, напримѣръ, начало «аріи» главнаго героя (по списку Археографической Комиссіи):

Дѣвну красоту твою, | граде Лилль, я нынѣ зрю:
Врата имашь позлащенны,
Внутри копы изощренны.
Что чинишь со мною прю?

1) Сравни слова В. Н. Перетца въ его статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 года, № 10, стр. 491.

Мы не имѣемъ для нихъ никакихъ датъ; имена ихъ творцовъ намъ неизвѣстны. Впрочемъ можно назвать одно имя¹⁾; это — дочь Петра, будущая императрица Елизавета, одна пѣсня которой, наиболѣе извѣстная, въ разныхъ редакціяхъ издана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Безсоновымъ, а другая, дошедшая въ ея собственноручномъ наброскѣ, — въ «Отчетѣ Импер. Публичной Библіотеки за 1870 годъ», стр. 159. Вотъ первая строфа изъ послѣдней:

Всякій рѣсуждаеть, какъ въ свѣтѣ бѣ жить,
А недоумѣваетъ²⁾, какъ съ рокомъ бы быть,
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бѣ жизнь лишиться, —
Вся то красота.

II.

Во второй половинѣ «Изслѣдованій» В. Н. Перетцъ использовалъ стихи и бумаги южно-русскаго священника Некрашевича, относящіеся къ 70-мъ и 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Этотъ писатель не имѣлъ крупнаго литературнаго таланта, и его значеніе нашимъ авторомъ опредѣляется такъ: онъ донесъ до XIX вѣка «драгоцѣнное наслѣдіе старой малорусской литературы — своеобразный стиль, стихъ и языкъ, которому затронутые великорусской литературой малоруссы уже начинали измѣнять» (стр. 422); иными словами — Некрашевичъ важенъ тѣмъ, что отсталъ отъ вѣка и повторялъ зады, сохраняя даже «своеобразный» литературный языкъ кievскихъ ученыхъ, въ родѣ Галатовскаго, ту «польскую барбарію», о которой такъ рѣзко отзывался Курбскій. Въ другомъ мѣстѣ В. Н. Перетцъ говоритъ, что Некрашевичъ

1) Мы не знаемъ стихотвореній Вилима Монса и его секретаря Егора Столѣтова, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, и потому не рѣшаемся называть эти лица.

2) Надо читать: *како, недоумываетъ?*

занимаетъ «видное» мѣсто въ числѣ «піонеровъ пролагавшихъ путь поэзіи Шевченка» (стр. 376).

Дѣйствительно, связь между комическою сценкою изъ народнаго быта «Ярмарокъ», Некрашевича, и интерлюдіями изъ того же быта Довгалеваго и т. п. есть; Некрашевичъ пользуется народнымъ языкомъ для усиленія комическаго элемента, какъ пользуются въ южной Россіи Довгалеваго и Котляреваго¹⁾, въ сѣверной Россіи Лукинъ («Щепетильникъ»), Михаилъ Поповъ (комическая опера «Анюта» 1772 года), Матинскій (комическая опера «С.-Петербургскій гостинный дворъ» 1791 года), Н. Осиповъ («Виргиліева Енеида на изнанку» 1791—1796 годовъ), кн. Шаховской (водевиль «Казакъ стихотворецъ» 1812 года)²⁾, но собственный литературный языкъ Некрашевича имѣетъ лишь то общее съ литературнымъ языкомъ Галятовскаго и т. п., что онъ совершенно не народенъ. Если бы В. Н. Перетцъ прочиталъ съ большимъ вниманіемъ «Споръ души съ тѣломъ», «Письмо къ Ивану Филиповичу», «Письмо» къ о. Криницкому, рѣчи духовника въ «Исповѣди», онъ увидѣлъ бы ясно, что Некрашевичъ старается писать, *сколько можетъ*, по-великорусски, на языкѣ великорусскихъ литературныхъ произведеній второй половины XVIII вѣка, иногда съ такими церковно-славянизмами, которые были во вкусѣ лишь крайнихъ сторонниковъ «старого слога»: *хошу, есмь, содержи, возбуждай, некійся* (прич.), иногда съ великорусскими вульгаризмами: Трудно со мною тебѣ, *вить* (= вѣдь) не переспоришь (стр. 152), Не лги, тѣло, на меня, я *вить* есмь духовна (стр. 153), Что я грѣшно, а не ты, *вить* вмѣстѣ съ тобою грѣшило (стр. 154), *Вотъ* я съ нимъ тотчасъ тебѣ на отвѣтъ готово (стр. 152), *Нада* (= надо), хоть и не рада, рада бѣ улѣтѣти (стр. 153), Я къ тому давно уже *подлинно* готова (стр. 154).

1) Въ XVII вѣкѣ народнымъ малорусскимъ языкомъ для комическихъ сценъ пользуются и поляки. См. интерлюдіи Гаватовича въ «Запискахъ» Общества им. Шевченка, т. XXV—XXVI.

2) См. нашу статью: «Къ юбилею И. П. Котляреваго» въ «Библиографѣ» 1889 г., № 10.

Употребленіе въ южной Россіи второй половины XVIII вѣка, въ качествѣ литературнаго языка, — языка Тредьяковскаго и Ломоносова, — явленіе обычное¹⁾. Оно тѣсно связано съ распространеніемъ здѣсь великорусской литературы. В. Н. Перетцъ приводитъ изъ пѣтики Кіевской Академіи, повидимому, половины XVIII вѣка, ссылки на Тредьяковскаго и Ломоносова. Первый именуется «*insignissimus nostrae rossiacae poëseos auctor Trediakowski Bazilius*», а о второмъ говорится: «*in nostro idiomate maxime legendus est Michaël Lomonosow*» (стр. 65). Благодаря преподаванію великорусскаго языка въ южно-русскихъ школахъ (въ ихъ числѣ — въ Кіевской Академіи)²⁾, южно-русскіе писатели второй половины XVIII вѣка пишутъ на этомъ языкѣ, конечно, съ большимъ или меньшимъ числомъ погрѣшностей (подъ влияніемъ мѣстнаго нарѣчія), и напримѣръ, Сковорода, который былъ старше Некрашевича лѣтъ на 10, въ старшихъ своихъ одахъ, пѣсняхъ и разговорахъ пользуется довольно сноснымъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ, слѣдуя, какъ за образцомъ, всего чаще за Ломоносовымъ³⁾; а Леванда, ровесникъ Некрашевича (стр. 377), вполне удовлетворительно владѣетъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ и пишетъ на немъ такъ, какъ пишутъ лучшіе его современники великоруссы⁴⁾. Вѣроятно, къ концу XVIII вѣка великорусскій языкъ былъ уже повседневымъ, домашнимъ языкомъ малорусской интеллигенціи (на восточной сторонѣ Днѣпра и въ Кіевѣ); во всякомъ случаѣ въ семьѣ, напримѣръ, Гоголя уже отецъ и мать великаго писателя

1) То же можно сказать и о дѣловомъ языкѣ, языкѣ судовъ и канцелярій. Выписки изъ дѣловыхъ писемъ Некрашевича и др. на великорусскомъ языкѣ у В. Н. Перетца на стр. 400—402.

2) Объ этомъ нѣсколько словъ въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1904 г., № 5, стр. 226.

3) Напримѣръ, духовная ода Сковороды («пѣснь 20-я») — подражаніе духовнымъ одамъ Ломоносова (съ ломоносовскимъ размѣромъ). «Сочиненія Г. С. Сковороды», Харьковъ, 1894, стр. 274.

4) См. извлеченіе изъ его шутильной оды у Н. И. Петрова, «Очерки изъ исторіи украинской литературы. Кіевская искусственная литература XVIII вѣка». Кіевъ, 1880.

говорили по-великорусски, и Гоголь выросъ на великорусскомъ языкѣ. Не только самъ Гоголь, но и его мать переписывается съ своими родными на этомъ языкѣ.

III.

«Изслѣдованія» В. Н. Перетца заключаютъ въ себѣ обширное «приложеніе» съ текстами, извлеченными изъ рукописей разныхъ библіотекъ (переводы Глюка и Пауза, документы и сочиненія Пауза, сочиненія Некрашевича), и списками (бумагъ Пауза, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ).

«Очерки» также заключаютъ въ себѣ по преимуществу матеріалы, извлеченные изъ рукописей: славянскій текстъ «Эпиникіона» Теофана Прокоповича по случаю Полтавской побѣды, три великорусскихъ пѣсни (романса) со сходнымъ началомъ, пѣсню Сковороды. Эти матеріалы не всѣ одинаково цѣнны и не всегда отличаются достаточной новизной. Они сопровождаются замѣчаніями разнаго достоинства. Изъ послѣднихъ для насъ особенно интересны тѣ, которыя посвящены распространенію у малорусовъ конца XVIII — начала XIX вѣковъ великорусскихъ романсовъ (Суморокова и др.).

Заключая нашъ разборъ трудовъ В. Н. Перетца, мы можемъ сказать, что по богатству новаго матеріала и по самостоятельности изслѣдованія, они вполне заслуживаютъ вниманія и поощренія со стороны Академіи Наукъ.

II.

А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности. Рукопись.

Рецензія профессора П. А. Лаврова.

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности *Григорія Цамблака*. Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностію касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынской литературой о *Цамблакѣ* и обратно румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянской письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія *Цамблака*, при-
мыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгаринномъ. Г. Яцимирскій видитъ въ *Григоріи Цамблакѣ* уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что *Цамблакъ* покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи *Гавріилъ* не названъ *Цамблакомъ* и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря *Гавріиломъ*, котораго онъ въ

свою очередь отождествляетъ съ *Григоріемъ Цамблакомъ*. На Афонѣ *Григорій* принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инока, *Григорій* по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе *Григоріемъ* словъ на Рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на Рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Нового. Отвергая игуменство *Григорія* въ Дечанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ отъ 1403 г. по 1406 г. былъ игуменомъ Пантократорова Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Іліи, 4) на усѣкновение главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ, 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ *Цамблакъ* уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ извѣстіе о смерти Кипріана, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407—1408 г. г. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію *Григорія* въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ *Цамблакъ* занялъ Кіевскую митрополию и вызвалъ противодѣйствіе Московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріану, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409—1410 г. и в) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздви-

женіе, 6) похвалы великомученику Дмитрію и 7) Евѣмію Тырновскому въ 1410—1417 г. Касаясь вопроса объ участіи *Цамблака* на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные *Григоріемъ* предъ отцами собора. Переходя затѣмъ къ возвращенію *Григорія* въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей скорѣй смерти *Григорія*, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что *Цамблакъ*, тайно оставивъ наше отечество, удался въ Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Немецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника *Гаэріила*. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гаэріила*. Какъ разъ въ близкое къ смерти *Цамблака* время является въ Немецкомъ монастырѣ инокъ *Гаэріилъ*, которому принадлежать многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѣмія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ *Цамблака*. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г.—изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи — а за тѣмъ переходитъ къ обзорѣ письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что Валахи еще въ XIV в. на-

ходились въ сношеніяхъ съ Болгарами, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе. Труды *Гаєріила*, начиная съ 1423—1424 г. являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345—378). Не ограничиваясь этимъ г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ *Гаєріила* и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацію молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе *Гаєріила*, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ *Гаєріила*, на подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало Молдавской исторіографіи положено *Гаєріиломъ*, которому можно приписывать тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о *Цамблакѣ* въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ *Цамблака* отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ *Цамблака* въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности *Григорія-Гаєріила Цамблака*.

Изъ предложеннаго нами краткаго обзорѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи *Цамблака* и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами библіотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полнаго признанія труды, а именно описаніе рукописей

Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Ком. при Москов. Археолог. Общ.) и обширное описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Теперь оно вышло въ LIII т. Сборника Акад. Наукъ подъ заглавіемъ: Славянскія и русскія рукописи Румынскихъ Библіотекъ. Спб. 1905. Сверхъ того имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки. Москва 1898 г.» и помѣщались статьи въ Извѣстіяхъ.

Не малую заслугу автора составляетъ группировка различныхъ произведеній *Цамблака* съ удачными иногда попытками ихъ хронологическаго приуроченія къ извѣстнымъ годамъ. Здѣсь однако приходится считаться съ затрудненіями, которыя зависятъ уже отъ самого характера такихъ произведеній, каковы различныя проповѣди и слова на праздничные и другіе дни церковнаго года. Въ такихъ словахъ далеко не всегда встрѣчаются какія либо опредѣленные указанія на время и мѣсто ихъ составленія. При такомъ условіи приходится иногда руководиться соображеніями не вполнѣ убѣдительными.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ г. Яцимирскій придаетъ значеніе надписанію имени *Цамблака* въ рукописяхъ. Тѣ, въ которыхъ *Цамблакъ* названъ *Григоріемъ* мнихомъ и пресвитеромъ (стр. 86—87), относятся г. Яцимирскимъ къ пребыванію *Цамблака* въ Молдавіи въ 1401—1402 гг., другія, въ которыхъ онъ названъ *Григоріемъ* мнихомъ и пресвитеромъ, игумною обители Пантократоровы, приурочены къ 1403—1406 гг., когда, по мнѣнію автора, *Цамблакъ* былъ игумною въ Нѣмецкомъ монастырѣ (стр. 110) и наконецъ третья большая группа словъ представлена тѣми изъ нихъ, въ которыхъ *Григорій* названъ архіепископомъ російскимъ и которыя потому отнесены авторомъ ко времени пребыванія *Григорія* въ Россіи стр. 208. Понятное дѣло, то или иное надписаніе можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если оно подтверждается если не всѣми, то по крайней мѣрѣ старѣйшими списками и если слѣдовательно въ этомъ можно усматривать зависимость отъ того положенія, какое

въ различное время своей дѣятельности занималъ *Цамблакъ*. На самомъ дѣлѣ въ рукописяхъ не всегда соблюдается это однообразие. Напр. въ сборникѣ монастыря св. Павла на Аѳонѣ во всѣхъ словахъ безъ различія *Григорій* названъ архіепископомъ російскимъ. Въ словѣ на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи онъ названъ архіепископомъ Російскимъ въ рук. Синод. № 235, Румянц. Муз. По этому необходимо опредѣлить, какимъ же рукописямъ въ подобныхъ случаяхъ отдавать предпочтеніе, а при этомъ было бы важно установить ихъ хронологію. А это г. Яцимирскимъ не всегда сдѣлано. При такихъ обстоятельствахъ было бы болѣе увѣренности въ важности надписанія, еслибы и самое содержаніе словъ подтверждало ихъ. Въ первой изъ отмѣченныхъ группъ таково прежде всего слово о божественныхъ тайнахъ и св. Филогоніи 20 декабря, въ которомъ проповѣдникъ, обращаясь къ паствѣ, говоритъ, что онъ будетъ радостнымъ вѣстникомъ у патріарха о благочестіи народа. Г. Яцимирскій относитъ эти слова къ посольству *Григорія Цамблака* въ Молдавію отъ лица вселенскаго патріарха Матѳея въ 1401 г. Эти указанія, сдѣланныя впрочемъ академикомъ Е. Е. Голубинскимъ, намъ кажется, заслуживаютъ полного вниманія и едва ли ихъ можно примѣнить къ пребыванію *Григорія* у насъ на Руси, какъ это допускалъ преосв. Порфирій, пользовавшійся этимъ словомъ для заключеній о нашей церковной жизни (сравни напр. его примѣчаніе на стр. 31, Перв. Пут. Ч. I, 2). Но изъ того же слова видно, что оно было произнесено не первымъ, что ему предшествовали другія. Гдѣ ихъ искать? Въ этомъ случаѣ всего естественнѣе въ числѣ тѣхъ, которыя имѣютъ одинаковое надписаніе, тѣмъ болѣе, что между ними есть три слова, связанныхъ одно съ другимъ IV, V, VI. Что касается остальныхъ, то конечно г. Яцимирскій вполнѣ правъ, располагая ихъ по числамъ мѣсяцевъ, но уже здѣсь основаніемъ является главнымъ образомъ надписаніе, при чемъ для двухъ первыхъ присоединяется указаніе на то, что были слова, сказанныя раньше третьяго. Во всякомъ случаѣ приуроченіе этихъ словъ къ одной группѣ намъ

кажется однимъ изъ наиболѣе удачныхъ.—За то, что слова второй группы составляютъ одно цѣлое и относятся къ одному времени говорить уже исключительно ихъ надписаніе. Что касается ихъ, сомнѣнія могутъ вызываться уже болѣею неопредѣленностію указанія, которое дается въ надписаніи. Имя Пантократоровой носили двѣ обители, въ которыхъ *Цамблакъ* могъ быть игуменомъ, Дечанская и Нямецкая. Академикъ Е. Е. Голубинскій совершенно отрицаетъ игуменство *Цамблани* въ Нямецкомъ монастырѣ; наоборотъ г. Яцимирскій старается доказать, что оно было вполне возможно. (Сравни также *Kaluźniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius* стр. XXIV). Но никакихъ данныхъ изъ самыхъ словъ, которыми бы можно было подтвердить, что они говорены были въ Молдавіи, не приведено. То же можно сказать и о большинствѣ словъ, сказанныхъ въ Россіи. Совершенно другое дѣло, когда можно такъ или иначе заключать по самому содержанію словъ, по находящимся въ нихъ самимъ указаніямъ. Вполнѣ убѣдительно напр., что слово похвальное *св. Георгію* было написано въ 1397 г. Это есть единственно пріемлемый годъ, въ которомъ пасха приходилась 22 Апрѣля на канунъ памяти святого, что отмѣчено проповѣдникомъ въ самомъ началѣ слова. Столь же удачно, по нашему мнѣнію приведены соображенія въ пользу того, что сказаніе о перенесеніи мощей св. Параскевы въ Сербію было написано за время 1399 — 1400 г. Труднѣе согласиться съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу того, что житіе Іоанна Бѣлградскаго составлено въ 1402 г. Г. Яцимирскій отвергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые относили это житіе ко времени послѣ 1432 г. на основаніи фразы: въ слоуха прїидоша нже тогда благочастнаго господствоващому вѣсьмъ *Молдослаухъ* и поморіѣ *внєкодѣ w Пляѣмдрѣу*, гдѣ рѣчь о воеводѣ Александрѣ, какъ уже о покойномъ. Г. Яцимирскій оспариваетъ эту дату, утверждая, что *тогда* относится не къ прошлому времени, а настоящему. Такое объясненіе уже вызвало справедливыя возраженія. Указываемое авторомъ отсутствіе въ житіи имени Госпо-

дарыни Анны, которое однако находится въ проложномъ житіи этого св., разумѣется скорѣе говорить противъ заключеній автора. Если это имя находится въ похвальномъ словѣ этому св. игумена Θεодосія, который пользовался житіемъ, написаннымъ *Цамблакомъ* и др. источниками, то ясно, что въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія думать, что раньше это имя было и въ житіи *Цамблака* и отсюда вошло въ похвальное слово. Естественнѣе, что составителю слова было извѣстно и проложное житіе. Такимъ образомъ здѣсь въ пользу *Григорія Цамблака* говоритъ только заглавіе житія: съписано *Григоріемъ мнихомъ* и презентеромъ въ великомъ црѣкви молдовахѣнскон. Но слѣдуетъ прибавить, что, относя это слово ко времени послѣ 1432 г., могутъ приписывать его составленіе *Григорію Цамблаку* только тѣ, кто отвергаетъ дату его кончины, указываемую въ нашихъ лѣтописяхъ. Иначе пришлось бы признать принадлежность этого слова какому либо иному лицу. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы отвергать значеніе надписанія. При такихъ обстоятельствахъ нельзя не пожалѣть, что г. Яцимирскій ничего не сказалъ о языкѣ и стилѣ этого житія сравнительно съ другими произведеніями *Цамблака*. Скорѣе можно согласиться съ датой написанія житія Стефана Дечанскаго въ Сербіи въ 1407—1408 гг., только по нашему мнѣнію тожде обители всего вѣроятнѣе можетъ обозначать: Дечанской. Иначе, еслибы предполагать какую либо другую, то это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы такая была указана, но этого нѣтъ; въ рукописи предшествуютъ статьи другихъ авторовъ и за тѣмъ: житіе *стефана сръбскаго* иже въ *дечахъ*, при чемъ авторъ его *Григорій* названъ: *мнихомъ* и презентеромъ игуменомъ бывшимъ тожде обители (т. е. названной выше словами: иже въ *дечахъ*). А такое указаніе особенно важно въ столь близкомъ ко времени *Цамблака* спискѣ, каковъ Панегирикъ Владислава грамматика 1479. Разумѣется, въ этихъ словахъ мы видимъ сохранявшееся въ Сербіи преданіе, что *Цамблакъ* былъ игуменомъ Дечанскимъ; такъ выразиться могъ только составитель сборника XV в., такое заглавіе не могло

быть въ первоначальномъ написаніи. Что касается отсутствія имени игумена *Григорія* въ старыхъ помянникахъ Дечанскаго монастыря (отмѣчаемъ странность этого выраженія, какъ будто есть нѣсколько помянниковъ!!), то слѣдовало бы г. Яцимирскому быть внимательнѣе и тогда, имѣя въ виду, что у Серафима Ристиѣа есть лишь имена сербскихъ архіепископовъ и епископовъ на стр. 20, 21, онъ не искалъ бы въ этой книжкѣ именъ дечанскихъ игуменовъ.

Слово похвальное патріарху Евѣмѣю г. Яцимирскій относитъ ко времени между 1410 и 1417 годами, но приемлемость этой поздней даты много бы выиграла, еслибы у насъ было какое либо болѣе или менѣе положительное свидѣтельство о столь поздней кончинѣ патріарха Евѣмѣя. На самомъ же дѣлѣ ничего такого нѣтъ, и смерть Евѣмѣя относятъ къ столь позднему сроку только по тому, что предполагаютъ написаніе похвальнаго слова Евѣмѣю во время архіепископства *Цамблака* въ Кіевѣ. А такое предположеніе встрѣчаетъ, по нашему мнѣнію, заслуживающія вниманія возраженія проф. Калужняцкаго.

Что касается слова похвальнаго отцамъ Констанцкаго собора, извѣстнаго по рук. Вселен. библ., то предшественники г. Яцимирскаго не останавливались на немъ подробно. Въ то время какъ книга г. Яцимирскаго печаталась, это слово было издано проф. Н. К. Никольскимъ въ Изв. отдѣл. рус. яз. и словесн. 1903 кн. 2. Относительно автора этого слова есть разныя мнѣнія. Въ рукописной припискѣ высказано предположеніе, что это слово принадлежитъ Кіевскому митрополиту Исидору. Проф. Никольскій считаетъ возможнымъ приписывать это слово или *Григорію Цамблаку*, или ученику *Исидора Григорію*, ѣздившему вмѣстѣ съ *Исидоромъ* въ Римъ и получившему тамъ поставленіе на русскую архіепископію. Акад. Е. Е. Голубинскій предполагаетъ, не принадлежитъ ли это слово загадочному митрополиту молдавскому *Григорію*. Г. Яцимирскій рѣшительно высказывается за авторство *Цамблака*. Въ этомъ случаѣ, мы вполне согласны, важно то, что *Цамблакъ* дѣйствительно былъ въ Констанцѣ, при-

вѣтствовалъ папу и отцовъ собора и кромѣ рѣчи его, сохранившейся въ Актахъ Собора, историками, занимавшимися этой эпохой, предполагается существованіе другого его слова. Что касается Флорентіи въ заглавіи этого слова, то подозрительно уже самое его мѣсто, прежде чѣмъ названъ Констанць. Скорѣе всего это позднѣйшая вставка. Важны также и стилистическія указанія. Напрасно только г. Яцимирскій не указалъ тѣхъ сопоставленій, о которыхъ онъ упомянулъ на стр. 198. Укажемъ напр., что выраженію: съединеніемъ жилъ же и артиріи (sic) всѣхъ и т. д. соответствуетъ напр. хотя бы слѣдующее въ похвальномъ словѣ 40 мученикамъ: отъ погтіи артеріямъ приѣмлющимъ лютость и т. д. Слово артерія, по справкамъ въ словаряхъ, не принадлежитъ къ числу употребительныхъ. У Срезневскаго оно отсутствуетъ совсѣмъ, у Миклошича приведены примѣры, всѣ взяты изъ югославянскихъ источниковъ. Только одинъ источникъ именно Діоптру Миханла Пселла пришлось бы считать русскимъ, еслибы можно было признать вѣрнымъ заключеніе А. В. Горскаго о томъ, что переводъ Діоптры принадлежитъ русскому. Горскій основывался на словахъ: сію вѣжтеицю книгѣ. глѣмѣю Фалинскою рѣчью диоптрѣ. нашею же рѣкше рѣскою рѣчью. зрѣцалю и на указаніи пергаменнаго списка библиотеки графа Толстого, въ которомъ прибавлено, что книга переведена въ Ростовѣ. Но въ этомъ случаѣ составители описанія рук. Синод. библ. были введены въ заблужденіе описаніемъ рук. графа Толстого, въ которомъ было сказано: «о переводчикѣ извѣстно только изъ послѣсловія, что онъ переложилъ сію книгу въ Ростовѣ для нѣкоего Зиновія своего друга». На самомъ дѣлѣ въ рук. гр. Толстого вмѣсто слова русскою стоитъ ростовскою, что можетъ указывать лишь на происхожденіе переписчика изъ Ростова. Уже изъ выписокъ Горскаго видно было, что переводъ былъ сдѣланъ южнымъ славяниномъ, или болгаринномъ, или сербомъ. Такія слова, какъ: еговъ, бѣлузливъ, боубрѣгъ, фѣфльгъ, осиліе, слапы, расохаца, а также приведенныя въ примѣчаніи существуютъ и до сихъ поръ или въ бол-

гарскомъ нарѣчіи, или въ сербскомъ, или въ томъ и другомъ¹⁾. Многіе грецизмы также встрѣчаются въ юго-слав. переводныхъ памятникахъ напр. *пификъ* ср. въ Манас. лѣт., *псифида* ср. *псифѣа* въ Манас. лѣт. (безъ сомнѣнія это же слово и въ житіи Нифонта, въ словарь Срезневскаго стоятъ съ ?), и пр.; слово *еоурка*, которому нѣтъ соотвѣтствія въ оригиналѣ, встрѣчается также въ Лѣтоп. Манас., сравни словарь къ Обзору звуковъ и формъ особаго болгарскаго языка, гдѣ и замѣчено, что переводъ принадлежитъ болгарину. Переводъ Діоптры признаетъ юго-слав. и А. И. Соболевскій. Разумѣется, само по себѣ слово *артириѣа* могло бы явиться и у русскаго, но вѣдь разсматриваемое нами слово не переводное, а оригинальное. У *Цамблака* оно засвидѣтельствовано приведеннымъ нами примѣромъ.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ произведеніяхъ *Цамблака*, которыя и самъ авторъ считаетъ сомнительными. Перейдемъ теперь къ той части его книги, въ которой онъ выступаетъ съ взглядомъ, что *Цамблакъ* жилъ и послѣ 1419 — 1420 гг., къ которымъ приурочиваютъ его кончину наши лѣтописи, и продолжалъ литературныя занятія, принявъ схиму подъ именемъ *Гавріила*, иначе говоря, что *Гавріилъ* мирянинъ. *Григорій* мнихъ, игуменъ и архіепископъ и схимонахъ *Гавріилъ* есть одно и то же лицо.

Правда собранныя г. Яцимирскимъ прямыя и косвенныя доказательства по нашему мнѣнію еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гавріила*. Во всякомъ случаѣ попытка г. Яцимирскаго удачнѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Въ виду

1) Словарный матеріалъ изъ Діоптры въ значительномъ числѣ вошелъ въ словари Востокова и Миклошича изъ четырехъ списковъ: два Публичной библіотеки, одинъ Люблянской и одинъ Львовской. Подборъ этихъ словъ не оставляетъ сомнѣнія въ юго-слав. переводѣ Діоптры. Таковы напр. кромѣ указанныхъ выше: *кзгащѣа* Микл., *сѣдинакъ*, *сѣхонакъ* есть въ серб., *пакъ* серб. и болгар., *огадала* серб. не отмѣчено ни у Востокова, ни у Миклошича, *прикоглагоалъ* тоже не отмѣчено, *гербакъ* *геркалъ* серб. и болг. и др.

того, что во всемъ этомъ вопросѣ самую важную роль въ главахъ А. И. Яцимирскаго играетъ рук. 1389 г., мы позволимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Рукопись эта, какъ выясняется изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ литературѣ, принадлежала монастырю св. Саввы освященнаго въ Іерусалимѣ. Нѣсколько листиковъ изъ нея взяты были преосв. Порфиріемъ и теперь находятся въ Публичной Библіотекѣ. Но вся остальная часть рукописи была приобрѣтена архимандритомъ Леонидомъ и подарена имъ Оптиной пустыни. Преосвященный Порфирій указалъ дату рукописи 1389, но она въ описаніи его не приведена полностью. Запись была напечатана арх. Леонидомъ, но при этомъ, вѣроятно, не соблюдено было правописаніе рукописи см. стр. 33 и 34 книги Яцимирскаго. Объ этомъ можно заключать по тому, что рукопись, насколько о ней можно судить по листамъ Публичной Библіотеки, принадлежитъ болгарской редакціи, а самая запись у арх. Леонида напечатана такъ, что можно было бы думать, что мы имѣемъ дѣло съ русскимъ спискомъ. Однако г. Яцимирскій на стр. 361 приводитъ эту запись, повидимому, въ точной передачѣ, къ сожалѣнію ни словомъ не оговаривая различія ея передачи въ двухъ мѣстахъ своей книги, а на стр. 360 утверждаетъ, что рук. до сихъ поръ считалась сербской. Кѣмъ она считалась, этого не сказано, но странно то, что самъ авторъ настоящей книги на стр. 34 въ примѣчаніи говоритъ о рукописи слѣдующее: «дѣло въ томъ, что въ двухъ *старшихъ* отрывкахъ изъ словъ Исаака Сирина *сербскомъ* — Спб. Публ. Библ. Q. I. № 903 и рускомъ Моск. Синод. Библ. 193 читается тотъ же переводъ, а вторая изъ указанныхъ рукописей относится къ 1381 г.». Отсюда видно, что, печатая второй листъ своей книги, авторъ не имѣлъ яснаго понятія о рукописи. Для него существовали тогда три списка 1) 1389 г.; 2) старшій отрывокъ *сербскій* и въ 3) русскій списокъ 1381 г. Печатая 23 листъ, авторъ уже зналъ, что рук. 1389 г. и отрывки изъ собранія преосв. Порфирія составляютъ одно цѣлое, но не поправилъ сказаннаго имъ

на стр. 34. Мы потому отмѣчаемъ эти недомолвки и противорѣчія, что рук. эта играетъ такую важную роль въ сужденіяхъ автора о тождествѣ *Гавріила*, переписчика словъ Исаака Сирина въ 1389 г., и *Гавріила* переписчика рук. Немецкаго монастыря въ XV в. При отождествленіи этихъ двухъ *Гавріиловъ* съ *Цамблакомъ*, первой датой авторъ пользуется для опредѣленія года рожденія *Цамблака* (стр. 27), его пребыванія въ лаврѣ св. Аванасія (стр. 33), а даты рук. XV в. подтверждаютъ взглядъ автора, что *Цамблакъ* жилъ гораздо долѣе, чѣмъ о томъ говорятъ наши лѣтописи и др. источники. Наконецъ та же рукопись даетъ поводъ автору высказаться въ вопросѣ о реформѣ патріарха Евѣмїя въ томъ смыслѣ, что исправленіе имъ болгарскихъ должно относиться къ сравнительно позднему времени, скорѣе всего къ періоду его изгнанія, такъ какъ иначе сохранились бы болѣе раннія рук. съ тырновскимъ текстомъ стр. 403. Нельзя поэтому не сожалѣть, что г. Яцимирскій обстоятельнѣе не познакомился съ этою рукописью. И независимо отъ указанной ея роли въ вопросѣ, поставленномъ авторомъ, эта рукопись представляетъ большой интересъ сама по себѣ, какъ одна изъ немногихъ датированныхъ рук. болгарской редакціи второй половины XIV в., по годамъ близкая къ дѣятельности патріарха Евѣмїя. Иначе, какъ это есть теперь, заключенія автора вызываютъ вполне основательныя возраженія. Когда мы составляли отзывъ о книгѣ Яцимирскаго, у насъ не было приложенныхъ къ ней снимковъ (книга намъ доставлялась въ отдѣльныхъ листахъ по мѣрѣ ея печатанія). Теперь, когда передъ нами снимки, мы должны сказать, что касается ихъ слѣдующее. При чрезвычайной важности палеографическаго свидѣтельства въ отождествленіи рукописи *Гавріила* 1389 г. и *Гавріила* XV в. необходимо было дать *фототипи*, точно передающія почеркъ. Нельзя было ограничиться только однимъ снимкомъ изъ рук., именно изъ отрывковъ ея у Преосв. Порфирія, важно было присоединить по крайней мѣрѣ два снимка изъ рук. Оптиной пустыни, чтобы вполне было очевидно, что мы имѣемъ

дѣло съ одною и тою же рук. Въ частности одинъ изъ этихъ снимковъ долженъ былъ заключать листъ съ записью. Снимки должны были быть исполнены въ натуральную величину. Теперь же утвержденеіе автора, что между почеркомъ 1389 г. и обычнымъ почеркомъ монаха Нямецкаго *Гавріила* есть полное сходство, вполне понятно оспаривается, напр. въ рецензіяхъ Карскаго, Радченка. Указываютъ, на начертаніе з и ж въ особенности. Мы впрочемъ по этому поводу замѣтимъ, что ж позднѣйшаго типа на листахъ отрывковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ другое. При томъ интересно, что возможны двоякія начертанія въ одной рук. То же встрѣчаемъ напр. въ Зографскомъ спискѣ служебника патріарха Евѣмїя, судя по вполне точнымъ снимкамъ съ него у Сырку. И въ немъ есть ж изъ трехъ палочекъ безъ закругленія съ правой стороны и другое съ закругленіемъ, или напр. т двухъ видовъ болѣе старое т и позднѣйшее изъ трехъ ровныхъ палочекъ т. Последнее начертаніе въ отрывкахъ рук. 1389 г. встрѣчается исключительно. А такъ какъ въ упомянутомъ служебникѣ вписаны имена Іоанна Шишмана, царицы Марїи и патріарха Евѣмїя, то, разумѣется, возникаетъ вопросъ, какъ же объяснить присутствіе этихъ именъ, если принять вмѣстѣ съ Сырку, что служебникъ писанъ въ XV в. Сырку заключалъ объ этомъ на основаніи письма, но факты изъ рук. 1389 г. могутъ возбуждать сомнѣніе въ вѣрности палеографическаго заключенія, если, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія относительно этой даты. Какъ видно изъ приготовленнаго нами альбома юго-слав. снимковъ, начертаніе ж съ закругленіемъ встрѣтилось впервые въ этой рук. Оно есть и еще, но въ припискѣ къ снимку таблицы 57. Прибавимъ къ этому, что и вообще вопросъ о измѣненіи почерка одного писца за столь большой промежутокъ времени отъ 1389 по 1450 дѣло не легкое. Чтобы рѣшительно высказаться въ подобномъ случаѣ, нужно располагать болѣе надежными данными. Къ сожалѣнію имѣть подъ руками такіа данныя трудно, и мы не знаемъ подобнаго опыта. Вотъ почему повторяемъ такъ необходимо внимательное изу-

ченіе рук. 1389, отсутствіе котораго составляетъ столь существенный пробѣлъ въ книгѣ Яцимирскаго. То же самое можно сказать и о правописаніи рукописи. Пока мы о ней такъ мало знаемъ, трудно рѣшить, насколько можно ею пользоваться для тѣхъ или иныхъ заключеній объ отношеніи ея къ Евѣмѣевскимъ текстамъ. Но еслибы даже и можно было убѣдиться, что почерки *Гавріила* переписчика въ лаврѣ св. Аванасія въ 1389 г. и нямецкаго схимонаха *Гавріила* представляютъ собою почерки одного и того же лица, то и этимъ лишь удостовѣрилось бы тождество двухъ *Гавріиловъ*, но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого *Гавріила* съ *Григоріемъ Цамблакомъ* не достаетъ автографа *Григорія* (что признаетъ и авторъ стр. 242). Авторъ въ замѣнъ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей *Гавріила* до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Нямецкаго игумена Θεодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Θεодосій сравниваетъ іеромонаха Іоіля, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги съ *Гавріиломъ Цамблакомъ*: «яко нѣкъгда Гавріиль Цамблакъ, игумень отъ нашъ Нѣмецскіи монастырь, добри кѣнигы написавъ сладкими словесы поучаа вса христіаны, и трѣдь къ трѣдомъ прѣлагаа сватительскыи степень оставль, къ богѣ штиде». Здѣсь конечно все дѣло въ словахъ: сватительскій степень оставль, т. е. оставивъ санъ епископа. Если эти слова понимать такъ, что ими указывается на игумена Нямецкаго монастыря, бывшаго впоследствии архіереемъ и оставившаго этотъ санъ для схимы, то все таки странно, что въ этомъ случаѣ *Григорій Цамблакъ* не названъ по имени, не титулованъ митрополитомъ кievскимъ. Вмѣсто прямого свидѣтельства и здѣсь можно видѣть только неопредѣленный намекъ. Приводимое же въ связь съ этимъ, свидѣтельство Казачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не мало важнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего *Григорій*, извѣстный многочисленными самостоятель-

ными трудами, многочисленными словами и житіями, въ первый періодъ своей дѣятельности, изобличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ *Григорію Цамблаку* (стр. 82). Что же касается принадлежности ему тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать вѣдѣ сомнѣнія тождество *Григорія* и *Гавріила*, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности *Гавріила*, особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ.

Переходя теперь къ главѣ V остановимся нѣсколько подробнѣе на оцѣнкѣ авторомъ трудовъ *Гавріила* по проведенію въ Молдавіи правилъ тырновскаго извода съ установленнымъ патріархомъ Евѣиміемъ правописаніемъ. Начиная этотъ отдѣлъ, авторъ оговаривается, что раздѣленіе фонетическихъ значеній правописанія отъ чисто графическихъ не входитъ въ его задачи (стр. 388). Къ этой оговоркѣ онъ прибавляетъ въ концѣ отдѣла: итакъ на основаніи рукописей *Гавріила* мы составили краткое руководство, но не грамматическое, а скорѣе палеографическое (стр. 402). На самомъ же дѣлѣ, группируя особенности правописанія, авторъ почти вездѣ подводитъ ихъ подъ извѣстныя грамматическія рубрики и, гдѣ замѣчаются какія либо измѣненія, отмѣчаетъ ихъ. Къ сожалѣнію при этомъ допущены не рѣдко неточности. Напр. въ *коренныхъ слогахъ* замѣчаются обычные группы съ глухимъ; слѣдуютъ примѣры и при этомъ: зъл: възъпити, или въ *суффиксахъ*: вѣш, тѣн, стр. 394; на мѣстѣ широкаго носового является узкій: въ окончаніяхъ а) склоненія а) вин. ед. жен. р. основъ на а и е) твор. ед. *того (?) же склоненія*: мощіѣ стр. 399, суффиксы ка первообр. и производ. глаголовъ и т. д. Разумѣется, для той цѣли, которую преслѣдуетъ авторъ, самое главное подборъ примѣровъ, по лучше было бы избѣгнуть ука-

занныхъ невѣрностей. Можно возражать и противъ объясненій, предлагаемыхъ авторомъ. Напр. говоры восточной Болгаріи только до извѣстной степени могли помогать писать ѣ правильно стр. 396. Въ *ѡслѣ* безъ всякаго сомнѣнія ѣ стоитъ вмѣсто *ѡ*, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же формою *ѡ* между тѣмъ авторъ по этому поводу говоритъ не совершенно ясно: «ѣ никогда не смѣшивается съ *ѡ*. Такіе же примѣры, какъ *ѡѣсѣда* на *ѡсла* или на *ѡслѣ* можно объяснять не фонетически, такъ какъ *ѡѣсѣсти* глаголъ движенія» стр. 396. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что такіе примѣры какъ *пандесатница* и др. стр. 396 объясняются вліяніемъ греческаго произношенія. Авторъ забываетъ, что въ этомъ числительномъ, какъ и въ 90, встрѣчаемъ слѣды носового произношенія даже въ говорахъ восточно-болг.: *пиндисет*, *дивиндисет*. Нѣтъ сомнѣнія, что эти формы получились изъ *пятьдесять*, *девятъдесять* послѣ ассимиляціи *т д*, когда глухой выпалъ, и выпаденія одного *д*. Что касается того, что рядомъ съ *ѡ* стоитъ еще *и*, то такіе примѣры встрѣчаемъ даже въ старослав. памятникахъ, напр. *пжнтьскъ* Зогра. еванг., Супрасл. рук.

Но, конечно, въ этомъ отдѣлѣ книги г. Яцимирскаго самое главное было бы приведеніе возможно большаго количества примѣровъ. Въ этомъ отношеніи собранный имъ матеріалъ, какъ показываютъ приготовленные имъ къ изданію въ Обществѣ любителей древней письменности слова *Цамблака*, далеко еще не вполне исчерпанъ.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга Яцимирскаго встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія, который представилъ оцѣнку словъ *Григорія Цамблака*, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ *Григорія Цамблака* болгаринимъ (стр. 21) не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ. Мы уже не говоримъ, что изъ всего, приведеннаго здѣсь авторомъ, нельзя убѣдиться въ болгарскомъ

происхожденіи имени *Цамблакъ*. На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра мучениколюбный, безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явился какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149—150). По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнакомое мѣсто, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное, образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія Кирилловскую часть реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памятникомъ XI—XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Угleshъ Мрнявчевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целсби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Не смотря на это въ виду того, что книга ¹⁾ г. Яцимирскаго даетъ не мало новаго матеріала для біографіи *Цамблака* и югославянскій письменности его времени, принималъ во вниманіе предшествующіе ей труды автора, рецензентъ позволяет себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

1) Представленный А. И. Яцимирскимъ трудъ носилъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаіи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно-библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

III.

Библиотека Московской Синодальной Типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ второй. Сборники и лексиконы. — Выпускъ третій. Псалтыри. — Выпускъ четвертый. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гт. Описалъ Валерій Погорѣловъ. М. 1899—1903.

Рецензія академика А. Н. Себелевскаго.

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской Библиотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Второй, третій и четвертый, принадлежащіе г. Погорѣлову, посвящены: 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25—44), 2) псалтырямъ (№№ 45—63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702—1727 гт. (№№ 64—82), всего 58 рукописямъ XIII—XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: «О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри» (стр. V—LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагахъ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей. Такъ, сборникъ полемическихъ статей противъ латинянъ и лютеранъ (№ 35), несомнѣнно, юго-западно-русскій по происхожденію, характеризуется какъ «копія съ среднеболгарскаго оригинала, и притомъ чрезъ посредство новгородскаго списка», хотя часть его статей принадлежитъ русскимъ

авторамъ и переводчикамъ и новгородское смѣшеніе *ѹ* и *ч* указывается всего въ двухъ случаяхъ, только въ двухъ статьяхъ. Описывая сборникъ конца XVIII вѣка, г. Погорѣловъ не догадывается, что онъ раскольническаго происхожденія и что нѣкоторыя его статьи (какъ статья противъ самосожигательства, л. 412 об.) заслуживаютъ большаго вниманія. Отмѣчая особенности языка и выписывая важное и неважное, г. Погорѣловъ не всегда даетъ вѣрную оцѣнку: иногда уменьшаетъ значеніе важнаго и преувеличиваетъ значеніе неважнаго. Такъ, приводя: *удвориться, заелони*, онъ видитъ мѣну *у* и *е* (вып. III, стр. 62); въ *повилеваемъ, поучиніе*, всяческимъ, ожинился (*и* вм. *е*) и въ формахъ род. пад. животворящего, исходящего онъ видитъ новгородизмы (вып. II, стр. 4—5); на интересную форму 1-го л. наст. вр. *умзю* смотритъ какъ на опisku (вып. III, стр. 62), а въ формѣ 2-го л. попереши находитъ полногласіе (*ib.*, стр. 59), и т. п.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще большую цѣнность, если бы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ *ММ*-овъ; г. Погорѣлову «остались, къ сожалѣнію, недоступными всѣ древнѣйшіе списки псалтыри (кромѣ Синайской)», другими же онъ былъ «принужденъ пользоваться въ довольно неточныхъ изданіяхъ» (стр. VIII). Сверхъ того, г. Погорѣловъ мало начитанъ въ памятникахъ древнѣйшей переводной литературы на церковно-славянскомъ языкѣ, и нѣкоторыя его соображенія нельзя считать основательными.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской Библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнные его достоинства, я полагаю, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXXI, № 3.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

19 октября 1901 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

Оглавленіе.

	СТРАН.
Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1901 года Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.	1 — 6

Приложеніе.

П. Лазаревъ. Разборъ труда П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ томъ I и тома II 1 и 2 части», представленнаго на соисканіе премій профессора Котляревскаго.	7 — 112
---	---------

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМИЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

ЧТАННИЙ ВЪ ЗАСѢДАНІИ 19 ОКТЯБРЯ 1901 Г.

Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго въ настоящемъ году поступило всего лишь одно сочиненіе, написанное извѣстнымъ знатокомъ Черногоріи П. А. Ровинскимъ. Оно представляетъ собою многотомное изданіе, вышедшіе томы котораго посвящены отдѣламъ географіи, исторіи и, главнымъ образомъ, этнографіи Черногоріи. Сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: «*Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ*. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. — Составилъ П. Ровинскій». Томъ I. Спб., 1888 г. Стран. XXIII + 881 + *Карта Княжества Черногорскаго* составлена въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба по съемкамъ 1860—66 и 1879—81 гг. и дополнена по свѣдѣніямъ П. А. Ровинскаго 1889 г. Маштабъ 1:294,000. — Томъ II. Часть I. Спб. 1897 г., стран. XXIV + 778 + VI. — Томъ II. Часть II. Спб. 1901. Стран. IV + III + 646 + II въ 8-ую долю листа.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

Для критическаго разсмотрѣнія означеннаго труда былъ приглашенъ ординарный профессоръ Санктпетербургскаго Университета по кафедрѣ славянской филологіи П. А. Лавровъ, который доставилъ къ назначенному сроку обстоятельную и обширную рецензію.

Обширный трудъ П. А. Ровинскаго, два первые тома котораго представлены авторомъ на соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго, имѣетъ, — по словамъ рецензента, — цѣлю представить по возможности всестороннее описаніе Черногоріи. Сочиненіе распадается на нѣсколько частей, обнимающихъ географію, исторію, этнографію, археологію и современное положеніе страны.

Въ I-ый томъ, вышедшій въ 1888 г., вошло географическое описаніе и историческій очеркъ Черногоріи, во II-ой томъ, раздѣляющійся на двѣ части, изъ которыхъ часть первая вышла въ 1897 г. и часть вторая въ 1901 г., вошелъ обширный отдѣлъ этнографіи, почти совсѣмъ законченный. Оставшіеся отъ него сборникъ пѣсенъ и статьи объ языкѣ авторъ общаетъ помѣстить въ слѣдующемъ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ отдѣломъ, посвященнымъ археологіи и статей о современномъ состояніи Черногоріи. Рецензентъ, оставляя въ сторонѣ географическое описаніе Черногоріи, подробно останавливается на исторической части труда г. Ровинскаго. Въ основаніе ея положенъ трудъ Милаковича, при чемъ пробѣлы его восполнены при помощи новыхъ матеріаловъ какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находящихся въ распоряженіи автора. Свой историческій очеркъ г. Ровинскій оканчиваетъ главой объ отношеніяхъ между Россіей и Черногоріей при владыкахъ. Указывая, что Россію и Черногорію соединяють, помимо единоплеменности и единовѣрія, и политическіе интересы, и отмѣчая колебанія въ нашихъ отношеніяхъ, объясняющіяся какъ личнымъ характеромъ нѣкоторыхъ государей, такъ и общимъ направленіемъ русской политики, г. Ровинскій находитъ, что въ настоящее время Черногорія, представляющая собою политическое цѣлое, крѣпкое и

неразделимое, могущее быть прочной и вѣрной опорой для русскихъ и славянскихъ интересовъ въ самомъ важномъ пунктѣ, заслуживаетъ могущественной помощи Россіи.

Но черногорцы, какъ указываетъ г. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ (т. II, ч. 1, стр. 392), глубоко проникаются идеей единства и сближенія съ остальными братьями сербами какъ свободными, такъ и остающимися подъ чужимъ господствомъ, а потому является желательной и необходимой поддержка со стороны Россіи всего сербскаго народа, съ которымъ насъ связываютъ завѣты нашего великаго государя, обратившагося съ первымъ призывомъ именно къ сербамъ и воспользовавшагося при этомъ помощью самихъ сербовъ.

Историческій очеркъ Черногоріи сопровождается у г. Ровинскаго цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ приложений, каковы Грамота Ивана Черноевича на построение храма Рождества Богородицы и монастыря на Цетиньѣ 1485 г. въ двухъ экземплярахъ, подлинникъ и списокъ, Дипломы, данные Венеціанской республикой Черногорскому народу, Описаніе Скадарскаго санджака Болицы въ русскомъ переводѣ и, наконецъ, извлеченія изъ сочиненія В. Броневскаго: «Записки морского офицера въ продолженіе кампаній на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г.»

Второй томъ труда г. Ровинскаго посвященъ *этнографіи Черногоріи*, на которую онъ смотритъ какъ на главную и самую важную часть своего сочиненія. Задачей автора было представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизни во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ, со всей окружающей ее обстановкой.

Рецензентъ признаетъ этотъ отдѣлъ труда г. Ровинскаго особенно важнымъ и выясняетъ его мѣсто среди югославянской этнографіи вообще. «Сербамъ, замѣчаетъ рецензентъ, — приходится считаться съ отсутствіемъ единого центра литературной дѣятельности. Это обстоятельство нельзя забывать и при оцѣнкѣ ихъ трудовъ и усилій и въ области этнографіи».

«Если мы теперь обратимся ко всѣмъ исчисленнымъ изданіямъ и посмотримъ, что въ нихъ есть касающагося Черногоріи, то окажется очевидной скудость напечатаннаго матеріала.

«У г. Миличевіћа, который пользовался матеріаломъ изъ разныхъ сербскихъ краевъ, лишь немногія сообщенія идутъ изъ Черногоріи. Въ Zbornik'ѣ Югославянскоі Академіи мы нашли только двѣ весьма, правда, любопытныя статьи: «Crnogorski prilozi: а) Iz Gluhog Dola и crtničkoј nahiji. L. Jovović; б) Iz Bara i barske okolice и primorskoј nahiji. M. Jovović». Два небольшія сообщенія находимъ и въ Земальскомъ Гласникѣ: «Народно глумовање у цуцком Трешњеву и Оро, црногорска народна игра I. Ф. Иванишевића». (1895, стр. 152—155; 1900, стр. 533—542).

«Тѣмъ очевиднѣе, какой интересъ получаютъ двѣ части второго тома г. Ровинскаго, поражающія уже однимъ вышнимъ объемомъ (стр. 778 въ первой и 646 во второй) и представляющія полную картину черногорскаго быта».

Разсмотрѣвъ подробно содержаніе этнографическаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго, рецензентъ говоритъ: «Разумѣется, главной задачей автора было представить полную картину этнографическаго быта Черногоріи и это имъ выполнено блестяще. Пользуясь отчасти матеріаломъ, ранѣе обнародованнымъ, привлекая литературу предмета, гдѣ это было необходимо, авторъ, однако, главнымъ образомъ, опирался на собранный во время продолжительнаго пребыванія въ Черногоріи имъ самимъ матеріалъ. Оттого даже и въ такихъ случаяхъ, когда объ извѣстномъ вопросѣ существуетъ значительная литература, его изложеніе у г. Ровинскаго сохраняетъ интересъ мѣстными указаніями, детальными дополненіями, которыя однако только ярче и глубже освѣщаютъ предметъ.

«Но какъ ни обиленъ собранный авторомъ матеріалъ, еще богаче самая жизнь съ ея разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что г. Ровинскому и самому приходится отмѣчать

пробѣлы и обращать вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на пункты, требующіе дальнѣйшей разработки.

«Мы не разъ указывали, что г. Ровинскій при выполненіи своего труда пользовался помощію мѣстныхъ уроженцевъ, вызывая ихъ печатные труды или письменныя сообщенія. Можно надѣяться, что выходъ книги еще сильнѣе оживитъ интересъ черногорцевъ къ своей родинѣ.

«Чтобы судить, насколько важенъ вкладъ, внесенный г. Ровинскимъ въ область сербской этнографіи, достаточно сравнить его книгу съ первымъ выпускомъ Этнографическаго сборника, изданнаго Сербской Академіей, который значительно уступаетъ труду г. Ровинскаго и въ полнотѣ матеріала, и въ его разработкѣ. Въ изданіяхъ Загребской Академіи есть работа г. Ловретича, посвященная народной жизни и обычаямъ Отока, но она касается лишь одного мѣста и потому уже, не смотря на свой интересъ, не можетъ идти въ сравненіе съ описаніемъ г. Ровинскаго, обнимающимъ народный бытъ такой своеобразной страны, какова Черногорія».

«Для насъ, русскихъ, — такъ заключаетъ свой обширный отзывъ профессоръ Лавровъ, — трудъ г. Ровинскаго получаетъ особенное значеніе. Яркій свѣтъ проливаетъ онъ на бодрую жизнь и героическую исторію малочисленнаго народа въ тѣсномъ уголку, запертаго съ одной стороны просвѣщенными сосѣдями, съ другой дикими албанцами и турками. Малъ этотъ народъ, но силенъ несокрушимой народной энергіей и послушенъ своему достойному вождю. Онъ дорожитъ своимъ сербскимъ именемъ и хранить въ памяти завѣты славнаго прошлаго сербскаго царства: въ здравницахъ онъ вспоминаетъ Призрѣнъ, молить Бога, чтобы далъ ему пятаго патріарха въ Печи. Онъ исполненъ признательности къ Россіи, съ которою его связываютъ давнія и прочныя узы со времени Петра Великаго. Всякій русскій присоединится къ тѣмъ симпатіямъ, которыя шлетъ ему г. Ровинскій въ концѣ своего историческаго очерка отъ лица всей Россіи. Но черногорцы — лишь часть сербовъ, на-

рода, поражение котораго на Косовомъ полѣ считается міровымъ бѣдствіемъ одинъ нѣмецкій ученый. И наши симпатіи должны распространяться на все сербское племя, исполненное привлекательности и таланта».

Обращаясь затѣмъ къ исполненію г. Ровинскимъ задуманнаго имъ труда, г. рецензентъ признаетъ этотъ трудъ этнографическимъ подвигомъ.

«Задача этнографа не легкая, успѣхъ не дается даромъ. Соотечественники могутъ испытывать особенное удовольствіе, что такой трудъ о Черногоріи вышелъ изъ-подъ пера русскаго.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ оцѣнило по достоинству трудъ автора, помѣстивъ его въ Сборникъ.

Присужденіемъ преміи профессора Котляревскаго, которой этотъ трудъ вполне отвѣчаетъ, Отдѣленіе окажетъ автору вполне заслуженную поддержку».

Комиссія, назначенная для разсмотрѣнія поступившаго на соисканіе премій имени профессора Котляревскаго труда, представленной на него рецензіи, а также для присужденія самихъ премій состояла изъ членовъ Отдѣленія: Ординарныхъ академиковъ: В. И. Ламанскаго, О. Е. Корша и А. И. Соболевскаго. Комиссія нашла, что вышедшіе томы труда г. Ровинскаго составляютъ законченное цѣлое; признавъ оцѣнку его, сдѣланную г. рецензентомъ, вполне справедливою, Комиссія опредѣлила присудить автору указаннаго сочиненія П. А. Ровинскому *полную премію* въ тысячу рублей.

Означенное постановленіе Комиссіи было Отдѣленіемъ русскаго языка словесности утверждено; тогда же послѣднее постановило въ выраженіе своей признательности выдать профессору П. А. Лаврову установленную золотую медаль имени профессора А. А. Котляревскаго за тщательное разсмотрѣніе объемистаго труда г. Ровинскаго.

Разборъ труда П. А. Ровинскаго: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“ томъ I и тома II 1 и 2 части, представленнаго на соисканіе премій профессора Котляревскаго.

Обширный трудъ П. А. Ровинскаго, два первые тома котораго представлены авторомъ на соисканіе премій профессора Котляревскаго, имѣтъ цѣлю представить по возможности всестороннее описаніе Черногоріи. Сочиненіе распадается на нѣсколько частей, обнимающихъ географію, исторію, этнографію, археологію и современное положеніе страны.

Въ I томъ, вышедшій въ 1888 г., вошло географическое описаніе и историческій очеркъ Черногоріи; во II томъ, раздѣляющійся на двѣ части, изъ которыхъ часть первая вышла въ 1897 г. и часть 2-я въ 1901 г., вошелъ обширный отдѣлъ этнографіи, почти совсѣмъ законченный. Оставшіеся отъ него сборникъ пѣсенъ и статьи объ языкѣ авторъ общаетъ помѣстить въ слѣдующемъ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ археологіей и статьей о современномъ состояніи Черногоріи.

Приступая къ разбору вышедшихъ двухъ томовъ, мы не будемъ много останавливаться на географическомъ описаніи Черногоріи, которое, по справедливому замѣчанію автора, впервые является въ нашей литературѣ съ такой полнотой и подробностями и значеніе котораго увеличивается приложенной къ нему картой, въ которую вошли и поправки самого г. Ровинскаго. Такое описаніе могъ дать только человѣкъ, прожившій въ странѣ продолжительное время и успѣвшій обойти или объѣхать большую часть Черногоріи. Неудивительно поэтому, что, пользуясь географической литературой о Черногоріи и, между прочимъ,

трудами специалистовъ Шварца и Тице, г. Ровинскій имѣлъ возможность исправлять вкравшіяся въ ихъ работы ошибки. Такъ, напримѣръ, на стр. 30 онъ отмѣчаетъ нерациональность принятой Шварцемъ группировки горъ по рѣчнымъ системамъ, благодаря чему этотъ ученый, отдѣливъ массивъ Морача-Тара отъ массива Тара-Лимъ, отдѣлилъ Лѣвую рѣку (часть Васоевичей), имѣющую самую тѣсную связь съ Комомъ, и соединилъ съ Братоножичами, съ которыми не имѣется ничего общаго ни въ направленіи, ни въ конструкціи, ни въ геологическомъ составѣ горъ. Подобныя же ошибки встрѣчаются у него и въ остальныхъ намѣченныхъ имъ группахъ. При описаніи Чернаго озера исправлено ошибочное заключеніе Тице, что оно не имѣетъ стока (стр. 65). На стр. 84 указаны пробѣлы, существовавшіе на всѣхъ картахъ и относящіеся къ срединѣ Черногоріи, которые г. Ровинскому удалось заполнить. — Цѣнныя данныя представляютъ таблицы наблюденій погоды, помѣщенные въ книгѣ г. Ровинскаго и составленныя докторомъ Милянничемъ (стр. 168—169) и самимъ авторомъ (стр. 184—190).

Образцомъ полной добросовѣстности географическаго очерка можетъ служить то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о Морачѣ: «Что касается истоковъ Морачи, то до сихъ поръ ни карты, ни описанія не даютъ объ нихъ точнаго понятія (Въ послѣднее время есть болѣе точное описаніе О. Баумана, но для яснаго пониманія необходима карта, которая однако не вышла). Поэтому мы будемъ говорить объ ней еще съ большею осторожностію, чѣмъ говорили о другихъ рѣкахъ, тѣмъ болѣе, что самому мнѣ и не привелось быть въ Горней Морачѣ» (стр. 246).

Интересъ географическаго описанія увеличивается тѣмъ, что авторъ мѣстами, пользуясь своимъ дневникомъ, описываетъ пройденныя имъ мѣстности въ живой картинѣ, сопровождая описаніе изображеніемъ природы (напр., стр. 51).

Говоря о флорѣ и фаунѣ, г. Ровинскій обѣщаетъ въ концѣ своего труда въ матеріалахъ дать словарь мѣстныхъ названій растений.

Историческую часть авторъ начинаетъ обзоромъ источниковъ по исторіи Черногоріи и трудовъ, посвященныхъ ей изложенію. До послѣдняго времени самымъ полнымъ трудомъ является исторія Черногоріи Милаковича. Но послѣ выхода этой книги появилось много новыхъ матеріаловъ, которые однако въ самой Черногоріи остаются безъ всякой разработки, равно какъ сочиненія, посвященные черногорской исторіи, не подвергаются надлежащей критикѣ.

Считая нужнымъ въ своемъ трудѣ о Черногоріи отвести мѣсто и ей исторіи и въ то же время не имѣя возможности специально отдаться ей разработкѣ, г. Ровинскій рѣшилъ, положивъ въ основаніе трудъ Милаковича, восполнить его пробѣлы при помощи новыхъ матеріаловъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находившихся въ его распоряженіи.

Но, разумѣется, дѣло не въ одной полнотѣ, важно особенно осторожное отношеніе даже и къ документальнымъ источникамъ. Не одна слѣпая вѣра въ преданіе можетъ ввести въ заблужденіе, но и излишняя довѣрчивость къ архивнымъ документамъ, въ которыхъ можно встрѣтить иногда явно намѣренное искаженіе факта.

Указывая подобныя ошибки въ трудахъ предшественниковъ, напр., Макушева, авторъ переходитъ къ подраздѣленію исторіи Черногоріи на періоды. Онъ признаетъ два періода въ исторіи страны: въ первомъ это есть исторія Зеты, во второмъ исторія собственно Черногоріи, тѣснаго уголка области, носившей имя Зеты.

Во второмъ періодѣ, послѣ удаленія послѣдняго свѣтскаго государя Георгія Черноевича, г. Ровинскій различаетъ двѣ эпохи: 1) отъ 1516 г. до конца XVII в., когда Черногорія управляется владыками изъ разныхъ домовъ и живетъ исключительно племенной жизнью, и 2) отъ конца XVII в., когда пробуждается политическое самосознаніе страны, а верховная власть удерживается въ одномъ домѣ Петровичей Нѣгошей.

Авторъ оканчиваетъ свое изложеніе правленіемъ владыки

Петра I, находя, что правленіе его преемника Петра II еще не можетъ быть достояніемъ исторіи, потому что слишкомъ близко къ современной жизни Черногоріи, и много матеріала для него еще недоступно изслѣдованію. Съ своей стороны г. Ровинскій обѣщаетъ извлечь главнымъ образомъ къ этому времени относящійся матеріалъ русскаго консульства въ Дубровникѣ.

Зета среди другихъ сербскихъ земель имѣетъ особое значеніе, какъ колыбель древне-сербскаго государства. Изъ нея вышла династія Неманичей, начинатель которой Стефанъ Неманя явился собирателемъ сербскихъ земель, далеко раздвинувъ предѣлы своей державы. Позднѣе Зета, какъ особый удѣлъ, управлялась наслѣдникомъ сербскихъ государей. Можно по этому заключать, что она сохраняла особое положеніе среди другихъ сербскихъ областей. Поэтому представляетъ немалый интересъ собрать въ источникахъ все то, что они даютъ для этой области.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія матеріалъ, сгруппированный г. Ровинскимъ, хотя и не вездѣ это удалось ему исполнить, какъ было бы желательно.

Такъ, говоря о территоріи Зеты и заселеніи ея сербами, г. Ровинскій пересматриваетъ данныя, представляемыя Константиномъ Багрянороднымъ и Діоклейскимъ пресвитеромъ, при чемъ знакомство съ мѣстностію Черногоріи даетъ ему возможность сдѣлать интересныя указанія. Такъ, напр., мѣстность Градацъ въ Лѣшанской нахіи, около которой сохранились слѣды древней постройки, г. Ровинскій приводитъ для опредѣленія мѣстоположенія Градѣтаи, какъ это и есть повидимому. Правда, Шафарикъ указывалъ Gradiŭ выше Скадра, Рачкій Градацъ въ Черногоріи. Но Новаковичъ въ послѣднемъ случаѣ выяснилъ необходимость болѣе точнаго опредѣленія: «въ Черногоріи есть четыре Градца въ Лѣшанской нахіи и въ Бѣлопавличахъ (около Зеты). Гдѣ же этотъ?» и предлагаетъ самъ другое мѣсто, именно Граѣане, названіе цѣлаго племени въ Рѣчкой нахіи¹⁾. Къ сожалѣнію, г. Ро-

1) Српске области X и XII в. Гласникъ 48, стр. 17.

винскій, опустивъ изъ виду статью Новаковића, не могъ сдѣлать поэтому болѣе точнаго разъясненія относительно этихъ мѣстъ. Что же касается *Novigrada*, то г. Ровинскій указываетъ или Подгорицу, или мѣсто противъ Діоклеи на другомъ берегу Морачи, гдѣ есть слѣды обширнаго города, расходясь съ Шафарикомъ, который въ этомъ случаѣ видѣлъ Градацъ Лѣшанской нахіи¹⁾. Новаковић, отвергая предположеніе Рачкаго, думавшаго видѣть адѣсь Новиградъ, не входившій въ составъ Зеты, относитъ это мѣсто къ которому-нибудь изъ этихъ четырехъ Градцевъ. Близко къ Новаковићу опредѣляетъ г. Ровинскій Облику, мѣстность близъ Скадра, Гогвса можетъ быть Горица (возвышеніе передъ Подгорицей), или Горичаны, село на берегу Морачи ниже Подгорицы. Имя лужанъ и г. Новаковић приводитъ въ связь съ именемъ *Podlugiae*, хотя *Lusca* согласно съ Рачкимъ онъ относитъ къ Лѣшкополью или Лѣшанской нахіи. Въ виду того, что эти указанія сдѣланы г. Ровинскимъ независимо отъ статьи г. Новаковича, они получаютъ интересъ, свидѣтельствуя тѣмъ за близость къ истинѣ предлагаемыхъ объясненій.

Въ главѣ о зетской митрополіи заслуживаетъ полнаго вниманія указаніе г. Ровинскаго на то, что Дрепа, въ которой находилась основанная Неманей архіепископія, могла быть на мѣстѣ нынѣшней Подгорицы, одна часть которой и до сихъ поръ сохранила это названіе. Центральное положеніе Подгорицы въ этой мѣстности говоритъ въ пользу этой догадки. Весьма интересны также указанія на цѣлый рядъ церквей, сохранившихся въ Зетѣ отъ эпохи Неманичей, описаніе которыхъ обѣщаетъ дать г. Ровинскій въ особомъ отдѣлѣ (археологін). Желательно было бы также получить съ уцѣлѣвшихъ остатковъ живописи фотографическіе снимки или копіи. Съ латинскими надписями есть церковь Сергія на Боянѣ и монастырь на Ротцѣ стр. 378.

Для эпохи до включенія Зеты въ составъ державы Неманичей г. Ровинскій далъ мѣсто лѣтописнымъ рассказамъ Діоклей-

1) У г. Ровинскаго иначе, но это недосмотръ, ср. Древности 661.

скаго пресвитера, справедливо признавая ихъ важность для характеристики дѣйствовавшихъ въ то время лицъ, вѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, духа и нравовъ эпохи. Нужно только замѣтить, что ими пользовался и Гильфердингъ въ исторіи сербовъ и болгаръ, вполне оцѣнивъ ихъ значеніе, а позднѣе г. Новаковичъ еще глубже выставилъ важность этого источника для начальной исторіи сербскаго народа. Въ отличіе отъ г. Ровинскаго, который изложилъ разсказъ лѣтописи съ урѣзками, г. Новаковичъ далъ полный переводъ эпизода о Владимірѣ, отчего, нужно признаться, цѣльность впечатлѣнія только выигрываетъ. Замѣтимъ еще, что г. Ровинскій, пользуясь изданіемъ этого перевода въ Лѣтописи сербской матицы, удержалъ нѣкоторые географическія названія въ передачѣ переводчика. Такъ, *montem Obliquum* онъ переводитъ Косою горой, г. Новаковичъ справедливо видитъ въ этомъ имени теперешнее Обликъ между Скадромъ и Улциномъ¹⁾. Это и есть именно то мѣсто, которое при объясненіи Дуклянскаго пресвитера и самъ г. Ровинскій называетъ Обликва, интересно, что и въ формѣ еще болѣе близкой къ латинской, какъ объ этомъ мы уже и упоминали выше (стр. 347). Далѣе Пропа безъ сомнѣнія лишь вслѣдствіе описки; должно быть Преспа. При «Декатеру и Лаузію» слѣдовало бы прибавить, что это Которъ и Дубровникъ.

Вмѣстѣ съ Гильфердингомъ выясняя вѣрность Діоклейскаго пресвитера исторіи, что подтверждается свидѣтельствами греческихъ писателей, г. Новаковичъ говоритъ: «Разсказъ Дуклянина исполненъ интереса и значенія. Имъ впервые поднимается завѣса, скрывающая жизнь сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ, и рисуются образы, которые представляютъ намъ народъ, государство и государя въ такомъ свѣтѣ, о какомъ, судя по остальнымъ источникамъ въ тѣ времена, нельзя было и думать. Вполнѣ естественно и обычно различіе въ разсказѣ чужеземцевъ и домашняго историческаго источника»²⁾.

1) Српске области X и XII в. стр. 12—18.

2) Први основи словенске књижевности, Бѣлградъ 1893, стр. 199.

Разсказъ Дуклянина какъ нельзя лучше освѣщается и тѣми преданіями, которыя живутъ о Владимірѣ на мѣстѣ и которыя дополняютъ свѣдѣнія, уже ранѣ собранныя Ястребовымъ, на котораго однако нѣтъ ссылокъ у г. Ровинскаго. Тѣми и другими воспользовался и г. Новаковић, у котораго въ свою очередь собраны интересныя свѣдѣнія о монастырѣ св. Владимира.

Не мѣшаетъ еще прибавить, что упоминаемая у діоклейскаго пресвитера Крайна не есть названіе какого-либо села, а цѣлый край, обнимающій территорію между Церинницей, Скадарскимъ озеромъ, Бояной и Адриатическимъ моремъ. Поэтому замѣтки старыхъ далматинскихъ писателей о томъ, что дворецъ сербскихъ государей находился въ селѣ Крайна, нельзя придавать значенія¹⁾.

Но отъ г. Ровинскаго ускользнуло одно извѣстіе о внутреннемъ состояніи сербскаго государства въ рассматриваемую эпоху, относящееся къ 1096 г., гдѣ рѣчь идетъ о путешествіи черезъ Герцеговину на Никшичъ въ Скадаръ²⁾.

Намъ слѣдуетъ остановиться еще на вопросѣ о богомилствѣ въ Зетѣ, которому г. Ровинскій придаетъ особенное значеніе въ исторіи Зеты. Напоминая указанія житія св. Саввы о распространеніи богомилской ереси при отцѣ Немани, г. Ровинскій указываетъ названія мѣстности Богмиловићи въ Пѣшивцахъ, преданія, распространенныя во многихъ мѣстахъ Черногоріи, о бокумирахъ, надгробные памятники съ разными фигурами. Мало того, г. Ровинскій, упоминая о преслѣдованіи этой ереси при Неманѣ, высказываетъ предположеніе, что при этомъ могли погибнуть важныя памятники древне-сербской письменности. Не всѣ преслѣдуемыя книги могли относиться къ вѣроученію, могли быть и другого содержанія — историческаго и географическаго, естественно-описательнаго (стр. 369). Позволимъ замѣтить, что то освѣщеніе, какое г. Ровинскій придаетъ сербскимъ

1) Новаковић, тамъ же, стр. 280.

2) Тамъ же, стр. 202—208.

богомиламъ и ихъ ученію, за которыми онъ не хочетъ признать темнаго мистицизма, о которомъ нѣкоторое понятіе даютъ дошедшіе до насъ апокрифы, намъ кажется мало доказательнымъ и произвольнымъ. Только тогда, когда для подобныхъ заключеній могутъ быть приведены несомнѣнные факты, можетъ быть рѣчь о томъ или иномъ характерѣ сербскаго богомилства. Равнымъ образомъ и для того, чтобы надгробные памятники, о которыхъ упоминаетъ г. Ровинскій, признать богомилскими, желательны болѣе твердыя основанія. Что же касается произведеній древне-сербской литературы, то здѣсь слѣдовало бы скорѣе упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя хотя и погибли, но на которыя сохранилось указаніе. Въ лѣтописи діоклейскаго пресвитера находится прямое свидѣтельство о томъ, что источникомъ лѣтописцу служило житіе Владиміра. Это видно изъ словъ: «а кто желаетъ знать, какія достойныя дѣла и чудеса совершилъ Богъ чрезъ блаженнаго Владиміра, слугу своего, пусть прочтетъ книгу о его дѣяніяхъ (*liber gestorum ejus*), въ которой по порядку описаны его дѣла, и тогда убѣдится, что этотъ святой былъ одного духа съ Господомъ и Господь обиталъ въ немъ». На славянскій источникъ ссылается и позднѣе переработанная греческая легенда о Владимірѣ—трудъ ельбасанскихъ монаховъ. Въ ней сказано, что въ сербскихъ книгахъ лучше сохраняются житіе и чудеса святителя, а было также пространное житіе и служба и на языкѣ греческомъ, но утратились. Рядомъ съ этимъ житіемъ не слѣдуетъ забывать, что и самая лѣтопись Діоклейскаго пресвитера, дошедшая до насъ на латинскомъ языкѣ, есть лишь латинскій переводъ съ славянскаго оригинала, сдѣланный для юношей Бара¹⁾. Всѣ эти факты свидѣлствуютъ о значительномъ оживленіи литературной дѣятельности въ Зетѣ въ X и XI вв. Отмѣтимъ при этомъ еще и то, что труды, о которыхъ идетъ рѣчь, не заключаютъ никакихъ намековъ на богомилство Зеты. Напротивъ, Владиміръ безъ сомнѣнія былъ вѣрный сынъ

1) Новаковић, тамъ же, стр. 203—204. Ср. Ровинскій I, 356.

своей церкви. Онъ является съ деревяннымъ крестомъ въ рукѣ, крестъ призываетъ въ свидѣтели своей безвинной смерти.

Менѣе интереса представляетъ глава: «Церковь, земля и народъ» при Неманичахъ. Указавъ нѣкоторые факты, повидимому свидѣтельствующіе объ ограниченіи роли епископа зетскаго послѣ учрежденія архіепископства, и въ то же время отмѣтивъ усердные вклады Неманичей Вранинскому монастырю, г. Ровинскій на основаніи законника Душана судить и о положеніи Зеты. Но статьи законника не даютъ какихъ-либо указаній на Зету въ частности, и единственное мѣсто объ арбанасахъ и влахахъ, которое г. Ровинскій приурочиваетъ къ мѣстности нынѣшней катунской нахія (стр. 380), не исключаетъ и другихъ мѣстъ сербскаго царства. Сравни объ этомъ статью 32 въ новомъ изданіи законника Новаковича стр. 165, который, приводя цифры катуновъ различныхъ сербскихъ монастырей, замѣчаетъ: «эти села обыкновенно не были всѣ въ одномъ краю, но обыкновенно лишь часть ихъ была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, а остальные находились по разнымъ часто весьма удаленнымъ краямъ, каковы, напр., Рашка и Зета»¹⁾.

Коротко упоминая о судьбахъ сербскаго царства послѣ Душана, о распаденіи его на отдѣльныя области, объ узурпаторствѣ Вукашина и борьбѣ съ его сыновьями Лазаря Гребляновича, г. Ровинскій переходитъ затѣмъ къ династіи Бальшичей и Черноевичей, которые владѣли Зетой. Что касается происхожденія первыхъ, то заслуживаютъ вниманія указанія г. Ровинскаго на братство Баошичей на верхней Морачѣ и мѣстность въ Бокѣ Баошићи, изъ которыхъ видно, что эта фамилія существовала помимо владѣтельнаго дома. Эти факты на нашъ взглядъ подкрѣпляютъ мнѣніе Миклошича о славянскомъ, а не французскомъ происхожденіи этой династіи.

Переходя затѣмъ къ Черноевичамъ, г. Ровинскій останавливается на значеніи Косовской битвы и при этомъ возвращаетъ

1) Новаковичъ Ст. Законик Стефана Душана. У Београду. 1898 г.

жаеть противъ обвиненій князя Лазаря, который, принявъ этотъ бой съ турками, сдѣлался виновникомъ гибели сербскаго царства. Мы должны замѣтить, что эти обвиненія, высказанныя въ книжкѣ «Историческо-критическое описаніе битке Косово-польске» (стр. 406), не заслуживаютъ и опроверженія. Движеніе турокъ на Балканскій полуостровъ должно было неизбѣжно кончиться столкновеніемъ съ христіанскимъ войскомъ. При этомъ вполне естественно, что ихъ ударъ должно было встрѣтить то государство, которое было сильнѣе другихъ. А такимъ въ то время была Сербія. Если и при тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ произошла битва, на которую не всѣ союзники подписѣли, успѣхъ турокъ былъ далеко не полный; если еще долго сынъ Лазаря, деспотъ Стефанъ, поддерживалъ процвѣтаніе Сербіи, которое засвидѣтельствовано оживленіемъ литературной дѣятельности, то можно ли обвинять рѣшимость Лазаря. Наоборотъ, извѣстный историкъ Сербіи считаетъ ошибкой Стефана его вѣрность Баязету, сохраняя которую въ силу данной клятвы, онъ, «спасая личную честь, губилъ отечество».

Теперь сербская литература обладаетъ прекраснымъ историческимъ трудомъ Ст. Новаковића Срби и Турци XIV и XV в. 1893, посвященнымъ эпохѣ турецкихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ. Еслибы авторъ могъ имѣть въ виду эту книгу, то глава «Значеніе Косовской битвы» была бы имъ изложена иначе.

Въ краткихъ, но живыхъ очеркахъ говорить г. Ровинскій о Черноевичахъ, которымъ выпала не легкая доля отстаивать независимость Зеты отъ турокъ, отчасти и отъ захватовъ Венеціи. Стефанъ Черноевичъ принужденъ перенести столицу изъ Скадра въ Жаблякъ и строить монастырь и церковь во имя Успенія Богородицы, расписанную внутри и снаружи изображеніями, которыя и до сихъ поръ сохранились. Его сынъ Иванбегъ называется въ одномъ изъ документовъ чеснегѣръ и склавъ великаго цара и великаго господара Амиръ султанъ Мехемедъ бега. Венеціанская республика записываетъ его имя между

своими патриціями, присоединяя къ его титулу: *as vajvoda poster*. Онъ строитъ небольшой градъ Соколъ на Ободѣ, а въ концѣ концовъ переноситъ свою резиденцію на Цетинье, гдѣ строитъ монастырь во имя Рождества Богородицы. Одинъ изъ его сыновей принимаетъ даже мусульманство и получаетъ титулъ санджака черногорскаго. Но это относится лишь къ части Зеты, и г. Ровинскій продолжаетъ смотрѣть на Черногорію, какъ на страну автономную, не зависѣвшую и въ это время ни отъ какой державы. Съ удаленіемъ послѣдняго изъ Черноевичей во главѣ Черногоріи становится владыка.

Въ дополненіе слѣдуетъ прибавить, что въ сочиненіяхъ, вышедшихъ послѣ книги г. Ровинскаго преобладаетъ иной взглядъ на отношенія Черногоріи къ Турціи за это время. Изученіе новыхъ матеріаловъ приводитъ изслѣдователей къ заключенію, что съ конца XV в. независимость Черногоріи прекратилась и Черногорія обратилась въ турецкій Санджакъ эти сочиненія: 1) Miklosich Fr. *Die serbischen Dinasten Crnojević*. Wien 1886, осталось неизвѣстно г. Ровинскому и не указано имъ въ числѣ литературы; Руварац Илар. *Montenegrina*, прилошци историји Црне Горе у Земуну 1882 2-е изд., Томић Н. Црнојевић и Црна Гора од 1479—1528. Его же: Политички однос Црне-Горе према Турској 1528—1684. Помѣщено въ Глас српске краљ. акад. LVIII, LX, LXVIII. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, а въ трудахъ Томића въ особенности, внесено много новаго въ изложеніе черногорской исторіи, цѣнны и многочисленныя фактическія детали.

Прежде чѣмъ перейти ко второму періоду исторіи собственно Черногоріи, г. Ровинскій въ VI главѣ «Общій взглядъ на внутреннее состояніе Зеты до прекращенія ея владѣтельской династіи» группируетъ изъ источниковъ интересныя данныя, касающіяся церкви и монастырей, земли и народа, жупы и града, торговли и пошлинъ, произведеній страны, промысла и искусства, внутреннихъ и политическихъ отношеній. Здѣсь обращаютъ вниманіе цѣнныя данныя о составѣ населенія, его густотѣ къ югу

отъ Подгорицы до Скадарскаго озера, при чемъ оказываются имена почти всѣхъ селъ и нынѣ существующихъ; менѣе данныхъ для катунской нахи, хотя и ея имя встрѣчается въ документахъ XV в. Населеніе это было чисто сербское, только на юго-востоки еще держится албанскій элементъ.

Слѣды жупнаго дѣленія г. Ровинскій усматриваетъ во многихъ названіяхъ мѣстностей съ именемъ жупы. Сохраняются и тѣ же самыя отношенія между общинами изъ нѣсколькихъ селъ, и не называющимися жупой. Для знакомства съ «градами» интересно указаніе на то, что нынѣшніе грады Ульцина и Бара сохранили свой видъ, въ какомъ они были до занятія ихъ турками въ XVI в., а большая часть построекъ относится къ XIV в. и даже ранѣе.

Въ главѣ о литературѣ г. Ровинскій упоминаетъ о богатствѣ рукописями различнаго содержанія черногорскихъ монастырей, изъ которыхъ сохранились немногія между прочимъ и въ частныхъ рукахъ. Было бы не лишне собрать свѣдѣнія по описаніямъ библиотекъ, чтобы опредѣлить, что и куда попали изъ бывшаго на Цетиньѣ. Г. Ровинскій упоминаетъ при этомъ объ описяхъ ихъ, которыя бы желательно видѣть въ печати. Напоминавая, что въ Черногоріи вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія заведена была типографія, г. Ровинскій заключаетъ изъ этого о спросѣ на книги и печатаетъ послѣсловіе къ октоху 1494 г., которое извѣстно и лучше издано въ описаніи старопечатныхъ книгъ Каратаева. Нѣсколько сомнительнымъ намъ кажется предположеніе объ особомъ законникѣ для Зеты. Изъ указанія описи: «2 законники велике» скорѣе можно заключать, что это могли быть списки Душанова законника, какъ извѣстно, часто соединявшіеся съ синтагмой Матвѣя Властара.

Исторію Черногоріи подъ управленіемъ митрополитовъ г. Ровинскій начинаетъ восхваленіемъ мудрости и патріотизма Ивана Черноевича, который, понявъ невозможность удержаться въ Зетѣ, искалъ убѣжища въ горахъ и вмѣстѣ съ своей резиденціей перенесъ на Цетинье и митрополию съ сохраненіемъ за ми-

трополитомъ титула зетскій. Предвидя, что его сыну не удержатъ власти въ своихъ рукахъ и что митрополиту въ будущемъ придется взять управленіе не только церковными, но и мірскими дѣлами, онъ надѣлилъ монастырь средствами, какими въ то время и самъ не обладалъ. Этимъ замѣчательнымъ актомъ была спасена независимость Черногоріи.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ ближайшій періодъ управленія владыкъ изъ различныхъ родовъ опасность положенія Черногоріи была велика. Съ усиленіемъ могущества турокъ возрастало и турецкое вліяніе. Турки проникали въ самую глубь страны, и вмѣстѣ съ ними распространялось магометанство, увеличивалось число потурченцевъ (стр. 484). Съ другой стороны, въ Приморьѣ распространялось католичество. Благодаря усиленію венеціанскаго вліянія, обнаружилась попытка къ переходу въ католицизмъ со стороны владыки Мардарія, который подготовлялся посѣщеніями Черногоріи епископомъ трогирскимъ и Болицей. Это было въ 1640 г. Въ 1690 г. Сулейманъ паша скадарскій проникъ до Цетинья и разрушилъ дворецъ Иванбега и монастырь. Выйти изъ критическаго положенія черногорцамъ помогло только крайнее средство—истребленіе потурченцевъ, на которое рѣшился первый владыка изъ рода Петровичей Нѣгошей Данилъ. Ко времени этого владыки относятся начало сношеній Черногоріи съ Россіей при Петрѣ Великомъ. Съ этихъ поръ исторія Черногоріи представляетъ непрерывную борьбу съ турками, которая въ концѣ концовъ привела къ признанію ея какъ самостоятельнаго государства всей Европой, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе бы желательны были въ интересахъ сербскаго народа и всего славянства. И за этотъ періодъ много интереснаго даетъ книга г. Ровинскаго. Такъ, напр., поставивъ вопросъ, чѣмъ объяснить рѣшимость владыки Данила на борьбу съ потурченцами, г. Ровинскій обращаетъ вниманіе на его отношенія къ Арсенію Черноевичу, который и самъ былъ черногорецъ, и высказываетъ догадку, что этотъ землякъ патріархъ, разочарованный Австріей, внушалъ Данилу рассчитывать лишь

на свои силы и не полагаться на Венецію. Начавшіяся сношенія съ Россіей оказываютъ вліяніе и на внутреннее положеніе Черногоріи, въ судьбахъ которой начинаютъ принимать участіе сербы, жившіе въ Россіи, какъ Милорадовичъ (стр. 524—525).

Владыка заботится объ установленіи общаго порядка и управленія въ Черногоріи: учреждается власть губернадура, сердарей, кнезовъ. Наоборотъ, отношенія къ Венеціи обостряются, и она не безъ послѣдствій строитъ козни Черногоріи (стр. 535—536).

Преемникъ Даніила Савва характеризуется какъ хорошій хозяинъ и собиратель старины, благодаря чему явился цѣлый сборникъ хрисовуловъ. Но недостатокъ въ немъ характера является причиной выбора соправителя въ лицѣ Василя, который неоднократно ѣздитъ въ Россію и старается закрѣпить начавшіяся связи, обратить ихъ въ неразрывный союзъ. Съ русской помощію онъ разсчитываетъ на устройство Черногоріи, дѣлаетъ опытъ обученія черногорцевъ въ Россіи. Г. Ровинскій признаетъ заслугу по выясненію дѣятельности этого владыки за трудами М. Драговића.

Появленіе самозванца Степана Малаго въ Черногоріи даетъ поводъ г. Ровинскому подвергнуть критикѣ разнообразныя мнѣнія о немъ, высказанныя въ литературѣ. Считаая самымъ важнымъ сочиненіемъ о немъ статьи г. Макушева, г. Ровинскій упрекаетъ этого ученаго за излишнее довѣріе къ итальянскимъ документамъ, которые служили ему источникомъ. Не находя возможнымъ признать въ самозванцѣ способнаго правителя, г. Ровинскій видитъ въ немъ ловкаго авантюриста, которому помогло стеченіе обстоятельствъ. Г. Ровинскій придаетъ особенное значеніе одному указанію записки Долгорукаго, согласно которому Степанъ былъ уроженецъ Босніи и вызванъ былъ разыграть роль самозванца подъ вліяніемъ архимандрита Θεодосія Марковича, жившаго одно время въ Россіи и недовольнаго вмѣстѣ съ другими неспособностію владыки Саввы.

Позволимъ привести одну рукописную записку о самозванцѣ

изъ рукописи монастыря св. Троицы, которая, изображая Стефана легендарнымъ героемъ, въ то же время свидѣтельствуешь о его сторонникахъ, выдававшихъ его за русскаго. «Въ 1767 г. появился одинъ человекъ изъ Черной горы по имени Стефанъ. Нѣкоторые говорили, что онъ Московить, и провозгласили его королемъ. И столько знаменій онъ сотворилъ, и ѣздилъ на конѣ по морю, и очень устрашили турки его чарованій и начали войну. Огромное воинство турецкое поднялось на сказаннаго чародѣя и антихристовъ предтечу Стефана и сокрушили турки одну часть его войска, и страшно разграбили Бѣлопавличи и взяли тамъ многія богатства. Отъ турокъ въ это время великія гоненія и насилія поднялись на христіанъ, а особенно на священническій и иноческій ликъ, находящійся подъ игомъ агарянскимъ, и многія запустѣнія церквамъ и монастырямъ были 1770 года»¹⁾.

Переходя къ правленію владыки Петра I, г. Ровинскій останавливается на важнѣйшихъ событіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ за это время, какими были столкновеніе владыки съ гувернадоромъ, афера Вукасовича, пораженіе Махмуда паши, дѣло Дольчи и др.

Вновь открытые документы по дѣлу Дольчи освобождаютъ владыку отъ обвиненій въ преступныхъ сношеніяхъ, направленныхъ будто бы противъ Россіи. Сожалѣя о суровомъ наказаніи, постигшемъ престарѣлаго аббата, г. Ровинскій не находитъ возможнымъ оправдать его. Замѣтимъ по этому поводу, что слѣдовало бы изслѣдовать переписку Дольчи, переданную Мазуревскимъ Министерству Иностранныхъ дѣлъ и хранящуюся теперь въ Московскомъ архивѣ. Одна интересная подробность, отмѣченная г. Ровинскимъ, о посылкѣ принцу Карлу народныхъ пѣсенъ свидѣтельствуешь, что аббатъ Дольчи не былъ чуждъ и интересамъ литературныхъ.

Заботы о благѣ народа выразились въ правленіе владыки Петра I составленіемъ законника и попыткой приглашенія зна-

1) Гласник Зем. Музеа у Босни и Херцеговини. 1901 г. 2— 3, стр. 305.

менятаго Досиея Обрадовича для устройства школъ въ Черногоріи, которое не состоялось только потому, что этотъ писатель не задолго передъ тѣмъ былъ призванъ въ Сербію.

Съ особеннымъ, вполне понятнымъ сочувствіемъ представляетъ г. Ровинскій характеристику этого владыки, который, несмотря на всѣ перенесенныя имъ обиды со стороны Россіи: высылка во время пріѣзда для посвященія, обвиненіе святѣйшимъ синодомъ за небрежное отношеніе къ церковнымъ дѣламъ, не говоря уже о болѣе важныхъ дѣлахъ, какъ передача Бокн австрійцамъ, невыдача субсидій до восшествія на престолъ императора Николая, — оставался вполне вѣрнымъ Россіи и призывалъ къ тому же всѣхъ черногорцевъ въ завѣщаніи.

Г. Ровинскій заканчиваетъ историческій очеркъ главою объ отношеніяхъ между Россіей и Черногоріей при владыкахъ. Указывая, что Россію и Черногорію соединяють, помимо единоплеменности и единовѣрія, и политическіе интересы, и отмѣчая колебанія въ нашихъ отношеніяхъ, объясняющіяся какъ личнымъ характеромъ нѣкоторыхъ государей, такъ и общимъ направленіемъ русской политики, г. Ровинскій находитъ, что въ настоящее время Черногорія, представляющая собою политическое цѣлое, крѣпкое и нераздѣлимое, могущее быть прочной и вѣрной опорой для русскихъ и славянскихъ интересовъ въ самомъ важномъ пунктѣ, заслуживаетъ могущественной помощи Россіи.

Но черногорцы, какъ указываетъ г. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ (т. II, 1, стр. 392), глубоко проникаются идеей единства и сближенія съ остальными братьями сербами, какъ свободными, такъ и остающимися подъ чужимъ господствомъ, а потому является желательной и необходимой поддержка со стороны Россіи всего сербскаго народа, съ которымъ насъ связываютъ завѣты нашего великаго государя, обратившагося съ первымъ призывомъ изъ славянъ именно къ сербамъ и при участіи сербовъ.

Историческій очеркъ Черногоріи сопровождается у г. Ровинскаго цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ приложеній, каковы

Грамота Ивана Черноевича на построение храма Рождества Богородицы и монастыря на Цетиньѣ 1485 г. въ двухъ экземплярахъ — оригиналъ и копія, Дипломы, данные Венеціанской республикой Черногорскому народу, описаніе Скадарскаго санджака Волицы въ рускомъ переводѣ и наконецъ извлеченіа изъ сочиненія В. Броневскаго: Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г.

Второй томъ труда г. Ровинскаго посвященъ этнографіи Черногоріи, на которую онъ смотритъ, какъ на главную и самую важную часть своего сочиненія. Его задачей въ этомъ отдѣлѣ было представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизни во всѣхъ сферахъ и отправленияхъ со всей окружающей ее обстановкой. Неудивительно поэтому, что и по объему этнографическій отдѣлъ превосходитъ первыя двѣ части, заключающія въ себѣ географію и исторію, на которыя авторъ смотритъ скорѣе, какъ на введеніе къ этнографіи.

Чтобы выяснитъ значеніе этого важнѣйшаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго, бросимъ взглядъ на положеніе юго-славянской этнографіи вообще.

Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ болгарское министерство народнаго просвѣщенія начало издавать Сборникъ въ Софіи, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ отдѣлъ этнографіи, это изданіе обратило на себя всеобщее вниманіе.

Это и неудивительно. Болгаре, до освобожденія не имѣвшіе литературнаго центра, и не могли сосредоточить своихъ усилій, а потому ихъ раннія публикаціи этого рода, разсыянные по разнымъ пунктамъ всего славянскаго міра, не производили такого впечатлѣнія, какое теперь производятъ матеріалы, входящіе въ Сборникъ, выстѣ съ предпріятіями частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Жива Старина г. Маринова и др.

Если этотъ матеріалъ и до сихъ поръ не оскудѣваетъ, то въ значительной степени это зависитъ и отъ того, что въ Софію по преимуществу притекаетъ этнографическое богатство Македоніи, безъ котораго полнота и обиліе не мало бы проигрывали.

Если мы теперь обратимся къ сербамъ, то, говоря о положеніи этнографіи у нихъ, приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ особыхъ причинъ и условій, которыя отзываются на ихъ трудахъ въ этой области.

Этнографическое изученіе сербскаго народа началось съ первыми проблесками возрожденія. Въ лицѣ Вука Стефановича Караджича сербы получили такого блестящаго собирателя произведеній народной словесности, что его сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ и обычаевъ, составленные съ выборомъ изъ многого лучшаго, на весь міръ прославили сербскій творческій геній. Нисколько поэтому неудивительно, что сербская академія рѣшила предпринять новое полное изданіе собраннаго Караджичемъ матеріала. Насколько и въ количественномъ отношеніи этотъ матеріалъ былъ обиленъ, можно судить по тому, какъ разрослось начатое и теперь уже близкое къ концу академическое изданіе. Изъ пяти томовъ пѣсенъ выросло девять. Но у сербовъ былъ не одинъ Вукъ. За нимъ послѣдовали другіе: Милутиновичъ, Петрановичъ, Врчевичъ и пр. Если же присоединить еще хорватскія изданія и сборники, выпущенные въ послѣднее время въ Боснѣ, то нельзя не признать за сербо-хорватами первенства въ области народнаго творчества на славянскомъ югѣ.

Но развѣ можно считать дѣло оконченнымъ, развѣ все уже исчерпано? Разумѣется, нѣтъ. И вотъ и въ Бѣлградѣ, и въ Загребѣ признается необходимымъ продолжать это дѣло. Сербскій академикъ С. Новаковичъ выступаетъ съ предложеніемъ издавать при академіи этнографическій сборникъ. Въ запискѣ, представленной имъ по этому поводу, упоминая о выдающихся заслугахъ Вука, г. Новаковичъ свидѣлствуетъ, что послѣ него замѣчается упадокъ и народнаго творчества, и энергіи собира-

телей, уступающих Вуку: «труднее было собрать целую книгу подобного содержания, еще труднее стало ее редактировать, какъ слѣдуетъ, не легко было и издать особенно, когда извѣстно, что нельзя больше найти того, что нашелъ Вукъ. Оттого въ послѣднее время матеріалъ этого рода началъ разбрасываться по календарямъ, мелкимъ журнальцамъ, по всевозможнымъ уголкамъ, какъ и всякій другой низшаго сорта книжный продуктъ», и въ то же время указываетъ тѣ пути, какими съ успѣхомъ можно выйти изъ болѣе или менѣе равнодушнаго отношенія къ дѣлу: «я однако едва ли бы кто сказалъ, что такимъ образомъ собрано все, что нужно собрать въ народѣ, послѣ чего уже совсѣмъ излишне трудиться на этой нивѣ. Искусство собиранія, руководство людьми, у которыхъ есть охота собирать, но нѣтъ умѣнія; искусный подборъ матеріала при печати, который бы самъ собою направлялъ собирателя; одинъ центръ, куда бы стекался подобный матеріалъ, — все это вмѣстѣ могло бы еще оказать довольно услугъ, чтобы исчерпать до конца эту сторону духовнаго проявленія народной жизни». Г. Новаковичъ находитъ полезнымъ расширить и самый кругъ собираемаго матеріала. Онъ указываетъ на необходимость изученія діалектовъ, собиранія мѣстныхъ историческихъ сказаній, народныхъ преданій объ отдѣльных мѣстахъ и лицахъ, направляетъ собирателя въ такія мѣста, гдѣ до сихъ поръ менѣе работали.

Предложеніе было принято, при академіи сталъ выходить этнографическій сборникъ. Но пока вышли только двѣ книги: «Животъ срба селяка. У Београду 1894» — переработанное изданіе выходившихъ ранѣе замѣтокъ г. Миличевича и «Старинска српска јела и пића од Симе Тројановића. У Београду 1896». Послѣдняя книга, впрочемъ, представляетъ не столько матеріалъ, сколько его обработку, при чемъ авторъ привлекаетъ обширную литературу по общей этнографіи въ ущербъ избранному имъ предмету¹⁾.

1) Сравни замѣчанія объ этой книгѣ въ Zbornikъ Югославянской Академіи, съ которыми мы вполне согласны.

Замѣтно, повидимому, что предпріятіе еще не пошло въ ходъ бойко¹⁾. Чѣмъ же это объяснить? По нашему мнѣнію, важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что, благодаря историческимъ условіямъ, къ несчастію складывающимся все еще не особенно благоприятно для сербской народности, сербамъ трудно установить единство центра.

Прежде всего важнымъ факторомъ является существованіе двухъ академій въ Бѣлградѣ и Загребѣ. Въ 1892 г. выступилъ г. Новаковичъ съ своимъ предложеніемъ въ Бѣлградѣ, въ 1893 г. состоялось рѣшеніе издавать этнографическій сборникъ, а въ 1896—1897 гг. Югославянская Академія выступаетъ съ такимъ же изданіемъ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли: *Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena*.

Въ то время какъ г. Новаковичъ ставилъ извѣстныя границы для дѣятельности сербскихъ собирателей: «Географическія границы Сборника должны бы были опредѣлиться границами той территоріи, на которой распространена наша народная эпопея, куда простираются границы переходныхъ говоровъ. Гдѣ неизвѣстно ни о Косовскомъ боѣ, ни о Маркѣ, ни о Неманичахъ, тѣ мѣста наши изслѣдователи могли бы оставить другимъ», Югославянская Академія, на первомъ планѣ, разумѣется, имѣющая въ виду хорватовъ и сербовъ, не исключаетъ и словенцевъ съ болгарами, признавая, впрочемъ, что тѣ и другіе начали самостоятельную дѣятельность — въ Лѣтописи матицы словенской одни и въ Сборникѣ за народни умотворенія другіе²⁾. Но со стороны болгарской приглашеніе осталось безъ отзыва, мы не нашли въ выпускахъ, которые имѣли возможность видѣть, ни какой-либо болгарской статьи, ни матеріала.

Если, такимъ образомъ, теперь трудно мечтать о какомъ-либо центрѣ для южныхъ славянъ въ широкомъ смыслѣ, то безспорно,

1) Съ удовольствіемъ можемъ прибавить, что въ самое послѣднее время вышелъ III томъ, въ который вошли пѣсни изъ Левча на Моравѣ Ягодинскаго округа и Антропогеографски проблеми Балканскаго полуострова од Др. I. Цамјића, отдѣльный оттискъ изъ IV тома того же сборника.

2) *Zbornik I, Priromenak VIII*.

что предприятие Загребской академии отнимаетъ у Бѣлградской тотъ матеріалъ, который идетъ изъ Босны и Герцеговины, столь богатыхъ произведеніями народнаго творчества сербскихъ земель. Какъ видно изъ Zbornika, не мало весьма цѣннаго матеріала идетъ оттуда.

Въ отличіе отъ Бѣлградской, Загребская академія выпустила во второмъ томѣ своего Zbornika программу для собиранія этнографическаго матеріала. Г. Новаковичъ представлялъ это самому ходу дѣла.

До сихъ поръ вышло шесть томовъ этого изданія, шестого пока еще первая половина.

Есть и еще изданіе, гдѣ помѣщается сербскій матеріалъ. Это Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговины, въ которомъ имѣется и этнографическій отдѣлъ.

Итакъ, сербамъ приходится считаться съ отсутствіемъ еди-наго центра литературной дѣятельности. Это обстоятельство нельзя забывать и при оцѣнкѣ ихъ трудовъ и усилій и въ области этнографіи.

Если мы теперь обратимся ко всѣмъ исчисленнымъ изданіямъ и посмотримъ, что въ нихъ есть касающагося Черногоріи, то окажется очевидной скудость напечатаннаго матеріала.

У г. Миличевича, который помѣщалъ матеріалъ изъ разныхъ сербскихъ краевъ, лишь немногія сообщенія идутъ изъ Черногоріи. Въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи мы нашли только двѣ весьма, правда, любопытныя статьи: Crnogorski prilozi: a) Iz Gluhog Dola u crmničkoj nahiji. L. Jovović; b) Iz Baga i bargske okolice u primorskoj nahiji. M. Jovović. Два небольшія сообщенія находимъ и въ Земальскомъ Гласникѣ: Народно глумоване у цуцком Трешъеву и Оро црногорска народна игра. I. Ф. Иванишевича. 1895, стр. 152—155, 1900, стр. 433—542.

Тѣмъ очевиднѣе, какой интересъ получаютъ двѣ части второго тома г. Ровинскаго, поражающія уже однимъ внѣшнимъ объемомъ — стр. 778 въ первой и 646 во второй — и представляющія полную картину черногорскаго быта.

Приступаемъ къ краткому обзорѣнію содержанія 18 главъ, на которыя раздѣлилъ авторъ этнографическій отдѣлъ, чтобы опредѣлить въ общихъ чертахъ интересъ и значеніе труда, огромное преимущество котораго заключается уже и въ томъ, что онъ принадлежитъ одному автору, а потому само собою носить цѣльный характеръ.

Первыя двѣ главы посвящены племенному составу Черногоріи и общей характеристикѣ племени.

Въ первой г. Ровинскій собираетъ данныя, касающіяся отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ сложилась Черногорія, и отдѣльныхъ родовъ въ ихъ средѣ, наиболѣе выдавшихся. Это тѣ этнографическія группы, на которыя въ силу разнообразныхъ причинъ подраздѣляется населеніе Черногоріи. По языку да и по происхожденію это сербы южнаго говора и большею частію герцеговинцы. Но въ цѣломъ составѣ этого населенія авторъ различаетъ остатки такъ называемыхъ имъ старожиловъ — стараго населенія Зеты, которое въ X вѣкѣ окончательно заняло ея территорію, отъ позднѣйшаго населенія, которое пришло главнымъ образомъ изъ Герцеговины и слилось со старымъ, одержавъ надъ нимъ верхъ. Вѣроятной причиной этого явленія авторъ считаетъ то обстоятельство, что старое населеніе не было вполнѣ свободнымъ, жило на землѣ владѣтельской; наоборотъ, новые поселенцы, бѣжавшіе послѣ паденія сербскаго царства, представляли собою сильные и богатые роды. Народное преданіе безсознательно и невѣрно смотритъ на старожиловъ, какъ на какихъ-то инородцевъ.

Авторъ пользуется въ этой главѣ грамотами, записями, надписями на надгробныхъ памятникахъ, археологическими памятниками, каковы церкви, развалины зданій, могильныя плиты, топографическими указаніями и сохраняющимися въ народѣ преданіемъ какъ объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ лицахъ въ пѣснѣ или въ живомъ разсказѣ.

Изъ сгруппированнаго здѣсь авторомъ матеріала уясняется болѣе или менѣе происхожденіе отдѣльныхъ племенныхъ группъ,

большая или меньшая давность ихъ пребыванія на мѣстѣ, или поздній приходъ, ихъ взаимное отношеніе и перемѣщенія, чистота ихъ сербской крови, или, наоборотъ, примѣсь въ нихъ чужероднаго элемента албанскаго или турецкаго, итальянскаго, устанавливается генеалогія отдѣльныхъ родовъ, напримѣръ, тожество Черноевичей и Юрасичей, албанское происхожденіе Дрекаловичей и др. Цѣнными данными, какія здѣсь собраны для исторіи рода Черноевичей, въ значительной степени пополняется то, что объ этомъ уже есть въ I томѣ. Равнымъ образомъ, для опредѣленія этнографической албанской границы въ Зетѣ, здѣсь подобраны весьма цѣнные указанія. Здѣсь можно найти отмѣченными и преданія каждаго отдѣльнаго племени, какія въ немъ сохраняются о богомильствѣ.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ указываетъ на тѣхъ лицъ, со словъ которыхъ то или иное преданіе имъ записано, напримѣръ, воеводы Марка Милинова (стр. 80), братоножича Николы Митровича (стр. 87).

Во второй главѣ авторъ устанавливаетъ характерныя черты и до сихъ поръ столь еще сильнаго въ Черногоріи родового быта.

Связь между отдѣльными племенами выражается въ празднованіи одному святому, въ незаключеніи браковъ внутри своего племени, въ неотчуждаемости входящей въ его границу земли. Каждое племя распадается на слѣдующія звенья: братства, отдѣльные въ нихъ роды и семьи или дома. Въ зависимости отъ дѣленія на братства находится распредѣленіе населенія внутри племени, владѣніе землей, планинами и водами, принадлежащія лишь членамъ братства церкви.

Отсюда также патронимическія названія села, которое сливается съ братствомъ или родомъ. Далѣе авторъ говоритъ о территоріальныхъ границахъ и способѣ ихъ опредѣленія, разбирая при этомъ мѣста грамотъ, въ которыхъ описаніе границъ испещрено славянскими выраженіями тѣхъ природныхъ признаковъ, которыми опредѣлялась граница, и от-

носящіеся сюда термины въ живомъ языкѣ. Интересно, что послѣдніе не сохранили славянскихъ названій, въ однихъ мѣстностяхъ замѣнившись турецкими: удудъ, сентъ, сенеть, въ другихъ итальянскими: куфинъ, кувинъ, ковинъ. Здѣсь же идетъ рѣчь, какъ и къмъ повѣрялась граница въ случаѣ пограничныхъ споровъ, при чемъ оказывается, что въ Черногоріи сохранились лишь слабые слѣды особыхъ обрядовъ, о которыхъ говоритъ г. Милчевичъ: заклинають, взявъ кусочекъ земли, или сорвавъ пучокъ травы. Только два случая оригинальнаго приѣма опредѣленія границы ходомъ и быстрымъ бѣгомъ двухъ навстрѣчу посланныхъ человѣкъ приводитъ г. Ровинскій въ Пивѣ и Кучахъ. Переходя къ земельнымъ отношеніямъ, авторъ рассматриваетъ различные виды землевладѣнія въ Черногоріи. Интересно при этомъ, что въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ, которые выдѣлялись въ братствѣ каждой семьѣ, мы находимъ вполнѣ сохранившеюся сербскую терминологию: сухомедья, ограда, врзмина, забран, дубрава, забижеъ, также въ терминахъ, касающихся наслѣдства и приобрѣтенія земли: очевина, дѣдовина, башина, куповина, своина, стечевина, крволочина. Наоборотъ, термины общиннаго владѣнія чужіе: комун, комуница, метех, беглук, вакам. Особый отдѣлъ отведенъ авторомъ внутренней организаціи племени. Здѣсь рассмотрѣны происхождение, функціи и значеніе званій: воеводы, сердаря, кнеза, духовныхъ властей, гувернадура и даны свѣдѣнія о судѣ кметовъ съ указаніемъ мѣста, гдѣ онъ происходилъ, и порядка веденія дѣлъ (въ терминологіи итальянское вліяніе: банак, сентенція), о народныхъ собраніяхъ, о дѣлахъ, какія они вѣдали, и срокахъ, въ какіе они собирались.

Заканчивая главу, авторъ говоритъ объ учрежденіи сената и перяниковъ и постепенномъ переходѣ отъ племенного строя къ государственности, при чемъ отмѣчены и самыя позднія перемѣны, какъ учрежденіе министерствъ вмѣсто сената. Исчезли племенные главари, но слѣды племенного духа все еще сказываются въ жизни въ предпочтеніи своего человѣка чужому. Бла-

годаря тому же, при всей демократичности строя черногорской жизни, въ черногорцахъ жило и живетъ стремленіе выдѣлаться изъ другихъ славой рода. Вступая въ сношенія съ другими державами, они добились титуловъ въ Венеціи и Россіи. Позволимъ замѣтить, что у насъ есть нѣсколько выписокъ о дворянскомъ происхожденіи черногорцевъ, удостовѣренія въ чемъ выдавались въ Черногоріи, отъ времени владыки Петра II¹⁾. Теперь то же стремленіе ведетъ къ привилегіямъ людей, отличаеваемыхъ правительствомъ.

Въ III-й главѣ г. Ровинскій разсматриваетъ семью или домъ и жизнь въ семьѣ. Начавъ съ терминовъ, существующихъ для понятія семьи: породица, фамилья (дом, кућа), и опредѣливъ различіе между семьей задружной и инокосной, притомъ отмѣтивъ отсутствіе у черногорцевъ обычнаго сербскаго термина за-друга, г. Ровинскій касается вопроса о составѣ ея, пользуясь шематизмомъ епископа Виссаріона Любиши и жалуясь, что черногорское правительство не находитъ нужнымъ публиковать статистику населенія. Самыя большія семьи, теперь весьма рѣдкія, находятся въ герцеговинской части Черногоріи. Поэтому авторъ, какъ рѣдкое исключеніе, подробно описываетъ семью, въ которой было 57 душъ. Замѣчено вообще, что наибольшія семьи въ старое время находились главнымъ образомъ на турецкой границѣ, что объясняется потребностію въ оборонѣ отъ турецкихъ нападеній. Когда эти условія миновали, начинаются семейные раздѣлы, несмотря на стремленіе правительства ихъ задерживать въ интересахъ экономическихъ. Здѣсь уже дѣйствуетъ склонность къ индивидуальности, въ Черногоріи сказывающаяся сильнѣе, чѣмъ въ Сербіи. Обращаясь къ взаимному отношенію членовъ семьи, г. Ровинскій прежде всего настоячиво утверждаетъ, что во главѣ семьи большой или малой стоитъ домаѣн — старшій въ семьѣ по рожденію, исправляя ошибочный взглядъ, раздѣляемый между прочимъ и Караджичемъ,

1) Печатаются въ Приложеніяхъ.

будто бы такимъ домовладыкой бываетъ не старшій, а способнѣйшій. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ главы дома. Лишь когда домовладыка достигаетъ преклоннаго возраста, онъ предоставляетъ сыну вести всѣ дѣла, самъ служа лишь совѣтомъ, но сохраняя свое главенство въ домѣ. Если послѣ его смерти остаются нераздѣльно живущіе братья, старѣйшинство переходитъ къ старшему изъ нихъ. Этимъ вполне подтверждается родовой характеръ наслѣдованія въ нашихъ древнихъ княжескихъ родахъ. Если брата въ семьѣ нѣтъ, а дѣти еще не взрослые, во главѣ семьи становится жена умершаго: на нее переходитъ участіе не только въ хозяйственныхъ, но и въ общественныхъ дѣлахъ. Отсюда объясняются фамиліи съ окончаніями на ич отъ женскаго имени, напримѣръ, Маринъ и др. Безъ отца и матери во главѣ семьи при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ можетъ стать даже и старшая дочь. Далѣе г. Ровинскій говоритъ о положеніи каждаго отдѣльнаго члена семьи, дочери, взаимныхъ отношеній между ними, отмѣчая наиболѣе характерныя черты, напримѣръ, въ отношеніяхъ брата и сестры и проч. Особо разсматриваетъ авторъ семейное и социальное положеніе женщины. При этомъ имъ принимаются во вниманіе особыя историческія условія черногорской жизни, равно какъ и общій взглядъ на женщину. Г. Ровинскій далекъ отъ крайности видѣть въ черногорской женщинѣ рабу, или же, наоборотъ, считать ее вполне равноправной съ мужчиной и ставить въ положеніе, какого не занимаетъ и европейская женщина. Если предпочтеніе оказывается мальчику и вообще мужскому потомству, то здѣсь сказывается торжество родового принципа: сынъ продолжатель рода. Приводя рѣзкіе примѣры предпочтенія мужского пола женскому (стр. 226—227), суроваго обращенія мужей съ женами и отдѣльные исключительные случаи въ отношеніи къ женѣ мужа (230—231), получающіе однако извѣстное объясненіе (231), г. Ровинскій выставляетъ и тѣ случаи, въ которыхъ черногорская женщина является на высотѣ, какой не достигаетъ еще у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ:

право быть главой дома, полноправность въ имущественныхъ отношеніяхъ, неприкосновенность во время войны. Наконецъ, авторъ упоминаетъ о героизмѣ черногорки, воспитанной княземъ Николаемъ. Обращаясь къ браку и супружескимъ отношеніямъ, г. Ровинскій разсматриваетъ взглядъ черногорца на бракъ, безъ котораго жизнь не даетъ права на имя человека, условія его заключенія по отношенію къ родству, взаимности, возрасту вступающихъ въ бракъ; отмѣчаетъ особые случаи, когда родители рѣшаютъ бракъ уговоромъ еще до рожденія дѣтей, отмицу, уходъ и, наконецъ, говоритъ о положеніи молодыхъ въ домѣ, объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Переходя къ имущественнымъ отношеніямъ, г. Ровинскій прежде всего замѣчаетъ, что черногорская семья не есть юридическая единица, какою была семья римская. Оттого проступки однихъ лицъ въ ней по отношенію къ другимъ представляютъ нарушеніе естественныхъ отношеній, не имѣютъ юридическаго характера. Отсюда такіе факты, какъ удаленіе сына безъ лишенія его доли имѣнія. Въ нераздѣльной семьѣ нераздѣльная собственность, при раздѣлѣ дѣлится имущество поровну. Различіе есть, впрочемъ, между имѣніемъ наслѣдственнымъ и купленнымъ, распоряженіе которымъ свободнѣе. Изъ послѣдняго отецъ можетъ дать извѣстную часть дочери, или завѣщать женѣ. Женщина исключается изъ наслѣдства, выходя замужъ, и получаетъ при этомъ только приданое и что ей дастъ семья добровольно, но при отсутствіи братьевъ можетъ унаслѣдовать и все имѣніе. Такое имѣніе носитъ имя материнства, и мать можетъ имъ располагать добровольно, оставляя или сыновьямъ, или дочерямъ; если же послѣ смерти не останется никакого распоряженія, это имѣніе дѣлится между дочерьми. Изложивъ остальные имущественныя отношенія по законникамъ князя Даніила и Богичича, г. Ровинскій даетъ цѣнные извлеченія изъ документовъ цетинскаго монастыря, представляющихъ дарственные, продажныя и залоговыя записи, которыя характеризуютъ имущественныя отношенія разныхъ лицъ. Скрѣпленные свидѣтелями изъ народа,

онѣ сохраняютъ вѣрность обычаю и народному духу, благодаря чему увеличивается ихъ цѣнность. Изъ нихъ видно, что въ этихъ вкладахъ участвовали и женщины. Г. Ровинскій справедливо отмѣчаетъ по этому поводу несогласныя съ обычаемъ ограниченія, какія въ отношеніяхъ имущественныхъ внесены касательно правъ женщины г. Богичичемъ въ составленный имъ кодексъ, раздѣляя въ этомъ случаѣ замѣчанія, сдѣланныя г. Спасовичемъ. Въ заключеніе исчислены названія родства. Интересно при этомъ отмѣтить ничтожное число турецкихъ словъ: данджа, амиджа, балтеза, баджанак, одива, лале, изъ которыхъ притомъ нѣкоторыя употребляются лишь въ отдѣльных мѣстностяхъ при сохраненіи славянскихъ синонимовъ въ другихъ.

Глава IV, рассматривающая черногорца, какъ отдѣльную единицу, и его индивидуальныя свойства, распадается на два отдѣла, въ которыхъ собраны характерныя черты, рисующія физическій и нравственный типъ черногорца. Въ первомъ прежде всего отмѣчаются наружные признаки: рослость, стройность и соразмѣрность всѣхъ частей тѣла; правильность и красота лица, обиліе и густота волосъ; гибкость мышцъ, важность тѣлодвиженій; что касается физическихъ способностей и отпращиваній — необыкновенное развитіе зрѣнія, слуха, умѣренность въ пищѣ и питъѣ, выносливость въ отношеніи къ холоду и голоду, терпѣливость въ перенесеніи ранъ и операцій; наконецъ, долговѣчность, болѣе, впрочемъ, въ старшемъ поколѣніи. Особо перечисляются слова, касающіяся различныхъ частей тѣла человѣческаго, а также выражающія характерныя внѣшнія черты отдѣльнаго человѣка. Послѣ общихъ замѣчаній объ уходѣ за тѣломъ особенное вниманіе уделено болѣзнямъ и ихъ народному лѣченію. И здѣсь вездѣ приведены народныя названія болѣзней. О душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ, эпилептикахъ и слѣпыхъ авторъ говоритъ, пользуясь цѣнной статьей доктора Милянича — замѣтимъ, русскаго воспитанника, получившаго образованіе въ Московскомъ университетѣ, — присоединяя къ тому и свои наблюденія. Упомяная здѣсь о старыхъ лѣчебникахъ, г. Ровин-

скій указываетъ, что такіе были въ бібліотекѣ цетинскаго монастыря. Отрывки изъ такого сборника имъ найдены въ Подгорницѣ; также есть статьи въ сборникѣ одного торговца. Припоминая греческія выраженія въ одномъ изъ лѣчебниковъ, разсмотрѣнныхъ проф. Ягичемъ, г. Ровинскій прибавляетъ къ тому, что и въ Черногоріи въ старое время были лѣкарями греки. Напомнимъ по этому поводу, что въ одной рукописи подобнаго содержанія, видѣнной нами въ Хиландарѣ, при бѣглому ея пересмотрѣ, бросились въ глаза грецизмы.

Переходя къ нравственному типу черногорца, г. Ровинскій отмѣчаетъ необыкновенную воспримчивость внѣшнихъ впечатлѣній черногорца, необыкновенную память (отсюда легкое изученіе языковъ), быстроту и сообразительность ума, обнаруживающіяся при рѣшеніи задачъ въ школѣ. Но при этихъ достоинствахъ недостаетъ углубленія въ сущность предмета или вопроса, а отсюда узкая практичность и недалковидность. Но встрѣчаются и противоположные типы съ широкимъ умомъ, дальновидностью и философскимъ взглядомъ, блестящимъ представителемъ которыхъ является въ прошломъ владыка Петръ II. Впечатлительность развиваетъ въ черногорцѣ и дурныя черты: крайнюю раздражительность и амбиціозность даже въ мелочахъ, которыя иногда доводятъ его до душевной болѣзни. Зато живость ума благоприятствуетъ богатому воображенію и фантазій черногорца, отражаясь на образности и картинности въ поэтическихъ произведеніяхъ, а также и въ обычномъ разговорѣ и оборотахъ языка; съ другой стороны, сила чувства, переходя въ энергію, приводила черногорца къ побѣдѣ надъ всевозможными препятствіями, помогла ему спасти родину отъ порабощенія. Обращаясь далѣе къ частнымъ проявленіямъ общихъ способностей, г. Ровинскій отмѣчаетъ какъ дурныя черты: крайнее самолюбіе, гордость, тщеславіе, упрямство, такъ и хорошія: сильно развитое чувство чести, необыкновенную храбрость, общительность, гостепріимство и щедрость.

Въ отношеніяхъ государственныхъ и общественныхъ черно-

горецъ склоненъ къ признанію единоличной власти, исполненъ симпатій къ своимъ ближайшимъ братьямъ сербамъ, свободнымъ и еще болѣе ждущимъ освобожденія, не чуждъ идеи славянской съ особенными симпатіями къ Россіи, какъ оплоту православія; отличаясь терпимостію къ иностранцамъ вообще, въ силу историческихъ условій имѣетъ и антипатіи, вызванныя грубымъ эгоизмомъ, лукавствомъ и посягательствомъ на чужое со стороны ближайшихъ западныхъ сосѣдей, сначала венеціанцевъ, теперь австрійцевъ. Замѣчаемыя въ послѣднее время недружелюбныя отношенія къ албанцамъ представляютъ явленіе позднѣйшее и поддерживаются католической пропагандой. Въ отношеніяхъ къ религіи и церкви г. Ровинскій отмѣчаетъ положительныя черты черногорца: живую вѣру въ Бога, преданность церкви, выражающуюся въ постройкѣ церквей отдѣльными селами и общинами, соблюденіи поста, участіи въ церковныхъ процессіяхъ, въ почтеніи къ духовенству, о которомъ нѣтъ соблазнительныхъ разказовъ — да не было къ нимъ и повода. Высоко цѣнитъ черногорецъ просвѣщеніе и школьное ученіе, усердно посѣщая школу, не имѣя предразсудка противъ ученія дѣвочекъ. Въ заключеніе этой главы г. Ровинскій группируетъ пословицы, въ которыхъ выражается житейская мудрость черногорца, и приводитъ выраженія, характеризующія различныя нравственныя качества человѣка.

Глава V посвящена жилищу со всею внутреннею и внѣшнею обстановкой. Авторъ говоритъ здѣсь объ устройствѣ черногорскихъ домовъ обычныхъ каменныхъ и деревянныхъ въ Васоевицкой нахіи. Такъ называемая поземуша представляетъ типъ примитивнаго человѣческаго жилья, въ которомъ и люди и скотъ помѣщаются вмѣстѣ, нѣтъ раздѣленія на комнаты, нѣтъ настоящаго потолка и пола, нѣтъ оконъ, но посреди огнища съ непрерывно поддерживаемымъ огнемъ, у котораго и грѣются и варятъ пищу въ дыму, который за отсутствіемъ печи и трубы выходитъ наружу въ щели и двери. Другого рода домъ «на подѣ», или «на избу» изъ двухъ этажей, въ которомъ вверху живутъ люди, внизу

помѣщеніе для скота; принадлежностью такого дома является такъ называемый тріемъ, т.-е. наружная галерея. Г. Ровинскій подробно рассказываетъ, какъ строятся разнаго сорта дома, изъ какихъ частей состоятъ, какія помѣщенія есть при нѣкоторыхъ изъ нихъ, какіе существуютъ способы отопленія, освѣщенія, какаѣ въ домѣ имѣются домашняя утварь и посуда, какія есть орудія. Ближайшее отношеніе къ предмету этой главы имѣетъ весьма интересная статья г. В. Вулетича Вукасовича, помѣщенная въ Zbornik'ъ I, стр. 27—43: Narodna kuća ili dom u rokićtvom u Dalmaciji, u Hercegovini i u Bosni, въ которой разсматриваются постройки, близкія къ черногорскимъ, а потому и дающія интересный матеріалъ для сопоставленій. Этой статьей авторъ Черногоріи не могъ впрочемъ пользоваться, такъ какъ I томъ Zbornika и 1-я часть II-го тома труда г. Ровинскаго вышли одновременно. За то въ большемъ проигрышѣ оказался авторъ статьи, помѣщенной въ Гласникѣ Земальскаго музея за 1899 г.: «Пучка кућа у Босни и Херцеговини», Р. Мерингеръ, не знакомый ни съ книгой г. Ровинскаго, ни съ статьей Вукасовича. При скудости произведенныхъ имъ наблюдений для него остается многое непонятнымъ въ устройствѣ сербскаго дома, сравнительно съ видѣнными имъ домами въ Тироли. Нужно, однако, замѣтить, что и у Мерингера, и у Вукасовича больше рисунковъ, которые представляютъ большой интересъ и важны для сравненій и выводовъ. У г. Ровинскаго, къ сожалѣнію, есть только рисунки васоевицкихъ деревянныхъ домовъ и приѣклада. А между тѣмъ, помимо интереса, какой представляютъ всѣ вещи, чѣмъ они проще, есть у г. Ровинскаго указанія и на украшенія домашней работы креселъ (стр. 481) съ фигурной рѣзбой, ковшъ съ искусно вырѣзанной ручкой, деревяннаго бокала съ рѣзбой (стр. 485). Судя по рисункамъ въ названныхъ статьяхъ, есть варианты однихъ и тѣхъ же предметовъ, напримѣръ, приѣклада у г. Ровинскаго и г. Мерингера.

Главу VI, «народный костюмъ и относящееся къ нему домаш-

нее женское производство», начинается г. Ровинскій описаніемъ прялки и ткацкаго станка, который по его замѣчанію еще проще и первобытнѣе чѣмъ нашъ. Опять нельзя не пожалѣть, что нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ снимковъ. Судя по описанію г. Ровинскаго, прялка черногорская похожа на изображенную на рисункѣ Вукасовића, но и тутъ могутъ быть различія; г. Ровинскій, напримѣръ, ничего не говоритъ о вырѣзкѣ боковъ лопаточки, какая есть на рисункѣ Вукасовића. А прялка, приобретенная нами въ Охридѣ, также чрезвычайно простая, иной совершенно формы. Интересно, что и въ Черногоріи такъ же, какъ въ Македоніи, названія, относящіяся къ прялкѣ и станку, сохранились чисто славянскія. Есть сходство и въ частностяхъ, напримѣръ, въ названіи совиѣ въ значеніи челнокъ, сравни болгарское совалка. Описывая мужской и женскій костюмъ, г. Ровинскій постоянно слѣдитъ за перемѣнами въ немъ, являющимися въ послѣднее время, отмѣчаетъ вліяніе сосѣдей, напримѣръ, албанцевъ, оцѣниваетъ достоинство той или другой одежды или обуви, перечисляетъ разные ея виды, указываетъ отличія того или другого костюма у разныхъ племенъ. Въ названія одежды у южныхъ славянъ проникло много турецкихъ словъ, есть они и у черногорцевъ, но повидимому менѣе, чѣмъ въ Босніи или Герцеговинѣ. Можно привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда рядомъ съ турецкими употребляются и славянскія выраженія, напримѣръ, учкур, гаѣтан, но и свитьак, чембер и повезило, пешкир и рушник, јастук и узглавач, тестемель и навлака, белеззуци и наручници. Перевѣсь во всякомъ случаѣ на сторонѣ славянскихъ названій. Весьма интересныя и разнообразныя названія вышивокъ на женской рубашкѣ исключительно славянскія.

Глава VII даетъ свѣдѣнія о хлѣбныхъ растеніяхъ, мясѣ и молочныхъ продуктахъ и приготовляемыхъ изъ нихъ кушаньяхъ, о зелени и плодахъ, употребляемыхъ въ пищу, далѣе о напиткахъ и ихъ приготовленіи и, наконецъ, объ употребленіи табаку. Здѣсь опять въ отдѣлѣ о яствахъ и напиткахъ представляетъ

интересный для сопоставлений материалъ статья: Narodna jela i pića po Bosni i Hercegovini И. Зовка въ I томѣ Zbornika.

Въ главѣ VIII исчисляются выраженія, употребляемыя при счетѣ предметовъ, при опредѣленіи времени вообще, частей года, дня, ночи, разстояній. Интересны извлеченія изъ черногорскихъ грамотъ, относящіяся къ измѣренію поверхности земли, изъ которыхъ нѣкоторые слова сохранились и до сихъ поръ, хотя и съ измѣненіемъ значенія. Исчислены мѣры сыпучихъ тѣлъ и жидкостей, указаны измѣренія вѣса въ старое и позднѣйшее время. Денежныя названія представляютъ смѣсь уцѣлѣвшихъ отъ старины словъ не славянскаго происхожденія, турецкихъ, венеціанскихъ и австрійскихъ.

Глава IX «Земледѣліе» обнимаетъ общія замѣчанія о разныхъ видахъ обрабатываемой земли, сортахъ почвы, удобреніи, орошеніи и осушеніи ея; о земледѣльческихъ орудіяхъ, обработкѣ ими разныхъ хлѣбовъ, ихъ уборкѣ. Особенно много вниманія при этомъ уделено кукурузѣ, которую черногорецъ предпочитаетъ другимъ сортамъ хлѣба, присвоивая ей имя жита (стр. 533), и обработка которой представляетъ наибольшій интересъ. При описаніи земледѣльческихъ орудій приложены рисунки разныхъ видовъ плуга съ обозначеніемъ на нихъ названій составныхъ частей. Молотѣба производится лошадьми, какъ и въ другихъ мѣстахъ славянскаго юга, на примѣръ, въ Македоніи, а иногда и у насъ, или цѣпами. Названіе послѣднихъ, какъ и у насъ: цѣпъ и молотило, цѣп, ѣеп, штѣп и млатац. Ихъ устройство такое же. Сѣется также просо и разныя бобовыя и гороховыя растенія; важнымъ подспорьемъ хлѣбу является картофель, который, нужно замѣтить, хорошаго качества. Гораздо менѣе пришлось говорить о сѣнѣ и покосахъ, которыхъ въ старой Черногоріи почти совсѣмъ и нѣтъ. Поэтому, прибавимъ отъ себя, здѣсь развито обрубаніе вѣтокъ преимущественно дуба, который складываютъ въ высокіе и узкіе стожки, заготовляя кормъ скоту. Оттого самое дерево смотреть долговязымъ, а не развѣсистымъ, какъ у насъ, и особенно въ тѣ мѣсяцы, когда

обрѣзають вѣтки, какъ мы это видѣли во время путешествія (ср. стр. 630). Далѣе идетъ рѣчь объ огородныхъ растеніяхъ, таба-
кѣ, льнѣ, маренѣ и особенно подробно о виноградѣ и маслинахъ. Говоря о воздѣлываніи винограда, г. Ровинскій руководился
написанной по его просьбѣ статьей М. Пламенца, уроженца
Цермницы. Заканчивается глава описаніемъ лѣса и лѣсного
хозяйства. Слова, сюда относящіеся, все безъ исключенія сла-
вянскія.

Не меньшій интересъ представляетъ X глава о скотоводствѣ,
составляющемъ важную отрасль черногорскаго хозяйства. Ме-
нѣе развито коневодство, ограничивается необходимою потреб-
ностью разведеніе рогатаго скота; наоборотъ, мелкій рогатый
скотъ, овцы и козы, является основой хозяйства. Въ этой главѣ
особый интересъ представляетъ подборъ разныхъ названій ло-
шадей, крупнаго рогатаго скота, и овецъ и козъ въ особенно-
сти, по масти и другимъ признакамъ. Для овецъ приведено
47 названій. Матеріалъ этого же рода для Босны и Герцего-
вины собранъ г. Зовкомъ въ Zbornik'ѣ I томъ стр. 308—314.
Названій овецъ въ его статьѣ гораздо менѣе, наоборотъ, гораздо
болѣе названій рогатаго скота. Особый интересъ представляетъ
жизнь на планинахъ въ катунахъ въ лѣтнее время, при описаніи
которой г. Ровинскій пользуется запиской одного учителя изъ
Васоевичей Захаріи Вуковића, присоединяя въ концѣ нѣсколько
относящихся сюда пѣсень.

За недостаткомъ сѣна черногорцу приходится отдавать скотъ
иногда въ далекія мѣста въ Посавину и Сербію; или же бы-
ваетъ, что хозяинъ, у котораго недородъ сѣна, отдаетъ на из-
вѣстныхъ условіяхъ свой скотъ на прокормъ другому. Упомя-
нувъ о болѣзняхъ скота и ихъ лѣченіи, о занятіяхъ свиневод-
ствомъ въ немногихъ мѣстахъ, г. Ровинскій перечисляетъ
праздники, во время которыхъ выражается та или иная забота
о скотѣ и совершаются различные обряды надъ нимъ. Въ за-
ключеніе приведены случайно попавшія въ руки автора данныя
относительно земледѣлія и скотоводства.

Въ главѣ XI — обрабатывающая промышленность — идетъ рѣчь объ устройствѣ мельницы, при чемъ приложены рисунки съ указаніемъ названій отдѣльныхъ ея частей. Въ дополненіе къ этой главѣ присоединены свѣдѣнія о выжиганіи извести и виноградья.

Въ главѣ XII — о путяхъ сообщенія, авторъ говоритъ о дорогахъ, переправахъ черезъ рѣки, мостахъ, описываетъ устройство телеги, саней (приложены рисунки), упоминаетъ о средствахъ, употребляемыхъ при перевозкѣ и переноскѣ тяжестей, перечисляетъ названія лодокъ и ихъ частей.

Въ главѣ XIII послѣ немногихъ словъ объ охотѣ, которая мало развита, сообщаются подробныя свѣдѣнія о рыболовствѣ, которое служитъ важнымъ подспорьемъ въ жизни черногорца. Авторъ перечисляетъ разные сорта рыбъ, говоритъ о способахъ ихъ ловли и особенное вниманіе удѣляетъ организаціи ловли въ Рѣкѣ Черноевича, ловъ въ которой принадлежитъ исключительно цеклиньямъ. При этомъ описаны сѣти и составныя части ихъ. Интересно, что неводъ носитъ такое же названіе грибъ и въ Охридѣ, какъ это видно изъ описанія Охрида, помѣщенного г. Шапкаревымъ въ Сборникѣ Книжовнаго Дружества, стр. 28; но названія отдѣльныхъ частей не совпадаютъ. Г. Ровинскій подробно описываетъ и самый ловъ рыбы. Ловятъ рыбу и въ другихъ мѣстахъ Черногоріи.

Глава XIV — досугъ — посвящена играмъ, пляскамъ и другимъ забавамъ. Сравнивая описанія г. Ровинскаго съ описаніемъ игръ у Караджича и Врчевича, мы отмѣтили здѣсь нѣсколько новыхъ; въ другихъ случаяхъ есть совпаденіе; но есть и такія, которыя у В. Караджича отмѣчены какъ черногорскія, и которыхъ однако нѣтъ у г. Ровинскаго. Что касается черногорской пляски, то у г. Ровинскаго различается черногорское оро отъ цермницкаго или герцеговинскаго кола. Дѣло въ томъ, что оро есть пляска двухъ лицъ — парня и дѣвушки въ кругу собравшагося народа, а коло это пляска многихъ при участіи однихъ мужчинъ — въ цермницкомъ, мужчинъ и жен-

щинъ — въ герцеговинскомъ. Въ родѣ черногорскаго оро кучское коло всегда мужское, въ которомъ участвуютъ только двое¹⁾. Прибавимъ къ этому, что у Медаковича упоминается о пляскѣ двухъ паръ — мужчины съ мужчиной и женщины съ женщиной. Очень жаль, что г. Ровинскій не упоминаетъ объ этомъ отличіи. Во всякомъ случаѣ, описаніе г. Ровинскаго разрѣшаетъ недоумѣніе г. Иванишевича, помѣстившаго статью: Оро црногорска народна игра²⁾, который высказываетъ сомнѣніе, употребляется ли въ Черногоріи слово коло вмѣсто оро. Во-первыхъ, судя по выраженію *кучское коло*, можно думать, что названіе пляски не одинаково по племенамъ; во-вторыхъ, цермничское коло соотвѣтствуетъ, какъ выше сказано, обычному сербскому и сохраняетъ его названіе. Изъ глухой ссылки г. Иванишевича не ясно только, примѣнялъ ли писатель, о которомъ онъ говоритъ, названіе коло къ описываемой Иванишевичемъ пляскѣ, т. е. оро, или независимо отъ того говорилъ о коло въ Черногоріи. Жаль во всякомъ случаѣ, что г. Иванишевичу осталось неизвѣстно описаніе г. Ровинскаго. Излишне прибавлять, что вполне правъ г. Ровинскій, отвергая сопоставленіе оро съ орао и не усматривая подражанія полету орла въ самой пляскѣ, какъ объясняетъ и Иванишевичъ. Оро, какъ объясняетъ г. Ровинскій, есть хоро. Таково названіе хоровода и у болгаръ, и въ Македоніи; только македонское хоро всего болѣе похоже на герцеговинское. Въ немъ участвуютъ и парни и дѣвушки, держась другъ съ другомъ руками, или за платокъ, если берутся, стоя рядомъ, дѣвушка съ парнемъ. Такое хоро мы видѣли въ Заровѣ.

Въ главѣ XV авторъ описываетъ вооруженіе черногорца, начиная съ стараго, какое представляли буздованъ, брадва, копье, стрѣлы, мечъ, сабля, и затѣмъ огнестрѣльное, въ числѣ котораго были пушки, шибы — ружье въ родѣ пицали, и переходя къ новѣйшему, въ которомъ также различаетъ холодное —

1) Какъ и у арнаутовъ сосѣдей кучъ.

2) Въ Гласникѣ земаљскаго музея. 1900.

нож, ханджар и огнестрѣльное — всевозможные сорта ружей. Описаніе это сопровождается ссылками на народныя пѣсни. Далѣе авторъ разсматриваетъ веденіе войны, а именно: большую войну, четованье, гайдучество, поединки и особые приемы въ бою, объясняющіеся условіями черногорской жизни. Прекрасный матеріалъ дали здѣсь автору пѣсни, воспѣвающія борьбу черногорцевъ съ турками, вошедшія въ извѣстный сборникъ Сербское огледало, который былъ редактированъ владыкой Петромъ II. За отсутствіемъ какихъ-либо документальныхъ источниковъ сохранившееся въ пѣсняхъ преданіе служить драгоценнымъ источникомъ для этнографической стороны этого дѣла. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ помогалъ здѣсь автору Медаковић, заставшій многіе военные обычаи черногорскіе, теперь уже вышедшіеся, какъ, напримѣръ, поединокъ, четованье. Этими источниками до сихъ поръ никто не пользовался, чтобы набросать картину военного быта черногорцевъ, и страницы, написанныя на ихъ основаніи, читаются съ живымъ интересомъ. Впечатлѣніе получается сильное уже и потому, что сборникъ Сербское огледало редактированъ искусно: не всякая пѣсня попадала въ него, а лишь такая, которая была пропѣта пѣвцомъ хорошо. Авторъ въ заключеніе дѣлаетъ, однако, оговорку, что въ изображеніи боевой жизни черногорцевъ онъ ограничился извѣстнымъ періодомъ, исключивъ послѣднія 50 лѣтъ, да и здѣсь исчерпавши сравнительно малый матеріалъ. Масса матеріала осталась нетронутой; по заявленію автора, много его остается и не собраннымъ, хранясь до сихъ поръ въ неопубликованныхъ народныхъ разсказахъ. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія. Достаточно напомнить, что въ предисловіи къ Сербскому огледалу сказано: «Здѣсь выходитъ въ свѣтъ менѣе десятой части черногорскихъ пѣсенъ, но главныя битвы, начиная съ 1702 г., всѣ на лицо. Въ будущемъ обнародуемъ и тѣ геройскіе подвиги, о которыхъ здѣсь не упомянуто». Но второго тома сборника такъ и не вышло.

Обычай и обрядовая жизнь, къ описанію которыхъ перехо-

дять г. Ровинскій въ слѣдующей XVI главѣ, благодаря сохранившимся въ нихъ архаическимъ чертамъ древняго быта, утраченнымъ другими сербами, привлекали особенное вниманіе изслѣдователей и путешественниковъ. Но въ ихъ описаніи у Караджича, Медаковића, Врчевича недостаетъ детальности и вариантовъ по мѣстностямъ, а кромѣ того они не приведены въ систему. Въ виду этого представляетъ интересъ предложенное г. Ровинскимъ ихъ обобщеніе, въ которомъ они подраздѣлены на религіозныя и юридическія.

Обычаи, находящіеся въ связи съ религіей и церковною жизнью, г. Ровинскій разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Рождество, Пасха, праздники по числамъ мѣсяца, особенные дни, слава, крестные ходы и завѣты, освященіе масла.

Благодаря указаніямъ на особенности празднованія Божича въ самомъ Цетинѣ и другихъ мѣстахъ Черногоріи, наприимѣръ, Подгорицѣ, Васоевичахъ, Морачѣ и Ровцахъ, даже описаніе столь извѣстнаго празднованія Рождества получаетъ въ изложеніи автора большой интересъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе праздники, мы остановимся на празднованіи славы, которую сербы считаютъ отличительной чертой своего народа. Это празднованіе въ честь того святого, въ день котораго происходило обращеніе въ христіанство извѣстныхъ родовъ. На это указываетъ и самое названіе крсно име. Г. Ровинскій высказываетъ мысль, что слѣды этого праздника можно усматривать и у другихъ славянъ: у насъ, наприимѣръ, таковы храмовые праздники. Интересно, что и у сербовъ Неманичи, праздновавшіе славу въ день св. архангела Михаила, строятъ въ честь этого святого храмы въ Зетѣ, на Превлакѣ, въ Іерусалимѣ. Старожилы Цеклина славятъ св. Феклу, и въ честь этой святой сохранилась самая старая въ этомъ племени церковь. Простой народъ у насъ, по справедливому замѣчанію г. Ровинскаго, не справлялъ именинъ, а въ приходскій праздникъ открывалъ свой домъ для гостей, считая его и праздникомъ своего дома. У насъ въ Великороссіи, замѣтимъ, и до сихъ поръ на-

родъ мало празднуетъ именины, а храмовой праздникъ празднуется почти вездѣ съ особенной любовью, не менѣе трехъ дней, мѣстами и болѣе, несмотря на лѣтнюю горячую пору, напримѣръ, Ильинъ день.

Вскользь упоминаетъ г. Ровинскій о славѣ у болгаръ, у которыхъ она до извѣстной степени уцѣлѣла, далеко не повсюду. Замѣтимъ по этому поводу, что празднованіе этого рода подъ именемъ «служба», «свѣтецъ», быть можетъ, не случайно сохранилось въ западной Болгаріи, какъ можно судить по описанію г. Маринова въ Живой Старинѣ. А населеніе западной Болгаріи, какъ и Македоніи, многими чертами ближе къ сербскому, чѣмъ восточно-болгарское.

- Напечатанный г. Ровинскимъ цѣнный списокъ тѣхъ дней, на которые приходится слава, удивительно совпадаетъ со спискомъ г. Маринова. И у послѣдняго есть: Малка Богородица (Рождество Богородицы), св. Тома, Петковденъ, св. Лука, св. Димитрій, св. Безсрѣбренници, св. Савва, св. Стефанъ, св. Василь, св. Марко, Рангеловъ день, св. Николай, Трифунци, Гергевденъ¹⁾.

Что же касается самыхъ святыхъ, то нѣкоторыя имена соединяются съ начальной эпохой христіанскаго просвѣщенія южныхъ славянъ, напр., св. Димитрій солунскій (и у Ровинскаго и у Маринова), св. Несторъ, св. Наумъ (у Маринова), св. Кирилъ (у Ровинскаго). По мѣткому замѣчанію г. Ровинскаго, связь славы съ крещеніемъ подтверждается полнымъ отсутствіемъ народныхъ именъ, каковы, Вукъ, Живко и др., въ сербской семьѣ преобладающія надъ церковными. Если это такъ, то, съ другой стороны, отмѣченные нами имена свидѣлствуютъ, по нашему мнѣнію, о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя святого идетъ изъ далекой старины. Вѣдь извѣстный день предпочитался другому по особой причинѣ: выбирался или день большого праздника, какъ, напримѣръ, Рождество Богородицы, или же день первенствующихъ святителей церкви (видимъ

1) *Живая Старина*, III томъ, стр. 800—801.

имена апостоловъ, пророковъ, архангела Михаила, великомученика Георгія и др.), или же память особо чтимыхъ мѣстныхъ святыхъ, каковы Дмитрій Солунскій, Несторъ.

Сохраненіе празднованія славы у западныхъ болгаръ и въ Македоніи является важной этнографической чертой, соединяющей ихъ съ сербами.

Что касается крестныхъ ходовъ, то въ этомъ отношеніи замѣчаемъ полное совпаденіе съ нашими крестными ходами. Интересно, какое большое пространство занимаетъ иногда такой ходъ.

Въ связи съ этимъ также находится, по нашему мнѣнію, великорусскій обычай ходить съ иконами по деревнямъ, что бываетъ обычно въ извѣстные сроки.

Обычаи семейные г. Ровинскій начинаетъ съ брака. Отмѣтивъ при этомъ особенное вниманіе, какое останавливали на себѣ свадебные обычаи у изслѣдователей сербской народной жизни, г. Ровинскій заявляетъ, что послѣ матеріаловъ, собранныхъ Богипичемъ, Даниичемъ, трудно дать многое и что за исключеніемъ записи подгорицкихъ обычаевъ, доставленной ему Закомъ Рогопичемъ, онъ располагаетъ единственно своими личными наблюденіями и непосредственными разспросами. Здѣсь автору «Черногоріи» пригодились бы нами вышеупомянутыя статьи гг. Ювичичей, дающихъ такое же описаніе изъ Глухого Дола и Бара съ окрестностями, которыми онъ не пользуется. Касаясь въ частности свадебныхъ пѣсенъ и упоминая о жалобахъ Врчевича на исчезновеніе ихъ въ Черногоріи, г. Ровинскій обращаетъ вниманіе собирателей, что на дѣвичникахъ ему приходилось слышать много новыхъ пѣсенъ, и что обильный матеріалъ этого рода ожидаетъ трудовъ мѣстныхъ изслѣдователей. По этому поводу замѣтимъ, что и о другихъ обычаяхъ при рожденіи, смерти и похоронахъ важны описанія по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Въ тѣхъ же статьяхъ помѣщенъ матеріалъ, сюда относящійся, и, сличая его съ тѣмъ, что есть у г. Ровинскаго, мы нашли въ нихъ интересныя отличія и подробности, безъ сомнѣнія важныя для возсозданія общей картины.

При обозрѣніи юридическихъ обычаевъ г. Ровинскій начинаетъ съ побратимства, посестримства и кумства, игнорируемыхъ современнымъ законодательствомъ, исчисляя ихъ виды по способу заключенія. Обычаи, касающіеся имущественныхъ отношеній, г. Ровинскій рассматриваетъ, главнымъ образомъ, пользуясь трудомъ Боггишича, отмѣчая при этомъ какъ тѣ случаи, въ которыхъ составитель Законника остается вѣренъ народному взгляду, такъ и тѣ, когда онъ вноситъ отступленія, безъ нужды замѣняя обычай постановленіемъ, не соответствующимъ его духу, какъ, напримѣръ, въ статьяхъ о дарѣ, объ имущественныхъ правахъ женщины и ея власти въ семьѣ. Говоря о вѣрѣ, правѣ убѣжища, кровной мести, авторъ пользуется извѣстнымъ сочиненіемъ Медаковича Животъ и обычаи черногорца, при которомъ всѣ эти обычаи, теперь исчезающіе, были живы. Стоящее въ связи съ кровною местию умирненіе крови теперь также уже не практикуется въ Черногоріи; тѣмъ интереснѣе подробное описаніе одного случая, происходившаго въ 1890 г. въ Приморьѣ, при которомъ г. Ровинскій лично присутствовалъ, получивъ приглашеніе. Затѣмъ г. Ровинскій рассматриваетъ статьи, касающіяся суда, сопровождая изложеніе постоянными указаніями, какой взглядъ на тотъ или другой актъ имѣетъ народъ. Въ заключеніе предложена оцѣнка извѣстныхъ въ Черногоріи законниковъ съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей вѣрности народнымъ началамъ.

Двѣ послѣднія главы рассмотримъ вмѣстѣ, такъ какъ онѣ находятся въ связи одна съ другой.

XVII глава — общее міровоззрѣніе, характеризуетъ взглядъ черногорца на міръ матеріальный съ его небесными и воздушными явленіями, неорганической жизни, жизни растений и животныхъ и міръ духовный, обнимающій вѣрованія и суевѣрія.

Подобный матеріалъ изъ другихъ сербскихъ краевъ въ обиліи помѣщается въ этнографическихъ изданіяхъ, нами въ началѣ указанныхъ. Авторъ «Черногоріи» не принималъ его во вниманіе. Вполнѣ понятно, что здѣсь встрѣчаемъ много совпаденій съ

воззрѣніями другихъ славянъ и прежде всего ближайшихъ по мѣсту — Западной Болгаріи и Македоніи. Сравнительное его изученіе принадлежитъ будущему.

Послѣдняя глава XVIII посвящена произведеніямъ народнаго творчества. Справедливо указывая, что эта область привлекала особенное вниманіе собирателей и изслѣдователей этнографическаго матеріала всѣхъ сербскихъ краевъ, г. Ровинскій старался помѣщать лишь то, что еще не было въ печати, не ручаясь, что, при трудности обозрѣнія огромной относящейся сюда литературы, можетъ оказаться что-нибудь и раньше напечатанное. Начавъ было записывать весь матеріалъ цѣликомъ, г. Ровинскій замѣтилъ, что нѣкоторыя сказки до мельчайшихъ подробностей сходны съ находящимися въ собраніи В. Караджича. Это заставило его прекратить такую работу. Такимъ образомъ, обширный запасъ народнаго творчества сведенъ авторомъ «Черногоріи» на небольшое число, скорѣе на образцы этого рода или интересные варианты.

При этомъ, по признанію автора, проза только въ немногихъ случаяхъ записана имъ дословно по-сербски, въ большей же части передано лишь содержаніе по-русски, и только нѣкоторыя №№, полученные отъ другихъ лицъ въ сербской записи, печатаются безъ малѣйшихъ измѣненій и исправленій, хотя бы въ языкѣ и были неисправности.

Позволимъ сдѣлать по этому поводу слѣдующія замѣчанія. Трудъ собранія произведеній народной словесности былъ бы значительно облегченъ, если бы собранъ былъ матеріалъ, разсѣянный въ періодической печати, какъ это сдѣлано у насъ проф. А. Ив. Соболевскимъ по отношенію къ народнымъ пѣснямъ. Было бы желательно, чтобы за такое предпріятіе взялась Бѣлградская академія, окончивъ изданіе собранія Караджича. Столь же важно библиографическое обозрѣніе этнографическаго матеріала, которое ставитъ своей задачей юго-славянская академія.

Эти изданія облегчили бы продолженіе работы собранія и изслѣдованія накопившагося матеріала. Пока же можно желать,

чтобы собиратель записывалъ все сполна безъ пропусковъ, независимо отъ того, напечатана или нѣтъ та или другая пѣсня или сказка. Дѣло въ томъ, что даже въ самыхъ лучшихъ сборникахъ не всегда съ желательной точностью отмѣчался печатаемый матеріалъ. Нерѣдко и у В. Караджича указано лишь лицо, отъ котораго получены пѣсни или сказки. Такъ, напримѣръ, въ первомъ изданіи сказокъ отмѣчено: такіе-то №№ послали мнѣ изъ Боки г. В. Врчевић; но всѣ ли эти сказки записаны г. Врчевићемъ въ Бокѣ, этого не видно. Далѣе, не ко всѣмъ №№ указаны и лица, отъ которыхъ матеріалъ полученъ. Оттого редакторы отдѣльныхъ томовъ пѣсенъ нерѣдко должны дѣлать оговорку: насколько можно было узнать, изъ этихъ пѣсенъ послали такіе-то №№ такія-то лица, — слѣдуетъ перечень именъ, напримѣръ, томъ VI послѣдняго изданія, стр. XII. Указателя мѣстностей, которыя находятся при пѣсняхъ и сказкахъ отчасти въ самомъ текстѣ, къ сожалѣнію, редакція не даетъ.

Поэтому, если бы пѣсня или сказка, записанная въ извѣстной мѣстности, и совпадала съ печатной, то тѣмъ самымъ давалось бы указаніе, откуда идетъ тотъ или иной разсказъ, въ случаѣ если бы онъ ранѣе оказался безъ приуроченія къ извѣстному мѣсту. Не говоримъ уже объ интересѣ варіанта, совпадающаго по содержанію, со стороны діалектической. Тѣмъ менѣе можетъ удовлетворять русскій пересказъ. Поэтому желательно, чтобы сами черногорцы дали намъ на сербскомъ языкѣ тѣ №№, которые у г. Ровинскаго вошли въ русское пересказѣ. Народная сказка съ живымъ разговорнымъ языкомъ даетъ богатый матеріалъ и для синтаксиса, стиля. Повтореніе этихъ сказокъ необходимо и ради полноты, которая мѣстами нарушена отмѣченными самимъ собирателемъ пропусками (стр. 587).

Доставленные на сербскомъ языкѣ сказки записаны Богданомъ Лалевићемъ (Васојевић, Андријевица) №№ 3, 4, 6, 10 и со словъ Станы Милетиной № 11; отъ Стояны № 1 (изъ Васоевичей, Андријевица), изъ Загарча отъ Петка Гавриловића; русскіе пересказы №№ 7 и 8 въ Пивѣ безъ указанія лицъ.

Ради примѣра г. Ровинскій приводитъ и рядъ пословицъ и загадокъ, собранныхъ въ Васоевичахъ, откуда меньше сообщеній въ литературѣ (стр. 617). Нѣсколько №№ взяты изъ черногорскаго журнала Луча за 1899 г., въ которомъ помѣщается подробный матеріалъ.

Начиная съ стр. 625 и до конца тома приведены анекдоты и шутки, но уже исключительно въ русской передачѣ. Желательно, чтобы и подобный матеріалъ былъ напечатанъ по-сербски.

Какъ ни уменьшился весь этотъ матеріалъ въ своемъ объемѣ въ силу указанныхъ авторомъ соображеній, и онъ представляетъ немалый интересъ.

Важно прежде всего то, что народная память хранитъ воспоминанія о Неманичахъ и другихъ историческихъ лицахъ сербскаго царства. Таковы сказанія о св. Саввѣ, кралицѣ Еленѣ, Стефанѣ Высокомъ, Вукашинѣ, Лазарѣ и Душанѣ, Георгій Бранковичѣ. Что касается Вукашина, то оказывается, что въ Черногоріи и до сихъ поръ ходитъ рассказъ, представляющій параллель къ знаменитой пѣснѣ о постройкѣ Скадра. Въ связи съ преданіемъ о происхожденіи Вукашина изъ Зеты, которое занесено въ лѣтопись Трношскую, и данными топографіи, указывающими на имена мѣстъ Мрне, Мрланъ, и поэтическія воспоминанія говорятъ, повидимому, за сербское происхожденіе этого вельможи Душана. Эти данныя не приняты совсѣмъ во вниманіе авторомъ свода пѣсенъ о Маркѣ Краевичѣ, Йордановымъ, ссылающимся лишь на указаніе владыки черногорскаго Василія Петровића, который говоритъ, что Вукашинъ «былъ отъ націе Болгарскіе»¹⁾.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что въ другихъ мѣстахъ книги г. Ровинскаго помѣщено кое-что изъ матеріала, относящагося къ этой главѣ, на что мы мѣстами и указывали.

Таково содержаніе этнографическаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго.

1) Сборникъ на Българско книжовно Дружество въ София I стр. X введенія.

Разумѣется, главной задачей автора было представить полную картину этнографическаго быта Черногоріи, и это имъ выполнено блестяще. Пользуясь отчасти матеріаломъ, ранѣе обнародованнымъ, привлекая литературу предмета, гдѣ это было необходимо, авторъ однако главнымъ образомъ опирался на собранный во время продолжительнаго пребыванія въ Черногоріи имъ самимъ матеріалъ. Оттого даже и въ такихъ случаяхъ, когда объ извѣстномъ вопросѣ существуетъ значительная литература, его изложеніе у г. Ровинскаго сохраняетъ интересъ мѣстными указаніями, детальными дополненіями, которыя однако только ярче и глубже освѣщаютъ предметъ.

Но какъ ни обиленъ собранный авторомъ матеріалъ, еще богаче самая жизнь съ ея разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что г. Ровинскому и самому приходилось отмѣчать пробѣлы и обращать вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на пункты, требующіе дальнѣйшей разработки.

Мы не разъ указывали, что г. Ровинскій при выполненіи своего труда пользовался помощію мѣстныхъ уроженцевъ, вызывая ихъ печатные труды или письменныя сообщенія. Можно надѣяться, что выходъ книги еще сильнѣе оживитъ интересъ черногорцевъ къ своей родинѣ.

Чтобы судить, насколько важенъ вкладъ, внесенный г. Ровинскимъ въ область сербской этнографіи, достаточно сравнить его книгу съ первымъ выпускомъ этнографическаго сборника, изданнымъ сербской академіей, который значительно уступаетъ труду г. Ровинскаго и въ полнотѣ матеріала и въ его разработкѣ. Въ изданіяхъ Загребской академіи есть работа г. Ловретича, посвященная народной жизни и обычаямъ Отока, но она касается лишь одного мѣста и потому уже, несмотря на свой интересъ, не можетъ идти въ сравненіе съ описаніемъ г. Ровинскаго, обнимающимъ народный бытъ такой своеобразной страны, какова Черногорія.

Касаясь самыхъ разнообразныхъ сторонъ черногорскаго быта, г. Ровинскій даетъ богатый матеріалъ для сербскаго

словаря. До сихъ поръ наибольшее число черногорскихъ словъ вошло къ словарь В. С. Караджича. Желая опредѣлить, насколько трудъ г. Ровинскаго пополняетъ Караджича, мы произвели опытъ сличенія. Въ результатѣ оказалось, что: 1) у г. Ровинскаго есть масса словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Караджича. Въ сдѣланномъ нами спискѣ такихъ словъ насчитывается 616; 2) такія слова, которыя не встрѣтились у Караджича съ тѣмъ значеніемъ, какое для нихъ отмѣчено г. Ровинскимъ. Такихъ случаевъ насчитывается въ нашемъ спискѣ свыше 150; 3) огромное число словъ у Караджича осталось безъ указанія на то, что они употребляются и въ Черногоріи, какъ это видно изъ книги г. Ровинскаго. Понятное дѣло, что и всѣ такіе случаи представляютъ интересъ, прикрѣпляя извѣстное слово къ извѣстной мѣстности.

Мы не говоримъ о другихъ случаяхъ, въ которыхъ книги г. Ровинскаго даютъ цѣнныя указанія и дополненія. Позволимъ привести нѣсколько примѣровъ.

У Караджича есть слово сувота, но у г. Ровинскаго находимъ объясненіе особаго употребленія этого слова, подтвержденное цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

Слово гвозд у Караджича объясняется «камень, выдавшійся высоко надъ землею», у г. Ровинскаго: лѣсъ въ скалистой мѣстности, а также мѣсто, гдѣ прежде былъ такой лѣсъ. Ср. чешское hvozď въ значеніи лѣсъ.

Слово скобаль у Караджича «риба некака», у Ровинскаго опредѣлено значеніе. И такъ далѣе.

Нельзя только не пожалѣть, что г. Ровинскій не справлялся всегда съ Караджичемъ. Благодаря этому, у него остались безъ оговорки такіе случаи, когда у Караджича находимъ болѣе точное указаніе, напримѣръ, при словѣ коризма II, 2195 у Вука съ указаніемъ на Цермницу; при словѣ лабудина II, 1, 594 у Вука съ указаніемъ на Бѣлопавлићи; при словѣ лакомица II, 1, 484 у Вука опять указаніе на Цермницу.

Иногда у Караджича есть близкое слово къ приведенному

г. Ровинскимъ, у котораго однако не указано, на примѣръ, жабокрек II, 2, 474 у Караджича: жабокречина; у Караджича: оредине, у г. Ровинскаго: одредина II, 1, 600.

Обращаемъ на это вниманіе въ ожиданіи получить разъясненіе въ общаеомъ авторомъ подборѣ словъ.

Разумѣется, при описаніи различныхъ обычаевъ и бытовыхъ подробностей автору приходилось иногда прибѣгать къ сопоставленіямъ и сравненіямъ съ другими народами. Въ большинствѣ случаевъ г. Ровинскій дѣлалъ это, отмѣчая какую-либо особенно характерную черту. На примѣръ, упоминая о нюханіи при поцѣлуѣ, когда мать цѣлуетъ ребенка, мужчины другъ друга (II, 2, 330), г. Ровинскій указываетъ то же самое у сибирскихъ инородцевъ. Или, на примѣръ, на стр. 187 того же тома припаданье за столомъ отца и сына къ землѣ и вопросы другъ къ другу: видишь ли меня, сынъ? во время рождественскихъ праздниковъ г. Ровинскій сравниваетъ съ подобнымъ же прятаньемъ у малороссовъ.

Но помимо такихъ случаевъ, было бы желательно болѣе послѣдовательное сопоставленіе съ ближайшими, разумѣется, прежде всего сербами и хорватами, а затѣмъ и съ болгарами.

Такъ, на примѣръ, авторъ дважды говоритъ, что онъ слышалъ выраженіе самосаздани Богъ (II, 2, 491). Такое же выраженіе приводитъ и г. Миличевъ (Живот срба селяка, стр. 49).

Въ главѣ о религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ г. Ровинскій отмѣчаетъ отличія отъ нашей русской практики. На примѣръ, о томъ, что Отче нашъ и Вѣрую читается, а не поется, что ту и другую молитву читаетъ митрополитъ, если не служить, или князь.

При этомъ слѣдовало бы сказать, что то же есть и въ Сербіи, то же и въ греческихъ церквахъ и въ славянскихъ монастыряхъ на Афонѣ. И тамъ чтеніе этихъ молитвъ лежитъ или на старшемъ изъ братій, если служить игуменъ; или читаетъ онъ самъ, когда присутствуетъ въ церкви, не служа; или же, нако-

нецъ, это предоставляется почетному гостю изъ мірянъ, случайно присутствующему въ церкви. Но и у насъ такъ было прежде; такъ и теперь у единовѣрцевъ. Современная практика представляетъ отступленіе отъ старины. То же и въ названіяхъ предметовъ; поліелей или богородично коло вмѣсто паникадила такъ называется оттого, что около паникадила въ нашемъ смыслѣ есть своего рода кругъ съ подвѣсками, ради торжественности искусно раскачиваемый монахомъ въ торжественный моментъ всенощнаго бдѣнія. Такъ это на Аѳонѣ. Отсюда и названіе: коло. Южные славяне во многомъ остаются ближе къ грекамъ.

Говоря о календарѣ (II, 2, 462), г. Ровинскій указываетъ, что у черногорцевъ, какъ и у другихъ сербовъ, мѣсяцы всего чаще приурочиваются къ праздникамъ. Можно было бы прибавить, что то же самое отмѣчено для западной Болгаріи Мариновымъ, который приводитъ названія Рангеловски для ноября, Никулски для декабря, Гергевски для апрѣля, Илиевски для іюля и т. д. Сходство иногда полное. Интересъ это обстоятельство получаетъ потому, что этнографическая близость описываемыхъ г. Мариновымъ предѣловъ западной Болгаріи къ Сербіи можетъ объясняться близостью самаго населенія.

Болѣе послѣдовательное сопоставленіе иногда бы уберегло г. Ровинскаго отъ сомнительныхъ заключеній. Приведемъ въ подтвержденіе этого слѣдующій примѣръ.

Говоря о необыкновенномъ развитіи зрѣнія черногорцевъ, г. Ровинскій находитъ у нихъ въ то же время большое смѣшеніе въ распознаваніи цвѣтовъ. Самый рѣзкій примѣръ этого представляетъ смѣшеніе зеленого цвѣта съ сѣрымъ. При этомъ г. Ровинскій приводитъ такіе примѣры, какъ названіе зеленою лошади сѣрой масти, откуда имя Зеленко, или выраженіе о конѣ: зелен као трава.

Дѣйствительно, такое выраженіе бросается въ глаза странностію, но таково употребленіе прилагательнаго зелен не у однихъ черногорцевъ. То же самое находимъ и у болгаръ. Словари Дювернуа и Герова отмѣчаютъ зеленче о конѣ, при чемъ у Дювер-

нуа сопоставляется съ этимъ *сербское*, а не черногорское лишь названіе (у Караджича нѣтъ при этомъ словѣ указанія на Черногорію исключительно) зеленко. Геровъ приводитъ еще слово зеленика съ слѣдующимъ объясненіемъ: «зелень конь сивъ съ доста черно, та да бие на зелено: продавася коня зеленика». Здѣсь дѣлается попытка дать слову натуральное объясненіе. Въ словарѣ Дювернуа приведено интересное выраженіе: врану коню до зелена грива, которое соединеніемъ цвѣтовъ вранъ и зелень какъ будто подтверждаетъ толкованіе Герова. И у Даля приведено прилагательное зеленогривый, а интересны также прилагательныя: зеленопѣгій и зеленочерный. Извѣстенъ опять особый эпитетъ вина — зелено вино, хотя въ Словѣ о полку Игоревомъ вино называется синее. Отсюда ясно, что выводить изъ этихъ примѣровъ заключеніе о неразличеніи черногорцемъ цвѣтовъ нельзя. Такъ можетъ быть объяснено и выраженіе зелен мач, которое встрѣчается во всѣхъ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, а не черногорскихъ исключительно. Возможно, что этимъ прилагательнымъ отмѣчается отливъ стали.

То же можно сказать и о словѣ плавъ; оно имѣетъ два значенія не у однихъ только черногорцевъ, а вообще въ сербскомъ языкѣ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Говоря о западномъ церковномъ влияніи на Черногорію, г. Ровинскій объясняетъ имъ популярность въ Черногоріи имени Мартина (епископа римскаго, 11-го ноября), по народному говору св. Мрата, по которому рождественское заговѣнье и постъ называются мратинскими, тогда какъ имя апостола Филиппа ради его забыто, хотя оно приходится какъ разъ на день заговѣнья.

При этомъ г. Ровинскій ссылается на обычаи въ этотъ день въ Голландіи.

Но возможно ли принять такое объясненіе? Намъ представляется рядъ возраженій такого рода. Обратившись къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ *Zbornik'ѣ*, относящимся къ обычаямъ сербско-хорватскаго католическаго населенія, мы не замѣтили

приуроченныхъ къ этому дню какихъ-либо обычаевъ, нѣтъ и названія отъ имени этого святого для заговѣнья.

Далѣе, то же имя находимъ и въ Сербіи: на 11-ое ноября приходится св. Мрата. Перечисляя имена святыхъ въ календарѣ, г. Миличевић замѣчаетъ: «Мрате нема (имя понимается какъ женское), а у старијема био је и св. Мартин. Однако всѣ, празднующіе этотъ день, знаютъ, что празднуютъ св. Мратѣ»¹⁾. «Въ народѣ встрѣчается имя Мратинко, а Мартин у сербовъ православныхъ я и не слыхалъ»²⁾.

То же и въ западной Болгаріи: Мратинци 11, 12, 13 дни ноября. Съ этими днями соединяется здѣсь цѣлый рядъ суевѣрій. Есть злой духъ мратинѣк, который убиваетъ домашнюю птицу, особенно курицъ. Заколотая курица называется мратинче, а три или 7 ночей въ эти дни называются мратински ноци³⁾.

Связь съ именемъ св. Мартина, повидимому, есть, но, какъ видно, суевѣрія распространены далеко за предѣлами Черногоріи, и можно ли объясненіе искать въ католическомъ вліяніи?

Отмѣчая важность и необходимость параллельнаго изученія славянъ и албанцевъ, г. Ровинскій указываетъ рядъ совпадений въ бытѣ и вѣрованіяхъ. Въ этомъ г. Ровинскій видитъ и результатъ смѣшенія. Въ числѣ другихъ совпадений приведено и то, что вторникъ у тѣхъ и другихъ, т.-е. албанцевъ и черногорцевъ, считается тяжелымъ днемъ. Но изъ книги г. Маринова видимъ, что и въ западной Болгаріи вторникъ считается тяжелымъ днемъ. Значить, сходство есть независимо отъ соприкосновенія съ албанцами, о которомъ нельзя утверждать для западной Болгаріи⁴⁾.

Встрѣчаются у г. Ровинскаго и нѣкоторыя ошибки. Такъ, напримѣръ, онъ считаетъ одного корня наше слово бадожокъ — палка и сербское бадњак, но первое стоитъ, безъ сомнѣнія, въ

1) Животъ срба сельака, стр. 146.

2) Ib.

3) *Живая Старина*, книга I, стр. 60—63, ср. также 54.

4) Ib., 120.

зависимости отъ слова *батогъ*; а второе въ связи съ корнемъ *бѣдѣти*. Слово *бѣдникъ* есть и у болгаръ.

На стр. 446 второй части II т. г. Ровинскій говоритъ, что о мѣсяцѣ въ Черногоріи говорится *грије* вмѣсто *сјаје*, отчего возникаютъ недоразумѣнія; но у Вука Караджича указано выраженіе *сунце грије*—*vol luset*. Значитъ, не вездѣ въ сербскихъ краяхъ такое значеніе можетъ казаться страннымъ.

Наконецъ, позволимъ указать еще на то, что, къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Ровинскаго рѣдки рисунки. Если бы къ ней приложенъ былъ альбомъ рисунковъ, еще важнѣе было бы описаніе матеріальной культуры Черногоріи.

Но, разумѣется, немногіе недостатки не умаляютъ значенія этого труда, который, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто среди югославянской этнографической литературы¹⁾.

Яркій свѣтъ проливаетъ онъ на бодрую жизнь и героическую исторію малочисленнаго народа въ тѣсномъ уголку запертого съ одной стороны просвѣщенными сосѣдями, съ другой дикими албанцами и турками. Малъ этотъ народъ, но силенъ несокрушимой народной энергіей и послушенъ своему достойному вождю. Онъ дорожитъ своимъ сербскимъ именемъ, и хранитъ въ памяти завѣты славнаго прошлаго сербскаго царства: въ здравицахъ вспоминаетъ Призрѣвъ, молитъ Бога, чтобы далъ

1) Послѣ того какъ нами составлена была рецензія на книгу П. А. Ровинскаго, значительно подвинулась впередъ сербская этнографическая литература. Прежде всего слѣдуетъ назвать представляющее выдающійся интересъ изданіе Насеља српскихъ земаља, редактируемое проф. І. Цвијићемъ кн. І. У Београду 1092 и кн. II Београд 1098. Помимо уже указанной выше руководящей статьи самого редактора въ этихъ двухъ томахъ по выработанному проф. Цвијићемъ плану составлены описанія цѣлаго ряда мѣстностей Сербіи, Босны, Герцеговины и Черногоріи. А именно: Доње Драгачево Жов. Ердежановића, Средње Полимье и Потарје у Новопазарскомъ санџаку П. Мрконића, Дробњакъ Светоз. Томића; о Лубийскимъ селима Р. М. Илића; Врањска Пчиња Р. Т. Николића; Млава Б. Јовановића, Левач Т. М. Бушетића; Васојевићи у Црногорској граници попа Б. Лалевића и И. Протића; Вишеградски Стари Влахъ попа Стј. Трифковића; Билећске Рудине Жев. Дедиџера; околина Београда Р. Т. Николића; Шума, Површ и Зупци у Херцеговинѣ О. Ђурића—Козића. Кромѣ Дробњака и Васојевићей, прямо относящихся къ Черногоріи, наибольшую

ему пятого патриарха въ Печи¹⁾. Онъ исполненъ признательности къ Россіи, съ которою его связываютъ давнія и прочныя узы

близость къ нимъ представляетъ описаніе отмѣченныхъ здѣсь мѣстностей Герцеговины. Ралумѣется, взятыя въ отдѣльности мѣстности могутъ быть описаны гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ имъ могло быть отведено мѣста въ общемъ очеркѣ, какой представляетъ Черногорія Ровинскаго. Можно только порадоваться, что въ лицѣ проф. Пријића сербскіе этнографы наши себя такого искусснаго и опытнаго руководителя, располагающаго при томъ богатѣйшимъ матеріаломъ, сосредоточеннымъ въ «Географскомъ Заводу» Бѣлграда. Матеріалъ, который поступаетъ сюда изъ разныхъ мѣстностей сербскаго племени, подвергается въ извѣстныхъ случаяхъ систематической переработкѣ, но при этомъ — какъ сообщаетъ редакторъ — фактическія данныя нигдѣ не измѣнены, часто сохранено неприкосновеннымъ и изложеніе отдѣльныхъ авторовъ. Къ вышедшимъ томамъ приложены и два выпуска атласа. Помимо картъ, представляющихъ схематическое изображеніе мѣстностей съ отмѣткой составныхъ группъ населенія, сюда вошла и бытавого характера снимки, на отсутствіе которыхъ приходилось жаловаться, разбирая книгу Ровинскаго. Ближайшее отношеніе къ Черногоріи имѣютъ рисунки къ статьѣ о племени Дробняк, таблицы XIX—XXIII перваго выпуска атласа и рисунки къ Васојевићамъ и герцеговинскимъ селамъ во второмъ выпускѣ. Можно пожелать, чтобы и далѣе продолжалось обогащеніе географическо-этнографическихъ трудовъ подобной систематически исполняемой иллюстраціей. Всѣ статьи снабжены подробными указателями.

Въ хорватскомъ изданіи *Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena knj. VIII* помѣщена статья А. Jovičević'a *Crna Gora (Katunska, Riječka, Crmnjska, Lješanaka и Bjelopavlićska nahija. Narodni život i običaji. Odijelo i obuća. Nakit i šešlanje*.

Извѣстному воеводѣ Марку Миѣанову Поповићу Дрекаловићу принадлежатъ слѣдующія изданія: 1. Примѣри чойства и јунаштва. Издање Чупићеве задужбине 45. Београд. 1901. Цѣлый рядъ живо записанныхъ разсказовъ, которыми характеризуется человѣчность и героизмъ черногорцевъ. 2. Племя Кучи у народној причи и пјесми са сликом М. Миѣанова и 1 мапом. Београд. 1904. Изъ этого племени происходилъ воевода. 3. Живот и обичаји Арбанаса. Летопис Матице Српске. кн. 227—230. Всѣ эти изданія интересны и тѣмъ, что въ извѣстной степени сохраняютъ особенности мѣстнаго говора, которыми хорошо владѣлъ воевода.

1) Въ описаніи Васојевићей въ сербскомъ этнографическомъ сборникѣ (смотри выше) находимъ полное подтвержденіе этой характеристики Черногорскаго идеала: «Прибавимъ къ тому, что преданія, особенно косовскія, сохраняются въ полной свѣжести и широко распространены. Молодой подростокъ пастушекъ сумѣетъ разсказать о Милошѣ, Маркѣ, царѣ Лазарѣ, Косовѣ и т. д. и не забудетъ упомянуть, что опять обновимъ «Душановину». На собраніяхъ самое пріятное развлеченіе пѣсня подъ игру гусель. Пѣсни выслушиваются съ большимъ интересомъ; печальныя косовскія часто со слезами на глазахъ. Насеља срп. земаља кн. II, стр. 564.

со времени Петра Великаго. Всякій русскій присоединится къ тѣмъ симпатіямъ, которыя шлетъ ему г. Ровинскій въ концѣ своего историческаго очерка отъ лица всей Россіи. Но черногорцы лишь часть сербовъ народа, пораженіе котораго на Косовомъ полѣ считаетъ мировымъ бѣдствіемъ одинъ нѣмецкій ученый. И наши симпатіи должны распространяться на все сербское племя, исполненное привлекательности и таланта.

Что касается автора Черногоріи, то наши воспоминанія невольно уносятъ насъ ко времени путешествія въ Черногорію въ 1885 г. Въ ожиданіи отъѣзда на Цетинье мы сидимъ въ Которѣ передъ кофейней съ однимъ черногорцемъ. Вдругъ нашъ собесѣдникъ говоритъ: А вотъ и г. Ровинскій. Мы заглядываемъ внутрь и недоумѣваемъ. Тамъ стоитъ одѣтый въ черногорское платье мушкетеръ. Это и былъ П. А. Ровинскій.

Исходявъ Черногорію вдоль и поперекъ, тѣсно сблизившійся съ народомъ, полюбившій его и сѣмѣвшій его понять г. Ровинскій настоящимъ трудомъ блестяще завершилъ свой этнографическій подвигъ.

Задача этнографа не легкая, успѣхъ не дается даромъ. Соотечественники могутъ испытывать особенное удовольствіе, что такой трудъ о Черногоріи вышелъ изъ подъ пера русскаго ¹⁾.

Второе отдѣленіе Академіи Наукъ оцѣнило по достоинству трудъ автора, помѣстивъ его въ Сборникъ.

Присужденіемъ преміи профессора Котляревскаго, которой этотъ трудъ вполне отвѣчаетъ. Отдѣленіе окажетъ автору вполне заслуженную поддержку.

П. Лавровъ.

1) Какъ жалуется на трудность этнографическихъ изслѣдованій г. Мерингеръ, говоря о Боснѣ и Герцеговинѣ! Какія предостереженія обращаетъ по адресу сотрудниковъ собирателей редакція выпущенной юго-славянской Академіей программы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Ниже помѣщаемые документы находятся въ Цетиньѣ у князя Черногорскаго между бумагами отъ времени владыкъ Петра I и Петра II.

1. Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Ивана Николаевича Поповића (Россійскаго уроженца) въ воздаяніе за ревностную и отлично усердную двадцатилѣтнюю службу его, намъ и народу Черногорскому оказанную, всеусердѣйше провозглашаемъ первокласснымъ Черногорскимъ дворяниномъ во свидѣтельство чего грамоту сію Мы собственноручно подписали и печатью нашей укрѣпили. Дано въ Черногоріи, Цетиньѣ 9 дня Сентября мѣсяца въ 1827 лѣто спасенія нашего. Петръ Петровић Нѣгошъ.

Что сія подпись дѣйствительна учинена собственною рукою Черногорскаго Митрополита, въ томъ свидѣтельствуется Россійское Императорское Консульство въ Рагузѣ Декабря 3/15 дня 1828 г. Россійскій Императорскій Вицеконсулъ Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Гагић.

2. Сви́жемо вообще и свакому в особ оному, кому представлено буде ово наше писмо, да́јемо пуно и несумнительно увје-

реније, како смо у копијама Атестата нашега покојнога предшественника Митрополита Петра Петровића у нашој архиви хранењим се нашли да фамилија Поповића сад у Котору живећа, јест стара фамилија дворјанска Црногорска; за то и дајемо ово наше писмо Илији Даице Томовића, који по правој мушкој линији проиходи из те дворјанске фамилије да се може овђе и свуда познати и признати за правога дворјанина црногорска. За увјереније того и дајемо истому Илији Даице Томовића ово свједјетельство потврђено нашим собственоручним подписом и приложенијем народнога печата. 18-го Мая 1834 г.

3. Мы Петръ Петровичъ Нѣгошъ Божіею милостію православный архіепископъ Владыка Черногорскій и Брдскій и пр., и проч.

Да будетъ вѣдомо, что Мы Г. Леона Раду признали патриотомъ нашимъ и проиходящимъ изъ наслѣдственныхъ воеводъ Радувичевъ Бердской нашей области Бѣлопавлической нахіи; сверхъ же сего достоинства, уважая приверженность и вѣрность его къ намъ, Мы пожаловали его Г. Раду и черногорскимъ потомственнымъ дворянствомъ.

Того ради дабы онъ Г. Раду признаваемъ и почитаемъ былъ въ наслѣдственномъ и пожалованномъ ему потомственномъ достоинствѣ, подтвердили Мы грамоту сію подписомъ и приложенијемъ Державной нашей печати. Дано въ Черногорской Резиденціи Цетинѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1840 Мѣсяца Декабря 21.

4. Его Превосходительству Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Фонтону Господину Совѣтнику Императорскаго Россійскаго Посольства въ Вѣнѣ. — Чрезъ Россійскаго Императорскаго въ Триестѣ Господина Вицеконсула Микели я имѣлъ честь получить Вашего Превосходительства отношеніе отъ 13/25 Іюля за № 328 съ приложенијемъ при ономъ свидѣтельства о дворянскомъ проихожденіи Черногорца Михаила Иванова Ускоковића. Что помянутое свидѣтельство есть вѣрный документъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и мнѣ только остается по-

корнѣйше просить, чтобы Императорское Посольство благо-
склонно изволило засвидѣтельствовать помянутый документъ,
который при семъ имѣю честь препроводить къ Вашему Пре-
восходительству.

Петръ Божіею милостію православный Митрополитъ Черно-
горскій и Россійской Имперіи Ордена святаго и Великаго Князя
Александра Невскаго Кавалеръ и пр. и пр. 29 Іюля 1847 г.

Поеѣ о скиндервегоу чрноєвѣкоу а въ сѣѣ крѣщенїи
на реченѣ гїдоргѣ *).

Сѣ неразумнїи грѣци. і несоврѣшенї раѣумѣ на послѣднїхъ днїхъ о скѣдѣ кѣгѣ
о прежнїхъ своѣхъ раѣумѣхъ і хрѣворѣстїхъ хвалѣщїхъ на дрѣгїе нарѣдѣ гюргѣ чрноє-
въ послѣдокѣ ¹ неразумнѣшїхъ ² ѡ всѣхъ мѣзыкѣхъ леванїхъ (284) есте внчѣ і о пал-
сѣдшїи на землїи. того рѣа сїа глѣю. зане вонѣга выѣ поразїхъ де- внчѣ і о пал-
мирѣхъ акѣдѣхъ црѣхъ татарскїхъ, палѣзїта црѣхъ тоурѣскаго на предѣлѣхъ рѣомѣ.
арменскїхъ въ акїрѣхъ. ю въ тѣхъ днїхъ влїхъ погнѣхъ выѣ еѣ родѣхъ, ³ ѡ-
мановїка. аще вы малаѣхъ снѣхъ егѣ грѣци погоубїли, по смрѣхъ ѡца
їхѣхъ, палѣзїта. али и чѣхъ междѣ совою на свою погнѣхъ. иже
внѣхъ вѣстаѣхъ ⁴ сѣхъ мѣчїтеѣхъ црѣхъ мѣратѣхъ къ падѣнїю всемоу хрѣ-
тїдѣстѣхъ, понѣ сѣхъ прѣхъ стрѣхъ принесѣхъ всемоу хрѣтїдѣстѣхъ. како-
вы преже не выѣ. раѣширѣющїхъ сѣхъ црѣхъ. преко морѣхъ во асїи та-
кѣхъ въ ерѣсѣхъ гдѣхъ, ⁵ і въ макеѣхъ во серѣлѣхъ же і во італїи.
воѣхъ и ⁶ еѣхъ сїрѣхъ до арѣванѣхъ, кѣхъ краѣхъ ⁷ макеѣхъ на прѣлѣхъ
срѣхъскїхъ зѣмлїи илїрїка і дѣматїа влїхъ морѣхъ глѣмаго дѣдрнѣтї-
скаго, на нѣхъ же вѣнѣхъ стоїхъ ѡво поѣхъ морѣхъ. въ глѣхъхъ ⁸ і кнїхъхъ
дѣхъскїхъ, илїхъ рѣцїхъ епїсѣхъхъ. выѣ въ тѣхъ днїхъ хрѣтїдѣскїхъ кнѣхъхъ иванѣхъ
кастрїѣхъ, ⁹ ѡхъ колѣнахъ кралевѣхъ макеѣхъскїхъ. і жѣноуѣхъ імѣхъ іменѣхъ вої- ѡ кнѣхъхъ і-
сѣхъхъ. ѡхъ кнѣхъхъ ¹⁰ ... юхъ мѣхъ, гѣхъ снѣхъ і гѣхъ дѣхъхъ. коїхъ снѣхъхъ вылѣхъ іменѣхъ пїсѣхъ і вѣхъ
кастрїѣхъ і

*) Печатается по рук. Q. IV, № 341 Публ. библиот.; варианты приводятся изъ
позднѣега списка, сообщеннаго намъ П. А. Ровинскимъ.

1) въ послѣднее время 2) неразумнѣвши 3) вѣсему роду 4) гос-
подарства 5) на 6) томъ господствѣ 7) вст. Черноєвскіи 8) Въ
этомъ мѣстѣ въ рукописи выскоблено: болгарскїхъ са неуже роди

ѡ гнѣсѣ
даню и ту-
скомѣ црѣ.

ѡ прѣдѣ
скѣдѣрѣ бѣгѣ.

о корѣни скѣ-
дѣ бѣгѣ і
бѣнѣнію тата-
ринѣ.

воинѣ црѣ мѣ-
ра витѣнію і
сѣі гра брѣсѣ

станѣша гюрагы⁹ і кѣстѣти. видѣвши ѡцѣ і вѣ зане не ѡдолѣ¹⁰
тоуко¹¹ зане¹¹ многаѣи поразили кѣгѣ. ѡчини¹² сѣ нѣми мѣрѣ
данѣ и¹³ дава¹³. і да¹⁴ амѣрату¹⁴ гѣ, сѣны ѡ заклѣу¹⁵, наплѣкавши
ѡцѣ и і нацѣловавши¹⁶ посла¹⁷ и кѣ црѣ мѣратоу до дрѣно-
пола, тѣ овычаѣ, како вы¹⁸ ѡговорѣ¹⁸. да не потоурчѣтѣ сѣнѣ
ѣго. но сѣгѣ црѣ мѣрѣ. кѣ они ѡмѣѣ¹⁹ лѣгѣ. скоро и привѣно
заповѣда²⁰ и ѡврѣза²⁰. сѣ вѣскою вѣло²¹ кѣко ѡ нѣ е²² овычѣ.
і прова²³ гюргы, скѣдѣрѣ вѣгѣ, і дано²⁴ и ѡчитѣ арапскѣ²⁴ книгѣ.
видѣши²⁵ амѣрѣ скендѣрѣ вѣгѣ ра²⁶умнаго на²⁷ ова врата і крѣ-
наго ѡтрока. в лѣтѣ емоу²⁸же ѡ ро²⁹женнѣ, бѣ і дано і³⁰ сѣлѣ не
мѣло, і ѡмѣли³¹ ѣз³²ыка, арапскѣ³³ тѣрскѣ, грѣческѣ. словѣ-
скѣ латѣскѣ. арѣванашискѣ. і ѡчено³⁴ и ѡи³⁵нѣстѣннѣ³⁵ ворѣѣ. ока-
за³⁶сѣ скѣдѣрѣ вѣгѣ хрѣврѣши³⁷ на вратѣю. і дано³⁸ моу санчѣ
ѡ мѣрата, і вѣнѣѣ вы³⁹ во⁴⁰расто⁴⁰ кѣ лѣ. посла⁴¹ ѣго амѣратѣ на
воиско⁴² вѣ асѣю і тѣмо порази⁴³ на иже ходѣ⁴⁴ е⁴⁵. і пришѣ⁴⁶ до дрѣ-
нопола і при⁴⁷мѣтѣ ѣго амѣрѣ со влѣгодѣрѣннѣмѣ і славою і ѣ тѣѣ дѣни
воста⁴⁸ на нѣ⁴⁹ завѣстѣю⁵⁰ і грѣдостѣю е⁵¹динѣ татаринѣ великѣ і
крѣпкѣ. і по⁵²ва⁵² скендѣрѣ вѣгѣ воритѣ, нагѣ⁵³ овѣѣма. вѣ тѣснѣ
мѣстѣ сѣ нагѣмѣ ѡрѣжѣмѣ. рекѣ⁵⁴ скѣдѣвѣгѣ на вѣзѣмнѣ⁵⁵ лѣ
пристоѣ⁵⁶ вѣ ѡдѣжѣ⁵⁷ воритѣсѣ. нѣ свѣтѣми црѣ моу⁵⁸ратѣ. на тѣѣ
повѣленѣ сотворѣ⁵⁹ воскорѣ. і срѣлисѣ⁶⁰ го⁶¹лы вѣ тѣснѣ⁶² мѣстѣ, гдѣ
не мо⁶³гатѣ ѡкло⁶⁴нитѣ ѡдѣ ѡ дрѣгѣго. і глѣдѣ⁶⁵ татаринѣ во чрѣво
скѣдѣра ѡдаритѣ. видѣвши скѣдѣрѣ тѣ сѣнѣ⁶⁶ сѣ⁶⁷ ѣ лѣкѣ. і не
мѣло сѣ сѣвѣлами⁶⁸ борѣ(и⁶⁹ли и вѣс)хитѣ⁷⁰ скѣдѣрѣ крѣпко своѣю лѣ-
вою рѣкою татарѣна за десѣнѣцѣ. і ѡдарѣ⁷¹ татарѣна сѣвѣлею по пле-
цоу. ѣ внѣтрнѣ⁷² емѣ⁷³ вѣтѣсѣ. ѡсекавши⁷⁴ емѣ⁷⁵ главоу і при-
несѣ⁷⁶ до амѣратѣ црѣ. і дарова⁷⁷ ѣго црѣ великѣ⁷⁸ дарѣ. потѣ
мѣрѣ црѣ вѣвѣ⁷⁹ сѣ⁸⁰ вѣдинѣю і вѣзѣмѣ⁸¹ гра⁸² вѣрѣсу зане глѣ естѣ⁸³
вѣрѣсѣ вѣсѣ⁸⁴ вѣдинѣи. і пришѣ⁸⁵ двѣ перѣсѣнѣ⁸⁶ сѣ⁸⁷ни і крѣпѣи. і вы-

9) Георгіе 10) занеже не одолеет 11) понеже 12) вст. прее
13) са великимъ весельемъ 14) они имаю 15) и дах 16) видевши
17) разуменѣша отъ 18) вст. бы 19) извикли 20) харапски 21) и
учили 22) и даде му Муратъ 23) на Скендер-Бега единъ татаринъ 24) за-
вистию 25) рече 26) сагнуся 27) jeho 28) отсекши

соѣ во'расто²⁹ просаща дани ѿ мѣрата црѣ. црѣ перскомѣ. а³⁰ ѿ пришествію
 которы ѿмѣ наікрѣпѣши мѣжи. да сѣ вори с нами с копѣѣ аще³¹ деѣ персовъ до
 ѿ нѣ двѣю³² ѣдѣного ѣвнѣ пѣ³³ воскорѣ со дрѣгѣ да сѣ ви, не ѿ-
 почивающіи.³⁴ і не сме³⁴ і не хтѣ³⁴ ѿ мѣратовѣ вой нѣкто. со оны-
 ми персы воритѣ. реклѣ мѣрѣ црѣ. цѣ чекашѣ снѣ мѣ скѣдѣрь-
 бѣ, овога часа ову грамоту нашу отгнати. Друзи бранили Скен-
 деру не излазити на оба она персијанина, тачеју на јединаго, на
 Скендер изволи изити на обадва, поцеловавши ногу својему цару
 Мурату, јако тако у них обичај, и облек се во оклопи и шлемје на
 главу и васједши на коња, изјаха на поле тому подобно, идјеже
 много народа гледало. Удари се с первым, јегоже било име Зам-
 хасан, у прси копјаи и удари Скендера са пред у шлемје и сло-
 мил копје. ударили се сабљаи. Видевши други персин, зане хош-
 чет друг јего погинути, ратовал јего над слово, како бил уговорил
 между собою. Видевши Скендер хитрости их, удари Гахија раж-
 ном у грло и паде с коња; и удари Замхасана сабљом по плешчах
 и пресјече га на поли; и паде васака страна особ от персенина. И
 тако порази оба оне затачника и погуби. И приде пред Мурата
 и велики дари от него пријат за то витешство. Потом иде Мурат,
 Никомидіју град вазимал. Скендер најпрви на град искочил са
 хоругвою и град узел. Видјешчи Мурат јего разум јунаштво, че-
 сто посилаѣ јего на греки и на сербли на војску, но Скендер та-
 јал на серцу что мислит. И не давал се христијаном поражават,
 ниже он их поражавал. Тачија витешство над христијани указо-
 вал, да не возненавидят цар Мурат, и никомуже указовал се, јако
 држит се христијанства. По сих по нималих днѣх и ѣтетех Иван
 Кастриот Черноевик престависе отац Скендер Бегов.—Цар Му-
 рат слишавши о смрте јего, посла војску своју во отечество јего
 и ваѣ гради и мјеста, тако сатворил. Скендер Бег с тога жало-
 стан бил, но немогал ничто сатворити. И његови се јако сјету-
 јет; братија же молили цара Мурата подати им отачаство своје,
 но тогда цар умолчал. И по малих днѣх отравал их рек јако сами

О смрти Кне-
 за Ивана Ка-
 стриота Чер-
 ноевика

О смрти бра-
 тије Скендер-
 Бегове уви

29) вст. велици 30) ако ли имат тако крепкаго мужа 31) да ашче
 32) два 33) не почивајушчи 34) не смел

помријеше. И сјетовао сиреч жаљеет их. И Скендеру милостивно говорио и рекао јему отечество вратити, тачију да ждит, кога време будет. — Видевши јего лукавство, Скендеръ Бег разумно цару одговори. Мје не умрије ни отац ни братија ни пријатељ никои; докле ми си светли цару ти жив, часно је мје по љетех свој мач носити ва десници свој. Того ради, светли цару и велики господару мој, дај ми непријатеља твоего, да мачем вазму где чест земли: милије ми то будет, шчо своим трудом вазму, нежели моје истое отчинство. — И би Мурат весел с тајех речих. И миловал јего; на Скендер на васак час бојал се отров и васем добре служио. На Мурат хотел јего уморити: облагали јего друзи сиреч, јако хошчет до каурах утешчи. Мурат хотешчи того уверити се, послао јего с војскоју на деспота Георгија до Мисије и до Сербал и не хотешчи поражавао их, да будет прав Мурату и приходит са побједоју до Дренопоља. — Мнози кнези словенские земли до вјего писали, како би отечество своје пазил, хотешчи јему помагати. Скендер о том ни с ким не говорио, тачију подобра

О приша-
д-
ствини Јанп-
кула воеводе
на помошч
Георгиу Дес-
поту о про-
тиву цара
Мурата Тур-
скога

времена ожидавал. Георгие деспот, видешчи себе от турок пора-
жена, дава се у обрану краља угарскому Владиславу о помошч
противу Мурату. Владислав оправил Јанкула војводу с војскоју
до деспота и ванегда услишав Мурат, послао противу Јанкула и
Деспота двије војјске своје: једну противу Деспоту, а другу про-
тиву Јанкула, Бали Башу и Скендер Бега на Деспота. У Скендер
Бега било војске н , а у Јаникула $\text{л}, \text{с}$. Бали-паша стануо под
градом Крушевцом на реци Морави. Јаникул послао уходе Дес-
потове уходити турску војску. Скоро уходе прешле и казали, где
стоит Бали-паша. Вазел Гунета првениших воин л ишао на Бали-
пашу, а другој војјски заповједал полако ити за њим. И прешао
ношчију реку Мораву. Јанкул удари на пашу. И почел утекати,
а кад виђе Јаникула имушча мало војке, стао на мјесте паша. И
Скендер полако ишао ка другим турком и гледал, ко им рука бу-
дет. Бали-паша послао Скендеру једни за другим да се напри-
јед бије Скендер, не готовал се, или готовал се. И послао Скен-
дер до Јаникула тајно: да не стои, но шчо може наскорее да

удари. Угри силно се били с веселим срцем. И почели турци уткати натраг: угрих и сербли гонити. Тогда угри посјекли турков множаство, једва мали утекл. Скендер видевши свое време, ухвати пашина писара и заповједа јему писати сиреч од цара ^{Скендер ухвати Бали-пашина писара} до бега Албаноскога, кои бил на отачаству Скендер-Бегову на Крои: да вам послах тамо Скендер-Бега, да будет на отачаство свое санџаком и васеи Албани; а ти шчо наскорее можеш до мене приди. И знамение цареву на лист уписавши Скендер лис воземши, а писара повеле посјешчи и све друге турке, који код њега били; а нешто их било остало: људи их селски побили, засједши по путем и по горах ва Србни и Блгари, занеи сут словаци велики непријатељи турком. Тачију при себе оставил Амесу сестричића своего са триста сербли. И ванегда друзи сербли чули о Скендеру, пришли до њег много витезов добрих и великих и славних, са ними же ишал на свое отечество чрез сербскују земљу. И когда приешал ва Дибар на границу блгарску, посла ^{Скендер писал до пријател својих ваотечество.} тачино лис до неких пријател ва Албани сушчих и писал шчо мисли. И рекли му помагати до грл своих, тачиу да не касни мисли своее. И ишал до Кроја града са триста коњик ва одеждах ^{И пришал до Кроја града ва турских чалмах} и завијачех, како турци носет на главах; а неколико људеи оставил на планинах на тврдих мјестех, куде могли турци уткати. Амесу своего сестричића посла напред у подобију турком до Бега са 1 коњика санџаку назвавши добри дан. Дал му му лист от Скендер-Бега поведајушчи пришчавије свое у цареву здрављу са великоју славоју на отачаство свое. И ванегда Скендер-Бег пришал, пушчен са добреју волеју у град, понјеже носил лис царев. — И бил ва весели са санџаком, одал му град и васе оружие градское. И понегда услишали обаватели оное земли, сашли се вси до Скендер Бега са радостију великоју, занјега би паки јему дали отечество свое. И видел Скендер Бег јако васе по волји јему било, посла по они људи, кое бил на горах оставил. И васкоре пришли: и удрили на турке и побили их. И не остал ни един. ^{Скендер побил турки ва отечество свое} И по путех послал по горах људи, да никто не проидет до Дренопоља, да гле не даду докле се он не приуготови. А људи по мјестех

и селех кричали гласи великими бити витези турки погане неживајети јединого о свободу нашу. "Свобода ах! наша мила,,", свобода наша. — И побили турки и жени и дети их; толико их мало остало, за кое се Скендер-Бег узмоли и кои се отели крстит и вјеровати ва Хѣ (христа) ти остали. И тако вазел Скендер Кроју град а васе околне власти и села. И поставил на горах њѣ воин избраних да бране турком прити до Арбание с војскоју. Турци, кои били по других градах, и тели се бити; али их побито не остал ни един. и ванегда се до Скендер бега набрало (285) во³⁵ много і а'вѣнїи і ѡ іши по'дравляюци ѣ. і именьюци ѣ своѣѡ-телѣ ѡ насѣлаа погѣскаго. і поче³⁶ к ни³⁷ говорїи скѣдѣвѣ рече³⁸ сѣ, вѣ³⁹ вѣ⁴⁰ вѣ⁴¹ довере вѣдомо моѣ мѣлаѣ вѣдѣ. і витези а'вѣскїе ка⁴² мо³⁷ покѡны ѡцѣ⁴³ вы⁴⁴ порабоцїѣ ѡ проклѣтѣ црѣ мурѣ і мене емѣ і со вратїю моѣю ѡ роѣство да⁴⁵ вы⁴⁶. хотѣци мирѣ-ствоваѣ ѡ проклѣтаго. имѣти севѣ і кѣ⁴⁷ вѣ мѣлюци і ѡче⁴⁸ свое зѣмлю а'вѣскѣ. і како сѣ проклѣтѣѣ ѡ слѣжи⁴⁹ вѣрно. і грѣло свое не врани⁵⁰. і хрѣтїѣ вѣрю нїш рѣ⁵¹ негѣ коева⁵². то ѣ всемоу свѣтоу асно вѣмо³⁸ на вѣнѣ моѣ слѣвоу не глѣда⁵³. і мало ѡ нѣ хаѣ⁵⁴. вратїю ми³⁹ мѣлѣ потрѣти⁴⁰, і мене хоте⁵⁵ такоже ѡчїни⁴¹ ѡче-ство ми ѡза⁵⁶. і мнѣ і вѣ⁵⁷ вѣ⁵⁸ пла⁵⁹ гѣки ѡчини⁴². і мнѣ вре(ме) тѣ жалѣѣн есмѣ на срѣцѣ свое тѣлѣ. і ннѣ время прїло ѣ⁴³ не сто-ѣ. нѣ докле проклѣти на нѣ не прїшо⁴⁴. і мамо бѣ пѣоцинка і срѣцѣ ннѣ доврѣю зацо нѣ жа⁴⁵ своѣ ннѣѣ. і грѣла і дѣти наша і зѣмлю ннѣ хоцѣмо⁴⁶ быти ѡ свое істоѣ. а не ѡ тоу⁴⁷ды ка⁴⁸ тоу⁴⁹цѣ готовнѣ мѣла вѣдѣ да іцѣмо свое а не тоу⁵⁰же. і бѣжѣю помѡцїю во'мемо свою зѣмлю тѣчїю да смо ѣдино како сте ѣно вы⁵¹ при ѡцѣ моѣмѣ. і⁴⁴ і⁴⁵ рекли вѣ⁵² да бѣ да бѣ, а мнѣ а мнѣ, і вѣ то днѣ ѡбѣстѣни⁵³ петрѣлѣ грѣ і мѣсто, і ѡдали гѣ вывѣши⁵⁴ во градѣ з доброу волею⁴⁶ скѣдѣрѣ вѣгѣ да'дара і дрѣге тоу⁵⁵рїкн пѣсти⁵⁶ дароваши⁴⁷ а кои⁴⁸ ктели и ѡстѣли тѣмо. такоже пе-

35) воишке 36) речи 37) нам 38) но он 39) моју 40) от-
 роваѣ 41) сатворити 42) сатвориѣ 43) на свободу нашу 44) на-
 шему 45) тогда 46) надеждеју волеју 47) даровавши их, въ рук. ш
 исправлено изъ записаннаго а 48) кои хотели остати тамо, држали их како
 свое, да се крсте

тра^а ве гра^у ђчини^а, тако^е і стеа^ѡ гра^а не кте^а старшій довро-
во^{не} да^а възв^а его сілою нши. по се^а заповеда^а кр^ѣтити сестре-
ца^а 49 своего, а^амесѡ, ко^а вы^а давно пото^ученъ і дръг^ѣ много зѡло ^{скѣаі еѣ кр^ѣти}
крѣщено і доша^а мѡ на помѡщъ евреінь мо^асе^а, крѣщенныи во х^а. <sup>амесѡ сестри-
ка своего</sup>
мр^ѣн храври на нѣ много посла^а стоа^ало, по се^а ѡвсе^а (об.) глеме^а
сва^а гра^а стоа^ащи на високо^а стѣни. і хте^а его т^уци и^а довро-
во^{не} ѡда^а скѣдерѡ. а^ан единъ не да^а глѣще. а^альпыше 50 на^а съ че-<sup>црѣ мѡра^а вса^а-
шн^а ѡ пораже-</sup>
стію ѡмрѣти, неже^а срамѡно на свѣтѣ жи^а. 51 црѣ мѡра^а то^ага вслы-
ша^а зане 52 ва^а пашѡ пора^ажено 53 ѡ а^акѡла, вы^а 54 ве^ами жалѡбы. і ѡ скѣдерѡ і
посла^а 55 покансара до кр^ала ѡгр^акаго вл^асалава просе^аци м^ѣра, с^а ѡ мѣрѡ с кр^а-
а^а вл^асалава ѡ
а^аль, і да врати деспото^у гю^агѡ, с^амѣдерево. і гоню м^ѣсию. сирѣ^а ^{повра^ачи^аю зѣ-}
косово і скопѣ до во^ага^аскіа земан і ђчини^а тако кр^а вл^асалава. <sup>авсерѣскіа дс-
потѡ гю^агѡ</sup>
а^ан мѡра^а жалѡбы вы^а чю^аши цю мо^у скѣдерѡ ђчини^а. мысли^а
всю вѡску свою ѡврати^а на скѣдерѡ. нѡ дошла 56 зимѡ. і да^а по-
кой до проліт^ѣ.

Скендеръ вѣгъ прише^а по^а скатогра^а.

На поч^акоу проліт^ѣа скѣдерѡ вѣгъ прише^а възими^а ѡ тѡро <sup>скѣаі пави^а
т^уску зѡло</sup>
сва^атогра^а, нѡ ло^убарди велики^а не имѣвѣ. расла^а 57 кѡскѡ ко п^алѣ і
пленѡвали і палили і секаи зѡло то^урскѡ ѡко^а сва^а гра^а. 58 люди
се^аски пришли до скѣдерѡ вѣга м^ѣлаши іго да престане да і злѡ
не чини за^ащюто на^а сирѡмахо^а чинишѣ а м^ало то^укѡ. і преста^а
скендерѡ вѣгъ на молѣніе нѣ. і ра^ашири^а себѣ г^ад^аство ко^а імѡ і
ѡцѣ дръжа^а. ѡко^а мокре гѡрѣ, да^а до в^алгарне до дав^ара. ко^а
его ѡцѡ мѡра^а вы^а ѡзм^а. да^али скендерѡ кѡре^а 59 а не была^а его ѡца, <sup>скѣаі еѣ ђчи-
ни^а со^аѡ</sup>
і дръг^ѣ мѣста много ѡ тѡра^а ѡзм^а. зна^а 60 до^авре скѣдерѡ вѣгъ
проти^ав себѣ бы^ати гото^ав велико^у кѡскѡ тѡскѡ. то^аго ра^а ђчини^а
совѡрь ко ѡ^аци^а на^а морѣ в^ан^а. і м^ѣлиа^а сѡсѣдѡ ско^а кн^ѣзовѣ ѡ
помѡщъ проти^ав то^укѡ. ко^а кн^ѣзи многа^аци в^али прѣ с то^уци.
тѣ кн^ѣзи в^али на^а вѡрѡ, арані^а со^ап^аа гѡл^ѣи, кн^ѣзь македѡски, андрѣ

49) сестричишча 50) болше 51) на свет живъети 52) јако
53) поражен 54) бист 55) вст. Мурат 56) пришла 57) не
имел разсла 58) вст. по том 59) жокреју 60) знаваше

топчилъ, гюрѣ стрѣ. ивѣ вѣкови. степѣ чрноуацѣ, ѿ ілѣрикѣ (286) сирѣчь ѿ авалона. і дръгѣ много конѣ тоуѣ уставляѣ писати а
 овѣщали всѣ скендерѣ помощь дати. По сѣ кнзѣкоѣ всеѣ сѣ рече.
 тѣмъ еѣ еѣмъ
 кнзѣкоѣ
 мнѣ кнзѣ велициѣ братѣ наша. і все воѣство зацю то добре
 знати⁶¹ і мыслѣи како еѣ некѣренѣ і вѣре і рѣ не дрѣмѣмъ црѣ.
 і поравоти⁶² еѣ скоѣ невѣрныѣ словѣ много хрѣства. і на нѣ
 саде мысли коѣ еѣмо ѣ ішоѣ земли кѣ вы нѣ ѣлови⁶³. ѣкоѣ вы⁶⁴
 ѣлови⁶⁵ і ѿца моѣго⁶⁶ своѣю хитрѣю і вѣры не дрѣжаѣ. кѣ⁶⁷ вы⁶⁸
 со ѿцѣмъ ѣговорѣ. дабы нѣ не тоуѣчи⁶⁹. на то⁷⁰ нѣ потѣрѣчи⁷¹, і
 зѣмлю нѣшѣ оуѣзѣ вы⁷². добре знате мѣлаа моѣ вѣмъ. что ѣчини⁷³
 братѣ нѣшѣ срѣлѣ і вошнѣкоѣ вѣгарѣ, грѣкоѣ венетѣ. с дръгѣ мно
 гѣ, ѣ аѣи такоѣде і ѣ екroppѣ, все ѣвѣство⁷⁴ скоѣмъ і хитрѣстю.
 ѣвѣщаниѣ⁷⁵ дарѣ, клѣтвами і лажамѣ своѣми, ѣ мало вѣтѣство⁷⁶
 і то⁷⁷ нѣти какоѣ сѣ рѣ і племена ірѣли⁷⁸ ѿмановики. како нѣ
 нѣши дѣды і прадѣды нѣшѣ кѣ⁷⁹ ни глѣдати. зацю не выѣло про
 стѣши і нераѣумнѣши люди на всеѣ свѣте ѿ нѣ. нѣши дѣды нѣшѣ
 сѣ нѣ ни за нѣѣники хѣтели дрѣжаѣти. глѣдати⁸⁰ ѿ ца соуѣ порасли.
 ѿ раѣвоѣ і хараѣстка цѣ сѣ чинѣли⁸¹ тамо ѣнѣ поче⁸² хараѣмѣтво⁸³
 раѣвати, гѣ ѣво крѣма хрѣтиѣноѣ, межѣ совоѣу мѣрны не выли і
 тѣ онѣ проклѣтиѣ почели раѣвати на морѣ. і по сѣхѣ і поче⁸⁴
 сѣвѣ црѣѣ почнѣ. вѣдѣши⁸⁵ хрѣтиѣне немѣрне межѣу совоѣу і ѣко
 вы вѣ мѣла моѣ братѣ все і ѣчинки⁸⁶ сказѣваѣ требѣвало вы
 мноѣа дѣмъ. чѣмѣ сѣ добре скѣдѣ проклѣты, і с такіѣ⁸⁷ раѣво
 ники, нѣе се нѣ грамѣта ѣнѣ. ѿ свобѣд і воѣноѣ нѣшоу, хрѣтиѣскѣ,
 коѣ не юнѣство⁸⁸ скоѣ але ѣвѣство⁸⁹ тоуѣдѣ зѣло і гѣтво ірѣди⁹⁰
 і ѣзѣ. і тоѣмъ⁹¹ добре мыслиѣ намъ. (об.) і глѣдати цѣ е оуѣчи
 ниѣ ѿманѣви дръгѣ і нѣ не поѣщѣи. і ни ѣ чѣ ѣу⁹² не вѣроѣѣ ка
 ко самоѣоу врагѣ. знѣ ѣ добре неѣа і неговѣ вѣрѣ. ⁹³ зацю сѣ і
 ѣ ѣмѣ слѣжиѣ не мѣло лѣта. і много сѣе нѣше хрѣтиѣске гѣ на

61) знате и мыслите 62) нашего 63) также 64) но тај 65) обе-
 щаниѣмъ 66) а тоѣе 67) произишли 68) глѣдајуши 69) и
 за то их от свое земли люде изагнаши како свакого злѣго чѣловѣка 70) по-
 чинѣти видѣше 71) злѣа начинѣния иѣсказѣл 72) таковѣми 73) ви-
 тежѣствомъ 74) требѣуѣе 75) вѣст. подобѣетъ 76) лажну вѣѣру и клѣтѣву

негѣмъ вѣри⁷⁷ превари⁷⁸, і 78 гл҃ѣо нѣ ѡзлѣ. цю⁷⁹ і вы виднѣ і чѣ-
сте. на всѣ днѣ того бала⁸⁰ і нѣ се чѣвати. ѡ него⁸¹ салѣ люди і
кѡске много. а мы ни четвѣртѣ чѣ⁸² толико ѡчинити не можѣ
према немѣ. ⁸³ али то ѡ мене не чѣ⁸⁴. зацо тоуѣци свою всю
мылѣ і надежоу телеснѣ і дѣшевно сѣнѣ на сѣваю имѣю. і ктѣ ѡ
ни вѣшлѣ⁸⁵ хр҃тїа оуѣлѣ. то лѣпши прѣ бѣгѣ. ⁸⁶ зацо нѣ тѣ про-
клатѣ⁸⁷ мѡхамѣ напїлѣ. і за то ѣ ни много на вѡсци⁸⁸ і всѣ
їдѣ да крѣ кр҃тїаскѣ рѣлнѣваю. да се їю залѣ спсѣ али⁸⁹ хр҃аннї
лѣпши имѣ ѡ ни правдѣ і сѣ і закѣ бѣжї. али цю много гово-
рї⁹⁰ ѡкау вѣ лѣкаство. немѣ⁹¹ ниїнаго посла на свѣтѣ, цю не
мѣ договѣ і сѣлѣ лѣскнї іпраїї і ѡчинїї. ктѣ ѡмѣ мѡдро по-
чатн. зацо⁹² мѣ жребѣ ср҃ка прїнде ѡ вѣ. али нѣ їна рабѣта за-
вранѣ⁹³ то ѣ лѣжанїе покѣ много пїтїе, неѡченїе лѣнѣ, а с тогѣ
всѣ залѣ нѣ дохѣ зацо свѣа рабѣта мѡчна сал і непѣна таковѣ
чиннї. а ктѣ⁹⁴ цю знѣ і ѡмѣ сѣ мѣ і лѣно ѡчинити. а кѣ⁹⁵ і с
трѣдѣ, али то нѣ вѣла бѣно да имѣмо на ѡмѣ мѣста тѣвѣа і
жрѣла тѣна. і пѣтовѣ мѡчнѣ ѡ макѣїе. кѣ нѣ чѣваю ѡ всѣакого
непрїатѣла. дрѣго⁹⁶ грабѣ і мѣста ѡтѣвѣртї ѡгнѣ і пѣшкѣ і лѣ-
ли вѣрнѣ і ѡрѣжїѣ, і хр҃анѣ да не вѣдѣ ничтѣ ѡ градѣвѣхѣ
оскѣно. і ѡ менѣ не мыслити тогѣ⁹⁷ вы сал затѣорнѣ ѡ грабѣ со
своєю вѡскою. цю⁹⁸ сѣте прѣдѣ прѣ непрїатѣли тоуѣци. ілн дѣ со-
крѣю гдѣ ѡ шѣ⁹⁹ ілн да глѣдѣ с кѣ планитѣ¹⁰⁰ на тоуѣки а ѡнн
како, ѡнн, моѣ люди вѣжѣ і секоу. і ѡ ровѣство вѣдѣ.¹⁰⁰ і жита нїше
пали.¹⁰⁰ (287) їстинѣ вы говорѣ,¹⁰⁰ їа вы тогѣ не моглѣ трѣпѣти
ѡко вы свѣздѣ¹ вы, і ѡко бѣ дѣ да воудѣ всѣгѣ на ѡчїю непрїа-
тѣ² нѣ с вѡскою своєю стоимн, і сѣ ш нимѣ вытн. ѡко ѣ і вѣще²

77) на негову вѣру и клетву 78) так и 79) како и сами чувствуете и
видите 80) нужно е 81) зашто 82) дво 83) супротивъ ему
84) се тому я не чужд 85) множитъ 86) изде 87) лжепророкъ
88) у нихъ много воиновъ 89) а мы христїани имѣмо вѣру свету и законъ
свет, чисто и право пресвѣтїе трѣхъ Божество познахомъ, а немже и крестї-
хомсе, на что много глаголати 90) не имѣми 91) по тому ждїебу
92) возвращаетъ 93) кои человекъ 94) аще 95) другие 96) гдѣ
97) планины 98) воде 99) пале 100) глаголю
1) и везан 2) аще и множаство

оу нѣ вѣске аѣи сѣ оу нѣ юнаѣи савалею і правдоѣ. ако вѣ і не
 мокаѣ тѣра раѣити малеми шѣи люми нѣшими. нѣ бѣжею помѣ-
 щію і юнаѣство, і твердыми планинѣи і мѣсты коѣ мы знаѣмо.
 нигдѣ и міра не дамо днѣ і нѣщію, виюци и докле почнѣ ве-
 га натра, с цѣтою і сраѣтою свобѣю великою, каква мѣ давно не
 была ѡ хрѣтѣ. него вставити много вѣсѣды³ да се готовимо
 всѣ съ ѡрѣжѣи і коми. да чекамо непрѣтѣла готовѣ да нѣ не
 застане спѣци. а кѣде⁴ нѣ застанѣ готовѣ прѣтиѣ себе воудѣ
 мѣ жа⁵ своѣ грѣсти. Ба же мѣи мѣ милы витѣзи і славно во-
 ѣство цѣ вѣте не говорѣи воли поѣ ѡ витѣства. іво ѣ виюци са
 с поѣаѣи ѡ свободоѣ нѣшѣ. цѣ га бѣ да⁶ мнѣ, то і ва ѣнако срѣ-
 щѣ вѣдѣ і вѣ і ѣ. і какѣ теми почѣли быти вѣрныѣ ѡ всѣ і по-
 слашѣи всѣ срѣѣ своѣ і снаго⁵ витѣи ѡ воноѣ своѣ. коѣ во-
 нѣсть моѣ мѣлаѣ вѣла мѣлаѣи ѣ⁷ нѣ всѣ цѣ ѣ на свѣте. тѣ чи-
 нѣте докле і еѣи живѣ ѡ нѣ істинѣ вѣ говорѣ. га бѣ нѣшѣ воу-
 де с нѣми аѣе всѣ срѣѣ своѣ і мыслѣ к нѣмѣ ѡвѣиѣ. і еѣе нѣ
 молю да мѣ ѡ всѣ слѣшѣте вѣрно. а на послашѣнѣи і вѣры всѣ
 работѣ стѣ. га оу⁸тревоѣи договѣрѣи і ѣчѣи. а га ѣ⁹тревоѣи⁶
 десниѣю і мечѣ вѣрѣи до послашѣнаѣо часа. не страшѣте вѣске
 еѣо великѣ. мы с нѣи вѣѣмо ѡ своѣ істоѣ. а ѡ цѣѣ нѣше да ѡзѣма
 ѣ не мы нѣгоѣе. на чѣ бѣ бѣ не помѣже а гаѣ⁷ скѣндѣрѣ вѣ то
 і⁸воролѣ⁸ во⁹глаѣ⁹ всѣи еѣи⁹ глаѣсѣ. аминѣ аминѣ. бѣ да то да
 вѣдѣ скѣде вѣ нѣшѣи вѣдѣ, на всѣкоѣ вѣсѣ. на поѣаѣи тѣки і не-
 приѣте¹² (ѡб.) вѣры нѣшѣ хрѣтѣанѣствѣ. По сѣ вѣста¹ кнѣзѣ арѣнѣи
 шнѣи чѣ да¹ скѣдѣрѣ помѣщѣ на тѣрѣи. тѣ всѣи вѣ рѣченѣи кнѣзи
 да¹² мѣ помѣщѣ. потѣ са раѣшли кнѣзѣи до домоѣи своѣи. По ма-
 лѣ днѣ дошѣла¹⁰ вѣѣствѣ скѣдѣрѣ с великѣи стрѣхѣи кѣ ідѣ ва¹² па¹²
 с вѣѣю кѣскою до еѣи¹⁰. оу⁸страшѣи¹¹ сѣ¹¹скѣи лю¹¹, і почѣли вѣга
 тѣмо і сѣмо. како нѣ¹¹ вѣва і¹¹нова лю¹¹мѣ. і вѣѣши то скѣдѣрѣ
 говорѣи і мѣ і словѣди¹ да не пла¹¹ а нѣи страше. тѣ¹² стрѣ на ко-
 пи¹²а прѣсто, а не на нѣ доѣре юнѣ. арѣванѣсе і срѣли ѡстаѣи¹ і

3) него оставимо много бесѣдити 4) когда 5) снагоѣу 6) по-
 требно буде бранитѣсе 7) когда 8) изговѣри 9) вѣст. тогда 10) приѣде
 11) множиѣеѣу 12) зашѣо ма страх

[illegible]

- 13) болшеє 14) пјешака 15) чести 16) над нима постави
17) с обoиx 18) вст. јунаке наше 19) с великом виком и да удре на
турке и на друго мјесто с таквом наредбом стави потају 20) рашири 21) се-
стрик 22) Никанор 23) ис потае 24) се готове 25) дозивали
26) возгласали 27) да се пљови управе не помијешају 28) учине 29) ни
по што 30) турке 31) на релу 32) с тож четом

ликии ншии ѓморили виюции защо было и³⁸ мноство, али не ѓка-
ноу³⁴ скендер ивести скон³⁵ ѿ потае юнаки не трѣнѣ словоди³⁶
и скендер скачюци прѣ ними на коню с копѣе, сръца. на шѣ
страу и на ѿвѣ помагала тѣрѣ. мноство. а ншии юнаство тѣрки
навншали. дръга потаа искочила скендерока кринѣши ѓдарилан на
тоуке си³⁷но. тоуци оустраши. а ншии³⁸ направили.³⁷ и почѣ тоуци
прѣхѣ ка жаве. ншии³⁸ гонити виюци и сѣвоуци не забавляю-
скѣаи еѣ да³⁹
ю³⁹ко хѣнѣ шѣ
ѿ тура ѓви³⁹
ци довитоу и³⁹ тура ма³⁹ оутекло и ка се ншии вратили, ѓлез-
ли ѓ таво. гѣ тѣрци стоили, и та мноство воѣстка нашли и
ѓзе³⁹. то все скендер вѣ юнако да³⁹. кро поуша и ѓвѣрди, и пан-
цира. и шлемова то севѣ ѓз³⁹, потѣ скендер вѣгѣ заповѣда³⁹ юна-
ко да к неу всѣ прѣдоу. и много и беседи³⁹ ѿ юнако бою. потѣ
и па³⁹ блѣда-
ри ба дашиу
повѣдѣ юнако
свои
блѣгари блѣгоу за то витѣство. и всѣ юнако за цѣ доврѣ вию.
скендеръ писа³⁹ до кнѣзѣ сусѣ. и писа³⁹ до сѣсѣни⁴⁰ кнѣзѣ блѣ-
дарѣи⁴¹ ѿ помощь. Кро влѣславѣ ѓгрски и по³⁹ски рѣки-
ноу³⁹ мирѣ со црѣ мѣратѣ. Борзѣ потѣ владисла кра³⁹ ѓгрски и
по³⁹ски, ѿказа³⁹ мирѣ црѣ мѣратѣ. а то ѓчини³⁹ и с повелѣнѣ папы
евгенѣа. кра³⁹ посла³⁹ деспотѣ гюргѣ сръскомѣ (об.) да ѣ готѣ
на тоуки. Писа³⁹ кра³⁹ влѣславѣ до дѣспота гюрга⁴² сръскаго да
ѣ готовѣ своею вѣскою деспѣ ѿписа³⁹ мѣ молаши да дрѣжи с тоу-
ци мирѣ. до .ѣ. лѣ. како оуговори³⁹. кра³⁹ не хѣтѣ слѣхѣти⁴³ дѣс-
пота. дѣспѣ наготови³⁹ (выскоблено) на помѣ³⁹ гѣ лѣ. Писа³⁹ влѣ-
славѣ и до скендер вѣгѣ ѿ помѣ на туке хѣтеши на негѣ всю
вѣскоу спѣтити противѣ црѣ муратоу. скендер вѣгѣ шѣща³⁹сѣ то
ѓчини³⁹. и ѓчини³⁹ сово³⁹ сво³⁹ ѿ епѣрѣ скендер вѣгѣ и моли³⁹ сѣсѣни³⁹
кнѣзѣ сръски ѿ по³⁹цѣ кралю влѣславѣ. ѣны говорили мѣ ѣа сами
тоуко врани и еше и кра³⁹ ѿ на помѣщи просѣ. не може дѣ. нѣ
дрѣзи гѣволи³⁹ и шѣща³⁹ кралю помѣщѣ посла³⁹ти⁴⁴ съ скендер
вѣгѣ. ѣи лѣ на речени³⁹ дѣнь до варѣ⁴⁵ кѣ кралю. Мѣра³⁹ црѣ тоу-
ски совра³⁹ вѣскою свою ѿ аси, и европи, и было вѣске с ѣ тисѣ³⁹
Папа и дрѣзи латини шѣща³⁹ли были мѣрѣ прѣти и врани ѿ аси

88) турок	34) не указали	35) свое	36) наши	37) се ис-
правили	38) наши их	39) и уже	40) ближних	41) благода-
решчи им	42) георгия	43) слушати	44) дати	45) варни

преко мора на њѣ страу прехѣти тоуко мѣратѣ на помоуцѣ. ^{па^а рѣски^а і^а}
али како сѣ ѡдаено латини сренролювци. і тѣ показали. ^{а^ани ѣзи^а дари} вѣзали
ѡ тѣракѣ да^а. і не ста^а на своѣ словѣ ка сѣ были ѡговорн^а. Та- ^{ѡ тура тако-}
коде родошани сѣгали. І црѣ цриградски вси гдѣли владѣслава ^{ѡра і рашани і}
краса. на своѣ зло і вѣнѣ погивѣ^а. по сѣ вѣли ѡгри готѣви а тоу- ^{црѣ цриградски}
ци еше готѣвши ѡ вѣтарѣ на реани, і пришло кѣ саранию. ки-
де^а а^аку^а коевода тоуски коскѣ великѣ чемѣ се не нали како сѣ
ѡговорили бы^а, с латини і грѣци да вране. ѡ асе тѣрко прехѣ-
ти мѣратѣ црѣ на помоуцѣ. ^{црѣ мѣра по-} а^анкоу^а коевод^а всю коскою правн^а. ^{разн^а ѡгри}
і не могѣ ѡ срамоты ѡстоупити натрѣ, ѡударил с тоуци нѣ ^{кра^а владѣслава}
ѡ злы чѣ. кра^а владѣла^а погивѣ^а. і кадинѣ свѣтѣни і вси ѡгри і по- ^{ѡни}
лаци. а^анкоу^а ѡтекал до деспота гюрга сръскаго, деспѣ его не
пѣсти^а. докле мѣ граке сръскѣ поврати^а. ко^а бы^а ѣзѣ^а. али потѣ
помирили. ⁴⁶ (289) Скендер Бег не могѣ скоро прити на помоуцѣ
крау, зашчо му деспот не дал чрез своју земљу с војскоју про-
ити. Услишал Скендер, како угри побити и краѣ погинул, за .г.
дни от жалости ни јал, ни пил, ни с ким говорил. Потом се мастил
на деспота и попѣни му зато мало не васу Мисіју. — А деспот
пожалисе цару Мурату о том на Скендера; и рекал га Мурат от
Скендера осветити. А Мурат шчо учини по боју над Владиславом
краѣм угарскиѣм: разгрѣл и разсверепил, умислил васу војску
своју оправити на Скендер Бега, градове и мјеста у Албаниі вое-
вати, а наипаче Крой град, занје глава јес васеи Албаниі. И
прежде хотел Скендер бега лукавством уловити. И писа сије до
Скендера от Дренопоѣа: Амурат Отмановик цар Турски, от ва-
стоко до запада государ, Скендер Бегу подхравѣнику моему не-
благодарному ниединого здравја и добра тебе от Бога да не будет,
и прочаа. И не могу тако много писати, како ми си много сагрѣ-
шио: и шчо си ушчини Мухамеду, с таго отступил. И шчо си
учинил Бали-паши у серблиех на Морави. И шчо си му учинил
томужде паши у Епиру. И шчо си учинил деспоту оцу жени моее.
И да ми си говорил, дал бих ти ја отачаство твое Албаниу и еше

Скендер пле-
нил деспоту
земљу

друге земље до ликодонѣи. И шчо си ешче нагорше учинил, приел јеси злују веру каурску и заборавил си добро мое; а имал би и вешчше добра от мене, ашче би другојаго чинил а не отступал Мухамета. А шчо си учинил, зашчо сам те ја жалио и нијесам им бил заповедал, да ти велми не похарају земли твоее. И того ради не сам послао велику войску на тебе и имеушчи о тебе надежду, егда орамејешч (sic?) неразуміа, промишљају о тебе инако, ашче ми кажут, да се ешче држиш того неразуміа; ашче ли к мене придеш, примеши от мене првују милост и љепше и свое отачаство будеши держати са миром и ни от кого будеш бојати се своего неприатеља. Разумеи љубав моју ва писме, а друго ти кажет мои Нерадин чауш. И за тим буди добар, ашче имаши разум. Писато у Дренополје мјесеца Иуниа от рождества Христова љет 748. МД: — Скендеру кога пришао сая лис, расписал сая лис по васех християнствах кнезом, саветујушчи се что да сатвори. — И различно људи о нем разумјели; тачиу Венети разумјели и познали Муратово лукавство. И отписал Скендер Бег Цару Мурату: — Воин Исус-христовје вјери Георгие Черноевик, Кастриотов син, кнез Албански, Мурату цару Отмановику и кнезу турскому. Тлкујеш ти на листу своем Мурате различно, сиреч како бих ја бил твој подхраненик и близ тебе узростал а послед бих тебе сагрешил. Ја то трпением и самирением приношу, гледајушчи на твоју старост. Того ради и лис и посланика твего са радостију приемљу и ниње, зашчо ти болше смеа приносиш, не жели гнјева. И нишеши напред у листу, зашчо сам вјеру оставил и тебе за добро јако бих не познал. И паки ме до себе привлачиш лепими твоими словеси јако магнит железо, да остаљају вјеру и душу своју погубљу, јако безумни человек, и да приму преластнују твоју вјеру: вижд что чинит, Мурате, шчо е за чудеса твое вјере и что имате тврдо основание писаниа и вјере вашее? И шчо е лаживи чаровник, шчо ви зовете пророком вашим Мухамета? Зато ли зашчо вјерујеш ва одинаго Бога? То и враг зна и васи људи, да е едан Бог; али ка Богу прити чрез кого на тому светом, зашчо несмо достоини ему молити се за грех и за безаконна

Скендер от-
писал Цару
Мурату
Арбанашки

наша телеснаа, тачюу чрез Исуса Христа спасаетеа нашего има-
ми ваход ка Богу. На что глухому васуе глаголати, понеже не
чуе. А што ми поминаш, шчо сам тебе учинил, жалост своју
мучно кому умироти. Правдоју сам на тебе руже свои ваздвигал
за жалост и за невољу велику, зашчо ми е о велик поса ишло,
првее о душу мою, коју сам был дал у бесовске руже ради вери
ваше, (289) дрѣго Ѡ⁴⁷ ѡчѣство моѣ кое ми^ѣ вы^ѣ оузе^ѣ. і вратію
потрѣлъ.⁴⁸ то^ѣ ми за нечѣство вѣошъ. за^ѣщо сѣ^ѣ бѣ^ѣ ѡзна^ѣ,⁴⁹ і за^ѣщо
сѣ^ѣ ѡчѣство свое Ѡ твоего поравоцении сководи^ѣ. ю^ѣ во^ѣшѣ^ѣ нѣсѣ^ѣ
могѣ^ѣ трѣпѣ^ѣ. а⁵⁰ ты нѣ^ѣ еси іѣ^ѣ вѣolkъ агѣце. сково^ѣ Ѡмановнѣу
ѣ^ѣ на^ѣ все богѣство^ѣ і^ѣ на^ѣ свѣтѣ. кою^ѣ ты Ѡ^ѣ све крѣпости своѣи сн-
лою^ѣ вѣзѣмашъ. тачюу вы^ѣ ты хте^ѣ сѣ^ѣ ѡ^ѣ сквожѣнію^ѣ бѣ^ѣ. а^ѣ всѣ^ѣ дрѣ-
ги^ѣ лѣ^ѣ да^ѣ сѣ^ѣ тебе ровокѣ^ѣ того^ѣ рѣ^ѣ молю^ѣ остави^ѣ тѣ^ѣ прѣнію^ѣ Ѡмано-
вни^ѣ. ктѣ^ѣ тѣ^ѣ не^ѣ вѣ^ѣ, а^ѣ с^ѣ вѣске^ѣ цю^ѣ сѣ^ѣ вы^ѣ ѡгрева^ѣ.⁵² не^ѣ вали^ѣ, а^ѣ мнѣ^ѣ
тѣ^ѣ слѣ^ѣ не^ѣ пиши. кѣ^ѣ ми^ѣ ме^ѣ нѣгда^ѣ не^ѣ напрати^ѣ.⁵³ іма^ѣ. кѣ^ѣ члѣ^ѣ
свою^ѣ срѣцу^ѣ ко^ѣ мѣ^ѣ помагѣ^ѣ. с^ѣ кою^ѣ і^ѣ ѣ^ѣ, с^ѣ помѣцию^ѣ і^ѣжѣю^ѣ, справ-
лю^ѣ. не^ѣ прѣци^ѣ Ѡ^ѣ неприѣла^ѣ сѣ^ѣкѣта^ѣ і^ѣ помѣц^ѣ, ни^ѣ поко^ѣ, ни^ѣ мѣра^ѣ.
тѣ^ѣмо^ѣ на^ѣ нѣ^ѣ вѣтѣства^ѣ своѣ^ѣ, писѣ^ѣ. пѣ^ѣ шаторѣ^ѣ, лѣ^ѣтѣ^ѣ ѡ^ѣцѣ^ѣ. (Ѡ-
мановнѣ^ѣ прѣтѣки^ѣ не^ѣ ли^ѣ дѣвока^ѣ сѣ^ѣ его^ѣ срѣцу^ѣ і^ѣ смѣло^ѣ і^ѣ река^ѣ
дѣ^ѣ ти^ѣ скѣдере^ѣ зѣ^ѣ смѣртѣ^ѣ, і^ѣ рѣне^ѣ славы^ѣ вѣ^ѣ на^ѣ шѣю^ѣ дѣ^ѣ дѣ^ѣ.⁵⁷ і^ѣ
сѣ^ѣ ти^ѣ ѣ^ѣ при^ѣ гровѣ^ѣ хоцѣ^ѣ вы^ѣти. да^ѣ те^ѣ по^ѣнаю^ѣ дрѣзи^ѣ каѣ^ѣри^ѣ ѡ^ѣ пѣк-
лѣ^ѣ. і^ѣ Ѡправи^ѣ дѣ^ѣ вѣске^ѣ вѣ^ѣ до^ѣ ѡгрѣ^ѣ зѣ^ѣли, а^ѣ дрѣгѣ^ѣ до^ѣ скѣдѣ^ѣвѣ.
с^ѣ фѣри^ѣ вѣгѣ^ѣ кѣлики^ѣ і^ѣ крѣпѣки^ѣ члѣ^ѣкѣ^ѣ. коѣ^ѣ поразѣ^ѣ скѣдѣ^ѣ вѣгѣ^ѣ на^ѣ
валѣ^ѣ глѣмѣ^ѣ мокрѣше^ѣ. іма^ѣ фѣри^ѣ вѣгѣ^ѣ вѣске^ѣ, і^ѣ нѣ^ѣ, бѣ^ѣ сѣ^ѣ ѡтѣлѣ^ѣ
такѣ^ѣже і^ѣ мѣстафа^ѣ вѣ^ѣ кѣ^ѣ иша^ѣ смѣ^ѣ на^ѣ помѣцѣ^ѣ. с^ѣ таковою^ѣ вѣскею^ѣ
поразѣ^ѣ ѣ^ѣка^ѣ с^ѣ малѣ^ѣми^ѣ ѡтѣклѣ^ѣ. на^ѣ ѡ^ѣ арванасѣ^ѣ богѣства^ѣ
зѣ^ѣло^ѣ мнѣ^ѣ. тѣ^ѣра^ѣ еѣ^ѣце^ѣ во^ѣшѣ^ѣ за^ѣ кое^ѣ ѡкоу^ѣ ѡ^ѣжѣ^ѣ скѣдѣ^ѣ вѣ^ѣ. ѡ^ѣвѣ^ѣто-
ка^ѣ потѣ^ѣ мѣстафа^ѣ вѣ^ѣ цѣ^ѣрѣ^ѣ мѣ^ѣрѣ^ѣ да^ѣ вѣске^ѣ не^ѣ чѣ^ѣ на^ѣ скѣдѣ^ѣ до^ѣ
пѣі^ѣна^ѣ времени. вѣ^ѣ тѣ^ѣ лѣ^ѣтѣ^ѣ лѣ^ѣка^ѣ захѣри^ѣа^ѣ кнѣ^ѣ словѣ^ѣски^ѣ Ѡ^ѣ і^ѣири-
ка^ѣ ѡ^ѣвѣ^ѣ Ѡ^ѣ снѣвца^ѣ своего^ѣ дѣ^ѣка^ѣна^ѣ радѣ^ѣ.⁵⁹ ѡ^ѣдомѣ^ѣ. занѣ^ѣ лѣ^ѣка^ѣ не

47) за 48) потровав и умори 49) бога истиннаго познавал 50) да
51) виша от васего богатаства 52) уграбл 53) превратиш 54) кажу
55) Цар Мурат 56) прочитавши јего 57) тамо 58) наши 59) по-
реди

імѣ снѡ ⁶⁰ веліки приате і помощни скѣдеровъ, выѣ вѣдѣ дрѣгому
 запнѣ дчини^н скѣдер і лѣка. кѡ ѿ нѣ преже брѣ вѣ плода, то на
 него приде ѡчѣство егѡ. кѡ ѿ нѣ жиеѣ остане ѡдала^н ⁶¹ ѿ вѣн-
 ѣда ю граѣхъ ^{вѣнѣтѡмъ ко ілі-} него ро^н на тѡже. і того рѡ лѣка (об.) оувиѣ выѡт ѿ дѣкаѣна снѡ-
 рѣкѡ ца своѣ. І по смѣрти тѡ лѣки захариева, вѡсака мѣти лѣки^н да-
 лѣ ѡ вѡраѣу вѣнетѡ і предадѡ і граѣе да нѣ вране вѣ ілирнѣку. ска-
 скѣдерѣ бѣ ко- дар, дѣкаѣ, вѡлесію дринасть. і дрѣгнѣ ⁶² гра^н на імѣста. І того рѡ^н
 бѣаѣ вѣнѣти і скѣдерѣ почѡ вѡнѡ с вѣнетѣ. і порази^н трикратѣ вѣнетѣ. нѣ ре-
 83ѣ граѣ ко ілі- кою срѣни дрѣмѡ. і вѣа мнѣхѣи кнѣзѣ вѣнѣски^н ѡтекаѣ на мѡре. по
 рѣкѡ цѣрѣ мѡра па^н сѣ скѣдерѣ вѣ вѣзѡ до вѡвоко^н не вѣреченѣ граѣе. ⁶³ Олышеци цѣрѣ
 ко^нскѡ на скѣ- мѡра трѣнѡсть скѣдерѡвѡ с вѣнетѣ. послаѣ карагѡзѡ ⁶⁴ с вѡскою
 дѣра до а^нваніе. скѣнде^н чѡшн вѡскѡ тоу^нску изыша^н ⁶⁵ ѿ скѣрскиѣ зе-
 карадѡѣ кѣ по^н стаѣн. По^нвалнѣ на копѣа карагѡѣ вѣ, і пѡвѣль дѣкаѣнѡ, і коѡ се
 паѣ і пѡвѣль дѣ- ѡдарнѣ згѡднѣ пѡвѣль карадѡѣзѣ вѣ дѣно ѡко і паѣ с конѡ і ѡсе-
 канѡ каѣ мѡ пѡвѣль глаѣу ⁶⁷ і ѡзмѣ с него злата і сребра, рѣ чрѣвенѣ дѣка-
 скѣдерѣ бѣ по- та ⁶⁸ цю нѣ ⁶⁹ было. По тѣ вѡске сто^нмѡи готовѣ вѣвѣ ѡдарилнѣ снѣ-
 рѣзнѣ тѣки но. али тоу^нци ѡстрѣшилнѣ. зацо нѣ выѣ завнѣнѣ ⁷⁰ сѣрдѡрѣ карадѡѣ
 скѣдѣ прѣше^н повѣени ѿ нѣши до єдинага. мѡста вѣ жикѡ дѣхѣлнѣ. было тоу по-
 до ілірнѣкѡ вѣнѣнѣ тѡра рѣи живѣнѣ похвѡтанѡ тѡра рѣгѣ. По сѣ вѣтѣстве вѣрѣсѡ
 скѣдерѣ вѣ ѿ а^нваніе до ілірнѣкѡ. словѣски^н краѣ. і застаѣ а ⁷¹ рѣси-
 паѣ вѣнѣтѣ вѣ граѣ. вѡлесію жалокаѣ вѣ^нми тѡ ⁷² скѣдерѣ. і говѡ-
 рнѣ, ѡ нераѣумннѣ і нехѣртѣански^н лѡ. сѣ^н своѣ крѣве жѣла. ⁷³ по
 сѣ вѡскѡре вѣнѣтѣ с нѣ дѣмирнѣ^н вѣици егѡ до вѡрѣспрѡвѣдѣ вѣжѣство
 паѣ^н цѣрѣ мѡра і срѣциѡ. Мѡстафѣ ѡкѡпнѣ, рѣ чрѣвенѣ дѣ. і дрѣзнѣ главѣнѣши ѿ-
 сокѣра вѡ^нскѡ на кѡпнѣлнѣ вѣскѣ. Мѡра цѣрѣ по і^нтоу^нвлѣннѣи вѡске ко а^нваннѣ. выѣ вѣ^нми
 скѣдѣра гнѣва на скѣнѣдѣра. ѡмылнѣ всю снѣлѡ своѡ ѡвратнѣти на скѣдерѣ
 вѣга. і послаѣ до асѣе по вѡскѡ анѡто^нскѡ і вѡскѡре мѣ прѣшло ⁷⁴ рѣ
 лѡ европнѣ ⁷⁵ цю выѣ поковѡваѣ. совѡраѣ нѣ лѡ, і пошоѣ (290) сѣ ⁷⁶ до

60) вст. а беше
реченнѣма градовѣма

61) отдажали

62) вст. таких

63) Скадар с више

64) Караѣѡзѡ бега
Скендернѣ и утврѣди

65) изидѣ

66) от земли

67) и Пѡвѣль и главу Караѣѡзѡу одѣече

68) вѣ

69) на нѣм

70) бѣше убиен

71) гдѣ

72) тои град

73) желите

74) от Асѣе вѡиске

75) а от Европе

76) вст. цар Мурат

а'ва'нѣ съ вѣскою тѣшкою і си'ною. І ещѣ нѣга⁷⁷ паша і всѣ ѿрѣ мѣрѣ еі-
 съвѣтнѣко' свои. сѣ гла' рекла гла'со' докле мое мѣло ровѣе боу-
 мо тѣпѣти шке срамотѣ цо на' чини онѣ ра'вѣни скендерѣ. ко
 бѣгѣ і мѣхаметѣ і мнѣ со'га⁷⁸. і чини⁷⁹ се невѣрнѣ, ю е пришло
 время да запла'ти своєю гла'вою. цо е на' чини⁸⁰ за⁷⁸ не радениѣ
 на'ши зацо га смо за ма⁸⁰ дрѣжали еѣ нѣсмо богаты ѣдра і
 кра'леви повоевали. і земаю нѣ дзе'л. і грѣдени нѣ смирили. егда не
 можемо шего злодѣя посмѣри. коего са' похрани⁸¹. на свою
 цетѣ і трѣбнѣсть, і гра'е мой во а'ва'ни. своєю ко'лею дзе⁸². ако сѣ
 і неговѣ ѿца вы⁸³ али нѣ бѣ і мѣхаме' мѣне вы⁸⁴ да⁸⁵ за мой про-
 мышлѣниѣ, і вѣнеѣ то ірека⁸⁶. съвѣтнѣцы его ѣни говори⁸⁷. на-
 прѣ да пошла неколико вѣске да ѣхѣде. гдѣ вы вѣска велика па⁸⁸
 і да ѿтѣмѣ по'товѣ і жѣрѣла ко'да ко'ска мо' прѣти на тѣдѣ мѣ-
 стѣ. паше напосле рекли. да иде на'прѣ вѣске третѣе ча⁸⁹. да шседѣ
 прѣвѣше гра'е во а'ва'ни тако і чини⁹⁰, пошло на'прѣ, ѣн, вѣске.
 і па⁹¹ по свѣтиградѣ. за нима по далеко⁹² мѣрѣ ѿрѣ со всею вѣ-
 скою⁹³ иша⁹⁴. приша⁹⁵, стра' великѣ до епира. на'наче⁹⁶ никога та
 велика вѣска на ни не была. <sup>скѣла' еі сло-
бо'ди' свои і
бчи' і до ко'д.</sup> Екендерѣ ве⁹⁷ то ни ма'ло не стра-
 шило. ⁸⁵ і сководи⁹⁸ своѣ глѣуци всеѣа ве⁹⁹ка вѣска ѿ мале вѣске
 ра'вѣнена была. зацима¹⁰⁰ има'мо ѿ ни кога вы¹⁰¹. а на' ѿни не имаю
 кога. зацо е і много а на' ма'ло. дали мѣ¹⁰² і сѣседѣ кѣзѣви сло-
 вѣци помо'щѣ. все вѣскѣ има ѿ скѣдерѣ до во'м. еі. ⁸⁸ кою вѣскѣ
 своєю бчи¹⁰³ великими і широкими словы¹⁰⁴ і маю вы¹⁰⁵. коѣ речи тѣ
 штавалѣ ра' продо'женнѣ. напосле по всеѣ рекѣ ове речи до
 всѣхѣ, аще вы ѿ ка' ко' вы¹⁰⁶ ко'мѣ вы¹⁰⁷ сѣце страши'мо. ⁹⁰ излези¹⁰⁸
 ѿ вѣске. і сокрысѣ (об.) ѣе высте тоу'ци не іна'шли ⁹² да не по-
 гинѣ. ⁹³ зацо а' нѣврати лю¹⁰⁹ шко' некога¹¹⁰ гедеѣ инѣтѣниѣ на
 а'малика. і никтѣ ѿ вѣске не нѣнаша¹¹¹ ко' вы¹¹² ѣстраши¹¹³. зра'ци
 на лѣце і всеѣу¹¹⁴ хра'во'ство е. ка' се не во' толѣке силѣ тѣске не

77) вст. бесѣдил 78) са 79) тамбор учинила 80) пома'е
 81) сякою 82) и приде 83) вст. јако 84) прежде не пришла 85) устра-
 шило 86) зашчо ми нѣмаю 87) Скендеру 88) ѣтѣ вѣске все шчо
 ишел до бо'ја 89) словеси 90) страши'во 91) изиди 92) на-
 шли 93) погибѣши 94) зашчо ја избирају люди јунаке на турке 95) ино-
 гда 96) шиде

мога^т се скѣдер^ь вѣ довѣдати. всѣ вѣсци тѣрскѣ, коликое е^{ст} на
 лѣве, тачію тѣ зна^т, кѣ сѣ прѣ дошли і вѣсе^т 97 сватогра. того
 ра^д ъчинн^и потаю ѡ тевѣды мѣтѣ, і заповѣда^т. и^и вѣ шгнл стѣм
 тихѣ, да че^{ст} тѣра изыде до вою а не всѣ. зане зна^т и^и е^{ст} еце
 црѣ тѣрскі на трау недѣлеко. і ѡдели^т маладї юнѣ, і на ногѣ вртъ-
 за^т кон^и зна^т во ѡдѣаніе кмѣско. м. і надчи^т и^и како імаю чини^и
 і говори^и, кога и^и вѣу тоу^рци пыта^т и^и хранѣ носимо до гра^д кроѣ
 і шлѣ недѣлеко стра^т тѣрске. нѣци на товарѣ хрѣу. тоу^рци и^и
 скѣде^т е^{ст} по-
 ен^и тѣскѣ
 страу
 веде^т 98 кѣ вы^и на стра^д, каза^т оу^и кѣски, пошлѣ тѣра, ф, на ко-
 ни і поче^т и^и хвѣтѣ. онѣ воронили 99 ідѣци ѡ пѣ пов^и тѣра стре-
 ла^и і хрѣва^и влѣ двѣ стѣ. і ѣнаго бега ѡви^и. За анатоліе кѣ вы^и
 на стра^д ѡвѣли тѣрци вѣ вѣсци цѣ чини ѡ стра^д. пѣша воѣщи-
 са кѣ потаѣ. посла^т дѣ конни^и да привѣу онѣ кметы со хрѣною
 всѣ. доклѣ тѣрци пришли онѣ ѡтекли до своѣ ѡ горѣ. тѣрци гна^т
 по нѣ до самы горѣ. гдѣ была ѡ потѣ вѣска скѣде^т вѣгова. онѣ на
 тѣрки ѡдари^и, мѣло и^и ѡтеклѣ і хорѣгве и^и ѡзѣли. і кога дрѣга
 вѣска тоу^рска то і чѣла 100 стѣли ѡ тавѣ всѣ воѣщи^и войке велике.
 црѣ мѣра^и при-
 ша^т по^и свѣ^и
 гра^д
 Потѣ мѣра^и црѣ прише^т съ великою вѣскою, і ста^т по^и свѣтигра-
 дѣ. кѣ вы ѡстраши^и свѣци во гра^д, і нареди^и вѣскѣ кѣ імаю съ
 всѣ стра^д гра^д і въ кѣпѣ всѣ ѡдари^и. велили 3 ѡколо гра^д, 7 дни
 ра^дличне игре творѣце, 8 по сѣ посла^т мѣра^и до гра^дскаго влѣтѣла.
 да предадѣ ми гра^д на доврѣ волю, ю вѣло кѣ вечерѣ 4, аще тако
 сотвори^и великиѣ дары прийма^т, і всѣ кѣ сѣ, (291) во гра^д 6. і
 своѣ 5 цѣ імаю во^ино и^и все вѣзѣ. і доврѣво^ино пѣти гдѣ хоцѣ.
 аще^и хоцѣтъ і пѣноу 6 быти все и^и на воли ѡчиню. 7 аще ли тако
 не ѡчѣне 8 во^имѣ гра^д сѣлаю. а нѣ вѣдѣ мѣчити. мѣками конѣ 9 ни-
 тѣ нѣ сѣ чѣли. петръ влѣтите^и река^т до посланецѣ тоу^рскѣ. 10 съ
 зна^т гра^дскаго 11 насмѣвши^и 12 дова^т стѣ чѣ сѣ и^и вѣрали тако раво-
 ты нѣщю да ва не чѣе ни дѣнѣ, а нѣ мѣ юнѣци кѣ сѣ во гра^д. і

97) а вѣвѣлих турци

98) се бранили

99) из

100) услышала

1) на градъ

2) чинили веселье

3) творили

4) бѣше вечер

5) кои шчо яма волю да вѣнесе из града и да поѣу гдѣ кто восхошчет добро-
волю

6) под мною

7) на волю сатвору

8) сатворет

9) кое

10) рече турским посланником

11) са зѣда от града

12) смејушчѣсе

та̃ ва̃ съвѣтоую цю наскорѣ¹³ вежіте ѿ гра̃. докла̃ ва̃ мо̃ юнаци
 есѣ ен¹⁴ли. да̃ ка̃ не повѣю. і ктѣли и̃ повѣити дрѣзи мнѣши яко
 ѡхѣ естъ. і¹⁵ не да̃ петръ. ꙗлюши, воѣно послаѣ цю хѣщѣ говорѣ
 на всако̃ мѣстѣ. і тако с мирѣмъ ѡшли¹⁶ ѿ гра̃. Рагнѣва̃ се мѣ- ѡрѣ мѣрѣ по-
 ра̃¹⁷ зѣло зане послацами¹⁸ его смѣ чинили. посла¹⁹ дрѣгнѣ; аа̃ дрѣгнѣ вѣ
 поутѣ до гра̃ і тѣ же посаѣство̃ во днѣ. петръ и̃ ѡповѣда̃ не ѡтѣ ѡ петра
 са̃ ѡ роженіа моѣ ѡ коѣ выли лю̃ за̃рели. і ѡ цю вы са̃ прѣ лю- і гра̃
 ми срами̃. і на томе вѣмъ гдѣ наговорѣ. докла̃ са̃ жѣ да не
 имаю чти²⁰ ѿ доверѣ люде̃. а то съветѣю вѣмъ гдѣ мѣрѣ, нека
 те натра̃ до дренопѣла.²¹ цю вы ѡ стра̃у і ѡ теплотѣ і прахѣ і
 болѣни не ѡмра̃тѣ. і лю̃ бѣжи̃ не мѣчи. аще хѣщѣ да̃ мѣ гѣ²²
 лѣта приложѣ. і вѣнега сказа̃ посаѣ²³ са̃ слова мѣрѣ ѡ сѣца̃ се ѡрѣ мѣрѣ ра̃
 траса̃²⁴ і ѡ мѣро̃ не мога̃²⁵ ни говорѣ. і вопросѣ свои̃ лю̃ гнѣва̃ се̃ і
 ка̃²⁶ ве̃ цѣ̃ вѣтѣ тѣ ра̃вѣнически̃ пѣщѣрѣ. Видѣши²⁷ скѣде̃ вѣ, слова̃ тѣмъ са̃
 и̃²⁸ хѣщѣ съ всюю силою гра̃ве рѣати напаче кро̃е гра̃. мѣли̃ сво- свои̃
 ихъ гра̃ски̃ вѣлѣтѣли̃ да̃ не во̃е. і да̃ ра̃чмне вра̃ оѡца̃ва̃
 са̃²⁹ и̃ помога̃ съ ва̃, цю наво̃ше ѡзможе. Мѣра̃ наготова̃ лю̃ ѡрѣ мѣрѣ по-
 хѣтѣли̃ се̃скіе напре̃ тѣрѣци ко гра̃у. да хѣтѣли̃ напре̃ погнѣнѣ. стѣпнѣ гра̃
 по ни̃ да ѡдарѣ тѣрѣци на ѡморе̃ гра̃данѣ * пѣсти̃ ко гра̃у³⁰ ко̃ ратѣмъ
 вѣстѣ на високо̃ стѣни̃.³¹ ѡшли̃ и̃ гра̃не ве̃ свое̃ цѣтѣ. (об.) дрѣгнѣ
 днѣ пѣсти̃ ко̃скѣ мѣра̃ на гра̃ со̃ вѣнѣ стра̃. а с̃ дрѣгнѣ стра̃ни
 постаѣи̃ велики̃ пѣшки вы̃³² гра̃. і проѣли̃ га̃ не мѣло̃.³³ скоро̃ и̃
 гра̃данѣ ѡшли̃ і ѡмѣ дырѣ за̃праѣи̃³⁴ но̃щю. Мѣра̃ за̃повѣда̃
 проповѣтѣи̃ по̃ все̃ вѣсци. проповѣтѣи̃ вели̃³⁵ гласѣ̃. ктѣ на̃прѣ̃
 на гра̃ і̃лезѣ³⁶ со̃ хорѣгѣю да̃ вѣмѣ. р. аспри̃, дрѣгомѣ̃, и̃, тре-

13) да вѣскорѣ 14) ни̃јесу чули и 15) но 16) пошли посла-
 ници турски 17) цар Мурат 18) послаником 19) и посла другѣ
 посланики ва̃ днѣ, но Петар ни̃ ѡдговори: не сам научил чинити 20) да не-
 ма̃м части 21) ка̃ Дренополю да̃ гдѣ от̃ страха и̃ от̃ теплоте̃ и̃ праха̃ у
 бо̃лезни да̃ не упѣне и̃ аде̃ умре̃ 22) час̃ хѣта̃ продѣжита̃ 23) посланик
 си̃ја̃ словеса̃ 24) се̃ цар̃ потресе̃ 25) не̃ може̃ 26) како̃ би̃ вѣзети̃
 27) видѣвши̃ 28) јако̃ Мурат̃ ошче̃ с̃ вѣсе̃ју̃ сило̃ю̃ гра̃д̃ рѣати̃ 29) обѣш-
 ча̃вѣсе̃ ни̃ помагати̃ ванесу̃ (?) елико̃ на̃бо̃льше̃ возможе̃ *) въ̃ рук̃. было̃:
 хѣтѣли̃ 30) во̃нску̃ на̃ гра̃д̃ 31) вѣст̃. но̃ 32) за̃гра̃дили̃ 33) ве-
 лики̃м̃ 34) из̃идѣ̃

темѡ ꙗѣ. По сѣ дигнѡли ко граѹ ениѡари. спѡбгла³⁷. азап спа-
хѣ. мало не всѡ вѡска. аниѡари стрѣлѡли і пѡшѡ не далѣ са
никѡмѡ на граѣ показати і нѡта. і дрѡзи тѡци пенѡли на граѣ по
ле³⁸вицѣ і по чи³⁹ кто могаѣ со всѣх⁴⁰ страна око⁴¹ граѣ. Оѡци⁴² во
гра⁴³ доврѣ врани⁴⁴. рѡцѣ и⁴⁵ по ле³⁸вицаѣ ѡсѣкали с кошѣ іс пѡ-
шѡ. стрѣлѡли камѣни на ни вѡлѡли, ѡгнѣ съ смѡлою і сѣрою на
ни пѡца⁴⁶.³⁵ тако и⁴⁷ ви⁴⁸ вѣ днѣ. і тако ѡ гра⁴⁹ ѡсѡбпи⁵⁰ тѡрци
съ вѣ⁵¹кою тѡцетою своєю.³⁶ Фернѣ паша река⁵². ю сѡщѡ³⁷ і во
гра⁵³ трѡни пѡсти⁵⁴ пакѣ ꙗ⁵⁵ лю⁵⁶ съ лѣ³⁸вицаѣ. і ѡзѡ³⁸ вѣ⁵⁷нѡ цѣтѡ
ѡдка сѡ ѡтека⁵⁸ с⁵⁹ горы до вѡске. мало вѡсци мѡрѡ⁶⁰ запѡкѣда⁶¹ по-
чинѡти. пакѣ всѣ на граѣ ѡдарити не зрѣти на тѣ повѣитѣ. і кѡ
скѣдѣ⁶² кѣ⁶³ покѣ
тѣки ѡще погнѡ. тѣ кѡ ѡ каѡра погнѡ всѣ ѡ рѡю воуѣ. тѡчиѡ да граѣ
во⁶⁴мѡ. Окедѣрѣ імѡци дѡговорѣ с петрѡ і сѡци⁶⁵ми во гра⁶⁶. і
лѡци і⁶⁷врани⁶⁸ лю⁶⁹,⁴⁰ ꙗ⁷⁰, мѡсем ѡсѡви⁷¹ ѡ потѡ, на ткѣрѡ мѣстѡ,
гдѣ тѡрска кѡска ко граѹ дигнѣ. ѡ ѡ траѣ⁴¹ крикнѡкши⁴² ѡдарѡ.
на тѡке. такоѡе вѡ ѡчините і⁷² граѣ спрѣ.⁴³ тѡчиѡ раѣумно⁴⁴ граѣ
чѡкѡте. і вѡгѡ тѡци ко граѹ пошѡли. ѡ тѡ чѡ і⁷³ тѡны мѣстѣ скѣ-
дѣрѣ ѡдарѣ⁷⁴ з готовѣ⁷⁵ лю⁷⁶ми ѡчинѡвши вѣкѡ великѡ ѡ траѣ на
таборѣ. тѡрци не могаѣ вѣзо исправити (292) ѡни кѡ пошѡли
быѡли на граѣ. вѣлѡнѡ до вѡске. а гра⁷⁷не ѡвориѡши вѣта граѣ-
ски ѡдѡри на ни стрѡга.⁴⁵ а скѣде спрѣ. і тоуѣци се помѣша⁷⁸. і не
могаѣ вѣзо исправити а нѡши и⁷⁹ вѣли.⁴⁶ Окедѣрѣ вѡгѡ вѣдѣ⁸⁰
свою вѡскѡ трѡнѡ да⁴⁷ и⁸¹ знаменѣ ѡсѡповѡти⁴⁸ назѡ гдѣ мѡсѣ
стѡмѣ ѡ потѡю.⁴⁹ с пѣци тоуѣци вѡеци⁸² потѡе ѡко є і не ѡнали не
ктѣли и⁸³ тѣрѡ. граѡдѡне сѣ цѣ⁸⁴ вѣрѡли ѡ граѣ. наѡзѡмавши⁵⁰ миѡ
вогѡства и⁸⁵ ра⁸⁶ны⁸⁷ спрѡ⁵¹ тоуѣски⁸⁸ кои⁵² носнѣ на граѣ. а помѣнѡли
вы⁸⁹ ѡ страѣ⁹⁰ пѡ гѡдѡ, когѡ сѣ вѣрти⁹¹ а не было за вѡ ѡ граѹ
тѡчиѡ ꙗѡф.⁵³ окрѡ⁵⁴ мѣщѡна. тѡрѡ налѡчи⁹² пѡ гѡдѡ ѡвиѡны.⁵⁵

85) турци	36) вст. по сем	37) јаже сущи	38) увели	39) цар
Мурат повеле	40) јунаках	41) о траг	42) вником великом	43) вст.
ударите турком	44) с разумом	45) у та час сущи	46) даде	48) от-
ше град и удрише страга на турке	49) у потан	46) побии	51) и различных управ	
ступити натраг	53) вст. јунаках	50) наузели	54) кроме	55) начинали турак
52) вст. турци				

побиених

Ѥ. По сѣ мѡрѣ стоѣа с мѣрѡ по градѡ не мѣло днѣ. съѣѣтѡ-
 цѣи⁵⁶ свои цю имѣю чинити. Екѣдѣрѣ восхотѣ⁵⁷ едѣ вы мѡрѣ скѣдѣ еѣ еи⁵⁶
се в нѡмѣ с
тѣца
 омрази⁵⁸ тоу вѡскѡ своѡ. ѡдари⁵⁹ на тѡрки нѡщю⁶⁰ по мѣдѡ. і тѡ и
 много пови⁶¹. вѣ свое ни мѣле цѣты. а енегѣ сѣ кѣ воѡ в нѡщѣ
 тѡрѣ опрѣви⁶². сѣдѣрѣ ѡстѡпи⁶³ назѣ, тоу и нѡ пови⁶⁴, Ѥ, ра-
 нены было дѣици толико. а нѣши погинуло, мѣ, толико было ра-
 нены. Мѡрѣ кѣици около мѣле ра⁶⁵тѣ гѡви лѡ⁶⁶ свое много, ктѣ
 ѡстѡпи⁶⁷. а⁶⁸ да кѡври не радѡю запоеда⁶⁹ пѣ вѡсци⁷⁰ на гра⁷¹
 удѣити. Да мѡ цѣ⁷² не чѣ сѣдѣрѣ додѣже гра⁷³ шнѣ во⁷⁴ме, на-
 реди⁷⁵ на сѣдѣра фѣри⁷⁶ пѣу. сѣ, еѣ вѡске⁷⁷ да с нѣ ѡдари. когѡ
 дрѡзи на гра⁷⁸ пѡдѡ. Екѣдѣ гѣ⁷⁹ то чоу⁸⁰ рѣ тѡу вы⁸¹, і готовѣсѣ
 на фѣри⁸² пѣу, ю вѡска фѣризѡка пришлѣ вѣи⁸³ сѣдѣроке. Посла⁸⁴
 фѣри⁸⁵ пѣ до сѣдѣрѣ вѣга да ѡдѣре ѡни дѣѣ копѣями кѣ двѣ ки- фѣри⁸⁶ пѣ по-
ѣдѣ сѣдѣрѣ
еѣ на конѣ
 тѣзовѣ. Екѣдѣ ѡпокеда⁸⁷ вѣскѡре сотѡроу тако. ішли на поле
 ѡвадѣ⁸⁸ гдѣ сѡ ѡговорѣи. нѡ сѣдѣрѣ не давѣи своѣ глѣци вѡдѣ⁸⁹
 еси нѣ не⁹⁰ тѣв⁹¹ за нѣ вѣти. нѡ⁹² нѣ за тѣвѣ глѣу своѡ поло-
 жити тѣв⁹³ тѣчю вѡскою прѣвѣити, а нѣ се вѣи, Екѣдѣрѣ ѡпоѣ-
 да⁹⁴, а лѣѡдѣрѣ кѣли цѣрѣ нѣшѣ маке⁹⁵нѣ⁹⁶ гѣрѣ всего сѣ⁹⁷та. (ѡб.) скѣдѣ ѡпо-
ѣдѣ своѣ
 вѣ⁹⁸ се⁹⁹ сѣ с порѡ цѣрѣ инѣйскѣ такодѣ і рѣйскѣ кѣсѣ чѣи¹⁰⁰. і
 дрѡзи¹⁰¹ мѣѡзи. а мѣне чѣмѡ имѣ¹⁰² тогѡ вѣрѣи рѣ¹⁰³ ѡчѣ¹⁰⁴на своѣ і
 ѣшегѡ. зѣщо ни сѣ сѣ сѣвѣ рѡди¹⁰⁵. но і вѣ. а неприѣтѣ¹⁰⁶ вѣ рекѣ
 а се вѣѡ воѡ нѣрѣши тѣ словѣ. Посла¹⁰⁷ до фѣри¹⁰⁸ пѣ аще еѡ го- скѣдѣ еѣ по-
ѣдѣ фѣри¹⁰⁹
пѣу і вѣи¹¹⁰
 то¹¹¹ а¹¹² ю на конѡ¹¹³ чѣкѣю. Потѡ и¹¹⁴шли шнѣ двѣ в¹¹⁵ полѣ. сре-
 ли¹¹⁶ копѣями цю¹¹⁷ мѡ конѣ скѡчитѣи, ѡдари¹¹⁸ гѣ сѣдѣрѣ¹¹⁹ ѡ
 чѣлѡ і прѡшло конѣ на дрѡгѡю страу. і пѣ с конѣ мѣртѣ фѣри¹²⁰.
 сѣдѣрѣ скѡчи¹²¹ до своѣхѣ. докѣ се тоу¹²²ци не сѡ поправили,¹²³
 да ѡдари на нѣ.¹²⁴ тѣрѣци граби¹²⁵ фѣри¹²⁶ пѣу, али¹²⁷ мѣтѣѣ і по-
 мелѣи. тогѣ сѣдѣрѣ ѡдари¹²⁸ на нѣ.¹²⁹ і пѣло тѡрѣ повиены. Ѥ.

56) сѣвѣтуѡущи 57) хотѣл 58) вѣ ношчи 59) вѣст. тогѡда 60) на-
 траг 61) нѡ 62) воишѣству 63) воиш 64) когѡда 65) ѡба
 66) тѣ вожд 67) вѣст. і не подобѣет 68) на мѣ за тѣбѣ да биѣмѣсе и
 глѣвѣ нашѣ 69) македѡнски 70) бѡрмѣсе 71) творѣи 72) ии
 73) на конѣѣ 74) на 75) шѣѡ бѡѣе 76) и удѣри 77) вѣст. фѣриѣ
 пѣшу 78) исправили 79) вѣст. у толико 80) уграбили 81) прѡш.
 82) на тѣрке

живѣхъ ѿхвачено. ꙗко і раменѣ много ѿтекло. тогда привѣгло и
 тѣра до скендера і тѣра⁸⁸ (въ рукописи выскоблено) і гра і
 вnega тоуци вни⁸⁹ свою несрѣщу. Почели съѣзжати цо да чине
 рѣли аще не ^{може}мо сілою то мѣмо ханю⁸⁴ ѿчинѣ. дигли до дн-
 вра дрѣгаго грака,⁸⁵ не далѣ сва⁸⁶ гра, і сѣ естъ⁸⁶ на высоко стѣ-
 ни, в нѣ же нѣ истѣчныя водѣ тачю вѣстерна. да в ней вѣ⁸⁷ схо-
 десе ѿ покрѣ і дѣдовѣ, та гракъ і мѣто тоуци ѿесе⁸⁸, і зѣ про-
 вни⁸⁹. а на то же грако⁹⁰ вы⁹¹ стѣши петръ вѣречены. Посла⁹² до
 него мѣра бѣсѣваѣущи емо велики дѣри аще мѣ довровоѣне граке
 вѣречени дѣси.⁸⁸ і вѣѣ ва дѣрѣю ко бѣтъ⁸⁹ во гра. петръ ѿпра-
 ви⁹⁰ послѣи ѿко і прѣ, но едѣни⁹⁰ нѣ давѣчи. нѣщю хѣди і наѣчи⁹¹
 и⁹¹ кога і в коѣ время і на коѣ мѣстѣ оударе⁹² на гра тоуци
 дрѣгошко наѣчи⁹³, да ѣвнѣ пса. і вѣврѣже⁹³ во шнѣ⁹⁴ водѣ. и ѿчи-
 ни⁹⁴ они окамѣ чѣкъ тако⁹⁵ ра⁹⁵сека⁹⁶ пса і кѣнѣ і вѣврѣга⁹⁶ кѣ водѣ,
 і вnega вни⁹⁶ граѣанѣ. препѣли⁹⁶ вѣ⁹⁶ми, і ра⁹⁷умели⁹⁷ нѣ давѣцѣ ме-
 жѣ совою выти.⁹⁸ советова⁹⁸ что теорити.⁹⁹ вни⁹⁹ говорили да прѣ-
 мо довровоѣне, докле нѣсмо вѣ⁹⁹ми цѣра прогнѣвали.¹⁰⁰ зацо вѣ¹⁰⁰
 водѣ выти не мѣмо. такоѣде і прѣ¹⁰⁰телѣ имѣмы междѣ совою. ви-
 деци петръ прѣтѣснѣ како се люди (293) на зло прекѣваѣају, учи-
 ни до них тије речи: шчо је слѣпота срѣца и очи ваше ослѣпила,
 славни јунаци братио наша, и тако малије ради работѣ сами себе
 и град и отачество свое хошчете врагом отдати, Скендер бега
 славнаго господара нашего опечалити и Мурата лукаваго не-
 приѣатеѣа како змиѣа ва ниѣдра своѣа положити. Где е он кому
 своѣу риѣч и вѣру своѣу удржал. но мисли днѣм и ношчију, ка-
 ко би јад свои на глави ваше пролиал а от вас слѣбодних робове
 учинил. Гледате добре, како бисмо преко толику войску ваоруже-
 ну с миром изишли а кому бисмо могли ва очи от срамотѣ глѣда-
 ти, ако би нас Мурат са миром и пропустил, али син его Мех-

Петар бесѣ-
 ди граѣа-
 ном.

88) и серб	84) хранюју	85) града	86) иже и тои јес	87) вода
сходи даждевна	от покров домовних	88) продаси	89) јесте	90) вст.
проклети	91) турке	92) да удре	93) вст. у бистерѣ	94) проп.
95) вст. сатвори	96) устрашилисе	97) да имају издавца	98) проп.	
99) сатворити	100) разгнѣвали			

мед проклети и јунаци его нас би мирних не пустили. Знатели, шчо смо им под Сватиградом учинили, и ешче су им ране неза-
расле. Верунте ми, за оне, шчо смо им побили, от нас они жртву
Мухамету чине: после будемо говорити блеве нису они, кои су
помрли и побиени преже нас, часно се бранешчи от неприја-
теља своего. Не имам такове трудне работе, от шчо се небих
убранили и шчо би нам запрешчал, да града врагу своему отда-
мо. Ашче ли неvjерујете, ја вам молитву на првее над водоју са-
твору: ашче води ради град опчете издати, принесите мње. И ва-
нјегда принесли води, пил Петар протосигги наипрвее и рекал: от
рожденија моего тако пије сладкије води нијесам несам пил, на-
паче на таковом мјесте, где се пије слзами наполи смијешано. на
братијо отгади се пите ју. Едини пили, а други непили; но рекли:
ашче и воду и обидемо, но предатеља между нами сушчаго не на-
ћемо и ничто тинно от нијего не можемо сатворит, за нијег не-
знамо, кто јес. Петар рече: тачију будите вси единому, и знаћемо и
предатеља васкорее между собоју.—И почели савјетовати вешчша
их половина, да град предаду турком. Петар не давал и моли их
велии, да от того зла мисла престану; и не хотели того учинити, но
говорили колико нам често тако Мурат посила и моли, и одржит
нам, дондеже га не смо велии разгнијевали. И тако добровољје
турком Дабру и град Сват отдали. Мурат мјешчане пустил на
поље и да живу у мјесту изван града, (ашче) восхошчут, а ва град
турке населил; а син его Мехмед скрежетал на них зуби и ктел
их изсјешчи; на ему не дал отац его Мурат, глагољушчи: потреб-
но е на таком мјесте каурину вјеру држати. Скендер, когда усли-
шал тои зли глас, бис ва самушчени и плакал от жалости. И по
сем пришли пред нјего Дибрани и Сватоградци с плачем и са
Петром старешиноју своєю; и ставили појасе на грла своја голо-
глави и пали пред ним, а Петар оте вини (и)х оговарал. И прости
им Скендер бег јако господар мудри, а Петру била вјерна и јасна
служба; и даровал га Скендер и са частију до дому его послал; та-
чију му то зазрели, зашчо упушчавал из града да би кому с турци
бесједити, а тем турци на обешчани же и на дарех мудрих лове,

И тако Пе-
тар одал Му-
рату Дабар
и Сват град.

Скендер чул
о поданију
градов и о
пришаствију
мјешчан и
Петру блус-
титељу.

а не тачију простих, занје у таковој нужде са непријатели глаголати мудрим и старешшим.—И та град еше би се не предад турком, на била незгода ва граде: не един род ва граде, на различни. Словени то су сербли гречанскије православне вјери, а латини и арбанаси римскаго закона: едни се другвех чували. Римљани ктели вишши бити над словаки, и ва тем бил междо ими гнјев: како су ради латини почети оташч славију шаптати ва уши, и високо сједети; али ниско пред турци падају, аше и много блједословна

Цар Мурат
по утврждени
града пошам
до Дрено-
поља.
своего пишу, хвалешчесе на васуе.—Утврдивши Мурат град, ваздвигсе, поиде ка Дренопољу; пред ним паша Анадолиски, а отрагу паша Романиски, а цар посреде. Скендер их бил от суду мјест ношчију и ва дне, и остало ва Арбани турок побјених .ѿ. кроме похватаних; и колико их побјено, когда се Мурат врати из шаст-

Скендер бег
пришам паки
вазмути от
турок Свати
град.
ви Цар от Албаније.—Скендер сабрад воиску своју .ѿ. и пришам паки вазимати од турок Сват град и бил га велии. И бил на град изашам са оругвоју Моисен, на пушки и лубарди великих и

неимел, как турци, сушчи ва граде, и отбили наших от града са шчетоју нашеју.—ѿ въ дрѣгоѣ лѣто на кѣнѣ дигнѣса мѣра са до алавниѣ, имѣющи съ совою і мѣмеда сѣна своѣго ѿ себе сверѣпѣшаго. і послаѣ напреѣ ѡхѣ¹ да раѣуменѡ цю се ѡ зѣлѣи дѣѣ вали паѣу послаѣ преѣ совою. имѣющи ѣ совою. ѿ вѣске, і стаѣ с вѣскою по градѣ кроѣ и ѣсть глава все алавниѣ. но преѣ того выѣ скедѣрѣ ѡкрепнѣ. і хранѣу нанесѣ цю мѡже вѣѣ за цѣло лѣто і ѡчѣинѣ на градѣ вѣѡтѣлѣ ѡранѡкона. і даѣ мѡ людѣи и ѡбранныѣ. ѿ, и ѿ вѣали паѣ позывѣѣ на вѣ градѣне. но ѡни не ктѣѣ ісхѣѣти. Скедѣрѣ при сѣвѣ имѣѣ людѣи,⁴ ѿ, и ѡбранныѣ, і запотѣнѣ своѡ вѣскѡ на тѣннѣ і тѣвѣрдѣ мѣстѣ. і хотѣѣ ѡдарѣѣ. на паѣу, али се страга вѡмѣ велике вѣске съ ѡремѣѣ і вѣнега ѡрѣѣ⁵ пришеѣ і съ сѣѡ мѣмедаѣ вѣлѣи стрѣ покаѣѣ все алавниѣ, і стали с вѣскою ѡколо кроѣ граѣѣ ѡко выѣ на мѣрѣ зѣмѣлѣ. съ все чѣтыри странѣ тѣвѡраци игрѣ і вѣлѣи. і раѣличнѣи стрѣ покаѣуѣщи⁶ градѣнѣ. трѣтего дѣне послаѣ до градѣ-

1) уходу 2) да разумеет 3) јунаках 4) воиске избране 5) цар и мѣхмед син царев с великоју војскоју приде, страх велики показа се 6) тво-
решче и приказујушче

скаго влюбіла съ сѣ поса'стеб' да ми гра̃ преда на доврѣ волю. ^{црѣ мѣра по-}
а во'ме ѿ мене с' тисѣщи аспри. і мѣсто межѣ слѣгами мои'ми ^{ла' ло гра̃}
прѣм'. а дрѣгнѣ свакомѣ осовниѣ дѣри і доверокѣне до нѣ прѣти і
пѣти. Блю'тите' гра'скѣ не да' ни во гра̃ послаб' вѣити тѣчю прѣ ^{кайтѣ' ѿпо-}
градѣ ѿправнѣ нѣ, і рекли сѣи'нѣ не іщѣ съ црѣ глѣти тѣчю съ ^{ла' хощѣ со}
ѿрѣжнѣ звецати. Црѣ мѣра̃ нача' гра̃ вѣ і заповѣда' мѣра̃ і па-
ла̃нѣ всѣмѣкѣ аѣвѣди і ѿдари вѣти нѣ двою' страна̃ града. і пошѣ нѣ
нѣ до половинѣ гра'скѣ зѣ. тѣцѣ ра'ѣющѣ ѿ пѣтѣ ѿдари на гра̃
напрѣ прѣ совою гонѣ' хрѣтиа̃. онѣ сиромасѣ крича' сѣи'нѣ во
гра', сѣлою нѣ гонѣ не вѣте нѣ вѣ радѣ. сѣи'нѣ во гра' дали нѣ
знаменѣ да пѣю на зѣлѣнѣ енегѣ ми нѣ гра' ѿгнѣ пѣстимо мѣмѣ
сѣ' ѿ ⁸ скѣка' на конѣ ѿ веснѣ женеци тѣки на гра̃, і ѿвѣщаѣ
(об.) по' а, дѣка̃ кто на прѣ' на гра̃ съ хорѣгвою възвѣде ¹⁰ влю-
тите' ¹¹ гра'скѣ говори' до свои ¹² і во гра'. вы' во гра' латинѣ
словени арванѣси. Ница̃ не вѣте слѣвени юнаци зѣне мѣра̃ зѣ' ¹³
мѣло ра'ви' ѿколо нѣ. аѣн ¹⁴ вѣрѣю то ¹⁵ срѣца нѣшего не ра'ви'
то е нѣтѣкѣрдѣше енегѣ кѣ' нѣ вѣде ѣдина ¹⁶ мыслѣ і мѣтѣ і ме-
жѣ нами і слѣвѣ доврѣ. аще вы'мо слѣвѣ імѣли да нѣ зѣдѣ ѿвра-
не, а ми зѣ'ва не врани'мо. пристѣне ¹⁷ і слѣвѣнѣ нѣ вѣде гдѣ
ѿврани'мо ѿ ра'вѣнѣ гра'. зѣне чѣ'тѣ всѣка довра коѣ въ трѣнѣ
пѣхрани. лѣсно ѣмѣ нѣжѣ трѣпѣти. ко крѣмѣчѣ не'наѣ воѣнѣ
морскѣ і корава' погѣви і сѣ погѣнетѣ. того ра̃ нека рѣка ¹⁸ нѣше
вранѣ сѣ ра'вѣннѣ зѣдѣвѣ. да ставѣмо тѣѣда нѣша тѣла ¹⁹ за сла-
вѣ зѣ, како сѣ вышѣ пѣса' по хрѣтианѣ. і шли ²⁰ на гра̃ ѣнича'ри,
по нѣ аѣзани. по нѣ спахѣте. Градѣне нѣ во скорѣ ѿвили, нѣ много
нѣ съ гра' повѣли. пѣ ѿпочѣнѣши ѿдарили на гра̃ съ всѣ стра̃
како ²¹ пѣвѣ. вѣн по лѣстѣица̃ дрѣгнѣ по дрѣвѣ дрѣгнѣ ²² по желѣ-
зѣ, вѣн ѿстѣпе, а дрѣгнѣ нѣ нѣ мѣсто пристѣупѣ ²³ кѣ гра̃. і ²⁴
градѣне вѣтѣскѣ сѣ врани'. не глѣ ²⁵ ко мрѣтѣ лежи тѣчю гра̃
вранѣ. ѿкѣдѣрѣ видѣвши чѣ гдѣ тѣрци вѣвѣ ѿ гра̃, ѿдари' на та-

7) гонѣшче	8) царѣв	9) најпрѣви	10) изидѣ	11) вст. и
видѣл	12) свои	13) по	14) то јако	15) воѣја
17) руке наше	18) телеса	19) пошли	20) јако	21) нѣе
стѣпе	23) а	24) не глѣдали		22) при-

скѣді еѣ баа-воръ конъ наша¹ по шатарѣ² іссека³. і много богѣства ѡзе⁴. вивѣши
ри⁵ на тѣскн⁶ тоуци цѣ чини оу таворѣ. ѡстаѣи гра⁷, а врати⁸ ѡ тавор⁹, нѣ съ
такѣ великою своєю цѣтою. Видѣши²⁵ хитрѣ²⁶ скѣдерѣ²⁷ ѡлачи²⁸ на не-
црѣ мѣра²⁹ ш-го шеремѣ³⁰ пау³¹ съ д, вѣске, к немѣ приста³² і мѣмѣ³³ снѣ црѣ³⁴ съ
лѣчи³⁵ на скѣ-сѣдми лничѣри, прекѣ³⁶ волю ѡчѣ³⁷ вѣнегѣ³⁸ ови ѡдарѣ на гра³⁹. Я
дер шѣмѣ⁴⁰ вѣ, мѣмѣ⁴¹ црѣ⁴² снѣ і шеримѣ⁴³ да се вно съ скендерѣ⁴⁴ да не помо-
а снѣ его мѣ-же⁴⁵ гра⁴⁶дѣно. Шереметъ нѣша⁴⁷ с вѣскою по горѣ. Я мѣмѣ со-
мѣ с коѣ⁴⁸ во-кри⁴⁹ се съ вѣскою великою. Скендеръ не зна⁵⁰ о великѣ⁵¹ вѣсци и
скѣді еѣ ен⁵² съ мѣмѣ⁵³дѣ, (294) оу⁵⁴дарѣ⁵⁵ со шереметѣ. а ѡ скѣдера⁵⁶ вѣло тѣ-
се с мѣмѣ-чѣю. ѣ⁵⁷ лѣ⁵⁸. вѣ са⁵⁹ вѣ, ѡскочила га ѡколо⁶⁰ велика вѣска мѣмѣ-
црѣри⁶¹ снѣ і дова. вѣлиса ѡвѣ⁶² тоу⁶³ довре, ю⁶⁴ вѣ⁶⁵ конѣ⁶⁶ скѣдерѣ⁶⁷ ѡмори⁶⁸. та-
ѣѣ ѡткаѣ⁶⁹ вѣ⁷⁰ нѣ⁷¹ коде і са⁷² вѣ⁷³ вѣ⁷⁴ мѣ⁷⁵ трѣ⁷⁶ны⁷⁷, напирѣ⁷⁸ тоуци цѣ⁷⁹ могоу⁸⁰ ѡ вѣскѣ⁸¹
снѣ⁸² свои⁸³хъ. ѣ⁸⁴ га⁸⁵ вѣ⁸⁶ живѣ⁸⁷ ѡхвѣ⁸⁸ти⁸⁹ли. ѡли га⁹⁰ сѣ⁹¹ вѣ⁹² рѣ⁹³ни⁹⁴ли вѣ⁹⁵тѣ⁹⁶скѣ⁹⁷.
і тоу⁹⁸ вѣ⁹⁹ скѣдеръ ѡ¹⁰⁰ великѣ¹⁰¹ вѣ¹⁰²дѣ. подалѣ¹⁰³ по¹⁰⁴ негѣ¹⁰⁵ сѣ¹⁰⁶ дрѣ¹⁰⁷гаго
кѣ¹⁰⁸на. а ю¹⁰⁹ вѣ¹¹⁰ погѣ¹¹¹нѣ¹¹², і ѡ¹¹³тека¹¹⁴ сѣ¹¹⁵ конѣ¹¹⁶ми вѣ¹¹⁷рѣ¹¹⁸ни¹¹⁹це¹²⁰ доврѣ¹²¹ ѡ¹²² горѣ.
нѣ¹²³ме¹²⁴ га¹²⁵ тера¹²⁶ рѣ¹²⁷ коѣ¹²⁸ потѣ¹²⁹е, вѣ¹³⁰ска¹³¹ его¹³² вѣ¹³³ла¹³⁴ ѡ¹³⁵стѣ¹³⁶ни¹³⁷ ѡ¹³⁸ по-
тѣ¹³⁹, не¹⁴⁰ вѣ¹⁴¹да¹⁴² о¹⁴³ не¹⁴⁴ нѣ¹⁴⁵ща¹⁴⁶ кѣ¹⁴⁷дѣ¹⁴⁸ ѡ¹⁴⁹врати¹⁵⁰. і вѣ¹⁵¹ скорвѣ¹⁵²ни, і вѣ¹⁵³негѣ¹⁵⁴
прише¹⁵⁵ вѣ¹⁵⁶ли¹⁵⁷ вѣ¹⁵⁸ о¹⁵⁹ не¹⁶⁰. і чѣ¹⁶¹ли¹⁶² са¹⁶³ его¹⁶⁴ ю¹⁶⁵на¹⁶⁶ци, его¹⁶⁷ сѣ¹⁶⁸мѣ¹⁶⁹ло¹⁷⁰, і го-
вори¹⁷¹ли¹⁷² мѣ¹⁷³. никѣ¹⁷⁴га¹⁷⁵ нѣ¹⁷⁶си¹⁷⁷ тако¹⁷⁸ несмы¹⁷⁹слѣ¹⁸⁰но¹⁸¹ почи¹⁸²на¹⁸³ вѣ¹⁸⁴ти¹⁸⁵ како¹⁸⁶ нѣ¹⁸⁷
вѣ¹⁸⁸ поче¹⁸⁹а¹⁹⁰. вѣ¹⁹¹ тако¹⁹² великѣ¹⁹³ вѣ¹⁹⁴тѣ¹⁹⁵е¹⁹⁶ вѣ¹⁹⁷ше¹⁹⁸ не¹⁹⁹ ѡ²⁰⁰тра²⁰¹ти²⁰², то²⁰³чѣ²⁰⁴ю,
і. ю²⁰⁵на²⁰⁶ка²⁰⁷ доврѣ²⁰⁸ конѣ²⁰⁹ вѣ²¹⁰ мѣ²¹¹ни²¹² жалѣ²¹³. Мѣ²¹⁴мѣ²¹⁵ жалѣ²¹⁶ за²¹⁷що²¹⁸ ѡ²¹⁹вѣ²²⁰до
ѡ²²¹пѣ²²²сти²²³ скенѣ²²⁴дера. ѡ²²⁵ложи²²⁶ на²²⁷ гра²²⁸ не²²⁹ і²³⁰ти²³¹ тоу²³²ци²³³ до²³⁴ ѡ²³⁵ дѣ²³⁶ни²³⁷. і в
тѣ²³⁸ дѣ²³⁹не²⁴⁰ гра²⁴¹жанѣ²⁴² за²⁴³правѣ²⁴⁴ли ѡ²⁴⁵нѣ²⁴⁶ дѣ²⁴⁷рѣ²⁴⁸ цѣ²⁴⁹о²⁵⁰ вѣ²⁵¹ли²⁵² тѣ²⁵³ци²⁵⁴ повѣ²⁵⁵.
црѣ мѣ²⁵⁶ра²⁵⁷ за²⁵⁸ Па²⁵⁹ ѡ²⁶⁰ гѣ²⁶¹ дѣ²⁶²не²⁶³ пог²⁶⁴на²⁶⁵ тоу²⁶⁶ци²⁶⁷ прѣ²⁶⁸ со²⁶⁹во²⁷⁰ю²⁷¹ на²⁷² гра²⁷³ сѣ²⁷⁴ро²⁷⁵ма²⁷⁶ х²⁷⁷р²⁷⁸тѣ²⁷⁹и²⁸⁰анѣ,
по²⁸¹вѣ²⁸²да²⁸³ на²⁸⁴ гра²⁸⁵ вѣ²⁸⁶а²⁸⁷ вѣ²⁸⁸ са²⁸⁹ гра²⁹⁰дѣ²⁹¹не²⁹² ѡ²⁹³мори²⁹⁴ли²⁹⁵ вѣ²⁹⁶и²⁹⁷ю²⁹⁸ци²⁹⁹ и³⁰⁰. за³⁰¹ нѣ³⁰²ма³⁰³ шѣ³⁰⁴ли³⁰⁵ тѣ³⁰⁶ци³⁰⁷ вѣ³⁰⁸
тѣ³⁰⁹ко³¹⁰ спра³¹¹вѣ³¹²и³¹³ гото³¹⁴вы. а³¹⁵ ко³¹⁶ сѣ³¹⁷ро³¹⁸ма³¹⁹хи³²⁰ не³²¹ тѣ³²²ли³²³ мѣ³²⁴чи³²⁵. и³²⁶ і³²⁷ вѣ³²⁸ли³²⁹. тѣ³³⁰
ѡ³³¹ нѣ³³² ѡ³³³вѣ³³⁴ча³³⁵ сѣ³³⁶а³³⁷ко³³⁸ гра³³⁹. на³⁴⁰ прѣ³⁴¹ х³⁴²р³⁴³тѣ³⁴⁴и³⁴⁵анѣ³⁴⁶ своѣ³⁴⁷ женѣ³⁴⁸. а³⁴⁹ще³⁵⁰ кѣ³⁵¹то³⁵² не

25) видеши	26) преко воле оца его да	27) вст. паша	28) Скен-
дербегом	29) да не може помоѣ	30) јунак	31) у колико
умори	33) јему	34) други кон под него	35) са
турци	37) скендерова	38) коју бјеше и остави	39) не знали
40) јакѣже нѣ ⁴⁰ ја	41) ва такомъ великомъ боју тѣ ⁴¹ и ⁴¹ ју изгуби		42) син
царев	43) тако лудо	44) направи	45) провали
47) на	48) вст. христиани	49) ити а турци	50) проп.
кого	52) аще ли котори		51) сва-

хочѣе гоше га мѣче нѣли неприѣтѣла своѣго. Скоро и грядане Ѡ-
вѣли Ѡ граѣ, и і'кочили и і' граѣ, х̄. оу' ѡкопѣ повѣли і' посекали⁵³
тоуке ко іще ѡколо граѣ стоѣли, а тѣ се тоуци вѣми прѣстра-
ши⁵⁴. Заповѣда⁵⁵ мѡра⁵⁶ вѣце до н̄ днѣ не іти на граѣ вѡсце. Но мѣ-
мѣ снѣ црѣъ іѡко вѣсанъ. пѣ заповѣда⁵⁷ вѣсѣ іти на граѣ і'мѣ⁵⁸,
аще ктѡ не пѡде грѣбѣ пѣлѣ, і не прѣстающин граѣ рѣлѣ вѣми. нѡ
како вѣзѡмно чини⁵⁹, тѣ мѡ (об.) і вѣло, тако мѡ вѣли⁶⁰ много
грядане вѡске лѣжалѡ школо граѣ іѡ кѡне сѣна. вѣ⁶¹ци⁶² мѡра⁶³ за-
повѣда⁶⁴ Ѡстоу⁶⁵пѣти Ѡ граѣ а⁶⁶ли сѣ цѣтою. Ѡкѣдѣрь дѣслыша⁶⁷ за-
не⁶⁸ повѣли грядане тѡрѡ рѣ вѣсѣ с тѣ вѣсти вѣсѣ. Мѣмѣ снѣ црѣъ,
сѣ сѣферн вѣгѡ рѣкѣли да іѡнѣ скѣндѣрь вѣга. іли да га вѣю іли жи-
вѣ бѣлѣ потѡ лѣно вѣсѡ а⁶⁹ванію во⁷⁰мѣмо. Оу⁷¹хѡде і сѣжнѣ ко оу⁷²те-
ка⁷³ Ѡ вѡске тоу⁷⁴ске вѣсѣ скѣдѣрь сказали⁷⁵ цю тоу⁷⁶ци мѣслѣтѣ.
Тѡго рѣ⁷⁷ скѣдѣрь прѣвѣра⁷⁸ до⁷⁹вре вѣтези, вѣдари⁸⁰ на іѣднѡ страу⁸¹
шѡторѣ тѡски, і цѣтоу іѣ вѣлѣкѡ по⁸²дела⁸³. ѡгнѣ нѣмѣта⁸⁴ лѣ по-
вѣ⁸⁵ шѡторѣ попѣли⁸⁶. тоу⁸⁷ци сѣ вѣстраши⁸⁸ли не знали цю дѣ чинѣ.
і вѣсѡ нѡщѣ стоѣли гѡтовѣ на вѡ, і тѡго рѣднѣ зѡвѣрѣлѣса
вѡска, вѣ ванѣ. і лоу⁸⁹вѣдѣми и ѡгрѣли Ѡвѣсѡдѡ. мнѣци на вѣсѣкѡ
нѡщѣ скѣдѣрь вѣдѣ⁹⁰ прѣхѡди⁹¹. По тѡ нѣрѣднѣ мѡра⁹²тѣ снѣвѣшѣ⁹³
пѣлѣ. і да⁹⁴ мѡ, сѣ мѡ⁹⁵. да іѡне скѣндѣра, і да га вѣхѡдѣми вѣхѡ⁹⁶.
ігѣ⁹⁷ вѣ га нѣко мѡгѣ іли вѣнѣ, іли жнѣа вѣхѣтнѣ.⁹⁸ зѣцѡ до⁹⁹кѣ
ѡ жнѣвѣ граѣ і зѣмѣлѣ не вѣмѣмо. а¹⁰⁰ли снѣвѣ не снѣлѣ вѣ гѡры пѡтнѣ,
гѣ вѣсѣ скѣндѣрь. «Чѣвѣшнѣ скѣдѣрь зѣ не іѣе тоу¹⁰¹кѡ хрѣна Ѡ ма-
кѣ¹⁰²ниѣ. зѣскѡчи¹⁰³ и¹⁰⁴ во гѡрнѣ і вѣзѣлѣ вѣсѣ вѣ¹⁰⁵ци¹⁰⁶ мѡра¹⁰⁷тѣ хрѣвѣрѡ
гряданѣ, крѡѣски, заповѣда¹⁰⁸ тѣно копѣти пѡ грѣдѡ і'далѣкѣ ігѣ
вѣ пѡ грѣ прѣ, зѣсѣпѣли грѣне не мѡгли вѣ¹⁰⁹скѡре вѣвѣднѣ, цю тоу¹¹⁰-
ци чинѣли, зѣцѡ прѣстѣли вѣсѣ¹¹¹ грѣ вѣнѣ. тѡчѣю прѣхѡдѣли пѡ грѣ
вѣ пѡ¹¹²цѣ дѣ сѣ гряданѣ не до¹¹³вѣдаю¹¹⁴ цю ѡнѣ копѣю, во вѣнѣ нѡщѣ
іскѡчнѣ¹¹⁵ гряданѣ нѣкѡко і повѣ¹¹⁶ страу¹¹⁷ тѡрѣскѣ, і ѡнѣ спрѣу по¹¹⁸ка-
за¹¹⁹. і пѣкнѣ вѣтѣклѣ, во грѣ. і навѣша¹²⁰ по зѣидѡ грѣскѡмѡ мѣнѣца

53) исекали 54) и зимати 55) видевши 56) са ташетоу 57) како
58) казали 59) учинили 60) будет Скендер бег приходити 61) вои-
ске 62) еда би 63) ухватити 64) видевши 65) не домисле

Скендер Бег
ударил на
турке.

звонѣ⁶⁶ прапорица брѣзи мѣди. да 'вечитъ кога тоу'ци вѣдѣтъ
копати (295) и да чују, на коем мјесте копају, да против их и они
из града копају. Скендер Бег умисли да се с' турци удари, ако и
мало било са ним против великој воиски турској. Скендер Бег
имал воиске, ѿи и раздели их на три полка: једин полк преда
Моисеју, други Атанасију, трети сам правовал; у шаторех оста-
вил ѿи пјешац и знаменне учинил ва своих, кога ударе, да говоре:
свои! свои! да се знају говорити турским језиком, уклањајушче се
од средини от топов, где цар лежал: велик страх тиеш обичаеш
между турци учинили и почели се турци сами бити между со-
боју: не вѣдеше, с' ким се бијут. Моисей и Атанасије добре на
турке удари са своими полковн. — Али Скендер травил на вел-
блудех и не велику шчету он турком учинил ва људех, тачију ва
копјех и велбјудех: изишли наши инединје шчети ва људех имуш-
чи: и ванјегда дан бил били турци до сараження готови, показал
се им Скендер са своеју воискоју. Погнали турци за ним, хотеш-
чи се бити са ним; но с' друге стране видели Моисеја, а иде с' сво-
ими полком до Скендера. Тогда побјежали турци назад, а наши
их били и сјекли на милју. Тогда се воиска турска устрашила
тако велии, да не знали, шчо би учинит:—пойти назад немогу от
срама, а друго се бојали, кад би се вратили, да их воиска Скенде-
рова не побие на тврдих мјестох. И са лукавством послал Мурат
грацкому блуститељу дари многоцених глаголушчи: того ради еи
дари аз посилају тебе, не да ми града оддаси; но занје ва граде
блуститељу храбре се браниш и своему граду верно служиш. — Рскал Ура-
након, јако дари возму не того ради да би их имел чим дари ода-
рити, занје не имеју; а ни того ради шчо ми хошчемо ради нас то
да учини. Питали га турци, чѣс ишчет от Цара; рекли да иде от
зде, дондеже его смрт не умори под градом нашим, занје цар Му-
рат уже ва болѣзн вапал. Слѣшешчи то Мурат от јарости ва вѣш-
чшу болѣзн паде и глаголаи своим другом јаже на ме припал
бич божи, зашчо сам малаго непријатеља своего за мало држал,

Цар Мурат
послал ка
градском
блуститељу
дари.

66) звонцах, прапорацов, бронзи

егоже хощел есам бычем бити, али се не дал.—Наше между собою савѣтовали, глаголюшчи, шчо да сатворе, и усаветовали три: први или граждане гладом уморити, или Скендера искати а опсочити га ва горах, или харач вазети от него и поити до дома. И рекли васи: добре от него харач вазети, али га нехтел Скендер дати. Мурат, видевши смрт своју близу, сазвал свое раднике и савѣтник своих, учил их да будут послушни сину его Мехмеду, и јего учил: за мало да не држиш наиманшаго непријатеља, видешчи, шчо се мене учинило. Узел есам Асиу гречаскују земљу и ва Италини гради велике и тврде; Угре и Сербле и Блгари васи сут нам послушни; и неисчетно богатаство, господства множаство и мало не васе отгоствовали (?) јесми; ниѣ же придох на сего разбойника подхрањеника моего. јего ради имам душу пустити. ашче би его небило, могах до инаја все угарско краљевство вазети, и сами Цариград бих узел, ашче не би си злодеи на мое зло устал; отого ме било страх, докле ми е дететом служил; тебе же, сину мои, Бог и Мухамед поможе на сего Скендера, и непрестан его воевати, дондеже потребиши от земле памет сего пса.—Потом мало бил жив, псохисал, и с'шумом ему памет под Кроем градом ва Албанини.—Мехмед од жалости и радости от царсте отступил от града; тело мастми помазано до Витинии на погребление повезено.—Други пишут, да су га жива повезли до Дренопоља и тамо зле умри.—По том Скендер пришѣ⁶⁷ до кроа гра⁶⁸. и дочекали великою радостію чили велике и различне игри. жены и дѣти кои были рабажи по поморски градове. со радостію пришли како ошце ко пастирѣ своему. потѣв рабнокѣта влюбителя кроа-ского⁶⁸ дарова. за вѣрнѣю его службоу в лѣто, 732 а. Ме-ме црѣ дробни ѡсмы ѡмана. повоевавши всю траки ѡведалъ црѣ морѣ и соухѣ. во неисчетными стѣлѣ велики дровень со-дѣлавши на црѣградо вышши ѡ гра⁶⁸ в не же стрѣвоу великою положивъ. мѣ ѡ галати сотвори. и пресѣ велики и вригѣми морскоу ѡтокоу и преплетѣ междѣ галатѣ, проповѣникъ на нѣсци

скѣди пришѣ
до кроа гра

црѣ мѣ мѣ по-
вола тракию

67) пришал

68) своего града Кроа

непрестанно вопилъ.⁶⁹ покизѣтеса крѣпко тоуѣци врѣѣ молѣ. аще
 въ да і сѣмъ мѣхамѣ, і гра во мѣмо, ксе вогаѣтко иже в не воу-
 бра коѣтѣти проси⁷⁰ помо⁷¹
 ѡ лѣтѣ, и не полѣчи⁷² демо ва ра⁷³ делити. Црѣ коѣтѣти палеѡлогѣ приграѣски, аще имѣ⁷⁴
 лю много во гра і вогаѣства. нѡ люди страшливи, і вѡнѣствены⁷⁵
 ворва не привѣли. Посла⁷⁶ црѣ коѣтантинѣ до лѣтѣске гдѣ, мо-
 лаще и со плаче⁷⁷ га⁷⁸ ба ра ѡ помоѣци, ѡни то ни во что не вѣ-
 менили. еше томѣ ра вѣли. коѣтантинѣ ни ѡкоу⁷⁹ помоѣци не по-
 лѣчивши. ѡни ни ѡкѡдѣ помоѣци не имѣци. во⁸⁰дыхаюци со горѣ-
 ки⁸¹ плаче⁸², і сѣ слезѣми гѣ бѣ глѣци. вижѣ вѣдѣ ншоу. ги вижѣ.
 і поѣ на са⁸³ помоѣцию своею. крѡмѣ во теѡѣ⁸⁴ помоѣци. иное не
 имѣми. носѣци по стена⁸⁵ граѣски, іконѣ. сѣнници. і архіерѣ, і па-
 триархѣ, црѣ же со вѣ⁸⁶мѡми, люди по стена⁸⁷ граѣски редѣли.
 Тѣрци всѣ ра⁸⁸на на гра, наготовѣши,⁸⁹ (об.) заповѣда⁹⁰ по⁹¹ на
 вѣ дѣнѣ. і вѣгѣ са дѣнѣ преклони⁹² кѣ вѣрѣ. і мѣи хлѣвѣ. и поче-
 ли едѣ со дрѣгѣи целовѣти. ѡко ви ѡже не имѡу⁹³ ви⁹⁴ти на заѣтриа.
 ѡдари⁹⁵ на гра сѣ всѣ⁹⁶ стра. нѡ и вокоре ѡви⁹⁷ гражѣне на за-
 ѣтриѣ на гра пѣсти⁹⁸ со всѣ⁹⁹ страна, і вѣ дѣнѣ до нѡци рѣали і
 ни¹⁰⁰что не вѣспѣли ѡстоу¹⁰¹пили і со великою цѣтою. занѣже мнѡ-
 ство во ровѣ ѡстѣло мѣрѣвѣ. і стоѣли вѣ мѣрѣ, сѣ дѣнѣ. потѡ¹⁰²
 ѡни стоѣль дрекѣны привѣлижили нѡцѣю вѣи¹⁰³ стѣ¹⁰⁴ граѣски¹⁰⁵. і ве-
 ликоу цѣтѣ чѣни¹⁰⁶ в людѣ і домѣ занѣ тогѣ во гра¹⁰⁷ не вѣло еше
 велики стрѣлѣ ѡкрѡ мѣли ранили тоуѣци и¹⁰⁸ пѣшки дѣѡфѣла грѣѣ.
 такѡ іва сѣвѣ ѡ да¹⁰⁹мѣти. на ни же дѣѡѣ ѡвѡи всѣ¹¹⁰ка¹¹¹ вѣрѣна
 граѣска стоѣла. занѣ вѣли тѣѣ двѣ хрѣвѣри.¹¹² вѣ¹¹³мѡни.¹¹⁴ вѣ¹¹⁵вши
 грѣци тѣ падѣнѣ почѣли ѡ пригра¹¹⁶ во гра оу¹¹⁷тѣѣ і тоу¹¹⁸ во вратѣ
 коѣтантинѣ црѣ ѡгнѣтѣ ѡ народа і ѡмѣрѣ ѡвѣи же люѣ вокочѣни-
 ши на стене граѣскѣ, со женамѣ вранили гра неколико нѣлѣ, тоуѣци
 вѣ¹¹⁹ци во гра¹²⁰ ю се не крѣпко вѣнѣ, і жены глѣсы і вопли пла-
 кѣли, тоуѣци сѣне гра рѣали, ѡ всѣ¹²¹ страна. і вошли во гра. лю¹²²
 посѣли, мѣло не всѣ¹²³, і много прѡтивѣ вѣѡу чинили про не¹²⁴стоѣ
 пиѣ. во ѡ дѣнѣ гра вѣлѣ, в лѣто, ѡѣѣѣѣ. мѣца мѣа, ки, дѣнѣ,¹²⁵ Црѣ

69) вапѣжал 70) глагола 71) тебе 72) вст. мехмед 73) сте-
 ни граѣске 74) велика 75) велики храбри и 76) вѣзможни 77) вст.
 а цѣра ва кон дѣн

мѣмѣ посла² до скендера да данъ да⁷⁸, скендеръ не кте² дати, і мѣмѣ брѣ по
посла² црѣ мѣмедѣ. ѿмерѣ пашѣ, со ꙗ⁷⁹ вѣске, до епирѣ. ѿведе⁷⁹ 80
скендеръ ѡзыша² противъ ѿ до новага мѣста на горѣ глѣмѣ модра. 80
ѿтоудѣ пѣриали лѣуварди і гла² давали, скендерѣ когѣ тоуци ідѣ
до ни² (296) зане снѣ мѣсто выло на пѣтоу. скендеръ потан² свою
вѣскоу по долини пѣ горѣмни. гдѣ се тоуци вѣске не надѣали. оудѣ-
ри² на ни⁸¹ і прегна² і во тесна мѣста, і ѿсѣдали с конѣ ѿ вра-
ниамъ пѣши, скендерѣ вѣскѣ стрѣлали ѿ како птици. 82
дрѣвѣи же съзѣди зѣсключили і живѣи похѣата² много, іже мѣмѣ после ѿ-
кѣпока², і пѣ дрѣвѣи демиръ 83 с вѣскоу, дрѣвѣи демиръ пѣша за
прѣмѣиша². али 84 не кте² в горѣ вѣити. і чека² на полѣ со ꙗ⁷⁹ вѣске.

Скендеръ вѣгъ вѣскѣ свою на трѣ ра²дели², і ѿдѣри² се с ни² і і па² скѣди
равно се вѣ² за ѿѣ. По²ва² демиръ скендера на копѣ. да се ѿ
дѣа вѣно. і вѣнѣа се оударили копѣамни, ѿгоди² га скѣде² ѿ ѿчи і
ѿпа⁸⁵ с конѣ деми² тоуци га вѣсхѣл, мнѣли жѣ вѣ² дѣли 86 вѣ² і-
даха². тоуци² почѣли мѣша⁸⁷ ѿши на ни⁸⁸ і порази² ѿ до кон-
ца. мѣло ѿ ѿтекло, і вѣлики² коры² ѿзѣли ѿвѣли вѣ² то² дѣнѣ. 89
Скендеръ вѣгъ посла² до крѣла апаѣскаго а²фѣс просѣци⁹⁰ ѿ по-
моуца на тоуке. ѿ вѣде² скендеръ вѣгъ зане ѿ ѣа іма² помоуца, 91
посла² до апѣли до крѣла а²фиса фѣ²нанѣа зане съ ни² імѣ² вѣ-
ліко дрѣство, мѣлѣци ѿго да моу² послѣ помоуца ѿже вѣ вѣзе⁹²
ѿ тоура² вѣ²гра ѿ естѣ во а²пѣли. писа⁹³ скендеръ 94 до крѣла 95
ѿ доври² соу² лѣтѣни пѣ гра²ѣ на вѣзѣтѣ, 96 ѿписа² крѣ² 97 лѣтѣни
лѣпше съ женѣамни іграти, оу²мѣю нежелѣи 98 гра²ды возѣмѣа, і по-
сла² мѣ крѣ² пѣскѣ. ꙗ⁷⁹ лѣю⁹⁹ на помоуца. ѿвѣсѣ скендеръ вѣ² гра, 100
і почѣли га рѣа крѣпко, тоуци вѣзѣли² мирѣ, до мѣца дѣни, съ
скендерѣ а ѿ тѣ, ѿ дѣнѣ, посла² 2 до мѣмеда црѣ. глѣци, ѿце на²
не рѣуѣши ѿ мѣоу. гра не можѣмо ѿдрѣжѣти. скендеръ (об.) того

78) по	79) услыша	80) мокра	81) ни	82) jako птице
88) вст. паша	84) на	85) паде	86) а он был мутав	87) сме- тати
88) вст. ударили	89) вст. потом	90) проп.	91) того ра- ди	92) того ра- ди
94) вст. бег	95) крѣлу	96) на вѣзѣтѣ градова	97) вст. Скендер	98) пише
98) вст. от турок	99) вѣске	100) бѣли град		
1) вст. от Скендера	2) писали			

црѣ мѣмѣ по- не вѣде¹. Оуѣѣвши мѣмѣ црѣ ѡ сѣ. вѡскорѣ пола² сеферѣ вѣга.
сла³ сѣфѣ вѣ на скѣдера на помощь вѣтраѣцѣмъ, со вѡскою велико⁴ ѡ похвѣтиліи стрѣу
скендеревековѣ. ѡ вѣ вѣти зашли в ти⁵ скѣдеревѣга по белѣра⁶ оу
пора⁷ ли тѣци гра⁸ посла⁹ к та¹⁰ сказати ѡ пришѣствіи дрѣгѣи тѣра¹¹ оу¹² дарили спрѣ
скѣдеревѣмъ лю¹³ велиграѣци скѣдерѣ. ѡ с тѣла пѣша со вѡскою пришѣши повѣли скѣ-
дерѣ, ѣ людіи мѣло і сѣ не погѣноу¹⁴ конѣ не¹⁵ ми жалова¹⁶, ѡ жало-
сти ѡснѣ зѣви ра¹⁷ кровѣвнѣ. зѣцю такіи ѡвѣчѣ оу ѣго вы¹⁸. пакѣ
совравши не да¹⁹ ѣмъ²⁰ поком днѣ і нѡцію, оуви²¹ скѣдерѣ своію
рѣко²² саѣака варака. ѡ ю нѡщѣ вѣтѣоу²³ рѣстѣвила того днѣ :

мо²⁴се²⁵ вѣтѣ до тѣрака Потѣ сеферѣ вѣгѣ чѣни²⁶. вѣсѣлѣ, со ѡнѣ повѣ²⁷, ѡ посла²⁸ глави
ѡдрѣне мѣмѣ црѣ ѡнѣ хрѣтіанѣ повѣни²⁹. Мѡсѣ кога сѣ вѣше на
много мѣ³⁰ помену³¹ і да³² тоѣа занѣ ѣтека³³ до тѣра³⁴, Скѣндѣрѣ
посла³⁵ ѡкоу³⁶пѣ за соу³⁷жѣнѣ. не ктѣ³⁸ вѣзѣти тоу³⁹ци, ѡл(и) ѡ ѡдѣра-
ли на мѣхѣи жѣкѣи, і насыпа⁴⁰ кожѣ пѣвѣе, пѣки ѡ ѡвѣлачѣи до-
црѣ мѣмѣ по- нели же померѣли тѣко ѡ мѣчено⁴¹, Потѣ црѣ мѣмѣ посла⁴² мѡ-
сла⁴³ вѡскѣ на скѣдера сѣа с вѡскою, до а⁴⁴ванѣ, і ѡвѣща⁴⁵ моу⁴⁶ велѣ⁴⁷ дѣри ѡцѣ скѣндѣра
ѡхѣа⁴⁸. Скѣдѣ вѣ порази⁴⁹ тоу⁵⁰ци которѣ⁵¹ скѣдерѣ порази⁵². ѣдѣа⁵³
сѣ ѡтеклѣ, Тѣго рѣ мѣмѣ і всѣи пѣшин ѣго вѣ⁵⁴ненавѣли. вѣци мѡ-
сѣ вѣ в⁵⁵ ненавѣсти вѣкѣши подоѣвноѣ вѣрѣмѣ, оу⁵⁶теклѣ⁵⁷ пѣки до
мо⁵⁸се⁵⁹ вѣтѣ па⁶⁰ до скѣ- дѣра ѣпіра. ѡ мѣли⁶¹ сѣвѣтѣнико⁶² скѣдерѣвѣмъ ѣко да презрѣи прѣстоу⁶³пле-
нѣ ѣ, і приша⁶⁴ скѣзѣвѣши ѡвѣ рѣцѣ. і вѣ⁶⁵ложи⁶⁶ поѣ на грѣо, на-
гою⁶⁷ главою, і па⁶⁸ прѣ ногѣми скѣдерѣвѣи⁶⁹ просѣи⁷⁰ процѣниѣ. ѣже
сѣстрѣи⁷¹ скѣ- і полѣчѣнѣ вы⁷² мѣ скѣдерѣ вѣ⁷³ми рѣ, вѡскорѣ потѣ прѣ⁷⁴стѣли
дѣроѣ а⁷⁵мѣа тоу⁷⁶ци дѣрѣми і ѡвѣщѣни, а⁷⁷мѣсѣ сѣстрѣи⁷⁸ (297) скѣдерѣва. і
ѡтѣклѣ до тоу⁷⁹ра. і ѡвѣща⁸⁰ мѣ. ѡцѣ ѡвѣмо скѣдѣра тѣвѣ дѣмо
вѣсѣ⁸¹ кнѣство а⁸²ванѣко. занѣ нѣкоѣ вѣ⁸³ родѣ тѣоѣ вѣнѣшаѣ ѡ
тѣвѣ скѣдерѣ нѣ⁸⁴. »Црѣ мѣмѣ посла⁸⁵ посѣти а⁸⁶мѣсѣ на кнѣство
а⁸⁷вѣскоѣ. Тѣго рѣ⁸⁸ пѣша поша⁸⁹ с великою вѡскою до а⁹⁰ванѣ⁹¹ да

8) са великоју воишкоју турскоју и послахъ сказати о пришествіи другихъ тур-
рокъ гражданомъ на помощь и граждане спреди а Сепер паша сазади ударяли на
Скендера и побили му воиске, 3) и ту воіску своју побиту Скендер 4) тур-
комъ 5) битку 6) мучили 7) колико ихъ 8) вст. Моисей 9) себе
на ненависти у турокъ 10) утече 11) и молисе савѣтникомъ скендеро-
вимъ 12) откривеноју 13) сестреника 14) все 15) того ради
заѣе ти вса радости ближанши еси Скендеру 16) вст. пославъ царъ Мехмедъ

постави́ а́меса на кнѣство а́ванское.¹⁷ з́ане се¹⁸ па́кы вы́ потоу́-
чи́, і ве́ ѡвыча́ іме́ѣ тоу́ски. Оу́слышешши то́ сѣсе́ скѣдєрови.
кнѣзи словєски, послаа́и скєндєрѣ помѡщѣ. «І порази́ пау́ а́ме-
соу́ жиеа оу́хвѣтали. і послаа́ га скѣдєрѣ до пѣле¹⁹ кра^{лю} а́фнєсѣ
на вѣчно сѣжа́стко. І пови́ненѣ тоу́ра тоу́ ѡста́ло на ра́вѡщи, кѣ.
крѡме сѣжа́ цю похвѣтали. і ра́слааи нѣ скѣдєрѣ вє́сьма кра́лєѣ
хрѣ́іанскіи ко́дари. на се́ вѣтє²⁰ па́ки мѡсє́ вели́ко хрѣ́ворєство по-
каза́лѣ. і да́ мѹ скєндєрѣ гра́ да́ни давра́ѣ. По се́ послаа́ скє́н-
дєрѣ црѣ́ мѣме́ іщѡщи междѣ собою́ міра до двѣ лѣта і ѡчини́
ємоу́ скѣдєрѣ на колю́.²¹ Кра́ анапѡліскіи проси́²² скѣдєрѣ на по-
мѡ́. По́то́ послаа́ кра́ анапѡліскіи, і ѡ́ ра́не своѣ да при́де до пѣ-
ле, к немѹ́ скѣдєрѣ. з́ане в тѣ́ дѣни воєва́ѣ фра́ци кра́ла пѣ́скаго.²³
і моли́ скѣдєра при́ти ємѹ́ на помѡщѣ. сво́ми прѣ́ишимѣ вѣтєзи́,
і поше́²⁴ скєндєрѣ до пѣле на помѡщѣ кра́лю а́фѡсѣ. со́ рѣ́ во́ске
своѣ. і порази́ фра́нцѣзи три́ци. доне́²⁵ почєа́и ѡ́ кра́ла смѣ́ренна
проси́ти. І да́ мѹ кра́ за то кнѣ́ство. сѣ́а мѣста. вѣ́ апѡліе, мѡ́-
тѣ, ѓаганню вє́вє́ію сѣ́пѡ. ва́рѣ. сѣ́ вє́сьми дохѡ́ды крѡме цю́ мѹ
надава́ сребра́, і з́а́та і па́церѡ, і ко́воже вѣ́²⁶ ко́ дєрова́ѣ. Оу́-
си́ двѣ лѣтѣ, црѣ́ мѣме́, мно́го грѣ́тєні́ ѡ́зєа́ѣ. (об.) во сѣ́вані
і во іта́ліи. І вє́гѣ́ смѣ́реніє нѣ́шло послаа́ сѣ́нанѣ па́шѣ сѣ́ кѣ́²⁷
до а́ваніе зє́мліи. і х́асанѣ́ вє́гѣ со́ лѣ, лѣ́ да га доко́нчаю́.²⁸ Скѣ́-
дєрѣ то чоу́²⁹ послаа́³⁰ і со́вратѣ́ до́ во́ске і за́сѡчи́ сѣ́нанѡ на пѣ́
гдѣ́ ктє́ла во́ска прои́ти. в го́ра глѣ́ми мо́кра. і та́мліи не́колі́ко
дѣ́ни вє́гѣ́ тоу́ци при́шли ѡ́дари́ на нѣ́ ма́ло нѣ́ сѣ́нанѡ оу́тє́лоѡ
Тако́ і х́анса³¹ вє́г ѡ́чини́ѣ, на го́ре глѣ́мѣ ѡ́кри́да на́ нѣ́ же оу́-
чини́ мѣ́рдѣе. вє́гѣ́ є́го ѡ́сѡ́чили но́щю в го́ра³² сѣ́ во́скою. не
мо́ган ни на є́нѡ́ стра́у ѡ́тє́щи тоу́ци. со́ є́нѣ́ стра́не вы́ли стє́не
вє́ликі со́ дрѡ́ги скѣдєрѣ сѣ́ во́скою і стрѣ́вою. ѡ́дари́ на нѣ́ і по-
рази́ нѣ́ мно́го, и са́мого х́аса́ бє́га ра́ни³³ вѣ́ дє́сно ра́мо. Вѣ́-

скѣді кѣ во-
рази пауа́мєсѡ оу́тєла-
ти жиеацрѣ́ мѣме́ по-
риа́и скѣді-
рѣ на є́ лѣтаскѣді кѣ при-
ша́ кра́у на
помѡ́ пора-
зиа́ѣ франци
црѣ́ мѣме́ по-
ла́ сѣ́нанѣ пау́
на скѣдєраскѣдєрѣ кѣ по-
рази́ сѣ́нанѣ пау́
і па́ сѣ́ кѣ
на х́асанѡ́
мѣ́рдѣе

17) вст. того радя паша пошал 18) вст. Амеса 19) у Пуљу 20) на
сем боју 21) вст. ва то вряже 22) послал своего до Арбаніе к Скєндєр
бегу да придєт просєщчи к нему Скєндєр бєг до Пуље 23) вст. Алѡнса
24) поше 25) єгових 26) во́ске 27) скончају 28) слишав
29) проп. 30) Хасан 31) во градах 32) ранили

девши хасанъ погнѣе¹ своѣ въ запнѣ ко скѣдерѣ. ѿ скѣдерѣ вѣ гдѣ си вратѣ послѣдша на кого ідѣшь і на кого си сво² мачѣ наготови³ нѣгн. вѣ і зная доверѣ правдою всѣмъ чини⁴. і того рѣ⁵ пѣ тевѣ нѣ нѣмн вѣтѣство даѣ. нѣ то енѣ⁶ памѣтѣ ѿ менѣ. да і ми тебе словѣ свои⁷ми поразимо. Защо смѣ⁸ ѡ зло ѡпа⁹. а то тевѣ¹⁰ вѣ по все¹¹ свѣте похвала і слава. аще нѣ поустѣ¹² доврово¹³ не н¹⁴летн со ѡвѣymi ѡстѣвшими юнѣци моѣми. того рѣ¹⁵ мѣлю тѣ вратѣ. дарѣ нѣ живѣ лѣпша тѣ хвала воудѣ. нежелѣ¹⁶ да¹⁷ пор¹⁸зи¹⁹ великѣ вѣскѣ. скѣдерѣ вѣ еи-
седѣи свои ѡскѣдерѣ ѡвратисѣ²⁰ до своѣ река²¹ и нѣ²² гѣшаго ѡко неспѣ²³ща. ни-
що дрѣго на вѣсци не тревѣ²⁴вѣ како ѡстрѣд²⁵мне. каково вѣлѣ²⁶ іма-
мы поразивши. како вѣлѣ²⁷ слова говори²⁸мо, а нѣ²⁹тѣ іс³⁰мо поразили
ѡны³¹ остатѣ³² тѣрѣ³³ мѣлени³⁴ і плачѣ³⁵ и³⁶. І заповѣда³⁷ і приша³⁸ хасан³⁹
вѣг⁴⁰, і вѣзе⁴¹ га скѣдерѣ за рѣкѣ⁴², і река⁴³ не вѣн⁴⁴ днѣ ра⁴⁵ви⁴⁶ іс⁴⁷и нѣ
словы⁴⁸ свои⁴⁹ми. і заповѣда да га чѣ⁵⁰тно ѡвѣдѣ⁵¹ на стѣ і да мѣ⁵² ра-
не ѡвѣжо⁵³у. (298).

хѣсен³⁴ пора³⁵жи³⁶ Третѣ³⁷ войска ѡра³⁸ ішла. і не ѡ³⁹мышѣ⁴⁰ ѡ прѣ⁴¹мѣ⁴² цю и⁴³ ста⁴⁴
ѡ скѣндѣра. се справѣ⁴⁵ хѣсейнѣ⁴⁶ вѣгѣ. чоуѣши ѡ нѣ⁴⁷ скѣдерѣ.⁴⁸
кара³⁹ вѣ іде
до епѣрѣ заскочи⁴⁹ и⁵⁰ і поразѣ⁵¹ и⁵² еда хѣсей⁵³ вѣгѣ ѡтека⁵⁴. Потѣ⁵⁵ кара вѣ
пѣ⁵⁶ а⁵⁷надо⁵⁸ски чѣ⁵⁹къ старѣ⁶⁰ і слѣ⁶¹га мѣ⁶²рата цѣ⁶³рѣ⁶⁴ вѣ⁶⁵рнѣ⁶⁶, і некогѣ⁶⁷
выѣши дрѣгѣ⁶⁸ скѣдерѣ. і спрѣ⁶⁹си⁷⁰ ѡ мѣ⁷¹мѣ⁷² цѣ⁷³рѣ⁷⁴ да га пошлѣ⁷⁵ с вѣ⁷⁶-
скою на скѣдѣра, і помѣ⁷⁷ти⁷⁸ се кровнѣ⁷⁹ нѣ⁸⁰ше тоу⁸¹скиѣ на скѣдерѣ,⁸² і
скѣдѣ⁴⁰ говори⁴¹
своѣ пѣ⁸³ла⁸⁴ цѣ⁸⁵рѣ⁸⁶ с нѣ⁸⁷. и⁸⁸, лѣ⁸⁹ до епѣ⁹⁰рѣ. ѡскѣдерѣ то чѣ⁹¹вши рѣ⁹² до своѣ⁹³
во⁹⁴ше ме стрѣ⁹⁵ его старѣ⁹⁶сти не⁹⁷лѣ⁹⁸н юнѣ⁹⁹ства і¹⁰⁰лѣ¹⁰¹н вѣ¹⁰²лѣ¹⁰³ке вѣ¹⁰⁴ске за¹⁰⁵що
мѣ¹⁰⁶рѣ¹⁰⁷сть много мѣ¹⁰⁸ ѡ¹⁰⁹чинити. нѣ¹¹⁰ і¹¹¹стѣ¹¹²ннѣ¹¹³ вѣ¹¹⁴ вратѣ¹¹⁵ гѣ¹¹⁶лю, не сѣ¹¹⁷ гѣ¹¹⁸
мѣ¹¹⁹лѣ¹²⁰ во¹²¹мѣ¹²². а на старѣ¹²³ ни мало. совѣ¹²⁴ра¹²⁵ скѣдерѣ вѣ¹²⁶скѣ¹²⁷ цю на¹²⁸во¹²⁹шѣ¹³⁰
могѣ¹³¹ з¹³²наю¹³³щи¹³⁴ кара¹³⁵ пѣ¹³⁶шоу¹³⁷ вѣ¹³⁸сцѣ¹³⁹ про¹⁴⁰мыш¹⁴¹льнаго.

скѣдѣ⁴¹ вѣ по-
разѣ⁴² и⁴³ Посла⁴⁴ кара⁴⁵ на⁴⁶прѣ⁴⁷ гѣ⁴⁸, вѣ⁴⁹ске во⁵⁰ кра⁵¹ македѣ⁵²скиѣ⁵³ землѣ⁵⁴. да
засѣ⁵⁵дѣ⁵⁶ тѣ⁵⁷не пѣ⁵⁸товѣ⁵⁹. гѣ⁶⁰ хотѣ⁶¹ла вѣ⁶²ска прѣ⁶³нти.⁶⁴ Заскочи⁶⁵ ѡ тра⁶⁶у⁶⁷
скѣдерѣ на нѣ⁶⁸. и⁶⁹ поразилѣ⁷⁰ и⁷¹. По сѣ⁷² сѣ⁷³ карачѣ⁷⁴ пѣ⁷⁵ша прише⁷⁶ с
кара⁴² вѣ по-
ла⁴³ скѣдерѣ вѣ
да⁴⁴ енѣ вѣ⁷⁷скою вѣ⁷⁸скою, і пѣ⁷⁹ на мѣ⁸⁰стоу⁸¹ гѣ⁸²лѣ⁸³мѣ⁸⁴ ли⁸⁵на. Посла⁸⁶ до⁸⁷ скѣ-
дѣ⁸⁸ра гѣ⁸⁹лю⁹⁰ци да сѣ⁹¹ ѡ⁹²дрѣ⁹³мо юнѣ⁹⁴чѣ⁹⁵ки на по⁹⁶лю а не како ра⁹⁷вѣ⁹⁸инни⁹⁹цѣ-

83) словеса 34) отрагу 35) вст. бег 36) на Скендора 37) вой-
ско 38) бега 39) караж бег 40) прѣнти 41) острагу 42) ка
Скендеру

ки⁴³ по пѣтовѣ. Рекаъ скендеръ лѣпше въ ми вѣло лежати въ
 воѣници мѣдѣ воѣнымн і вавами нежелн въ вѣсцѣ. і наготовенъ сѣ
 скендеръ с нѣ оударитисѣ. али⁴⁴ въ тѣ дѣни іша⁴⁵ дажѣ за г дѣни, скѣдѣ еѣ хо-
тѣ счѣтѣти
никогѣ
 і днѣ і ноцію непрестѣюци. тоуци всѣ стоѣли ѣ водѣ ѣко въ рѣ⁴⁶
 і счѣли на вѣ⁴⁷, потѣ⁴⁸ ноцію до дома нічѣго не сотворши скѣ-
 дерѣ. Вѣци црѣ мѣмѣ зане скѣдерѣ вѣскою⁴⁹ не мѣ ница, по-кара пѣ вѣла
 че⁵⁰ лѣкѣство ѣходити посла⁵¹ до негѣ посла со дари великѣ совѣ-црѣ мѣмѣ вѣ-
ла до скѣдѣ
ка да
 тѣюци ѣгѣ како е ѣ на ѣцѣ за ѣца моѣго мѣрата вѣкоу лювѣ
 імѣ⁵², і нѣтъ нека лювѣ моѣ не ѣражаѣ ѣ себѣ, не вѣде ѣ мое люв-
 ве ѣмѣ цѣти никаковѣ. ѣще мене рѣ то ѣчиннишѣ да ми вѣскоу
 воѣно пѣстишѣ преко аѣванію до венѣскѣ⁵³ градѣ, дрѣгѣ (об.) коу-
 ци моѣ воѣно да ходѣ до аѣваніѣ. а твоѣ до нѣше царѣтва і рѣ до-
 вѣрного слова⁵⁴ междѣ нѣ і приѣтѣства. да ми дѣси івана сѣна
 своѣго въ закладѣ. і наѣчѣниѣ всѣ наѣкъ гдѣ сѣ і тѣ ѣчѣлѣ і сѣ
 коѣно тѣвѣ боудѣ когѣ восхѣщѣши до нѣ прѣти нічѣсѣ воециѣ ѣ
 на когѣ ти воѣни лѣстѣ да црѣки. а сѣвѣю свою црѣкѣю воѣращѣ
 на всѣакогѣ твоѣго неприѣтѣла. цѣ сѣ вы на тѣвѣ за твоѣ нера-
 үмнѣ⁵⁵ ѣверати, пѣ⁵⁶ во црѣгрѣ ѣ хѣва рѣ, лѣ а ѣ ѣа. Гюрѣ⁵⁷ ка-гюрѣ скѣдѣ
ѣ ѣпѣла мѣ-
мѣ црѣ
 стрѣиѣтовѣи воѣнѣ⁵⁸ хѣвъ кнѣ арѣванѣскѣ мѣмедѣ црѣв тѣскѣ і прѣдѣ.
 Пишѣ до нѣ мѣмѣ воспоминаѣюциѣ преждѣю лювѣ нѣшѣ междѣ нѣ-
 ми коѣ ѣще коѣмѣ ѣвновѣленнѣ воудѣтѣ⁵⁹ междѣ нѣми воѣше прѣѣвѣ.
 і ѣко сорѣбниѣство междѣ нѣ вѣдѣ, ѣще пишѣ ѣ пропѣщѣниѣ⁶⁰ до
 венѣскогѣ гдѣрѣтва тогѣ не мѣгѣ ѣчинити зане с венѣты імѣю приѣ-
 тѣства і клѣвѣ. ѣще⁶¹ пишѣ ѣ кѣпѣце то⁶² мѣмо ѣчинити. пишѣ
 ѣ⁶³ сѣна моѣго івана, тѣ вѣдѣнагѣ імѣю, то мѣнѣ да ѣчинити ѣчѣ-
 ка⁶⁴ мѣтъ коѣ іма⁶⁵ кѣ сѣнѣ напачѣ мѣла⁶⁶га да ѣдѣ по чѣжѣ
 рѣка⁶⁷. ѣ прѣи мѣтрѣ своѣ гѣ тогѣ да сѣ чѣва.⁶⁸ і ѣ сѣ вы ѣ мѣ-
 рѣта ѣца твоѣго зна⁶⁹ всѣ тамѣши. ѣще ми пишѣ ѣже вы при-
 шѣ до тѣвѣ вѣ всѣакогѣ сѣмнѣниѣ. і то вы моглѣ вѣѣ, ѣще вы

43) разбојнически 44) на 45) брѣда 46) вст. побѣгли 47) проп.
 48) до вѣнетѣнских 49) и за радѣст вѣрнагѣ слова 50) за твоѣ неразумнѣ
 51) писано 52) Георгѣѣ Черновѣик Кастријѣта Івана сѣн 53) Ісѣу
 Христѣв 54) въ рук. повѣт. кѣдѣ 55) пропѣщѣниѣ 56) вст. ми
 57) то е мѣчно сѣтворити 58) за 59) отѣнѣска 60) сѣчуваѣ

імѣ⁶¹ постановѣнне і ѓр⁶²жѣнне въ доме⁶¹ воістеа своего, зацо
 не сѡ привѣли пра⁶³ны лежати. да спокоа въ лѣно⁶⁴ не вѣнѣдѡ.
 па⁶⁵ мѣмѣ бѣа⁶⁵ пѣ до скѣдѣ⁶⁵
 бѣга і в порабощенне, пѣ⁶² въ шаторѣ во іпѣрѣ. Бѣдѣвши⁶³ мѣмѣ
 вѣ⁶⁴ Опѣ. Писа⁶⁴ пакѣ до скѣдера, і посла⁶⁴ мѡстафѡ дѣвши
 вѣ⁶⁵ ли⁶⁵ сѣмирениа до коегѡ времени. сѣвѣтока⁶⁵ се скѣдеръ съ
 своіми дѣце во⁶⁵мѡ сѣміреніе съ тоуци іволи⁶⁵ выти с тоуци
 во сміреніи. дѡдеже се⁶⁵ чѣлци ѡтрѣжени чѣ⁶⁵ми вѡска⁶⁵ (299) и
 спокоје и покрпе. И ва тем между собою утврди мир; и држали
 мир обои ва покоју не мало време, на турци гранични чинили
 шчету Скендеровим људем. Сказал Скендер Мехмеду Цару, за-
 поведат Цар вратити и поплатити, на ни половину не вратили.
 Потом Цар воевал Аморију. Потом турци готовилисе до Аморије на войску, шчо тогда ва-
 неети држали, и много градовах и мѣстах вазели и велику шче-
 ту починили. Того ради венети послали посла своего Гаврила
 Венети послали до Скендера Бе-Тринисана до Скендер бега, молебши его, да с турци мир не
 Скендера Бе-држи, обещајушче се сашним бити на високу (?) противу турком
 га ишчушче и хазне и васего не жалити до послѣнѣяго дне. Скендер савѣто-
 помошчи. вал са своими что сатворити о сем. Свои ему савѣтовали мир
 држати стурци, приводещи ему на ум, пѣчо е било Владисла-
 ву краљу Угарскому, иже Евгеније папа разрешил с турци от
 клетви. На посла венетски приде до Павла ангела Архїеписко-
 па Дирахинскаго, зане је бил сародник и знајемѣ Скендеру и мо-
 лил архїепископа от венетијан, еда би наговорил Скендера, да
 Павел Ангелос и Гаврилос с турци мира не држи. И приде Павел Ангелос с Гаврилом венет-
 посал венет-ским послом до Скендер бега. Сија слова глагола к Скендеру:—
 ски вакупе Благословено Царство оно, коему Господ Бог дѣст добра пастира
 придоше до и вожда! то нанѣ васи говоримо Албанскому кнежству, над нимже
 Скендер те Господ Бог утврдил и поставил јес, да га добре стрежеш и
 Бега. браниш от мучителскаго насилія турскаго. И нанѣже вижд, кне-
 же, истиноју ва тем своим примирију уловил те јес Мехмед, зашчо
 те инако немогал сатрти и повоевати, тачију сим своим лукавим и

61) домех

62) писато под шаторем

63) видещи

64) скендеров

65) проп.

хитрим примиренијем, кога твое сусједи повојуе у околѡ. На после на тебе мисли ударит и ласно му буде тебе на средине воевати, а ешче ласније с тобоју мир разорити за малу вешч, како су они научили, шчо е учинил Деспоту Илириком и блгаром, Трапезонтом, Константину граду не силоју, а хитростију и лукавством, шчо недавно и вам бил учинил над слово свое и самиренне. Говори он, буду држати мир, не бојсе буди:—О кто све е негово лукавство исчитал и разумјел? никто: не достоит нам тајати лукавство его, ашче он сам и таи; и того ради не достоит зол его тајати, да се друзи от него лукавства чувају; како јест добро хвалити, тако и зло е безчестити, како противника Божја и Христијанскаго врага по делом проклетим. И таковиже јест, кто с ним друг је и кто ему мир држа. А ти кнеже веси, отманов род од куду јес вастал от злоденства и разбоја морскаго. И того ради от Аси отачаства своего сут изгнани и преваром тужда господства сут узели.—Како Мурат, коего добре веси, како е хитростију и с лукавством и преваром туждаја кралјевства вазел, најпотле и твоју братију потрул, такожде чини и син его Мехмед от васех горших. Брата своего рожденаго убил, кнезови посански побил, друге ва тамницах поморил, друге послепил, Цариград у примиренију у Грков вазел. Ако би все исчитал, шчо су безаконии људем христијанским учинили, много би на то дни требовало.—За шчо сам љепше знаш турско лукавство, того ради не вјеруи тому безаконику а држи се на ум от его пријателства и самиренна.—Примиренне он сам нарушил, а в твоје држави его турци поплјенили. Мисли а не стоји, мисли, да те хитростију преправи, зашчо много ничто они безаконии не мисле днем и ношчију, тачију како христијане преластити и васех от земље погубити, ашче нам Бог не поможе, шчо они о том васегда мисле, како те нас погубити. Али ти не веси, како су се васи христијани заготовили, и сам папа највишши Епископ Енеас Силвиус идет на того пса, еда би га изгнали, ашче даст Господ, иждену его из Грцие. И расписал Папа таковне листи по всех кралјех христијанских; и кто на ту войску поиде, васи ему грехи от Бога отпушчени будут. Не мисли а не

размишљајјати на ва чем же: ето иде папа, ето иду венети морем и сухом с'тобоју, ето Французи, ето и Шпаниа, ето Немци, Угри. Чехове, Италиници, Лехи, Власи, Руси. Все християни иду. А когда папа придет до Дирахиум, тебе на краљевство вјенча и утврди, и вожда пред васем Христијанством постави. На того беснаго пса Мехмеда ваздвигни мисал своју и храброст, и сабери воинство свое, и иди са Христијани другими на войску. Того ради сме нас Папа Енеас Силвиус и государи к'тебе послали, да своју войску с ниховоју сајединиш, а Венети се обещали тебе дати сребра и злата и оружја, того никогда нестане у Венетов. И да веси, когда Мехмед чуе то сабрание Христианское на себе, бјежати имат до Асне и ласно се нам труд наш плати; и то да веси, послатићје Мехмед до тебе друге послове лукавством своим, обещајушчи тебѣ многіе дари, да с'ш'ним мир држиш; на обра-
 До иде бесједа Архиепископа Павла до
 Скендер Бег. ти мисал своју от его злаго естества и обичаја, затисни уши от его бесједи сладкие и лукавста: добре ти сам знаш его лукавство. — На тех речех Скендер Бег отсла суседним кнезовом и Скендер Бег савјетником своим, шчо има с'тем чинити. Едни савјетовали, да савјетовал се са савјетни- мир држи с'турци, глаголюшче: знамо, како су Латини пријеварки своим. ни и издали Краља Владислава Угарскаго. И мир с'турци раз-
 Сербии псе- нили стада. стргнул; по сем сам погинул са васеми воин своим. Други говорили, да иду на турки с'войскоју и с'Папоју, занјејаже бил Папа ва Анкони са войскоју великоју. И на том бил Скендер да разруши мир са турци. По сем пришли Раци Скендерови ва тур-
 Цар Мехмед пише до Скендер Бег. ске краини и попленили стада овец и волов и лакимие самага цара. И шчети починили велики ва Македонии и Грциии. — Того ради Мехмед пишет до Скендер Бег а сице: Мехмед Амира Султан, от востока до запада цар и Государ, Скендеру Албанаскому кнезу пријатељу моему милому от Бога здравна. Бил есам ведом твоеи вјери васегда Скендере, зане је сме држал еси. и того ради чужду се нанја, како на вјери не стоиш и шчету ми си почини над обичаји и вјеру, обичаем злодеиственным разбойническим; али се а тому не дивоју: и знам ти то не чиниш, тачију Венети су тебе научили, кои есу васегда мои неприатели: али е мене у

тому мала шчета, зашто господствуем от Востока до Запада. али ми е вешче того жалос, шчо моја љубов от мене отмешчеш, знајушчи мене государа ни от кого неизвитеженнаго; тебе сам самога от васех християн миловал и ешче буду миловати.—Того ради те моју васхошчи мир држати са нами тврдо и ешче клетвами изнову потврдити: ашче е другојако учиниш, будеш того жаловати повдно, али не у час.—Писато ва Цариград и прочаа.—Скендер Бег лис царев прочати;—паки Цару Мехмеду отписа сице:—Воин Исус Христов Георгие Черноевик Кастриотов син кнез Албански Мехмеду цару турскому от Бога здравна. Чудиш се Мехмеде тому, зашто су мои воини мир разрушили и шчету учинили ва твоих землях; говориш, да су ме Венеци тому научили, и пишеш, иже тебе то мале е шчета, зашто си гдрб ѿ востока до запа, ѿстаен тоу хвалоу мѣмѣ ѿтаен. зна твои съ люди прео мой кметѣ цетоу починили на ми⁶⁶ і клявѣ і в⁶⁷рѣ, кою смо вы⁶⁸ межд совою чиниш. на венецы говориш защо съ ѿни томѣ почело⁶⁹ ты си са поче⁷⁰ а не ѿни почини⁷¹ еси и⁷² во америк великѣ цетоу на клявѣ і в⁶⁷рѣ. али венецы могѣ теб⁷³ і сами ѿврати⁷⁴ і ве⁷⁵ мене. а хоцеш да ма разладчиш ѿ ни то всѣ чиниш цѣ николи не воуде. а цѣ пиш црѣ выти ѿ востока до запа, то са сѣвѣ порѣганіе чиниш. ты⁷⁶ ничто⁷⁷ не држиш на востокѣ въ великѣ аси, иде⁷⁸ татари гдѣствѣю на западе тако⁷⁹ хрѣтиане држа⁸⁰ такмо во малѣ аси і европи защо си везоути грѣхѣ даоми адкастеб і хитростію своєю престани са хвалити а помысли і⁸¹ мененіа і времена кѣ съ се подели⁸² ѿни велики і славни і всего свѣта црѣ. мидѣски і перски, вайски і рѣски, асирѣнци. тебѣ есѣ въ⁸³ загаси і ѿмени⁸⁴, советѣти ѿ ни і ра⁸⁵чменѣ іко члѣкѣ еси. на⁸⁶ вѣка на вѣдѣство і на мноство кѣ свои. множицею велики і си⁸⁷ни по⁸⁸ци ѿ малы (велици⁸⁹ і си⁹⁰) повѣни соу і вѣгоу⁹¹ са давали, како дарѣ црѣ перски, іан хрѣ⁹² ѿ грѣков. пише ми да межд совою, потвѣдимѣ мирѣ і клявѣ. зна то не ѿ всего срѣца

Скендер Бег
отписал Цару
Мехмеду гла-
голю сие.

66) на
дѣлаи 67) Господ Бог

68) на западе хрѣстиане господствуютъ 71) не 72) проп.

69) се
бжеству се дали

своѣго пишѣ, тачію да ма ѡлоенишь, въ се⁷⁴тѣ своѣ ѡкастѣѣ сво-
и⁷⁴, ѡ кон⁷⁴ самѣ бж҃іею помѡщію, ѡ твоѣго ѡца і ѡ тебе не ѣди-
ниши ѡтекаѣ твои⁷⁴ же сетѣ воскортѣ конѣ⁷⁴ вѡдѣ не помо⁷⁴ тебе⁷⁴
хвала і ѡкастѣ твоѣ ѡмѡскоѣ помѡщи, зацѣ не тачію а⁷⁴ вди⁷⁴
ѡ то⁷⁵ старѣ, нѡ і всѣ кра⁷⁵ і нѡвышіи ѡп⁷⁵ль рѣиски, како вы
ты во⁷⁵ше не мѡчи⁷⁵ хртнѣ. конѣ силѣ нигѣ са не ѡтаншь, і аще
хѡщѣ (об.) во смѣрѣни ѡтѣти. да крѣтишь да ѡставѣи влѣ, і ѣрѣ
мѡхаметовѣ, і кога⁷⁶ оуѣвѣси істиннѣ вѣрѣ хвѣ. тога аще тако со-
творишь вѡдѣшь ѡ всѣ хртѣанѣ мѡловѣ.⁷⁷ і люви⁷⁷ и⁷⁷, і во ѣно-
сти з нами⁷⁸ вѡдѣшь. і цю нигѣ дрѣжишь вѡдѣшь на⁷⁹ ты гдѣ-
стѡватѣи. і чѣда твоѣ до вѣка. і вѡдѣ всегѣ жалн⁸⁰ зацю нѣси
даѣно тѣ ѡчиннѣ, і⁸¹корени⁸¹ ѡчение проклетѡга лаживѡга прѣрка вѣ-
шего мѡхамѣ⁸² тога правѣд істиннѣ оу⁸²на. писѣ ѡ шаторѣ нѣши.
ѡ хѣ, да ѡг лѣто,⁸¹ во ѡпрѣ. Пришла вѣсть мѣмедѣ црѣ довра.
и⁸² 82 ідѣ папа со вѡскою великою морѣ і сѡхѣ до епѣра да венча
скѣдѣ вѡвѣ⁸³ скѣдѣрѣ бега на кралѣство македѡско, і ѡппа дѣрахѣиского парлѣ⁸³
тѣтелѣ ѡчиннѣ кардиналѣ да і⁸⁴женѣ тѣки і⁸⁴ грѣсѣте земан за море.
І в тѣ наѣвѣ торгнѣ скѣдѣрѣ ѡ тоу⁸⁵скѣ зѣмаю с вѡскою, і коевѣ⁸⁵
ѡтнѣ і мѡчѣ і великѣ корнѣ ѡтоу і⁸⁵несѣ ѡ трѣкѣ, і тѣ ради вели-
ки⁸⁵ стрѣ вы⁸⁵ во тѣцѣ тога і ктели дрѣзи вѣгѣти до витинѣи. Вѣ-
дѣци мѣмѣ стрѣ ко своѣхѣ, чрезѣ собранѣи хртѣанѣске гдѣ про-
тивѣ себе. Го⁸⁶ва⁸⁶ до себе пѡше і совѣтѣника своѣ, і воѣствоу сво-
ѣмѣ нѡчѣаники, і прострѣлѣ до нѣ силѣ словѣса і глѣи. Всегѣ то дрѣ-
жѣ імѣ на ѡмѣ мой мѣлан юнѣци. та гѣства конѣ сѣ мой дѣди і
ѡци с вѣ⁸⁷ вкѡпѣ юнѣскѣ ра⁸⁷умѣ ѡзима⁸⁷. да то с вѣми вкѡпѣ дрѣ-
жѣ. ѡ неже⁸⁴ тревоуѣ, і вѣ се старѣти како і мнѣ, вѣ свѣтелѣи
самѣхѣ імѣю, за то за цю вѣ всѣ рѣвенѣ чѣню с совою чѣію і слѣ-
вою не тачію да сѣ а⁸⁸ живѣ на ѡвѣ⁸⁸ сѣ⁸⁸тоу, нѡ і вы со мною до
смртѣи нѣшей рѣвно, вѣ, (300) і чѣдѣ вѣши. і за то а⁸⁹ никѡгѣ по-
ком не сѣ імѣ⁸⁵ старѣющѣи ѡ вѣ. і бж҃іею помѡщію, гѣ ѣ мой і
вѣше конѣ ногѣ ста⁸⁹ всѣ нѣше воуѣ і ѣсть. аще вы нѣчитѣ ксе

црѣ мѣ і кѣ
амѣ скѣдѣрѣ
венѣчѣ о
пави і і шнѣ
скѣдѣ вѡвѣ⁸³
тѣскѣ зѣмаю

црѣ мѣмѣ вѣ-
сѣди пѡша і
сѣтѣнико⁸⁵ своѣ

74) от коега
единство са нами

75) о том
79) над

76) тогда
80) жалити

77) помилован
81) потом; во еп. проп.

78) ва
82) јако

88) павла

84) о немже

85) немам

ЗЕМЛЕ ЦЮ СМО СЪВЛЕЮ ЪЗМЛИ МНОГО ВЪ ДНЬ ПОТРЕБОВАЛЪ.⁸⁶ І КОЕ
 СЕ ВЪ КРАЛѢСТВО КОГДА ѠДРЪЖАЛО. КОИ ЛЮДИ Ѡ ВЪ НЕ ВЪ ОУ ПЛЕ-
 НЕННЕ ЗАВЕ⁸⁷НИ. І КТО ВАШЕ СІЛЕ І ЮНАСТВА НЕ ВОИ НА СВЕТО. ТО РА
 ВЪ ПИТА ЦЮ Е ВЪ НИ НЪВЫКЛА БОЛЗНЬ І СТРА ОУЗЕ⁸⁸. І ТАКО ВЪ⁸⁹
 ВЪМНИ СМѢЩЕНИ, ЗАЦЮ СТЕ ЧЪЛИ, Ѡ ЛЕННЫ І ПИМНИХЪ ХРТИАНЕ,
 ЧЮ⁹⁰ ГДЕ СОВѢРАЮ НА КА. А ТО ВСЕ РОБЪ ВЪ СКЕДЕРЪ⁹¹ АДКАВЕСТЕО ПЛЕ-
 ТЕ, ІЛИ ХОЩЕТЕ ВЪ ВОНЫ І ВЪ КРОКОПРОЛІА Н, ПІАНЫ КАДРО ЗЕМЛЮ
 ѠДАТИ КОЮ⁹² НШИ ДЕДОВИ ВІКІ ТРОДО ЪЗЕЛИ, І РАУМО. ДЧИННИЛИ ВЪ-
 МО ВЕЛИКЪ РАДОСТЬ, І СМЕ ПІАНЫ КАДРО. А ТО ЦЮ МЫСЛИТЕ, ДА
 ВЪТЕ Ѡ НИ ВЫЛИ МІРНИ ВО АСНИ. ПОВЕГШИ Ѡ ВКРОПИИ, КОИ ВЪ ВЪ
 КРА ПРІМИ Ѡ ТАКЕ ЛЮ Ѡ ВСѢ НАЕНІМЕ І ГРДЕЛЕНЕ. АЧЕ НЕ ВЪСТЕ
 ГДѢ СЪВЛЕЮ СВОЕЮ ЪЗЕЛИ,⁹³ КАКОМО І ТЪ СЪВЛЕЮ СВОЕЮ ТОУЖЕ ГДѢ-
 СТВО⁹⁴ ЪЗЕЛИ. І ДРЪЖИМО І НИСЪ⁹⁵ НА РОВОВИ. ЦЮ НА МЕМЕ ПРРКЪ
 ТА ПІСА⁹⁶ Ѡ БА НАДЧЕНЪ ВЪВШИ. НА КОЕ МѢСТОУ КО ТВО КОПИТО
 ПОТАГЧЕ ВСЕ ТВОЕ ВЪДЕ. ЗАЦЮ НА ѠКІ СЕІ НИКТО НИЦА СЪ СОВОЮ НЕ
 ПРИНЕСА⁹⁷. ВСЕ Ъ НА СЕІ ЛЮ СІНЫ ВЪ ВСЕМО ЦРЬ, І ГѢ ВЪ, ВСЕ ПО-
 СТАЕНЪ ВЪ, ІАКО НА ВДИНО ПОЛЮ. КТО СІЛОЮ І ЮНАСТВО СВОИ РОМЕ
 ЕГО⁹⁸ ВЪДЕ. І ЗЕМЛЮ І ЦРТКО ТО БЖІА БОЛА НА НИ ВЪДЕ. І ЕГО БОЛЮ
 ВСЕ ДРЪЖИМО, Ѡ КОГДОМО ЦЮ ВЪЗЕЛИ ІАКО ЛЮДИ СІНЫ І Ѡ БА ѠКРЕП-
 ЛЕНЫ. ТОГО РА ВЪ МОЛИ, СЛАВНИ НАРОДЕ⁹⁹ І ЮНАЦИ. І МОА МІЛА
 ДРЪЖИНО. (ОБ.) НЕ ВЪТЕ НЕПРИМѢЛА НАПАЧЕ ТАКОВАГО С КІ СЕ ІЩЕ
 НЪГДЕ⁹⁷ НЕ ВІАИ ДА МОУ СРЦЕ НЕ РАТЕ. ТАЧІЮ ГОТОВѢТЕ С РАДО-
 СТІЮ, І ВЪ СТРАХА НА ВОСКЪ ПРОТИ ЛЕННЫ А ПІАНЫ КАДРО, НЕ ВЪ-
 ТЕ ТОГО ЦЮ ЧЪТЕ. ЦЮ СЪ СЕ ЗНОУТОВАЛИ СО СВОІМИ ВЕЛИКИМИ ПО-
 КИ ПРОТИВЪ НА. НЕ ВЪТЕ БІШЕ ЮНАЧЕСТВО БОУДЕ НА НИМИ. А НЕ И
 НА ВЪАМИ. ДОВРЕ ЗНАТЕ НЕѠМЫВЕНЕ КАДРИ І ѠВЫЧАЕ Н НЕѠМЫВЕННЕ.
 ЛЕННИ І СТРАШАНИИ НЕ СІНЫ ВЪДѢАНЫ СЪАЛЕНЪ. МНОГОПІЦНЫ. ѠБЕ-
 ЛАНЫ. ЗАД НЕТРОПАНЫ Ѡ ДОВРЪ ПРЕЗНЫ І ГОДЕЛИНЫ. ПОКОИ МІ-
 ЛЮ ВЪ ПЕРНИЦА НЕ СПѢ⁹⁸ ВЪ ЖЕНА І ВЪДА СЪ НЕВѢАИ. ТАКОДЕ ВЪ
 ПІА І ВІА ДОВРАГО. ВЪ ѠПИТІА СОВЕТОВАТИ НЕ ѠМѢЮ, СЛОВЫ⁹⁹ ТАЧІЮ

86) дни потребовало
 су 90) и юнаштво
 94) не принесе 95) егово
 вају 99) словеса

87) вст. ныне
 91) господарство
 96) народи

88) вст. нјегови
 92) а они су
 97) проп.

89) коју
 98) написа
 98) не спа-

воюю а не дѣла¹⁰⁰ никаке справы военне не'наю. коне хране на то да са џи џловѣ¹ на нѣ ходе. хоце лѣ кто џ нѣ имѣти довраго коня џ² на га кџпѣ. гла не трѣпе зѣме тепло³, трѣ срамоте, по совѣю і море і горе чѣне, со женѣми на вѣскѣ идѣ жени џ нѣ выше седе, і легѣю тепло ідѣ, а зѣмою воюю, ница ѣ нѣ добра нѣст' а ѣ ѣ мнѣ моѣ вратѣ, все добро, жиеѣ свои і рани нѣ ѣ що не дрѣжѣте мѣло спѣте і то вѣ постели. земля ѣ ѣ трѣпѣза. а клоу⁴ пѣтели. нѣ ѣ ѣ ницо що е тѣрѣѣ тѣю. що ѣи ѣ лѣсно не ѣвѣло, не имѣте кого воѣти. нека до на дѣдѣ многогланев каѣри. да і'лажѣ і н'караю џ на ѣрство грѣческо џдѣвно се џни на то сканюю,³ і собѣраю, ѣли нѣ вѣ'ми по'но воуѣе, іце на ѣмоу имѣю витеѣ⁴ вѣ варны, і на⁵ косекѣ. ѣли џни коѣ ѣтра те на вѣсци, говоре не ѣмо са мѣ добре справѣли, то і се на і'даде тѣрѣ было мнѣ а на мѣло. тоуѣи превѣрѣ, пришли на на вѣ вѣсти, турѣи узели наша краѣјевства с'нашом незгодом; лажу говоре, а не говоре, како је правда, да говоре с'турѣима е Бог и Бог им помага, за то на нас војују. Веруѣте ми, мои мили јунаѣи, измисене каури мисал своју, шчо намисле на нас: доста е то у них јунашѣва, егда на себе нас побуде и подигну. Они се сами между собою бију и туку: вси хошѣут краѣи и господари да будут, а никто не слуша: едан другому говори: брате ти мѣе помози данас, а ја тебе на онѣи у кнеза. Они се сами между собою бију; не боѣте се, ласно их ми побиемо: о себе се болше старају, нежели за опшѣју ползу. Гѣјевѣјиви су и сварѣливи, на судех непослушни: у них јунаѣи ни за шчо, маѣстори ни ѣа шчо же: не укара по јунашѣву и по справи, тѣѣју тко је богати, та е у них лѣпши и предѣѣиши; а того между собою не имѣју, на чем все стѣи, а то јес послушание и на том все витежство стѣи. Не карају зѣих неправда, забиење, сила, злодеѣство, и другаго неѣшѣтѣнаго обѣѣја.—Писал до мене они безбожни и безѣјерни Скендер, да ја ѣх вѣјеру вазму: заслужиѣи от Бога карание и от нас, ашѣ Бог да. и

100) делом

1) проп.

2) у

3) скѣјанѣју

4) битку

5) ѣа

писал до нас, иже иде на нас с'војскоју највишши их Бискуп, да нас устраши ним; али не устраши бог вес: того бискупа они често подносе, како ми наше калихе. Усти се бију каури, а не свагом и десницеју: ашче би тако било, не бојте се их, такмо се смјејте их војјскоју: будите им послје того жал, а вам васе јес готово храна и оружје, кони добри витезови и тако сам видел ва звездо-чтї, кое добро умеју, будемо васему свету краљевати. и тако ка-урско сабрание все ва скоре расипљет се. и Скендера и дети его из земље ижденемо и потремо, или га жива ухатимо и злом смртију уморим.—И то Мехмед изговоривши, вси викнули едином гласом: Амин Амин; и вси заклели се на Алкорану, да му су по-слушни. Тогда Скендер плјеновал турску земљу; послал Мехмед цар против ему Шеремет Бега до Македоние и тамо војску са-брал, а уходу послал да га забаве, дондеже Балабан војскоју великоју приде до Албание ва целости, да се тамо састану обје војске, Шереметова и Балабанова.—Услишавши Скендер са-бравши њ војске противу Шеремету и васхотевши его пред-варити, посла васкоре њ војни избраних а ходили суду и суду, сиреч своих ишчут, а пут свои погрешили. Видевши их стража турска, где се они скитају, сказали о них турком; турци спочили на вје, а они побјегли и привели их за собоју, где бил Скендер у потам; поразили их и ухвати тамо одинаго турчина, хазнатара ца-рева, велии богата, кои се бил испросил у цара да иде на Скен-дера. Тамо ухватили и сина Шереметова; по том се откупили сва-ки по њ дуката, и велику корис тогда вазели Арбанаси.—На ка-ко се Скендер веселил о побједи, јеже показа ва турцех, такожде се и оскрбил, услишавши, јако Папа умрл, Силвиус ва Анаконе месте, а војска се разашла сваки на своју страну. Скендер за њ. дни ни јел ни пил от жалости. По том учини сабор и сказа, нищо е умрл Папа; и глагоља Скендер сабору глаголи сие:—тако е била воља Божја, и от сего света узел оца Папу, кои се ста-рал днем и ношчију, како би все християнство ва едином сатво-рил и на турке бил подвигал и ваоружил и велики труд поди-мил; на тако Бог не благоволи. И ашче не би било над христјани

Цар Мемед
послал војску
на Скендер
Бега.

Скендер Бег
поразили
турки.

Скендер
услиша, јако
Папа умре,
сабра сабор
и рече им
глаголи сие.

турска страха, шчо е Бог попустил гнев свои, почели бисмо васа незаконна творити и между собою бисмо се били, и мач свои на себе бисмо обратили. А то ја вам истину кажу, мои мили јунаци, Бог хотешчи сија, да се ми сами бијемо с'турци; да се не страшите, зајје Папа умрл: кто вест судби Божије, како и писмо говори, судби Божије глаголбина (sic) неисчерпаема: да ашче би било, како е Папа мислио, и турке бисмо до преко мора ва Асију изгна-ли, то би рат била паки между христијани о законе христијан-спем: восточни држимо закон цркве Јерусалимске, а вси латини закон Папе и цркве Римске; но бис, еже бис. Виже, мила братно, не страшите се е се воиска христианска разишла. Болши јес един мач Божи, нежели наших тми, како се множицеју ва ветхом за-коне показало: да не речемо ми смо побили турке са великоју во-искоју, али самоу побједившему да сему хвала. За правду пове-дају вам: турци са великоју воискоју иду на нас, и пред воиском иде Балабан Бег кмет мои први; его Мехмед цар того ради на-чел љубити, зашчо на зид Цариграцки најпрвен са хоругвою иза-Балабана напал, когдa су Цариград турци от Грк вазимали. Того ради вас моју, мои мили јунаци, не ужасајте се, на с'веселим срдцем гото-вите се на турки, са Божијеу помошчију отженемо их срамних и пораженных. И пошал Скендер Бег с'своими противу Балабану и стал са единими људами ва горах, а друге оставил недалеко себе: а Балабан с'воискоју турскоју стал на равну под горами, вани-мал ва уме своем, Скендер его боит се и зато ва горах стон. И поредивши Балабан турки, ударил на Скендера, и били се равно за много; прискочил плк први Скендеров, и били се велми; и по-чели турци уступати натраг, а наши их гонити. И ту турци об-скочили на тиесну месту Скендерових храбрих и људих првених и похватали их живих, и послали их Мехмеду цару. И рекл цар, когдa их видел: то нинја вјерују за истину, јако уже упало јес все јунаштво и сила Скендерова ва руке мое. — И послал Скен-дер за них откуп, али их не ктели дати на откуп. А се били тогда похватани први Моисеп, егоже више на много мјестах поминахом; втори Гинриза владенски сродник Скендеров, а ѿ сестренац его

Паки цар
Мехмед по-
слал (воиску)
Балабана на-
пал, когдa су
Скендера.

Скендер по-
разил Бала-
банову вои-
ску.

Мухасијас, ђ Кенму Сахнус, ѓ Иван поп, ѓ Никола Беризик, ѓ Гјурак Цуца, ѓ Гјура Манесили.—И тек ради ѓ човек била велики плач ва Арбанин, иже преже таков не бил паким повеће-
 нием цара Мехмеда. Балабан пошам на Скендера; обещал ту ве-
 лике дари, ашче Скендера жива ухвати. Балабан хотел хитрости-
 ју Скендера уловити; послал Скендеру добрие дари глагољущи:
 хошчу с'тобоју љубов и пријателство имети. Виде Скендер лукав-
 ство его, послал му ва добри дари лјемјеш и рало и мотику, да
 придет, глагољущи, Балабан на отчину башчину, да оре и копа
 како мот кмет. И разјарив се Балабан, сабирал шчо могал најбол-
 шују војску и стал с'војскоју недалеко Свато-града в равнинах.
 И Скендер бил готов са своими људми недалече, и разделив вои-
 ску на .ђ. чести: ђ прави Гойко Стрежев сестренац, ѓ. Атани-
 сие Дукадин, ѓ. ју Мусакиев а ђ ју сам Скендер. Ударили се вел-
 ми и падало с'обојх странах: турци премагали множаством, а на-
 ши храбростију, турак болше падало. Видешчи то Скендер вик-
 нувши силенх своих, и где узрел ранјена своего, заповедал их из-
 водити а ту другога постављати. Најпослије видешче турци, ја-
 же се уморили, почели утекати, наши их гонити, бијушче силно.
 Пало тамо турок близу, ђ кроме сужан и ранјених, и велико бо-
 гатаство људи Скендерови по шаторе узели.—Паким Балабан са-
 брал војску болшују на Скендера. И вазел са собоју Сулимана
 мужа крепкаго, Скендер бил готов противу ему.—И возвал Су-
 лиман Скендера на копие, Скендер бил готов противу ему; —
 ударил се и уби его Скендер. — Видешчи то Скендерово витеж-
 ство, Балабан почел уступати назад; — ва тем нашим срце уви-
 грало, и почели турке крѣпко бити. Турци послѣ побити, едва
 Балабан утекал.—Ту под Скендером паднул кон, без мала га тур-
 ци не посјекли, на свои га обранили и дали под вјега други кон.
 По сем Мехмед цар рекал Балабану: не буду се васега свѣта ца-
 рем никако назвати, докле ми Скендера не убиете, или жива ух-
 атите. И почели се готовити на Скендера двие војске: Јагуб Ари-
 лут пред едноју, а пред другоју Балабан, Јагуб својеју војскоју
 да иде от Солуна до Епиру, — а Балабан от Македоние. И уса-

Балабан Бег
сабрал на
Скендера
војску бол-
шују.

Скендер Бег
поразил
турки.

вјетовали едан без другога нишча да не починују. И преже при-
 Скендер Бег-ишан Балабан до Епир: — и пошел Скендер сам пети да уоде,
 уходи тур-ску воиску. где и на каковом мјесте воиска турска стои. Видел га един заи
 человек, сродник Балабанов, и сказал Балабану. Обскочили турци
 ону гору, и Балабан сам; едва Скендер сам други утекал до вои-
 ске. И било тамо њи воиске его готове: и ударили се и били се
 добре, и не могли се турци обдржати, почели прхати. И ешче се
 воиска Скендерова не помјестила от разбоишча и телес побитих
 турак, ечали и тресли се, и ешче се у разбоју турскому нишчо
 не побрало, и пришан глас Скендеру: иде Јагуб с' ња. људних;
 и нечули нишчо, шчо се от Балабана учинило. Они час Скендер
 послаа .ф. коник противу им, еда би турке повабили на битву. Ја-
 губ бил на трое воиску раставил: прва его воиска ударила на
 онех .ф. Скендерових, наши почели бјегати, а они их гонити. По
 сем искочил Скендер с'воискоју от потае и порази турки ту все
 два крат; никогда тако много турак не побили, јакоже ту у те
 две воиске, ту побииених турак остало на пољу .л. и Јакуба сам
 Скендер посјекал. И тогда била велика радост не тачију ва Арба-
 нии, на по васех странах християнских с'того витежства. По том
 убили.

Цар Мехмед скоју до Тракије, огњем и мачем воевао, и плјена коње људи стада сабрао, онску мношество изгнали. Мехмед цар ва себе велик гњев имел и држао; Бега, сазвао савјетници своје и вапрашао Скендера, шчо има саводити.

Скендер утврди Крои град и сабрао вои-ску. Балгасере Латинина. И ношчију исходили множицеју из града и много турак убили. — Скендер сабрао „к“ своих људи: каждого дне и каждо ношчи турке били около, нигде им не дали ва пшјен ходити. Послаь Мехмед до сущих ва граде, да му добровољно

град одаду; они му послали пушку и стрелу глагољушчи: ради бисмо ти то ва главу дати, нежели град. — Турци лијали лумбарди велики зело и мале такожде. Прежде того напали Мехмед два чловјека на Скендера, еда би га потахом како отровали или убили; и пришли до Скендерове војске, сиреч ускоци се учинили от турак, васкоре се крстили да их не чувају наши; на Бог тако не благоволи, да тако Скендер изгинет: посвадили се они два между собою и објавили един другаго, и повјесили их јако злодеје. Мехмед, постојавши под градом не мало дни, видел, не може силоју ничтоже успјети и врати се ношчију до дома; изостави Балабана с'војскоју, да стои под градом, докле их гладом помори да се предаду. Скендер се старал, како би Балабана жива ухвати, или га како уби. И пошлал до Рима ка Папе Пављу, еда би му коју помошч дал и говорио до них многе речи: — и се приложи јуже на теле своем, не имам, от куду би крв пошла, всу есам излијал ради христијан, а васи сте мене нанја оставили; али и вам васкоре будет горше, нежели мене. — Дал му Папа и друзи гардинали не мало хазне на помошч. Пришлал до Арбание и сабра лудих не мало, еда би како турке из Арбание изагнали. И подели Скендер војску на два плки: един правио Лјека Дунадин, а сам други. И пошлал противу брату Балабанову, кои ишлал на помошч с'војскоју Балабану; поразио га Скендер Бег и его жива ухвати и сина его Хадра; а Балабан како бесан приступил близ стен Кроенских, обешчајушчи гражданом велике дари, ашче му град добровољно одаду. А един витез от града ударио га ис пушки под грло, и спалу с'конја и ту умрл; а друзи турци, видешчи своего хетмана умрша, отступили от града; — и послали до Скендера, да им вјеру даст, да иду без страха из земље его, хотешчи всу храну и тешка васа оставити ему. Скендер савјетовал се своих што чинити нам о тем. Едини савјетовали да се бију. Скендер не дал глагољушчи: турак се много ту збркало, а нас мало; друго пришла е на них неволја: буду се бити крепко, паки един стон, ничем же помошчи имушчи тачију ва руках своих; ашче бисмо их и разбили, не буде без наше велике шчети ва лју-

Цар Мехмед
помде нош-
чију до дома.

Пошлал Скен-
дер до Рима.

Скендер по-
имал брата
Балабанова и
сина его.

Скендер са-
вјетовал се
са своим.

дех. Друзи савѣтовали да их поморе гладом, да не даду хране приносити. И опч јуже пошли турци от мјеста Трнавѣ, где лежали, изашли до Тракиѣ; али им велику шчету наши от васуду Цар Мехмед чинили ва воисце, докле изишли. Мехмед цар, слишав о смерти Ба- сабрал вои- лабанове, печалан бил.—И паки на пролѣте сабрал воиске свое ску: до Епиру двѣсте тисушч, пошал до Епира; видешчи же, занје Скендер утвр- обил мјесто дирахим. дил свое градове — пошал на мјесто ва Македонии, глаголѣемое Дирахим, великое и славное, шчо тогда Венети држали;—обсѣл его, на не вазмог ничто ему сатворити, занје его бил град утвржден.—Отгуду паки пошал до Кроја града Скендерова, обсѣл его. и, стративши тамо великие лјуди свое, оставил града бити, зашчо ему Скендер велику шчету ва лјудех чинил; и тако турци вратили се назад, мјесто, кое бил Скендер почел ново градити, глаголѣемое Кирниѣ, спалили вративше се.—По сем боешчи се Скендера, оставил воиску своју не малу по краиннах своих от Тракиѣ и пред воскоју оставил Али-Хасана. Он же хотешчи Скендера ухитрити, послал му велике дари, глаголюшчи: егда лјубов между собою вазмут. Скендер одаровал его и воиску сабрал, еда би попалил мјесто и град, кое турци недавно били оградил, глаголѣмо Валм. По том Скендер ва болезан тешку и послал до властел своих (301) свѣтѣи кнзова. молиши и да прѣдѣ на совоѣ до негѣ.

до лисога і сошанѣса всѣх. і по многи глѣ і советѣ свои. и глах ѡмѣх скендѣрь ѡ скоро ѡ здѣшнии прѣдѣть. і молих. и да тако ѡ тѣрѣ вранѣ самѣи і зѣмлю свою како стѣ ѡ мене вѣли і ѡчиносѣ. і предах прѣ всѣмѣи кнзи венетѣ сѣна своѣго івана. ище юна свѣца во дѣх. лѣтѣх. тако и порѣчи и женѣ своѣю. і заповѣдах иѣ скоро а ѡмрѣѣ ѡни чѣ да ідѣ ѡу пѣлю. во своѣ градове. коѣ ѡмѣх вых дах крох ѡлфонѣх, ѡнапѣхски. а венетѣ же да дрѣхѣх во свои рѣкаѣ ѡчестко его аѣваннѣю, дондѣже сѣхѣ в лѣта прѣдѣ воѣрастѣ. і да вранѣ ѡ всѣакого неприѣтѣла. како і свою зѣмлю. а кога сѣхѣ воѣрасте, да мѣ ѡдадѣх всю аѣваннѣю, в цѣлости. Потѣ ѡвѣрѣвши до сѣна своѣго івана ѡ глах ѡмѣх сѣхѣ глѣх. ѡнѣх мѣ воѣлюбленѣх

6) вст. глаголе

7) умирају

8) ка сину своему Ивану

іваніе. аще гѣ бѣ даѣ тебе ѿчестко твоє, землю нѣшд аѣванію, сѣд-
ша ѡчненіе моє, і гѣи мов ко ѡш скоє. прѣе вѣди сѣдеши правєно.
тѡ вѣ ѿ все прѣѣе довро вѣіма зрї, і гѣо і все потреба внѣш-
ни. мѣста сѣ оглѣда. кѣ злѣ пришѣшд на тѣ не ѡнмѣа. но вѣѣ
крѣпока во ѡнїни. дондеже ѿ тебе бѣ злѣ ѡіме, праїни і лени-
вы люди і словес се стрѣжи. і сѣ не вѣди лени і многопїцанѣ,
воїнство своє не храни ление. і да не любе пожом. заѣо⁹ і лѣ-
ноѣ і поко землї і воїствѣ прѣа погїве. гнѣва і мѣченїа в сѣвѣ
не імѣ. а нї пѣки бѣ вѣми і кротѣ і ме, но посрѣ гнѣва і ме-
коѣ бѣ. чѣжїи люди ѿ свої землѣ не дрѣжи¹⁰ но равнѣ, (об.)
все маїди і даро не возїма. советїники своѣ мѣе лї¹¹ гѣира. ко
сѣ прѣе і прѣедѣ любї, і во все сѣнѣтѣствованѣ да тї ѡнї совет-
тѣю во добры дѣла. да і тѣ доба і правѣ вѣдѣшѣ. а тї снѣ мои
все могоѣ дѣти. аїи¹² срѣще не мого тѣ е самѣѣ ѣгоѣ в рѣка
томѣ і всемѣ мене ѡцѣ мой ѡчи і то сѣ всегѣ, на ѡмѣ¹³ дрѣжа.
ѣо мене ѡчи. того рѣ молю тебе і сѣтѣю, да і тѣ на ѡмѣ дрѣ-
жїшѣ ѣо те а ѡчѣ. Потѣ пришла вѣѣ скѣдерѣ како ідѣ вѣска
тоѣска про епїрѣ до іліїрїе і пѣли с вѣскою влї сѣра гѣа. Ѣкѣ-
дерѣ совра вѣскѣ своѣ, ю мѣ глава і рѣке треслїсѣ ѿ волеїни. і
напрѣ посла вѣскѣ свою. а сѣ за нїма волеї недалеко мѣа. тоѣ-
ци вѣлїки пѣѣ вѣли поплѣнїли ѡколо сѣра. вїдѣшїи же вѣскѣ
скѣндѣровѣ і мнѣци ѣко вѣ скѣндѣрѣ междѣ імї. почѣли вѣгѣти
нїшї¹⁴ нї гонїї сѣкѣци і простѣ лїѣ повїли нї мнѣство в гора. і
мѣло і до дома вратїло, а было нї рѣї тогѣ а вѣ прѣ нїмї аїе
вѣѣ. Потѣ¹⁵ скѣдерѣ причѣстїшї стѣ таїнѣ хѣвѣ ѡмрѣлѣ.¹⁶ в
лѣто ѿ хѣ. аѣѣѣ в лѣтѣ ѣ, г, ѿ роженїа своєго, гѣствова лѣ,
нѣ, л¹⁷ вѣвѣ с тоѣци ѡчїни, і нїгѣ не поразнїл ѣгѣ, тѣчїю по
вѣтрадѣ лрѣвѣнѣскї. а всегѣ ѿ тоѣки раѣнїмѣлѣ.¹⁸ По смѣрти ѣго
лека дѣкадї плака нѣ нї мртѣвѣ глѣци. а вѣаѣ і главѣ трѣза
вѣлѣсѣ. послѣшѣте кнѣзѣ¹⁹ македонїстї. і епїрскї, і іліїрїкї. днѣ

9) повѣже 10) вїшшїх 11) человекїи 12) на 13) на сво-
ему уму 14) а нашї 15) По сїх всех бившїх 16) благодарив Бога
о васѣх отїде ка Господу 17) аїг 18) побїжал 19) мене кнѣзи ма-
кедонскї

падоша градовѣ македоѣти, і епірскѣ. днѣ²⁰ всѣ наѣша сіла ѡпа-
ла. днѣ всѣ наѣша надежда угасла, днѣ се пѣть тоукоѣ до вѣира ѡ-
вори²¹ вѣ и страха. На погребѣ (302) нинь егѣ были вси кнзѣви
ѡко²²нѣи. и погребан²¹ гѣ в лѣсоѣ то мѣсто тогѣ венѣско вѣло, по-
тоѣ га тѣрци возели. ископѣли кѣсти скендерѣве і грова. и ра²³грѣ-
вили и междѣ собою і ѡправляли севѣ ко сребро і злато, і нѣси-
ли при севѣ мнѣши такоѣ сребрѣ имѣти севѣ, ѣко скѣдеръ
г²⁴лють²³ когѣ вы²⁴ ко іерлѣмѣ скѣдеръ²³ во цркви соломоновѣ. ѡ-
проси²⁴ ѡ бѣ тѣ сребрѣ севѣ. і тогѣ рѣди нѣѣ не дѣю тоуци ни-
каковѣмѣ хрѣтіанинѣ²⁵ вѣи ѡ тоукоѣ не да вѣи комѣ. Црѣ мѣмѣ
црѣ мѣмѣ по чѣвши смѣть скендерѣвѣ рѣдова²⁵сѣ. і посла²⁵ тѣмо всю сілѣ свою.
смѣти скѣдѣ і почели венѣты вранѣти дѣвѣние, пошли тѣрци до словѣнскѣ
вѣлѣ послѣ землѣ, до ілліріе цю дрѣжѣли тогѣ венѣты і вѣзѣли всю іллі-
во²⁵скѣ і вѣзѣли²⁵ рѣню, і скѣрѣ, потѣмѣ алѣвѣнѣи епѣ. Ѣнѣ скендерѣвѣ і ванѣ і смѣртію
ѡчѣство егѣ і ѡмрѣ в пѣли на своѣ дрѣжѣви. і то за едѣно чѣдо писа²⁵ о скѣ-
і шѣ вѣли²⁵ дерѣ в толики вѣска і вѣѣ вѣѣши никаковѣ рѣне на севѣ нѣмѣ²⁵,
тѣчѣю рѣмо вы²⁵ рѣни²⁵, гдѣ вы²⁵ кѣ пѣ нѣ па²⁵. ѡ вѣлѣнкѣ каменнѣю.
Писа²⁵ ѡ нѣ силѣ мѣрѣ скѣрани, словѣни рѣдѣ, ѡлѣ ѡ латѣнскѣ
ѣзыкѣ вѣлѣми ѡченѣ.»

20) днес всѣ силы и надежда угасе
23) вст. ваниде

24) испросил

21) погребѣше
25) в нѣ

22) вст. о нѣм

СВОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНИИ

ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

19 октября 1904 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Оглавление.

	СТРАН.
Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1904 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.	1— 16

Приложеніе.

I. Dr. Jan Kvačala: Korrespondence Jana Amosa Komenského. I Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbírka. V Praze, 1898; — II. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisy některé. 1902 («Spisy Jana Amosa Komenského»). — Рецензія Академика В. И. Ламанскаго. . .	19— 25
II. Н. Петровскій: О сочиненіяхъ Петра Гекторовича, 1487—1572 г. Казань, 1901.—Рецензія Г. М. Князева. . . .	26— 82
III. С. М. Кульбачинъ: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. а) I. Фонетика сважендзкаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ. СПБ. 1908; б) III. Морфологія сважендзкаго говора (и тексты). СПБ. 1904.—Рецензія В. К. Поржезинскаго.	83—110

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1904 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго было представлено всего *пять* сочиненій, но одно сочиненіе было устранено отъ участія въ конкурсѣ на томъ основаніи, что оно не удовлетворяетъ § 7-му Правилъ о присужденіи премій имени проф. Котляревскаго, какъ не имѣющее характера изслѣдованія.

Такимъ образомъ разсмотрѣнію и обсужденію Комиссіи, постановлявшей рѣшеніе о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ текущемъ году, подлежало всего *четыре* труда. Къ участію въ разсмотрѣніи двухъ изъ нихъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности посторонніе ученые: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета В. К. Поржезинскій и магистрантъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Г. М. Князевъ, а остальные два труда были разсмотрѣны ординарными академиками В. И. Ламанскимъ и Е. Е. Голубинскимъ.

Въ составъ Комиссіи, постановлявшей рѣшеніе о присужденіи премій проф. Котляревскаго, вошли члены Отдѣленія, ординарные академики: Ф. О. Фортунатовъ, В. И. Ламанской, О. Е. Коршъ, А. И. Соболевскій и Е. Е. Голубинскій, а также приглашенъ былъ въ засѣданіе рецензентъ (какъ проживающій въ С.-Петербургѣ) магистрантъ Г. М. Князевъ.

Приводимъ ниже краткіе отзывы о *трехъ* сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

Dr. Jan Kvačala: — «*Korrespondence Jana Amosa Komenského*. I. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbírka. V Praze, 1898; — II. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisy některé, 1902 («*Spisy Jana Amosa Komenského*». Číslo 1-a 5).

Разборъ настоящаго сочиненія принялъ на себя академикъ В. И. Ламанскій.

Два тома сборниковъ Переписки Яна Амоса Коменскаго (*Korrespondence J. A. Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o životě ze současných pramenů*. I т. 1898 г. XXIV+373 стр. II т. XXX+351 стр. итого 770 стр.) слишкомъ большой осьмушки компактной печати, — составляютъ плодъ тщательныхъ изысканій и работъ въ нѣсколькихъ библіотекахъ и музеяхъ: а именно 1) въ старомъ Архивѣ Чешскихъ братьевъ (Jednoty), перенесенномъ изъ Моравіи въ Великую Польшу (въ Лѣшнѣ), и послѣ разгрома отъ пожара переведенномъ частью въ Бреславль и частью сданномъ въ руки Д. Яблонскаго, внука Коменскаго для пополненія и окончанія историческаго труда Регенвольсція. Часть этого архива появилась потомъ въ Познани, часть приобрѣтена была по стара-

ніямъ проф. Пуркини, Чешскимъ Музеемъ въ Прагѣ, — 2) въ святоянскоі церкви г. Лѣшна, — 3) въ архивѣ въ Познани, — 4) въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ, — 5) въ Чешскомъ Музеѣ, — 6) въ архивѣ Гернгутскомъ, — 7) въ Британскомъ Музеѣ — въ бумагахъ Гартлиба, Пелля (большія коллекціи), — 8) въ Бодлейянскоі библіотекѣ, — 9) въ Архивѣ Британскаго королевскаго ученаго Общества (Royal Society), — 10) въ семейномъ архивѣ Ракоціевъ въ Венгріи, — 11) въ семейномъ архивѣ Мѣднянскихъ въ Венгріи, — 12) университетскоі библіотекѣ въ Упсалѣ, — 13) государственномъ архивѣ въ Цюрихѣ, — также въ разныхъ городахъ Голландіи, Даніи и Германіи, въ Антверпенѣ, въ Утрехтѣ, въ Штутгартѣ, Вольфенбюттелѣ, въ Ганноверѣ, въ Гамбургѣ, въ Берлинѣ, въ Данцигѣ, въ Бреславлѣ и въ Готѣ.

Сверхъ того изъ разныхъ рѣдкихъ печатныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій извлечены проф. Квачалой различныя письма Коменскаго и разныхъ лицъ къ нему. Наконецъ въ Приложеніяхъ къ своему сборнику «Переписки Коменскаго» Квачала издалъ или перепечаталъ мелкія сочиненія и записки Коменскаго, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ экземплярахъ.

Эти тщательныя изысканія новыхъ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности великаго Яна Амоса Коменскаго находятся въ тѣсной связи съ прекраснымъ, основательнымъ трудомъ проф. Квачалы, лучшею біографіею Коменскаго, выпущенною имъ въ 1892 году подъ заглавіемъ: «J. A. Comenius, sein Leben und seine Schriften» (въ 8-ую долю листа 480 стр. текста и 89 стр. петитомъ примѣчаній и приложений). Въ обширной Европейскоі литературѣ о Коменскомъ трудъ проф. Квачалы занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Этотъ трудъ находится въ тѣсной связи съ двумя упомянутыми томами сборника Переписки, съ одной стороны и съ другою съ цѣлымъ рядомъ статей о Коменскомъ, напечатанныхъ имъ въ теченіе пяти лѣтъ до 1892, выпуска большоі біографіи Коменскаго. Вотъ эти статьи 1) «Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik» (Лейпц.

1886 Inaugural- Dissertation), 2) «J. A. Comenius und Baco (Leipz. Pädagogium 1888), 3) Библиографическій обзоръ большихъ и малыхъ произведеній Коменскаго (въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien. Wien, 1889). Наконецъ въ мадыарскихъ журналахъ Szazadok (1888) и Budapesti Szemle (1889) проф. Квачала напечаталъ три статьи: Коменскій и Ракоціи, о Драбикѣ и Бистерфельдѣ, тѣсно связанныхъ съ Коменскимъ.

Принимая во вниманіе высокое значеніе Коменскаго, какъ великаго дѣятеля просвѣщенія и какъ классическаго чешскаго писателя и крупнаго историческаго дѣятеля въ чешско-моравской реформациі съ одной стороны, а съ другой высокія достоинства и важность ученыхъ изысканій и изслѣдованій проф. Квачалы въ продолженіи слишкомъ шестнадцати лѣтъ, г. рецензентъ ходатайствуетъ о награжденіи проф. Квачалы полной преміей въ тысячу рублей.

II.

Н. Петровскій: *О сочиненіяхъ Петра Гекторовича*, 1487—1572 г. (Казань, 1901). 8°. Стр. 320.

Рецензія на трудъ Н. М. Петровскаго по просьбѣ Отдѣленія написана Г. М. Князевымъ.

Книга г. Петровскаго отвѣчаетъ одному изъ наиболее живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіяхъ Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные дубровницкіе и сербо-далматскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоятъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произве-

деній; независимо отъ этого спеціального интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живого взаимодействія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя не мало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ. Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербодальматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigrvanje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи. Въ первой, вступительной главѣ авторъ, съ цѣлью выясненія исторической перспективы для изученія Гекторовича, устанавливаетъ болѣе или менѣе достовѣрно, оказывавшіяся часто до послѣдняго времени очень сомнительными, хронологическія опредѣленія литературныхъ явленій на хорватскомъ поморьѣ со времени перваго, указаннаго Иречкомъ, свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи въ Дубровникѣ въ «Liber statutorum doane» и даетъ краткія характеристики внутренняго значенія литературной дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго писателя: С. Менчетича, Георг. Држича, Чубрановича, Марулича и Ветранича, сообщая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цѣнныя свѣдѣнія о рукописяхъ, изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, относящихся къ предмету изложенія. Затѣмъ онъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикой внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка, даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей сочиненій поэта (II гл.) и рассматриваетъ его произведенія: «Od lika ljuvenoga» (III гл.), «Ribanje» (IV—V), приписываемую ему хорватскую драматизацію житія св. Лаврентія (VI гл.) и мелкія, хорватскія и латинскія, стихотворенія (VII гл.), изслѣдуя ихъ тексты и выясняя литературную исторію cadaго изъ нихъ. Въ

связи съ поэмою «Ribanjе» разсматривается вопросъ о происхожденіи «осмерца» у хорватовъ и о «бугарштицахъ», а при изученіи хорватской драмы о св. Лаврентіи разбирается итальянскій оригиналъ ея «La Rappresentazione di santo Lorenzo» въ сопоставленіи съ житіями св. Сикста и Лаврентія въ изданіи болландистовъ (версія Адона съ разнотченіями изъ редакціи Сурія и др.); вопросъ о принадлежности хорватской драмы Гекторовичу авторъ рѣшаетъ, какъ и Лескинъ, отрицательно, прибавляя новые доводы въ пользу такого рѣшенія со стороны языка и внутренняго содержанія сомнительнаго произведенія. Наконецъ, въ приложеніи г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «Priказanja života s. Lovrinca tišćenika.» Содержаніе книги не ограничивается изслѣдованіемъ предмета темы: въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній и по другимъ разнымъ вопросамъ, затрагиваемымъ изложеніемъ; эти примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, но въ результатѣ отнынѣ безъ нея едвали можно будетъ обойтись занимающемуся соотвѣтственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы спеціально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора можно согласиться: такъ, онъ совершенно правильно опредѣляетъ внутреннее значеніе поэмы Гекторовича, отмѣчая ея самобытность, непосредственную связь съ народною жизнію и реализмъ представленія, но напрасно считаетъ названнаго писателя стоящимъ особнякомъ, совершенно одинокимъ въ своемъ направленіи и произведеніе его явленіемъ единственнымъ и исключительнымъ для своего времени, несправедливо игнорируя и умаляя въ данномъ случаѣ значеніе такихъ современниковъ изучаемаго поэта, какъ Ветраничъ и Маринъ Држичъ; Ветраничъ былъ, несомнѣнно, болѣе яркимъ и вообще замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и дубровницкому обществу, и жизненный реализмъ

большинства его значительныхъ произведеній не подлежитъ сомнѣнiю, а М. Држицъ какъ въ своей драмѣ «*Od pogoda Ivisova*», такъ и въ «*Тиренѣ*» и комедiяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенiя къ современной дубровницкой дѣйствительности; не вполне отвѣчаетъ дѣйствительности и данное авторомъ опредѣленiе значенiя «дубровницкихъ диоскуровъ», не свободна отъ противорѣчiя и недостаточно опредѣленна характеристика Марулича; сомнительна исторiя итальянскаго происхожденiя бугарштицъ (кор. *búga* отъ *volgár-*, *vulgár*). Но указанныя разногласiя относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбѣжны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторiи сербодалматской литературы; г. Петровскiй ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученiя предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключенiй въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обследованною. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знанiемъ предмета. Присужденiе Отдѣленiемъ автору премii имени проф. Котляревскаго было бы вполне заслуженнымъ и справедливымъ признанiемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенiя и авторитетнымъ поощренiемъ на дальнѣйшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ: «*Къ исторiи и діалектологiи польскаго языка*». а) I. Фонетика сважендзкаго говора. II. Возникновенiе общепольскихъ долготъ (СПб., 1903 г.) VIII + 224 стр. и б) III. Морфологiя Сважендзкаго говора (и Тексты). СПб., 1904 г. 30 стр.

Настоящiй трудъ былъ рассмотрѣнъ проф. В. К. Поржезинскимъ.

«Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ выписано выше, посвящены описанію сважендзскаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особый отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сважендзскаго говора не вошла въ составъ книги: «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора, — объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Надо замѣтить еще, что заглавіе: «Морфологія сважендзскаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены въ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сважендзскаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную: «Отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сважендзскаго говора.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а, какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской

долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ бѣльшей пользой для дѣла могли бы быть представлены особю.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендскаго говора, то мы получимъ довольно полное представление объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпоследній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчій.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно бѣльшаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другаго говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологіи сважендскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представление о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ бѣльшую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчій мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецеѣвскаго, относящимися къ говору *Miejskiej Górki*. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго

языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ, несомнѣнно, обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій».

«Перехожу теперь», — говоритъ проф. Поржезинскій, — «ко второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли, авторъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. «Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ» продолжаетъ авторъ, «я не напелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Выработывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соответствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей, — въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Обзоръ фонетики распадается на 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена большая часть книги: «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена большая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку они извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ

подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, объясняется какъ общимъ характеромъ работы, такъ, думается мнѣ, и самою сложностью вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ область исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ обще-славянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные **o* и **e* и тѣ же *o* и *e*, — оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако, соотвѣтствіе польскихъ *o* и *e* об.-славянскимъ **o* и **e*, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова «*тѣ же*» относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго положенія.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно разсмотрѣлъ литературу вопроса. Что касается самаго вопроса объ исторіи общеславянскихъ *e* и *o* въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполне вѣрной основную мысль Лоренца и Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія *e* и *o* нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ *z* и *h*. И этотъ вопросъ разсмо-

трѣхъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностью, причемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа $t \text{ } \grave{r} \text{ } t$, $t \text{ } \grave{r} \text{ } \grave{r} \text{ } t$.

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализации» z и \acute{z} въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начального слога съ z и \acute{z} составляетъ условіе для перехода z и \acute{z} въ гласныя полного образованія.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—210), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученные долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должны возникнуть задачи—выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работы Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенные въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣ-

дованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполне вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ со старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя. Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ общеславянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долгихъ гласныхъ, всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, причемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполне точно указываютъ на содержаніе соответствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Въ главѣ 9-ой: «Первоначально-краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выво-

дамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразование по аналогіи, а въ другой части признавая, «можетъ быть, фонетическое происхожденіе удлиненія» (послѣднее на стр. 153).

Что касается морфологіи, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльных формъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Итакъ въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной. Правда, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ; однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубитъ, расширитъ и дополнитъ основные свои выводы, и, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

«Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей сважендзкаго говора, что является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я, говорить г. рецензентъ, и позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ награждать автора преміей имени Котляревскаго и поощрять его этимъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка».

Комиссія, ознайомившись съ трудами, представленными на соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго, и съ рецензіями на нихъ, закрытою баллотировкою шарами присудила профессору Императорскаго Юрьевскаго Университета И. Квачалѣ за представленные имъ два труда по изданію и комментированію переписки Амоса Коменскаго — *полную премію* профессора Котляревскаго въ *тысячу рублей*, основываясь какъ на данныхъ рецензій, такъ и во вниманіе вообще ко всей совокупности свыше чѣмъ шестнадцатилѣтнихъ трудовъ профессора Квачалы по собиранію и изданію матеріаловъ для изученія дѣятельности и трудовъ Амоса Коменскаго.

Въ виду того, что и два другихъ труда, какъ выяснилось изъ прочтанныхъ въ засѣданіи Комиссіи рецензій г.г. Князева и Поржезинскаго, — тоже въ значительной степени отличаются учеными достоинствами и заслуживаютъ, по отзывамъ рецензентовъ, награжденія премією, Комиссія, — принимая во вниманіе, что капиталъ, образующій суммы, выдаваемыя въ преміи профессора Котляревскаго, нынѣ отъ конверсій и процентовъ значительно возросъ, — закрытою баллотировкою шарами присудила (согласно § 6 Правилъ) *по одной половинной* преміи имени профессора Котляревскаго *въ пятьсотъ рублей каждая* двумъ соискателямъ: 1) приватъ-доценту Императорскаго Казанскаго Университета магистру Н. М. Петровскому за его изслѣдованіе о Гекторовичѣ и 2) экстра-ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго Университета магистру С. М. Кульбакину за изслѣдованіе по исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Означенное постановленіе Комиссіи было утверждено Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, и тогда же Отдѣленіе, желая выразить свою искреннюю признательность г.г. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ соисканію премій имени профес-

16 ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ 1904 Г.

сора А. А. Котляревскаго сочиненій, постановило выдать установленныя золотыя медали имени профессора Котляревскаго: магистранту Г. М. Князеву и профессору В. К. Поржезинскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Честь имѣю изложить мое мнѣніе о важномъ значеніи двухъ томовъ составленнаго проф. Юрьевского Университета г. Квачалою, а прежде проф. евангелическаго лицея въ Пресбургѣ, сборника «Переписка Я. А. Коменскаго, (Korrespondence I. A. Komenského. Listy Komenského a vrstevníkůjeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů vydává Dr. Jan Kvačala. I т. XXIV—+373 стр. 1898 г.—II т. XXX—+351 стр.—всего 770 стр. слишкомъ комп. печ. въ большую 8.

Предварительно долгомъ считаю обратить вниманіе сочленовъ Комиссіи на разновременные труды г. проф. Квачалы о Я. А. Коменскомъ. Въ 1886 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свою inauguralную диссертацию—Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik, въ 1888 г. напечаталъ въ Лейпц. Paedagogium—Comenius und Bako:—въ первой ст. о физикѣ Коменскаго онъ останавливается на вопросѣ о вліяніи Кампанеллы, а въ послѣдней статьѣ о вліяніи Бэкона на Дидактику Коменскаго. Не отрицая, что К-скій былъ великимъ почитателемъ Бэкона, г. Квачала не признаетъ въ Дидактикѣ его вліянія по той простой причинѣ, что Дидактика была написана раньше знакомства Коменскаго съ сочиненіями Бэкона; въ 1889 г. помѣстилъ проф. Квачала въ Ztschr. f. öster. Gymn. библиографическій обзоръ большихъ и малыхъ до насъ дошедшихъ и не дошедшихъ, печатныхъ или приготовленныхъ къ печати сочиненій Коменскаго. Составленіе такого списка и обзора представляло большія трудности—первый такой списокъ былъ составленъ Палацкимъ въ приложеніи къ первой хорошей біографіи Коменскаго еще въ 1829 г. Съ тѣхъ поръ списокъ этотъ былъ дополняемъ преимущественно чехами: Юнгманомъ, Иречкомъ, Новакомъ, Зубкомъ и др. Писатель, жившій 300 лѣтъ назадъ и издававшій много небольшихъ книжекъ и листовъ, притомъ пользовавшійся большою извѣстностью и имѣвшій много враговъ среди католическаго духовенства, особенно иезуитовъ въ Австріи, съ такою ревностью уничтожав-

шихъ всякую чешскую или гуситскую или братскую книгу, такой писатель, какъ Коменскій, такъ много писавшій противъ Рима и Габсбурговъ, не могъ дойти до насъ въ цѣломъ видѣ. Надо помнить, что архивъ и библіотека Чешскихъ Братъевъ въ Лѣшнѣ, гдѣ хранились разныя бумаги и труды Коменскаго, подверглись страшному опустошенію по вступленіи въ Лѣшно польскаго войска въ войну шведскую (1656 г.). Тогда погибли и нѣкоторыя сочиненія Коменскаго по части пансофіи (или энциклопедіи), его проповѣди и поученія за 40 лѣтъ его паырскаго служенія; наконецъ, погибъ его словарь чешско-латинскій и латинско-чешскій, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе 46 лѣтъ. — Наконецъ проф. Квачала напечаталъ въ мадыарск. журналѣ Szazadok біографіи Бистерфельда, богослова, ученика и друга Альштедта, обоихъ близкихъ къ Коменскому людей, особенно во время пребыванія его въ Трансильваніи.

Наконецъ въ 1892 г. появился въ Лейпцигѣ большой и весьма почтенный трудъ проф. Квачалы I. A. Comenius-Sein Leben u. seine Schriften въ 480 стр. текста и 89 стр. важныхъ примѣчаній и приложений, между прочимъ указатель сочиненій Коменскаго, всего 142 №№. Тутъ же приведены указанія на пять приписываемыхъ Коменскому сочиненій.

Этотъ трудъ проф. Квачалы представляетъ самую полную біографію Коменскаго и самое полное обзорѣніе его сочиненій, по большей части съ изложеніемъ ихъ содержанія и иногда съ весьма цѣнными замѣтками, напр. объ его *Labyrinth'ъ swĕta*, чистомъ перлѣ чешской литературы.

Этотъ трудъ проф. Квачалы является наилучшею и наиболее пока полною біографіею Коменскаго. Никто изъ его біографовъ не былъ такъ хорошо приготовленъ, какъ проф. Квачала. Онъ началъ свои занятія Коменскимъ еще въ 1886 г., когда вышла его первая о немъ статья. Самыя первыя и полныя біографіи Коменскаго составляютъ статьи Палацкаго¹⁾ и Гиндели — *Ueber d. Comenius Leben u. Wirksamkeit in d. Fremde* (въ *Sitzber. d. phil. hist. Classe d. Wien. Ak. d. Win. Wiess. 1885* и новое увеличенное изданіе

1) въ Часоп. 1829 г. См. Palacký Fr. *Spisy drobné. D. III*, 366—412.

этой статьи въ Зноймѣ 1892. Послѣ этихъ двухъ чешскихъ историковъ о жизни и дѣятельности Коменскаго писали: Beeger u. Zoubek I. A. Comenius nach seinem Leben u. seinen Schriften Lpzg. 1883, Seyffarth I. A. Com. nach seinem Leben u. seiner pädagogischen Bedeutung. Lpzg. 1883., Kayser I. A. Comenius, sein Leben u. seine Werke. Hannover—Linden. 1892. Vrbka—Leben u. Schicksale d. I. A. Comenius. Znaim 1892.

Вообще о Коменскомъ, особенно какъ педагогѣ, и въ Германіи, имѣется большая литература, преимущественно развившаяся въ послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка. Укажемъ на главнѣйшія или болѣе извѣстныя сочиненія. Таковы:

1) Pappenheim I. A. Comenius, der Begründer d. neueren Paedagogik. Berlin 1871.

2) Hoffmeister I. A. Comenius als Begründer d. Volksschule. Berlin. 1877.

3) Gottsched Die pädagogischen Grundgedanken d. I. A. Comenius. Magdeburg 1879.

4) Criegern, von, I. A. Comenius als Theolog. Lpzg. 1881.

5) Hiller. Die Lateinmethode d. Comenius Tschopau. 1883.

6) Free. Die Pädagogik d. Comenius Bernburg. 1884.

Müller, W. Comenius ein Systematiker in d. Pädagogie. Dresden. 1887.

Losche I. A. Comenius d. Pädagog u. Bischof. Lpz. 1889.

Hähner, Natur u. Naturgemässheit bei Comenius. Chemnitz 1890.

Nebe I. A. Comenius als Mensch, Pädagog u. Christ. Bielef. 1891.

За эти же годы выходили и во Франціи и въ Англіи сочиненія о Коменскомъ, вѣроятно и въ Голландіи, въ Швеціи и въ Сѣв. Америкѣ.

Изъ французскихъ могу указать:

Robert Notice sur I. A. Comenius et ses idées humanitaires et pédagogiques. Paris. 1882.

Изъ Англійскихъ:

Laurie I. A. Comenius Bishop of the Moravians. His life and educational works. Cambridge. 1887.

Этими трудами далеко не исчерпывается западно-европейская литература о Коменскомъ. Во всѣхъ исторіяхъ педагогій, народной и средней школы, въ исторіи реформациі XVII в., во всѣхъ европейскихъ энциклопедіяхъ можно найти цѣлыя, болѣе или менѣе обширныя статьи о Коменскомъ. Къ памяти 300-лѣтія рожденія Коменскаго (1572 г.) въ Лейпцигѣ въ 1871 г. было положено основаніе такъ называемой Comenius-Stiftung—центральной педагогической библиотекѣ. Для дальнѣйшей же разработки всего, что касается Коменскаго и для вліянія въ духѣ Коменскаго на все нынѣшнее поколѣніе, въ Берлинѣ 1 окт. 1891 г. было основано общество Коменскаго (Comenius Gesellschaft), начавшее ежемѣсячное изданіе (въ Лейпцигѣ) въ мартѣ 1892 г. (Comenius-Studien).

Коменскій не былъ однако исключительно педагогомъ и богословомъ. Хотя онъ прожилъ на родинѣ неполныя лишь 30 лѣтъ своей 80-лѣтней жизни (1592—1608, 1614—1628 нач. г.), и, прославляемый въ Европѣ, на родинѣ же и въ цѣлой имперіи Габсбурговъ онъ былъ принудительно умалчиваемъ или проклинаемъ, какъ еретикъ и государственный преступникъ, вплоть до извѣстныхъ годовъ царствованія императрицы Маріи Терезы, когда ея благородный, просвѣщенный сынъ, въ послѣдствіи императоръ Іосифъ II, сталъ принимать участіе въ управленіи. Чехи, Мораване только съ конца XVIII в., со времени своего возрожденія, стали вновь признавать высокое значеніе своего великаго дѣятеля. Другъ человѣчества, знаменитый въ Европѣ педагогъ, Коменскій былъ и великимъ чешскимъ писателемъ и крупнѣйшимъ въ чешской исторіи дѣятелемъ послѣ Я. Гуса и Іеронима Пражскаго. Послѣдній епископъ Моравскихъ, Чешскихъ братьевъ такъ много сдѣлавшихъ и для чешскаго языка и литературы, Коменскій въ своихъ преніяхъ съ Лютеранами постоянно указывалъ, что не Лютеръ, а Гусъ былъ родоначальникомъ реформаторовъ въ Чехіи и Моравіи, что церковная реформа пошла не изъ Германіи XVI в., а изъ Англіи XIV в. Изъ этого видно, что онъ признавалъ (и вполнѣ справедливо) болѣе

или менѣе сильное вліяніе Виллефа на Гуса. Коменскій былъ также однимъ изъ самыхъ крупныхъ знатоковъ чешскаго языка и большимъ любителемъ живой народной старины. Онъ гѣшкомъ исходилъ Моравію, составилъ первую порядочную ея карту, записывалъ народныя пословицы и въ теченіе 45 лѣтъ работалъ надъ погибшимъ (сгорѣвшимъ потомъ въ Лѣшнѣ) словаремъ чешско-латинскимъ и латинско-чешскимъ. По языку своему, онъ принадлежитъ къ наилучшимъ классическимъ писателямъ чешскимъ. Его чешская Дидактика, его «материнская школа», его *Labyrint světa* превосходные памятники чистѣйшаго чешскаго языка, сильно попорченнаго въ послѣдовавшія затѣмъ полтораста лѣтъ. *Labyrint světa*—прекрасное, художественное, полное глубокаго юмора и ироніи, произведеніе. Вмѣстѣ съ *Ran Tadeusz* оми Мицкевича, съ баснями Крылова, съ Горе отъ ума Грибоѣдова, многими большими и мелкими произведеніями Пушкина, Гоголя, Льва Толстого и Достоевскаго, оно принадлежитъ къ литературнымъ созданіямъ славянскаго генія со значеніемъ истинно мировымъ. Самыя слабости Коменскаго, его мистическія бредни (*Lux e tenebris*), его вѣра въ нелѣпыя пророчества и видѣнья Хр. Коттера, Софіи Понятовской и Драбика, его хилиастическія мечтанья о близкомъ крушеніи новаго Вавилона и наступившаго царства Антихристового (папскаго Рима и монархіи Габсбурговъ) объясняются не его личными только, а общими, постигшими его родину и его церковь (*jednotu* братскую) бѣдствіями. Бѣлогорская битва и Вестфальскій миръ привели къ полному разгрому его родину и его церковь, къ преслѣдованію и изгнанію всѣхъ лучшихъ сыновъ и представителей ея. Утопающій за соломинку хватается, и экзулянты чешско-моравскіе, сходно съ позднѣйшими эмигрантами Итальянскими и Польскими, не мирясь съ настоящимъ, предавались самому необузданному мистицизму и согласно съ духомъ времени, искали и находили въ пророчествахъ Даниила, Іезекиіля и Исаіи, особенно въ Апокалипсисѣ, ясныя указанія на свои злосчастія и на прямой выходъ изъ нихъ. Также горячая привязанность къ родинѣ побуждала Коменскаго и къ политической агитаціи. Благодаря въ особенности сборникамъ проф. Ква-

чалы (переписка Коменскаго)¹⁾ мы узнаемъ теперь много новыхъ подробностей о стараніяхъ Коменскаго въ Швеціи у министра Оксенштирны, въ Англіи у Кромвеля и особенно изъ разныхъ записокъ Коменскаго, возбуждавшихъ Юрія Ракоція противъ Австріи. Позволю себѣ привести одно извлеченіе изъ сборника Квачалы относительно политическихъ чаяній Коменскаго, между прочимъ, и на Московское государство. Съ современною ему Россією, отчасти и по распросамъ, и съ русскимъ народомъ, по крайности западнымъ его отдѣломъ, Коменскій имѣлъ случай и лично ознакомиться еще въ 1644 г., когда прожилъ слишкомъ двѣ недѣли въ Литвѣ, именно въ мѣстечкѣ Орлѣ, близъ Вильны, куда онъ ѣздилъ на съѣздъ братьевъ изъ В. и М. Польши и Литвы (Kogespr. I. Komenského I, с. 119—120). Въ томъ же томѣ Переписки Коменскаго проф. Квачала помѣстилъ найденный имъ въ Брит. Музеѣ отрывокъ изъ письма неизвѣстнаго лица къ другу и большому покровителю Коменскаго, просвѣщенному Гартлибу. Письмо это послано было изъ Силезіи, изъ гор. Брѣга 25 іюля 1654 г. Здѣсь читаемъ, что въ половинѣ іюня Коменскій былъ въ Трансильваніи и на обратномъ пути видѣлся 28 іюля съ авторомъ этого письма. Коменскій, по его словамъ, узналъ много секретнаго (viel geheime Sachen) отъ польскихъ евангеликовъ (von Evangel. Poln. Herren), а именно: «Der Moscoviter gehet dahin, dass er die Pfaffen in gantz Polen wil austilgen, wil auch weiter gehen, und intentioniret dasz gantze Babstumb auszurotten. Hat schon viel fäste Plätze eingenommen, und ist niemand der ihm widerstand thuet. In Böhmen und Mähren warten viel 1000 Mann auf die Hülffe ausz Sion; Wie denn ein Böhmischer Herr in Pohlen sich aufhelt, der für gewisz berichtet, das seine und seiner Nachbarn Unterthanen in 20^m auf ihn warten, sobald und nur des Imp. Todt offenbar wird, und nur ein einziger Potentat auff Ewang. seiten aufzieht, und in Böhmen und Mähren kombt, so bringt er in kurtzer Frist 100^m Mann zusammen ohne Werbung. Далѣе высказывается надежда на Кромвеля, про

1) Также см. прекрасные сборники матеріаловъ объ А. Коменскомъ, составл. достопочтеннымъ библіотекаремъ А. О. Патерою, изд. Чешск. Акад. Н.

котораго между прочимъ одинъ англійскій полковникъ разсказывалъ въ Бреславлѣ, за столомъ, что Кромвель *trachte alle hohe Häupter in Europa auszurotten*, darumb nennt er sich jetzt schon einen Kayser, hab auch auff seiner münze sich Imperatoren titulirt, что вообще онъ имѣетъ въ виду die ganze Ausrottung des Papstums.

Въ день отъѣзда Коменскаго изъ Трансильваніи пришла къ Ракоцію почта отъ Татаръ съ увѣщаніемъ, чтобы Ракоцій отступился отъ союза съ Польскимъ королемъ, иначе де, съ нимъ случится тоже что съ Польскимъ. По словамъ же Коменскаго, Польскіе еванг. дворяне (*Herren*) настаивали у Ракоція, чтобъ онъ приступилъ къ нимъ: *er sollte sich zu ihnen schlagen, sie wolten sich mit dem Moscoviter conjungiren, und das gantze Papstumb in Polen ausrotten.*

Я привелъ эти выписки съ намѣреніемъ показать, что біографія Коменскаго и тщательныя изысканія источниковъ, современныхъ свидѣтельствъ о немъ, собственныхъ писемъ и записокъ его (каковы два тома Квачала) вполне подходятъ къ требованіямъ покойнаго Котляревскаго относительно его преміи. Коменскій былъ не только другъ человѣчества, педагогъ, богословъ и мыслитель, но и превосходный чешскій писатель, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей чешскаго реформаціоннаго движенія: всѣмъ существомъ своимъ онъ былъ связанъ со своимъ славянскимъ народомъ, со своею чешско-моравскою родиною, съ ея прошлымъ и настоящимъ.

Профессоръ Квачала, начавшій свои работы еще до 1886 г. привелъ отчасти ихъ къ окончанію, издавъ въ 1892 г. біографію Коменскаго. Послѣдующіе за тѣмъ годы онъ употребилъ на разѣзды по Европѣ, собирая матеріалы и извѣстія о Коменскомъ—въ Германіи, Швеціи, Даніи, Голландіи и Англіи, Швейцаріи и Австро-Венгріи для исправленія и пополненія перваго изданія своего, лучшаго въ то время (1892 г.), жизнеописанія Коменскаго. Нельзя не пожелать, чтобы второе изданіе, передѣланное, и дополненное вышло одновременно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Можно надѣяться, что II Отд. И. Ак. Н. не отказалось бы напечатать его въ своихъ Сборникахъ, съ предоставленіемъ автору извѣстнаго (по соглашенію съ нимъ) количества экземпляровъ.

В. Ламанскій.

II

Н. Петровскій. О сочиненіяхъ Петра Гекторовича (1487—1572). Казань. 1901 г. 8°. Стр. 320.

Рецензія Г. М. Князева.

Названная книга уже не первая и не единственная работа автора въ области историко-литературныхъ изученій, къ которой относится: кромѣ нея, сколько мнѣ извѣстно, имъ были напечатаны статьи: «Der Philomelamythus in der kroatischen Volksdichtung» (Archiv für slavische Philologie, B. XXII), «Къ вопросу о драмѣ А. Лудича «Robinja» (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCCXXXV, іюнь 1901 г.), «O genealogiji Držića» (Rad Iugoslov. akademie, kn. 148). Разсматриваемая книга г. Петровскаго отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, одному изъ наиболѣе живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіи Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные хорватскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоятъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произведеній; независимо отъ этого спеціальнаго интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живаго вза-

имодѣйствія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя немало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ; «изученіе итальянско-славянскихъ литературныхъ отношеній, по замѣчанію академика А. Н. Веселовскаго ¹⁾, еще можетъ повести къ любопытнымъ откровеніямъ»... Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербо-далматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи.

Книга состоитъ изъ семи главъ съ приложеніемъ въ концѣ къ одной изъ нихъ (VI-ой). Первая, вступительная глава, подъ заглавіемъ (въ оглавленіи) «Свѣтская литература Далмаціи до Гекторовича», занята критическими замѣчаніями, въ текстѣ и подъ строкою, о существующихъ источникахъ и пособіяхъ по исторіи старинной сербо-далматской словесности (стр. 7—10), установленіемъ съ большею или меньшею достовѣрностью хронологическихъ опредѣленій жизни и дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго авторомъ хварскаго поэта: С. Менчетича и Г. Држича, А. Чубрановича, М. Марулича и М. Ветранича (стр. 10—23) и характеристикю въ общихъ чертахъ внутренняго значенія ихъ литературныхъ произведеній (стр. 23—38). Многочисленные и обширные подстрочныя примѣчанія заключаютъ много весьма цѣнныхъ указаній и соображеній относительно рукописей и изданій литературнаго матеріала, о которомъ идетъ рѣчь, и библиографическихъ данныхъ по его изученію и обработкѣ. Время, къ которому относится первое достовѣрное свидѣтельство о суще-

1) «Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвомъ Радо»: Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССІ (январь 1879 г.) стр. 107.

ствованіи въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи свѣтской поэзіи на сербо-хорватскомъ языкѣ, опредѣляется въ настоящую пору, какъ извѣстно, 1421—1430 годами, когда, по мнѣнію К. Иречка, судя по почерку, вписанъ былъ между многими другими латинскими и итальянскими заимствками кириллицею отрывокъ изъ какого-то стихотворенія (6 строкъ) шестисложнаго размѣра, найденный названнымъ ученымъ въ дубровницкой рукописи «*Liber statutorum doane*» (1277 г.) ¹⁾. Г. Петровскій опредѣляетъ размѣръ этого стихотворенія, какъ обычный впослѣдствіи «дванаестерацъ», раздѣляя видимо въ данномъ случаѣ мнѣніе, что этотъ послѣдній размѣръ образовался изъ сдвоенныхъ первоначальныхъ шестисложныхъ стиховъ, но это мнѣніе требуетъ еще доказательствъ ²⁾, и потому указанное опредѣленіе едва ли было умѣстно безъ всякихъ оговорокъ... По содержанію найденный Иречкомъ отрывокъ представляетъ лирическое описаніе бури на морѣ и чувства, съ какимъ пострадавшій пловецъ выходитъ послѣ нея на берегъ; онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе автора разсматриваемой книги, какъ показаніе, что въ Дубровникѣ писались, повидимому, стихи свѣтскаго содержанія на сербо-хорватскомъ языкѣ еще въ началѣ XV столѣтія, вопреки принятому до послѣдняго времени мнѣнію, по которому исторія хорватской литературы начиналась съ М. Марулича, хотя послѣдній самъ въ предисловіи къ своей поэмѣ «Юдишь» говорилъ: «*historiju tuj svedoh u versih po običaji naših začinjavac*»; изъ этихъ словъ, какъ бы ни понимать выраженіе «*začinjavac*», очевидно, что у автора данной поэмы, по его собственному признанію, были предшественники, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ произведеніи. Отмѣчая явное противорѣчіе, въ какомъ оказывались въ данномъ случаѣистики литературы, державшіеся

1) Свѣдѣнія объ этой рукописи и самые стихи напечатаны К. Иречкомъ въ его статьѣ «*Der ragusanische Dichter Šiško Menčetić (geb. 1457 † 1527): Archiv für Slav. Phil., XIX, 57—62.*

2) Medini, Povjest hrvatske književnosti u Dalmaciji i Dubrovniku, kn. I, XVI stol. (U Zagrebu 1902), стр. 8.

только что указанного взгляда по вопросу о началѣ сербо-хорватской поэзіи, г. Петровскій находитъ также страннымъ, что «даже чакавскія особенности языка «дубровницкихъ трубадуровъ» — С. Менчетича и Г. Држича, стоящихъ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ, такъ-же, какъ и Маруличъ, — объяснялись по-дражаніемъ послѣднему», но въ изложеніи его представляется неяснымъ, какъ смотритъ онъ самъ на этотъ вопросъ; между тѣмъ, отрицая въ отношеніи языка вліяніе Марулича на Г. Држича и Менчетича и обратно, наблюдаемое въ указанномъ отношеніи сходство между ними можно, какъ извѣстно, объяснять создавшеюся ко времени литературной дѣятельности этихъ поэтовъ традиціею поэтического языка ¹⁾, наличность которой можетъ, въ свою очередь, быть косвеннымъ подтвержденіемъ непрерывнаго существованія свѣтской поэтической литературы на сербо-хорватскомъ языкѣ съ начала XV до XVI столѣтія, хотя самихъ произведеній такой литературы за это время и не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, назвать съ полною достовѣрностью было бы трудно; къ числу такихъ произведеній, можетъ быть, принадлежать и нѣкоторыя изъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, оказывающіяся между произведеніями Г. Држича и Менчетича въ задрской рукописи Раньины... Продолжая свой обзоръ начального періода хорватской литературы, г. Петровскій говоритъ, что между упомянутою выше стихотворною записью 1420—1430 года и «началомъ XVI вѣка нѣтъ ни одного подкрѣпленнаго фактами свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи на хорватскомъ языкѣ въ Далмаціи, хотя изъ различныхъ источниковъ извѣстны имена поэтовъ, писавшихъ *lingua vernacula*» (стр. 10—11), и въ этомъ случаѣ противорѣчить самому себѣ, такъ какъ черезъ нѣсколько страницъ приходитъ между прочимъ къ заключенію, что *любовныя* стихотворенія Г. Држича слѣдуетъ относить приблизительно къ 1480 годамъ (стр. 18). О М. Кристичевичѣ, І. Мартиничѣ, І. Папа-

1) Medini, Povjest hrv. književn. u Dalmaciji i Dubrovniku, I, 6—7.

личѣ, Ф. Наталичѣ, С. Клеменовичѣ, Н. Матуличѣ и Ф. Божи-
чевичѣ имѣются крайне скудныя біографическія свѣдѣнія, и про-
изведенія большинства изъ нихъ неизвѣстны; поэтому г. Пе-
тровскій, говоря объ этихъ поэтахъ, ограничивается лишь би-
бліографическими указаніями и нѣкоторыми соображеніями от-
носительно біографій того или другого изъ нихъ. Относящіяся
сюда примѣчанія автора представляютъ иногда любопытный ма-
териалъ для характеристики обычныхъ до послѣдняго времени
пріемовъ въ изученіи старинной хорватской литературы. Такъ,
напримѣръ, о Крстичевичѣ «*Cerva* (Vitae illustrorum Ragusi-
norum, III, 47) пишетъ: Illustres inter viros, qui seculo XV vi-
xerunt, laudandus nobis est poeta non ignobilis Marinus Chris-
tichievich. Quis ille fuerit, quodque vitae institutum professus,
mihi latet; at cum Illyricis Musis rationem habuisse certa res
est. Extant enim nonnulla ejus varii generis et argumenti poe-
matia, sane elegantissima, descripta initio XVI seculi, quae ho-
minem poeticae satis peritum demonstrant. *Dolci* ограничивается
(Fasti litterario-ragusini, pag. 40) слѣдующими словами: Ma-
rinus Christichievich. Nobilis inter Illyricos Poetas ineunte Se-
culo XV (т. е. XVI, ср. итальянское выраженіе il cinquecento
въ смыслѣ «XVI вѣкъ») habebatur; at praeter Epigramma, quod
inter Carmina Sigismundi Mensii, nullum aliud ingenii ejus mo-
numentum». *Kukuljević* (Pjesnici hrvatski XV veka. Zagreb 1856,
стр. 41) уже знаетъ, что Крстичевичъ жилъ «oko godine 1460»,
что о немъ упоминаетъ одинъ Дольчи (между тѣмъ трудъ Червы
былъ извѣстенъ Кукульевичу, cf. ibid., pag. 23, nota, et passim),
по словамъ котораго будто бы нѣкоторыя эпиграммы Крстиче-
вича сохранились среди стихотвореній Менчетича; *S. Ljubić*
(Ogledalo književne povjesti jugoslavjanske, II, Rječki 1869,
стр. 370) повторяетъ слова Кукульевича, кромѣ сочиненной
тѣмъ даты. Достоверныя, но весьма скудныя данныя о Кри-
стичевичѣ, собранныя г. Иречкомъ (Beiträge zur ragus. Littera-
turgeschichte, Archiv f. Sl. Phil., pagg. 462—464), показываютъ,
что онъ былъ въ родствѣ съ Држичами, что въ 1503 г. онъ уже

искалъ должности коадьютора въ *Consilium Rogatorum*, а въ 1531—умеръ» (стр. 11, прим.). Кукульевичъ въ своихъ «*Pjesnici*» (стр. 51) выписываетъ изъ «Евангелистарія» Марулича стихотвореніе его Папаличу, приведенное въ біографіи послѣдняго у Думанео въ «*Synopsis virorum illustrium Spalatensium*», тогда какъ въ названномъ трактатѣ Марулича никакихъ стихотвореній автора нѣтъ; Любичъ (*Ogledalo*, 369), съ своей стороны, также сообщаетъ, что Маруличъ очень хвалитъ Папалича въ своемъ «Евангелистаріи» (стр. 12, прим.)... Подобными указаніями живо выясняется та необходимость критическаго пересмотра существовавшихъ до сихъ поръ данныхъ по исторіи старинной сербо-хорватской литературы и изученія заново ея источниковъ, о которой было мною выше сказано. Относительно Менчетича г. Петровскій приводитъ данныя Иречка, по которымъ, какъ извѣстно, поэтъ родился въ 1457 г. и умеръ въ 1527 году ¹⁾, о Држичѣ представляетъ новыя цѣнныя показанія, извлеченныя изъ найденной имъ въ бібліотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ неизвѣстной до сихъ поръ рукописи, подъ заглавіемъ «*Origine et descendenza della famiglia di darsa*», которая заключаетъ въ себѣ генеалогію Држичей, составленную однимъ изъ представителей этого рода въ 1603 г. ²⁾: по достовѣрнымъ показаніямъ этой генеалогіи, Георгій Држичъ родился 6 февраля 1461 г., умеръ 26 сентября 1501 года; указанія Червы, Джорджича, Аппендини относительно несчастной любви поэта, будто бы заставившей его постричься въ монахи, признанныя Ягичемъ и Иречкомъ недостоверными, объясняются, по даннымъ генеалогіи, сообщенной г. Петровскимъ, повидимому, смѣшеніемъ поэта съ другимъ Георгіемъ Држичемъ, его дядею, въ жизни котораго дѣйстви-

1) *Archiv f. Slav. Phil.*, XIX, 65, 72.

2) Описаніе этой рукописи и характеристику ея содержанія г. Петровскій даетъ въ примѣчаніи къ рассматриваемой книгѣ (стр. 15—18), а самая генеалогія напечатана имъ въ «*Rad'z Jugosl. akad.*» въ упомянутой выше статьѣ «*O genealogiji Držića*».

тельно было подобное обстоятельство. Г. Петровскій извлекъ между прочимъ изъ указанной рукописи и точную дату смерти Марина Држича, о времени которой, какъ извѣстно, до сихъ поръ не было достовѣрныхъ свѣдѣній: оказывается, онъ умеръ въ Венеціи 2 мая 1567 года ¹⁾ (стр. 17, прим.). Относительно А. Чубрановича, умершаго, по мнѣнію Иречка и Медини, въ 1527 году, во время свирѣпствовавшей тогда въ Дубровникѣ чумы, авторъ, на основаніи интересныхъ сопоставленій имѣвшихся въ литературѣ предмета данныхъ и мнѣній и нѣкоторыхъ собственныхъ соображеній, приходитъ къ заключенію, что въ извѣстныхъ словахъ Джорджича, въ общемъ, не отвѣчающихъ дѣйствительности, — *credo che (Cjubranovich) fiorisse intorno al 1460* — можетъ скрываться «зерно истины», въ томъ смыслѣ, «что Чубрановичъ родился въ 1460-хъ годахъ». Для Ветранича г. Петровскій сохраняетъ прежнія хронологическія данныя (1482—1576 г.), несмотря на сомнѣніе, высказанное Иречкомъ относительно правильности обычнаго опредѣленія года рожденія поэта въ виду того, что 1504 годомъ, оказывается, датированъ нотаріальный актъ о совершеннолѣтіи его, которое по дубровническимъ законамъ могло состояться въ 18 или 20 лѣтъ отъ роду ²⁾; въ подкрѣпленіе прежней даты Г. Петровскій указываетъ на то обстоятельство, что поэтъ, говоря въ началѣ своей поэмы «*Pelegrin*» о постигшемъ его несчастіи и намекая, по мнѣнію Медини ³⁾, въ данномъ случаѣ, вѣроятно, на несчастье, которое ему пришлось пережить, по біографическимъ даннымъ, въ 1517 году, фигурально опредѣляетъ время этого несчастія выраженіемъ «*ja bivši srjed puta od toga poroda*», представляющимъ дословный переводъ начальнаго стиха «Божественной комедіи» Данте, который подъ словами «*mezzo del cammin di*

1) Родился М. Држичъ, по соображеніямъ г. Петровскаго, около 1510 г. (1508—1512), а не послѣ 1520 г., какъ полагалъ Петрачичъ (St. pisci hrv., VII, стр. V): «*O genealogiji Držića*» — Rad Jugosl. akad., kn. 148, стр. 229.

2) K. Jireček, Der ragusan. Dichter Š. Menčetić: Archiv f. Sl. Ph., XIX, 77.

3) «*Vetranic's Pelegrin*»: Archiv f. Sl. Ph., XVII, 522.

postra vita» разумѣлъ тридцатипятилѣтній возрастъ: такимъ образомъ, если Ветраничу въ 1517 году было 35 лѣтъ, то родился онъ въ 1482 году. Но, по моему мнѣнію, если сомнѣніе Иречка представляется недостаточно обоснованнымъ, потому что формальное закрѣпленіе правъ, связанныхъ съ совершеннолѣтіемъ, могло состояться, какъ бываетъ иногда теперь, и позднѣе фактического полученія ихъ, то, съ другой стороны, приведенное выше выраженіе поэта, само по себѣ, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ, такъ какъ могло быть чисто внѣшнимъ подражаніемъ Данте, не заключаая въ себѣ непременно автобіографическаго смысла по отношенію къ автору, по крайней мѣрѣ, какъ совершенно точная и опредѣленная хронологическая дата.

Опредѣливъ съ большей или меньшей достовѣрностью время жизни главныхъ предшественниковъ Гекторовича, г. Петровскій обращается къ характеристикѣ внутренняго значенія ихъ произведеній. Прежде всего онъ останавливается на литературной дѣятельности «дубровницкихъ діоскуровъ» С. Менчетича и Г. Држича. Говоря о главномъ источникѣ для изученія этихъ поэтовъ, извѣстной задрской рукописи 1507 года, авторъ высказываетъ между прочимъ нѣсколько замѣчаній по вопросу о времени, когда былъ написанъ сборникъ Николая Раньины: по мнѣнію Решетара ¹⁾, рукопись задрской гимназій не могла быть написана въ 1507 году, какъ она датирована, а если и была написана въ этомъ году, то не въ полномъ своемъ теперешнемъ составѣ, такъ какъ между прочими заключающимися въ ней стихотвореніями оказывается стихотвореніе Ветранича, посвященное поэту Нико и написанное, по другимъ источникамъ, на смерть Николая Димитровича, который умеръ не ранѣе 1554 года; г. Петровскій говоритъ, что несомнѣнно только то, что указанное стихотвореніе относится къ какому-то поэту, по имени Нико, а

1) «Das ragusanische Liederbuch aus dem Jahre 1507»: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 229—280.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

приуроченіе его именно къ Димитровичу (Решетаръ также думаетъ, что не слѣдуетъ его относить непременно къ Димитровичу) можетъ быть ошибкою позднѣйшихъ рукописей, и потому предпочитаетъ общепринятую дату. Медини въ своей исторіи хорватской литературы XVI в. обозначаетъ эту дату сборника Раньины съ вопросительнымъ знакомъ ¹⁾. Недавно Матичъ ²⁾ высказалъ по этому вопросу мысль, что упомянутое стихотвореніе Ветранича относится къ поэту Маро Лиля, котораго называетъ въ ряду другихъ дубровницкихъ поэтовъ А. Сасинъ въ своихъ стихотвореніяхъ «*Drugi sap*» и «*U pohvalu pjesnika dubrovačkijeh* ³⁾»; Лиля, по соображеніямъ Матича, умеръ во второй половинѣ XVI вѣка, — слѣдовательно, мнѣніе Решетара остается въ силѣ и взглядъ Петровскаго не находитъ себѣ подтвержденія, но я счелъ уместнымъ отмѣтить въ данномъ случаѣ статью Матича, потому что авторъ ея также предполагаетъ замѣну первоначально стоявшаго, по его мнѣнію, въ рукописяхъ имени Маро позднѣйшимъ Нико. Кромѣ сборника Раньины, г. Петровскій указываетъ еще одну рукопись стихотвореній Менчетича, видѣнную имъ въ задрской *Communale Bibliotheca Ragavia* и не принятую во вниманіе при академическомъ изданіи сочиненій «дубровницкихъ діоскуровъ»: по мнѣнію автора, она могла бы быть полезна для возстановленія текста произведеній названнаго поэта. Обращаясь къ заключающимся въ разсматриваемой главѣ замѣчаніямъ о внутренней сторонѣ поэтическихъ произведеній названныхъ литературныхъ предшественниковъ и современниковъ Гекторовича, съ нѣкоторыми мнѣніями и взглядами автора трудно согласиться. «Произведенія С. Менчетича и Г. Држича, говоритъ г. Петровскій, охарактеризованы въ извѣстной рѣчи акад. Ягича «*Trubaduri i najstariji hrvatski lirici*» (Rad, 1869, IX). За тридцать слишкомъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея обноро-

1) «*Povj. hrv. knjiz.*», I, стр. 125, 127—129.

2) «*Die Widmung eines Gedichtes Vetranić's*»: *Archiv für Sl. Phil.*, XXVI, 262—266.

3) *St. pisci hrv.*, XVI, 158, 160.

дованія, въ данной области не появлялось ничего такого, что могло бы измѣнить выводы акад. Ягича, видѣвшаго въ произведеніяхъ С. Менчетича и Г. Држича отголоски любовной лирики трубадуровъ, дошедшей до дубровчанъ при посредствѣ итальянской литературы (въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ «діоскуровъ» замѣтно подражаніе Петраркѣ; болѣе подробное изслѣдованіе указало бы, вѣроятно, и слѣды вліянія петраркистовъ). Въ общемъ можно сказать, что вся эта поэзія, монотонная и на своей родинѣ, становилась просто скучной у подражателей; если, напр. Петрарка до извѣстной степени искупалъ безсодержательность и фальшивость своихъ сонетовъ необычайною красотою формы, то о дубровническихъ трубадурахъ нельзя сказать и этого; ихъ стихотворенія не свидѣтельствуютъ даже объ изобрѣтательности авторовъ, объ ихъ умѣніи придавать сколько-нибудь новую внѣшность стереотипному содержанію; незамѣтно, чтобы «діоскуры» отличались и образованіемъ, которое давало бы имъ возможность переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Обычныя въ произведеніяхъ временъ Возрожденія сравненія изъ античной исторіи и мифологіи изрѣдка встрѣчаются и у «дубровническихъ діоскуровъ», которые, впрочемъ, только подбирали эти крупинки со стола ихъ итальянскихъ учителей (стр. 23—25)... Безсодержательность и полная незначительность произведеній «дубровническихъ трубадуровъ» была, вѣроятно, причиною весьма малой ихъ распространенности. Всѣ панегирики, которые писались Менчетичу и Држичу позднѣйшими литераторами, происходятъ изъ Дубровника, за стѣнами котораго ихъ поэзія едва ли была извѣстна; по крайней мѣрѣ ни на какихъ поэтахъ другихъ мѣстностей Далмаціи не замѣтно вліянія «діоскуровъ» (стр. 26)... Последнее замѣчаніе автора находится въ противорѣчій съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, указывая на мнѣніе Майкснера¹⁾, что на

1) «O hrvatskom prijevodu XV (XVI) Ovidijeve heroide «Paris Helenae» od H. Lučića»: Rad Jugosl. akad., kn. 91.

способъ выраженія Луцича при переводѣ героиды Овидія «*Paris Helena*» вліяли формулы трубадурской лирики, представителями которой у хорватовъ были Г. Држичь и С. Менчетичъ, и находя, съ своей стороны, слѣды такого вліянія въ переводномъ стихотвореніи «*Od lika ljubenoga*» Гекторовича (стр. 87): оба названные поэта были уроженцами Хвара (Лесины). Относительно А. Чубрановича авторъ также отмѣчаетъ указаніе Медини, что въ поэмѣ этого поэта «*Jedjurka*» замѣчается немало сходства въ мотивахъ и тонѣ выраженія съ поэзією дубровницкихъ трубадуровъ¹⁾; хотя г. Петровскій и выражаетъ «удивленіе, какъ можно усматривать сходство между бездушными, вялыми амплификаціями общихъ мѣстъ и горячей рѣчью искренняго чувства» (стр. 27), и полагаетъ, что «если и есть сходство въ выраженіяхъ «діоскуровъ» и «*Andrije zlatara*», то оно скорѣе можетъ быть объяснено общностью приемовъ, нежели заимствованіемъ» (стр. 29), но вопросъ такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, не касается наличности факта и сводится только къ его толкованію съ различныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Связь поэзіи Менчетича и Г. Држича съ лирикою трубадуровъ чрезъ посредство итальянскаго вліянія и зависимость «дубровницкихъ діоскуровъ» отъ Петрарки съ его сонетами, конечно, несомнѣнны, но это не составляетъ ихъ отличительной особенности, такъ какъ итальянское вліяніе было явленіемъ общимъ въ большей или меньшей степени для всѣхъ старинныхъ сербо-далматскихъ писателей. Не слѣдуетъ однако при этомъ упускать изъ вида, что многія характерныя черты лирики трубадуровъ оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ присущими и хорватской народной поэзіи, и не только въ выраженіи, но даже въ мотивахъ содержанія²⁾. Конечно, это явленіе можно также объяснять итальянскимъ вліяніемъ на почвѣ взаимнаго общенія двухъ сторонъ въ самой средѣ народной: «легко

1) Medini, Čubranović und seine Beziehungen zu der einheimischen und der italienischen Literatur: Archiv f. Sl. Phil., XXII, 96–98.

2) Ср. Medini, Povjest hrv. književn., I, 128–125.

предположить а priori, по мѣнію академика А. Н. Веселовскаго ¹⁾, что народные пѣвцы были издавна носителями обоюдныхъ пѣсенныхъ вліяній на томъ и другомъ берегу Адриатики. Славянскіе музыканты и скоморохи могли проникать въ Италію, гдѣ *tomì schiavoneschi* засвидѣтельствованы для XIV и XV вѣка. Съ другой стороны, жонглеры (*giullari*) XIII и XIV вѣка, толпившіеся при дворахъ сѣверно-итальянскихъ влѣстителей, Эццелиновъ и Скалигеровъ, могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда рассказы о Карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго стола, издавна популярныя въ Италію. Но съ этой точки зрѣнія историко-литературное значеніе поэтическихъ произведеній Менчетича и Г. Држича существенно мѣняется сравнительно съ тѣмъ, что о нихъ говоритъ г. Петровскій: поэзія ихъ, при всей своей подражательности, по внѣшности, получаетъ нѣкоторый отпечатокъ самобытности; появленію ихъ поэтическихъ произведеній предшествуетъ, по нѣкоторымъ даннымъ, повидимому, рядъ другихъ подобныхъ, представляющихъ какъ бы послѣдовательныя ступени перехода, подъ вліяніемъ итальянскаго образованія, отъ безыскусственнаго, народнаго къ литературно-художественному творчеству, какими представляются инымъ изслѣдователямъ нѣкоторыя стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ въ задрскомъ сборникѣ Николая Раньины, и «дубровницкіе діоскуры» являются выразителями извѣстной поэтической традиціи, коренящейся въ нѣдрахъ народа, и представителями литературнаго направленія сложившагося постепенно изъ взаимодѣйствія народныхъ элементовъ и чужеземныхъ культурныхъ теченій ²⁾: въ этомъ ихъ своеобразный историко-литературный интересъ. Конечно, такое построеніе, можетъ быть, еще мало обосновано, и можетъ вдругъ оказаться, какъ говоритъ въ одной недавней своей статьѣ Медини ³⁾, подъ свѣжимъ впечатлѣ-

1) «Хорв. пѣсни о Радославѣ Павл. и итальянск. поэмы о Глѣвномъ Радѣ»: Журн. М. Н. Просв., ССІ, 107—108.

2) Medini, Povjest hrv. knjiž., I, 125—127.

3) «Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoi prije trešnje»: Glasnik Matice Dalmatinske, kn. IV, sv. III, 268.

ніемъ работы Касандрича о любовной лирикѣ А. Луцича ¹⁾, что стихотворенія сборника Раньины или другія имъ подобныя представляютъ, при ближайшемъ ихъ изслѣдованіи, не болѣе, какъ переводы съ какихъ-нибудь итальянскихъ оригиналовъ, подобно считавшимся оригинальными любовнымъ стихотвореніямъ Луцича, но пока этого не случилось... Что касается внутренняго смысла поэзіи Менчетича и Г. Држича, то и въ этомъ отношеніи замѣчанія г. Петровскаго едва ли вполне отвѣчаютъ дѣйствительности, если не упускать изъ виду законовъ исторической перспективы. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто распространяться вообще объ историко-литературномъ значеніи рыцарской лирики и Петрарки, подражаніе которому, вмѣстѣ съ чертами поэзіи трубадуровъ, замѣчается въ стихотвореніяхъ Менчетича и Г. Држича, но нельзя забывать, что любовь въ произведеніяхъ рыцарскихъ поэтовъ въ концѣ концовъ получала высокое значеніе самостоятельной нравственной силы, облагораживающей душу, внушающей мужество, героизмъ подвига и самоотверженія, а у Петрарки мотивъ любви опредѣлялся стремленіемъ къ идеалу добра и красоты, вообще ²⁾, и, какъ тема для художественнаго анализа чувства ³⁾, представлялъ извѣстный шагъ впередъ на пути къ самосознанію и эволюціи личности; если идеальное пониманіе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи, подчасъ въ дѣйствительности сводилось къ условности и принимало элементъ чувственности, то общій основной смыслъ настроенія не утрачивалъ отъ того своего высшаго нравственнаго содержанія. Скудное съ нашей точки зрѣнія однообразіе формъ обнаруженія основного мотива не имѣетъ значенія безусловнаго опредѣленія сущности явленія и обуславливалось даннымъ моментомъ въ его историческомъ развитіи: «человѣкъ» не исчерпывался до дна, чувство анализировалось подъ извѣстными, немногими углами

1) «Lucicéve «Pisni ljuvene»: Iskra, 1891, № 1.

2) См., наприм., сонетъ XVI. «Quand'io son tutto volto in quella parte»... Сон. CIX. «Amor che nel pensier mio vive e regna».

3) Сон. CII: «S'amor non è, che dunque è quel ch'i sento?»

зрѣнія, подъ призмой условнаго платонизма; отсюда бѣдность психологическихъ положеній, поражающихъ насъ своею односторонностью, потому, быть можетъ, что они намъ ничего не подсказываютъ, какъ подсказывали современникамъ; они для насъ не суггестивны. Психологія рыцарскаго романа отличается такою же ограниченностью личныхъ мотивовъ, подлежащихъ идеализаціи; оттого она и могла удовлетвориться незначительнымъ количествомъ сюжетовъ, но именно эти сюжеты, замѣчаетъ академикъ А. Н. Веселовскій ¹⁾, вели къ болѣе человѣчному изображенію любви, оправданной всевластнымъ чувствомъ и роковой силой красоты... Съ этой точки зрѣнія и въ данныхъ историческихъ условіяхъ общественности слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать и произведенія «дубровницкихъ трубадуровъ», чтобы правильнѣе понять и уяснить себѣ возможное историко-литературное значеніе ихъ поэзіи: въ этомъ направленіи выводы академика Ягича, о которыхъ говоритъ г. Петровскій, едва ли въ настоящее время можно считать исчерпывающими сущность предмета. Что касается замѣчанія автора, что «діоскуры» не были въ состояніи «переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія», то по этому поводу, съ уменьшеніемъ масштаба приложенія, можно напомнить слова Каткова ²⁾ по вопросу о практическомъ значеніи искусства, вообще: «линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могутъ существенно содѣйствовать къ ея очеловѣченію»...

Послѣ «дубровницкихъ трубадуровъ» г. Петровскій останавливается на Чубрановичѣ. Заслуга этого дубровницкаго поэта, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что «въ чужія формы (заимствованныя изъ итальянской литературы) Чубрановичъ сумѣлъ влить чисто мѣстное содержаніе» и своимъ блестящимъ, звучнымъ стихомъ упрочилъ «осмерацъ» въ хорватской

1) «Боккаччо, его среда и сверстники», т. I, стр. 435.

2) Статьи о Пушкинѣ въ «Русск. Вѣстн.» 1856 г.

поэзіи (стр. 27). Опредѣляя историко-литературное значеніе популярнаго на хорватскомъ поморьѣ автора поэмы «Jedjurka», г. Петровскій между прочимъ говоритъ, что «Чубрановичъ былъ первымъ изъ дубровницкихъ поэтовъ, вліяніе котораго распространилось за предѣлы родного города; можно сказать, замѣчаетъ авторъ, что Andrija zlatar образовалъ цѣлую поэтическую школу, къ которой принадлежали: Пелегриновичъ, Бобалевичъ, Ор. Мажибрадичъ, Ст. Джорджичъ, Налешковичъ, а отчасти и Ветраничъ; если прослѣдить развитіе сатирическаго эпоса въ Дубровникѣ до начала XIX вѣка, то Чубрановичъ окажется родоначальникомъ обширной отрасли дубровницкой поэзіи, первымъ и по хронологическому порядку, и по достоинству произведенія» (стр. 30). Непонятно, въ какомъ отношеніи Ветраничъ можетъ быть отнесенъ къ *школамъ*, причисленъ къ литературнымъ потомкамъ или преемникамъ автора поэмы «Jedjurka»... Если г. Петровскій имѣетъ при этомъ въ виду карнавальные стихотворенія Ветранича: «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», «Robinjice», «Trgovci Armenjani i Indijani» и «Pastiri», то, не зная въ точности, когда были написаны «Jedjurka» Чубрановичемъ и указанная четыре стихотворенія Ветраничемъ, нѣтъ основанія присвоивать кому-нибудь изъ нихъ первенство въ данномъ родѣ литературныхъ произведеній въ Дубровникѣ ¹⁾; самъ г. Петровскій въ другомъ мѣстѣ своей книги называетъ Ветранича, рядомъ съ Н. Налешковичемъ, однимъ изъ «піонеровъ» карнавальныхъ стихотвореній въ хорватской литературѣ, причемъ «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», слѣдуя указанію Зоре ²⁾, считаетъ передѣлкою итальянскаго стихотворенія «Canto di Lanzi, che suonano tromboni», находящагося въ сборникѣ карнавальныхъ и другихъ подобныхъ стихотвореній въ изданіи Герини (Guerrini) «Canti carneschialeschi, trionfi, carri e mascherate secondo l'edizione del Bracci» (Milano, 1883) (стр. 184), а Ме-

1) Ср. Medini, Čubranović etc.: Archiv f. S. Ph., XXII, 73.

2) «Gragja za poznavanje eroikomične Dubrovačke pjesme»: Rad Jugosl. akad., LXXI, 147.

дини ¹⁾, съ своей стороны, указалъ, что и «Robinjice» имѣютъ много общаго съ помѣщеннымъ въ томъ же сборникѣ «Canto di cacciatori, che erano pastori e ninfe»...

Говоря о Маруличѣ, г. Петровскій замѣчаетъ, что вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ произведеній этому писателю «ждетъ еще новыхъ изслѣдованій; поэтому лучше пока воздержаться отъ подробныхъ разсужденій о характерѣ его поэзіи и повторить давно ставшую общимъ мѣстомъ фразу, что всѣ его стихотворенія проникнуты морально-аскетическимъ направлениемъ; сюжетъ главныхъ изъ нихъ заимствованъ изъ Библии, при чемъ, однако, авторъ старается разукрасить его, *чтобы было приятно читать* ²⁾; одно это стремленіе уже характерно для католическаго писателя, жившаго въ переходное время, на рубежѣ схоластики и реформаци» (стр. 34). Въ общихъ заключеніяхъ г. Петровскаго о названномъ писателѣ замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: «за Маруличемъ, «вторымъ (послѣ блаженнаго Іеронима) свѣтиломъ Далмаціи», говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, остается та заслуга, что въ своихъ варіаціяхъ на библейскія темы онъ стремился выйти изъ рамокъ схоластическаго повѣствованія» (стр. 35), а нѣсколькими страницами ниже замѣчаетъ, что «Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія» (стр. 75). Мнѣ кажется, и на основаніи достовѣрно принадлежащихъ Маруличу произведеній, какова его поэма «Юдиень», можно было бы дополнить сказанное объ этомъ писателѣ нѣкоторыми характерными подробностями и дать въ общемъ болѣе отчетливое и устойчивое опредѣленіе его историко-литературнаго значенія... Въ посвященіи своей поэмы Балистричу Маруличъ говоритъ, что онъ обработалъ библейскій разсказъ о Юдиенѣ на своемъ народномъ языкѣ, чтобы его могли усвоить и тѣ, ко-

1) «Čubranović» etc.: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 78.

2) Курсивъ г. Петровскаго съ подстрочною ссылкой на предисловіе къ «Юдиеню».

торые несвѣдуши въ латинскихъ и вообще ученыхъ книгахъ (ju stumači našim jezikom, neka ju budu razumiti i oni, ki nisu naučni knige, latinske aliti dijačke), и обработалъ его въ стихахъ, по обычаю писателей, писавшихъ до него подобныя произведенія по-хорватски ¹⁾, и по правиламъ древнихъ поэтовъ, т. е. классиковъ (historiju tuj svedoh u versih po običaju naših začinjavas i jošće po zakonu onih starih poet); въ поэмѣ оказывается, какъ извѣстно, немало сравненій и образовъ изъ древней классической литературы и исторіи и нѣкоторыя выраженія и обороты, представляющіеся отголосками лирики далматскихъ трубадуровъ. Выборъ сюжета для названной поэмы имѣлъ при этомъ, повидимому, свой особенный смыслъ и значеніе: какъ евреи страдали нѣкогда отъ насилій ассиріянъ, такъ хорваты въ данный моментъ страдали отъ гнета и жестокости турокъ, и поэма Марулича, на основѣ указанной аналогіи современныхъ поэту условій жизни родного ему народа съ библейскими народными отношеніями во времена Юдиои, имѣла, по тогдашнему обыкновению въ литературѣ, иносказательный смыслъ: по идеѣ поэта, образъ народной героини, какою была Юдѣя, долженъ былъ вдохновить хорватскій народъ на борьбу съ его врагами-поработителями... Такимъ образомъ Маруличъ является едва ли не первымъ хорватскимъ писателемъ, который брался за перо для народа, въ собственномъ значеніи этого слова, и пользовался матеріаломъ своихъ классическихъ изученій для цѣлей народнаго развитія, въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ подъема въ нужную минуту народнаго духа, т. е. опредѣлялся въ своей литературной дѣятельности однимъ изъ признаковъ чисто гуманистическаго характера.

Замѣчанія г. Петровскаго о Ветраничѣ сравнительно полнѣе и опредѣленнѣе, но внутренняя значительность произведеній этого

1) Медини думаетъ, что Маруличъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ неизвѣстныхъ авторовъ обращающихся и до настоящаго времени въ народѣ сказаній съ сюжетами изъ Библии и житій святыхъ (Povj. brv. knjiž., I, 83).

поэта показана, по моему мнѣнію, не во всемъ ея объемѣ. Ветраничъ былъ несомнѣнно наиболѣе яркимъ и, вообще, замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и окружающему обществу¹⁾. «Произведенія «донъ Мавра», какъ называли его тогдашніе литераторы, справедливо говоритъ г. Петровскій, имѣютъ гораздо болѣе отношеніе къ современности и вообще къ жизни, нежели вся предшествовавшая хорватская поэзія» (стр. 35); въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ нѣсколько фактическихъ указаній, опредѣляющихъ характеръ отраженій дѣйствительности въ сочиненіяхъ поэта: «онъ скорбитъ, что всюду льется христіанская кровь, а «*сила roganska*» все возрастаетъ», «указываетъ причины этого— въ политической слабости и ссорахъ христіанскихъ государей» (стр. 36), «смѣло громитъ пороки своего времени, не останавливаясь передъ обвиненіемъ властей — и гражданскихъ и церковныхъ—въ различныхъ беззаконіяхъ, обличаетъ распущенность духовенства» (стр. 37)... Указанія эти, по моему мнѣнію, существенно необходимо было бы дополнить данными, характеризующими отношеніе поэта къ Дубровнику и, какъ дубровчанина, къ другимъ городскимъ общинамъ Далмаціи и къ Венеціи²⁾: въ этомъ направленіи съ особенною выразительностью обнаружилась оригинальность Ветранича и жизненный реализмъ его творчества, въ чемъ изъ современниковъ его равняется съ нимъ, можетъ быть, лишь Маринъ Држичъ, уступая однако въ широтѣ захвата валичныхъ интересовъ жизни³⁾... Ставить, по реальности

1) Ср. G. Carić, *Del poeta raguseo Mavro Vetranic Čavčić* (Ragusa, 1895), стр. 10 и слѣд.

2) См. мои замѣтки «Мавръ Ветраничъ, дубровн. поэтъ XVI стол.»: «Сборн. статей по славяновѣд., сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и литерат. дѣятельности» (Спб. 1885 г.), стр. 434—438.

3) Ср. Medini, *Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoј prije trešnje*: Glasnik Mat. Dalmat., kn. IV, sv. III, 259 и слѣд. — Carić, *Del poeta raguseo M. Vetranic Čavčić*, стр. 12.

поэтического интереса и реализму представленія, выше Ветранича Гекторовича, какъ дѣлаетъ г. Петровскій, какими бы достоинствами въ указанномъ отношеніи ни отличалась поэма «Ribarje», по моему мнѣнію, нельзя уже по несоотвѣтствію поля зрѣнія того и другого писателя при изображеніи жизни. По своему, совершенно исключительному въ сербо-далматской, въ частности дубровницкой, литературѣ, пониманію слабыхъ сторонъ политическаго и общественнаго положенія своей родины, въ связи съ горячимъ чувствомъ любви къ ней, и по свободѣ и независимости своего протеста противъ современнаго строя церковной жизни при глубинѣ и искренности религіознаго чувства, Ветраничъ, по справедливому замѣчанію академика В. И. Ламанскаго ¹⁾, одинъ только, можетъ быть, изъ дубровницкихъ и сербо-далматскихъ писателей «возвышался до высоты міросозерпанія лучшихъ старо-чешскихъ и нѣкоторыхъ старо-польскихъ дѣятелей»... «Отзываясь на общественныя явленія первостепенной важности, говоритъ г. Петровскій, Ветраничъ уже дѣлаетъ попытку характеризовать и обыденную дѣйствительность, хотя исключительно въ идиллической формѣ: таковы его картины пастушеской жизни въ пьесѣ «Posvetilište Abramovo». Совершенно забывая о соблюденіи мѣстнаго колорита, Ветраничъ надѣляетъ рабовъ и рабынь Авраама славянскими именами, называетъ ихъ христианами (i da vas (bog) obrani, istočnijeh krstjana) и рисуется ихъ обстановку красками, живо напоминающими жизнь земледѣльцевъ въ Далмаціи. Одинъ изъ критиковъ указалъ (А. Ravić, Hist. dubrov. drame, стр. 32 и 34) даже, что нѣкоторыя мѣста «Posvetilišta» имѣютъ сходство съ произведеніями народной поэзіи. Но если здѣсь и дана картина народной жизни, современной Ветраничу, то это произошло, такъ сказать, по недоразумѣнію; автору было необходимо изобразить бытъ еврейскихъ поселенцевъ, но, за незнаніемъ его, онъ воспроизвелъ болѣе извѣстную ему жизнь

1) Рецензія на книгу Пыпина и Спасовича «Исторія слав. литературъ» (изд. 2-ое): «Русь» (И. С. Аксакова) 1880 г., № 1, стр. 21.

родного племени. Прямого намѣренія рисовать быть своего народа у Ветранича еще не было; заслуга введенія народной жизни въ кругъ сюжетовъ, «достойныхъ поэзіи», какъ выражались старинныя піитики, принадлежала младшему современнику и почитателю «донъ Мавра» — Гекторовичу» (стр. 38)... Эти замѣчанія автора представляются мнѣ ошибочными... Прежде всего, утверждать, что картина современной поэту народной жизни дана Ветраничемъ въ его драмѣ, «такъ сказать, по недоразумѣнію (?)» что «прямого намѣренія рисовать быть своего народа у Ветранича еще не было», и что поэтъ воспроизвелъ въ своей пьесѣ этотъ быть только по незнанію быта еврейскихъ поселенъ, который ему необходимо было изобразить, едва ли есть строгое основаніе: утвержденіе это, въ сущности, не болѣе, какъ предположеніе, и оно является, по моему мнѣнію, неумѣстнымъ по отношенію къ тому виду литературныхъ произведеній, котораго касается, и къ тому времени, въ предѣлахъ котораго прилагается... Дѣло въ томъ, что явленія, подобныя отмѣченному г. Петровскимъ въ драмѣ Ветранича, были совсѣмъ не такъ обычны въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ данной эпохи. Народно-бытовые элементы считаются отличительною характеристическою чертою мистерій англійскихъ, сравнительно съ французскими и нѣмецкими. Глубокая связь англійскихъ мистерій съ жизнью народа, по словамъ проф. Стороженка¹⁾, «видна не только въ языкѣ, носящемъ на себѣ слѣды различныхъ мѣстныхъ говоровъ, но и въ народномъ колоритѣ, доходящемъ до того, что виолеемскіе пастухи (въ честерскомъ циклѣ мистерій) наивно сознаются публикѣ, что они родомъ изъ Ланкашира, а одинъ изъ воиновъ Ирода называетъ своего повелителя королемъ Шотландскимъ». Въ Тоунлейскихъ, или Векфильдскихъ мистеріяхъ, по свидѣтельству названнаго изслѣдователя, «передъ нами стоитъ Каинъ, нисколько не похожій на библейское олицетвореніе зависти и злобы, а воплотившійся въ скареднаго, бран-

1) «Предшественники Шекспира», т. I: «Лилли и Марло», стр. 21.

чиваго іоркширскаго поселяннина, раздосадованнаго неурожаеми, скотскими падежами и другими невзгодами. Еще сильнѣе народный элементъ выступаетъ въ мистеріи о Виолеемскихъ пастухахъ (*Paginae pastorum*), которая во всѣхъ трехъ собраніяхъ (Честерскомъ, Ковентрійскомъ и Векфильдскомъ) представляетъ собою живо снятую съ натуры картину сельскаго быта Англіи въ ту отдаленную эпоху, когда еще не изгладился антагонизмъ между саксонскимъ населеніемъ и побѣдившей его нормандской аристократіей ¹⁾). «*Posvetilište Abrahovo*» Ветранича свидѣтельствуешь, что указанная отличительная черта была присуща не однѣмъ англійскимъ мистеріямъ, а принадлежала и нѣкоторымъ хорватскимъ. По замѣчанію проф. Стороженка ²⁾, «народно-бытовые эпизоды векфильдскихъ мистерій, представляя собой художественно-исполненныя картинки изъ народнаго быта, свидѣтельствующія о быстромъ развитіи драматическаго искусства въ Англіи изъ народныхъ началъ, своимъ реальнымъ направленіемъ какъ бы предсказываютъ тотъ путь, по которому впослѣдствіи пошла англійская драма»: живыя картинки народнаго быта, находямыя въ названной драмѣ Ветранича, могли бы, можетъ быть, также, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, послужить точкою отправления для развитія самобытной народной драмы у хорватовъ; въ этомъ смыслѣ значеніе ихъ важнѣе, нежели думаетъ г. Петровскій. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія реализма еще трудно сказать, что предпочтительнѣе — ввести современное народное содержаніе въ традиціонныя неприкосновенныя формы священнаго сюжета, какъ поступилъ Ветраничъ, или, рисуя простыхъ людей, изъ среды народа, вложить въ уста ихъ не всегда понятныя и для самого автора символы Пиеагора и другіе книжные матеріалы, какъ сдѣлалъ Гекторовичъ: истинный реализмъ еще только пробивалъ въ данный моментъ себѣ дорогу въ литературу, и она давалась ему не безъ уклоненій въ сторону

1) Стороженко, тамъ же.

2) «Предшественники Шекспира», I, 81.

отъ настоящаго направленія... Форма рыбацкой идилліи (egloga piscatoria), сама по себѣ, не заключаетъ въ себѣ никакого преимущества передъ пасторалію, которая, судя по уступительному обороту рѣчи, въ которомъ о ней говоритъ г. Петровскій, можетъ, повидимому, по мнѣнію автора, какъ будто ограничивать значеніе попытки Ветранича характеризовать обыденную дѣйствительность. О сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ драмы Ветранича съ произведеніями народной поэзіи, свидѣтельствующемъ о знакомствѣ поэта съ народною средою и сочувствіи родному народу, г. Петровскій также выражается такъ, что какъ будто относится съ недовѣріемъ къ указаніямъ Павича¹⁾ по этому предмету, между тѣмъ это сходство не подлежитъ сомнѣнію. Что касается до несоблюденія мѣстнаго колорита, то эта черта не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія при сужденіи о драмѣ Ветранича со стороны правды поэтическаго представленія: анахронизмы всякаго рода въ указанномъ отношеніи были, какъ извѣстно, общимъ явленіемъ въ произведеніяхъ какъ литературы такъ и искусства данной переходной эпохи, коренясь въ средневѣковой наивной вѣрѣ во всеобщность наличныхъ формъ жизни. Люди глубокой древности и сѣдой старины, всѣхъ положеній и состояній, представлялись поэтамъ и художникамъ средневѣковья и ранней поры гуманизма, какъ будто они были ихъ современниками: вѣстникъ, объявляющій въ Палестинѣ эдиктъ Августа, является въ одной изъ французскихъ мистерій Страстей Господнихъ съ двуглавимъ орломъ на груди; Іосифъ Аримафейскій въ нѣмецкой мистеріи Положенія Христа во гробъ Матвѣя Гундельфингера, входя къ Пилату, снимаетъ, по ремаркѣ автора, шляпу съ головы; вандалы и римляне во французскихъ мистеріяхъ о св. Дезидеріи и Квинтинѣ стрѣляютъ изъ пушекъ; пастухъ въ одной рождественской мистеріи клянется именемъ распятаго Христа²⁾ и т. п. О сценахъ изъ современной народной

1) A. Pavić, *Historija dubrovačke drame*, стр. 82, 84.

2) Creizenach, *Geschichte des neueren Dramas*, I, 198—199.

жизни въ англійскихъ мистеріяхъ съ сюжетомъ изъ Библіи уже сказано выше. Имена дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ подобнаго рода, особенно изъ низшихъ сословій, сплошь и рядомъ оказываются современными авторамъ: такъ въ одной итальянской мистеріи о Товіи одного слугу зовутъ Martino, другого Arighetto, въ гессенской рождественской драмѣ есть дѣйствующія лица съ такими именами, какъ Арнольдъ и Гиллегарда ¹⁾, въ одной изъ мистерій Тоунлейскаго собранія о Вилеемскихъ пастухахъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является овцекрадъ Макъ ²⁾ и т. п. Не свободны, какъ извѣстно, отъ подобныхъ анахронизмовъ и гениальныя произведенія Шекспира: міросозерпаніе, въ которомъ живетъ авторъ «Гамлета» и которое онъ высказываетъ не только чрезъ своего героя, но и чрезъ всю драму, не имѣетъ, по замѣчанію Макса Коха, ничего общаго съ средними вѣками ³⁾, къ которымъ относится исторія о датскомъ принцѣ, впервые рассказанная Саксономъ Грамматикомъ (ум. въ 1204 г.); жизнь древнихъ грековъ въ трагедіи «Троилъ и Крессида» представляется съ чертами средневѣковаго рыцарства; въ «Юліи Цезарѣ» говорится о часахъ и барабанахъ, въ «Гамлетѣ» и «Королѣ Іоаннѣ» о пушкахъ. Однородныя явленія, кромѣ произведеній поэтическихъ, наблюдаются и въ другихъ искусствахъ: достаточно сопоставить, напримѣръ, «Моисея, спасеннаго изъ воды» Павла Веронезе (1528—1588) и иллюстраціи Библіи Густава Доре, «Бракъ въ Канѣ Галилейской» того же Веронезе или Тинторетто (1512—1594) и «Грѣшницу» Полѣнова. Въ драматическомъ искусствѣ о вѣрности костюмовъ, грима и обстановки при исполненіи пьесъ съ сюжетами изъ исторіи или далекаго прошлаго не было рѣчи, напримѣръ, въ Германіи до реформы Готшпеда ⁴⁾. «Шекспиръ, говоритъ одинъ изъ выдающихся

1) Greizenach, тамъ же, I, 199.

2) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 22—23.

3) М. Кохъ, Шекспиръ (русск. перев. Гуляева, подъ ред. проф. Стороженка), стр. 104.

4) Proelsz, Kurzgef. Geschichte der deutschen Schauspielkunst, 133.

ислѣдователей творчества гениальнаго драматурга о драмахъ его изъ римской жизни, оставаясь вполне вѣрнымъ жизни и характеру римлянъ, стремился достигнуть идейной истины, т.-е. истины скорѣе въ духѣ событій, чѣмъ въ ихъ фактическомъ содержаніи, понималъ, что его дѣйствующія лица, прежде чѣмъ быть римлянами, должны быть людьми, зналъ, что, подпирая искусство эрудиціей, невозможно придать прочности тому, что должно держаться не помощью матеріальныхъ подпорокъ и устоевъ, а силою живого духа, которому оно служить тѣломъ, или вовсе держаться не будетъ ¹⁾». Отнюдь не думаю, разумѣется, въ какомъ-либо отношеніи сравнивать Ветранича съ Шекспиромъ, но, въ виду указаннаго факта художественнаго совмѣщенія въ произведеніяхъ послѣдняго отсутствія подчасъ строгой исторической точности съ внутренней правдой жизни и глубокимъ «откровеніемъ человѣческаго сердца», по выраженію Карамзина, нахожу, что несоблюденіе мѣстнаго колорита при изображеніи еврейскихъ поселенъ въ драмѣ «*Posvetilište Abrahovo*» нисколько не помѣшало ея автору обнаружить живую наблюдательность по отношенію къ окружающей дѣйствительности, отмѣченную любовнымъ вниманіемъ къ ней, и несомнѣнную способность къ проникновенію въ интимную жизнь сердца людей съ болѣе или менѣе художественнымъ умѣньемъ дать почувствовать ее другимъ... Сцена исканья пропавшаго ножа во время сборовъ въ путь ²⁾, нѣкоторыя отдѣльныя подробности описанія утренней прогулки Кампрелы въ горы за водою ³⁾, полная свѣжаго, непосредственнаго юмора сцена между чужимъ пастухомъ, зашедшимъ къ шатрамъ Авраама, и служанками Сары, Куячей и Гоисавой ⁴⁾, сцена ужина Авраама съ своими спутниками у горящаго костра въ горной долині ⁵⁾, эпизодъ съ кунницей, проникшей въ курят-

1) Эд. Дауденъ, Шекспиръ, критич. изслѣд. его мысли и его творчества (русск. перев. Л. Черновой), стр. 289—290.

2) *St. pisci hrv.*, IV, 239—240.

3) *St. pisci hrv.*, IV, 278.

4) *St. p. hrv.*, IV, 329—330.

5) *St. pisci hrv.*, IV, 309—310.

никъ, задушившей пѣтуха и разбившей корзину яицъ ¹⁾, — все это живыя бытовыя картины съ натуры. Комическій элементъ, введенный авторомъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, выдержанъ въ правдивыхъ тонахъ и свободенъ отъ всякой искусственности и преувеличеній, какія весьма часто замѣчаются въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, въ родѣ, на примѣръ, вымазыванія въ одной французской мистеріи глиной лица заснуваго пастуха его товарищами или карикатурнаго представленія въ одной рождественской драмѣ глупаго положенія пастуха, оставившаго пойманную сову на землѣ съ связанными ногами, въ увѣренности, что она никуда не можетъ уйти, и крайне удивившагося, когда, вернувшись, не нашелъ ее на мѣстѣ, на которомъ оставилъ, такъ какъ она, разумѣется, улетѣла ²⁾)... Напускная дѣловитость и хлопотливость Авраама и старанія его развлечь Сару, смущенную неожиданностью сборовъ мужа въ виду ночи въ дорогу, заботами по хозяйству, безотчетная тревога материнскаго сердца и нѣжная заботливость Сары при разставаніи съ сыномъ, тягость тоски по немъ въ разлукѣ, старанья служанокъ разсѣять тоскливое настроеніе своей госпожи и растерянность ихъ отъ сознанія безсилія помочь горю, — все это отмѣчено жизненностью наблюденія и психологическою правдою, напоминающею изображеніе душевныхъ движеній въ мистеріи съ тѣмъ же сюжетомъ изъ числа Towneley Plays, которая принадлежитъ, по свидѣтельству проф. Стороженка, «къ лучшимъ перламъ средневѣковой поэзіи ³⁾». Истиннымъ реализмомъ отличаются у Ветранича и его описанія природы, какъ находящіяся въ изобиліи въ драмѣ «*Rosvetilište Abrahovo*», такъ и разсѣянные во множествѣ въ другихъ его произведеніяхъ: страдая перѣдко длиннотами и излишествомъ подробностей, они рѣшительно не имѣютъ себѣ равныхъ въ сербо-далматской поэтической лите-

1) St. p. hrv., IV, 331—332.

2) Creizenach, Geschichte des neueren Dramas, I, 206, 207.

3) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 19. — М. Кохъ, Шекспиръ, 294.

ратурѣ, по точности представленія и силѣ, а иногда и красотѣ выраженія ¹⁾; неизбежная дань времени, такіа отдѣльныя частности, какъ фениксы и единороги, золотокрылые орлы съ коронами на головахъ и дубы съ золотыми листьями и серебряными вѣтвями, попадающіяся иногда въ указанныхъ описаніяхъ, являясь отголоскомъ средневѣковыхъ «физиологовъ» и впечатлѣній отъ чтенія античныхъ поэтовъ, не могутъ имѣть, конечно, въ данномъ случаѣ, значенія, опредѣляющаго общій характеръ отношенія автора къ предмету ²⁾: и у Шекспира Отелло, рассказывая въ сенатѣ, какъ покорила онъ сердце Дездемоны, говоритъ о людяхъ-чудищахъ съ головами ниже плечъ ³⁾. Такими противорѣчіями, замѣчаетъ по поводу подобныхъ явленій въ произведеніяхъ Шекспира М. Кохъ, «богата вся эпоха Возрожденія... Не только у Теофраста Парацельса, одного изъ самыхъ почтенныхъ именъ въ медицинѣ, выступаетъ противорѣчіе между вполне новыми изслѣдованіями и средневѣковой вѣрой въ чертей,—такой же контрастъ химикъ Либихъ указалъ и у мыслителя, считающагося отцомъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія,—у лорда Бэкона ⁴⁾». Говоря о двухъ современныхъ поэтахъ, какими были Ветраничъ и Гекторовичъ, я не нахожу особенно важнымъ вопросъ, кому изъ нихъ, по времени, должно принадлежать первенство въ реалистическомъ представленіи въ поэзіи непосредственно окружающей ихъ дѣйствительности, но по объему приложенія реалистическаго интереса къ личной и на-

1) Таково, напримѣръ, превосходное стихотвореніе «Remeta»: St. pisci brv., III, 12 и слѣд.

2) «Sequendo nella forma il convenzionalismo dell' epoca, per cui l'individualità quasi spariva davanti a leggi immutabili, замѣчаетъ о Ветраничѣ проф. Царичъ, egli nel contenuto si tiene sempre con un piede pronto alla ribellione»: «Del poeta raguseo M. Vetranić Čavčić», 12.

3) Шекспиръ заимствовалъ эту сказку, по мнѣнію комментаторовъ, изъ описанія Гвіаны Ралейга (1596 г.), который, сознаваясь, что онъ самъ не видалъ такихъ людей, утѣрялъ, что они жили на берегу рѣки Каоры, впадающей въ Оrenoко (Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Д. Соколовскаго, т. I, 228, прим. 18).

4) М. Кохъ, Шекспиръ, 107.

родной жизни и внутренней значительности его фактического проявленія въ творествѣ, Ветраничъ, по моему мнѣнію, безспорно занимаетъ первое мѣсто среди югославянскихъ писателей XVI столѣтія. Что касается Гекторовича, то, признавая все самобытное значеніе его поэмы и всѣ неоспоримыя достоинства ея въ отношеніи реализма поэтического представленія жизни, думаю, заодно съ Іенсеномъ, что приравнивать его Ветраничу никакъ нельзя, и тѣмъ болѣе ставить его впереди этого послѣдняго ¹⁾. Замѣчаніями о Ветраничѣ заканчивается первая глава разсматриваемой книги г. Петровскаго. Я остановился на ней, можетъ быть, дольше, чѣмъ слѣдовало, потому что по мысли автора ея опредѣляется въ его трудѣ историческая перспектива для сужденія о литературномъ значеніи Гекторовича, но должно замѣтить, что самимъ авторомъ эта точка зрѣнія въ дальнѣйшемъ изложеніи выдержана не совсѣмъ отчетливо, и внутренняя связь разсмотрѣнной главы съ остальнымъ содержаніемъ книги представляется, въ сущности, нѣсколько проблематичною...

Во второй главѣ (стр. 39—74) г. Петровскій излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикой внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка (стр. 39—59), сообщаетъ имѣющіяся достовѣрныя данныя объ отношеніяхъ поэта къ современнымъ ему хорватскимъ литературнымъ дѣятелямъ (стр. 59—65) и даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей его сочиненій (стр. 66—74). Недостатокъ источниковъ не позволилъ автору, по его собственному признанію, прибавить что-нибудь существенное къ біографіи Гекторовича, составленной Любичемъ и напечатанной въ академическомъ изданіи сочиненій поэта. вмѣстѣ съ Любичемъ ²⁾ г. Петровскій считаетъ годомъ рожденія Гекторовича не 1486, какъ полагалъ Кукульевичъ-Сакцинскій ³⁾, а 1487, при чемъ, путемъ сопоста-

1) A. Jensen, Einige litterarische Bemerkungen zum «Ribanje» von Petar Hektorović: Archiv f. Sl. Phil., XXV, 439.

2) St. p. hrv., VI, стр. I.

3) «Pjesnici hrvatski», I, 88.

вленія даты посланія поета къ Ветраничу (1 іюля 1556 г.) и времени составленія имъ своего завѣщанія (18 февраля 1559 г.), пользуясь заключающимися въ томъ и другомъ изъ нихъ собственными указаніями автора относительно своихъ лѣтъ, устанавливаетъ ближайшимъ образомъ время рожденія поета между 18 февраля и 1 іюля. Любичъ, какъ извѣстно, говоритъ, не указывая источника, откуда заимствуетъ свое свѣдѣніе, что мать Гекторовича была изъ рода Бальби¹⁾; основываясь на томъ, что въ перечнѣ фамилій хварскихъ нобилей XVI вѣка у Джустиніано нѣтъ фамиліи Бальби, а есть двѣ очень похожихъ — Бальчи и Барби, г. Петровскій высказываетъ предположеніе, не происходила ли мать поета изъ фамиліи Барби, на одной изъ представительницъ которой былъ женатъ Іеронимъ Бртучевичъ, называемый въ поэмѣ «Ribanje» родственникомъ автора. Какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности поета, по мнѣнію г. Петровскаго, не имѣется: разсказъ Любича о томъ, что отецъ Гекторовича, замѣтивъ способности мальчика и желая дать ему лучшее образованіе, собирался отправить сына въ Италію, но, по политическимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ ограничиться Сплитомъ, гдѣ будущій авторъ поэмы «Ribanje» оказалъ такіе выдающіеся успѣхи, что обратилъ на себя вниманіе тамошнихъ литераторовъ и между прочимъ Марулича²⁾, авторъ находитъ не имѣющимъ основанія. Чтобы хотя нѣсколько освѣтить, съ своей стороны, условія, въ которыхъ прошло въ жизни изучаемаго писателя время образованія его характера и опредѣленія его взглядовъ и убѣжденій, г. Петровскій останавливается на характеристикѣ современныхъ внутреннихъ общественныхъ отношеній Хвара и подробно излагаетъ обстоятельства хварскихъ народныхъ возстаній противъ нобилей въ 1510—1514 годахъ, пользуясь для своего разсказа преимущественно данными дневника Санудо съ дополненіями изъ находящейся въ библіотекѣ дубровницкаго францисканскаго монастыря рукописной книги

1) St. p. hrv., VI, стр. I.

2) St. p. hrv., VI, стр. II.

хварскаго нобіля Александра Газаровича (Alessandro Gazzari), подъ заглавіемъ: «*Avvenimenti storici di Lesina compendiat in Tre Libri*», и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, вновь привлеченныхъ въ данномъ случаѣ къ изученію предмета изъ собранія рукописей библіотеки задрской гимназіи. Руководящимъ мотивомъ при этомъ для автора было соображеніе, что Гекторовичъ, «и по рожденію, и по видѣннымъ въ молодости примѣрамъ» подготавливался къ роли олигарха, съ презрѣніемъ относящагося къ народу» (стр. 54), и тѣмъ не менѣе въ своей поэмі проявилъ «выдающуюся способность чувствовать правду, вопреки социальнымъ предразсудкамъ, и воплощать ее въ яркихъ и живыхъ образахъ» (стр. 110): «если бы, говоритъ г. Петровскій въ заключеніи своей книги, представителямъ теоріи о подавляющемъ значеніи среды для писателя были знакомы «Рибанье» съ одной стороны и біографія Гекторовича съ другой, они остановились бы въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, который въ силу своей единичности не разрушаетъ цѣлой теоріи, но представляетъ серьезное возраженіе противъ нея по своей значительности; воспитанный въ строго аристократическихъ тенденціяхъ, сынъ чловека, не вполне добросовѣстно относившагося къ народу,—патрицій—Гекторовичъ разсмотрѣлъ «душу живу» въ плебеяхъ, проникся уваженіемъ къ этимъ труженикамъ и засвидѣтельствовалъ его въ поэтическомъ произведеніи, героями котораго являются представители низшихъ классовъ народа» (стр. 286). По моему мнѣнію, не слѣдуетъ прежде всего чрезмѣрно преувеличивать значеніе указаннаго отношенія между обстановкою дѣтства и условіями воспитанія автора поэмы «*Ribanje*» и его литературнымъ направленіемъ; явленіе, отмѣчаемое г. Петровскимъ въ отношеніи Гекторовича, совсѣмъ не «единичное» и не исключительное: то же можно, на примѣръ, сказать о Грибоѣдовѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Салтыковѣ... «Крѣпостное право, тяжелое и грубое въ своихъ формахъ, говоритъ Салтыковъ¹⁾ устами Ни-

1) Полн. собр. сочин. ³ (1895 г.), XII, 146.

канора Затрапезнаго въ «Пошехонской старинѣ», сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію сего». Независимо отъ того, для цѣлей автора достаточно было бы, мнѣ думается, указать на совпаденіе упомянутыхъ народныхъ движеній на родинѣ Гекторовича съ указаннымъ важнымъ періодомъ въ личной жизни поэта, и изложеніе подробностей, которое занимаетъ около 12 страницъ (стр. 43—54), не заключалъ въ себѣ чего-либо существенно значительнаго, чего не было бы извѣстно раньше, представляется, на мой взглядъ, напраснымъ уклоненіемъ отъ прямого предмета содержанія разсматриваемой главы. Остановлюсь мимоходомъ на одномъ соображеніи г. Петровскаго, высказанномъ по поводу и на основаніи одного изъ указанныхъ имъ новыхъ документовъ, относящихся къ хварскимъ событіямъ начала XVI столѣтія. В. И. Ламанскій ¹⁾, какъ извѣстно, высказалъ въ свое время предположеніе, что хварское возстаніе было отчасти послѣдствіемъ распространенія въ Далмаціи прокламацій императора Максимилиана; г. Петровскій говоритъ (стр. 52, примѣч.), что въ одной изъ рукописей задрской гимназіи имѣется письмо хварскихъ нобилей въ венеціанскій сенатъ съ выраженіемъ ему недовольства на то, что зачинщики и вожаки народныхъ возстаній самостоятельно сносятся съ нимъ, и съ требованіемъ устройства въ ближайшій срокъ народнаго собранія для обсужденія предлагаемаго подписавшимися проекта управленія общиною, и изъ 82 лицъ, участвовавшихъ въ этомъ заявленіи, подписи шестидесяти «*brevitatis causa* опущены», а шесть сдѣланы чужой рукою «за неграмотностью и по личной просьбѣ» и «по слабости зрѣнія»; «если таково было образованіе среди нобилей, замѣчаетъ авторъ, то отъ народной партіи вовсе нельзя ожидать какого бы то ни было политическаго развитія»,

1) «*Secrets d'Etat de Venise*» (SPb, 1884), стр. 429.

и указанное предположеніе В. И. Ламанскаго является мало вѣроятнымъ; но, мнѣ думается, для успѣшнаго распространенія какихъ бы то ни было прокламацій вовсе не требуется всеобщей грамотности и особеннаго политическаго развитія среды, въ которую онѣ направляются, особенно при наличности въ дѣйствительности, какъ это было въ данномъ случаѣ, благопріятныхъ условій въ мѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ для усвоенія соотвѣтственныхъ руководящихъ идей этихъ прокламацій. Обстоятельства второй половины жизни Гекторовича (стр. 54—57) г. Петровскій излагаетъ, мало въ чемъ расходясь съ Любичемъ. Изъ замѣчаній автора о личныхъ отношеніяхъ Гекторовича къ современнымъ ему хорватскимъ писателямъ отмѣчу указаніе объ отсутствіи прямыхъ основаній для предположенія о личномъ знакомствѣ поэта съ Маруличемъ, вопреки утвержденію Любича. Обращаясь къ обзору печатныхъ изданій и рукописей сочиненій изучаемаго писателя, г. Петровскій даетъ прежде всего обстоятельное описаніе венеціанскаго изданія поэмы «Ribanje» 1568 года, по экземпляру его, находящемуся въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи наукъ и искусствъ, съ воспроизведеніемъ отрывка изъ него для образца правописанія; другого венеціанскаго изданія поэмы Гекторовича 1638 года, о которомъ Жеичъ въ своемъ предисловіи къ академическому изданію сочиненій поэта¹⁾ говоритъ, какъ о менѣе корректномъ, г. Петровскій не видагъ. Изъ рукописей, въ которыхъ имѣются произведенія автора поэмы «Ribanje», г. Петровскій между прочимъ указываетъ одну, находящуюся также въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи, но оставшуюся неизвѣстною Жеичу при редакціи академическаго изданія, а также и не упоминаемую Решетаромъ въ его статьѣ «Ispravci i dodaci tekstu starijih pisaca dubrovačkijeh. Pjesni ljuvene Nikole Nalješkovića», напечатанной въ «Rad'f Jugosl. Akad.» за 1894 г. (кн. CXIX): въ этой рукописи находится отрывокъ посланія Гекторовича къ Налешковичу, напечатаннаго

1) St. pisci hrv., VI, стр. XXXIV.

въ академическомъ изданіи по другой рукописи той же библіотеки. Въ изданіи Любича 1846—1847 г., напечатанномъ по рукописи Нисетича, авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ неправильностей и пропусковъ сравнительно съ editio princeps и академическимъ изданіемъ (стр. 69—72), а также указываетъ нѣсколько редакторскихъ ошибокъ въ текстѣ изданія «Stari pisci hrvatski», которыхъ, впрочемъ, оказывается очень немного. Г. Петровский имѣетъ основаніе думать, что и въ editio princeps текстъ, повидимому, былъ напечатанъ не вездѣ вѣрно. Рукописи, бывшія подъ руками у Делабеллы и Стулли, по мнѣнію автора, также едва ли были исправны.

Третья глава (стр. 75—89) занята разборомъ принадлежащаго Гекторовичу перевода поэмы Овидія «De remedio amoris». Вступительныя замѣчанія автора представляются не совсѣмъ ясными: «выросшая подъ мощнымъ воздѣйствіемъ гуманизма далматская литература, говоритъ г. Петровский, не сразу сумѣла воспользоваться *сущностью*¹⁾ движенія, и, какъ это нерѣдко бываетъ съ подражателями, долгое время воспроизводила только вѣншнюю его сторону; Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія; «дубровницкіе трубадуры», Менчетичъ и Држичъ, щеголяютъ въ обноскахъ Петрарки, поэтическая дѣятельность котораго вовсе не составляла его силы; Чубрановичъ извѣстенъ намъ почти по одному произведенію, которое съ гуманизмомъ ничего общаго не имѣетъ; только въ слѣдующемъ поколѣніи хорватскихъ поэтовъ замѣтно нѣкоторое стремленіе «предпочесть оригиналы спискамъ» и обратиться къ тому же источнику, изъ котораго черпали ихъ итальянскіе наставники... По контексту выписанной тирады трудно понять, что именно разумѣетъ въ данномъ случаѣ авторъ подъ сущностью гуманизма. Если, судя по заключительнымъ словамъ, рѣчь идетъ о чтеніи и изученіи античныхъ классиковъ, то сущность гуманистическаго движенія

1) Курсивъ автора.

заклучалась, конечно, не въ этомъ, да и о Маруличѣ, напримѣръ, нельзя сказать, что онъ не былъ непосредственно знакомъ съ классиками; если же авторъ имѣетъ въ виду начало народности, то любовное вниманіе къ родному народу замѣчается не только у Марулича, начавшаго, повидимому, изъ этого побужденія, какъ было сказано выше, писать по-хорватски, но и у писавшаго исключительно по-латыни Шижгорича, проявившаго сочувственный интересъ къ народному обычаю въ своемъ сочиненіи «De situ Illyriae et civitate Sibenici», или точнѣе въ главѣ его: «De moribus quibusdam Sibenici»¹⁾. О связи съ народною поэзію лирики Менчетича и Г. Држича говорилось выше. Названный выше переводъ изъ Овидія является самымъ раннимъ, по времени своего появленія, изъ сохранившихся произведеній Гекторовича. Хронологическій terminus ad quem его опредѣляется временемъ, къ которому относится рѣчь Прибоевича «О происхожденіи и судьбахъ славянъ» (de origine successibusque slavorum), въ которой впервые упоминается о переводѣ Гекторовича изъ Овидія, т. е. 1525 г. Гекторовичъ перевелъ не всю поэму Овидія, какъ говорили Прибоевичъ и, вслѣдъ за нимъ, Каванъичъ (въ поэмѣ «Bogatstvo i ubožtvo»), а только первую часть ея (1—396 стихъ), да и она оказывается въ переводѣ не въ полномъ видѣ. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ посвященія (Пелегриновичу), переводъ поэмы Овидія былъ не первымъ литературнымъ произведеніемъ Гекторовича, но болѣе раннихъ сочиненій поэта не сохранилось. Г. Петровскій тщательно сравниваетъ стихъ за стихомъ оригиналъ и хорватскій переводъ поэмы Овидія (стр. 81—85), имѣющійся въ изданіяхъ Облака (Archiv für Slav. Phil., XV) и Любича (Građa za povjest književnosti hrvatske, I), изъ которыхъ, впрочемъ, ни то ни другое, по мнѣнію автора, нельзя признать удовлетворительнымъ, и приходитъ къ заключенію, что хорватскій текстъ существенно

1) Građa za povjest književnosti hrvatske, II, 1—12 (Cap. XVII—стр. 10—11). — Ср. Šrepić, Humanist Šižgorić: Rad Jugosl. Akad., кн. 138, стр. 210, 267—269. — Medini, Povjest hrv. književn., I, 74—76.

разнится отъ латинскаго, значительно уступая послѣднему въ красотѣ и изяществѣ, и что Гекторовичъ пользовался при переводѣ комментаріями Мерулы; по мнѣнію Г. Петровскаго, возможно, что переводъ былъ сдѣланъ съ итальянскаго языка, а не съ латинскаго, но онъ оставляетъ вопросъ объ этомъ открытымъ. Въ способѣ выраженія Гекторовича въ его переводѣ авторъ находитъ, какъ было сказано выше, слѣды «трубадурской» лирики. Одною изъ причинъ частыхъ отступленій отъ подлинника, по мнѣнію г. Петровскаго, былъ излюбленный хорватскими поэтами «дванаестерац».

Въ четвертой главѣ, послѣ характеристики итальянскихъ рыбацкихъ идиллій начала XVI вѣка путемъ краткаго обзора содержанія латинскихъ эклогъ Санназаро (1458—1530) и его послѣдователей на итальянскомъ языкѣ — Берн. Роты (1509—1575), Бернардо Тассо (1493—1569) и Андр. Кальмо (1510—1571) (стр. 90—94), г. Петровскій излагаетъ содержаніе главнаго изъ произведеній Гекторовича, его поэмы «Ribanje» (стр. 95—105) и дѣлаетъ общую оцѣнку его литературнаго значенія (стр. 105—110). При пересказѣ содержанія авторъ указываетъ по пути литературныя припоминанія поэта: при объясненіи происхожденія и безостановочнаго теченія рѣкъ — Екклесіясть Соломона, «Μετεωρολογικά» Аристотеля, имѣвшіяся во время Гекторовича въ латинскихъ переводахъ Альціонія (изд. дважды въ Венеціи — въ 1521 и 1548) и Сепульведы (Парижъ 1532 г.), «Metheogogium libri II» Альберта Великаго, при разсказѣ о первобытныхъ временахъ — «De consolacione philosophiae» Боэція, при перечисленіи чувствъ и подвиговъ тѣлеснаго и духовнаго милосердія — «Evangelistarium» Марулича. Въ изложеніи содержанія поэмы останавлиюсь на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ автора. Разсказывая, что утромъ третьяго дня, укрѣпивъ лодку на якорѣ, путешественники отправились въ церковь, гдѣ помолились «каждый по своему обычаю» (svak po običaj svoj), г. Петровскій говоритъ, что «это выраженіе позволяетъ думать, что не всѣ путешественники были одного вѣроисповѣданія; такъ какъ

Гекторовичъ былъ, безъ сомнѣнія, католикъ, а имя Паскоя также наводитъ на мысль о принадлежности его—а, стало быть, и его сына—къ западной церкви, то православнымъ могъ быть только Николай; любопытно, прибавляетъ авторъ, что именно онъ предложилъ пѣть бугарштицу на *сербскій* ¹⁾ ладъ (*srbskim načinom*)» (стр. 100—101). Мнѣ думается, выраженіе «*svak po običaj svoj*» относится не къ различію вѣроисповѣданія молившихся, а просто къ личному у каждаго изъ нихъ обыкновенію молиться, характеру молитвы; во всякомъ случаѣ дѣлать изъ указаннаго выраженія заключеніе о православіи Николая слишкомъ смѣло; Іенсенъ ²⁾, судя по прозвищу (*Zet*), думаетъ, что онъ былъ зятемъ Паскоя, котораго онъ называетъ *čas̃ka*. Говоря о загадываніи и разгадываніи загадокъ, которыми развлекались во второй день своей морской поѣздки рыбаки, г. Петровскій находитъ страннымъ, что вопросы и отвѣты при этомъ пѣлись (стр. 100), но, по замѣчанію Іенсена ³⁾, употребленныя въ данномъ случаѣ Гекторовичемъ выраженія *odrivati* и *rgirivati* можно понимать не въ смыслѣ пѣнія, или исполненія какой-либо мелодіи, а просто въ смыслѣ ритмической декламаціи заученныхъ наизусть изреченій. Въ окончательномъ выводѣ изъ своего изученія поэмы Гекторовича г. Петровскій приходитъ къ заключенію, что при сравненіи съ современными итальянскими «рыбацкими эклогами» (*egloghe pescatorie*), если не считать нѣкотораго незначительнаго и отдаленнаго сходства въ кое-какихъ внѣшнихъ подробностяхъ изложенія содержанія или внѣшней обстановки съ десятой эклогой Б. Роты («*Timeta*»), «*Ribanje*», и по общей концепціи, и по идеѣ, является произведеніемъ вполне самобытнымъ и отличается совершенно необычнымъ для своего времени реализмомъ поэтического представленія жизни: вмѣсто серьезнаго и скучнаго трактата о какихъ-либо высокихъ вопросахъ въ обычной формѣ дидактической поэмы или любовныхъ lamentaцій и диеирамбовъ

1) Курсивъ г. Петровскаго.

2) «*Einige litter. Bemerk. zum «Ribanje»*: Arch. f. Sl. Phil., XXV, 438.

3) Тамъ-же, стр. 432.

возлюбленнымъ, вложенныхъ въ уста людей, которые, хотя и носятъ названіе рыбаковъ или пастуховъ, но, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго ни съ однимъ изъ этихъ классовъ трудящагося люда, Гекторовичъ въ выборѣ сюжета для своего произведенія руководствовался «указаніями самой жизни народа въ Далмаціи», въ виду малаго количества плодородной земли вынужденнаго эксплуатировать другую стихію—море, и сохранилъ въ теченіе всего разсказа за дѣйствующими въ его поэмѣ лицами присущій ихъ профессіи отличительный характеръ трудовыхъ и житейскихъ интересовъ: «его рыбаки, говоритъ авторъ, прекрасно знаютъ свое ремесло, охотно говорятъ о немъ и добросовѣстно занимаются имъ, а пригласившій ихъ съ собою авторъ «Рибанья» живо и подробно, но не дидактично, описываетъ все это, со смысломъ употребляя рыболовные термины, которые очевидно, были ему извѣстны въ совершенствѣ» (стр. 106—107). Съ этими замѣчаніями г. Петровскаго нельзя не согласиться; справедливо указываетъ онъ также и на такія жизненные черты, какими характеризуются, на примѣръ, въ подробностяхъ разсказа Гекторовича моменты забывчивости Николая и смущенія его вслѣдствіе ея, его застѣнчивости, когда ему забыли дать вина, обѣщаннаго за удачное разгадываніе загадокъ, и онъ не рѣшался напомнить объ обѣщаніи. Но, по моему мнѣнію, авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, говоря, что такихъ жизненныхъ подробностей «не найдется у современныхъ Гекторовичу поэтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не рѣшился бы внести ихъ въ свое произведеніе... Изъ другихъ хорватскихъ поэтовъ XVI вѣка, продолжаетъ по этому поводу г. Петровскій, *народъ* ¹⁾ выводили въ своихъ пастораляхъ Налешковичъ, М. Држичъ и Зораничъ, если не считать (?) Ветранича, о которомъ была уже рѣчь выше; но всѣ ихъ Радаты, Любири, Радмилы и т. д. только славянскимъ именемъ отличаются отъ героевъ современныхъ имъ итальянскихъ эклогъ, а неизбѣжныя въ подобныхъ произведеніяхъ *силы*

1) Курсивъ автора.

не имѣютъ ничего общаго съ *олиа*ми дѣйствительно народной поэзіи и оказываются носящими хорватское имя *нимфа*ми итальянскихъ идиллій. Поэтому «Рибанье» въ хорватской литературѣ не только XVI-го, но и послѣдующихъ столѣтій, стоитъ совершенно особнякомъ» (стр. 107—108)... О картинахъ изъ жизни народа у Ветранича было уже сказано выше, и жизненная правда ихъ, по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію; то же слѣдуетъ сказать и о Маринѣ Држичѣ, который какъ въ своей драмѣ «Od rogoroda Isusova», такъ и въ «Тиренѣ» и комедіяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенія къ современной дубровницкой дѣйствительности; авторъ и самъ счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку относительно послѣдняго писателя, отмѣтивъ указанныя акад. Ягичемъ¹⁾ черты народности въ произведеніяхъ Држича.. Что касается *олиа*, то смѣшеніе народнаго представленія о существахъ этого рода съ нимфами итальянскихъ поэтовъ совсѣмъ не имѣетъ значенія такого общаго, характернаго явленія въ сербо-далматской литературѣ даннаго времени, какое ему усвоиваетъ г. Петровскій: такъ у Ветранича, напримѣръ, въ поэмѣ «Pelegrin», по замѣчанію Медини²⁾, указанныя понятія различаются, — если не по имени, то по существу; у Марина Држича вилы иногда имѣютъ то же значеніе, что духи у Шекспира³⁾. Независимо отъ всего этого, реализмъ не заключается только въ изображеніи жизни народа и народности, а, вообще, въ художественномъ воспроизведеніи правды жизни, въ понятіе которой входятъ и проявленіе душевныхъ движеній общечеловѣческаго свойства; въ этомъ отношеніи, какъ было выше показано, напримѣръ, относительно Ветранича, произведеніе Гекторовича вовсе не стоитъ въ такой степени особнякомъ, какъ утверждаетъ г. Петровскій. Конечно, и у Ветранича, и у М. Држича найдется не мало несовершенствъ и недо-

1) «Kritische Nachlese zum Text d. altkroatischen Dichtern»: Archiv f. Sl. Phil., V, 91—92.

2) «Povjest hrv. književn.», I, 204.

3) Medini, Povjest hrv. književn., I, 319.

статковъ съ точки зрѣнія строгаго реализма, но вѣдь не безупреченъ въ этомъ отношеніи и Гекторовичъ; самъ г. Петровскій признаетъ, что авторъ поэмы «Ribanje», «изображая своихъ рыбаковъ, не во всемъ остался вѣренъ дѣйствительности и внесъ въ свою идиллію нѣкоторыя подробности, которыхъ онъ не могъ наблюдать на самомъ дѣлѣ» (стр. 110), и что «при всемъ реализмѣ, лежащемъ въ основѣ «Рибанья» — и въ общей концепціи его, и во всѣхъ подробностяхъ — около четверти этого произведенія (402 стиха изъ 1684) оказывается крайне неудачнымъ, неумѣстнымъ и неестественнымъ вымысломъ, нарушающимъ гармонію цѣлаго» (стр. 145—146). Если даже согласиться съ акад. Ягичемъ и Іенсеномъ¹⁾, что Паской и Николай, по свидѣтельству самого поэта, были не совсѣмъ обыкновенными рыбаками, а лучшими, выдающимися на Хварѣ («najbolja od Hvara»), Паской бесѣдовалъ не разъ съ монахами «na Solinskoj rici» (г. Петровскій думаетъ, что это Iader, протекающій вблизи Солина — Salona, — стр. 96, примѣч.), все-таки, не говоря уже о томъ, что предметомъ истинно художественныхъ произведеній поэзіи бываютъ не единичныя или исключительныя, а типическія явленія, нельзя, мнѣ кажется, не признать, что въ содержаніе поэмы внесено ея авторомъ не все, о чемъ разговаривали и могли разговаривать между собою и съ нимъ его спутники, а только то, что болѣе или менѣе отвѣчало его мысли, что подъ бѣднымъ костюмомъ рыбака иногда скрываются высокія душевныя и нравственныя качества, умъ и знаніе, т.-е., иными словами, нельзя не признать того, что авторъ болѣе или менѣе идеализовалъ своихъ рыбаковъ; наконецъ, бесѣда послѣднихъ не могла идти такъ гладко и литературно, какою она представлена въ поэміи... Правда, Іенсенъ²⁾, доказывая, что Гекторовичъ былъ безусловно вѣренъ дѣйствительности, ссылается на то, что самъ поэтъ, оставшись наединѣ, дивился, видя на примѣрѣ своихъ спутниковъ,

1) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 431.

2) Тамъ-же.

какъ бываетъ иной разъ обманчива наружность, но указаніе это не можетъ служить свидѣтельствомъ въ пользу полной правдивости даннаго поэтическаго представленія, какъ, напримѣръ, оговорка Карамзина въ повѣсти «Бѣдная Лиза» при изображеніи чувствительности старухи-матери героини разсказа и ея самой, что «и крестьянки чувствовать умѣютъ»... Существеннымъ пробѣломъ въ содержаніи разсматриваемой главы книги г. Петровскаго является, на мой взглядъ, отсутствіе характеристики выведенныхъ Гекторовичемъ въ своей поэмѣ рыбаковъ и обзорѣнія заключающихся въ ней фактическихъ подробностей, характеризующихъ плаванье по морю на парусной лодкѣ, принадлежности и способы рыбной ловли далматинцевъ, обычную добычу ихъ, устройство далматинскихъ помѣстій и т. п. Г. Петровскій ограничивается только ссылкой въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 95) на статью Зоре о рыболовствѣ на хорватскомъ поморьѣ¹⁾, но этого, мнѣ кажется, недостаточно для спеціальнаго изслѣдованія: этимъ матеріаломъ опредѣляется, по моему мнѣнію, прежде всего реалистическій характеръ произведенія Гекторовича, и въ этомъ отношеніи цѣннымъ дополненіемъ къ разсматриваемой книгѣ является статья Іенсена о поэмѣ «Ribanje» въ «Архивѣ» акад. Ягича за прошлый 1903 годъ²⁾.

Пятая глава (стр. 111—201) посвящена разбору литературнаго матеріала, входящаго въ содержаніе поэмы Гекторовича. Прежде всего г. Петровскій останавливается на заключающихся въ ней апоетемахъ и афоризмахъ: «рыбаки, выведенные Гекторовичемъ, говоритъ авторъ, не могли пѣть тѣхъ сентенцій, которыя онъ вложилъ имъ въ уста; поэтому мы въ правѣ видѣть въ подборѣ приведенныхъ въ «Рибаньѣ» апоетегмъ изложеніе взглядовъ самого поэта, сдѣланное съ достаточною подробностью и потому дающее возможность болѣе или менѣе

1) L. Zore, O ribanju po dubrovačkoj okolici sa dodatcima iz ostalog našeg primorja: Arkiv za povjestnicu jugoslav., X, 823—868.

2) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 429—439.

основательно судить о воззрѣніяхъ Гекторовича» (стр. 111). По тщательномъ изслѣдованіи, обоснованномъ на множествѣ параллельныхъ выписокъ изъ разныхъ источниковъ (стр. 112—138), г. Петровскій показываетъ, что большинство упомянутыхъ сентенцій заимствовано поэтомъ изъ сочиненія Діогена Лаэртскаго *Περὶ βίωυ, δογμάτων καὶ ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκίησαντων βιβλία δέκα*, которымъ Гекторовичъ пользовался, повидимому, въ латинскомъ переводѣ Амвросія Траверсари (*1475 г.). Кромѣ этого источника, авторъ поэмы «Ribanje» заимствовалъ матеріалъ для указанной части своего произведенія изъ книги современника своего Павла Мануція: «*Aprophthegmatum ex optimis utriusque linguae scriptoribus libri VIII*», представляющей передѣлку извѣстнаго труда Эразма Роттердамскаго «*Adagiorum chiliades*», изъ сочиненія Боэція «*De consolatione philosophiae*», Марулича «*Bene vivendi instituta*» и «*Evangelistarium*» и др. Изъ девяти символовъ Пифагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribanje», восемь, по изслѣдованію г. Петровскаго (стр. 139—145), могли быть заимствованы также изъ названнаго сочиненія Діогена Лаэртскаго, одно («*ορσένα stanjica nima se rustiti*») изъ діалога Цицерона «*De senectute*» (Cato major). Параллельно съ указаніемъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ книжныхъ источниковъ изслѣдуемаго матеріала г. Петровскій, гдѣ представляется возможность, отмѣчаетъ аналогичныя данныя въ славянскомъ, преимущественно, конечно, сербо-хорватскомъ фольклорѣ; но при изслѣдованіи предмета въ этомъ направленіи оказалось, что «до XIX столѣтія не дошло въ народной передачѣ почти никакихъ изреченій, употреблявшихся Паскоемъ и Николаемъ; между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ при этомъ авторъ, чрезвычайная живучесть произведеній народнаго творчества, вѣроятно, сохранила бы до нашихъ дней въ устахъ простолюдиновъ Далмаціи пословицы, записанныя Гекторовичемъ будто бы изъ устъ рыбаковъ» (стр. 145): онѣ находятся, по свидѣтельству автора, въ несомнѣнной зависимости «отъ книгъ, притомъ такихъ, которыя не могли быть извѣстны рыбакамъ и не всегда были

понятны даже Гекторовичу» (стр. 145). Іенсенъ въ упомянутой выше статьѣ своей о поэмѣ «Ribanje» оспариваетъ этотъ выводъ г. Петровскаго: по мнѣнію его, если рыбаки могли знать наизусть цѣлыя народныя пѣсни, и о такихъ лицахъ и мѣстахъ, о которыхъ имъ ничего не было извѣстно (о братѣ Марка Королевича, городѣ Сиверинѣ, Уд(б)инѣ, Святой горѣ, Дунаѣ), если они могли знать пѣсню въ родѣ почашницы, въ содержаніи которой слышится отголосокъ западно-европейской рыцарской поэзіи, въ образѣ ѣдущаго верхомъ рыцаря, въ шелковой шляпѣ и съ украшеннымъ перьями щитоиъ, въ сопровожденіи пѣвца-слуги, то тѣмъ болѣе они могли заучить откуда-нибудь и знать наизусть коротенькія изреченія, имѣющія своимъ содержаніемъ азбучныя житейскія истины и элементарныя правила нравственности¹⁾; но дѣло въ томъ, что эти изреченія, какъ показалъ г. Петровскій, можно было почерпнуть только изъ книгъ, тогда какъ пѣсни, о которыхъ говоритъ Іенсенъ, обращались въ средѣ народа въ устной передачѣ, не исключая и пѣсенъ съ мотивами рыцарской поэзіи, которыя, по приведенному выше мнѣнію акад. А. Н. Веселовскаго, могли распространяться въ народѣ также путемъ живого устнаго общенія итальянскихъ и славянскихъ странствующихъ пѣвцовъ: слѣдовательно, условія ихъ усвоенія людьми изъ народной среды были иныя, болѣе благоприятныя, нежели для указанныхъ сентенцій и афоризмовъ. Что касается самой мысли собрать вмѣстѣ различныя изреченія и моральныя правила, то она могла явиться у Гекторовича, по мнѣнію г. Петровскаго, подъ впечатлѣніемъ аналогичнаго сборника Димитровича «Prigisce izete iz svetoga pisma i filosofo». Авторъ останавливается при этомъ на томъ явленіи, что «и Гекторовичъ и Димитровичъ, проникнутые христіанскими и даже церковными воззрѣніями, на ряду съ цитатами изъ Библіи помѣщали, какъ равныя по силѣ и значенію, изреченія языческихъ мудрецовъ» (стр. 147), и видитъ въ этомъ характерную черту

1) Archiv f. Sl. Phil., XXV, 432.

эпохи Возрожденія; но отмѣченное въ данномъ случаѣ явленіе относится преимущественно къ начальному, раннему періоду гуманизма и имѣетъ корни въ средневѣковомъ синкретизмѣ настоящего съ прошлымъ. У насъ, въ Россіи, внѣ условій непосредственныхъ гуманистическихъ вліяній, даже въ церквахъ,—напримѣръ, въ иконостасѣ псковскаго Троицкаго собора, построеннаго въ 1699 году,—подъ мѣстными иконами оказываются между прочимъ изображенія Менаандра, Платона, Афродитіана, Хилона, Омира, Аристотеля, Еврипида, съ хартіями въ рукахъ и надписями на нихъ изъ ученія и произведеній названныхъ философовъ и поэтовъ классической древности въ приуроченіи къ богочеловѣчеству Христа ¹⁾: въ основѣ лежала богословская идея о естественномъ откровеніи и всемірномъ приуготовленіи челоуѣчества Промысломъ къ истинной жизни и спасенію.

Послѣ сентенцій и символовъ г. Петровскій останавливается на литературной исторіи внесенной въ «Ribacje» загадки о рыбакахъ и рыбѣ (стр. 147—152); помѣщенная въ извѣстномъ сборникѣ загадокъ Симфозіа (*Symphosii scholastici Aenigmata*), она, благодаря тому обстоятельству, что неизвѣстный переводчикъ греческаго романа объ Аполлоніи Тирскомъ на латинскій языкъ внесъ ее въ свою передѣлку, получила большое распространеніе въ европейскомъ фольклорѣ; у сербо-хорватовъ авторъ отмѣчаетъ двѣ аналогичныя загадки: «чељад похватах, а кућа им побеже кроз пенцере» и «*čeljad pohvata, kuća pobježe kroz prozor*». По мнѣнію г. Петровскаго, основанному на характерѣ загадки, Гекторовичъ, внося указанную загадку въ свою поэму, находился подъ вліяніемъ не народной ея версіи, а какой либо книжной, именно романа объ Аполлоніи Тирскомъ въ латинскомъ или итальянскомъ переводѣ.

Вторая половина разсматриваемой главы занята разборомъ со стороны содержанія и формы народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ

1) И. Годовиковъ, Описаніе и изображеніе древностей Псковской губерніи, вып. 2, стр. 57.

въ текстъ поэмы Гекторовича. Сначала авторъ останавливается на почашницѣ (стр. 152—160). Первая часть ея, заключающая въ себѣ первыя четыре строки въ editio princeps и въ изданіи Любича и первыя восемь въ академическомъ изданіи, въ которомъ каждая прежняя строка раздѣлена на двѣ, представляетъ «trinaestegac», извѣстный въ сербо-хорватской народной поэзіи XVIII—XIX вѣковъ, въ записяхъ также и по 13 и по 8—5 слоговъ въ стихѣ. По мнѣнію г. Петровскаго, эта часть почашницы слегка передѣлана Гекторовичемъ изъ одной народной почашницы — «Djaki», сохранившейся на Корчулѣ и сообщенной Вукасовичемъ въ его собраніи «Korčulanske čakavske rošajnice»; въ противоположность отмѣченному Вукасовичемъ усвоенію народомъ, въ качествѣ народного произведенія, стихотворенія Петра Канавеловича («Mladici»), г. Петровскій въ начальныхъ стихахъ почашницы Гекторовича видитъ обратный случай проникновенія народного стиха въ книгу, хотя именно въ качествѣ народного. Слѣдующіе два стиха разсматриваемой почашницы, раздѣленные въ академическомъ изданіи на четыре строчки, безъ нарушенія счета стиховъ, въ editio princeps были раздѣлены значками; первыя половины этихъ стиховъ заключаютъ по десяти слоговъ, вторыя представляютъ «осмерцы»; остальная, заключительная часть пѣсни имѣетъ размѣръ съ неправильнымъ распредѣленіемъ слоговъ по стихамъ: первыя половины строкъ имѣютъ то десять, то девять, то восемь слоговъ, вторыя правильно по восьми. Здѣсь впервые, по замѣчанію г. Петровскаго, появился въ печати «десетерацъ». Вопросъ о времени происхожденія этого размѣра авторъ оставляетъ открытымъ; первымъ собраніемъ стихотвореній десятисложнаго размѣра считается «Razgovor ugodni naroda slovinskoga» Качича-Миошича, появившійся приблизительно въ серединѣ XVIII вѣка, но г. Петровскій указываетъ болѣе старое свидѣтельство о процвѣтаніи «десетерца» въ Приморьи, относящееся, по крайней мѣрѣ, къ первой четверти названнаго столѣтія: оно оказывается въ сочиненіи нѣкоего францисканскаго монаха Ловро «Pisna od rakla», именно

въ посвященіи этой книжки задрскому архіепископу Змаевичу: Ловро говоритъ о распространеніи «десетерца» въ народной поэзиі («Illyrici Generis utriusque sexus Populis solemnna sunt quaedam carmina Syllabica dimensione dena, solita quaedam modulamina elementari comprehensione ligata»...) и свою поэму также написалъ этимъ размѣромъ. Первая изъ бугарштиць, изображающая ссору Марка Королевича съ братомъ Андриашемъ, по мнѣнію г. Петровскаго, повидимому, дѣйствительно записана поэтомъ изъ устъ рыбака; между прочимъ и языкъ ея нѣсколько отличается отъ діалекта Гекторовича; слѣды редакторской работы поэта авторъ видитъ только въ метрикѣ пѣсни. Содержаніе второй бугарштицы — о Радосавѣ изъ Северина и Владкѣ Уд(б)инскомъ — ждетъ еще окончательнаго разъясненія. Акад. Ягичъ, цитируя сообщеніе Курипешича о существованіи у босняковъ и хорватовъ многочисленныхъ пѣсенъ о подвигахъ вѣрнаго слуги герцога Павловича изъ Радаселя, замѣтилъ, что о Радосавѣ Павловичѣ, какъ онъ перевелъ «Ravlovicz von Radasel» Курипешича, въ настоящее время пѣсенъ нѣтъ, но *Радосавъ* бугарштицы изъ поэмы Гекторовича могъ быть боснійскимъ воеводой Радосавомъ Павловичемъ¹⁾; такого же взгляда держались Любичъ²⁾, акад. А. Н. Веселовскій³⁾ и Павичичъ⁴⁾, отмѣтившій, впрочемъ, несоответствіе пѣсенной традиціи о гибели Радосава исторической истинѣ. Гавриловичъ⁵⁾, отправляясь отъ свидѣтельства Курипешича, ищетъ, съ своей стороны, какъ и слѣдуетъ, пѣсенъ не о Радосавѣ, а о слугѣ его. Сѣренсенъ первый остановился на вопросѣ, откуда взялось прозвище Радосава въ бугарштицѣ и что.

1) Jagić, Gradja za slovinsku narodnu poeziju: Rad Jug. Akad., XXXVII, 114.

2) «Prilog Jagičevoj razpravi o gradji za slov. nar. poeziju»: Rad Jug. Akad., XL, 140.

3) «Хорв. пѣсни о Радосавѣ Павл. и итал. поэмы о Гнѣвн. Радос»: Журн. Мин. Нар. Просв., ССІ (январь 1879 г.), 95.

4) «Tri narodne pjesme u Hektorovićevom Ribarju i ribarskom prigovaranju»: «Nada» 1898 г., № 8, стр. 121—122.

5) «Трагови народног певања у XVI веку»: Глас Српске Краљевске Академије, LX, стр. 102 и слѣд.

слѣдуетъ понимать подъ именемъ Сиверина: по мѣтѣ названнаго изслѣдователя, Siverin бугарштицы Гекторовича есть не что иное, какъ румынскій Турну-Северинъ, а Udin сербское наименование для Виддина ¹⁾. Отвергая не безъ основанія такое толкованіе, г. Петровскій, съ своей стороны, высказываетъ предположеніе, что Сиверинъ «едвали не тождественъ съ нынѣшней деревней Severin въ загребской жупѣ», а мѣстожителство Владка, при условіи принятія конъектуры Кукульевича-Сакцинскаго ²⁾ (Udbinski вмѣсто Udinski), опредѣляется деревней Udbina, въ южной Кроаціи: такимъ образомъ мѣста, гдѣ происходятъ событія, о которыхъ поется въ бугарштицѣ, оказывались бы по близости къ Хвару и Далмаціи, «и обитатели Северина и Удбины могли скорѣе попасть въ былинну, пѣтую хварскимъ рыбакомъ, нежели жители придунайскихъ крѣпостей» (стр. 166). Третья пѣсня, въ которой упоминается Шишманъ, приурочивается Павичичемъ къ Косовской битвѣ; имя Андриаша, какъ брата Лазаря, г. Петровскій объясняетъ встрѣчающимся часто въ народномъ эпосѣ смѣшеніемъ генеалогическихъ отношеній между героями и припоминаніемъ о братѣ Марка Королевича. Въ подлинности этой пѣсни сомнѣваться нѣтъ основаній. Размѣръ ея затемняется повтореніемъ одинаковыхъ фразъ при участіи двухъ пѣвцовъ. Г. Петровскій разсматриваетъ эту пѣсню, какъ эпическую; Миласъ ³⁾ считаетъ ее лирическою, а Гавриловичъ видитъ въ ней одну изъ тѣхъ *миро-эпическихъ* пѣсенъ, которыя возникали на почвѣ и въ первоначальныхъ формахъ обрядной лирики, черпая свое содержаніе изъ текущихъ явленій жизни, затронувшихъ народную мысль и чувство, и, съ теченіемъ времени, постепенно приобрѣтали эпическую канву и окраску тона, сохраняя отпечатокъ свѣжаго впечатлѣнія факта, вызвавшаго

1) A. Soerensen, Beitrag zur Geschichte d. Entwicklung d. serb. Helden-dichtung: Archiv f. Sl. Ph., XV, 224.

2) «Pjesn. hrv. XV v.», 102.

3) «O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića»: Nada, 1902 г., № 18, стр. 184.

въ свое время ихъ появленіе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія сложность размѣра указанной пѣсни можетъ объясняться переходнымъ характеромъ ея внутренняго содержанія¹⁾. Притомъ, по наблюденію Миласа, число слоговъ въ стихѣ пѣсни не имѣетъ опредѣляющаго значенія для ея размѣра при пѣніи: стихи въ 12 и даже 16 слоговъ исполняются нѣкоторыми народными пѣвцами и звучатъ въ ихъ пѣніи, какъ *десетерцы*²⁾.

Разсматриваемая глава заключается изслѣдованіемъ о бугарштицахъ (стр. 171—201). Опредѣливъ обычный типъ бугарштицъ, г. Петровскій останавливается на вопросѣ о происхожденіи ихъ размѣра. Зима считаетъ 16-ти сложный стихъ бугарштицъ правильнымъ народнымъ, производя изъ него и 15-ти сложный, какъ каталектический³⁾; проф. Халанскій⁴⁾ видитъ въ немъ «нѣсколько видоизмѣненный tetrameter trochaicus acatalecticus». Нѣкоторые изслѣдователи, какъ Халанскій, Вольтнеръ, Нодило, отчасти Новаковичъ, Гавриловичъ и Миленовичъ⁵⁾, считаютъ бугарштицы искусственнымъ произведеніемъ. Раздѣляя этотъ взглядъ, г. Петровскій думаетъ, что и размѣръ бугарштицъ не народнаго происхожденія. По мнѣнію автора, бугарштицы при своемъ возникновеніи имѣли не пятнадцать слоговъ, какъ думалъ Богишичъ⁶⁾, а шестнадцать, и, только проникнувъ въ народъ, утра-

1) A. Gavrilović, Prvo istorisko doba narodne poezije: Rad Jugosl. Akad., kn. 153, стр. 209—226; о пѣснѣ въ поэмѣ Гекторовича—стр. 216—217.

2) Nada, 1903 г. № 13, стр. 184.

3) L. Zima, Nacrt naše metrike narodne: Rad Jugosl. Akad., XLIX, 6, 12.

4) «Южнославянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ», III, 778.

5) Г. Петровскій имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду статьи: проф. Халанскаго—«О бугарштицахъ» (Замѣтки по слав. нар. словесн.—Русск. Фил. Вѣстн., 1882 г., т. VII), Вольтнера—«Untersuchungen über d. Versbau d. südslav. Volksprosa» (Arch. f. Sl. Ph., IX, 276), Нодила—«Religija Srba i Hrvata» (Rad Jugosl. Akad., LXXVII, 56), Новаковича—«Die serb. Volkslieder über die Kosovo-Schlacht» (Arch. f. Sl. Ph., III, 449), Гавриловича—«Заменичке епикитике као ритамски елементи у срп. нар. песмама» (Наставник, X, 197), Миленовича—«Ив. Гундулић» (Отаџбина, 1888 г., стр. 546—547).

6) «Нар. пјесме из старијих највише приморских записа», I, предговор (В. О связи међу бугарштицама и умјетним пјесништвом у приморју).

тили конечные слоги первыхъ, а иногда и вторыхъ полустишіи; причину, по которой восьмисложное полустишіе могло превратиться въ семисложное, г. Петровскій видитъ въ томъ, что, какъ произведенія искусственныя, бугарштицы должны были имѣть въ основѣ своего языка штокавщину, въ которой удареніе претерпѣвало видоизмѣненія, приведшія къ изобилію *protragoxytona*, вслѣдствіе чего стало болѣе удобнымъ оканчивать полустишіе дактилической стопой, вмѣсто прежней четырехсложной диподии. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи размѣра бугарштицъ сводится авторомъ къ вопросу о происхожденіи обычнаго у далматскихъ поэтовъ «осмерца». Г. Петровскій думаетъ, что, какъ «осмерецъ» духовныхъ стихотвореній, судя по хорватскому переводу церковнаго гимна «*Dies irae*» въ изданіи Лекціонарія Бернардина сплитянина 1495 года, былъ заимствованъ хорватами изъ латинской церковной поэзіи, такъ и образцомъ для восьмисложнаго размѣра хорватскихъ стихотвореній свѣтскаго характера служилъ соотвѣтствующій итальянскій размѣръ; особенно близкимъ къ итальянскому, по замѣчанію Крековича ¹⁾, является размѣръ хорватскихъ карнавальныхъ стихотвореній (Налѣшко-вича, Ветранича), а они представляютъ, какъ указано Медини ²⁾, по большей части подражаніе однороднымъ итальянскимъ произведеніямъ, въ которыхъ, сравнительно съ другими, восьмисложный стихъ, какъ извѣстно, былъ особенно распространенъ. Г. Петровскій дополняетъ соображеніе Крековича по этому предмету указаніемъ на сходство въ самомъ характерѣ восьмисложнаго стиха у итальянцевъ и у хорватовъ: итальянскій восьмисложный стихъ, въ отличіе отъ французскаго, непременно, при тоническомъ характерѣ, ямбическаго, могъ быть хоренческимъ или, при удареніи на седьмомъ слогѣ и женскихъ римахъ, близко походить на хорей, и хорватскій «осмерецъ», сообразно съ природою сербо-хорватскаго языка, долженъ былъ быть хоренче-

1) «O strofoma prvih hrvatskih pjesnika»: Vjenac, 1893 г.

2) «Dubrovačke poklade u XVI i XVII vijeku i Čubranovićevi nasljednici», 36—37.

скимъ. Обращаясь къ вопросу о значеніи слова *bugarštica*, авторъ находитъ, что предложенная акад. Ягичемъ¹⁾ этимологія этого слова отъ *буарин* и, вслѣдъ за Караджичемъ, въ значеніи печальной, грустной пѣсни (*Klagelied*) не можетъ считаться достаточно обоснованною. Между прочимъ онъ указываетъ при этомъ на употребленіе слова *bugariti*, по объясненію Даничича въ «*Rječnik*»²⁾, въ смыслѣ *inerte loqui*, показанномъ въ словарѣ Деллабеллы, и обозначеніе выраженіями *bugarštica* и *bugariti* *свадебныхъ* пѣсенъ въ рукописномъ сборникѣ (1851 г.) старинныхъ народныхъ пѣсенъ изъ г. Врбника; мнѣ думается, указанія эти, сами по себѣ, едва ли могутъ служить такими рѣшительными доводами противъ опредѣленій, данныхъ для словъ *bugariti* и *bugarštica* Караджичемъ и Ягичемъ, какъ это представляется автору: у насъ свадебныя пѣсни, какъ извѣстно, нерѣдко носятъ названіе воплей, одинаковое съ похоронными, имѣя, если не по внутреннему своему смыслу, то по внѣшнимъ мотивамъ своего содержанія, характеръ грустный, обусловливаемый невольною горечью разлуки съ роднымъ домомъ и дѣвичьей волей и неувѣдѣнностью будущаго, а рѣчь человѣка въ состояніи душевнаго волненія подъ впечатлѣніемъ горя или несчастья является сплошь и рядомъ нестройною, безсвязною, къ которой бываетъ приложимо выраженіе *inerte loqui*; затѣмъ въ томъ и другомъ смыслѣ возможно обобщеніе значенія уже независимо отъ дѣйствительнаго внутренняго содержанія понятія, къ которому слово относится въ томъ или другомъ данномъ случаѣ. Основываясь на томъ, что слова корня *bugar* — издавна оказываются въ обращеніи у всѣхъ хорватовъ, потерявшихъ эпосъ, и главнымъ образомъ у жителей Далмаціи, тогда какъ сербы, еще живущіе эпическою жизнью и поющіе старыя эпическія пѣсни, этого слова не имѣютъ и, повидимому, никогда не знали прежде, г. Петровскій заключаетъ, что корень *bugar* — былъ занесенъ къ хорватамъ изъ чужого языка,

1) Archiv f. Sl. Phil., IV, 241—242.

соприкасавшагося съ хорватскимъ главнымъ образомъ въ Далмаціи, но не оказывавшаго вліянія на сербскій, именно итальянскаго: авторъ предполагаетъ, что «заимствованный изъ итальянской поэзіи—*roesia volgare* въ противоположность *roesia latina*—размѣръ хорватскихъ стиховъ могъ принять названіе, усвоенное на его родинѣ произведеніямъ народнаго творчества, часто пользовавшимся этою формою, — корень *volgar-* на приморской почвѣ могъ дать *bugar-* (стр. 195)¹⁾. Согласно съ этимъ предположеніемъ, *bugariti*, вѣроятно, первоначально обозначало *пѣнь пѣсни, составленныя на итальянскій ладъ*, т. е. осмерцемъ, откуда могло возникнуть впоследствии болѣе общее значеніе — *пѣнь*, которое констатировалъ въ Дубровникѣ Богишичъ²⁾, и частное — съ отѣнкомъ въ смыслѣ *грустнаго пѣнія*. Решетаръ въ своей рецензіи на книгу г. Петровскаго³⁾ нашелъ его заключенія по этому предмету ошибочными: производство *bugariti* отъ *volgare* представляется рецензенту очень слабо обоснованнымъ, при чемъ онъ указываетъ на различіе въ удареніяхъ между *volgáre* и *bugariti*. Въ статьѣ своей о метрикѣ Гундулича тотъ-же авторъ отвергаетъ и предположеніе о развитіи «осмерца» у хорватовъ подъ итальянскимъ вліяніемъ⁴⁾. Милась находить, что, если бы слово *bugarštica* происходило отъ *volgare*, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ старину, существовали для него, особенно среди чакавцевъ на Хварѣ, формы *volgarštica*, *vulgarštica* или *bulgarštica*, но ихъ, насколько извѣстно, нѣтъ и не было на всемъ протяженіи отъ Котора до Истріи. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, слово *bugarštica* происхожденія народнаго и своимъ источникомъ имѣетъ *звукоподражаніе* для обозначенія громкаго плача, при которомъ часто слышатся звуки *и, бу, Вог*; въ живомъ народномъ языкѣ слово *bugariti* употребляется, по сви-

1) Повидимому, такъ-же думаетъ и проф. Халанскій: «Южнослав. сказанія о Кралев. Маркѣ», III, 777.

2) «Нар. пјесме из стар. најв. приморск. зап.», I, предговор, 31.

3) Archiv f. Sl. Phil., XXIV, 276—279.

4) M. Rešetar, Die Metrik Gundulić's: Archiv f. Sl. Ph., XXV, 251.

дѣтельству Миласа, съ нѣкоторыми разными оттѣнками въ значеніи, показанномъ для него Караджичемъ (*den Klaggesang anheben*, наеніам *inchoare*): въ Дубровникѣ и вокругъ него выраженіе *bugariti* употребляется въ значеніи громко плакать, въ Сени слово это означаетъ то-же, что *kukati*, *jadati se*, на Истрии — пѣть жалобную пѣсню, по Ликѣ (Горн. Военн. Граница) — плакать, особенно на могилѣ, по покойникѣ, — такое-же значеніе, думаетъ названный авторъ, могло оно имѣть и въ старину, и отъ него могло произойти и слово *bugaristica* съ первоначальнымъ значеніемъ печальной пѣсни по поводу какого-нибудь горя или несчастья ¹⁾, т. е., стало быть, съ значеніемъ, близкимъ къ тому, которое усвоено ему Ягичемъ. Такимъ образомъ теорія ²⁾ г. Петровскаго объ итальянскомъ происхожденіи бугарштицъ является сомнительною.

Шестая глава посвящена разбору приписываемой Гекторовичу хорватской драматизаціи житія св. Лаврентія. Житіе это напечатано въ изданіи болландистовъ *Acta sanctorum* по версін, сохранившейся въ «*Martyrologium*» св. Адона, вѣнскаго епископа IX вѣка, съ разнотченіями изъ другихъ редакцій, и въ томъ числѣ Сурія; тамъ-же напечатано и житіе св. Сикста. Пьесы, сюжетомъ которыхъ служить житіе св. Лаврентія, извѣстны у французовъ, итальянцевъ и хорватовъ; есть и испанское «*Martirio de San Lorenzo*». Г. Петровскій подробно излагаетъ содержаніе итальянскаго «*La Rappresentazione di santo Lorenzo*» сравнительно съ текстами житій св. Лаврентія и Сикста у болландистовъ (стр. 207—221) и приходитъ къ выводу, что названная итальянская пьеса была лишь неловкой драматизаціей указанныхъ житій, преимущественно по той редакціи, которая впоследствии была извѣстна Сурію. Проф. д'Анконе ³⁾ относитъ «*Rappresentazione di santo Lorenzo*» къ XV вѣку. Переходя къ

1) M. Milas, O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića: Nada, 1902 г., № 18, стр. 183—184 (Bilgeške).

2) Въ предварит. сокращ. отзывѣ въ отчетѣ Отдѣленія о преміяхъ 1904 г. (стр. 7) опечатка: «исторія» вм. «теорія».

3) «*Origini del teatro italiano*»², I, 269—270.

хорватскимъ драматическимъ обработкамъ легенды о св. Лаврентіи, авторъ описываетъ рукописи, въ которыхъ онѣ сохранились (стр. 222—225), и разсматриваетъ сравнительно съ итальянскимъ «Rappresentazione» текстъ хорватскаго «Príkazanja sv. Lovrinca» въ редакціи, въ которой онъ напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Гекторовича, отмѣчая черты, опредѣляющія близкую зависимость хорватскаго текста пьесы отъ итальянскаго (стр. 225—228), и нѣкоторыя вставки въ хорватской обработкѣ сюжета, не имѣющія себѣ соотвѣтствія въ итальянской (стр. 228—241). При сличеніи указанныхъ двухъ обработокъ выясняется съ несомнѣнностью, что хорватскій авторъ пользовался итальянской пьесой. Но напечатанная пьеса была не единственной на хорватскомъ языкѣ обработкой житія св. Лаврентія: въ библіотекѣ Югославянской Академіи находится рукописный отрывокъ другой драмы того-же содержанія, текстъ которой совершенно отличенъ отъ печатнаго; изложивъ содержаніе этого отрывка сравнительно съ печатной пьесой, приписываемой Гекторовичу (стр. 241—247), г. Петровскій указываетъ, что авторъ рукописной драмы проявилъ по отношенію къ своему матеріалу полную самостоятельность: «его обработка не обнаруживаетъ близкой зависимости ни отъ текстовъ житія, ни отъ итальянскаго «Rappresentazione», которому рабски слѣдуетъ печатное «Príkazanje» (стр. 247—248); но, при ближайшемъ сличеніи печатной хорватской пьесы съ рукописной, замѣчаются и сходные стихи; при различіи на долю печатнаго текста приходится обыкновенно варіантъ худшій: въ рукописи нѣтъ ни одного неправильнаго стиха, въ печатной пьесѣ есть *versus hypermeter*, нѣкоторые стихи рукописнаго текста въ передѣлкѣ печатнаго «Príkazanja» искажены до потери смысла, правильность языка въ печатной пьесѣ также оставляетъ желать многого и т. д. Поэтому г. Петровскій считаетъ рукописный отрывокъ старше текста печатной драмы, авторъ которой видимо заимствовалъ изъ рукописной пьесы въ испорченномъ видѣ нѣкоторыя мѣста и вставилъ ихъ въ свой переводъ или передѣлку итальянскаго

«Rappresentazione». Принадлежность, по преданію, хорватскаго «Priказanja», въ печатной его редакціи, Гекторовичу была опровергаема проф. Лескинымъ¹⁾, но г. Петровскій, соглашаясь съ заключеніями его по данному предмету, находитъ, съ своей стороны, нужнымъ нѣсколько распространить доводы названнаго ученаго, имѣя въ виду, что у него не было подъ руками ни указаннаго рукописнаго отрывка драмы, вносящаго въ темный вопросъ нѣкоторое новое осложненіе, ни всѣхъ пособій, имѣющихъ значеніе для цѣли изслѣдованія; между прочимъ авторъ указываетъ на то, что Гекторовичъ, знавшій итальянскій языкъ, не могъ сдѣлать такихъ ошибокъ въ переводѣ, какія оказываются въ печатной пьесѣ: «онъ не назвалъ бы марментинскую тюрьму мраморной (nella prigion di Marmantin—u tamnicu mramoritu), не перевелъ бы существительнаго soggetto нарѣчіемъ podložno, не передалъ бы ne'suoi rapni черезъ z družbom ovom и т. д.» (стр. 257); затѣмъ г. Петровскій предпринимаетъ изслѣдованіе языка хорватской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ языкомъ произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ Гекторовичу, пользуясь для того методомъ сличенія риѣмъ въ направленіи различій чакавскаго нарѣчія, присущаго изучаемому поэту, какъ уроженцу Хвара, отъ штокавскаго, какъ современнаго ему литературнаго (стр. 260—269). Опредѣляющими отличіями чакавскаго нарѣчія отъ штокавскаго, отъ которыхъ авторъ отирается въ данномъ случаѣ въ своемъ изслѣдованіи, не считая ихъ, впрочемъ, для настоящаго времени вполне установленными, являются: *ča* вмѣсто *što*, сохраненіе конечнаго — *l*, переходъ первоначальнаго **dj* (штокавское *dj*, *fj*) въ *j*, переходъ конечнаго — *m* въ — *n*, переходъ гласнаго или слогаобразующаго *r* въ *ar* или въ *ri*, префиксы *va-*, *vaz-*, *v-*, *vz-* вмѣсто штокавскихъ *u-*, *uz-*, стяженные формы притяжательныхъ мѣстоименій, архаическія формы родительнаго падежа множественнаго числа и окончаніе словъ съ основами на — *o* въ этомъ падежѣ на — *i*.

1) «Altkroatische geistliche Schauspiele», 27—28.

Пересмотръ въ этомъ направленіи особенностей языка несомнѣнныхъ произведеній Гекторовича и приписаннаго ему «Príkazanja» не обнаружилъ между ними особенно крупнаго различія въ диалектическомъ отношеніи: нѣкоторыя изъ добытыхъ данныхъ по этому предмету частью неопредѣленны, частью слишкомъ скудны; но можно думать, что «Príkazanje» отразило въ себѣ позднѣйшее, сравнительно съ временемъ Гекторовича, состояніе чакавинскаго, въ которую вторгались уже штокавскіе элементы. Кромѣ того, въ языкѣ «Príkazanja», по замѣчанію г. Петровскаго, оказывается еще одна, совершенно чуждая языку произведеній Гекторовича особенность—свистящія согласныя на мѣстѣ шипящихъ, замѣна, наблюдаемая въ рѣцкомъ говорѣ и отчасти въ нарѣчій Кварнерскихъ острововъ. Въ результатѣ своихъ изученій г. Петровскій приходитъ къ убѣжденію, что хорватская драматизація житія св. Лавренція, въ ея печатной редакціи, не принадлежитъ Гекторовичу; съ большою вѣроятностью, и по внутреннимъ качествамъ текста и по языку, могъ бы принадлежать автору поэмы «Ribanje» рукописный отрывокъ «Príkazanja», но этому прежде всего противорѣчитъ уже то обстоятельство, что рукопись, въ которой заключается этотъ отрывокъ, имѣя характеръ автографа, относится къ концу XVII вѣка. Поэтому авторъ заключаетъ, что Гекторовичъ никакихъ драмъ не писалъ. Въ объясненіе преданія о принадлежности хорватскаго «Príkazanja sv. Lovćenca» автору поэмы «Ribanje» г. Петровскій высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Гекторовичемъ, изучавшимъ, судя по записаннымъ имъ нотамъ къ бугарштицамъ, музыку своего народа, была написана музыка къ тексту драмы, а преданіе смѣшало композитора съ либреттистомъ.

Въ седьмой главѣ г. Петровскій разсматриваетъ мелкія стихотворенія Гекторовича на хорватскомъ и латинскомъ языкѣ и итальянское письмо его къ лесинскому врачу Ванетти по поводу присылки послѣднимъ своего сонета въ честь Антонія Луцича (стр. 275—286); по изслѣдованію автора, для характеристики изучаемаго поэта они не представляютъ ничего существенно зна-

чительнаго. Въ заключеніе г. Петровскій представляетъ общую характеристику историко-литературнаго значенія Гекторовича въ хорватской литературѣ (стр. 286—289), еще разъ въ связномъ изложеніи повторяя высказанныя имъ объ этомъ раньше въ подходящихъ случаяхъ замѣчанія въ разныхъ мѣстахъ своей книги. Такъ какъ о взглядахъ автора по этому предмету была уже рѣчь, то останавливаться на нихъ снова нѣтъ надобности. «Лучшія стороны поэзіи Гекторовича, говоритъ г. Петровскій, не оказали на хорватскую литературу никакого вліянія: вмѣсто народа и въ XVI, и въ XVII, и даже въ XVIII вѣкахъ въ ней изображались балетные пейзажи; отъ этого недостатка не свободны даже такіе крупные литературные дѣятели, какъ Гундуличъ. Не понятый ни современниками, ни потомствомъ, Гекторовичъ не имѣлъ въ исторіи хорватской литературы никакого значенія; но это не его вина; это показываетъ только, что онъ опередилъ свое время на цѣлыхъ три столѣтія, по истеченіи которыхъ ему стали отдавать справедливость. Съ его «Рибаньемъ», замѣчаетъ авторъ, случилось то же, что съ однимъ изъ лучшихъ произведеній Я. Кохановскаго—«Pieśń Świętojańska o Sobótce»—и по тѣмъ-же причинамъ, которыя прекрасно объяснилъ проф. Рымаркевичъ (Ateneum, IV, 1876, стр. 51—52): «заклучая въ себѣ классичнаго слишкомъ мало, а родного слишкомъ мною, она не отвѣчала требованіямъ тогдашняго вкуса и потому не была оцѣнена по достоинству («Zawierając w sobie klasyczności za mało, a swojskości za wiele, nie odpowiedziała wymaganiomъ ówczesnego gustu a poszła dlatego w zaniechanie»). Не считая автора поэмы «Ribanje» такимъ одинокимъ среди современныхъ ему сербо-далматскихъ писателей, думаю, что направленіе, однимъ изъ представителей котораго онъ былъ въ свое время въ родной литературѣ, не получило естественнаго развитія не отъ тѣхъ причинъ, которыя указываетъ г. Петровскій, а отъ общихъ условій мѣстной національной жизни, имѣвшихъ конечнымъ послѣдствіемъ сравнительную слабость развитія въ далматинцахъ народнаго самосознанія; эти условія имѣли для себя почву въ

раздѣленіи Далмаціи на множество независимыхъ общинъ, породившемъ мелочную обособленность въ частяхъ единого цѣлаго, и удушливый гнетъ католическаго духовенства, относившагося, въ большинствѣ, враждебно къ народу и его языку.

Въ приложеніи къ шестой главѣ въ концѣ своей книги г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «*Prikazanja života S. Lovrinca mučenika*», имѣющій цѣлью дополнить исправленія, сдѣланныя проф. Лескиномъ¹⁾, при помощи сличенія хорватскаго текста съ итальянскимъ и отрывковъ изъ рукописи Мулановича, сообщенныхъ Жепичемъ, но не принятыхъ во вниманіе при своихъ поправкахъ и конъектурахъ Лескиномъ.

Содержаніе книги г. Петровскаго не ограничивается изслѣдованіемъ одной ея прямой темы; въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній не только по предмету изслѣдованія, но и относительно другихъ разныхъ вопросовъ, которыхъ автору приходится касаться въ своемъ изложеніи: таковы, напримѣръ, біографическія и бібліографическія замѣчанія о Мартиничѣ (стр. 11—12), С. Менчетичѣ и Г. Држичѣ (стр. 23—25), Чубрановичѣ (стр. 18—22, 26, 28), Маруличѣ (стр. 30—34), Ветраничѣ (стр. 35—37), свѣдѣнія о рукописной генеалогіи Држичей съ выписками изъ нея біографическихкихъ указаній относительно Георгія и Марина Држичей (стр. 15—18), о Бертучевичѣ (стр. 62—63), о чешскомъ, польскомъ и русскомъ текстахъ романа объ Аполлоніи Тирскомъ (стр. 149—150), о Канавеловичѣ (стр. 154), о чередованіи «приложка» съ основными строками въ бугарштицахъ разныхъ собраній — Павича, Новаковича, Богишича (стр. 172—173), о хорватскихъ переводахъ гимна «*Dies irae*» (стр. 182—183), о колендахъ въ Далмаціи и др. Эти и подобныя имъ примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, мѣшая сосредоточиться; въ

1) «*Kritische Nachlese z. Text der altkroat. Dichter*», I, «*Bemerk. z. prika-zanje živ. sv. Lovr. St. p. VI*»: *Archiv f. Sl. Ph.*, V, 80—84.

методологическомъ отношеніи нѣкоторыя изъ нихъ не только можно было бы, но и должно помѣстить въ текстѣ: на примѣръ, въ четвертой главѣ, на стр. 143, авторъ говоритъ: «произведенный нами разборъ символовъ Пифагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribauje», показывается» и т. д., а на самомъ дѣлѣ въ предшествующемъ текстѣ книги нѣтъ никакого разбора, а есть только изложеніе символовъ,—разборъ весь происходитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; тоже повторяется и при разборѣ итальянской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ житіями этого святого и св. Сикста у болландистовъ (стр. 207—221): выходитъ, будто читаешь разрознь двѣ книги,—одна напечатана покрупнѣе, другая помельче... Но, въ результатѣ, благодаря этимъ примѣчаніямъ, отнынѣ безъ книги г. Петровскаго едва ли можно будетъ обойтись занимающемуся соответственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы специально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора, какъ было сказано, можно согласиться, но разногласія относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбежны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторіи сербо-далматской литературы; невольно вспоминаются слова Боэція («De consolatione philosophiae»):

Qui serere ingenuum volet agrum
Liberat arva prius fruticibus,
Falce rubos filicemque resecat,
Ut nova fruge gravis Ceres eat.

Г. Петровскій ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною и являла собою лишь обширное поле для всякихъ догадокъ и предположеній. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе Отдѣленіемъ автору

премій имени проф. Котляревскаго было бы вполне заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнейшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзкаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ. СПБ. 1903. VIII+224 стр.

Его-же. Морфологія сважендзкаго говора. СПБ. 1904, стр. 30.

Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ я выписалъ выше, посвящены описанію сважендзкаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особѣй отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сважендзкаго говора не вошла въ составъ книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора, объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Замѣчу еще, что заглавіе «Морфологія сважендзкаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены къ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сважендзкаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сважендзкаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную «Отно-

шеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сважендзкаго говора. На стр. II предисловія авторъ говоритъ, что его наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ не претендуютъ на «тонкость фонетическихъ¹⁾ опредѣленій», и что онъ даетъ «столько, сколько позволяло (его) ухо и (его) фонетическая подготовка». Сопоставляя это заявленіе съ словами примѣчанія на стр. 1—2: «Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными, такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить....» я не могу принять безъ оговорокъ опредѣленій гласныхъ звуковъ на стр. 1 по отношенію къ тому, является ли данная гласная нижней, верхней или средней. Дѣло въ томъ, что въ акустическомъ отношеніи, на слухъ близки между собою нижнія закрытыя и среднія открытыя гласныя и т. п. Вообще опредѣленія природы звуковъ въ сважендзскомъ говорѣ, даваемые г. Кульбакинымъ, очень кратки и не содержатъ многихъ важныхъ подробностей. Что касается ударенія, то замѣчаніе: «Удареніе — обычно на предпоследнемъ мѣстѣ» положительно недостаточно: на это указываетъ уже само слово «обычно». Итакъ, разсматриваемая часть перваго отдѣла вмѣстѣ съ тѣми дополненіями, которыя находятся во второмъ подъ-отдѣлѣ, не обогащаетъ существеннымъ образомъ нашихъ познаній по затрогиваемымъ въ ней вопросамъ.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень

1) Замѣчу кстати, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ избѣгать употребленія терминовъ «фонетика», «фонетическій» и т. п. въ томъ значеніи, какое имѣютъ соответствующіе имъ термины phonetik, phonetisch въ нѣмецкой лингвистической литературѣ, такъ какъ «фонетикой» у насъ болѣе или менѣе принято называть «исторію звуковъ» (lautgeschichte). Вмѣсто термина «фонетика» въ значеніи нѣмецкаго phonetik лучше пользоваться терминомъ «физиологія звуковъ рѣчи».

добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ большой пользой для дѣла могли бы быть представлены особо. Въ виду указанной особенности плана книги я предпочитаю выдѣлить въ своемъ разборѣ часть описательную изъ части исторической и сказать о каждой изъ нихъ отдѣльно.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендзкаго говора, то мы получимъ довольно полное представленіе объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется мнѣ отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпоследній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчій. Въ извѣстныхъ мнѣ напр. непосредственно польско-литовскихъ говорахъ (т. е. говорахъ на территоріи бывшаго Великаго Княжества Литовскаго) я могъ наблюдать удареніе не на последнемъ слогѣ въ случаяхъ двухъ различныхъ категорій: 1) а) въ отдѣльныхъ словахъ (напр. *okòlica*); б) въ сложеніяхъ съ энклитиками, при чемъ при энклитическомъ *że* и *się* удареніе передвигается лишь въ повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. въ части глаголовъ съ двухсложными основами (напр. *bùlişmy, żèbyşmy wiedzieli, chòdziłby, przèstańże, ubièraj się*, но обыкновенно *kładnijsię, wstawajże, poganiąjże*); 2) въ нарѣчійхъ и образованіяхъ повелительной формы

въ рѣчи восклицательно-побудительной при особыхъ условіяхъ (аффектъ, отдаленность разстоянія и т. п.), тогда какъ при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ этого не бываетъ (напр. *prędzęj, dawaj*)¹⁾. Вообще мнѣ кажется до сихъ поръ сравнительно мало обращалось вниманія на регистрацію и обследованіе случаевъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ удареніе лежитъ въ томъ или другомъ говорѣ не на обычномъ мѣстѣ.

Непонятнымъ является для меня то, почему г. Кульбакинъ на стр. 16 называетъ *đ* и *ć*, т. е. *i* и *u* неслоговые, придыхательными. Замѣчу кстати, что непослѣдовательно опредѣлять звукъ, точнѣе звуки, передаваемые условно буквою *j*, какъ звонкій средненебный фриктивный согласный (стр. 3), послѣ разъясненія, даннаго на стр. 2: «Что касается дифтонгическихъ сочетаній *ađ, eđ, iđ, uđ, ođ, uđ*, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще *đ* отъ *j* и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ, пишу вездѣ *j*». Слѣдовало бы оговорить и на стр. 88 опредѣленіе: «Изъ общеслав. *j* различнаго происхожденія...» Вѣдь объ общеслав. *j* мы можемъ говорить только условно. Въ пунктѣ VIII на стр. 88 приведены сважендаскія *tani, letni, orli* при *dobryj* и т. п.; слѣдовало бы упомянуть, какъ звучатъ въ томъ же говорѣ повелительныя въ соотвѣтствіи съ литературными *kładnij, bij* и т. п.; судя по текстамъ, неодносложныя повелит. теряютъ *j* (ср. *vlij* на стр. 28, сн. 3 строка, и *zaskni* на стр. 29, сн. 1 строка).

1) Замѣчу, что, съ другой стороны, въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, имѣющихъ въ литературномъ языкѣ удареніе не на предпоследнемъ слогѣ (напр. *Ameruka, lógika* и т. п.), въ различныхъ народныхъ говорахъ мы находимъ обыкновенно удареніе на этомъ именно слогѣ, поскольку, понятно, сами данныя слова встрѣчаются въ живомъ народномъ употребленіи; сюда относятся такіе случаи, какъ *Ameruka* (слово, хорошо известное народу въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, особенно пограничныхъ, вслѣдствіе особыхъ условий, созданныхъ эмиграціей), *mużka, pijatka, Mażja*. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ разговорѣ на вопросъ, заключающій въ своемъ составѣ слова *do Ameruki w Ameruce*, я неизмѣнно слышалъ только *tak, tak do Ameruki, w Ameruce*; въ с. Lubanie Нешавскаго уѣзда мною записано даже *do Amerukuf*.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендзскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно большаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другого говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологій сважендзскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполне удовлетворяютъ своему назначенію. Желательно было бы видѣть знакъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ напр. роїцѣ-ше (стр. 29, 15 строка сверху), разъ въ текстѣ книги эти и имъ подобные примѣры не оговорены особо.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендзскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчій мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецьевскаго, относящимися къ говору *Miejskiej Górki*. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ несомнѣнно обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій.

Перехожу теперь къ второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли выше, ав-

торъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ «невольнo вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ», продолжаетъ авторъ, «я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Выработывая эти формулы самъ, я невольнo увлекся новой задачей: дать соответствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей, — въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ пересмотру основныхъ вопросовъ польской фонетики авторъ былъ приведенъ необходимою выработкою формулы, которыя могли бы служить исходнымъ пунктомъ для опредѣленія отношенія звуковъ сважендзкаго говора къ звукамъ общепольскаго языка. Дѣйствительно, многіе важные вопросы исторіи звуковъ польскаго языка до сихъ поръ еще не разработаны соответственно современнымъ научнымъ требованіямъ, и она извѣстна намъ лишь въ очень общихъ чертаніяхъ. Можно поэтому быть признательнымъ г. Кульбакину уже за то, что онъ вновь поднялъ обсужденіе нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ этой исторіи. Посмотримъ, каковы достигнутые имъ результаты.

Обзоръ фонетики распадается на 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена большая часть книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена большая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство

вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку онѣ извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, зависитъ какъ отъ общаго характера работы, такъ, думается мнѣ, и отъ сложности вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ область исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ общеславянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные **o* и **e* и тѣ же *o* и *e*,—оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ *o* и *e* об.-славянскимъ **o* и **e*, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова «*тѣ же*» относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго изложенія. И по отношенію къ самому общеславянскому языку автору слѣдовало бы строже выдѣлять факты болѣе позднихъ эпохъ отъ фактовъ эпохъ болѣе раннихъ. На стр. 45 онъ говоритъ: «Изъ общеславянскихъ сочетаній **og*, **ol*, **eg*, **el*, въ положеніи передъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы *go*, *lo*, *ge*, *le* съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ и т. д.» Въ примѣчаніи тутъ же оспаривается мнѣніе Торбьерсона, что польскія *go*, *lo*, получились непосредственно

изъ *го, *ю, которыя уже въ общеславянскую эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ *ог, *ол. Изъ всего этого мы какъ будто вправѣ вывести заключеніе, что самъ авторъ выводитъ польскія го, юо непосредственно изъ общеславянскихъ ог, ол, а это не-вѣрно: всѣ славянскіе языки указываютъ на то, что еще въ общеславянскую эпоху сочетанія tort, tolt, tert, telt подверглись извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Другой, конечно, вопросъ о томъ, согласны ли мы съ гипотезою Торбьернсона: и я ея не принимаю.

Выше мною было замѣчено, что г. Кульбакинъ почти совершенно обошелъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ другимъ западно-славянскимъ языкамъ. Изъ трехъ-четырехъ мѣстъ книги, гдѣ упоминается въ той или другой формѣ объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, нельзя извлечь достаточныхъ указаній на то, какъ смотреть на него авторъ. Именно, на стр. 12 говорится, что измѣненіе общеславянскаго ѣ въ 'а при извѣстныхъ условіяхъ, повидимому, было діалектическимъ явленіемъ «въ эпоху единства западно-славянскихъ языковъ». На стр. 31 являются «(полабско-?) каш.-пол. *ā и «каш.-пол. *'ā». На стр. 54 и 68 оспаривается взглядъ ак. Шахматова, что «еще въ обще-зап.-слав. эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали». Въ заключеніи говорится о польско-кашубской эпохѣ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейду къ нѣкоторымъ частностямъ.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно рассмотрѣлъ литературу вопроса. Мы бы ждали здѣсь же указаній на исторію польскаго *e* въ извѣстныхъ грамматическихъ окончаніяхъ, которое авторъ вслѣдъ за ак. Фортунатовымъ выводитъ изъ общеслав. ѣ, т.-е. «ѣ» носового (см. очеркъ морфологін, стр. 9). Замѣчу кстати, чтобы не возвращаться къ этому

пункту, что *e* такого же происхожденія, какъ въ им. мн. *duše*, мы находимъ и въ именит., частью винит. множ. ч. именъ мужескаго рода типа *koń*. Мнѣ кажется, нельзя сводить польское *e* въ образованіи именит. мн. ч. на взаимодействіе — *ě* изъ — *i* *je* и — *e* въ именахъ съ старыми основами на согласныя, какъ склоненъ думать г. Кульбакинъ (стр. 4). Я думаю, что именно подъ влияніемъ — *e* изъ стараго — *ě* и изъ стараго — *e* въ нѣкоторыхъ именахъ съ старыми основами на согласныя и — *ě* въ именахъ типа *ludzie*, откуда мы ждали бы далѣе — *é* съ его обычной исторіей, замѣнено было нефонетически звукомъ — *e*.

Что касается самого вопроса объ исторіи общеславянскихъ *e* и *o* въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполнѣ вѣрной основную мысль Лоренца и г. Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія *e* и *o* нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ. О нѣкоторыхъ пунктахъ, которые я понимаю иначе, я скажу впоследствии, когда буду говорить объ условіяхъ сокращенія старой долготы въ польскомъ языкѣ. Такъ какъ старыя *e* и *o* въ польскомъ языкѣ вообще совпали въ своей исторіи (передъ носовыми изъ *e* согласная является, понятно, мягкою), то естественно должна была возникнуть мысль, что старыя носовыя гласныя *e* и *o* совпали въ польскомъ языкѣ по качеству звука въ одной носовой гласной. Дѣйствительно, такое предположеніе было высказано уже Поттебнею. Другіе ученые тоже выходили изъ этого пункта, хотя и различно понимали отдѣльныя стадіи процесса и различнымъ образомъ опредѣляли какъ хронологическія рамки, такъ и само качество носовой гласной, въ которой совпали *e* и *o*. Мнѣнія ак. Ягича и пр. Миккола стоятъ нѣсколько особнякомъ, такъ какъ и тотъ, и другой ученый признаютъ вторичное происхожденіе польскаго *o* носового изъ стараго *e* подъ влияніемъ особыхъ фонетическихъ условій. Эта теорія, какъ уже замѣтилъ г. Кульбакинъ, не подтверждается фактами. Самъ онъ даетъ слѣдующую схему:

об.-сл. *q (полабско-?) каш.-пол. *ā

пол. *ā до XI—XII вв. $\left\{ \begin{array}{l} *ā \text{ др.-п. } q \text{ н.-п. } q \\ *ā \text{ др.-п. } e \text{ н.-п. } e \end{array} \right.$

об.-сл. *e каш.-пол. *ā пол. *'ā до

XI—XII в. $\left\{ \begin{array}{l} 'ā \text{ др.-п. } 'q \text{ н.-п. } 'q \\ 'ā \text{ др.-п. } 'e \text{ н.-п. } 'e \end{array} \right.$

Выше я имѣлъ уже случай говорить о томъ, что г. Кульбакинъ въ своей книгѣ не подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а потому непоследовательно съ его стороны говорить при случаѣ о полабско-кашубско-польскихъ и кашубско-польскихъ явленіяхъ. Я, конечно, далеку отъ мысли требовать отъ автора изслѣдованія вышеуказаннаго вопроса, разъ это не входило въ планъ его работы, но мы во всякомъ случаѣ въ правѣ требовать послѣдовательности: разъ авторъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ уклонился отъ вопроса объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, онъ долженъ идти въ своей реконструкціи общепольскаго языка не далѣе того, на что даетъ право сравнительно—историческое изученіе отдѣльных нарѣчій и отдѣльных, засвидѣтельствованныхъ памятниками, эпохъ въ существованіи польскаго языка. Связывая факты, добытые такимъ путемъ, съ фактами общеславянскаго языка, нужно при этомъ помнить о допущенномъ упрощеніи задачи. Въ виду этого я совсѣмъ оставляю въ сторонѣ соображенія г. Кульбакина, основанныя на сопоставленіи польскаго языка съ полабскимъ и кашубскимъ языками. Въ остальномъ я согласенъ съ нимъ, что совпаденіе e и q, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ одной носовой гласной произошло въ доисторическую эпоху польскаго языка, что правы ак. Ягичъ и пр. Брюкнеръ въ ихъ недоверіи къ польской графикѣ, наконецъ, что появленіе e въ польскомъ языкѣ относится къ ранней эпохѣ, во всякомъ случаѣ до появленія дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ источниковъ древнепольскаго языка. Въ пользу того, что силезское ā дѣйствительно изъ стараго e, полученнаго

изъ общепольскаго языка, говорить, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кульбакинъ въ прим. на стр. 31 сл., существованіе въ томъ же нарѣчій 'ѣ. Вѣрно, по моему мнѣнію, и то объясненіе, какое даетъ г. Кульбакинъ фактамъ, гдѣ мы находимъ 'а вмѣсто ожидаемаго 'ѣ.

Переходя къ фактамъ сважендзкаго говора, замѣчу, что я раздѣляю мнѣніе г. Кульбакина о фонетическомъ происхожденіи *от* въ концѣ слова изъ стараго — *о*. Я такъ же, какъ и онъ, не вижу никакой возможности объяснить — *от* въ концѣ словъ не-фонетически въ такомъ говорѣ, какъ сважендзскій, который представляетъ указанное звуковое сочетаніе всюду въ соотвѣтствіи съ старымъ — *о*. Само собою разумѣется, что по отношенію къ исторіи старыхъ носовыхъ гласныхъ въ концѣ слова наблюдаются различія между говорами. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи отмѣчаютъ факты въ этой области съ надлежащей полнотою, а потому я не рѣшаюсь высказаться относительно того, какъ смотрѣть на существованіе въ нѣкоторыхъ говорахъ при *от* и *о*.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ *ъ* и *ь*. И этотъ вопросъ разсмотрѣнъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностью, при чемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа *t_hrt*, *t_hlt*. По поводу термина редуцированныя гласныя, употребляемаго авторомъ, и его разъясненія въ прим. на стр. 67 замѣчу, что не вижу основаній избѣгать термина «ирраціональныя гласныя» въ томъ смыслѣ, въ какомъ его примѣняетъ ак. Фортунатовъ. Терминъ «редуцированныя гласныя» страдаетъ неопредѣленностью: редукція можетъ быть и по отношенію къ количеству, т.-е. длительности, и по отношенію къ степени участія голоса, и по отношенію къ силѣ выдыханія, и по отношенію къ высотѣ тона. Терминъ «ирраціональная гласная» значитъ гласная, имѣющая мѣньшую длительность сравнительно съ нормальною краткою гласною; слѣдовательно, здѣсь опредѣленно выдвигается впередъ одинъ признакъ,

которымъ несомнѣнно обладали общеславянскія ѣ и ѣ. Не раздѣляю также взгляда автора будто бы терминъ «полукраткій» «строго говоря, значить лишь «не вполне краткій», слѣд. больше или меньше краткаго». Мнѣ кажется, терминъ «полукраткій» значить только «краткій на половину».

На стр. 68 сл. оспаривается мнѣніе ак. Шахматова, что *ѣ и *ѣ еще въ обще-западно-славянскую эпоху измѣнялись въ извѣстномъ положеніи въ неслоговыя и затѣмъ выпадали. Не повторяя того, что было сказано мною выше по поводу отдѣльныхъ экскурсовъ автора въ область обще-западно-славянскаго языка, замѣчу, что его возраженіе въ первой своей части нисколько не опровергаетъ оспариваемаго мнѣнія по существу. Изъ того, что ѣ и ѣ при наличности извѣстныхъ фонетическихъ условій перешли въ гласныя полнаго образованія уже на почвѣ польскаго языка, никакъ не слѣдуетъ невозможность допущенія исчезновенія ѣ и ѣ при другихъ фонетическихъ условіяхъ въ эпоху болѣе раннюю, будетъ ли это эпоха обще-западно-славянская, или другая, болѣе поздняя, но предшествовавшая по времени эпохѣ перехода ѣ и ѣ въ гласныя полнаго образованія. Что касается второго пункта: «Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слав. единства выпаденіе ѣ, ѣ въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога», то я, не принимая возраженія автора въ этой его формѣ, думаю, что дѣйствительно мы должны относить удлиненіе краткой гласной въ слогѣ, предшествовавшемъ исчезавшимъ ѣ или ѣ, къ эпохѣ отдѣльной жизни славянскихъ языковъ. Это, конечно, не исключаетъ допущенія уже для общеславянскаго языка существованія различія между ѣ и ѣ въ зависимости отъ различія въ фонетическомъ положеніи: въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ и въ слогѣ передъ слогомъ съ ѣ и ѣ разсматриваемыя гласныя уже въ общеславянскомъ языкѣ были менѣе ирраціональны, чѣмъ при другомъ фонетическомъ положеніи, гдѣ онѣ сверхъ того были неслоговыми. Отдѣльные славянскіе языки всѣ указываютъ на существованіе этого различія между ѣ и ѣ въ зависимости отъ

различіа въ фонетическомъ положеніи еще въ общеславянскую эпоху. Исчезновеніе *ъ* и *ь* неслоговыхъ, очень ирраціональныхъ, и въ связи съ этимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ предшествовавшего слога происходило уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ (ср. А. А. Шахматовъ, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 16). Что касается спеціально польскаго языка, то удлиненіе краткихъ гласныхъ мы имѣемъ основаніе относить къ эпохѣ польско-кашубской (см. объ этомъ ниже).

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализации» *ъ* и *ь* въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начальнаго слога съ *ъ* и *ь* составляетъ условіе для перехода *ъ* и *ь* въ гласныя полнаго образованія.

Проблѣмъ въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи *ъ* и *ь*, является, по моему мнѣнію, отсутствіе изслѣдованія вопроса о судьбѣ грамматическихъ окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ. Мнѣ кажется, автору слѣдовало бы остановиться на этомъ вопросѣ и высказаться, какъ онъ смотритъ на фактъ утраты конечныхъ согласныхъ въ новославянскихъ языкахъ, въ виду именно того, что существуетъ два главныхъ объясненія этого факта: по одному изъ нихъ мы имѣемъ въ новославянскихъ языкахъ обобщеніе окончаній, полученныхъ въ формѣ прошедшаго времени, по другому, принадлежащему ак. Фортунатову, еще въ общеславянскомъ языкѣ конечные *ъ* и *ь* при извѣстныхъ условіяхъ становились подвижными, могли отпадать: такіе *ъ* и *ь* существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ грамматическихъ категорій (см. его Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка). То, что говорится у автора «о флексіи 3 pl. pr.» на стр. 171, не даетъ опредѣленнаго представленія о его взглядѣ на данный вопросъ ¹⁾.

1) Въ связи съ вопросомъ объ исторіи окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ въ формѣ настоящаго времени я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ отношеніи къ гипотезѣ Гирта, изложенной имъ на стр. 287 сл. XVII т. журнала *Indogermanische Forschungen*. Этотъ послѣдній ученый рѣшаетъ во-

Что касается исторіи общеславянскихъ сочетаній типа $t_{\text{h}}t$, $t_{\text{h}}t$, $t_{\text{h}}t$, разсмотрѣнію которыхъ посвящена особая глава,

прось, имѣемъ ли мы въ славянскихъ образованіяхъ формы настоящаго времени съ отпавшимъ— t при образованіяхъ на старое— ti перенесеніе въ форму настоящаго окончанія формы прошедшаго времени, или старое индоевропейское чередованіе не энклитическихъ и энклитическихъ образованій, въ пользу этой послѣдней возможности, при чемъ онъ опирается на свою теорію о происхожденіи личныхъ формъ спряженія и въ частности на теорію о происхожденіи чередованія между личными окончаніями главныхъ и историческихъ временъ. Намъ интересуетъ здѣсь непосредственно лишь этотъ второй пунктъ очень смѣлыхъ гипотезъ Гирта, составляющихъ главное содержаніе его статьи въ томъ же XVII т. названнаго журнала, озаглавленной «Ueber den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen», стр. 36—84. Здѣсь на стр. 75 сл. авторъ развиваетъ и видоизмѣняетъ мысль Циммера о томъ, что различіе между окончаніями— mi :— m , — si :— s и т. д. обязано своимъ происхожденіемъ различію между неэнклитическимъ и энклитическимъ употребленіемъ соотвѣтственной формы. Ссылаясь на необычность фонетическаго чередованія типа — mi :— m и на фонетическое происхожденіе чередованія ai : i , Гиртъ принимаетъ фонетическое происхожденіе соотношенія между активнымъ напр. — ti и медіальнымъ — ta ; съ другой стороны, по его мнѣнію существуетъ связь по происхожденію между активнымъ — t и медіальнымъ — to (по транскрипціи, которой я слѣдую, — ta^0). Частіца ai (а таково по Гирту происхожденіе ai : i въ окончаніи личныхъ формъ глагола), присоединяясь къ глаголу, придавала ему значеніе отношенія къ настоящему времени; это обстоятельство хорошо объясняетъ, какъ думаетъ авторъ, причину, почему въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. праязыкѣ долженъ былъ являться обыкновенно безъ означенной частицы. Дѣло въ томъ, что по его теоріи въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. проаязыкѣ получалъ значеніе недлительности, а это послѣднее значеніе исключало значеніе, вносимое частицею ai . Для обоснованія даннаго имъ рѣшенія вопроса о происхожденіи образованій типа je Гиртъ пытается найти въ славянскихъ языкахъ данныя, указывающія на то, что разсматриваемыя образованія являются преимущественно въ сложеніи. Однако, самъ онъ не придаетъ рѣшающаго значенія приводимымъ имъ фактамъ изъ Супр. рук. Богѣ важное значеніе имѣетъ, думаетъ онъ, сербское $није сам$: $није$, забывая при этомъ, что $није$, помимо всего прочаго, уже по отсутствію въ немъ значенія недлительности не можетъ служить подтвержденіемъ его теоріи, которая сама цѣликомъ виситъ на воздухѣ. Не говоря объ абсолютно произвольномъ, не опирающемся на фактахъ, толкованіи происхожденія ai : i въ окончаніи глагольныхъ формъ, совершенно недоказаннымъ является предположеніе о недлительномъ значеніи глагольныхъ образованій въ сложеніи съ приставками въ индоевроп. праязыкѣ. Наконецъ, и съ принципиальной точки зрѣнія я долженъ отнестись совершенно отрицательно къ построеніямъ Гирта, представляющимъ своего рода лингвистическую метафизику. Не менѣе отрицательно я отношусь и къ дальнѣйшимъ соображеніямъ названнаго ученаго, возводящаго славянское — t_{h} къ индоевроп. медіальному — ta^0 . Эта часть раз-

то г. Кульбакинъ въ общемъ примыкаетъ къ учению ак. Фортунатова. По отношенію къ гипотезѣ ак. Шахматова о томъ, что въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ этихъ сочетаніяхъ существовали уже только слоговыя плавныя съ утратою неслоговыхъ \bar{z} и \bar{y} здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, г. Кульбакинъ высказывается отрицательно. Я съ своей стороны точно такъ же не вижу никакихъ основаній принимать для обще-западно-славянскаго языка сочетанія типа $t\bar{z}t$, $t\bar{y}t$. Я думаю, гласный элементъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ типа $t\bar{z}t$ и т. д. продолжалъ сохраняться и въ обще-западно-славянскую эпоху, такъ какъ исчезновеніе \bar{z} и \bar{y} неслоговыхъ при другихъ фонетическихъ условіяхъ, правда, отличавшихся отъ \bar{z} и \bar{y} въ сочетаніяхъ указанного типа, по моему мнѣнію, происходило уже въ отдѣльномъ существованіи западно-славянскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣрною мысль ак. Шахматова, что посредствующею ступенію между польскимъ $ta\bar{z}t$ и т. д. и старымъ $t\bar{z}t$ и т. д. было именно $t\bar{z}t$ и т. д., только я не рѣшаюсь возводить эти $t\bar{z}t$ и т. д. къ эпохѣ единства западно-славянскихъ языковъ. Польское tu восходитъ къ общеславянскому $\bar{t}\bar{u}$ съ \bar{t} велярно-зубнымъ.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому

бираемой статьи Гирта стоитъ въ тѣсной связи съ его ученіемъ объ исторіи индоевроп. a^0 въ концѣ словъ. Противъ этого ученія („*unbetontes —o zu —ъ wurde, betontes aber blieb...“) уже высказался Бернекеръ въ KZ, XXXVII. Я, съ своей стороны, добавлю, что попытка спасти эту теорію по отношенію къ конечному — a^0 , предпринятая авторомъ, совершенно неудачна; въ самомъ дѣлѣ, ходъ его разсужденія таковъ: объясненіе, даваемое Ф. О. Фортунатовымъ судьбѣ — \bar{z} и — \bar{y} извѣстнаго происхожденія въ общеслав. яз. не есть объясненіе, мое толкованіе (изложенное мною выше) заслуживаетъ предпочтенія, а потому падаетъ и правило Ф. О. Фортунатова, такъ какъ въ разбираемой категоріи случаевъ —о обратилось въ —ъ (стр. 291). Не думаю, чтобы такая аргументація имѣла какую-либо силу. Въ заключеніе замѣчу, что правило Ф. О. Фортунатова кажется Гирту необоснованнымъ м. б. отчасти по той причинѣ, что ему остается неизвѣстнымъ анализъ случаевъ однородныхъ съ отношеніемъ $t\bar{z} : t\bar{y} : t$ по крайней мѣрѣ по отношенію къ первымъ двумъ членамъ.

вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—200), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученные долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должна возникнуть задача выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работа Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенная въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣдованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполне вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ съ старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя.

Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ обще-

славянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки. Напр. въ главѣ 5: «Долгота во второмъ передъ удареніемъ слогъ» разсматривается, какъ специально польское, сокращеніе старой долготы въ такомъ фонетическомъ положеніи, между тѣмъ какъ нетрудно показать, что долгота здѣсь сократилась еще въ общеславянскую эпоху (ср. ак. Шахматова, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 49—50). Точно такъ же въ главѣ 7: «Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ» идетъ рѣчь о такихъ краткостяхъ, которыя получены были, какъ таковыя уже изъ общеславянскаго языка; долгія гласныя, получившіяся вслѣдствіе стяженія, въ такомъ положеніи оставались долгими, очевидно потому, что возникли они въ эпоху болѣе позднюю.

Правда, въ главѣ 12-ой авторъ какъ будто соглашается принять положенія ак. Шахматова: «Уже въ общеславянскомъ долгія гласныя сокращались предъ долгимъ удареніемъ гласнымъ суффикса» (стр. 187), хотя и здѣсь мы имѣемъ оговорку, что «сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значитъ: непременно въ общеславянскую.» На стр. 208 сл. послѣ хронологической таблицы явленій въ области сокращенія и удлиненія гласныхъ въ польскомъ и кашубскомъ языкахъ говорится: «Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. Ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе неполно-долгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общеславянской эпохи...—,

такъ какъ то же находимъ и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкѣ. Предположеніе это вполне возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ могъ, по мнѣнію автора, возникнуть въ сербскомъ языкѣ въ эпоху болѣе позднюю, чѣмъ эпоха, въ которую происходило сокращеніе старыхъ долготъ. Съ этимъ мнѣніемъ г. Кульбакина я положительно не могу согласиться въ виду ошибки противъ метода изслѣдованія.

Итакъ, признавая заслугою г. Кульбакина то, что онъ распространилъ свое изслѣдованіе на всѣ старыя долготы и показалъ вѣрность закона, найденнаго Лоренцомъ по отношенію къ носовымъ гласнымъ, въ примѣненіи къ всѣмъ старымъ долготамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не отмѣтить, что онъ все-таки не далъ полной исторіи старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ по той именно причинѣ, что не выдѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи стараго общеславянскаго сокращенія отъ спеціально польскаго. Вѣрно подмѣчено имъ и то, что общій законъ сокращенія старыхъ долготъ въ словацкомъ языкѣ тотъ же, что и въ польскомъ языкѣ. Непонятнымъ кажется мнѣ только замѣчаніе, сдѣланное авторомъ на стр. 137 по этому поводу: «Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подъ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому». Далѣе указывается, что словацкій языкъ сходится въ другихъ случаяхъ («напр. въ нормахъ вторичнаго удлинненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ») съ чешскимъ, и что по отношенію къ сокращенію восходящей долготы подъ удареніемъ словацкій языкъ не отдѣляется пограничной чертой отъ чешскаго языка, такъ какъ моравскіе говоры служатъ тутъ связующимъ звеномъ. Все это разсужденіе основано на недоразумѣніи: историческая грамматика ясно показываетъ, что словацкій языкъ пережилъ рядъ явленій вмѣстѣ съ чешскимъ языкомъ, но что есть и явленія

спеціально словацкія, противопологающія его совокупности чешскихъ говорѣвъ. Словацкій языкъ отнюдь не діалектъ чешскаго языка, но о чешско-словацкомъ языкѣ говорить мы имѣемъ полное право. Схожее недоразумѣніе, эксплуатируемое ультрапатріотами, существуетъ и по отношенію къ кашубскому языку, который отнюдь не есть говоръ польскаго языка, но самостоятельная вѣтвь языка польско-кашубскаго. Другое конечно дѣло — вопросъ о правѣ словаковъ и кашубовъ на самостоятельное развитіе литературнаго языка. Тутъ рѣшаютъ дѣло не историческая грамматика, а общія политическія, соціальныя и культурныя условія; ср. напр. самостоятельность въ литературномъ отношеніи голландскаго языка и подчиненіе близкаго ему языка фризскаго языку ново-верхне-нѣмецкому, находящемуся въ отношеніяхъ болѣе отдаленнаго родства. Замѣчу кстаті, что проф. Флоринскій въ своихъ «Лекціяхъ по славянскому языкознанію» впалъ по отношенію къ словацкому языку въ ошибку, противоположную замѣчанію г. Кульбакина.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, при чемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные¹⁾ въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполне точно указываютъ на содержаніе соответствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ, и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Основная точка зрѣнія г. Кульбакина на процессъ, о ко-

1) Замѣчу кстаті, что, по моему мнѣнію, нѣтъ необходимости вводить терминъ «гласный», «согласный» вмѣсто «гласная», «согласная», такъ какъ эти терминны для сознанія многихъ говорящихъ уже не однозначущи съ терминнами «гласная буква», «согласная буква»; тѣ, именно, кто не смѣшиваетъ терминновъ «буква» и «звукъ», употребляютъ «гласная», «согласная» въ значеніи «гласный звукъ», «согласный звукъ».

торомъ идетъ рѣчь, та, что удлинненіе происходило въ польскомъ языкѣ фонетически только въ положеніи передъ старой звонкой или сонорной согласной какъ въ конечномъ, такъ и во внутреннемъ слогѣ. Если мы остановимся сначала на конечныхъ слогахъ, то найдемъ, что уже въ семидесятихъ годахъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ и проф. Потебнею были высказаны два противоположныхъ мнѣнія по разбираемому вопросу: первый изъ нихъ «полагалъ, что удлинненіе первоначально было и передъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ рѣт-рѣта тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы пом. я. остальнымъ ф.ф., тогда какъ въ схемѣ бѣк-бѣга (бѣк изъ бѣг) не было такого мотива для уподобленія. Удлинненіе же въ примѣрахъ, какъ бѣж, кѣн, вѣл, мѣл, бѣг удержалось потому, что оно было ассоціировано съ звонкостью согласнаго» (стр. 161). «Иначе, продолжаетъ г. Кульбакинъ, объяснялъ явленіе Потебня: конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему передъ послѣдними явилось удлинненіе основнаго о (и основнаго е, изъ коего ё) въ то время, какъ передъ первымъ нѣтъ». По этому поводу г. Кульбакинъ говоритъ: «Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлинненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные ѣ, ѣ отпали и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими фізіологическими основаніями; если отпаденіе ѣ, ѣ вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлинненіе гласнаго передъ звучными, то мало вѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе ѣ, ѣ удлинненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызывало. Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz—z измѣнялось въ з, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлинненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ

rotъ-rot. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ rāp, kṛōj, mōl, sōm (voŭ измѣнялось въ voц). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова, не невозможны и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ rap и рапа, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для бессознательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'a 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ p, ṛ, l, j — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между p формы rap и ф. рапа напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе передъ g, l, p, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предъ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго ь, ъ въ ъ, ѣ); ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе передъ g, l, p, m, j, ṛ въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положеніи гласнаго предъ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы то ни было, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между bōg-bōga и bōk-bōka фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго».

Въ вышеприведенныхъ строкахъ г. Кульбакинъ пытается дать теоретическое обоснованіе принимаемому имъ закону послѣ того, какъ на стр. 159 имъ сказано, что въ польскомъ языкѣ законъ удлиненія вполнѣ ясенъ въ той именно формулировкѣ, какую онъ ему даетъ, и какая мною привелева нѣсколько выше. Мнѣ кажется, что взглядъ автора на разбираемое явленіе сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, возникшихъ при сопоставленіи гипотезъ Бодуэна-де-Куртене и Потебни.

Авторъ, однако, не ограничивается однимъ теоретическимъ обоснованіемъ, принимаемаго имъ закона, пытается въ то же время дать и анализъ самого матеріала. Не могу признать, что эта вторая часть задачи выполнена имъ съ надлежащею полнотою, а большая полнота изслѣдованія по этому важному вопросу имѣетъ особое значеніе въ виду существованія двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Я долженъ признаться, что первоначально у меня сложился взглядъ на разбираемое явленіе какъ разъ подъ вліяніемъ теоріи Бодуэна-де-Куртена. Доводы г. Кульбакина не имѣли, однако, для меня безусловно рѣшающаго значенія, и я, можетъ быть, продолжалъ бы оставаться на прежней точкѣ зрѣнія, если бы не произвелъ самостоятельнаго разбора всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ г. Кульбакинъ ограничивается заимствованнымъ у Лоренца перечнемъ именъ муж. рода съ носовыми гласными въ основѣ и лишь нѣсколько подробнѣе останавливается на перечисленныхъ имъ на стр. 163 прочихъ категоріяхъ.

Въ пользу гипотезы Бодуэна-де-Куртена, которую я принималъ съ нѣкоторыми измѣненіями, говорило, казалось мнѣ, широкое распространеніе удлинненныхъ гласныхъ въ род. мн. ч., въ производныхъ именахъ и въ причастіяхъ на *і* какъ разъ въ положеніи передъ глухими согласными, а случаи этого рода извѣстны, хотя и въ сравнительно меньшемъ числѣ, также въ формѣ именит. ед. ч. муж. рода (ср. напр. *powróć, stós, przstos*, диалект. *lós* (Malinowski, Op. 16), *prooch, potook, kooth, Zlotkooszcz*, (Semenovitsch, Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen, p. 18—19). Въ настоящее время я понимаю, почему въ послѣдней категоріи случаевъ, которая казалась мнѣ особенно важной, удлинненіе гласныхъ проникло лишь въ немногія образованія съ глухой согласной въ окончаніи, проникло, конечно, путемъ перенесенія по аналогіи отношенія, существовавшаго фонетически напр. въ *Bóg-Voga, wróg-wroga* и т. п. Дѣло въ томъ, что въ категоріи именъ муж. рода съ старыми основами на *a*° какъ разъ замѣтно стремленіе языка къ

устраненію различія въ гласной между формой им. ед. и прочими падежами, которое шло двойнымъ путемъ; или подъ влияніемъ формъ косвенныхъ падежей въ формѣ имен. ед. являлась гласная «неудлиненная» (беру этотъ терминъ чисто въ условномъ значеніи), или, наоборотъ, гласная, существовавшая въ формѣ им. ед., проводилась по всѣмъ формамъ склоненія даннаго слова. Какъ скоро я обратилъ вниманіе на это стремленіе, проявляющееся въ народныхъ говорахъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ литературномъ нарѣчьи, для меня стало ясно, почему данная категорія случаевъ отличается отъ прочихъ категорій, гдѣ дѣйствовали иныя условія, и гдѣ въ сравнительно широкой степени произошло перенесеніе «удлиненныхъ» гласныхъ и въ такое фонетическое положеніе, въ которомъ они не были первоначально возможны. Въ самомъ дѣлѣ, ср. слѣдующіе случаи: 1) литер. *dom-domu* (въ извѣстныхъ народныхъ говорахъ сохраняется *dim* въ связи съ тѣмъ, что здѣсь всякое *o* въ положеніи передъ носовыми согласными перешло въ гласную *u* или близкую къ *u*), *anioł-anioła* слово заимствованное, (народное *aniuł*), *koń-konia* (нар. *kuń-kunia*), родъ (Malinowski, Op. p. 16); 2) *mól-móla* при *mól-mola*, *ból-bólu*, *zboj-zboja*, *ogół-ogółem*; 3) примѣры, гдѣ въ основѣ была общеслав. долгота, приведены г. Кульбакинымъ въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ разсматривается исторія этой послѣдней; ср. *dzáda* въ Луковецкомъ говорѣ (стр. 131), сваж. *vžut-vžuda*, *žuć-žući*, *gość-gości* (*garść*), которыя, конечно, аналогичны приведенному выше *dzáda*; г. Кульбакинъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первому случаю, что въ основѣ перваго факта «лежитъ, вѣроятно, діалектическая форма съ удареніемъ флексіи»; о прочихъ случаяхъ онъ опредѣленно не высказывается. Замѣчу кстати, что и случаи, приведенные на стр. 131 (*casu, lása, kvát, dzáda, chliba, bráta*), по моему мнѣнію, должны быть объясняемы только такимъ-же путемъ, какъ только что приведенные примѣры, при чемъ *kvát*, извѣстное въ различныхъ говорахъ, при сваж. *kvát-kváta*, конечно, вполне аналогично такому случаю, какъ указанное выше напр. *lós*. Въ

виду несомнѣнныхъ случаевъ, гдѣ мы находимъ перенесеніе «удлиненной» гласной изъ формы им. въ формы косвенныхъ падежей, слѣдуетъ предпочесть даваемое мною объясненіе и тѣмъ фактамъ, гдѣ дѣло идетъ о старой общеславянской долготѣ, тому отношенію къ этимъ явленіямъ, какое мы находимъ у автора. Въ связи съ этимъ замѣчу (подробности см. ниже), что въ виду этого я никакъ не могу согласиться съ постановкою вопроса въ главѣ 6: «Долгота въ слогѣ послѣ ударенія». Нѣтъ никакихъ основаній на четырехъ случаяхъ, допускающихъ иное объясненіе, строить гипотезу, стоящую въ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ исторіи старой долготы въ польскомъ языкѣ. Правда, гипотеза принадлежитъ Лоренцу, но г. Кульбакинъ ее принимаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать».

Въ предшествующихъ строкахъ я выяснилъ свою точку зрѣнія на вопросы, связанные съ явленіемъ удлиненія гласныхъ въ именахъ муж. рода съ основами на старое *a°*. По отношенію къ прочимъ категоріямъ случаевъ замѣчу, что здѣсь судьба этого явленія была нѣсколько иная, такъ какъ здѣсь его распространенію не мѣшали спеціальныя условія, дѣйствовавшія въ случаяхъ первой категоріи и состоявшія въ стремленіи устранить различіе между гласной въ формѣ имен. и въ формахъ прочихъ падежей (два типа: *bok-boku* и *król-króla* подѣйствовали на типъ *Bóg-Voga*, и этимъ парализовалось стремленіе къ обобщенію этого послѣдняго).

Въ частности относительно формы род. мн. замѣчу, что современные народные говоры вообще избѣгаютъ образованій на старое *ъ*, обобщивъ образованіе на *ów*; въ литературномъ нарѣчій мы имѣемъ, съ одной стороны, рядъ случаевъ типа *gobót*, съ другой стороны, случаи типа *torb*. Нельзя не отмѣтить, что закономѣрныя съ исторической точки зрѣнія *peť, tęcz, klęsk, ronęť, pięť* (Кульбакинъ, стр. 163) за исключеніемъ *klęsk* встрѣчаются не часто. Равнымъ образомъ и большинство образованій

съ краткою гласною и съ старою звонкою согласною въ концѣ принадлежатъ къ рѣдко употребительнымъ, частью исключительно книжнымъ (напр. *fogm*). Во всякомъ случаѣ рассматриваемая категорія случаевъ представляетъ по отношенію къ интересующему насъ явленію совершенно другую картину, чѣмъ только что разсмотрѣнныя образования им. ед., и причина этого несомнѣнно лежитъ въ томъ, что здѣсь не было того вліянія со стороны прочихъ надежныхъ формъ, какое мы видѣли въ именахъ м. р. на форму имен. ед. Если мы присмотримся ближе къ склоненію именъ ж. р., то найдемъ, что тутъ, какъ и въ именахъ ср. р., имѣющихъ образованіе род. мн. на старое ѣ, «удлиненная гласная» стала формальною принадлежностью род. мн. безъ окончанія.

По поводу образований неопредѣленнаго, дѣепричастія и формы 3-го л. на *ą* я долженъ сказать, что не принимаю попытокъ объясненія долготъ дѣлаемыхъ г. Кульбакинымъ, такъ какъ, согласно сдѣланному мною замѣчанію, для меня остается недоказаннымъ положеніе Лоренца о судьбѣ старыхъ долготъ въ слогѣ послѣ ударенія. Я, наоборотъ, думаю, что долгота въ этомъ положеніи фонетически сохранялась. Такимъ образомъ въ *miesiąc-miesięca* я вижу закономерное отношеніе, а въ *jastarząd-jastrzębia* нефонетическое измѣненіе старыхъ *jastrząd-jastrzębia* подъ вліяніемъ отношенія типа *dąb-dębu*. Отсюда понятно, какъ я смотрю на старую долготу въ вышеуказанныхъ грамматическихъ категоріяхъ. По моему мнѣнію, она фонетическаго происхожденія въ положеніи послѣ ударенія, а гдѣ такихъ случаевъ было большинство, тамъ они совершенно вытѣснили фонетическія образования (*inf.* на *-pać*); въ 3-ьемъ л. мн. ч. долгія гласныя рано вытѣснили фонетически закономерную краткую носовую гласную, которую мы бы ждали въ извѣстныхъ образованияхъ, по той причинѣ, что долгая носовая гласная стала формальною принадлежностью въ 3-мъ л. мн. ч. въ его отличіи отъ 1-го л. ед. ч.

Итакъ въ общемъ выводѣ мы не можемъ не признать того,

что г. Кульбакинъ обратилъ вниманія меньше, чѣмъ бы слѣдовало, на подробное изслѣдованіе фактовъ языка, удовлетворившись скорѣе теоретическимъ пониманіемъ закона объ удлиненіи гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, который, какъ онъ видѣлъ, вообще подтверждается фактами. Разборомъ фактовъ слѣдовало показать невозможность объясненія, предложеннаго Бодуэномъ-де-Куртеномъ, и тогда уже обратиться къ теоретическому обоснованію найденнаго закона.

Въ главѣ 9-й: «Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразование по аналогіи, а въ другой части признавая м. б. фонетическое происхожденіе удлиненія (послѣднее на стр. 153). Такимъ образомъ г. Кульбакинъ допускаетъ, что подъ влияніемъ отношенія *stěná:stěno* (послѣ сокращенія нисходящей долготы) въ польскомъ и чешскомъ появилось *gōgá-gōgo*. Далѣе, «когда въ имен. п. проникъ типъ ударенія вин. п.: *vm. stěna* явилось *stěna* и т. п. должно было исчезнуть удлиненіе и въ *gōga, smōla, vōda, vēm'a*. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и п. *voda*, въ ч. *hoga, zesh'*. Это объясненіе мало вѣроятно. Замѣчу только, что здѣсь идетъ дѣло между прочимъ, повидимому, о чешско-польскомъ сокращеніи нисходящей долготы, тогда какъ ниже сокращеніе старыхъ долготъ подъ удареніемъ относится къ эпохѣ польской, вѣрнѣе польско-кашубской (стр. 209). Мнѣ кажется, что мы имѣемъ право говорить о фонетическихъ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ, притомъ начальныхъ двухсложныхъ словъ, какъ въ чешскомъ, такъ и въ польскомъ языкѣ. Противъ этого нисколько не свидѣтельствуетъ сама спорадичность явленія: извѣстно, что въ языкѣ наблюдается стремленіе уничтожать дифференціацію формъ склоненія и спряженія одного и того же слова, возникшую вслѣдствіе фонетическихъ

процессовъ, путемъ психическихъ процессовъ аналогій, и что особенно устойчивыми оказываются при этомъ такіа звуковыя различія, которыя находятъ себѣ поддержку въ извѣстнаго рода ассоціаціяхъ; тогда, наоборотъ, можетъ возникнуть стремленіе переносить данную звуковую особенность и на тѣ случаи, гдѣ она не могла возникнуть фонетически; ср. напр. исторію нѣмецкаго такъ называемаго Umlaut въ склоненіи именъ. Разъ въ польскомъ и въ чешскомъ языкахъ появились некрatkія гласныя въ извѣстныхъ формахъ склоненія и спряженія двухсложныхъ основъ въ силу спеціального закона и разъ съ этимъ звуковымъ отличіемъ данныхъ формъ отъ прочихъ формъ словозмѣненія того же слова не связывалось различіе въ значеніи, то естественно ожидать, что данное различіе путемъ новообразованій по аналогіи исчезло за исключеніемъ какъ отдѣльныхъ случаевъ, такъ и тѣхъ случаевъ, гдѣ въ силу какихъ-либо особыхъ условій оно наоборотъ было проведено по всѣмъ формамъ словозмѣненія даннаго слова. Не будетъ, поэтому, черезчуръ смѣлымъ предположеніе, что и въ польскомъ и чешскомъ языкахъ фонетически удлиннялся краткій слогъ двухсложныхъ словъ подъ старымъ удареніемъ въ связи съ ретракціей ударенія.

Оканчивая этимъ свои замѣчанія на исторической элементъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ фонетикѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ элементѣ въ очеркѣ морфологій сважендзскаго говора, заключающемся, какъ мы уже знаемъ, въ особой брошюрѣ. Что касается морфологій, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльныхъ формъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Не останавливаясь поэтому на подробномъ обзорѣ этой части труда г. Кульбакина.

Итакъ мы видимъ, что въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области

другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлають его работу очень интересной. Правда, какъ я отмѣтилъ выше, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ, однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубить, расширить и дополнить основные свои выводы, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей сважендзкаго говора, что является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго и поощрить его этимъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка.

В. К. Поржезинскій.

СВОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 5.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1905 года.

Отчетъ и рецензіи I—IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1906 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН. .

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1905 года Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.	1—11
---	------

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. « <i>Лосевицкая М. А.</i> (Жиберъ): Стихотворенія, т. V, 1902—1904 гг. (Спб. 1904)». — Рецензія К. Р.	18—55
II. «Данте Алигьери, Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Н. Чюминой. Изд. А. А. Каспари. (Спб. 1900—1902 гг., 6 выпусковъ)». — Рецензія Д. К. Петрова	56—74
III. «Эдуардъ III Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ В. С. Лисачева». — Рецензія А. Н. Гиларова	75—79
IV. « <i>Е. Милицина.</i> Разказы. I (1905 г. Москва)». — Рецензія Н. П. Кондакова	80—81

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1906 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На XVI-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина поступило всего *двадцать шесть* сочиненій. Въ это число входятъ: сборники оригинальныхъ, а также переводныхъ стихотвореній; романъ въ стихахъ; беллетристическія произведенія въ прозѣ, главнымъ образомъ, романы и повѣсти и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ Данте, Шекспира, Шиллера, и кромѣ того нѣкоторыхъ славянскихъ поэтовъ.

Изъ числа этихъ сочиненій особо образованною, согласно § 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, Комиссіею было *устранено* отъ участія въ конкурсѣ *одно* сочиненіе, какъ представленное въ рукописномъ видѣ и потому неудовлетворявшее § 9-му Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина. Затѣмъ были сняты съ конкурса еще *пять* сочиненій и отложены до слѣдующаго XVII-го соисканія, такъ какъ къ назначенному сроку не были получены отъ одного изъ г. рецензентовъ критическіе о нихъ отзывы. Сверхъ того и еще *шестнадцать*

сочиненій не были допущены къ конкурсу, какъ неотвѣчавшія вообще его условіямъ.

Въ занятіяхъ Комиссіи приняли участіе члены Отдѣленія, почетные академики Разряда изящной словесности, находившіеся въ это время въ Петербургѣ, а также особо приглашенный въ качествѣ рецензента приватъ-доцентъ здѣшняго университета Д. К. Петровъ.

Сужденію Комиссіи подлежали слѣдующіе литературные труды.

I.

Лохвицкая М. А. (Жиберж): „Стихотворенія“, т. V. 1902—1904 гг. (Спб. 1904 г.).

Составить рецензію на сборникъ г-жи Лохвицкой (нынѣ покойной) принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія и Разряда, почетный академикъ К. Р.

Г-жа Лохвицкая (Жиберж) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства — (въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ) — она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Образцомъ можетъ служить «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полу-прозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой и т. д.

Часто слышались упрёки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтического настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ, и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было-бы смѣшно порицать ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлюще поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: *Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.*

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивалось и крѣпло, съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становилось разнообразнѣе, но, вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декадентства», она какъ бы платила дань модному и едва-ли похвальному направленію выражаться неясно, подъ часъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно неподходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчающимъ. При недюжинномъ талантѣ г-жѣ М. А. Лохвицкой не доставало болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть совѣтъ: «Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати». Этотъ совѣтъ вполне приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, не увлекалась выраженіями, противорѣчащими здравому смыслу, и не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазіи вычурности и искусственности.

Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ ея поэзіи, и

эти достоинства несомнѣнны, а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживаютъ почетнаго отзыва Императорской Академіи Наукъ.

II.

Чюмина О. Н. (Михайлова): „Божественная комедія. Поэма Данте Алигьери въ новомъ стихотворномъ переводѣ. Изданіе А. А. Каспари. (Спб. 1900 г. выпуски I—VI). (Приложеніе къ журналу „Родина“, 1902 г. „Общепользная библіотека“ № 11).

Разсмотрѣніе упомянутаго труда было поручено приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

Трудности, съ которыми приходится бороться переводчику Божественной Комедіи, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться. Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, запутанное содержаніе, перекрестная символика — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія. Кромѣ того переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ, знатокомъ обширной литературы о Данте. Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти условія въ равной степени совмѣщались въ г-жѣ Чюминой. Вступительная статья о Данте — необходимая часть всякой работы объ этомъ поэтѣ — у г-жи Чюминой далеко не соответствуетъ современному состоянію и требованіямъ дантологіи. Читатель не найдетъ въ ней ни генетическаго объясненія поэмы, ни яснаго представленія о жизни и всей литературной дѣятельности Данте. Въ переводѣ своемъ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: въ ея передачѣ терцины замѣнены пяти- и шестистопнымъ ямбомъ съ римами, но безъ опредѣленнаго порядка. Едва-ли такой видъ ямба можетъ считаться

обычнымъ въ нашей поэтической литературѣ, переводной и оригинальной, едва-ли соответствуетъ и духу русскаго языка. Во всякомъ случаѣ, не соблюдая стихотворнаго размѣра подлинника, г-жа Чюмина открываетъ свою работу неизбежнымъ и строгимъ нападеніямъ критики. Дѣйствительно, промаховъ въ ея переводѣ не мало. Прежде всего можно отмѣтить цѣлый рядъ некрасивыхъ стиховъ и вообще метрическихъ погрѣшностей; встрѣчаются недочеты и въ построеніи фразъ, недочеты синтаксическаго характера и обороты, нарушающіе гармонію и величіе Дантовскаго стиля. Попадаются вульгарныя выраженія, едва-ли умѣстныя въ устахъ Данте, Виргилія или Беатриче. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю родиться рокъ судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые сіявшимъ свѣтомъ.

Чистилище XII, 65—66.

Виргилій шелъ опасной стороною
Надъ бездною, зіявшей глубиной.

Не менѣ крупнымъ недостаткомъ перевода г-жи Чюминой являются пропуски и сокращенія. Ихъ такъ много, что иногда невольно приходитъ въ голову, не сдѣланъ ли переводъ г-жи Чюминой не прямо съ итальянскаго подлинника, а съ какого-нибудь довольно отдаленнаго пересказа на третьемъ языкѣ. Напр. въ IV-ой пѣснѣ Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой—7; въ XXVI-ой—7; во II-ой Ада—цѣлыхъ 9 и т. д. Но, сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣ щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова и даже цѣлыя фразы. Подобнаго рода *chevilles*, иногда вовсе не подходящія къ тексту, безусловно портятъ переводъ, дѣлаютъ

его водянистымъ, а подчасъ и вульгарнымъ; есть стихи, которыми рѣшительно ничего не соответствуетъ въ подлинникѣ: напр. Чистилища II, 74; 79—80; Чистилища IV, 4—5 и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ переводъ очень часто становится неточнымъ. Иногда это — неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэміе Данте особый отпечатокъ, ослабляютъ ея строгое единство и гармонію. Напр. Чистилища XI, 76—78 стихи подлинника —

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava

переданы

и я, взглядыми ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о тѣни живописца Одеризи да Губбио. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (*tutto chin andava*). Г-жа Чюмина перемѣщаетъ роли, и получается необъяснимое противорѣчіе съ текстомъ. Подобнаго рода неточности, явно искажающія смыслъ подлинника, можно указать и въ другихъ мѣстахъ, напр. Чистилища III, 112 и слѣд.; послѣдній стихъ той же пѣсни и т. д. За неточностями слѣдуетъ невѣрный переводъ словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Напр. Чистилища XXX, ст. 100-ый —

Ella pur ferma in su la detta coscia

т. е. она, стоя твердо на лѣвомъ краю колесницы; у г-жи Чюминой

Тутъ Беатриче, выступивъ впередъ.

Или еще, Ада VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all'alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рововъ; у г-жи Чюминой—

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно или неточно, переводчица не можетъ, наконецъ, избѣгнуть и нѣкоторой неясности въ своей передачѣ. Укажемъ для примѣра Ада VIII, 52 и слѣд.; Чистилище XXIV, 16—18 и т. д.

Отмѣтивъ существенные недостатки перевода г-жи Чюминой, вовсе не слѣдуетъ огульно осуждать ея работу. Какъ бы то ни было, передъ нами на лицо полный переводъ Божественной Комедіи. И по справедливости въ данномъ случаѣ нужно сказать: *est laudanda voluntas*. Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, необходима благородная рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Помѣряться съ такимъ гигантомъ, какъ Данте, и не одержать полной побѣды — это еще не позоръ, не поражение. Г-жа Чюмина даетъ во многихъ отношеніяхъ не точный образъ великаго поэта, но для лицъ, незнающихъ итальянскаго языка, она всетаки можетъ сыграть роль Вергилія въ лабиринтѣ Дантовой поэзіи. Въ ея передачѣ есть не мало мѣстъ, переведенныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переданныя удовлетворительно, къ которымъ вышеизложенная критика не должна быть относима цѣликомъ. Таковы напр. пѣсни Рая XVIII, XIX, XX, XXI; Чистилища пѣснь XXVI и т. д.

Вотъ почему рецензетъ полагаетъ, что Академія поступить вполне справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой достойной почетнаго отзыва.

III.

Лихачевъ В. С.: Эдуардъ III, Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру, съ предисловіемъ Р. И. Бойля (б. о. г. и м. печати) вырѣзка изъ изданія „Шекспиръ“, т. V, стр. 289—330.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя проф. А. Н. Гилъровъ.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитростное, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подъ силу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполне, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько-нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ немного. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь реторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сд. 1, ст. 111 сл.; д. II, сд. 2, ст. 432), даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлинникѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ пере-

водѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сп. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ.

IV.

Милицына Е.: Разказы (М. 1905).

Разказы г-жи Милицыной разобраны были орд. акад. Н. П. Кондаковымъ.

«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачистую и прикрашенность и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же мы находимъ здѣсь любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затажного, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, все это разнообразіе сводится къ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, почти опостылѣвшимъ въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ его отъ безплодной сентиментальности, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни стоятъ у насъ доселѣ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, не видно новыхъ художественныхъ опытовъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ

народной души. Правда, у г-жи Милицыной есть попытки заглянуть въ нее, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ она пытается ее разгадать, построены на наблюденіяхъ, вынесенныхъ изъ интеллигентныхъ сферъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки, лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками, преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ приѣмами фельетона: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и пр.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сентиментальности, нервнаго надрыва и другихъ приѣмовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполне справедливымъ удостоить книгу разсказовъ г-жи Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Выслушавъ отзывы гг. рецензентовъ о сочиненіяхъ, допущенныхъ къ настоящему Пушкинскому конкурсу Комиссія не нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей полной преміи А. С. Пушкина (въ тысячу рублей). Въ виду этого ей подлежало рѣшить вопросъ: не заслуживаетъ ли кто-нибудь изъ соискателей половинной Пушкинской преміи, и, послѣ закрытой баллотировки шарами, обнаружилось, что большинствомъ голосовъ собраніе присудило по *половинной* Пушкинской преміи (въ пятьсотъ рублей каждая) двумъ соискательницамъ: 1) г-жѣ М. А. Лохвицкой (Жиберъ) за представленный ею сборникъ стихотвореній и драматическихъ произведеній въ стихахъ и 2) г-жѣ О. Н. Михайловой (Чюми-

пой) за стихотворный переводъ «Божественной Комедіи» Данте. Алигьери.

Комиссія особою баллотировкою нашла справедливымъ при-
судить почетные отзывы В. С. Лихачеву и г-жѣ Е. Мили-
цыной.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить
свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполнен-
ные ими по особому его порученію критическіе разборы допу-
щенныхъ къ XVI-му соисканію премій имени А. С. Пушкина
сочиненій, постановило выдать установленныя Пушкинскія золо-
тыя медали гг. почетнымъ академикамъ: К. Р., А. А. Потѣ-
хину, А. Ѳ. Коню, К. К. Арсеньеву, П. И. Вейнбергу и
проф. Университета Св. Владимира въ Кіевѣ А. Н. Гилярову
и приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—IV.

I

I.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ): *«Стихотворенія», т. V. 1902—1904 гг. (Спб., 1904 г.)*.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ) уже не въ первый разъ представляетъ на соисканіе Пушкинской преміи свои произведенія. Нынѣ представленный сборникъ (Стихотворенія. Томъ V. 1902—1904 г. С.-Петербургъ, 1904 г.) разбитъ авторомъ на девять отдѣловъ: I, Пѣсни возрожденія; II, Вѣянія смерти; III, Любовь; IV, Баллады и фантазіи; V, Сонъ; VI, Средніе вѣка; VII, Навожденія; VIII, Небеса и IX, «In nomine Domini». Драма.

Г-жа Лохвицкая (Жиберъ) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства—(въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ)—она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ, у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Какъ примѣръ приведемъ «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полупрозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой; —
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой. . . .

Тоска любви!... съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ.... небо ясно....
Приди! — я жду тебя одна....
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна!

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты....
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

Часто слышались упреки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтического настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было бы смѣшно порицать ландышъ, за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлюще поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: *Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.*

Г-жа Лохвицкая еще во II-мъ томѣ своихъ стихотвореній (С.-Петербургъ, 1900 г.) даетъ отвѣтъ своимъ обвинителямъ въ одностороннемъ направленіи:

«Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
 Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,
 Что изъ риемъ я себѣ ожерелье плету,
 Что пою я любовь, что пою красоту.

Но безсмертья я смертью своею не куплю
 И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
 И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
 Не измѣнить мой жгучій, мой женственный стихъ.

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивается и крѣпнеть; съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становится разнообразнѣе. Не можемъ не привести въ доказательство нѣсколькихъ стихотвореній изъ томовъ, предшествовавшихъ теперь разбираемому нами.

* * *

Есть что-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ,
 И въ звукахъ смѣха, тонущихъ вдали.
 И кроется печаль въ роскошно-звонномъ лѣтѣ,
 Въ уборѣ царственномъ земли.

И въ рокоть соловья вторгаются рыданья,
 Какъ скорбный стонъ надорванной струны.
 Есть что-то грустное и въ радости свиданья,
 И въ лучшихъ снахъ обманчивой весны. (II, стр. 19).

* * *

Если прихоти случайной
 И мечтамъ преграды нѣтъ,—
 Розой блѣдной, розой чайной
 Воплоти меня, поэтъ!

Двухъ оттѣнковъ сочетанье
 Звонкой риемой славословъ:

Жёлтый — ревности страданье,
Нѣжно-розовый — любовь.

Вспомни блещущія слезы,
Полуночную росу,
Блѣдной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкій, сладкій и пахучій
Ароматъ ея живой
Въ дивной музыкѣ созвучій,
Въ строфахъ пламенныхъ воспой.

И освѣтитъ лучъ побѣдный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы блѣдной
И тоску, и торжество. (II, стр. 57).

* * *

Поля, закатомъ позлащенные
Уходятъ въ розовую даль.
Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.

Я вижу, тамъ, за гранью радостной,
Гдѣ краски дня сбѣгаютъ прочь,
На вечеръ ясный, вечеръ благостный
Глядитъ тоскующая ночь.

Но въ жизни тусклой и незначущей
Бываютъ царственные сны.
Они къ страдающей и плачущей
Слетать съ воздушной вышины.

Нашепчутъ райскія сказанія
Вѣтвямъ акацій и березъ
И выпьютъ въ медленномъ лобзаніи
Росу невыплаканныхъ слезъ. (III, стр. 39).

Цвѣты безсмертія.

Въ безсмертномъ царствѣ красоты,
Гдѣ вѣчно дышитъ утро раннее,
Взрастаютъ бѣлые цвѣты, —
Ихъ вѣтъ прекраснѣй и желаннѣе.
Два грифа кладъ свой сторожатъ,
Какъ древо жизни и познанія.
И недоступенъ тайный садъ,
И позабыты заклинанія.
Но чьи мечты какъ снѣгъ чисты,
Тотъ переступитъ кругъ таинственный.
Тамъ буду я. Тамъ будешь ты,
О мой любимый, мой единственный!
Тебѣ, отмѣченный судьбой,
Цвѣты, безсмертіемъ возвращенные.
И грифы лягутъ предъ тобой,
У ногъ твоихъ, порабощенные. (III, стр. 44).

Два голоса.

Порой въ таинственномъ молчаніи
Я слышу — спорять голоса.
Одинъ — весь трепетъ и желаніе —
Зоветь: «Туда! Въ просторъ, въ сіяніе,
Гдѣ звѣздъ разсыпана роса!
— «Но здѣсь — весна благоуханная»,
Твердятъ другой. «Взгляни сюда,
Какъ хороша страна желанная,
Страна цвѣтовъ обѣтованная,
Гдѣ спятъ библейскія стада».
«— Въ цвѣтахъ есть змѣи ядовитыя»,
Пророчить первый. . . . Берегись!

Для жертвъ падутъ стада убитыя;
Ищи ступени позабытыя
Въ безкровный храмъ, въ благую высь».

Но тихій ропотъ снова слышится:
«— Промчится вѣтеръ — и, шурша,
Коверъ душистый заколышется. . . .
Не наглядится, не надышится
На вешній лугъ моя душа!»

«— За мной! Я дамъ вѣнецъ избранія!»
Звучитъ побѣдно властный зовъ.
«Что передъ нимъ весны дыханіе,
Земныхъ кадилъ благоуханіе
И оиіамъ твоихъ луговъ?

Съ прохладой вечера нежданною
Ихъ обовѣетъ сырая тѣнь.
А тамъ, вверху, надъ мглой туманною,
Гремитъ «осанна» за «осанною»
И день, и ночь, — и ночь, и день!» (IV, стр. 89).

Приведенныхъ стихотвореній, полагаемъ, довольно, чтобы сказать, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ поэтомъ, обладающимъ несомнѣннымъ вдохновеніемъ и искусствомъ мелодично излагать поэтическія мысли яркимъ образнымъ языкомъ, съ поэтомъ, въ совершенствѣ владѣющимъ гибкимъ и легкимъ стихомъ. Принимаясь за разборъ V-го тома г-жи Лохвицкой, мы поэту должны приложить къ нему болѣе строгую мѣрку, хотя бы ради той вѣчной истины, что кому много дано, съ того больше и спросится.

Вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декаденства», М. А. Лохвицкая какъ бы платитъ дань модному, но едва-ли похвальному, направленію выражаться неясно, подчасъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно непод-

ходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчащимъ. И прежде встрѣчались у нея дѣланныя, даже нелѣпыя выраженія, въ родѣ: «Они (листья) съ нагихъ срывались вѣтвей, кружились и падали безшумно, — какъ сонъ. . . . какъ смерть» ¹⁾.... (какъ будто сонъ или смерть могутъ падать); или «лазурная трава» ²⁾; или «Я рвусь къ тебѣ невольно, но страсть въ груди давию» ³⁾; или «туманъ свинцовый» ⁴⁾; или «смоль эбеновыхъ волосъ» ⁵⁾; или «Мечты не озарили счастьемъ грудь» ⁶⁾; или «Темный знакъ, прожженный поцѣлуемъ, я храню на мраморѣ груди» ⁷⁾; или «Рѣсницъ воскресія» (?) ⁸⁾; или «Рѣсницъ дремучихъ» (!!!) ⁹⁾.

Если въ разбираемомъ V-мъ томѣ подобныхъ неудачныхъ и смѣшныхъ выраженій встрѣчается значительно меньше, то, къ сожалѣнію, не можемъ не указать на цѣлыя стихотворенія, смыслъ которыхъ темень, неясенъ или даже вовсе непонятенъ.

II.

Въ «Пѣсняхъ возрожденія» на стр. 4-й помѣщены «Пловцы». Горѣлъ востокъ, когда направляя противъ волнъ челнокъ, «они» плакали, вѣрили и пѣли; «ихъ» не страшилъ «неумолимый Рокъ». «Ихъ» бѣлый парусъ сверкалъ надъ тьмой вѣковъ; пловцы сплетали вѣнки небесныхъ розъ для жертвъ тупой и озвѣрѣлой толпы, а на кормѣ спокойно спалъ Христосъ. Но вотъ, бушующія сферы гудятъ, святая красота звѣздъ сокрылась и пловцы съ тоской забытой вѣры смотрятъ на кроткій ликъ уснуваго Христа.

Мы нарочно передали прозой содержаніе этого стихотворенія, сохранивъ его дословно, въ надеждѣ, что оно станетъ яснѣе, чѣмъ изложенное въ стихотворной формѣ; и всетаки рѣшительно отказываемся разгадать смыслъ этой аллегоріи, предоставляя ея разъясненіе болѣе чуткимъ критикамъ.

Мистической дымкой подернуто и слѣдующее стихотвореніе:

1) 1, 20. 2) 1, 22. 3) 1, 24. 4) 1, 41. 5) 1, 66. 6) 1, 160. 7) 11, 50.
8) 111, 18. 9) 111, 85.

Крестъ.

Люблю я солнца красоту
И музы эллинской созданія.
Но поклоняюсь я Кресту,
Кресту, какъ символу страданія.

Что значить рознь временъ и мѣстъ? —
Мы всѣ сольемся въ безконечности;
Одинъ — во мракѣ черной вѣчности —
Простертъ надъ нами скорбный Крестъ.

Вычурностью и дѣланностью отличается стихотвореніе: «Мой тайный міръ — ристалище созвучій». Оно не даромъ вызвало злую пародію г. Буренина. И въ самомъ дѣлѣ, не есть ли звуочный наборъ словъ, правда изысканныхъ, яркихъ и красивыхъ, это нагроможденіе уподобленій, сравненій и смѣлыхъ до дерзости образовъ:

Мой тайный міръ — *ристалище созвучій* (?)
На высотахъ свободной красоты.
Гудить ихъ споръ, то властный и могучій,
То — чуть звенящій, сладостно пѣвучій,
То — какъ *щиты, что бьются о щиты.* (?)

Мои мечты — *лучистыя видѣнья*,
Страхнувшія земной тяжелой прахъ.
Какъ *олимпамъ небеснаго каждаго* — (?)
Онѣ парятъ къ *вершинамъ возрожденія* (!)
На розовыхъ и голубыхъ крылахъ.

Моя душа — живое отраженіе
О небесахъ тоскующей земли.
Въ ней — *яркихъ звездъ лучистыя вторженія* (!)
Въ ней — чистыхъ жертвъ *благія всесоженія*,
Въ ней — лавръ и миртъ побѣдно расцвѣли.

Мечты занесли г-жу Лохвицкую «на розовыхъ и голубыхъ крылахъ» въ такія сферы, гдѣ должно быть можно обойтись безъ здраваго смысла.

Въ слѣд. стихотвореніи «Святое пламя» (стр. 7) розовыя и голубыя крылья замѣнены «лазурнымъ освѣщеніемъ» голубаго крыла «Великаго духа», наказующаго поправшихъ Его, но живого и могучаго для М. А. Лохвицкой; Онъ съ нею «всегда и понынѣ» и она восклицаетъ въ заключеніе:

Безсмертную душу несу я
Какъ пламя святого огня!

На стр. 8-й г-жа Лохвицкая уподобляетъ свою душу уже не пламени святого огня, а «вѣчной странницѣ», неустанной въ своихъ исканіяхъ», «чужестранной» (?) для суетныхъ душъ и «избранницѣ» для избранныхъ Духа. «Взметнувшись, померкли въ безсиліи полнотные сны и видѣнія. Свѣтлы непорочныя лиліи въ садахъ моего возрожденія» продолжаетъ г-жа Лохвицкая, питающая особое пристрастіе къ лиліямъ; онѣ встрѣчаются въ ея стихотвореніяхъ весьма часто. Какъ созвучіе жизни и смерти, ей сняты совершенные пути (?). Ее превозносятъ могучіе и ненавидятъ презрѣнные. Не придаетъ-ли себѣ авторъ какого-то особаго, таинственнаго значенія? Это можно заключить и изъ слѣд. піесы (стр. 9) гдѣ, обращаясь «къ нему», она утверждаетъ, что узнавъ ее, онъ сталъ весь иной, что его земной путь зажженъ зарей небеснаго огня, что съ его духовныхъ глазъ упала пелена и онъ сталъ душою тихъ какъ вечеръ и свободенъ какъ волна; онъ постигъ міръ поэзіи, тоска его стала легка, а «вѣмая даль» яснѣй; онъ вспомнилъ прошлые вѣка, видѣнья давнихъ дней и позналъ «что мы воскреснемъ вновь». И всѣми этими откровеніями «онъ» обязанъ тому, что узналъ г-жу Лохвицкую.

Но недочеты, искусственность и туманность Піесенъ возрожденія вполнѣ искупаются послѣднимъ стихотвореніемъ этого отдѣла (стр. 10).

Материнскій завѣтъ.

(Моему сыну Евгенію)

Дитя мое, грядущее туманно,
Но все въ тебѣ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Неодолимо, властно, непрестанно
Мнѣ говорить, что будешь ты — поэтъ.

Дитя мое, узка моя дорога,
Но предъ тобой свободный ляжетъ путь.
Иди, иди въ сады живого Бога
Отъ аромата вѣчнаго вдохнуть.

Тамъ, высоко, на дѣвственной вершинѣ,
Гдѣ, чуть дымясь, почили облака,
Растетъ цвѣтокъ, нетронутый донынѣ,
Взыскуемый, какъ въ прежніе вѣка.

Пусть говорятъ, что путь твой — путь безумныхъ,
Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати.
Для пестрой жи усладъ и оргій шумныхъ
Не отступай отъ гордаго пути.

Пусть говорятъ, что сны твои обманны.
Дитя мое, и жизнь, и смерть — обманъ.
Иди, иди въ лазурные туманы!
За нимъ, за нимъ, цвѣткомъ небесныхъ странъ!

Найдешь его — и узришь міръ безбрежный
У ногъ своихъ! — Но помни, и внемли:
Тогда, мой сынъ, сойдя съ вершины снѣжной,
Неси твой даръ въ святую скорбь земли.

Сколько чистой поэзіи въ этомъ прекрасномъ, прочувствованномъ, искреннемъ стихотвореніи. Какъ слышится въ немъ любовь и гордость матери, какъ глубоко и сильно звучитъ въ немъ *Excelsior*, слово начертанное на знамени путника у Лонгфеллоу.

III.

Изъ шести піесъ, вошедшихъ въ отдѣлъ «Вѣянія смерти» на четырехъ лежитъ печать неопредѣленности и какого-то тумана, придающая имъ характеръ лихорадочнаго и бессмысленнаго бреда; піеса Красный цвѣтъ — написана въ духѣ декадентства и только одно стихотвореніе — Цвѣтокъ на могилу — представляетъ собою дѣйствительно поэтическое произведеніе.

Начнемъ съ первыхъ. Въ стихотвореніи Крылья, поэтесса, зная, что міръ жестокъ и тѣсенъ, что жизнь скучна и зла, плететъ вѣнки изъ майскихъ пѣсенъ и вознесла свой замокъ выше тучъ. Постараемся послѣдовать за нею туда. Мы застаемъ ее одну, королевой; мечты служатъ ей, какъ пажы. Она дышитъ безъ горечи и гнѣва и оградила себя отъ зависти и лжи. Власти поэтессы-королевы покорны сонмы сновъ; лишь одинъ, непокоренный, каждую весною лепечетъ ей о какомъ-то необъятномъ счастья. Въ этомъ снѣ — и королева восклицаетъ: «О радость, о забвеніе! — юный смѣхъ невозвратимыхъ лѣтъ», «взмахи крылій, царственный разсвѣтъ» и, что замѣчательнѣе всего — «тайныхъ струнъ сверкающее пѣнье». И королева молитъ этотъ удивительный сонъ, свой лучший, свой единый сонъ, научить ее сжиться съ темной жизнью (отъ которой, насколько мы поняли, поэтесса успѣла уже удалиться въ свой заоблачный замокъ). Ей хочется не слышать лебединый шорохъ и забыть могучіе лучи.

«Все что бренно — гаснетъ быстротечно», справедливо разсуждаетъ королева «догорить земное бытіе»; лишь въ свой сонъ вѣрять она вѣчно, вѣчно, «какъ душа въ безсмертіе свое». И въ отвѣтъ слышитъ она тихій шопотъ падающихъ ницъ (!) листьевъ: «Ты — земля. . . . и возвратишься въ землю». И королева заключаетъ неожиданнымъ восклицаніемъ: «О заря! . . . О крылья бѣлыхъ птицъ»!

Поймутъ-ли читатели смыслъ этого стихотворенія, переданнаго нами прозой, но безъ отступленій отъ подлинника?

Въ слѣд. стихотвореніи (стр. 17) г-жа Лохвицкая блуж-

даетъ по дикимъ уступамъ невѣдомыхъ скалъ; осенняя буря не-
сется надъ моремъ, «вздымая пучины съ глубокаго дна». Г-жа
Лохвицкая ищетъ — напрасно: все пусто, все мертво; зоветъ—
ей вѣтеръ рыдаетъ въ отвѣтъ. Эти обстоятельства приводятъ ее
къ такому заключенію:

Есть радость для сердца, для зора — улыбка,
Но души — какъ звѣзды отъ звѣздъ далеки.
О, Боже, создавшій и небо, и землю,
И гордую силу свободныхъ стихій,
Зачѣмъ мы такъ слабы, зачѣмъ одиноки
Предъ мракомъ безвѣстнымъ грядущаго дня?

Едва-ли оправдываются подобныя, не отличающіяся глубоко-
мысліемъ, размышленіемъ, блужданіемъ по прибрежнымъ скаламъ
въ осеннюю бурю и исканіемъ и призываніемъ неизвѣстно кого
и для чего. И почему включена эта бессодержательная піеса въ
отдѣлъ Вѣяній смерти?

Далѣе опять появляются излюбленныя лиліи. Авторъ гово-
ритъ во множественномъ числѣ:

Мы насаждали миртъ и лиліи —
И возрасли волчцы и терніе.

Такіе неудачные всходы приводятъ автора къ мысли:

Что можемъ мы въ своемъ безсиліи?
Чья грусть больнѣе и безмѣрнѣе?

Въ слѣдующей строфѣ есть странное и даже нескромное при-
знаніе:

Въ любовь мы вѣрили какъ въ генія
И предавались

чему, какъ вы думаете, читатель? Навѣрно не отгадаете;

И предавались любострастію.

Пожалуй, лучше было бы умолчать объ этомъ.

Въ стихотвореніи «Спящая» поэтесса говоритъ, что спитъ— не умерла — въ гробу изъ чистаго стекла въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ, подъ шопоть березъ и кленовъ. Цвѣты свѣжи, покровъ свѣтелъ и красивъ. Совершенно по женски спящая видитъ «сквозь тѣнь (?) полузакрытыхъ вѣждъ» блескъ своего наряда. Но не только этотъ нарядъ видитъ она, но видитъ и море, и лѣсъ, и закатъ, и луну, яркій серпъ которой струитъ сказочные сны. На спящей печать заклія, чтобы не думать, не желать и забыть, что есть борьба, жизнь и вражда. Въ гробу дышится легко, день за днемъ проходятъ сказкой и сны всегда полны (?), всегда ясны. Но печать заклія видно не помогла и спящая не настолько забыла жизнь, чтобы не увидать какъ спѣшитъ къ ней прекрасный женихъ въ одеждѣ странника и съ золотой арфой. У жениха блѣдное сіяніе вокругъ чела и черныя крылья. Онъ простираетъ руку и властно повелѣваетъ: Возстань! — Мы не знаемъ, повинуется ли ему спящая. Она жаждетъ, вѣритъ, ждетъ разгадки бытія, спать, мыслить; она одна и на шумъ вѣтвей, на щебетъ птицъ не дрогнетъ тѣнь ея рѣсницъ. Гудитъ пчела, да гдѣ то бьетъ, поетъ какая-то вода, журчитъ, звенитъ: «всегда, всегда».

Читатель, «поймешь ли ты?»

Стихотвореніе «Красный цвѣтъ» мы назвали декадентскимъ, ибо въ немъ авторъ прибѣгаетъ къ излюбленному новѣйшими стихотворцами приему отождествлять извѣстный цвѣтъ съ извѣстными понятіями. Этотъ приемъ, поддающійся чувству, всегда субъективному, не повинуется разуму и потому едва-ли можетъ быть имъ оправданъ.

Г-жа Лохвицкая ненавидитъ красный цвѣтъ; это дѣло вкуса. Красный цвѣтъ можетъ быть ненавистенъ ей, какъ напоминающій кровь; пожалуй въ немъ блескъ дымящихся гвоздей и палачей нарядъ, въ немъ пытка, въ немъ мечи и кровь, текущая во слѣдъ. Но почему въ немъ звуки трубъ? Почему въ немъ вѣнцы побѣдъ? Почему онъ проклятъ?

Но вотъ прекрасное стихотвореніе, на которомъ отдыхаетъ

эстетическое чувство послѣ выше приведенныхъ бредней и жеманнаго ломанья.

Цвѣтокъ на могилу.

(Памяти дорогой сестры Ольги Р***)

Ты была безропотно покорна,
Ты умѣла вѣрить и любить,
Дни твои — жемчужинъ бѣлыхъ зерна,
Низанныхъ на золотую нить.

Ты была нетронутой и ясной,
Какъ душа хрустальная твоя.
Вѣчный миръ душѣ твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытія.

Въ свѣтлый рай, въ блаженное веселье
Предъ тобой откроются врата, —
Да войдешь въ безцѣнный ожерельѣ,
Какъ свѣча пасхальная чиста!

IV.

Отдѣлъ Любовь начинается опять загадочно-тусклой піесой «На жизнь и вѣчность полюбя». Поэтесса обращается въ немъ къ тому, кому отдала себя на блаженства и страданья. Ею пройдены «пустыни ожиданія»; въ разлукахъ и въ радости общенія «чѣмъ больше жертвъ, чѣмъ больше мукъ, тѣмъ выше подвиговъ отреченія». Слова неясныя; тщетно силишься угадать ихъ смыслъ. Но заключеніе еще менѣе понятно: откуда то является «дымящій жертвенникъ»; онъ погасъ. Не этотъ ли дымъ и застилаетъ какъ передъ читателемъ, такъ и передъ самимъ авторомъ значеніе того, что онъ хотѣлъ выразить. Послѣднія строки не разсѣиваютъ этого дыма:

Огня мы жаждали нетлѣннаго, —
И вѣкій Духъ коснулся насъ,
Какъ дуновенье Совершеннаго.

Въ поискахъ новыхъ путей, въ боязни избытыхъ выраженій сказывается стремленіе всякаго поэта создать что-либо свое, никому еще не сказанное. И нельзя не приветствовать поэта, когда ему удастся найти свѣжую, нетронутую мысль и произнести новое, мѣткое слово. Въ стихотвореніи «Въ разлукѣ» г-жа Лохвицкая, обращаясь къ любимому человѣку, называетъ его «Мой далекій, мой близкій», повторяя это обращеніе четыре раза. Какъ ни ново, какъ ни необычно такое обращеніе, оно нѣсколько озадачиваетъ. И въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются слишкомъ искусственныя выраженія, напр. «безвѣстная тишь», «высоты незакатныхъ огней, гдѣ желанья властнѣй и больнѣй», «мертвая зыбь, гдѣ молчатъ камыши». Камыши понадобились, очевидно, для рѣимы, такъ какъ заключительный стихъ: «мой далекій, мой близкій, сгѣбши!»

«Любовь совершенная» (стр. 31) изображается г-жой Лохвицкой сномъ — но несбыточнѣй сна, мечтой — но блаженнѣй мечты, величаво проходящей въ ореолѣ святой красоты; любовь эта вся создана изъ снѣга, вся изъ пламени вѣннхъ лучей, она никогда не померкнетъ, не была и не будетъ ничьей. И только въ смертный часъ мы сольемъ усталую душу съ той, что вѣчно сіяла бѣлымъ снѣгомъ и чистымъ огнемъ. *Gesucht*, сказалъ бы нѣмецъ.

Безспорно поэтично стихотвореніе «Люблю тебя со всѣмъ мученіемъ»; ново и удачно его заключеніе:

Люблю! — пока душа усталая
Огнемъ любви не изойдетъ.

Хорошо и стихотвореніе «Нѣтъ безъ тебя мнѣ въ жизни счастья» за исключеніемъ мало понятной строки: «Ни въ упоеньи самовластья». Мелодично и весьма изящно стихотвореніе Свѣтъ вечерній, какъ будто навѣянное церковнымъ гѣснопѣніемъ «Свѣте тихій святыхъ славы». Въ немъ не обошлось безъ крылій и лилій, излюбленныхъ г-жой Лохвицкой. Но поставимъ ли ей въ укоръ это пристрастіе?

IV Отдѣлъ, Баллады и фантазіи состоитъ изъ девяти стихотвореній далеко не равнаго достоинства. Слабѣйшими изъ нихъ кажутся намъ Гномы, Джанъ-Агиръ, Злые вихри, Волшебное кольцо и Союзъ маговъ. Главный ихъ недостатокъ — неясность. Въ Гномахъ описывается морозный Январь, «бѣлой короной увѣнчанный царь». Жалкіе гномы, дрожа отъ стужи гдѣ-то въ пещерѣ дѣлятъ кладъ — рубины и алмазы. Авторъ совершенно неожиданно упоминаетъ о жарко натопленномъ адѣ, гдѣ черные слуги кадятъ Владыкѣ, гдѣ раболѣпный синклитъ несетъ ему «свитокъ паденья» и славить его по церковно-славянски: «Славенъ и славенъ еси, сатано!», что едва-ли умѣстно чертямъ. Между тѣмъ гномы готовятся въ бой, невѣдомо съ кѣмъ. Дѣло въ томъ, что имъ не подѣлится между собою кладъ, такъ какъ рубины горятъ ярко, — въ нихъ свѣтитъ ликующій адъ. Между тѣмъ въ небѣ парятъ ангелы; кликъ Осанна потрясъ небосводъ и души спасенныхъ на мигъ постигли ужасъ восторга. А на снѣгу лежитъ «пара комочковъ». На этотъ разъ г-жа Лохвицкая себѣ измѣнила: обыкновенно и въ самыхъ неудачныхъ піесахъ, несмотря даже на вычурность и смѣлость иныхъ выраженій, языкъ ея выдержанъ и изященъ, но эта «пара комочковъ»!!!

Дорогой кладъ не достался какому-то врагу и стихотвореніе, послѣ всей приведенной нелѣпости, заканчивается еще болѣе нелѣпыми строками:

Жалкіе гномы въ аду не нужны, —
Имъ-ли откроются райскіе сны?

Какой-то юный и конечно прекрасный волшебникъ Джанъ-Агиръ неизвѣстно откуда приплылъ въ нашъ скучный міръ въ челнокѣ; приплылъ и заплѣлъ; чары звуковъ понеслись и въ морскую ширь, и въ нѣмую высь, и даже въ какой-то «тоскующій предѣлъ». И пошли за нимъ толпою, забывъ весь міръ, сонмы дѣвъ, взывая: «меня возьми съ собой». Нашлась однако одна, не послѣдовавшая за волшебникомъ, за что мы готовы были-бы на-

звать ее благоразумною. Но авторъ разочаровываетъ насъ, самъ объясняя, что она была. . . . глуха. И неожиданно и даже немного смѣшно.

«Злые вихри» совсѣмъ слабое произведеніе и мы не станемъ утруждать читателя, передавая ихъ смутное содержаніе. Укажемъ только на удивительный по бессмысленности стихъ: «Въ тонкіе бубенчики манятъ злыя чары».

Надо также замѣтить, что во избѣжаніе недопускаемаго правилами стихосложенія семистопнаго стиха, автору слѣдовало-бы разбить его на двое:

Стонуть Вихри Черные, —
Все имъ воли мало.

«Волшебное кольцо», украшенное Изумрудомъ и Рубиномъ (почему-то удостоенными прописныхъ буквъ, какъ одушевленные предметы, имѣющіе собственные имена) смотритъ въ очи поэтессы «колдующимъ взглядомъ». Каждый изъ двухъ камней говоритъ ей весьма лестныя, но мало осмысленныя слова, называя ее царицей жемчужинъ и царицей востока, утомленной и пресыщенной сказкой земной.

«Союзъ маговъ» представляетъ собою безсодержательный наборъ словъ: тутъ и Жрецъ Солнца великій магъ, стоящій на львиныхъ шкурахъ, тутъ и пурпуръ и виссонъ, и золотой уборъ египетскихъ царей — священная тіара, и магическій «несокрушимый» жезлъ, и перстень Соломона, и опахала изъ ястребиныхъ крыльевъ, и кинамонъ, и ладанъ и сандалъ. Сама же поэтесса выступаетъ въ роли жрицы Луны и, совсѣмъ по женски, удѣляетъ много особаго вниманія описанію своего наряда: она въ бѣломъ, какъ дымъ, одѣяны, ожерелье изъ луннаго камня, жемчуга и алмаза сверкаетъ «тройной змѣей»; приподнятая «туманная фата» открываетъ «чела жемчужное убранство». Она несетъ полынь и дрокъ — растенія, посвященныя лунѣ. И жрецъ «позналъ могущество Луны!» Какой скучный вздоръ! И какъ несравненно слабѣ эта вещь на примѣръ «Царицы Савской», напи-

санной той же г-жой Лохвицкой еще въ 1894 г. (I т., стр. 97) и тоже навѣянной востокомъ. Не можемъ отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи выписать для сравненія это стихотвореніе цѣликомъ.

Царица Савская.

Купаясь въ золотѣ лучей,
Въ лазури теплой небосклона,
Летятъ двѣнадцать голубей
На югъ далекій отъ Сіона.

Гостей пернатыхъ съ давнихъ поръ
Ждала царица, изнывая, —
И въ злато-пурпурный шатеръ
Ихъ рѣзвая впорхнула стая...

Навстрѣчу имъ идетъ она,
Сойдя съ блистающаго трона,
Какъ пальма Енгадди стройна,
Свѣжа, какъ роза Ерихона...

На ликѣ дивномъ горячо
Разлился вмигъ румянецъ нѣжный,
И свѣялъ голубь бѣлоснѣжный
На обнаженное плечо.

Изъ клюва алаго посланье
Поспѣшно, трепетной рукой,
Она взяла... Невольницъ рой
Умолкъ и замеръ въ ожиданьи...

Лишь надъ вѣнчанною главой
Чуть шелестило опахало...
Царица, взоръ потупя свой,
Посланью царскому внимала.

И слово каждое его,
Казалось, откликъ находило

Въ груди, гдѣ прежде мѣсто было
Для самовластья одного: —

«Лобзаю легкіе слѣды
«Прекрасныхъ ногъ моей царицы!
«Ея глаза, какъ двѣ звѣзды,
«Горятъ сквозь темныя рѣсницы. . .

«Что говорю я? . . двѣ звѣзды?! . . .
«То молній яркія зарницы!
«И сердце, ими сожжено,
«Любви безуміемъ полно!

«О, кто сравниться можетъ съ ней,
«Съ возлюбленной! Ея ланиты
«Какъ лиліи, цвѣты полей,
«Зарей вечернею облиты. . .

«Что говорю я?! — цвѣтъ лилей?!
«Алѣе розъ ея ланиты.
«И сердце, ими прельщено,
«Любви безуміемъ полно!

«Какъ упоительно нѣжны
«Ея одежды благоуханья!
«Плѣняетъ взоръ, какъ свѣтъ луны
«Красы чудесной обаянье. . . .

«Что говорю я?! — свѣтъ луны?!
«То солнца южнаго сіянье.
«И сердце, имъ ослѣплено,
«Любви безуміемъ полно!»

II.

Окончилъ рабъ . . . Но далеко
Царицу унесли мечтанья
Туда, въ страну обѣтованья,
«Гдѣ льется медъ и молоко» . . .

Гдѣ бьетъ ключемъ сиккеръ душистый
И брызжетъ сокъ янтарныхъ винъ,
Гдѣ теревинѣхъ возросъ вѣтвистый
И сѣнь платановъ и маслинъ...

Гдѣ блескомъ сказочнымъ палаты
Затмили роскошь южныхъ странъ,
Гдѣ мирра, ладанъ и шафранъ
Струять съ курильницъ ароматы...

Семь ступеней... и пышный тронъ...
И славой вышней осіянный,
Онъ, — цвѣтъ долинъ благоуханный,
«Нарциссъ сарронскій» — Соломонъ!...

О мигъ, ей памятный донынѣ,
Подъ взглядомъ властнымъ и живымъ,
Когда, подобная богинѣ,
Она предстала передъ нимъ, —
Передъ побѣдой иль позоромъ,
Тая борьбы невольный страхъ,
Съ опущеннымъ лукаво взоромъ,
Съ усмѣшкой тонкой на устахъ...

— «Чтожъ передать прикажешь ты
Царю востока отъ царицы?»
И тихо дрогнули рѣсницы,
Отъ чудной пробудясь мечты...

Алѣе розы Ерихона,
Подъ грезой сладостнаго сна,
Посламъ крылатымъ Соломона
Со вздохомъ молвила она:

— «Не отъ царицы, — отъ рабыни
«Скажите вашему царю,
«Что я его боготворю
«И осчастливлена имъ нынѣ!

«Что я дивлюсь его уму,
 «Могуществу, богатству, краю...
 «Люблю его!.. и рвусь къ нему!..
 «И отъ любви изнемогаю!...»

Какъ бы хотѣлось, чтобы это проникнутое блескомъ, нѣгой и зноемъ востока стихотвореніе украшало собою не I-й, а V-й томъ г-жи Лохвицкой, помѣнявшись мѣстомъ съ пустозвоннымъ Союзомъ маговъ. А между тѣмъ сила вдохновенія и теперь не измѣняетъ г-жѣ Лохвицкой; ей слѣдовало-бы только строже относиться къ самой себѣ и не выпускать изъ-подъ пера произведеній недостойныхъ ея творчества и дарованія. Восточные мотивы и теперь плѣняютъ ея вдохновеніе и могутъ дарить намъ прекрасныя созданія, въ родѣ, на примѣръ стихотворенія «Въ пустынѣ»:

На закатѣ дня, подѣ небомъ пустыни, она вдвоемъ съ «нимъ»;

«Король мой уснулъ на груди у меня,
 Уснулъ онъ на сердцѣ моемъ».

Ее манитъ и зоветъ источникъ, обѣщая напоить живою водою—

«Король мой уснулъ у меня на груди, —
 Онъ ввѣрилъ мнѣ душу свою».

Смоковница шепчетъ и предлагаетъ ей свой душистый плодъ—

«Король мой уснулъ на груди у меня, —
 Онъ дремлетъ подѣ сѣнью любви».

Слѣшать караваны, несется самумъ, грозитъ опасность по-
 гибнуть въ пескахъ —

«Король мой уснулъ у меня на груди, —
 Повѣрю-ли въ гибель и страхъ?»

Исчезли миражи, распались какъ дымъ,
 Вечернее небо парить впереди.

Король мой! Ты нѣжно, ты свято хранимъ,
 Ты дремлешь на вѣрной груди.

Развѣ это не поэтично и развѣ не носить на себѣ печати Востока?

Въ стихотвореніи Въ саду надъ бездною (стр. 51) сплетаются поэтичные образы съ таинственностью, которая граничитъ съ безсмыслицей.

Быль труденъ путь. Быль зноенъ день.

До полдня длилось восхожденіе.

И вотъ, обѣщанная сѣнь

Предъ нами встала, какъ видѣніе.

И мы вошли въ нагорный садъ,

Гдѣ, разрастаясь въ изобиліи,

Жасмины пряные кадятъ,

Межъ розъ и миртъ сіяютъ —

Читатель, вы угадали, кто сіяютъ? конечно — лиліи.

Врата златыя заперты.

Намъ сладко млѣтъ въ благоуханіи.

Подъ нами травы и цвѣты,

Надъ нами лавры — и латаніи.

Все пока хорошо, картинно, мелодично и пахнетъ пріятно. Но далѣе идетъ чепуха. Въ саду, повиснувшемъ надъ бездною, есть какая-то властная богиня — земной кумиръ со звѣздною короной. Ей служатъ какъ божеству, несутъ гимны и кажденія, въ горячихъ снахъ и на яву, «въ стихійныхъ буряхъ наслажденія». Поющіе и кадящіе, «свѣтло-блаженные какъ гении» душой исходятъ въ медленномъ томленіи; имъ снятся «жуткія видѣнія».

И львы, желтѣя сквозь листву,

Лежатъ на стражѣ пробужденія.

Ну, развѣ не чепуха?

Но вотъ и прекрасное стихотвореніе, вполне достойное крупнаго таланта; это Горныя видѣнія (стр. 37). Мы бы назвали его безукоризненнымъ, еслибъ въ немъ не попадались декадентскія

причуды, безъ которыхъ богатая фантазія и образный языкъ г-жи Лохвицкой вполне могли бы обойтись. «Неразгаданныя высоты» и «холодные волны голубого огня» въ первой строфѣ только портятъ піесу, написанную въ Швейцаріи и передающую впечатлѣнія горныхъ вершинъ. Остальныя же строфы прекрасны; судите сами:

Порой предразсвѣтною,
Сквозь сонъ отлетающій,
Мы слышимъ неясно таинственный хоръ.
То гимнъ мірозданію
Поютъ небожители,
Поютъ на вершинахъ, снѣгами блистающихъ,
На склонахъ во мглѣ утопающихъ горъ.

Но меркнетъ сіяніе
Лазурнаго мѣсяца,
Провидать вершины рожденіе зари —
И, снѣгомъ вѣнчанныя,
Осыпались розами.
Не отблескомъ мертвымъ — но златомъ и пурпуромъ.
Зажглись недоступныя ихъ алтари.

И взрѣяли ангелы —
Небесныя вѣстники —
Къ широкимъ пустынямъ родной высоты,
Жемчужные, алые
И желто-лиловые
По горнымъ хребтамъ и уступамъ яснѣющимъ
Роняли они, улетаая, цвѣты.

«Плачь Агари» (стр. 35) по нашему лучшее во всемъ V-мъ томѣ стихотвореніе. Г-жа Лохвицкая посвящаетъ его своему сыну Измаилу.

Тяжко дышится въ пустынѣ.
Рдѣетъ солнце — гнѣвный царь.

Плачетъ, плачетъ мать о сынѣ,
Стонетъ смуглая Агарь:

«Угасаютъ всѣ надежды,
Ангелъ жизни отступилъ.
Ты лежишь, закрывши вѣжды,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

На чело отъ муки жгучей
Пали смертные цвѣта.
Кудри сбились темной тучей,
Запеклись твои уста.

Не пролилъ на насъ Предвѣчный
Отъ щедроты Своея.
Здѣсь, въ пустынѣ безконечной,
Мы погибнемъ — ты и я!

Но слышалъ вопль о сынѣ
Тотъ, Кто славенъ и могучъ.
И журча, забилъ въ пустынѣ
Чистыхъ водъ гремящій ключъ.

Та же скорбь мечтой унылой
Душу мучаетъ мою.
Ты возжаждешь, сынъ мой милый,
Чѣмъ тебя я напою?

Труденъ путь къ святой отчизнѣ,
Гдѣ найду нездѣшнихъ силъ?
Мы одни въ пустынѣ жизни,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

Низойдетъ ли духъ могучій
Съ лучезарною главой —
Да обрящемъ въ полдень жгучій
Свѣтлый ключъ воды живой?

Какъ и Материнскій завѣтъ (стр. 10), выше уже упомянутый нами и также посвященный сыну, Плачь Агари трогателенъ своей искренностью и прекрасенъ удачнымъ сближеніемъ библейскаго повѣствованія съ дорогою для автора дѣйствительностью.

V.

Отдѣлы Сонъ, Средніе вѣка и Навожденья — какой то тяжелый мучительный кошмаръ; это область страшныхъ вѣщихъ сновъ, волшебства, зловѣщихъ ужасовъ, *auto da fe*, инквизиторскихъ пытокъ, заклинаній, стигматовъ ада, чаръ, колдовства и черной магіи. Встрѣчаются въ этихъ отдѣлахъ и курьезы. Напримѣръ, на стр. 73 стихотвореніе «Одержимая» начинается слѣдующимъ необыкновеннымъ признаніемъ:

Сегодня я — подъ властью «черной птицы»,
Она гнѣздо въ груди моей свила.

Тамъ же упоминается и «заревѣ угаснувшихъ скорбей». На стр. 80 имя, повторяемое искусителемъ, истомляетъ, журча — какъ вино.

Не будемъ вдаваться въ подробную оцѣнку всего этого черно-книжія: оно слишкомъ чуждо поэзіи. Хочется сказать сбившемуся съ истиннаго пути автору его же словами:

«Не отступай отъ гордаго пути».

Заколдованные портреты, сіяющіе страшной убыткой злые горбуны съ волчьими зубами, хохотъ привидѣній, средневѣковыя казни и костры, чаши бѣсовскаго напитка, шестирогій вѣничикъ сатаны, магическіе жезлы со сплетенными змѣями должно быть такъ крѣпко приковали г-жу Лохвицкую къ грѣшной землѣ или даже къ преисподней, что на пять стихотвореній отдѣла «Небеса» не хватило подъема. Блѣдно вышло изображеніе святой Екатерины: она воздвигла въ своей душѣ алтарь; свѣтильникъ въ немъ семь огней (?) радуги. Но распцвѣтъ своей души отдаетъ

она лишь тому и еиміамъ зажжетъ лишь передъ тѣмъ, кто прекраснѣ Авессалома, свѣтлѣ Давида и мудрѣ Соломона.

И гласъ провѣялъ, благостенъ и тихъ:

«На небесахъ предвѣчный твой женихъ!

Онъ дастъ тебѣ вѣнецъ нетлѣнныхъ розъ.

Онъ весь — любовь. Его зовутъ — Христось!

Во главѣ этой піесы можно было-бы поставить имя всякой другой святой, а «мистическій бракъ» (*le mariage mystique*) св. Екатерины упоминается какъ-то вскользь. Въ словахъ святой слышится гораздо больше чувствительности и экзальтаціи, чѣмъ святости.

Подъ «Красною лиліей» разумѣется Благовѣщеніе, въ изображеніяхъ котораго мы привыкли видѣть архангела съ бѣлой, а не красной лиліей въ рукѣ. Но допустимъ эту поэтическую вольность. Евангельскій рассказъ, прекрасный въ своей простотѣ, искаженъ г-жой Лохвицкой, придумавшей необычную обстановку: тѣнь колоннъ ведущихъ во храмъ¹⁾; Пресвятая дѣва изображена уснувшею, «сжигая еиміамъ»; сонмы ангеловъ, парящихъ въ дыму кадилъ, роняютъ на грудь Пречистой лиліи, вторя вѣстнику радости—архангелу, поютъ они: «Благословенна будь!» Всѣ эти прикрасы едва-ли нужны строгому величію и безъискусственности повѣствованія Евангелиста.

Небесные огни (стр. 87) озадачиваютъ гремящимъ напѣвомъ «звѣздной пѣсни».

Небесный садъ (стр. 88) оставляетъ впечатлѣніе приторности и жеманности; не вяжутся съ изображеніемъ рая и кажутся тривиальными эти уменьшительныя, эти тюльпанчики, пѣсенки, любви.

Райскіе хоры (стр. 90) лучше остальныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ «Небеса». Приведены хоры мальчиковъ, дѣвочекъ, блаженныхъ и ангеловъ. Встрѣчается и грамматическая

1) И откуда взялся храмъ въ Назаретѣ?

ошибка: слово куша въ родит. падежѣ множеств. числа должно быть кушей, а не куцій, поставленнаго вѣроятно въ рѣшѣ кѣ поющій.

И тутъ не обошлось безъ ллій. Въ общемъ и эта піеса холодна и безцвѣтна.

VI.

Больше половины разсматриваемаго тома занимаетъ драма въ 5-ти актахъ, 8-и картинахъ «In nomine Domini» («Во имя Бога») ¹⁾. Содержаніе ея заимствовано изъ судебного процесса (1610 — 1611 г.). Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ почерпнуты изъ записокъ инквизитора Михаэлиса, изданныхъ въ XVII вѣкѣ, подъ названіемъ «Histoire admirable de la possession et conversion d'une pénitente séduite par un magicien, Lyon, 1614.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ эта драма и давить воображеніе какъ болѣзненный, мучительный сонъ. Со стороны стихосложенія она почти не заслуживаетъ упрека: стихъ легкій, непринужденный и мы замѣтили лишь самое незначительное число погрѣшностей. На страницѣ 99 опять встрѣчается слово куцій (родит. падежъ множ. числа) вмѣсто кушей. На стр. 250:

« Изгнавъ тебя, мой сынъ;
Изъ лона церкви нашей, предаемъ мы
Тебя ко власти свѣтскаго суда,
Котораю усердно умоляемъ
Постановить» и пр.

Тутъ двѣ ошибки: предають власти, а не ко власти.

Умоляютъ судъ, т. е. который, а не котораго.

На стр. 175: «Блюсти надъ нимъ въ пути вы день, и ночь должны». Блюсти можно кого нибудь, а не надъ кѣмъ нибудь. На

1) Правильнѣе было бы перевести: «Во имя Господне». Полный текстъ: Benedictus qui venit in nomine Domini — Благословенъ грядый во имя Господне (Еванг. отъ Маттея XXI, 9).

стр. 212: «Небесныхъ розъ святой любви въ ней насадила я». Насадить можно розы, а не розъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе драмы. 19-лѣтняя красавица монахиня-урсулинка Мадленъ одержима бѣсомъ. Сама она говоритъ подругамъ — монахинямъ:

«Вы бѣдныя, ничтожныя, слѣпыя,
Внемлите мнѣ, смотрите на меня!
Я призвана, чтобъ царствовать надъ міромъ,
Я избрана отъ самыхъ юныхъ дней
Могущественнымъ духомъ — Вельзевуломъ; —
Супруга я царя жужжащихъ мухъ!
Но духъ безплотенъ, духъ неосязаемъ —
И потому на время, на землѣ,
Какъ замѣститель вѣчнаго блаженства,
Мнѣ данъ иной возлюбленный супругъ.
То — принцъ волхвовъ чудеснаго востока
И маговъ запада».

Монахини просятъ Мадленъ назвать имя этого супруга и она называетъ проповѣдника, живущаго въ Марсели, аббата Лун Гофриди. Она показываетъ перстень, которымъ обручили ихъ Вельзевулъ. Одна изъ монахинь, Луиза, слыша эти признанія клянется про себя отомстить за небеса, поруганныя адомъ; пусть гибнутъ, но гибнуть въ покаяньи, пусть костеръ имъ будетъ воздаянье, но души попадутъ въ Царствіе.

Луиза одержима дьяволомъ Верриномъ. Въ монастырь пріѣзжаютъ инквизиторы Михаэлисъ и Францискъ и производится допросъ. Приводятъ Луизу и Мадленъ. Первая производитъ на инквизиторовъ впечатлѣніе злой и жестокой дѣвушки, тогда какъ Мадленъ сразу возбуждаетъ къ себѣ ихъ расположеніе.

Вотъ отрывокъ акта II-го. Дѣйствіе происходитъ въ кельѣ отца Ромильона, настоятеля монастыря св. Урсулы въ Эксѣ. На сценѣ Ромильонъ, оба инквизитора, игуменья, Луиза, Мадленъ и толпа монахинь.

ЛУИЗА.

Три дьявола моей владѣютъ волей:
Одинъ изъ нихъ по имени Верринъ,
Старѣйшій между ними — посланъ Богомъ,
Чтобъ возвѣстить вамъ правду, покарать
Иль обратить къ спасенію души падшихъ.
Второй зовется — демонъ Сонельонъ;
То яростный противникъ нашей церкви
И врагъ Веррина; вѣчно спорить съ нимъ
За то, что тотъ отдалъ себя служенію
Небеснымъ силамъ. Третій — Веліаръ, —
То духъ нечистоты и вождѣнныя.

МАДЛЕНЪ.

Забыла ты четвертаго назвать!
Забыла бѣса ревности безумной,
Неистовой, что гложетъ грудь твою.

ЛУИЗА (бросаясь на Мадленъ, бьетъ ее).

Что?. Ревности?.. А!.. Ревности!..

Такъ вотъ же,

Такъ вотъ тебѣ!..

МАДЛЕНЪ.

Ай!.. Ай, оставь меня!...

МИХАЭЛИСЪ.

Сестра Луиза!

Отецъ Ромильонъ.

Дочь моя, опомнись!

ЛУИЗА.

Я не Луиза... Демонъ я Верринъ!
И вы должны внимать мнѣ рабобѣпно!
Вы всѣ должны внимать мнѣ!

Мадленъ.

Но не я!

(Принимаетъ гордую позу).

Эй ты, Верринъ! Ты — мой слуга послѣдній!
Я — Вельзевулъ. Я принцъ воздушныхъ силъ!
А ты простой, ничтожный дьяволенокъ.
Тебѣ-ль со мной тягаться?

Луиза.

Да, въ аду

Ты — господинъ мой, но не здѣсь.

Смотри же,

(Бросаетъ Мадленъ на полъ и попираетъ ее ногами).

Смотри, какъ презираю я тебя!

Мадленъ.

Пусти меня, не смѣй!

Всѣ.

Сестра Луиза!

(Общими силами монахини оттаскиваютъ Луизу отъ Мадленъ).

Неправда-ли читатель, какая миленькая сценка?

Даже Луиза, продолжая обвинять Мадленъ въ колдовствѣ, обращаетъ вниманіе инквизиторовъ на ея черные глаза, брови и рѣсницы; по словамъ Луизы сама природа ясно указала, что волосы у Мадленъ должны бы быть черные. Луиза подбѣгаетъ къ ней и сдергиваетъ съ ея головы монашеское покрывало. Роскошные волосы Мадленъ «разсыпаются золотымъ дождемъ». Монахи приходятъ въ восторгъ и наперерывъ сравниваютъ эти волосы съ колосьями, съ растопленнымъ золотомъ и съ лучами. Одинъ настоятель Ромильонъ, усматривая соблазнъ въ столь необычайной красотѣ волосъ, хочетъ остричь ихъ; Мадленъ сопротивляется, а Ромильонъ гоняется за нею съ ножницами. Но инквизиторы справедливо замѣчаютъ, что красота не всегда при-

суща одѣмъ колдуньямъ, ссылаются на Марію Магдалину и находятъ возможнымъ оставить Мадленъ ея волосы. Тогда Луиза говоритъ, что если раздѣтъ Мадленъ, то всякій увидитъ, что она скрываетъ подъ монашеской рясой и хочетъ ее заставить раздѣться. Ромильонъ, считая это неприличнымъ, противится, но инквизиторы ничего не имѣютъ противъ раздѣванія; они спорятъ, а Луиза «срываетъ рясу съ Мадленъ, которая оказывается одѣтой въ ярко-красную прозрачную одежду съ золотыми блестками. Руки и плечи обнажены, на шеѣ сверкаетъ ожерелье. Ноги видны выше колѣнъ сквозь прорѣзы одежды. Мадленъ сбрасываетъ грубую обувь и, швырнувъ ее въ Луизу, остается въ красныхъ башмачкахъ». Инквизиторы рѣшаются отвезти обѣихъ монахинь въ Бомскій монастырь, надѣясь, что тамъ, въ священномъ гротѣ Маріи Магдалины, легіонъ нечистыхъ силъ изыдетъ изъ одержимыхъ.

Въ кельѣ Бомскаго монастыря (актъ III, картина I) сестра Катерина, прибывшая вмѣстѣ съ Мадленъ, убѣждаетъ ее, по какой-то невѣдомой намъ причинѣ, не называть Луи Гофриди передъ судомъ. Мадленъ возражаетъ, что молчать не можетъ, что это имя жжетъ ей уста, что Гофриди ей ненавистенъ, какъ соблазвившій и погубившій ее; онъ отравилъ ее «неугасимой жаждой всѣхъ дьявольскихъ мученій и блаженствъ». Когда же сестра Катерина говоритъ, что если Мадленъ назоветъ его колдуномъ—Гофриди будетъ сожженъ, Мадленъ въ отчаяніи восклицаетъ: «Все, но не смерть. Мнѣ жизнь его дороже всѣхъ жизней въ мірѣ. Пусть его томятъ, пытаются, мучаютъ... но не убиваютъ. Мнѣ жить нельзя ни съ нимъ, ни безъ него!» Невольно недоумѣваешь, чего же ей надо, любить она его или нѣтъ? Луиза подслушиваетъ разговоръ. На ея вопросъ, любить ли Мадленъ аббата Гофриди, та отвѣчаетъ утвердительно. Луиза убѣждаетъ ее покаяться, смириться и назвать на судъ того, кто погубилъ ее. Но Мадленъ повторяетъ то же, что сказала Катеринѣ, что скорѣй умереть, но его не назоветъ. Луиза опять принимается ее бить. Входятъ инквизиторы и возобновляютъ допросъ. Они стараются выпытать у

Мадленъ имя соблазнителя, но безуспѣшно. Она жалуется что злые духи ее терзають, что они кипятъ вездѣ, что весь воздухъ полонъ или, что мракъ темнѣетъ отъ ихъ сплетенныхъ крыльевъ. Зовутъ слугъ, опоясанныхъ мечами и велятъ пересѣкать воздухъ крестъ на-крестъ. «Служители разсѣкають воздухъ мечами; съ каждымъ взмахомъ слышится въ отдаленіи пѣвучій протяжный стонъ, подобный звуку Эоловой арфы». Мадленъ впадаетъ въ забытѣе. «Тихіе стоны въ воздухѣ какъ серебряные колокольчики, замирають вдали».

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Мадленъ!

Бр. Францискъ.

Уснула!

Михаэлисъ.

Дѣточка!

Бр. Францискъ.

Миленокъ!

Какъ куколка, раскинувшись, лежитъ.

Михаэлисъ (бр. Франциску).

Прошу васъ, братъ, скажите музыкантамъ,
Чтобъ заиграли что-нибудь скорѣй
Пріятное и нѣжное. За дверью
Они остались приказаній ждать.

Бр. Францискъ.

Пусть братъ Паскалисъ сходить, онъ моложе.
Ступайте братъ, а я останусь здѣсь.

Бр. Паскалисъ.

Но братъ Антоній всѣхъ насъ ближе къ двери,
Пусть сходить онъ.

Бр. Антоній.

Я лучше постучу,

Они поймутъ. (Стучить въ дверь не сходя съ мѣста).

Эй! Вы тамъ, начинайте!

(Раздается нѣжная мелодія).

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Проснулась? Нѣтъ, все спитъ еще дитя.

Она такъ любитъ музыку, малютка.

И средство это лучшее изъ всѣхъ,

Чтобъ отогнать толпы враждебныхъ духовъ.

(Любуясь на спящую).

Какъ хороша! Да полно, точноль спитъ?

Неровно грудь взволнованная дышитъ...

Пожаръ ланитъ то вспыхнетъ, то сбѣжитъ...

И на устахъ какъ-будто легкій трепетъ

Отъ сдержанной улыбки... Иль хитрить?

Не спитъ, шалунья?—Нѣтъ, молчить, не слышать.

(Обращаясь къ инквизиторамъ).

Есть у нея бѣсовская печать

На правой ножкѣ, около колѣна.

Тотъ стигматъ намъ не лучше-ль разсмотрѣть

Подробнѣе, для пользы правосудья,

Пока малютка дремлетъ?

Правъ-ли я?

Бр. Францискъ.

Братъ Михаэлисъ, никогда, клянусь вамъ,

Вы не были такъ правы, какъ теперь!

Бр. Паскалисъ.

И я того же мнѣнія.

Бр. Антоній.

Я то же.

Михаэлисъ.

Какъ мнѣ отрадно, братья, что межъ насъ

Явилось наконецъ единодушье!

(Наклоняясь къ Мадленѣ).

Спи крошка, я тебя не разбужу.

Бр. Францискъ.

Но гдѣ же знакъ?

Михаэлисъ.

Его не нахожу я.

Бр. Францискъ (заглядывая черезъ плечо Михаэлиса).

Не этотъ-ли?

Михаэлисъ.

Родимое пятно.

Хорошенькое пятнышко, не боги.

(Цѣлуетъ ноги Мадленѣ).

Зато какая ножка! Чистый воскъ

Ей въ бѣлизнѣ уступить!

Бр. Францискъ.

Жемчугъ!

Брр. Паскалисъ и Антоній.

Мраморъ!

Бр. Францискъ.

Но, можетъ быть, вы ищите не тамъ.

Позвольте, братъ мой, и на лѣвой ножкѣ,

Я думаю, намъ должно поискать.

Михаэлисъ (отталкивая бр. Франциска).

Нѣтъ, нѣтъ, не тамъ ее отмѣтилъ дьяволъ,

Я помню точно.

Бр. Францискъ.

Но позвольте братъ...

Михаэлисъ.

Прошу васъ, братъ всецѣло положиться

На опытъ мой.

Бр. Францискъ.

Я тоже не дуракъ!

Михаэлисъ.

Оставьте, братъ.

Бр. Францискъ.

Ну, вотъ еще,—вамъ можно,

А мнѣ нельзя? Я тоже посмотрю.

(Наклоняется къ Мадленъ, которая вдругъ ударяетъ его по щекѣ).

Ай!..

Мадленъ.

Вотъ тебѣ!.. Пошелъ противный, гадкій!..

Мы не можемъ не раздѣлить негодованія Луизы, которая, возмущенная этой сценой, стоящей самой нескромной французской оперетки, уходитъ. За нею слѣдуетъ Францискъ, громко выражая свой праведный гнѣвъ, вызванный, впрочемъ, не столько поведеніемъ инквизиторовъ, сколько полученной пощечиной.

Въ самомъ концѣ картины такая ремарка: «Доносится странный шумъ, напоминающій свистъ вѣтра, смѣшанный съ дрожаніемъ туго-натянутой струны, какъ будто близится полетъ гигантской мухи. Инквизиторы, очарованные, застываютъ въ неподвижныхъ позахъ. Мадленъ вскакиваетъ на столъ и мгновенно озаряется яркимъ, волшебнымъ фіолетовымъ свѣтомъ, постепенно переходящимъ въ красный. Мадленъ, простирая руки, выкрикиваетъ въ безумномъ восторгѣ: Приди супругъ мой! Veni Belzebub!»

Луизѣ удается заманить Мадленъ въ подвалъ, гдѣ сперва скрытые занавѣской, за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидятъ монахи со Старымъ Инквизиторомъ во главѣ. Луиза опять выпрашиваетъ у Мадленъ имя ея любезнаго, но та молчитъ. Догадываясь, что ихъ подслушиваютъ, Мадленъ отдергиваетъ занавѣску. У нея выпытываютъ имя обольстителя; когда же она не соглашается его назвать, грозятъ запереть ее въ «In расе», черную яму, гдѣ помѣщены два скелета. Обезумѣвъ отъ ужаса,

Мадленъ называетъ Луи Гофриди. Потомъ, въ гротѣ св. Маріи Магдалины устраиваютъ очную ставку Мадленъ съ Гофриди. Увидѣвъ его, она рвется къ нему, называетъ возлюбленнымъ, кричитъ: «Тебя я обожаю!.. Мой магъ!.. Мой богъ! Сокровище мое! Единственный мой! Счастье! Счастье! Счастье! Все счастье мое въ твоихъ очахъ!» Между тѣмъ связанному Гофриди предлагаютъ покаяться въ грѣхахъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Ему указываютъ на Мадленъ, какъ на живую улику. Мадленъ стоитъ отвернувшись; когда же онъ проситъ ее на него взглянуть, она продолжаетъ отворачиваться, говоря: «Нѣтъ, не хочу! Вы такъ мнѣ ненавистны!» Хотя Гофриди называетъ ложью взводимыя на него обвиненія, его заставляютъ подписать безъ его вѣдома составленное признаніе въ колдовствѣ, послѣ чего пытаются, чтобы узнать сообщниковъ и ведутъ на костеръ. Луиза и Мадленъ сидятъ въ тюрьмѣ. Узнавъ отъ тюремщика, что Луи будетъ сожженъ, а ее выпустятъ на волю, Мадленъ принимается пѣть веселую и довольно пошлую пѣсенку, заканчивающуюся словами;

Мнѣ смерть его — услада.

Онъ гибнетъ, — я живу!

Когда же Луиза укоряетъ ее въ безжалостности и напоминаетъ, что Гофриди, какъ жертва на закланье, идетъ за нее въ огонь, Мадленъ, вздрогнувъ, останавливается и восклицаетъ: «Луи!.. Любимый мой»!... Рыдая, обращается она къ Луизѣ:

Все это — ты! Ты завистью ревливой

Сгубила всѣхъ: меня, себя, его...

Все ты одна!... Будь проклята во вѣки.

Луиза.

Ты — до скончанья міра и вѣковъ!

Тюремщикъ (просовывая голову въ дверь).

Ведутъ его. Смотрите, коль хотите,

Но не шумѣть! И я пойду взгляну.

(Затворяетъ дверь).

Мадленъ (бросаясь къ окну).

Возлюбленный! Тебя ведутъ въ оковахъ...

О, изверги! Васъ много, онъ — одинъ.

Всѣ на него! Его вы осудили...

За что?... За то, что онъ меня любилъ!

(Колокольный звонъ продолжаетъ гудѣть громче и громче.
Слышно пѣніе «*Ora pro nobis*») Мадленъ (рыдая и дрожа).

Луи!... Мой магъ... спасти себя ты можешь,

Лишь захоти!... Спасись, спасись Луи!

Зови на помощь дьявольскія чары —

И выигъ ослѣпнуть палачи твои,

И ты уйдешь — незримый и свободный...

Не для себя, но для меня спасись!

(Похоронное пѣніе раздается подъ окномъ).

ЛУИЗА (падая на колѣни).

Великій Богъ! молю Тебя, прими

Весь ѡміамъ, клубящійся отъ вѣка,

Все пламя жертвъ, сожженныхъ за Тебя!

И тѣхъ, чей дымъ подымется въ грядущемъ!

И тѣхъ, что будутъ до скончанья дней —

Прими за душу грѣшника, о, Боже,

Все — за него!...

Мадленъ.

Кого ведете вы?!...

Луи постой!... Я такъ тебя любила...

Моя любовь зажгла тебѣ костеръ...

Какъ блѣденъ ты, какъ изнуренъ, любимый...

Остановись... На смерть тебя ведутъ...

Твои уста и очи, и ланиты

Спалятъ огонь!... сожжетъ... испепелитъ

Всего тебя!... Онъ обернулся!... Боже!...

ЛУИЗА (продолжая молиться).

Все — за него!

Мадленъ (рыдая).

О, не смотри сюда...

Кого ты ищешь жадными очами?

Здѣсь нѣтъ меня... Здѣсь нѣтъ твоей Мадленъ!...

Она стоитъ на пышномъ возвышенъи,

Съ твоимъ вѣнкомъ на золотыхъ кудряхъ.

Предъ нею кровь стекаетъ по ступенямъ

И голосъ крови къ Богу вопіеть...

Луиза.

Все — за него!

Мадленъ.

О, не смотри мнѣ въ душу!...

Здѣсь нѣтъ Мадленъ!.. Здѣсь только тѣнь моя!..

Она въ аду предъ страждущими пляшетъ...

Ихъ кровь на ней... На шабашѣ она,

Гдѣ жертвы ей приносятся безъ счета...

О, не гляди!

Луиза.

Великій Богъ, прими

Весь жаръ молитвъ!.. Всѣ слезы покаянья!..

Всю кровь святыхъ, воззавшую къ Тебѣ!..

Всѣ славословья чистыхъ серафимовъ!..

Все за него!..

Мадленъ.

Остановите казнь!...

Беру назадъ позорныя признанья!

Ихъ вынудили силой у меня...

За нимъ... за нимъ... на казнь, на смерть, на пытку!

За нимъ въ огонь!.. Къ тебѣ, къ тебѣ, Луи!..

Луиза.

Все за него!

МАДЛЕНЪ.

Не слышать, изувѣры!..
 Меня возьмите... Жизнь — за жизнь его...
 Мою любовь отдамъ, вѣдь я прекрасна...
 Я буду пѣть, смѣяться и плясать...
 Я цѣловать умѣю до забвенья...
 Ласкать умѣю!.. Я люблю его!..
 Я всѣхъ люблю, кто дастъ ему свободу!..
 Костеръ лишь погасите!.. Гдѣ вода?..
 Скорѣй, скорѣй, пока еще не поздно...
 Тушите кровью!.. Лейте кровь мою!..
 Пока еще огонь не прикоснулся
 Къ его ногамъ и дымъ не задушилъ!..

ЛУИЗА.

Все — за него,

МАДЛЕНЪ (ломая руки).

Не внимлютъ!.. Поздно!.. поздно!..
 Съ тобой на смерть!.. На пытку!.. На костеръ!..
 А!.. Боже!.. Боже!.. Онъ горитъ! Спасите!
 Огонь... огонь...

(Падаетъ безъ чувствъ. Тюрьма озаряется отблескомъ краснаго пламени).

ЛУИЗА (съ отчаяніемъ).

О, если мало жертвъ...
 О, если мало слезъ, молитвъ и крови —
 Воззри, Господь, на будущую скорбь.
 Счисти всѣ муки новыхъ поколѣній,—
 Все — за него!

МАДЛЕНЪ (вскочивъ, бѣжитъ въ изступленьи).

Горю!.. горю!.. горю!..

Такъ кончается драма, въ которой авторъ не постѣснился сплестъ основанную на положительныхъ историческихъ данныхъ дѣйствительность съ вымысломъ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Порою стыдно и обидно становится за М. А. Лохвицкую и это тѣмъ болѣе, что ея драма, при допущенныхъ въ ней недомолвкахъ и прямо нелѣпостяхъ, написана почти сплошь прекрасными, легкими и звучными стихами.

Чѣмъ оправдать бессмысленныя непримиримыя противорѣчія страстной любви, безо всякой видимой причины переходящей въ непонятную ненависть, снова смѣняющуюся нѣжной и пылкой любовью. Чѣмъ извинить безобразныя сцены драки двухъ дѣвушекъ или непристойное заигрыванье монаховъ съ монахиней? Балаганныя сверхъестественныя явленія и вся сопровождающая ихъ чертовщина заставляетъ вмѣстѣ съ авторомъ воскликнуть:

Кто здѣсь безуменъ — вы иль я — скажите?

Но кто-то здѣсь сейчасъ сошелъ съ ума.

Увѣренные въ недюжинномъ талантѣ М. А. Лохвицкой, мы позволяемъ себѣ указать ей на необходимость болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи, уже нами упомянутомъ. «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть строка, въ которой заключается преподанный ему совѣтъ:

«Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отвори».

Этотъ прекрасный совѣтъ вполне приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, еслибъ не увлекалась выраженіями противорѣчащими здравому смыслу и еслибъ не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазій вычурности и искусственности.

Замѣченные нами немаловажные недостатки, по нашему разумѣнію, не допускаютъ увѣнчанія V-го тома стихотвореній

М. А. Лохвицкой ни полной, ни даже половинной Пушкинскою преміей. Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ поэзіи разсматриваемаго автора; а эти достоинства несомнѣнно существуютъ; а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживали-бы почетнаго отзыва Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

К. Р.

Осташово. Май 1906 г.

II.

Данте Алигъери. Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Н. Чюминой. Изданіе А. А. Наспари. С.-Петербургъ 1900—1902 гг. 6 выпусковъ.

I.

Когда раздумываешь о переводахъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, въ голову невольно приходитъ парадоксъ: лучше-бы ихъ вовсе не переводить! И эта мысль кажется нелѣпой только на первый взглядъ. Работа переводчика такъ трудна, требуетъ столько знаній и любовнаго проникновенія въ предметъ! И какъ часто она не удается! Какъ много переводовъ, искажающихъ смыслъ и поэзію оригинала! Кромѣ того, много-ли истинныхъ читателей, истинныхъ любителей поэзіи, для которыхъ стоило-бы трудиться? Много-ли людей будетъ огорчено, если не прочтѣтъ того или другого романа, поэмы и т. д.? Много-ли такихъ, которые сдѣлаютъ ихъ элементомъ своей душевной жизни, орудіемъ движенія впередъ? Не лучше-ли уединенному любителю поэзіи взять на себя трудъ выучиться чужому языку, одолѣть любимое произведеніе въ подлинникѣ, цѣликомъ и основательно овладѣть имъ? Не легче-ли, не плодотворнѣе-ли этотъ трудъ, чѣмъ трудъ переводчика, который, при наилучшихъ условіяхъ, дастъ неточную копію, рискуя очутиться въ положеніи «художника — варвара»?

Горько въ этомъ признаться, но поэзія, какъ дѣло жизни, существуетъ только «для немногихъ», а они, эти немногіе, охотно выучатся и чужому языку. Странно слышать увѣренія, будто достаточно пользоваться переводами, будто подлинникъ существуетъ только для филолога, увѣреніями, которыя, раздаваясь изъ авторитетныхъ устъ, сбиваютъ съ толку молодежь!.... Чтеніе чтенію рознь, и не каждому изъ читателей открывается царство поэзіи. Многочисленные переводы еще не ручаются за высокое качество въ усвоеніи чужого творчества, и очень часто начетчикъ въ переводной литературѣ — только грамотѣй, самоувѣренный обладатель полужнания.... Незачѣмъ указывать, какія произведенія имѣемъ мы въ виду. Каждый самъ назоветъ Фауста, Донъ-Кихота, Илиаду и Одиссею, греческія трагедіи и много другихъ. Ихъ надо или усвоить цѣликомъ, серьезно, т. е. въ подлинникѣ или замѣчательно точномъ, изящномъ переводѣ, или вовсе не касаться. Къ числу ихъ надо отнести и Божественную Комедію Данте. Въ ней, кажется, соединились всѣ трудности, которыя могутъ встрѣтиться на пути переводчика. Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, сложное, запутанное содержаніе, о которомъ шутники говорятъ, что въ Данте безъ комментарія нельзя понять ни одного слова, перекрестная символика поэмы — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія.

Прибавимъ къ этому огромную литературу о Данте, которая продолжаетъ расти не по днямъ, а по часамъ, и уже имѣетъ собственную длинную исторію. Изученіе Божественной Комедіи началось почти при жизни автора, и съ тѣхъ поръ, въ разныя эпохи, при разныхъ обстоятельствахъ, по разному понимали и толковали Данте. Знакомство съ литературой неизбежно отразится и на качествѣ перевода: переводчикъ Божественной Комедіи долженъ быть не только поэтомъ, но и ученымъ, въ иныхъ случаяхъ даже филологомъ.

Кромѣ того, Божественная Комедія какъ разъ относится къ небольшому числу избранныхъ произведеній, съ которыми

особенно не слѣдуетъ знакомиться по неточнымъ переводамъ. Вѣдь эта поэма привлекаетъ не только поэтическими достоинствами, интересна не только съ исторической точки зрѣнія. Нѣтъ, какъ мы пытались показать въ другомъ мѣстѣ, Данте до сихъ поръ можно читать не для одного эстетическаго или умственнаго наслажденія: онъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе, какъ учитель жизни. Данте — философъ и моралистъ, который будитъ высокія настроенія и чувства. Основные свои идеи Данте проводить и въ цѣломъ, и въ мелкихъ подробностяхъ, и потому его нельзя изучать кое-какъ, по неточному переводу, какъ нельзя и совершенно бесполезно читать Джіордано Бруно или Фихте въ приблизительномъ пересказѣ. Небрежная передача позволитъ усвоить только обрывки системы Данте, а цѣлый образъ рискуетъ затеряться среди ненужныхъ домысловъ, неточностей и ошибокъ. Несовершенный переводъ Божественной Комедіи потому мало полезенъ, что почерпать мудрость жизни можно только изъ прозрачнаго, незатемненнаго источника.

Наконецъ, говоря о трудностяхъ перевода Дантовой поэмы, нельзя не отмѣтить и той, что она написана стихами. Какъ переводить Божественную Комедію? Если прозой, то кто-же станетъ читать этотъ переводъ? Развѣ только тѣ, кто гонится за самымъ точнымъ усвоеніемъ текста. Такіе поклонники и любители предпочтутъ выучиться по итальянски. А если переводить стихами, то неточности и несоотвѣтствія двухъ языковъ, въ связи съ нѣкоторыми другими промахами, почти неизбежно обратятъ переводъ въ механическую копію. Тогда во множествѣ мелкихъ недочетовъ утерится основная мысль поэмы, объединяющая богатое разнообразіе ея частей: останутся эпизоды, не будетъ *Divina Commedia*. И такъ ни проза, ни стихи. . . . Что же остается? Или добросовѣстное чтеніе подлинника, или переводъ въ стихахъ, совершенный съ полнымъ знаніемъ дѣла, вдохновленный собственнымъ поэтическимъ талантомъ.

Обратимся теперь къ переводу г-жи Чюминой.

II.

Г-жа Чюмина начинаетъ со вступительной статьи, которая помѣщена на стр. V—XIV перваго выпуска. Такая статья необходима въ каждомъ изданіи Данте, оригинальномъ или переводномъ, какъ необходимы и комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ¹⁾. Нетрудно и составить такую статью. Есть, и останутся, вѣроятно, такими навсегда, темные эпизоды въ Божественной Комедіи. Есть и въ литературной исторіи поэмы нѣкоторыя частности, еще не достаточно освѣщенные. Въ «рѣкѣ времени» безвозвратно погибли многія данныя о жизни и личности поэта и т. д. Но руины сохранившагося настолько еще велики, настолько хорошо изслѣдованы, что краткій очеркъ, подводящій итоги ученой работы о Данте, выполнимъ безъ особаго напряженія. Его автору вовсе не надо обладать знаніемъ всѣхъ деталей и мелочей т. н. дантологін; достаточно обратиться къ большимъ и малымъ работамъ суммирующаго характера. Мы разумѣемъ Скартаццини, Крауса, Федерна, Моора, Цингарелли и др., у которыхъ найдется достаточно матеріала для объяснительной статьи. Необходимо только одно: статья не должна повторять о Данте и его поэзіи того, что уже давно оставлено всѣми. Легко опредѣлить и желаемое содержаніе такого очерка. Само собою разумѣется, біографія Данте, современное положеніе Европы, свѣдѣнія по исторіи Флоренціи и т. д. Во всемъ этомъ, конечно, должно отличать легенду отъ достовѣрныхъ данныхъ. Но это еще не все. Извѣстно, что главное произведеніе Данте — послѣднее звено длинной цѣпи развитія, личнаго и литературнаго. Мало растолковать символику Божественной Комедіи въ цѣломъ и по частямъ: внѣ связи съ другими, болѣе ранними, произведеніями Данте эта поэма мало понятна. Всякая вступительная статья къ переводу

1) Въ нашемъ разборѣ мы не касаемся примѣчаній, которыми снабженъ переводъ г-жи Чюминой: повидимому, они составлены другимъ лицомъ.

Божественной Комедіи должна познакомить читателя съ *Vita Nuova*, *Il Convivio* и *De Monarchia*, показать, какъ изъ сочетанія элементовъ, заключающихся въ этихъ произведеніяхъ, и создавалась великая эпопея.

Мы не думаемъ, чтобы предисловіе г-жи Чюминой отвѣчало всѣмъ этимъ требованіямъ. Оно не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ литературой предмета и даетъ не вполне точное представленіе о сущности поэмы Данте и ея исторіи. Есть, наконецъ, промахи и въ самомъ изложеніи. Мы не можемъ вдаваться въ подробную критику предисловія, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести работы г-жи Чюминой лежитъ не въ немъ. Ограничимся нѣсколькими указаніями.

Напр., г-жа Чюмина повторяетъ старую, почти всѣми отвергнутую, басню о томъ, что Данте былъ одно время ученикомъ Брунетто Латини. Откуда также извѣстно ей, что Латини былъ профессоромъ болонскаго университета, и что Данте посѣщалъ этотъ университетъ (стр. VII)? Въ разсказѣ о любви Данте къ Беатриче г-жа Чюмина не различаетъ правды и поэзіи, безъ малѣйшихъ оговорокъ пользуясь свѣдѣніями, которыя сообщаетъ Боккаччіо. А что достовѣрнаго, на самомъ дѣлѣ, знаемъ мы о Беатриче Данте, какъ дѣйствительно существовавшей женщинѣ? Почти ничего. Не будемъ говорить о мелкихъ неточностяхъ въ разсказѣ объ этомъ періодѣ въ жизни Данте (напр. о дамѣ, съдающей сердце Данте, ср. стр. VII), а, идя дальше, скажемъ, что не болѣе удачны замѣчанія о политической жизни Флоренціи въ эпоху Данте, и незадолго до него. Изложеніе здѣсь путанное, а иногда и прямо невѣрное. По свѣдѣніямъ, которыя находятся на стр. IX—X, трудно составить ясное представленіе о реформахъ Guido Novella, Giano della Bella, о роли приоровъ, о распадѣ партіи гвельфовъ на бѣлыхъ и на черныхъ, и даже о политической дѣятельности самого Данте. Можно-ли, напримѣръ, сказать, что поведение Бонифація VIII показало Данте неосновательность гвельфской системы? Какую-же роль въ «обращеніи» Данте сыграла въ такомъ случаѣ *compagnia malvaggia*

е всепріа? Гдѣ и когда Данте гордо объявилъ, что создастъ изъ одного себя свою партію и «самъ будетъ себѣ союзникомъ»? Говоря о такомъ важномъ эпизодѣ, какъ походъ Генриха VII на Римъ, г-жа Чюмина ограничивается нѣсколькими строчками, но за то цитируетъ, вѣроятно, подложное, письмо Данте, написанное въ отвѣтъ на приглашеніе покаянно вернуться во Флоренцію (стр. XI—XII). Въ разсказѣ о сношеніяхъ Данте и Джіованни дель Вирджиліо допущена грубѣйшая ошибка, будто къ Данте въ Равенну пріѣхалъ поэтъ «Джіованни де Виргилій» съ приглашеніемъ отправиться въ Болонью (стр. XII).

Не болѣе удовлетворительна и та часть предисловія, которая трактуетъ о произведеніяхъ Данте. Не говоримъ уже о томъ, что г-жа Чюмина считаетъ возможнымъ посвятить имъ менѣе 1½ страницъ. Краткость эта можетъ быть возмѣщена обиліемъ комментариевъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ и эпизодамъ. Но читатель не находитъ и генетическаго объясненія всей литературной дѣятельности Данте, которое, по нашему мнѣнію, единственно правильное. Каждая работа Данте поставлена отдѣльно, внѣ связи общаго развитія личности и поэзіи. Но, и въ отдѣльности, можно-ли ограничиваться напр. о II Convivio слѣдующими словами: «Позднѣе, въ своемъ сочиненіи Convito (Пиръ), гдѣ восторженно восхваляется философія, Данте отождествилъ свою вторую любовь или, какъ онъ ее называетъ, Madonna la Filosofoa, съ предметомъ аллегорій Пира» (VIII)? Vita Nuova г-жа Чюмина пользуется только, какъ источникомъ для біографіи поэта, почти ничего не говоря о ея значеніи въ литературной жизни Данте. Такъ-же мало г-жа Чюмина знакомитъ читателя и съ политическимъ трактатомъ Данте De Monarchia. Совершенно опущенъ il Canzoniere, хотя упомянуть сомнительный трактатъ De aqua et terra. Не безукоризненными кажутся намъ и замѣчанія о Божественной Комедіи. Правда, основные элементы поэмы—морально-религіозный, политическій и личный—опредѣлены вѣрно. Но умѣстно-ли выраженіе, что «кромѣ этого значенія (т. е. морально-религіознаго) Божественная Комедія затрагиваетъ еще и

политическую сторону?» (стр. XIV). Правда-ли, что въ первыхъ кругахъ Ада находятся грѣшники, про которыхъ можно сказать: ихъ грѣхъ не унижаетъ ихъ, но они все-таки должны *искупить* его? Въ итогѣ, мы не думаемъ, что-бы предисловіе г-жи Чюминой достигало своей цѣли. Въ новомъ изданіи его необходимо переработать въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки о Данте и устранить нѣкоторые промахи изложенія.

III.

Въ своемъ переводѣ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: вмѣсто терцінъ съ ихъ строго-замкнутымъ и желѣзнымъ построеніемъ передъ нами пяти и шестистопный (въ Раѣ) ямбъ, рримованный, но безъ опредѣленнаго порядка. Мы боимся рѣшительно высказать свое мнѣніе, но намъ кажется, что этотъ видъ ямба мало свойственъ русскому языку. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство до извѣстной степени уменьшаетъ достоинство перевода г-жи Чюминой, особенно если припомнить превосходный переводъ Мина, гдѣ сохраненъ размѣръ подлинника. Вмѣсто сжатого, лапидарнаго стиля Данте у г-жи Чюминой очень часто вялые, растянутые стихи. Но повторяемъ, небудучи поэтомъ, мы боимся вдаваться въ тонкую область метрики и соотвѣтствія размѣровъ. Достаточно отмѣтить, что размѣръ подлинника не соблюденъ. Это позволяетъ примѣнить къ переводу гораздо болѣе строгія требованія: вѣдь г-жа Чюмина не была стѣснена стихотворной формой, и къ ея услугамъ было все богатство русскаго языка, все разнообразіе комбинацій, допускаемыхъ ямбомъ съ вольною разстановкою рیمовъ. Отмѣтимъ же то, что мы считаемъ промахами г-жи Чюминой.

а) *Стихосложеніе*. И здѣсь ихъ приходится указать довольно много. То размѣръ не выдержанъ съ достаточнымъ напряженіемъ, такъ что метрическая природа стиха едва замѣтна. То звуковыя сочетанія, входящія въ составъ стиха, представляются недостаточно гармоническими. То, наконецъ, самая струк-

тура стиха вялая и безжизненная. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Рай XVI, 69.

Къ паденью пришли, и гаснуть безъ слѣда.

Чистилище, IX, 134.

Не два, а три *сіяющія* ока.

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю *родиться* рокъ судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые *сіявшимъ* *свыше* *сѣтомъ*.

б) *Построеніе фразъ, синтаксическіе промахи, неправильные обороты* и т. д. Въ этой области г-жа Чюмина не всегда на должной высотѣ. Посреди ея рѣчи, въ общемъ правильной и плавной, попадаются обороты рѣзкіе и неуклюжіе, которыхъ мы не желали бы видѣть въ переводѣ столь величественнаго и выдержаннаго произведенія, какъ Божественная Комедія. Какъ-то странно слышать въ устахъ Данте, Вергилія, Беатриче или кого-нибудь изъ обитателей загробнаго міра, отзвуки современной, иногда во все не изящной рѣчи. Напр. Адъ V, 64 и слѣд.

Я состраданье въ сердцѣ ощутилъ
Безмѣрное, узнавъ въ собраньи этомъ
Мнѣ названныхъ по имени поэтомъ
Такъ много славныхъ рыцарей и женъ.

Нѣсколько ниже —

Наставникъ мой, дозволишь-ли со словомъ
Участія ты обратиться мнѣ
Вонъ къ той четѣ, парящей въ вышинѣ.

Рѣчь, какъ извѣстно, идетъ о Франческѣ и Паоло. Вергилій отвѣчаетъ:

ОСТАНОВИ

Изъ именемъ связавшей ихъ любви.

Попадаютъ и два творительныхъ падежа рядомъ, обычная безграмотность современной русской книги. Напримѣръ, Чистилище XII, 65 — 66.

Вергилій шелъ опасной стороной
Надъ бездною, зіявшей глубиною.

Чистилище I, 59, *per sua follia* переведенъ — Благодаря его дѣяньямъ безразсуднымъ. Едва-ли *благодаря* здѣсь на мѣстѣ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ такихъ некрасивыхъ стиховъ изъ Рая, который — отмѣтимъ кстати — вообще переведенъ лучше Ада и Чистилища; XIX, 131 — 132.

Который совершилъ презрѣннѣйшій скупецъ,
Имѣющій престолъ на островѣ вулкановъ.

XXI, 103.

Я холодъ выносилъ съ жестокою жарой.

XXII, 139—142.

Воспламененною Латоны дщерь предстала
Лишенной тѣни той, которая дала
Мнѣ поводъ заключать о томъ, что состояла
Она изъ плотныхъ тѣлъ и жидкихъ.

Но обозначенныя группы промаховъ не самыя существенныя. Важнѣе то, что г-жа Чюмина порою очень вольно обращается съ самымъ текстомъ поэмы. Дѣйствительно

с) *пропуски и сокращенія* въ ея переводѣ настолько часты, что нѣтъ возможности перечислить хотя-бы самыя главные изъ нихъ: г-жа Чюмина производитъ ихъ щедрою рукой. Иногда трудно понять, что было причиной напр. того или другого пропуска, потому что не руководилась же г-жа Чюмина постояннымъ

желаніемъ облегчить себѣ работу, вовсе не переводя трудныхъ мѣстъ. Иной разъ приходитъ въ голову, что переводъ сдѣланъ не прямо съ итальянскаго, и что между г-жей Чюминой и Данте стоялъ какой-то отдаленный пересказъ, сдѣланный на третьемъ языкѣ. Г-жа Чюмина выпускаетъ цѣлыя фразы, иногда заключающія законченную мысль, иногда служащія только для перехода и связи отдѣльных эпизодовъ и аргументовъ. Нерѣдко исчезаютъ въ переводѣ столь поэтическія сравненія Данте, звучные и полные смысла эпитеты, чудныя лирическія изліянія и т. д. Повторяемъ, перечислить всѣхъ промаховъ и недосмотровъ г-жи Чюминой въ этой области невозможно. Напр. въ IV-ой пѣснѣ Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой — 7; въ XXVI-ой, которая, по нашему мнѣнію, переведена лучше другихъ,—7 и т. д. Въ II-ой пѣснѣ Ада, которая такъ важна для пониманія всей поэмы, цѣлыхъ 9.

Но сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣе щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова, и даже цѣлыя фразы. И очень часто это дѣлается для того, чтобы соблюсти размѣръ, дать необходимую риму и т. д. Подобнаго рода *chevilles*, болѣею частью малозначащія и даже вовсе не подходящія слова, портятъ переводъ г-жи Чюминой, дѣлаютъ его водянистымъ и иногда вульгарнымъ. Само собою понятно, что эти прибавки не служатъ къ выясненію или украшенію Дантова текста. Особою симпатіей переводчицы пользуются слова вроде—неизбѣжно, неизмѣнно, неуклонно и т. д. Довольно обычное явленіе, что одному стиху подлинника соотвѣтствуютъ въ переводѣ два или три. Попадаютъ слова и стихи, на которые рѣшительно ничто въ подлинникѣ не намекаетъ. Напр. въ Чистилищѣ II, 74 —

О призраки, доступные для зрѣнья!

Трудно догадаться, чтò соотвѣтствуетъ этимъ словамъ въ подлинникѣ. Нѣсколько ниже въ той же пѣснѣ, ст. 79—80

и обнималъ
лишь воздухъ я.

И этихъ словъ въ подлинникѣ не имѣется. Въ Чистилищѣ
IV, 4—5

Раздвоиться не можетъ
У насъ душа.

И эту фразу бесполезно искать въ итальянскомъ текстѣ. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ: въ IX-ой пѣсни Чистилища прибавленій—11; въ XIV-ой—4; въ XXII пѣсни Рая—5 и т. д.

d) Не менѣе велико число *неточностей*. Онѣ—самое больное мѣсто перевода и всего чаще возбуждаютъ мысль о какомъ-то посредникѣ между переводчицей и Данте. Перечислить ихъ всѣ заняло-бы слишкомъ много времени и мѣста; затруднительно назвать даже главнѣйшія изъ нихъ. Иногда эти неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэмѣ Данте особый отпечатокъ, нарушаютъ ея строгое единство и гармонію. Возьмемъ напр. XI-ую пѣснь Чистилища. Стихи 31—33 читаются въ подлинникѣ—

Se di là sempre ben per noi si dice,
Di quà che dire e far per lor si puote
Da quei c'hanno al voler buona radice.

У г-жи Чюминой они переданы—

О если такъ за насъ они молились,
То какъ за нихъ должны молиться тѣ,
Кто самъ стоитъ на должной высотѣ!

Въ переводѣ пропущено противопоставленіе двухъ міровъ—здѣшняго и загробнаго,—выраженное у Данте словами *di quà—di là*. Кромѣ того «стоитъ на должной высотѣ» едва ли соответствуетъ словамъ подлинника—*Da quei c'hanno al voler buona*

gadise. Въ той же самой пѣснѣ, ст. 76—78, которые читаются —

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava,

переданы у г-жи Чюминой —

и я, взглядыми ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о живописцѣ Одеризи да Губбѣо. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта, подобаетъ потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (*tutto chin andava*). Г-жа Чюмина перемѣняетъ роли, и получается невозможное положеніе. Въ третьей пѣснѣ Чистилища (ст. 112 и слѣд.) Манфредъ, король Сициліи, обращается къ Данте со слѣдующей просьбой:

Ond'io ti prego che, quando tu riedi,
Vadi a mia bella figlia, genitrice
Dell' onor di Cicilia e d'Arragona,
E dichì a lei il ver s'altro si dice.

Г-жа Чюмина переводить —

земную
Не кончивъ жизнь, вернешься ты въ родную—
Италію.

Въ русской передачѣ слова Манфреда какъ-бы получаютъ характеръ предсказанія. Въ подлинникѣ сказано безъ всякихъ обиняковъ — *quando tu riedi*, т. е. когда ты вернешься. Въ той же самой пѣснѣ послѣдній стихъ

Chè qui per quei di là molto s'avanza

переданъ у г-жи Чюминой

МОЛИТВЫ ихъ бываютъ намъ отрадны.

Дѣло не въ отрадѣ, а въ томъ, что молитвы живыхъ сокращаютъ срокъ пребыванія въ преддверіи Чистилища. Здѣсь сильно подвигаемся впередъ молитвами тѣхъ, кто тамъ, т. е. на землѣ — вотъ точная передача смысла итальянскаго стиха.

е) За неточностями слѣдуетъ *нестроный переводъ* словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Чистилище XXIX, ст. 59—60

all' alte cose
che si moveano incontra a noi si tardi,
che foran vinte da novelle spose,

у г-жи Чюминой —

Свѣтильники къ намъ приближались плавно,
Напомнивъ мнѣ походку юныхъ женъ.

Вѣрный переводъ былъ бы: (онѣ) двигались на встрѣчу намъ такъ медленно, что быстротою ихъ побѣдили бы даже *молодыя*. Далѣе, ст. 63-й —

E ciò che vien di retro a lor non guardi

у г-жи Чюминой переведенъ

Не видишь ты того, что въ немъ сокрыто.

24 старца, о которыхъ рѣчь въ этомъ стихѣ, идутъ не *въ свѣтильникахъ*, а *за ними*. Въ пѣсни XXX, стихъ 100-й

Ella, pur ferma in su la detta coscia,

т. е. она, стоя твердо на краю колесницы, у г-жи Чюминой —

Тутъ Беатриче, *выступивъ впередъ*.

Адъ VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all' alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рововъ, у г-жи Чюминой —

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Объ адскихъ вратахъ рѣчь шла много раньше!

f) Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно и неточно, г-жа Чюмина не можетъ, конечно, избѣгнуть и нѣкоторой *неясности* въ своей передачѣ. И за это читатель не поблагодаритъ: въ текстѣ Данте довольно и собственной темноты. Особенно много неясностей получается оттого, что г-жа Чюмина не заботится о точной передачѣ подлинника. При чтеніи ея работы постоянно приходится отмѣчать: неясно, потому что неточно. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Адъ VIII, 52 и слѣд. Данте высказываетъ желаніе, что бы Филиппо Ардженти пошелъ прежде, чѣмъ они перейдутъ мутныя воды —

Maestro, molto sarei vago

Di vederlo attuffare in questa broda

Prima che noi uscissimo del lago.

Въ переводѣ —

Но *прежде*, чѣмъ достигнемъ мы конца —

Промолвилъ я — *паденіе гордеца*

Увидимъ-ли, чья тѣнь въ геенну канетъ.

Какое паденье? Какая геена? Какого конца достигнуть путники? Все это неясно, потому что неточно соответствуетъ тексту. Въ Чистилищѣ, XXIV, 16—18, Данте влагаетъ въ уста Форезе Донати —

Qui non si vieta

Di nominar ciascun, da ch'è si munta

Nostra sembianza via per la dieta.

т. е. здѣсь не воспрещается называть каждаго по имени, по-

тому что голодъ почти уничтожилъ нашъ обликъ. Не назовешь человека, его нельзя будетъ узнать: мысль простая и ясная. У г-жи Чюминой стоятъ не вполне понятные стихи —

Но голодъ здѣсь такъ искажаетъ сходство,
Что всѣхъ могу назвать передъ тобой.

Послѣ первой строчки мы ожидали бы услышать: я никого не могу назвать здѣсь. Въ другихъ случаяхъ неясность зависитъ отъ пропусковъ, растянутости или невѣрнаго перевода, но мы уже не станемъ болѣе приводить примѣровъ.

IV.

Таково общее впечатлѣніе отъ перевода г-жи Чюминой. Остановимся теперь нѣсколько болѣе подробно на эпизодѣ съ Каччягвидой, котораго г-жа Чюмина напрасно называетъ Каччягвиди. Встрѣча съ предкомъ описана въ пѣсняхъ XV—XVII Рая. Каччягвида находится на планетѣ Марсъ вмѣстѣ съ другими подвижниками за вѣру. Между прочимъ Каччягвида произноситъ три длинныя тирады — о старой Флоренціи, о Флоренціи современной, и объ изгнаніи, которое выпадетъ на долю Данте. Первый отрывокъ соотвѣтствуетъ стихамъ 97—129 XV-ой пѣспи. Г-жа Чюмина передаетъ эту тираду въ 37 стихахъ своего перевода. Можно указать у ней 7 неточностей и 3 некрасиво переведенныхъ мѣста. Стихи 97—99 у Данте—

Fiorenza, dentro dalla cerchia antica,
Ond'ella toglie ancora e terza e nona,
Si stava in pace sobria e pudica.

т. е., Флоренція въ своихъ древнихъ стѣнахъ, откуда и нынѣ раздается ударъ колокола въ третій и девятый часъ, жила мирно, умѣренно и стыдливо. Рѣчь идетъ о старинной церкви (La Badia), стоявшей на древнихъ стѣнахъ Флоренціи; въ этой церкви колоколъ ударялъ третій, девятый и всѣ прочіе часы, по которымъ и рас-

предѣлялась жизнь города. У г-жи Чюминой стоитъ нѣсколько иначе —

Въ тѣ дни Флоренція простую жизнь вела
Подъ сѣнью той стѣны, гдѣ въ третьемъ и девятомъ
Часу сзывали весь народъ колокола
Къ молитвѣ и труду.

Минуя другія неточности въ стихахъ 101 — 102, 108, 112—114, 116—117 и 123, отмѣтимъ некрасивые стихи:

И не былъ превзойденъ въ то время Монтемало
Учеллатойю въ величьи и красѣ;
Лишь о веретенѣ заботились и пряжѣ;
Про Фіезоле рѣчь за прялкою вели.

Въ XVI-ой пѣсни ст. 34 — 154 Каччягвида продолжаетъ рѣчь о Флоренціи, о знатныхъ, нѣкогда процвѣтавшихъ семействахъ, о паденіи города и т. д. Этотъ отрывокъ одинъ изъ наиболѣе слабыхъ въ передачѣ г-жи Чюминой. Здѣсь можно насчитать болѣе 20 неточностей, около 17 невѣрно переведенныхъ мѣстъ, многочисленныя сокращенія и прибавки. Укажемъ нѣсколько невѣрно переданныхъ стиховъ. Въ эпоху Каччягвиды жителей во Флоренціи было въ пять разъ меньше, чѣмъ въ 1300 г., когда происходилъ разговоръ Данте и Каччягвиды. Это высчитывается тѣмъ соображеніемъ, что при Каччягвидѣ было въ пять разъ меньше людей, способныхъ носить оружіе, чѣмъ при Данте. Стихи 46—48 читаются

Tutti color ch'a quel tempo eran ivi
Da poter arme, tra Marte e il Batista,
Erano il quinto di quei che son vivi.

У г-жи Чюминой —

Всѣ тѣ, кто могъ ходить съ оружіемъ на враговъ
И оставался твердъ предъ грознымъ ихъ напоромъ,

Тѣ были пятою лишь частью горожанъ;
Стояли дома ихъ межъ Марсомъ и Соборомъ.

Пятою частью какихъ горожанъ: теперешнихъ или тогдашнихъ? Что значитъ: межъ Марсомъ и Соборомъ? Въ этихъ предѣлахъ жили древніе воины Флоренціи, или это просто граница стараго города? Передача этихъ строкъ у г-жи Чюминой и неточна, и неясна, и невѣрна. Вспоминая старинныхъ обитателей Флоренціи, Каччягвида между прочимъ называетъ фамилію Равиньяни (i Ravignani), которые жили у воротъ св. Петра —

Sopra la porta
Erano i Ravignani ст. 94—97.

По переводу выходить, что

Въ тѣ годы изъ той высокой двери
Явились. . . . когда-то Равиньяни.

Далѣе Каччягвида говорить, что всѣ знатные, происшедшіе отъ Гуго Великаго, имъ же были посвящены въ рыцарское достоинство (ст. 127—130). У г-жи Чюминой

Всѣ дворяне той земли
Отъ славнаго Гуго барона родъ вели.

Въ подлинникѣ такъ ясно:

Da esso ebbe milizia e privilegio!

Въ XVII-й пѣсни, которая переведена значительно лучше двухъ предыдущихъ, Каччягвида предсказываетъ Данте его судьбу (ст. 43—92). Это едва ли не самые извѣстные стихи изъ всего произведенія: какой писатель, какой ораторъ не цитировалъ ихъ! Поэтому здѣсь мы вправѣ требовать отъ переводчика наибольшаго старанія и внимательности. И ожиданія наши почти обмануты г-жей Чюминой! Въ пятидесяти строкахъ у ней 11 неточностей, 3 прибавки, 1 сокращенье, 4 некрасивыхъ стиха и

1 невѣрно переведенное мѣсто. Стихи о ничтожныхъ спутникахъ Данте —

E quel che più ti graverà le spalle
Sarà la compagnia malvaggia e scempia,
Con la qual tu cadrai in questa valle,
Che tutta ingrata, tutta matta ed empia
Si farà contra te; ma poco appresso
Ella, non tu, n'avrà rossa la tempia.
Di sua bestialitate il suo processo
Farà la prova, si che a te fia bello
Averti fatta parte per te stesso.

у г-жи Чюминой —

Но будетъ бременемъ несноснѣйшимъ изъ всѣхъ
Собраніе людей пустыхъ и тупоумныхъ;
Они, за доброту отплачивая зломъ,
Возстанутъ на тебя въ стремленіяхъ безумныхъ,
Но съ окровавленнымъ останутся челомъ (?).
Нихъ грубость худшее для нихъ же осужденіе,
По счастію отъ нихъ ты будешь въ отдаленіи.

Стихи о чужомъ хлѣбѣ и чужой лѣстницѣ —

Tu proverai sì come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e il salir per l'altrui scale —

у г-жи Чюминой —

И ты извѣдаешь, какъ хлѣбъ чужой намъ солонъ,
И какъ дорога намъ бываетъ тяжела
По лѣстницамъ чужимъ, когда печали полонъ
Спускаться долженъ ты и восходить по нимъ.

V.

Мы полагаемъ, что на предыдущихъ страницахъ собрано достаточно матеріала, чтобы судить о переводѣ г-жи Чюминой. По-

этому считаемъ излишнимъ останавливаться на анализѣ другихъ пѣсенъ поэмы, особо важныхъ для ея пониманія. (Напр. Адъ I—II, послѣднія пѣсни Чистилища и т. д.). Мы читали переводъ г-жи Чюминой съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, но впечатлѣніе было вездѣ одинаковое, не вполне благопріятное для переводчицы. Не хотимъ, однако, огульно осуждать ея работу. Справедливость требуетъ указать, что есть не мало мѣстъ, переданныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переведенныя значительно лучше другихъ: напр. Рая XVIII, XIX, XX, XXI, Чистилища пѣснь XXVI-ая и т. д. Есть много удачныхъ переводовъ отдѣльныхъ стиховъ и тирадъ. Напр. Чистилища XXVII, 109—111

Забрежжило межъ тѣмъ зари мерцанье,
 Которое тѣмъ путнику милѣй,
 Чѣмъ ближе онъ къ родной землѣ своей.

И такихъ недурныхъ мѣстъ можно было бы указать очень много.

Да и вообще не слѣдуетъ забывать мудраго изрѣченія—

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.

Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, нужны рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Переводъ можетъ выйти не всегда удачнымъ, но затрата силъ и энергіи никогда не теряется вполне. Г-жа Чюмина даетъ читателю неточный образъ великаго поэта, но очень и очень многое о трехъ царствахъ загробнаго міра можно узнать и при ея посредствѣ. Вотъ почему мы полагаемъ что Академія поступить вполне справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой *достойной почетнаго отзыва*.

Приватъ-доцентъ С.-Петерб. Университета

Д. К. Петровъ.

Очерки 25/26 Августа 1905.

III

Эдуардъ III. Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ В. С. Лихачева.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитрое, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подѣлу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполнѣ, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ не много. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь риторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сд. 1, ст. 111 сл.; д. II, сд. 2, ст. 432 сл.¹⁾) даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлин-

1) Цитата по изданію King Edward III, revised and edited etc. by K. Warnke and L. Proescholdt, Halle, 1886.

никѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы передача слѣдующаго мѣста, быть можетъ, самаго красиваго въ произведеніи (д. I, сд. 2, ст. 141—161):

Let not thy presence, like the Aprill sunne,
 Flatter our earth, and sodenly be done.
 More happe do not make our outward wall,
 Then thou wilt grace our inner house withall.
 Our house, my liege, is like a Country swaine,
 Whose habit rude and manners blunt and playne
 Presageth nought; yet inly beautified
 With bounties riches and faire hidden pride.
 For, where the golden Ore doth buried lie,
 The ground, vndeckt with natures tapestrie,
 Seemes barrayne, sere, vnfertill, fructles, dry;
 And where the vpper turfe of earth doth boast
 His pide perfumes and party — colloured cost,
 Delue there, and find this issue and their pride
 To spring from ordure and corruptions side.
 But, to make vp my all too long compare,
 These ragged walles no testimonie are,
 What is within; but, like a cloake, doth hide
 From weathers Waste the vnder garnisht pride.
 More gracious then my tearmes can, let thee be;
 Intreat thy selfe to stay a while with mee.

Г. Лихачевъ переводить это мѣсто такъ:

Не будь же, государь, апрѣльскимъ солнцемъ,
 Что землю приласкаетъ и исчезнетъ!
 Наружныхъ стѣнъ коснулся отблескъ твой —
 Такъ пусть же онъ и внутреннихъ коснется.
 Нашъ домъ на простолюдина похожъ:
 Подъ грубой, неприглядной оболочкой,

Такъ мало общающей, таясь
 Сокровищница доблести завѣтной.
 Гдѣ золото въ землѣ погребено,
 Тамъ почва лишена красы природной,
 И кажется засохшей и безплодной;
 А гдѣ благоуханной пестротой
 Тщеславится земля — снимите слой:
 Увидите, что все ея цвѣтенье —
 Гнѣющихъ нечистотъ произведенье.
 Безъ дальнихъ словъ, по виду стѣнъ моихъ
 Нельзя судить о внутренности ихъ;
 Какъ въ непогоду плащъ, онѣ защитой
 Лишь служатъ для красы, за ними скрытой.
 Такъ помоги же мнѣ, властитель мой,
 Склонить тебя чтобъ побылъ ты со мной!

Если бы не было необычнаго ударенія простолюдина, переводъ нельзя было бы не признать безукоризненнымъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ переводѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сц. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ. Эту затѣю г. Лихачевъ вполне воспроизвелъ въ двухъ мѣстахъ — въ дѣйствіи II, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (ст. 155, сл.): And let me have her likened to the sun etc. и въ словахъ графини (ст. 222 сл.) If on my beauty etc., но оставилъ безъ вниманія не менѣе яркій образецъ въ томъ же дѣйствіи, сц. 1, въ монологѣ Людовика: If she did

blush, twas tender modest shame etc., (ст. 14 сл.), а также въ дѣйствіи IV, сц. 4 въ словахъ принца (ст. 149, сл.): Ah, good oldeman etc., гдѣ нѣсколько разъ поставлены въ концѣ стиха life и death, и не вполне воспроизвелъ въ отвѣтѣ графини въ дѣйствіи II, сц. 1: As easie may etc. (ст. 235, сл.).

За то г. Лихачевъ отлично передаетъ другія изощренія автора. Нельзя, напримѣръ, не признать очень удачно переведенными слѣдующія мѣста:

(д. II, сц. 1, ст. 151—153):

I did not bid thee talke of chastitie,
To ransack so the treasure of her minde:
For I had rather haue her chased, then chast.

Г. Лихачевъ переводитъ такъ:

Скромнѣй! Я не велѣлъ тебѣ копать
Въ ея душѣ. Мнѣ было бы пріятнѣй
Скромницу, чѣмъ скромницу въ ней видѣть.

Тоже дѣйствіе, сц. 2 (ст. 31—34):

Audley. I haue, my liege leuied those horse and foote
According to your charge, and brought them hither.

King. Then let those foote trudge hence vpon those horse
According to our discharge, and be gone.

Въ переводѣ г. Лихачева:

Одлей. По вашему приказу, и пѣхота
И конница готовы, государь.

Эдуардъ. По нашему отказу, пусть пѣхота
На четырехъ ногахъ обратно скачетъ.

Пропускъ въ переводѣ сдѣланъ г. Лихачевымъ только одинъ. Въ д. I, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (передъ входомъ Монтегю) пропущена фраза: Now, Lords, our fleeting Barke is vnder sayle (ст. 118).

Наоборотъ, въ д. III, ст. 2, въ словахъ 2-го француза (ст. 5, сл.) переводчикъ отъ себя прибавляетъ:

не переѣзъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Вставка эта, однако, вызвана желаніемъ передать игру словъ подлинника:

One. What, is it quarter-daie that you remoue
And carrie bag and baggage too?

Two. Quarter-day? I, and quartering day, I feare etc.

Г. Лихачевъ переводить эту игру словъ слѣдующимъ образомъ:

1 фр. Иль нынче день завѣтный —

Изъ дома въ домъ обычный переѣздъ?

2 фр. Да, переѣздъ! Боюсь, не переѣзъ бы

Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Это отклоненіе самое крупное изъ всѣхъ, какія дозволилъ себѣ г. Лихачевъ. Оно не служитъ въ ущербъ переводу, но наглядно свидѣтельствуетъ, съ какой добросовѣстностью переводчикъ относился къ своей работѣ.

А. Гиляровъ.

IV.

Е. Милицына. Разсказы. I. 1905. Москва.

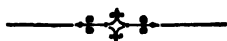
«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачастую и общій прикрашенный колоритъ, и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разсказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же здѣсь мы находимъ любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затаеннаго, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, не только близко знакомаго съ этою жизнью, но, видимо, съ нею сжившагося, все это разнообразіе сводится къ такимъ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, которыя, почти опостыли въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни его серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ отъ безплодной сентиментальности, отъ унынія жестокой канители, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разсказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни у насъ доселѣ стоятъ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, и еще никому не удалось представить въ новѣйшей русской литературѣ новыхъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ народной жизни, художественныхъ опытовъ. Въ разсказахъ Милицыной мы встрѣчаемъ, однако, рядъ попытокъ заглянуть въ эти интимныя сто-

роны народной души, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ авторъ пытается раскрывать эти внутреннія стороны душевной жизни, построены въ интеллигентныхъ сферахъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками: преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ обычными приёмами фельетоновъ: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и т. п.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью искренняго чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сентиментальности, нервнаго надрыва и другихъ приёмовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполне справедливымъ удостоить книгу разсказовъ Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Н. Кондаковъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 6.

Н. Лихачевъ.

ПИСЬМО ПАПЫ ПІЯ V
КЪ
ЦАРЮ ИВАНУ ГРОЗНОМУ
ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ
О ПАПСКИХЪ БРЕВЕ.

(ЭТЮДЪ ПО ДИПЛОМАТИКЪ ПАПЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *О. Виденбургъ*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

УЧРЕЖДЕНІЯ ПОСТА УЧЕНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ВЪ РИМѢ.

Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве.

(Этюдъ по дипломатикѣ папѣ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ счастливый случай далъ мнѣ возможность пріобрѣсти интересный документъ, касающійся сношеній Россіи съ Римомъ во время папы Пія V.

7-го января 1566 года на папскій престолъ былъ избранъ Михаилъ Гизлери, принявшій имя Пія V. Обновившійся въ страстной борьбѣ съ потрясшимъ его протестантствомъ, католицизмъ выставилъ одного изъ своихъ передовыхъ бойцовъ. Піи V ушелъ въ монастырь мальчикомъ; монахъ не по стеченію обстоятельствъ, а по глубокому внутреннему влеченію, онъ быстро прославился чистотою жизни и аскетизмомъ. Удары, постигшіе католическую церковь, отразились на юношѣ — изъ аскета, поглощенного мечтами о царствіи небесномъ, выковался пламенный борецъ за земное царство намѣстника Христа. Воинствующимъ монахомъ остался Піи V и на папскомъ престолѣ. Изможденный старецъ съ длинной, бѣлой какъ снѣгъ бородою — онъ обладалъ юношеской энергіей и не зналъ колебаній. Мѣры по исправленію клира католической церкви, мѣры противъ распространенія ересей принимались съ необыкновенной быстротой и горячностью. Въ борьбѣ за престижъ папской власти новый папа не зналъ компромиссовъ — онъ готовъ былъ вызвать на бой цѣлый міръ. Проявляя кипучую дѣятельность въ самымъ разнообразныхъ сферахъ, Піи V особенно былъ занятъ идеей всеобщаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. Совершенно понятно, что мысль присоединить къ лигѣ Европейскихъ влѣстителей могу-

щественнаго московскаго царя въ это время получила особенное развитіе, тѣмъ болѣе, что вернувшійся изъ Польши въ 1568 году папскій нунцій Джуліо Руджіери въ своемъ отчетѣ засвидѣтельствовалъ враждебность царя къ лютеранству¹⁾. Піи V поручилъ папскому нунцію въ Польшѣ Винченцо даль Портико войти въ сношеніе съ Московскимъ государемъ и, буде возможно, принять на самого себя посольскую миссію къ Ивану Грозному. Посольство это, какъ извѣстно, не состоялось, ему противодействовало польское правительство, да и самъ нунцій, напуганный рассказами о свирѣпости тирана Московіи, постарался убѣдить папское правительство въ несбыточности его проекта. Отъ предполагавшагося посольства осталось лишь нѣсколько документовъ по перепискѣ Рима съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ и сохранился текстъ посланія папы къ царю. Этотъ текстъ напечатанъ Тейнеромъ по подлиннымъ регистрамъ Ватиканскаго архива въ довольно громоздкомъ изданіи, посвященномъ польской исторіи²⁾ и ни разу не былъ переизданъ въ русскихъ сборникахъ. Посланныкомъ папскимъ поименованъ самъ папскій нунцій: «Vincentius Porticus Notarius noster et apud Serenissimum Poloniae Regem noster ac Sedis Apostolicae Nuncius». Мнѣ удалось по печатному каталогу одного неаполитанскаго антиквара (Casella) купить самый оригиналъ папскаго письма, адресованнаго къ московскому царю. Въ виду чрезвычайной рѣдкости и историческаго интереса подобнаго дипломатическаго подлинника прилагаемъ фототипическій снимокъ (см. таблица I) и печатаемъ текстъ посланія:

✠. Pius PP. V. ✠.

Dilecte fili, nobilis vir, salutem et apostolicam benedictionem.
Non dubitamus in Nobilitatis tuae notitiam perlatam esse, quali

1) P. Pierling (S. J.): «La Russie et le Saint-Siège», t. I (1896), 383 и слѣд.

2) A. Theiner: «Vetere monumenta Poloniae et Lituaniae». Tomus secundus (Romae. 1861. In folio), № DCCXCVI, p. 748—749. Помѣта источника: «Ex Reg. orig. An. V. Brev. Tom. XV, fol. 195».

quantoque maritimarum terrestriumque copiarum apparatu immatissimus Turcarum tyrannus bellum hoc anno contra Rempublicam Christianam gerendum suscepit, immo potius hoc ipso tempore iam gerat, cum et¹⁾ maxima classe instructa Cyprum Venetorum insulam oppugnet et ingentibus quoque terrestribus copiis comparatis Christianae ditionis Regnis atque Imperio interitum atque exitium minitetur. Quibus tot tantisque periculis nobis et huic Sanctae Sedi Apostolicae et uniuersae Christianorum Reipublicae impendentibus commoti, necessarium esse duximus Reges omnes ac Principes Christianos ad ineundum aduersus communem hostem nobiscum foedus excitare, ut enim eorum uires disiunctas atque dispersas potentissimorum Turcarum uiribus pares esse non posse intelligimus; ita coniunctas et consociatas non desperamus, eiusdem atrocissimae gentis uim atque impetum frangere posse: cuius quidem consilii nostri auctoritatem Charissimus in Christo filius Hispaniarum Rex catholicus et dilectus itidem filius nobilis uir²⁾ Aloisius Venetiarum Dux, Senatusque Venetus secuti, nobiscum per procuratores suos foedus aduersus eundem Turcarum tyrannum inierunt, speramusque serenissimum Maximilianum, Ungariae³⁾ ac Bohemiae regem, in Imperatorem electum et charissimum nobis in Christo filium, Carolum, Regem Francorum⁴⁾, paternis nostris hortationibus excitatos in eiusdem foederis societatem esse uenturos. Ad huius autem sanctissimi gloriosissimique foederis societatem uisum nobis est Nobilitatem quoque tuam inuitare, illam, prout hisce nostris litteris facimus, hortantes, ut arma, quibus se populosque sibi subiectos Deus omnipotens tantopere excellere voluit, pro Christianorum communis salutis defensione aduersus Turcas nobiscum et cum coeteris christianis Principibus capere uelit: quod si fecerit, speramus, quae tua populorumque tibi subditorum militaris est uirtus ac potentia, magnas nobis esse

1) Въ текстѣ Theiner'a — союзъ «et» пропущенъ.

2) Ibidem — «poster» вмѣсто «nobilis vir».

3) Ibidem «Hungariae».

4) Ibidem «Francorum regem».

accessuras vires ad comunis¹⁾ omnium christianorum hostis impetum ac vires debilitandas ac labefactandas: quanta enim sit potentiae tuae magnitudo, quanta sit gentis tuae in militaribus rebus fortitudo, non ignoramus. Quam quidem ad rem primum innata sibi verae gloriae cupiditas Nobilitatem tuam hortari, deinde propria etiam utilitas impellere debet: fallitur enim Nobilitas tua, si existimat audissimam dominandi Turcarum gentem, nisi omnibus prius Regnis ac Potentatibus uel deletis, uel miserrima seruitute oppressis, unquam esse quieturam: hoc illi unum semper propositum fuit, hoc semper spectauit, et spectat, ut omnes quae ubique terrarum sunt nationes, omnia Regna, omnesque Principatus importuna quadam regnandi cupiditate in suam redigat seruitutem. Itaque nullum est in Occidentis partibus Regnum, nullus Potentatus quem non spe iam et cogitatione inuaserit atque subegerit: nam quia Christianos inter se Principes nunquam consensuros esse existimat, idcirco facile putat omnium illorum Regna ui atque armis sibi uindicare, et dum aliquibus Principibus bellum inferens, cum aliis interim amicitiam simulat, omnes opprimere et de medio tollere uult. Tibi autem populisque tuae ditioni²⁾ subiectis eo magis ab ea gente periculum impendet, quo ab illius Imperio propius abes. Quae cum ita sint, Nobilitatem tuam hortamur, ut in praedicti foederis societatem uenire, et aduersus communem hostem Turcarum tyrannum communi consilio atque armis pium bellum gerere uelit, potius quam omnibus Regnis per eum sublati, dum ad se quoque eiusdem incendii flamma perueniat, expectare. Quia uero certiores facti sumus, Nobilitatem tuam aliquando in animo habuisse huius Sanctae Romanae Ecclesiae proprium Religionis cultum amplecti, idcirco pollicemur ei³⁾, nos si id fecerit, nulla paternae nostrae erga se uoluntatis indicia praetermissuros et quibuscunque⁴⁾ cum Domino

1) Ibidem—«communis».

2) Ibidem — «ditionis» (!).

3) Ibidem — «ei pollicemur».

4) Ibidem — «quibuscumque».

poterimus officiis nostram illi benevolentiam declaratu¹⁾ros¹⁾, quem-
admodum Nobilitati tuae copiosius explicabit dilectus fi-
lius²⁾ [.]: quem ad Nobilitatem tuam dedita opera ue-
nire uoluimus: cuius orationi super omnibus quae sibi exponet,
eandem fidem adhibeat³⁾, quam nobis, si praesentes cum ea loque-
remur, adhiberet, Nobilitatem tuam rogamus. Datum Romae apud
S. Petrum sub annulo Piscatoris die IX. Augusti. M. D. LXX.
Pontificatus Nostri Anno Quinto.

~: T. Aldobrandinus :~

Текстъ, напечатанный Тейнеромъ, имѣетъ лишь вербаль-
ныя отличія, изъ коихъ главныя — «noster» вм. «nobilis vir»;
«dictioni» вм. «ditioni»; «declaramus» вм. «declaratu¹⁾ros» и «ut
habeat» вм. «adhibeat», при чемъ, думается, разночтеніямъ
нашего документа надо вездѣ отдать полное преимущество.
Гораздо важнѣе пропускъ въ описываемомъ оригиналѣ имени
посла (оставлено пустое пространство) и отсутствующая у Тей-
нера подпись: «T. Aldobrandinus». Въ настоящемъ состояніи
акта онъ является незаконченнымъ бланкомъ, что вполне объ-
ясняется словами папской инструкціи Винченцо даль Портико,
которому предлагалось отправиться въ Москву, если онъ най-
детъ это удобоисполнимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено
было право избрать вмѣсто себя иного посла. Вотъ почему въ
подлинномъ документѣ и былъ оставленъ пробѣлъ для имени. Что
нашъ документъ оригиналъ объ этомъ свидѣтельствуетъ подпись:
«T. Aldobrandinus».

Осма Альдобрандини, скончавшійся въ молодыхъ годахъ,
ученый эллинистъ и тонкій знатокъ латинскаго языка, былъ од-
нимъ изъ папскихъ секретарей. Несмотря на молодость, онъ занялъ

1) Ibidem — «declaramus».

2) Далѣе оставлено мѣсто для вписанія имени посланнаго. Въ текстѣ у
Theiner'a имя это вписано: «Vincentius Porticus Notarius noster et apud Sere-
nissimum Poloniae Regem noster ac Sedis Apostolicae Nuncius».

3) Ibidem — «ut habeat».

въ 1568 году важный постъ секретаря папскихъ бреве, то есть сталъ редакторомъ «латинскихъ писемъ»¹⁾. Тейнеръ называетъ печатаемые имъ акты — «epistolae», въ самомъ текстѣ папа пишетъ «prout hisce nostris litteris facimus» и мы озаглавили описываемый документъ письмомъ, но тѣмъ не менѣе обычное названіе такого папскаго письма есть — бреве. Тейнеръ и напечаталъ его по подлиннымъ реэстрамъ бреве — «Ex Reg. orig. An. V. Brev. Tom. XV, fol. 195». До сихъ поръ иногда встрѣчается формула — бреве *или* письма²⁾, но это не совсѣмъ такъ. Надо избѣгать отождествленія, потому что существуютъ во первыхъ папскія письма на бумагѣ, съ подписью самого папы, и во вторыхъ въ дипломатикѣ извѣстенъ особый родъ «litterae latinae» («lettres latines») — жалованныхъ и льготныхъ грамотъ, составленныхъ на основаніи суппликъ, поданныхъ папѣ. Такія по термину французскихъ дипломатистовъ, «les signatures en cour de Rome» редактировались «in stylo curiae» — на основаніи суппликъ, заслушивались въ особой постоянной комиссіи съ папой во главѣ и подписывались или самимъ папой словами

1) «Philippi Bonamicii de claris pontificiarum epistolarum scriptoribus» (Ed. II. Romae. 1770. 8°), стр. 254—255. Бонамичи приводитъ любопытное письмо, обрисовывающее важность поста, занятаго Альдобрандини: «All' Aldo brandino. Molto magnifico e reverendo signor come fratello. Veramente che il dolore che ho sentito de la perdita di Messer Giulio Poggiano, si è molto ben consolato dalla nuova, che hebbi dipoi dell'elezione, che haveva fatto N. Signore della persona di V. S. per suo secretario de'Brevi. Di che io ho sentito singular contento, cosi per l'onore, che ne viene a V. S. e per il testimonio, che ha dato Sua Santità dell'opinione, che tiene de la molta virtù sua, come per servizio di quel loco importantissimo a la dignità di cotesta Santa Sede. Me ne rallegro con V. S. e con i fratelli suoi; a i quali ho sempre e desiderato e sperato ogni grandezza per il valore e meriti loro; e lei ringrazio de l'amorevole lettera sua, e de l'avviso, che ha voluto essa stessa darmi di ciò, e me le offero e raccomando. Di Vienna alli 28 di Dicembre 1568» (въ I изд. 1753 года, см. стр. 264).

2) Въ старыхъ сочиненіяхъ даже въ формѣ поясненія. Напримѣръ: «In questo tempo scrisse il Papa li 15 di Giugno al Prete Gianni Re ed Imperator d'Etiopia una Lettera o Breve, il quale si conserva in originale presso de' nostri Carmelitani scalzi di S. Girolamo...» (Antonio Frizzi: «Memorie per la storia di Ferrara», t. III (Ferrara. 1793. 4°), p. 434). Jacobus Cœhellius: «Notitia cardinalatus» (Romae. 1658), въ указателѣ: «Brevia appellantur litterae Apostolicae».

«*fiat ut petitur*» съ прибавленіемъ первой буквы имени папы, которое онъ носилъ до вступленія на престолъ¹⁾, или въ неважныхъ случаяхъ уполномоченнымъ отъ папы прелатомъ, писавшимъ — «*concessum ut petitur in praesentia domini nostri papae*» съ прибавленіемъ собственной подписи²⁾. Объ этихъ *signatures en cour de Rome* мы будемъ потомъ говорить подробно.

Общее наименованіе папскихъ документовъ «*litterae apostolicae*» распространялось и на отдѣльные виды актовъ, поэтому и бреве являются «*litterae apostolicae in forma brevis*», какъ это неоднократно и печаталось въ оригинальныхъ изданіяхъ подобныхъ памятниковъ³⁾. Такъ какъ при этомъ «*litterae*» и «*epistola*» въ дипломатическомъ отношеніи отнюдь не тождественны, то тѣмъ болѣе оснований строго разграничить употребленіе терминовъ «бреве» и «письмо».

Терминъ «бреве» специализовался въ концѣ среднихъ вѣковъ для закрытыхъ папскихъ распоряженій и писемъ. Самое происхожденіе термина ясно (отъ «*brevis*», «*breve*»), но прилагался онъ

1) См. A. Giry: «*Manuel de Diplomatique*» (P. 1894. 8°), стр. 702: «On peut donc définir la signature de Cour de Rome un rescrit sur papier, dépourvu de sceau...». Въ актѣ повторяется содержаніе суплики, обыкновенно начинающейся обращеніемъ «*Beatissime pater*»; въ самомъ концѣ акта выставлена дата по способу отличному и отъ датировки буллъ и отъ датировки бреве — безъ имени папы и безъ означенія года отъ Р. X. Напримѣръ — «*dat. Rome apud Sanctum Petrum pridie id. Julii anno tertio*». Старѣйшіе документы этого рода относятся, какъ утверждаетъ Giry, ко времени папы Сикста IV (1471—1484), образецъ отъ 10 іюня 1472 года воспроизведенъ въ изданіи «*Recueil de Fac-Similés à l'usage de l'École des chartes*», (II fasc.), № 67.

2) Другой прелатъ ставилъ свою надпись надъ текстомъ акта (подобные акты XVI ст. верѣдки и, между прочимъ, имѣются въ моемъ собраніи).

3) Напримѣръ — легучее изданіе: «*Litterae apostolicae in forma brevis concessae serenissimo principi et illustrissimo Dominio Venetorum circa facultatem Judicibus saecularibus attributam iudicandi contra Clericos, atrociter delicta committentes*» (на заглавномъ листѣ картушь съ гербомъ папы и годъ «*M. D. XLII*», мѣста печати нѣтъ, едва ли не Венеція, плакетъ in 4°, 3 нумер. стр.) — содержитъ бреве папы Павла III, адресованное «*Dilecto filio Nobili viro Petro Lando Duci Venetiarum*» и датированное — «*Datum Romae apud Sanctum Petrum sub anulo Piscatoris di. XXVIII. Octobris. M. D. XLII. Pont. nostri anno octavo*».

съ весьма ранняго времени къ нѣсколькимъ видамъ документовъ¹⁾. Два основныхъ типа актовъ, общіе всей Европейской дипломатикѣ, — «*litterae patentes*» («грамоты отворчатыя») и «*litterae clausae*» (*lettere chiuse, lettres closes*—«грамоты затворчатыя»), надо думать, употреблялись и папской канцеляріей съ глубокой древности, но относительно второго типа, то есть закрытыхъ писемъ, замѣчается недостатокъ свѣдѣній въ первоисточникахъ и отсутствіе старѣйшихъ оригиналовъ по причинѣ конечно того обстоятельства, что подобныя «*litterae*» отнюдь не содержали въ себѣ конституцій для всеобщаго свѣдѣнія и *ad perpetuam rei memoriam*, почему и хранились далеко не тщательно²⁾.

1) Подробно объ этомъ — С. Paoli: «*Programma scolastico di Paleografia latina e di Diplomatica*», III. *Diplomatica* (Firenze. 1898. 8°).

2) *Litterae clausae* старѣйшаго періода (почти что вплоть до XIV вѣка) вообще представляютъ большую рѣдкость; сохранилось ихъ весьма незначительное число. См. W. Wattenbach: «*Das Schriftwesen im Mittelalter*» (Leipzig. 1896. 3 A.), p. 201 (отмѣчаетъ письмо 1180 года, изданное фототипіей Sickel'омъ въ «*Monumenta Graphica*»); Gersdorf: «*Einige in der Universitätsbibliothek neuerdings aufgefundene Originalbriefe aus dem Anfange des 14 Jahrhunderts*» — (въ «*Berichte über die Verhandlungen der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*», B. XXIV. 1872—стр. 91—102)— описалъ пять (и далъ плохой автограф. снимокъ съ двухъ изъ нихъ) подлинныхъ писемъ на пергаментѣ, найденныхъ имъ приклеенными къ деревянному переплету рукописи XII столѣтія. L. Schmitz — въ «*Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*» [Band XXIV (1903), № 3] статью свою «*Zwei Original-Briefe von c. 1188*» начинаетъ словами: «*Originale geschlossener Briefe haben sich bekanntlich aus dem früheren Mittelalter nur wenige erhalten. Aus dem 12. Jahrhundert sind bisher nur zwei Stück bekannt geworden, die der Zeit Friedrichs I angehören; und hier ist es noch nicht endgültig entschieden, ob man es tatsächlich mit Originalen zu tun hat*». L. Schmitz подробно изслѣдовалъ способъ запечатанія найденнаго имъ (въ архивѣ въ Coesfeld) письма Конрада, архіепископа Майнцскаго. Письмо это, относящееся ко времени около 1188 года, было свернуто маленькимъ пакетомъ (3 × 5 сант.) и запечатано пергаментной ленточкой, пропущенной черезъ проколы, сдѣланные сквозъ толщю пакета. На концахъ ленточки очевидно была привѣшена печать. Ни ленты, ни печати не сохранилось. L. Schmitz — говоритъ: «*jedenfalls haben wir in dem Schreiben des Erzbischofs Konrad von Mainz an den Bischof Hermann von Münster einen der ältesten, wenn nicht sogar den ältesten bisher bekannt gewordenen im Original erhaltenen geschlossenen Brief vor uns, und darin beruht in erster Linie seine Wichtigkeit*» (p. 352). Авторъ приложилъ фототипію письма какъ въ развернутомъ, такъ и въ сложенномъ видѣ. Имѣются однако документы и болѣе

Упомянутія о закрытыхъ и открытыхъ папскихъ документахъ мы найдемъ еще въ началѣ XIV столѣтія. Такъ въ 1317 г. Упсальскій каноникъ Nicholaus Sigwasti привезъ: «...Unam lit-

древніе (только не частныя). Въ 1867 году Sickel замѣтилъ, что до насъ не дошло ни одного закрытаго письма эпохи Каролинговъ, въ 1901 году въ «Mélanges d'Archéologie et d'Histoire» (XXII а. № 2—3) Joseph Calmette въ статьѣ «Une lettre close originale de Charles le Chauve», указавъ что съ 1867 года въ литературѣ не появилось ничего, что бы замѣнило утверждение знаменитаго дипломатиста, пишетъ: «le document que je publie aujourd'hui est précisément une lettre close de Charles le Chauve empereur, dont j'ai eu la bonne fortune de retrouver l'original, inédit et parfaitement conservé, aux archives de la cathédrale de Barcelone». Драгоцѣнное письмо относится ко времени около 876 года и представляетъ сравнительно небольшой и неправильной формы кусокъ пергамента, который былъ сложенъ въ нѣсколько разъ въ небольшой пакетъ. На оборотѣ документа адресъ въ двѣ строки: «omnibus Barchinonensibus reculigibus nostris», расположенный по обѣ стороны пакета. Авторъ подробно описываетъ способъ запечатанія: «Sur la foi d'un texte, Sickel avait admis que les lettres closes carolingiennes devaient être fermées à l'aide d'un fil scellé, comme le montrent des actes postérieurs émanés de la chancellerie apostolique. La conjecture est confirmée par l'examen de notre spécimen et même par la simple inspection du facsimile (verso). Serré contre le parchemin aux deux faces apparentes après le pliage, le fil a laissé une trace continue et fort visible entre les deux lignes dont se compose de part et d'autre l'adresse». Это описаніе однако несовсѣмъ ясно и не сходится ни съ запечатываніемъ папскихъ бреве нитью съ свинцовой буллой, ни съ запечатаніемъ позднѣйшихъ lettres closes, описаннымъ А. Giry (I. с., pp. 780—781). Замѣтка J. Calmette подверглась критикѣ въ «Bibliothèque de l'École des Chartes» (LXIII, № 5—6) — въ статьѣ Ph. Lauer'a: «Lettre close de Charles le Chauve pour les Barcelonais», который, указавъ, что документъ былъ уже, и при томъ дважды, напечатанъ, остроумно подмѣтилъ фальсификацію письма, послужившую къ его сохраненію. Авторъ не сомнѣвается въ томъ, что это дѣйствительно закрытое письмо, но указываетъ на другой примѣръ въ «Kaiserurkunden in Abbildungen», на письмо Людовика Благочестиваго, изданное факсимиле Зибелемъ и Зиккелемъ (I, № 7 а), которое I. Calmette называлъ просто mandement съ оттѣнкомъ сомнѣнія въ его подлинности (какъ оригинала). Ph. Lauer говоритъ: «le mode de pliage et de fermeture (avec un fil scellé) de ces lettres est assez semblable à celui des lettres pontificales postérieures». И въ актѣ, фототипированномъ въ «Kaiserurkunden» я не вижу прорѣзовъ, столь характерныхъ для папскихъ закрытыхъ писемъ. Joseph Calmette отвѣтилъ въ Bibliothèque de l'École des Chartes, t. LXIV (1903), № 3—4, pp. 329—334. Въ подлинности письма Людовика Благочестиваго онъ убѣдился, фальсификаціи же письма Карла Лысаго не признаетъ и убѣжденъ въ подлинности приписки. Это доказываетъ лишній разъ, что и въ Западно-Европейской дипломатикѣ палеографическіе признаки не вполне изучены и еще возбуждаютъ споры и сомнѣнія.

*teram bullatam cum filo de serico... item aliam litteram bullatam cum filo canapis... Item tres litteras clausas ad reges Dacie, Svecie et Norvegie...*¹⁾. Къ 1320 году относится, напримѣръ, такое извѣстie: «*Legatio regni Dacie. Die 18. Dec. (anno 1320) fuerunt tradite et assignate 16 littere bullate aperte et 2 clause Bernardo de Montealrano.... apostolice sedis nuntio in regno Dacie deputato, que due clause regi Dacie diriguntur, et iuravit secundum formam consuetam...*»²⁾. Очевидно, что рядомъ съ обычными буллами за свинцовыми печатями папы посылали, хотя и въ гораздо меньшемъ количествѣ, документы въ формѣ запечатанныхъ писемъ.

Канцелярія папъ по устойчивости своихъ дипломатическихъ традицій является едва-ли не консервативнѣйшей въ мірѣ; тѣмъ не менѣе многовѣковая дѣятельность не могла конечно выражаться все время въ однихъ и тѣхъ же формахъ. Несравненная важность актовъ папской дипломатики, охватывавшей весь міръ, не могла не вызвать особаго вниманія ученыхъ дипломатистовъ, которые путемъ тщательныхъ изслѣдованій подраздѣлили исторію ея на нѣсколько періодовъ³⁾. Последнимъ по времени періодомъ является эпоха начиная съ папы Евгенія IV, то есть съ 1431 г. При этомъ папѣ выдѣлились новые виды документовъ и вмѣстѣ съ старыми типами стали кристаллизоваться съ такой несокрушимой прочностью, что большею частью сохранили свою форму до настоящаго времени.

Папскіе документы на открытыхъ листахъ принято называть вообще буллами отъ вислой свинцовой печати — буллы,

1) См. L. Moltesen: «Acta pontificum Danica», I Bind. — 1316—1378 (Köbenhavn. 1904. 8°), № 15: «Legatio Dacie, Svecie et Norvegie regnorum. Magister Nicholaus Sigwaсти canonicus Upsalensis fuit missus ad partes regnorum predictorum pro fructibus beneficiorum vacantium colligendis per triennium et portavit litteras infrascriptas die 11. Jul. (anno 1317)....».

2) Ibidem, № 81, p. 37.

3) Корни папской дипломатики доходятъ до эпохи римской имперіи и соприкасаются съ дипломатикой Византіи (вопросъ о внѣшней формѣ древнѣйшихъ буллъ, палеографическихъ ихъ признакахъ и употребленіи свинцовыхъ печатей). Косвенное вліяніе папской дипломатики можно подмѣтить въ разнообразныхъ областяхъ дипломатики западно-европейской.

которая обычно скрѣпляетъ подобные акты. Происхожденіе названія очень древнее, такъ какъ подлинныя свинцовыя печати папъ дошли до насъ отъ VII—VIII вв., но въ смыслѣ наименованія документовъ оно едва ли древнѣе XIII столѣтія. Булла является основной папской печатью¹⁾ и типъ ея видоизмѣнялся нѣ-

1) Издавая «Снимки древнихъ русскихъ печатей» (вып. I. М. 1880. 4°), Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ помѣстилъ свѣдѣнія объ иностранныхъ государственныхъ печатяхъ, извлеченныя изъ официальныхъ отвѣтовъ на запросы Россійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Относительно папскаго престола читаемъ: «Le Saint-Siège n'a pas de Garde des Sceaux spécial. Sa Sainteté conserve chez elle le sceau, portant ses armes de famille, qui sert à revêtir les lettres Pontificales et à ratifier les traités. Il y a, en outre, un sceau du Secrétaire d'État de S. S.». Авторъ предисловія присовокупилъ слѣдующее недоумѣнное примѣчаніе: «Однакоже, въ томъ картонѣ Московскаго Архива, который заключаетъ древнѣйшіе Италіянскіе документы, есть золотая булла (двойная печать) папы Григорія XIII, приѣшпенная на шнуркѣ, на половину золотомъ, на половину шелковымъ пурпуровомъ, къ грамотѣ, писанной на пергаментѣ и адресованной 1 октября 1582 года царю Іоанну IV, съ препровожденіемъ ему иконы Спасителя и съ просьбою присоединиться къ союзу другихъ Христіанскихъ Государей противъ турокъ. На лицевой сторонѣ буллы рельефно изображены: главы Апостоловъ Петра и Павла, между ними въ три строки, по двѣ одна надъ другою, заглавные буквы — S. S. P. P. A. E. (Sancti Patres Apostoli Ecclesiae = Святые Отцы, апостолы Церкви, либо св. Петръ и Павелъ и пр. или же, читая эти буквы сверху внизъ — св. Петръ Апостолъ, св. Павелъ епископъ), а надъ ними латинскій крестъ; на оборотной сторонѣ рельефная же надпись, распределенная на 4 строки: Gregorius-Papa — XIII» (стр. XVI). Неточность этихъ свѣдѣній и толкованій и побудила насъ сказать нѣсколько словъ о различныхъ папскихъ печатяхъ. Относительно золотой буллы папы Григорія XIII отмѣтимъ, что металлъ въ папскихъ буллахъ не указываетъ на особую важность содержанія документа, а является вѣншиимъ знакомъ вниманія папы къ высокому положенію адресата. Мы знаемъ, напримѣръ, что на актѣ Флорентинской уніи рядомъ съ золотой буллою Византійскаго Императора виситъ свинцовая папы Евгенія IV («Nouveau traité», V, 315), тогда какъ вышеупомянутая булла Григорія XIII къ Ивану Грозному въ сущности только любезное письмо. Извѣстны золотая булла Льва X на документъ, которымъ онъ возводитъ Генриха VIII въ званіе «защитника вѣры», Климента VII по случаю коронованія императора Карла V и т. д. А. Giry въ «Manuel de diplomatique» даетъ слѣдующій выводъ: «la règle moderne paraît avoir été de sceller ainsi (то есть золотой буллою) les bulles adressées aux fils, frères et neveux des souverains, sauf en cas de dispenses matrimoniales» (p. 697). Весьма вѣроятно, что папы въ сознаніи своего всемірнаго вліянія, были бы не прочь подражать императорскимъ хрисовуламъ. Есть извѣстіе въ средневѣковомъ трактатѣ

сколько разъ до папы Пасхалиса II (1099—1118), который установилъ то изображеніе, каковое употребляется и въ настоящее время. Въ теченіе восьми столѣтій оно варьировалось разными прибавками довольно незначительно; были случаи замѣны, но только въ видѣ единичныхъ исключеній (папы Каликстъ III, Павелъ II).

На папскихъ буллахъ изображены съ одной стороны головы свв. апостоловъ Петра и Павла, съ традиціонной надписью «S. PA.» и «S. PE.» ¹⁾, и съ именемъ папы съ другой. Иногда прибавлялся надъ или подъ именемъ фамильный гербъ папы (Бенедиктинцы) указали на примѣръ XIV столѣтія при папѣ Урбанѣ VI, см. ч. V, 307) ²⁾.

Наименованіемъ булла объединяются весьма разнообразныя

Конрада Муре (XIII вѣкъ): «Papa famosis indulgentiis vel statutis auream bullam quandoque appendit» (*Summa de arte prosandi*, см. Giry, *ibidem*, p. 634). Огромное количество документовъ, выходившихъ изъ папской канцеляріи и рѣдкость золота въ средніе вѣка уничтожили этотъ usus въ зародышѣ. До сихъ поръ неизвѣстно ни одной золотой буллы старше XVI ст. Въ инвентарѣ папскаго архива, составленномъ въ 1889 году — читаемъ: «Item una littera bone memorie Martini pape III. *bullae aureae bullatae* super electione Senatoria Urbis», указаніе очень ясное, но къ удивленію нашему, ошибочное. Оригиналъ упомянутого документа сохранился до настоящаго времени и издатель инвентаря р. Denifle отбѣчаетъ — «Vgl. Arm. 9. сара. 5, № 2 — mit *Bleibulle*» (см. р. Heinrich Denifle: «Die päpstlichen Registerbände des 18 Jhs. und das Inventar derselben vom J. 1889» — (Berlin. 1886. 8°), см. стр. 99. Изъ этого инвентаря, кстати сказать, мы узнаемъ, что въ архивѣ нѣ было и бумажныя документы (только не папскіе) съ металлическими печатами, при чемъ въ текстѣ ясно раздѣляются папирусы, пергаментъ и бомбицина (стр. 101).

1) То есть — S(anctus) Pa(ulus), S(anctus) Pe(terus). Въ разное время буквы располагались неодинаково (то горизонтально, то вертикально). Указанное чтеніе вытекаетъ изъ сравненія типовъ XII—XVI вв.

2) Mas Latrie говоритъ о болѣе раннемъ папѣ Климентѣ VI (1342—1352), что онъ «ajouta au sceau apostolique les roses, qu'il avait prises pour armes». Это заимствовано изъ книжки Bezzel: «Specimen de annulo Piscatoris», p. 6 (Albertus Argentinenis refert). Тѣже Бенедиктинцы (Nouv. Traité, томъ V, стр. 314) изображали рядомъ съ настоящей печатью папы Мартина V маленькую свинцовую буллу съ именемъ Мартина, относящуюся къ древнѣйшему періоду. Еггге humanum est! Древнѣйшая сфрагистика настолько еще неразработана, что и De Wailly въ «Éléments de Paléographie» (Paris. 1888), t. I, p. 341 — описавъ маленькую буллу папы Мартина V — прибавляетъ: «Les Bénédictins ne disent pas si ce dernier sceau était le sceau secret de Martin V; mais cela paraît probable».

по содержанію документы¹⁾, которые еще въ древнѣйшихъ памятникахъ (*Liber diuinus*, VII—VIII в.). дѣлились на нѣсколько видовъ: *Constitutum*, *Decretum*, *Privilegium apostolicum*, *Praeceptum*, *Praeceptio*, *Epistola*. Дипломатисты бенедиктинцы прочно установили дѣленіе буллъ на большія и малыя — *Bullae maiores* и *Bullae minores*; предложенная Леопольдомъ Делиемъ замѣна на *privilegia* и *litterae* не вытѣснила старой номенклатуры. Большія буллы подписывались папою и кардиналами (почему и называются иногда консисторіальными) и въ XV—XVI столѣтіяхъ принимаютъ нерѣдко форму цѣлыхъ тетрадей пергамена. Малыя буллы — рѣзко раздѣлялись (по содержанію) на *tituli* (*titres*) и *mandamenta*, по внѣшнему виду отличные (кроме нѣкоторыхъ особенностей въ письмѣ, наприм. въ украшеніи начальной строки), между собою только по шнуру, на которомъ привѣшивалась къ пергамену булла. При первомъ видѣ документовъ — шнуръ шелковый, при второмъ простая веревочка = *litterae cum filo serico* и *litterae cum filo canapis*²⁾. На малыхъ буллахъ подписи чиновниковъ папской канцеляріи появились не сразу, на старѣйшихъ памятникахъ этого рода ихъ совсѣмъ нѣтъ, потомъ появляется одна подпись, затѣмъ двѣ, буллы же XVI столѣтія изобилуютъ подписями и помѣтами, въ которыхъ весьма трудно разобраться³⁾.

1) См. Paoli, l. c., p. 21. Въ трактатѣ XIII столѣтія перечисляются: «A sede apostolica dantur privilegia, commissiones, citaciones, procuraciones, donatorie, petitorie, sentencie, confirmaciones, appellaciones, executorie, dispensaciones, indulgencie, exempciones, visitaciones, inquisiciones, formate, obbligatorie, missiles».

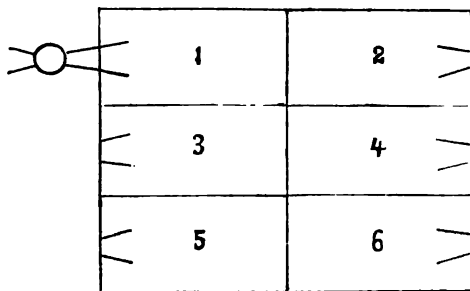
2) См. Н. Simonsfeld: «Neue Beiträge zum päpstlichen Urkundenwesen im Mittelalter» (München. 1896. 40) — стр. 33 — (начало XIV ст.) «est notandum quod littere domini pape alie bullantur cum serico, alie cum filo canapis» (слѣдуетъ подробное дипломатическое объясненіе). Тамъ же, стр. 56, изъ документа 1376 года: «Noveritis nos litteras sanctissimi in Christo patris ac domini domini Gregorii divina providencia pape XI, unam videlicet *gratiosam cum filis sericeis* (sic!) *et aliam executoriam cum cordula canapis*...». Въ этихъ строкахъ точное и документальное указаніе на раздѣленіе документовъ на два вида.

3) Подробности о такихъ подписяхъ и помѣтахъ см. въ прекрасной книжкѣ L. Schmitz-Kallenberg'a: «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis» (Ein Handbuch für den Verkehr mit der päpstlichen Kanzlei), изданной въ концѣ 1904 года (Münster).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что часть малыхъ буллъ должна быть названа по характеру своему бреве, хотя по формѣ онѣ отличаются отъ того особаго типа документовъ, который выдѣлился изъ буллъ въ первой половины XV столѣтія. Бреве прежде всего суть — *litterae clausae* и мы знаемъ цѣлый рядъ малыхъ буллъ, которыя были свернуты въ нѣсколько разъ и въ которыхъ шнуры, скрѣпленные свинцовою буллою, проникали черезъ весь пакетъ листовъ пергамена. Л. Делиль (въ описаніи актовъ Иннокентія III) отмѣтилъ три такихъ рѣдчайшихъ документа — Климента III (1188), Целестина III (1196) и Иннокентія III (1207). Е. Берже въ предисловіи къ регистрамъ Иннокентія IV указалъ на подобную же буллу 1247 года. Въ самое послѣднее время Eug. Martin Chabot нашелъ въ Архивѣ Барселоны и описалъ двѣ старѣйшія изъ закрытыхъ папскія буллы — именно папы Александра III отъ 7 декабря 1162 и 6 іюля 1164 годовъ¹⁾.

Важно замѣчаніе Берже—«*s'est au nombre des pièces scellées sur chanvre qu'il faut compter les lettres closes*», хотя изъ этого правила и встрѣчаются исключенія.

1) «*Deux bulles closes originales d'Alexandre III*» въ «*Mélanges d'archéologie et d'histoire*» (а. XXIV—1904, fasc. I), стр. 65—74. Авторъ начинаетъ словами: «*On sait combien sont rares les lettres closes des papes qui gouvernèrent l'Eglise avant le XIV siècle, parmi les actes conservés en original*». Выводъ: «*elles paraissent donc bien être les deux plus anciennes lettres closes papales signalées jusqu'à présent*». При бреве 1164 года булла сохранилась, она осталась на лѣвомъ верхнемъ краѣ документа, сложенного слѣдующимъ образомъ:

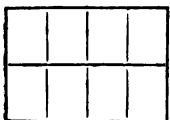
Авторъ дѣлаетъ при этомъ весьма цѣнное для насъ примѣчаніе, что «*dans d'autres exemples postérieurs c'est au rectangle numéroté 4 qu'est restée fixée la bulle de plomb*».

Sickel въ «Monumenta Grafica»¹⁾ далъ фотографическій снимокъ (по подлиннику, находящемуся in Museo hist. Klagenfurtensi) драгоцѣннаго письма—буллы папы Александра III, адресованнаго епископу Пассау (но въ текстѣ Patauier?) въ 1177 году (Dat. Venetie in Riualto XIII Kl. Aug.). Небольшой листокъ пергамента сохранилъ печать, которая по разрѣзкѣ, равнявшейся распечатанію, приплась на правомъ боку акта. Чтобы распечатать такіа litterae clausae надо было разрѣзать ножницами всѣ листы, кромѣ одного, на которомъ и оставалась висѣть булла. На дѣлѣ ббльшею частью разрѣзались всѣ листы и печать отпадала; развернутый документъ представлялъ листъ пергамента, со всѣхъ сторонъ котораго по полямъ идутъ двойные разрѣзы \/. Такой способъ запечатанія былъ обыченъ и для грамотъ венеціанскихъ дождей. Чтобы не задѣть текста, при за-

1) «Monumenta Graphica», Fasc. IX, tab. IV: «Litterae clausae Alexandri Papae III». По указанію A. Giry въ недоступныхъ «Facsimile lithogr. de l'École des Chartes», подъ № 249 воспроизведено подобное же письмо папы Іоанна XXII къ королю Филиппу V, отъ 14 сентября 1320 года. С. Paoli: «Programma scolastico di Paleografia latina e di Diplomatica» (III, 27), приводитъ подобную буллу папы Павла III отъ 29 октября 1546 года, адресованную къ Козимо Медичи. Этотъ примѣръ, относящійся ко времени, когда обычный типъ бревъ въ теченіе столѣтій выработался и отлился въ точную, неизмѣнную форму представляетъ исключеніе (о двухъ типахъ бревъ см. дальше). Paoli подробно изслѣдовалъ документъ и описалъ способъ его запечатанія: «Nel margine superiore e inferiore della pergamena sono otto fori, e si vede che la lettera era stata piegata prima in quattro per lo lungo, poi ripiegata a doppio trasversalmente, in modo che i fori venivano a combaciare in due punti: per questi passava la cordicella che chiudeva la lettera, e teneva appeso il piombo al disotto dell'indirizzo esterno. Ora la cordicella, con un lato strappato e col piombo pendente, è assicurata a due fori del lato superiore». A. Giry описалъ подробно какимъ образомъ было сложено письмо папы Александра III, изданное Зиккелемъ: «La lettre a été pliée trois fois sur elle même dans le sens de la largeur par le haut et autant par le bas, pliée ensuite en deux parties égales dans le sens de la hauteur, et repliée de nouveau en deux dans le sens de la largeur. Un trou percé sur le côté, auprès des bords libres, traversait tous les doubles du parchemin et donnait passage aux attaches du sceau qui maintenaient la pièce fermée. Pour l'ouvrir, tout en laissant le sceau suspendu, il a fallu couper d'un trait de ciseau tous les bords libres jusqu'au trou de l'attache, mais sans toucher aux deux plis extérieurs traversés par les attaches et auxquels seuls elles sont demeurées fixées» (pp. 681—682).

печатанія и разрёзкѣ, оставляли широкія поля; на сложенномъ пакетѣ писали адресъ (чего не дѣлалось на *litterae recentes*).

Для нагляднаго уясненія, какъ образецъ, мы даемъ (см. таблица II) снимокъ съ бреве, адресованнаго «*Dilectis filiis Comuni Civitatis nostre Recanatensis*» папою Григоріемъ XI въ 1377 году («*Dat. Anagnie XVIII Kl. Septembris Pontificatus nostri anno septimo*»)¹). Большой листъ пергамена былъ сложенъ сначала поперекъ въ четверо, а потомъ вдоль пополамъ

, почему пакетъ и принялъ форму продолговатаго

четырехугольника — .

Прилагаемое клише (см. страница 17) показываетъ и сохранившуюся буллу, и разрёзы около нея, листъ былъ сложенъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и описанное бреве папы Григорія XI.

Клише сдѣлано по документу «*Forma iuramenti*», посланному папою Іоанномъ XXIII (1410 — 1415 — 1419) Констанцію, епископу Кремоны²). *Constantius de*

1) Оригиналъ въ коллекціи автора (въ его собраніи дипломатическихъ и палеографическихъ образцовъ). Документъ состоитъ изъ немногихъ строкъ — сущность, какъ и помѣчено на оборотѣ позднѣйшимъ почеркомъ XVII вѣка, — «*Remissio Rodulfi de Varano de Camerino*». Въ 3-мъ (дополнительномъ) альбомѣ «*Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie begründet von Wilhelm Arndt*», изданномъ Michael Tangl (III. Heft, Berlin, 1908), на таблицѣ 97 изображено совершенно подобное бреве папы Григорія XII отъ 1407 года, адресованное «*Dilectis filiis prioribus gubernatoribus et capitaneo populi civitatis Senen(sis)*». Странною особенностію этого послѣдняго документа являются — отсутствіе точной даты и выглаженное въ текстѣ имя, но подлинность бреве несомнѣнна, оно было запечатано, вскрыто при помощи разрёзовъ и уцѣлѣвшая булла виситъ на лѣвой сторонѣ нижняго края пергаменнаго листа.

2) Оригиналъ акта въ собраніи автора. вмѣсто адреса на пакетѣ просто — «*Forma iuramenti*» — и только въ правомъ нижнемъ углу помѣта мелкой скорописью — «*Реро кремоней*». Мы не знаемъ почему «*forma iuramenti*» посылались запечатанными, но отмѣтимъ, что въ средніе вѣка вообще — «*carta di giuramento*» именовалась *breve* (Paoli, l. c., p. 36). Élie Berger въ обширномъ введеніи къ

«Forma juramenti» 1412 года.
(Вислая печать, запечатывавшая пакетъ, и прорѣзы,
сдѣланные при распечатаніи).

Fondullis былъ поставленъ епископомъ Кремоны 28 марта 1412 года¹⁾.

Въ первой половинѣ XV столѣтія выдѣлился изъ буллъ — бреве особый типъ бреве, отличный отъ буллъ: 1) по матеріалу, 2) по начальной формулѣ, 3) по способу датировки, 4) по письму,

изданію «Les Registres d'Innocent IV» — t. I (Paris. 1884. 4°), разбирая вопросъ о «Lettres closes» отмѣчаетъ подобную же «une formule de serment à l'usage de l'évêque de Tripoli» времени папы Климента V, которая была «expédiée en forme de lettre close; elle est bullée et porte au dos la mention: «Forma juramenti prestandi ab episcopo Tripolitano» (р. XXXVII; Arch. Nat. J. 704. № 186). Въ виду того, что изъ всѣхъ lettres closes папы Иннокентія IV — Berger напечатъ лишь одно письмо, сохранившееся въ подлинникѣ (28 мая 1247 года — Bibl. Nat., collection de Baluze), онъ подвергъ наблюденію и изслѣдованію litterae clausae XIII и XIV вв. вообще. «D'Innocent IV à Boniface VIII les lettres closes sont assez rares». Эта рѣдкость однако настолько значительна, что въ Национальномъ Французскомъ Архивѣ ихъ нашлось за указанное время только восемь, отъ времени Бонифация VIII — четыре. «Pour les pontificats de Clément V (1305—1314) et de Jean XXII (1316—1334 гг.)», говорятъ Berger, «j'en ai relevé un nombre beaucoup plus considérable: on en trouve encore sous Benoît XII (1334 — 1341) et sous Urbain V (1362—1370)». Конечно употребленіе lettres closes не прерывалось и въ позднѣйшую эпоху. Если мы возьмемъ изданіе Краковской Академіи — «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», то найдемъ въ немъ рядъ папскихъ litterae clausae по оригиналамъ музея князей Чарторыйскихъ и архива Краковскаго капитула. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ томѣ — № 50 — бреве Іоанна XXIII отъ 4 мая 1412 года — «Carissimo in Christo filio Wladislao Regi Polonie illustri»; № 98 — Мартина V — отъ 5 сентября 1421 — тоже адресованное Ягелло (Левицкій прямо называетъ — «pismo»); № 171 — Мартина V — отъ 1428 — Збигнѣву Олесницкому; № 186 — Мартина V — отъ 1430 — «venerabili fratri episcopo Culmensi» и т. д. Подобныя «litterae clausae въ этомъ изданіи имѣются и отъ Евгенія IV, Пія II и, между прочимъ, отъ Базельскаго собора — (см. №№ 263, 277, 288). Способъ запечатанія тотъ же, что у обыкновенныхъ папскихъ документовъ этого рода, печать — хорошо извѣстная дипломатамъ свинцовая булла Базельскаго собора. Въ Императорскомъ Вѣнскомъ архивѣ я имѣлъ случай видѣть въ подлинникахъ такіа litterae clausae bullatae папы Мартина V — отъ 17 Декабря 1417 и 29 Іюня 1426, адресованныя — «Frederico duci Austriae» и отъ 20 Марта 1423 (1424), адресованное «Ruperto de Walsee Baroni».

Что касается до вопроса почему formae juramenti посылались какъ litterae clausae, то A. Giry даетъ объясненіе — что такая форма — «devait servir d'enveloppe à la bulle de provision» (р. 704), но тогда, значить, находившіяся внутри документъ былъ бы лишенъ основной скрѣпы! A. Giry имѣлъ дѣло только съ поздними актами этого типа: «Les plus anciens documents de ce genre que j'aie rencontrés sont de la première moitié du XVI-e siècle; ils abondent dans les archives à partir de cette époque».

1) См. С. Eubel: «Hierarchia catholica medii aevi», p. 223.

б) по особой папской печати¹⁾. Необыкновенно точное определение бреве этого периода дано цитатой въ книжкѣ Badosse: «*Brevia sunt litterae Apostolicae in membranis subtilibus et candidis caractere latino nitido descriptae, et a tergo cera rubra chordulis lineis inclusae illitis annulo que Piscatorio signatae, ac manu secretarii subscriptae*»²⁾).

Первоначальнымъ назначеніемъ бреве, какъ «*litterae in forma brevis*»—было ускореніе переписки въ текущихъ, болѣе или менѣе неважныхъ дѣлахъ³⁾. Въ постановленіяхъ Сикста IV (1471—

1) Въ новѣйшемъ «Dictionnaire de Théologie Catholique» (A. Vacant et E. Mangenot) дана слѣдующая исторія бреве и опредѣленіе ихъ содержанія (см. fasc. XIII—Paris. 1904, pp. 1125 — 1126): «C'est seulement dans le milieu du XV siècle, sous Eugène IV, que le bref apparut dans sa forme actuelle. La série régulière, dont la collection est conservée aux archives du Vatican, commence à cette époque. C'est postérieurement aussi qu'on distingua deux espèces de brefs: les brefs apostoliques, émanant directement du Pape et scellés en cire rouge sub annulo Piscatoris, et les brefs de la pénitencerie qui en diffèrent par la forme et par le sceau.... Les affaires le plus ordinairement traitées par brefs sont: les dispenses concernant la réception des ordres sacrés, comme la dispense d'âge et d'autres irrégularités; la concession des oratoires privés, ainsi que la permission d'y conserver le saint-sacrement et d'y faire la sainte communion; les pouvoirs d'indulgencier les chapelets, croix et médailles, ainsi que la faculté de jouir de l'autel privilégié; l'autorisation de vendre les biens ecclésiastiques de peu de valeur; enfin la plupart des grâces, provisions et dispenses accordées par la Daterie. La liste des affaires qui doivent être expédiées *par bref* est longuement exposée, avec tous les détails, dans la bulle de Benoit XIV—«*Gravissimum*», du 8 Décembre, 1745».

2) Philippus Badosse: «De bullis et de brevioribus litteris apostolicis» (Roma. 1798. 4°), см. стр. XXII. Конечно это опредѣленіе касается только внѣшняго типа бреве XV—XIX ст. Относительно же значенія бреве вообще Caspar Wirz не безъ основанія говоритъ: «Was ein Breve sei, hat bis dato noch niemand in befriedigender Weise gesagt und wird kaum eine genaue Definition zu erwarten sein, weil der Begriff bei der Kurie selbst kein stabiler war, sondern mit den Pontificaten sich änderte» [«Bullen und Breven aus Italienischen Archiven 1116—1623» (Basel. 1902. 8° = «Quellen zur Schweizer Geschichte» — 21 Band.), p. VII].

3) У Ottenthal'a относительно breve читаемъ: «Die aus den Privatbriefen herausgebildete minder feierliche Beurkundungsart der Breven (Litterae in forma brevis) lag naturgemäss von Anfang an im Wirkungskreis der Sekretäre, von einem der ältesten, Zanobio da Strata, ist noch ein Band Breven erhalten» («Die Bullenregister Martin V und Eugen IV», p. 462).

1484) читается: «*Preterea volumus et ordinamus, quod secretarii domestici et palatini advertant ad expeditionem brevium et non expediant per brevia res magni momenti sed leves; aliae autem res expediantur per bullas, ut fuit semper observatum*»¹⁾. Форма, размѣръ и назначеніе бреве измѣнились постепенно: изъ краткихъ бреве стали обширными актами (до тетрадей изъ многихъ листовъ), содержаніе иногда касалось важнѣйшихъ вопросовъ и назначеніе опредѣлилось для посылокъ — «*ad Reges, Principes, Respublicas, Civitates, Cardinales absentes, Episcopos, caeterosque Magnates*». Въ 1850 году католическая іерархія въ Англіи была восстановлена документомъ въ формѣ бреве²⁾.

Буллы писаны на толстомъ прочномъ пергаментѣ, для бреве употреблялся тончайшій бѣлый пергаментъ такой превосходной выдѣлки, которая соперничаетъ съ пергаментомъ изящнѣйшихъ итальянскихъ рукописей эпохи Возрожденія³⁾.

Начальная формула буллъ — имя папы (безъ обозначенія числа, который папа этого имени) съ прибавленіемъ извѣстнаго уничижительнаго эпитета, принятаго папою Григоріемъ Великимъ — напримѣръ для Пія V — «*Pius episcopus servus servorum Dei*». Начальная формула бреве имя, сопровождаемое числомъ, напримѣръ — «*Pius papa V*»⁴⁾ (дальше обращеніе обычно въ звательномъ, какъ исключеніе въ раннюю эпоху въ дательномъ).

Датировка буллъ, начиная съ папы Евгенія IV (пос-

1) M. Tangl: «*Die päpstlichen Kanzlei-Ordnungen von 1200 — 1500*» (Innsbruck. 1894. 8°), p. 379.

2) A. Giry, l. c., p. 701.

3) Употребленіе обыкновеннаго болѣе толстаго пергамена составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; въ коллекціи автора имѣются подобныя бреве папы Климента VII. О пергаментѣ бреве C. Paoli, l. c., p. 60 — говоритъ: «*si brevi sub annulo piscatoris (sec. XV e segg.) sono in pergamene sottili, candide e levigatissime da ambe le parti*».

4) Формула «*Papa N*» встрѣчается, правильнѣе сказать, подмѣчена дипломатистами еще въ актахъ XIII столѣтія (см. напр. Mas Latrie: *Trésor de Chronologie*, p. 1186), но не получила распространенія.

тоянно, какъ правило, съ 1445 года)¹⁾ содержитъ указанія на: 1) годъ отъ Воплощенія Господа Иисуса Христа (счесть съ 25 марта), 2) день по римскому календарю и 3) число лѣтъ папствования. Такъ, напимѣръ: «Eugenius episcopus servus servorum Dei dilecto filio Johanni Condolmario canonico Veronensi acolito nostro salutem et apostolicam benedictionem.... Datum Florentie anno Incarnationis dominice Millesimo quadringentesimo quadragesimo Quarto Noñ Junii Pontificatus Nři Anno Decimo» (1440)²⁾.

Датировка бреве заключается—1) въ написаніи года отъ Рождества Иисуса Христа (по стилю — «anno Domini a Nativitate» римскими цифрами, 2) указаніи дня мѣсяца и года папствования.

1) См. A. Giry, l. c., p. 696. Обходимъ вопросъ о болѣ раннихъ датировкахъ, такъ какъ рѣчь идетъ о времени совмѣстнаго существованія двухъ типовъ документовъ.

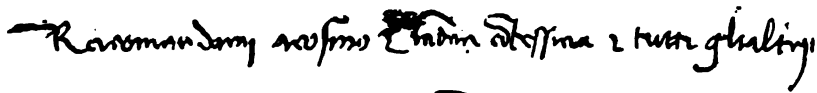
2) Формула взята изъ оригинала, находящагося въ собраніи автора. Отмѣтимъ, что самъ папа Евгений IV былъ «Condolmerius venetus» (или Condulmerius). Въ собраніи автора имѣется и еще болѣ ранняя булла съ датою «Incarnationis Dominice», именно 1436 года (адресована кардиналу Николаю Албергати и скрѣплена папскимъ секретаремъ, знаменитымъ Поджіо Браччіо-

лини—«Poggius»). Прилагаемъ клише этой подписи: .. .. и для

сравненія клише съ буллы папы Мартина V (Pl. Id. Maii anno decimo=14 Мая

1427 г.), оригиналъ которой находится также въ нашемъ собраніи: .. ..

Болѣ ранняя подпись сдѣлана старательнѣе, но почеркъ совершенно тотъ же. По каталогу коллекціи автографовъ Б. Филлона прилагаемъ еще клише

Tuo Poggio.

съ собственноручнаго итальянскаго письма Поджіо (къ Джіованни Медичи, точно не датировано), см. «Inventaire des autographes composant la collection de M. Benjamin Fillon», № 1815. Подпись удостовѣряетъ тожество почерковъ, а строка текста указываетъ, что въ быстромъ письмѣ Поджіо измѣнялъ scrit-

Старѣйшія бреве, содержащія всѣ пять отличительныхъ выше указанныхъ признаковъ относятся ко времени папы Евгенія IV (1431—1447) и антипапы Феликса V (1440—1449). Экземпляръ бреве папы Евгенія IV (датированный 8 іюля 1446 года) изданъ фототипически въ палеографическомъ сборникѣ *École des Chartes*¹⁾, снимокъ съ бреве папы Феликса V данъ въ альбомѣ «*Musée des archives départementales*», извѣстномъ роскошномъ изданіи, приготовленномъ къ всемірной выставкѣ 1878 года²⁾. Заключительная формула бреве Феликса V содержитъ всѣ элементы, ставшіе отличительными признаками этого рода документовъ:

«Felix pp quintus Datum Basilee sub anulo piscatoris XVII. Decembris M^o. III°. XLI. pontificatus nostri anno secundo»³⁾.

Типъ бреве установился при папѣ Евгеніи IV, но появленіе внѣшней формы и способа запечатанія относится ко времени

tura umanistica подписи и сохранялъ связь съ готическимъ письмомъ, господствовавшимъ во дни его молодости. Выводъ не лишенный общаго значенія въ примѣненіи къ изученію автографовъ.

1) «Recueil de Fac-similés a l'usage de l'École des Chartes», fasc. II (1881), № 68. Редакторы подписи секретаря прочли какъ «Blondusius». Конечно это ошибка, скорѣе, опечатка и въ оригиналѣ стоитъ: «Blondus» — весьма извѣстный секретарь Евгенія IV — Flavius Blondus Foroliviensis, который былъ секретаремъ съ 1434 по 1447 годъ (G. Burgin: «La familia pontifica sotto Eugenio IV» въ «Archivio della R. Società Romana di storia patria», 1904, p. 218. О Флави Блондо, см. Ottenthal: «Die Bullenregister Martin V und Eugen IV» — стр. 476 (точные біографическія даты).

2) Въ архивѣ г. Турина хранится «Bollario di papa Felice V» и его бреве отъ 28 Января 1441 года. См. Vауга: «Catalogo del Museo Storico dell' Archivio di Stato in Torino» (Torino. 1881. 8°). Тотъ же P. Vауга факсимилировалъ это бреве въ трудѣ: «Il museo storico della casa di Savoia» (Torino. 1880. 8°). Это бреве стараго типа = breve plumbatum и написано красивой готикой съ большою каллиграфіей.

3) Paris. 1878. Gr. folio, см. Pl. L, № 129. Въ «Monumenta Graphica» Sickel'я, см. Fasc. IX, tab. XIX — воспроизведено бреве папы Павла II — «Dat. Rome apud Sanctum Marcum sub anulo piscatoris die ultima Iunii M. CCCC. LXVIII. Pontificatus Nostri Anno Quarto» (скрѣпа — L. Dathus). Ludwig Pastor въ «Ungedruckte akten zur Geschichte der Päpste vornehmlich im XV, XVI und XVII Jahrhundert» (Freiburg im Breisgau. 1904. 8°) надалъ два бреве папы

нѣсколько болѣе раннему. Такъ папа (или антипапа, какъ его чаще называютъ) Бенедиктъ XIII (1394—1424) употреблялъ уже въ нѣкоторыхъ своихъ документахъ формулу — «Benedictus papa tertius decimus», сопровождая ее приложеніемъ къ такимъ актамъ секретной печати. «Ces actes», говоритъ de Mas Latrie, «ont quelques caractères des véritables brefs», но во всякомъ случаѣ они являются лишь прототипами настоящихъ бреве. При папѣ Мартинѣ V бреве получаютъ видъ, почти совершенно сходный съ типомъ, установленнымъ при послѣдующихъ папахъ. F. Cancellieri¹⁾ перечисляетъ три бреве Мартина V, изъ коихъ одно «sub anulo Piscatoris» и два просто «sub anulo». Michael Tangl, много потрудившійся именно въ области папской дипломатики, воспроизвелъ въ 1903 году²⁾ фототипически экземпляръ бреве Мартина V отъ 29 июня 1423 года, адресованный: «Dilectis filiis prioribus gubernatoribus comunis et capitaneo populi civitatis Senen(sis)»³⁾. Tangl справедливо считаетъ это бреве старѣйшимъ изъ сохранившихся оригиналовъ, которые вообще настолько рѣдки, что снимокъ бреве Евгенія IV, помѣщенный въ тѣхъ же «Schrifttafeln» переснять съ упомянутаго уже нами воспроизведенія въ французскомъ сборникѣ «École des Chartes»⁴⁾. Бреве Мартина V начинается формулой — «Martinus PP. V.» и датировано:

Евгенія IV «sub anulo nostro secreto» — № 14 — отъ 2 сент. 1443, № 16 — 31 января 1445 (оригиналъ въ архивѣ въ Болоньѣ).

1) «Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello pescatorio» (Roma. 1823. 8°), p. 1.

2) «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» (Drittes Heft. Berlin. 1908), таблица 99.

3) Оригиналъ на листѣ тонкаго пергамена — 42 X 9 сант., находится въ архивѣ г. Сіены.

4) Къ двумъ своимъ снимкамъ Tangl дѣлаетъ примѣчаніе: «Beide Schriftproben sind der seit Martin V neu aufkommenden Urkundenart der päpstlichen Breven entnommen, das Saneser Breve ist sogar das älteste bisher bekannte Original dieser Gattung und aus diesem Grunde trotz seines theilweise ungünstigen Erhaltungszustandes hier ausgewählt» (стр. 57). Отмѣтимъ, что опредѣленіе значенія бреве папы Мартина V находимъ и въ каталогѣ выставочной залы архива въ Сіенѣ: «La sala della mostra e il museo delle tavolette dipinte della Biccherna e delle Gabella» (seconda edizione. 1903. Siena. 8°). Тамъ сказано: «Breve di papa Martino V ai Senesi, relativo al trasferimento del Concilio generale da

«*Datu(m) Rome apud Sanctammariammaiorem sub anulo piscatoris. penultima Junii pontificatus n(ost)ri anno sexto*». Вѣншнй видъ, начальная формула, датировка — на лицо все, что характеризуетъ брeve, кромѣ манеры письма, такъ какъ документъ Мартина V писанъ обычнымъ минускульнымъ готическимъ (или правильнѣе полуготическимъ) письмомъ папскихъ актовъ.

Письмо документовъ, исходившихъ изъ папской канцеляріи, сохраняя всегда нѣкоторую, свойственную ему оригинальность,

Pavia a Siena. Il più antico breve che si conosca (опредѣленіе извѣстнаго дипломатиста директора архива Alessandro Lisini).

Экземпляръ брeve папы Мартина V находился въ знаменитой коллекціи автографовъ и документовъ, собранной германскимъ посланникомъ графомъ Рааръ, и продавался въ 1893 году: «№ 1852. Martinus V (Ottone Colonna). Lettre *sur velin*, en latin, aux magistrats de la ville de Nocera; Rome. 28 Nov. 1428. 1 p. in fol. obl. étroit» («Katalog einer werthvollen Sammlung von Autographen und historischen Documenten aus dem Besitz Sr. Exc. des verstorbenen Herrn Ludwig Graf Raar». Berlin. 1893. 8°).

Число брeve при папахъ Мартинѣ V и Еягеніи IV было настолько значительно, что для нихъ заведены были особые регистры. Эти начальные регистры велись съ гораздо меньшей точностью, чѣмъ таковыя же буллы, при чемъ нерѣдко, можетъ быть по новости дѣла, буллы попадали въ записи брeve, а брeve въ регистры буллы. См. «Repertorium Germanicum: Regesten aus den päpstlichen Archiven». I Band: Pontificat Eugens IV (bearbeitet von Robert Arnold). Berlin. 1897. 8°, стр. XIV. «Segretaria dei brevi» заведена Мартиномъ V [C. Wirz: «Bullen und Breven aus Italienischen Archiven» (Basel. 1902. 8°), p. VIII].

Желая сдѣлать болѣе точныя наблюденія надъ старѣйшими брeve я посетилъ архивы Вѣны, Венеціи, Болоньи, Сіены и Флоренціи. На нѣсколько сотъ просмотрѣнныхъ брeve мнѣ удалось видѣть только одинъ подлинникъ папы Мартина V и то тотъ, что уже изданъ Тангл'емъ. Рѣдки и брeve Еягенія IV, но затѣмъ число ихъ растетъ съ поразительной быстротой. Въ Болоньѣ при 6 экз. брeve папы Еягенія IV, я осмотрѣлъ 84 брeve папы Николая V, 42—папы Каликста III, около 50 папы Пія II и т. д.

Въ архивахъ Венеціи и Болоньи я изслѣдовалъ нѣсколько брeve папы Еягенія IV, изъ которыхъ одно оказалось относящимся къ 1436 году. Въ Венеціи пять, адресованныхъ «*Dilecto filio nobili viro Francisco Foscari (въ одномъ случаѣ Fuscari) duci Venetiarum*». Венеціанскія брeve: 1) «*Die primo Septembris MCCCCXLIII*» (№ 212). Секретарь «B. Rouerella» (см. табл. IV); 2) «*Die XXVIII Januarii MCCCCXLIII*» (№ 214). Секретарь «B. Rouerella»; 3) «*Kalendis Novembris MCCCCXLIII*» (№ 215). Секретарь «B. Rouerella»; 4) «*Die ultima Decembris pontificatus nostri anno tertiodecimo*» = 1443 годъ (№ 216). Секретарь «Cincius» (см. табл. IV); 5) «*Die III Septembris MCCCCXLIII pontificatus nostri anno quartodecimo*» (№ 213). Секретарь «B. Rouerella» (см. табл. IV). Въ Болоньѣ брeve адресованы: «*Dilectis filiis Antianis vexillifero justitiae et*

съ теченіемъ времени измѣнялось неоднократно. Если вообще, разбирая стили письма, надо палеографію документальную трактовать отдѣльно и только въ сопоставленіи съ палеографіей рукописей¹⁾, то палеографическая исторія разнообразныхъ актовъ папской курии свободно можетъ быть выдѣлена въ особый этюдъ изъ очерка дипломатической палеографіи вообще. Касаясь исключительно интересующаго насъ времени, мы должны замѣтить, что письмо буллъ XV—XVI столѣтій сохраняло связь съ минускульнымъ готическимъ письмомъ (по выраженію С. Paoli (р. 29) — «*forma semigotica*»), отчасти подаваясь всетаки современнымъ вѣяніямъ, пока въ концѣ XVI столѣтія²⁾ къ письму буллъ не было примѣнено особое искусственное письмо (не безъ связи съ готикой)³⁾ — такъ называемая — *scrittura bollatica* или *littera*

consulibus populi et comunis civitatis nostre Bononie» (и просто — «*Dilectis filiis Antisiani*»: 1) «*Dat. Bonon. Die VI Decembris MCCCC (XXXVI) pontificatus nostri anno sexto*». Секретарь: «*Blondus*»; 2) «*Datum Senis sub annulo nostro secreto die XIII mensis Septembris pontificatus nostri anno terdecimo*» (года приема нѣтъ=1448). Секретарь: «*Poggius*»; 3) «*Romae apud Sanctum Petrum die XXVIII Decembris MCCCCXLIII pontificatus nostri anno XIII*». Секретарь: «*B. Rouerella*»; 4) «*Dic ultimo Januarii MCCCCXLIII pontificatus nostri anno XIII*». Секретарь: «*B. Rouerella*»; 5) «*...die IIII Julii MCCCCXLIII pontificatus nostri anno quaterdecimo*». Секретарь: «*B. Rouerella*»; 6) «*...die VIII Decembris MCCCCXLIII pontificatus nostri anno XIII*». Секретарь «*B. Rouerella*». Мы видимъ, что уже при папѣ Евгеніи IV секретарей бреве было нѣсколько. Въ 1448 году, напримѣръ, бреве подписывали — а) «*Cincius*», б) «*Rouerella*», в) «*Poggius*»; при чемъ мы знаемъ, что «*Poggius*» подписывалъ и буллы. Тотъ же выводъ даетъ и разсмотрѣніе бреве послѣдующихъ папъ. Такъ въ архивѣ Бононіи 42 бреве папы Каликста III подписаны секретарями: 1) «*Marcellus*» (надо думать = «*Marcellus Rusticus*», см. Bonamicus, l. c., pp. 143 и 180); 2) «*N. Perottus*»; 3) «*Blondus*»; 4) «*M. Ioannes*»; 5) «*L. de Narnia*»; 6) «*Io. Augisra*» (очень любопытны; возможно, что цѣликомъ автографы); 7) «*M. Ferrarii*»; 8) «*L. Dathus*» («*Leonardus Dathus*»); 9) «*Io. Cosida*»; 10) «*Ja. Lucen (sis)*».

1) Каноникъ Reusens, авторъ прекраснаго труда — «*Éléments de Paléographie*» (Louvain. 1897—1899. 80) вездѣ говоритъ особо о письмѣ книжномъ (*écriture de livres*) и особо о письмѣ документальномъ (*écriture diplomatique*). Точно также М. Tangl — относительно — «*Buchschrift*» и «*Urkundenschrift*».

2) A. Giry и Reusens согласно относятъ начало *scrittura bollatica* ко времени папы Климента VIII (1592—1605).

3) С. Paoli, l. c., p. 221 — «*per degenerazione dalla forma gotica e per artificioso cancelleresco*».

Sancti Petri (или еще—*character theutonicus*¹⁾), о которомъ всѣ дипломатисты отзываются согласно съ одинаковымъ отвращеніемъ²⁾.

Для бреве было употреблено особое письмо, недавно появившееся и только еще входившее въ моду. Гуманисты, постоянно имѣвшіе дѣло съ древними рукописями, выработали изъ такъ называемаго каролингскаго минускульнаго письма (*minuscula carolina* или *rotunda*)³⁾ особое гуманистическое письмо — *scriptura umanistica*⁴⁾ — чудный круглый почеркъ, перешедшій въ *scriptura italica* (*écriture italique*), изъ которой черезъ изданія Аль-

1) *Scriptura bollatica* употреблялась до 1878 года, когда особымъ *Motu proprio* отъ 29 Декабря 1878 года она была уничтожена папою Львомъ XIII. Въ этомъ актѣ и читается: «... quapropter, cum experientia compertum fuerit *characterem theutonicum*, vulgo — *bollatico*, utpote ab usu communi remotum, Litterarum Apostolicarum lectioni difficultatem ingerere».

2) А. Giry, l. c., p. 519: «une écriture nouvelle, singulière et particulièrement laide». С. Paoli, l. c., p. 80: «la brutta e strana e barbara scrittura bollatica». Reusens, l. c., p. 70: «écriture extraordinairement laide, grasse, trapue, contournée, affectant un faux air d'ancienneté et, de plus, presque illisible...». Reusens издалъ въ видѣ фототипической таблицы (№ XIV) буллу папы Пія VI (отъ 22 Августа 1791 года) какъ образецъ безобразія: «nous ne connaissons pas de scrittura bollatica plus laide ni plus difficile à lire que celle de cette bulle». Какъ письмо вычурное и искусственное, *scriptura bollatica* далеко не однообразно; въ одно и тоже время одни акты писаны болѣе или менѣе читаемо съ словами раздѣльно, другіе почти безъ всякаго раздѣленія словъ какими то значками вмѣсто буквъ. Поразительна намѣренная небрежность особенно во время папъ Пія VI и Пія VII. Даже имя папы иногда не выдѣляется изъ строки, а написано каракулями. Непонятный упадокъ стиля и вкуса, особенно въ сравненіи съ буллами эпохи Возрожденія (да и болѣе ранними)!

3) Превосходный примѣръ употребленія каролингскаго минускульнаго письма въ дипломатикѣ даетъ письмо Арнульфа отъ 21 Іюня 897 года, воспроизведенное въ «Kaiserurkunden in Abbildungen», атласа вып. I, № 7-b. Редакторы Н. von Sybel и Th. von Sickel помѣчаютъ какъ «*Originalbrief im K. Preuss. Staatsarchiv zu Münster*». Документъ весьма интересенъ и какъ письмо IX столѣтія и по каллиграфическому письму, которое очень выдѣляется своими особенностями.

4) Объ этомъ письмѣ въ документахъ (и со снимкомъ) см., напримѣръ, статью проф. Nicola Barone: «Notizia della scrittura umanistica nei manoscritti e nei documenti Napoletani del XV-o secolo» (Napoli. 1899. 40). Школа каллиграфіи, основанная знаменитымъ Niccolò Niccoli во Флоренціи едва ли не первая ввела въ моду новую манеру письма, которую гуманисты по источнику пропе-

довъ¹⁾ выработался современный намъ латинскій книжный шрифтъ. *Scrittura italica*, примѣненная къ бреве и даже получившая второе равносильное названіе *scrittura gotana*, постепенно измѣнялась, сохраняя общій характеръ, какъ бы традиціи простоты, красоты и изящества. Очень типично для старѣйшаго времени бреве Евгенія IV, факсимилированное École des Chartes и вторично Michael Tangl. Оно написано прекраснымъ гуманистическимъ письмомъ. На прилагаемой таблицѣ IV, мы даемъ снимки съ трехъ бреве папы Евгенія IV, находящихся въ Венеціанскомъ архивѣ и относящихся къ 31 Декабря 1443, къ 1 и 4 Сентября 1444 гг.²⁾ Оба бреве 1444 года писаны типичной *scrittura umanistica* и только въ превосходномъ каллиграфическомъ почеркѣ старѣйшаго бреве чувствуется нѣкоторая связь съ готикой.

Подобныя явленія могутъ встрѣтиться и въ послѣдующія папствованія, но какъ исключеніе въ естественномъ ходѣ смѣны манеръ письма. Надо сказать, что почерки бреве отнюдь не восприняли характера гіератического однообразія (какъ, до извѣстной впрочемъ степени, *scrittura bollatica*) и измѣнялись сообразно съ послѣдующими воззрѣніями на красоту письма. Совершенно округлый почеркъ постепенно перешелъ въ продолговатый изъ тонкихъ штриховъ почти безъ нажима пера. Почеркъ издавнаго нами бреве Пія V можетъ служить образцомъ палеографіи бреве въ эпоху развитія и упроченія формъ, въ періодъ наибольшихъ каллиграфическихъ тенденцій. Внѣшняя красота бреве тускнѣетъ съ приближеніемъ къ новѣйшему времени.

хожденія называли *littera antiqua*. По предположенію Barone встрѣчаемыя въ документахъ XV вѣка (*Cedole della Tesoreria aragonese*) упоминанія «*lettera moderna*» должны обозначать распространенный въ то время готическій шрифтъ. Для «*scrittura umanistica*» Michael Tangl примѣнилъ очень удачный нѣмецкій терминъ — «*Renaissance — schrift*».

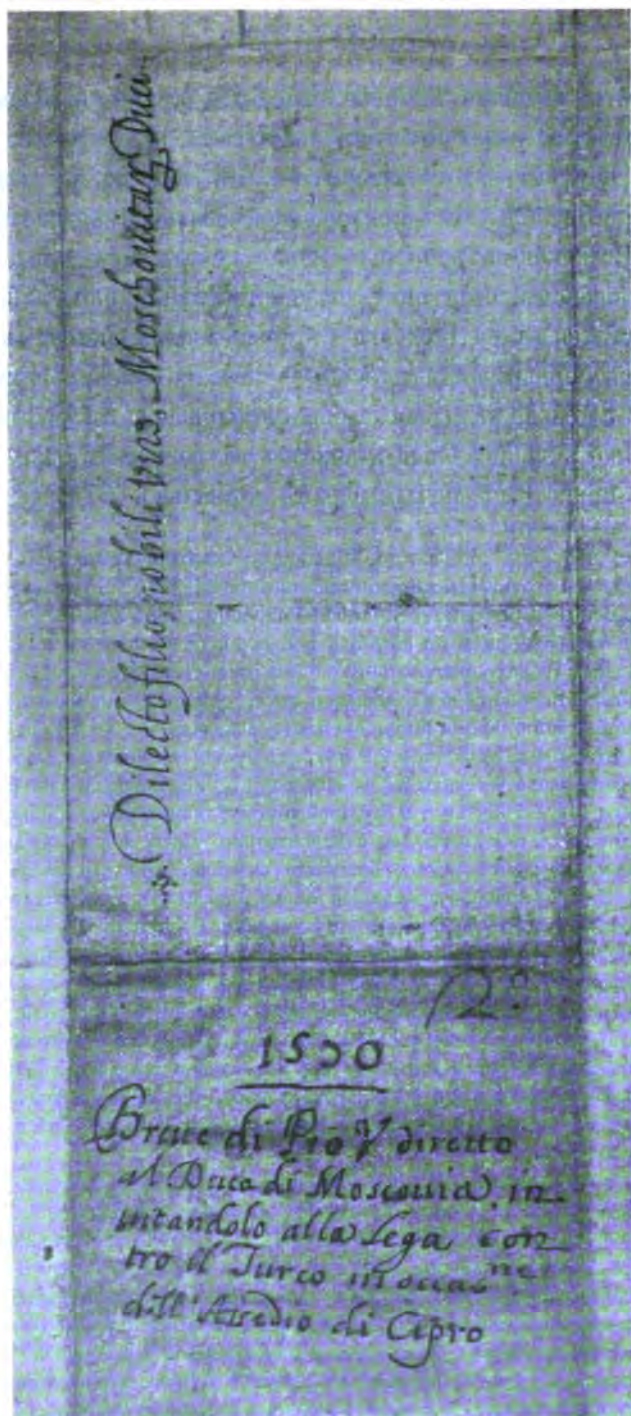
1) C. Paoli, l. c., p. 30.

2) По описанію архива — № 216, 212 и 213. Описаніе ихъ и датировку я даю уже выше, на стр. 24.

Бреве, какъ *litterae clausae*, складывались въ пакетъ разнообразной величины въ зависимости отъ размѣра документовъ, варьировавшихся, начиная съ узкой полоски вершка въ полтора¹⁾ и кончая листомъ пергамента очень большой величины²⁾. На пакетѣ надписывался адресъ обыкновенно тѣмъ же писцомъ, который писалъ и текстъ. Адресъ на издаваемомъ нами бреве папы Пія V написанъ въ одну строку слѣдующимъ образомъ (см. клише на стр. 29):

1) Таково вышеуказанное бреве Евгенія IV—размѣромъ— $5\frac{3}{4} \times 86$ сантиметровъ. Въ собраніи автора, на примѣръ, имѣются — 1) бреве папы Сикста IV—отъ 27 Іюля 1474 года (*Dilecto filio Aloisio de Catino*)—размѣромъ $9 \times 87\frac{3}{4}$ сант. (пакетъ— $4 \times 9\frac{3}{4}$ сант.) и 2) еще меньшаго размѣра, къ сожалѣнію немного обрѣзанное съ одного края, бреве папы Николая V—отъ 10 августа 1451 года (*Dilectis filiis prioribus et communi civitatis nostre Rascanatensis*)— 6×86 сант. (пакетъ— $2\frac{1}{2} \times 9\frac{3}{4}$ сант.). Совпаденіе длины пакета несовсѣмъ случайно. По моимъ наблюденіямъ древнѣйшія бреве складывались въ пакеты именно около 10 с. величиной, но это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ схода въ ширинѣ листа пергамента. Въ Венеціанскомъ архивѣ изъ пяти видѣнныхъ мною бреве папы Евгенія IV четыре имѣютъ 36 сант. на: 1) $7\frac{1}{4}$, 2) $7\frac{3}{4}$, 3) 9 и 4) $12\frac{3}{4}$ сант. и только одно 39 сант. на $8\frac{1}{4}$ сант. Соответственно съ этимъ и пакеты измѣняются въ своей величинѣ: 1) 9×3 ; 2) $9\frac{1}{2} \times 2\frac{3}{4}$; 3) $9\frac{1}{2} \times 3$; 4) $9\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2}$; 5) 10×3 сант.

2) На примѣръ, въ собраніи автора бреве папы Григорія XIII отъ 18 января 1584 года (*Dilecto filio sauarum Curiae Camerae Apostolicae generali Auditori*) написано на листѣ $60 \times 76\frac{1}{2}$ сант., при чемъ было свернуто пакетомъ 13×20 сант., а бреве папы Урбана VIII отъ 18 Іюня 1627—«ad perpetuam rei memoriam» и потому безъ адреса, написано на листѣ въ 56×74 сант. Такой размѣръ конечно не представляетъ еще предѣла пергаменнаго листа. Дипломатисты указываютъ: — А. Giry — «charte de coutumes de Condom» 1814 года—размѣръ 75×95 с., при чемъ листъ правильный четырехугольникъ (см. р. 496), С. Paoli—въ флорентинскомъ архивѣ «un documento di vendita» 1243 года размѣромъ 116×95 сант. (р. 42) Однако этотъ листъ едва ли правильной формы. Иногда, особенно въ Венеціи—цѣлую шкуру утилизировали возможно больше въ длину и листъ оканчивался неправильными выступами, какъ бы хвостомъ. Въ собраніи автора актъ 1307 года (за подписью дожа Пьетро Градениго) имѣетъ 101×55 сант.; другой актъ 1321 года (за подписью дожа Giovanni Soranzo)— 106×57 сант., и третій 1377 года (за подписью дожа Андреа Контарини) совсѣмъ исключителенъ по длинѣ $117\frac{1}{2} \times 73$ сант. Надо принять во вниманіе и самый матеріалъ бреве—очень тонкій и нѣжный. Буллы бывали и большаго чѣмъ бреве размѣра. Въ собраніи автора, на примѣръ, находится булла папы Павла III («*Dilecto filio Francisco Sanctorum Nerei et Achillei presbytero cardinali Sfondrato, a facultas*»—данная кардиналу, отправляющемуся посломъ къ императору Карлу V)—отъ 27 Февраля 1546 (но по январскому году на самомъ дѣлѣ 1547 года), размѣръ листа которой 79×93 сант., то есть

Помѣты на оборотѣ бревѣ относятся къ позднѣйшему времени и сдѣланы различными архивариусами того архива, въ которомъ документъ этотъ хранился¹⁾. На оборотѣ же находится совершенно ясный слѣдъ приложенной овальной красновосковой печати. Возникаютъ вопросы—какая печать была приложена и какимъ образомъ, если актъ долженствовалъ быть запечатаннымъ, остался въ видѣ бланка съ невписаннымъ именемъ посла. Отвѣтъ на первый вопросъ ясенъ — печать папская находилась въ Римѣ и только тамъ могла быть приложена, документъ былъ выданъ, какъ законченный и вписанъ въ регистръ бревѣ. Слѣдовательно присутствіе печати вполне нормально. Отвѣтъ на вто-

превышаетъ площадью знаменитую Кондомскую хартію (7189 и 7125 кв. сант.). S. Steinherr въ статьѣ «Die Facultäten eines päpstlichen Nuntius im 16 Jahrh.» (въ «Mitth. des Inst. für Österr. Geschichtsforschung», Band XIX—1898—с. 827—342) издалъ подобный актъ по нотаріальной копіи («ego notarius legi, palpari et diligenter inspexi quandam bullam bulla plumbea praefati S-mi D. Pii papae quarti cum cordula sanapis more Romanae curiae impendente bullatam, sanam et integram, non vitiatam, nec in aliqua sui parte suspectam ...»). Булла изданная Штейнгеромъ была дана знаменитому кардиналу Станиславу Гозию («Stanislao Hosio episcopo Warmiensi») въ 1560 году (XV. Kal. Aprilis anno primo—по мартовскому счету 1559), по тексту, повидимому, значительно обширнѣе «наказа» кардиналу Сфондрато, а слѣдовательно, какъ можно предполагать, была написана на листѣ и еще большаго размѣра, чѣмъ упомянутая булла 1547 года. Исключительно громадный листъ пергамента представляетъ одна булла, не отлѣченная въ учебникахъ дипломатики. Въ Венеціи въ знаменитомъ ея архивѣ de' Frari—въ «Sala diplomatica Regina Margherita» выставлена булла папы Климента V, отъ 17 Февраля 1312 года—«bolla piccola, alta m. 1,05 X 1,24, con scrittura a linee fittissime, lunghe, ciascuna, metri 1,16» [см. «Sala diplomatica Regina Margherita» (Venezia. 1880. 16°), p. 44]. Личнымъ осмотромъ я убѣдился въ правильной формѣ и прекрасной выдѣлкѣ этого феноменально большаго листа. Не менѣе замѣчательно превосходное, мелкое и чрезвычайно уютное письмо, 166 строкъ котораго могутъ наполнить брошюру въ нѣсколько печатныхъ листовъ.

1) Двѣ записи разнаго времени говорятъ о содержаніи бревѣ: 1) «1570. Breue di Pio V diretto al Duca di Moschouia, inuitandolo alla lega contro il Turco in occasione dell'assedio di Cipro», 2) «9 Agosto 1570. Breue di S. Pio Papa V diretto al Duca Moscouia nel quale l'inuita entrare nella lega contro il Turco in occasione dell'assedio di Cipro». Первая запись ранняя, до канонизаціи папы; второй архивистъ называетъ его уже святымъ. Третья помѣта (почеркъ отличный отъ первыхъ двухъ) отмѣчаетъ мѣсто храненія: «№ 3. Mazzo B. Agtagio A». Въ какомъ архивѣ хранился документъ? Думаю, что онъ никогда не возвращался въ Ватиканъ, а лежалъ въ одномъ изъ многочисленныхъ фамиль-

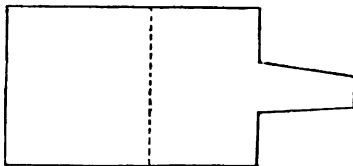
рой вопросъ можетъ быть данъ только путемъ тщательнаго выясненія техники запечатыванія папскихъ бреве. По моему мнѣнію бреве запечатывалось красновосковой печатью, при помощи пергаменной ленточки, но не всегда совершенно одинаково¹⁾.

ныхъ римскихъ архивовъ, въ который попалъ непосредственно отъ Винченцо даъ Портико. Историческіе документы Италіи, особенно папской куріи, очень разбросаны по всевозможнымъ архивамъ и собраніямъ. Помимо политическихъ переворотовъ и упраздненія монастырей, историческіе акты по обычаю переходили въ архивы сановныхъ родовъ. Значительная часть того, чему надлежало бы перейти въ государственный архивъ, по смерти сановника присоединялась къ семейному архиву. Вотъ почему D. Unger Berlière въ статьѣ «Aux Archives Vaticanes» (Bruges. 1908) дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Les archives de la secrétairerie d'État sont très dispersées; on en retrouve des fragments dans un grand nombre d'archives et de bibliothèques de Rome et d'Italie, surtout dans celles des grandes familles cardinalices» (p. 17).

1) Вопросъ о способѣ запечатанія бреве не изложенъ въ учебникахъ дипломатики. Да и вообще только детальное изслѣдованіе по большому количеству оригиналовъ можетъ выяснитъ видоизмѣненія способовъ запечатыванія вислыми и прикладными печатями. Мы уже говорили о древнѣйшихъ lettres closes. Въ дополненіе можно указать еще — на замѣтку — R. F. Kaindl: «Ueber den Verschluss der päpstlichen Documente im XIII. Jahrhundert» («Römische Quartalschrift», 1893), которая, какъ мнѣ кажется, очень нуждается въ подтвержденіи точными фототипическими снимками. Сохранившіяся въ значительномъ количествѣ, начиная съ XIV столѣтія, частныя письма даютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія вопроса о запечатаніи и указываютъ, что съ одной стороны разные способы существовали одновременно и что съ другой можно подмѣтитъ измѣненіе способовъ съ теченіемъ времени — по вѣкамъ — вплоть до изобрѣтенія конвертовъ. Такъ, между прочимъ, большинство писемъ XIV столѣтія, въ развернутомъ видѣ обнаруживаютъ ряды симметрично расположенныхъ тонкихъ и узкихъ прорѣзовъ. Значитъ, сложенное пакетомъ, письмо было проколото въ нѣсколькихъ мѣстахъ, очевидно въ цѣляхъ запечатанія, но адресъ на пакетѣ сохраняется при этомъ цѣликомъ. Наоборотъ весьма значительная часть писемъ XV вѣка дошла до насъ безъ печати и съ адресомъ, обрывающимся на полусловахъ. Это объясняется тѣмъ, что печать накладывалась не на самый пакетъ, а на особую бумажку и при томъ довольно хитрымъ спосо-

бомъ. Бралась бумажка приблизительно въ величину пакета = форма пакета, но

съ узкимъ прирѣзкомъ, какъ бы языкомъ:

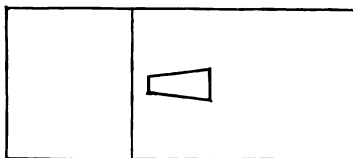
На прилагаемомъ клише ясно видно положеніе печати подъ пергаменомъ:

Съ другой стороны видѣнъ самый способъ прикрѣпленія печати.
(см. клише на стр. 33).

Пакетъ прокалывался какъ разъ по срединѣ и въ прорѣзъ вставлялся язычекъ бумажки, которая пополамъ облежала пакетъ съ двухъ сторонъ. Половина бумажки, благодаря язычку, продѣтому насквозь плотно прилегала къ сторонѣ адреса, а другая на обратной сторонѣ приходилась надъ отогнутымъ язычкомъ,

на который и накладывалась воскомастика:

На прижатой къ воскомастикѣ бумажкѣ оттискивалась печать «подъ бумажкой». Адресъ писался во всю длину пакета, а потому половина его приходилась на бумажкѣ, а другая на самомъ пакетѣ. Чтобы распечатать письмо необходимо было оборвать продѣтый насквозь бумажный язычекъ. Въ результатѣ печать и бумажка большею частью отпадали. Нерѣдко печать, погрѣвъ воскомастику, прикрѣпляли вновь къ распечатанному письму, не обращая при этомъ вниманія на точность ея положенія. Этотъ фактъ немаловаженъ, такъ какъ я по личному опыту знаю, что мнимая невозможность возстановить кон-

Снимокъ сдѣланъ съ документа наиболѣе всего подходя-

верть письма, вызывала неосновательныя подозрѣнія относительно подлинности документа. Рядомъ съ такимъ способомъ запечатанія другія письма, адресованныя тому же лицу и въ томъ же году имѣютъ вполне написанный на пакетѣ адресъ и продолжный проколъ по серединѣ, исключающій возможность употребленія бумажной ленты. Употребленіе простой суровой льняной нити вмѣсто ленты подтверждается рѣдкими образцами, на которыхъ около печати сохранились концы такой нити при наличности и серединнаго прокола (даже не прорѣза).

Письма XIII столѣтія съ двумя прорѣзами черезъ пакетъ, сквозь которые проходила пергаменная лента, коей концы припечатывались печатью на обратной сторонѣ пакета, см. «Kaiserurkunden in Abbildungen», Lief. VI, Tafel 18, (L. X. T. 16). Въ этомъ богатѣйшемъ изданіи есть изображенія и другихъ писемъ XIII—XIV вѣка, наприм. Lief. VIII, Taf. 19, письмо императора Рудольфа отъ 5 февраля 1286 года; на снимкѣ видна и форма пакета и гдѣ, и какъ проходила лента пергамена. Есть письма XIV вѣка и въ Archivio Paleografico Italiano, T. I, fasc. 2, №№ 19—26.

Для изслѣдованія писемъ итальянскіе архивы даютъ обширнѣйшій матеріалъ. Далеко не вездѣ такіе картеджи разобраны и вполне инвентированы. Какъ особенно драгоцѣнное и колоссальное депо писемъ надо указать на архивъ города Сіены. Составитель перваго изданія каталога: «La sala della mostra e il museo delle tavolette dipinte della Gabella e della Biccherna nel R. Archivio di Stato in Siena» (Siena. 1889. 8°) указываетъ, между прочимъ, что: «il carteggio dell' Archivio Senese incomincia dall' anno 1285 et conta oltre a centodiecimila

шаго — съ другаго бревѣ папы Пія V, отъ 1 іюля 1569 г.¹⁾ Утверждаютъ, что нѣкоторыя бревѣ (на листахъ) оставались открытыми — это упрощаетъ объясненіе присутствія печати на описываемомъ письмѣ папы къ Ивану Грозному, хотя утвержденіе стариннаго дипломатиста и требуетъ еще проверки наглядными примѣрами²⁾. Многочисленныя запечатанныя бревѣ могутъ вполне точно выяснитъ способъ, правильнѣе способы запечатанія. Клише съ бревѣ Пія V показываютъ, какъ печать прикрѣплена къ пергамену и какъ лента пергамена сверху прикрѣплена къ печати, но не даютъ точныхъ указаній, проникала ли ленточка, на которой находится печать, черезъ весь пакетъ или только черезъ одинъ листъ пергамена. Въ моемъ собраніи находятся два бревѣ сравнительно очень недавняго времени, а именно папы Григорія XVI (1831—1846), которыя по какой то слу-

lettere: in tanta dovizia riuscì agevole formare raccolte autografiche di letterati celebri, di donne illustri, di capitani di ventura e di condottieri famosi. Сколько знаю, архивы другихъ странъ менѣе богаты старыми частными письмами, но съ XV столѣтія матеріалъ становится колоссальнымъ. Письма XIV столѣтія издаются и отдѣльно единичными экземплярами. Такъ недавно: A. Bernt: «Ein Hohenfurter deutscher Privatbrief aus dem 14 Jh.» [въ «Mittheilungen d. Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», XL (Prag. 1901), 151—154]. Время написанія около 1335—1345. Въ Италіи особенное вниманіе посвящено письмамъ на итальянскомъ языкѣ. Есть нѣсколько небольшихъ изданій писемъ XIII—XIV вв. Особенно посчастливилось одному письму XIII ст., оригиналъ котораго находится до сихъ поръ въ частномъ владѣніи въ Сіенѣ и одно время предлагался къ покупкѣ: оно было напечатано и перепечатано не менѣе пяти разъ.

Въ изложеніи засѣданія Académie des Inscriptions et Belles Lettres, происходившаго 27 Октября 1905 года, читаемъ между прочимъ, что «M. Elie Berger examine les caractères extérieurs d'une vingtaine de lettres closes trouvées par M. l'abbé Bled aux Archives municipales des Saint.—Omer. Écrites entre 1316 et 1319, elles émanent du maire de Saint-Omer, Jean Bonenfant, de la comtesse Mahaut d'Artois etc. M. Berger rappelle à ce propos les règles alors suivies pour expédier, fermer, sceller et adresser les lettres closes. *La rareté des pièces de correspondance remontant au XIII et au commencement du XIV siècle donne à cette découverte une réelle importance*» («Revue Critique», № 45).

1) Находится въ собраніи автора, адресовано клерiku Баптисту Лючидо въ Мадерату.

2) Bezzel: «Specimen sphragistico-diplomaticum de annulo Piscatoris» (Altorfii. 1787), стр. 19: «... Plurima Brevia hoc modo clausa erant, paucissima aperta seu patentia, et haec tamen cum Annulo Piscatoris et cera rubra in tergo signata». Только по мѣсту приложенія печати можно доказать, что бревѣ не могло быть запечатано *этой печатью*.

чаинности остались нераспечатанными. Съ одного изъ нихъ, адресованнаго «Dilecto filio nostro Xaverio tituli S. Mariae de Populo Presbytero S. R. E. Cardinali de Cienfuegos Archiepiscopo Hispaniensi» (Franciscus Xaverius Cienfuegos былъ архіепископомъ Севильи съ 1825 по кончину свою 21 Іюня 1847 года), сдѣланы прилагаемыя клише (см. стр. 35—адресъ и 36 — обратная сто-

cto Filio nostro
 tituli S. Mariae de Populo
 Cardinali de Cienfuegos
 Archiepiscopo Hispaniensi

рова пакета). Ясно видно какъ узкій отрѣзокъ пергаментной ленты проникаетъ насквозь пакетъ черезъ прорѣзь въ одномъ мѣстѣ, на которомъ съ другой стороны и накладывается печать.

Этотъ способъ — съ прорѣзомъ — господствуетъ съ самаго начала брeve. На фототипической таблицѣ IV въ трехъ брeve папы Евгенія IV мы видимъ прорѣзы, расположеніе которыхъ

незначительно измѣняется отъ формы и величины пакета. Такъ бревѣ отъ 4 Сентября 1444 года было сложено слѣдующимъ образомъ:

—	—	—	—
—	—	— АДРЕСЪ	ПЕЧАТЬ
—	—	—	—

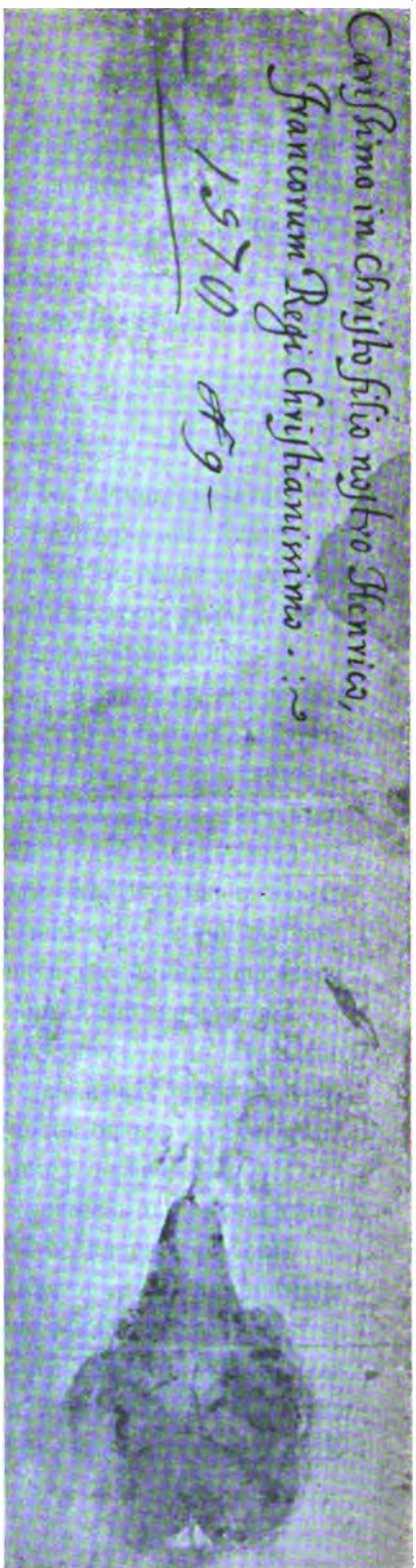
Остатокъ ленты, обрѣзанной при распечатаніи, ясно видѣнъ на снимкѣ около цифръ года написанія акта. Такой же кусочекъ пергамена замѣтенъ и въ текстѣ бревѣ 1443 года (см. слово «Reliquam»), но въ другомъ мѣстѣ, что зависитъ отъ положенія печати.

Совершенно подобный отрѣзокъ мы видимъ на прилагаемыхъ клише (см. на стр. 38). Снимки сдѣланы (одинъ съ наружной стороны, другой со стороны текста) съ бревѣ папы Григорія XIII, адресованнаго къ королю французскому Генриху III (die XVI Maii. M. D. LXXVIII; оригиналъ въ нашемъ собраніи), и съ бревѣ папы Урбана VIII (die VI Junii M. DC. XXVI), адресованнаго «Charissimae in Christo filiae nostrae Isabellae Portugalliae et Algarbiorum Reginae illustri» (оригиналъ въ нашемъ собраніи; этотъ адресъ см. клише на стр. 39).

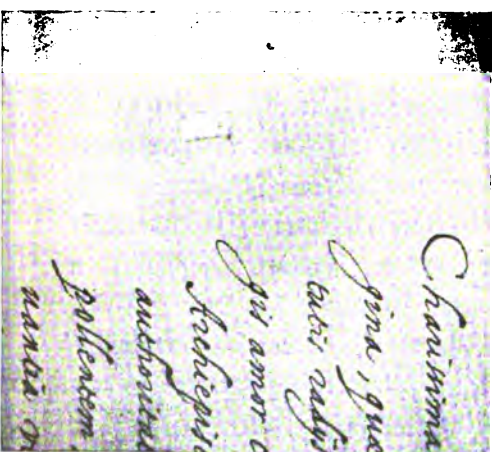
На маленькомъ клише видѣнъ обрѣзанный кусокъ пергаментной ленты, проходившей черезъ толщѣ пакета. На клише съ адресомъ замѣтно, какъ на отогнутыхъ концахъ ленты приложена была печать, только краемъ закрывшая эти отрѣзки.

Прорѣзы имѣются и на тѣхъ бревѣ, которые послужили намъ оригиналами для снимковъ печати рыбака (см. ниже).

Иногда, начиная съ XVII столѣтія (я не знаю болѣе раннихъ примѣровъ), мѣсто печати обводилось особою чертою, точнѣе сказать, прикладывался штемпель, указывавшій мѣсто приложенія печати. Такой штемпель мы видимъ на прилагаемомъ клише (см. на стр. 39) съ бревѣ папы Урбана VIII (die VIII Decembris M. D C. XXXX) адресованномъ «Charissimo in Christo filio nostro Vladis-

Книше съ адреса на брове папъ Григоріа XIII
къ Генриху III, королю Франци, отъ 16 Мая
1578 года.

Книше съ прорѣзъ для печати и съ началныхъ
строукъ текста брове папъ Урбана VIII отъ 6 Юни
1626 г. къ королевъ португальской Изабеллѣ.

Maximo in Christo filio nostro Maximo
Potente, et summo Regi. Miltice.

Maxime in Christo filie nostre Isabelle
Potentillie, et Auguste Regine. Miltice.

lao Poloniae et Sueciae Regi Illustri» (краткое посланіе касается: «litteras Maiestatis tuae, quas super disceptatione, quae inter Religiosos Societatis Iesu et Parochum Golambensem agitur, ad Nos dedisti, libenter legimus et venerabilem fatrem episcopum Posnaniensem ea de re Nobiscum disserentem benevole audivimus....»).¹⁾

Способъ запечатыванія при помощи прорѣза не былъ однако единственнымъ. Въ этомъ удостовѣряетъ, напримѣръ клише, помѣщенное ниже на стр. 54 и представляющее снимокъ съ находящагося въ нашемъ собраніи бреве папы Сикста V отъ 31 января 1586 года (адресовано «Dilecto filio Io. Petro del Drago ciui Romae») и подписано секретаремъ—«Io. Baptista Canobius»). Печать лишь прикрыта широкой пергаменной лентой, *которая прикреплена къ пергамену съ другой стороны, то есть со стороны текста, для чего и было оставлено широкое поле*. Прорѣзовъ нѣтъ и бреве было только сложено большимъ конвертомъ, но не запечатано. Передъ нами образецъ открытаго бреве и того способа запечатанія, который былъ употребленъ для посланія папы Пія V къ царю Ивану Грозному. Издаваемое нами бреве, какъ видно на таблицѣ I, также имѣетъ широкое поле съ лѣвой стороны и въ немъ замѣтенъ прорѣзъ, на которомъ была приложена печать²⁾.

1) Оригиналъ, происходящій изъ коллекціи Аззоліні, находится въ нашемъ собраніи.

2) Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, подъ № II, хранится бреве папы Григорія XIII отъ 11 Августа 1584 года, датированное: «Datum Romae apud Sanctum Marcum sub annulo Piscatoris die XI Augusti M. D. LXXXIII. Pontificatus nostri anno decimo» и скрѣпленное секретаремъ.—«Ant. Bussaradulius». Документъ въ такомъ ужасномъ состояніи въ смыслѣ сохранности, что нельзя разобрать ни мѣста приложенія печати, ни даже адреса. А между тѣмъ бреве интересно именно по адресату—оно адресовано московскимъ боярамъ и начинается словами: «Gregorius PP. XIII. Dilecti filii nobiles viri, salutem et omnis gratiae fructum. Perspectam esse vobis arbitramur nostram caritatem erga superiorem Magnum Moscoviae Ducem Ioannem. Convenit ut eadem caritate amplectamur Theodorum, ejus filium et successorem, cumque eo Vos etiam ipsos tam multarum provinciarum, tamque potentium populorum gubernationis adjutores. .» Листъ тонкаго пергамена, *широкій*, хотя на немъ и помѣщено всего 8 строкъ разгонистаго, округлаго письма. Повидимому одинъ писецъ съ бреве (хрисовуломъ)

Какая именно печать употреблялась для бреве — это мы узнаемъ изъ самаго текста, въ которомъ говорится — «*Datum Romae apud Sanctum Petrum sub annulo Piscatoris*». Объ этомъ перстнѣ рыбака существуютъ два специальныхъ изслѣдованія — Bezzel'я ¹⁾ и извѣстнаго ученаго Francesco Cancellieri ²⁾, книжкой котораго обычно пользуются позднѣйшіе дипломатисты. Древнѣйшее документальное извѣстіе и вмѣстѣ объясненіе перстневой папской печати приведено еще Мабильономъ ³⁾. Въ письмѣ папы Климента IV отъ 7 марта 1265 года (Potthast, 19051) говорится: «*Non scribimus tibi nec familiaribus nostris sub bulla sed sub piscatoris sigillo quo romani pontifices in suis secretis utuntur*». A. Giry приводитъ и дальнѣйшія указанія папскихъ документовъ 1279 — 1280 годовъ: «*est sigillata sigillo piscatoris*»; «*piscatoris annulo sigillata*», и письма папы Мартина IV отъ 21 октября 1283 года: «*has autem nostras litteras nostro secreto sigillo quod piscatoris dicitur fecimus communicari*». Такія исключительныя и необыкновенно рѣдкія, можно сказать, одиночныя указанія въ документахъ, позволяють твердо установить фактъ, что папы еще въ XIII

1582 года также какъ и одинъ и тотъ же секретарь. Въ листѣ *пропріумъ* имѣетъ и все говорить за то, что это бреве было — *breve apertum*. Двѣ старыя помѣты гласятъ:

а) на лицевой сторонѣ, подъ текстомъ: «Вѣрующая грамота Григорья Г. папы римского на посла ево на Антонья Посевиниуса писана къ царю Федору Ивановичю въ 1. 4. 80. году».

б) На обратной сторонѣ по нижнему краю превосходною скорописью: «Лѣта 7093-го Марта въ 16 день сю грамоту папы римского привезъ ко государю изъ Литвы Григорей Полтевъ».

1) *Iohannes Gabriel Bezzel: «Specimen inaugurale sphragistico-diplomaticum de annulo Piscatoris» [Altorfii typis Hesselianis (1787)], in 4°.*

2) «*Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello Pescatorio e degli altri anelli ecclesiastici...*» (Roma. 1823. 8°).

3) «*De re diplomatica*» (пер. изд.), стр. 130. Martène: «*Thes. anecd.*, t II, p. 110. «*Nouveau traité de diplomatique*», t. IV, p. 812. Cancellieri, l. c., p. 1. A. Giry: «*Manuel de Diplomatie*», p. 692. C. Paoli: «*Programma scolastico*», III, p. 27 (ошибается, считая первоисточникомъ Cancellieri). Фраза о печати передается разными авторами съ отгѣнами — «*familiaribus*» замѣняется «*consanguineis*» или совсѣмъ пропускается.

столѣтіи пользовались для частной переписки особой «секретной» печатью, которая прикладывалась перстнемъ съ изображеніемъ «рыбаря», то есть апостола Петра. Оттискъ кольца не могъ образовать свинцовой пломбы и потому мы не должны смѣшивать упомянутыхъ документовъ съ тѣми *litterae clausae*, запечатанными обычными буллами, о которыхъ мы выше говорили¹⁾. Писемъ *sub annulo Piscatoris* отъ XIII и XIV вв. въ подлинникахъ не сохранилось и какъ они были запечатаны мы не знаемъ, можно лишь предполагать о приспособленіи пергаменныхъ лентъ, какъ это замѣчено относительно древнѣйшихъ закрытыхъ писемъ. Что *litterae clausae*, смотря по содержанію и адресатамъ, могли быть двухъ типовъ—это вполне подтверждается подлинниками позднѣйшей эпохи. Папа Піи II несомнѣнно пользовался тѣмъ типомъ бреве, который выработался при Евгеніи IV и окончательно утвердился при Николаѣ V. Cancellieri указываетъ два бреве папы Піи II, въ 1458 году Піи II адресовалъ митрополиту Кіевскому Григорію бреве по формулѣ «*Pius Pater Pi*»²⁾. И въ тоже время этотъ папа посылалъ и бреве съ формулой «*episcopus servus servorum dei*», запечатанныя свинцовой буллою, приложенной къ веревочкѣ, которой пропнуровано насквозь пакетъ документа. На таблицѣ V-й, снимокъ b, мы даемъ адресъ такого бреве отъ 16 января 1462 года, адресованнаго — «*Dilectis filiis Prioribus libertatis et Vexillifero iusticie populi et communis ciuitatis Florentie*»³⁾; вмѣсто двухъ отверстій для шнура видѣнъ сплошной раз-

1) Къ сожалѣнію я не нашелъ въ дипломатической литературѣ не только подробнаго изложенія о двухъ типахъ папскихъ *litterae clausae* для времени до папы Евгенія IV, но и краткаго замѣчанія, кромѣ развѣ Ottenthal: «*Bullenregister*», p. 524.

2) Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VI, стр. 319. Во время Піи II *brevia plumbata* употреблялись едва ли не чаще, чѣмъ *brevia sub annulo piscatoris*. Въ Венеціанскомъ архивѣ бреве обоихъ видовъ (три *sub annulo piscatoris*, всѣ 1464 г.) одинаково адресованы — «*Dilecto filio nobili viro Christophoro Mauro Duci Venetiarum*».

3) По содержанію своему документъ свободно могъ бы оставаться открытымъ листомъ, онъ состоитъ изъ немногихъ строкъ: «*Pius episcopus servus servorum Dei dilectis filiis Prioribus libertatis et Vexillifero Populi et Communis*

рѣзь, путемъ котораго документъ былъ распечатанъ. Въ музеѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ находится подобное же письмо 1461 года, сохранившее буллу при очевидныхъ надрѣзахъ для распечатанія; на оборотѣ адресъ — *dilectis filiis capitulo ecclesie Cracoviensis*¹⁾. Въ томъ же архивѣ — музеѣ нахо-

Ciuitatis Florentie salutem et apostolicam benedictionem. Commisimus nonnulla dilecto filio nostro Angelo tituli sancte Crucis in Jerusalem presbytero Cardinali Reatinensi apostolice sedis legato presentium exhibitori nostri parte uestre deuotioni referenda, super quibus hortamur uelitis ei tanquam persone nostre indubiam fidem adhibere. Datum Rome apud Sanctum Petrum anno Incarnationis Dominice Millesimoquadringentesimosexagesimoprimo Decimoseptimo Kl. Februarii Pontificatus nostri anno quarto (подлинникъ въ собраніи автора). Angelus Carpanica, былъ епископомъ Пиети (въ средней Италіи) = Reatinensis съ 25 сентября 1450 года, сдѣланъ кардиналомъ въ 1460 году, ум. въ 1478. Секретарь папы, подписавшій бреше — *G. de Piccolominibus*, помѣстилъ свою подпись на пакетѣ подъ адресомъ въ правомъ углу.

Въ небольшой брошюрѣ — «*Constitutione di Pio Secondo, sommo pontefice, sopra le Gabelle da pagarsi da' Religiosi, e luoghi Pii*» («*In Siena. 1597*», in 4°, 15 стр.) напечатано бреше папы Пия II — «*Dilectis filiis Vicario venerabilis fratris nostri Archiepiscopi et Prioribus Guber. Communis et Capitaneo Populi ciuitatis Senarum*», датированное — «*Dat. Petrioli Sen. Dioc. sub annulo Piscatoris, die XXVII. Aprilis. M. CCCC. LXIII. Pontificatus nostri anno sexto*». Это бреше «*sub annulo Piscatoris*» подписано тѣмъ же папскимъ аббревиаторомъ, что и нами издаваемое, а именно — *G. de Piccolominibus*. Въ изданіи L. Pastor: «*Ungedruckte Akten zur Geschichte der Päpste*» (Freiburg im Breisgau. 1904. 8°) напечатанъ длинный рядъ бреше папы Пия II, часть которыхъ узнается по начальной формулѣ, а нѣкоторые и по точному указанію — «*sub annulo piscatoris*» (напр. № 114 отъ 30 Мая 1461 года, № 143 — 11 Августа 1463; № 164 — отъ 3 Ноября 1463). Только три бреше издано по оригиналамъ трехъ разныхъ архивовъ — № 139 — 1 Марта 1463 года (Страссбургъ); № 145 — 7 Сентября 1463 (Флоренція); № 181 — 1 Февраля 1464 (Болонья). Подъ № 186 (11 Апрѣля 1464 года) — издано бреше, которое было запечатано свинцовою буллою (оригиналъ адресованный дожу Христофору Моро хранится въ Венеціанскомъ архивѣ). Подъ № 184 напечатанъ актъ, заслуживающій особаго освѣщенія. Это — письмо папы Пия II (отъ 7 Октября 1462 года), адресованное герцогу Фридриху Урбинскому, начинается по формулѣ: «*Pius episcopus seruus seruorum Dei...*» и оканчивается словами: «*Datum apud Petriolum et tamen propria scriptum nomine octobribus 1462*» (оригиналъ находится въ Флорентинскомъ архивѣ). Этотъ документъ по формѣ выдѣляется и изъ частныхъ папскихъ писемъ. Весьма интересно было бы знать, на чемъ — бумагѣ или пергаментѣ — было писано письмо, и какъ запечатано. Къ сожалѣнію L. Pastor ограничивается однимъ опредѣленіемъ: «*originale*». При моей справкѣ такое опредѣленіе оказалось ложнымъ, бреше находится въ спискѣ, въ бумажной тетради, виѣстѣ съ другими копіями.

1) «*Codex epistolaris saeculi decimi quinti*», t. III (W Krakowie. 1894. 4°), p. III, № 97.

дятся и два бреве папы Евгения IV—начинающіяся формулою «episcopus servus servorum Dei» и запечатанныя свинцовой буллою (у одного оригинала она виситъ и до сихъ поръ). Одно изъ этихъ бреве — отъ 9 апрѣля 1438 года — «Venerabili fratri archiepiscopo Gneznenſi»¹⁾, другое отъ 3 октября 1444 года — «Dilecto filio excellenti principi Kazimiro duci Litwanie»²⁾. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что употребленіе новаго типа бреве при этомъ папѣ началось послѣ 1444 года³⁾. Мы отмѣтили уже (см. выше) видѣнное нами въ Болоньѣ бреве 1436 года и въ данномъ случаѣ должны констатировать фактъ совмѣстнаго употребленія двухъ видовъ. Въ этомъ утверждаетъ и то обстоятельство, что пользованіе свинцовой буллою для litterae clausae отнюдь не прекратилось съ ближайшими преемниками Евгения IV. Прилагаемое клише (см. стр. 45) даетъ намъ внѣшній видъ и адресъ сложенного пакетомъ письма папы Бенедикта XIV отъ 1757 года, адресованнаго въ Венецію — «Dilecto filio nobili viro Francisco Loredano duci reipublice Venetiarum»⁴⁾.

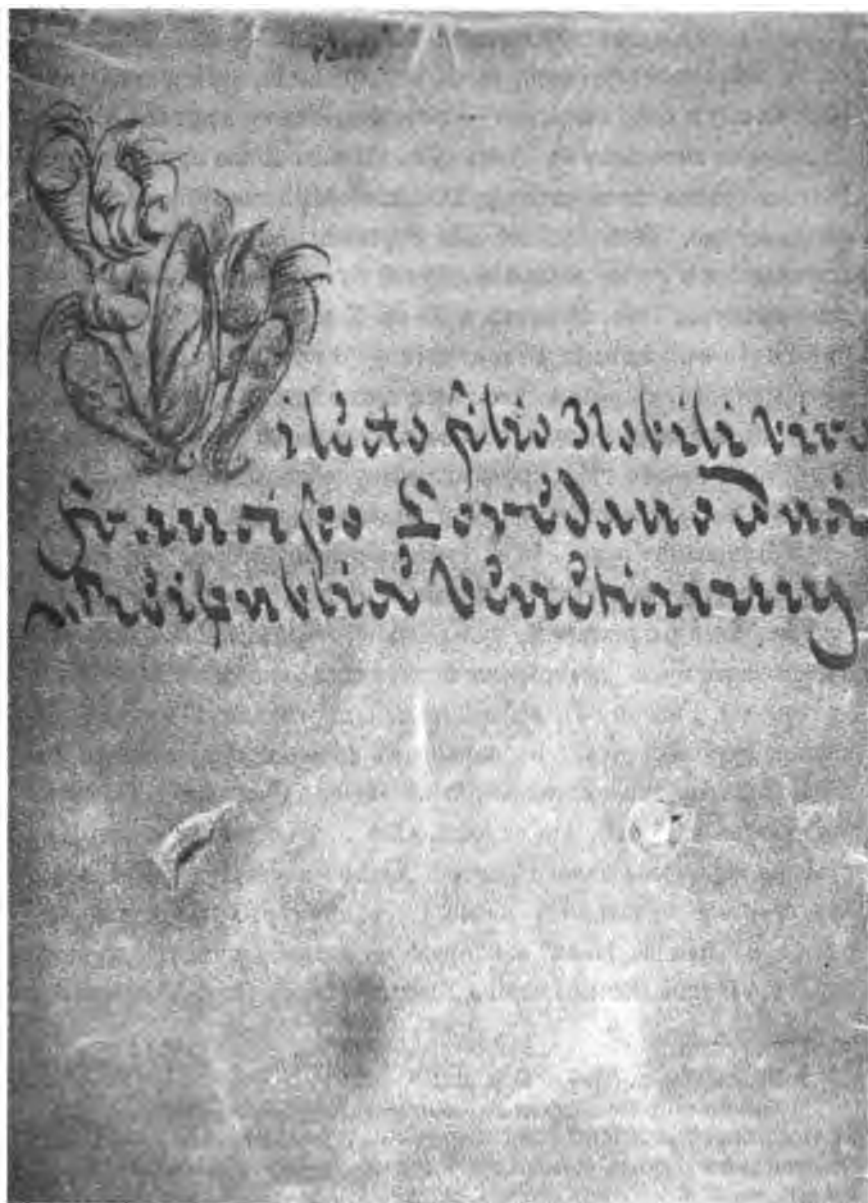
При папѣ Львѣ X безъ обозначенія мѣста и времени печати, но несомнѣнно Римъ и 1515 годъ, вышла въ свѣтъ небольшая брошюра (in 4°, на 28 нумеров. листахъ) — «Bulle et Breuia Apostolica plumbata: que S. D. N. D. Leo divina providentia Papa. X. ad Petrum Patriarcham Maronitarum in monte Libano

1) Ibidem, t. II, № 247, p. 365.

2) Ibidem, t. II, № 302, p. 451.

3) A. Giry опредѣленно говоритъ относительно бреве, что «les plus anciens que l'on connaisse remontent aux premières années du pontificat d'Eugène IV» (p. 699).

4) Подлинникъ въ собраніи автора (размѣръ листа 32×46 сант.), писанъ очень неразборчивой *scriptura bollatica*; начинается формулой настоящихъ бреве — «Benedictus Papa XIII» и обращеніемъ въ звательномъ падежѣ. Содержитъ извѣщеніе о назначеніи Николая Динариція (Nicolaus Dinarićius) архіепископомъ въ Спалато («Spalato»). Архіепископъ Николай, назначенный въ 1757 году и умеръ въ Сплитѣ въ 1764 году. Датированъ нашъ документъ — «Datum Rome apud Sanctam Mariam Majorem Anno Incarnationis Dominice Millesimo septingentesimo quinquagesimo sexto. Tertio Nonas Iannuarii Pontificatus Nostri anno decimo septimo». 3 Января по Мартовскому году падало еще на 1756 годъ.

Адресъ бреве папы Бенедикта XIV (отъ 3 Января 1757 года), адресованнаго дожу Франческо Лоредано.

partium Syrie per certos sue Sanctitatis nuncios misit». Въ этой книжкѣ послѣ буллъ напечатаны пять бреве — изъ коихъ четыре закрытыя («primum, secundum, quartum, quintum—breve clausum») и одно открытое — («tertium breve apertum»). Всѣ пять бреве написаны въ одинъ день «Datum Rome apud Sanctum Petrum. Anno Incarnationis Dominice Millesimoquingentesimoquintodecimo. Tertiodecimo Kⁱ. Septembris Pontificatus nostri anno tertio» и съ начальной формулой буллъ—«Leo episcopus servus servorum Dei». Значить и Левъ X употреблялъ — рядомъ съ brevia sub annulo Piscatoris — brevia plumbata, при чемъ мы узнаемъ фактъ, что такія бреве могли быть и открытыми, смѣшиваясь такимъ образомъ съ малыми буллами. Brevia plumbata — это тѣ по преимуществу «litterae apostolicae» — которыя выпускались «per cameram secretam pontificis».

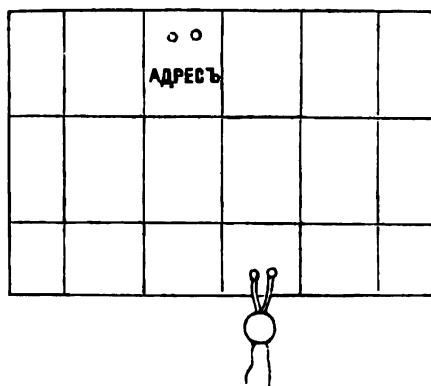
Установивъ совмѣстное существованіе brevia sub annulo Piscatoris (открытыхъ и закрытыхъ) съ brevia plumbata (также закрытыми и открытыми), мы должны отмѣтить еще фактъ существованія бреве, которыя по праву могли бы называться бревехрисовулы. Говоря объ исключительныхъ случаяхъ приложенія папами золотыхъ буллъ къ немногимъ документамъ, начиная съ XVI столѣтія, дипломатисты обыкновенно и самые таковые акты именуютъ буллами¹⁾. На самомъ дѣлѣ это не всегда такъ. Известная «грамота» папы Григорія XIII къ царю Ивану Грозному «за золотою печатью»²⁾ является, напримѣръ, несомнѣннымъ breve clausum. Какъ всѣ бреве и этотъ документъ имѣетъ адресъ: «Ioanni Basilii Domino Russiae Magno Duci Moschouiae,

1) Напримѣръ, A. Giry, l. c., p. 697.

2) Хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ одной изъ витринъ и въ описи папскихъ документовъ помѣчена, какъ № 1. Представляетъ довольно большой листъ толстаго, прекрасной выдѣлки, пергамента (не менѣе 40×60 сант.), текстъ состоитъ изъ 24 строкъ, имя папы написано крупными буквами (около 2 сантиметровъ высотой), но безъ всякихъ украшеній. На актѣ имѣются русскія помѣты: 1) на лицевой сторонѣ въ самомъ низу: «Грамота Григорія ꙗ папы римского к царю Ивану»; 2) на сторонѣ адреса: «ѣ (7091—1583) Генваря въ—д(ень) съ Яковом с Молявининовымъ».

Nouognardiae, Smolensciae, Vlodimiriae, Domini Casani et Astracani multarumque aliarum Prouinciagarum Principi magno et desideratissimo». Начальная формула — «Gregorius Episcopus Seruus Seruorum Dei Ioanni Basilio Domino Russiae (etc. повторяется титулъ адреса) salutem et omnis gratiae fructum», обычная формула, такъ какъ апостольское благословеніе не католику, которое мы находимъ въ издаваемомъ нами бреве 1570 года является рѣдкимъ и рѣзкимъ исключеніемъ¹⁾. Датировка: «Datum Romae apud Sanctum Marcum Anno incarnationis Dominicae Millesimo Quingentesimo Octuagesimo Secundo Kalendis Octobris Pontificatus Nostri anno undecimo» — обычная для буллъ и brevia plumbata. Подпись секретаря «Ant. Виссарадулиусъ»²⁾. Весьма примѣчательнъ фактъ, что документъ написанъ округлымъ письмомъ — scrittura gotana — настоящихъ бреве, не схожимъ съ обычнымъ готическимъ почеркомъ буллъ.

Бреве было сложено пакетомъ довольно необычно. Повидимому вдвое поперекъ, потомъ втрое и вдоль, и поперекъ, такъ что складки указываютъ на слѣдующее строеніе пакета:

1) Въ Моск. Арх. Мнѣ. Иностр. Дѣлъ хранится бреве папы Иннокентія XI, отъ 5 Августа 1684, адресованное царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ, которое начинается даже безъ обращенія: «Innocentius pp. XI. Ubi grato recolimus animo insignes victoriae...».

2) Въ Московскомъ Архивѣ подъ № 2 хранится бреве sub annulo Piscatoris отъ 1584 года, подпись секретаря таже. Клише на стр. 38 изображаетъ адресъ

Сквозь всю толщу пакета былъ продѣтъ шнуръ, скрученный изъ золотыхъ нитей вмѣстѣ съ нитями шелковыми красными цвѣта бордо. Золотая булла, прикрѣпленная къ шнурѣ, состоитъ изъ двухъ спаянныхъ пластинъ, изъ коихъ пластина съ головами апостоловъ гораздо толще. Печать массивная, великолѣпной художественной работы¹⁾. При распечатаніи печать просто на просто была отрѣзана, при чемъ шнуръ перерѣзанъ у самой печати. По распечатаніи шнуръ былъ опять продѣтъ въ два отверстія, проходившіяся подъ текстомъ и концы сшиты съ отрѣзкомъ, оставшимся у буллы.

Какъ мы уже говорили, золотая печать въ данномъ случаѣ не характеризуетъ какой либо типъ документовъ исключительной важности, а служить знакомъ почета и вниманія къ адресату. Впрочемъ однако нельзя не замѣтить, что печати изъ золота придавалось всетаки особенное значеніе. Въ одномъ письмѣ будущій папа Левъ XI съ явнымъ удареніемъ пишетъ — «l'uno e l'altro uorrei sigillare con un sigillo di oro»²⁾.

бreve, посланнаго королю французскому Генриху III, подписать это breve тотъ же Antonius Bussaradulius, который весьма вѣроятно былъ секретаремъ бреве ad principes [см. Bonamicus, l. c., p. 257 указываетъ, что «ad latinas literas scribendas» папа Григорій XIII назначилъ Буккападулія «amicitia impulsus» (надо замѣтить, что «Bussaraduliorum familia non in postremis Urbis Romae numeratur»)].

1) Штемпеля золотыхъ буллъ были нѣсколько отличны отъ обыкновенныхъ штемпелей и рѣзались превосходными мастерами. Въ «Catalogue of manuscripts and other objects in the Museum of the Public Record Office» (Third edition. London. 1905. 8°), составленномъ Maxwell Lyte, относительно печати, привѣщенной къ буллѣ, которой папа Климентъ VII подтвердилъ въ 1524 году Генриху VIII званіе «defensor fidei» сказано: «solid golden bulla by Benvenuto Cellini» (стр. 90). Булла Льва X—1521 года—уничтожена въ пожаръ бібліотеки Коттона.

2) Подлинное все собственноручное письмо (l. a. s. 1½ p. folio) въ нашемъ собраніи. Адресовано—«Al molto magnifico et reuerendo come fratello mi Antonio Beneuieni Vicario nostro in Firenze» (адресъ писанъ рукою секретаря). Письмо датировано «Di Roano il di 22 di gennaio 1597» и подписано «nostro come fratello il Cardinale di Firenze» [Александръ Октавіанъ Медичи архіепископъ Флоренціи съ 1574 года, кардиналъ съ 1583, былъ избранъ папою (принялъ имя Льва XI) 1 Апрѣля 1605 года, скончался 27-го Апрѣля того же года]. Во время написанія письма кардиналъ Медичи находился во Франціи въ качествѣ папскаго легата.

Если при распечатываніи бреве, скрѣпленныхъ свинцовою печатью, булла при разрѣзѣ краевъ пергамена большею частью выпадала, то еще рѣже сохранялась печать рыбака въ документахъ — «sub annulo piscatoris». Эта печать, представляющая апостола Петра, закидывающаго сѣти съ лодки, съ именемъ правящаго папы надъ верхнемъ краемъ изображенія, оттискивалась на тонкомъ слоѣ красно-восковой мастики, охранялась ободкомъ изъ шнура, окружающаго оттискъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ отскакивала отъ пергамена бреве при сдергиваніи пергаменной ленты, къ ней пригѣпленной. Насколько свинцовая булла противостоитъ давленію и тренію въ архивныхъ связкахъ, настолько легко отъ малѣйшей неосторожности крошится печать рыбака. Этой нѣжностью печати бреве объясняется, что въ XVIII столѣтіи ни Мабильонъ, ни Бенедиктинцы, ни Муратори — не дали ея изображенія. Gabriel Bezzel (l. c.) говоритъ: «Verum enim vero tanta est Annuli Piscatoris raritas, ut neque ipsum extra Romam et arcana penetralia Papae visere liceat, neque delineationem vel totius annuli, vel sigilli tantum expressi, fere ullibiprehendere possis»¹⁾. Въ виду такой рѣдкости сохранившихся печатей бреве Bezzel и далъ изображенія — печатей Иннокентія VIII и Александра VI по бреве, сохранившимся въ Нюрнбергскомъ архивѣ (см. рис. на стр. 50).

А. Гігу въ своемъ извѣстномъ курсѣ Дипломатики воспользовался снимкомъ съ изображенія печати XVII столѣтія (папы Урбана VIII — отъ 22 апрѣля 1626 года), по факсимиле въ палеографическомъ сборникѣ «Facsimilés à l'usage de l'École des Chartes». Такое позаимствование сопровождается указаніемъ —

1) Bezzel приводит и любопытную цитату Шмидта — «... praecipue notatum velim, quod sigillum hoc facile deleri queat. Hinc illud in literis pontificalibus, sub Piscatoris Annulo datis, in nostra Germania vel plane non vel rarissime in cera rubra expressum apparet. Partim enim sub ipsa manu Secretarii, cerae chartam leniter imprimentis, ductus aufugere incipiunt, partim dum Brevia Roma in Germaniam, in fasciculo aliarum literarum probe constricto, mittuntur, teste experientia plane delentur. Frustra ergo fuit omnis nostra cura ut istud inspiceremus».

«comme, en ouvrant le bref, on en brisait ordinairement le cachet, il nous est parvenu *très peu* d'empreintes intactes» (p. 701).

Cesare Paoli держится того же мнѣнія — «poche impronte di tali sigilli si conservano perche andavano distrutte nell'aprire le lettere» и считаетъ нужнымъ отмѣтить, какъ исключеніе — «ma alcune molto belle sono in alcuni brevi di Giulio II degli anni 1511 — 1512, che si conservano nell' Arch. Fior. tra le pergamene Strozziiane»¹⁾.

Е. Watterton въ статьѣ «On the Annulus Piscatoris, or Ring of the Fisherman» далъ изображеніе печати на бреве папы Климента VIII²⁾ (см. рис. на стр. 51).

1) «Programma Scolastico», III, 28. Въ другомъ выпускѣ своего труда Paoli считаетъ долгомъ описать эти оттиски: «aggiungo qui la descrizione dell'impronte di tali sigilli, quali si ricavano da alcuni esemplari di Giulio II, benissimo conservati nell'Archivio di Stato di Firenze. La forma del sigillo è tra tonda e ovale; l'impronta in cera rossa, rappresenta s. Pietro nella barca e in alto ha una cartella, in cui sta scritto in lettere capitali: IULIUS PP. II. Attorno al sigillo è una cordicella di pergamena, e dal medesimo si diparte una striscia pur membranacea che aveva servito a fasciare la lettera chiusa» (IV, p. 237—238).

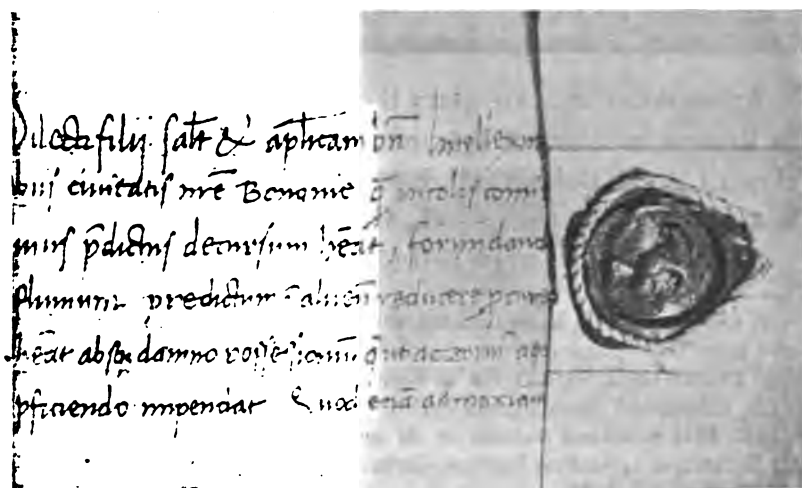
С. Paoli прослужилъ и проработалъ въ Флорентинскомъ архивѣ, можно сказать, всю свою жизнь. При немъ было предпринято и исполнено выдѣленіе въ особые картоны документовъ на пергаментѣ съ *хорошо* сохранившимися прикладными печатами въ виду рѣдкости и хрупкости такихъ образцовъ. Въ этихъ картонахъ и находятся бреве, описанныя Паоли. Ихъ всего не больше трехъ и всѣ одного лишь папы Юлія II. Понятно разрушеніе печатей на бреве въ Итальянскихъ архивахъ, если мы вспомнимъ распространенный обычай хранить документы свернутыми въ трубочку. А въ архивѣ, напримѣръ, Болоньи, бреве *переплетены* въ большіе томы!

2) «Archaeologia», t. XL (London. 1866) — pp. 138—142. Рисунокъ снятъ съ печати на бреве отъ 5 Января 1598 года, находившемся въ собраніи автора.

Въ виду большой рѣдкости сохранившихся оттисковъ печати рыбака мы даемъ здѣсь нѣсколько клише съ печатей болѣе или менѣе хорошо сохранившихся и заранѣе извиняясь за несовершенство снимковъ съ красно-восковыхъ оригиналовъ съ весьма слабымъ рельефомъ.

1) Папы Павла II, съ печати, прекрасно сохранившейся на бреве отъ 29 Апрѣля 1466 года, находящемся въ архивѣ г. Болоньи:

Бреве это адресовано правительству Болоньи (Dilectis filiis Antianis) и датировано слѣдующимъ обычнымъ образомъ: «Datum Rome apud Sanctum Marcum sub annulo Piscatoris die XXIX Aprilis M. CCCC. LXVI. Pontificatus nostri anno secundo». Скрѣпилъ бреве секретарь — «L. Dathus».

2) Папы Сикста IV на бреве отъ 23 Февраля 1483 года, хранящемся также въ архивѣ Болоньи:

Адресованное правительству Болоньи, бреве датировано: «Datum Rome apud Sanctum Petrum sub annulo piscatoris die XXIII Februarii M. CCCC. LXXXIII. Pontificatus nostri anno duodecimo» и подписано секретаремъ — «L. Grifus»¹⁾.

3) Папы Иннокентія VIII (бреве отъ 6 Декабря 1486)²⁾.

1) Биографія этого апостольскаго секретаря занимаетъ въ трудѣ Бонамичи всего нѣсколько строкъ: «Leonardus Gryphius Romanus, sive ut alij putant Beneventanus, Sixto IV fuit ab Epistolis. Primum episcopus Eugubinus factus fuit, deinceps ad Beneventanam Ecclesiam multo opulentiorē translatus. Obiit an. 1485. Ejus mentionem fecimus, ne iis sermo daretur, qui ejus nomen saepe inter Secretarios Apostolicos legerunt. Caeterum quid scripserit et quomodo scripserit, ignoramus» (p. 189—190).

2) Подлинное бреве въ собраніи автора: «Datum Rome apud sanctum Petrum sub annulo Piscatoris Die IV. Decembris M. CCCC. LXXXVI. Pontificatus Nostri Anno Tertio». Бреве адресовано въ Перуджу и подписано папскимъ секретаремъ «Ніе. Валбанус». Джироламо Балбано, секретарь бреве при Иннокентіи VIII (потому что «fuit homo doctus» и «sane in scribendo elegans», — въ 1491 году былъ посвященъ епископомъ и назначенъ въ Перуджу, но умеръ черезъ нѣсколько дней.

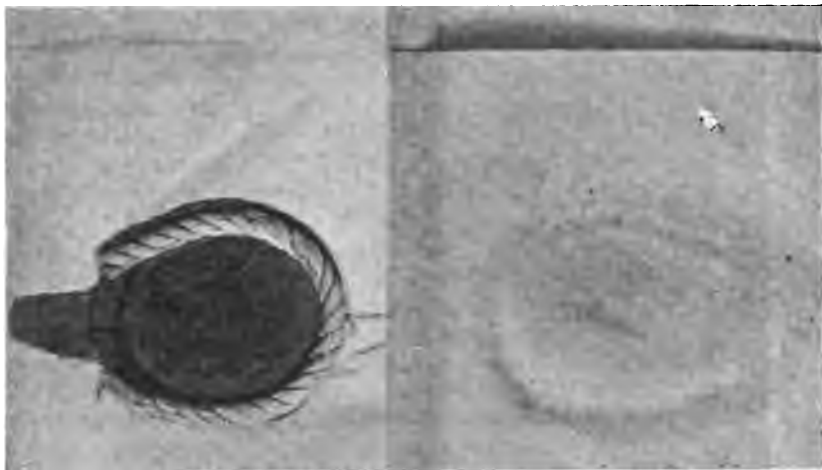

4) Папы Юлія II изъ документовъ 1508 и 1509 годовъ¹⁾. Оба акта написаны не на пергаментѣ, а на бумагѣ.

1) Оба документа — не бреве, о чемъ рѣчь будетъ впереди, находятся въ собраніи автора. Первый датированъ — «Datum Rome apud Sanctum Petrum anno incarnationis Dominice millesimo quingentesimo octauo die uero uigesima octaua mensis Julii Pontificatus nostri anno quinto», второй — датированъ 10 Октября 1509 года.

5) И папы Сикста V, одного изъ преемниковъ папы Пія V¹⁾, съ бреве 1586 года²⁾:

Красновосковская печать sub annulo Piscatoris просуществовала до половины XIX столѣтія, когда папа Григорій XVI замѣнилъ ее въ 1842 году красочнымъ (краснымъ) оттискомъ прямо на пергаментѣ. Прилагаемыя клише штемпелей папъ Григорія XVI и Льва XIII³⁾ воз-

1) Мнѣ не удалось достать вполне сохранившейся печати самого Пія V, всѣ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи попорчены.

2) Оригиналъ въ собраніи автора — адресованъ «Dilecto filio Io. Petro del Drago Cini Romano» и датированъ — «Datum Romae apud S. Petrum sub annulo Piscatoris die XXXI. Jannuarii M. D. LXXXVI Pontificatus Nostri Anno Primo» по поводу выдачи замужъ дочери адресата Пруденціи за миланца Antonio Reупа и денежнаго приданого, ей даваемого). Подпись секретаря: «Io. Baptista Canobius». О немъ см. Philippi Bonamicii: «De claris pontificiarum epistolarum ascriptioribus» (Romae. 1770), p. 262.

3) По подлинникамъ собранія автора: 1) папы Григорія XVI бреве кардиналу Франческо Капаччини отъ 24 Апрѣля 1845 года, 2) Льва XIII отъ 21 Марта 1879 года. Бреве папы Григорія XVI представляетъ пѣлую тетрадь и является документомъ открытымъ — breve apertum. Надо замѣтить, что бреве довольно скоро утратили свою основную черту — малый размѣръ и краткость. Мнѣ не случилось видѣть, но необходимо допустить существованіе бреве въ формѣ тетрадей (а слѣдовательно какъ brevia aperta) еще въ XVI столѣтіи. Напримѣръ, у меня имѣется оригинальное (= первое) изданіе: «Literae S-mi. D. N. Gregorii

буждаютъ вопросъ о томъ, какимъ перстнемъ они приложены (см. клише на стр. 56)¹⁾.

Штемпель папы Льва XIII настолько великъ, что возникаетъ сомнѣніе—тотъ ли это перстень, который папа обычно-

Папae XIII *in forma brevis, facultatis erigendi Montem Domicellorum Urbis non vacabilem, ad scutorum sex cum dimidio pro quolibet loco* («Romae. Apud Paulum Bladum Impressorem Cameralem. M. D. XCI», in folio, на 6 нумер. листахъ), въ которомъ напечатано бреве по обычной формѣ, съ датировкой: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris die 21 Martii. M. D. XCI. Pontificatus Nostri Anno Primo». Подъ текстомъ, отступя, подписи «M. Vestrius Barbianus» (секретарь папы — «Marcellus Vestrius Barbianus» см. Bonapicinus, l. c., p. 262 — 263) и «Antonius Ruloffius». Между текстомъ и подписями напечатано «Loco † Sigilli», то есть указано, что *подъ текстомъ*, а не на оборотѣ документа была приложена печать annuli Piscatoris. Размѣръ бреве — *десять полныхъ страницъ* in folio весьма убористаго шрифта, заставляетъ думать, что оно было написано тетрадью, форма, которой въ это время пользовались для большей части консисторіальныхъ бумагъ.

Вопросъ можетъ рѣшиться имѣющееся въ нашемъ собраніи бреве, написанное тетрадью и относящееся къ началу XVII вѣка, а именно папы Павла V отъ 6 Іюля 1610 года. Тетрадь состоитъ изъ 22 листовъ + 2 листа обложки, форматъ in 4°, текстъ занимаетъ 42 страницы. Подъ текстомъ приложена безъ всякаго прикрѣпленія печать рыбака. Ниже печати подпись секретаря: «S. Cobellutius» (=Scipio Cobellutius, кардиналъ съ Сентября 1616 г., ум. въ 1627 г.). Бреве датировано: «Datum Romae apud Sanctum Marcum sub Annulo Piscatoris, die VI Julii M. DC. X. Pontificatus nostri anno sexto». Документъ написанъ «ad futuram rei memoriam» и касается герцога Фридриха Чези («..... nos dilectum filium nobilem virum Federicum Cesium Aquae Spartaе ducem....»).

Въ виду сравнительной рѣдкости старыхъ brevia aperta мы даемъ снимокъ съ послѣдней страницы, съ приложенной къ ней печатью (см. клише на стр. 57).

1) Новѣйшія анекдотическія свѣдѣнія о перстнѣ рыбака сообщили, напиримѣру, Salvatore Cortesi въ «Adriatico» (Venezia) отъ 13 Октября 1899 года подъ заглавіемъ — «I sigilli papali». Перепечатаваемъ замѣтку, такъ какъ въ ней освѣдомленный авторъ касается современныхъ обычаевъ и правилъ, освѣщающихъ и прошлое: «Pochi giorni or sono il papa, dopo essersi servito dell'anello piscatorio, che viene adoperato come sigillo per i brevi e per i più importanti atti pontifici, lo conservò nel dito e si addormentò nella stanza ove suole fare la siesta quotidiana e che, quasi a rispecchiare la semplicità caratteristica del pontefice, non possiede altri mobili all' infuori di un divano e di un seggiolone a bracciuoli.

Nel sonno il prezioso anello scivolò dal dito del dormiente, le cui mani si sono assottigliate con l'età e quando egli fu sveglio, non ricordando forse di averlo tenuto, non si accorse della mancanza. Fu però rinvenuto da uno degli attendenti, il quale si affrettò a farsi ammettere alla presenza del papa, e prostratosi ai suoi piedi gli porse la storica reliquia dicendogli:

Печать на бреве 1879 года.

— Debbo restituire ciò che sarebbe stata una perdita non solo per la Santità Vostra, ma pel mondo intero.

Leone XIII guardò attonito l'anello, lo prese, lo ripose all'anulare e data la mano da baciare all'attendente gli disse con una certa solennità:

— La Chiesa vi ringrazia per mio mezzo. Andate, figlio mio, che provvederò perchè siate ricompensato.

Il giorno dopo infatti l'attendente fu chiamato in Tesoreria, dove, a nome del papa, gli furono rimesse... 15 lire!

A dimostrare la tenuità della ricompensa basterà rilevare brevemente quale importanza abbia per la Chiesa l'anello piscatorio, che riceve il suo nome dall'immagine che vi è incisa, rappresentante San Pietro in atto di pescare, mentre dalla nave getta le reti in mare.

L'origine di questo gioiello è ignota, e solo si hanno documenti per provare che il primo a servirsene come sigillo di Stato fu il papa francese Clemente IV nel 1285; ma è certo che i pontefici lo adoperavano già da parecchio tempo nei documenti segreti. Da Callisto III in poi è stato adoperato nei brevi, che vengono compilati dal cardinale segretario dei brevi; eccetto quelli diretti ai regnanti, pei quali vi è il segretario dei brevi *ad principes*.

Contrariamente a quanto avviene per quasi tutti i sigilli di Stato pei quali vi è un'alta carica che ha l'ufficio di custodirli, l'anello piscatorio, quando non è

...palmis, Sarum serie diuincat specialiter, et expressis
...lacrimis Moru. scilicet, et potestatem paribus largientis, et
...conuincit quibusque. Datus Roma apud Sanctum
Marcum sub Anno Piscatoris, die Vj. Julij
M. D. C. X. Pontificatus Nostri Anno Sexto.;

J. Cobellinus.

венно носить на рукѣ. Edmund Waterton въ замѣткѣ «On the

nelle mani del pontefice, è tenuto dal maestro di Camera del papa insieme agli altri oggetti personali di lui. E' stato affidato al cardinale segretario dei brevi soltanto durante l'assenza dei papi dalla Città Eterna, quando la Curia romana ha continuato a risiedere in questa città e così è avvenuto, per l'ultima volta, se non erro, nel 1782 quando Pio VI andò a Vienna.

Altre volte l'anello del pescatore è stato smarrito o tolto temporaneamente ai papi. In data del 5 settembre 1588 il conte Olivares, ambasciatore spagnolo a Roma, scriveva a Filippo II che il papa (Sisto V) era caduto malato in seguito al dolore sentito per una perdita fatta. «Questa perdita—continuava l'Olivares—consiste nel non aver più trovato l'anello del pescatore, col quale sigilla i brevi. Egli lo portava seco in una borsa dalla quale gli fu rubato dall'attendente che lo serve a tavola e che lo aiuta a spogliarsi. Sebbene questo delitto sia in ogni caso grave, assume una gravità maggiore, essendo perpetrato a danno di Sua Santità. Ciononostante, amenochè la pubblicità della cosa ve lo induca, il papa non punirà il colpevole nè lo licenzierà dal posto che occupa, essendo affezionatissimo a coloro che lo servono da quando era cardinale e ripugnandogli di far sapere che la sua fiducia è stata tradita».

Questa lettera, che è poco o nulla conosciuta, mi sembra di una certa importanza anche perchè viene indirettamente a provare come Sisto V non fosse di animo così perverso come la maggior parte degli storici lo hanno descritto.

Due volte furono i francesi,—ora così cari al papato,— che si impossessarono violentemente dell'anello pescatorio.

Nel 1798 gli Stati pontifici invasati dai repubblicani d'oltralpe, Pio VI fu spogliato di quanto aveva, ma non essendone contento, il Commissario Haller si recò dal papa mentre desinava e gli disse:

— Vengo a prendere i vostri tesori.

— Ma non ho più nulla!—esclamò il Capo della Chiesa che era davvero ridotto alla miseria.

— Avete in dito due ricchi anelli. Datemeli.

Posso darvi questo che è mio, ma l'altro (era l'anello pescatorio) deve passare al mio successore.

— Datemelo — ingiunse Haller con voce minacciosa — o userò la forza.

Pio VI, per non subire una violenza, consegnò anche l'altro anello, che gli fu poi restituito il giorno dopo, quando i francesi si furono accertati che aveva solo un valore storico.

Pochi anni dopo i francesi dell'Impero non vollero essere da meno dei loro predecessori della Repubblica.

Come è noto, in una notte del 1809 il Generale Radet, inviato del grande Napoleone, scalò le mura del Quirinale, entro di sorpresa nella camera da letto di Pio VII e lo obbligò a seguirlo, quale prigioniero di Stato, accompagnato dal Cardinale Pacca. Il deportato pontefice non potè prender seco che la tabacchiera e l'anello pescatorio, il quale ultimo però fu forzato a consegnare al suo carceriere, ma non lo fece se non dopo averlo spezzato in due. L'anello fu tenuto a Parigi e da Luigi XVIII venne poi restituito allo stesso papa.

Annulus Piscatoris, or Ring of the Fisherman»¹⁾ данъ изображеніе перстня папы Пія IX, которое также удивляетъ своими размѣрами и соотвѣтствуетъ величинѣ штемпеля на бревѣ (см. клише на стр. 60).

Watterton свидѣтельствуетъ, что зарисованное имъ кольцо, ювелирной работы и изъ золота, но и это еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ не существуетъ ли двухъ экземпляровъ перстня, именуемаго annulus Piscatoris.

Что такое annulus Piscatoris—объ этомъ мы знаемъ изъ разнообразныхъ источниковъ. Въ словарѣ Дюканжа (новое издание) читаемъ: «Annulus Piscatoris — sigillum quo Romanorum Pontificum Brevia obsignantur. Tribus uti solent Sigillis: Annulo Piscatoris quo Brevia Apostolica in cera rubra; Bulla plumbea, qua Privilegia et Litterae Cancellariae, et *Signo* quo Bullae consistoriales muniuntur. Annulus Piscatoris dicitur, quod illo S. Petrus qui piscator erat, primus usus fuisse a vulgo existi-

L'anello pescatorio, oltre all'immagine di S. Pietro, della quale ho già parlato, contiene anche il nome del papa regnante e viene perciò spezzato alla morte di ciascun pontefice per esser certi che non venga abusivamente adoperato nell'interregno. Tale usanza cominciò dopo la morte di Leone X dei Medici e si è sempre osservata, salvo che per Pio VI, il quale morì in esilio a Valenza nel 1799 e non si potè quindi procedere alla rottura dell'anello, limitandosi in seguito a cambiarvi il nome del papa.

Oltre all'anello pescatorio vi è un altro sigillo, quello destinato a comprimere i piombi appesi alle bolle pontificie, il quale viene pure spezzato alla morte di ciascun pontefice. Anche questo ha da un lato il nome del papa regnante e dall'altro le immagini di S. Pietro e S. Paolo e viene conservato dal Cardinale vice cancelliere della Chiesa.

Giacchè sono venuto a parlare dei sigilli pontifici dirò che a questi se ne deve aggiungere un' altro, che avendo soltanto lo stemma del pontefice non viene rotto alla sua morte poichè cambia per intero col succedersi dei papi.

Finalmente Leone XIII ha creato un quarto sigillo che serve a sostituire nelle bolle di minore importanza quello destinato pei suggelli di piombo. Anche in questo sigillo sono da una parte le immagini degli apostoli e dell' altra il nome del papa regnante, ma viene impresso sui documenti mediante inchiostro rosso.

Alla morte di Leone XIII i Cardinali dovranno decidere se si debba esso pure spezzare ed è probabile siano per l'affermativa.

1) «Archaeologia» (Society of Antiquaries of London), t. XL (London. 1866. 4°), p. 138—142.

metur: at reuera quod ejusdem divi piscatoris imaginem insculptam habeat»¹⁾.

Франческо Канцеллиери собралъ рядъ извѣстій о томъ, что *annulus Piscatoris* обычно находился у папы и только временно передавался секретарю, завѣдывавшему бреве²⁾. По смерти папы

1) Въ этомъ опредѣленіи есть нѣсколько неточностей, знаменательныхъ при авторитетности источника. «Signum» большихъ буллъ не есть печать—это *gota*, вычерченная на пергаменѣ чернилами отъ руки, свинцовая булла—какъ печать, присутствуетъ и при «*gota*». Пропущенъ третій видъ папской печати—фамильной. Въ новомъ же изданіи словаря Дюканжа относительно бреве сказано: «*Brevia, Summorum Pontificum Epistolae quae in cera rubra sub annulo Piscatoris obsignantur*» и прибавлена цитата изъ «*Vocabul. Praedican.*»—«*Breve, neut. gen. vel Brevis, mase. gen., Germ. ein brieff, quam papa sigillat cum anulo lato in manibus, qui habet in se figuram Petri navigantis; quicquid autem cum plumbo sigillatur, non dicitur Breve*». Какъ мы видѣли, послѣднее утвержденіе отнюдь не можетъ быть принято какъ правило безъ исключеній.

2) Секретарь бреве былъ персоной очень важной и большей частью блисталъ пурпуромъ («*risplende per la Porpora*»), то есть былъ кардиналомъ. Co-hellius въ «*Notitia Cardinalatus*» (Romae. 1658) свидѣтельствуетъ, что папа Иннокентій VIII къ шести преждебывшимъ папскимъ секретарямъ прибавилъ еще 24. И такъ какъ — «*literarum apostolicarum expeditiones duplici via fiunt, altera, quae sub plumbo dicitur, sub cera vero altera, quae et Brevium, et sub Annulo Piscatoris appellatur, et hanc Secretariis curam attribuit, quae cum fre-*

перстень вмѣстѣ съ другими печатами публично разламывался во избѣжаніе какого либо незаконнаго пользованія. Такъ по кончинѣ папы Урбана VII (1590)—«*Reverendissimus Card. Justinianus Procamerarius consignavit Francisco (Mucantio) fratri Anulum Piscatorium fel. rec. Urbani VII, quem idem Franciscus ostendit pluribus Cardinalibus, qui illum videre voluerunt, et fuit recognitus, quum ex mandato Sacri Collegii illum cum malleo fregit in conspectu ipsorum Cardinalium; ita ut usui amplius non esset ad sigillum, et remansit apud ipsum fratrem, iuxta consuetum*»¹⁾.

Здѣсь упоминается *anulus Piscatoris* въ единственномъ числѣ, какъ въ подавляющемъ большинствѣ и другихъ случаевъ, но вотъ крайне важное свидѣтельство Francesco Mucanzio въ описаніи погребенія папы Григорія XIII (1585): «*fracta fuerunt Signa Bullarum et Anulus Piscatorius, et alia duo Signa Bullarum, et Anulus Piscatoris, et alia duo signa cum Armis Pontificis defuncti, quae omnia habuit Reverendissimus D. Card. Camerarius, excepto anulo Piscatoris, qui nobis sic fractus remansit, iuxta consuetum*». Авторъ цитаты такимъ образомъ говоритъ о двухъ формахъ для свинцовыхъ буллъ, о двухъ частныхъ печатяхъ

quantissima sit, magnum inde percipiunt emolumentum, inter ipsos diuidendum: et attenta rei gravitate, et facultate Pontifici reservata eligendi sibi Secretarium domesticum qui tanto muneri praesit, unum aliquando ex S. R. E. Cardinalibus jurisperitum, de rebus Romanae Curiae non mediocriter eruditum eligit et deputat.... Hic vero Secretarius domesticus in Apostolico Palatio mansionem habet et duas portiones ex emolumentis ab Innocentio VIII assignatas usque ad Sixti V tempora habuit» (p. 217). Однако при обзорѣ бреве въ одномъ только архивѣ Болоньи, мы констатировали для кратковременнаго правленія папы Калликста III подлинны десяти секретарей на однихъ лишь бреве.

1) Прикладываніемъ свинцовыхъ буллъ заведывали особые почетные чиновники *fratres Plumbatores* (среди этихъ *frati del Piombo* былъ, между прочимъ, и Бенvenuto Челлини). См. Cancellieri, l. c., p. 9. Вотъ что говоритъ Ottenthal (въ изсѣдованіи «*Die Bullenregister Martin V und Eugen IV*»): «*Das dritte Amt, welches bei der Expedition der Papstbriefe bethelligt ist, ist die Bullaria, das Siegelamt. Hier existiren zwei Classen von Beamten: die Custodes bullae oder Bullatores und die Fratres barbati oder Plumbatores. Erstere haben die Taxen für die Besiegelung zu computiren und zu erheben, die Fratres barbati waren Cistercienserconversen, deren Aufgabe die Bullirung selbst war*» (p. 457).

папы и о перстняхъ—а) «Anulus Piscatorius» и б) «Anulus Piscatoris», изъ которыхъ только второй послѣ разлома остался въ рукахъ у братьевъ плумбаторовъ. Не былъ ли этотъ Anulus Piscatoris благороднаго металла и настоящимъ папскимъ кольцомъ, тогда какъ Anulus Piscatorius той печатью, которая прикладывалась къ бреве? Мы не можемъ отвѣтить на такой вопросъ, но отмѣтимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія секретарей бреве было двое одновременно: «Verum hodie (1653) et multis etiam ab hinc annis nedum unus, sed duo domestici Secretarii D. Papae mansiones habent in Palatio Apostolico, et *ambo sub Annulo Piscatoris literas expediunt*; horum tamen alter recepta mercede iuxta taxas, ut diximus, expeditionibus praeest, alter uero de rebus ad Fidem et Rempublicam concernentibus, ad Reges scilicet, Principes, Respublicas, Cuitates, Cardinales absentes, Episcopos, caeterosque Magnates Romani Pontificis nomine literas, Breuia nuncupatas mittit...»¹⁾.

Сомнительно, чтобы оба секретаря пользовались однимъ перстнемъ, который къ тому же долженствовалъ находиться на рукѣ папы.

Мы видѣли, что печать sub annulo Piscatoris признается дипломатистами какъ отличительный признакъ бреве. Вопросъ о томъ, не прикладывалась ли она къ другимъ документамъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Папская дипломатика послѣднихъ вѣковъ недостаточно еще разработана. А. Giry отмѣчаетъ, что даже авторы такого труда какъ «Nouveau traité de diplomatique» монахи-Бенедиктинцы не знали обычаевъ папской канцеляріи и прибѣгли къ помощи сочиненія, напечатаннаго въ Голландіи и являющагося до извѣстной степени памфлетомъ на папскую курію²⁾, а относительно себя, касаясь документовъ, назы-

1) Jacobus Cohellius, l. c., p. 217.

2) «... Les Bénédictins auteurs du Nouveau Traité de Diplomatie, auxquels leur caractère religieux semblait devoir faciliter des informations sûres, ont dû avoir recours pour se renseigner à une sorte de pamphlet contre la cour de Rome,

ваемыхъ, «*motu proprio*», дѣлаетъ примѣчаніе: «*Je crois devoir prévenir le lecteur, à propos de cette catégorie d'actes, qu'il ne m'a pas été possible de faire d'observations sur les originaux; je n'en ai pas rencontré dans les archives que j'ai explorées. J'ai dû me contenter des textes publiés et des observations des diplomates*» (p. 702)¹).

Прежде всего, разъ *annulus Piscatoris* находился постоянно подъ рукою у папы, не употреблялся ли онъ и въ XV—XVI вв., какъ и въ XIII — «*in secretis*» — для личной и тайной переписки. Для XV—XIX столѣтій является несомнѣннымъ существованіе рядомъ съ буллою и печатью рыбака—третьяго основного типа папской печати—съ фамилінымъ гербомъ²). Надо думать, что эта печать также имѣетъ форму кольца. Въ сакристіи Ватиканской Базилики имѣется подобный перстень Сикста IV³). Папскія письма на бумагѣ и съ приложеніемъ фамиліной печати конечно неизмѣримо рѣже обыкновенныхъ бреве, но они далеко не всегда имѣютъ интимный характеръ. Прилагаемое клише (см. стр. 64) снято съ письма папы Піа IV къ правительницѣ Нидерландовъ Маргаритѣ Австрійской⁴); при всей незначительности содержанія его оно является политическимъ, имѣя въ основѣ возведеніе въ кардиналы такого политическаго дѣятеля какъ Антоній Перрено, кардиналъ Гранвелла (26 февраля

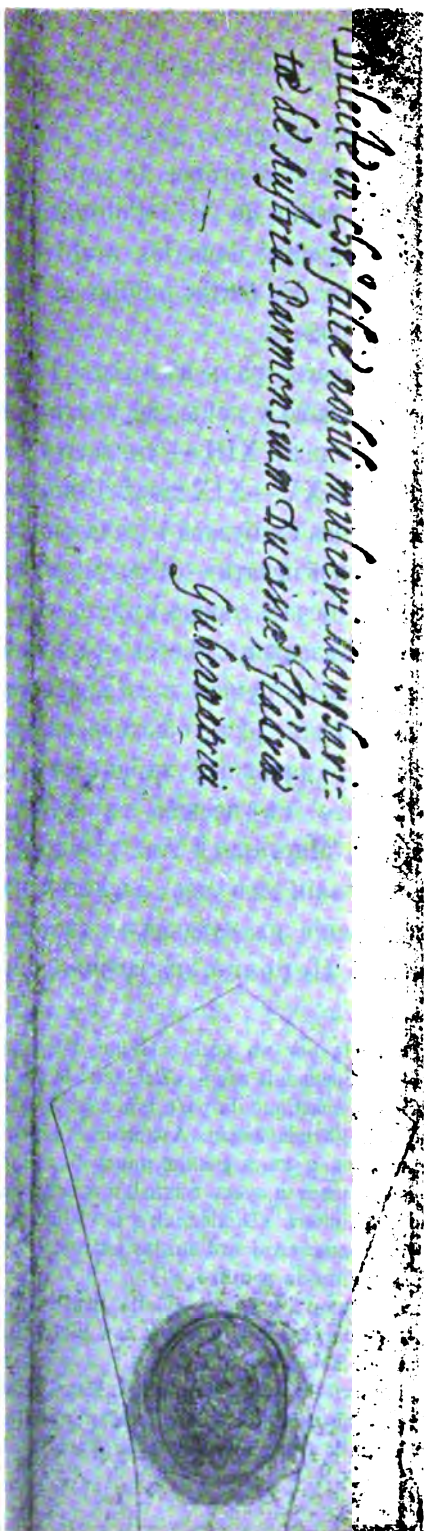
publié en Hollande par un ecclésiastique défroqué converti au protestantisme» (pp. 698 — 699). Сочиненіе это — «*Tableau de la cour de Rome, par le sieur J. Aumont*», prélat domestique du pape Innocent X» (La Haye. 1707. 120).

1) Открытіе Ватиканскихъ Архивовъ (папою Львомъ XIII) для научныхъ занятій отразилось и на изученіи папской дипломатики, литература которой ежегодно увеличивается очень цѣнными изслѣдованіями и изданіями.

2) Въ новѣйшемъ «*Dictionnaire de Théologie Catholique*», въ fasc. XIII (Paris. 1904) сказано: «*Aujourd'hui les lettres privées des papes sont scellées des armoiries personnelles du pontife*».

3) Cancelliere, l. c., p. 14: «*Nella Sagrestia della Bas. Vat. si conserva un Anello di ottone dorato, assai grande, con pietra falsa e con le lettere PP. SIXTI con lo stemma di Sisto IV*».

4) Подлинникъ въ собраніи автора. Клише даетъ и форму пакета, и указанія на способъ запечатанія, и четкій адресъ: «*Dilecte in Christo filiae nobili mulieri Margharitae de Austria Parmensium Ducissae Flandriae Gubernatrici*».

Адресъ и печать на письмѣ папы Пія IV къ правительницѣ Нидерландовъ, герцогинѣ Маргаритѣ Австрійской, отъ 13 Юлія 1561 года. На печати изображены гербъ ея милости Медичи, изъ рода которыхъ происходилъ папа Пій IV; гербовый шитъ необыкновенно тѣла и ключи св. Апостола Петра, а въ нижней части печати по бокамъ шитъ вырѣзана надпись «Pius» и съ другой стороны «P. P. III»¹⁾.

1) Къ сожалѣнію цинкографія оказалась не въ состояніи передать всѣ подробности оригинальной печати, отпечатанной «подъ бумагой».

1561 года). Печать содержитъ гербъ Медичи, изъ рода которыхъ происходилъ папа Піі IV; гербовый щитъ увѣнчиваютъ тіара и ключи св. апостола Петра, а въ нижней части печати по бокамъ щита вырѣзана надпись «PIVS» и съ другой стороны «PP. III».

Письмо имѣетъ видъ бумажнаго бреве (см. таблицу № VI)¹⁾, но начальная формула «PIVS. PP. III» написана папою собственноручно, документъ редактированъ на итальянскомъ языкѣ и заканчивается сокращенной датировкой. Конечно, такое письмо есть знакъ особеннаго благоволенія къ адресату. Папскія письма на бумагахъ (*lettere signées*) далеко не всегда имѣютъ подпись *надъ* текстомъ²⁾, можетъ быть и эта разница не случайна, но для вывода у насъ не достаетъ матеріала. Частныя, а въ особенности собственноручныя письма папъ трудно поддаются систематизаціи по формуламъ. Въ этихъ случаяхъ папы писали такъ, какъ находили соотвѣстственнѣе. Примѣръ собственноручное письмо Піа II, напечатанное Pastor'омъ³⁾, начинающееся торжественной формулою

1) Приведемъ текстъ письма: «Pius pp. III. Dilecta in Christo filia salutem et Apostolicam benedictionem. L'Armentiero ci ha si ben espresse le vostre commissioni, che non potressimo restar piu satisfatti di quello che semo restati de la filial osservanza uostra verso noi: et se ben non era necessario che ci uoleste con tanti testimonii far fede di cosa, de la quale eravamo certi prima che promouessimo al Cardinalato Mons-re di Granuela; ci è però stato grato questo uostro amoreuole complimento, et l'accettamo ancora per un memoriale di farui de le altre gratie, come hauemo detto più à lungo al prefato Armentiero, à la cui relatione rimettendoci con tal fine pregamo Dio N. S. che ui conserui et contenti di quanto desiderate. Datum Romae die XIII Julii M. D. LXI». Никакихъ скрѣпъ нѣтъ, только въ лѣвомъ углу мелкой скорописью помѣчено: «Madama d'Austria».

2) Обычай папъ надписывать свои подписи *надъ* текстомъ писемъ установился довольно рано. Въ коллекціи автографовъ графа Рааг находилось письмо, такъ описанное въ аукціонномъ каталогѣ (Berlin. Albert Cohn. 1893) подъ № 1856: «Sixtus IV (Francesco della Rovere)—1414—1484. L. a. s. en tête: «Sixtus pp. III ppa. manu», en italien, à Galeazzo Maria Sforza, duc de Milan; Roma, 24 Déc. 1474. 1 p. in fol. adr. aut. et cachet».

3) L. Pastor: «Ungedruckte Akten zur Geschichte der Päpste», № 184.

По нѣкоторымъ соображеніямъ я усомнился въ опредѣленіи «Original» относительно этого письма и во всякомъ случаѣ желая имѣть болѣе подробное описаніе, обратился съ письмомъ къ архивисту Demetrio Marzi, который

«*Pius episcopus servus servorum Dei*» и заканчивающееся такой необычной формулой датировки: «*Datum apud Petriolum et manu propria scriptum nonis Octobribus 1462*».

На таблицѣ седьмой мы даемъ снимокъ съ документа, исключительнаго и по формѣ, и по рѣдкости. Папское письмо или, лучше сказать, приказъ, распоряженіе написано на полулистѣ

любезно сообщая мнѣ слѣдующее: «Il documento indicato da lei si conserva qui con la segnatura: Urbino, Classe I, Divisione B, filza VIII, inserto 6, *in un quadernetto di copie sincrone* di documenti pontifici a Federigo da Montefeltro. Non è autografo. È scritto su carta e non ha traccia di sigillo». Заказанная мною фотографія вполне подтвердила этотъ выводъ. Во всякомъ случаѣ формула «*servus servorum*» съ «*datum*» и «*manu propria*» является необычной, но напоминаетъ намъ приписку, сдѣланную на извѣстномъ Сиенскомъ бреве. Въ позднѣйшее время вошли въ употребленіе папскія частныя письма на бумагахъ съ начальной и заключительной формулой бреве (но конечно безъ указанія «*sub annulo Piscatoris*»), на итальянскомъ языкѣ, подъ сургучной фамильной печатью папы, болѣею частью безъ папской своеручной подписи, но иногда съ нею, въ формѣ имени папы, не смотря на то, что тоже имя уже стоитъ въ началѣ текста, или надъ текстомъ. Подобныя письма съ подписями у меня имѣются подъ руками для времени первой половины XIX столѣтія. Письмо безъ подписи имѣется, между прочимъ, отъ папы Бенедикта XIV и настолько характерное, что я приведу здѣсь текстъ его цѣликомъ: «*Benedictus PP. XIV. Venerabilis frater, salutem et Apostolicam Benedictionem. Riceviamo una sua lettera dei 10. d'Aprile, vertente sopra la morte del suo degno Predecessore. Ci ricordiamo d'esso, quando era secolare e soldato, ci ricordiamo, quando si fece Ecclesiastico, e siamo pienamente informati della sua savia condotta nel lungo governo di cotesta Chiesa. Siamo sicuri, ch'ella premerà le di lui vestigia. Circa il nostro trattato de Synodo non si manca di travagliare, il che si fa fra milioni di gravi imbarazzi e rubbando il tempo fra un'udienza e l'altra. Coll'ajuto di Dio speriamo di terminarlo e restiamo col dare a Lei ed al gregge alla sua cura commesso l'Apostolica Benedizione. Datum Romae apud Sanctam Mariam Majorem die 4 Maii 1754. Pontificatus Nostri Anno Decimoquarto*». Подъ текстомъ на краю листа тѣмъ же почеркомъ: «*Ven. Fratri episcopo Cremonensi (Cremonam)*». Адресъ конверта, сдѣланнаго изъ особаго полулиста, написанъ тѣмъ же секретаремъ: «*Venerabili fratri Episcopo Cremonensi Cremonam*».

Приложена красносургучная печать съ родовымъ гербомъ папы. Передъ нами совершенно частное письмо, можно сказать, дружественное съ сообщеніемъ о своихъ ученыхъ работахъ, совершаемыхъ урывками среди хлопотъ и въ промежутки между аудіенціями. Бенедиктъ XIV писалъ очень много; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, можетъ быть, о трудѣ: «*De synodo dioeceseana*», выдержавшемъ цѣлый рядъ изданій, изъ которыхъ одно (не первое) приходится на 1755 годъ (Romae. In folio). Формулы письма совершенно тѣже, что въ бреве; написано письмо каллиграфически и очевидно не собственноручно.

тонкой бумаги, дошедшемъ до насъ въ полуистлѣвшемъ и фрагментарномъ видѣ. Содержаніе его слѣдующее:

«S-or Virginio. Hauemo receputo el messo et lettere Vostre auisandose del sinistro caso dela nepote nostra madama Andriana Julia et sua sorella. Di che se renoreste asai et conuene hauer patientia, remandamo ve el messo et se pare fachiate el che si segue.

Primo che si poterite intrar in Viterbo colo exercito che se intriate donde che no che prouediate Ronsiglone¹⁾ et Sutro²⁾ de gente darne come ve parera et Brachiano³⁾, l'Isola⁴⁾, Cerneteri⁵⁾ et le terre vostre circumvicine a Roma acioche se faccha una sbarra che questi francosi non venganno a Roma.

Item che con tutte le bestie de le terre vostre vediate de mandare tutto quello grano sia possibile et diate ordine che continuamente vengano de di et de nocte afinche quando sia qui in Roma et in el burgo se posa mantener la gente darne per che qui nel burgo non se un vacuo de grano et la S. Vŕa quando non posa far altro venga se ne a Roma a noi co la gente darne et fanti et la se prouedute si vorran acceptar la gente el meglio che potera. Et sopraltuto de di et de nocte venga grano in copia et a furia. Cito, cito, cito. Como ve dira Marco presente portatore.

Jo. Datarius».

Примиска другимъ почеркомъ:

«Signor Virginio prouedete ad noi ad noi et
max^o al grano. B. cardinalis d. n. m. pp.
et confinir (?) et de di et de n(octe).

1) «Ronsiglione» приблизительно въ 20 километрахъ отъ Витербо и въ 55 отъ Рима.

2) «Sutri» (Sutrium Этрусковъ) въ 4 километрахъ отъ Рончильоне.

3) «Bracciano» замокъ рода Орсини, мѣстечко въ 39 километрахъ отъ Рима.

4) «Isola Farnese» въ окрестностяхъ Рима (теперь принадлежитъ Роспильози, маленькая деревня).

5) «Cerveteri» (древнее Соере) недалеко отъ Isola Farnese, принадлежитъ теперь роду Русполи.

Item (transtenir?) della (che) possono tenere le mandate og. in¹⁾ *mora plurima*».

Документъ этотъ, хотя и недатированъ, но можетъ быть опредѣленъ съ точностью до одного дня. Писалъ его «Jo. Datarius» — то есть Іоаннъ Датарій. Какъ изъяснено въ словарѣ Дюканжа — «*Datarius-primus Cancellariae Romanae minister, Praelatus semper, interdum Cardinalis, sic dictus a litteris expeditis, quibus vulgo addit Datum Romae etc.*». У папы Александра VI было два датарія, носившихъ имя Іоанна—оба испанцы—*Iohannes Lopez*²⁾ и *Iohannes Ortega*³⁾. Приведенный документъ писалъ первый изъ нихъ, бывший датаріемъ съ начала папствования Александра VI⁴⁾. Кто писалъ послѣднія пять строкъ, приписку, сохранившуюся въ фрагментарномъ видѣ и очень неразборчивую?

Если мое чтеніе оказалось бы справедливымъ, то приписку сдѣлалъ кардиналъ «В» = «*Borgia cardinalis dommini nostri manu prorgia*». При Александрѣ VI было пять кардиналовъ Borgia, но четыре не подходятъ, два по почерку и два по времени написанія акта. Возможно, что приписку сдѣлалъ племянникъ папы кардиналъ Іоаннъ Борджіа. Въ каталогѣ, по которому былъ приобрѣтенъ документъ, онъ былъ помѣченъ, какъ автографъ самого папы, но присутствіе печати *sub annulo piscatoris*, приложенной при томъ необычнымъ, исключительнымъ способомъ, подъ бумажкой, а *prorgi* говорить противъ такого предположенія. Пе-

1) Обозначенное точками мѣсто выгнано и выпало.

2) См. «*Iohannis Burchardi Argentinensis Diarium*», t. II (Paris. 1884), p. 199, подъ 24 Ноября 1494 года: «*reverendus pater dominus Iohannes Lopez, episcopus Perusinus, datarius*».

3) I. Ciampini: «*De Abbreviatorum de parco majoris*» (Romae. 1691. folio), p. 14: «*Ioannes Ortega Hispanus per haec tempora (1499) ad Abbreviatoris officium exercendum admissus, postea Secretarius, Subdiaconus Apostolicus, Summator, ac Datarius Alexandri Papae VI, qui eum die 16 Novembris anni 1502 episcopum Potentinum declaravit. Obiit Romae sequenti anno, ac sepultus in Ecclesia Sanctae Mariae de Populo...*».

4) «*Ioannis Lopez*» — съ 29 Декабря 1492 епископъ Перуджи, съ 1496 года кардиналъ, умеръ въ 1501 году.

чать на бреве обычно замѣняла подпись, о рѣдкихъ исключеніяхъ мы упомянемъ потомъ. Въ данномъ случаѣ — спѣшное письмо было продиктовано датарію, который и скрѣпилъ его подписью. Папская печать (или *annulus Piscatoris*, или гербовая), должна была запечатать пакетъ, но понадобилась приписка еще болѣе спѣшная и печать приложена была такъ, что письмо, очевидно предназначенное быть *littera clausa*, было отправлено открытымъ (фактъ также исключительный).

Вопросъ о томъ, какой *annulus Piscatoris* былъ употребленъ для разсматриваемаго письма — тотъ ли именно, что находится на всѣхъ бреве папы Александра VI — не можетъ быть нами рѣшенъ вполне опредѣленно за недостаткомъ матеріала. Сравнивая съ клише при статьѣ Bezzel'я, мы находимъ разницу, объясняемую ручнымъ воспроизведеніемъ рисунка печати и должны высказаться скорѣе за тожество, чѣмъ противъ¹⁾.

Обстоятельства, при которыхъ написано письмо, объясняютъ намъ его спѣшность и нѣкоторую растерянность. Письмо относится къ 1494 году. Король французскій Карлъ VIII насильно шелъ къ Риму, папа не желалъ пускать его въ Римъ и даже готовился отражать силою. «Signor Virginio» письма — это Виржиніо Орсини²⁾, римскій магнатъ, въ ту минуту являвшійся какъ бы командующимъ войсками папы. «Sinistro caso», о которомъ говорить папа въ письмѣ, случился 27 ноября 1494 года. Любовница [«la concubina»] папы Giulia Bella, дочь Пьеръ Луиджи Фарнезе, въ замужествѣ Орсини (за Орсино Орсини)³⁾ выѣхала въ этотъ

1) Къ сожалѣнію фотографія не взяла, какъ слѣдуетъ, слабый рельефъ, ясно читаемый при освѣщеніи съ боку и на фототипической таблицѣ рисунокъ печати утратился.

2) Сеньоръ Gentil Virginio Orsini изъ вѣтви герцоговъ Браччано (*duchi di Bracciano*).

3) Такъ у Gregorovius'a — «Nell'anno 1489, la giovine Giulia aveva sposato Orsino Orsini, figlio di Lodovico signore di Bassanello e di Adriana de Mila, *prossima congiunta* del cardinale Rodrigo Borgia (то есть Александра VI): anzi il contratto di matrimonio era stato sottoscritto in casa di costui, il quale diventato papa, donava allo sposo di Giulia la signoria di Carbognano et di Giulianello». Gregoro-

день изъ Капо-ди-Монте въ Витербо, но по дорогѣ была захвачена въ плѣнъ передовыми французскими отрядами¹⁾. Папа, повидимому, только что узналъ о томъ, что Витербо, которое должно было оказать вооруженное сопротивленіе войскамъ Карла VIII, отворило ворота французамъ именно въ день 27 ноября²⁾. Значить письмо написано или поздно вечеромъ 27-го ноября или 28-го утромъ. Витербо находится всего въ 75 километрахъ отъ Рима.

Еще исключительнѣе, чѣмъ подъ бумажкой, являются случаи приложенія печати *sub annulo Piscatoris* въ качествѣ печати вислой.

Cancellieri³⁾ описываетъ документъ («*che si conserva in quell' Archivio di S. Fortunato*» въ Тоди), заключенный папою Николаемъ V съ общиною города Тоди въ 1448 году. Къ документу этому привѣшены — «*due sigilli pendenti*», изъ которыхъ одна «*in cera rossa con l'impressione dell' Anello Piscatorio*» (другая печать города Тоди, съ его гербомъ). Подпись на актѣ гласитъ — «*Petrus de Noxeto Sanctiss. D. N. Secretarius de mandato Suae Sanctitatis, supradictas petitiones, ut moris est, signavi manu propria, et manu praefati D. N. subscriptas Anulo suo secreto signavi*». Важенъ выводъ, что секретный перстень папъ и есть именно *annulus Piscatoris*⁴⁾.

vius пользовался регистромъ съ записью свадебнаго контракта и потому нельзя не принять его показанія. Продолжатели Литты въ извѣстномъ изданіи «*Famiglie celebri italiane*» (Milano) приводятъ иныя извѣстія: «*Giulia Farnese di Pier Luigi fu moglie, secondo alcuni—di Giulio Orsini, duca di Bracciano, secondo altri di Francesco Orsini dei marchesi della Penna e signori di Mugnano. Le tavole Orsiniane del Litta non la registrano: ma nessuno può in ciò tener sospette le parole dell'Infessura*».

1) Перваго Декабря плѣнницы уже были возвращены французами: «*Heri sera (писано 2 Декабря) al tardo venne dentro M. Hadriana e M. Julia*» (Gregorovius, l. c., p. 74).

2) Gregorovius: «*Storia della città di Roma nel Medio Evo*», vol. IV (Roma. 1901. 8°), p. 46. H. F. Delaborde: «*L'expédition de Charles VIII en Italie*» (Paris. 1888. 8°), p. 494.

3) «*Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello Piscatorio*», p. 2—3.

4) Mas Latrie въ «*Les Éléments de la Diplomatie Pontificale au Moyen Age*», II (Paris. 1887. 8°), p. 37 — говорить: «*Sur quoi il est deux observations à*

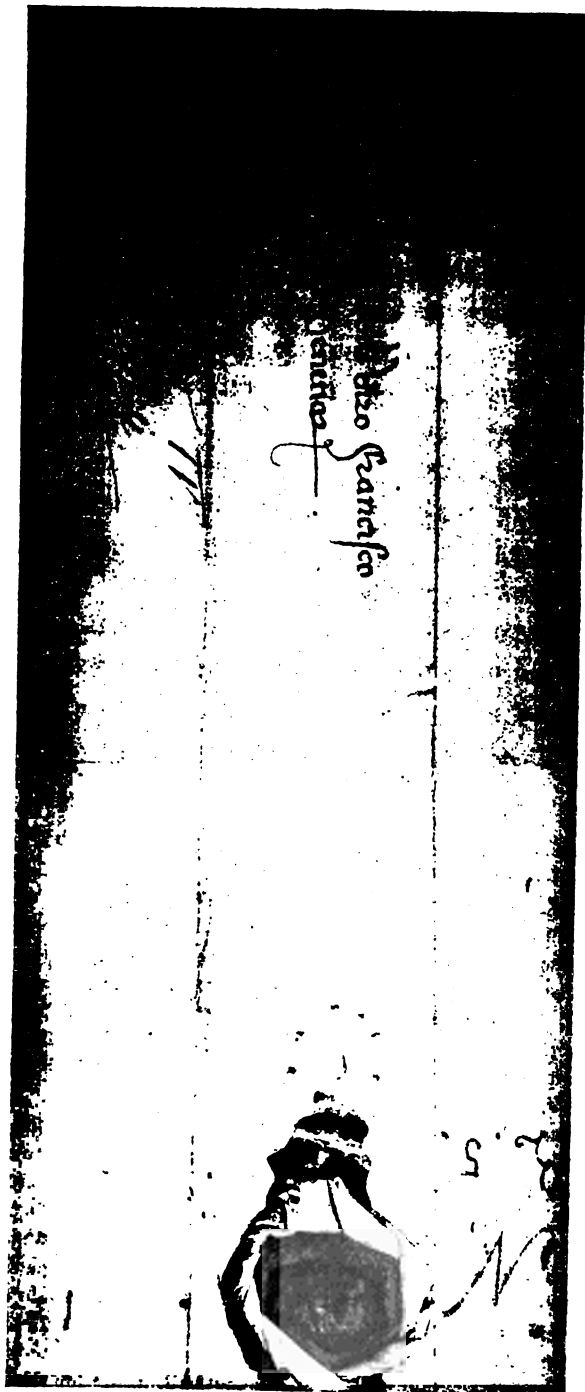
Оказывается однако, что выводъ этотъ дѣйствителенъ лишь для печати папы Николая V. Мнѣ удалось найти въ Венеціанскомъ архивѣ рѣдчайшій образецъ секретной печати папы Евгенія IV на документѣ 1444 года¹⁾. Прилагаемое клише (на стр. 72) даетъ снимокъ съ адреса бреве и съ находящейся на пакетѣ, превосходно сохранившейся, печати папы, оттиснутой секретнымъ перстнемъ = «sub annulo secreto». Красновосковая печать приложена къ пергаменной ленточкѣ, пропикавшей свернутый пакетомъ документъ, и для охраны, въ видѣ кустодіи, окружена жгутомъ изъ пергамена. Перстень папы имѣлъ шестигранную форму, рѣзко отличную отъ овальной формы annuli Piscatoris. На печати изображены главы свв. апостоловъ Петра и Павла, обращенныя другъ къ другу, въ нимбахъ византійскаго типа, между главами тонкій и длинный крестъ. Надписей нѣтъ, работа печати довольно тонкая и художественная. Такимъ образомъ секретная печать папы Евгенія IV по изображенію была одного типа съ обычными буллами вообще и съ буллою этого папы въ частности²⁾ (см. клише на стр. 73).

faire: 1) Le sceau du Pêcheur, qui représente Saint Pierre jetant ses filets dans la mer, n'a été affecté aux Brefs qu'à partir de Nicolas V (1447 — 1455). Avant lui Eugène IV (1431 — 1447) qui a inauguré les brefs, ne les scellait encore que d'un sceau secret. Mais Latrie sait bien que ce brieve de pappe Martin V daté par lui est daté par lui avec l'indication «sub annulo Piscatoris».

1) По моей просьбѣ нынѣ перенесено въ витрину выставочной залы. Бреве (№ 213) отъ 4 Сентября 1444 года («Datum Rome apud Sanctum Petrum sub annulo nostro secreto»), на листѣ тонкаго, очень бѣлаго пергамена 39×8¼ сант. (снимокъ см. на таблицѣ IV). Адресовано — «Dilecto filio nobili viro Francisco Fuscari Duci Venetiarum».

2) Отмѣтимъ, что въ архивѣ въ Болоньѣ имѣется экземпляръ Флорентинской уніи, на которомъ сохранилась свинцовая булла папы Евгенія IV, но въ состояніи такого разрушенія, что изображеніе совершенно сгладилось. Обстоятельство тѣмъ болѣе печальное, что, повидимому, булла эта была нѣсколько большей величины сравнительно съ обыкновенными. Въ источникахъ сохранилась весьма интересная записка, касающаяся буллъ Флорентинской уніи. Подъ 21 Декабря 1439 года записано въ архивныхъ книгахъ: «Provido viro Bernardo Gutli de Florenzia aurifici florenos auri de camera 14 et solidos 25 monetae romanae pro quatuor plumbis auri appositis in quatuor decretis unionis Graecorum mittendis ad nonnullos mundi principes de mandato d. n. papae» (E. Müntz: «Les

Очинокъ съ ареста и съ печати на бресе папы Евгеніа IV отъ 4 Сентября 1444 года.
Документъ былъ отпращаенъ sub anulo nostro secreto».

Работа перстия конечно отличается отъ традиціонной грубости штемпеля буллы выпуклостью рѣзбы и гораздо лучшимъ въ художественномъ отношеніи исполненіемъ¹⁾.

arts à la cour des papes», t. I (Paris. 1878), p. 60). Дѣло идетъ о золотѣ для четырехъ буллъ, но папскихъ ли—не сказано. Вѣроятно, что золото пошло на приготовленіе восьми пластинъ для буллъ императора.

1) Сохранились извѣстія о томъ, кто дѣлалъ буллотирій для папы Евгения IV. Въ «Introitus» и «Exitus» подъ 24 Октября 1431 года записано: «Antonio Mathei Ghini de Florentia... pro factura stampae bullae plumbeae S. D. N. quam suis sumptibus fecit et eam suis sumptibus manutenere promisit, florenos auri de camera centum» (Е. Müntz: «Les arts à la cour des Papes: nouvelles recherches...», fascicule III (Rome. 1889. 8°), p. 42). Сто «лориновъ» не представляли цѣну рѣзбы и изготовленія штампа, на что указываетъ записанное обязательство: «eam suis sumptibus manutenere», и цифра сто одинаково повторяется въ послѣдующія папствованія. Наприм., при Иннокентіи VIII подъ 12 октября 1484 года: «Mihiano et Nardo aurificibus florenos auri centum de Camera pro factura stampae plumbi (sic) bullarum apostolicarum, ut est moris» и въ правленіе Пія III подъ 11 Апрѣля 1505 года: «Florenos centum auri de Camera vigore mandati sub die XVIII maii de anno 1504 proxime preterito magistro Petro Marie Florentino pro manufactura e regalibus sibi obvenientibus in confecisse (sic) stampam plumbeam pro litteris apostolicis et bullis fe. re. D. Pii pape III, numeratos pro eo Antonio Altoviti et sociis» (см. Е. Müntz: «L'Atelier monétaire de Rome: documents inédits sur les graveurs de monnaies et de sceaux... depuis Innocent VIII jusqu'à Paul III» (Paris, 1884. 8°), pp. 5, 11]. Для времени папы Николая V извѣстіе сопровождается любопытнымъ опредѣленіемъ буллы (подъ 7 Апрѣля 1447 года): «Provido viro Andreas Vecchio aurifici de Urbe, ex r(egione) Ponti, florenos auri de camera centum sine retentione pro confectione et fabricatione medias bullas S-mi D. N. Nicolai, papae V-ti» (Е. Müntz: «Nouvelles recherches», p. 65). При Евгении IV—29 Декабря 1441 года было записано — «Item pro reparatione litterarum unius magni sigilli solidos 25...» (Е. Müntz: «Les arts à la cour des papes»,

Возможно предположеніе, что папа Евгеній IV пользовался въ данномъ случаѣ стариннымъ перстнемъ. Свѣдѣній о томъ, чтобы секретная печать папы была заказана или передѣлана, сколько знаю, въ документахъ не сохранилось, тогда какъ относительно перстня папы Николая V имѣется слѣдующая запись подъ 26 Іюня 1447 года: «a maestro Giovanni de l'Aquila orafa ducati 5 di oro di camera cont. allui per fattura di 2 anelle a fatte per Nostro Signore chol arme di Santo Pietro e cho la navicella che (sic) ell oro ebe da me...»¹⁾. Гербомъ св. апостола Петра считалось собственно изображеніе двухъ ключей съ четырехконечнымъ крестомъ между ними, но дальнѣйшее указаніе на «navicella» позволяетъ отождествить перстни съ *annulus Piscatoris*, который также считался гербовымъ перстнемъ первоверховнаго апостола²⁾. Точная запись о заказѣ перстня рыбака — *annuli Piscatoris* относится ко времени папы Сикста IV. При немъ подъ 24 Октября 1471 года записано: «Honorabilibus viris magistris Petro de Senis et Hieronymo de Sutrio sociis aurifabris infrascriptas pecuniarum summas pro infrascriptis operibus per eos factis, vid. primo pro factura stamparum novarum plumbi flor. centum. Item pro factura annuli piscatoris S. D. Nostri Papae et pro auro ejusdem et alterius annuli duc. similes XXV»³⁾.

Существуетъ однако и такой типъ документовъ — не брeve, (разумѣя обычную ихъ форму), къ которому прикладывалась печать *sub annulo Piscatoris* болѣе или менѣе постоянно, по край-

I, p. 63). Какая это большая печать, обыкновенный ли буллотирій, или нѣтъ, вопросъ остается открытымъ. Записи вообще не точны — инструментъ для производства буллъ называется иногда — «*bullae plumbeae*». Такъ при папѣ Каликстѣ III подъ 14 Апрѣля 1465 года: «Honorabili viro Andreae Colae Vechiae aurifici florenos auri de camera 100 pro sua mercede ratione confectionis bullae plumbeae S. D. N. Papae Calisti pp. III» (ibidem, p. 207). Извѣстіе о 100 фл. «pro confectione mediae bullae S-mi. D. N. domini Pii Papae II...», ibidem, p. 313.

1) E. Müntz: «Les arts à la cour des papes», t. I, p. 168.

2) Текстъ не совсѣмъ ясенъ — были ли два перстня разныхъ — то есть одинъ съ гербомъ, другой съ челнокомъ, или два одинаковыхъ = два экземпляра *annuli Piscatoris*? Я склоняюсь къ мысли, что оба толкованія возможны, но одинаковость перстней — вѣроятнѣе.

3) E. Müntz: «Les arts à la cour des papes», t. III (Paris, 1882. 8°), p. 246.

ней мѣрѣ при нѣкоторыхъ папахъ. Съ такихъ актовъ мы заимствовали изображенія печати Юлія II (см. клише на стр. 53). Писаны эти акты на бумагѣ, подписи папы нѣтъ. Это какъ бы бумажныя бреве.

На заголовкѣ «Julius PP. II» и затѣмъ съ красной строки начало: «Hodie in Consistorio nostro secreto, ut moris est». Заключительная датировка: 1) «Datum Ciuitetutule Viterbieñ. diocesis. ...sub annulo Piscatoris anno natiuitatis domini nostri millesimo quingentesimo nono die vero X-a (mensis) Octobris Pontificatus nostri anno sextus»; 2) «Datum Rome apud Sanctum Petrum anno incarnationis dominice millesimo quingentesimo octauo die uero uigesima octaua mensis Iulii pontificatus nostri anno quinto». Документъ 1508 года содержитъ назначеніе въ Губбіо на мѣсто скончавшагося Антоніо Ферреро—Фредерика де Кампо-Фрегосо, архіепископа Салернитанскаго; документъ 1509 года назначеніе архіепископомъ Тарентскимъ Орландо де Ровере (въ подлинникѣ «Ruere»). Оба акта скрѣплены: «Sigismundus», то есть извѣстнымъ секретаремъ «ab epistolis», папскимъ аббревіаторомъ Сигизмундомъ де Комитибусъ изъ рода Тринчи¹⁾. Описанные документы не имѣютъ подписи папы, какъ и всѣ обыкновенныя бреве, изъ которыхъ украшены автографами папъ лишь единичные экземпляры въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и внѣ всякихъ правилъ²⁾. Но что типично для пергаменныхъ бреве, то является скорѣе исключеніемъ для такихъ актовъ, какъ приве-

1) Petrus Bembus относительно этого Sigismundus de Comitibus записалъ: «Nam is (=Julius II) et Sigismundum unice diligit, apud seque habet, atque in scribendis Epistolis praeclara ejus opera utitur: in quo difficile est, quantum unus omnes excellat, quum scriptionis elegantia et candore styli, tum plane diligentia et fide». См. Bonamicinus, l. c., p. 197.

2) Cesare Paoli говорить (II, 28) — «Alcuni brevi hanno anche la sottoscrizione autografa del Papa, ma è cosa eccezionale, derivata forse da speciali ragioni personali o politiche» и перечисляетъ три экземпляра, изученныхъ имъ въ богатѣйшихъ коллекціяхъ Флорентинскаго архива. Такія случайныя исключенія отнюдь не могутъ составить особаго типа или вида дипломатическихъ документовъ.

денныя назначенія епископовъ — администраторовъ. На таблицахъ VIII, IX и X мы даемъ изображеніе трехъ подобныхъ же документовъ—1516 (назначеніе Бернарда Микелоццо епископомъ въ Форли на мѣсто скончавшагося епископа Петра)¹⁾, 1518 (назначеніе Іоанна Сальвиати на архіепископію въ г. Фермо на мѣсто скончавшагося Франциска Ремолини)²⁾ и 1520 годовъ (назначеніе администраторомъ въ Модену кардинала Геркулеса Рангони на мѣсто скончавшагося кардинала Ипполита д'Эсте)³⁾.

Сравнивая эти три акта, мы видимъ, что и въ начальной и въ заключительной формулахъ они не вполне сходны. Только № 2—1518 года имѣетъ во главѣ «*Leo PP. X*»—формулу, обычную и для бреве, и для вышеприведенныхъ актовъ папы Юлія II. До-

1) Актъ датированъ: «*Datum Rome in palatio apostolico sub annulo Piscatoris Anno M. D. XVI. Die X. mensis nouembris pontificatus nostri anno quarto*». Подъ текстомъ приложена печать «*sub annulo Piscatoris*», въ правомъ углу скрѣпа: «*Ja. Sadoletus*», то есть подпись извѣстнаго писателя-кардинала (1536—1547), который былъ секретаремъ бреве, какъ онъ самъ рассказываетъ, въ теченіе 18 лѣтъ: «*sequuta sunt tempora, quum a Leone X primum, deinde a Clemente VII ad negotia publica vocatus, factusque Epistolarum Principalium, h. e. earum, quae vel ad Reges a Pontifice summis de rebus mitterentur, vel a Regibus eisdem ad Pontificem afferrentur, et lucubrador et custos. Quod munus magni sane in Urbe et honoris et nominis superioribus temporibus Magisterium Scrinii, nunc a Populo Romano Secretarium Domesticum appellari video Igitur XIII annis in eo negotio versatus*» (Bonamicus, I. c., p. 212). Въ трудѣ Gams'a «*Series Episcoporum*» показано, что на мѣсто Петра Гриффи былъ назначенъ 15 Ноября 1516 года Bernardus Medici.

2) Актъ датированъ — «*In quorum fidem presentem cedulam fieri et annuli piscatoris sigilli iussimus impressione muniri. Datum Rome apud Sanctum Petrum. Anno Incarnationis dominice M. D. XVII. Die VIII februarii Pontificatus nostri anno quinto*». 8 Февраля по счету года отъ воплощенія Господня падаетъ на 1518 уже годъ; какъ отмѣчено у Gams'a, Францискъ Ремолини скончался 5 Февраля 1518 года, значить замѣщеніе послѣдовало съ большою быстротой. Отъ печати Annuli Piscatoris остался фрагментъ. Въ правомъ углу скрѣпа секретаря—«*Vembus*» свидѣтельствуетъ, что документъ подписанъ аббревиаторомъ Пьетро Бембо (Petrus Vembus) впоследствии знаменитымъ кардиналомъ (1538—1547).

3) Датировка короче предыдущихъ: «*Datum Romae in palatio apostolico sub annulo Piscatoris die XII Septembris M. D. XX. Pontificatus nostri anno octavo*». Подъ текстомъ хорошо сохранившаяся печать annuli Piscatoris и скрѣпа «*Vembus*». У Gams'a отмѣчено, что Ипполитъ д'Эсте скончался 3 Сентября 1520 года.

кументы 1517 и 1520 годовъ начинаются прямо — первый: «*Motu proprio fiat. Hodie in consistorio nostro secreto ut moris est*», второй просто—«*Hodie in consistorio nostro secreto*» (и только). Заключительная датировка, вездѣ отмѣчая употребленіе печати annuli Piscatoris, лишь въ одномъ случаѣ (въ 1518 году) помѣчаетъ счетъ годовъ по стилю отъ «*incarnationis dominicae*», пропуская указаніе на стиль въ двухъ другихъ случаяхъ. Объединяются всѣ три документа одинаковой помѣтой подъ текстомъ: «*Ita est. I.*», сдѣланной крупнымъ, рѣзкимъ почеркомъ. Помѣта эта представляетъ автографъ самого папы Льва X; буква «I» начальная буква имени, которое онъ носилъ до вступленія на папскій престолъ (Іоаннъ Медичи).

Акты на бумагѣ, съ подписью папы и съ приложеніемъ печати annuli Piscatoris заставляютъ вспомнить одно чрезвычайно важное мѣсто «правилъ» для канцеляріи папы Мартина V (1417—1431): «*Et ad fidem premissorum idem dominus noster hanc cedulam sigillari mandavit sub anulo Piscatoris*» (распоряженіе отъ 5 ноября 1425 года)¹⁾.

Выраженія—«*Motu proprio fiat*», «*presentem cedulam fieri... jussimus*» въ связи съ автографической резолюціей папы даютъ намъ цѣнные указанія для рѣшенія вопроса о томъ, съ какого рода документами мы имѣемъ дѣло. Намъ предстоитъ ориентироваться въ двухъ основныхъ пунктахъ—въ вопросѣ о документахъ «*motu proprio*» и въ вопросѣ о собственноручныхъ подпи-

1) «*Regule domini nostri Martini V*» § 185: «*Placet sanctissimo domino nostro quod reverendissimus in Christo pater et dominus dominus Iohannes episcopus Ostiensis a. Romane ecclesie vicescancellarius in signandis supplicationibus iuxta potestatem ultimo sibi concessam ab eodem domino nostro et in libro cancellarie descriptam potestatem huiusmodi continuet, donec aliam cedulam manu sue beatitudinis signaverit super premissis iuxta morem per verbum «Placet» etc. Placet etiam sue sanctitati quod littere super gratiis expectativis iam concessis expediantur usque ad IV menses continuandos a fine ultime prorogationis termini VI mensium per eum facte. Et ad fidem premissorum idem dominus noster hanc cedulam sigillari mandavit sub anulo Piscatoris die V. nov. pontificatus sui anno VIII. B. de Montepoliciano de mandato eiusdem domini nostri. Ponatur in libro cancellarie. O.*» (E. Ottenhal: «*Die päpstlichen Kanzleiregeln*», p. 229).

сяхъ цѣпъ на такихъ различныхъ актахъ какъ «*motu proprio*», «*litterae romanae*» и бреве. Указанные акты, касающіеся замѣщенія архіерейскихъ кафедръ = *cedulae consistoriales*¹⁾ имѣютъ по формѣ своей тѣсную связь съ *litterae romanae*, а по печати съ бреве²⁾.

Относительно *motus proprio* мы приводили уже примѣчаніе А. Giry, что онъ никогда не видалъ оригиналовъ. Да послужить намъ это откровенное признаніе знаменитаго дипломатиста извиненіемъ, если мы ошибемся въ нашихъ выводахъ.

Теоретическое значеніе *Motu proprio* превосходно объяснено въ словарѣ Дюканжа³⁾ цитатою изъ буллы 1437 года папы Евгенія IV—«*motu proprio, non ad alicujus super hoc nobis oblatae petitionis instantiam, sed de nostra mera liberalitate etc.*». То есть акты по собственному почину, а не въ слѣдствіе чьей либо супплики. *Motu proprio*—изволеніе папы, *litterae latinae*—рѣшеніе, вызванное суппликой.

Какъ особый видъ папскихъ документовъ «*motus proprio*», по видимому, появились въ XV столѣтіи. Всѣ дипломатисты согласно относятъ начало ихъ употребленія ко времени папы Иннокентія VIII. Бенедиктинцы, давъ строго опредѣленное указаніе — «*Les*

1) «*Ubi vero ecclesia seu monasterium vigore cedulae consistorialis expeditur*» (Ottenthal: «*Die Bullenregister Martin V und Eugen IV*», p. 449).

2) «*Cedulae consistoriales*» относительно аббатовъ, монастырей и назначеній, напримѣръ, въ высшія должности папской канцеляріи, изготовлялись за подписью вице-канцелярія и приложеніемъ его фамиліной печати, малой или большой, смотря по соображенію. Въ нашемъ собраніи имѣется нѣсколько такихъ «*cedulae*», за подписью «*Ju. Vicescancell.*» (=Юліи Медичи, кардиналъ, потомъ папа Климентъ VII) отъ 1516—1518 годовъ («*in quorum fidem hanc cedulam manu nostra signavimus sigillique nostri parvi quo in talibus utimur fecimus apprehensione muniri*»). Одна *cedula* (отъ 5 ноября 1516) составлена въ формѣ оффиціального письма на открытомъ листѣ (безъ адреса и безъ складыванія въ пакетъ), съ началомъ—«*Reverendissime Domine* (обращеніе къ Михаилу Брисоннѣ, епископу Нимскому) *hodie...*» и т. д. по обычной формѣ. Подпись «*humilissimus servitor*» рукою секретаря и собственноручная «*Ju. Car. de Medicis*». Актъ передачи монастыря епископу Нимскому Michael. Briczonnet послѣ епископа Вильгельма Брисоннѣ.

3) Подъ словомъ «*Motu proprio* (изд. Фавра, t. V, p. 533).

motus proprii ne sont jamais munis de sceaux. La signature du Pape y supplée¹⁾, въ другомъ мѣстѣ осторожно отмѣтили, что «ces rescrits sont de plusieurs sortes», что не совсѣмъ сходится съ новѣйшими дипломатистами, которые подъ *motu proprio* видятъ одинъ опредѣленный типъ, — съ именемъ папы передъ текстомъ, съ началомъ (какъ правило съ исключеніями) — «ad perpetuam rei memoriam» и съ заключительными резолюціями — «Placet motu proprio et ita mandamus», «Placet motu proprio», «Fiat motu proprio» и т. д. Датировка сначала по римскому календарю и съ годомъ правленія папы, а съ Льва X съ числомъ мѣсяца и годомъ по современному лѣтосчисленію²⁾. Общее замѣчаніе дипломатистовъ, что *Motus proprii* предназначались для внутреннихъ дѣлъ папской курии. «Ils sont», говоритъ de Mas-Latrie, «généralement rédigés en italien et réservés pour les affaires d'administration et de politique intérieure des États du Saint-Siège»³⁾. A. Giry допускаетъ исключенія и выражается менѣе опредѣленно: «Les actes expédiés sous cette forme, assez nombreux depuis le XVI siècle, paraissent avoir été *presque exclusivement* employés à l'administration de la cour pontificale et au gouvernement des États du Saint-Siège: aussi, seuls de toutes les lettres apostoliques, ils ont été *assez fréquemment rédigés en italien*».

A. Giry прибавляетъ еще одинъ очень опредѣленный признакъ относительно актовъ, именуемыхъ *Motus proprii*. «Ce sont

1) «Nouveau traité de diplomatique», V, p. 322.

2) См. A. Giry, l. c., p. 702 — 703; de Mas Latrie, l. c., p. 38 — 39. Замѣчательно кратко, ясно и опредѣленно говоритъ Cesare Paoli: «I motuproprii hanno caratteri comuni colle bolle e coi brevi, ma ciò che da questi e da quelli li distingue è la mancanza del sigillo, al quale invece è sostituita la sottoscrizione autografa del papa. La formula «motu proprio» si trova *in principio* o in fine dell'atto, espressa generalmente in questo modo: «Placet, et ita motu proprio mandamus». La data è nei più antichi motuproprii espressa al modo delle piccole bolle, cioè col giorno del mese secondo il calendario romano, e coll'anno del pontificato; poi, da Leone X, s'introduce la datazione alla moderna, come nei brevi» (III, p. 28—29).

3) Брeve писались на латинскомъ языкѣ. По указанію того же de Mas Latrie: «On cite un seul en français, de Benoit XIV, répondant à Voltaire, qui lui avait dédié sa tragédie de Mahomet» (p. 38).

des documents *sur parchemin*, dépourvus de sceaux». Этихъ-то пергаменныхъ *motu proprio* Гігу и не видалъ ни одного экземпляра. Чѣмъ объясняется такая рѣдкость?

Попробуемъ обратиться къ памятникамъ папской канцеляріи, напечатаннымъ въ XV—XVI вв. Какъ извѣстно, папы чрезвычайно быстро оцѣнили значеніе печатнаго станка — свидѣтельствомъ являются индульгенціи Николая V¹⁾ и знаменитая *bulla* *сгусіата contra Turcos* папы Пія II. Въ самомъ Римѣ не позже 1470 годовъ началось опубликованіе документовъ и распоряженій, постепенно достигшее въ XVI столѣтіи кульминаціоннаго пункта развитія²⁾. Сначала папская курія пользовалась услугами нѣсколькихъ привилегированныхъ типографщиковъ (напримѣръ, Стефанъ Планкъ), потомъ печатаніе перешло къ Антонию Бладо (*Antonio Blado Asolano*)³⁾, который съ 1549-го года точно обо-

1) См. напримѣръ, Léon de Laborde: «Nouvelles recherches sur l'origine de l'imprimerie» (Paris. 1840).

2) Такъ еще при папѣ Павлѣ II (1464—1471) были отпечатаны (см. въ *Bibl. de l'École des chartes*, LXII (1902), pp. 479 — 480, замѣтку — «La chancellerie romaine au temps de Paul II») «avec les caractères dont Ulric Hahn s'est servi pour imprimer à Rome le *Scripturarum scrutinium*», семь брошюръ: 1) «Regule, ordinationes et constitutiones cancellarie sanctissimi domini nostri domini Pauli divina providentia pape secundi, scripte et correcte in cancellaria apostolica»; 2) «Termini causarum in Romana curia servari soliti in causa beneficiis»; 3) «Modus vacandi beneficiorum»; 4) «Quod non derogetur Statutis de optando et obtinendo prestimonia nisi sufficiens signatura habeatur»; 5) «Modus servandus in executione seu prosecutione gratie expectative»; 6) «Festa et ordo terminorum sacri palatii apostolici servari solitorum»; 7) «Bulla de beneficiis affectis». При Павлѣ же II были изданы еще другія буллы и «сорія litterarum». Замѣтка въ *Bibl. de l'École des chartes* направлена противъ продававшихся у L. Rosenthal'a изданій «Regulae», якобы «Mogunt., Fust et Schoefer» (1200 м.), «qui présente une assez singulière particularité. On a ajouté les écussons de Fust et de Schoeffer, imprimés en rouge». Перечень разныхъ изданій «Regulae cancellariae apostolicae» см., напримѣръ, въ трудѣ—F. Cerroti (и Enrico Celani): «Bibliografia di Roma medievale e moderna» (Roma. 1893. 4°), стр. 592—593.

3) Giuseppe Fumagalli e Giacomo Belli начали изданіе «Catalogo delle edizioni romane di Antonio Blado Asolano ed Eredi (1516—1598), possedute dalla Biblioteca Nazionale centrale Vittorio Emanuele di Roma, con una introduzione storico—bibliografica»; первый выпускъ (Roma. 1891—92) обнимаетъ 1516—1562 годы, 2-ой (Roma. 1896), годы 1562—1578. Продолженія, сколько знаю, не послѣдовало; не вышло въ свѣтъ и обѣщанное ученое введеніе.

Regule Cancellarie S^{an}c^tissimi d^{omi}nⁱ n^{ost}ri
d^{omi}nⁱ Pauli divina p^{ro}uid^{en}tia pap^e Sed^ei

SANCTISSIMVS in cristo pater et
d^{omi}n^us noster d^{omi}n^us Paulus diuina p^{ro}uid^{en}tia
papa Secundus pro utilitate rei
publice ac norma et modo dandis in rebus a
gendis suorum p^{re}decessorum inherendo uestigiis
in crastinu^m sue Assumptionis adsumi Apl^{us}
tus apicem uidelicet die ultima Mensis Au
gusti Anno d^{omi}nⁱ Millesimoquadringentesimo
sexagesimoquarto infra scriptas quorundam
ex eisdem p^{re}decessoribus Regulas et ordina
tiones immouauit et quasdam limitauit Alias
que et certas reservationes ac reuocationes
et constitutiones fecit subsequentes quas dum
taxat uoluit et mandauit suo tempore obser
uari. et per me Rodericum sancti Nicolai in
Carceraliano diaconum Cardinalem sac
rorum Romane ecclesie Viccancellarium In
Cancellaria Apl^{ica} publicari et postmodum
uidelicet Vicesima Mensis Septembris Pon
tificatus sui Anno primo iuxta mandatum
michi factum fuerit publicate Reservatio
beneficiorum uacantium per constitutione ad regi
meⁿ et ex^{er}citabilis

N^{on} primis reservationes fecit similes illis
que in constitutione felicis recordationis Be
nedicti pap^e .xii. que incipit Ad regimen co
tinentur et illas locum habere uoluit. etiam
si officiales in eadem constitutione expressi
ap^{osto}lice sedis officiales ante obitum eorum esse
desierint quo ad beneficia que tempore quo
obtinuerant et reserua^unt beneficia q^{ui} p^{er} 68

значалъ «*Romae. Apud Antonium Bladium impressorem Camerale*»¹⁾, и къ его наслѣдникамъ — «*Haeredes Antonii Bladii Impressores camerale*» (дѣло велъ одинъ изъ братьевъ Paulus Blado, съ 1590 ставившій одно свое имя), каковое указаніе смѣнилось въ самомъ исходѣ XVI вѣка обозначеніемъ — «*Ex Typographia Reuerendae Camerae Apostolicae*».

Печатались документы, смотря по ихъ назначенію, на открытыхъ листахъ — для наклейки, въ десть, 4^о и 8^о — для разсылки и руководства въ канцеляріяхъ. Важнѣйшія постановленія многократно перепечатывались, зачастую безъ обозначенія времени переизданія. Въ этомъ отношеніи неофіціальныя перепечатки различныхъ типографій въ разныхъ городахъ Италіи гораздо аккуратнѣе. Надо замѣтить, что и оригинальныя первыя изданія папскихъ документовъ нерѣдко лишены указанія на типографію и время напечатанія.

Долголѣтнее собраніе летучихъ изданій папской канцеляріи даю намъ въ руки значительный матеріалъ, которымъ мы и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Основные дипломатическіе типы папскихъ документовъ — буллы, бреве и *motus prorgii*, печатались въ Римѣ и подъ собственными и подъ разнообразными иными наименованіями. Въ приписяхъ относительно распубликованія всѣ документы болѣею частью называются «*litterae apostolicae*». Буллами обычно титулуются буллы консисторіальныя, то есть съ изображеніемъ

1) Изслѣдованіе о типографахъ Бладо см. G. Fumagalli: «*Antonio Blado tipografo Romano del secolo XVI (memoria storico-bibliografica)*. Milano. 16° (безъ года изданія, но послѣ 1892 и до 1896). Въ этой книжкѣ приведена и литература вопроса. Очень цѣнно также изслѣдованіе Domenico Bernoni: «*Dei Torresani, Blado e Ragazzoni, celebri stampatori a Venezia e Roma nel XV e XVI secolo*» (Milano. Hoepli. 1890. 8°). По отношенію къ Бладо отмѣтимъ особенно любопытный вопросъ о контрафакціяхъ «*le piraterie*» знаменитаго Bernardo Giunta (стр. 199 и слѣд.). На стр. 212 читаемъ: «*nel 1549 otteneva il Blado un nuovo attestato del pontificio favore mercè il conferimento della privativa per la stampa degli atti ufficiali, o come ivi si appellavano Atti Camerali, e con questo il titolo altresì di Stampatore Camerale, che attribuiva un vero primato sugli altri stampatori di Roma*».

роты и подписями папы и кардиналовъ. Простыя буллы по формѣ «*episcopus servus servorum Dei*» нерѣдко называются *litterae*¹⁾, иногда опредѣленіемъ по существу²⁾.

По содержанію же иногда озаглавливаются и торжественныя консисторіальныя буллы, напримѣръ, «*Sententia condemnationis Odetti a Castillione aſs Cardinalis per Sanctiss. D. N. D. Pium diuina prouidentia* Парам III»³⁾; случается, что заглавіе называется то учрежденіе, которое буллою основывается, напримѣръ — «*Mons religionis*»⁴⁾. Число буллъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ прямымъ заглавіемъ — «*bulle*» — настолько велико, что описаніе ихъ составило бы цѣлую книжку.

1) Напримѣръ, — «*Litterae S. D. N. Pii Papae V super creatione Cosmi Medices in Magnum Ducem Prouinciae Ethruſiae ei subiectae*» [«*Romae apud haeredes Antonii Bladii Impressores Camerale*» (in folio, 8 стр., у Фумагалли нѣтъ)] содержать буллу «*Pius, episcopus seruus seruorum Dei, ad perpetuam rei memoriam.... Dat. Romae apud S. Petrum anno Incarnationis Dominicae M. D. LXIX. Sexto calendas Septembris. Pont. nostri anno Quarto*» (слѣдуетъ скрѣпа секретаря «*Cae. Glorierius*»). Этихъ «*Litterae*» нѣтъ (и у меня) перепечатка «*Florentiae. Apud Philippum Iuntam et fratres. M. D. LXX*», in 4°, 8 ненум. стр.

2) Напримѣръ: «*S. D. N. Pii Papae V Abolitio quarundam literarum super certis facultatibus, et indulgentiis publicatarum et prohibitio similium ad quoscunque in futurum*» («*Romae, pud (sic) Haeredes ntonii (sic) Bladii Impressores Camerale. 1570*», in folio, 4 стр. Fumagalli, I c., № 545), содержитъ буллу — *ad perpetuam rei memoriam* — датированную — «*Datum Romae, apud Sanctum Petrum, anno incarnationis dominicae millesimo quingentesimo sexagesimo nono Quarto Non. Januarii Pontificatus nostri anno Quarto*» (подпись — «*Cae. Glorierius*» и «*H. Сумун*»).

3) «*Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno 1563*» (4 ненумер. стр. in folio, у Fumagalli — нѣтъ). Булла за подписями папы и кардиналовъ датирована: «*Datum Romae apud Sanctum Petrum, anno incarnationis Dominicae M. D. LXIII. Pridie Calendas Aprilis, Pont. Nostri Anno Quarto*», касается, перешедшаго въ протестантизмъ, кардинала «*Odet de Coligny de Châtillon*» (возведенъ въ кард. достоинство въ 1533 году, ум. въ 1571). Въ концѣ, ниже текста, напечатано о распубликованіи, что «*suprascriptae literae apostolicae affixae et publicatae fuerunt....*» 11 Сентября 1563 года.

4) «*Mons Religionis*» — *Romae. Apud haeredes Antonii Bladii Impressores Camerale M. D. LXXI*» (in 4°, на 6 ненумер. листахъ, Fumagalli, № 624) — это булла, данная «*anno incarnationis Dominice Millesimo quingentesimo septuagesimo primo, duodecimo Calendas Iunii*» — «*per Pstitutione del Monte di Religione, destinato a prouedere ai bisogni della Chiesa*».

Нельзя не отмѣтить наименованіе буллою настоящей «signature en cour de Rome». Въ 1561 году «Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem» ¹⁾ напечатана: «Bulla S. D. N. D. Pii Papae III absolutionis excessuum Populi Romani sede Apostolica vacante per obitum fe. re. Pauli Papae quarti» (in folio, 2 нenum. листа). вмѣсто буллы мы находимъ двѣ суппליки по формулѣ «Beatissime Pater» съ обычной clausula — «sola signatura sufficiat et ubique fidem faciat» и съ резолюціями папы — «Fiat ut petitur. I.», «Fiat. I.» и «Placet. I.». Первая сигнатура помѣчена — «Dat. Romae apud Sanctum Petrum, octavo Id. Januarii Anno Primo», вторая: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum, Id. Maii Anno Secundo». Къ папѣ обращались «devoti oratores Senatus et Populus Romanus» по поводу народной смуты, случившейся «humanae naturae hoste instigante» по смерти папы Павла IV ²⁾.

Какъ буллы, точно также и бреве, выданные sub annulo Piscatoris, случается, именуются «Decretum» ³⁾ или, напримѣръ, «Con-

1) Fum., № 259, указываетъ годъ изданія: «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. 1561». Имѣющійся у меня печатный экземпляръ оригинальнаго изданія года не имѣетъ, каковой опредѣляется изъ даты второй сигнатуры «Id. Maii Anno Secundo».

2) Документъ начинается изложеніемъ событій: «Beatissime pater. Cum Sede Apostolica per obitum fe. re. Pauli Papae IIII. S. V. Praedecessoris vacante, seu tunc animam agente de proximo vacatura, Populus Romanus, seu nonnulli ex dicto Populo de facto coadunati, humanae naturae hoste instigante moti et furore perciti domum sine palatium sanctissimae Inquisitionis Haereticae pravitatis vi et violentia ingressi, diversos super Haeresis et forsitan aliis criminibus accusatos et forsitan confessos et convictos, ac ad ultimum supplicium et perpetuos carceres condemnatos vel condemnandos inibi carceratos liberaverint, necnon illorum processus, examina, et diversas alias scripturas et nonnulla bona inibi existentia combusserint et in praedam dederint et asportaverint, ac iudices et ministros dictae Inquisitionis diversis etiam Praedicatorum, aut alterius ordinis religiosos etiam forsitan presbyteros verberibus affecerint, et forsitan mutilaverint, terroremque religiosis et fratribus Dominicanis in Aede Minervae incusserint. Necnon quandam Statuam marmoream pecuniis eorundem Populi et de eorundem expresso mandato in memoriam eiusdem praedecessoris, dum in humanis ageret, confectam, et in Capitolio honorifice reconditam fregerint, ac illius caput per Urbem distrahendum duxerint, seu duci et distrahi iusserint et fecerint, seu permiserint...».

3) Напримѣръ, «Decreto di N(ostro) S(ignore) Pio Papa Quinto contra homicidi & altri delinquenti o banditi del Regno di Napoli» («Romae, apud Antonium Bla-

stitutio», при чемъ въ указаніи на публикаціи находимъ поясненіе: «retroscriptae literae seu breve affixae et publicatae fuerunt....»¹⁾).

Прямое наименованіе «breve» не составляетъ рѣдкости уже въ довольно раннее время. Отмѣтимъ, напримѣръ, а) «Breue sanctissimi domini nostri domini Leonis divina providentia Pape Decimi: super correctione Kalendarii — pro recta Pasche celebratione» (in 4°, на 4 ненум. листахъ, s. l. et a.) и b) также breve съ прибавленіемъ — въ заглавіи «datum post decimam sessionem» (in 4° на 2 ненум. листахъ, s. l. et a.). Оба «sub anulo Piscatoris», оба подписаны «Ja. Sadoletus», первое отъ 24 іюля 1514 года, второе отъ 1 іюня 1515 года. Во второй половинѣ XVI столѣтія заглавіе «Breve» становится обычнымъ, хотя конечно не столь частымъ какъ «Bulla»²⁾).

dam Impressorem Cameralem. Anno 1566., in folio, 4 ненум. стр., Fumagalli, № 401), содержитъ breve (на латинскомъ языкѣ конечно) ad futuram rei memoriam, датированное: «Dat. Romae Apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris Die prima Februarii 1566. Pontificatus Nostri Anno Primo» (подпись секретаря «Cae. Glor.»). Наименованіе этого декрета breve находится въ дополнительномъ объявленіи: «E perche il prefato Sig. Vicere di Napoli ha gia pubblicato un decreto conforme al *soprascritto nostro Breue* per tutti li lochi del sudetto Regno, perciò ciascuno ufficiale e ministro nostro e della Santa Chiesa non manchi di essequire subito quanto di sopra si contiene». Ниже текста мелкимъ шрифтомъ обозначено время опубликованія: «Io Antonio Trombetto ho pubblicato il *soprascritto decreto* per Roma nelli lochi soliti et consueti il di XII de Marzo 1566». У меня нѣтъ перепечатанія этого декрета на открытомъ листѣ слово въ слово (только изъ него «Trombetto» стоитъ «Trombetta» съ указаніемъ года и мѣста печати: «Romae, apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. 1566»).

1) Напримѣръ, «Constitutio S. D. N. D. Pii divina Providentia Papae V, per Dominos Medicos observanda» («Romae, apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. 1566», на откр. листѣ съ одной стороны. Fumagalli, № 390) содержитъ breve (ad perpetuam rei memoriam) — датированное: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris die 8 Martii. M. D. LXVI Pontificatus Nostri anno primo» (подпись секретаря — «Cae. Gloriarum»).

2) См. напр., у Fumagalli, l. c., №№ 194 (1557), 208 (1558), 204 (1559), 254 (1561), 274 (1562), 275 (1562), 311 (1564), 342 (1565), 378 (1566), 379 (1566), 380 (1566), 381 (1566), 382 (1566), 383 (1566), 384 (1566), 433 (1567), 434 (1567), 435 (1567), 436 (1567), 598 (1571), 599 (1571), 666 (1573). Ошибка въ breve, которое вошло въ каталогъ Fumagalli: «Breue Deputationis Donati Matthaei Minialis Thesaurarii generalis in collectorem generalem spoliarum Ecclesiasticorum

Документы съ собственноручными резолюціями папъ — (по типу резолюцій на *motus proprii*) стали печататься съ самого начала употребленія типографскаго станка для распубликованія актовъ папской канцеляріи. Отмѣтимъ разныя «*Constitutiones*» и «*Regulae*», особенно, такъ называемыя, «*Regulae cancellariae apostolicae*» (въ которыхъ отнюдь не надо видѣть устава и штатовъ папской канцеляріи)¹⁾.

Какъ образцы приведемъ резолюціи Иннокентія VIII и Александра VI.

1) «*Regulae*» по изданію (*in* 4°, на 12 нумерованныхъ листахъ изъ конхъ послѣдній чистый, в. l. et a.) 1484 года:

Regule cancellarie S. Inno. P. viij.

ad Cameram Apostolicam pertinentium in tota Italia» («*Romae Apud Antonium Bladum impressorem Cameralem Anno 1563*», in folio, 2 немум. листа). Бreve адресовано «*Dilecto filio Donato Mattheo Minali de Bellano laico Mediolanensi Thesaurario nostro generali*» и датировано «*Dat. Romae apud S. Petrum sub Annulo Piscatoris, die 30 Julii M. D. LX. Pont. Nostri. Anno Prime*» (подпись секретаря «*Caes. Glorietius*»). Обычнаго извѣстія относительно распубликованія нѣтъ. Обращаетъ на себя вниманіе срокъ, протекшій между датой бреве и его напечатаніемъ.

1) A. Giry, l. c., p. 682—«les «*Règles de la chancellerie apostolique*»... sont un ensemble de décisions relatives à la collation des bénéfices, rédigées pour la première fois en 1331 et confirmées depuis par chaque pape à son avènement». См. D-r. E. vom Ottenthal: «*Die päpstlichen Kanzleiregeln von Johannes XXII bis Nicolas V.*» (Innsbruck. 1898). «*Die Vereinigung und Zusammenfassung dieser Normen und damit die Geschichte der Kanzleiregeln beginnt erst mit Johann XXII*» (p. VII). По Ottenthal'ю дата Giry—1331 годъ—можетъ быть замѣнена на — «между 1320—1330 годами».

Къ этому надо прибавить новѣйшій трудъ, захватывающій и постановленія XIII столѣтія: «*Constitutionum Apostolicarum de generali beneficiorum reservatione ab a. 1265 usque ad a. 1378 emissarum, tam intra quam extra corpus juris exstantium, collectio et interpretatio*» (edidit Carolus Lux). Wratislaviae. MCMIV. gr. 8°. Есть поправки къ старымъ сочиненіямъ, наприм., стр. 86. Приложены многочисленные и цѣнные документы — «*Acta inedita*».

Placet publicēt et describāt icācellaria. No.
Reēde et publ cate fuerunt sup̄scripte dē rome incācel.
ap̄l ca die lune tredecia mēsis septemb̄is Anno. MD.
ccc.lxxxiii. pont. p̄fati S. do. n̄ri do Innocētii diui
na p̄bētia Pape octauī Anno p̄mo.

Папская резолюція заканчивается буквами: «Io.» (Иннокентіѣ VIII=Giovanni Battista Cibo=Johannes). Болѣе обычна резолюція съ одной буквою «I».

2) «Regulae» по изданію 1493 г. (in 4°, на 16 нумер. листахъ, в. l. et a.):

Regule Ordinatioēs et cōstitutōēs Lancellarie Sanctissim
ionis nostri dñi Alexandri diuina prouidentia pape. vi. scrip
te et correde in Lancellaria apostolica.

Placet publicetur et describat in Cancellaria. R.

Lecta et publicata fuit sup̄scripta regula Rome in Can
cellaria apostolica die. iiii. mensis Maij. Anno incarnationis
dominice. M. cccc. xciiij. Pontificatus p̄fati Sanctissimī de
mini nostri pape Anno primo.

Подпись папы — «Placet publicetur et describatur in Cancellaria. R.» заканчивается буквою «R», потому что Александръ VI — до вступленія на папскій престолъ — носилъ имя Родриго Борджіа¹⁾.

Печатаніе документовъ типа *motus proprii* — *ad perpetuam rei memoriam* съ обычной резолюціей «*placet et ita mandamus*» также относится ко времени Иннокентіѣ VIII. У меня имѣются,

1) Въ коллекціи автографовъ и документовъ, собранной графомъ Рааг и проданной въ Берлинѣ въ 1898 году — подъ № 1857 описана — «*Pièce en latin, avec ses mots autographes «Fiat motu proprio. B.» et «Fiat. B.»; Roma, 5 Déc. 1497. 1 p. in fol.*». Передъ нами документъ на латинскомъ языкѣ съ резолюціей *motu proprio*, писанъ на бумагѣ. Буква «B» невѣрное чтеніе неясной буквы «R», о чемъ рѣчь будетъ дальше.

напримѣръ, два такихъ печатныхъ акта — одинъ въ оригинальномъ изданіи 1485 года (2 нenum. листа in 4°, sine l. et a.), на которомъ въ концѣ напечатано — «Signatura summi Pontificis. Placet et ita mandamus. I.» и другой («constitutio») — безъ точнаго года, въ перепечаткѣ 1610 года (на открытомъ листѣ)¹⁾.

Мнѣ не удалось найти настоящихъ «motu proprio» съ прямымъ заглавіемъ ранѣе времени папы Климента VII (1523—1534). Отъ этого времени у меня имѣются два «motus proprii» 1529 г. въ официальномъ переизданіи XVI-же столѣтія (sine l. et a., in 4°, 2 нenum. листа)²⁾ и одинъ «motus proprius» въ оригинальномъ изданіи 1530 года (no v. l. et a., на 4 нenum. листахъ, in 4°). Длинное заглавіе (см. прилагаемое клише на стр. 88) набрано крупнымъ готическимъ шрифтомъ.

Въ концѣ текста объясненіе, что: «Anno a natiuitate Domini M. D. XXX. indictione tertia die uero. IX. mensis Februarii Pontificatus Sanctissimi in Christo patris et domini nostri, domini Clementis diuina providentia papae VII anno septimo *praesentes retrospectae litterae Motus proprii* были «*praesentatae, intimatae, insinuatae et notificatae*».

Всѣ три описанные Motus proprii Климента VII имѣютъ одну и ту же резолюцію: «Placet D. N. PP. et ita Motu proprio mandat. A. Portuensis». Такимъ образомъ виѣсто папы *Motu proprio* былъ подписанъ кардиналомъ Antonio Maria del Monte (episcopus Portuensis, sacri Collegii Cardinalium Subdecanus). Со времени папы Павла III количество печатныхъ Motus pro-

1) «S. D. N. D. Innocentii divina providentia papae VIII. Clives Romani non originarii tenentur ad solvendum Fidem Dohanae Patrimonii sicut forenses» («Romae. Ex Typographia Camera Apostolica. M. DC. X.»). Въ концѣ текста: «Haec const. praesentata fuit in Camera Apostolica pro parte S. D. N. Papae et registrata fuit lib. 2. Diversa. fol. 242. A. de Viterbio». Andreas de Viterbio служилъ въ папской канцеляріи еще въ 1464 году, см. Ciampini, l. c., p. XII.

2) «Motus proprii duo Sanctiss. Clementis Septimi contra Mandatum de supercedendo, calumniosae productum, et contra Moratorias ac dilationes quinquennales, quae vulgo cinquinae dicuntur», въ концѣ: «Die XX. Decembris M. D. XXX. haec duo Mandata intimata, affixa et publicata fuerunt Romae in locis consuetis per me Io. Seruiner. S. D. N. Papae Cursorem».

Notus pprius. S.
D. N. Clementis
Sept. Pont. Max.
super Reformatiõe
Notariorum Urbis
ac moderatione mer
cedis eorum: id feli
citer curante Reue
rēdissimo et illustris
simo A. Card. de
Monte: Urbis Le
gato: cui nihil antiq
uis: q̃s in publicā uti
litatem incumbere.

ргіі — все растеть, печатаясь то на открытыхъ листахъ, то въ десть, то in 4°.

Прилагаемое клише (стр. 90) снимокъ съ краткаго по тексту Motu proprio 1548 года, можетъ служить образцомъ, хотя форма Motu proprio не совсѣмъ выдержана. Въ резолюціи: «Placet motu proprio. A.»—буква А указываетъ на имя папы. Павелъ III до вступленія на престолъ носилъ имя Александра [Фарнезе].

Большое количество печатныхъ Motu proprio второй половины XVI вѣка не позволяетъ сдѣлать ихъ подробное описаніе и мы ограничимся выборкой нѣкоторыхъ указаній. Точная датировка, свойственная этому типу актовъ, напримѣръ, «Datum Romae Apud Sanctum Marcum quarto Noñ. Augusti Anno Quinto»¹⁾ весьма нерѣдко пропускается и замѣняется датировкой регистраціи или опубликованія. Напримѣръ, непосредственно послѣ резолюціи папы Пія IV: «Placet Motu Proprio. I.» слѣдуетъ запись: «Die prima mensis Iulii 1560. admitt. et registrat. ex decreto Camerae libro signaturarum S. D. N. Papae apud me Notarium fol. 206. Hie. de Tarano»²⁾.

Въ объявленіи о публикаціи большею частью указываются «retroscriptae literae apostolicae» или «suprascriptae literae apo-

1) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae III, per quem deputantur octo reuerendissimi Cardinales, qui faciant obseruari reformationes ab ipso editas nec non decreta sacri, oecumenici, generali Concilii Tridentini» (подъ заглавіемъ большой виньетъ съ изображеніемъ засѣданія Тридентскаго собора. Ниже виньета указаніе на мѣсто печати: «Romae. Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. M. D. LXIII.», in folio, на 2 нумер. листахъ. У Fumagalli нѣтъ.

2) «Motus proprius S. D. N. Pii Papae III. quo Illustr. R. P. D. Alexander Sfortia Electus Parmenſis Camerae Apostolicae Clericus deputatus Praefectus Annuae Almae Urbis et reliqui status Ecclesiastici cum mandato de assignandis frumentis et leguminibus ac prohibitione de illis, ac animalibus in escam mactari solitis, non extrahendis» (на 2 нум. листахъ=Fumagalli, № 240). Такую же подпись напечаталъ «Hie. de Tarano» и на бреве Павла IV («Placet motu proprio. I.», такъ какъ Павелъ IV=Іоаннъ Карафа)—отъ 1557 года, не описанномъ у Fumagalli (подлинное изданіе имѣется у меня).

PAVLVS PAPA III.

MOTV Proprio &c. Cum sicut accepimus nonnulli sint qui eorum pecunias in Monte S. Spiritus ponerent si eis comoditas daretur quod loca non vacarent per obitum illa obtinentium, per aliquod tempus, & quia optimus loca Montis huiusmodi quantotius vendi & expediri, ac singulis specialem gratiam facere Motu proprio &c. quod omnes & singuli utriusque sexus qui post hac eorum pecunias in dicto Monte ponent comoditate unius anni quo loca ipsa per obitum non vacent gaudere debeant ita, & taliter quod anno huiusmodi durante de locis ipsis tam inter vivos quam in testamento disponere libere & licite possint & loca ipsa ad eorum heredes & successores etiam transeant ab intestato, de speciali gratia concedimus, & indulgemus decernentes lapso anno a die quo pecunias in dicto Monte posuerint respectiue loca ipsa vacabilia fore & censei debere iuxta formam literarum erectionis dicti montis & sic per quoscunque &c. iudicari &c. sublata &c. Necnon irritum &c. Quodque presentium sola Signatura sufficiat & ubique tam in iudicio quam extra fidem faciat absque alia litterarum expeditione. Non obstantibus premissis, necnon constitutionibus, & ordinationibus, ac literis Apostolicis ac fundationibus dicti Montis ceterisque contrariis quibuscumque. Die XI. Ianuarii. 1545. Anno Quartodecimo.

Placet Motu proprio. A.

Die XX. Iunii M. D. XLVIII. Registrat. de mandato Reuerendiss. & Illustriss. D. Guidonis Ascanii Cardinalis Camerarii libro sexto diuersorum D. Pauli Pape III. apud me Notarium fol. 183.

Hier. de Tarano.

stolicae» и только очень рѣдко чатаемъ, что «Supradictus Motus proprius affixus et publicatus fuit»¹⁾.

Какъ буллы и бреве, такъ и Motus proprii озаглавливались помимо прямого названія самыми разнообразными терминами, указывающими главнымъ образомъ на содержание.

Таковы, напримѣръ, «Confirmatio et ampliatio literarum» или просто «confirmatio literarum»²⁾, «Constitutio» (при чемъ указано, что «retroscriptus Motus Proprius affixus et publicatus fuit»³⁾; «Declaratio» (или «Declaratio et reformatio» и т. д.)⁴⁾; «Faculta-

1) Напримѣръ—«Motus proprius S. D. N. D. Pii Papae Quinti Reformationis alterius Motus Proprii fel. re. Pii Papae Quarti super admissione appellationum Causarum Criminalium» (in folio, на 2 нenum. листахъ, на оборотѣ послѣдняго «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. Die 4 Martii M. D. LXVI») = Fumagalli, № 416.

2) Напримѣръ—Fumagalli № 398: «Confirmatio literarum Julii II et Leonis X contra Dominos locorum et Communitates non custodientes eorum territoria, ne venientes ad Urbem et recedentes derobentur», у Fumagalli «senza note tipografiche» (in folio, на 2 нenum. листахъ); у меня два отличныхъ отъ этого изданія: 1) «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. M. D. LXVI», in folio, на двухъ нenum. листахъ, 2) на открыт. листѣ, печатано на одной сторонѣ: «In Roma, Per gl' Heredi d' Antonio Blado Stampatori Camerali».

3) Напримѣръ, а) «Constitutio S. m. D. N. D. Pii Papae V contra fraudulentos et dolosos decoctores» (на откр. листѣ—«Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales» — 1570 годъ = Fumagalli, № 555, но in folio, а не на листѣ), б) «S. D. N. D. Pii Papae V constitutio contra deferentes arma breuioris mensurae trium palmorum» (in folio, на 2 нenum. лл. «Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno. M. D. LXXII» = Fumagalli, № 644); в) «S. D. N. D. Pii Papae V Constitutio extendens poenas statutas contra ambientes officia iurisdictionis administrationem habentia, etiam ad recipientes pecunias et Mediatores» (in folio, на 2 нenum. лл., «Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem (sic!) Anno. M. D. LXXII» = Fumagalli, № 647).

4) Напримѣръ, а) «S. D. N. D. Pii Papae V Declaratio et reformatio Constitutionum et ordinationum praedecessorum suorum super Collegiis studentium scholarum in Urbe» (на откр. листѣ—«Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales» — актъ датиров. «quarto Kl. Nouembria Anno Primo» = 1565 годъ, у Fumagalli—нѣтъ); б) «S. D. N. D. Pii Papae V Declaratio Auctoritatis et iurisdictionis Reuerendissimi D. Montis de Valentibus Almae Urbis Gubernatoria», in folio, на 2 нenum. листахъ—«Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales», актъ датированъ: «Quinto Id. Augusti Anno Quinto» = 1570 годъ. У Fumagalli, № 557, но другое изданіе, in 8°, на 4 стр.).

tes» ¹⁾, «Praeceptum» ²⁾, «Reformatio» ³⁾, «Revocatio» ⁴⁾, «Statutum» ⁵⁾, «De Bireto Viridi» ⁶⁾.

Ознакомившись съ цѣлымъ рядомъ документовъ официально названныхъ *Motus Proprii* при самомъ ихъ опубликованіи, мы

1) Напримѣръ, «*Facultates Illustriss. et Reuerendiss. DD. Octo Cardinalium Inquisitorum generalium a S. D. N. Pio III deputatorum ad exercitium, cognitionem, et decisionem causarum offitii S. R. Inquisitionis*» (in folio, на 2 немум. листахъ: «*Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno M. D. LXIII*» = Fumagalli, № 828).

2) Напримѣръ, «*S. D. N. D. Pii PP. V. Praeceptum quod christiani apud Turcas serui reperti, libere cum bonis suis abire permittantur*» (in folio, на 2 немум. листахъ, «*Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales*», датировка документа пропущена, текстъ кончается резолюціей — «*Placet Motu Proprio. M.*»).

3) Напримѣръ, «*S. D. N. D. Pii Papae III Reformatio Registorum per Notarios quorumcumque Judicum et Tribunalium Romanae Curiae de caetero fiendorum*» (in folio на 2 немум. листахъ: «*Romae, Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem*», годъ 1561, у Fumagalli — нѣтъ).

4) Напримѣръ, а) «*Revocatio licentiarum ac facultatum celebrandi Missas vespertino tempore*» (in folio на 2 немум. листахъ: «*Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales*» — 1566 годъ — у Fumagalli, № 425, но изданіе in 8°); б) «*Revocatio Privilegiorum Hospitalis Sancti Lazari Hierosolymitani, de Hospitalibus et piis locis leprosororum*» (in folio, на 2 немум. лист. «*Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem*» — 1567 годъ = Fumagalli, № 472); в) «*Pius PP. V. Revocatio facultatum concedendi commissiones alienationum bonorum Ecclesiarum, aut Priorum locorum, Camerario et Camerae Apostolicae Clericorum Collegio concessarum*» (in folio, на 2 немум. листахъ — «*Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. M. D. LXVIII*» = Fumagalli, № 514, но въ изд. in 16° на 7 стр.). Въ концѣ акта напечатано: «*Lectus et publicatus fuit supradictus Motus proprius Romae in Cancellaria Apostolica . . .*».

5) Напримѣръ — а) «*S. D. N. Pauli Papae III Statutum quod familiares DD. Cardinalium, Patriarcharum etc. non possint petere salarium nisi pro biennio a die obitus patroni*» [на откр. листѣ: «*Romae apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales*], актъ 1545 года, но изданіе, надо думать 1578 года (опечатка 1533), когда копія для напечатанія была — «*auscultata cum originali quinterno Cancellariae...*» (о «*Quinternus Cancellariae Apostolicae*» — см. Glossarium Дюканжа)], б) «*S. D. N. D. Pii Papae III Statutum quod in publico Consilio Pop. Rom. eligantur duo Patricii Rom. qui Magistris uiarum computa reddituris assistant, ac de aliis ad idem pertinentibus*» (in folio, на 2 немум. листахъ, изъ конхъ второй чистый, а. 1. et a.).

6) «*De Bireto Viridi*» (Pius Papa III Motu Proprio etc. — актъ 1561 года, на откр. листѣ — «*Romae, Apud Impressores Camerales*»). У Fumagalli — нѣтъ.

можемъ сдѣлать прежде всего замѣчаніе относительно языка. А. Giry отмѣтилъ, что *Motus proprii* «ont été assez fréquemment rédigés en italien», а de Mas-Latrie утверждаетъ, что они были — *généralement* rédigés en italien». Мы видѣли, что всѣ опубликованные въ XVI столѣтіи *motus proprii* составлены на латинскомъ языкѣ и нѣтъ основаній предполагать, что таковыя же итальянскіе — не встрѣтились намъ случайно. Значить итальянскій языкъ отнюдь не можетъ служить отличительнымъ признакомъ этого рода актовъ.

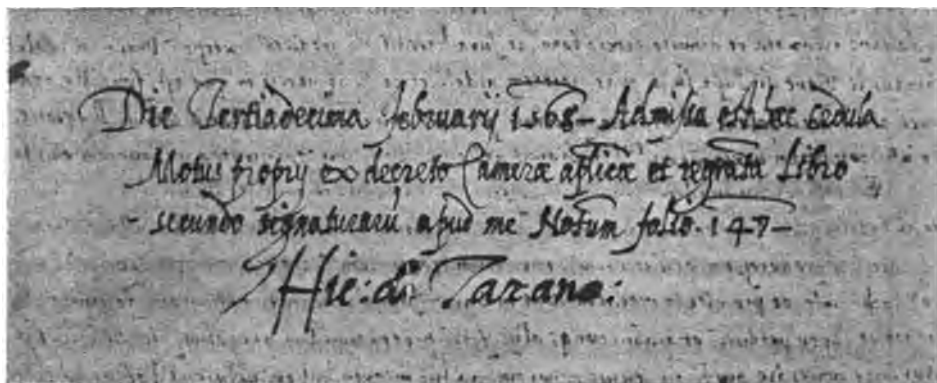
Затѣмъ вопросъ о матеріалѣ. А. Giry опредѣленно говоритъ, что *Motus Proprii* писаны на пергаментѣ. Такъ ли это и не было ли подобныхъ оригиналовъ на бумагѣ?

На таблицѣ XI мы даемъ снимокъ съ весьма интереснаго документа, находящагося въ нашемъ собраніи и написаннаго на открытомъ листѣ тонкой пожелтѣвшей отъ времени бумаги. Актъ имѣетъ въ заголовкѣ имя папы — «Pius PP. V» и начинается словами «Motu proprio», писанъ чрезвычайно мелкимъ, убогимъ почеркомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ слова перечеркнуты и обозначены вставки, приписанныя внизу подъ текстомъ двумя разными почерками. Документъ по содержанію своему касается наслѣдства Балдуина дель-Монте, оставленнаго сыну Фабіану дель Монте («universalem haeredem instituerat dilectum filium Fabianum de Monte ipsius Balduini filium naturalem legitimatum»). Ниже приписокъ и вставокъ крупнымъ почеркомъ и очень твердой властной рукою написана резолюція: «Placet motu proprio. М.» несомнѣнный автографъ папы Пія V, [до вступленія на престолъ носившаго имя Миханла Гизлери]¹⁾. Въ этомъ

1) Для сравненія автографовъ, на таблицѣ V-а, мы даемъ еще снимокъ съ распоряженія папы Пія V, подписаннаго имъ по другой формѣ — а именно — «Pius pp V». Рука очевидно одна и таже. Вотъ текстъ документа (находится въ нашемъ собраніи), написаннаго на оборотѣ уже исписаннаго отрывка бумаги: «Bartholomeo Bussotto nostro Thesoriere Generale. Fata canare dall'erario nostro di Castel Sant' Angelo acuti cinquantamilia d°. in oro quali farete consegnare al Depositario nostro generale perche ne dia credito a la Camera Apostolica

убѣждаетъ воспроизведенное нами на таблицѣ XII собственно-ручное письмо папы Пія V къ герцогу Флорентинскому Козымъ Медичи. Письмо это, хранящееся въ витринахъ архива Флоренціи, написано въ Римѣ 30 Января 1569 года, на нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе разбираемаго *motu proprio* и даетъ достаточный матеріалъ для сравненія.

Ниже резолюціи папы другимъ, крупнымъ и также писарскимъ почеркомъ написана дата: «Datum Rome Apud Sanctum Petrum Quinto Id. Februarii Anno Tertio», то есть 9 Февраля 1568 года.

in un conto apparte per spenderli nela speditione de caualli et fanti che mandiamo al Re di Francia. Datum nel Palazzo Apostolico l'ultimo di Febr. 1569. Pius pp V». Такимъ образомъ эта записка на клочкѣ бумаги представляетъ настоящій историческій и весьма цѣнный документъ. Замѣтимъ, что по случайному совпадению содержаніе этой записки имѣетъ соотношеніе съ письмомъ папы къ Козымъ Медичи, воспроизведенномъ на табл. XII. Вопросъ о томъ, что «*placet motu proprio. M.*» писалось дѣйствительно самимъ папой, можетъ быть рѣшенъ путемъ сравненія. Прилагаемая клише — «*Fiat Motu proprio. M.*» и

Fiat Motu proprio M

На оборотѣ «*motu proprio*» слѣдующая надпись, которую мы даемъ и въ снимкѣ (на стр. 94):

«Die Tertiadecima Februarii 1568 Admissa est haec *cedula* Motus Proprii ex decreto Camerae Apostolicae et registrata libro secundo signaturarum apud me Notarium, folio 147», подпись другою рукою — «Hic. de Tarano».

И этого чиновника «Hic. de Tarano», и запись документовъ въ книги — «*signaturarum*» мы найдемъ въ печатныхъ изданіяхъ актовъ *Motu Proprio*.

Ограничиваясь исключительно печатными *Motu Proprio* одного только папы Пія V¹⁾, мы констатируемъ три рода записей:

«*Expeditur gratis ubique. M.*» заимствованы изъ документовъ, находящихся въ

Expeditur gratis ubiqz M

нашемъ собраніи. Несмотря на разницу въ начертаніяхъ, видно, что рука одна и таже. Въ молодости Пія V писалъ конечно иначе, но манера письма отдельныхъ буквъ востановилась. Въ коллекціи автографовъ Б. Филлона находилось собственноручное письмо папы Пія V отъ 8 іюня 1555 года, писанное разгонисто и спѣшно (№ 2447). Заимствуемъ изъ «*Inventaire des autographes composant la collection de M. Benjamin Fillon*» предлагаемое клише:

Da Roma albi 8 de giugno 1558
De vobis etc.
Franchese de Alar^{no}

Начертанія буквы *a* и буквы *M* сохранили и въ позднѣйшихъ резолюціяхъ свою типичную манеру написанія.

1) Отмѣтимъ, что «Hic. de Tarano» записывалъ въ книги «*signaturarum*» и при папѣ Піѣ IV. Напримѣръ, см. *motus proprius* 1565 года, Fumagalli, № 360 (у меня нѣтъ 8 оригинальныхъ изданій — разными наборами) — на ко-

1) «Die Trigesima Januarii. 1566. Admissa est haec Caedula Motus proprii ex decreto Camerae, collationata et concordat. Hie. de Tarano»¹⁾.

2) а) «Die vigesima nona Maii 1567 admissa et registrata fuit haec cedula Motus proprii libro primo signaturarum S. D. N. D. Papae apud me infrascriptum Camerae apostolicae Notarium folio Quinto ex decreto Illustrissimi et Reuerendissimi Domini mei Vitelotii Cardinalis Camerarii.

Andreas Martini»²⁾.

б) «Die duodecima Junii millesimo quingentesimo septuagesimo ex decreto in Camera Apostolica maturè facto, admissa et registrata fuit haec Motus Proprii cedula libro primo signaturarum ejusdem S. D. N. Papae apud me infrascriptum Camerae Apostolicae Notarium, fol. 46.

Andreas Martini»³⁾.

торомъ въ концѣ помѣта—«Die octava Augusti 1565 admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto camerae et registrata libro secundo signaturarum San. D. N. PP. apud me not. fol. 70. Hie. de Tarano».

1) «Motus Proprius S. D. N. D. Pii Papae Quinti Confirmationis Facultatim illustriss. et reuerendiss. P. D. Alexandro Riario Camerae Apostolicae Generali Auditori concessarum» (на 2 нелум. листахъ, in folio, «Romae, Apud Antonium Bladum Impressorem (sic) cameralem. Anno 1566», Fumagalli, № 414—но другой наборъ).

2) Motus Proprius S. D. N. Pii Papae Quinti reuocationis quoruncunque Commissariorum...» (не переписываемъ длиннѣйшаго заглавія, имѣющагося цѣлкомъ у Fumagalli, № 470). У меня имѣются два оригинальныхъ изданія этого Motu proprio — оба 1567 года, разными лишь наборами.

3) «S. D. N. D. Pii Papae V Reformatio Motus Proprii Pii Papae Quarti super admissione appellationum causarum criminalium. Eiusdem prerogatio ad annum Motus proprii Pii IIII pro condemnatis in contumaciam ad sese expurgandum. Eiusdem moderatio constitutionum et proclamatum concedentium facultatem nominandi bannitos» (на 2 нелум. листахъ in folio: «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladi Impressores Camerale» — Fumagalli, № 578). Andreas Martini былъ вторымъ нотаріемъ, такой-же, какъ и Геронимъ де Тарано. На стр. 97 мы воспроизводимъ (см. выше) небольшой документъ, касающійся этого Мартини и характеризующій его дѣятельность: «M-r Andrea Martini. Fato il mandato ordinario al molto reuer. Mons-r Cirillo M-ro di casa di N. S-re di acuti quattro milia di

M. And.^o Martini. Fatto il mandato ordinario al molto
 Reuer.^o Mons.^o Cirillo M.^{co} di Casa di R.^o S. di tutti quattro
 mila di moneta senza retentione per le spese ordinarie del
 Palazzo del prossimo mese d'Aprile, di Casa M.
 di ultimo di Marzo 1560.
 G. Buffon 25.5

Приказъ Бартоломео Буссотто, назначенъ панъ Пиза У, отданный 31 Марта 1868 года
 нотарію Андреа Мартини.

3) a) «Die undecima Octobris 1566 Admissa est haec cedula motus proprii ex decreto Camerae et registrata libro secundo signaturarum Sanctissimi D. N. Papae apud me notarium, folio 113.

Hie. di Tarano»¹⁾.

b) «Die septima Aprilis Millesimo Quingentesimo Sexagesimo Octauo. Admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto Camerae et regestrata (*sic*) libro secundo signaturarum Sanctiss. D. N. Papae apud me notarium, fol. 151.

Hie. de Tarano»²⁾.

c) «Die tertiadecima Augusti 1568 Admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto Camerae et registrata libro secundo signaturarum Sanctissimi D. N. Papae apud me Notarium, fol. 167.

Hie. de Tarano»³⁾.

moneta senza retentione per le spese ordinarie del Palazzo del prossimo mese d'Aprile. Di casa il di ultimo di Marzo 1568. B. Bussotto thes³⁾» (оригиналъ въ нашу собраніи). Бартоломей Буссотто это главный казначей папы — тотъ, къ которому обращенъ приказъ папы Пія V, воспроизведенный на фототипической таблицѣ V⁴⁾.

1) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae V in fauorem Rei frumentariae ac artis Agriculturae» (на 2 нум. листахъ in folio, sine l. et a., но конечно Римъ. 1566. = Fumagalli, № 413).

2) «Motus proprius confirmationis Instrumenti venditionis Notariatuum curialium status Ecclesiastici», помѣщенный въ изданіи, имѣющемся у меня въ дефектномъ экземплярѣ безъ первыхъ листовъ. На моемъ экз. время печатанія обозначено такъ: «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. Anno Domini. M D. LXXVIII». Совершенно тождественный съ моимъ экземпляромъ описанъ Fumagalli подъ № 506. Fumagalli не замѣтилъ, что Motus Proprius Pii IV помѣщенъ на листѣ, отмѣченномъ буквою «B».

3) «S. D. N. D. Pii Papae V Confirmatio et ampliatio Literarum suarum et Pii Quarti deputationis Superintendentium et assistantium (опечатка вм. ssi — три) a) Magistris viarum circa fluminum portuum Tiberis et extra moenia Urbis viarum publicarum reaptationem» [in folio, на 2 нумер. листахъ, (sine l. et a., но конечно Romae. 1568), у Fumagalli, № 489, но въ изданіи in 8°].

Последнія двѣ записи, можно сказать, тождественны съ записью на написанъ бумажномъ документѣ. Разница лишь въ числахъ:

на подлинномъ документѣ — 13 февраля 1568 г., книга II, л. 147;
на печатныхъ — а) 7 апрѣля 1568 » » II, » 151,
б) 13 августа 1568 » » II, » 167.

Выводъ, который вытекаетъ изъ этого сопоставленія, ясенъ — это однородность документовъ и тождественность записной книги, съ указаніемъ къ тому же на сравнительно небольшое число записей въ книгу «*signaturarum*» папы. За время ровно въ полгода израсходовано всего 20 листовъ. Впечатлѣніе это должно быть ослаблено тѣмъ соображеніемъ, что какъ видно изъ тѣхъ же записей въ тоже время другой нотаріусъ Андрей Мартини велъ особую подобную же книгу «*signaturarum*». Кроме того, такъ какъ, въ официальныхъ «*constitutiones*» упоминаются «*registri supplicationum*», какъ официальный терминъ, возникаетъ вопросъ объ особыхъ — «*libri signaturarum*»¹⁾.

Затѣмъ надо отмѣтить одновременное существованіе для записи папскихъ резолюцій еще особыхъ книгъ — «*libri secretorum*». Въ архивѣ Флоренціи хранится *motu proprio* папы Пия V отъ 27 Августа 1569 года («*Datum Rome apud Sanctum Petrum Sexto Kl. Septembris Anno Quarto*») съ резолюціей «*Placet et ita motu proprio creamus et decoramus. M.*» На оборотѣ этого акта, написаннаго на открытомъ листѣ обыкновенной бумаги помѣчена регистрація: «*Libro primo Secretorum, fol. 188*». Такъ какъ этотъ *motus proprius* содержитъ возведеніе Козьмы Медичи въ великіе герцоги и пожалованіе ему короны²⁾, то можно было бы

1) Какъ увидимъ, регистры сигнатуръ находились среди регистровъ супплекъ съ резолюціями — «*per concessum*», но въ видѣ особой серіи.

2) «*Corona granducalis*». На основаніи *motu proprio* выдана была еще булла (у Фумагалли — нѣтъ, но у меня два изданія, описанныя выше на стр. 82). См. также Cesare Paoli: «*La bolla di piombo concessa da Leone X ai Fiorentini*» [въ «*Miscellanea Fiorentina di erudizione e storia*», anno I (1886), № 4 (Aprile)], гдѣ

думать, что *libri secretorum* содержали акты исключительной важности, но въ нашемъ личномъ собраніи имѣется, напримѣръ, *Motu proprio* — «*dat. Rome apud Sanctum Marcum quarto Non. Maii Anno secundo*» папы Павла V, то есть 4 Мая 1607 года, съ резолюціей «*fiat motu p^o S.*»¹⁾. Документъ написанъ на открытомъ листѣ бумаги большого формата²⁾ и имѣетъ на оборотѣ регистраціонную пометку: «*Libro 2° secretorum, fol. 61*». По содержанию *Motus proprius* хотя и касается кардинала (*Antonius Maria Gallus, Pisanus, card. 1586—1620*), но не представляетъ акта государственной важности³⁾.

Что такое «*cedula motus proprii*»?

Въ печатныхъ булахъ папы Льва X мы найдемъ такіа выраженія, какъ «*bulle seu cedula*»⁴⁾, «*bulle siue cedula*»⁵⁾ или, напримѣръ, въ объявленіи о распубликованіи «*suprascriptum edictum seu prorogationis cedula fuit affixa et publicata*...»⁶⁾. Это «или»

отмѣчено, что: «*la bolla originale di Pio V, dov'è effigiata la corona di Cosimo colla relativa iscrizione, si conserva in Archivio Storico Fiorentino, Atti internazionali, num. VII»* (р. 53).

1) Папа до вступленія на престолъ носилъ имя Камилла (Боргезе).

2) Какъ въ Флорентинскомъ архивѣ, напримѣръ, см. «*Carte Strozziiane*», т. II, р. 704—705, № 12 (*Motu proprio* 1564 года, зарегистрированный «*He. di Tagano*»). На толстой большого формата бумагѣ.

3) Въ собраніи нашемъ имѣется и оригинальная суплика (а не *motu proprio*) 1660 года, подписанная папою Александромъ VII, которая также записана: «*Libro septimo secretorum, fol. 219*».

4) «*Bulla Reformationis S. D. N. D. Leonis X. Ponti. Max. Sacro approbante Concilio edita lecta in nona sessione per Reuerendū Patrem Dñm Archiepiscopum Neapolitanū. in sacrosancta Lateranē. Basilica solemniter celebrata et vere consultata*» (in 8°, на 12 нумер. листахъ, на послѣднемъ листѣ подъ текстомъ обозначено мѣсто печати — «*Impressum Venetiis*»; годъ изданія, какъ видно изъ документовъ — 1514).

5) «*Bulla in materia Prelatorum circa exemptos et alia plura, lecta secundo loco per R. patrem Ep(iscopu)m Trauisiē in Decima sessione Sacrosancti Lateranē(ensis) Concilii*» (in 8°, на 8 нумер. листахъ, sine l. et a., напечатано мелкимъ готическимъ шрифтомъ. Судя по датамъ документовъ — это изданіе 1515 года и вѣроятно Римское).

6) «*Edictum S. Dñi nři Leonis Pape X. super prorogatione Lateranē. Concilii*» (in 4° на 2 нумер. листахъ, s. l. et a., но такъ какъ документъ помѣченъ 20 Мая 1513 года, то и изданіе несомнѣнно — Роме. 1513).

еще болѣе подкрѣпляется указаніемъ документа, воспроизведеннаго нами на табл. IX—*«in quorum fidem presentem cedulam fieri et annuli Piscatoris sigilli iussimus impressione muniri»*.

Слово *cedula* (*caedula*, *cedola*) происходитъ отъ *Schedula* (*scheda*) и въ средніе вѣка получило значеніе акта, документа, вообще¹⁾ совершенно такъ какъ, напримѣръ, образовался западно-русскій терминъ «листъ» (вѣроятно отсюда отъ *cedula* и наша цыдулька).

Cedula, подписанная папою и скрѣпленная печатью *annuli Piscatoris* не можетъ быть чернякомъ. Точно также и *motus proprius* Пія V, описанный нами (см. табл. XI) не чернякъ = *litterae notatae* («*minuta*»²⁾, *scriptum primum*) и не автографъ аббревиатора (*abbreviator litterarum*)³⁾, имѣющій быть переданнымъ грассатору (*grossator litterarum*)⁴⁾ для перебѣлки его въ подлинный документъ. Мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно подлиннымъ *Motus Proprius* на бумагѣ, а не на пергаментѣ. И не предпрѣшая вопроса о существованіи *Motus Proprii* на пергаментѣ, мы должны высказать, что болѣшая часть этихъ документовъ непременно должны быть на бумагѣ. По нашему мнѣнію *Motus proprii*, подписанные папой не перебѣливались вновь на пергаментъ⁵⁾ и не подписывались папою вторично (такъ какъ под-

1) Во французской энциклопедіи это объясняется такъ: «Le mot *cédule* (en latin *Schedula*, *Soedula*) a été, au moyen âge, un terme générique équivalent à peu près à notre mot *billet*; on désignait ainsi toutes sortes d'écrits, authentiques ou non» (v. IX, p. 1024). Въ XV ст. въ «*Regule domini Nicolai pape V*» — «*cedule sive scripturae*» (Ottenthal, «*Regulae Cancellariae Apostolicae*», p. 258).

2) Напримѣръ въ инвентарѣ 1869 года: «*Item in quadam capsula de sapino, sine sera, signata per litteram CC sunt minuta litterarum secretarum summorum pontificum registratae per magistrum Johannem de Angleuria dictarum minutarum registratorem, sicut in cedula de super affixa legebatur*» (Emil Göller, «*Mittheilungen und Untersuchungen über das päpstliche Register- und Kanzleiwesen im 14 Jahrhundert*», въ «*Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*», VII, 1904), p. 43.

3) или «*Breviator*».

4) Отъ же «*Scriptor*» для «*litterae redactae in grossam litteram*» (см. Paoli, l. c., III, 67).

5) Въ роскошномъ изданіи книги «*Regola delli cinque ordini d'Architettura*

пись папы существенная часть—«*volumus autem ut praesentis nostri Motus Proprii sola signatura sufficiat et ubique fidem faciat*»¹⁾, а или выдавались въ бумажномъ оригиналѣ, или на основаніи ихъ выдавались акты другой формы—*in forma brevis* или *in forma bullae* [то есть = *litterae patentes plumbatae*].

Думается, что этимъ объясняется то обстоятельство, что иногда въ официальныхъ изданіяхъ наименованіе *Motus Proprii* дается документамъ иного рода. Такъ напримѣръ: 1) «*Motus proprius S. D. N. Pauli Papae III de faciendo deposito in causis appellationum et de citando Fisco, ad commissiones signandas*»²⁾. Подъ этимъ *Motus proprius* мы находимъ бреве (только—«*ad perpetuam rei memoriam*»), датированное: «*Datum in nostra Ciuitate Urbeuetana, sub annulo Piscatoris. Die XIII. Septembris. M. D. XL. Pontificatus nostri anno VI*».

di M. Jacomo Barozzio da Vignola. Libro primo et originale» (in folio), въ которомъ подъ портретомъ автора указано «*si stampa in Roma da Gio. Battista de Rossi Milanese in piazza Nauona*», изображено (гравюра на мѣди) какъ бы факсимиле *Motu proprio* папы Пія IV, при чемъ письмо документа очень сходно съ письмомъ бреве этого времени. При ближайшемъ разсмотрѣніи однако оказывается, что точно факсимилирована (отмѣтимъ кстати, что это одинъ изъ самыхъ раннихъ палеографическихъ факсимиле) только резолюція папы, самый же текстъ просто каллиграфически выписанъ по образцу бреве и сообразно съ идеалами тогдашней каллиграфіи. Не только дата пропущена, но и приписано упоминаніе о другихъ привилегіяхъ, выданныхъ автору. Какъ видно изъ таблицы XXXVII изданіе это сдѣлано Francesco Villamena въ Римѣ въ 1617 году, но можно думать, что первыя доски, въ томъ числѣ и *Motus proprius* вырѣзаны раньше.

1) «*S. D. N. D. Pii. PP. V praeceptum quod christiani apud Turcas serui reperi, libere cum bonis suis abire permittantur*» (на 2 нум. листахъ, in folio, «*Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Cameraleae*», безъ года). Другая формула относительно «*signaturae*»—«*uolentes solam nostram per placet signaturam sufficere*», см. въ «*Motus proprius*» 1568 года, описанномъ у Fumagalli подъ № 510.

2) «*Romae, Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem*» (in folio, на 2 нум. листахъ; у Fumagalli — нѣтъ. Подъ текстомъ находится слѣдующая любопытная выписка: «*Extractum ex libris Camerac Apostolicae, uidelicet libro II diuersorum D. Pauli Papae III, fol. LXXII, et concordat. C. de S. Senerino. Praesens copia asculata fuit cum originali producto in causa Barchiononen. excessuum pro Fisco contra D. Antonium Pintor, sub die IX Augusti. M. D. XLIII. Et concordat, et in fidem etc. Die VI. Februarii. M. D. XLIII*».

- II) *Motus proprius S. D. N. Pauli PP. III. concessioñ. Priviliegiorum pro Militibus legionariis Battallarum* 1). Въ этомъ случаѣ такъ озаглавлено брeve, адресованное—«*Dilecto filio nobili viro Ioanni Carafae Duci Paliani nostro et S. R. E. Capitaneo Generali*» и датированное: «*Datum Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris. Die X. Julii M. D. LVI. Pontificatus nostri Anno Secundo*» (подпись секретаря — «*Jo. Barenus*»).

III) «*Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia. Papae Quinti in fauorem Prouinciae Marchiae*» 2), состоитъ изъ брeve «*ad perpetuam rei memoriam*», датированнаго — «*Datum Romae apud Sanctum Petrum sub annulo Piscatoris die 28 Junii M. D. LXVI. Pontificatus Nostri Anno Primo*» (подъ текстомъ)—«*Caesar Glorierius obmisso sigillo*»; думается, что передъ *obmisso* надо поставить точку).

Такимъ образомъ явныя брeve титулованы, какъ *Motus proprii*. Существованіе пергаменныхъ брeve съ автографическими резолюціями папъ (хотя бы и единичное и случайное) и «*sedulae*» съ *motu proprio*, съ подписью папъ и съ приложеніемъ печати *annuli Piscatoris* конечно роднитъ брeve и *motus proprii*. Но это только сближеніе на почвѣ исключеній.

Совсѣмъ другое дѣло — *Motus proprii* и, такъ называемыя, *litterae latinae* или «*les signatures en cour de Rome*» 3). Оба рода

1) «*Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. Anno Domini. M. D. LVI*» (in folio, на 2 нenum. листахъ; у Fumagalli, № 190).

2) In folio, на 2 нenumеров. листахъ (Romae. 1566), см. Fumagalli, № 412.

3) Maurice Prou въ статьѣ: «*Paléographie et diplomatique de 1888 и 1897*» (Paris. 1899. 80)—указываетъ на специальное изслѣдованіе: «*Le même savant (L. Schmitz) a étudié les suppliques ou signatures en cour de Rome*», отсылая къ статьѣ — «*Nachtrag zu den «Publicationen aus den päpstl. Registerbänden des XIII—XV Jahrhunderts» (въ «Römische Quartalschrift», VII—1893) и указывая—* ср. 492 et suiv., на которыхъ мы однако находимъ замѣтку R. F. Kaindl: «*Ueber den Verschluss der päpstlichen Documente im XIII Jahrhundert*» (pp. 492—493). Статьи Schmitz'a отиѣченной Prou я не нашелъ, но въ настоящее время вышло въ свѣтъ превосходное изслѣдованіе того же L. Schmitz-Kallenberg'a «*Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis*» (Münster. 1904, 80), съ которыхъ къ сожалѣнію я имѣлъ возможность ознакомиться лишь по написа-

документовъ характеризуются отсутствіемъ печати и собственноручной резолюціей папы, которая однако, что особенно замѣчательно для *Motus Proprii*, могла быть замѣнена автографомъ кардинала.

На *litterae latinae*, составленныхъ на основаніи супплика, писалось — «*concessum ut petitur in praesentia domini nostri Papae*» и подпись кардинала, на печатномъ *motu proprio* Климента VII мы видѣли уже резолюцію «*Placet D. N. PP. et ita Motu Proprio mandat. A. Portuensis*». Тоже было и при послѣдующихъ папахъ. Такъ, напримѣръ, на *motu proprio* папы Пія IV отъ 26 Апрѣля 1564 года («*Dat. Romae Apud. Sanctum Petrum Sexto Kal. Maii. Anno Quinto*») находится резолюція: «*Placet Motu proprio D. N. Papae, C. Cardinalis Borromeus*», то есть вмѣсто папы *Motu proprio* подписано знаменитымъ святымъ архіепископомъ Миланскимъ Карломъ Борромео (приходился папѣ племянникомъ)¹⁾.

Датировка *Motus Proprii* и *litterae latinae* одинаковая и при томъ систематически отличная отъ датировки буллъ и бреве. При хронологической помѣтѣ на *Motus Proprii* пропускалось обозначеніе лѣтъ христіанской эры, обозначались лишь годъ правленія папы и число мѣсяца по римскому календарю. Совершенно тоже помѣчалось и на *litterae latinae*.

нижней моей статьи. Трудъ Schmitz'a даетъ много интереснаго въ области папской дипломатики. Рецензію на «*Practica Cancellariae Apostolicae*» см. «*Götttingische gelehrte Anzeigen*», 1905, № III (März), стр. 210—214.

1) «*Motus proprius S. D. N. D. Pii divina providentia Papae Quarti, quae gratiae seu remissiones, aut compositiones, ex causa, vel occasione homicidii quovis modo perpetrati, in posterum faciendae, illis tantum suffragentur, qui habuerint supplicationis manu propria S. S-tis. signatas et per eius Datarium datatas*» (in folio, на 2 немум. листахъ: «*Romae. Apud Antonium Bladum. Impressorem Cameralem. Anno 1564*». У Fumagalli—нѣтъ).

Этотъ актъ какъ разъ касается разбираемыхъ нами «*litterae latinae*».

Оригинальная суплика (а кѣрѣе современная копія) съ резолюціей «*Concessum ut petitur in praesentia D. N. PP. C. Cardinalis Borromeus*» находится въ собраніи графа Раагъ и описана въ каталогѣ его коллекціи (Berlín. 1898) подъ № 1931.

Невольно возникает убѣжденіе, что *Motus Proprii* это тѣже *litterae latinae* по своему существу, съ тою разницею, что обычные *litterae latinae* составлены на основаніи поданныхъ папѣ прошеній и даже назывались суппликами—«*Supplicationes manu propriae Suae Sanctitatis signatae*», а *Motus proprii*—такія *litterae latinae*, которыя были составлены безъ суппликъ по изволенію самого папы. Понятіе «*latinae*» не играло главной роли, которая заключалась въ подписи, сигнатурѣ папы, почему эти документы и записывались въ «*signaturarum libri*» и именовались въ просторѣчій «*les signatures en cour de Rome*»¹⁾.

Разница въ формѣ заключалась въ начальной формулѣ. Вмѣсто обращенія къ папѣ «*Beatissime Pater*» на *motus proprii*—стояло имя папы (въ той формѣ какъ на бреве) и документъ начинался словами *Motu proprio*.

Дипломатисты согласно относятъ появленіе сигнатуръ съ *Beatissime Pater* ко времени Сикста IV (старѣйшій указанный документъ отъ 10 Іюня 1472 года)²⁾ и начало употребленія *motu proprio* къ его преемнику папѣ Иннокентію VIII (1484—1492). Когда появился терминъ «*motu proprio*», употреблявшійся иногда и въ буллахъ и знаменующій непосредственную юрисдикцію папы—дѣло невыясненное. Возможно, что и не найдется среди подлинныхъ документовъ типа *motus proprii* оригинала раньше папы Иннокентія VIII, оставимъ вопросъ пока въ сторонѣ, что же касается до *litterae latinae* съ «*beatissime pater*», то думается, что въ данномъ случаѣ придано слишкомъ большое значеніе этому обращенію. Сравнительная рѣдкость оригиналовъ отразилась на дипломатическомъ изученіи этого типа документовъ. Дѣйствительно, старѣйшія «*litterae latinae*», лучше

1) Надо впрочемъ раздѣлять «*motus proprii*»—напскіе указы общаго содержанія и «*motus proprii*», касающіеся отдѣльныхъ личностей, которые имѣютъ типъ обычныхъ суппликъ съ резолюціей только «*motu proprio*».

2) A. Giry, l. c., p. 102: «*Les premiers documents de ce genre, que l'on ait signalés ne sont pas antérieurs au pontificat de Sixte IV (1471—1484) et c'est la date de la signature citée à la note précédente; elle correspond au 10 juin 1472.*»

сказать, *supplicationes*, какъ можно предположить, не всегда имѣли обращеніе надъ текстомъ, но во всякомъ случаѣ акты и съ «*Beatissime Pater*», существовали во время значительно болѣе раннее, чѣмъ принято въ трудѣ А. Giry¹⁾.

1) Необходимо оговориться относительно того, какъ наилучше называть тѣ акты, которые мы называли «*signatures en cour de Rome*». Совершенно неправильно было бы именовать ихъ *litterae latinae*, такъ какъ именно *litterarum confectio* и противопоставляется документу, дипломатическая сущность котораго въ просьбѣ *quod sola signatura sufficiat*. Малоупотребительное слово *signatura* являлось бы терминомъ вполне подходящимъ, если бы мы въ *registri supplicationum* и т.п. содержащихъ полный текстъ разбираемыхъ актовъ, не имѣли другого, весьма обычнаго термина «супплика», очень простого и которымъ мы наиболѣе воспользуемся. Онъ къ сожалѣнію не вполне соответствуетъ дипломатической точности опредѣленія, такъ какъ суппликой называется актъ, выданный на основаніи супплики, но за то этотъ терминъ старѣйшій и современный образованію этого типа дипломатическихъ памятниковъ. На подлинныхъ сигнатурахъ помѣты на оборотѣ именуютъ ихъ иногда особыми терминами, какъ «*indultum*» и «*memoriale*»; итальянскіе дипломаты описываютъ иногда супплику, какъ «*grescritto papale*». Оставивъ въ сторонѣ «*grescritto*» — указъ, приказъ, рескриптъ, какъ мало подходящее къ натурѣ суппликъ, какъ акта, мы должны обратить вниманіе на старинные термины. «*Indultum*» опредѣленіе по содержанию, но едва ли вполне соответствуетъ хотя бы большинству суппликъ. По опредѣленію ученыхъ: «*On définit l'indult, d'une manière générale: une grâce privilégiée que le pape accorde par bulles à une corporation ou à une personne, pour faire ou pour obtenir quelque chose contrairement aux dispositions du droit commun. Cette définition, говоритъ E. H. Vollet, «est conforme à l'étymologie plutôt qu'à la réalité, surtout en ce qui concerne les matières bénéficiales. La plupart des canonistes s'accordent pour la critiquer, mais chacun d'eux repousse la définition proposée par les autres pour la remplacer» («La Grande Encyclopédie», XVII, 757). Название суппликъ индультами — случайно и довольно рѣдко. Гораздо важнѣе вопросъ о «*memoriale*». Въ письмѣ папы Пія IV къ Маргаритѣ Австрійской, которое мы издали выше на стр. 65, папа пишетъ: «et l'assettiamo ancora per un memoriale di farvi de le altre grazie». Прилагаемое клише (стр. 107) изображаетъ видъ пакета письма — прошенія, съ которымъ обратилась къ папѣ «*humile et deuota uirga Marcella Palona*». Адресъ кратокъ: «*S-mo. Dño. Nro. Per l'espeditione dell'incluso memoriale*». Самая просьба была вложена въ письмо и не дошла до насъ, но какъ видимъ на снимкѣ, резюмѣ содержанія супплики сдѣлано на пакетѣ, между строками адреса, а подъ резюмѣ написана особымъ и очень тихимъ почеркомъ резолюція «*quod camera statuit exequutori mandetur*». Несмотря на то, что резолюція не сопровождается обычной буквою папскаго имени, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что этотъ папа — Павелъ IV (1555—1559.) Чтобы дать возможность критически отнестись къ моему выводу, я помѣщаю полный текстъ этого документа (оригиналъ въ моемъ собраніи) въ приложеніи къ настоящей статьѣ.*

S.^{mo} I^{no} N^{ro}.
 Marcella Palona detto alli
 mesi passati a V. S. l'inchiuso mem^{le} doue
 lei domandava 2. i 6. T. della Can^{za} gli
 denari in 4 anni di avazione di 4
 il mese che gli hanno assegnato per il get-
 tito di una sua casa, senza le 200 T.
 che lei istante de' padroni della sorte
 principale e la parte della loro di 20 anni
 che ha legato S. Ser. la Can^{za} alla q^{ta}
 l'espeditione dell'inchiuso memoriale.
 La S. V. rimesso del mem^{le} la Can^{za} ha ordi-
 nato che se gli diano 50. T. domanda che al
 mese se gli ne diano 100. accio possa
 sustentarsi doi fig^{li} femine nel monast^{rio}.
 che lo tieneva per elemosina.
 q^{uod} cum statuit xxix.
 ubi m^o m^o

Резолюция на прошение Марцеллы Палоны, поданномъ папѣ Павлу IV (?).

«Memoriale» — терминъ, который и въ настоящее время имѣть значеніе — «просьба, прошеніе», получить въ папской канцеляріи не только право граждан-ства, но и большое развитіе. Образована была «Secretaria memorialium». Прила-гаемое клише (стр. 108) представляетъ снимокъ съ резолюціи папы Бене-дикта XIV отъ 22 Іюля 1748 года на суппликѣ (или «memoriale»), поданной Andrea Madeira della Diocesi Elven in Portogalla. Супплика написана на листѣ

Al particolare Vicario
che conciliava le
voci ribellanti quelle
che si levano di regione
per il quale spesso si
comunicavano e qui
facevano opposizioni
e insurrezioni

22 Giugno 1748

Per
Andreas Madeira della Diocesi
Eugenio in C. la.

Signatum de manu Romae die
et Anno ut supra et registra-
tum in Secretaria Memorialium

Вопросъ о сигнатурахъ сжатъ и необыкновенно точно формулированъ въ Большой французской энциклопедіи, но не въ отдѣлѣ палеографіи, а въ рубрикѣ Histoire religieuse, то есть не касаясь дипломатической исторіи этого типа документовъ: «C'est une sorte de rescrit expédié en papier, sans aucun sceau, contenant la supplication, la signature du pape ou de son délégué, et la concession de la grâce. On lui a donné ce nom à cause de sa partie la plus noble, qui est le seing du pape»¹⁾. Относительно резолюцій важно категорическое утверждение: «Personne, autre que le pape, ne peut signer par «Fiat» les grâces qu'il lui est permis d'accorder, mais seulement par «concessum». On n'excepte que le pénitencier dans certains cas».

въ дестъ (нач. «Beatissime Padre»), на трехъ страницахъ. На четвертой только обращеніе: «Alla Santità di N. S. Papa Benedetto XIV» и имя просителя; подъ обращеніемъ непосредственно идетъ папская резолюція, заканчивающаяся полной подписью: «Benedictus PP. XIV». Подъ резолюціей приложена печать (подъ бумажкой) кардинала, завѣдывавшаго суппликами, гербовая съ надписью: «Joseph Livizzani SS. D. N. PP. Benedicti XIV. A. SUPPL. LIBELLIS». Ниже печати пометка: «signatum de manu sanctissimi die et anno ut supra et registratum in Secretaria Memorialium». Старинная форма суппликъ, повидимому, постепенно вышла изъ употребленія и приобрѣла видъ описаннаго меморіала. Въ моей коллекціи имѣется рядъ меморіаловъ XVIII—XIX столѣтій, на бумагѣ разнаго формата, очевидные подлинники просителей, не передѣланные in stylo curiae. На нѣкоторыхъ имѣются собственноручныя резолюціи папъ, иногда даже наскѣзанныя, но большая часть ихъ были только заслушаны папой и пометены — «ex audientia sanctissimae», при чемъ рѣшеніе записано кардиналомъ.

1) Tome XXX, p. 12. Не менѣе точны и опредѣленны дальнѣйшія подробности о томъ, что сигнатуры дѣлятся на два вида: «la signature de grâce et la signature de justice. La première a lieu dans les matières bénéficiales; la seconde, dans les matières contentieuses». Резолюціи по формуламъ дѣлятся строжайшимъ образомъ: «Quand c'est le pape qui signe, son seing se fait de trois manières: 1) par—*Fiat ut petitur*; 2) simplement par *Fiat* suivi de la première lettre du nom du pape; 3) par *Fiat motu proprio*, sans ajouter *ut petitur*. Quand c'est le vice-chancelier ou un autre commis du pape qui signe, il met: «*Concessum ut petitur in praesentia D. N. P. P.*» et ensuite les lettres initiales de son nom». Разбирая вопросъ о сигнатурахъ, во всей настоящей статьѣ мы касаемся только ихъ дипломатической стороны. Богатый матеріалъ (до чрезвычайныхъ подробностей даже для историко-юридическаго изученія этихъ документовъ) даетъ цѣнный трудъ—«D. Quintilliani Mandosii (in curia Romana advocati)—Praxis signaturae gratiae» (у меня подъ рукою «tertia editio ab auctore revisa, meliori

Въ небольшой статьѣ аббата E. Sol: «L'oeuvre canonique du cardinal Giacomo Simonetta»¹⁾ по поводу трактата этого кардинала—«Notabilia Signaturarum» мы находимъ изслѣдованіе «signatures en cour de Rome» и литературу вопроса главнымъ образомъ съ точки зрѣнія юридической и канонической практики; Можно съ точностью возстановить весь строй учрежденія, вѣдавшаго супплики. Авторъ вспоминаетъ даже залъ Ватиканскаго дворца—«Camera della segnatura», получившій такое наименованіе, потому что это помѣщеніе специально предназначено была папою Юліемъ II для подписанія резолюцій. Для XVI вѣка все ясно, и эта ясность и опредѣленность начинается съ узаконеній папы Иннокентія VIII, дополненныхъ папою Александромъ VI, о должности референдаріевъ и раздѣленіи трибунала сигнатуръ на два отдѣленія, — вѣдавшія дѣла по двумъ сортамъ сигнатуръ: «signaturae gratiae» и «signaturae iustitiae»²⁾.

Что касается до вопроса о времени образованія «сигнатуръ», какъ особаго вида актовъ, то онъ и въ изслѣдованіи аббата Sol

ordine disposita ac multis magnisque additionibus ubique locupletata, ut omnibus Pontificii et Caesaris Juris studiosis.. maxime utilis et necessaria sit. Venetia. 1581. 4°). См. также сочиненіе: «De executoribus literarum apostolicarum tam gratiae, quam iustitiae authore d. Thoma de Rosa» (у меня—«post Romanam in Germania editio prima». Coloniae Agrippinae. 1683. in folio). Стр. 8: «Antequam ulterius progrediamur, hic adnotare licet, quod multae Supplicationes non firman-
tur per summum Pontificem sed per aliquem Dominum Praelatum seu Cardinalem, qui habet Signaturam per Concessum, et signat ita: Concessum in praesentia nostri Papae, et apponit suum nomen Praelati».

1) «L'oeuvre canonique du cardinal Giacomo Simonetta: le traité sur les deux signatures de justice et de grâce», въ «Annales de Saint-Louis-des Français», VII année, Octobre 1902, pp. 5—71. Относительно резолюцій папы въ трактатахъ говорится: «De Signatura gratiae. I. Cum papa signat ubi est gratia nova dicit: fiat ut petitur. I. Ubi est reformatio dicit: fiat I. Si signat commissionem dicit: placet I., nisi rescribat ad partes committendo, quia tunc dicit: fiat ut petitur. I. II. Signatura Cardinalis semper dicit: concessum ut petitur in praesentia D. N. papae, N. Cardinalis N., nisi sit reformatio nihil dans de novo, quia tunc dicit: concessum. N. cardinalis N.» (р. 58). Буква «I» попала въ текстъ очевидно потому, что писецъ правилъ писалъ при одномъ изъ папъ съ именемъ на «I» — Юлій II, Левъ X, Климентъ VII и т. д.

2) Разныя подробности см. еще въ «Dizionario» Gaetano Moroni, t. LXIII, особенно, на примѣръ, стр. 224.

остается безъ отвѣта. Существованіе референдаріевъ въ очень раннія времена конечно еще не доказываетъ и существованія въ тоже время суппликъ съ автографическими резолюціями папъ. • Отвѣтъ этотъ могутъ дать подлинныя документы, хранящіеся въ неисчерпаемыхъ сокровищахъ Ватиканскаго архива.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ изданіи Ludwig'a Schmitz-Kallenberg'a: «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis» (Münster. 1904. 8°) мы найдемъ необыкновенно подробное и точное изложеніе современника о томъ, какъ подавались, писались и выдавались супплики. Совершеніе акта сопровождалось такими формальностями и проходило черезъ руки столькохъ лицъ, что вся процедура намъ кажется поразительною волокитою. И тѣмъ не менѣе только изъ сравненія подлинныхъ текстовъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что «супплики», правильнѣе *signatures en soug de Rome* дѣлились въ основѣ на два вида—а) которыя предназначались для выдачи просителю въ качествѣ самостоятельнаго документа и б) которыя лишь служили основой для написанія соответствующихъ буллъ и бреве. Первые имѣли въ текстѣ заключительную формулу «quod presentis supplicationis sola signatura sufficiat absque aliarum litterarum desuper expeditione» ¹⁾. Такія супплики изготовлялись съ особою роскошью отдѣлки въ орнаментикѣ, въ изображеніи красками папскаго герба, въ разрисовкѣ заглавной строки и т. д., при чемъ обычно писались на пергаментѣ ²⁾. Schmitz—Kallenberg далъ превосход-

1) Schmitz-Kallenberg, l. c., p. XXI.

2) Въ моей коллекціи имѣется весьма любопытный экземпляръ супплики, написанной на довольно большомъ листѣ пергамена (48½ × 35½ сант.). Документъ долженъ былъ начинаться иллюминированной строкою «Beatissime Pater», но этой начальной строки ~~имѣетъ~~ ^{имѣетъ} ~~составъ~~ ^{составъ}, для нея и для орнаментики заглавной буквы оставлено мѣсто надъ текстомъ и нагѣво отъ текста. На оборотѣ надпись XVIII ст. характеризуетъ актъ, какъ «indulto papale conceduto alli fratelli Lamprugnani», и помѣчаетъ дату — 1542 годъ. На самомъ дѣлѣ надутье касается Николая de Lamprugnani, жены его Лукреціи «dicte Thomicelle», Миланскихъ гражданъ, и цѣлаго ряда лицъ, къ нимъ присоединившихся. Супплика подписана резолюціей «Fiat ut petitur L.», которая не можетъ относиться къ

- ное изображение (иллюминированной красками фототипией) подобной сублики (см. таблица VI), выданной папою Иннокентіемъ VIII (1484—1492)¹⁾ и перечисляетъ нѣсколько другихъ, ставшихъ извѣстными въ литературѣ. Всѣ относятся ко времени папъ Сикста IV, Иннокентія VIII и Александра VI, всѣ съ «Beatissime pater» въ видѣ отдельной строки изъ очень большихъ буквъ. Другой, обыкновенный, типъ сублики писался на хорошей тонкой бумагѣ, не имѣлъ заглавной строки большими буквами, не орнаментировался и не иллюминировался. Такая сублика издана фототипией въ «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» М. Tangl'я (Drittes Heft, Taf. 107). Выданная Иннокентіемъ VIII 9 февраля 1488 года капитулу св. Петра въ Базелѣ²⁾, сублика эта—«in flüchtiger Cursive geschrieben», не имѣетъ обращенія «Beatissime pater» и заключительной формулы сублики перваго типа. Резолюція сублики—«Fiat ut petit(ur) in forma. I.» и «Fiat ut s(upra). I.».

М. Tangl сопровождаетъ описаніе замѣчаніемъ: «Von drei

1542 году, когда папою былъ Павелъ III, подписывавшіеся буквою А. Резолюція написана папою Львомъ X (1513—1521), на что указываетъ и скръпа: Phi. Brugnaten (sic) = Phillippus Sauli, episcopus Brugnatenensis съ 14 Іюня 1512 года, умершій въ 1531 году. Къ 11 Сентября 1542 года относятся двѣ приписи, которыя мы воспроизводимъ вѣстѣ съ резолюціей папы (съ небольшимъ уменьшеніемъ) въ клише на стр. 118. По первой приписи magister Ordinis Praedicatorum, frater Albertus de Casatis, разрѣшаетъ Лукрецію de Lamprugnanis cum quatuor sociabus поступить въ монастырь, по второй приписи «frater Franciscus Lecher ordinis Sancti Francisci» разрѣшаетъ тоже самое съ двумя «сестрами». Очевидно, что, несмотря на незаконченный видъ, документъ имѣлъ полную силу вслѣдствіе присутствія папской подписи и вдова Николая de Lamprugnanis воспользовалась дарованными папою льготами («de licentia intrandi monasteria») черезъ много лѣтъ послѣ выдачи акта. Изъ сказаннаго можно одѣлать три вывода—1) иллюминированіе сублики зависѣло отъ доброй воли просителей и исполнялось по ихъ заказу за особую плату, 2) папа подписывалъ сублику до ея украшенія и даже при не начертанной первой строкѣ, 3) иллюминировка производилась послѣ подписи прелата на лицевой и записи корректора на оборотной сторонѣ. На нашей субликѣ читается пометка: «Phi. de Senis suggestor» (личность котораго мнѣ не удалось установить).

1) Оригиналъ въ Берлинскомъ Архивѣ.

2) Оригиналъ «auf sehr dünnem Papier» находится въ Базельскомъ Архивѣ.

Original-Suppliken des Baseler-Archivs aus dem Pontifikat Innocenz' VIII weist die zweite in der Signatur vielleicht die gleiche, die dritte aber eine von der unseren sicher verschiedene Hand auf¹⁾).

Сравнивая почеркъ резолюціи на суппликѣ, изданной въ альбомѣ Tangl'я, съ почеркомъ на суппликѣ съ *beatissime pater*, что у Schmitz-Kallenberg'a, мы убѣждаемся въ тождественности рукъ и думаемъ, что обѣ резолюціи представляютъ автографъ папы²⁾).

1) И дѣйствительно: «So bestimmt daher die Signatur in Schrift und Tinte individuell erscheint, bietet sie für eigenhändige Vollziehung durch den Papst, trotzdem diese in den Kanzleiregeln wiederholt ausdrücklich gefordert wird, doch kein Gewähr» (р. 63). Всѣ ли три несомнѣнно Иннокентія VIII? Буквою «I» подписывали нѣсколько папъ, очень близкихъ по времени, а въ глухой датировкѣ суппликъ имени папы нѣтъ.

2) Вопросъ объ автографическихъ подписяхъ не только папъ, но и вообще владѣтельныхъ и высокопоставленныхъ особъ, требуетъ specialнаго изслѣдованія и многочисленныхъ сопоставленій и снимковъ. Во первыхъ съ теченіемъ времени почеркъ каждаго лица болѣе или менѣе измѣняется подъ самыми разнообразными вліяніями, еще болѣе можетъ мѣняться подпись и начертанія отдѣльныхъ буквъ, заимствованныя иногда изъ другихъ почерковъ. Подпись нерѣдко отлична отъ манеры письма. Напримѣръ, мы привели строку письма и три подписи Поджіо Браччіолини. Въ подписи—явная *scrittura umanistica*—округлое минускульное письмо, а строка текста указываетъ, что Поджіо, родившійся въ 1380 году, выросъ на готическомъ письмѣ и не могъ усвоить манеры младшихъ товарищей гуманистовъ. Съ другой стороны всѣ средніе вѣка, да отчасти и новое время признавали возможность канцелярскихъ подписей въ замѣну автографа. Въ торжественныхъ буллахъ XIII вѣка слова «Ego N catholicae ecclesiae episcopus etc.» писались заведомо не папой, а такъ, какъ въ Московскомъ государствѣ дьякъ писалъ на государево имя. Въ очень большой части писемъ XIV—XV вв. итальянскіе правители и вельможи, кардиналы и епископы предоставляли лицамъ, писавшимъ отъ нихъ письмо вмѣстѣ съ тѣмъ и подписывать ихъ имя. Эти «канцелярскія письма» (по итальянскому термину, который правильнѣе было бы замѣнить точнымъ переводомъ на «секретарскія» письма), дошли до насъ въ весьма значительномъ количествѣ и только прибавленіе «*manu propria*», да иногда особенности въ манерѣ письма удостовѣряютъ, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ автографомъ. Рядомъ съ этимъ, напримѣръ, во Франціи развилось явленіе еще хуже — это «секретари королевской руки» («*secrétaires de la main*»), оффиціально подписывавшіе за короля его имитированную подпись, на актахъ, которымъ не придавалось особеннаго значенія. Такой чиновникъ «*ayant la main*» въ XV столѣтіи иногда писалъ и цѣлое королевское письмо, даже какъ *lettre autographe signée*.

Такимъ образомъ коренными различіями двухъ типовъ супплекъ являются — обращеніе съ «Beatissime Pater» и формула «quod sola signatura sufficiat». Однако и этотъ выводъ долженъ быть принимаемъ съ оговоркою объ исключеніяхъ. Такъ въ нашемъ личномъ собраніи имѣется, напримѣръ, супплекъ на простой бумагѣ и даже не подписанный самимъ папой, но съ обращеніемъ «Beatissime Pater» и съ формулою: «Et quod praesentis supplicationis sola signatura sufficiat». Для того, чтобы дать возможность критическаго отношенія къ нашему выводу прилагаемъ документъ въ снимкѣ (табл. XIII). Супплекъ датированъ: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum tertio non. Decembris, Anno Quinto» и подписанъ: «Concessum ut petitur in praesentia d. n. PP. A. Car. S. Praxedis» (то есть Antoniotus Pallavicinus cardinalis S. Praxedis, кардиналъ съ 9 Марта 1489 — ум. 10 Сент. 1517 года)¹⁾. Супплекъ подписанъ при папѣ Александрѣ VI — 3 Декабря 1496 года — и представляетъ довольно ранній оригиналъ подобнаго акта съ «concessum»²⁾. По незначительности содержанія, касаясь передачи пароккіи, онъ не подписанъ папою.

1) Такъ по Eubel, по Mas-Latrie ум. въ 1507 году.

2) Ludwig Schmitz-Kallenberg, иллюстрируя практику супплекъ (въ «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis») приложилъ, какъ образецъ такихъ актовъ съ «concessum», превосходные снимки съ супплекъ половины XVI столѣтія потому что: «was mir leider noch keine Originalsupplik aus dem 15. Jahrhundert bekannt, die die Angaben der Practica hätte illustrieren können». Наша супплекъ 1496 года имѣетъ пометы, которыя всѣ могутъ быть объяснены. На лицевой сторонѣ надъ текстомъ сигнатура прелата: «Io. Mutinell (sic)» — Iohannes Baptista de Ferrariis, abbreviator de majori parcoo, съ 11 Сентября 1495 года епископъ Модены (episcopus Mutinensis), съ 28 Сентября 1500 года кардиналъ. Какъ мы узнаемъ изъ «Diarium Iohannis Burchardis», епископъ Iohannes de Ferrariis былъ въ это время (въ 1496 году) датаріемъ. На оборотѣ супплекъ запись регистратора — «L. V. fol. CL. R. Io. Botontus» и запись нотарія: «F. de Pistia Notarius» (сдѣлана 6 Декабря 1496 года). У Бурхарда въ Дек. 1489 года упоминается «Iohannes Botontus Viterbiensis acolytus», который въ Юнѣ 1498 года является въ должности магистра регистра супплекъ. Въ 1498 году были 4 «magistri registri supplicationum: Petrus Colini, Pregentius Natalis, Iohannes Botontus, Jacobus de Bonaparte» (II, 488). У меня имѣется супплекъ отъ 16 Сентября 1497 года, зарегистрированная «P. Natalis». Подъ 25 Мая Бурхардъ среди «nomina et cognomina notariorum auditorum

Супплики, подписанныя съ «concessum» могли замѣнять вполне документы съ собственноручною папскою резолюціею и быть выданными на руки просителю въ формѣ *signatures en cong de Rome* первого типа, то есть съ *Beatissime Pater* въ видѣ отдѣльной строки, съ орнаментикой и миниатюрами, на сравнительно большомъ листѣ пергамена вмѣсто обычнаго полулиста бумаги. Примеромъ можетъ служить находящаяся въ витринахъ архива г. Болоньи супплика, роскошно иллюминированная изображеніями святыхъ и 4 гербами (изъ коихъ одинъ папскій рода *Rovere*)¹⁾, на листѣ хорошаго пергамена размѣромъ $52\frac{1}{2} \times 39\frac{1}{2}$ сант. Документъ касается фамиліи *Dalgesso*, написанъ по обычной формѣ и имѣетъ полностью заключительную формулу: «*Et quod presentis Supplicationis sola signatura sufficiat absque aliarum expeditione litterarum*». Подпись гласитъ: «*Concessum ut petitur in p(raese)ntia d. n. PP. P. Ancon.*», то есть «*Petrus Accolti (Florentinus), episcopus Anconitanus*»²⁾. Такъ какъ *Petrus Accolti* сдѣлался епископомъ Анконы въ 1505 и кардиналомъ въ 1511 году (ум. 1532), то значить супплика выдана, какъ и указываетъ гербъ, при папѣ Юліи II («*Julius Papa II. Julianus de Ruvere antea vocatus, natione Ligur...*») между 1511 и 20 Февраля 1513 года.

Ни *Tangl*, ни *Schmitz* не говорятъ о суппликахъ времени предшествоваваго папамъ Сиксту IV и Иннокентію VIII, мо-

tote» даетъ междудесятью другими и имя нотарія нашей супплики: «*Franciscus de Placia*». Факсимилированная нами супплика касается нѣкоего «*Jacobus de Bertinis*» и его упоминаетъ Бурхардъ—въ Маѣ 1499 года—въ: «*scedula nominum et cognominum officialium Collegii DD. sollicitarum litterarum apostolicarum*» значится и *Jacobus de Bertinia*.

1) Дерево золотое на синемъ полѣ, надъ щитомъ золотые ключи, крестъ на крестъ, увѣнчаны папскою тиарой.

2) См. *Clampini*: «*De abbreviatorum de parco maioris* — p. XVI:» *Petrus Accoltius, sive de Accoltis, patria Aretinus.... Romae Pontificis vices gessit et supplicationum libellos signavit...*. Подпись *grossator*'а—«*Io. de Pegeriis*». Для меня снята была фотографія съ этого документа, но въ виду большого количества прилагаемыхъ таблицъ супплики осталась не воспроизведенной. На оборотѣ акта находится всего только одна помѣта — корректора: «*A. Vivus Cor.*». Въ «*Diarium*» Бурхарда «*scriptor*» Андрей Вивесъ (*A. Vivus*) упоминается неоднократно, начиная съ Іюня 1496 года (t. II, 285 и т. д.).

жетъ быть потому, что первый по самой задачѣ своей имѣетъ дѣло только съ оригиналами, а второй имѣетъ предметомъ дѣятельность папской канцеляріи «saeculi XV exeuntis». Во всякомъ случаѣ раскрывая, напримѣръ, томъ первый сборника документовъ времени столѣтней войны, собраннаго Н. Denifle¹⁾, мы найдемъ въ немъ суплики — съ резолюціями слѣдующихъ папъ, бывшихъ до Сикста IV.

Мартина V: 1) 8 Дек. 1417: B(eatissime) P(ater). Cum monasterium Ursicampi Ord. Cisterc....».

Резолюція: «Fiat secundum relationem illorum quibus dom. vicescancellarius commiserit. O.» (Oddo de Columna = Colonna).

Дата: «Datum Constancie sexto idus Decembris anno primo» (№ 942).

2) 23 Августа 1418 г.: «B(eatissime) P(ater). Pro parte deuorum oratorum uestrorum....».

Резолюція: «Fiat ad decennium. O.» (Oddo Colonna).

Дата: «Dat. Gebenne decimo Kal. Septembris anno primo» (№ 119).

3) 28 Августа 1426 г.: «Beatissime pater. Exponitur S. V. pro parte....».

Резолюція: «Fiat ut petitur de duobus. O.» (Oddo Colonna).

Дата: «Dat. Genezani Penestrine dioc. V. Kal. Septembris anno nono»²⁾).

1) P. Henri Denifle: «La désolation des églises, monastères et hopitaux en France pendant la guerre de cent ans», T. I—«Documents relatifs au XV siècle» (Paris. 1897. 8°). Конечно сборникъ Denifle — случайная выборка небольшой сравнительно части супликовъ этого времени, но такъ какъ регистры остаются ненаданными, то мы должны воспользоваться тѣмъ, что имѣется въ литературѣ.

2) L. с., № 2.; ibidem, № 4—30 Окт. 1423; № 25—26 Февр. 1429; № 28—21 Авг. 1420; № 41—5 Февр. 1426; № 53—29 Нояря 1423; № 54—23 Сент. 1424; № 77—3 Янв. 1425; № 81—5 Янв. 1430; № 99—27 Мая 1420; № 105—20 Июля

Евгенія IV: 1) 19 Апрѣля 1431: «B(eatissime) P(ater). Cum ecclesia et conuentus....».

Резолюція: «Fiat. G.» (= Gabriel Condolmerius).

Дата: «Datum Rome apud S. Petrum tertiodécimo kal. Maii, anno primo» ¹⁾).

2) 23 Апрѣля 1431: «B(eatissime) P(ater). Cum ecclesia....».

Резолюція: «Fiat. G.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum IX Kal. Maii, anno primo» ²⁾).

Николая V: 1) 29 Апрѣля 1447 г.: «B(eatissime) P(ater). Quoniam redditus...».

Резолюція: «Fiat ut petitur. T.» (Thomas Parentucelli de Sarzana).

Дата: «Dat. Rome ap. S. Petrum tertio Kal. Maii an. I» (№ 857).

2) 29 Юля 1448: «P(ater) B(eatissime). Quoniam supradictum monasterium...».

Резолюція: «Fiat de duobus. T.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum quarto Kal. Augusti, anno secundo» (срѣдуетъ подпись секретаря—«R. de Noxeto»), см. № 145.

3) 17 Юля 1447: «B. P. Cum guerrarum ac discordiarum calamitatum...».

Резолюція: «Fiat in diocesi Remen. semel tantum. T.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum sextodécimo kal. Augusti, anno primo»

1430; № 118—22 Ноября 1419; № 170—16 Марта 1427; № 176—25 Юля 1420; № 188—22 Юля 1418; № 199—15 Апр. 1418; №№ 206, 249, 258 (8 Дек. 1417 года), 293, 344, 350, 355, 363, 368, 373, 374, 375, 377, 378, 379 и т. д.

1) L. c., № 108.

2) L. c., № 423.

(подпись секретаря — «R. de Florencia»),
см. № 1023¹⁾).

Мы видимъ, что акты, совершенно подобные тому, что изданы, какъ первый образецъ, по подлиннику 1472 года, идутъ непрерывной цѣпью съ перваго года папы Мартина V съ 8 Декабря 1417 года²⁾. Мало того именно за время этого папы число суппликъ очень изобильно, резолюціи разнообразны и почти исключительно подписаны самимъ папою. Замѣчательно, что имѣется папская резолюція съ словомъ «concessum»³⁾, которое стало потомъ специальнымъ терминомъ для резолюцій, сдѣланныхъ въ присутствіи папы, довѣренными прелатами⁴⁾. Рядъ суппликъ начинается съ пропускомъ обращенія «Beatissime Pater»⁵⁾. Подписи за папу (по сборнику Denifle) при Мартинѣ V рѣдки⁶⁾. Во всемъ сборникѣ имѣется только одна

1) Мы не знаемъ кто такіе «R. de Noxeto» и «R. de Florencia», но невольно приходитъ на мысль большая буква «R» на оборотѣ подлинныхъ суппликъ (касающаяся скрѣпы или регистраціи и имена двухъ извѣстныхъ папскихъ секретарей этого времени — «Petrus de Noxeto» и «Andreas de Florencia» (=Andreas Flossus). Въ изданіи Denifle довольно много суппликъ съ резолюціями папы Николая V, см. еще №№ 23, 69, 78, 79, 151, 168, 177, 223, 227, 254, 277, 356, 386, 446, 509, 539, 770, 882, 888, 907, 1013 (3 и 4), 1014, 1018.

2) Избранный 11 Ноября папа этотъ былъ коронованъ 21 Ноября 1417 г.

3) См. I. с., № 414 (1426 года). Разнообразіе помѣтъ папы Мартина V тѣмъ интереснѣе, что уже папы начала XV вѣка въ «Regulae cancellariae apostolicae» разработали до тонкости значеніе различныхъ формулъ ихъ сигнатуръ на суппликахъ. О «concessum» при Мартинѣ V, см. его «Regule» (Ottenthal, p. 193). Въ правилахъ самого Мартина V, напримѣръ, изъяснено — «per signaturam simplicem (то есть fiat) detur ad quinquennium, et addito «ut petitur» septennium...» (§ 35), и дажѣ § 40.

4) Нельзя не отмѣтить, что уже въ «Regule domini Bonifatii pape IX» говорится — «..voluit et ordinavit idem dominus noster, quod littere super petitionibus signatis per eum aut per «Concessum», in quibus data non est posita, non expediantur nisi sub data currenti in illa die qua in cancellaria ponentur» (см. Ottenthal: «Die päpstlichen Kanzleiregeln von Iohannes XXII bis Nicolaus V», p. 62).

5) См. Denifle, I. с., №№ 545, 693, 771, 852, 1007, 1008, 1026, и для времени Евгенія IV — №№ 616, 689, 729, 1017, 1019, 1020, 1021, 1022.

6) Оговариваюсь относительно сборника Denifle, имѣя въ виду § 158 — правилъ папы Мартина V: «Placet sanctissimo Domino nostro quod reuerendissi-

супплика, совершенно обычной формы (отъ 29 Мая 1426) съ резолюціей «Concessum ut petitur. F.» (см. № 1047) да и въ этомъ случаѣ можно предполагать опечатку «F» вмѣсто «O», такъ какъ прелаты всегда прибавляли наименованіе своей епархіи, одной же буквой подписывался самъ папа¹⁾.

Гораздо рѣже подписывалъ, повидимому, супплики папа Евгений IV, преемникъ Мартина V. Изъ сборника р. Denifle (каковой впрочемъ является искусственной выборкой актовъ) мы можемъ заключить, что только въ первый годъ правленія этотъ папа часто собственноручно начерчивалъ коротенькую резолюцію: «Fiat. G.», затѣмъ въ большинствѣ случаевъ подписывать supplicationes поручено было довѣреннымъ прелатамъ, которые должны были писать «concessum ut petitur in praesentia domini nostri рапае»²⁾ но нерѣдко ограничивались словами «concessum ut petitur» и даже просто «concessum». Обычно прелатами этими должны были являться dominus vice cancellarius или его locumtenens, или «cancellariam S. R. Ecclesie regens» (въ сущности тотъ же vice-cancellarius)³⁾.

mus in Christo pater dominus vicecancellarius vel eius locumtenens usque ad beneplacitum sue Sanctitatis signet per «Concessum» quascunque supplicationes pro artatis ad faciendum se ad sacros ordines promoveri extra tempus ratione beneficiorum curatorum que obtinent et imposterum obtinebunt. Ponatur in libro cancellarie. Io(hannes) Ostiensis» (Ottenthal, l. c., p. 228).

1) Въ «Regule domini nostri Martini V» (Ottenthal, l. c.), § 106—заканчивается формулою «Ponatur in libro cancellarie. O». Резолюція повидимому вице-канцелярія, а не самого папы—и потому возбуждаетъ сомнѣнія, разрѣшаемыя другимъ спискомъ, гдѣ стоитъ обычное «Io. Ost.»=Iohannes Ostiensis, vice cancellarius (p. 218). Указанный случай есть описка и мы не должны допускать возможности (для подлинниковъ) тождественности въ подписяхъ папы и его вице-канцелярія. Въ § 187 резолюція—«Ponatur in libro cancellarie. F (ranciscus) abbas»—также едва ли можетъ объяснить въ положительномъ смыслѣ резолюцію № 1047 у Denifle. Буква — «O» въ §§ 138, 141, 148, 154, 165—только въ §§ 141 и 165 можетъ быть отнесена къ вице-канцелярію. Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ кодексомъ правилъ, а не съ подлинными регестами.

2) Напримѣръ, № 186 (отъ 28 Марта 1443) — «concessum in forma, in praesentia domini nostri рапае».

3) Vicecancellarius признавался какъ бы окомъ папы. Ciampini (l. c., 21 § 2) говорить: «locus praesidentiae eiusdem cancellariae dexter oculus Romani pontificis»

Такии прелатами являются:

«В. Graden.»¹⁾ = В. Gradensis = Blasius Molino, patriarcha Gradensis (Grado въ Сѣв. Италіи, патриархатъ, Blasius Molino съ 1427 года по 1434 годъ). Его подпись находится на суппликахъ первыхъ лѣтъ правленія папы Евгенія IV — 1431—1434. Въ § 1 — *Regule cancellarie Eugenii pape IV* пишется точное указаніе на роль этого прелата: «ego Blasius Patriarcha Gradensis, cancellariam sancte Romane Ecclesie de mandato ipsius domini nostri regens». Былъ вице-канцеляріемъ съ самаго вступленія папы на престолъ.

«С. Cerguien.»²⁾ = Christophorus (de S. Marcello de Vincentia), «S. P. Referendarius», былъ епископомъ Червіи (Cervia) въ Сѣв. Италіи съ 4 Мая 1431 года. Съ конца 1435 года онъ же именуется «С. Ariminensis», какъ епископъ Римини.

«С. Ariminen.»³⁾ = Ariminensis (= Christophorus de S. Marcello). Съ 18 Сентября 1444 въ Сіенѣ, умеръ въ Ноябрь этого года.

non immerito appellatur». Относительно писанія резолюцій вице-канцеляріями въ «Regulae cancellariae apostolicae» разныхъ папъ очень много §§, регулирующихъ эту дѣятельность (Ottenthal, l. c.). Напримѣръ, въ правилахъ папы Мартина V см. §§ 96, 97, 98, 111, 113, 148, 158, 188, 202. Евгенія IV—§ 89 и слѣд. По Ottenthal'ю въ канцеляріи—«An der Spitze steht der Vicekanzler, seit dem 14. Jahrhundert stets ein Cardinal, oder dessen *seiweliger Stellvertreter*, der Regens cancellariam» (Ottenthal, l. c., p. XX). Дату на суппликахъ ставилъ датаріи. Въ установленіяхъ Александра VI находимъ — § 5—«*Supplicationes signatas manu cardinalis vel alterius in presentia pape signantis non tangat datarius, sed solum officio datariatus fungatur. Ubi vero aliquid correctione vel additione dignum putaverit, reportet supplicationem corrigendam in signaturam vel ad signantem remittat, nec soli suę prudentie nitatur*» (Tangl, l. c., p. 405). О сложномъ прохожденіи суппликъ по разнымъ инстанціямъ см., I. Haller: «Ausfertigung der Provisionen. Ein Beitrag zur Diplomatie der Papsturkunden des 14. und 15. Jahrhunderts» въ «Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven und Bibliotheken» (Band II—1898—pp. 1—40) и вышеуказанную «Practica cancellariae apostolicae» Schmitz-Kallenberg'a (1904. 8°).

1) Denifle, l. c., №№ 1, 100, 155, 156, 198, 207, 209, 288, 420, 483 и т. д.

2) Ibidem, №№ 14, 15, 42, 117, 153, 163, 173, 178, 204, 215, 221, 287 и т. д.

3) Ibidem, №№ 27, 55, 63, 101, 112, 154, 164, 184, 188, 195 и т. д.

«Io. Zamoren.» ¹⁾	{	Одно и тоже лицо = Ioannes de Mella, episcopus Zamorensis, былъ возведенъ въ кардиналы въ 1456 году, умеръ 20 Мая 1465 года. Ioannes de Mella, получилъ Замору (Zamora in Hispania) съ 6 Апрѣля 1440 года. 17 Января 1432 года—«Iohannes de Mella» былъ «causarum palatii apostolici auditor et referendarius» ³⁾ .
«Io. de Mella» ²⁾		

Резолюція «Concessum de septem annis pro una die in perpetuum. Io. de Mella» сдѣлана на суппликѣ, выданной 7 Марта 1437 года въ Болоньи, когда Іоаннъ «de Mella» былъ въ должности «protonotarius apostolicus» (см. Eubel) и не получалъ еще (26 Августа 1437 года) прелатуры въ Леонъ (въ Испаніи) = Legiopensis.

Мнѣ не удалось съ несомнѣнностью установить, кто такой былъ «Io. abbas», который подписывалъ за папу Евгенія IV супплики въ 1445 и 1446 годахъ ⁴⁾, но думаю, что это едва ли не Giovanni Orsini «abbas Farfensis» (l'abbate di Farfa). Происхожденіемъ и положеніемъ этого лица въ «familia pontificia» объясняется фактъ, что «abbas» исполнялъ такую высокую функцію ⁵⁾.

Папа Николай V, повидимому, чаще Евгенія IV самъ подписывалъ супплики. Не забудемъ однако, что малое количество матеріала и его случайный подборъ дѣлаютъ пока подобные выводы простыми предположеніями.

Большой интересъ представляетъ изданная р. Denifle подъ № 150 супплика отъ 12 Февраля 1436 года = «Dat. Bononie. P. idus Februarii an. sexto» и подписанная «Concessum motu proprio quamdiu preuerit ecclesie Nivernen..... Io. de Mella».

1) Ibidem, №№ 235, 283, 302, 351, 429, 484, 541 и т. д.

2) Ibidem, № 353.

3) Ottenthal, l. c., p. 254.

4) Ibidem №№ 337, 354, 404, 482, 497, 544.

5) См. G. Bourgin: «La «familia» pontificia sotto Eugenio IV» (въ «Archivio della R. Società Romana di Storia Patria», v. XXVII (1904), 208—224).

Документъ этотъ не суплика, а *concessio* — *mera liberalitate*—*motu proprio* — и заключается въ томъ, что папа, узнавъ («*Dum ut asserimus*») о бѣдственномъ положеніи церкви Неверской (*Nivernensis*), распоряжается «*motu proprio non ad ipsius Iohannis episcopi seu cujusvis alterius pro eo nobis super hoc oblate petitionis instantiam, sed de nostra mera liberalitate...*».

Передъ нами актъ—настоящій «*Motus proprius*». Такимъ образомъ, если не сохранилось оригиналовъ подобныхъ документовъ ранѣе времени папы Иннокентія VIII (1484—1492), то мы можемъ надѣяться найти ихъ въ записныхъ книгахъ супликовъ. Для высказанной нами теоріи весьма знаменательно, что изданный р. Denifle актъ записанъ среди обыкновенныхъ супликовъ въ книги, которыя мы имѣемъ право называть *libri signaturarum*. Р. Н. Denifle намѣренно ограничился регистрами супликовъ за время папъ Мартина V, Евгенія IV и Николая V¹⁾, но конечно имѣются и послѣдующіе томы этого богатѣйшаго историческаго матеріала.

Сборникъ Denifle даетъ случайныя показанія. Съ выходомъ въ свѣтъ труда Ottenthal'я «*Die Bullenregister Martin V und Eugen IV*»²⁾ и изданія Прусскимъ Историческимъ Институтомъ въ Римѣ «*Repertorium Germanicum*»³⁾ свѣдѣнія о супликахъ за время Мартина V и Евгенія IV становятся систематическими. Изъ «*Repertorium*» мы узнаемъ, что папа Евгеній IV подписывалъ значительное число супликовъ и различными формулами—«*fiat ut petitur. G.*»; «*fiat et committatur. G.*»; «*fiat et dispensamus. G.*» и т. д. Самое важное

1) «*Ma source principale a été la collection des Suppliques présentées au Pape, de Martin V à Nicolas V inclusivement, conservées au Vatican sous les N°s 101 à 471*» (p. XVII). «*Si la latinité des documents est détestable, ce n'est pas de ma faute; les suppliques notamment ont été écrites avec précipitation et sont fort mal rédigées; la Chancellerie pontificale de cette époque était bien tombée*» (p. XVIII).

2) Въ «*Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*». I. «*Ergänzungs band*», 8 Heft (Innsbruck, 1885), стр. 401—589.

3) «*Regesten aus den päpstlichen Archiven zur Geschichte des Deutschen Reichs*». I. Band (Pontificat Eugens IV). Berlin. 1897. 8°.

свѣдѣніе это то, что съ самаго начала папствованія Евгенія IV регистры супплекъ дѣлились уже на двѣ серіи — а) «*per fiat*» (*quinternus*) — то есть съ автографическими резолюціями папы и б) «*per concessum*» — съ резолюціями *cancellariam regentis* (или *vicegentis cancellarie*). Въ этомъ дѣленіи объясненіе выше упоминаемыхъ *libri signaturarum*, существовавшихъ отдѣльно отъ регистровъ супплекъ. Кромѣ того и вторая серія едва ли не систематизировалась по формуламъ. Въ записяхъ относительно неправильно зарегистрированныхъ супплекъ, напримѣръ, читаемъ «*cass. quod signata in presencia d. n. pape et iste quinternus est per concessum*»¹⁾).

Изсѣдованіе Ottenthal'я и Repertorium не доходятъ до времени знаменитаго папы-гуманиста Пія II.

Относительно регистровъ этого папы и его резолюцій съ буквою «С» (Aeneas Silvius Piccolomini) я при любезномъ содѣйствіи Е. Ф. Шмурло²⁾ справился въ Ватиканскомъ архивѣ.

Регистры супплекъ за время папы Пія II сохранились въ значительной полнотѣ; въ настоящее время ихъ всего 66 томовъ³⁾. Пій II и самъ лично подписывалъ супплекки и поручалъ записывать резолюціи кардиналамъ, при чемъ систематически велся двойной регистръ — документы съ собственноручными резолюціями папы записывались въ особые томы.

Регистры супплекъ заслуживаютъ особеннаго вниманія дипломатистовъ. Наименованіе этой серіи регистровъ не совсѣмъ правильно — записывались собственно на супплекки, а текстъ того

1) Ibidem, p. XX. Такія супплекки переносились въ соотвѣтствующую книгу: «*cass. quia per concessum et scriptum alibi in de per concessum*».

2) Пользуясь случаемъ принести глубокую благодарность уважаемому Е. Ф. Шмурло, дважды наводившему для меня справки съ немалой готовностью и не взирая на затрату времени.

3) По подсчету Дени Фле ихъ считалось 68 книгъ, но Е. Ф. Шмурло составилъ слѣдующую табличку, изъ которой видно и количество утраченныхъ томовъ и двойные №№.

Аппо I: Voll. I. II. III. IV. V. VI. VIII. XI. XII. XIII. XIV. XV.

Аппо II: » I. II. V. VI. IX. X. XI. XII. XIII. XIV.

Аппо III: » I. IV. V. VII. VIII. IX. X. XI. XII. XIII.

доклада папѣ, который составлялся на основаніи супплики и, исправленный при обсужденіи, утверждался папой — или собственноручной резолюціей, или изложеніемъ ея рукою довѣреннаго прелата. Такой актъ уже не супплика, а скорѣе *litterae de gratia*, которыя и должны были имѣть послѣдствіемъ выдачу буллы — съ свинцовой буллою на шелковомъ шнуркѣ (*littera gratiosa*)¹⁾. Кажется можно сказать навѣрное, что гораздо рѣже были тѣ случаи, когда самый документъ за подписью папы выдавался просителю и замѣнялъ собою буллу. Но что такіе случаи были, это ясно между прочимъ изъ компендіевъ привилегій, которые составлялись въ разныхъ монастыряхъ. Даже въ собраніи автора имѣется маленький *compendium* для бенедиктинскаго монастыря Monte-Oliveto (недалеко отъ Сіены), написанный въ исходѣ XV стол. (или самомъ началѣ XVI), и въ которомъ имѣются супплики папы Евгенія IV²⁾. Прилагаемое клише (см. стр. 126), даетъ снимокъ съ двухъ суппликъ, обращенныхъ къ папѣ Евгенію IV. Одна съ «*Beatissime Pater*», другая безъ этой формулы; одна подписана: «*Concessum C. Armin.*», другая «*Concessum Io. Abbas*».

На колоссальное количество буллъ и бреве въ различныхъ архивахъ и собраніяхъ для времени до послѣдней четверти XV вѣка

Anno IV: Voll. I. I. II. III. IV. V. VIII. IX. XI. XII. XIV. XV.

Anno V: » I. I. II. III. IV. V. VI. VI (sic). VIII. XI. XII. XIII. XIV. XV.

Anno VI: » I. IV. V. VIII. X. XI. XIII.

«Двойныя №№ три первыхъ (годы 1, 4, 5) и одинъ VI (годъ 5) — это тѣ томы, въ коихъ выдѣлены супплики, подписанныя лично папою (т. е. съ «*pat*») отъ подписанныхъ кардиналами т. е. «*Concessum*» и поэтому безъ «*B*» (указаніе Е. Ф. Шмурло).

1) Напримѣръ, въ «*Regulae*» папы Мартина V — «...per «*concessum*» sub *bulla* concedere, ut in forma» (Ottenthal, I. c., p. 201) и Евгенія IV — въ изложеніи правъ вице-канцелярія: «...et desuper supplicationes per «*Concessum*» signare, litteris super hoc sub *bulla* conficiendis» (§ 89). Въ установленіяхъ Павла II предписывалось — «*Secretarios nostros iubemus nullas expediri litteras nisi supplicationi signatae conformes*» (Tangl, I. c., p. 878).

2) См. Bresslau, I. c., p. 686: «Dagegen haben wir aus dem 15 Jahrhundert vom Papst genehmigte Original suppliken oder Abschriften davon in den Archiven der Bittsteller.

Связать съ нѣсколькихъ супликовъ, относящихся ко времени папы Евгенія IV и находящихся въ собраніи документовъ монастыря Монте-Оливейо.

De stationib; p'loio ordine -
 sup^o d^o Eugenij q^o cōtinu^o q^o monachi mōhol^o p^oter d^o
 notu^o cum p^oposito p^ofitendi q^o diu inobediencia regulari
 vixerit v^oitates g^oq^o Altiaria monasterioz ordinis d^och^o
 Indieb; q^o sunt stationes i ecc^o rom^o & ad q^olib^o eoz
 dicetes p^o m^o n^o d^o cu^o aut^o m^o & p^o n^o & l^ou^o orone d^o
 oum fidelu^o pastor cōmuni d^o & q^o nesciut h^oas dicetes
 q^o p^o n^o & aut^o m^o ad q^olib^o altare illas indulgentias
 q^o p^oter remissioes q^o sequant^o q^o g^olegetur si eis d^o dieb;
 p^o ecc^o p^osonat^o visitarent q^oat^o florent^o & et m^oan^o r^oq^o
 B eate p^o fr^o bap^ota immediat^o p^odicti Abbas ordinis m^o
 o^o assuit deuoto e^o s^o v^o oratori f^o fr^oan^o mod^ono Abb^o
 d^och^o ordinis q^o s^o v^o s^o & futuris Abbib; p^ocesserat facultat^o
 vt posset monachos exq^obu^o exco^omunicat^o & obliu^oem
 man^o i^ojectione Inter monachos int^o septa clau^ost^o
 & int^o p^oas mo^oni^o p^octas ac ab irregularitatib; t^onu^o e^o
 man^ois absoluer^o (us) f^oiducia d^och^ois orator aliq^o
 ex d^och^ois monachis absoluit Et q^o de hac l^oina n^oll^o
 ip^oit^o fides recu^orit ad eandem sc^oritatem v^o p^ofect^o
 orato Abbas q^o s^o v^o dignetur eos & singlas absoluitioes

ab et comuica et habilitates ab irregularib^{us} p^{er} eu^m ductus
monachus p^{re}missa occasione ocellis appar^{uit} ac t^{em}p^{or}e
suis in off^{icio} successorib^{us} gratiose occidere in p^{re}missis oib^{us}
facultatem. Quoru^m in g^{ra}ui faciente n^{on} obstante
concessu ut peti^t et v^{er}o imp^{er}fecta d^{omi}n^{us} n^{ost}r^{us} pape^s C.
Anm^{us}. Et q^{uod} sola signatura sufficiat abla^{ta} a^{nt}iq^{ue} Ap^{osto}licar^{um}
l^{itter}ar^{um} ex p^{ar}tion^e et fidem p^{re}stet
Dat^{um} Rome ap^{ud} s^{an}c^{tu}m iⁿ q^{uod} R^{omae} ap^{osto}lis aⁿno iⁿ C^{on}cess^{us} C^{on} Anm^{us}

43 ^{ant} Supp. s. v. ordo monachorum & deuoti oratores. s. 1us 1us
Abbas gualis & frates eiusdem ordinis q^{is} eis gram
facien spalem eidem Abbati & singulis fratrib ordinis
predic^{ti} vt sibi p^{re}biter idoneu eiusdem ordinis elig^{er}
q^uos & eor^{um} q^uilibet ab oib^{us} p^{re}dictis s^{an}c^{ti}sis mat^{ris} mon^{ach}
aboluer^{it} & plena indulgentiam & remissione aufer^{at}
Ap^{osto}la largiri possit & ualeat cedere & indulger^e digⁿⁱ
mini de gra^{ti}a spali sing^{ulis} huius gra^{ti}a p^{re}petuo dure^t
& sing^{ulis} fr^{at}rib huius q^{ui} ad hoc idonei sunt singulis septima^{ris}
7us p^{er} p^{ri}uilegiu cu^m statutu^m v^{er}g^{it} ad annu^m. Et ali^{is} q^{ui} hui^{us}
placito cu^m statutu^m dicer^e nesciut q^uanta p^{er} n^{ost}ro to^{ti}
fidem aus^{er}it & singulis septiman^{ar}is ac ad annu^m
ad honore^m omnipotentis dei leg^{er}e & dicer^e teneat^{ur} (uⁿo
obstantib^{us} & clausulis op^{er}antis
(concess^{us} ut p^{re}dict^{us} iⁿ p^{ri}ma d^{icit} n^{ost}re p^{ap}e
Et q^{ui} hui^{us} supp^{lic} manu^m s. v. sig^{illa}
p^{re}nt^{ur} ualeat ac si h^{ab}er^e de sup^{er} cent^{um} off^{er}e
Dat^{us} rome ap^{osto}l^{ice} s. p^{er} 6 id^{us} marcⁱ anno 15to 1us 1us
[concess^{us} Jo Abb

46 J De auct^o abbatis gñalis
fe alia supp^o d. Eugonij q^o datur Rome ap^o 3 p 14° kt Ju
ly ano 15: qua concedit q^o abbas gñalis possit cometer
cucug^o ex prelati ordinis p^o spatem gñisitione omem
auctem q^o gñinet^o in supp^o q^o iust b p fr bap^o vt s p^o s

приходится весьма немного подлинныхъ суппликъ и особенно съ папскими автографами.

Наименованіе актовъ, записанныхъ въ регистры суппликъ—суппликами—имѣетъ несомнѣнное происхожденіе изъ факта, что папы сначала всегда, а потомъ иногда ставили свои резолюціи непосредственно на оригиналахъ поданныхъ имъ прошеній.

Регистры суппликъ (*Registri supplicationum*) входили въ составъ «*Archivio della dataria*» и только недавно были перевезены изъ Латерана въ Ватиканъ¹⁾. Для времени съ половины XIV и кончая XVIII столѣтіемъ ихъ сохранилось огромное количество. По новѣйшимъ исчисленіямъ за этотъ періодъ, начиная съ Климента VI (1342) и до Пія VII имѣется на лицо 7011 томовъ²⁾. Конечно большая часть падаетъ на позднѣйшее время, но и то, что дошло отъ XIV и XV вѣковъ, представляетъ подавляющую массу историческаго матеріала.

По исчисленію Denifle³⁾ къ XV вѣку относятся 1121 книга, при чемъ за годы до вступленія на престолъ Мартина V (1417) не сохранилось ничего⁴⁾. Гораздо меньшее количество—всего 99 (а можетъ быть въ сущности только 90) томовъ имѣется регистровъ XIV столѣтія. Нѣмецкій ученый, специалистъ по папской дипломатикѣ,

1) R. P. Louis Guérard: «Petite introduction aux inventaires des archives du Vatican» (Rome. 1901. 8°), p. 17—«Les sept mille et onze volumes de Suppliques qui ont été, dans ces derniers temps, transportés au Vatican, ne sont guère mieux pourvu d'inventaires».

2) D. Ursmer Berlière: «Aux Archives Vaticanes» (Bruges, 1908. 8°), p. 15: «l'importante série des suppliques qui vont de Clément VI à Pie VII et comprennent 7011 volumes».

3) См. Kehr: «Bemerkungen zu den päpstlichen Suppliken-registern des 14. Jahrhunderts», превосходная руководящая статья, отгискъ изъ «Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung» (VIII. 1887), см. стр. 5 въ примѣчаніи, гдѣ приведено число томовъ по папамъ: 1) Мартинъ V—183 тома; 2) Евгень IV—143 тома; 3) Николай V—67 т.; 4) Каликстъ III—31 т.; 5) Пія II—68 т.; 6) Павелъ II—97 т.; 7) Сикстъ IV—181 т.; 8) Иннокентій VIII—183 т.; 9) Александръ VI—219 томовъ.

4) Вотъ причина почему Denifle начинаетъ (въ вышеприведенномъ трудѣ) выборку суппликъ только съ Мартина V.

Р. Кегг подробно описываетъ сохранившуюся серію, охватывающую періодъ всего лишь пяти папъ¹⁾:

- 1) Климентъ VI (7 — 19 Мая 1342 — 6 Декабря 1352 года) — 22 книги.
- 2) Иннокентій VI (18—30 Дек. 1352—12 Сент. 1362)— 12 книгъ.
- 3) Урбанъ V (6 Ноября 1362 — 19 Декабря 1370) — 10 книгъ.
- 4) Климентъ VII—«антипапа» (но въ сущности законный Авиньонскій папа) (21 Сентября—31 Октября 1378— 16 Сентября 1394) — 32 книги.
- 5) Бенедиктъ XIII (папа въ Авиньонѣ — 28 Сентября— 11 Октября 1394—29 Ноября 1424)—23 книги²⁾.

Такимъ образомъ между Урбаномъ V и Мартиномъ V— съ 1371 и по 1417 годъ въ Ватиканскомъ архивѣ полная лакуна—регистры суппликъ отсутствуютъ, хотя они конечно несомнѣнно существовали и при томъ въ большомъ количествѣ.

Въ этомъ отношеніи любопытно замѣчаніе Camilli Krofta по поводу фрагмента регистровъ папы Бонифація IX (1389— 1404), относящагося ко времени указаннаго нами пробѣла: «E registris supplicationum, quae olim 150 toforum numerum excessisse verisimile est, unicus tantum nunc tomus superest, copias supplicationum mensibus Augusti et Septembris anni 1394 sig-

1) Въ документѣ «Index librorum manuscriptorum qui in archivio palatii Avenionensis reperti sunt tempore legationis—Octavii cardinalis de Aquaviva a. d. 1594» (Р. Н. Denifle: «Die Universitäten des Mittelalters») упоминаются отчасти какъ утраченныя, отчасти какъ сохранившіяся нѣкоторыя книги и другихъ папъ.

2) Но изъ нихъ 8 относятся къ IX—XV и 1 къ XXV году папствованія Бенедикта XIII. Почему Кеггъ вопреки собственному показанію причисляетъ эти книги къ регистрамъ XIV столѣтія? Думаю потому, что регистры этого папы кромѣ суппликъ года, къ которому томъ относится, имѣютъ записи и иныхъ лѣтъ конца XIV вѣка.

natarum exhibens, qui hodie extra Vaticanum, in regia scilicet bibliotheca Eichstaedtensi sub nro 174 (prius 54) exstat»¹⁾.

Когда началась регистрація супплекъ и когда папы усвоили обычай собственноручныхъ резолюцій по особой формулѣ?

Н. Simonsfeld издалъ²⁾ по формулярію папскихъ документовъ, рукописи, относящейся ко второй половинѣ XIV столѣтія, весьма любопытную записъ, изъ которой явствуется, что уже въ это время публичнымъ нотариусамъ приходилось видимиловать папскія супплекки и на основаніи ихъ составлять «instrumentum publicum» на пергаменѣ и съ нотаріальнымъ знакомъ.

Въ такой «instrumentum» должно было войти подробное описаніе супплекки. Образецъ подобнаго описанія приведенъ и представляетъ для насъ большой интересъ: обладатель документовъ—«exhibuit et ostendit duas supplicationes concessas per dictum dominum papam». Начало было—«Supplicat S. V. etc.» (то есть безъ Beatissime Pater)—«in fine autem prime supplicationis premissarum erat scriptum *de alia manu ipsius domini pape*, ut similiter prima facie apparebat: fiat. B. et de inde ad finem alterius supplicationis erat scriptum *de manu predicta*: fiat et de inde ad verba que in fine dictarum supplicationum habebantur scilicet: «quod transeat etc.» erat scriptum *de manu predicta domini*

1) «Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia», tomus V (Pragae. 1903. 8°), p. IV. Архивъ Датаріи ужасно пострадалъ при перевозкѣ документовъ Ватикана въ Парижъ и обратно. «Proh. dolor! para Tabularii initio saeculi currentis interiit», восклицаютъ редакторы изданія «Monumenta Vaticana Hungariae: Bullae Bonifacii IX. P. M.» (Budapest. 1888. 4°), «Tabularium imprimis Datariae plurima damna sustinuit. Quamvis numerum perditorum tomorum certo et accurate determinare haud valeamus, vix erramus conjiciendo, apparatus archivalis, qui ante translationem Parisios Lutetiorum 16440 tomos efficiebat, dimidio minus interitum superasse. Interiit pars antiquissima: omnes tomi, numero 483, tempora Bonifacii IX praecedentes. Ex ipsius Bonifacii IX buliarum tomis numero 199 hodie solummodo 101 supersunt (pp. V—VI).

2) Н. Simonsfeld: «Neue Beiträge zum päpstlichen Urkundenwesen im Mittelalter und zur Geschichte des 14. Jahrhunderts» (München. 1896. 4°). Записъ озаглавлена: «Instrumentum super exhibicione quarundam supplicationum per papam signatas» (см. стр. 51).

nostri pape, ut similiter prima facie apparebat: fiat. B. Postremum vero habebatur et continebatur de alia manu manibus predictis dissimili: Datum Avinion(e) etc.».

По существующимъ регистрамъ мы знаемъ, что буквою «В» подписывался папа Урбанъ V (1362—1370), но нельзя не замѣтить, что въ спискахъ «Regulae cancellariae apostolicae¹⁾ въ «Regule date... per dominum Iohannem папамъ XXII», въ «Regule date per dominum Benedictum папамъ XII», въ «Regule date per dominum Innocentium VI»—вездѣ указывается формула «Fiat. B.», тогда какъ извѣстно, по подлиннымъ регистрамъ, что папа Иннокентій VI подписывался буквою «G».

Сборники «Regulae cancellariae apostolicae» представляютъ основной источникъ для исторіи суппликъ и папскихъ сигнатуръ.

Стефанъ Балюзій въ «Vitae paparum Avenionensium»²⁾ издалъ извѣстіе о началѣ веденія регистровъ какъ слѣдствія реформъ папы Бенедикта XII (1335—1342): «ordinavit idem dominus Benedictus quod petitiones huius modi signatae per eum integraliter in palatio apostolico registrarentur per registratorem ad hoc specialiter deputatum et eisdem supplicationibus registratis bene ascultatis et correctis, supplicationes originales per clericum suum iuratum ad hoc specialiter deputatum portarentur ad cancellariam in quodam sacculo sub sigillo suo secreto clauso et signato». Въ другомъ житіи папы это извѣстіе еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе: «hic quoque primus regestrum supplicationum signatarum induxit, multas removens fraudes quae fiebant».

Если, дѣйствительно, въ старѣйшихъ «Regulae cancellariae apostolicae», составленныхъ при папѣ Іоаннѣ XXII («Regule date in cancellaria per dominum Iohannem папамъ XXII»), около

1) E. von Ottenthal: «Regulae Cancellariae Apostolicae: Die päpstlichen Kanzleiregeln von Johannes XXII bis Nicolaus V» (Innsbruck. 1888. 8°).

2) «Vitae paparum Avenionensium ab anno 1305—1394» (Paris. 1698. 2 vls. in 4°). Kehr: «Bemerkungen», p. 3. Цитата взята изъ «Vita Benedicti XII».

1330 года¹⁾, мы не найдемъ точныхъ указаній на регистръ суппликъ, то самое развитіе въ этихъ правилахъ вопроса о значеніи разныхъ формулъ папскихъ «responsiones», тапи *proprgia scriptas*, указываетъ на непремѣнное существованіе записныхъ книгъ для такихъ многочисленныхъ и весьма важныхъ документовъ.

Сохранилась старинная опись — «*Index librorum*», составленная въ 1594 году, которая даетъ намъ цѣнное показаніе, что въ это время въ папскомъ дворцѣ въ Авиньонѣ еще хранился отрывокъ регистра суппликъ за первые годы папы Климента V (1305—1314)²⁾.

Для XIII столѣтія мы имѣемъ лишь небольшой, но очень цѣнный формулярій суппликъ, отысканный Joseph Teige въ одномъ изъ кодексовъ Ватиканской Библіотеки (№ 2661)³⁾. Въ этомъ сборникѣ приведено 12 формулъ суппликъ (для лицъ разнаго положенія и по различнымъ дѣламъ), которыя всѣ начинаются формулою — «*Supplicat Sanctitati vestre*». Это древнѣйшее свидѣтельство указываетъ, что институтъ суппликъ находился въ половинѣ XIII вѣка уже въ полномъ развитіи. Нѣтъ опредѣленныхъ показаній относительно существованія регистровъ и

1) Комментаторы XVI столѣтія не знали уже сборниковъ болѣе ранняго времени. Привожу по Tangl: «*Die päpstlichen Kanzleiordnungen*» цитату изъ L. Gomez: *Commentarii in regulas Cancellariae* (Romae. 1540) — «*Circa primam quaestionem illud satis compertum est, regulas cancellariae sub Io. vigesimo secundo initium et originem habuisse. Nam in vetusto quodam membrano codice, quem vulgares quinternum cancellariae apostolicae vocant, primus omnium in ordine ponitur Io. XXII. regularum author*» (f. I). Эта фраза съ вербальнымъ отличіемъ («a» вмѣсто «sub») повторена и въ Венеціанскомъ изданіи 1575 года («R. P. D. Ludovici Gomez, episcopi Sarnensis, Sacri Palatii auditoris — *Commentarii in iudiciales regulas Cancellariae*»), имѣющемся въ моей библіотекѣ, съ такимъ,носящимъ характеръ вывода, заключеніемъ: «*nec ante ipsum alius Summorum Pontificum invenitur, qui hoc prius tentaverit*».

2) «*Index librorum manuscriptorum qui in archivio palatii Avenionensis reperti sunt tempore legationis — Octavii cardinalis de Aquaviva a. d. 1594*» (Kehr, I. c., p. 4).

3) Joseph Teige: «*Beiträge zum päpstlichen Kanzleiwesen des XIII und XIV Jahrhunderts*» (въ «*Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsfor-schung*», Band XVII, pp. 408—440).

своеручной папской резолюціи, но такое умолчаніе еще не доказываетъ, что ни того, ни другого въ это время не существовало. Самый процессъ приѣма суппликъ и рѣшенія по нимъ записанъ очень точно: «*Et nota, quod omnes littere beneficiales sunt legende coram domino papa. Leguntur primo in petitione, secundo in nota, tertio in littera grossa et aliter transire non sinuntur et per multas manus transeunt et magna maturitate decoquuntur*¹⁾. Ясно, что читаются—а) супплика, поданная папѣ, б) оригиналъ той *littera gratiosa*, которая должна быть выдана на основаніи рѣшенія папы, но что значить «*secundo in nota*»? Чернякъ ли это, сдѣланный аббревіаторомъ, для акта *in littera grossa* — или подъ именемъ *nota* тутъ разумѣется тотъ обычный впослѣдствіи экстрактъ супплики — «*supplicat sanctitati vestre*» и т. д., то есть настоящая *signature en cour de Rome*, на которой папа клалъ свою резолюцію²⁾. И то, и другое толкованіе возможны, я не рѣшаюсь опредѣленно высказаться ни за первое, ни за второе³⁾, но предполагаю, что автографическія резолюціи папъ въ это время еще не были въ обычаѣ.

Сохранившіеся регистры суппликъ XIV столѣтія позволяютъ сдѣлать вполне опредѣленные выводы относительно этого типа актовъ въ наиболѣе раннее время. Мы можемъ констатировать процессъ выработки въ строго опредѣленныя формулы—«*signatures en cour de Rome*» и «*motu proprio*».

Супплики XIV вѣка можно подраздѣлить на нѣсколько видовъ⁴⁾:

1) Ibidem, I. c., p. 410.

2) Отмѣтимъ существованіе такихъ резолюцій, какъ: «*Et quod transeat sine alia lectione. Fiat. R.*» (12 Января 1344 года—Климентъ VI), см. Н. V. Sauerland: «*Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv*», III Band, № 311.

3) Второе толкованіе возможно—такъ какъ, хотя «*nota*» и значитъ чернякъ, но, если черновой текстъ былъ редактированъ въ засѣданіи при папѣ, то стоило ли вновь перечитывать тотъ же текстъ по экземпляру, переписанному писцомъ—гроссаторомъ? Надо впрочемъ отмѣтить и боязнъ обмановъ («*multas removens fraudes*»), дѣлавшую папскую канцелярію особенно щепетильной.

4) См. Kehr: «*Bemerkungen*», pp. 9—14.

1) Отдѣльные документы и цѣлые столбцы (*rotuli*) суппликъ подписывались папой на оригиналахъ, при чемъ въ регистры внесень цѣлкомъ текстъ писемъ и прошений, безъ всякой переработки *in stylo curiae*.

Это остатки стараго способа рѣшенія дѣлъ по суппликамъ.

2) Обычнаго вполнѣдствіи типа супплики съ изложеніемъ подлинника прошенія — «*Supplicat S. V.*», «*Exponit S. V.*», иногда «*Dignetur S. V.*», «*Placeat S. V.*», иногда съ «*Beatissime Pater*».

3) Супплики съ рѣшеніями *motu proprio*, то есть соединеніе какъ бы исключających другъ друга понятій. Значеніе *motu proprio* еще не вполнѣ выяснено и нерѣдки резолюціи — «*Fiat motu proprio ut petitur*» (наприм., Иннокентія VI). Резолюція съ *motu proprio* есть знакъ отличія. «*So wurden*», говоритъ Kehr, «*die Suppliken der Cardinäle regelmässig durch motu proprio erledigt*» и¹⁾ приводитъ любопытную резолюцію: «*Fiat de omnibus non cancellatis et quantum ad cardinalem motu proprio et dispensamus*». Въ регистрахъ иногда резолюція *motu proprio* записывалась даже безъ указанія на подпись папы. Напримѣръ, просто: «*Clemens VI motu proprio providet*» (10 Августа 1347 г.)²⁾. Возможно, значить, предположеніе, что и рѣшеніе *motu proprio* записано прелатами.

Отдѣльныя выраженія и формулы *motus proprii* вырабатываются постепенно раньше, чѣмъ кристаллизуются въ ту форму, въ которой она вылилась при Иннокентіи VIII.

Объединяющимъ *Motus proprii* и супплики отличіемъ отъ всѣхъ иныхъ документовъ является форма собственноручной ре-

1) Въ правилахъ папы Григорія XI—§ 6: «*Item voluit dominus Gregorius XI quod in gratiis dominorum cardinalium de beneficiis vacantibus vel certo modo vacatoris qualitates beneficiorum, nisi essent dignitates maiores in cathedralibus post pontificales vel in collegiatis ecclesiis principales vel conventuales prioratus pro expressis habeantur et motu proprio facte censeantur, licet in supplicationibus vel in signationibus nihil exprimat. VI. idus Septembr. anno I.*»

2) См. H. V. Sauerland: «*Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv*», III Band (Bonn. 1905), № 663.

волюція папы. Что папы издревле мѣтили собственноручно свои буллы—это достаточно извѣстно, но когда какимъ образомъ — вопросъ не вполне выясненный и котораго мы въ настоящей статьѣ можемъ не касаться. Для насъ достаточно сказать, что въ XII—XIII вв. папы подписывали большія буллы или привилегіи. Напримѣръ, въ «Constitutiones» папы Николая III—1278 года—читаемъ—«Privilegia communia non legebantur, sed scripta in grossa per vicescancellarium portabantur ad papam, ut signarentur»¹⁾. Что папа не подписывалъ цѣликомъ—«Ego N. catholice ecclesie episcopus ss.»²⁾ — это убѣдительно доказалъ L. Delisle³⁾ путемъ тщательнаго сличенія оригиналовъ, но писалъ ли Римскій первосвященникъ только буквы «ss», какъ, опять таки предположительно, въкоторые папы XII столѣтія⁴⁾, или ставилъ крестъ въ ротѣ = кругѣ, являвшемся — «signum manuale» — «le seing manuel du pape», вопросъ, который рѣшается, кажется, въ пользу крестика. Въ формулахъ, которыя надо отнести ко времени папы Климента V (1305—1314), говорится, между прочимъ: «In rota nichil scribatur, quousque sit lectum privilegium et signatum per papam signo crucis»⁵⁾.

Значить мы имѣемъ точное указаніе о папской подписи въ видѣ крестика какъ разъ для того времени, къ которому относится упоминаніе древнѣйшаго изъ извѣстныхъ регистра суппликъ.

1) M. Tangl, l. c., p. 78.

2) Оговоримся, что дѣло идетъ о XIII вѣкѣ. Для болѣе ранняго времени, между прочимъ, см. Julius v. Pflugk-Harttung: «Die Bullen der Päpste bis zum Ende des zwölften Jahrhunderts» (Gotha. 1901. 8°).

3) «Mémoire sur les actes d'Innocent III, suivi de l'itinéraire de ce pontife» (Paris. 1857. 8°).

4) A. Giry, l. c., p. 678 и особенно мнѣніе C. Paoli, l. c., III, 128—129.

5) M. Tangl, l. c., p. 304. О подписи папъ см. еще въ статьѣ Wilhelm Diekamp: «Zum päpstlichen Urkundenwesen des XI, XII und der ersten Hälfte des XIII. Jahrhunderts» («Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», III—1882), pp. 571—580. Замѣчательно, что для автографовъ папъ до сихъ поръ не сдѣлано даже того, что сдѣлалъ Cechetti для венеціанскихъ дождей, издавъ брошюру: «Autografi, bolle ed assisa dei dogi di Venezia» (Venezia. 1881. 8° oblong).

Когда воспріяла начало подпись «fiat» съ прибавленіемъ одной буквы имени папы покрыто мракомъ неизвѣстности¹⁾. Мы

1) Объясненія происхожденія формулы очень интересны. Папа, викарій Іисуса Христа, творитъ милость, какъ Господь сотворилъ міръ. Ludovicus Gomez, episcopus Sarnensis, въ трудѣ своемъ—«*Commentarii in iudiciales regulas Cancelariae*» и «*Venustum utriusque signaturae Compendium*» объясняетъ: «*Est in primis notandum, quod signatura gratiae olim, et hodie, ut dixi, per Papam, per verbum fiat conficiebatur, et non sine optima ratione, quia Papa solo verbo fiat, facit gratiam ... Nam cum papa Dei opt. maximi vices gerat, conveniens fuit, ut quo ad fieri potest eius vestigia imitetur. Et ideo sicut Ille rerum omnium opifex, cum dixit, fiat lux, statim sine aliquo intervallo facta est lux (ut patet Gen. c. I), sic papa ad eius similitudinem, cuius vicarius est, hoc verbo in signatura utitur, fiat gratia—et statim facta est...*» (по изданію Venetiis. 1575. 4°, fol. 81 v.). Для объясненія почему папа подписываетъ свою резолюцію одной буквою: «*qua re papa in signatura supplicationum primam literam nominis sui pontificatus non ponit, sed primam literam proprii nominis*», тотъ-же Gomez даетъ (ibidem) длинное объясненіе, но на почвѣ умозаключеній и предположеній.

Разъ резолюція «fiat» была усвоена папами въ смыслѣ ихъ викаріатства Всевышняго Творца вселенной, то конечно подобною формулою не могли пользоваться простые епископы. Такъ оно и было въ періодъ, когда подобострастное толкованіе Gomez'a являлось отзвукомъ общепринятаго мнѣнія, но въ раннее время, когда формулы и ихъ объясненія лишь слагались, мы можемъ встрѣтиться съ исключеніями. Выше мы отмѣтили резолюцію папы съ «*consensum*», можно найти рѣшенія прелатовъ съ «fiat». Въ нашемъ дипломатическомъ собраніи имѣется небольшая коллекція документовъ XIII—XVI вв. по управленію Перуджей (см. аукціонъ Luzzietti, Февраль 1902 года). Между этими актами довольно много супплекъ, подписанныхъ папскими администраторами Перуджи, и относящихся къ XV и XVI столѣтіямъ. Среди разнообразныхъ резолюцій на двухъ документахъ, датированныхъ (въ Перуджѣ) — 1) 28 Марта 1436 года (см. клише на стр. 136) и 2) 23 (дата запачкана чернилами другого цвѣта, но предполагать поправку въ 26 нѣтъ основаній) Апрѣля того же 1436 года (см. клише на стр. 137), мы читаемъ формулу—«*fiat ut petitur*», подписанную «*A. Prothonotarius de Albertis*». Alberto di Alberti былъ администраторомъ Перуджи и 18 Декабря 1439 года папою Евгениемъ IV (in tertia promotione) возведенъ въ кардинальское достоинство, принималъ участіе въ Флорентинскомъ соборѣ, умеръ 11 Августа 1445 года въ санѣ камерарія коллегіи кардиналовъ (см. у Eubel замѣчаніе подъ 4 Октября 1444 года: «*Ioannes ep. Praeepstinus, a. collegii camerarius, restituit sigillum dicti collegii praesentibus cardinalibus, in consistorio existentibus: quod quidem sigillum tenuit penes se dominus poster, ex eo quod card. de Albertis, qui illa die fuit creatus camerarius eiusdem collegii pro anno, absens erat*»). Въ статьѣ G. Bourgin: «*La «familia» pontificia sotto Eugenio IV*» напечатанъ списокъ, въ которомъ три протонотарія писаны послѣ патріарха, но передъ архіепископами. На основаніи труда V. F. Grimaldi: «*Les congrégations romaines*» (Sienne. 1890. 8°) G. Bourgin дѣлаетъ примѣчаніе, важное для насъ въ объясненіе значенія A. de Albertis: «*Il posto dei protonotari*

видѣли, что уже старѣйшія изъ сохранившихся «Regulae cancellariae apostolicae» приводятъ «Fiat. B.»—Іоанна XXII (1316—1334) и конечно нѣтъ основаній предполагать, что именно этотъ папа выдумалъ такую формулу¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, при полномъ молчаніи источниковъ, мы не можемъ высказаться ни за, ни противъ. Есть свидѣтельство и очень важное, но я опасаясь придать ему безусловную достовѣрность. Въ 1895 году Giuseppe Cozza-Luzi выступилъ съ статьею «Un autografo di Innocenzo IV e memorie di Santa Chiara di Assisi» (Roma. 1895. 4°)²⁾, въ которомъ описалъ и издалъ фототипіей буллу папы Иннокентія IV, адресованную «Dilectis in Christo filiabus Clarae Abbatissae aliisque sororibus monasterii s. Damiani Assisinatis». При документѣ сохранилась свинцовая булла и онъ носитъ всѣ признаки подлинности³⁾. Дата — «Quinto Idus Aug. pont. nostri anno XI» = 9 Августа 1253 года (въ Ассизи). Авторъ называетъ документъ «la solenne bolla», но на самомъ дѣлѣ это простая «littera gratioza» «cum filis sericis». Cozza-Luzi рассказываетъ, что, какъ сохранились показанія современниковъ, находившаяся при смерти, св. Клара (скончалась 11 Августа 1253 года), получивъ буллу, многократно лобызала ее, но не удовлетворилась ея формой и просила подписи папы.

in questa lista mostra l'importanza del loro ufficio. Solo nel 1459 Pio II stabilì formalmente che i protonotari non avrebbero la precedenza sui vescovi». Въ спискѣ у G. Bourgin, относящемся къ 1447 году, A. de Albertis конечно не упомянутъ.

1) Слѣдуетъ обратить только вниманіе на то, что подпись «Fiat» въ старѣйшихъ резолюціяхъ (половина XIV столѣтія) весьма нерѣдко замѣняется иными выраженіями. Напримѣръ, въ суппликахъ папы Климента VI очень много помѣтокъ—«Annuit R.» и, что еще интереснѣе, простыя записи прелатовъ (позднѣйшее—«Concessum») — «Annuit papa» безъ всякой подписи, встречающіяся въ большомъ изобиліи. См. H. V. Sauerland, l. c., passim.

2) «Estratto dalle Dissertazioni della Pontificia Accademia Romana di Archeologia» (Serie II, Tomo VI).

3) Описывая буллу, авторъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Il testo non si trova ne' Regesti, il che forse indica che fu fatta con quella sollecitudine che fece tralasciarne la registrazione (предположеніе сомнительное). Vedi il Potthast. Attendiamo quello che ne dirà il Berger completando il suo lavoro».

О томъ, что папа писалъ что то собственноручно, объ этомъ записаны разнообразныя преданія¹⁾, которыя разнорѣчиво толковались изслѣдователями и біографами. Cozza-Luzi внимательно изслѣдовалъ подлинную буллу и на красшкѣ лѣваго верхняго угла замѣтилъ надпись мелкой скорописью, вылинявшую отъ времени и едва замѣтную; въ ней то прочёлъ онъ съ немалымъ трудомъ слѣдующее²⁾:

«Ad instar fiat. S. Ex causis manifestis mihi
et protectori fiat ad instar».

Буква «S»—есть первая буква имени папы Иннокентія IV—«Sinibaldus». Передъ нами, значитъ, собственноручная резолюція папы типа позднѣйшихъ резолюцій на супликахъ.

Cozza-Luzi справедливо видитъ въ этой надписи—«*un favore non solo raro, ma che non ebbe mai simile*».

Составъ резолюціи, какъ бы состоящей изъ двухъ частей, въ сущности повторяющихъ другъ друга, упоминаніе протектора, почеркъ, самое мѣсто, выбранное папою на самомъ краю документа—все возбуждаетъ во мнѣ сомнѣнія³⁾.

По сборникамъ «Regulae cancellariae apostolicae», по разнымъ «Constitutiones», формуляріямъ и подлиннымъ, наконецъ,

1) Cozza-Luzi, l. c., p. 79—a) Bartolomeo da Pisa — «*regulam pauperum petit et obtenuit, cuius principium ipse pontifex plorando ex devotione scripsit*»; b) Rodolfo da Tossignano: «*pontifex propria manu ex devotione conscripsit*».

2) «Le sopra riferite parole furono sinora ignote; e noi avemmo la grande ventura di poterle con molta difficoltà leggere sull'estremità della pergamena, ove ora le facemmo risuscitar ben distinte, e facemmo pur fotografare» (l. c., p. 80).

3) Жаль, что Maurice Prou не коснулся этой статьи Cozza-Luzi въ своемъ превосходномъ обзорѣ: «*Paléographie et diplomatique de 1888 à 1897*» (Paris. 1899. 8°), гдѣ онъ много говоритъ о сомнительныхъ документахъ и, между прочимъ, по поводу изданныхъ въ извѣстномъ австрійскомъ органѣ «*Mittheilungen des Instituts für Öster. Geschichtsforschung*» (t. XVII, pp. 666—668) автографическихкихъ подписей Рудольфа Габсбургскаго, Адольфа Нассаускаго и Альберта Австрійскаго, высказывается (вмѣстѣ впрочемъ съ авторомъ замѣтки): «*Les signatures prétendues autographes de Rodolphe de Habsbourg, des rois Adolphe de Nassau et Albert d'Autriche sont faussées*» (p. 92).

регистрамъ мы можемъ установить какими буквами подписывались папы XIV и XV вѣковъ:

Іоаннъ XXII (1316—1334)¹⁾—«В» (?) (Jacobus Deuza Caturcensis).
Бенедиктъ XII (1335—1342)²⁾—«В» (?) (Jacobus Novelli al. Furnarii de Savarduno).

Климентъ VI (1342—1352)³⁾—«R» (Petrus Rogerii).

Иннокентій VI (1352—1362)⁴⁾—«G» (Stephanus Alberti Lemo-vicensis); «В» (!?).

Урбанъ V (1362—1370)⁵⁾—«В» (Guilelmus Grimoaldi или Gri-moardi, natione Gabalitanus de loco de Grisaco⁶⁾).

Григорій XI [1370 (1371)—1378]⁷⁾—«R» (Petrus Rogerii).

Урбанъ VI (1378—1389) — неизвѣстно — (Bartholomaeus Prignanus).

Климентъ VII (1378—1394)⁸⁾—«G» (Robertus e com. Geben-neñ.) = Gualtier Grimaud. «Innocentio VI supplicat Rober-tus natus comitis Gebennensis»; «Innocentius VI Roberto nato Amédei comitis Gebennensis indulget»⁹⁾).

1) Ottenthal, l. c., pp. 2—7.

2) Ottenthal, l. c. p. 9.

3) Kehr, l. c., p. 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74. См. «Quellen zur Lothringischen Geschichte» [Band. II: «Vaticanische Urkunden und Regesten» (von H. V. Sauerland) Metz. 1905. 8°], стр. 7, 11, 14, 16, 38, 86, 89. «Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv gesammelt und bearbeitet von H. V. Sauerland». Dritter Band: 1342—1352 (Bonn. 1905. 8°), №№ 16, 28, 32, 72, 74, 145, 148, 145, 148, 155—157, 170, 173, 311, 478, 878, 876, 877.

4) Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74; Kehr, l. c.; «Regulae» однообразно и недостоверно показываютъ букву «В» у папъ Іоанна XXII, Бенедикта XII и Иннокентія VI (!). «Quellen zur Lothringischen Geschichte», l. c., стр. 118, 120, 128 (вездѣ «G»).

5) Kehr, l. c., 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74. «Quellen zur Lothringischen Geschichte», l. c., стр. 268. «Jahr-Buch der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde», Jahrg. XV (1908), стр. 466, 467, 474.

6) См. J. H. Albanes: «Actes anciens et documents concernant le bienheu-reux Urbain V Pape» (Paris—Marseille. 1897. 8°).

7) Ottenthal, l. c., p. 81.

8) Kehr, l. c., p. 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74.

9) «Jahrbuch der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde», XV Jahrgang (1908), стр. 469—471. Другія упоминанія тамъ же какъ—«Robertus de Gebenna» и «Robertus de Gebennais».

Бенедиктъ XIII (1394—1424)¹⁾—мнѣ неизвѣстно — Petrus de Luna).

Бонифаций IX (1389 — 1404)²⁾—«Р» (Perinus seu Petrus Tomacellus).

Инокентій VII (1404—1406)³⁾—«С» (Cosmas de Melioratis).
Григорій XII (1406—1409)⁴⁾—мнѣ неизвѣстно (Angelus Corrarius Venetus).

Александръ V (1409—1410)⁵⁾—«Р» (Petrus Philaretus al. Philargus de Candia).

Іоаннъ XXIII (1410—1415)⁶⁾—«В» (Balthasar Cossa Neapolitanus).

Мартинъ V (1417—1431)—«О.» (Oddo de Columna).

Евгеній IV (1431—1447)—«G.» (Gabriel Condulmarus или Condolmerus).

Николай V (1447—1455)—«Т.» (Thomas Parentucelli de Sarzana).

Каликстъ III (1455—1458)—«А.» [Alfonsus Borja (Borgia)].

Пій II (1458—1464) «Е.» (Aeneas Silvius Piccolomini).

Павелъ II (1464—1471)—«Р.»⁷⁾ (Petrus Barbus).

1) Я не нашелъ свѣдѣній о томъ, какой буквой этотъ папа подписывалъ свои резолюціи. Въ «Calendar of entries in the Papal Registers relating to Great Britain and Ireland: Petitions to the Pope (vol. I.—[1342—1419]. London. 1896) напечатанъ перечень весьма значительнаго количества супплекъ папы Бенедикта XIII, къ сожалѣнію формы резолюцій не приведены, хотя отмѣчены всѣ акты — «motu proprio».

2) Ottenthal, l. c., p. 60. Erler, l. c., p. 44, 45. Camillus Krofta: «Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia», tomus V (Pragae. 1908. 80). p. V: «Registra supplicationum copias petitionum summo pontifici porrectarum continebant, quae aut singulae, aut plures numero in unum rotulum coniunctae in eis describebantur. In fine supplicationum decisio pontificis (Fiat; Fiat ut petitur etc.) annotata est, adiuncta littera P, per quam sine dubio nomen papae, quod ante suam coronationem habuit, designatur (Petrus Tomacelli), porro data huiusmodi decisionis, quae etiam in litteras super gratia per eandem decisionem concessa transibat».

3) Ottenthal, l. c., p. 82.

4) Нѣтъ указаній въ первоисточникахъ.

5) Ottenthal, l. c., p. 163, 167.

6) Ottenthal, l. c., p. 184.

7) M. Tangl, l. c., p. 193 (2 Мая 1465); 309.

Сикстъ IV (1471—1484)—«F.»¹⁾ (Franciscus della Rovere).
 Иннокентій VIII (1484—1492)—«I.»²⁾ (Ioannes Baptista Cybó).
 Александръ VI (1492—1503)—«R.»³⁾ (Rodericus de Lanzol-
 Borja=Borgia)⁴⁾.

1) M. Tangl, pp. 207, 215, 425.

2) Ibidem, l. c., p. 222.

3) Ibidem, pp. 224, 225, 227.

4) Выше мы упомянули о документѣ 1497 года, который находился въ коллекціи графа Рааг (№ 1857), и былъ проданъ въ Берлинѣ въ 1893 году, съ резолюціями папы Александра VI «Fiat motu proprio. B.» и «Fiat. B.». Сравнительная рѣдкость автографовъ папы Александра VI и его весьма своеобразная манера въ начертаніи буквы «R» ввели составителей каталога въ заблужденіе. Такъ какъ буква «B» есть первая буква фамилии папы и вопросъ о томъ не подписывалъ ли папа Александръ VI своихъ резолюцій и буквою «B» является весьма существеннымъ въ вопросѣ о значеніи буквъ папскихъ подписей, мы даемъ два клише съ автографическихъ сигнатуръ Александра VI. Стр. 148 настоящей статьи занята снимкомъ съ письма папы къ дочери его, знаменитой Лукреціи Борджіа. Оригиналъ письма хранится въ Флорентинскомъ архивѣ. Собственноручно написана только первая строка: «Alexander ppa VI manu pppia», остальной текстъ письма продиктованъ *). Почеркъ папы чрезвычайно типиченъ по своей лапидарности. Еще оригинальнѣе резолюціи на суппликахъ. Помѣщенное на стр. 145 клише представляетъ снимокъ съ резолюціи «Fiat ut petitur. R.», находящейся на суппликѣ на бумагѣ. Оригиналъ документа (въ фрагментарномъ состояніи) находится въ моей коллекціи, написанъ на открытомъ листѣ тонкой бумаги съ знакомъ—птица въ кругу. Начало акта изорвано — недостаетъ первой строки и вслѣдствіе этого регистра турной помѣты на оборотѣ. Но имя регистратора есть: «J. de Bonaparte»= Jacobus de Bonaparte, magister registri supplicationum, отмѣченный въ этомъ званіи въ «Iohannis Burchardi rerum urbanarum commentarii» (t. II, 488) подъ 12 числомъ Іюня 1498 года. Датирована супплика: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum Quarto. Id. Decembris. Anno quinto», что равняется 10 Декабря 1496 года.

Въ томъ, что подпись на принадлежащемъ мнѣ документѣ дѣйствительно автографъ папы Александра VI, я имѣлъ случай убѣдиться по экземпляру иллюминированной супплики, находящемуся въ собраніи извѣстнаго римскаго коллекціонера Luigi Azzolini dei Manfredi. Эта послѣдняя супплика написана на листѣ пергамена разиѣромъ 48×34¹/₂ сант., подпись дважды—а) «Fiat ut petitur.

*) Я предпочелъ дать клише съ невоспроизведеннаго l. a., вмѣсто того, чтобы повторить (хотя и очень типичный) снимокъ съ собственноручнаго письма папы Александра VI къ той же Лукреціи Борджіа (оригиналъ въ архивѣ въ Моденѣ) приложенный, какъ таблица I, къ книгѣ: F. Gregorovius: «Lucrezia Borgia» (переводъ Raffaele Mariano), Firenze. 1874. 8°. При этомъ изданіи имѣются также снимки съ писемъ Лукреціи Борджіа и Цезаря Борджіа.

Alexander. ppā v. m. n. g. p. d.

Donna Lucrezia Capola Carissima. Paretti di fa che no habiamo tra tua
della qual cosa no siamo assai marauigliati et che si cosi negligente in ser-
uirti. Spese vole, et auersar se alla sanita tua et del Seg.^{or} Joanni mo Car-
sigolo. fa che polauentre si piu acurata et diligente. Madama Adri-
ana et Julia sono morte in Capo de Monte dauo trouono suo fratello
moro. Della qual morte costi el Car.^{le} como Julia ne hano preso tanta
abrenatione et affusione. Et tutti doi sono caccati cola febr.^e Noib.

Собственноручная подпись папы Александра VI на продиктованномъ имъ письмѣ къ дочери, знаменитой Лукреціи Борджіа.

Изъ приведеннаго списка мы видимъ, что всѣ папы съ исхода XIV столѣтія, начиная съ Бонифація IX, ставили въ резолюціяхъ первую букву имени, которое они носили до вступленія на папскій престолъ. Что же касается до папъ XIV вѣка, то оказывается, что эти буквы имени папъ не соотвѣтствуютъ. И не принимая во вниманіе ошибочное показаніе сборника «Regulae Cancellariae Apostolicae» для старѣйшихъ папъ Іоанна XXII, Бенедикта XII и Иннокентія VI, которое, думается, можно исправить, предположивъ во всѣхъ трехъ случаяхъ смѣшеніе двухъ схожихъ въ скорописи буквъ «В» и «G», ни одна буква резолюціи всѣхъ другихъ папъ не сходится съ ихъ именемъ.

Н. Bresslau высказался, что въ XIV столѣтіи папы брали въ этомъ случаѣ «wie es scheint, eine willkürlich gewählte Chiffre»¹⁾. Таково же мнѣніе и Kehr'a: «Es scheint demnach, das die Päpste des 14. Jahrh. sich willkürlich eines beliebigen Buchstabens zur Signirung der Suppliken bedienten»²⁾. Почти тоже находимъ и у Löwenfeld'a³⁾.

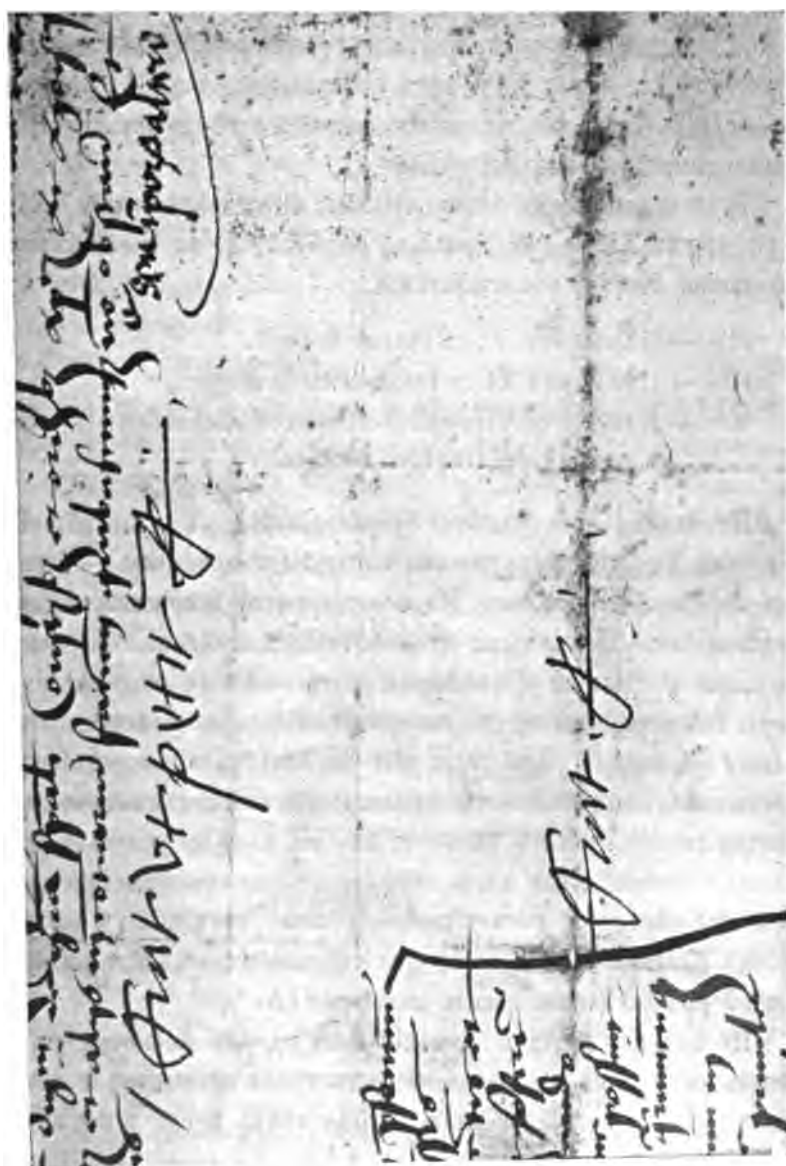
Р» и б) «Fiat. R.», совершенно тождественна съ автографомъ на принадлежащемъ мнѣ документѣ. Актъ собранія Azzolini касается трехъ негоціантовъ «Ulrico Fugger d'Augusta mercante in Roma» и его товарищей «Giovanni e Giorgio Turaz di Cracovia». Въ строкѣ, содержащей «Beatissime Pater», буквы въ 3 сантиметра высотой, въ орнаментѣ пять изображеній: 1) въ буквѣ «В» апостолы Петръ и Павелъ, 2) въ серединѣ Нерукотворный ликъ, 3) въ углу гербъ папы, увѣнчанный ключами и тиарой, 4) и 5) по бокамъ два герба, вѣроятно, фамилій просителей. По обыкновенію, сущлика не датирована совсѣмъ, но гербъ папы опредѣляетъ время съ полной несомнѣнностью.

Буква «R» въ автографахъ Александра VI настолько оригинальна по начертанію, что неудивительно, почему составители каталога коллекціи графа Рааг приняли ее за букву «В».

1) «Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien» (L. 1889), p. 798.

2) P. Kehr: «Bemerkungen», p. 18 (101).

3) P. A. Munch (Löwenfeld): «Aufschlüsse über das Päpstliche Archiv» (Berlin. 1880), p. 74: «Man ist daher zu der Annahme genöthigt, entweder das jeder Papst zu diesem Zwecke einen willkürlichen Buchstaben gewählt, oder dass er selbst nur das Fiat geschrieben und der vortragende Notar oder Kanzler zur weiteren Bestätigung seinen Namen hinzugefügt habe» (последнее предположеніе совсѣмъ невѣроятно).

Собственноручная резолюция папы Александра VI:
«Fiat ut petitur. R.» и «Fiat R.».

Трудно согласиться, зная обычаи папской канцеляріи, съ мнѣніемъ, что буква бралась произвольно. Какая нибудь система была и въ этомъ, только кажущемся намъ произвольнымъ, выборѣ. Мнѣ думается, что папы XIV вѣка пользовались первой буквой не имени, а своего рода, что иногда можетъ и не сходиться съ прямымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Если мы откинемъ буквы «В» (или G?) папъ Іоанна XXII и Бенедикта XII — найденныя въ формуляріи, то мы замѣтимъ, что нашей теоріей объясняются:

«R» — Климента VI = Petrus Rogerii.

«R» — Григорія XI = также Petrus Rogerii.

«G» — Климента VII = «Robertus e com. Gebenneñ.» (= «Женевскій» = Gualtier Grimaud)¹⁾.

Необъяснимыми остаются буквы «G» — Иннокентія VI и «B» — Урбана V. Отмѣтимъ, что оба папы были французы — первый изъ Лиможа, второй изъ Марсея; первый Stephanus Alberti, родился около Помпадура, второй Guilelmus Grimoardi родился въ замкѣ «Grisac en Gévaudan» и былъ — «fils du seigneur de ce lieu». Старинное житіе его говоритъ: «Hic prius vocatus est Guilelmus Grimoardi, cujus pater fuit Grimoardus miles». «Aubert» и «Grimaud», которыя обычно прилагаются къ именамъ этихъ папъ, какъ *фамиліи*, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ не родовыя прозвища, а отчества, или вновь образовавшееся семейное прозваніе. Сеньеры мѣстечекъ носили разнообразные титулы отъ названій своихъ владѣній и, думается, — въ генеалогической исторіи предковъ Урбана V надо искать его букву «B»²⁾.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что несмотря на начинающееся лишь использование регистровъ суппликъ, и немногіе изданные матеріалы даютъ иногда нѣчто новое и неожидан-

1) Отмѣтимъ, впрочемъ, и форму имени: «Gualtier».

2) Если только не предполагать маловероятное означеніе ордена — «Бенедиктинецъ».

ное. Такъ въ трудѣ Е. Moltesen: «Acta Pontificum Danica»¹⁾ напечатаны четыре суплики папы Климента VI, изъ которыхъ одна отъ 19 Мая 1345 года (№ 324) имѣетъ обычную резолюцію «Fiat. R.», а три—отъ 13 Января 1344 (№ 311), отъ 30 Юля 1346 года (№ 338) и отъ 7 Августа 1346 (№ 336) подписаны «Fiat. P.», то есть по первой буквѣ имени папы «Petrus». Такъ какъ въ трехъ супликахъ буква «P» повторяется пять разъ и о случайной опечаткѣ не можетъ быть и рѣчи, то мы имѣемъ дѣло (если не предположить невѣрнаго чтенія ученаго редактора) съ двумя формулами резолюцій одного и того же папы.

Систематическій выводъ о подписяхъ папъ буквою имени колеблется иногда сомнѣніями и въ позднѣйшее время (наприм., разъясненный нами ложный случай, что Александръ VI, будто бы, подписывался буквою B)²⁾. Возникаетъ недоразумѣніе, почему папа Григорій XIII (1572—1585) подписывалъ свои резолюціи буквою «V», тогда какъ онъ былъ—«Hugo Boncompagni», родомъ изъ Болоньи, кардиналъ (по титулу) Св. Сикста (Sanctus Sixtus in Piscina) съ 12 Марта 1565 года? А именно эту букву мы найдемъ на оригинальныхъ изданіяхъ разныхъ «constitutiones» и «motus proprii» этого папы. На прилагаемой табл. XIV изображена суплика Тиверія Мандозія (Tiberius Mandosini, laicus), съ резолюціями папы—«Fiat ut petitur. V» и «Fiat. V.» и датированная 16 Сентября 1575 года («Datum Rome apud Sanctum

1) Е. Moltesen: «Acta pontificum Danica. Pavelige Aktstykker vedrorende Danmark 1316—1536. I. Bind (1316—1378). Kjøbenhavn. 1904. 8°. Moltesen издалъ рядъ супликовъ папъ Иннокентія VI (1352—1362)—съ резолюціями «Fiat. G.» (№№ 443, 452, 497, 507) и еще болѣе папы Урбана V (1362—1370) съ «Fiat. B.» (№№ 554, 559, 576, 577, 578, 579, 589, 592, 598, 601, 603, 616, 619, 620, 630, 631).

2) Сомнительное начертаніе буквы «R» въ подписи папы Александра VI дало поводъ къ напечатанію его резолюцій съ буквою «B». Еще болѣе невѣроятенъ примѣръ подписи папы Льва X буквою «A» вмѣсто «I», приведенный въ «Inventaire des autographes et documents historiques réunis par M-r Benjamin Fillon décrits par Étienne Chagavaу» (Tome troisième. Paris. 1900. 4°) при описаніи документа подъ № 2440 (1519 года). Архивистъ-палеографъ Е. Chagavaу пользуется (и послѣ смерти) въ области изученія автографовъ высокой репутаціей, но кому же несвойственно ошибаться.

Marcum Sextodecimo Kl. Octobris Anno Quarto»). Эта таблица удостоверяетъ фактъ выдачи суппликъ на руки и даетъ образецъ резолюціи папы Григорія XIII съ буквою «V». Въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ автографомъ папы; передъ нами не подлинная суплика или *signature en cour de Rome*, но ея оффиціальная и современная копія съ точнымъ указаніемъ — «*sumptum ex registro supplicationum*» «*per me Sebastianum Stuninum(?) ejusdem registri Magistrum*»¹⁾. Въ удостовѣреніе приложена особая канцелярская печать (съ ключами св. апостола Петра)²⁾ и на оборотѣ помѣченъ № книги регистра «L. 8, fol. XI». Имя папы, его резолюція, дата и удостовѣреніе «*sumptum*» — написаны рукою самого магистра регистровъ суппликъ. Такимъ образомъ и засвидѣтельствованное извлеченіе изъ регистра суппликъ является въ роли самостоятельнаго документа.

Для объясненія того, почему папа Григорій XIII выбралъ для своихъ резолюцій букву «V», можно было бы сдѣлать нѣсколько предположеній, но, если мы вспомнимъ смѣшеніе въ начертаніяхъ буквъ «U» и «V» въ XVI столѣтіи, то дѣло объяснится весьма просто — итальянской формой имени Hugo = Ugo.

По поводу суппликъ XIV столѣтія Р. Кеггъ выразился слѣдующимъ образомъ: «*der Umstand, dass sich meines Wissens keine Originalsuppliken des 14. Jahrh. erhalten haben, erschwert uns, festzustellen, in welcher Weise dem Papste die Originalsuppliken vorgelegt worden sind*» (p. 15)³⁾.

По моей просьбѣ Е. Ф. Шмурло навелъ справку въ Ватиканскомъ архивѣ и извѣстилъ меня, что «точного подсчета имѣю-

1) Подлинникъ въ собраніи автора (изъ коллекціи Росси).

2) Къ сожалѣнію фотографія не воспроизвела слабый рельефъ печати, ясно видимый при боковомъ освѣщеніи.

3) Bresslau, l. c., p. 682—дѣлаетъ слѣдующее ограниченіе: «*Die Annahme Kehr's dass sich Originalsuppliken des 14. Jahrhunderts nicht erhalten haben, bedarf einer Einschränkung. Seiner Aufmerksamkeit entgangen sind die für unsere Kenntnisse sehr wichtigen Suppliken des Erzbischofs Pileus von Ravenna etwa aus dem Jahre 1371, welche Tarlazzi (2, 819 ff) herausgegeben hat. Ob die im*

щихъ на лицо въ архивѣ подлинныхъ суппликъ за XIV и XV вѣка (до Сикста IV)¹⁾ администрація не имѣетъ. Мнѣ были показаны десятка два такихъ суппликъ за XIV вѣкъ, но всѣ онѣ безъ *fiat*. Во всякомъ случаѣ категорически утверждать, что за указанный періодъ нѣтъ оригинальныхъ суппликъ съ *fiat* было бы преждевременнымъ.

Указаніе Е. Ф. Шмурло имѣетъ большую важность. Значить оригинальныя супплики, хотя бы съ «*concessum*» имѣются не только со времени папы Сикста IV, но даже отъ XIV столѣтія.

Вообще же, какъ я уже высказывалъ, печатный матеріалъ для рѣшенія вопроса о количествѣ сохранившихся подлинниковъ—«*signatures en cour de Rome*»—крайне скуденъ. Число оригиналовъ настолько ограничено, что даже памятники исхода XV столѣтія

erzbischöflichen Archiv beruhenden Stücke nicht abgesandte Original-Suppliken oder Abschriften von solchen sind, die man zurückbehalten hat, sagt Tarlazzi nicht, macht aber für unsere Zwecke kaum einen Unterschied aus. Въ «Bibliothèque de l'École des Chartes» за 1905 годъ (LXVI, № 1) среди «nouvelles acquisitions du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale» (1903—1904) показанъ (стр. 22) подъ № 1887 сборникъ: «Recueil de lettres, suppliques, etc. provenant de la chancellerie pontificale d'Avignon». Этотъ сборникъ состоитъ изъ 89 листовъ (= подлинныхъ документовъ частью въ цѣломъ видѣ, частью въ фрагментарномъ состояніи, на бумагѣ) и подаренъ библиотекѣ г. Liabastres, который нашелъ этотъ кладъ въ старомъ переплетѣ: «J'ai découvert tout récemment des pièces et fragments de pièces extraites sûrement, à une époque indéterminée, d'un portefeuille de l'archevêché d'Embrun. Ils formaient les plats d'une reliure hors de service jetée, je ne sais quand, au fond d'une caisse reléguée dans une des salles de la Bibliothèque et remplie de papiers hors d'usage destinés à être brûlés» (Liabastres: «Découverte à Carpentras de pièces manuscrites du XIV-e siècle provenant de l'archevêché d'Embrun» (Aix. 1904. 8°), отд. отт. изъ: «Annales de la Société d'études provençales», 10 pp.). Н. Omont, описывая сборникъ, прибавляетъ, что: «quelques pièces de même provenance, conservées à Carpentras ont été publiées par M. Liabastres». Значитъ изданные въ указанной брошюрѣ документы не попали въ Национальную Библиотеку, въ сборникъ которой глаго помѣчены «suppliques» и «memoriale fratris Johannis de Radua». Въ брошюрѣ Liabastres среди весьма интересныхъ въ дипломатическомъ отношеніи подлинныхъ писемъ XIV столѣтія—супплики нѣтъ.

1) Врѣмя ограничено согласно съ моимъ вопросомъ.

описываются какъ выдающіяся рѣдкости¹⁾. Мы выше отмѣтили изданные экземпляры, которые были написаны съ формулой для выдачи и несомненно были выданы на руки. Въ дополнение укажемъ на «супплику» папы Александра VI, изданную F. A. von Lehner, которая имѣетъ въ началѣ разукрашенную букву «В» въ 57 миллиметровъ высотой, а вся остальная формула «Beatissime pater» выписана буквами въ 25 сантиметровъ, актъ украшенъ гербомъ папы. «Signature en cour de Rome pour une réduction d'obit» (отъ 10 Юня 1472 года), изданная гелиографуюрою въ «Recueil de Fac-similés à l'usage de l'École des Chartes» менѣе изукрашена, но всетаки носитъ характеръ особой тщательности въ письмѣ съ явнымъ стремленіемъ придать оригиналу красивый видъ.

Интересна по красотѣ орнаментики и другая супплика Александра VI, находящаяся въ Римѣ въ собраніи Azzolini, но всѣхъ прекраснѣе по стилистичности signature en cour de Rome папы Иннокентія VIII, изданная L. Schmitz-Kallenberg'омъ въ «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis»²⁾.

Мы видимъ, что все, что воспроизведено и указано, относится ко времени папъ Сикста IV, Иннокентія VIII, Александра VI. Рядомъ съ этимъ мы выяснили, что теоретически начало регистровъ суппликъ уходить по крайней мѣрѣ къ началу XIV столѣтія. Супплики несомнѣнно существовали за долго до папы Сикста IV, но вопросъ въ томъ редактировались ли онѣ въ видѣ «signatures en cour de Rome» и выдавались ли на руки, какъ осо-

1) F. A. von Lehner: «Supplik des Frauenklosters Inzigkofen (bei Sigmaringen) an Papst Alexander VI» (въ «Neues Archiv», XIX—1893, стр. 468—473). Оригиналъ находится въ Hofbibliothek zu Sigmaringen, и представляетъ пергаменный листъ 46 × 32 сант. Резолюція обычной формы—«Fiat ut petitur. R.». Авторъ статьи дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Dass jeder Registraturmerk auf dem Blatt fehlt, könnte der Vermuthung Raum geben, dass durch Brisachers Einfluss die Sache auf Nebenwegen durchgebracht wurde, um die Sporteln zu sparen». Объясненіе, въ которомъ позволительно сомнѣваться.

2) Münster. 1904. 8^о, см. табл. VI (но не помѣченная номеромъ, см. стр. XVII).

бый типъ документовъ. Отмѣченный нами фактъ существованія записей супплекъ въ частныхъ сборникахъ актовъ намекаетъ на рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ.

Разысканія подлинниковъ въ архивахъ должны подтвердить такой выводъ. Въ «Repertorium Germanicum» (pontificat Eugens IV) сказано: «Die Originalsuppliken gelangten *später* an die Petenten zurück, und so finden sich *solche* in deren Archiven, in Wien, München usw» (р. XVIII), но къ сожалѣнію это указаніе на многочисленность оригиналовъ отнюдь не должно быть относимо къ понтификату Евгенія IV. Много ли сохранилось вообще супплекъ XV столѣтія — вопросъ, который я затрудняюсь рѣшить по даннымъ литературы и моимъ свѣдѣніямъ, но думаю, что количество ихъ довольно значительно для послѣдней четверти XV вѣка и сравнительно весьма не велико для болѣе ранняго времени. Кромѣ того въ данномъ случаѣ необходимо разграничить два типа супплекъ — «in forma beatissime pater» и «sub simplici signatura»¹⁾. Онѣ различаются не только по внѣшнему виду, но и по степени рѣдкости и количеству сохранившихся оригиналовъ. Супплекъ на бумагѣ и безъ формулы — «quod sola signatura sufficiat» — также выдавались на руки — это несомнѣнно по тѣмъ экземплярамъ, которые находятся въ различныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ²⁾.

Старѣйшая изъ напечатанныхъ по оригиналу и факсимилированныхъ супплекъ датирована 10 Іюня 1472 года (папа Сикстъ IV) и принадлежитъ къ типу актовъ съ «Beatissime Pater», старѣйшая изъ супплекъ «sub simplici signatura», изданная Тангл'емъ, помѣчена 9 Февраля 1488 года (папа Иннокентій VIII). На таблицахъ XV и XVI мы воспроизводимъ супплекъ «sub simplici signatura», относящуюся ко времени папы

1) Schmitz-Kallenberg: «Practica Cancellariae Apostolicae», p. XXI.

2) Значительная часть папскихъ автографовъ, поступавшихъ въ продажу по аукціоннымъ каталогамъ, состоитъ именно изъ супплекъ.

Сикста IV и найденную нами въ архивѣ Болоньи¹⁾. Несмотря на то, что она написана на простой бумагѣ и съ заключительной формулой «et per breve S^{us} V», въ началѣ ея имѣется обращеніе «Beatissime Pater!» Просьба исходитъ отъ «denotorum oratorum S. V. Sebastiani Stephani de Agitiis ac Dominici de Porta, ciuium ciuitatis Vestre Bononiensis...». Датирована: «Datum in Rocha pape Tusculan. diocesis undecimo Kln. Octobr. Anno quinto»—то есть 22 Сентября 1475 года; резолюція папы написанная несомнѣнно тѣмъ же почеркомъ, что и на изданной суппликѣ 1472 года, гласить: «Fiat ut petitur. F.» и Fiat. F.» Помѣта на оборотѣ даетъ весьма любопытное указаніе на значеніе документа: «Introclusa al Breue di Sisto 4-to spedito sotto di 28 Settembre 1475»; другая помѣта регистратурная: «Libro secundo, fol. LXXXII» и въ буквѣ «R» имя регистратора, которое я читаю, какъ: «P. de Santo Angelo» (?)²⁾.

Такимъ образомъ передъ нами суплика времени папы Сикста IV безъ заключительной формулы «quod sola signatura sufficiat», но съ «beatissime pater».

На таблицахъ XVII и XVIII я позволилъ себѣ воспроизвести въ виду его выдающагося интереса, подобный же документъ, находящійся въ моемъ личномъ собраніи³⁾. Внешній видъ суплики замѣчательно схожъ съ только что описанной супликой папы Сикста IV⁴⁾, равно какъ и съ супликой папы Иннокентія VIII,

1) Этотъ архивъ долженъ быть богатъ супликами, такъ какъ Болонья въ пору образованія и развитія этого рода документовъ состояла подъ папскимъ управленіемъ. Jean Guiraud въ книгѣ своей: «L'État Pontifical après le Grand Schisme» (Paris. 1896. 8°), говоритъ: «Plusieurs historiens ont dit que Bologne n'avait été réunie au domaine pontifical que sous Jules II, en 1512. Rien n'est plus faux que cette assertion; Bologne, en effet, n'a jamais été aliénée par l'Eglise romaine» (p. 226).

2) Есть и еще помѣты—одна о взятой пошлинѣ, а другая «P Bastiano» (кто этотъ Bastianus, мнѣ не удалось опредѣлить).

3) Происходитъ изъ старинной коллекціи автографовъ архіепископа Angelini (которая была приобретена Giancarlo Rossi, потомъ Leo Liepmannszohn, потомъ фирмою Gilhofer und Ranschburg).

4) Наша суплика представляетъ такой же небольшой листокъ (21¼ × 19 сант.) тонкой бумаги, съ знакомъ—звѣзда въ кругу.

изданной Tangl'емъ въ его «Schrifttafeln»¹⁾). Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ твердо уже установившимся *типомъ* документовъ. Тоже мелкое курсивное, очень убористое письмо съ сокращеніями, также превосходная тончайшая бумага.

Текстъ нашего документа слѣдующій:

«Dispensatio ad duo incompatibilia pro quodam Archidiacono in ecclesia Auriensi.

Ph[ilippus] Auxitan[us]

1. || Supplicat S[anctitati] V[estre] deuotus u[este]r orator Didacus Fernandi de Luoze archi[diaco]nus de Bubal in
2. eccl[es]ia Aurien[si] qnat[enu]s sibi specialem || gr[at]iam facien[tes] ut duo quecumque et qualiacumque benef[ici]a ecclesiastica curata seu al[ia]s inuicem incompatibilia etiamsi
3. dignitates || personatus administrationes et officia etiam curata et elect[iva] in Cathe[drali]bus Metropolitanis uel
4. Colle[gia]tis ecclesiis et digni[ta]tes ipse in Cathe[drali]bus || etiam Metropolitanis post pont[ifica]les maiores aut Collegiatis ecclesiis h[uius] mod[i] principales uel tales mixtim aut
5. una p[ar]ro[chia]lis eccl[es]ia || uel dignitas cum dicto Archidiaconatu de Bubal seu due p[ar]ro[chia]les eccl[es]ie aut
6. earum perpetue uicarie fuerint si sibi al[ia]s || canonicе conferantur aut eligatur uel assumatur ad illa recipere et quoad
7. uixerit retinere illaque simpliciter uel ex c[aus]a || permutationis quotiens sibi placuerit dimittere et loco dimissi uel
8. dimissorum aliud uel alia simile uel dissimile aut || similia uel dissimilia benef[iciu]m seu benef[ici]a eccl[es]iasticum uel eccl[es]iastica similiter quecumque quotcumque et qualiacum-
9. que || se inuicem compatibilia similiter recipere et retinere

1) «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» (Drittes Heft. Berlin. 1909), T. 107. Относительно тонкости бумаги, изданной имъ супплиціи папы Иннокентія VIII—М. Tangl отмѣчаетъ, что документъ написанъ: «auf sehr dünnem Papier, das die Schrift der anderen Seite durchscheinen lässt».

libere et licite possit et ualeat dispensare m(isericordite)r
10. dig[nemi]ni de gra[tia] || speciali constitu[tioni]bus et ordi-
na[tioni]bus ap[osto]licis ceterisque contrariis non obstan[tì-
bus] quibuscumque et cl[ausul]is opportunis.

Fiat ut petit[ur]. E.

Et ad digni[ta]tes in Cathe[drali]bus et
Metropolitan[is] et Colle[gia]tis eccl[esi]is.

Et ad uitam.

Et de sp[eci]ali.

Et cum cl[ausul]a permutandi.

Et quod non obstan[tes] dicti Didaci
habeantur pro expressis etc.

Et cum absolu[tio]ne a quibusuis sententiis etc.

Fiat. E.

Dat[um] Rome apud Sanctum Petrum pridie id[us] Julii
anno tertio.

R. N. de Picco[lominibus]. L. Ferrarien[sis].

На оборотъ:

1) «Libro. XII. fo. CXCVII»; 2) очень большая буква R, въ
которой буква G и внизу между ножками буквы R — «prothopo-
tarius»; 3) помѣта платы: «XIII» и «II».

Какъ видно по черниламъ—помѣты сдѣланы тремя разными
лицами. Указаніе на книгу регистра сдѣлано черными чернилами,
а вторая помѣта = registrata — сильно порыжѣвшими.

Лицевая сторона, содержащая текстъ, также писана нѣс-
колькими руками. По черниламъ (разнообразнымъ—отъ чернаго
цвѣта до рыжеватаго) и по почеркамъ можно установить разные
руки:

1) Текстъ. 2) Резолюція папы. 3) Подпись «Ph. Auxitanus».
4) Дата. 5) Подпись «N. de Piccolominibus». 6) Подпись «L. Fer-
rariensis».

Передъ нами несомнѣнный оригиналъ, скрѣпленный цѣлымъ
рядомъ лицъ. Содержаніе супплики обычно и относительно его
мы можемъ ограничиться указаніемъ, что архидіаконатъ Vubal

находится въ сѣверной Испаніи, въ епархіи Орензе (гдѣ имѣется и рѣчка Bupal)¹⁾.

Гораздо важнѣе для насъ вопросъ о подписяхъ и автографичности резолюціи папы.

«Ph. Auxitanus» — это Philippus de Levis, епископъ города Auch во Франціи съ 29 Марта 1454 и по Февраль 1463 года; нося этотъ титулъ (Auch — митрополія) онъ находился въ Римѣ и былъ «protonotarius apostolicus». На издаваемомъ нами актѣ подпись «prothonotarius» представляетъ продолженіе скрѣпы, начатой на лицевой сторонѣ словами — Ph. Auxitanus²⁾.

Буква R, которая предшествуетъ двумъ подписямъ подъ текстомъ, по моему мнѣнію, означаетъ приемъ супплики референдаріями («a verbo refero — ers, ert, dicitur referendarius, quia tenetur ex officio suo *recipere* supplicacionem et referre pape...»)³⁾.

N. de Picco⁴⁾ = Nicolaus de Piccolominibus, сапоніcus Senensis, родственникъ папы, съ 3 Августа 1464 года — архіепископъ Беневентскій.

«L. Ferrariensis» = Laurentius Roverella, магистръ теологіи — «episcopus Ferrariensis» — съ 26 Марта 1460 года.

И того, и другого мы найдемъ въ спискѣ папскихъ секретарей-аббревиаторовъ «de Parco Maiori», составленномъ Чіампини⁴⁾.

1) См., напримѣръ, Florez: «España Sagrada». T. XVII: «De la santa iglesia de Orense en su estado antiguo y presente» (Madrid, 1763). Нельзя не прибавить, что въ «Provinciale omnium Ecclesiarum Cathedralium Universi Orbis», первое изданіе котораго относится къ 1493 году, — «ecclesia Auriensis» показана in Regno Portugalliae. Напримѣръ, въ Ліонскомъ изданіи 1546 года: «In Regno Portugalliae. Archiepiscopus Bracharensis hos habet suffraganeos: Portugalensis caput regni. Columbriensis. Visensis. Auriensis. Tudensis....» (также и въ Венеціанскомъ 1572 года). Въ editio princeps общее заглавіе: «in Hispania sive Castella et Portugalia» и передъ archiepiscopus Bracharensis нѣтъ указанія — «in Regno Portugalliae». Въ имѣющемся у меня «Provinciale» (съ отличіемъ отъ печатныхъ), написанномъ на пергаментѣ при папѣ Климентѣ VII, обозначеніе «in Regno Portugalliae» уже выдѣлено изъ статьи — «in Regnis Castelle et Legionis».

2) Надо думать, что Philippus de Levis былъ въ это время и «magister registri supplicationum».

3) Schmitz-Kallenberg: «Practica cancellariae apostolicae», p. 16.

4) Ciampini: «De Abbreviatorum de Parco Maiori» (Romae. 1691), pp. VI и XII.

Написанная, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ почеркомъ, дата—«*pridie Id. Julii anno tertio*» написана, по всей вѣроятности, датаріемъ и указываетъ точно время, къ которому относится документъ — 14 Іюля 1461 года¹⁾.

Что касается до подписи папы, то это несомнѣнный автографъ папы Пія II, именовавшагося до вступленія на папскій престолъ Энеемъ Сильвиемъ Пикколомини.

Въ коллекціи Бенжамена Филлона²⁾ было два письма Пія II, изъ которыхъ одно, отъ 24 Декабря 1455 года, воспроизведено факсимиле³⁾. Почеркъ имѣетъ отличія сравнительно съ резолюціей на нашемъ документѣ, особенно въ начертаніи буквы Е, но дѣло въ томъ, что съ одной стороны надо еще доказать, что письмо это собственноручное, а съ другой стороны сходство въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, какъ видно изъ прилагаемаго клише (стр. 159), всетаки имѣется. Подпись «*Eneas episcopus Senensis*» совершенно одинакова съ почеркомъ текста и потому или письмо полный автографъ, или же оно все цѣликомъ писано не будущимъ папою, а его секретаремъ. Для XV столѣтія въ этомъ отношеніи *l. a. s.* гораздо опаснѣе простыхъ *l. s.*, въ которыхъ подпись рѣзко отдѣляется отъ текста. Мы уже говорили о распространенности практики «канцелярскихъ писемъ» въ Италиіи этого времени.

1) При датировкѣ супплекъ имя папы нигдѣ не упоминается и это затрудняетъ иногда хронологическое опредѣленіе такихъ дипломатическихъ памятниковъ (особенно въ XVI столѣтіи).

2) «*Inventaire des autographes et des documents historiques composant la collection de M. Benjamin Fillon.*» (коллекція была распродана въ Парижѣ въ теченіе 1877—1888 годовъ), 15 серій аукционныхъ каталоговъ замѣнены роскошнымъ изданіемъ въ 3 томахъ in 4°.

3) Подъ № 2432: «*L. A. S., en italien, comme évêque de Sienne, a Jacobo Guidini, commissaire de la ville de Sienne près du Saint-Siège, son très cher ami; Rome, 24 déc. 1455, 1 p. in 4° oblong., adresse, traces de cachet de cire rouge. Le papier est fortement taché d'humidité.*» Другое письмо — подъ № 1318 («*L. A., en latin, comme cardinal, à un administrateur de la ville de Sienne; Rome, 15 janvier 1456, 1 p. in 4° oblong., adresse, cachet aux armes des Piccolomini.*»).

Совершенно тоже надо сказать относительно подписи «E. cardinalis Senensis», воспроизведенной Giuseppe Palermo¹⁾.

На прилагаемой фототипической таблицѣ XIX нами дается факсимиле съ одного очень ранняго письма папы Пія II, которое хранится въ архивѣ города Сіены. Написано оно изъ Генуи 28 Февраля 1431 года и адресовано къ «Tommaso della Gazzaja», подеста «di Piombino» (уведомляетъ о своемъ морскомъ путешествіи изъ Піомбино въ Геную)²⁾. Въ каталогѣ, изданномъ подъ редакцію директора архива Сіены извѣстнаго дипломатиста A. Lisini, при описаніи этого письма, осторожно помѣчено—«cf. a.» = «firma autografa» — «Eneas Silvius Picholominus Senensis», то есть (какъ я понимаю) считаетъ письмо только подписаннымъ³⁾. Мнѣніе это опирается конечно на несходствѣ почерка текста съ почеркомъ автографовъ Пія II за время его папства. Дѣйствительно, мелкій сжатый почеркъ письма мало похожъ на округлыя широкія буквы резолюціи на нашей супплекѣ. Что письмо полный автографъ въ этомъ убѣждаетъ самое время его написанія. Эней Сильвій Пикколомини въ 1431 году былъ

1) G. Palermo: «Isografia ovvero raccolta di 2000 firme e monogrammi degli uomini più celebri e rinomati che vissero nel corso di undici secoli dal 742 al 1870» (Napoli. 1870. gr. in folio), см. табл. XXXV. Нельзя не отмѣтить, что какъ у Palermo, такъ и въ каталогѣ коллекціи B. Fillon клише въ текстѣ рѣзаны ручными способомъ.

2) Піомбино расположено на берегу моря почти противъ острова Эльбы.

3) См. «R. Archivio di Stato in Siena: la sala della mostra e il Museo delle tavolette dipinte della Biccherna e della Gabella» (Seconda edizione. Siena. 1908. 8°), стр. 18. Въ первомъ изданіи этого описанія (Siena. 1889. 8°) нѣтъ точныхъ отмѣтъ на—«autografa» и «cf. a.». Замѣтитъ, что тотъ же A. Lisini въ рѣдкой и замѣчательной, по красотѣ типографскаго исполненія, брошюрѣ: «Copia di alcune firme autografe di personaggi illustri ricavata da documenti originali del Regio Archivio di Stato in Siena» (Siena. 1894. gr. 8°) подъ № 11 факсимилируетъ выѣтъ съ подписью Энея Сильвіо Пикколомини и дату письма, въ качествѣ автографа. Возможно, что безымянное описаніе выставочной залы написано не Лизини, но все равно онъ, какъ директоръ архива въ силу отсутствія имени автора является съ нимъ солидарнымъ. Вопросъ о почеркахъ Энея Сильвіо можетъ рѣшить Ватиканскій архивъ, въ которомъ въ «Vat. Miscellanea», агт. 15, въ томѣ № 4 нѣются письма Энея Сильвіо Пикколомини за время съ 1431 по 1455 годъ (но подлинники ли?). См. Wirtz, l. c., p. XXI.

молодымъ человѣкомъ (род. 18 Октября 1405 года)¹⁾ и не могъ еще переписываться «секретарскими» письмами²⁾. Какъ разъ въ этомъ году Франческо Филельфо писалъ въ Миланъ Nicolaò Arcimboldo jureconsulto: «qui meas tibi litteras reddidit *iuuenis* est senensis Aeneas Siluius nomine, honesta natus familia, mihi-que charissimus, non solum quod annos duos meus auditor fuit: sed etiam quod ad ingenii acrimoniam dicendique leporem attinet, moribus est ut (*sic*) urbanis et cultis. Cupiditate autem ductus uisendi Mediolani ad nos uenit»³⁾.

Сравнивая почеркъ подписи съ почеркомъ текста легко убѣдиться, что это одна и таже рука. Сравненіе письма 1431 года съ письмомъ 1455, (что было у Филлона, см. клише на стр. 159), указываетъ на сходство почерковъ и говоритъ за автографичность обоихъ памятниковъ. Тѣмъ интереснѣе фактъ, что подъ старость, будучи папою, Эней Сильвій Пикколомини измѣнилъ манеру письма. Конечно мы не рѣшились бы этого утверждать на основаніи резолюціи на суппликѣ, но существуетъ документъ, важный не только въ дипломатическомъ, но и въ историческомъ отношеніи, который воспроизведенъ нами на табл. XX и XXI. Это — *breve plumbatum* — (неправильно именуемое буллою) папы Пія II, хранящееся въ архивѣ города Сіены⁴⁾ и адресованное

1) Такъ Voigt, а Gregorovius: «Storia della città di Roma», III, p. 781 — показываетъ 19 Октября 1405 года.

2) Самъ Эней Сильвій какъ разъ въ это время сдѣлался секретаремъ кардинала Капраника.

3) По Базельскому изданію писемъ Филельфо 1500 года, см. т. С. III. Цитата заимствована у Georg Voigt: «Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter». Band I (Berlin. 1856. 8), p. 17 (Voigt исправилъ правописание).

4) См. описаніе «La sala della mostra» (Siena. 1903), p. 6 — «Bolla di Pio II per la integrazione dei Nobili nel governo di Siena». На самомъ же дѣлѣ это брeve, написанное на листѣ пергамена $51\frac{1}{2} \times 39$ сант., было сложено пакетомъ и запечатано свинцовою буллою. При распечатаніи, вѣроятно вслѣдствіе знанія заранѣе о папской припискѣ, пергаментъ не былъ, какъ обычно, разрѣзанъ, а была разрѣзана веревочка (простая *cordula canapis*). Брeve датировано: «Datum Rome apud Sanctum Petrum Anno Incarnationis Dominice Millesimo quadringentesimo quinquagesimo octauo Septimo Kl. Decembris Pontificatus Nostri anno

«Dilectis filiis Prioribus Gubernatoribus Communis ac Capitaneo et consilio Populi Civitatis Senarum». Написано оно 25 Ноября 1458 года по вопросу о возвращеніи нобилей въ Сіену¹⁾. Въ моментъ приготовления бреве къ отправкѣ папа получилъ изъ Сіены неблагопріятныя свѣдѣнія и въ гнѣвъ начерталъ собственноручно энергичную приписку въ 14 строкъ не въ формѣ резолюціи, а какъ бы письмомъ, въ которомъ смѣшаны формулы буллъ съ подписью суппликъ. «Pius episcopus servus servorum Dei», начинается папа, «relatum nobis est....» и т. д., и заканчиваетъ указаніемъ, дабы Сіенцы знали и вѣрили, что такова его воля, «scriptum manu propria.... datum ut supra. Ё».

Такое бреве, какъ и вообще всѣ бреве съ случайными приписями, является отдѣльнымъ уникомъ, а отнюдь не дипломатическимъ типомъ.

Въ томъ, что припись собственноручна, очевидно сомнѣваться нельзя, а почеркъ ея совершенно тождественъ съ почеркомъ резолюціи на издаваемой нами суппликѣ 1461 года.

Укажемъ еще на одну дипломатическую подробность этой послѣдней супплики.

Какъ можно замѣтить и на прилагаемыхъ фототипическихъ таблицахъ (Тт. XVII—XVIII) правый нижній уголъ супплики порченъ, вырванъ узкій клинъ бумаги. Эта порча—не случайнаго

пріема. Скрипторъ бреве—«P. de Spinosis». Скрѣпа на оборотѣ: «Ja. Lucen.» то есть «Jacobus Ammanatus Lucensis Cardinalis»—«Jacobus Ammanatus, Cardinalis Rapiensis dictus, Lucae natus» (Bonamicus, I. c., p. 168—170).

1) Самъ Піи II родился, когда семья его была въ изгнаніи. Родъ Пикколомини принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ семействъ Сіены и папа Піи II съ гордостью отвѣчалъ герцогу Моденскому: «Utinam praedecessoribus nostris ita virtutibus et meritis sicut sanguinis nobilitate aequari possemus». Родоприсхождение семейства скрыто, какъ принято говорить, во мракѣ времени, а въ XIII вѣкѣ Пикколомини уже раздѣлились на нѣсколько вѣтвей. Попытку полной документальной генеалогіи рода Пикколомини дали А. Lisini и А. Liberati въ книгѣ: «Genealogia dei Piccolomini di Siena» («Siena. 1900. 80 съ 9 таблицами»). При знатномъ происхожденіи Пикколомини достигли могущества коммерціей, торговыми связями и какъ банкиры, конторы которыхъ были въ Генуѣ, Венеціи, Триестѣ, Аквилеѣ и даже въ Австріи и Франціи.

происхожденія. Въ трактатѣ «Practica Cancellariae Apostolicae», между прочимъ, говорится: «et sunt omnes supplicaciones *ligate ad rubeam cordam* et signate, quo die venerunt et in quo latere reperiantur»¹⁾. Изданная М. Tangl суплика имѣетъ правый уголъ совсѣмъ оборваннымъ, попорченъ уголъ и у суплики, воспроизведенной Schmitz-Kallenberg. При срываніи супликъ съ шнура, на который онѣ были нанизаны, и происходила порча угла.

Благодаря регистратурной помѣтѣ на документѣ 1461 года, мы имѣли возможность навести точную справку въ Ватиканскомъ архивѣ. Императорская Академія Наукъ учрежденіемъ должности ученаго корреспондента въ Римѣ оказала неоцѣнимую услугу русской наукѣ. Сношенія съ Римскими архивами при любезномъ посредничествѣ Е. Ф. Шмурло необыкновенно упростились.

Суплика оказалась внесенной въ одинъ изъ томовъ регистра супликъ Пія II, въ «quinternus X libri XII, per fiat, Anno Tertio» [по общему счету регистровъ, t. 534] на л. 197²⁾. Копія сдѣлана съ большою точностію, слово въ слово, только въ строкѣ 3-й въ копіи—«vel officia» вм. «et officia» и въ 5-ой «aut tales» вм. «vel tales». Записаны и всѣ подписи лицевой стороны, но вмѣсто полного оглавленія акта, на поляхъ помѣчено кратко «Dispensatio» и большая буква «A», означающая первую букву

1) Schmitz-Kallenberg, l. c., p. 20. Въ примѣчаніи издатель говоритъ: «Wie die Suppliken daran befestigt waren, ist schwer zu entscheiden. Aus der Abbildung (Tafel) könnte man annehmen, dass die Schnur an der unteren rechten Ecke des Blattes durchgezogen war. Bei dieser Art der Befestigung war es am leichtesten möglich, wenn eine grössere Anzahl Suppliken übereinander lagen, eine bestimmte herauszusuchen; hatte man sie gefunden, zog man sie nach oben hin von der Schnur ab. Auf diese Weise ist wohl das Einreissen des Papiers an den Originalen in der unteren rechten Ecke zu erklären».

2) Въ письмѣ ко мнѣ Е. Ф. Шмурло описалъ XII томъ супликъ слѣдующимъ образомъ: «Томъ XII состоитъ изъ извѣстнаго количества сшитыхъ тетрадокъ, каждая изъ коихъ содержитъ 20 листовъ, и сверху каждой такой тетради соотвѣтствующее обозначеніе. Такимъ образомъ фраза: «Quinternus X, libri XII per fiat Anno Tertio» стоитъ на 10-й тетрадкѣ, то есть сверху листа 181, а не 197-го, на которомъ находится списокъ суплики, состоящей изъ 26 строкъ (10 на лицевой и 16 на оборотной сторонѣ)».

имени діоцеза, такъ какъ архидіаконать Bubal находился «in ecclesia Auriensis». Внимательное разсмотрѣніе внѣшнихъ формъ издаваемой нами сублики показываетъ, что она составлена по всѣмъ правиламъ написанія позднѣйшихъ документовъ этого рода и даетъ намъ всѣ данныя для вывода: типъ субликѣ, писавшихся на простой бумагѣ, несомнѣнно установился раньше папъ Сикста IV и Иннокентія VIII. Все заставляетъ думать, что вопреки мнѣнію всѣхъ дипломатистовъ и экземпляръ сублики папы Пія II отнюдь не показываетъ начальной стадіи этого рода актовъ.

Такой нашъ выводъ мы имѣемъ возможность неопровержимо доказать и по отношенію къ иллюминированнымъ субликамъ на пергаментѣ съ «Beatissime Pater» и съ формулой «quod sola signatura sufficiat».

Въ архивѣ города Болоньи намъ удалось отыскать драгоценный экземпляръ сублики первой половины XV столѣтія, который оставался незамѣченнымъ дипломатистами вслѣдствіе отсутствія датировки¹⁾. Сублика эта воспроизведена въ натуральную величину (она написана на листѣ пергамента 38 × 28 сант.) на прилагаемой фототипической таблицѣ XXII. Документъ касается женскаго монастыря св. Маргариты въ Болоньѣ, написанъ четкой полуготикой буллъ XV столѣтія и имѣетъ двѣ резолюціи: одну общую — «Fiat ut petitur. G.» и другую при заключительной формулѣ:

«Et si placet. S. V. sola signatura huius-	}	Fiat. G.
modi petitionis sufficiat sine confectione litterarum».		

1) Augusto Sarti: «Una visita all'archivio di stato di Bologna» (Bologna, 1886. 12°) совсѣмъ не упоминаетъ объ этой замѣчательной субликѣ, а въ брошюрѣ Francesco Malaguzzi-Valeri: «I recenti aumenti nelle collezioni artistiche del R. Archivio di Stato in Bologna» (Bologna, 1893. 8°), при общемъ обзорѣ миниатюръ читаемъ: «Tra le pergamene sciolte, citeremo una splendida bolla di Giulio II con miniature di stile francese, un diploma di nobiltà concesso da Girolamo Riario, un rescritto papale senza data in favore delle monache di S. Margherita e alcuni diplomi di nobiltà dati da Carlo V...» (p. 7). Очевидно имя папы не было опредѣлено.

Ни имени аббатиссы, ни даты, ни помѣтъ и скрѣпъ какъ съ лицевой, такъ и на обратной сторонѣ не имѣется. Текстъ начинается словами. «Beatissime Pater! Ut salutem animarum deuotarum Vestrarum Abbatisse et Monialium sub regulam obseruancia inuentum Monasterii Sancte Margarithae ordinis Sci Benedicti Ciuitatis Vre Bononiensis que nunc sunt aut pro tempore erunt salubrius consulatur. Supplicatur S. V. P illarum parte humiliter et deuote...».

Внѣшній видъ документа весьма интересенъ. Изъ текста выдѣлено слово «Beatissime». Изукрашенная буква «В» занимаетъ все поле, какъ разъ наравнѣ съ текстомъ, роскошно орнаментирована и изукрашена изображеніями. Въ верхнемъ завиткѣ буквы «В» папскій гербъ, въ самой буквѣ портретъ папы, важный и въ историческомъ отношеніи, въ нижнемъ завиткѣ орнамента изображеніе св. Маргариты съ крестомъ и дракона. Буквы «eatissime» болѣе 2 сантиметровъ высотой.

Гербъ папы состоитъ изъ серебряной полосы по лазурному полю. Это гербъ рода Кондолмеровъ¹⁾. Сопоставивъ съ такимъ гербомъ резолюцію папы «Fiat. G.», мы съ несомнѣнностью докажемъ, что папа суплики есть Евгеній IV (1431 — 1447) = Gabriel Condolmerius Venetus, Presbyter Cardinalis titulo S. Clementis, [Senensis vulgo vocatus].

Значить и въ изображеніи папы мы имѣемъ историческій, современный портретъ Евгенія IV. Папа бритый, полное старческое лицо розовое въ краснину, одежда красная съ золотымъ пробѣломъ, фонъ голубой, кресло зеленое. Отъ гравированныхъ портретовъ папы лицо отличается округлостью и формою носа²⁾.

1) См. напримѣръ: «Tiara et purpura Veneta ab anno MCCCLXXIX ad annum MDCCLIX serenissimae reipublicae Venetae a civitate Brixiae dicata» (Brixiae. 1761. 4°).

2) См., напримѣръ, портретъ № 212 въ книжкѣ: Io. Bapt. de Cavalleriis: «Pontificum Romanorum Effigies», изд. 1685 года. Папа Евгеній IV, по видимому, заботился о своихъ портретахъ. Онъ заказывалъ ихъ художникамъ и,

На св. Маргаритѣ вѣнецъ золотой, рукава красные, одежда голубая, драконъ зеленый.

Нельзя не обратить вниманія на почеркъ резолюціи. За исключеніемъ буквы «G», особенно вырисованной и вычурной, всѣ буквы начертаны чистѣйшимъ гуманистическимъ письмомъ¹⁾. Вспомнивъ о введеніи при Евгеніи IV гуманистическаго письма для бреве и принявъ во вниманіе годы, когда жилъ этотъ папа, мы можемъ прійти къ любопытному заключенію, что Евгеній IV, хотя по отзыву Грегоровіуса «non possedeva cultura nè studi umanistici»²⁾, по крайней мѣрѣ въ области распространенія scrittura umanistica долженъ быть поставленъ рядомъ съ Niccolò Niccoli.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще документъ, факсимилированный на прилагаемыхъ табл. II^b и III. Выше мы говорили уже о томъ фактѣ, что и новѣйшіе дипломатисты не видали ни одного подлинника супплики съ «fat», который относился бы къ XIV столѣтію.

Понятно значеніе издаваемого акта, если я скажу, что рѣшаюсь въ немъ видѣть подлинную супплику XIV вѣка³⁾.

Оригиналъ на обрѣзкѣ бумаги (21 × 10 сант.) съ vergeures средней ширины, бумажнаго знака нѣтъ; документъ былъ разорванъ пополамъ и не совсѣмъ искусно склеенъ.

Вотъ его содержаніе со всѣми помѣтами на оборотѣ, списанное строка въ строку⁴⁾:

напримѣръ, чужеземецъ французъ Жанъ Фуке нарисовалъ съ него портретъ, въ настоящее время утраченный (см. E. Müntz: «Les arts à la cour des papes pendant le XV et le XVI siècle», т. I (Paris. 1878. 8°), p. 38.

1) То же письмо и въ подписяхъ папы на экземплярахъ Флорентійской уніи. Почерки папъ XV—XVI столѣтій очень типичны, письмо Евгенія IV одно изъ любопытнѣйшихъ. Какъ кажется, оно по характеру своему сходится вполне съ опредѣленіемъ личности этого папы, сдѣланнымъ Jean Guiraud въ его «L'État pontifical après le Grand Schisme» (Paris. 1896. 8°) одной фразой: «Eugène IV malgré la faiblesse de son caractère...» (p. 2).

2) «Storia della città di Roma nel Medio Evo», vol. Terzo, p. 699.

3) Подлинный актъ находится въ собраніи автора. Приобрѣтенъ въ Вѣнѣ.

4) Заранѣе прошу снисхожденія къ могущимъ быть ошибкамъ въ чтеніи (особенно помѣтъ). Документъ написанъ съ такими сокращеніями, что несмотря

«Exponitur S. V. pro parte deuoti uiri Giselberti dicti Sniders de Bouchout clerici Leodien[sis] || Dioc[esis] quod cum ipse ante et post quorumdam processuum apostolicorum incipien-
cium «cum in unica domini» || per sanctissimum dominum nostrum Urbanum diuina prouidentia papam VI factos et solempniter publicatos contra || R¹⁾. Antipapam et olim Cardin[alem] et nonnullorum aliorum processuum factos et publicatos contra quoscunque Sancte || Romane Ecclesie rebelles adherentes fauentes dicto R. Antipape cum quibus dictus exponens || in ciuitate Auinion[ense] stando et moram trahendo per sex menses uel quoniam tales quales || se nominabant nominauit cibo potuque loquela necnon ceterisque communibus actibus cum dictis scismaticis || preterquam in communione(?) participauit nec tamen dictum R. Antipapam uerum esse papam credidit nec aliquam ab || eo gratiam obtinuit. Supplicatur igitur c(?) S. V. per pr[ae]ces dicti exponentis quatenus ipsum dignemini a quacunque || excommunicationis sententia quam ex eo incurrit mandare.³⁾ absolui et super irre[gularia] (?) ante contracta || dispensare.

Fiat de spali². PR.

Abiuret in Camera.

Abiurauit in Camera a.⁴⁾».

На оборотъ акта помѣты:

«Hu. Stephani» и зачеркнуто что то очень неясное—(honesti viri?).

на то, что я воспользовался любезнымъ содѣйствіемъ уважаемаго И. И. Холдняка, нѣкоторые мѣста остались сомнительными.

1) «R.» = Robertum = папа Климентъ VII, который для Урбана VI конечно оставался съ тѣмъ именемъ, которое носилъ, когда былъ кардиналомъ.

2) Пропущено слово—«misericorditer?»

3) То есть «de gratia speciali». Этотъ терминъ см., напримѣръ, Denifle, l. c. № 589.

4) Не прочтено совершенно вылинявшее слово (а можетъ быть и два). Можно предположить послѣ а. (а съ точкой)—«penitentiarium», имѣя въ виду карди-

Ry. de Near. Pro Deo¹⁾.

Fr. Abb. (= *abbas*?)

R^{ta} per me Paulum doctorem(?) reg.²⁾ s-p.³⁾ III kl. Maii pontificatus domini Urbani pape VI anno septimo».

По датировкѣ регистратуры актъ опредѣляется совершенно точно 28 Апрѣля 1384 года⁴⁾.

Помѣта—«Fiat de speciali» (то есть de gratia speciali) сопровождается буквами—«PR», которыя по моему мнѣнію несомнѣнно указываютъ на фамилію папы—«Bartholomaeus P^{ri}gnano», что даетъ намъ доселѣ неизвѣстную автографическую резолюцію папы Урбана VI.

Провѣрить ее по документамъ тѣмъ труднѣе, что въ Ватиканскомъ архивѣ какъ разъ для времени папы Урбана VI большіе пробѣлы, регистровъ супплекъ совсѣмъ нѣтъ, а регистры буллъ сохранились въ незначительномъ количествѣ⁵⁾.

нала, носившаго званіе «*summus poenitentiarius*» («*poenitentiarius Ecclesiae Romanae*»).

1) То есть—«*gratis pro Deo*».

2) Предполагаю—«*registratorem*».

3) Предполагаю—«*supplicationum*».

4) Для сравненія съ настоящей супплекой приведемъ случай 1 Апрѣля 1394 года при папѣ Бонифаціи IX: «*Die prima mensis Aprilis sanctissimus pater et dominus noster dominus Bonifatius divina providentia papa VIII. pontificatus sui anno quinto mandavit michi Bartholomeo Francisci, regenti officium cancellarie sancte Romane ecclesie, quod non expedirem nec permitterem expedire litteras super quadam supplicatione pro Wilhelmo de Mokenborch, canonico Leodiensi, super archidiaconatu Hanonie in ecclesia Leodiensi per ipsum dominum nostrum signata, et dictam supplicationem mandavit ipse dominus noster ex certa scientia cancellari per me et etiam cassari de registro supplicationum apostolicarum et artari per me habentem ad reportandum eam michi sub penis consuetis*» (Erler, l. c., p. 204).

5) См. G. Palmieri: «*Ad Vaticani archivi Romanorum Pontificum Regesta manductio*» (Romae. 1884). Подробнѣе объ этомъ говоритъ Krofta въ предисловіи къ «*Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia*»—Tomus V: «*Acta Urbani VI et Bonifatii IX*» (pars I: 1378—1396), opera Camilli Krofta (Pragae. 1908. gr. 8°). На стр. II читаемъ: «*Explorare cupientibus, quo modo res in cancellaria Urbani VI se habuerit, magnum nobis impedimentum se obicit: registra supplicationum huius pontificis plane perdita sunt; series registro-*

Всѣ помѣты—одна на лицевой сторонѣ (*abingavit*) и пять на обратной, если и не всѣ сдѣланы разными руками, то во всякомъ случаѣ не менѣе какъ 4 почерками. Я не берусь опредѣлить чиновниковъ, которые ихъ писали, но сдѣлаю два предположенія. Во первыхъ въ «*de Neap.*» я предлагаю видѣть «*N. Neapoli*», упоминаемаго въ сборникѣ Теодорика де Ниемъ (= *Dietrich von Nieheim*) въ записи подъ 27 Августа какъ разъ того же 1384 года—«*N. Neapoli de speciali mandato domini nostri pape*»¹⁾. Буква *R*, должна толковаться въ смыслѣ «*R* (*escipe*)»²⁾.

Во вторыхъ, какъ кажется, можно найти «регистратора суппликѣ» доктора Павла.

Въ «*Liber cancellariae apostolicae*», манускриптѣ Теодорика де Ниемъ, имѣется записъ: «*Receptus fuit dominus Paulus Iohannis de Radicondolis de Senis, legum doctor, et iuravit die VI.*

rum Vaticanorum, quae in archivio Vaticano asservantur, nonnisi tres tomos registorum Urbani VI. continet [R. Vat. 310 (Urbani VI Secretorum a. III—V); R. Vat. 311 (Urb. VI Secretorum a. IX—XI); R. Vat. 312 (Urb. VI Secretorum a. XII., Bonifacii IX. De curia a. I. II.)]; in bibliotheca denique Vaticana exiguum tantum fragmentum originalis registri eiusdem papae asservatur (cod. Ottobon. 1443). Haec sunt plane omnia, quae e registris Urbani VI, qui plus undecim annos ecclesiae Romanae praeerat, ad nostra tempora pervenerunt. De registris igitur huius papae pauca tantum dici possunt. Urbani VI quoque tempore registra supplicationum modo sane haud multum differente ab illo, quem mox in registris supplicationum Bonifatii IX. cognoscemus, scripta fuisse certum est.

1) E. Erler: «*Der Liber Cancellariae Apostolicae vom Jahre 1380 und der Stilus Palatii Abbreviatus Dietrichs von Nieheim*» (Leipzig. 1888. 8°)—p. 206: «*Die XXVI. Augusti anno VII. receptus fuit in grossatorem litterarum apostolicarum Nicolaus Gilimberti Foroiuliensis diocesis loco Egidij Winans usque ad redditum dicti Winans nunc absentis et iuravit etc. N. Neapoli de speciali mandato domini nostri pape*». Можетъ быть это «magister Nicolaus Caffatinus de Neapoli» нотариусъ папы Бонифация IX (см. *ibidem*, p. 210).

2) См. Tangl: «*Schrifttafeln*», табл. 107. Не знаю, возможно ли другое толкованіе, что «*R. de Neap.*» означаетъ получение документа изъ Неаполя, гдѣ въ то время находился папа. Думаю, что такое толкованіе должно быть отвергнуто. Въ только что вышедшей цѣнной работѣ H. Kochendörffer'a: «*Päpstliche Kurialen während des grossen Schismas*» (въ «*Neues Archiv*» за 1905 г., Drittes Heft, стр. 551—601), находитъ еще «*D. de Neapoli*» и «*S. de Neapoli*», чиновниковъ папской канцеляріи конца XIV столѣтія. Къ сожалѣнію можно сказать вообще, что исторія папской канцеляріи еще не написана.

mensis Martij pontificatus domini Urbani pape VI anno VIII° 1).

Хотя эта запись и относится къ 6 Марта 1386 года, но въ текстѣ пропущено указаніе на какую должность былъ принять докторъ Павелъ (какъ въ послѣдующихъ — «in advocatum», «in auditorem sacri palatii» и т. д.), а чиновники папскіе принимали особія присяги при вступленіи въ каждую новую должность.

Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе даты подъ резолюціей папы — и датировка въ регистратурѣ требуетъ особаго объясненія.

Смыслъ и характеръ акта ясенъ — клирикъ, бывшій у антипапы Климента VII, который для Урбана VI просто «Robertus» антипапа, принимается на службу къ папѣ съ обрядомъ — «abjuret in Camera» 2).

Въ сборникѣ «Regule domini Urbani pape VI» имѣется постановленіе, которое, кажется, можетъ объяснить происхожденіе нашего акта:

«§ 23. Item ordinavit dominus noster dominus Urbanus papa VI—XV Kl. Julii pontificatus sui anno quinto, quod in litteris conficiendis super gratiis per quas aliqui olim adherentes antipape absolvantur vel restituantur ad honores vel ad bona, ponatur clausula quod ante omnia abiurent et forma abiurationis inseratur in litteris supradictis» 3).

Вотъ почему на суппликѣ и стоитъ «abiuret in Camera». Такъ какъ въ документѣ клирикъ лишь разрѣшается отъ грѣха пребыванія у антипапы, и не возстанавливается ad honores vel ad bona, то супплика и не попала въ датарію, почему датарій и не проставилъ обычной даты, что исполнено было уже регистраторомъ при внесеніи въ регистръ папскихъ сигнатуръ.

1) Egler, l. c., p. 208.

2) Климентъ VII также относился «къ урбанистамъ». Въ суппликахъ, обращенныхъ къ папѣ Клименту—Урбанъ VI именуется «perhändissimus Bartholomeus», см. Noël Valois: «Le grand Schisme en Allemagne de 1378 à 1380» (въ «Römische Quartalschrift», VII—1893, стр. 107—164).

3) Ottenthal, l. c., p. 51.

Издаваемая сублика не особенно типичный актъ для этого рода документовъ папской канцеляріи, но по своей исключительной рѣдкости она заслуживаетъ полнаго вниманія дипломатистовъ.

Выданъ ли былъ разобранный нами документъ на руки прощенному клирику, какъ удостовѣреніе этого прощенія? Весьма возможно именно потому, что на основаніи сублики не надо было составлять буллы.

20 Сент. 1906:

Примѣчаніе: Авторъ считаетъ не лишнимъ указать, что онъ намеренно употребилъ въ текстѣ такіе необычные термины, какъ «регистръ», «регесты», «вице-канцелярій» и нѣкоторые другіе, въ виду того, что — «реэстръ», «вице-канцлеръ» и т. д. по общепринятому ихъ значенію не вполне соответствовали сущности предмета.

Приложєніє.

Прошеніє Марчеллы Палона полов. XVI столѣтія.

«Santissimo Padre!

L'incluso memoriale fu dato alla Santita Vostra parecchij giorni sono disse uideatur in Camera. La Camera l'ha uisto con gran danno della mia pouertà. Io deuo scudi 216 per l'interesse di miei beni dotali del 1545 insino al 51 senza li scudi 200 che io son' stata defraudata della sorte principale et le spese della lite de anni XI fatte con detta Camera che ben' posso dire ch'e stata causa della mia ruina et della mia pouerta et non me uol dare se non scudi 50; si che la misericordia di Vostra Santita potrà giudicare quanto importa l'interesse della mia pouerta. Io mi serrei contentata di scudi cento doppo ch' io non posso rihauere li detti quattro scudi il mese per tre o quattro anni, come io ho detto nel mio memoriale, che mi fossero paghati li detti scudi cento, scudi XXV l'anno sopra le dette fraude, accio ch'io potesse mantenere doi pouere figliuole nel Monasterio che non me andasse à male et che imparasse qualche uirtù perche io non le posso aintare senza l'aggiuto della Santita Vostra. Io son certa se Vostra Santita fosse appieno informata della mia miseria et della mia pouertà mi farria piu gratia et piu elemosina che non mi fa la Reuerenda Camera. Et del tutto io rimetto alla Santita Vostra si degni farmi gratia per l'amor de Dio commettere à Mons^{re} Thesauriero che mi paghi quel tanto che parera et piacera alla Santita Vostra perche io lo riceuero per gratia et per elemosina sin-

gulare et me lo terro in patientia et io come indegna peccatrice et con le mie indegne orationi insieme con miei figliuole pregarò sempre l'altissimo Dio per la salute et longa uita di Vostra Santità.

D. V. Sta.

Humile et deuota serua

Marcella Palona.

Тѣмъ же каллиграфическимъ писарскимъ почеркомъ въ видѣ адреса на сложенномъ пакетомъ листѣ написано: «S^{mo} Dño Nro per l'espeditione dell'incluso memoriale». Между этими строками находится изложене просьбы и ниже резолюція—безъ подписи, но, какъ кажется, автографъ папы:

«Quod camera statuit exequutori mandetur».

Резюме заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Marcella Palona dette alli mesi passati à V. Sta. l'incluso memoriale doue lei domandaua 216 scudi che la Camera gli deuea in 4 anni e $\frac{1}{2}$ a ragione di scudi 4 il mese che gli hauea assignato per il gettito di una sua casa, senza li 200 scudi che lei e stata defraudata della sorte principale e le spese della lite di X anni che ha litigate con la Camera alla quale la S. V. rimese detto memoriale. La Camera ha ordinato che se gli diano 50 scudi domanda che al meno segli ne diano 100 accio possa sustentar doi figliuole femine nel monasterio che le riceuera per elemosina».

ОГЛАВЛЕНИЕ

приложенныхъ фототипическихъ таблицъ.

Таблица I. Бреве папы Пія V къ царю Ивану Грозному отъ
9 Августа 1570 года. *См. стр. 2.*

Таблица II. а) Адресъ бреве папы Григорія XI 1377 года.
См. стр. 16.

б) Сушлика 1384 года съ резолюціей папы Урбана VI.
См. стр. 164—165.

Таблица III. Обратная сторона сушлики 1384 года (съ записью
регистратора и хронологическою помѣтою).
См. стр. 164—165.

Таблица IV. Бреве папы Евгенія IV (три бреве 1443 и 1444 гг.).
См. стр. 27—36.

Таблица V. а) Приказъ папы Пія V за его собственноручною
подписью (1569 года). *См. стр. 93, 98.*

б) Адресъ на бреве папы Пія II 1462 года.
См. стр. 42.

Таблица VI. Письмо папы Пія IV къ правительницѣ Нидерлан-
довъ Маргаритѣ Австрійской (отъ 13 Іюля 1561 года).
См. стр. 65.

Таблица VII. Письмо папы Александра VI къ Виржинію Орсини.
См. стр. 66—70.

Таблицы VIII, IX и X. Cedulae consistoriales съ резолюціей папы Льва X—«Ita est. I.» и съ приложенной печатью «sub annulo Piscatoris» (1516, 1517 и 1520 годы). *См. стр. 76.*

Таблица XI. Motu proprio папы Пія V отъ 9 Февраля 1568 года. *См. стр. 93.*

Таблица XII. Собственноручное письмо папы Пія V къ герцогу Козмѣ Медичи отъ 30 Января 1569 года.

См. стр. 94.

Таблица XIII. Суплика 1496 года, подписанная въ присутствіи папы Александра VI кардиналомъ Антоніотто Паллавичини.

См. стр. 115.

Таблица XIV. Официальная копія съ суплики, подписанной папою Григоріемъ XIII 16 Сентября 1575 года (выдана изъ регистратуры супликъ).

См. стр. 147.

Таблица XV. Суплика, подписанная папою Сикстомъ IV 22 Сентября 1475 года.

См. стр. 151—152.

Таблица XVI. Обратная сторона суплики, подписанной папою Сикстомъ IV 22 Сентября 1475 года.

См. стр. 151—152.

Таблица XVII. Суплика 1461 года съ собственноручною резолюціею папы Пія II.

См. стр. 152—153.

Таблица XVIII. Обратная сторона суплики 1461 года, подписанной папою Піемъ II.

См. стр. 152—153.

Таблица XIX. Письмо Энея Сильвіо Пикколомини (папы Пія II) отъ 28 Февраля 1431 года.

См. стр. 157.

Таблица XX. Бреве папы Пія II отъ 25 Ноября 1458 года (противъ оригинала уменьшено приблизительно до $\frac{2}{3}$).

См. стр. 158.

Таблица XXI. Собственноручная приписка папы Пія II на бреве отъ 25 Ноября 1458 года (снято въ величину подлинника).

См. стр. 158.

Таблица XXII. Суплика съ собственоручною резолюціею папы
Евгенія IV (1431—1447). *См. стр. 162.*

Кромѣ того къ стр. 80 приложенъ фототипическій снимокъ съ перваго листа старѣйшаго изданія «Regulae Cancellariae Apostolicae», относящагося къ 1469 году. Факсимиле сдѣлано съ весьма рѣдкаго экземпляра этой книжки, поступившаго въ Императорскую Публичную Библіотеку изъ Библіотеки князей Голицыныхъ, см. въ каталогѣ, составленномъ г. Гинсбургомъ и напечатанномъ въ Москвѣ въ 1866 году, подъ № 45 («ex. proven. du Cabinet du Cte Alexis Goloukin»). Авторъ каталога справедливо отвергъ показанія библіографовъ о форматѣ in 4° и на основаніи строенія бумаги (vergesures) опредѣлилъ: «Pet. in folio de 32 ff. à 34 l.», что въ свою очередь ошибочно. По положенію филигрانی видно, что книга издана въ форматѣ in 8° бумаги двойного формата, почему и казалась изслѣдователямъ кварталомъ. «Regule Cancellarie Sanctissimi Domini nostri Domini Pauli divina providentia pape Secundi» — извѣстны не менѣе какъ въ 5 изданіяхъ, но то, съ котораго снятъ снимокъ, является древнѣйшимъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ узаконеній позднѣе 1468 года. Описание см. Graesse «Trésor», V, 173, VIII, 456; Cerroti, № 9154.

^s
V

in perlat.
s. fac. p. t.
ip. inter
eqs omni
cibus paz

Таблица III.

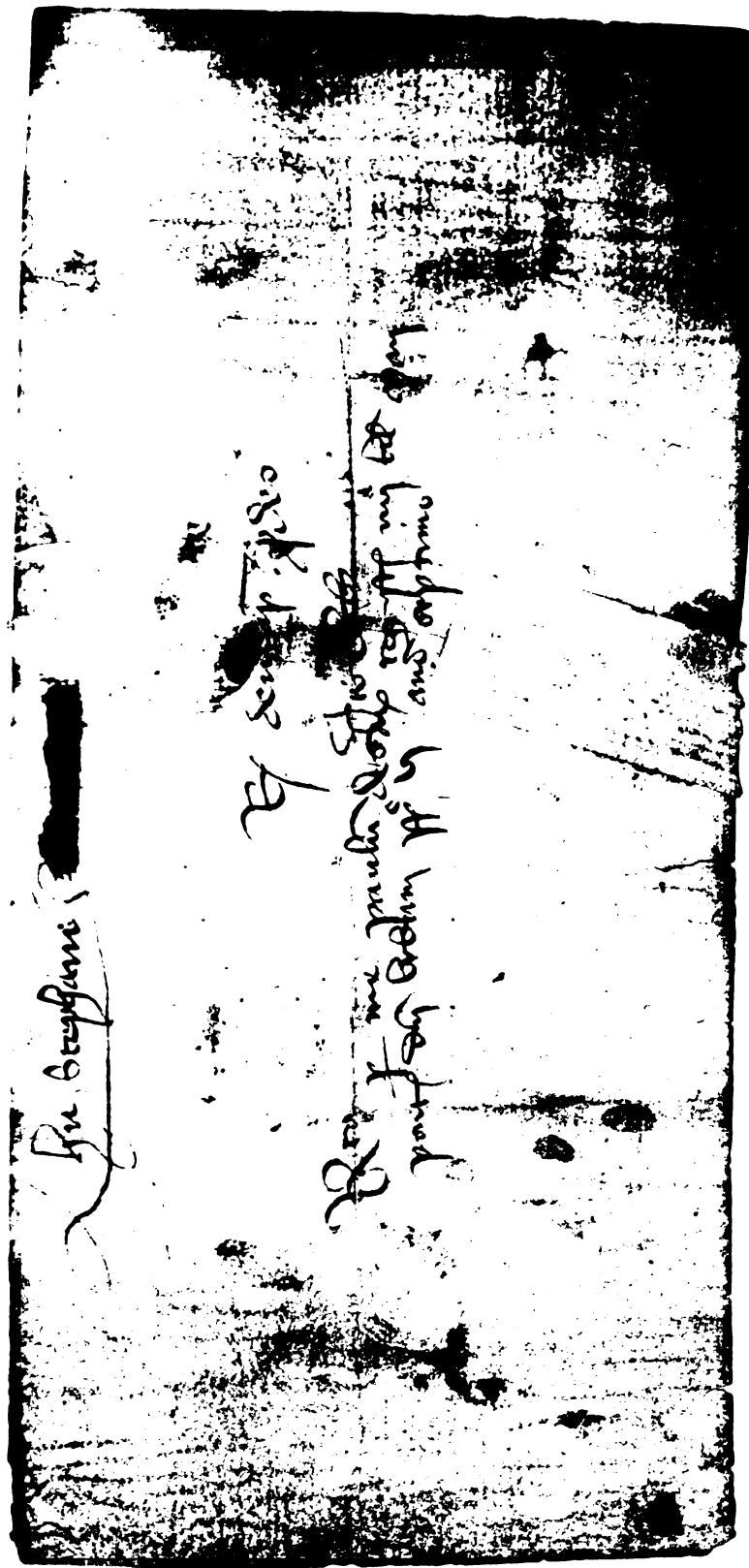

ФОТО И. А. ДРАБАНСКИХ И А. Ф. ДРЕССЕР, СЛ. 6. МАЯНЧЕВСКАЯ 27

Обратная сторона сублики 1384 года.

Таблица IV.

Michael zuno eccellente tuo: mo nomine mandanda
domini: Et infirmis ad nomine xpiam amplexudinem
inimicum mentes apponere debet: Et qm nihil aliud
ea debet executioni demandare student itez atq
sub anulo mo secreto die .iii. Septembris Martij
Quartodecimo

реве папы Пія II 1462 года.

Пря

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 7.

ПОВѢСТИ

0

МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

~~~~~

С. ШАМВИНАГО.

—»«—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Апрѣль 1906 г.

Непрерывный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Я прослѣдилъ, по мѣрѣ возможности, литературную исторію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Отъ сухого изложенія *Лѣтописной Повѣсти*, передававшей событіе по установленнымъ формуламъ, скудной содержаніемъ (голые и неполные историческіе факты), сюжетъ попадаетъ въ лирическую обработку, исполненную по образцу лучшаго поэтическаго памятника Руси. *Повѣданіе* на первый планъ ставитъ поэтическое изложеніе, а не историческій рассказъ, и тѣмъ не менѣе вводитъ новую историческую подробность — указаніе на 2 момента боя. Но ни тотъ, ни другой памятникъ, въ силу своей односторонности, не удовлетворили запросовъ читателей: является на смѣну — *Сказаніе*, умѣло воспользовавшееся съ одной стороны — матеріаломъ *Лѣтописной Повѣсти*, развивая на основаніи преданій то, о чемъ послѣдняя говорила глухо, съ другой — постепенно вводя въ большее обращеніе поэтическій матеріалъ *Повѣданія*. Измѣняясь съ теченіемъ времени, редакціи *Сказанія* вводили въ изложеніе все новыя и новыя запасы накопившихся преданій о Куликовской битвѣ, почти никогда не провѣряя ихъ критически. *Сказаніе* разрасталось въ объемѣ, переходя изъ лѣтописнаго изложенія въ историческій романъ. Рядъ удачныхъ нововведеній — украшеніе повѣствованія обильными вставками изъ *Повѣданія*, подстановка имени Ольгерда вм. Ягайла — обезпечили памятнику широкое распространеніе, и *Сказаніе* въ XVI и XVII вѣкахъ вытѣснило всѣ прежнія обработки этого сюжета. Въ послѣдовательномъ развитіи редакціи *Сказанія* отражали на себѣ

всю перемену въ общественномъ и политическомъ міровоззрѣніи: отъ прославленія единичныхъ духовныхъ правителей (Кипріановская тенденція), Сказаніе постепенно проводило или провиденціально-поучительную точку зрѣнія, или идею преемственнаго перехода московской государственной власти изъ Византіи, или отражало на себѣ боярское холопство XVII вѣка.

Повѣсти жили очень долгое время — съ XV до половины XIX вѣка. Списки ихъ и теперь встрѣчаются на громадномъ пространствѣ: нѣтъ книгохранилища безъ того, чтобы тамъ не находилась та или иная повѣсть. Рукописи въ большомъ количествѣ изготовлялись на продажу, иллюстрировались, читались, очевидно, всѣми классами общества, внимательно относившимися къ изложенію (появленіе интерполяцій). Отражая на себѣ перемены въ общественной и политической жизни (редакціи XVI вѣка), повѣсти становились произведеніемъ вполне современнымъ, и это обстоятельство еще болѣе расширяло кругъ ихъ читателей. Передѣлки позднѣйшей (четвертой) редакціи Сказанія показываютъ, какъ изощрялись редакторы, стараясь придать все болѣе и болѣе новизну содержанію. Популярность повѣстей вынесла ихъ изъ предѣловъ московскаго государства, явились западно-русскія обработки, южно-русскія (Синописи): Сказаніе становится произведеніемъ обще-русскимъ.

Вводя въ содержаніе матеріалъ, представляемый устными преданіями, повѣсти пользуются кромѣ того всѣмъ запасомъ тогдашней письменности: редакторы цитируютъ различныя книги священнаго писанія, знакомы со множествомъ житій святыхъ, мимо нихъ не проходитъ ни одинъ крупный литературный памятникъ (напр. Александрія, Повѣсть о взятіи Цареграда и пр.).

Въ свою очередь повѣстями пользовались и другія выдающіяся литературныя произведенія того времени. Постоянно цитируетъ Сказаніе «Исторія о Казанскомъ царствѣ» (сама, можетъ быть, повліявшая на его послѣдующія обработки): «и толикъ бысть плачь... яко же отъ Мамая на Дону побитыхъ»;... «нынѣ вжалаетъ быти небеснымъ граждане, якоже

иногда бысть Богомъ данная побѣда прародителю нашему великому князю Дмитрею Ивановичю за Дономъ, безбожнаго Мамаю одолѣ»; ... «яко дарова Богъ ему сыну в прародителя его мѣсто, великаго князя Дмитрея Ивановича, иже показа великую побѣду и одолѣнія на безбожнаго Мамаю за Дономъ»... и т. д.

Со Сказаніемъ знакомо и написанное въ 1606 году «Иное Сказаніе»: въ описаніи битвы съ Самозванцемъ подъ Сѣверскимъ градомъ, приведя формулу боя, авторъ заявляетъ: «И брань зѣло страшна бысть, яко же и на Дону у великаго князя Дмитрея съ Мамаемъ, *ужаса и страха полна та бѣше борьба*», — вотъ какое впечатлѣніе оставляло Сказаніе.

Ни одинъ историкъ литературы не можетъ обойти повѣстей безъ вниманія. На нихъ отразилась вся эволюція древней русской литературы. Онѣ останавливаютъ изслѣдователя и со стороны стилистической: риторическія украшенія отражаютъ въ себѣ всю смѣну литературныхъ направленій и школъ, вставки изъ Повѣданія, изъ устной народной поэзіи знакомятъ съ эстетическимъ развитіемъ редакторовъ; знаменія, видѣнія, прорицанія, примѣты — вводятъ въ кругъ наивныхъ христіанскихъ вѣрованій и двоевѣрныхъ представленій. Развитіе діалоговъ, ненужная многословность позднѣйшихъ обработокъ указываютъ на паденіе литературнаго изложенія, или на переходъ его въ иныя формы (позднѣйшія обработки появляются незадолго до южно-русскаго, а потомъ и западнаго вліянія на литературу).

Значеніе и достоинство повѣстей было вполне оцѣнено современниками: Лѣтописная Повѣсть — постоянна въ лѣтописяхъ XV—XVI вѣка, первая редакція Сказанія попала въ Никоновскій сводъ, передѣлка четвертой — въ Синописъ. Памятникъ былъ интересный и понятный: трудно усвояемое Повѣданіе не вошло въ лѣтописные своды.

Заслуживаютъ вниманія повѣсти и какъ историческій источникъ: сухая Лѣтописная Повѣсть давала канву разсказа, Сказанія сообщали рядъ свѣдѣній, которыхъ нельзя игнорировать историку. Послѣдній долженъ разобраться во всѣхъ извѣстіяхъ

и толкахъ, вошедшихъ въ повѣствованіе въ видѣ преданій. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія указанія на 2 момента боя, на роль засаднаго полка, на распределение воеводъ на полѣ битвы, на случай съ великимъ княземъ; упоминаемые въ повѣстяхъ князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе, существованіе которыхъ даже оспаривалось нѣкоторыми историками, восходятъ къ концу XIV — началу XV вѣка. Со стороны быта, наконецъ, повѣсти дають богатый и еще неиспользованный матеріалъ.

Моя работа, конечно, сказала далеко не все объ исторіи этого памятника. Я знаю, какіе вопросы у меня или мало, или вовсе незатроуты; но окончательный разборъ всѣхъ списковъ (они очень разнообразны, какъ я укажу) въ сущности долженъ привести къ широкому изслѣдованію, посвященному вообще исторіи русской литературы, такъ какъ послѣдняя, для древняго періода, сводится къ исторіи постепенной смѣны редакцій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- Глава I. Обзоръ литературы . . . . . 1—47
Взглядъ Щербатова, Стриттера, Карамзина, м. Евгения, Арцибашева. — Свидѣтельство Калайдовича объ открытіи Тимковскимъ особой повѣсти. — Лекціи Давыдова. — Строевъ. — Историко-литературное изученіе повѣстей: работы Снегирева, Дубенскаго. — Находка Повѣданія. — Изданіе Бѣляева. — С. М. Соловьевъ. — Работа Назарова. — Изданіе Кирилло-Бѣлозерскаго списка. — Работа Срезневскаго по Повѣданію. — Преосв. Филаретъ. — Шевыревъ и его точка зрѣнія. — Милуковъ. — Буслаевъ и его послѣдователи. — Полевой. — Редакція повѣсти въ Хронографѣ. — Бестужевъ-Рюминъ. — Работы Смирнова, Хрущова и Ровинскаго. — Лекціи О. Миллера. — Д. Иловайскій. — Изслѣдованіе Тимофѣева. — Е. Барсовъ. — Изданіе третьяго списка Повѣданія. — А. А. Шахматовъ и его взглядъ на Лѣтописную повѣсть. — Х. Лопаревъ. — Выводы.
- Глава II. Лѣтописная Повѣсть . . . . . 48—83
Два основныхъ типа. — Списки, содержащіе повѣсть краткаго типа. — Списки, содержащіе повѣсть распространеннаго типа. — Характеристика послѣдняго. — Первоначальный видъ повѣсти. — Сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ 2 редакціи. — Вліяніе Синодиковъ. — Повѣсть въ Софійскомъ и Воскресенскомъ сводахъ. — Время составленія и литературная исторія повѣсти. — Схема повѣсти. — Сокращенія ея.
- Глава III. Повѣданіе, писаніе Софоніи . . . . . 84—184
Вопросъ о названіи. — Списки Повѣданія. — Ихъ характеристика и разборъ отношенія къ протографу. — Характеристика отрывковъ изъ Повѣданія. — Дѣленіе ихъ на группы и отношеніе ихъ къ основному тексту. — Предполагаемый основной текстъ. — Отношеніе плана Повѣданія къ плану Слова о полку Игоревѣ. — Причина появленія Повѣданія. — Имя автора. — Время возникновенія. — Выводы.
- Глава IV. Сказаніе первой редакціи . . . . . 185—186
Вопросъ о названіи. — Характеристика списковъ. — Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти. — Повѣсти лѣтописей Дубровскаго и Архивской Ростовской. — Характеристика вставныхъ эпизодовъ. — Тенденціозность. — Работа редактора Никоновскаго свода. — Отношеніе Сказанія къ повѣсти о Темирѣ-Аксакѣ. — Время составленія и литературная исторія 1 редакціи.

VIII

Глава V. Сказаніе второй редакціи	186—220
Характеристика списковъ. — Сокращенія и измѣненія противъ 1 редакціи. — Въ чемъ выразилась редакторская работа. — Отсутствие тенденціи 1 редакціи. — Характеристика дополненій. — Повѣсть о приходѣ Ольгердовичей. — Заимствованія изъ Повѣданія. — Время возникновенія и литературная исторія 2 редакціи.	
Глава VI. Сказаніе третьей редакціи	221—312
Характеристика списковъ. — Главныя особенности 3 редакціи. — Характеристика основныхъ списковъ Т и У. — Дѣленіе списковъ на группы. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка У. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка Т и дѣленіе ихъ. — Общая характеристика 3 редакціи. — Особенности ея списковъ. — Источники 3 редакціи.	
Глава VII. Сказаніе четвертой редакціи	313—349
Характеристика списковъ и дѣленіе ихъ на группы. — Отличительныя вставки 4 редакціи. — Дѣленіе ея на главы. — Паденіе поэтической традиціи. — Особенность 1 группы. — Особенность 2 группы списковъ и ея отношеніе къ основному тексту. — Сокращенные списки. — Общая характеристика 4 редакціи. — Время возникновенія.	
Глава VIII. Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей	350—375
Дѣленіе передѣлокъ на группы. — Повѣсть Архангелогородскаго лѣтописца. — Повѣсть Степенной Книги. — Сокращеніе 1 редакціи. — Западно-русская обработка. — Повѣсть помѣщенная въ Синописиѣ. — Вліяніе Синописи на позднѣйшія повѣсти.	
Тексты Сказанія.	
II-я редакція	3— 37
III-я редакція	38— 78
IV-я редакція	74—128
Передѣлка IV-й редакціи	129—167
Западно-русская обработка	168—190

ПОВѢСТИ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ стали предметомъ историко-литературнаго изученія только съ начала XIX в., хотя историкамъ XVIII в. онѣ были извѣстны. У послѣднихъ, какъ говоритъ акад. А. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, I, 26), уже являлась мысль съ извѣстною точностью выяснить связь и значеніе фактовъ русской исторіи, дать истолкованіе старымъ сказаніямъ, которыя только механически повторялись древними книжниками. «Многое изъ исторической старины, забытое въ московской книжности, являлось вновь на свѣтъ, какъ настоящее открытіе».

Кн. Щербатовъ въ своей Исторіи¹⁾, въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, слѣдовалъ разсказу, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи и Синописѣ. Изложеніе историка заключалось въ передачѣ текста съ долей критическаго къ нему отношенія. Скептицизмъ кн. Щербатова, правда, не пошелъ далѣе отрицанія нѣкоторыхъ частныхъ, нарушавшихъ, по его мнѣнію, естественный ходъ событій. Такъ имъ выдѣлены въ примѣчанія—

---

1) Кн. Щербатовъ. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1781. Т. IV.

эпизодъ съ примѣтами Дм. Волынца и рассказы о видѣніяхъ разныхъ лицъ во время битвы, какъ невѣроятныя событія. Возбуждали въ немъ сомнѣніе имена нѣкоторыхъ князей изъ числа пришедшихъ Дмитрію Донскому на помощь, также численность войска (которую онъ считалъ въ 200, а не въ 400 тысячъ), наконецъ—ему казался неправдоподобнымъ рассказъ о томъ, какъ Дм. Волынецъ выжидалъ попутнаго вѣтра, чтобы броситься на враговъ изъ засады (по мнѣнію историка, здѣсь была просто уловка хитраго предводителя, ожидавшаго удобнѣйшаго момента боя). Вотъ все, что сдѣлалъ кн. Щербатовъ относительно критики текста. Пускаясь въ длинныя объясненія каждаго собственнаго имени, встрѣчающагося въ рассказѣ, историкъ доказалъ этимъ крайне довѣрчивое отношеніе къ имѣвшемуся у него сводному тексту повѣсти.

Кн. Щербатову слѣдовалъ во взглядахъ Ив. Стриттеръ¹⁾. Главной заслугой его слѣдуетъ признать то, что еще задолго до Тимковского онъ ввелъ въ обращеніе рукописный источникъ повѣствованія о походѣ Дмитрія на Мамая. По его собственнымъ словамъ, онъ «употребилъ, кромѣ приводимыхъ доннынѣ лѣтописей, рукописное описаніе сего похода на руссiйскомъ языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, которое въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ № 6 находится, и съ которымъ повѣствованія Кіевскаго Синописа во многомъ весьма согласуются». (Прим. на стр. 434). Въ число «извѣстныхъ» лѣтописей входятъ Ростовская и Типографская. Далѣе пересказа содержанія авторъ не пошелъ; важно только то, что въ изложеніи Стриттеръ, главнымъ образомъ, держался текста архивскаго списка, того самаго, который позже былъ принятъ Снегиревымъ въ число варіантовъ къ изданному имъ «Повѣданію» по списку Тимковского.

Вотъ все, что представляетъ XVIII в. по данному вопросу. Въ XIX-мъ уже выступаютъ изслѣдователи, подготовленные

1) Ив. Стриттеръ. Исторія руссiйскаго государства. Спб. 1801. Т. II.

школой Шлецера. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, школа эта была склонна къ преувеличенію: изслѣдователи строили свой критическій анализъ на скептицизмѣ, а не на точномъ изученіи текстовъ.

Этотъ скептицизмъ особенно ярокъ въ главнѣйшемъ представителѣ Шлецеровоѣ школы — Карамзинѣ, который въ своей Исторіи касается и критики текста повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ ¹⁾.

Историкъ дѣлитъ описаніе битвы съ Мамаемъ на двѣ редакціи, которыя лучше бы называть категоріями: 1) носитъ дѣйствительно историческій характеръ и находится въ Ростовской и другихъ сходныхъ съ ней лѣтописяхъ, 2) — болѣе пространная повѣсть, помѣщена въ Никоновской лѣтописи и Синописи, эта — исключительно баснословна. Первую Карамзинъ положилъ въ основу своего историческаго повѣствованія, о второй же упоминалъ и приводилъ выдержки только «для любопытнаго читателя». Основываясь на одномъ знакомомъ ему спискѣ повѣсти библіотеки гр. Толстого, Карамзинъ считалъ вторую редакцію составленной рязанскимъ іереемъ Софроніемъ въ исходѣ XV вѣка. Что этотъ редакторъ или составитель не былъ современникомъ описываемому имъ событію, доказательствомъ, по мнѣнію Карамзина, служатъ многочисленные анахронизмы и несообразности въ изложеніи. Во время побоища, напримѣръ, Кипріанъ еще не былъ митрополитомъ; образъ Богоматери, писанный Лукой, привезенъ въ Москву при сынѣ Дмитрія Донскаго; бѣлозерскихъ князей на самомъ дѣлѣ было два, а не восемь; имена остальныхъ князей — участниковъ битвы или перебиты или вымышлены; Евдокія, говоритъ повѣсть, пошла въ теремъ со снохою, но въ 1380 г. послѣдней еще не было; 28 августа названо субботой, но въ тотъ годъ оно приходилось во вторникъ и пр. (Послѣднее замѣчаніе еще ранѣе Карамзина сдѣлалъ Стриттеръ, см. прим. на стр. 450 II тома).

1) Примѣчанія къ V т. Исторіи Государства Россійскаго, 65, 71—76, 79—81, 85.

Кромѣ Толстовскаго Карамзину были извѣстны еще два списка второй «редакціи», какъ онъ называлъ «сказочной», именно Синодальной библіотеки №№ 365 и 529. Несомнѣнно, историкъ читалъ ихъ, даже отмѣтилъ, что списки второй категоріи несогласны между собою; но далѣе вышеприведенныхъ заключеній онъ не пошелъ. Горячій поклонникъ Шлецера, Карамзинъ проникся его скептицизмомъ и оказался далеко не безпристрастнымъ литературнымъ критикомъ. Отвергая вполне всѣ свидѣтельства пространной повѣсти, онъ слишкомъ довѣрился лѣтописной. Судя по выдержкамъ изъ лѣтописной повѣсти, приведеннымъ въ примѣчаніяхъ, утерянная Ростовская лѣтопись, въ той части, гдѣ она говоритъ о Куликовской битвѣ, принадлежала къ разряду такихъ, какъ Софійская I, Воскресенская, а рассказъ послѣднихъ о побойщѣ отнюдь не можетъ быть названъ дѣйствительно историческимъ повѣствованіемъ.

Взглядъ Карамзина на повѣсти о Мамаевомъ побойщѣ долгое время былъ авторитетнымъ для большинства историковъ. Митрополитъ Евгеній, дойдя въ своемъ Словарѣ ¹⁾ до имени Софронія, писалъ: «Софроній, священникъ рязанскій XV вѣка, сочинилъ Исторію или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамаю съ безчисленными Агаряны. Повѣсть сія внесена въ Никоновскую лѣтопись, а особый списокъ есть въ Патріаршей библіотекѣ». Вотъ все, что сказано имъ о Софроніи и вообще о повѣсти. Неизвѣстно, на какой списокъ намекалъ митрополитъ Евгеній, такъ какъ въ Патріаршей библіотекѣ — не одинъ. Нетрудно видѣть, что вышеприведенное извѣстіе цѣликомъ основано на Карамзинѣ, а не на собственномъ изысканіи.

Совершенно то же повторилъ Арцыбашевъ ²⁾. Въ главѣ «Просвѣщеніе» авторъ говоритъ, что Побойще великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ сочинено рязанцемъ іереемъ Софроніемъ. Авторство послѣдняго Арцыбашевъ вмѣстѣ

1) М. Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Спб. 1827. Т. II.

2) Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. М. 1898.

съ Карамзиннымъ основывается на свидѣтельствѣ все той же рукописи гр. Толстого.

Толчкомъ къ болѣе детальному изученію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ послужилъ вопросъ о подлинности Слова о полку Игоревѣ, сдѣлавшійся особенно острымъ въ концѣ первой четверти XIX вѣка, — скептицизмъ шелъ изъ той же школы. Какъ извѣстно, нѣкоторые выраженія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ чрезвычайно близко напоминаютъ подобныя въ Словѣ. Съ этихъ поръ повѣсти, вѣрнѣе, одинъ видъ ихъ, получившій у изслѣдователей названіе «Повѣданія», являются неразлучными спутниками послѣдующихъ работъ по Слову о полку Игоревѣ. Съ этихъ поръ «Повѣданіе» становится предметомъ изученія, и если это изученіе далеко не было обстоятельнымъ, то причина заключалась въ томъ, что главное вниманіе изслѣдователей все-таки лежало на Словѣ.

Но какъ бы то ни было, интересъ къ повѣстямъ пробудился настолько, что о нихъ стали говорить какъ о какомъ то новомъ, долготѣ неизвѣстномъ памятникѣ литературы.

Въ 1818 году Калайдовичъ писалъ ¹⁾: «Скоро появится новый пѣвецъ побѣды Дмитрія Донского надъ Мамаемъ, который силою выраженій, красотою слога и близкимъ сходствомъ съ пѣснію Игоревою открываетъ въ себѣ совершеннаго подражателя оной». Желая обратить вниманіе общества на литературныя достоинства памятника, прославлявшаго Куликовскую битву, Калайдовичъ, нѣсколько позже — въ 1820 году, повторилъ то же, но полнѣе, въ другой своей статьѣ ²⁾. Перечисляя работы покойнаго Романа Ѳеодоровича Тимковского, Калайдовичъ останавливается на одной, неоконченной, состоявшей въ примѣчаніяхъ на «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донского». Это «драгоценное» сочиненіе, какъ

1) Опытъ рѣшенія вопроса, на какомъ языкѣ написана Пѣснь о полку Игоря. (Труды О-ва Люб. Р. Слов. 1818, XI).

2) О трудахъ проф. Тимковского по русской исторіи. *Вѣстникъ Европы*, 1820, VI.

увѣряетъ авторъ, было *найдено* Тимковскимъ въ рукописи XVII вѣка, но не въ томъ видѣ, который предлагается какъ историческое повѣствованіе въ лѣтописяхъ. Оно нѣсколько согласнo съ другимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ по рукописямъ, и написано въ пѣтической прозѣ. Нѣкоторыя мѣста сей героической пѣсни имѣютъ сходство со Словомъ о полку Игоря, изъ коего, повидимому, оныя заимствованы. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ пѣтческаго восторга, обращается къ Бояну, соловью древняго времени, ожидая отъ него вдохновенія: пѣвецъ же Дмитріевъ призываетъ нѣкоего Урана¹⁾ для одушевленія предмета, имъ воспѣваемаго. Первый воспѣваетъ Курчанъ опытными кметями (наѣздниками), повѣтыми подъ звукомъ трубъ, взлетѣлыми подъ шлемами, вскормленными концами копій; вторый также описываетъ московское воинство. Въ пѣсни Игоревой Всеславъ представленъ необыкновеннымъ человекомъ, въ повѣсти о побѣдѣ Дмитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ, предприимчивымъ волхвомъ Дмитрій Волинецъ. Наконецъ, вмѣсто супруги Игоря у пѣвца Дмитріева описана Евдокія, жена великаго князя, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ, надъ рѣкою Москвою, пригорюнившись, въ сѣтованіи о разлукѣ съ ея любезнымъ Дмитріемъ. И самыя слова, изъ пѣсни Игоревой взятая: харалужный, стягъ, галица и другія, въ послѣдней нерѣдко встрѣчаются.

За Калайдовичемъ остается заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе изслѣдователей на повѣсть, какъ на литературное произведеніе. Но относительно «открытія» Тимковскимъ новаго памятника Калайдовичъ нѣсколько увлекся. Случившееся незадолго до того открытіе Слова о полку Игоревѣ несомнѣнно заставило Калайдовича усмотрѣть въ бумагахъ Тимковского еще новую находку. Между тѣмъ изъ предыдущаго изложенія видно,

---

1) Этотъ «Уранъ» (Сія повѣдай, Оуранъ . . . , по изд. Снегирева) дожилъ до самаго поздняго времени, хотя представляетъ несомнѣнную ошибку въ чтеніи рукописи; слѣдовало читать — «бранъ», и текстъ читался такъ: «Сія побѣда и бранъ» . . .

что то же самое произведеніе, только по другимъ спискамъ, было извѣстно Стриттеру и Карамзину. Должно быть Калайдовичъ не зналъ этого; онъ непосредственно за Тимковскимъ признавалъ заслугу открытія Повѣданія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Тимковскому¹⁾: «Въ одной лѣтописи Синодальной библіотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донского съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною, исключая того, что въ первой пропущены многія пѣтическія мѣста, находящіяся во второй». Это неправда, потому что, во-первыхъ, списки Синодальной библіотеки не лишены мѣстъ поэтическихъ, во-вторыхъ — когда это «найденное» произведеніе было напечатано, а затѣмъ повторено въ рядѣ изданій, то однимъ изъ варіантовъ для списка Тимковского послужила, какъ уже указано, извѣстная Стриттеру Архивская рукопись. Итакъ, для повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ вопроса объ открытіи быть не могло. Въ этомъ случаѣ замѣтки Калайдовича только сбивали съ толку и современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей. Тотъ же Н. П., авторъ статьи въ *Сынѣ Отечества*, спрашиваетъ въ примѣчаніи: «Слѣдовательно Р. Θ. Тимковскому обязаны мы находкою пѣсни о Куликовской битвѣ?».

Но еще прошло много времени, прежде чѣмъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ послужили предметомъ научной работы. Еще въ 1834 г. проф. Давыдовъ²⁾ повторялъ карамзинскія заключенія: «Къ роду повѣствованій о Татарахъ, говоритъ онъ, относится и Софроніева повѣсть о Мамаѣ... плачь Евдокіи обличаетъ въ ней сочинителя іерея»... (стр. 503). Выше онъ называетъ этого іерея рязанцемъ. Кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, приведенныхъ профессоромъ для ознакомленія со «среднимъ» русскимъ языкомъ, о памятникѣ не сказано ни одного слова.

1) См. *Сынъ Отечества*, 1839, VIII, статья Н. П.: Любопытныя замѣчанія къ Слову о полку Игоревомъ.

2) Лекція проф. Давыдова: «Составныя начала и направленіе средней отечественной словесности». Уч. Зап. Моск. Унив. 1834, III.

Благодаря краткой замѣткѣ, сдѣланной въ томъ же году Строевымъ ¹⁾, исторія памятника не только не подвинулась впередъ, но еще болѣе затемнилась. Основываясь на извѣстномъ ему Едомскомъ лѣтописцѣ, авторъ считалъ повѣсть написанной въ половинѣ XVI вѣка священникомъ *Софроніемъ*. Доказательствъ, почему Строевъ считалъ такую хронологическую дату правильной, не приведено; что же касается новаго наименованія автора повѣсти, то эта двойственность: Софроній-Софоній явилась источникомъ долгихъ споровъ и догадокъ о настоящемъ имени составителя.

Первый, кто подвергъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ болѣе или менѣе детальному изученію, былъ И. Снегиревъ. Выводы свои онъ изложилъ въ предисловіи, написанномъ къ изданію «Повѣданія и сказанія о побоищѣ в. к. Дмитрія Донского, Слова о житіи и преставленіи его и Слова о полку Игоревѣ» ²⁾. Съ этихъ поръ пространная повѣсть, названная Карамзинымъ баснословной, получаетъ прочно за ней установившееся названіе «Повѣданія», въ отличіе отъ другихъ повѣстей на ту же тему ³⁾. Этотъ же терминъ будетъ принятъ мною и въ настоящемъ изложеніи ⁴⁾.

Снегиревъ сдѣлалъ свое изданіе по пяти извѣстнымъ ему спискамъ: 1) Тимковского, 2) Снегирева, 3) Ермолаева, 4) кн. Оболенскаго (Архивскій), 5) Царскаго, лицевой. Всѣ эти списки, различные по подробностямъ, считаются имъ одной редакціи.

1) Указаніе матеріаловъ отечественной исторіи. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1834, II.

2) Рус. Ист. Сборникъ III, кн. 1. М. 1838.

3) Содержаніе Повѣданія, по Снегиреву, таково: Вступленіе; приготовленія къ битвѣ; выступленіе и смотръ войска; раскаяніе Олега и Ольгерда; переходъ черезъ Донъ; построеніе войска въ боевой порядокъ; примѣты Дмитрія Волынца; битва; заключеніе. Между этими частями вставлены эпизоды, связанные искусственными переходами.

4) Я оставляю терминъ «Повѣданіе» только въ настоящей главѣ для обозначенія пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, чтобы избѣжать неясностей. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи я предложу замѣнить этотъ терминъ инымъ на основаніи имѣющихъ быть указанными соображеній.

Въ основаніе издателемъ положенъ списокъ Тимковского, считае́мый имъ древнѣйшимъ, хотя онъ относится къ XVII вѣку. Въ вопросѣ о времени составленія Снегиревъ относилъ первоначальную редакцію Повѣданія къ XV вѣку и предположительно указалъ на двѣ послѣдующія переработки: при митр. Макаріи и во время польскаго лихолѣтя. Основываясь на томъ, что странно отъ рязанца ожидать, чтобы онъ надѣлялъ бранными эпитетами своего же князя Олега, Снегиревъ думалъ, что составитель Повѣданія скорѣе какой-нибудь владимирецъ или ростовецъ. Объ его имени издатель не сказалъ ничего, такъ что вопросъ о Софроніи-Софоніи остался открытымъ.

Конечно, Снегиревъ не оставилъ издаваемого имъ памятника безъ того, чтобы не сравнить его со Словомъ о полку Игоревѣ. Съ этой цѣлью имъ приложенъ къ изданію текстъ послѣдняго. Изъ сравненія и разбора содержанія Снегиревъ пришелъ къ заключенію, что Повѣданіе проникнуто христіанскимъ духомъ, изобилуетъ вставками, затѣйливо и поэтично, но хуже Слова.

Очень кратко коснулся Снегиревъ Лѣтописной повѣсти. Онъ отдѣлилъ ее отъ Повѣданія, указавъ, что повѣсть, помѣщенная въ Софійскомъ временникѣ, не носитъ слѣдовъ подражанія Слову о полку Игоревѣ.

Итакъ, въ вопросѣ о времени первоначальной редакціи Снегиревъ слѣдуетъ Карамзину. Новой и оригинальной въ предисловіи слѣдуетъ признать мысль автора, хотя высказанную бездоказательно, о возможности послѣдовательныхъ переработокъ текста Повѣданія. Авторъ насчитывалъ три редакціи: XV вѣка, затѣмъ — при Макаріи, наконецъ — начала XVII вѣка. Къ сожалѣнію, никто изъ изслѣдователей не занялся провѣркой или доказательствомъ справедливости этого предположенія.

Продолжателемъ работы Снегирева по сличенію Повѣданія со Словомъ о полку Игоревѣ явился Дубенскій въ своей работѣ, посвященной послѣднему ¹⁾. Для доказательства извѣстности

1) Д. Дубенскій. Слово о полку Игоревѣ. Русскія достопамятности, ч. III. М. 1844.

Слова въ средніе вѣка, Дубенскій выписалъ сходныя мѣста изъ памятниковъ. Такъ какъ интересъ изслѣдователя лежалъ на Словѣ, то послѣднее, по его мнѣнію, неизмѣримо выше. Планъ, ходъ, выраженія Повѣданія только тогда и становятся понятны, когда прочитаешь Слово, которому рабски подчинился составитель перваго. Въ Повѣданіи — языкъ средній, представляющій смѣсь книжныхъ формъ съ простонародными. Оно — произведение упадка, раболопное, притомъ дѣтское подражаніе Слову. (Въ послѣднемъ случаѣ Дубенскій дѣлаетъ ссылку на Снегирева). Слово поражаетъ и увлекаетъ, такъ что никакой мысли не можетъ быть о возможности заимствованія Словомъ чего-либо изъ Повѣданія, наоборотъ — авторъ Повѣданія говоритъ о многомъ только потому, что объ этомъ говорилъ авторъ Слова.

Вмѣстѣ съ Карамзинымъ Дубенскій авторомъ Повѣданія считалъ Софронія рязанца. Времени составленія не указалъ, но древнѣйшимъ спискомъ, опять вмѣстѣ съ Карамзинымъ и опять безъ всякихъ доказательствъ, считалъ списокъ Синодальной бібліотеки № 365.

Можетъ быть изученіе Повѣданія не пошло бы дальше сравненій его со Словомъ, если бы не явилась дѣйствительно одна литературная находка, заставившая изслѣдователей обратить большее вниманіе на заброшенный памятникъ и осложнившая вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ его литературной исторіи. Годъ спустя по выходѣ изслѣдованія кн. Вяземскаго, 17-го іюля 1852 г., редакторъ Временника, въ которомъ оно было напечатано, И. Д. Бѣляевъ писалъ А. Н. Попову: «Вуколъ Михайловичъ Ундольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я, по обычаю, пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ, между прочимъ, подаетъ мнѣ одинъ рукописный сборникъ и говоритъ, что здѣсь есть Слово о Мамаевомъ побоищѣ. Читаю Слово, и что же — чудная вещь, Слово — вовсе неизвѣстное, и просто запросто почти цѣликомъ Слово о полку Игоревѣ, подложенное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка, слѣдо-

вательно, Слово о полку Игоревѣ было давно извѣстно русскимъ людямъ; мы только несчастные до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому Слову. Посылаю вамъ Слово въ корректурномъ листѣ; вѣроятно, и графъ Д. Н. Блудовъ будетъ интересоваться этой находкой, ибо его, кажется, занимаетъ Слово о полку Игоревѣ¹⁾.

Такими словами была привѣтствуема находка новаго памятника литературы, имѣвшая на этотъ разъ полное право именоваться открытіемъ. О томъ же Бѣляевъ писалъ и Погодину: «Жаль, что я не могу быть у васъ. Впрочемъ, вы и безъ меня разрѣшите вопросъ о новомъ Словѣ на Мамаево побоище, вотъ вамъ корректурный листъ. Здѣсь Слово о полку Игоревѣ не упоминается, но что сочинитель зналъ это Слово, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ Софоніевомъ Словѣ можно отыскать сходство съ Словомъ о полку Игоревѣ, а здѣсь цѣликомъ это Слово, только приложено къ Донскому». (Ibid.).

Издать и написать предисловіе къ новооткрытому памятнику взялся И. Бѣляевъ²⁾. Кромѣ Слова по списку Ундольскаго авторъ пересмотрѣлъ вопросъ и о старомъ Повѣданіи и пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Донского (т. е. то, что издавалъ Снегиревъ) писано рязанцемъ Софоніемъ, который жилъ, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка и былъ современникомъ событію, а не іереемъ Софроніемъ, жившимъ въ концѣ XV вѣка, какъ утверждали нѣкоторые, основываясь на спискѣ гр. Толстого. Анахронизмы и историческія неправильности,

1) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XII. Спб. 1898.

2) И. Бѣляевъ. Предисловіе къ Слову о в. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ яко побѣдили супостата своего царя Мамаю, по сп. Ундольскаго. Временникъ И. М. Об. Ист. и Др. Росс. XIV. М. 1852. Текстъ изданъ до крайности неисправно: пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности. Даже оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ореографіи, совершенно непонятно присутствіе многочисленныхъ пропусковъ и невѣрнаго чтенія очень яснаго полуустава: «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вмѣсто «в семъ вѣцѣ и в будущемъ» — напримѣръ.

указанные Карамзинымъ, какъ нарушающіе возможность предположенія о современности автора событію — простое мудрованіе позднѣйшихъ переписчиковъ.

2) Поэтому текстъ Повѣданія очень искаженъ: дошедшіе до насъ списки отличны между собою по многимъ и важнымъ измѣненіямъ, сокращеніямъ, дополненіямъ и по началу. Между тѣмъ они всѣ должны восходить къ одному оригиналу. (Бѣляеву уже было извѣстно большее количество списковъ: 1) Тимковского, 2) Снегирева, 3) кн. Оболенскаго, 4) Ундольскаго, 5) его же, 6) Погодина и 7) Ермолаева).

3) Списокъ Повѣданія, принадлежащій Погодину (скоропись XVII), будучи искаженъ не менѣе другихъ, сохранилъ много мѣстъ истинно поэтическихъ, утраченныхъ въ другихъ спискахъ, изъ чего можно заключить, что оригиналъ Софоніева Повѣданія далеко не походилъ на дошедшіе до насъ списки. Подлинникъ, конечно, не былъ искаженъ анахронизмами и историческими неправильностями.

4) Доказательства современности автора событію, однако, не совсѣмъ сгладились въ позднѣйшихъ спискахъ: имена гостей — сурожанъ, взятыхъ въ походъ противъ Мамаю, вездѣ одинаковы; точно также и имена боярскихъ и воеводскихъ женъ.

Дальнѣйшія положенія уже касаются новаго памятника: «Слова о Дмитріи», по списку Ундольскаго.

1) Въ Словѣ находятся ясныя указанія на пѣсни Бояна и Слово о полку Игоревѣ, отсюда вытекаетъ необходимое заключеніе, что послѣднее было извѣстно, его изучали, ему подражали.

2) Слово въ списокѣ XVII вѣка упоминаетъ о Софоніи, какъ объ авторѣ, уже писавшемъ о битвѣ съ Мамаемъ. Поэтому Слово сочинено, весьма вѣроятно, въ началѣ XV вѣка, когда Куликовская битва еще сильно занимала умъ русскихъ. Авторъ Слова — неизвѣстенъ.

Таковы выводы, благодаря которымъ за Повѣданіемъ установилось авторство Софоніи. Бѣляеву еще не былъ извѣстенъ

Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, который навелъ бы его на другія соображенія. Вообще его выводы страдаютъ слишкомъ общимъ характеромъ и не поддержаны доказательствами. Рѣшеніе вопроса объ имени автора поспѣшно и основано на сомнительной вставкѣ. Почему время составленія Слова отнесено къ началу XV вѣка, а Повѣданія — къ XIV? Затѣмъ — почему Погодинскій списокъ долженъ быть ближе къ оригиналу? Всему этому доказательствъ нѣтъ. Если бы авторъ отнесся повнимательнѣе къ поэтическимъ мѣстамъ, то увидалъ бы тожество ихъ и въ Повѣданія и въ Слово. Наконецъ, заключеніе, что всѣ списки Повѣданія восходятъ къ одному оригиналу, т. е. всѣ — одной редакціи, представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ Снегирева, указывавшаго на возможность трехъ послѣдовательныхъ редакціонныхъ обработокъ.

Послѣ Снегирева С. М. Соловьевъ пытался раздѣлить повѣсти на редакціи ¹⁾. Онъ широко взглянулъ на дѣло и коснулся не одного Повѣданія, но всего вообще цикла сказаній о Куликовской битвѣ. По мнѣнію историка, литературная исторія сказаній представляется въ такомъ видѣ: Первоначальное сказаніе, сходное съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ характеромъ, безъ подозрительныхъ подробностей, вошло въ нѣкоторые лѣтописи, напримѣръ въ Софійскую I.

Такое важное событіе, какъ побѣда надъ татарами, однако должно было породить множество устныхъ подробностей; при переписываніи онѣ вносились въ текстъ и, такимъ образомъ, составилось украшенное пространное сказаніе. Въ такомъ сказаніи эти подробности подозрительны, часто — невѣрны.

Наконецъ, существуетъ третій видъ — Слово о Дмитріи (сп. Ундольскаго), написанное въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ. Предыдущее сказаніе, пространное, знакомо съ этимъ

---

1) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. IV, гл. III, М. 1853 г.

словомъ. Последнее заключеніе историка, хотя высказанное осторожно, какъ разъ противорѣчитъ (и достаточно основательно) мнѣнію Бѣльева, считавшаго Повѣданіе по времени составленія ранѣе Слова о Дмитріи.

Что касается имени автора, равно какъ и вопроса о времени составленія, то Соловьевъ не взялся судить объ этомъ: «неизвѣстно, когда составились эти сказанія», говоритъ онъ. Историкъ привелъ только три варіанта имени автора: 1) Софроній, іерей рязанскій; 2) Софоній, брянскій бояринъ (Тверская лѣтопись) и 3) Софонія.

Не будучи по специальности историкомъ литературы, Соловьевъ однако указалъ на многое такое, что впоследствии было повторено другими изслѣдователями повѣстей, но безъ ссылки на Исторію. Такъ, еще до Назарова Соловьевъ указалъ на сходство Лѣтописной повѣсти съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, до Срезневскаго — объ участіи устнаго элемента въ Повѣданіи, задолго до позднѣйшихъ работъ — о первоначальности Лѣтописной повѣсти. Затѣмъ его дѣленіе повѣстей на 3 вида было принято большинствомъ изслѣдователей съ нѣкоторыми лишь варіантами.

Наконецъ, на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* появилась обстоятельная работа, носящая характеръ историко-литературнаго изслѣдованія. Это была работа І. Назарова, поставившаго себѣ задачей опредѣлить характеръ участія эпоса въ постепенномъ развитіи сочиненій о Мамаевомъ побоищѣ¹⁾.

Усвоивъ себѣ, очевидно, мысль Соловьева, Назаровъ говорилъ, что сказанія о войнѣ съ Мамаемъ были устные и собственно литературныя. Всѣ они взаимно дополняли другъ друга: писатели XV—XVI вѣка черпали изъ устныхъ; литературныя, въ свою очередь, оказали вліяніе на народныя

---

1) І. Назаровъ. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868 г., VII и VIII.

сказанія. Но каковы были эти устные сказанія, отвѣтить трудно.

Таково основное положеніе Назарова. Оно страдает тѣмъ же, чѣмъ вообще всѣ изслѣдованія сказаній о Куликовской битвѣ: мысль автора, можетъ быть, и вѣрна, но она не убѣдительна, такъ какъ высказана совершенно голословно. Въ лѣтописныхъ сборникахъ, говоритъ далѣе Назаровъ, историческія повѣсти подвергались различнымъ измѣненіямъ, отсюда — много редакцій. Первичная всегда должна быть краткой, позднѣйшія, стремясь удовлетворить любознательности, обогащались подробностями, весьма разнообразными, взятыми изъ устныхъ сказаній. Отсюда въ позднѣйшихъ явилась невыдержанность тона и слога.

Назаровъ различалъ двѣ редакціи. Первая вошла въ лѣтописи и называется имъ «Сказаніе». Она, безъ сомнѣнія, древнѣйшая повѣсть, бѣдна подробностями и представляетъ какъ бы конспектъ второй.

«Сказаніе» сочинено, можетъ быть, вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія († 1392 г.), поэтому въ немъ нѣтъ анахронизмовъ, какъ во второй редакціи.

«Сказаніе» является въ двухъ видахъ: 1) краткомъ, помѣщенномъ въ Новгородской I лѣтописи, первой половины XV вѣка и 2) полнѣйшемъ — въ остальныхъ лѣтописяхъ, старѣйшіе списки которыхъ восходятъ къ концу XV и началу XVI вѣка. (Авторъ основываетъ различіе между ними на употребленіи нѣкоторыхъ буквъ, этимологическихъ формъ, синтаксическихъ оборотовъ, вставокъ, замѣны выраженій подобными же). Полнѣйшій видъ — древнѣе, такъ что первый — сокращеніе второго.

О древности Лѣтописной повѣсти, какъ указано, говорилъ Соловьевъ. На основаніи филологическихъ разысканій Назаровъ считалъ стоящими ближе къ подлиннику тѣ списки, которые вошли въ Новгородскую IV лѣтопись, что весьма недавно высказано также академикомъ А. А. Шахматовымъ. Впрочемъ, эта сторона изложена авторомъ не совсѣмъ ясно: онъ не упо-

минаетъ, напримѣръ, о Супрасльской лѣтописи, изданной еще въ 1836 г.; въ какомъ же отношеніи къ протографу стоитъ текстъ помѣщенной въ ней повѣсти?

Вмѣстѣ съ Соловьевымъ Назаровъ указывалъ далѣе, что по строю, изложенію и направленію первичная редакція «Сказанія» находится въ близкомъ родствѣ съ повѣстью о побѣдѣ Невской. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи привелъ нѣкоторые мѣста изъ той и другой для сравненія, но примѣры были взяты на удачу, и авторъ не воспользовался тѣмъ, что могло дать болѣе детальное сравненіе.

Вторая редакція представляетъ распространенную повѣсть и является, по мнѣнію Назарова, въ 3 видахъ: 1) Повѣданіе, дошедшее въ сборникахъ XVII—XVIII вѣковъ; 2) вошедшее въ Никоновскую лѣтопись и 3) — въ Синописи.

Повѣданіе дошло не въ первоначальномъ видѣ. Списки значительно разнятся; такъ, одни обстоятельства присутствуютъ въ одномъ и неизвѣстны другому списку, что особенно замѣтно въ поэтическихъ мѣстахъ. Отсюда авторъ выводитъ, что первоначальной основой можно признать лишь то, что находится сходнаго во всѣхъ спискахъ. Несомнѣнно, выводъ этотъ весьма близокъ къ истинѣ, но авторъ не настоялъ на немъ. Наоборотъ, онъ въ дальнѣйшемъ уклонился отъ принятаго имъ правильнаго пути и счелъ почему-то самымъ близкимъ къ первоначальной редакціи списокъ Тимковского (кромѣ воззванія и окончанія). Съ этимъ нельзя согласиться потому, что далеко не всѣ списки были разобраны авторомъ, еще болѣе ихъ — ему было неизвѣстно. Впрочемъ, онъ самъ оговаривается, предполагая, что оригиналъ могъ содержать только одну историческую повѣсть безъ наслоеній.

Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ, по мнѣнію Назарова, опытъ сближенія книжной повѣсти со сказаніями народа. Въ основѣ его лежитъ, слѣдовательно, пространная историческая повѣсть, дополненная украшающими отрывками изъ произведенія, сложеннаго подъ

вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя подробности занесены въ Повѣданіе изъ эпоса, монастырскихъ сказаній; отсюда въ языкѣ памятника обиліе формъ народныхъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не остановился подробно на разборѣ литературныхъ источниковъ Повѣданія, указавъ лишь вкратцѣ на приводящіе элементы, и не выдѣлилъ вставочныхъ повѣстей, находящихся, безъ сомнѣнія, въ Повѣданіи.

Наконецъ, время составленія Повѣданія авторъ, на основаніи данныхъ языка, относитъ ко второй четверти XV вѣка. Что же касается имени составителя, то Назаровъ, приведя варианты имени «Софроній — Софоній», по происхожденію то рязанскаго іерея, то брянскаго боярина, склоняется къ тому, что авторъ — одинъ, рязанецъ, все равно — Софоній или Софроній.

Можно еще оспаривать, что Софроній былъ, по мнѣнію автора, составителемъ Повѣданія (Назаровъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка), но что Софоній — то же, что Софроній, съ этимъ нельзя не согласиться. Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ ошибкой переписчиковъ, невѣрно прочитавшихъ рукопись: въ начертаніи «Софроній» вписанъ вынесенный наверхъ *р*.

О повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ Никоновской лѣтописи и Синописѣ, Назаровъ говоритъ кратко. Та редакція, которая находится въ Никоновской, представляетъ, по его мнѣнію, сводъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій о войнѣ съ Мамаемъ. Трудно однако согласиться, чтобы это былъ сводъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не указалъ, каковы были эти сочиненія. Наконецъ, въ повѣсть, внесенную въ Синописѣ, введены варианты изъ народныхъ устныхъ сказаній. Можно возразить и противъ этого мнѣнія: варианты изъ устныхъ сказаній вошли и въ Повѣданіе, въ такомъ случаѣ, что же заставило автора выдѣлить повѣсть Синописиса, какъ особый видъ или редакцію? Болѣе того: въ Синописѣ какъ разъ весь поэтический элементъ отсутствуетъ. Къ исторической повѣсти, по мнѣнію Назарова, примыкаетъ

Слово о Дмитріи (сп. Ундольскаго), написанное, особенно въ 1-й части, въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ добавленіемъ изъ народныхъ преданій. Составлено Слово послѣ Софоніева сочиненія, до XVII вѣка, можетъ быть въ періодъ времени съ половины XV до половины XVI вѣка.

Итакъ Повѣсть раздѣлена авторомъ на категоріи: находящюся въ лѣтописяхъ, краткую и полную, при чемъ послѣдняя — древнѣйшая, и — на находящуюся въ сборникахъ и сводахъ. Послѣдняя не дошла въ первоначальной редакціи, но въ разное время дополнялась вставками изъ народныхъ сказаній. Въ спискѣ Тимковскаго представляется ближайшій къ первоначальной редакціи текстъ этой категоріи. Изъ Синописа повѣсть вошла въ народъ. Слово о Дмитріи только примыкаетъ по сюжету, на него оказали особенное вліяніе Слово о полку Игоревѣ и народные сказанія.

Таковы выводы. Во многомъ, какъ видно изъ изложенія, авторъ слѣдовалъ указаніямъ Соловьева, на многое имъ мало или вовсе не обращено вниманія. Нельзя не сознаться, что чрезвычайно трудно установить, сколько же по Назарову было редакцій? Не обращено вниманія на сходство поэтическихъ мѣстъ Повѣданія съ такими же Слова о Дмитріи. Не доказано, почему послѣднее слѣдуетъ относить къ указанному авторомъ времени; неясно все, что касается Синописа и Никоновской лѣтописи; указаны, но не провѣрены отношенія различныхъ списковъ между собою. Вообще — критической работы надъ текстомъ нѣтъ, между тѣмъ изслѣдованіе Назарова имѣло въ виду всестороннее разсмотрѣніе взятой имъ на себя задачи. Нѣкоторые выводы, однако, какъ, напримѣръ, о времени составленія Повѣданія, объ имени автора, наконецъ — замѣчанія о Лѣтописной повѣсти слѣдуетъ отнести къ числу удачныхъ.

Вскорѣ послѣ открытія Ундольскимъ списка Слова, тотъ же памятникъ, но въ гораздо болѣе раннемъ спискѣ, именно — XV вѣка, былъ найденъ арх. Варлаамомъ въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ 1859 году былъ изданъ

текстъ памятника, при чемъ издатель написалъ предисловіе ¹⁾. Рукопись представляетъ сборникъ, въ которомъ повѣсть помѣщена на 121 листѣ подъ такимъ заглавіемъ: «Писаніе Софонія старца рязанца бл҃гви ѿ. Задонщина великоѣ кнѣзя г҃на димитрія ивановѣ и брата его кнѣзя володимира ѿндрѣевѣ». Текстъ близокъ къ сп. Ундольскаго, но не совсѣмъ и представляетъ значительные варианты.

Эта находка должна была бы измѣнить существовавшіе выводы. Во-первыхъ, для названія устанавливался болѣе краткій терминъ «Задонщина»; во-вторыхъ — гораздо точнѣе обозначалось время написанія этого памятника — во всякомъ случаѣ не позже второй половины XV вѣка; въ-третьихъ — подрывалось мнѣніе, что Софонія авторъ Повѣданія: заглавіе весьма ясно свидѣтельствуетъ, что онъ скорѣе авторъ Задонщины, чѣмъ пространнаго Повѣданія: наконецъ, — что Задонщина находится въ ближайшемъ родствѣ со Словомъ по сп. Ундольскаго.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ слѣдовало бы пересмотрѣть вопросъ о взаимномъ отношеніи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Между тѣмъ арх. Варлаамъ ограничился въ предисловіи немногими и весьма шаткими предположеніями. Указавъ на то, что Задонщина написана въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ (весьма устарѣлое указаніе), авторъ отличилъ ее отъ повѣсти, помѣщенной въ сборникѣ Румянцевскаго музея подъ № 378. Последнюю онъ считалъ тождественной съ напечатанной въ Кіевскомъ Синописиѣ и въ Никоновской лѣтописи. Однако эти три текста имѣютъ весьма мало общаго между собою и принадлежатъ тремъ разнымъ редакціямъ. Въ вопросѣ объ имени автора арх. Варлаамомъ также приведено довольно странное толкованіе: повѣсть сборника № 378 приписана рязанцу

1) Арх. Варлаамъ. Описаніе сборника XV столѣтія Кир.-Бѣл. монастыря. Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. V. Спб. 1859 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался фототипическимъ снимкомъ съ подлинной рукописи, любезно предоставленнымъ мнѣ П. К. Симони.

іерею Софронію, а текст Кирилло-Бѣлозерскаго списка — старцу рязанцу Софонію. Арх. Варлаамъ разсуждалъ такъ: старецъ — значитъ инокъ: поэтому Софроній, будучи еще іереемъ, написалъ пространную повѣсть, а уже инокомъ — пѣснь объ одномъ и томъ же. Имя его, по извѣстному обычаю, въ монашествѣ было перемѣнено: въ міру Софроній, въ инокахъ Софоній. Не трудно видѣть во всемъ этомъ крайнюю натяжку, основанную на полномъ незнакомствѣ автора съ самими сказаніями и съ предыдущей литературой, хотя бы съ однимъ Назаровымъ.

Изданнымъ текстомъ воспользовался И. Срезневскій для изданія своего своднаго текста Задонщины¹⁾. При этомъ издатель сдѣлалъ о ней нѣсколько важныхъ замѣчаній.

Повѣстей о битвѣ съ Мамаемъ, по мнѣнію Срезневскаго, было нѣсколько, въ различной передачѣ. Повѣсти эти шли въ народъ, гдѣ въ свою очередь подвергались переработкѣ. Вообще — «желателенъ ихъ разносторонній литературный и историческій сравнительный разборъ», — замѣчаніе характерное, показывающее, что по разработкѣ повѣстей до 1858 года не было въ сущности сдѣлано ничего.

Задонщина — это поэма, въ родѣ великорусской старины или малорусской думы, написанная въ такой же прозѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ, которое она напоминаетъ по тону изложенія, подбору подробностей содержанія, выраженіями, напоминаетъ такъ, какъ подраженіе должно напоминать подлинникъ. Оба списка, и Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскій, сильно искажены, поэтому, пока не нашелся третій, Задонщину слѣдуетъ читать, дополняя одинъ списокъ другимъ²⁾. (Опытъ такого чтенія и представилъ Срезневскій, при чемъ за основаніе имъ принятъ Кирилло-Бѣлозерскій сп., а изъ сп. Ундольскаго приведены дополненія и окончаніе, котораго въ Кирилло-Бѣлозер-

1) Задонщина в. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондръевича. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, VI. Спб. 1858 г.

2) Этотъ третій списокъ, какъ будетъ указано ниже, былъ найденъ въ 1890 г. въ одномъ сборникѣ Син. Б.—ки подъ № 790 проф. А. И. Смирновымъ.

скомъ нѣтъ). Основываясь на изученіи содержанія Задонщины, Срезневскій пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Оба списка по измѣненіямъ выраженій, перестановкѣ мѣстъ, подстановкѣ именъ и лицъ показываютъ, что писаны съ памяти. Что они списывались не съ готоваго извода, показываетъ также множество случайныхъ грамматическихъ неправильностей. Задонщина, слѣдовательно, была достояніемъ памяти.

2) Задонщина напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ; оба памятника — не чисто книжнаго происхожденія, можетъ быть оба были достояніемъ памяти и голосились, какъ старины и думы. Объемъ не долженъ смущать, такъ какъ для удержанія памятью величина памятника значенія не имѣетъ.

3) Задонщина — подражаніе, но врядъ ли одному Слову о полку Игоревѣ. Можетъ быть, былъ рядъ подобныхъ поэмъ? Яркость оборотовъ въ Словѣ доказываетъ, что они явились не въ немъ первомъ. (Авторъ приводитъ для образца нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописей, напоминающія по своему складу стиль Слова). Въ Задонщинѣ находится много такого, что хотя и такъ же сложено, какъ въ Словѣ, но по содержанію и выраженію отлично, откуда же это явилось? Отдѣльныя вставки, которыя находятся въ Словѣ и отсутствуютъ въ Задонщинѣ и наоборотъ, показываютъ, что для подобныхъ памятниковъ существовалъ одинъ общій источникъ. Такихъ поэмъ пока нѣтъ на лицо, но это не значитъ, что ихъ никогда не было. Задонщина подражаетъ такому роду поэмъ, и въ ней есть непосредственныя частички «замышленія Бояня».

Такимъ образомъ Срезневскій былъ склоненъ предположить существованіе особой повѣствовательной школы, проникнутой поэтическимъ одушевленіемъ, школы, къ типу произведеній которой восходятъ Слово и Задонщина. Подобныя поэмы, равно какъ и другіе списки Задонщины, могутъ еще оказаться. Предположеніе Срезневскаго отчасти оправдалось: третій списокъ Задонщины найденъ; что же касается возможности существо-

ванія поэмъ, то и въ этомъ отношеніи догадку Срезневскаго отчасти оправдала находка отрывка изъ Слова о погибели рус-земли (изд. Хр. Лопаревымъ).

Вышеприведенные выводы Срезневскаго нашли себѣ мѣсто въ Исторіи русской литературы ак. А. Н. Пыпина. Указанія на школу, воспѣвавшую пѣсни славы, получили дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Хрущева и Барсова. Сомнительно только, чтобы эти поэмы голосились, какъ старины или думы. Указаніе же на то, что Задонщина написана ранѣе Повѣданія (вопреки мнѣнію Бѣляева и Назарова и согласно съ Соловьевымъ), находитъ себѣ довольно вѣсское доказательство въ наличности такого древняго списка, какъ изданный арх. Варлаамомъ.

Въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ Срезневскій обратилъ вниманіе и на Повѣданіе. Не зная, какъ рѣшить вопросъ объ авторствѣ Софоніи, который является какъ будто творцомъ и того и другого произведенія, Срезневскій счелъ это имя простой книжной вставкой. Въ Повѣданіи онъ обратилъ вниманіе на поэтическія мѣста (чего до него никто путемъ не дѣлалъ). Въ повѣстьяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, говоритъ онъ, есть кое-что, напоминающее складомъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщину. Многія мѣста въ нихъ буквально заимствованы изъ послѣдней, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ разныхъ ея редакцій. Эти мѣста теперь сбиты, по прежде, очевидно, была какая-либо цѣлость. Отсюда Срезневскій признаетъ существованіе 2 словъ, вѣрнѣе повѣстей: 1) прославлявшая князя Владимира Андреевича, находится въ спискахъ Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскомъ; 2) прославлявшая боярина Дмитрія Воынца — Повѣданіе.

- Приводя поэтическія мѣста изъ Повѣданія, Срезневскій говоритъ: «Читатель, вѣрно, замѣтилъ дословныя или почти дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же довольно сложныхъ выраженій: мнѣ кажется, что это доказываетъ, что составители повѣстей пользовались готовымъ запасомъ изъ словъ о Куликовской битвѣ по памяти, какъ составители

сѣверныхъ сагъ (повѣстей) — готовымъ запасомъ изъ квидъ (словъ)¹⁾.

Одновременно съ работой ак. Срезневскаго, вопроса о повѣстяхъ о Куликовской битвѣ коснулся преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ²⁾. Напечатанная въ 1859 г. работа преосв. Филарета, очевидно, была написана гораздо раньше: онъ совершенно не знаетъ о существованіи Кирилло-Бѣлозерскаго списка, объ имени автора Повѣданія повторяетъ старыя мнѣнія. Авторъ Обзора считаетъ, что Софонія, рязанскій священникъ, написалъ Повѣданіе о нахожденіи на Русь Мамая. Это Повѣданіе представляетъ историко-поэтическое изображеніе Куликовской битвы, при чемъ сочинитель основывался на разсказахъ очевидцевъ. Анахронизмы заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей (отсюда видно, что Филаретъ пользовался однимъ Карамзинымъ) относить сочиненіе и сочинителя къ XV вѣку, но Слово по сп. Ундольскаго, написанное не прежде конца XV вѣка, — позднѣе Повѣданія, такъ какъ составляетъ подражаніе послѣднему, отсюда — Повѣданіе слѣдуетъ отнести къ концу XIV вѣка. Ошибки и анахронизмы могутъ принадлежать переписчикамъ.

Повидимому, преосв. Филаретъ весьма мало былъ знакомъ съ предыдущей литературой по вопросу о повѣстяхъ, иначе онъ по другому бы взглянулъ на взаимное отношеніе Повѣданія и Задонщины (на основаніи статьи Срезневскаго). Болѣе того: Филаретъ приписывалъ составленіе Лѣтописной повѣсти тому же Софоніи, судя по сходству нѣкоторыхъ выраженій и мѣстъ; Софонія же, по его мнѣнію, могло принадлежать и житіе Дмитрія Донскаго. Подобное заключеніе о Лѣтописной повѣсти было странно дѣлать послѣ работы Назарова, пришедшаго совершенно

1) Эрбенъ, издавая въ 1870 г. Слово о полку Игоревѣ и Задонщину, ограничился лишь переводомъ, не прибѣгая къ критикѣ, объясненій Срезневскаго. Онъ повторилъ всѣ его ошибки («за царемъ Соломономъ» — оба они считаютъ, что Соломонъ — Владимиръ святой). Что касается объясненій темныхъ мѣстъ Задонщины, то Срезневскій посвятилъ имъ особую статью, см. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ VII, стр. 96.

2) Обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ. 1859 г. Т. I.

къ иному выводу. Вообще замѣтка автора Обзора ничего новаго не внесла въ литературу повѣстей, къ старымъ ошибкамъ прибавила новыя и для дальнѣйшей разработки вопроса значенія не имѣла.

Между тѣмъ этими заключеніями воспользовался проф. С. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ¹⁾. Шевыревъ признавалъ, что Повѣданіе написано рязанцемъ Софоніей (и списокъ Ундольскаго подтверждаетъ это, по его мнѣнію), до 1389 г., такъ какъ о Дмитріи нигдѣ не говорится, какъ объ умершемъ. До первоначальнаго текста добраться трудно, вслѣдствіе крайняго искаженія его переписчиками. Они особенно исказили внѣшнюю, поэтическую сторону, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ. Въ виду того, что основной идеей произведенія является сила креста, побѣждающая поганство (авторъ въ изложеніи содержанія всюду отгѣняетъ эту идею), Повѣданіе по духу выше Слова о полку Игоревѣ. Наоборотъ, значительно ниже Слова и Повѣданія Задонщина (автору знакомы оба списка); имъ она подражаетъ много и неумѣло. Значеніе Задонщины состоятъ только въ томъ, что она подтвердила Софоніево авторство Повѣданія и достовѣрность Слова о полку Игоревѣ. Таковы заключенія Шевырева, вытекавшія вообще изъ его точки зрѣнія. Напрасно искать у него критическаго разбора памятниковъ. Всѣ заключенія голословны и неправильны. Въ списокъ Ундольскаго, дѣйствительно, есть фраза: «помяну рязанца Софонія», что, какъ будто, утверждаетъ за Софоніей авторство Повѣданія, но почему то же самое долженъ подтверждать Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, признающій за Софоніемъ авторство только Задонщины, а не Повѣданія, остается безъ отвѣта.

Съ легкой руки Шевырева надолго у историковъ литературы утвердилось такое поверхностное отношеніе къ повѣстямъ. Вскорѣ оно нашло себѣ выразителя въ лицѣ А. Милюкова, автора очень широкой по заглавію, но элементарной по выполненію

---

1) Лекціи по исторіи русской словесности. Ч. III. Изд. 2. Спб. 1887 г.

книги ¹⁾. Въ статьѣ о древней поэзіи авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и, конечно, сравнилъ ихъ съ Словомъ о полку Игоревѣ. Найдя большое сходство въ содержаніи, авторъ признаетъ превосходство Слова надъ «ничтожностью» Сказанія, явившагося результатомъ паденія письменности благодаря игу. Далѣе этого авторъ не пошелъ ²⁾.

Повидимому, вопросомъ о литературной исторіи повѣстей спеціально не занимался акад. Ѳ. И. Буслаевъ; по крайней мѣрѣ въ своей Хрестоматіи ³⁾ онъ очень мало и осторожно сказалъ о нихъ. Описанія Мамаева побоища Буслаевъ дѣлитъ на двѣ редакціи: 1) Задонщина (приводимая имъ по сп. Ундольскаго) и 2) Сказаніе (по изданію Снегирева). Трудно сказать, говоритъ авторъ, въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сказанія рязанца Софронія (Буслаевъ такъ читаетъ это имя). Въ первой разсказъ круглѣе, вторая — болѣе распространена. Подражаніе Слову о полку Игоревѣ рабское, особенно въ первой редакціи, которая не принадлежитъ Софронію, но отъ него многое въ ней могло удержаться. Однако, несмотря на подражаніе, многія мѣста отличаются художественнымъ достоинствомъ, таковы плачи боярынь, описаніе войска, заключеніе ⁴⁾.

Буслаевскую точку зрѣнія усвоили себѣ составители двухъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ по исторіи русской литературы — А. Галаховъ ⁵⁾ и И. Порфирьевъ ⁶⁾. Обѣ книги,

1) Очеркъ исторіи русской поэзіи. Спб. 1864, 3-е изд.

2) Выводы Шевырева и до сихъ поръ повторяются составителями элементарныхъ руководствъ по русской литературѣ. Такъ, наприм., Шевыревъ цитируется въ «Очеркахъ по исторіи древне-русской письменности» Протопопова, изд. 1902 г., гдѣ авторъ, разбирая повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, пользуется исключительно имъ и Снегиревымъ.

3) Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861.

4) Выводы акад. Буслаева цѣликомъ были повторены Н. Я. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по русской исторіи, Варшава 1870, въ которой онъ приводитъ отрывокъ изъ Задонщины, по сп. Ундольскаго.

5) Исторія русской словесности древней и новой, А. Галахова. М. изд. 1—1870, 2—1880 г. Т. I.

6) Исторія русской словесности, И. Порфирьева. Казань 1870, ч. I.

какъ извѣстно, выдержали нѣсколько изданій. То, что говорятъ составители о повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (притомъ чрезвычайно кратко), стало достояніемъ средней школы. По этому изложенію составляется представленіе о повѣстяхъ у всякаго, кто приступаетъ къ изученію русской литературы. Авторы какъ будто не знаютъ ни одного предыдущаго изслѣдованія по интересующему ихъ вопросу. Въ новыя изданія своихъ книгъ они также не внесли никакихъ перемѣнъ. Между тѣмъ всѣ составители школьныхъ руководствъ по исторіи русской литературы заимствовали и продолжаютъ заимствовать все, что касается вопроса о повѣстяхъ, у Порфирьева и Галахова. Благодаря этому, у человѣка, прошедшаго среднюю, да и высшую школу, о повѣстяхъ складывается одно и то же сбивчивое и невѣрное представленіе: краткое знакомство съ содержаніемъ, убѣжденіе, что Повѣданіе и Задонщина заимствовали всѣ обороты изъ Слова о полку Игоревѣ, но подражаніе вышло неумѣлое и неудачное, что особенно тяжело по языку Повѣданіе, слогъ котораго испорченъ, пересыпанъ цвѣтами краснорѣчія; что Задонщина ближе къ народно-поэтической рѣчи, но болѣе самостоятельное произведеніе; что Повѣданіе написано Софоніей (или Софроніей: Галаховъ и Порфирьевъ не различаютъ именъ и ничего не говорятъ о нихъ) въ XIV-мъ вѣкѣ, а Задонщина въ XV-мъ вѣкѣ; наконецъ, что Синописисъ представляетъ наиболѣе поэтическую редакцію повѣсти.

Какъ уже указано, эти общія и недоказанныя нитѣи предположенія сдѣлались господствующими, какъ будто для исторіи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ было уже сказано послѣднее слово. Дѣйствительно, долгое время въ наукѣ не появлялось работъ по этому вопросу. Если и упоминали изслѣдователи о повѣстяхъ, то лишь попутно, въ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ иныхъ темъ.

Такъ, вопроса о повѣстяхъ коснулся отчасти въ своей

магистерской диссертации П. Полевой ¹⁾ въ первой части своего труда — Обзоръ памятниковъ славянскихъ. Изложивъ вкратцѣ содержаніе Задонщины (по сводному тексту, изд. Срезневскимъ), авторъ замѣчаетъ, что побѣда Дмитрія послужила основаніемъ для многихъ разнovidныхъ произведеній. Вставные эпизоды объясняются стремленіемъ отдѣльныхъ областей заявить свое участіе въ великомъ событіи. Что они вносились уже послѣ составленія редакціи, доказывается анахронизмами.

До насъ дошло два рода произведеній о Куликовской битвѣ, взаимно дополненныхъ впоследствии: 1) книжныя (по предыдущимъ изслѣдованіямъ — Лѣтописная повѣсть) и — 2) народныя (Задонщина, повѣсть въ Никоновской лѣтописи и Синописѣ). При сходствѣ, часто буквально, Задонщины со Словомъ, попадаются обороты, только составленные по образцу оборотовъ Слова, а не заимствованные. Это сходство не только между этими двумя памятниками, но и вообще между произведеніями другихъ родовъ доказываетъ, что въ обширномъ кругѣ однородныхъ произведеній успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета.

Изъ этихъ словъ ясно, что авторъ цѣликомъ повторилъ мысль Срезневскаго. Объ анахронизмахъ то же говорилъ Соловьевъ, такъ что и эта мысль не новая. Что касается предположенія автора, что Куликовская битва послужила источникомъ многихъ разнovidныхъ произведеній, то оно имъ не доказано, да и взято у того же Соловьева. Повѣданія Полевой не коснулся, такъ что его замѣчанія ничего новаго въ литературу не внесли.

Въ 1866 году А. Поповымъ ²⁾ была указана редакція Повѣсти, помѣщенная въ Хронографѣ. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Толстовскаго, говоритъ онъ, помѣщенъ подробный раз-

---

1) Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Спб. 1864.

2) Обзоръ хронографовъ русской редакціи. М. 1866. В. I.

сказъ о княженіи Дмитрія Ивановича съ обширными выписками изъ лѣтописнаго сказанія о побоищѣ съ Мамаемъ. Разсказъ Хронографа отличается отъ лѣтописнаго болѣе сжатымъ изложеніемъ и нѣкоторыми подробностями. А Поповъ издалъ текстъ этой новой редакціи въ своемъ «Изборникѣ статей», и, такимъ образомъ, для изслѣдователей прибавился новый матеріалъ, ждавшій своей обработки.

Попытка установить редакціи послѣ Соловьева была сдѣлана другимъ историкомъ — Бестужевымъ - Рюминымъ ¹⁾, который признавалъ, что вопросъ еще далеко не разработанъ: «Куликовская битва, говоритъ онъ, вызвала три редакціи, послѣдовательность и взаимную зависимость которыхъ пока еще трудно опредѣлить» (стр. 40). Предположительное дѣленіе Бестужева-Рюмина въ общемъ совпадаетъ съ Соловьевскимъ; первая редакція — лѣтописное сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, гдѣ мало фактовъ, но много благочестивыхъ размышленій (занесенная въ Новгородскую I л-съ повѣсть признается имъ сокращеніемъ этой редакціи). Вторая редакція — Повѣсть или Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, изобилуетъ подробностями, анахронизмами и дополненіями въ разныхъ спискахъ. (По отличіямъ авторъ даже склоненъ редакцію Синописа считать отдѣльной). Приписывается — Софонію (напрасно только авторъ въ этомъ случаѣ сослался на Обзоръ Филарета). Наконецъ — третья редакція — поэтическая Задонщина (изданная Срезневскимъ и Ундольскимъ). Подобное дѣленіе можно было бы признать достаточно основательнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія, если бы не было рѣчи о *редакціяхъ*: это самостоятельные *виды* повѣстей, распадающіеся въ свою очередь на редакціи.

Какъ уже выше говорено, послѣдовавшія работы касались повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ попутно. Такова, правда довольно обширная, замѣтка о нихъ проф. А. И. Смирнова,

---

1) Русская исторія. 1. Спб. 1872.

посвятившаго разбору повѣстей цѣлую главу своего изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ ¹⁾).

Авторъ повторяетъ мнѣніе Срезневскаго о томъ, что нѣкоторые мѣста Слова были извѣстны наизусть послѣдующимъ книжкамъ и вошли въ Задонщину и Повѣданія. И та и другія представляютъ двѣ группы, на которыя распадаются повѣсти, при чемъ въ основѣ Повѣданій лежитъ Слово о житіи великаго кн. Дмитрія Ивановича.

Расположивъ памятники по такому порядку: сп. Кирилло-Бѣлозерскій — Ундольскаго — Повѣданіе по изд. Снегирева — Слово о полку Игоревѣ, авторъ произвелъ самое подробное сличеніе сходныхъ мѣстъ и разобралъ, въ какомъ отношеніи находятся эти мѣста между собою. Въ данномъ случаѣ, это самая обстоятельная часть труда проф. Смирнова.

Далѣе авторъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ:

1) Всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побоищѣ заимствовали картины и выраженія непосредственно изъ Слова?

2) Можно ли предположить, что Слово при составленіи ихъ было уже записано?

3) Пользовались ли авторы записаннымъ Словомъ или цитировали его наизусть?

4) Сами повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — устные творенія или письменныя?

Вопросы эти показываютъ, что вниманіе автора главнымъ образомъ было сосредоточено на Словѣ. Изъ отвѣтовъ однако выясняется точка зрѣнія автора и на повѣсти.

Изъ разбора Кирилло-Бѣлозерскаго списка (который авторъ считаетъ подлиннымъ писаніемъ Софоніи) видно, что составителю хорошо было извѣстно Слово, которое онъ взялъ какъ образецъ для изображенія событія, можетъ быть ему современнаго.

---

1) А. И. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Гл. 4: Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей рус. литературѣ. Фил. Зап. V. Воронежъ 1878.

Планъ автора повѣсти по сп. Ундольскаго (проф. Смирновъ раздѣляетъ авторовъ Задонщинъ, Какъ и Е. Барсовъ) тотъ же, что и предыдущій, только вступленіе обширнѣе и конецъ длиннѣе. Краски тѣ же, что и въ писаніи Софоніи.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Въ немъ три части, заимствованія изъ Слова имѣютъ второстепенное значеніе. Слово о полку Игоревѣ только украсило это произведеніе, но не дало ему своего плана, какъ первымъ двумъ. (Мнѣніе прямо противоположное Снегиреву и Дубенскому). Въ основѣ Повѣданія лежитъ первоначальная повѣсть, писанная современникомъ. Мѣста, сходныя со Словомъ, попали не непосредственно, а изъ писанія Софоніи, потому что въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ о Дмитріи, упоминается о Софоніи или Софроніи.

Весьма можетъ быть, что текстъ обоихъ списковъ Задонщинъ, представляющій часть сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, записанъ по памяти, но первоначальное сказаніе — врядъ ли устное, и авторъ этой первоначальной редакціи врядъ ли пользовался Словомъ о полку Игоревѣ тоже по памяти: Слово было записано, можетъ быть, послѣ составленія, но Софоній могъ детально изучить его части только потому, что это былъ письменный памятникъ. (Здѣсь авторъ расходится съ мнѣніемъ Срезневскаго, отводившаго значительную долю участія памяти въ созданіи повѣстей и Слова). Итакъ, по мнѣнію проф. Смирнова, писаніе Софоніи записано по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ заимствованія — тоже книжный. Слово о Дмитріи — произведеніе книжнаго человѣка, источники его частью книжные, частью устные. Наконецъ, Повѣданіе — несомнѣнно книжнаго происхожденія, и заимствованія изъ Слова, большею частію, извлечены изъ рукописей.

Выводы эти, однако, не вполне ясны. О первыхъ двухъ спискахъ не сказано прямо — книжнаго они характера или нѣтъ; мало доказательствъ, почему слѣдуетъ раздѣлять авторовъ Задонщинъ (скорѣй уже это редакторы, чѣмъ авторы); неясно, изъ какихъ рукописей извлечены заимствованія въ Повѣданіе

изъ Слова. Авторъ же говорилъ, что эти заимствованія шли скорѣе изъ писанія Софоніи, чѣмъ изъ Слова. Редакціи не установлено, равно какъ вовсе не сказано объ отношеніяхъ списковъ Повѣданія между собою.

Тѣмъ не менѣе работа проф. Смирнова важна, какъ самое полное сравненіе поэтическихъ мѣстъ повѣстей со Словомъ, установленіемъ положенія, что Задонщина явилась ранѣе Повѣданія, подтвержденіемъ мнѣнія Срезневскаго о возможности существованія на Руси особой поэтической школы и попыткой установить послѣдовательное заимствование поэтическихъ мѣстъ въ памятникахъ.

Дѣленіемъ Соловьева на редакціи и предположеніемъ о существованіи литературныхъ школъ воспользовался И. Хрущовъ въ статьѣ, специально посвященной вопросу о Повѣстяхъ¹⁾. Въ общемъ онъ повторяетъ старыя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора замѣчается стремленіе поставить вопросъ на новую почву.

Памятники, прославившіе Куликовскую битву, по мнѣнію автора, состоятъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія лѣтописныхъ сводовъ; 2) поэтическаго, приписываемаго Софоніи; 3) Задонщины (изданной Ундольскимъ). Всѣ они въ частностяхъ видоизмѣнены.

Странно, что авторъ нигдѣ не упоминаетъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка. Вообще указанія на литературу вопроса у него неполны и случайны: упомянуты лишь Карамзинъ, Шевыревъ, Костомаровъ (говорившій о повѣстяхъ лишь вскользь: онъ излагалъ только ихъ содержаніе) и Срезневскій. И послѣ этого авторъ говоритъ: «Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ».

Каждое изъ этихъ произведеній принадлежитъ особой школѣ. Первая школа — сѣверо-русское лѣтописанье, отли-

---

1) И. Хрущовъ. О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Читенія въ О-вѣ Нестора Л.-ца. I. 1879.

чается большой искусственностью, книжностью, официальностью и общими мѣстами. Разсказчикъ не былъ очевидцемъ битвы, даже мало вслушался въ разсказы участниковъ. Вообще составлена повѣсть блѣдно. Анахронизмы отсутствуютъ, замѣтно желаніе соблюсти точность въ опредѣленіи дней и часовъ похода и битвы. Авторъ могъ знать о ходившихъ пѣсняхъ, но не воспользовался ими, замѣнивъ соотвѣствующими книжными вставками: въ пѣснѣ, напримѣръ, былъ плачъ боярынь, въ лѣтописную редакцію вставленъ эпизодъ съ плачущей Рахилью.

Вторая школа проникнута духомъ поэзіи религіозной, монашеской. Герой второго произведенія — Сергій, что даетъ возможность отнести Повѣданіе не иначе, какъ къ концу XV-го вѣка. Что касается вопроса объ авторствѣ Софоніи, основанномъ, главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ списка Ундольскаго и на томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣданіе приписывается Софоніи, то авторъ рѣшаетъ его по своему. Этотъ Софоній былъ первымъ прославителемъ Куликовской битвы, и произведеніе его дошло лишь въ отголоскахъ, занесенныхъ по памяти въ сказанія. Анахронизмы Повѣданія органичны, ихъ можно объяснить (помнили, напр., еще хорошо Кипріяна, Ольгерда ¹⁾), перенесеніе иконы во Владимиръ и пр.). Молитвы, по мнѣнію автора, составляютъ органическое цѣлое со стороны основной идеи составителя сказанія.

Для Повѣданія авторъ (первый изъ изслѣдователей) попытался указать на источники. Вѣроятно, были, говоритъ онъ, записки о походѣ, списки именъ участниковъ, разсказы о подробностяхъ сраженія, преданія о разныхъ видѣніяхъ во время боя, гусельныя словеса, старины, Софоніевы складки. Была, напр., цѣлая старина, по мнѣнію И. Хрущева, о томъ, какъ Дмитрій узналъ о походѣ Мамая, начинавшаяся, какъ и всѣ старины, пиромъ у тысяцкаго Микулы Васильевича. Въ Повѣданіи

---

1) Автору не былъ знакомъ ни одинъ изъ списковъ второй редакціи Сканія, иначе онъ не говорилъ бы этого.

вообще много мѣстъ, которыя составляли одно цѣлое, сохранившееся въ обломкахъ въ Задонщинѣ. Это цѣлое и принадлежитъ Софоніи; но ему приписывать составленіе Повѣданія — несомнѣнная ошибка.

Третья школа бѣдна на Руси произведеніями. Это школа письменной обработки пѣсенъ славы. Задонщина древнѣе Повѣданія (хотя у автора не приведены доказательства), она — какъ бы источникъ послѣдняго. Произведеніе же рязанскаго поэта до насъ въ цѣлости не дошло. (Авторъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго сп. и Синодальнаго, найденнаго позже, иначе онъ перемѣнилъ бы свою точку зрѣнія)¹⁾.

Выше было сказано, что на ряду съ положительными замѣчаніями, какъ-то: указаніемъ на самостоятельные виды повѣстей, признаніемъ существованія школъ, характеристикой Лѣтописной Повѣсти, попыткой указать источники, сомнѣніемъ въ принадлежности Повѣданія перу Софоніи, у автора встрѣчаются ничѣмъ недоказанныя положенія. Причину отсутствія достаточнаго основанія въ сужденіи о повѣстяхъ слѣдуетъ искать въ томъ, что и г. Хрущовъ, какъ и остальные изслѣдователи, не занялся изученіемъ состава списковъ Повѣданія.

Какъ извѣстно, повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ вошла въ народныя лубочныя картины. Д. Ровинскій, издавая послѣднія, высказалъ о ней нѣсколько своихъ замѣчаній²⁾. Старѣйшей редакціей онъ признаетъ Задонщину, но подъ ней, очевидно, разумѣетъ и Повѣданіе и списки Кирилло-Бѣлозерскій и Ундольскаго. Въ остальномъ онъ просто повторяетъ мнѣнія Карамзина, — приписывая эту редакцію іерею Софронію, и арх. Варлаама, — считая, что древнѣйшій списокъ подъ № 378 Румянцевскаго музея заимствованъ у Софоніи. Кромѣ того, въ лѣтописяхъ и хронографахъ занесены, говоритъ онъ, разныя

1) Въ своей другой книгѣ: «Бесѣды о русской литературѣ», Спб. 1900, авторъ только элементарно рассказалъ содержаніе Повѣданія и Задонщины.

2) Русскія народныя картинки. Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1881. Т. XXVI.

отдѣльныя описанія того же событія, то книжнаго, то народнаго происхожденія. Изъ разбора подробностей вытекаетъ, по мнѣнію автора, что 1) кромѣ извѣстныхъ, существовало множество другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ и 2) — послѣ составленія первоначальныхъ редакцій въ нихъ вносились разные эпизоды, даже въ самое позднее время. Последнее обстоятельство было причиной появленія анахронизмовъ. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Д. Ровинскій, вопреки предыдущимъ изслѣдователямъ, говоритъ, что Задонщиной народъ восхищался, переживая ея описанія. Хотя текстъ ея составилъ подѣ влияніемъ Слова о полку Игоревѣ, но послѣднее по содержанію и по обилію поэтическихъ хитросплетеній не представляло для народа такого интереса, какъ описаніе Куликовской битвы.

Вообще замѣчанія Д. Ровинскаго высказаны попутно и значенія особаго не имѣютъ. Одно только заслуживаетъ вниманія, что Ровинскій, первый послѣ Снегирева, намѣтилъ существованіе послѣдовательныхъ редакціонныхъ переработокъ.

Обстоятельный разборъ редакцій Повѣстей далъ въ своихъ лекціяхъ проф. О. Миллеръ ²⁾. Въ нихъ авторъ изложилъ тѣ выводы, къ которымъ пришла литература о повѣстяхъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, въ иныхъ — повторилъ ошибки предыдущихъ изслѣдователей.

Основываясь на упоминаніи имени Софоніи однимъ изъ позднѣйшихъ списковъ Повѣданія, — спискомъ Ундольскаго и отрывкомъ въ Тверской лѣтописи, О. Миллеръ выразилъ предположеніе о существованіи какого-то древнѣйшаго сказанія, принадлежавшаго этому Софоніи. (Эта мысль принадлежитъ, какъ указано выше, г. Хрущову). Тотъ же матеріалъ, который дошелъ до насъ, можно разбить на три редакціи. Къ первой принадлежитъ современная, лѣтописная, составленная москвичемъ, близко стоявшимъ къ в. кн. Дмитрію, котораго онъ

---

1) *Id.* Т. XXVII.

2) Лекціи по исторіи русской литературы. Спб. 1883/4. Литограф. изданіе.

идеализируетъ. Признаками современности служатъ отсутствіе упоминанія о митрополитѣ, негодующій тонъ на Олега. Судя по тому, что преп. Сергій является въ ней лицомъ не легендарнымъ, написаніе редакціи слѣдуетъ отнести ко времени около 1392 г. Разсказъ редакціи полонъ исторической правды, опредѣленія мѣста и времени чрезвычайно точны. Встрѣчающіяся эпическія мѣста (напр., описаніе боя) авторъ могъ знать по знакомымъ ему наизусть образцамъ. Таково мнѣніе О. Миллера о первой редакціи. Напрасно авторъ считаетъ разсказъ ея полнымъ правды. Мнѣніе г. Хрущова, котораго авторъ, кстати сказать, чрезвычайно цѣнитъ, было въ этомъ случаѣ иное и ближе къ истинѣ.

Второй редакціей О. Миллеръ ставитъ Задонщину, напрасно считавшуюся, по его словамъ, третьей редакціей. Разбирая мнѣнія о ней изслѣдователей, авторъ считается съ двумя: съ — признававшимъ одну общую эпическую основу для нея и для Слова (мнѣніе Срезневскаго) и съ другимъ, считающимъ Задонщину книжнымъ подражаніемъ Слову. О. Миллеръ присоединяется къ послѣднему, такъ какъ Срезневскій въ своихъ доказательствахъ «доходитъ иногда до странныхъ выводовъ и непонятныхъ заключеній».

Въ третьей редакціи — Повѣданіи авторъ обращаетъ вниманіе на двойное заглавіе (на что еще указывалъ Назаровъ) — «Повѣданіе и Сказаніе», и говоритъ, что оно заставляетъ подразумевать два источника: книжный и устный. Дѣйствительно, первая половина Повѣданія книжная, вторая — съ большими заимствованіями изъ устныхъ сказаній. Излагая вкратцѣ исторію изданій Повѣданія, О. Миллеръ повторилъ разсказъ Калайдовича о находкѣ этого памятника Тимковскимъ. Со Снегиревымъ авторъ не согласенъ въ томъ, чтобы сравнивать Повѣданіе со Словомъ, такъ какъ въ Повѣданіи больше мѣстъ обще-эпическихъ, чѣмъ заимствованныхъ. Въ основѣ Повѣданія лежитъ та же повѣсть, что и въ первой редакціи, но распространенная вставками изъ другихъ источниковъ или риториче-

скими украшеніями. (О. Миллеръ повторяетъ того же «Урана»). Дмитрій идеализировать въ ней еще больше. Взятými изъ другихъ источниковъ авторъ считаетъ рассказы о чудесахъ, предзнаменованія передъ битвой, эпизодъ съ Бренкомъ и пр. Вообще же сводка сдѣлана искусно, хотя слѣды спаякъ не исчезли.

Изъ работъ по повѣстямъ О. Миллеръ называетъ главные: Бѣляева, Снегирева, Срезневскаго, Назарова и Хрущова (последнихъ, особенно Хрущова, онъ цѣнитъ высоко).

Эта же третья редакція, только съ измѣненіями и прибавками изъ устныхъ рассказовъ, вошла въ Никоновскую лѣт. и позже, въ XVII вѣкѣ, — въ Синописи, съ эпическими подробностями въ описаніи вооруженія въ рассказѣ о Захаріи Тютчевѣ. Изъ Синописиса — вошла въ народныя сказки.

О. Миллеръ, какъ и предыдущіе изслѣдователи, дѣлитъ всѣ повѣсти на редакціи, тогда какъ онѣ распадаются на три самостоятельныхъ вида. Кромѣ того совершенно непонятно, почему повѣсть Никоновской лѣт. имѣетъ большее количество вставокъ, чѣмъ Повѣданіе по списку Снегирева? Утверждать это положеніе — значитъ вовсе быть незнакомымъ съ текстомъ Никоновской лѣт. То же можно сказать и о Синописи: авторъ голословно повторилъ заключенія своихъ предшественниковъ.

За О. Миллеромъ остается заслуга, что онъ окончательно установилъ хронологическій порядокъ возникновенія повѣстей такъ, какъ онъ былъ намѣченъ предыдущими изслѣдователями.

Между тѣмъ Д. И. Иловайскій въ своей Исторіи¹⁾ держится совершенно иного мнѣнія. Считая Повѣданіе одной редакціи съ Никоновской лѣтописью, только поэтичнѣй (уже это одно показываетъ, что редакція не одна), историкъ говоритъ, что авторомъ его былъ Софоній рязанецъ, духовное лицо. И Задонщина и отрывокъ Тверской лѣтописи подтверждаютъ это. Повѣданіе сочинено Софоніемъ вскорѣ послѣ битвы и впослѣдствіи послу-

---

1) Д. Иловайскій. Исторія Россіи. М. 1884. Т. II. Прим. 31.

жило источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сказаній и словъ — и лѣтописнаго, и Задонщины, и Никоновской л., и той повѣсти, которая въ передѣлкахъ, съ пропусками и вставками, стала достояніемъ многочисленныхъ сборниковъ. Последніе лучше удержали языкъ первоисточника, языкъ, перемѣненный въ лѣтописяхъ на лѣтописный ладъ. Что первоначальное Повѣданіе сочинено вскорѣ послѣ битвы, доказывается именами убитыхъ князей и воеводъ, вездѣ одинаковыми, именами гостей-сурожанъ, развѣдчиковъ; дѣти кн. Дмитрія указаны именно тѣ, которые были во время похода ¹⁾).

Синописисъ — то же Повѣданіе, только передѣланное въ литературную повѣсть XVII вѣка.

Попытка историка представить первоначальное писаніе Софонія повліявшимъ на всѣ последующія повѣсти никакъ не можетъ назваться удачной. Слишкомъ отличны редакціи, чтобы всѣмъ имъ предполагать одинъ оригиналъ. Изъ всей замѣтки Д. И. Иловайскаго интересно лишь одно замѣчаніе о двухъ моментахъ описанія: въ битвѣ, въ сущности, описывается, говоритъ историкъ, начало боя и выходъ засаднаго полка, а не другія перипетіи боя, несомнѣнно бывшія; объяснить это можно тѣмъ, что Софоній писалъ только похвалу Дмитрію и Владимиру, а не полный отчетъ о битвѣ.

Въ 1885 г. появилась работа Тимофеева ²⁾, о которой ак. А. Н. Пыпинъ отзывался какъ объ изслѣдованіи, наиболѣе подробно разсмотрѣвшемъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

На ряду съ старинными объ освобожденіи отъ татарскаго ига возникли и книжныя произведенія на ту же тему, говоритъ авторъ. Эти книжныя произведенія дѣлятся на двѣ редакціи.

1) Между тѣмъ ниже авторъ самъ себя противорѣчить: «Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ — и особенно во время битвы» (стр. 547).

2) Тимофеевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, VIII и IX.

Первая представляет спокойное изложение, перерываемое изрѣдка вставками изъ Слова о полку Игоревѣ; вторая, менѣе пространная, рабская копія Слова. Къ первой относится Повѣданіе, ко второй — Задонщина (по двумъ спискамъ).

Въ основу своего разбора Повѣданія авторъ положилъ списокъ проф. Тихонравова, относимый имъ къ концу XVI или началу XVII вѣка. Кромѣ этого списка Тимофееву были знакомы (т. е. онъ о нихъ упоминаетъ) еще 13: шесть бывшихъ гр. Толстого, теперь Императорской Публичной Библіотеки; отрывки изъ списка Ермолаева; списокъ Морозова; Тимковскаго; два — Архива министерства иностранныхъ дѣлъ и два бѣло-русскихъ (Буслаева и «Книга о побойщи Мамая царя»).

Кромѣ того списки Повѣданія находятся въ Софійскомъ Временникѣ, въ Кіевскомъ Синописѣ, «сходные между собою буква въ букву». (Здѣсь какая то нелѣпость, потому что оба текста — двухъ совершенно отличныхъ видовъ и общаго между собою ничего не имѣютъ).

Вообще списки «одинаковы», разница благодаря интерполяціи или отъ произвола переписчиковъ. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одно не дошедшее сказаніе. Ближе къ послѣднему — списокъ Тихонравова, но и онъ не первоначальный. (На самомъ же дѣлѣ и списки представляютъ чрезвычайное разнообразіе, и Тихонравовскій списокъ всего дальше ушелъ отъ оригинала).

Разбирая вторую редакцію, авторъ сравниваетъ сходныя мѣста со Словомъ (это послѣ работы Смирнова!) и указываетъ, что поэтический элементъ въ Задонщинѣ стоитъ на первомъ планѣ. Изъ двухъ списковъ текстъ сп. Ундольскаго полнѣе и представляетъ какъ бы переходъ къ Повѣданію. При этомъ авторъ высказываетъ предположеніе: не представляетъ ли списокъ Ундольскаго текста Задонщины въ неполномъ видѣ, съ пропусками и пробѣлами, которые восполняются подставленіемъ соответствующихъ мѣстъ изъ другого списка Задонщины? (Предположеніе странное послѣ вполне отвѣчающей на это работы Срезневскаго).

Далѣе авторъ разбираетъ Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Никоновской лѣтописи. Последняя редакція, имѣвшая оригиналомъ Повѣданіе, полнѣе, но безъ поэтического элемента. Составлена она, можетъ быть, по какому-либо варианту Повѣданія.

О редакціи Синописиса Тимофеевымъ сказано еще меньше. Указывается лишь на то, что Повѣданіе менѣе измѣнено въ этой редакціи, выброшены одни поэтическія мѣста.

Авторъ совершенно незнакомъ съ литературой вопроса и увѣряетъ, что о повѣстяхъ существуютъ лишь «бѣглыя замѣтки». Упоминаются: Карамзинъ, м. Евгений, Арцыбашевъ, Бѣляевъ, Ягичъ, Шевыревъ и Соловьевъ. Всѣ эти имена, видно, взяты наудачу.

Оригинально мнѣніе автора о Софоніи: Повѣданіе и Задонщину, говоритъ онъ, писали два разныхъ лица: Задонщину — рязанскій старецъ Софоній, Повѣданіе — іерей Софроній, жившій въ концѣ XV в. Задонщина (сп. Кирилло-Бѣлозерскій) возникла въ Рязани, списокъ Ундольскаго — въ Переяславлѣ Загѣсскомъ или гдѣ-нибудь по близости отъ Москвы (какъ же, въ такомъ случаѣ, у нихъ одинъ авторъ?) наконецъ и Повѣданіе — гдѣ-нибудь въ Новгородской землѣ, судя по сп. Тихонравова.

Выводы автора таковы:

- 1) Оригиналъ Повѣданія утраченъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ первоначальной редакціи.
- 2) Повѣданіе и Задонщина руководились Словомъ о полку Игоревѣ.
- 3) Оригиналами обоихъ памятниковъ были двѣ разныя редакціи.
- 4) Оба памятника составлены въ концѣ XV вѣка. Варлаамовская редакція первоначальна, она относится къ XV вѣку.
- 5) Списки возникли на сѣверѣ (Новгородъ), юго-западѣ (Бѣлоруссія или Кіевъ) и въ Московско-Суздальской области.
- 6) Повѣданіе имѣло вліяніе на позднѣйшую литературу о битвѣ.

7) Литература о самих памятниках — скудна.

Изъ разсмотрѣнія работы Тимофеева не трудно видѣть, что она совсѣмъ неудовлетворительна. Авторъ довелъ до крайности нежеланіе знакомиться съ литературой вопроса. Отсюда вытекаетъ голословность его выводовъ, неясность раздѣленія на редакціи, потому что все написано на основаніи двухъ-трехъ старыхъ умозаключеній, наивныя заключенія, вродѣ того, что Слово о Дмитріи есть переходъ къ Повѣданію. Нѣтъ ссылокъ на такія работы, какъ Назарова, Хрущова, Смирнова, Срезневскаго. Объ именахъ составителей очень натянутое положеніе, равно какъ и по вопросу о мѣстѣ и времени возникновенія редакцій. Совсѣмъ невѣрно указано на сходство Синописа съ Софійскимъ временникомъ. Неправильно все, что относится къ Никоновской лѣтописи. Не доказано, почему слѣдуетъ раздѣлять списки Задонщинъ. Кромѣ того авторъ въ большинствѣ случаевъ самъ себя противорѣчитъ.

Принимая все это во вниманіе, никакъ нельзя согласиться съ ак. А. Н. Пыпинымъ, указывающимъ на полноту обзора Тимофеева. Авторъ, наоборотъ, нигдѣ не показалъ критической работы надъ составомъ текста и надъ сравненіемъ варіантовъ. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ это.

Не разъ уже выраженное предположеніе о возможности существованія на Руси школы, воспѣвавшей пѣсни славы (Срезневскій, Хрущовъ), особенно развилъ въ своемъ изслѣдованіи Е. В. Барсовъ ¹⁾, въ особой главѣ, посвященной отношенію Слова къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Въ ней авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, какъ такихъ, на которыхъ слѣды вліянія Слова замѣтны какъ непосредственное его воздѣйствіе.

Авторъ говоритъ, что современники не могли довольствоваться такимъ витіеватымъ, но холоднымъ разсказомъ о по-

---

1) Е. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси. М. 1887.

боищѣ, какой находился въ лѣтописныхъ сводахъ. Поэтому появились другія литературныя обработки, представляющія два типа: 1) поэмы, воспѣвавшія хвалу Дмитрію и его брату, и 2) повѣсти съ преобладаніемъ историческаго элемента.

Первыя дошли въ двухъ видахъ: краткомъ (Кирилло-Бѣлозерскій сп.) и пространномъ (сп. Ундольскаго). Въ краткомъ видѣ, буквально повторяющемъ Слово, указано и имя автора: Софонія рязанецъ (кто бы онъ ни былъ — іерей или бояринъ, важно, что онъ, воспользовавшись скорбью и радостью битвы, подражалъ Слову, гдѣ торжественный тонъ сливается съ элегическимъ), писавшій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ битвы.

Е. В. Барсовъ несогласенъ, слѣдовательно, съ мнѣніемъ проф. Смирнова о томъ, что Кирилло-Бѣлозерскій списокъ не первоначальный видъ писанія Софоніи, а копія, занесенная въ сборники по памяти. Особенность древне-русской письменности, говоритъ авторъ, та, что краткія редакціи предшествуютъ пространнѣйшимъ, и краткость писанія Софоніи заставляетъ признать его первоначальность. (Но здѣсь авторомъ не различаются понятія о краткости и сокращенности).

Авторъ пространнаго вида неизвѣстенъ, но первымъ источникомъ его поэмы служило писаніе Софоніи рязанца, о которомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ произведеніи. Изъ сравненія краткаго и полнаго вида оказывается, что распространеніе послѣдняго основано на счетъ того же Слова о полку Игоревѣ. (Запѣвъ, котораго нѣтъ у Софоніи, есть въ Словѣ, наибольшее тяготѣніе къ буквѣ Слова и болѣе стройное и логическое расположение частей. Однимъ словомъ, цѣлью автора пространнаго вида было — восполнить похвалу, написанную Софоніей). Предполагать о существованіи какой-либо пространной поэмы Софоніи и ея сокращеній — не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Таковы выводы автора, которые должны были бы измѣниться, еслибъ, Е. В. Барсовъ зналъ третій текстъ Задонщины, открытый уже спустя по написаніи его изслѣдованія.

Переходя къ разбору повѣстей второго типа, авторъ указываетъ на ихъ распространенность и разнообразіе. Главное же ихъ содержаніе, въ сущности, одно. Онѣ витіеваты, но риторическія украшенія заимствованы не непосредственно изъ Слова, а изъ повѣстей перваго типа. Заимствованія видоизмѣнялись и располагались согласно пониманію книжниковъ.

Большая часть дошедшихъ повѣстей — новгородскаго происхожденія: въ писаніи Софоніи говорится, что новгородцы не поспѣли къ бою, а въ повѣствованіяхъ — новгородцы принимаютъ дѣятельное участіе, ихъ семь, по другимъ спискамъ — сорокъ тысячъ. Очевидно, Новгороду хотѣлось принять хотя нравственное участіе въ битвѣ.

Однако этого мало для доказательства новгородскаго происхожденія повѣстей. Могъ существовать особый рассказъ о новгородскомъ ополченіи, потомъ уже вставленный въ текстъ повѣсти, какъ и другія вставки, на которыя указывали Хрущовъ и О. Миллеръ.

Много мѣста удѣлено у Е. В. Барсова на разборъ того, какъ отразилось въ Задонщинахъ Слово. Многое, оказывается, было не понято, о многомъ сказано глухо; сглажены многіе художественные образы, не поняты слова, такъ какъ авторы Задонщинъ были незнакомы съ мѣстными говорами или не поняли уже испорченныхъ мѣстъ Слова.

Въ заключеніе Е. В. Барсовъ вступаетъ въ полемику съ Ровинскимъ, указывая, что распространенность повѣстей именно слѣдуетъ усматривать въ ихъ сходствѣ со Словомъ.

Итакъ авторъ признаетъ, что Задонщина ранѣе Повѣданія, но раздѣленіе Задонщины на два самостоятельныхъ произведенія не выдерживаетъ критики. (Въ этомъ случаѣ Е. В. Барсовъ повторилъ выводъ проф. Смирнова). Вообще главное вниманіе изслѣдователя все-таки лежало на Словѣ, и поэтому о многомъ, касающемся повѣстей, высказано кратко или общими словами, еще требующими провѣрки, о многомъ (напримѣръ — о составѣ текста, редакціяхъ) вовсе не говорится.

Какъ уже выше было указано, въ 1890 г. нашелся третій списокъ Задонщины, изданный проф. Смирновымъ ¹⁾. Свое изданіе текста А. И. Смирновъ снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ, изъ разбора сходныхъ мѣстъ Синодальнаго списка съ соотвѣтствующими Ундольскаго и Кирило-Бѣлозерскаго, онъ выводитъ, что 1) Синодальный — ближе къ Ундольскому, 2) Синодальный не представляетъ простой копіи Ундольскаго, но оба восходятъ къ одному оригиналу; оба переписчика въ иныхъ мѣстахъ буквально переписывали, въ другихъ передѣлывали оригиналъ.

Синодальный списокъ еще не былъ предметомъ изслѣдованія, но его содержаніе такого рода, что могло бы во многомъ измѣнить предыдущіе выводы о Задонщинѣ.

Лѣтописной повѣсти коснулся въ своемъ трудѣ объ общерусскихъ лѣтописныхъ сводахъ ак. А. А. Шахматовъ ²⁾. Въ 5-й главѣ, посвященной разбору источниковъ полихрона 1423 г., А. А. Шахматовъ касается лѣтописнаго сказанія о побойщѣ. Владимирскій полихронъ, говоритъ авторъ, былъ составленъ въ 1423 г. при митрополичьемъ дворѣ. Нѣкоторыя событія до 1390 могли войти въ него изъ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ. Но въ послѣдней отсутствовало сказаніе о Мамаевомъ побойщѣ, такъ что оно внесено въ сводъ впервые въ 1423 году, хотя составлено еще въ XIV вѣкѣ.

Въ наиболѣе близкомъ къ первоначальной редакціи видѣ сказаніе сохранилось въ Новгородской IV, Софійской 1 и 2 и Ростовской лѣтописяхъ, въ Воскресенскую попало съ значительными сокращеніями, а въ Никоновскую въ распространенномъ и поновленномъ видѣ.

Такимъ образомъ мысль о первоначальности Лѣтописной Повѣсти окончательно подтверждена результатомъ критической работы автора надъ составомъ лѣтописныхъ текстовъ.

1) 3-й списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII вѣка. *Рус. Фил. Вѣстникъ*. 1890. Варшава, № 2.

2) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, XI.

Одно только мнѣ неясно въ выводахъ А. А. Шахматова: въ чемъ заключаются «значительныя» измѣненія текста повѣсти въ Воскресенской лѣтописи. Наоборотъ, повѣсти, помѣщенные въ Воскресенской и Софійской 1 лѣтописяхъ, скорѣе слѣдуетъ считать чрезвычайно сходными между собою.

Наконецъ къ весьма недавнему времени относится небольшая работа, рефератъ Х. Лопарева: «Къ литературной исторіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». (Сборникъ Памяти Л. Н. Майкова. Спб. 1902). Въ ней авторъ указываетъ на недостатокъ въ серьезномъ критическомъ анализѣ памятниковъ: научные приемы какъ то не коснулись повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, и въ учебникахъ, говоритъ онъ, господствуетъ ошибочный взглядъ на всю ихъ литературную исторію.

Этимъ замѣчаніямъ въ сущности и кончается въ разбираемой статьѣ положительный вкладъ въ литературу вопроса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ дѣлаетъ непростительно ошибочныя заключенія, основанныя, очевидно, на полномъ незнакомствѣ со списками, даже находившимися у него подъ рукою. Такихъ списковъ автору извѣстно 23, считая въ томъ числѣ и напечатанные: у Снегирева, въ Никоновской л., у Сахарова и въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Кромѣ того, нѣкоторые онъ цитируетъ изъ вторыхъ рукъ: Тихонравовскій изъ статьи Тимофѣева, Синодальный — изъ Карамзина. Общую характеристику ихъ авторъ дѣлаетъ правильно, замѣчая, что множество разночтеній въ спискахъ зависитъ отъ произвола писцовъ: каждый занимался самостоятельнымъ пересказомъ повѣсти.

Эти списки авторъ дѣлитъ на 2 редакціи: краткую и полную. Первая ближе къ оригиналу. Это было бы вѣрно, если бы само дѣленіе было правильно. Между тѣмъ авторъ во 2 редакціи рядомъ ставитъ списки: Никоновской л. — тогда какъ онъ сравнительно всѣхъ кратче, и — Тихонравовскій, — самый полный и вполне отличной отъ перваго редакціи. Съ другой стороны списокъ Тимковскаго, поставленный имъ въ краткую редакцію никакъ не можетъ быть одного разряда съ бѣлорусскими, кромѣ

того онъ и не краткій, а случайно сокращенъ (выпусками нѣкоторыхъ мѣстъ).

Далѣе, особенностью второй редакціи, по Х. Лопареву, является развитіе эпизода о Захаріи Тютчевѣ, вставка разсказа о Новгородцахъ и посѣщеніе Троицы послѣ битвы — распространенія, явившіяся результатомъ толковой обработки. Но въ Снегиревскомъ и въ Никоновскомъ всѣхъ этихъ распространеній нѣтъ, а они тѣмъ не менѣе поставлены во вторую редакцію. Въ остальныхъ перечисленныхъ авторомъ спискахъ эти эпизоды встрѣчаются въ разбивку. (Это и понятно: въ одну редакцію Х. Лопаревымъ соединены, какъ я говорилъ, списки разныхъ редакцій).

Еще страннѣе заключеніе автора о времени возникновенія повѣстей. Основной списокъ относится къ XV вѣку: его возникновенію дало толчокъ событіе 1480 года, обусловившее подъемъ русскаго духа. Повѣсти не могли возникнуть раньше, иначе не было бы «анахронизмовъ»: «обѣ редакціи Сказанія, говоритъ Х. Лопаревъ, *замѣчательно согласны*¹⁾ между собою о союзѣ Мамае съ Ольгердомъ... *ни въ одномъ спискѣ, въ которомъ было бы выставлено настоящее имя литовскаго князя (Ягайла)*¹⁾. Я не буду указывать на рукописи: автору онѣ не извѣстны, но онъ цитируетъ *печатный* Никоновскій списокъ, а тамъ какъ разъ имя князя — Ягайло. Такихъ ошибокъ не дѣлали предыдущіе изслѣдователи.

Изъ этой точки зрѣнія вышло и заключеніе автора: Сказаніе представляетъ работу несамостоятельную, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ и слабую — отсутствуютъ историческія перспективы.

Таковы историко-литературныя изслѣдованія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ²⁾. Изъ предыдущаго изложенія приходится заключить, что въ теченіе цѣлаго вѣка почти ничего не было

1) Курсивъ мой.

2) Къ сожалѣнію, я не могъ достать лекцій Н. С. Тихонравова, къ кому ни обращался. Безъ нихъ мой обзоръ — не полонъ.

сдѣлано положительнаго по этому вопросу. Еще Бестужевъ-Рюминъ указывалъ на крайнюю запутанность въ раздѣленіи повѣстей на редакціи. Тимофеевъ въ 1885 г. писалъ: «Критической работы, работы надъ составомъ текста, сравненія разночтеній и вариантовъ — еще не появлялось до сихъ поръ въ нашей литературѣ: къ сожалѣнію у насъ нѣтъ до сихъ поръ даже изданія всѣхъ существующихъ списковъ Повѣданія и Задонщины». Въ своей Исторіи русской литературы акад. А. Пыпинъ указываетъ на то же самое, признавая, что вопросъ еще далеко не выясненъ; о томъ же говоритъ, какъ выше указано, Х. Лопаревъ.

Между тѣмъ прослѣдить эволюцію памятника за 4 вѣка его существованія имѣетъ несомнѣнный интересъ и весьма важное значеніе для исторіи русской литературы. Исторія древней литературы есть, въ сущности, исторія редакцій, и при сужденіи о ней необходимо останавливаться не только на оригиналахъ памятниковъ, но и на ихъ послѣдующихъ обработкахъ.

Итакъ, положительными данными по вопросу о повѣстяхъ слѣдуетъ пока признать:

1) Редакціи повѣстей подвергались послѣдовательной обработкѣ (Снегиревъ, Ровинскій).

2) Задонщина находится въ прямомъ отношеніи со Словомъ о полку Игоревѣ, изъ котораго заимствовала поэтическія мѣста (Снегиревъ, Дубенскій, Бѣляевъ, Срезневскій, Полевой, Соловьевъ, Смирновъ, Барсовъ).

3) Текстъ повѣстей искаженъ, и списки чрезвычайно разнятся между собою.

4) Повѣсти раздѣляются приблизительно на три категоріи, въ такомъ порядкѣ: Лѣтописная «редакція» — Задонщина — «Повѣданіе». Лѣтописная повѣсть — первоначальна. (Соловьевъ, Назаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, О. Миллеръ, Барсовъ, А. А. Шахматовъ).

5) Повѣсть, находящаяся въ лѣтописяхъ находится въ

близкой связи съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ (Соловьевъ, Назаровъ).

5) Матеріаломъ для дополненія повѣстей могли служить многочисленные и разнообразныя источники (Назаровъ, Хрущовъ, О. Миллеръ).

Въ остальномъ — мнѣнія изслѣдователей расходятся.

ГЛАВА II.

ЛѢТОПИСНАЯ ПОВѢСТЬ.

Помѣщенное въ лѣтописяхъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, которое я предлагаю назвать *Лѣтописной Повѣстью*, находится во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV лѣтописи, затѣмъ въ Софійской I и Воскресенской.

Академикъ А. А. Шахматовъ указываетъ слѣдующія 4 редакціи Новгородской IV л.: 1) *Основная*, представляемая такъ называемой Карамзинской лѣтописью (Пуб. Б-ки Ф. IV. 603), содержащая свѣдѣнія болѣе первоначальныя. 2) *Древнѣйшая, первая*, развившаяся изъ основной; представляется двумя списками: Новороссійскаго Университета и Голицинской лѣтописью (Пуб. Б-ки, гр. Толстого II, 58); 3) *Вторая*, — напечатана въ 4 томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и, наконецъ — 4) *Третья*, представляющая нѣкоторое сокращеніе второй и приближеніе къ Новгородской I. Третью редакцію составляютъ списки: а) Синодальной Б-ки № 280, принятый въ число вариантовъ при печатномъ изданіи подъ литерой X; б) Супрасльскій и в) Кирилло-Бѣлозерскій: по этимъ двумъ спискамъ была издана въ 1836 г. кн. Оболенскимъ такъ называемая Супрасльская лѣтопись; г) Виленской Публичной Б-ки, напечатанный подъ именемъ Лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л., т. XVI); д и е) — два Погодинскихъ (Публичной Б-ки № 1402 и № 1404 а).

По времени всѣ эти редакціи весьма близки другъ къ другу: основная относится къ 1448, остальные къ періоду времени между 1448—1453 гг.

Находящаяся въ этихъ редакціяхъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ не однородна по составу. Она распадается на два основныхъ типа (или редакцій) *краткій* и *распространенный*.

Краткая повѣсть находится *въ спискахъ третьей редакціи*.

Эти списки, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна носитъ всѣ слѣды сѣверо-великорусскаго (новгородскаго) говора, другая — лишена діалектическихъ особенностей и можетъ быть отнесена къ Москвѣ.

Сѣверо-великорусскую группу представляютъ слѣдующіе три списка: 1) Супрасльскій (для краткости обозначу его лите-рой С), начала XVI в.; 2) Кирилло-Бѣлозерскій (К-Б), конца XV или начала XVI в. и 3) Лѣтопись Авраамки (А), конца XV в., судя по припискѣ, находящейся послѣ повѣсти объ арх. Арсеніи, въ которой указывается, что лѣтопись списана въ 1495 г. въ Смоленскѣ Аврааміемъ по повелѣнію еп. Іосифа.

Изъ этихъ списковъ К-Б ближе къ А, чѣмъ къ С.

Отступленія же текста С отъ А въ общей сложности также незначительны. Встрѣчается замѣна нѣкоторыхъ словъ, напр.: А — «на всю *силу* русскую», въ С — «на всю *землю* русскую»; А — «размѣсиша», С — «размѣнішася»; А — «мнози небывалци», С — «множество небывалци» и т. п.

Нѣкоторыя фразы въ С противъ А прибавлены: такъ, послѣ словъ: «Ягайло идетъ на тебе» — слѣдуетъ: «с татары съ всею силою своею»; передъ фразой: «аще ли умремъ за миръ, Господи есме» вставленъ несомнѣнный пропускъ текста А: «аще живи будемъ, Господи есмя».

Но чаще, чѣмъ вставки, наблюдаются въ С пропуски фразъ противъ А: пропущена, напр., фраза: «избави мя отъ сыроядецъ сихъ», находящаяся въ А не вполне у мѣста: «не презри хрестьянъ сихъ, избави мя отъ сыроядецъ сихъ и помилуй мя». Пропущена въ С фраза: «и поидоша за Донъ». Въ текстѣ А:

«иже крѣпко бишася съ иноплеменники, твердо брашася и мужескы храброваша», въ С: «съ иноплеменники.... брашася» — нѣтъ.

Всѣ эти пропуски, вставки, измѣненія и перестановки словъ слѣдуетъ относить, главнымъ образомъ, на долю переписчиковъ. Однако въ разбираемыхъ текстахъ отмѣчаются болѣе существенныя разночтенія.

Слова: «отъ насъ изыдоша и на ны быша», въ С, какъ и во многихъ другихъ спискахъ Лѣтописной Повѣсти, приписываются Христу, только текстъ А относитъ ихъ къ словамъ апостола. Последнее — вѣрнѣе, потому что цитата эта представляетъ перефразъ 19 стиха II главы перваго посланія ап. Іоанна: «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ». Затѣмъ, вмѣсто: «се бо всташа на нь три земли, три рати.... но обаче всѣхъ сихъ не убоися», въ С стоитъ: «се бо всташа на мя»...., и вся вставка изложена отъ перваго лица, хотя по контексту здѣсь не слова великаго князя, а рѣчь о немъ.

Эти примѣры должны указывать уже на известную порчу С сравнительно съ А. Поэтому послѣдній, въ виду большей исправности текста, (вмѣстѣ съ К - Б) слѣдуетъ считать болѣе близкимъ къ оригиналу. Тѣмъ не менѣе для А и С нужно предполагать одинъ общій источникъ. Доказательствомъ служатъ одинаково встрѣчающіяся въ томъ и другомъ текстѣ ошибки или описки. Вмѣсто чтенія: «вземъ», «воспримъ», «убійства», въ А и С одинаково написано: «въземъ», «въсьпримемъ», «убожьства». Въ текстѣ А вмѣсто: «да и прочія то *видѣше*» — ошибкою написано «ввише»; въ С — этого слова нѣтъ совсѣмъ, такъ что въ оригиналѣ уже была ошибка или неразборчивое слово, которое переписчикъ не счелъ возможнымъ исправить. Наконецъ, списки А и С одинаково высчитываютъ количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ во многихъ другихъ: «сто тысячъ и сто».

Ко второй группѣ относятся два Погодинскихъ №№ 1402

и 1404 а. Прежде всего замѣчу, что текстъ, Повѣсти въ обоихъ *одинаковъ*.

Въ сравненіи съ текстомъ А, разбираемые списки, за исключеніемъ погрѣшностей при перепискѣ, представляютъ текстъ еще болѣе близкій къ оригиналу. Погрѣшности снова выражаются или въ видѣ замѣны словъ: «страстный» вм. «смертный», «множество» — вм. «мужество», или повтореній: «і в то время» — напр. написано дважды, или пропусковъ, изъ которыхъ одинъ, случайный, довольно значителенъ ¹⁾.

Что Погодинскіе списки представляютъ текстъ лучший, доказывается тѣмъ, что изъ двухъ ошибокъ: «вѣземъ» и «вѣсь-пріимемъ» оставлена лишь одна «возмемъ»; количество рати сосчитано правильно: «сто пятьдесятъ тысящъ»; вм. чтенія А: «не ходи тѣи бо понеже» стоитъ ясное: «не ходити бо понеже»...; есть пропущенная фраза: «аще ли живи боудемъ Господевн есме»; дополненъ и слѣдующій пропускъ въ А послѣ словъ: «мнози изгонящїи мя»: — «и стоужающен ми»; при перечисленіи убитыхъ въ значительномъ большинствѣ списковъ упоминается «Левъ Морозовъ»: текстъ А читаетъ «Мозыревъ», въ Погодинскомъ № 1404 а — «Морозовъ» написано по подчищенному «Мозыревъ» — нужно думать, что такое чтеніе было и въ ори-

---

1) ... «Половци узрѣвше великаа силы [и поидоша, земля тутняше, горы и холми трясасуся отъ множества вой бесчисленыхъ, и изъвлекоша оружїа своя и якоже орли събирахуся, и якоже есть писано: гдѣ бысть трутъ, тутю же и орли. Пришедшимъ рокомъ, преже бо начаша ступатися сторожовыи полкы рускы с татарскими, самъ же великый князь наѣха напередъ въ сторожовыхъ полцѣхъ в гонце и хоругви на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго діавола Мамая, и тако потомъ недолго попустя отѣха князь в великий полкъ; иже пакы поиде великая рать мамаява и вся сила татарская, а отселѣ поиде великый князь Дмитрій Ивановичъ съ всеми князи рускими, изрядивъ полкы, и поступи противу поганыхъ половѣцъ съ всѣми ратьми своими. И възрѣвъ на небо умиленыма очима, и въздохнувъ из глубины сердца, рече слово псаломское: братъ! Богъ намъ прибѣжище и сила; и внезапно абіе съступившася обѣ величїи силы вмѣсто] на долгъ часть, и покрыша полкы поле»... Здѣсь пропущено все заключенное въ прямыхъ скобкахъ. Нужно думать, что въ оригиналѣ, съ котораго писалъ переписчикъ, былъ утраченъ листъ.

гиналъ; нѣтъ ясной ошибки А: «Литва над *нами* игры творять», — въ Погодинскихъ: «над *нами*»; въ разсказѣ о судьбѣ Мамаевой отсутствуетъ находящееся въ А заглавіе: «О Мамай», и разсказъ, такимъ образомъ, тѣснѣе соединенъ съ общимъ текстомъ. Наконецъ, по изложенію текстъ Погодинскихъ списковъ стройнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ опущены тавтологическія выраженія и заведомо позднія вставки. Въ последнемъ случаѣ отмѣчу, что во фразѣ: «и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика» — слово «Москвѣ» пропущено, что вполне естественно, такъ какъ извѣстно, про какой городъ идетъ рѣчь.

Повѣсть, носящая въ Погодинскихъ спискахъ заглавіе: «О побойщи иже на Доноу и како бился князь великій Дмитрей Ивановичъ, како моужество его надъ тотарь» —, оканчивается разсказомъ о судьбѣ Мамай. Нѣтъ, слѣдовательно, находящагося въ А разсказа «О прихоженіи Тахтамышовѣ въ Орду исперва», отчего стройность Повѣсти въ Погодинскихъ спискахъ выигрываетъ еще больше.

Нѣсколько дальше отъ вышеизложенной группы списковъ стоитъ списокъ Х (Син. Б-ки № 280). Что онъ восходитъ къ тому же оригиналу, что и предыдущіе, показываетъ наличие общаго чтенія: «възъемъ», «въспрімемъ», «и горкія печали вашего убожества», число войска — «сто и пятьдесятъ тысячъ». Въмѣсто испорченнаго «вивше» въ Х находится уже попытка исправленія: «прімше».

Но Х представляетъ позднѣйшую переписку. Цитата: «отъ насъ изыдоша» . . . . приписывается Христу, какъ въ спискахъ другихъ редакцій. Главной же особенностью текста Х является присутствіе въ немъ такихъ вставокъ, которыя характерны для другихъ редакцій Новгородской IV л., почему издателями этотъ текстъ включенъ въ число вариантовъ при печатномъ изданіи, т. е. списокъ Х, принадлежа къ третьей редакціи, въ то же время относится и ко второй. Характеръ его, слѣдовательно, переходный.

Въ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV — текстъ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *распространенный*.

Тексты Повѣсти въ спискахъ основной и первой редакцій (Карамзинская и Голицинская лѣтописи) немногимъ отличаются другъ отъ друга. Лучшее чтеніе мѣстами находится то въ одной, то въ другой. Въ выраженіяхъ: «свѣта» — вм. «совѣтника»; *амляно было бляше того утра* — вм.: *амла не была бляше того утра*; «а татаринъ русина настигаше» — вм.: «татаринъ си настигаше»; «гдѣ будетъ троупіе ту сберутся и орли» — вм. «гдѣ трупы ту и орли»; «видѣша поганіи *помци*» — вм. «*полоци*» — Карамзинская представляетъ лучшее чтеніе.

Наоборотъ: количество войска въ Голицинской высчитывается правильно — «сто пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ въ Карамзинской повторяется нескладное число: «сто тысячъ и сто». Въ перечисленіи убитыхъ значится «Левъ Мозыревъ», тогда какъ въ Карамзинской — «Морозовъ». Вмѣсто чтенія: «но мы сію *бестду* оставльше»... ошибкою написано: «бѣду», равно какъ вмѣсто: «Михайло Ивановъ сынъ Акинфовичъ» — въ Карамзинской слово «сынъ» пропущено.

Худшее чтеніе мѣстами обѣ лѣтописи представляютъ по сравненію со списками третьей редакціи: «при Чанибѣ» — вм. «Чанибекѣ»; «поострю» — вм. «поостри» (обращеніе въ молитвѣ); «съеждати» — вм. «съѣзжати».

Итакъ основныхъ отличій въ текстахъ разобранныхъ редакцій не замѣчается, почему указанная ак. А. А. Шахматовымъ послѣдовательность редакцій остается въ силѣ и для Лѣтописной Повѣсти. Что же касается второй редакціи (напечатанной), то нужно думать, что Повѣсть, помѣщенная въ ней, восходитъ къ двумъ предыдущимъ. Характерная особенность списковъ Новгородской IV въ названіи великаго князя — просто «великимъ княземъ» или даже: «нашимъ княземъ», сохранена въ Карамзинской и Голицинской лл.: «и вознесе Богъ десницу нашего князя». Прибавка во всѣхъ спискахъ второй редакціи Новгородской IV послѣ словъ: «и за вся крестьяны»: «*суцаа и не суцаа*», объ-

ясняется Голицинской лѣтописью, гдѣ стоитъ: «соущая е соу-
щая», причемъ зачеркнуто то, что мною обозначено курсивомъ.

Основной текстъ Повѣсти распространеннаго вида тотъ же, что и краткаго (какъ выше указано, списокъ X является непосредственнымъ звеномъ между ними), но противъ послѣдняго дополненъ нѣкоторыми вставками.

Я отмѣчу вставки, находящіяся во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV сравнительно съ третьей ея редакціей:

3 редакція.

...и придетъ ему (Олегу)
день Господень въ судъ...

(Мамай) нача посылати в
Литву къ поганому Ягайлу и ко
Олгу Рязаньскому, поборнику
бессѣрменьскому...

...веля имъ быти на той же
срокъ стати у Окѣ с треглав-
ными звѣрми и сыроядци...

Основная, 1 и 2 редакціи.

...и прійдетъ ему день *вели-*
кый Господень въ судъ *аду*...

...и нача посылати къ Лит-
вѣ къ поганому Ягайлу и къ
лстивому сотонъщику, дьяволу
святнику, отлученному сына
Божія, помраченному тмою
грѣховною и не хотѣ разумѣ-
ти, Олгу Рязаньскому, побор-
нику бесерменьскому...

...веля имъ быти на той же
срокъ, и *той же святѣ святца*
стати у Окѣ съ треглавными
звѣрми сыроядци, *а кровь*
проляти. Враже, измѣнниче
Олже! лихоимства открывае-
ши образы, а не въси, яко мечъ
Божій острится на тя; яко
же Пророкъ рече: оружіе из-
влекоша грѣшники и напругоша
лукъ стрѣляти въ мракъ пра-
выя сердцемъ; и оружія ихъ
внидутъ въ сердца ихъ и луци
ихъ съкрушатся...

...и Литовскій Ягайло
идеть на тебе...

...и Литовскій идетъ на
тебе Ягайло съ *всею силою
своею*...

...слышавъ... что идутъ на
него вся царствія...

...слыша... что идутъ на
него вся царствія, *творящеи
безаконіе, а мачоюще: еще
наша рука высока есть*...

...Царице небесныхъ чи-
новъ и всея вселенныя и всѣхъ
хрестыанъ кормителнице...

...Царице небеснымъ чи-
номъ, *Госпоже, присно всея
вселенныя и всею живота чело-
вѣчскаго кормителнице*...

...Всея силы баше съ двѣстѣ
тысящъ...

...Бѣаше всеа силы и
*всѣхъ ратей числомъ съ пол-
тора ста тысящъ или съ
двѣстѣ*...

...Князь же увѣдавъ лествъ
лукаваго Олга, новаго Июду...

...Князь же Дмитрій увѣ-
давъ лествъ лукаваго Олга, *кро-
вопивоца крестьянскаго, новаго
Іуду*...

...въздаждь имъ, Господи,
по дѣломъ ихъ, и отврати...

...въздай же ему, Господи,
*седмь седмерицею, яко въ тмѣ
ходить и забы благодать твою;
поостри яко молнію мечъ мой,
и прииметь судъ рука моя,
въздамъ мечь врагомъ и нена-
видящимъ мя въздамъ и упою
стрѣлы моя отъ крове ихъ, да
не ркутъ неспрніи: гдѣ есть
Богъ ихъ? отврати*...

...ты еси Богъ творяй чу-
деса...

...ты еси Богъ творяй чю-
деса *единъ*...

...и противу князя Олга...

...и *отступника нашего
Олга, отступившаго отъ свѣ-
та въ тму*...

...гдѣ ти аггельстін лиці?
где серафимское...

...гдѣ ти ангелстін лиці,
идѣ херувимское предстояніе,
гдѣ серафимское...

...и спаси мя милости твоя
ради, Господи!...

...и спаси мя милости твоя
ради, *виждѣ враги моя яко*
умножишися на мя, Гос-
поди!...

...мнози изгонящій мя...

...мнози гонящєи мя *сту-*
жающій ми...

...извлекоша оружія своя...

...извлекоша оружія обою-
дуостри ѿ рукаѣхъ ихъ...

...инѣи бо мечемъ пресѣкае-
ми бываху...

...иніи бо мечемъ пресѣ-
каеми бываху, *иніи сулицами*
прободаеми бываху...

...мышляху на бѣгъ обра-
титися...

...и на бѣгъ обратишася и
побѣдоша...

...воевода вышняго полка...

...воевода *свершеннаго пол-*
ка небесныхъ вой...

...бѣяшеся съ Тотары тогда
напреде всѣхъ, а елико одесную
и ошуюю его обиша...

...бѣяшеся съ Татары тог-
да *ставѣ* напреде всѣхъ, а ели-
ко одесную и ошуюю его *дру-*
жину его биша...

...сохраненъ бысть Божьею
благодатью...

...сѣхраненъ бысть. *Не на*
лукъ мой уповаю и оружіе мое
не спасетъ мене, якоже рече
Давидъ пророкъ: Вышнюю по-
ложилъ еси приближище твое;
не придетъ къ тебѣ зло и рана
не приблизится къ тѣлеси
твоему, яко ангеломъ своимъ
заповѣсть о тебѣ сѣхранити
тя ѿ всѣхъ путехъ твоихъ,
и не убоишися ѿ стрѣлы ле-
тящія въ днь...

...отъ незаконныхъ Ага-
рянъ...

...отъ незаконныхъ Ага-
рянъ, подавая честь яко сына
своей матери; установилъ еси
стремленіе страстное, яко же
еси установилъ службу своему
Моисѣю, и древнему Давиду, и
новому Костянтину, и Яросла-
ву сроднику великихъ князей на
окаяннаго и на проклятаго
братоубійцу беззаконнаго зятря
Святополка...

...Князь же послуша ихъ...

...Князь же послуша ихъ,
пріимъ челобитіе ихъ...

...Мамай же съ готовою
ратью...

...Мамай же, иже уже упо-
товалъ рать на нихъ, съ тою
ратью готовою...

Изъ предложеннаго сопоставленія вытекаетъ:

1) Единичныя вставки или перестановки словъ слѣдуетъ относить, какъ и выше отмѣчалось, къ перепискѣ.

2) Распространенная Повѣсть отличается болѣе риторичностью, противъ сжатаго слога краткой: прибавлены эпитеты, допущены тавтологическіе обороты, распространены молитвы, и сверхъ имѣющихся цитатъ изъ св. Писанія находятся новыя. Въ краткомъ текстѣ молитвы, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, составлены по Псалтыри. Псалтырь и въ настоящемъ случаѣ является источникомъ для широкаго заимствованія. Такъ, прибавка послѣ словъ: «Враже измѣнниче Олже» — взята изъ Пс. XXXVI, 14, 15; послѣ словъ: «въздаждъ имъ, Господи, по дѣломъ ихъ» — изъ Пс. LXXVI и LXXVIII, 6, 10, 12; послѣ словъ: «спаси мя милости твоея ради» — изъ Пс. III и CXVII; послѣ словъ: «сохраненъ бысть Божьею благодатью» — цѣликомъ изъ Пс. XLIII, 7 и XC, 5, 10, 11.

Кромѣ того, вставка послѣ словъ: «отъ беззаконныхъ Агарянъ» — близко напоминаетъ одно мѣсто изъ повѣсти о Ледо-

вомъ побойщѣ (См. Соф. Врем. I, стр. 257). Впрочемъ подобныя выраженія являлись ходячими формулами для риторическихъ украшеній.

3) Въ распространенной Повѣсти слѣдуетъ отмѣтить широкое развитіе отрицательной характеристики князя Олега рязанскаго. Краткій видъ Повѣсти, изображая Олега измѣнившимъ обще-русскому дѣлу, говорить о немъ, тѣмъ не менѣе, немного и по существу. Распространенный же текстъ не скупится на мрачныя краски всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь объ Олегѣ. Тонъ характеристики обличительный и страстный. Подобное отношеніе къ Олегу могло выработаться только въ Москвѣ, близко соприкасавшейся съ рязанскими интересами. Положеніе Рязани между Ордой и Москвой дѣлало политику Олега чрезвычайно затруднительной, но для Москвы онъ могъ быть только измѣнникомъ. Московская повѣсть о нашествіи Тахтамыша упоминаетъ объ Олегѣ въ томъ же обличительномъ тонѣ: «А князь Олегъ Рязаньскій стрѣти царя Тахтамыша прежде, даже не вниде в землю рязанскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Руси, нъ и *споспѣшникъ на пакость крестьяномъ*. . . хотяше бо добра не намъ, но своему княженю помагаше». Съ точки зрѣнія Олега послѣднее, конечно, было вполне естественно.

Отношенія Москвы къ Рязани вообще были непріязненны. Характерно въ этомъ отношеніи, для иллюстраціи, одно лѣтописное извѣстіе, можетъ быть — сокращенная повѣсть: «О побойщѣ Москвы съ Рязанью» (Новгородская IV, подъ 6879). Рязанцы очерчены здѣсь отрицательно: «Тогда рязанци, суровыи челоувѣци и свѣрѣпы людіе, високоумни суще, възнесешася мыслію и възгордѣшася, и помыслиша високоуміемъ своимъ» не пользоваться въ битвѣ оружіемъ: они рѣшили только захватить съ собою веревокъ, чѣмъ было бы вязать слабыхъ москвичей. «Наши» же, говоритъ лѣтописъ, уповали на Бога со смиреніемъ и воздыханіемъ, и Богъ помогъ Дмитрію и его войску — князь Олегъ едва убѣждалъ.

Но подобное отрицательное отношеніе къ Олегу (выражаемое, вдобавокъ, риторически: Олегъ сравнивается съ Іудой предателемъ, безглавнымъ звѣремъ — братоубійцей Святополкомъ) есть явленіе *болѣе позднее*. Вскорѣ послѣ Куликовской битвы дружескія отношенія съ Рязанью установились. Мы имѣемъ двѣ договорныхъ грамоты (См. Собраніе государственныхъ грамотъ I), одну — до 1382 г., заключенную съ благословенія митрополита Кипріяна, въ которой упоминается и о повоищѣ: «а что князь великий Дмитрии и братъ князь Володимеръ *билися на Дону съ Татари*, отъ того времени что грабежь или что поиманные люди... *тому межѣ насъ судъ вобчи*». Другая грамота, относящаяся къ 1385 г. — подтверждала вѣчный миръ и согласіе съ Олегомъ, причемъ посредникомъ былъ св. Сергій. Такимъ образомъ ясно выраженной антипатіи къ Олегу не могло быть въ первое время послѣ битвы.

Принимая во вниманіе: а) что характеристика Олега — явленіе болѣе позднее; б) что риторическія дополненія представляютъ дальнѣйшее развитіе кратко выраженной мысли и в) что Повѣсть краткаго типа болѣе стройна по изложенію — приходится заключить, что *болѣе близкая къ протографу Лѣтописная повѣсть находится въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV*.

Нахожденіе Повѣсти болѣе близкой къ оригиналу въ третьей, а не въ основной и первой редакціяхъ нисколько не нарушаетъ схемы, предложенной ак. А. А. Шахматовымъ. Выше было указано, что редакціи Новгородской IV развились одновременно, въ періодъ между 1448—1453 гг. Третья редакція — «сокращенная», поэтому редакторъ воспользовался Лѣтописной Повѣстью безъ прикрасъ и дополненій, въ то время, какъ другіе редакторы, вѣрнѣе — редакторъ основного списка — нѣсколько измѣнилъ оригиналъ на счетъ вышеизложенныхъ добавленій.

Обращусь теперь къ разбору болѣе близкой къ оригиналу краткой Лѣтописной Повѣсти.

Эта Повѣсть не оригинальна по изложенію. Она составлена, какъ и всѣ лѣтописныя воинскія повѣсти, начиная съ XI вѣка, на основаніи знакомыхъ автору общихъ мѣстъ или формулъ. Особенно же близка она съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ второй редакціи: эта близость заключается не только въ употребленіи однихъ и тѣхъ же формулъ, но и въ планѣ той и другой повѣсти.

Близость Лѣтописной Повѣсти съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ отмѣчалась излѣдователями и раньше (См. предыдущую главу). На разборѣ этой повѣсти я остановлюсь подробно.

Первоначальная редакція «Житія великаго князя Александра», составленная его современникомъ, дошла только въ 3 спискахъ: древнѣйшемъ, XIV в. — въ Лаврентьевской лѣтописи и въ двухъ XV-го вѣка: въ Псковской 2 и Сборникѣ Московской Духовной Академіи № 208 (издана въ 1882 г. арх. Леонидомъ).

Въ Лаврентьевской л. текстъ обрывается на половинѣ, вскорѣ послѣ разсказа о Невскомъ побойщѣ. Въ подлинникѣ здѣсь было утрачено нѣсколько листовъ, такъ что дальнѣйшій текстъ представляетъ окончаніе статьи 1283 г.

Гораздо полнѣе текстъ Псковской 2 л., гдѣ пропущены лишь разсказы о шести мужахъ храбрыхъ и непосредственно слѣдующій — объ избіеніи ангеломъ вражеской силы тамъ, гдѣ не было полковъ Александра. Списокъ Академическій является по отношенію къ предыдущимъ наиболѣе цѣлымъ. Однако текстъ его, восходя къ тому же оригиналу, что и лѣтописные, не можетъ считаться первоначальнымъ.

Изъ сравненія Академическаго списка съ лѣтописными усматриваются слѣдующія особенности:

1) Въ лѣтописныхъ нигдѣ нѣтъ отчества князя: «Ярославичъ» и рѣдко употребляется названіе: «великій князь», замѣняемое словомъ «князь». Часто вмѣсто всего титула съ именемъ и отчествомъ стоитъ простое опредѣленіе: вмѣсто, напр. «при

побѣдѣ князя Александра Ярославича» (академическій текстъ)—
«при побѣдѣ Александровѣ» (лѣтописный).

2) Въ академическомъ текстѣ нѣкоторые мѣста носятъ слѣды большаго непониманія переписчикомъ оригинала или ошибокъ. Такъ, въ академическомъ текстѣ: «Иногда ополчився гражане, антупату хотящу приступити, шедше гражане побѣдиша полкъ его, и оста единъ и взя си градъ ихъ до вратъ градныхъ»; въ Лаврентьевской: «И нѣгдѣ исполчися къ граду Атапату приступити, и шедше гражане и увидѣша полкъ его и остася единъ и възврати силу ихъ ко вратомъ ко граднымъ»...

Далѣе: ... «видѣвъ королевичъ мчащше подъ руде възѣхавъ по досыцѣ до самаго короля, по ней же досцѣ восхожаху и востокоша предъ нимъ, и паки обращеса и свергоша»...; въ Лаврентьевской: «видѣвъ королевича мча подъ руку и възѣха по досцѣ и до самого корабля, по ней же хожаху съ королевичемъ, иже текоша предъ нимъ, а самого емше свергоша»...

Изъ сравненій видно, насколько текстъ академическій запутаннѣй и болѣе испорченъ, чѣмъ лѣтописный.

3) Въ академическомъ текстѣ встрѣчаются дополненія, отсутствующія въ лѣтописныхъ. Всѣ они представляютъ *характерную интерполяцію*, понадобившуюся для освѣщенія текста. Я приведу ихъ, чтобы показать, что подобныя вставки были и въ Лѣтописной Повѣсти:

Послѣ словъ:	Прибавлено:
«сотворивый небо и землю»	«море и рѣки»
«чюжая части»	«земли»
«пѣсньслова»	«Давида»
«послати ко отцу»	«во градъ Кіевъ»
«да скажетъ ему»	«силу Варяжскую»
«насадъ единъ гребущъ»	«по морю»
«И рече Борисъ»	«Глѣбу»
«Видѣвше»	«Пелгусіа»
«отъ мученику»	«святую»
«повѣда единому»	«видѣніа»

Послѣ словъ:

«Здѣ же»
 «бился съ самимъ воеводою»
 «наѣхалъ на полкъ съ мечемъ»
 «три корабли»
 «видѣша паденіе шатра того,
 возрадовашася»

Прибавлено:

«въ полку Александровѣ»
 «крѣпко»
 «и мужествовалъ»
 «римлянъ»
 «о паденіи шатра того»

4) Наконецъ въ академическомъ спискѣ есть мѣста, гдѣ текстъ не дописанъ. Послѣ словъ: «ти спяти быша и падоша» въ лѣтописныхъ слѣдуетъ: «мы же всташомъ, прости быхомъ. И си рекъ»... Послѣ: «скажетъ ему станы ихъ» — лѣтописные добавляють: «и обрытъя ихъ. Стоящу же ему при край моря»...

Текстъ Лаврентьевской л. обрывается на словахъ: ...«придоша отъ западныхъ страны и возгра»..., такъ что дальнѣйшее сличеніе будетъ уже только съ Псковской 2 л. Изъ этого сличенія усматривается:

1) Въ академическомъ продолжаются тѣ же ошибки: вмѣсто: «горъ араратскихъ» поставлено «аравитскихъ»; вмѣсто: «да не хвалятся ркучи укоромъ словенскій языкъ ниже себѣ» находится: «да не хвалятся ркучи урокомъ славенскимъ языкомъ и иже себѣ» (впрочемъ здѣсь можетъ быть виноватъ издатель); вмѣсто: «до царства Константинова» — «до царства *Константина Новаго*»; наконецъ — вмѣсто: «они же гордіи» — написано: «а иныхъ во градъ».

2) Текстъ по прежнему имѣетъ вставки, носящія такой же характеръ, какъ и вышеприведенныя, т. е. интерполяціи.

3) Кромѣ того попадаются мѣста, отличающіяся уже довольно значительно другъ отъ друга: Таковы:

Акад.... «текъ же князь великій Александръ Ярославичъ и изима и»... Псков.: онъ же вскорѣ градъ Псковъ изгна и Нѣмецъ изсѣче, а ипѣхъ повязалъ»...

Затѣмъ, въ академическомъ идетъ разсказъ о посылкѣ Александра на Юрьевъ брата своего Ярослава и сына Дмитрія,

въ Псковской же — *только* Дмитрія, и самъ разсказъ изложенъ иначе:

Акад.: «и сына своего Ди- Псков.: «сына своего Дмит-
митрія посла съ новгородцы на рія посла на западныя страны
западныя страны и вся полки и вся полки своя посла съ нимъ
своя съ нимъ отпусти» . . . и ближнихъ своихъ домочадець,
рекши къ нимъ: служите сы-
нови моему, акы самому мнѣ
всѣмъ животомъ своимъ» . . .

4) Заключение повѣсти не одинаково въ обоихъ спискахъ, и Псковская 2, въ данномъ случаѣ, ближе къ оригиналу.

Указаніе, гдѣ положено было тѣло Александра и дата его кончины поставлены въ Псковской 2 до разсказа о чудѣ. Упоминается, что къ тѣлу приступилъ митрополитъ Кириллъ и Севастьянъ икономъ. Дата академическаго списка не вѣрна ни по числу (судя по напечатанному), ни по имени празднуемаго въ этотъ день святого. Наконецъ, обыкновенное заключеніе академическаго списка: «славяще Отца и Сына и святаго Духа святую Троицу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» — не находитъ себѣ соответствія въ Псковской 2. Въ послѣдней, послѣ разсказа о чудѣ, слѣдуетъ:

«Се же бысть слышано всѣмъ отъ господина митрополита и отъ иконома его Севастіана. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ далнихъ градъ въ зимное время? и тако прослави Богъ угодника своего».

Эта прибавка находится во второй редакціи Повѣсти и должна принадлежать къ первоначальному тексту. Авторъ называетъ здѣсь митрополита господиномъ, а замѣчаніе, что чудо усугублялось именно тѣмъ, что было зимнее время, подчеркиваетъ непосредственную записъ разсказа. Изъ сравненія трехъ текстовъ вытекаетъ, что академическій списокъ хуже по составу текста, уже испорченнаго переписчиками, и что наиболѣе близкимъ къ оригиналу слѣдуетъ считать текстъ, помѣщенный въ Лаврентьевской л. Текстъ Псковской 2 стоитъ

между тѣмъ и другимъ, сохраняя больше чертъ первоначальнаго чтенія.

Первоначальный текстъ повѣсти объ Александрѣ, не трудно возстановливаемый изъ сличенія списковъ, былъ вытѣсненъ его позднѣйшей обработкой, начальной стадіей которой можно считать академическій списокъ.

Эта позднѣйшая обработка легла въ основаніе *второй редакціи* повѣсти. Въ окончательномъ видѣ эта вторая редакція находится въ лѣтописяхъ Софійской 1 и Воскресенской.

По сравненію съ первой редакціей, вторая представляетъ:

а) основной текстъ, близкій къ тексту академическаго списка, и —

б) дополненія, вставленные въ разныхъ мѣстахъ текста.

Я отмѣчу эти дополненія по порядку:

1) послѣ разсказа о сборѣ короля въ походъ на Александра, прибавлено: «и помысли (король) въ себѣ побѣдiti его или руками яти, а великій Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ роботу створити».

2) собранная рать короля перечисляется: «Местери и Бискупы свои, и Свея и Мурмане, и Сумъ и Емь».

3) указано точно мѣсто, куда пришли враги: «и стаща усть Ижерь».

4) передъ разсказомъ объ отправленіи посольства вставлено разсужденіе: король «хотя въспрїяти Ладогу, прочіе же рку и Новгородъ и всю новгородскую область, но еще преблагій, премилостивый челоувѣколюбецъ Богъ убоуде ны и зашити отъ иноплеменникъ, и всеу трудишася безъ Божїя повелѣнія. Прииде бо вѣсть тогда, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ и въ то время»... далѣе идетъ разсказъ объ отправленіи посольства.

5) въ окончаніи описанія Невскаго побоища прибавлено при исчисленіи убитыхъ: «а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ ня безчислено, а инїи мнози язвени быша, и тое ноци побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Костянтинъ Луготиничъ, Юря Тапинящичъ, намѣсть Дрочило Нездилъвъ сынъ Кожевниковъ,

а всѣхъ ꙗко мужъ паде и съ Ладожаны или меньши, то Богъ вѣсть».

Особенно значительны эти вставки при разсказѣ о бою на Чудскомъ озерѣ:

6) въ самомъ началѣ разсказа: Александръ «поклонися святой Троици и поиде на землю Нѣмецкую, хотя мстити кровь христіанскую. Бѣ бо зима в то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полкы своя въ зажитіа, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша, брата Посаднича, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ великому князю въ полкы. Се же слышавъ Местеръ, изыде противу имъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помочію королевою, и снидоша на озеро, глаголемо Чюдское. Велики же князь Александръ Ярославичъ вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдъ поидоша по нихъ. Князь же велики»... слѣдуетъ основной текстъ.

7) вновь точное обозначеніе мѣста боя: «на узмени у Воронія камени».

8) по окончаніи битвы: «и биша ихъ на семи верстѣ по леду до Суболичьскаго озера; и паде Нѣмецъ 500, а Чюди безчисленное множество, а руками няша Нѣмецъ 50 мужъ нарочитыхъ воеводъ и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопа, а иніи злѣ язвени отбѣгоша. Бысть же бой сей априля въ ѿ на похвалу святыя Богородица, на память святаго мученика Клавдія».

9) разсказъ о кончинѣ Александра начинается: «и пребывъ ту (въ Нижнемъ Новгородѣ) мало и прииде на Городецъ, и въ болши недугъ впаде и пострижеса въ черныци, мѣсяца ноябрь въ ѿдѣ день, тое же ноци и преставися», и далѣе: «положенъ бысть въ Володимерѣ въ церкви святыя Богородица», хотя ниже объ этомъ упоминается еще разъ.

10) наконецъ, дополненіе находится въ заключеніи повѣсти; текстъ его приведенъ выше.

За исключеніемъ послѣдней вставки, относящейся, какъ указано, къ основному тексту, всѣ остальные носятъ опредѣленный характеръ. Онѣ ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ, и колоритъ этотъ — новгородскій. Оттѣняется желаніе непріятелей захватить именно Новгородскія области, указаны точно названія мѣстныхъ урочищъ, перечислены поименно павшіе новгородцы, подробно разсказана смерть Домаша.

Дѣйствительно, всѣ эти подробности — *новгородскаго происхожденія и находятся въ Новгородской I л-си подъ 6750 и 6771 годами въ видѣ отдѣльныхъ лѣтописныхъ извѣстій.*

Итакъ, вторая редакція повѣсти объ Александрѣ *составилась изъ соединенія обще-русской повѣсти* (можетъ быть составленной во Владимирѣ) *съ извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородской I¹).*

Составленіе этой второй редакціи слѣдуетъ относить къ концу XIV вѣка: она могла понадобиться потому, что въ 1380—1381 г., вслѣдствіе видѣнія, были открыты мощи Александра Невского, отъ которыхъ стали совершаться чудеса, тогда же было установлено и мѣстное ему празднованіе.

Повѣсть объ Александрѣ служила литературнымъ образцемъ для многихъ произведеній древней литературы. Ей подражаетъ повѣсть о князѣ Довмонтѣ Псковскомъ, въ значительной степени она повліяла на составленіе житія Дмитрія Донского.

Съ ней, какъ указано, въ близкой связи стоитъ разбираемая Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Близость обоихъ памятниковъ будетъ видна изъ предложеннаго сравненія текстовъ Мамаева побоища (краткаго типа или редакціи) и второй редакціи повѣсти объ Александрѣ.

Повѣсть объ Александрѣ. Мамаево побоище.

Король выступаетъ: Мамай выступаетъ:

... собра силу многу Ме- ... съ единомысленники сво-

---

1) Такимъ же точно образомъ, по А. А. Шахматову, составила основная редакція Новгородской IV.

стери и Бискупы свои, и Свѣя, ими, со всеми прочими князми
и Мурмане, и Сумь, и Емь... ордынскими и съ всею силою
Татарскою и Половецкою, еще
къ тому рати понаймова Бесер-
мены, Армены, Черкасы, Фря-
зы, Ясы, Буртасы...

Разсужденіе автора по поводу вторженія враговъ:

...но еще преблагій, пре- ...но хотя челоѣколюбець
милостивый челоѣколюбець Богъ спасти и свободити родъ
Богъ ублюде ны и защити отъ хрестыанскій молитвами пречи-
иноплеменикъ, и всеу труди- стыя его Матере отъ работы
шася безъ Божія повелѣнія... Измаилъскія и отъ поганого
Мамая...

Самомнѣніе короля:

...помысли въ себѣ побѣ-
дити его, или руками яти, а ве-
ликій Новгородъ плѣнити и вся
грады ихъ и люди Словѣньскія
къ себѣ въ работу створити и
рече: пойду и плѣню землю ве-
ликаго князя Александра Яро-
славича...

Самомнѣніе Мамая:

...нача злый свѣтъ тво-
рити, темныя своя князя звати,
и рече имъ: поидемъ на рускаго
князя и на всю силу рускую...
хрестыанство потеряемъ, а
церкви Божія разоримъ...

Начало выступленія враговъ:

...и подвижеся въ силѣ ве- ...и начать свирѣпо и на-
лицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, прасно силы своя собирать, съ
и прииде въ реку Неву и стаща яростью подвижася и съ силою
устъ Ижеры... многою... и учини собѣ
свѣтъ... стати имъ у рѣкы у
Оки...

Князья узнаютъ о нашествіи и молятся:

...Великий же князь Алек- ...Дмитрій же князь се слы-
сандръ Ярославичъ слышавъ шавъ невеселую ту годину, что
словеса ихъ и разгорѣся серд- идуть на него вся царствія, и
цемъ, и вииде въ церковь свя- иде къ соборнѣй церкви къ

тыя Софiн, паде на колѣну святѣй Богородици, и проліа предъ олтаремъ и нача моли- слезы и рече: Господи! ты все- тия со слезами святѣй Софiн, мощный и всеслыный и крѣпкій поминая исправленiя родители въ бранѣхъ, и въистину еси своихъ и глаголя: Боже хвал- Царь славы, створивый небо ный, Боже праведный, Боже и землю, помилуй насъ... великій и крѣпкій, Боже пре- вѣчный, створивый небо и землю...

...и въспрiимъ Псаломскую пѣснь, рече: суди, Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, прими оружiе и щить, встани въ помощь мнѣ...

...и въспрiимъ Авраамлю доблесть и нарекъ Бога и рече: Господи, въ помощь мою вонь- ми, Боже, на помощь мою пот- щися...

(и ниже):

Господи! что ся умножиша стужающіи ми? мнози вѣста на мя, мнози борющіи мя со мною...

Князья принимаютъ благословеніе передъ походомъ:

...и кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепискупу, архіепискупъ же Спиридонъ новгородскій благослови его...

...и скончавъ молитву иде къ Пречистѣй, къ епископу Герасиму и рече ему: благослови мя, отче... Святитель же Герасимъ благослови князя...

Изображеніе скорби по поводу выступленія князей въ походъ:

...Жалостно и слышати, яко отецъ его, честный князь Ярославъ Всеволодичъ, не бѣ вѣдалъ такового встанія на сына своего милаго...

...Слышавше в градѣ на Москвѣ... и во всѣхъ градѣхъ..., что пошолъ князь за Оку, и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика и по всѣмъ предѣломъ плачь горекъ...

Ръчи князей передъ битвой:

...Великій же князь Алек-

...Князь же... рече: сiи

сандрь... рече: не въ силахъ на колесницѣхъ, а сѣи на ко-
Богъ, но въ правдѣ; помянемъ нѣхъ, мы же во имя Господа
пѣснописца Давида, глаголюща: Бога нашего призовемъ...

сѣи во оружіи, а сѣи на ко-
нѣхъ, мы же имя Господа Бога
нашего призовемъ...

...Боже поставивый пре-
дѣлы языкомъ и жити повелѣ-
вый не преступая въ чужая
части...

...Господи! не повелѣлъ еси
въ чужей предѣлъ вступатися...

Утро битвы и урраженіе полковъ:

...Бѣ бо тогда день субот-
ный, солнцу всходящу...

...Заутра, въ субботу пора-
ну... въсходящу солнцу...

...великій же князь... нача
крѣпити вой своя...

...князь же исполни свои
полки величїи...

...князь же великы... укрѣ-
пився силою крестною, опол-
чився, поиде на нихъ...

...еже к Богу укрѣпився и
креста честнаго силою воору-
жився...

...отътогѣ же потщася на-
бѣхати на нихъ въ 6 часъ дне...

...бысть въ шестую годину
дни, начаша появляваться по-
ганїи...

Формула боя:

...и съступишася обои пол-
ци... и бысть ту сѣча зла и
велика Нѣмцемъ и Чуди, и
трусъ отъ копей ломленїя, и
звукъ отъ мечнаго сѣченїя... и
не бѣ видѣти леду... покрыло
бо есть все кровїю...

...и внезапно абїе съступи-
шася обѣ величїи силы вмѣсто
на долгъ часъ... бысть сѣча
зла и велика, и брань крѣпка и
трусъ великъ зѣло... и пролья-
ша кровь, аки дождевая туча,
обоихъ...

Чудо Бориса и Глѣба:

...и тамо обрѣтошася много
множество избѣенныхъ отъ ан-
гелъ божїихъ... Се же слы-
шахъ отъ самоговидца, рече ми:

...Видѣша бо вѣрніи, яко
въ 9 часъ быющеся и аггели
помогаху хрестяномъ, и свя-
тыхъ мученикъ полкъ, и вели-

яко видѣхъ полкы Божія на каго воина Георгія и славнаго
въздусѣ, пришедше на помощь Дмитрія, и великихъ князей
великому князю. И побѣдивъ тезоименитыхъ и Бориса и
силою Божіею и святыя Софїи Глѣба... двои воеводы видѣша
и святою мученика Бориса и поганіи Половци, тресолнечный
Глѣба... полкъ и пламенныя ихъ стрѣлы,
яже идуть на нихъ...

Преслѣдованіе бѣгущихъ непріятелей:

...и даша ратніи плещи ... Татарове с Мамаемъ по-
своя, и сѣчахуть я, гоняще, аки бѣгоша... и обратиша плещи
по аеру, и не бѣ имъ камо своя на язвы. И в погонѣ той
утещи, и биша ихъ на 7 верстѣ ови Татарове отъ хрестьянъ
по леду до Суболичьскаго озера; язвени быша оружьемъ, падо-
и паде... безчисленное множе- ша, а иніи въ рѣдѣ истопоша;
ство... а иныхъ вода потопа, и гониша ихъ до рѣци до Мечи,
а иніи злѣ язвени отбѣгоша... и тамо бежащихъ бесчисленное
множество ихъ погыбоша...

Захватъ добычи:

...бѣше бо полона много въ ... княжїи же полци... по-
полку его... лониша богатства много...

Перечисленіе убитыхъ:

...Новгородцевъ же ту паде ... Тогда же, на томъ побои-
(слѣдуютъ имена)... а всѣхъ щи, убьени быша на съступѣ
20 мужъ паде и съ Ладожаны, (слѣдуютъ имена)... и инѣи
или менши, то Богъ вѣсть... мнози... а прочи... не изѣ
писати множествомъ, яко число
превѣхидеть...

*Въ обоихъ текстахъ воеводы обращаются къ своимъ князьямъ
съ рѣчью.*

Заключеніе: возвращеніе съ побѣдою:

...възвратившу же ся вели- ... христоробивый князь...
кому князю Александру с слав- возвратиса оттуду въ богохра-
ною побѣдою, — бѣше бо полона нимый градъ Москву, въ свою
много въ полку его, ведяхуть вѣтчину, с побѣдою великою...

бо я подлѣ конь, иже именуются и мнозѣ вои его възрадоваша-
ритори . . . И тако прииде къ ся, яко обрѣтше корысть мно-
Новугороду съ великою побѣ- гу, пригналъ бо с собою многа
дою . . . стада конѣй и велбудъ и
волы, . . . и доспѣхи, и порты,
и товаръ . . .

Приведенныя параллели показываютъ, что въ Лѣтописной Повѣсти сохранены: а) планъ повѣсти объ Александрѣ; б) значительное большинство выражений и оборотовъ (даже опредѣленія времени, какъ: бой въ субботу, шестой часъ дня, утро — одинаковы въ обоихъ памятникахъ; в) одна и та же формула боя, и г) рассказъ о чудѣ Бориса и Глѣба: органичный въ повѣсти объ Александрѣ, рассказъ этотъ введенъ въ Лѣтописную Повѣсть словами общаго характера: «видѣша бо вѣрніи».

Въ виду подражательнаго характера Лѣтописной Повѣсти, отъ нея нельзя ожидать детальнаго историческаго рассказа о томъ, что происходило 8 сентября 1380 года. О такомъ знаменательномъ событіи должно было ходить много рассказовъ, которые приносили возвратившіеся съ поля битвы; рассказы эти быстро принимали форму преданій, но Лѣтописная Повѣсть, подчиняясь общему правилу, создавшемуся для писанія лѣтописныхъ воинскихъ повѣстей, не воспользовалась ничѣмъ для иллюстраціи, кромѣ двухъ-трехъ самыхъ общихъ историческихъ фактовъ.

Повѣсть объ Александрѣ была ближайшей литературной формой для разбираемой Повѣсти. Историческія же данныя, помимо общеизвѣстныхъ фактовъ, т. е. канвы самого рассказа, были заимствованы ею еще изъ *синодика*.

Это заимствованіе касается перечисленія убитыхъ «на сѣступѣ». Въ Повѣсти поминаются: «князь Федоръ Романовичъ Бѣлозерскій и сынъ его Иванъ, князь Федоръ Торжскій, братъ его Мстиславъ, Дмитрій князь Монастыревъ, Семень Михайловичъ, Микула сынъ Васильевъ тысяцкого, Михайло и Иванъ Окинфовичи, Иванъ Александровичъ, Андрѣй Серкизовъ,

Тимофей Васильевичъ, Акатьевичъ нарицаемый Волюй, Михайло Бренковъ, Левъ Мозыревъ, Семенъ Мсликовъ, Дмитрій Мининъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшій прежде бояринъ Брянскій».

Среди перечисленныхъ воеводъ князь Дмитрій Монастыревъ оказывается убитымъ два раза: въ лѣтописи подъ 1379 г. значится, что онъ палъ въ бою съ татарами на р. Вожѣ. Повтореніе имени его весьма легко объясняется тѣмъ, что авторъ невнимательно воспользовался синодикомъ, бывшимъ у него подъ руками.

Въ Синодальной Библіотекѣ хранится синодикъ съ именами павшихъ на Куликовской битвѣ. Это пергаменная рукопись (№ 667), писанная уставомъ послѣдовательно отъ XIV до XVII вѣка, въ бархатномъ переплетѣ, на верхней доскѣ котораго находится образъ Живоначальной Троицы. При сличеніи именъ оказывается полное сходство.

Непосредственно передъ именами убитыхъ на бою съ Мамаемъ въ этомъ синодикѣ упомянуты и павшіе на р. Вожѣ. Въ ихъ числѣ какъ разъ упоминается князь Дмитрій Монастыревъ, Назаръ и дружина.

Съ 68 листа слѣдуетъ перечисленіе убитыхъ на полѣ Куликовѣ:

Василію вельяминовѣ тысяцкому. михайлоу александровѣ. ивану окинеовѣ. василію василевѣ тысяцкому. ѡсѡдруу васильевѣ. вѣ.

Александрѡу андреевѣ. іѡанну александровѣ. андрею григорьевѣ. дмитрею александровѣ нареченному въ мнишьскомъ чиноу діѡнісіѡу и данилоу ивановѣ. елѣріѡу ѡсѡдровѣ. вѣ.

Князю ѡсѡдруу белозерскомуу и сѣѡу его иванѡу ¹⁾ оубіеным ѡ безбожнаго мамаа. вѣ.

И в тои ж брани избіеным сімѡноу михайловѣ. никоуле васильевѣ. тімоѣю василевѣ ²⁾. андрею ивановѣ серкизовѡу.

1) приписано внизу: костянтину конановичю.

2) на поляхъ: валѡуеву.

миханлоу ивановѣ. и друугомоу миханлоу ивановѣ. лву ивановѣ. семену меликоу. и всей дружинѣ ихъ по бл҃гочестію скончавшихся за стѣны цркви и за православною вѣроу. вѣ.

Въ этомъ синодикѣ записано именъ больше, чѣмъ въ Повѣсти, но тѣ, что перечислены въ Повѣсти, здѣсь находятъ себѣ полное соотвѣтствіе. Авторъ Повѣсти самъ, въ данномъ случаѣ, указываетъ на заимствование: «сіи же токмо списаны, говорятъ онъ, перечисливъ убитыхъ, — князи и воеводы нарочитые и старѣйшихъ бояръ имена, а прочи бояръ имена и житыхъ: (и) слугъ именитыхъ не лѣзъ писати множествомъ», но главное потому, какъ объяснено въ другомъ спискѣ: «ихже имена не суть писана оъ книгахъ сихъ».

Въ болѣе позднемъ спискѣ (Лаврскій синодикъ № 818, уставъ XVII в.) сохранено то же перечисленіе:

В лѣта 7501-го, мѣсяца сентября в ѣ день при великомъ кнѣзѣ димитріи івановиче московскомъ побѣдени за дономъ рускія князи от мамыя, их же имена суть сія:

Князя феодора. князя іванпа ¹⁾. князя феодора. князя мсти-слава. князя димитрія симеоновича. никулу василіевича. михаила. іоанна. іванна. андрея. андреа. тимоеея вогуя. михаила. лва. тарасія. симеона. димитрія. Сергіа чюдотворца ученикъ инока александра. И с ними триста и шестьдесятъ тысящъ избіенныхъ православныхъ христіанъ. Рабомъ бж҃имъ всемъ православнымъ хр҃стіаномъ избіеннымъ на поле куликовѣ межу дономъ и мечи на усть неприяды вѣчная память.

Вышеизложеннымъ исчерпывается строеніе краткой редакціи Повѣсти.

Что касается распространеннаго вида Лѣтописной Повѣсти, то она, какъ выше указано, находится кромѣ того въ болѣе позднихъ сводахъ: 1) *Соборійской 1 лѣтописи*, гдѣ она озаглавлена: «Побойще великого князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ». (П. С. Р. Л., стр. 90—98. Къ этому тексту слѣдуетъ

1) написано дважды.

относить текстъ Софійскаго Временника I, изд. М. 1820, стр. 355—368 и рукописи Историческаго Музея: Сборникъ статей каноническихъ и историческихъ, № 25639, второй половины XV в.) и 2) *Воскресенской лѣтописи*, съ такимъ же заглавіемъ (П. С. Р. Л. VIII, стр. 34—42) ¹⁾.

За исключеніемъ нѣкотораго разночтенія въ собственныхъ именахъ текстъ Повѣсти въ Софійской 1 чрезвычайно близокъ къ Воскресенскому, и непонятно, почему А. А. Шахматовъ раздѣляетъ эти тексты.

Оба текста, въ свою очередь, подходятъ къ распространенному тексту Повѣсти, помѣщенному въ основной, первой и второй редакціяхъ Новгородской IV, но, по нѣкоторымъ особенностямъ, представляютъ текстъ болѣе поздній.

Тексты Новгородской IV лучше удерживаютъ чтеніе оригинала: а) вмѣсто: «нашъ князь», «князь Дмитрій» — въ Софійской и Воскресенской всюду употребляется: «князь великий Дмитрій Ивановичъ»; б) имена сыновей великаго князя — Василій, Юрій и Иванъ — отсутствуютъ въ разбираемыхъ лѣтописяхъ; в) количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячей» здѣсь замѣнено нескладной цифрой: «сто тысячъ и сто»; г) во фразѣ: «еще же къ тому приспѣша, *ѡз той чинъ разозный*, издавеча велиции князи Ольгердовичи», выраженіе: «въ той чинъ разозный» (разозный — находящейся въ ссорѣ, непріязненный) не понято лѣтописями Софійской 1 и Воскресенской: онѣ читаютъ: «еще же къ тому приспѣша *ѡтчинъ разныхъ* издавеча». Порчу чтенія можно объяснить изъ написанія: «в той чинъ разныхъ», встрѣчаю-

---

1) Сюда еще слѣдуетъ относить: 1) Такъ называемую *Типографскую лѣтопись* (Лѣтописецъ содержащій русскую исторію отъ 1206 до 1584 гѣта. М. 1784), которая въ текстъ Повѣсти составляетъ сокращеніе распространеннаго вида (Бестужевъ-Рюминъ указываетъ также на отношеніе Типографской л. къ Воскресенской) и 2) *Львовскую лѣтопись* (Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича. Спб. 1792). Здѣсь сокращеніе Повѣсти сходно съ Типографскимъ, (а не съ Никоновскимъ текстомъ, какъ говоритъ Бестужевъ-Рюминъ). Обѣ лѣтописи изданы весьма неисправно.

щагося въ такъ называемой лѣтописи Дубровскаго ¹⁾; д) во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV, послѣ словъ: «Ягайло со всею силою литовскою побѣже назадъ со мною скоростію, никимъ же гонимъ, не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху», находится приписка: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ Литва надъ нами поругаются (игры творять) и издѣваются. Но мы сію бесѣду оставльше, на подлежащее возвратимся». Эта приписка отсутствуетъ въ Софійской I и Воскресенской, естественно, какъ въ сводахъ болѣе позднихъ.

Въ остальномъ текстъ Повѣсти въ этихъ сводахъ *топнѣ совпадаетъ съ общимъ текстомъ распространеннаго вида.*

Вышеприведенная вставка позволяетъ опредѣлить время написанія протографа Повѣсти. Послѣ разсказа о томъ, какъ Ягайло съ Литвою убѣжалъ при одномъ только слухѣ о побѣдѣ Дмитрія, имени котораго Литва боялась и трепетала, авторъ сокрушенно указываетъ на современныя ему безнаказанныя насилія Литвы надъ Русью.

Насилія эти могли имѣть мѣсто только при Витовтѣ. Непріязненныя дѣйствія Витовта начались въ 1395 г. взятіемъ Смоленска обманомъ; въ слѣдующемъ 1396 г. Витовтъ опустошилъ рязанскія владѣнія, причемъ, по выраженію лѣтописцевъ, кровь лилъ какъ воду, а людей избивалъ, сажая улицами. Въ 1404 г. имъ былъ взятъ окончательно Смоленскъ, а въ 1405 — у псковитянъ Коложе, причемъ одиннадцать тысячъ псковитянъ было уведено въ плѣнъ и нѣсколько лодокъ наметано убитыми дѣтьми. Затѣмъ, до 1425 г. нашествій со стороны Литвы не было, но въ слѣдующемъ году Витовтъ опять наступаетъ на Псковъ, а въ 1428 — на Новгородъ, съ котораго беретъ контрибуцію. Въ послѣдующее время, до самаго паденія Новгорода, нѣтъ упоминаній о столкновеніяхъ съ Литвою.

---

1) О помѣщенной въ этой лѣтописи Повѣсти см. главу 4.

Къ какому же году слѣдуетъ приурочивать вставку Лѣтописной Повѣсти?

Въ 1417—18 гг. написано Епифаніемъ житіе пр. Сергія. Въ немъ находится глава, касающаяся Мамаева побойща: «О побѣдѣ еже на Мамаа и о монастырѣ иже на Дубенкѣ». Центръ тяжести повѣствованія лежитъ на основаніи монастыря по обѣту великаго князя въ случаѣ побѣды надъ татарами.

Описаніе же самой битвы Епифаній, по всѣмъ вѣроятіямъ, заимствовалъ изъ готоваго повѣствованія. Дмитрій, говоритъ Житіе, «сѣбравъ вся воя своа, приспѣ противу безбожныхъ татаръ; и оувидѣвъ силуу ихъ зѣло множество, стааа сѣмнящеся, страхомъ мнози отъ нихъ ѡбіати быша, помышляюще, что сѣтворити. И се внезапно въ тои часъ приспѣ борзоходецъ съ посланіемъ отъ сѣго, гѣюще: безъ всякаго сѣмнѣнія, гѣе, съ дрѣзновеіемъ поиди противу свирѣпства ихъ, никакожъ оужасатися, всяко поможетъ ти Бѣгъ¹⁾»).

Подобное мѣсто находится и въ Лѣтописной Повѣсти, но тамъ оно изложено иначе: «Великій же князь прииде къ Дону, за два дни до Рождества святыхъ Богородица. И тогда приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, отъ святого старца благословенная, в ней же написано таково благословеніе, веля ему битися съ татарами: чтобы еси, господине, такы пошолъ, поможетъ ти Богъ и святая Богородица».

Несомнѣнно, что эпизодъ этотъ ограниченъ въ лѣтописи, а не въ житіи: грамота имѣла значеніе до перехода черезъ рѣку, а не тогда, когда враги уже были на лицо; переходъ рѣки могъ вызывать еще колебаніе и робость, но послѣднимъ не могло быть мѣста, когда отступленіе уже было отрѣзано. Кромѣ того въ житіи замѣчается тенденція придать чудесность этому «внезапному» приходу борзоходца. Епифаній по своему окрасилъ эпизодъ, знакомый ему изъ Лѣтописной Повѣсти.

---

1) Житіе преп. Сергія, изд. арх. Леонидомъ, Памят. Древн. Писъм. 1885, стр. 126.

Поэтому Повѣсть не могла явиться позже 1417—18 года, а слѣдовательно «надругательства» Литвы слѣдуетъ искать въ событіяхъ до 1426 года.

Среди перечисленныхъ вражескихъ нашествій Литвы самымъ яркимъ по насилію слѣдуетъ считать набѣгъ 1405 года, когда отъ Витовта пострадалъ Псковъ, богатый пригородъ новгородскій, а въ самый Новгородъ была послана розметная грамота. Тогда, по выраженію лѣтописи, «не бывала пакость такова и Псковъ сталъ, а то все за умноженіе грѣхъ ради нашихъ». Витовтъ характеризуется здѣсь какъ «поганный отступникъ правыя вѣры христіанскія, отметникъ божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣлованью»¹⁾. Къ этому году, когда «мертвыми дѣтьми были наметаны двѣ ладьи подъ городомъ Вороначемъ», должно, по моему мнѣнію, относиться упоминаніе объ издѣвательствѣ Литвы надъ Русью. Къ 1405 году, слѣдовательно, нужно относить тотъ оригиналъ Повѣсти, съ котораго списанъ разобранный текстъ краткаго типа.

Однако составленіе Повѣсти произошло раньше. Вставку: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ...» приходится разсматривать или какъ интерполяцію, или какъ замѣтку переписчика 1405 года. Общій тонъ Лѣтописной Повѣсти вполне эпическій, и авторъ нигдѣ не касается современности (даже отрицательная характеристика Олега, какъ указано, явленіе позднее), между тѣмъ приведенная вставка вполне отлична отъ общаго изложенія по тону. Не вяжется также съ общимъ разсказомъ непоследовательность въ употребленіи временъ: «бояхуся, трепетаху» — въ основномъ текстѣ, «игры творять, поругаются» — во вставкѣ, равно какъ и противительный союзъ: «а не яко»...

Итакъ, если допустить, что вставка, гдѣ упоминалось объ издѣвательствахъ Литвы, есть прибавленіе списка 1405 года, то протографъ Лѣтописной Повѣсти слѣдуетъ относить ко времени болѣе раннему, т. е. къ самому концу XIV вѣка. Составле-

1) Псковская I, подъ 6914 г.

ніе Повѣсти «по всей вѣроятности въ XIV столѣтіи» признаеть и А. А. Шахматовъ. Последній въ числѣ списковъ первоначальной редакціи Новгородской IV предполагаетъ одинъ, оканчивавшійся 1404 годомъ и легшій въ основаніе Синодальнаго № 280, т. е. списка, гдѣ — *краткая редакція Повѣсти*. Можетъ быть этотъ списокъ и имѣлъ впервые указанную приписку 1405 года?

Литературная исторія Лѣтописной Повѣсти представляется мнѣ, слѣдовательно, въ такомъ видѣ:

1) Въ концѣ XIV вѣка была составлена Повѣсть по образцу повѣсти объ Александрѣ. Кромѣ последней пособіями служили: псалтырь (для текста молитвъ)¹⁾ и синодики (имена убитыхъ). Повѣсть сообщала историческіе факты лишь въ общихъ чертахъ, опустивъ всѣ возможные перипетіи.

2) Въ 1405 году Повѣсть была переписана, причемъ переписчикъ не могъ умолчать о дѣйствіяхъ Витовта надъ Русью, такъ шли они въ разрѣзъ съ былымъ могуществомъ, когда та же Литва отъ одного имени русскаго приходила въ трепетъ.

3) Этотъ списокъ 1405 г. былъ протографомъ уже известной Повѣсти, краткаго типа, занесенной во Владимирскій полихронъ 1423 года.

4) Въ Сводъ 1448 года Повѣсть попала уже въ *распространенномъ* видѣ, т. е. въ такомъ, который познается въ *основной* редакціи Новгородской IV.

5) Между 1448—1453 г. Повѣсть подвергалась послѣдовательной обработкѣ, находящейся *въ первой и второй редакціяхъ* Новгородской IV. Обработка, впрочемъ, была незначительной и сводилась къ измѣненіямъ при перепискѣ.

6) *Третья редакція* Новгородской IV *сохранила въ болѣе неприкосновенномъ видѣ протографъ Повѣсти*, находившейся въ Полихронѣ.

---

1) Лучше сказать — Св. Писаніе, такъ какъ авторъ иногда цитируетъ пр. Іеремію: «Рахиль есть рыданіе крѣпко»... — ср. XXXI, 15 и ев. Маттея: «гдѣ труни, ту и орли» — ср. гл. XXIV, ст. 28.

7) Ко второй половинѣ XV вѣка относятся дальнѣйшія обработки Повѣсти, помѣщенные въ Софійской I и Воскресенской. Текстъ Повѣсти въ обѣихъ лѣтописяхъ сходенъ и является результатомъ (какъ говоритъ А. А. Шахматовъ о Софійской I лѣтописи) московской обработки 1455—58 годовъ Свода 1448 г.

8) Занесенная въ лѣтописный сводъ впервые въ 1423 году Повѣсть должна была существовать въ какой нибудь мѣстной лѣтописи. А. А. Шахматовъ указываетъ на существованіе особаго Московскаго свода 1380—81 года, *оканчивающагося сказаніемъ о Донскомъ побоищѣ*. Слѣдовательно, оригиналъ Повѣсти написанъ въ Москвѣ. Поэтому и великій князь здѣсь зовется «нашимъ княземъ».

Лѣтописная Повѣсть, какъ будетъ видно дальше, легла въ основаніи особаго вида повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *Сказанія*. Последнее цѣликомъ воспользовалось ея схемой, содержаніе которой (для будущаго сравненія) таково:

1. Мамай со всей силой татарской, съ наемниками, въ союзѣ съ Ягайломъ Ольгердовичемъ и Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ идетъ на великаго князя Дмитрія, вспоминая времена Батыя и свое пораженіе на Вождѣ. Олегъ посылаетъ къ Мамаю своего посла, чтобы стать вмѣстѣ у Оки.

2. Въ августѣ приходятъ къ великому князю изъ Орды вѣсти о выступленіи Мамаю. Олегъ увѣдомляетъ о томъ же. Великій князь, по молитвѣ, посылаетъ за княземъ Владимирою Андрѣевичемъ и за другими и обращается къ нимъ съ рѣчью о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

3. Соединенное русское войско приходитъ на Коломну. Сюда же приходятъ Ольгердовы дѣти — князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій. Мамай останавливается за Дономъ.

4. Вторая вѣсть приходитъ къ Дмитрію: Мамай ждетъ на помощь Ягайла и, выигрывая время, проситъ по прежнему выхода, но имъ не довольствуется. Олегъ явно переходитъ на сторону Мамаю, о чемъ узнаетъ великій князь, который молится о помощи на враговъ и проситъ благословенія у еп. Герасима.

5. Выходъ изъ Коломны 20 августа. Войска стягиваются на устьѣ Лопасны у Оки, куда приходятъ князь Владимиръ и его воевода Тимошей Васильевичъ. Войско переправляется въ рязанскую землю.

6. Плачи въ Москвѣ и по другимъ городамъ о походѣ великаго князя на бой.

7. Грамота отъ пр. Сергія, присланная передъ переходомъ черезъ Донъ.

8. Колебаніе передъ переходомъ: одни совѣтуютъ сражаться по ту сторону Дона, другихъ пугаетъ непріятель. Великій князь обращается съ ободрительной рѣчью и велитъ начать переправу.

9. Въ субботу 8 сентября великій князь въ туманное утро ставитъ полки и направляется къ устью Непрядвы.

10. Въ шестый часъ замѣчены татары. Готовятся къ бою; сторожевые полки вступаютъ въ соприкосновеніе.

11. Послѣ словъ великаго князя: «Богъ намъ прибѣжище и сила» — общая битва.

12. Видѣніе въ девятомъ часу: небесное воинство поражаетъ татаръ.

13. Побѣда русскихъ. Общее бѣгство, во время котораго побито множество враговъ. Мамай бѣжитъ «неготовыми дорогами».

14. Перечисленіе убитыхъ. Самъ великій князь, бившійся впереди, раненъ. Похвала великому князю.

15. Бѣгство Ягайла, узнавшаго о побѣдѣ.

16. Великій князь, «ставъ на костѣхъ», съ братомъ Владимиромъ воздастъ благодарственную молитву.

17. Великій князь благодаритъ оставшееся воинство и возвращается въ Москву съ добычей.

18. На обратномъ пути, узнавъ о насиліяхъ Олега, Дмитрій собирается послать на него войско. Рязанскіе бояре бьютъ ему челомъ, и великій князь сажаетъ на Рязани своихъ наместниковъ.

19. Участъ Мамаѣ, котораго разбиваетъ Тахтамышъ и гонитъ изъ Орды. Мамаѣ погибаетъ отъ рукъ убійцъ въ Каѣѣ.

Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впоследствии подвергалась сокращенію. Въ сильно сокращенномъ видѣ она находится въ лѣтописяхъ Троицкой и Новгородской I (ихъ списки восходятъ къ XV вѣку). Въ Троицкой лѣт. оставлены только имена убитыхъ на «суймѣ», да и то съ пропусками, остальной же рассказъ сжатъ до степени простой лѣтописной замѣтки.

Нѣсколько полнѣе изложеніе Новгородской I. Выпущены всѣ риторическія отступленія, молитвы, рассказы о судьбѣ Олега (Олегъ вообще не упоминается) и Мамаѣ. Изложеніе носитъ новгородскую окраску, потому что не смотря на сильное сокращеніе текста редакторъ оставилъ слѣдующую тираду: «Москвичи же мнози небывалци, видѣвши множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшись, а инѣи на бѣги обратишася, не помянувшѣ реченнаго пророкомъ: Како единъ поженетъ тысячу, а два двигнѣта тму, аще не Богъ предастъ ихъ».

Лѣтописная Повѣсть занесена еще въ Симеоновскую лѣтопись, о которой А. А. Шахматовъ говоритъ: «въ Симеоновской (а также, судя по отсутствію ссылокъ на нее у Карамзина, въ Троицкой) объ этомъ событіи ¹⁾ содержится краткое сообщеніе, имѣющее всѣ черты первоначальной записи, а не позднѣйшаго сокращенія».

По этому вопросу я держусь противоположнаго мнѣнія и признаю текстъ Повѣсти по Симеоновской — какъ разъ *позднѣйшимъ сокращеніемъ*, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Извѣстная Карамзину Троицкая лѣтопись въ текстѣ Лѣтописной Повѣсти *отличалась* отъ Симеоновской. Карамзинъ говоритъ: «замѣтимъ единственно, что *по Троицкой* и Ростовской лѣтописямъ Михайлъ Тверскій не участвовалъ въ семъ

1) т. е. о Мамаевомъ побоищѣ.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

ополченіи и что послы *Мамаеы* нашли *Димитрія* уже *въ Коломнѣ* (прим. 66 къ V т.). Въ известной Карамзину Ростовской л., въ которой, судя по выдержкамъ, заключалась Лѣтописная Повѣсть распространенной редакціи, дѣйствительно, сказано, что «нача Мамай слати ко князю Дмитрію выхода просити» въ то время, когда тотъ былъ въ Коломнѣ, но въ Симеоновской никакого упоминанія о пребываніи Дмитрія въ Коломнѣ и о посольствѣ Мамаеы *нѣтъ*.

2) Имена убитыхъ на бою въ Симеоновской помѣщены съ пропусками противъ Лѣтописной Повѣсти, а по порядку и по количеству *ополнѣ соотвѣтствуютъ* указанной выше — Троицкой (напечатанной) лѣтописи, *идѣ Повѣсть безусловно сокращена*.

3) Изложеніе Симеоновской л. представляетъ сокращенный пересказъ Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ многихъ мѣстъ послѣдней. Выпущены всѣ молитвы, всѣ разсужденія, упоминаніе объ Олегѣ, пребываніе великаго князя въ Коломнѣ, разсказы о вѣщательствѣ небесной силы.

4) Сокращена формула боя: вмѣсто описанія боя въ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть сѣча зла и велика, и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло... и проляша кровь, аки дождевая туча»..., сказано только: «и бысть на долзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла». Сокращеніе формулы особенно подчеркиваетъ общее сокращеніе, такъ какъ формула, какъ нѣчто постоянное (*locus communis*), не измѣнялась безъ особой на то причины.

5) При полномъ отсутствіи упоминанія объ Олегѣ рязанскомъ, объ его непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ великаго князя, неожиданно въ концѣ Повѣсти находится разсказъ о рѣшеніи Дмитрія послать войско противъ Олега, о бѣгствѣ послѣдняго и покорствѣ рязанскихъ бояръ — *вполнѣ соотвѣтствующій* по тексту Лѣтописной Повѣсти. Слѣдующій непосредственно за этимъ разсказъ о судьбѣ Мамаеы также имѣетъ съ Лѣтописной Повѣстью буквальное сходство. Присутствіе двухъ распространенныхъ эпизодовъ, въ сущности второстепенныхъ, при глав-

номъ сжатомъ содержаніи, можетъ только указывать на позднѣйшее сокращеніе текста.

6) Въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV, въ Повѣсти, вмѣсто «исполчишася» написано «исполнишася». Эту же ошибку встрѣчаемъ и Симеоновской I. Можно думать, что сокращеніе Повѣсти произошло со списка, заключавшаго эту ошибку.

Сокращеніе Лѣтописной Повѣсти находится еще въ Хронографѣ I редакціи, составленномъ въ 1422 г. Пахоміемъ Логофетомъ. Представляя въ общемъ сжатый пересказъ Повѣсти, изложеніе Хронографа имѣетъ нѣкоторыя характерныя добавленія:

1) Измѣнены слова преп. Сергія въ грамотѣ: «бійся, рече, съ поганымъ Мамаемъ, не ожидай на себя силы, Богъ ти поможетъ и святая Богородица».

2) Къ сокращенной формулѣ прибавлена картина общаго боя: «бысть войска на девяносты верстахъ, а трупа челоуѣческаго на чотыредесытихъ верстахъ паде, а бою было отъ третьяго часа до девятаго».

3) Является, развитый уже въ Сказаніи, мотивъ о единоборствѣ: «Убитыхъ же князей и боляръ великихъ съ пятнадцать: и Левъ Морозовъ и Семень Меликовъ, съ ними же *Александръ Пересвѣтъ и чернецъ Ослябя богатыри...*, а тамъ у нихъ же *богатырь же былъ татаринъ, его же уби, Ослябя да и самъ отъ его ранъ умре*». Обыкновенно въ разсказѣ о единоборствѣ участвуетъ Пересвѣтъ. Упомянутіе здѣсь объ Осляби можетъ указывать лишь на еще не установившееся преданіе.

Присутствіе мотива о единоборствѣ въ Хронографѣ показываетъ, что въ началѣ XV вѣка въ изложеніе Лѣтописной Повѣсти стали проникать устные разсказы. Это обстоятельство роднитъ хронографическое изложеніе Повѣсти съ изложеніемъ лѣтописи Дубровскаго и Ростовской Архивской, о которыхъ подробно рѣчь будетъ въ четвертой главѣ этой книги.

ГЛАВА III.

Повѣданіе, писаніе Софоніи.

По древнѣйшему списку писаніе Софоніи названо *Задонщиной*. Этотъ терминъ былъ усвоенъ излѣдователями для обозначенія разбираемаго памятника, по содержанію и формѣ оригинальнаго, отличающагося вполне отъ пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, которую они называли Повѣданіемъ. Но названіе писанія Софоніи «Задонщиной» принадлежитъ, собственно, одному, древнѣйшему списку, и составляетъ, такъ сказать, особенность послѣдняго. Въ этомъ списокѣ послѣ текста Задонщины идутъ лѣтописные отрывки, въ которыхъ встрѣчаются такіа образованія: Мамаевчина, Задонщина, Тахтамышевщина, и цѣлый рядъ событій хронологически связывается съ Задонщиной (въ такомъ то году «по Задонщинѣ»). Несомнѣнно, это — индивидуальность указаннаго списка, остальные же только повторяютъ это названіе, и то — рѣдко.

Кромѣ того, самый терминъ этотъ неустойчивъ и въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, Перетцъ въ своей диссертациі подѣ Задонщиной разумѣетъ Лѣтописную Повѣсть.

Я отступлю отъ этого термина и, основываясь на начальныхъ строкахъ текста: «Лудчи бо намъ, братія, начати *повѣдати* иными словесы», буду писаніе Софоніи называть *Повѣданіемъ*. Оно такъ, очевидно, и называлось, потому что простран-

ная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ («Сказаніе», которое я разбираю въ слѣдующихъ главахъ), черпая широко, какъ будетъ видно, дополненія ихъ писанія Софоніи, въ большинствѣ списковъ носить двойное заглавіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского.

Повѣданіе дошло въ трехъ спискахъ, представляющихъ памятникъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, и — въ отрывкахъ.

Списки эти слѣдующіе:

1. Древнѣйшій, XV вѣка, находится въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, описанномъ арх. Варлаамомъ. («Описание сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», Уч. Зап. Имп. Академіи Наукъ, 1859, V). Тамъ же изданъ и текстъ памятника, называемаго въ рукописи и «Писаніемъ Софоніи старца рязанца» и — «Задонщиной»: — «Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича». (Ibid. стр. 57—60).

2. Текстъ XVII вѣка, въ сборникѣ, принадлежавшемъ Ундольскому, теперь Румянцевскому Музею (№ 632 по описанію рукописей Ундольскаго). Изданъ (очень плохо) первымъ владельцемъ во Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1852, кн. 14, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева. Здѣсь памятникъ носитъ иное названіе: «Слово о великомъ князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче, яко побѣдили соупостата своего царя Мамая» ¹⁾.

3. Текстъ въ скорописномъ сборникѣ XVII вѣка Синодальной Библіотеки подъ № 790. Сборникъ этотъ писанъ на бѣлорусскомъ нарѣчій и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, еще: отрывокъ изъ дѣяній Брестскаго собора 1591 г., хронику о великихъ князьяхъ литовскихъ до 1475 г., лѣтописцы: литовскій и о событіяхъ въ западной Руси, много выписокъ изъ разныхъ лѣтописей и хронографовъ. Текстъ Повѣданія изданъ

1) Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ выпискахъ, я цитирую по рукописи, а не по изданію. По рукописи же цитирую и Кирилло-Бѣлозерскій текстъ; фотографическій снимокъ съ этой рукописи любезно предложенъ мнѣ П. К. Симономъ.

проф. Смирновымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1890, № 2. Въ рукописи памятникъ снова считается писаніемъ Софоніи: «Сказаніе Софона резанца написана руским княземъ похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу».

Древнѣйшій списокъ далеко не представляетъ исправнаго текста. Во первыхъ—Повѣданіе помѣщено здѣсь не въ полномъ объемѣ. Текстъ его прекращается послѣ разсказа о плачѣ боярынь по убитымъ мужьямъ; въ спискахъ же XVII вѣка вслѣдъ за этимъ идетъ какъ бы вторая часть памятника, гдѣ центральной фигурой является князь Владимиръ Андреевичъ. Такъ какъ писаніе Софоніи поставило цѣлью—воздать похвалу обоимъ участвовавшимъ въ битвѣ князьямъ, Дмитрію и Владимиру, а древнѣйшій текстъ какъ разъ говоритъ только о Дмитріи, и изложеніе кончается тамъ, гдѣ въ другихъ спискахъ начинается похвала Владимиру, то нужно думать, что неполнота древнѣйшаго текста не есть результатъ случайной утраты, или что оригиналъ памятника былъ краткій. Скорѣе можно предположить, что переписчикъ ограничился только перепиской той части Повѣданія, гдѣ изображенъ геройемъ великій князь Дмитрій.

Во вторыхъ, къ неисправности текста слѣдуетъ отнести ошибки, пропуски, сокращенія (особенно въ концѣ, гдѣ нарушена даже логическая связь) и интерполяціи. Приведу примѣры:

а) ошибки: Гобояна (вм. Бояна); половецїя (вм. половецкїя); калантыри зачены (вм. калантыри злачены); на Чечѣ (вм. на Мечѣ); ставше (вм. истезавше); Андрея Половецкаго (вм. А. Полоцкаго); под трубами поють (вм. повити); Ивана Дмитріевича (вм. Дмитрія Ивановича) и др.

б) пропуски: «Тои бо вѣщїй Боянъ... пояше славою роускымъ княземъ... восхваляя ихъ пѣсми и гоуслеными боуинными словесы на роусскаго господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича»...

Послѣ «словесы» должна была слѣдовать цѣлая фраза, иначе

нѣтъ смысла. Въ текстѣ Ундольскаго: «...пояша руским князем славу... аз же... восхваляю пѣснями, гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея».

Фраза «От тоя рати и до Мамаева побоища» — не докончена. Въ другихъ спискахъ она читается такъ: «От тоя рати и до Мамаева побоища рѣ лѣтъ».

Пропущено обращеніе князя Дмитрія Брянскаго къ своему брату Андрею, почему въ рѣчи послѣдняго встрѣчается такая несообразность: «Сѣдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони», какъ будто князь приказываетъ самому себѣ. Въ другихъ спискахъ это обращеніе есть, здѣсь же не отгѣнено — гдѣ кончается рѣчь одного и пачинается другого.

в) сокращенія: Сокращено все начало, которое гораздо полнѣе въ другихъ спискахъ.

Скомкана вся картина боя: «гряноуша копія харалоужныя. мечи боудатныя. топори легкіе. щиты московскыя. шеломы нѣмецкіе. боданы бесерменьскыя. тогда поля костыми наѣяны. кровыи поліано. воды возпиша. вѣсть подаваша порожнымъ землямъ»... Здѣсь въ началѣ простое перечисленіе вооруженія при одномъ сказуемомъ. Это — какъ бы схема той картины, которая развита въ другихъ спискахъ.

Сокращена рѣчь Осляби: ...«оуже брате вижду раны на срдци твоємъ тяжки. оуже твои главѣ пасти на сыроую землю. на бѣлоую ковылоу. моемоу чадоу якову». Непонятно, о какомъ Іаковѣ говоритъ Осляба, когда этимъ именемъ въ томъ же текстѣ зовется онъ самъ, и неизвѣстно, что суждено тому Іакову, о которомъ упоминается въ рѣчи Осляби.

Благодаря какому то сокращенію замѣчается непослѣдовательность въ употребленіи падежей въ перечисленіи убитыхъ, которое, кромѣ того, представляетъ вставку: «взопаша набіеніи от поганыхъ. кнѣзи великихъ и боляръ сановныхъ. кнѣзя Феодра романовича бѣлозерскаго и снѣ его князя ивана. микоулоу васильевича. Феодръ мемко. иванъ сано. михаило вренковъ. іаковъ ослебятинъ. пересвѣтъ чернець. и иная многая дружина».

Наконецъ, по сравненію съ другими списками, весьма сокращены плачи боярынь по избіеннымъ мужьямъ, — ими и заканчивается памятникъ по Кирилло-Бѣлозерскому списку.

г) интерполяціи: Послѣднія представляютъ частое явленіе какъ въ разбираемомъ, такъ и въ другихъ спискахъ Повѣданія. Сжатый и поэтический текстъ памятника, несомнѣнно, требовалъ разъясненій и дополненій. Интерполированныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, много въ Словѣ о полку Игоревѣ. Много ихъ и въ разбираемомъ текстѣ, гдѣ они отличаются и по отсутствію связи съ общимъ тономъ изложенія и по самому характеру, являясь объясненіемъ той или другой мысли. Таковы:

1) указанная выше неконченная фраза: «от тоя рати и до мамаева побоища» — соображеніе о количествѣ лѣтъ, прошедшихъ отъ битвы при Калкѣ до Куликовской.

2) послѣ словъ: «лисици часто брешють» слѣдуетъ объясненіе: «чають побѣдоу на поганныхъ». Въ этомъ мѣстѣ интерполяція очевидна: кто то имѣлъ въ виду объяснить себѣ текстъ, составленный вполне по Слову о полку Игоревѣ, и рассказъ о лисицахъ, пришедшихъ на поле битвы, изложилъ такимъ образомъ: «аркоучи такъ земля еси роусская. какъ еси была доселева за прѣмь соломономъ. такъ боуди и нѣча за кнѣземъ великимъ дмитріемъ ивановичемъ». Несомнѣнно, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, въ оригиналѣ было: «теперь бо еси за соломянемъ побывала». Упрекъ въ непониманіи текста Слова отнюдь не долженъ лежать на Софоніи, который всюду имъ пользуется умѣло, а на томъ читателѣ, который осмыслилъ по своему непонятное ему мѣсто.

3) ясна интерполяція, разъединяющая подлежащее отъ сказуемаго, въ фразѣ: «сѣнце емоу на встоцѣ *семтября ѿ в средоу на рѣстоу прѣстыа бѣа* ясно свѣтитъ поутъ емоу повѣдаеть. *борисъ мѣтъ мѣту творять за сродники свои.*

4) перечисленіе убитыхъ, отмѣченное мною выше, тоже представляетъ вставку, взятую изъ Лѣтописной Повѣсти или, вѣрнѣе, изъ синодика, такъ какъ имена не во всемъ совпадаютъ.

При наличности вышеприведенныхъ ошибокъ, пропусковъ и, особенно, интерполяцій, отчего нарушается смыслъ и не выдерживается общій тонъ памятника, приходится заключить, что Кирилло-Бѣлозерскій текстъ является лишь копіей оригинала, и притомъ — неисправной.

Однако текстъ этотъ, помимо того, что онъ — древнѣйшій, важенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ мѣста, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ Повѣданія и, по своей близости къ Слову о полку Игоревѣ, несомнѣнно, принадлежащія оригиналу:

а) Во вступленіи объяснено, почему авторъ воздастъ похвалу князьямъ Дмитрію и Владимиру: «занеже ихъ было моужество и желаніе за землю роусьскоую и за вѣроу хрѣстіаньскую». Въ другихъ спискахъ этого мѣста нѣтъ.

б) Картинное изображеніе готованаго на бой русскаго войска, собраннаго отовсюду, здѣсь всего стройнѣе по изложенію и полнѣе; добавлено: «пашоутся хоригови берчати. свѣтятьсѣ калантыри з(а)ачены».

в) Полнѣе рѣчь князей къ великому князю Дмитрію: «оуже поганый татарове на поля на наши настоупаютъ, а вотчину нашу оу нас отнимають».

г) Характеристика Ольгердовичей замѣчательна по близости своей къ Слову о полку Игоревѣ: «ти бо бяше сторожевыя полкы. на щитѣ, рожены. под трюбами поють (чит. повити). под шеломы възлежѣаны. с востраго меча поены в литовьской земли».

д) Отрицательное сравненіе татарскихъ войскъ съ гусями и лебедями, оборванное въ другихъ спискахъ, здѣсь является въ законченномъ видѣ: «то ти, не гоуси гоготаша ни лебеди крилы въсплескаша».

е) Передъ разсказомъ о Пересвѣтѣ (изложенномъ, кстати, весьма близко по тону къ Слову) находится выраженіе, заключающее описаніе боя: «тогода же, было не лѣпо староу помолодотися», и ниже: «зогзици кокоуютъ». Оба — близки къ Слову.

Перейду къ слѣдующему тексту.

Текстъ по списку Ундольскаго значительно полнѣе и представляютъ памятникъ въ цѣломъ видѣ. Однако и этотъ списокъ далеко нельзя считать исправнымъ. Съ одной стороны — переписчикъ пользовался дурнымъ текстомъ или не понималъ его, съ другой — будучи по времени весьма позднимъ, Повѣданіе въ этомъ списокѣ носитъ слѣды нѣкоторой редакціонной обработки.

Результатомъ непониманія текста или плохой его переписки являются ошибки и пропуски, столь же частые, какъ и въ предыдущемъ текстѣ. Таковы ошибки: вѣщаннаго боярина (вм. вѣщаго бояна); строупы (вм. струны); Игорю Бяриковичю (вм. Рюриковичю, притомъ еще Игорь считается здѣсь «первымъ» русскимъ княземъ); Владимиру Всеславьевичю (вм. Святославичю); рекше (вм. рече); оараеужными (вм. харалужными); а глава шибла (вм. а слава...); у Дуная (вм. у Дона); не брвать (вм. не бывать); милому (вм. малому) и др.

Пропуски: Въ рѣчи Осляби упоминаніе о «чадѣ Іаковѣ» представляетъ ту же неясность, что и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ списокѣ.

Во фразѣ: «вѣдомы полѣводцы подъ трубами подъ шеломи значеными» пропущено «повити» и кромѣ того — нѣтъ продолженія.

Перебить текстъ во фразѣ: «И оуже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича по всемъ землямъ текоукъ грозы». Здѣсь, помимо ошибки (текоукъ), пропускъ, очевидно, цѣлаго выраженія.

Въ рѣчи великаго князя къ боярамъ: «тутю добоудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, тутю, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть», замѣтна спутанность текста, основанная на пропускѣ нѣсколькихъ словъ.

Наконецъ, къ неисправностямъ слѣдуетъ отнести и позднѣйшія добавленія, которыя въ разбираемомъ текстѣ имѣютъ двойной характеръ: интерполяціи и редакціонныя измѣненія.

Интерполяціи. Въ самомъ началѣ текста находится одна вставка, которая вводила въ заблужденіе многихъ изслѣдователей. Повѣданіе по древнѣйшему и по Синодальному спискамъ приписывается Софоніи рязанцу. Авторство его, какъ будетъ ниже указано, подтверждается и нѣкоторыми списками иностранной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ Повѣданіе находится въ отрывкахъ. Между тѣмъ списокъ Ундольскаго говорить о Софоніи, какъ будто объ авторѣ какого-то другого произведенія. Редакторъ, рассказавъ о томъ, какъ Боянъ пѣлъ русскимъ князьямъ славу, говоритъ о себѣ: «Аз же помяну резанца Софоніи и восхваляю пѣснями гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а вноуки святаго великаго князя Владимира киевского и пѣние княземъ роускимъ за вѣроу христіяньскоую. а от Калатские рати до Момаева побоища ꙗко лѣтъ».

Наличность послѣдней фразы, какъ несомнѣнной интерполяціи, отсутствіе связи между предложеніями — показываетъ, что все это мѣсто испорчено; оно испорчено и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ списокѣ, но тамъ не упоминалось о Софоніи; здѣсь же упоминаніе о Софоніи могло быть даже вставкой самого редактора или переписчика (азъ помяну), желавшаго дополнить неясное мѣсто. Характерна эта вставка въ Синодальномъ списокѣ, гдѣ въ одно и то же время Софонія считается авторомъ Повѣданія и объ немъ же, какъ о третьемъ лицѣ, вспоминается въ текстѣ: «Издеса помянем Софоню резанца сего великаго князя Дмитрея Ивановича а правнука святаго князя Володимера киевского и брата его Володимера Ондреевича».

Въ рассказѣ о томъ, что татары стоятъ уже на рѣкѣ Мечѣ, прибавлено: «межу Чюровымъ и Михайловымъ брѣсти хотятъ». Повѣданіе набрасываетъ лишь общую картину военныхъ дѣйствій, и такое точное обозначеніе мѣста должно было зайти изъ какого-либо другого источника. Дѣйствительно, урочище «Чуры-Михайловы» упоминается въ первой редакціи Сказанія.

Къ заимствованію изъ Сказанія слѣдуетъ отнести также все, что говорится о новгородскихъ посадникахъ: «выехали посадники изъ великаго Новагорода, ^ѣ войска къ великому князю Дмитрею Ивановичю и къ брату его князю Владимиру Андрѣевичю». Указанное количество войска повторяется въ другомъ случаѣ, ниже, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ: «выедемъ, брате, в чистое полѣ и посмотримъ своихъ полковъ, колько, брате, с нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы с нами ^ѣ окованные рати».

Несомнѣнно на основаніи Лѣтописной Повѣсти упоминаются имена князей, участвовавшихъ въ битвѣ: «И крѣпцы бысть князи Бѣлозѣрстіи Ѳеодор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Микула Васильевичъ, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Вольньской, да Тимошей Волоуевичъ, да Андрѣй Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ, а вою с нами триста тысящъ окованные рати». Вся эта вставка не вытекаетъ изъ контекста и отсутствуетъ въ древнѣйшемъ спискѣ.

Характерны интерполяціи, выставляющія, подъ вліяніемъ Лѣтописной Повѣсти, великаго князя смиреннымъ и боголюбивымъ христіаниномъ. При описаніи сборовъ его на бой, цѣлкомъ составленномъ по Слову о полку Игоревѣ, вставлено: «помолися Богоу и пречистой его Матері». Эта вставка повторена дважды. Ниже великій князь произноситъ цѣлую молитву: «Господи Боже мой! на тя уповахъ да не постыжоуся въѣкъ, ни да посмѣются враги моя мнѣ; и помолися Богоу и пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ его, и прослезися горко, и оутер слезы».

Наконецъ, къ интерполяціямъ слѣдуетъ отнести календарныя обозначенія дней, диссонирующія съ общимъ тономъ разсказа: «А билися изъ оутра до полуудни в соуботу на рожество святѣй Богородицы» — вставка, раздѣляющая картинное описаніе битвы. Точно также, ниже, во фразѣ: «того же дни в соуботу иссекша христіани поганые полки» вставлено: «на рожество святыя Богородицы».

Редакціонныя измѣненія. Вставки, обличающія въ спискѣ Ундольскаго работу редактора или представляютъ незначительныя дополненія, продолжающія картину оригинала, вродѣ обращенія къ жаворонку: «посмотри к сілному градуу Москвѣ», котораго нѣтъ въ древнѣйшемъ спискѣ, хотя все мѣсто это тамъ не носитъ слѣдовъ сокращенія; или же являются самостоятельной композиціей, особенно въ началѣ и концѣ памятника. Начало Повѣданія по списку Ундольскаго является книжнымъ развитіемъ первыхъ строкъ древнѣйшаго текста. Великій князь узнаетъ о приходѣ татаръ «на пиру оу Микулы Васильевича». Далѣе слѣдуетъ характеристика земли русской — «жребія Аее-това», въ противоположность землѣ татарской — «жребію Симову» и указывается на ея «погибель». Книжный характеръ этого вступленія засвидѣтельствованъ самимъ редакторомъ: «Преже восписах жалость земли роуские и прочее, *от книг приводя*, потом же *списах* жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и братоу его князю Владимиру Ондрѣевичю» ¹⁾).

Послѣ такого вступленія, составленнаго редакторомъ, слѣдуетъ уже переходъ къ писанію Софонія. Переходъ выраженъ такъ: «Снидемся, братія и друзи и сынове рускіи, составим слово к слову, возвѣселим рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребій, и воздадим поганому Момаю побѣдоу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово». Далѣе идетъ уже писаніе Софонія. Понятно, что при такомъ самостоятельномъ вступленіи редакторъ могъ вспоминать Софонію, какъ творца какого-то другого произведенія.

Затѣмъ редакторская рука видна въ концѣ памятника, во вставкѣ двухъ эпизодовъ. Первый — о гибели Мамаевой — представляетъ любопытную передѣлку соответствующаго эпизода

---

1) Обращу вниманіе на формы: «от книг», «Ондрѣевичю» при постоянномъ: «Андрѣевичю». Нужно думать, что это мѣсто — не списано.

изъ Лѣтописной Повѣсти подѣ тонѣ писанія Софоніи: «И отскоца поганый Мамай от своея дружины, серым волком взвыл, и притече к Хаѣстѣ граду. Молвяше же ему Өрязове: чему ты поганый Мамай посягаешь на рускую землю; то ты била орда залѣская; а не бывати тобѣ въ Батыя царя, оу Батыя царя было дѣста тысящѣ окованные рати, а воевал всю роускую землю от востока и до запада; а казнил Богъ роускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на рускую землю, царь Мамай съ многими силами, з дѣвятью ордами и ѡ князями; а нынѣ ты поганый бѣжишь самдевят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ; нѣшто тебя князи роускіе гораздо потчивали, ни князей с тобою ни воевод; нѣчто гораздо оупилися оу быстрого Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ, позадѣнеш и нам от земли роуской. Оуподобился еси милому младенцоу оу матери своей».

Другой — счетъ убитымъ князьямъ и боярамъ, причеиъ счетъ ведетъ «Михайло Александровичъ, московскій бояринъ», вызванъ также Лѣтописной Повѣстью, но по содержанію и по формѣ оиъ вполнѣ отличенъ. Счетъ этотъ есть евфонистическое перечисленіе различныхъ князей и бояръ мѣстныхъ.

Словами великаго князя: «И поидеиъ брате, князь Владимир Андрѣевичъ во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядеиъ, брате, на своемъ княженіи, а чтѣ еси, брате, добыли, и славнагъ имени, Богу нашему слава», заканчивается списокъ Ундольскаго.

Текстъ Повѣданія по этому списку, если откинуть редактерскія прибавленія въ началѣ и концѣ, восходитъ къ тому же оригиналу, что и Кирилло-Бѣлозерскій. Его отнюдь не надо считать какимъ-то особымъ произведеніемъ, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, составленнымъ на основаніи писанія Софоніи. Доказательствомъ служатъ:

- 1) тожество плана;
- 2) буквальное сходство значительнаго большинства выраженій;

3) сокращенія и неясности Кирилло-Бѣлозерскаго текста становятся понятными изъ сравненія съ соответствующими мѣстами текста Ундольскаго, который часто представляет лучшее чтеніе.

Я приведу тѣ мѣста, гдѣ списокъ Ундольскаго исправляетъ и дополняетъ древнѣйшій текстъ:

а) Начало Повѣданія стройнѣ и ближе къ Слову: «Лудчи бо намъ, брате¹⁾, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалоу... начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслию но (чит. надъ) землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣща(нна)го Боя(ри)на, горазна гоудца въ Киевѣ»²⁾.

б) Характеристика выѣзжающихъ въ походъ князей — полнѣе и снова ближе къ Слову: «Изтезавше оумъ свой крѣпкою крепостью и поостриша сердца свои мужествомъ и наполни ратного доуха, оуставиша собѣ храбрыя воеводы въ роуской землѣ и помянуша прадѣда своего великаго князя Владимира киевскаго». Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ все это мѣсто сокращено, и въ началѣ, вмѣсто: «Се бо князь великій... и братъ его... поостриша»... — ошибкою написано: «Се азъ князь великій»... и т. д.

в) Фраза: «Щи боуря соколѣ снесетъ изъ земля Залѣскія въ полѣ Полотское», не смотря на порчу, ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго: «они бо взялися, какъ соколи со земли роусскыя на поля половецкыя».

г) Такой же характеръ, какъ въ пунктѣ б, носитъ рѣчь великаго князя къ Владимиру Андреевичу, въ которой, противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, прибавлено: «а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а реку Донъ кровью прольемъ за землю за роускую и за вѣроу крестьянскую».

1) Форма «брате», конечно, вышла изъ «братія», черезъ «братее», но списокъ Ундольскаго почти всюду принимаетъ ее за voc. sing.

2) «горазна гудца въ Киевѣ», — впрочемъ, могло явиться позднѣйшимъ объясненіемъ къ Бояну.

д) Какъ было указано выше, въ текстѣ Ундольскаго ясно указанъ отвѣтъ Дмитрія Ольгердовича своему брату: «И рече ему Дмитрей» . . . Пропускъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ дѣлаетъ все это мѣсто неяснымъ, хотя по изложенію весь эпизодъ объ Ольгердовичахъ здѣсь хуже соответствующаго въ древнѣйшемъ списокѣ.

е) Картина кануна боя въ разбираемомъ списокѣ дополнена противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, гдѣ несомнѣнно пропущена фраза: «пасти тропу челоуѣческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речке Напряде; уже бо скрипѣли телеги межоу Дономъ и Непромъ». Здѣсь писцу легко было сдѣлать пропускъ, потому что предыдущая фраза: «Быти стуку великому на речке Напрядѣ, между Дономъ и Непромъ», кончалась однимъ и тѣмъ же словомъ.

ж) Испорченное мѣсто: «Роуская земля то первое еси какъ за паремъ за Соломономъ побывала», — какъ видно изъ цитаты, всетаки ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго.

з) Единственное мѣсто, гдѣ какъ бы нарушается въ обоихъ спискахъ единство плана, представляетъ перестановка слѣдующихъ двухъ эпизодовъ: въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сначала описывается выступленіе князя Владимира, а потомъ уже великаго князя, въ списокѣ Ундольскаго — наоборотъ — сначала сказано о великомъ князѣ, потомъ уже объ его братѣ. Последовательность Кирилло-Бѣлозерскаго лучше, но описаніе сбора въ походъ князя Владимира — ближе къ Слову въ разбираемомъ списокѣ: «Что шумитъ и что грѣмитъ рано предъ зорями. Князь Владимиръ Андрѣевичъ полки пребираетъ и ведетъ къ великому Дону». Перестановка могла явиться слѣдствіемъ того, что это мѣсто въ разбираемомъ списокѣ, какъ выше указано, интерполировано (вставкой изъ Лѣтописной Повѣсти).

и) вмѣсто скомканной картины боя — въ списокѣ Ундольскаго стройное описаніе: «Соколы и кречаты за Донъ борзо перегѣли и оударилися о многи стада лѣбѣдиные: то ти наехали роуские князи на силоу татарскую и оудариша копье вараеужными о

доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи боулатные о шеломы хиновские на полѣ Коуликове, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля под копыты, а кости татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а сильныи полки стоупишася вмѣсто и протопташа холи и лоуги и возмутишася рѣки и потоки и озера, и кликнуули быша дивы в роуской земли, а глава (чит. слава) шибла к Желѣзнымъ Вратамъ, и къ Караначи, к Римоу и х Саѣ по морю и к Которнову, а оттолѣ ко Царю граду на похвалу роускимъ княземъ. И одолѣша рать татарскоую на полѣ Коуликове на речкѣ Напрядѣ.

і) Описаніе боя и все дальнѣйшее изложеніе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ представляется чрезвычайно сжатымъ и можетъ быть объяснено только сличеніемъ со спискомъ Ундольскаго. Таковы — рассказъ о Пересвѣтѣ и плачи боярынь. Въ списокѣ Ундольскаго и эти эпизоды ближе къ Слову по изложенію.

Какъ я сказалъ, списокъ Ундольскаго представляетъ болѣе полный текстъ Повѣданія. Послѣ плачей, которыми кончается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, рассказъ обращается къ князю Владимиру, который съ своимъ полкомъ вылетаетъ на татарскую силу, описывается окончательное пораженіе татаръ и веселье русскихъ ¹⁾).

Эта вторая часть выясняется уже изъ сравненія съ третьимъ текстомъ Повѣданія, по Синодальному списку, представляющему памятникъ, какъ и предыдущій, въ цѣломъ видѣ.

Синодальный текстъ писанъ на западно-русскомъ нарѣчій, которое мѣстами замѣтно въ выговорѣ словъ, и если предыдущіе тексты изобиловали ошибками, то разбираемый настолько испещренъ ими, что мѣстами слова искажены до неузнаваемости. Ошибокъ до того много, что привести ихъ — значить выписать текстъ почти полностью; переписчикъ вмѣсто «Афета», напрямѣръ, писалъ «Охмета», вмѣсто «Боянъ» — ставилъ «Бо», вмѣсто «в Симовъ» — «в семъ», или же вовсе опускалъ слова, совершенно

1) Собственно рассказа о побѣдѣ надъ татарами въ Кир.-Бѣл. списокѣ нѣтъ.
Сборникъ II отд. Н. А. Н.

ихъ не понимая. Поэтому Синодальный текстъ — самый не-исправный, но тѣмъ не менѣе, такъ какъ ошибки въ значительной степени явились слѣдствіемъ говора писца, — важенъ для уясненія оригинала Повѣданія потому, что не смотря на ошибки и интерполяціи, онъ въ порядкѣ послѣдовательной переписки долженъ быть поставленъ въ срединѣ между Кирилло-Бѣлозерскимъ и Ундольскаго списками.

Въ общемъ текстъ по Синодальному списку весьма близокъ къ сп. Ундольскаго, кромѣ конца, который излагается нѣсколько иначе. Въ разбираемомъ спискѣ памятникъ является въ той стадіи измѣненія, когда заглавіе оригинала, указывавшее на принадлежность Повѣданія перу Софоніи, еще не утратилось, но интерполяція: «издеся помянемъ Софонию резанца» — появилась, какъ появились и другія позднѣйшія добавленія, отмѣченныя мною выше при разборѣ текста по списку Ундольскаго.

Срединный характеръ Синодальнаго текста доказывается еще тѣмъ, что нѣкоторые мѣста въ немъ сходны съ древнѣйшимъ текстомъ, въ то время какъ текстъ Ундольскаго представляетъ отступленія или подновленія ¹⁾. Я отмѣчу эти мѣста:

а) «Первымъ» русскимъ княземъ, вмѣстѣ съ древнѣйшимъ текстомъ, здѣсь считается Рюрикъ, тогда какъ въ текстѣ Ундольскаго «первымъ» княземъ названъ Игорь.

б) Есть упоминаніе о мужествѣ князей русскихъ, только переписчикъ испортилъ текстъ: «Заняже отпало было мужество княземъ рускимъ». Въ текстѣ Ундольскаго вовсе нѣтъ этого мѣста.

в) Картина готоваго на бой русскаго войска ближе къ древнѣйшему тексту: «Кони ирзуть на Москве, трубы трубятъ у Серпугове, бубны бубнятъ но (чит. на) Коламне, звинитъ слава по всей земли руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези».

---

1) Это замѣчаніе, конечно, относится лишь къ первой части Повѣданія, такъ какъ второй въ древнѣйшемъ текстѣ нѣтъ, но, по аналогіи, и вторую часть слѣдуетъ разсматривать также, т. е. представляющую мѣстами текстъ лучшій, чѣмъ Ундольскаго.

г) Рѣчь великаго князя своему брату представляетъ какъ бы соединеніе древнѣйшаго и Ундольскаго текстовъ: «Пойдемъ, брате, тамо, искупимъ животомъ славы, учинить имамъ диво старихъ посебъ, а младымъ памстъ за землю рускую и за веру христіянскую». Въ Синодальномъ весь эпизодъ перепутанъ (какъ, впрочемъ, перепутанъ онъ и въ остальныхъ двухъ спискахъ), потому что выше находится пропускъ цѣлой фразы сравнительно съ остальными списками: «сбѣхалися всѣ князи роусскыя къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособъ, аркоучи такъ»...¹⁾.

д) Характеристика Ольгердовичей, не смотря на порчу текста, совпадаетъ съ древнѣйшимъ: «Тые бо есть сынове храбри, родишася в ратное време, под трубами нечистихъ кочаны коней (чит. повити, конецъ копія) воскормлены, с коленыхъ стрелъ воспоены в тивской (чит. литовской) земли». Въ текстѣ Ундольскаго, какъ сказано, все это мѣсто подновлено.

е) Точно также и ниже — рѣчь князя Андрея брату (который здѣсь ошибочно именуется Дмитріемъ *Волынскимъ*) ближе къ древнѣйшему, чѣмъ къ подновленному тексту Ундольскаго: «А сами усядемъ на борздыя кони, посмотримъ бистрого Дону, сопнемъ шеломомъ воды, испытаемъ мечовъ своихъ литовскихъ, а шоломовъ татарскихъ, а сулицъ немецкихъ, а бонадовъ (чит. бойдановъ) бесурмескихъ».

ж) Продолжено, какъ и въ древнѣйшемъ, отрицательное сравненіе татарскаго войска съ гусями и лебедями: «Тогда гуси восгагатали и лебеди восплескали крилами своими, не гуси ж то воигоготали, поганый царъ Маман»...

з) Эпизоды о выступленіи въ походъ обоихъ князей, сходные по тексту со спискомъ Ундольскаго (гдѣ, какъ указано, текстъ *лучше*), расположены однако такъ же, какъ въ древнѣйшемъ: сначала описывается выступленіе князя Владимира Андреевича, потомъ — великаго князя.

Въ остальномъ текстъ первой части Повѣданія по Синодаль-

1) Цитирую по Кирилло-Бѣлозерскому тексту.

ному списку сходенъ со спискомъ Ундольскаго, исключая плача боярынь, который здѣсь полнѣе и, какъ будетъ указано ниже, — ближе къ основному тексту.

Перехожу ко второй части Повѣданія.

Прежде всего я обращаю вниманіе на то, что оригиналъ, служившій для разбираемыхъ списковъ (Ундольскаго и Синодальнаго) допустилъ одну ошибку, весьма возможную для переписчика, но присутствіе которой затемнило изложеніе и нарушило всю стройность памятника. Въ первой части ясно указано, что русскіе потерпѣли поражение отъ татаръ: побиты и постѣжены воеводы великаго князя (перечисляются имена во вставкѣ), Ослябя предрекаетъ себѣ общую участь съ Пересвѣтомъ — лечь костями на травѣ ковылѣ, рисуется безотрадная картина разоренной русской земли, наконецъ — жены князей и воеводъ горько плачутъ по убитеннымъ. Изъ контекста древнѣйшаго списка совершенно не видно, побѣдили ли русскіе, впечатлѣніе получается обратное.

Вторая часть рисуетъ вторично картину боя, причемъ князь Владимиръ и великій князь Дмитрій разбиваютъ татаръ на голову, завладѣваютъ ихъ богатствомъ, «по роуской земле простреса веселіе и боуѣство». Центромъ этой второй части, какъ я говорилъ, поставленъ Владимиръ Андреевичъ, который неожиданно является какъ бы главнымъ начальникомъ: онъ «восхвалитъ брата своего великаго князя Дмитрея Ивановича», велитъ ему «не отставать», по всѣмъ землямъ «текутъ грозы» князя Владимира (списокъ Ундольскаго). При такомъ изложеніи неясенъ первый моментъ боя, и ничѣмъ не мотивованъ второй. Самый переходъ ко второму моменту въ обоихъ спискахъ непонятенъ: зачѣмъ говорить второй разъ о битвѣ? Кромѣ того текстъ мѣстами перебитъ.

Необходимо предположить, что во второй части оригинала всюду вмѣсто «великій князь Дмитрій Ивановичъ» стояло «*Дмитрій Волянецъ*» (оба имени было не трудно смѣшать: выше было указано, что въ Синод. списокѣ мѣсто Дмитрія Ольгердовича

заступилъ Дмитрій Волюнецъ) и слѣдовательно все, что во второй части относится къ Дмитрію, слѣдуетъ относить къ Дмитрію Волюнцу. Тогда вторая часть будетъ понятна, и у всего памятника будетъ стройный планъ. Сказаніе (пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ) передаетъ перипетіи боя слѣдующимъ образомъ: къ концу дня русскіе были побиты татарами на всѣхъ пунктахъ; въ эту критическую минуту засадный полкъ подъ предводительствомъ князя Владимира Андреевича и Дмитрія Волюнца выѣхалъ изъ дубравы и рѣшилъ битву окончательнымъ пораженіемъ татарскаго войска. Другой вопросъ — соответствуетъ ли это исторической дѣйствительности, но преданіе объ этомъ было живо и попало въ Повѣданіе, руководствовавшееся, главнымъ образомъ преданіями. При такомъ объясненіи будутъ понятны обѣ картины боя: первая будетъ относиться къ пораженію — первому моменту боя, вторая къ подвигу засаднаго полка — второму моменту. Наконецъ — Дмитрію Волюнцу, а не великому князю могъ отдавать приказанія князь Владимиръ: Повѣданіе по спискамъ Ундольскаго и Синодальному имѣетъ даже интерполяціи мѣстнаго характера.

Отсюда вытекаетъ, что Повѣданіе, дѣйствительно, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой прославляется великій князь, во второй — братъ его Владимиръ. Какъ видно изъ заглавія списковъ, Софонія имѣлъ въ виду написать похвалу и тому и другому. Если же сохранить чтеніе списковъ такъ, какъ есть, то похвалы Владимиру въ памятникѣ не будетъ.

Изъ сравненія текстовъ Ундольскаго и Синодалаго то во второй части оказывается, что Синодальный — болѣе сокращенъ. Сначала сходство между текстами почти буквальное, мѣстами Синодальный текстъ даже лучше Ундольскаго, который въ этихъ случаяхъ или представляетъ пропуски или перебитъ. Полнѣе, напримѣръ, описаніе богатырской поѣздки князя Владимира: «Воскликнулъ князь Володимиръ Андреевича, скокаша на конѣ по рати поганныхъ татар, своимъ конемъ борздымъ поеждаючи, золотымъ поспехомъ посвечаючи». Лучше и рѣчь его къ Дмитрію

(слѣдовательно — Волынцу), которая въ текстѣ Ундольскаго вся перебита, и въ одно цѣлое слиты, собственно, два отдѣльных обращенія.

Присутствіе въ обоихъ спискахъ несомнѣнной интерполяціи — молитвы, взятой изъ Лѣтописной Повѣсти, и одного и того же неяснаго мѣста, которое въ списокѣ Ундольскаго, къ сожалѣнію, имѣетъ дефектъ и читается: «туту у...шна времени, а забрала», а въ Синодальномъ: «то ты еси желѣзное зобороло у зло тошного времени» — показываетъ, что оба списка могутъ восходить къ одному оригиналу, своеобразно измѣняя непонятныя имъ мѣста. Такъ, Синодальный текстъ подробнѣй развиваетъ намекъ о мѣстничествѣ въ списокѣ Ундольскаго: «туту добоудете себѣ мѣста и своимъ женамъ»; въ Синодальномъ: «А колиз от мезтихъ тяжется, ту кождыи добрыи удаися добуд собе чти и славы и мезта женамъ и детемъ и всему своему роду».

Повторяя тѣ же интерполяціи, Синодальный имѣетъ еще одну, не находящуюся въ списокѣ Ундольскаго: «Князъ великий Дмитрей Ивановичъ, получи божию милость, пречистия его Матери и всехъ святыхъ его, молитвами святыхъ чудотворецъ русскихъ Петра і Алексія и преподобнаго отца нашего Сергія и брата его святого Володимера киеского, иныя многия руския вдалцы, князи и бояре и боярскія дети возвратишася къ своимъ господаремъ, ко славному граду Москве съ великою попедою и зъ ростію (чит. радостию) неизглаголанною».

Сокращенія Синодальнаго текста начинаются съ описанія картины боя засаднаго полка, которое въ списокѣ Ундольскаго по тону близко къ Слову и гораздо полнѣе. Сокращенъ и весь дальнѣйшій текстъ до конца. Изложеніемъ судьбы Мамаю, въ общемъ сходнымъ со спискомъ Ундольскаго, кончается Синодальный списокъ. Слѣдовательно, исчисленія побитыхъ бояръ и воеводъ въ немъ нѣтъ.

Итакъ, разсмотрѣнные три списка Повѣданія черезъ рядъ промежуточныхъ интерполированныхъ списковъ восходятъ къ одному оригиналу и, представляя списки, сдѣланные въ разное

время и въ разныхъ мѣстностяхъ, передають этотъ оригиналъ въ сильно искаженномъ и, несомнѣнно, не полномъ видѣ. Восстановленію этого оригинала нѣкоторымъ образомъ помогаютъ отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ Сказаніи. Ихъ — много, и они распадаются на двѣ неравныя группы.

I. Къ первой группѣ принадлежатъ отрывки, представляющіе самостоятельное цѣлое, безъ связи съ другимъ текстомъ. Такихъ всего два:

A) находится въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. XV). Подъ 6888 г. сводчикъ собирався вставить имѣвшееся у него подъ руками Повѣданіе, но почему то оставилъ это намѣреніе и привелъ лишь нѣсколько начальныхъ строкъ; кромѣ того на поляхъ киноварью написанъ конецъ памятника, но потомъ зачеркнутъ.

Тверская л. приписываетъ памятникъ Софоніи, котораго называетъ брянскимъ бояриномъ: «А се писаніе Софоніа резанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Дальнѣйшій текстъ въ сущности мало напоминаетъ Повѣданіе, какъ его представляютъ три вышеразобранныхъ списка: «Вѣдомо ли вамъ, рускимъ государямъ, царь Мамай пришелъ изъ Заволжіа, сталъ на рѣцѣ на Воронежѣ, а всѣмъ своимъ улусомъ не велѣлъ хлѣба пахать; а вѣдомо мое таково, что хочетъ ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскать, туто ли онъ стоитъ, гдѣ его мнѣ повѣдали». На этомъ кончается выдержка, которая въ своеобразномъ изложеніи скорѣе повторяетъ эпизодъ Сказанія, а не Повѣданія, и, можно думать, что не послѣднее, а странная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ должна была быть помѣщена въ Тверской л.

Киноварная зачеркнутая приписка сходна съ концемъ Повѣданія по списку Ундольскаго, (но она встрѣчается и въ Сказаніи): «тѣмъ же всѣмъ суженое мѣсто между Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ; а положили главы своя за землю рускую и за вѣру христіанскую. А мы поидемъ

въ свою отчину, въ землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядемъ на своемъ великомъ княженіи: чести есмѧ собѣ добыли и славнаго имѧни. Конецъ».

Такъ какъ вышеприведенныя выдержки представляютъ, какъ сказано, не столько отрывки Повѣданія, сколько Сказанія, то приведенный матеріалъ устанавливаетъ лишь:

1) что Повѣданіе, имѣвшее цѣлью воздать похвалу великому князю и его брату, написано Софоніей рязанцемъ, и —

2) что киноварная приписка представляетъ текстъ, сходный съ соотвѣствующимъ мѣстомъ Повѣданія по списку Ундольскаго.

Б) изданъ недавно В. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1902 г.). Этотъ текстъ находится въ сборникѣ второй половины XVII вѣка и представляетъ начало Повѣданія, вполне сходное со вступленіемъ по списку Ундольскаго:

«Сказаніе о донскомъ бою. Князь дмитрей іванович своимъ братомъ владимеромъ ондрѣевичомъ и своими воеводами были на пиру у микулы василиевича. Вѣдомо намъ, братіе милыі, что у быстрого дому (чит. дону) царь мамаі пришел на рускую землю, поїдемъ, брате, тамъ в полунощъ і жребія афетова сына, от него же родися русь православная; взыдемъ на горы кievскія і посмотримъ славного непра і посмотримъ по всеі земли руской от поля на восточную страну к залеіскому жребію сына ноева, от него же родися сыновя поганыя тотаровя бусорманы; тѣ бо на реке на сяне одолѣвая афетовы; оттолѣ рускіе земли сидитъ невера от полацкіе рати до момаева побоища, тугою землею и печалю і покрывшася; і плачищися чада своя поминановы, князи і бояре и удалыя молотцы, оставимте дома своя і вся богатства и жены и детеі и славы миру получитьи, а главы своя положиша за вѣру христіянскую, а собѣ бы чая пожженныхъ вскормленныхъ жалость и похвалу великому князю димитрею івановичю і похвалу брату его владимиру ондрѣевичю. Сидимъ,

братія и дружины, вѣру составимъ слово въ слово (чит. къ слову), возвеселимъ рускую землю, возверзимъ печали на восточную сторону в симъ (чит. въ Симовъ) жребіи. Аминь».

Этотъ отрывокъ представляетъ буквальное совпаденіе съ отмѣченнымъ мною выше *редакціоннымъ вступленіемъ* списка Ундольскаго и обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается, собственно, писаніе Софоніи. Въ половинѣ XVII вѣка это вступленіе было настолько чуждо писцу, что онъ не понималъ вовсе текста, нанизывая простой наборъ словъ и испещряя его ошибками: «от поля» — вм. оттоля; «залеіскому» — вм. залѣсскому; «сыновя» — вм. хиновя; «сяне» — вм. Каялѣ или Калкѣ; «полацкіе» вм. калатьскія; покрылись «тугою землею и печалю»; «оставимте» — вм. оставиша; «получити» — вм. получивши; «пожженныхъ» — вм. пороженныхъ; «дружины» — вм. дружи. Непонятое — вовсе имъ пропускалось. Нужно думать, что полное непониманіе текста и удержало писца отъ дальнѣйшаго списыванія памятника. Это непониманіе текста еще разъ служить доказательствомъ, почему такіе памятники, какъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщина дошли въ минимальномъ количествѣ списковъ.

Если бы редакція разбираемаго отрывка была доведена до конца, то академическій сборникъ представлялъ бы текстъ, подобный тексту Ундольскаго. Но къ сожалѣнію, писаніе Софоніи такъ и не начато переписчикомъ, который, при всей массѣ ошибокъ, мѣстами въ перепискѣ сохранилъ лучшее чтеніе: «братіе» — вм. брате; «славного непра» — вм. с равнаго непра. Кромѣ того замѣтка издателя списка Ундольскаго, что послѣ слова «воскорменныхъ» повидимому «утраченъ листокъ» — при наличности вышеприведеннаго текста смысла не имѣетъ.

Наконецъ, разбираемый текстъ имѣетъ то значеніе, что подтверждаетъ мое предположеніе о позже написанномъ вступленіи къ писанію Софоніи, благодаря которому въ дальнѣйшемъ текстѣ послѣдній упоминается какъ авторъ какого-то другого произведенія. Академическій отрывокъ передаетъ только это

вступленіе, не захватывая писанія Софоніи, и постановкой слова «аминь» — отгнѣяеть его самостоятельность.

Прямого же отношенія къ Повѣданію разобранный отрывокъ, какъ теперь видно, не имѣеть.

Итакъ — первая группа поправокъ тексту Повѣданія не даетъ.

II. Вторая группа отрывковъ — гораздо многочисленнѣе. Отрывки эти, какъ украшающій элементъ, встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ различныхъ редакціяхъ Сказанія, о которыхъ я буду говорить ниже. Отрывки эти — различнаго качества и вообще, замѣчу, что чѣмъ позже редакція Сказанія, тѣмъ отрывки эти являются въ болѣе передѣланномъ и сокращенномъ видѣ.

Я приведу эти отрывки послѣдовательно изъ второй, а особенно — третьей редакціи Сказанія, гдѣ они выражены наиболѣе полно:

1) «Оубо, братія, стоук стоучит, а гром гремит в славном граде Москвѣ, стоук стоучит великая рать великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремят роусскія оудалцы злачеными шеломи и доспѣхи». Это мѣсто буквально повторяетъ Повѣданіе и взято изъ рѣчи князя Дмитрія Ольгердовича своему брату.

2) «Княз же великій вѣстоупив в златое свое стремя и седе на любезный свой конь... а слнце им со востока сълет, а по них кроткій вѣтрец вѣет. Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златых колодицъ, а то рвахоутся князи белозерскія ис камена града москвы, выехали своим полком... яко достоит им избивати полки татарскія». Этотъ текстъ — вторичный: картина выѣзда князей *Бѣлозерскихъ* развилась изъ общей картины Повѣданія: русскіе удалцы, какъ соколы и бѣлые кречеты, вырвавшись на свободу, хотять ударить на стада гусинныя и лебединыя. Въ Синодальномъ спискѣ даже эпитетъ «бѣлые» (кречеты) замѣненъ эпитетомъ «бѣлоозерстїи»¹⁾, такъ что этотъ

1) Въ сп. Ундольскаго: «соколи бѣлозѣрстїи».

переходъ отъ общей поэтической картины къ частной — изображенію выѣзда князей Бѣлозерскихъ — становится яснымъ.

Поправокъ къ тексту Повѣданія это мѣсто, слѣдовательно, не даетъ.

3) «И говоритъ князь владимеръ андрѣевичъ: Господине князь димитрей ивановичъ воеводы оу насъ велики крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣють подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣють велики тверды, злаченныя колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйскія, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червенныя, копья злаченныя, сабли булатныя, а дорога имъ велики свѣдома, берези имъ по оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіаньскую и за твою обиду государя великаго князя». Это мѣсто — рѣдко встрѣчается въ спискахъ Сказанія и представляетъ близкое сходство съ рѣчью великаго князя къ Владимиру Андреевичу передъ битвой. Будучи подновлено, оно тѣмъ не менѣе сохраняетъ оригиналъ Повѣданія въ выраженіяхъ: «сабли булатныя, а дорога имъ велики свѣдома», что есть и въ Синодальномъ спискѣ.

4) Весьма часто встрѣчающееся мѣсто: «Тогда же возвѣяша силни вѣтри по бервицѣ (или березовицѣ) шпроцѣ, воздвигошася велицы князи, а по нихъ русскіи сынове успѣшно грядуть, аки мѣдвяны чаши пити и стеблія виннаго ясти, но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблія виннаго ясти грядуть: хотятъ укупити чти и славнаго имени», — не находитъ себѣ прямого соотвѣтствія въ имѣющихся спискахъ Повѣданія. Или это — передѣлка, на основаніи словъ князя Владимира въ Повѣданіи: «тоут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждемъ, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганыхъ»¹⁾ или — это мѣсто было въ какомъ-либо недошедшемъ спискѣ Повѣданія.

5) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы быють, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣннѣ слава по всей русской

1) И выше: «То ти есть не наши московскіе слаткіе мѣды... тутю добоудете себѣ»... чести и славы, — если только текстъ здѣсь не искаженъ.

земли, великовѣче быють въ великомъ новѣградѣ: стоятъ мужи новгородцы оу святыхъ софѣи премудрости божіа, аркучи между собою таковое слово: Оуже намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю димитрию; оуже бо яко орли слѣталися со всей руской земли, съѣхалися дивныя оудалци храбрыхъ своихъ питати». Это мѣсто, также не частое въ Сказаніи, представляет снова текстъ вторичный и подновленный. Въ Повѣданіи въ такихъ выраженіяхъ упоминается о новгородцахъ; что же касается первой половины, то въ Повѣданіи она лучше и ближе къ Слову: «Кони ржутъ на Москвѣ, бубны быють на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенить слава по всей руской землѣ». Это мѣсто Повѣданія съ другой стороны повліяло на слѣдующую картину Сказанія: «И начаша мнози гласи трубъ ратныхъ гласити и варганы тепуть и стязи ревуть наволочены у сада Панфилова; сынове же рустіи наступаютъ поля коломенскія, яко не мощно бѣ никому же презрѣти ихъ». Эта послѣдовательность передѣлокъ картины Повѣданія, восходящей къ картинѣ Слова, низводитъ послѣднюю уже до формулы, употреблявшейся при всякомъ описаніи сбора рати на битву.

Будучи дальнѣйшей передѣлкой, это мѣсто Сказанія ничего не даетъ для уясненія оригинала Повѣданія.

6) Картина выступленія князя Владимира въ походъ совпадаетъ съ Повѣданіемъ, но опять — въ болѣе поздней передѣлкѣ: «Не стукъ стучить, не громъ гремитъ по ранней зорѣ, князь Владимиръ Андрѣевичъ перевозится Москву рѣку на красномъ перевозѣ в Боровцѣ». Въ спискахъ Сказанія вообще это мѣсто подвергалось частой переработкѣ; въ Повѣданіи оно было короче и буквально взято изъ Слова: «Что ми шумить, што гремитъ рано предъ зорями, князь Володимиръ Андреевичъ полки перебираетъ», но уже въ древнѣйшемъ спискѣ приняло ту форму, которой пользовалось Сказаніе: «Оуже бо стукъ стоучить и громъ гремитъ, рано пред зорею, то ти не стукъ стоучить, ни громъ гремит, князь володимиръ ондрѣевичъ ведет вои свои... к быстроуму Доноу». (Кир.-Бѣл. сп.).

7) «За многіе же дни прїидоша на то мѣсто мнози волцы по вся нощи вокуть непрестанно, гроза бо велика есть... и мнози ворони собрашася необычно, неоумолкающе грають, галици же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оустъ дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго» — это мѣсто можетъ разсматриваться какъ обычная формула, сопровождающая описаніе кануна битвы, но въ данномъ случаѣ эта формула является непосредственнымъ, заимствованіемъ изъ Повѣданія, такъ какъ въ ней сохраненъ образъ, взятый изъ Слова: «лисицы на костѣхъ брешутъ». Таково и продолженіе этой картины: «Отъ такова страха и отъ великія грозы дерева преклоняются и трава постигается», хотя въ Повѣданіи лучше: «а дрѣвеса тугою до земли приклонишася». Составленное изъ различныхъ мѣстъ Повѣданія, вышеприведенное описаніе не даетъ матеріала для дополненія послѣдняго.

8) Въ Повѣданіи нѣтъ прямого соотвѣтствія слѣдующему описанію готоваго на бой русскаго войска: «Аки нѣкїя свѣтильницы солнечныя светящеся, и стези ревутъ простирающїяся, аки облади тихо трепенуть, хотятъ промолвити. Богатырей же русскихъ хоругви аки живи пашутся, dospѣхи же русскихъ, аки вода вѣтромъ колеблется, шоломы ихъ на главахъ ихъ злаченые, аки утренняя зоря во время ведра светящїяся, еловцы ж на шоломѣхъ ихъ, аки пламень огненъ колебашеся». Это мѣсто — такая же передѣлка Повѣданія, что и выше, въ пунктѣ 5, низводящая описаніе до формулы. А что это — формула, показываетъ сравненіе съ другими памятниками: Волинская лѣтопись подъ 6759 г. даетъ такое описаніе: «Наутрѣя же пригнавшимъ къ нимъ Прусомъ и Бортомъ, и воемъ же всимъ съсѣдшимъ и вооружышимъ пѣшцемъ изъ стана, щитѣ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копїемъ же ихъ дръжащимъ въ рукахъ, яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обополъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ, Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: можете ли

древо поддрѣжати сулицами и на сію рать дерзнути? Они же видѣвши и возвратишася восвояси» (Ипат. 186). Нужно думать, что формула Волынской л., Сказанія и Повѣданія восходятъ къ Слову о полку Игоревѣ, но въ Сказаніе она попала черезъ Повѣданіе.

9) «Велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ на востокъ до моря, а на западъ до Дуная. Поле же Куликово преггибающеся, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша», и ниже, въ описаніи боя: «Тутюшныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша изъ мѣстъ своихъ, протопташеся холмы высокіе, траву же кровію подмывало, льющемся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ», — эти описанія представляютъ дальнѣйшія измѣненія слѣдующаго мѣста Повѣданія: «Черна земля под копыты, а кистми татарскими поля настѣпаша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а сильныя полки ступишася в мѣсто и протопташа холмы и лоуги. И возмутишася рѣки, и потоки, и озера»¹⁾. Въ Повѣданіи нѣтъ соотвѣтствія картинѣ: «велми земля стонетъ»... и нужно думать, что это мѣсто могло находиться въ какомъ либо другомъ спискѣ Повѣданія, — оно слишкомъ близко къ Слову.

10) Картина боя въ Сказаніи представляетъ, собственно, рядъ формулъ, которыя встрѣчаются во многихъ памятникахъ при описаніяхъ битвы. Въ данномъ случаѣ эти формулы, несомнѣнно, пришли изъ Повѣданія, какъ его дальнѣйшія передѣлки. Новаго для текста Повѣданія эти формулы не даютъ. Таковы:

а) «Треснуша копія харалужная, звенять доспѣхи злеченныя, стучать щиты черленныя, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли булатныя».

б) «На полѣ Куликовѣ, между Дономъ и Мечею, сильныя полки ступишася, изъ нихъ же вытекають кровавыя ручьи и

---

1) Цитирую по сп. Удольскаго.

трепетали сильніи молніи от облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ».

Эти формулы, особенно вторая, сохраняютъ буквальный выраженіи Повѣданія.

в) «Рускіи удалцы побіени суть, аки сильніи дрова сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози удалцы, урывающеся на землю подъ конскіе копыта, и мнози же сынове рускіи сотрошася».

Отрицательное сравненіе съ турами находится въ Повѣданіи при описаніи перваго момента боя.

11) Описаніе выѣзда засаднаго полка въ Сказаніи составлено по соотвѣтствующему мѣсту Повѣданія, съ сохраненіемъ выраженій подлинника: «Сынове же рускіи... порывающеся, аки званьи на бракъ сладкаго вина пити. Лепо бо есть въ то время и стару помолодитися, а молодому храбрости испытати... и выедоша изъ дубравы... аки соколы испущени и ударшася на стада жеравлина». Но какъ текстъ вторичный — это описаніе не даетъ поправокъ къ тексту.

12) Нѣкоторую поправку къ основнымъ текстамъ можетъ дать описаніе веселья въ русской землѣ по случаю побѣды и славы по всѣмъ землямъ: «Удалцы восплескаше в татарскихъ узорочіяхъ, везучи въ землю уюсы и насычи, буган, кони и воли и вельблюды, меда и вина и сахара. Предвознесеса слава русская надъ поганныхъ землею, ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поиде вѣсть по всѣмъ градомъ, ко Орначу, к Риму, к Кафѣ, к Желѣзнымъ Вратомъ, ко Царюграду на похвалу». Въ спискахъ Повѣданія это перечисленіе земель умножено вставками, зависящими отъ произвола переписчиковъ.

13) Наконецъ — рѣчь великаго князя «на костяхъ» буквально совпадаетъ съ Повѣданіемъ по сп. Ундольскаго, не давая въ сущности ничего новаго: «А вам, братіе, князи и бояре и молодые люди, суженое мѣсто межи Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликови и на рѣчкѣ на Непрядни, а положили есте головы своя за святыя церкви и за землю рускую и за вѣру христіан-

скую... Поидемъ, брате, во свою землю Залѣскую къ славному граду Москвѣ и сядемъ, брате, на своемъ княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти есмѣ себѣ укупилѣ, славнаго имѣни». Впрочемъ это мѣсто, какъ выше указано, можетъ и не принадлежать основному тексту Повѣданія.

Кромѣ того въ спискахъ Сказанія часто встрѣчается счетъ побитымъ князьямъ и воеводамъ, находящійся только въ спискѣ Ундольскаго. Этотъ счетъ также неорганиченъ въ Повѣданіи: Сказаніе могло пользоваться послѣднимъ въ спискахъ, подходящихъ по типу къ списку Ундольскаго.

Если прибавить сюда еще фразу «гнѣздо есмѣ князя Владимира Кіевскаго», то можно считать, что вышеприведенными отрывками исчерпывается матеріалъ, который даютъ вторая и третья редакціи Сказанія. Въ общемъ отрывки эти мало поправляютъ или дополняютъ оригиналъ Повѣданія. Большею частію это модернизованныя передѣлки заимствованныхъ мотивовъ. Въ различныхъ спискахъ Сказанія передѣлки эти измѣняются, и это измѣненіе еще болѣе удаляетъ ихъ отъ Повѣданія. Положительное значеніе отрывковъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ими доказывается органичность въ Повѣданіи той или другой картины.

Но есть два списка Сказанія, въ которыхъ выдержки изъ Повѣданія представляютъ не рядъ подвижныхъ отрывковъ, оторванныхъ отъ текста для иллюстраціи того или другого мѣста Сказанія, но рядъ непосредственныхъ и не слитыхъ съ текстомъ заимствованій (въ одномъ изъ списковъ на это ссылается самъ редакторъ), такъ что получается видъ своднаго текста. Оба эти списка даютъ существенный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ мѣстъ писанія Софоніи.

Эти списки: 1) Рум. Музея № 378 и 2) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ № 70/93.

Принадлежа къ одной изъ редакцій Сказанія, Румянцевскій списокъ даетъ сводный текстъ въ концѣ, съ 123 листа. Редакторъ механически соединилъ текстъ Сказанія съ текстомъ Повѣданія, причемъ всякій разъ самъ указывалъ на спайку словами:

«Сия убо оставимъ, на первое возвратимся». Заимствованія касаются исчисленія убитыхъ и плача боярскихъ и воеводскихъ женъ по убитымъ. Редакторъ пользовался какимъ-то неизвѣстнымъ спискомъ Повѣданія, потому что плачь изложенъ иначе, чѣмъ въ извѣстныхъ спискахъ; ближе всего къ этому изложенію Синодальный списокъ, гдѣ въ намекахъ говорится о томъ, что здѣсь изложено подробно. Этотъ сводный текстъ я приведу весь:

Князь ж великий Дмитрій Ивановичъ, стоя за Дономъ ѿ дней, дондежъ разобраша христіяне с нечестивыми. Крестьяне ж похорониша скоро, сколко успѣша, а погани повергоша звѣремъ на расхищение. *Сия убо оставимъ, на первое возвратимся.*

Говоритъ князь великий Дмитрій Ивановичъ: Братія, князи і воеводы мѣстныя і вся земля руская. Считаітес, братія, колкихъ у насъ князей нѣтъ, колкихъ воеводъ нѣтъ, колкихъ молодыхъ людей нѣтъ. Говоритъ Михайло Андрѣевичъ московскихъ: Государь князь велики, Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ у насъ ѿ бояриновъ болшихъ московскихъ, да нѣтъ у насъ ѿ князей белозерскихъ, да ѿ бояриновъ посадниковъ новгородцовъ, да ѿ бояриновъ серпуховскихъ, да ѿ бояриновъ переславскихъ, да ѿ бояриновъ костромскихъ, да ѿ бояриновъ владимирскихъ, да ѿ бояриновъ суздальскихъ, да ѿ бояриновъ муромскихъ, да ѿ бояриновъ ростовскихъ, да ѿ бояриновъ дмитровскихъ, да ѿ бояриновъ звенигородцкихъ, да ѿ бояриновъ вышегородцкихъ, да ѿ бояриновъ ярославскихъ, да ѿ бояриновъ коломенскихъ, да ѿ бояриновъ углецкихъ, а изгибло насъ дружины полтьретья ста тысящъ, а помиловалъ Богъ землю рускую, осталосъ дружины твоея государския пятьдесятъ тысящъ. Рече жъ князь Дмитрей Ивановичъ: Братія милая і князи руския і воеводы мѣстныя і молодыя люди, сынове христіянскія, вамъ, братія, суженое мѣсто на поле Куликове, на рѣчкѣ на Непрядвѣ, положили есте головы свои за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за святія церкви і за меня за великого князя. Простите мя, братія, і благословите в семъ вѣцѣ і в будущемъ, вамъ, отцы і братія, вѣчная память до скончания вѣка, а сыновомъ рускимъ

одоленіе і похвала во вѣки на поганных і безбожных ізмаитян.
Сия ж оставим, на первое возвратимся.

Поганому ж царю Мамаю отселе с четырьмя князими до моря, до мѣста, идѣже бо град Кааа созданъ бысть, і цотавъ свое імя і познанъ бысть нѣкими купцы і убиенъ бысть Орязови і испроверже злѣ живот свои. Сия ж оставим да здѣ. Слышав же Олгиродъ литовский, что князь Дмитрей Иванович пободи і одолѣ нечестиваго царя Мамая, тако же возвратис і злѣ живот свои скончав, якож рече пророкъ Давидъ въ 5-м псалмѣ: ров ізрыи ископай і впадется въ яму, юже содѣла і уготова і наверхъ его неправда его сниде. *Сия ж оставим, на первое возвратимся.*

І возопили бѣше птицы жалостныя пѣсни, і припахнули нам от быстроу Дону поломянныя вѣсти, і всѣ восплакалися кнеини і боярони і воеводцкіе жены о своихъ государехъ ізбиенныхъ. Воеводина жена Микулы Василевича Марья рано плакашес у Москвы града на заборолехъ, аркучи: Доне, ты Доне, река славная і быстрая. Прорыла еси горы каменныя, течеши, Доне, в землю Половецкую, прилегѣй ко мнѣ моего государя, Мукулу Василевича. А Тимоѣева жена Волуевича Ѳеодосья да Дмитреева жена Воложскаго Марья тако же плакашесь, аркучи к себѣ: Уж нам веселіе наше поничет в славномъ граде в каменной Москвѣ, уже не видимъ государей своихъ во своихъ животѣхъ. Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Ксения рано плакашес: Се убо нам обоимъ сонце поничет в славномъ граде Москвѣ. Припахнули намъ от быстроу Дону поломянныя вѣсти, но с великою побѣдою совседоша удалцы з борзыхъ коней своихъ на суженое мѣсто на поле Куликово, за быстрымъ Дономъ рекою.

Диво кличет в русской земли саблями тотарскими. І щурове рано возлетѣли і воспѣли жалостныя пѣсни у Коломны града подъ заборолами. [На воскресеніе Христово на вечерню въ кѣ день сентября на память святаго апостола і еуангелиста Іоанна Богослова ¹⁾]. То ни не щурове возлѣгѣли, рано восплакали

---

1) Эту вставку, какъ несомнѣнную интерполяцію, я заключаю въ скобки.

женыи коломенския у Коломны града на заборолех о избивенных, смотрячи на быструю реку, на славную Москву, аркучи жалостно: Москва еси, Москва река быстрая, почему еси заглу-
вляла мужий наших от нас в землю Половецкую. І глаголющи с великим плачемъ: Можеши ли, государь князь великий Дмитрий Ивановичъ, веслы Нѣпръ реку запрудити, а Дон реку трупы татарскими запрудити. Замкни, князь великий Дмитрей Ивановичъ Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потом к нам погании тотаровя на рускую землю не ѣздили, а нас не квелили по своих государех, а дѣти бы нашии сиротством не скитались без своих отцев. Уже бо мужи наши рат прибила за рекою за быстрым Доном, на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве, на их суженом мѣсте, за святыя церкви і за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московскаго за Дмитрея Ивановича і за вся жены і дѣти. І ты, государь княз великий Дмитрий Ивановичъ, нашим государем достойную памят твори і в книгах соборных пиши, памяти ради руским сыновом, а дѣти наши, государь, по отечеству их, по-
жалуй впредь. *Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание — изложение Соевония, іертя резанца, великому князю Дмитрию Ивановичу і брату его, князю Владимиру Андрѣевичу і всѣмъ руским князем православным і воеводам мѣстнымъ і молодым людямъ і всему православному крестьянству на похвалу і на память, како побѣди і одолѣ поганого царя Мамая на Дону, і князии его і уланы і упатыи вся ізби, супротивныя полки одолѣ.*

А сам князь великий Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Владимиром Андрѣевичем і со всѣми князи і бояры і со оставшимис крестьяны, возвратишас на свою отчину, на великое княжение, во град свой, в каменную Москву, с великою побѣдою, воздающе хвалу вседержителю Богу челоуѣколюбцу і его пречистой Богоматере, молебнице о роду крестьянском, і святым страстотерпцемъ руским князем, сродником своим, Борису і Глѣбу, і заступнику града сего Москвѣ, чюдотворцу

рускому Петру митрополиту, і пособнику і вооружителю отцу своему ігемену Сергию, ихъ же молитвами сподобимся уллучити божию милость на похвалу рустей земли і в послѣдние родыи і на посрамление і уничижение суровымъ сыроядцемъ ізмайловичемъ і еллиномъ безбожнымъ і печенѣгомъ і поганымъ тотаромъ, да не будетъ рука ихъ высока, яко же пророкъ Давыдъ рече: і потребишась во Аендоре, сирѣчь во безлѣпицахъ, за ихъ гордость і высокоумие, и сѣтъ ихъ сокрушишь, а сынове рустии спасошась і избавлени бысте от злыхъ сыроядцевъ, і помощь наша во імя Господне, сотворшаго небо і землю. Аминь.

Приведенный текстъ имѣетъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ ясно указываетъ, что памятникъ, изъ котораго редакторъ заимствовалъ цѣлыя выдержки для своднаго текста, принадлежитъ, какъ автору — Софонію, іерею рязанцу.

Во вторыхъ, что въ томъ спискѣ, который былъ подъ руками редактора, были эпизоды: о плачѣ боярынь и счетѣ убитыхъ, но не было разсказа о судьбѣ Мамаѣ, который здѣсь изложенъ кратко и прозаично. Передача этихъ эпизодовъ носятъ слѣды позднѣйшей поправки: прибавлены въ счетъ нѣкоторыя названія бояръ въ погонѣ за евфонизмомъ: «ѣ бояриновъ звенигородскихъ да ѣи бояриновъ вышегородскихъ»; измѣненъ конецъ плачей прибавками совершенно въ духѣ московскихъ челобитныхъ, напр. окончаніе: «а дѣти наши, государь, по отечеству ихъ, пожалуй въпредъ»; отношеніе къ великому князю показано такимъ, какимъ оно могло быть только въ царскій періодъ; наконецъ — введены интерполяціи въ текстъ, вродѣ отмѣченной мною скобками. Не смотря, однако, на эти искаженія, приведенный текстъ поправляетъ извѣстные тексты Повѣданія, особенно въ плачахъ. (Счетъ убитымъ я не считаю, какъ говорилъ, принадлежащимъ оригиналу). Плачъ изложенъ въ Румянцевскомъ текстѣ гораздо стройнѣе и полнѣе. Изъ него явствуетъ, что сравненіе плача коломенскихъ женъ съ пѣніемъ щуровъ, о чемъ вскользь замѣчаетъ Синодальный списокъ, органически принадлежитъ Повѣданію, а не представляетъ, какъ

думалъ проф. Смирновъ, вставку западно-русскаго передѣлывателя ¹⁾).

Сказаніе по списку Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93 (кн. Оболенскаго) представляетъ значительную выдержку изъ Повѣданія, вставленную въ главу «О исходе полку князь Володимерове потаеннаго в дубровѣ». Отрывокъ описываетъ окончательное пораженіе татаръ и веселіе земли русской о побѣдѣ. Помѣщеніе отрывка съ такимъ содержаніемъ въ главу о засадномъ полкѣ доказываетъ еще разъ выраженную мысль о томъ, что разсказъ о засадѣ, въ своеобразномъ изложеніи, былъ органиченъ въ текстѣ Повѣданія. Текстъ Архивскаго списка нѣсколько перебитъ въ сравненіи со спискомъ Ундольскаго, съ которымъ имѣетъ наибольшее сходство:

Сынове руския божиею силою и помощію святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба побиваху ихъ, аки глѣсъ клоняху, яко трава от косы постилашеся. На томъ бо полѣ Куликовѣ черная земля под копыты татарскими костми поля кровию земля улита бысть, протопташа холми і луги, возмутьша рѣки и потоки и езера наполнишася. И бежаще татаровя половецкия, глаголюще: увы тебѣ, Мамаю честный, высоко вознеслся и до ада спел еси. И возвратишася вспят, покрывша руками главы своя, гораздо имъ тоску подаваше и тугу. Тутъ бо они разнѣо разлучишася, гораздо бѣжать неуготованными дорогами в лукоморѣ и зкрекчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: уже намъ, братее, в земли своей не бываетъ, а катунъ и дѣтей своихъ не видать, а Русь ратию не ходитъ, і выхода намъ у русскихъ князей не проситъ. Уже бо востонала татарская земля, бѣдами и тугою покрывшася. Уныша бо царне ихъ хотѣние похвалився на рускую землю ходити. Княземъ рускимъ похвала. Уже бо руския сынове татарское узорочѣ разграбиша, доспѣхи, и копия, и кони, и велблюды, і вино, и сахаръ, і дорогое узорочѣ — камки и отласы, и насычи, и буганъ везутъ женамъ своимъ. Уже руския жены

---

1) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1890, № 2, стр. 270.

восплескали татарским златом, уже русской земли простресе слава і веселіе і буйство, вознесесе слава руская на поганых. Уже бо вверженъ скипетръ на землю. Уже бо грозы велицы текут великаго князя по всей русской земле. Русские же сынове широкие поля клином оградиша и злаченые доспѣхи освѣтиша. Тогда князи руския і воеводы крѣпкия полки поганыя прогнаша, уже бо погании оружия своя повергше на землю, а главы своя под руския мечи подклониша, а трубы их не трубят, уныша гласы их. Мнози бо уязвени наших сынов русских.

Далѣ идетъ уже текстъ Сказанія.

Текстъ Архивскаго отрывка, какъ сказано, близокъ къ списку Ундольскаго, при чемъ мѣстами представляетъ лучшее чтеніе; такъ, начиная со словъ: «Тут бо они разнo разлучишася»... и до конца, текстъ значительно поправляетъ списокъ Ундольскаго. Подновленіе видно только въ замѣнѣ слова «дивъ» словомъ «скипетръ»: «Уже бо вверженъ скипетръ на землю».

Въ Архивскомъ отрывкѣ соединены выдержки изъ двухъ разныхъ мѣстъ Повѣданія, отчего получилось повтореніе: сначала слѣдовало бы сказать о томъ, что русскіе прогнали татаръ и потомъ перейти къ описанію побѣднаго ликованія, — тогда бы не было вторичнаго разсказа о пораженіи татаръ. Но редакторы не руководствовались планомъ писанія Софоніи, а механически заимствовали изъ него украшающія дополненія.

Таковы отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ различныхъ редакціяхъ Сказанія. Въ общемъ — они всетаки мало даютъ для возстановленія текста оригинала; въ этомъ отношеніи большаго вниманія, какъ указано, заслуживаетъ рукопись № 378 Румянцевскаго музея.

Будучи по времени болѣе поздними, чѣмъ писаніе Софоніи, вышеприведенные отрывки всюду подновлены, сообразно пониманію редакторовъ. Для послѣднихъ же Повѣданіе не было легко читаемымъ памятникомъ. Образы Слова о полку Игоревѣ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ которыхъ было написано Повѣданіе, не во всемъ объемѣ были доступны даже

Софонія, имѣвшему этотъ памятникъ передъ глазами. Та же участь постигла и Повѣданіе, переработанные поэтические образы котораго, въ свою очередь, оказались не по плечу составителямъ пространныхъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Замѣчательно, что наиболѣе позднія редакціи послѣднихъ (4 редакція и Синописисъ) вовсе отрѣшились отъ заимствованій изъ Повѣданія, и послѣднія, какъ я уже говорилъ, находятся лишь во 2 и 3 редакціяхъ Сказанія.

А. Орловъ (О формѣ воинскихъ повѣстей, Чтенія 1902, 4) указываетъ на значительное измѣненіе оболочки устной поэзіи съ XII до XVII вѣка. «Въ этомъ то историческомъ видоизмѣненіи устнаго творчества, говоритъ онъ, и слѣдуетъ видѣть причину непониманія его старыхъ образовъ памятниками позднѣйшихъ эпохъ, слѣдствіемъ чего является слабость вліянія народно-поэтическихъ памятниковъ письменности» (О. с. стр. 4). Слово о полку Игоревѣ дошло въ одномъ спискѣ не случайно: списковъ и было незначительное количество. Нужно думать, что съ Повѣданіемъ Софонія, написаннымъ на болѣе современную и захватывающую тему, интересъ къ Слову изсякъ совершенно, тѣмъ болѣе, что художественная композиція его была цѣликомъ усвоена новымъ произведеніемъ. Но и послѣднее продержалось недолго: редакторы Сказаній воспользовались имъ, но уже не въ цѣломъ объемѣ, а частями. Обломки художественнаго зданія употреблялись для украшенія новаго, но ставились часто не на мѣстѣ. Читающая публика не замѣчала этихъ уклоненій отъ художественной цѣльности, Сказанія были весьма популярны и вытѣснили Повѣданіе. Вредъ ли можно надѣяться на обильную жатву въ смыслѣ открытія новыхъ списковъ писанія Софонія.

Основываясь на указанныхъ выше поправкахъ и замѣчаніяхъ, я представлю *предположительно* текстъ Повѣданія въ исправленномъ видѣ, раздѣливъ его на части, для болѣе удобнаго пониманія плана.

1. *Предисловіе, не находящееся въ древнѣйшемъ спискѣ, по*

єстьмъ въпротѣмъ принадлежащее постыдующей редакціонной обработкѣ.

Князь великій Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича ¹⁾. Говорить князь великій Дмитрій Ивановичъ: Вѣдомо намъ, братіе милые, у быстрого Дону царь Мамай пришелъ на русскую землю. Пойдемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родился Русь православная, взыдемъ на горы кievскія, посмотримъ славнаго Нѣпра по всей землѣ русской; и оттолѣ — на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хинове поганые, татарове бусорманове: тѣ бо на рѣцѣ на Кагалѣ одолѣша родъ Афетовъ, оттолѣ русская земля сидитъ невесела, отъ Калатскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи. Князи и бояре и удалые люди, оставимте дома своя и богатство и жены и дѣти, честь и славу міра сего получитьи, главы своя положить за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Преже восписахъ жалость земли русскія и прочее, отъ книгъ приводя. Потомъ же написахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

2. *Писаніе Софоніи.*

I. *Вступленіе.*

Снидемся, братія и друзи и сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, воздадимъ поганому царю Мамаю побѣду, а великому князю Дмитрію Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцемъ таково слово:

Лудчи бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ отъ нынѣшнихъ повѣстій похвалу великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнуковъ Владимира кievскаго. Начати повѣдати по

1) Эта фраза находится и въ 1 редакціи Сказанія (Никоновская л-сь).

дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслию надъ землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаго Бояна, въ Кіевѣ гораздна чудца. Тотъ бо вѣщій Боянъ, воскладая своя златыя персты на живыя струны, пояше русскимъ княземъ славу: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу, Ярославу Володимировичу.

Здѣ же помянемъ сего великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его Владимира Андреевича, правнуковъ святаго князя Владимира кіевского, ихъ же помянемъ и похвалимъ пѣснями и гуслеными буйными словесы, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю русскую и за вѣру христіанскую.

II. *Описаніе похода русскихъ.*

а) *Характеристика Дмитрія и Владимира.*

Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Владимиръ Андреевичъ, истягнувшѣ умъ крѣпостію своею, поостриша сердца своя мужествомъ и наполнишася ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ русской землѣ, помянувшѣ прадѣда своего великаго князя Владимира кіевского.

Жаворонокъ птица, въ красные дни утѣха! взыди подъ синія облака, воспой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Ци не буря соколы занесе изъ земли загѣсскія въ поле половецкое.

б) *Изображеніе собранной отовсюду русской силы.*

Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенить слава по всей землѣ русской, чудово стязи стоятъ у Дону великаго на березѣ, пашутся хоругви берчати, свѣтятся калантыри злечены. Стоятъ мужи Новгородцы у святыхъ Софій, аркучи таково слово: Уже намъ, братія, къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособъ не поспѣти.

Тогда аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съѣхалися всѣ князи русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособъ, аркучи таково слово:

Господине, князь великій! уже поганіи татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у насъ отнимаютъ, стоятъ межу Дономъ и Днѣпромъ, на рѣдѣ на Мечѣ брести хотятъ, а предати животъ свой нашей славѣ.

в) *Обращеніе великаго князя къ войску съ рѣчью.*

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Пойдемъ, брате, за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровію прольемъ за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Такожъ рече князь великій Дмитрій Ивановичъ своей братіи русскимъ княземъ: Братыца моя милая, русскіе князи! гнѣздо есми князя Владимира кievскаго, не въ обиду есми были порождены, ни соколу, ни ястребу, ни черну ворону, ни тому псу поганому Мамаю.

г) *Приходъ Ольгердовичей на помощь русскимъ.*

Славій птица! абы еси выщекотала сін два брата, два сына Ольгердовы, Андрея Полоцкаго и Дмитрія Брянскаго. Тѣ бо суть сынове храбри, на щитѣ рожены, подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяни, конецъ копія вскормлени, съ востраго меча поени въ литовской землѣ. Молвяще Андрей къ своему брату Дмитрію: Сама есма два брата, дѣти Ольгердовы, внучата Гедымонтовы, правнуки Скольдимеровы¹⁾. Соберемъ себѣ милую дружину, сядемъ, брате, на свои борзые конони, посмотримъ быстрого Дону, испіемъ шеломомъ воды, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ вѣмечкихъ о байданы бесерменскіе.

И рече ему Дмитрій: Не пощадимъ, брате, живота своего за землю русскую и за вѣру христіанскую, за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича. Уже бо, брате, стукъ стучить, громъ гремѣть въ славномъ градѣ Москвѣ, то ти, брате, не стукъ стучить, не громъ гремѣть, стучить сильная рать великаго князя

---

1) Оставляю чтеніе древнѣйшаго списка.

Дмитрія Ивановича, гремѣть удалцы русскіе злечеными доспѣхи, а шеломы, а черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрей, свои борзые кони, а мои ти готови, напредн твоихъ осѣдланн. Выѣдемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ.

III. *Первый моментъ боя, окончившійся пораженіемъ русскихъ.*

а) *Злощія знаменія. Татары наступаютъ.*

Уже бо всташа силніи вѣтри съ моря, прилежѣша тучу велику на усть Днѣпра, на русскую землю. Изъ тучи выступиша кровавыя зори, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти стуку и грому велику между Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупъ человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ.

Уже бо воскрипѣли телѣги татарскія между Дономъ и Днѣпромъ, идутъ Хинове на русскую землю.

Притекоша сѣрые волци, прідоша поганые татарове, хотять проити воюючи всю землю русскую. Тогда же гуси восготаша, и лебеди крылы восплескаша, то ти не гуси восготаша, ни лебеди крылы восплескаша, се бо поганый Мамай приведе вон свои на Русь.

Уже бо бѣды ихъ пасоша птицъ подъ облакъ, ворони часто грають, а галици своею рѣчью говорить, орли восклекчуть, волци грозно воють, а лисицы на костѣхъ брешуть. Земля, земля русская, теперь бо еси за соломьянемъ побывала.

б) *Наступленіе русскаго войска.*

Тогда же ястреби и соколи и бѣлые кречети отрывахуся отъ златыхъ колодицъ, обрываху шелковыя опутины, возвиваючись подъ синія небеса, позвониша своими злечеными колокольци надъ быстрымъ Дономъ, хотять ударити на многія стада гусинныя и лебединныя, а богатыри русскіе хотять ударити на великія силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ вступи въ позлащенное свое стремя и возьмъ свой мечъ въ правую руку и помолися Богу и пречистой Его Матери. Солнце ему ясно сіяеть на

востоцѣ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздають за сродники своя.

Что ми шумить, что гремить рано предъ зорями! Князь Владимиръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ къ быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитрій! Не ослабляй поганымъ татароямъ, уже бо поганые поля наступаютъ.

в) *Утѣшительное слово великаго князя.*

И рече князь Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Брате милый, сами есмь собѣ два брата, сынове есмь великаго князя Ивана Даниловича, а внучата есмь великаго князя Даниила Александровича, а воеводы у насъ велими крѣпци, съ дружина свѣдома, имѣють подъ собою борзые кони, а на себѣ доспѣхи злаченые, а байданы булатные, а шеломы черкасскіе, а щиты московскіе, а сулицы нѣмецкія, а копія фряскія, а кинжалы сурскіе. А дорога имъ свѣдома, а перевозы у нихъ ставлены, но еще хотятъ главы своя положить за землю русскую и за вѣру христіанскую, папуть бо ся, аки живи хоругови, ищутъ бо собѣ чести и славнаго имени.

г) *Бой.*

Уже бо ястреби и соколи и бѣлые кречети борзо за Донъ перелетѣша, на многія стада гусиные и на лебединыя. То ти быша ни соколи, ни кречети, то ти наѣхали князи русскіе, богатыри литовскіе на великія силы татарскія и удариша копіи харалужными о поспѣхи татарскіе. Возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ.

На полѣ Куликовѣ сильныя тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли синія молніи и гремѣли громы велиціи. То ти ступишася сынове русскіе съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли доспѣхи злаченые, гремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе.

д) *Пораженіе русскихъ.*

Не турове рано возревѣли у Дону великаго на полѣ Куликовѣ, возревѣли воеводы сильныя, великаго князя Дмитрія Ивановича вой, побиты и посѣчены отъ поганыхъ татаръ.

Пересвѣта черница, брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ великому князю Дмитрію Ивановичу: Лудчи бы намъ потытымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганныхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, братія, стару номолодѣти, а молодому чести добыти, плечь своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: Уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову ¹⁾ лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича.

е) *Общая картина печали.*

Въ то жъ время по русской землѣ ни ратаи не кличутъ, ни трубы не трубятъ, только часто ворони граютъ, зогзицы кокуютъ, труна человѣческаго чаючи. Сего ради грозно и жалостно видѣти, занеже трава кровію полита бысть, а дрѣвеса тугою до земли приклонишася.

IV. *Переходъ ко второй части. Плачи женъ по избіеннымъ.*

Воспѣли птицы жалостными пѣснями, восплакали княгини и боярыни и вси воеводскія жены о избіенныхъ.

Воеводина жена Микулы Васильевича Марья рано плакашеся у Москвы града на заборолѣ, аркучи: Доне, Доне, быстрый Доне! прорылъ еси каменныя горы, пробилъ еси берега харалужные, прошелъ еси землю половецкую, прилежѣи ко мнѣ моего господина Микулу Васильевича. А Тимофеева жена Валувевича Ѳедосья да Дмитрія жена Всеволожскаго Марья также рано плакашеся, аркучи: Се уже веселіе наше пониче въ славномъ градѣ Москвѣ, уже не видимъ государей своихъ въ своихъ животѣхъ.

Андреева жена Марья да Михайлова жена Анисья рано

---

¹⁾ Здѣсь Ослябя, котораго звали Іаковъ, говорить о себѣ. «Брату» я замѣняю рукописное «чаду», что не имѣетъ смысла.

плакашася: Се уже объма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ. Припахнули къ намъ отъ быстрого Дону поломянныя вѣсти, носяше великую обиду, ссѣдоша удалци съ борзыхъ коней своихъ на суженое мѣсто, на полѣ Куликовѣ, за быстрымъ Дономъ рѣкою ¹⁾).

Дивъ кличетъ въ русской землѣ подъ саблями татарскими.

Не шурове рано возлетѣли и воспѣли жалостныя пѣсни. Восплакалися жены коломенскія у Коломны града на заборолѣхъ о избіенныхъ, смотрячи на быструю рѣку, на славную Москву, аркучи тако: Москва, Москва рѣка быстрая! чему еси залегѣла мужей нашихъ отъ насъ въ землю половецкую? Можеши ли, господине князь великій Дмитрій Ивановичъ, веслы Днѣпръ исчерпати, а Донъ трупы татарскими запрудити. Замкни, государь, Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы тые поганые татарове и потомъ къ намъ не бывали, а насъ не квелили по своимъ государѣхъ, уже бо мужей нашихъ рать прибило.

V. *Второй моментъ боя. Похвала Владимиру и поражение татаръ.*

а) *Вступленіе.*

Того же дни въ субботу на Рождество святыя Богородицы изсѣкоша христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ. Нюкнувъ князь Владимиръ Андреевичъ, скакаше по рати поганыхъ татаръ, своимъ борзымъ конемъ поѣждаючи, золотымъ шеломомъ посвѣчаючи. Гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе.

б) *Стояніе въ засадѣ.*

И восхвалитъ Дмитрій *Волынецъ* князя Владимира Андреевича: Брате княже Владимире! ты еси желѣзное забороло у зла тошъна времени ²⁾). Говоритъ князь Владимиръ Андреевичъ

1) Здѣсь оканчивается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ.

2) Я предлагаю такъ читать это мѣсто. Въ Синодальномъ оно испорчено, въ списокѣ Ундольскаго, очевидно, прожжено. «Тошъный» значитъ — тяжелый, трудный. Ср. глѣтописное: «вы бо тѣломъ и намъ забрала и земли русѣи оутврѣженіе» (Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго).

Дмитрію Волянцу: Не отставай своими полки, уже бо поганые татарове поля наступаютъ, а хоробрую дружину у насъ истеряли, а въ трупѣ человѣчьи борзые комони не могутъ скочити, въ крови по колѣно бродятъ.

Рече Дмитрій Волянецъ: Братія, русскіе князи, бояре и воеводы! Туту надобе стару помолодѣти, а молодому чести достати. То ти есть не наши московскіе сладкіе меды, туту добудете себѣ чести и славы.

в) *Засадный полкъ ударяетъ на татарскую силу.*

И тогда аки соколы борзо полетѣли. Поскакиваетъ Дмитрій Волянецъ со всею силою и рече: Брате, княже Владимиръ Андреевичъ! туту испити медвяна чара, наѣждаемъ, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганыхъхъ.

Тогда князь *Владимиръ Андреевичъ* наступаетъ на великую силу татарскую, гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе. Поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими, русскіе же сынове широкія поля кликомъ огородиша и злечеными доспѣхи освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь.

г) *Пораженіе и бѣгство татарскаго войска.*

Черна земля подъ копыты, костыми татарскими была на-сѣяна, а кровью ихъ полита бысть. Силные полци сступишася въ мѣсто и притопташа холми и луги. Возмущишася рѣки, потоки, озера. Кликнулъ дивъ по всѣмъ землямъ, велитъ грозна послушати. Шибла слава къ морю, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Риму и ко Орначу и къ Кааѣ и ко Царю граду, что Русь поганныхъ одолѣша ¹⁾. Туту поганые разлучишася разнo, бѣжатъ неготовыми дорогами въ лукоморье, скрегчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: Уже намъ, братія, въ земли своей не бывать и катунь и дѣтей своихъ не видать, а на Русь

---

1) Это мѣсто въ спискахъ Повѣданія находится при описаніи перваго момента боя, что совсѣмъ не логично: послѣ вѣсти о побѣдѣ русскихъ слѣдуетъ рассказъ о ихъ пораженіи. Я ставлю это мѣсто здѣсь на основаніи чтенія Архивскаго отрывка (Сказаніе по списку кн. Оболенскаго), гдѣ не нарушена логическая послѣдовательность.

ратью не ходить и выхода намъ у русскихъ князей не просить. Уже бо возстона земля татарская, бѣдами и тугою покрыся. Уныша бо царей ихъ веселіе и похвала на русскую землю ходити.

д) *Веселіе земли русской о побѣдѣ.*

Уже бо русскіе сынове разграбиша татарское узорочіе, везучи въ землю свою кони и велбуды, камки и отласы, серебро и золото и крѣпкія доспѣхи и чѣты жемчуги. Уже жены русскія восплескаша татарскимъ золотомъ.

Уже по русской землѣ простресе веселіе и буйство, вознесся слава русская на поганыхъ. Уже бо вверженъ дивъ на землю.

Уже бо грозы великаго князя текутъ по всей землѣ.

Тогда князи русскіе и воеводы крѣпкіе полки поганые прогнаша, уже бо поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подъ русскіе мечи подклониша, а трубы ихъ не трубятъ, уныша гласи ихъ.

VI. *Заключеніе.*

И сталъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своимъ братомъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно и жалостно, братія, въ то время посмотри, лежатъ трупы христіанскіе у Дона великаго на березѣ, аки сѣнные стоги, и Донъ рѣка три дни кровію текла.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Братія, князи и бояра и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мя братіе, и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Пойдемъ, брате князь Владимиръ Андреевичъ, во свою землю залѣскую, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи. А чти есми, брате, добыли и славнаго имени. Богу нашему слава.

Я выпустилъ изъ предложеннаго своднаго текста два отрывка: о судьбѣ Мамаѣ и о счисленіи убитыхъ, какъ не находившихся, на мой взглядъ, въ основномъ текстѣ.

Разсказъ о судьбѣ Мамаѣ, которымъ кончается Синодальный списокъ, представляетъ соответствующее мѣсто изъ Лѣтописной Повѣсти нѣсколько измѣненнымъ по стилю: «И отскочи поганый Мамай съ малою дружиною, сѣрымъ волкомъ взвыль, прибѣгъ къ Каеѣ, и рекоша ему Орязове: Попелъ еси, похвалившись на русскую землю съ девятью ордами и семьюдесять князьми. Нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ девять въ лукоморье, нешто гораздо потчивали русскіе князи твою дружину, нешто гораздо упилися у быстрого Дону, на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ, позаде-нешъ и насъ своимъ безуміемъ. Уподобился еси малому младенцу у матери своей».

Въ этомъ отрывкѣ образы также взяты изъ Слова о полку Игоревѣ, но по языку и по тону онъ не подходитъ къ общему стилю Повѣданія, которое, замѣчу, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не пользуется Лѣтописной Повѣстью, хотя и знаетъ ее.

Другой отрывокъ — счетъ убитыхъ — находится только въ одномъ спискѣ Ундольскаго и весьма часть въ Сказаніяхъ. Можетъ быть онъ принадлежитъ тому же редактору, который написалъ вступленіе, «отъ книгъ приводя», но не Софоніи, который близко держался плана и выраженій только одного Слова о полку Игоревѣ. Перечисленіе убитыхъ не одинаково въ спискахъ и, чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ отрывкѣ, я приведу то, что встрѣчается въ большинствѣ списковъ:

«И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Считайтесь, братія, сколько у насъ воеводъ нѣтъ и сколько молодыхъ людей нѣтъ. Говоритъ Михайло Александровичъ, московскій бояринъ: Нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ московскихъ, да двѣнадцати князей бѣлозерскихъ, да тридцати посадниковъ новгородскихъ, да двадцати бояръ коломенскихъ, да сорока бояръ

серпуховскихъ, да двадцати бояръ переяславскихъ, да двадцати пяти бояръ костромскихъ, да тридцати пяти бояръ володимирскихъ, да пятидесяти бояръ суздальскихъ, да сорока бояръ муромскихъ, да тридцати трехъ бояръ ростовскихъ, да двадцати трехъ бояръ дмитровскихъ, да шестидесяти бояръ звенигородскихъ, да пятнадцать бояръ углецкихъ. А посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысячъ и три тысячи».

Композиція этого отрывка не носитъ характерныхъ особенностей, отличающихъ Слово о полку Игоревѣ; она ближе къ народно-поэтическому творчеству. Въ погонѣ за эвфонизмомъ, какъ я говорилъ, это перечисленіе варьировалось и дополнялось въ различныхъ спискахъ.

Отмѣченное изслѣдователями сходство оборотовъ Повѣданія съ соотвѣствующими Слова о полку Игоревѣ заставляло предполагать, что послѣднему авторъ подражалъ *въ значительной степени*. Но нужно думать, что Слово было *единственнымъ* памятникомъ, которому подражалъ Софонія, такъ какъ и *планы Повѣданія совпадаютъ съ планомъ Слова*.

Въ обоихъ памятникахъ, послѣ вступленія (одинаковаго и по содержанію), находится описаніе похода. Эта часть (первая) открывается въ Словѣ характеристикой Игоря и Всеволода, чему въ Повѣданіи соотвѣтствуетъ характеристика Дмитрія и Владимира. Два боя русскихъ съ половцами (побѣда и пораженіе) равняются первому и второму моментамъ боя, съ той разницей только, что въ Повѣданіи неудаченъ первый бой, а второй оканчивается побѣдой.

Вторая часть Слова — сонъ Святослава и его золотое слово — нѣкоторымъ образомъ воспроизведены въ увѣщательномъ словѣ великаго князя и въ описаніи предзнаменованій. Общая картина печали земли русской соотвѣтствуетъ переходу къ 3 части Слова — изображенію безпомощности Руси вслѣдствіе распаденія центра на горахъ кievскихъ. Плачи боярынь по избѣннымъ, равняясь по схемѣ плачу Ярославны (моленіе къ вѣтру, Днѣпру, солнцу) въ обоихъ памятникахъ являются переходомъ къ раз-

вязкѣ. Наконецъ — торжество князя, досада непріятелей и веселіе земли русской — тождественны по схемѣ въ обоихъ памятникахъ. Оба оканчиваются заключеніемъ въ тонѣ славы.

Стремленіе подражать Слову о полку Игоревѣ не является, въ данномъ случаѣ, единичнымъ фактомъ въ литературѣ. Трудно вмѣстѣ съ изслѣдователями настаивать на существованіи особой поэтической школы, писавшей пѣсни славы, такъ какъ ничего постоянного и организованнаго отнюдь не замѣчается, тѣмъ не менѣе, среди литературныхъ памятниковъ, приходится отмѣчать такіе, тонъ которыхъ отличенъ отъ обычной повѣствовательной формы. Такъ — Срезневскимъ были указаны лѣтописные отрывки, содержащіе формулы Слова, найдены недавно отрывокъ изъ Слова о гибели земли русской (кстати сказать, близко напоминающій вступленіе къ житію Θεодора Ярославскаго), наконецъ — разбираемый памятникъ. Попытки излагать воинскія повѣсти въ тонѣ Слова продолжались и послѣ писанія Софоніи, такъ въ Псковской 1 лѣтописи, подъ 7022 находится описаніе Оршинскаго побоища, къ сожалѣнію очень краткое:

«Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія, и слышати было стуку и грому великому между Москвичъ и Литвою, и удариша Москвичи на Литву, рускіе князи и бояре съ дивными удалцы рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копья московскія и гремятъ мечи булатные о шеломахъ литовскія на поли Оршинскомъ».

Само Слово о полку Игоревѣ, какъ указалъ его авторъ, есть памятникъ подражательный. Поэтому во всей группѣ вышеизложенныхъ однородныхъ произведеній замѣчаются отзвуки «замышленія Бояна». Съ этой стороны, конечно, подобныя повѣсти принадлежать къ одной «школѣ», во главѣ которой слѣдуетъ поставить пѣснотворца давняго времени. Софонія, упомянувъ о Боянѣ, освѣжилъ, такъ сказать, о немъ память. Но Боянова школа не дала, для конца XVI и въ XVII вв., новыхъ произведеній, а старыя — стали забываться, растворяясь въ памятникахъ

иной формы. Причина этого, на мой взгляд, лежитъ въ распространѣніи новыхъ формъ поэзіи — старинъ, — расцвѣтъ которыхъ я лично отношу къ XVI—XVII вѣку.

Со стороны внутренняго содержанія, Повѣданіе прежде всего предполагаетъ у автора знакомство съ Лѣтописной Повѣстью. Только зная ее и не довольствуясь ея сухимъ изложеніемъ, авторъ рѣшилъ описать знаменательное событіе «иными словами», заимствуя изъ Повѣсти лишь самые основные факты. Въ это основное содержаніе онъ ввелъ новый матеріалъ, взятый имъ изъ устныхъ разсказовъ, которые онъ стилизовалъ по принятому образцу для подражанія. Таковы современные событію разсказы: подвигъ Пересвѣта, приходъ Ольгердовичей, помощь Новгородцевъ, засадный полкъ и храбрость Владимира и Дмитрія Волынца, прославленіе князей бѣлозерскихъ. Эти разсказы были въ оборотѣ даже тогда, когда писалась Лѣтописная Повѣсть: въ ней, напр., упоминается о Пересвѣтѣ, объ Ольгердовичахъ — но лишь схематично, такъ какъ авторъ повѣсти преслѣдовалъ совершенно иную цѣль. Что касается Сказанія, то эти преданія обработаны тамъ вполне самостоятельно.

Нахожденіе такихъ преданій, какъ разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волынца или о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ въ разныхъ редакціяхъ Сказанія доказываетъ, что преданій ходило много, и авторъ Повѣданія не использовалъ ихъ во всемъ объемѣ.

По вопросу объ имени автора Повѣданія въ наукѣ до самаго послѣдняго времени существовало разногласіе (см. 1 главу), между тѣмъ какъ рѣшеніе его не представляетъ никакого труда. Кромѣ указанныхъ трехъ полныхъ списковъ Повѣданія (Кирилло-Бѣлозерскаго, Ундольскаго и Синодальнаго), гдѣ авторъ зовется *Согфоніей*, имя его упоминается въ нѣкоторыхъ спискахъ Сказанія 3-й редакціи. (Обращу вниманіе на то, что въ 1, 2 и 4 редакціяхъ Сказанія имени автора Повѣданія *нѣтъ*). Такихъ списковъ мнѣ извѣстно 6. Изъ нихъ въ четырехъ имя автора читается *Согфонія* или *Согфоній*: 1) Академіи Наукъ 16. 17.

22: *Сказаніе Софонія иерея рязанца*; 2) Академіи Наукъ 16. 13. 22: *Сказаніе Софонія иерея рязанца*; 3) Румянцовскаго Музея № 378 — *Описаніе Софонія иерея рязанца*; 4) Тверской лѣтописи: *Писаніе Софонія рязанца, брянскаго боярина*. И только въ двухъ позднѣйшихъ спискахъ, XVIII и XIX в., притомъ списанныхъ съ одного оригинала: 1) Публичной Библіотеки, гр. Толстого I, 447 — извѣстный Карамзину и 2) Публичной Библіотеки Q. XV, X. 70, XIX вѣка — имя автора стоитъ въ огласовкѣ: *Софроній*. Не трудно видѣть, что за букву *р* позднѣйшіе переписчики могли принять случайную черточку вверху, а главное, что имя *Софонія* засвидѣтельствовано большинствомъ древнѣйшихъ и лучшихъ списковъ ¹⁾.

Иное дѣло вопросъ о личности автора: объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Иереемъ онъ могъ быть послѣ того, какъ былъ бояриномъ брянскимъ. Южный уроженецъ, онъ легко могъ привезти съ собою въ Рязань рукопись Слова о полку Игоревѣ, а можетъ быть и цѣлую библіотеку, такъ какъ, повидимому, былъ человѣкъ книжный, а, судя по произведенію, — не безъ таланта.

Въ виду того, что древнѣйшій списокъ (Кирилло-Бѣлозерскій) принадлежитъ концу XV вѣка, но текстъ памятника въ немъ уже испорченъ, составленіе Повѣданія нужно, слѣдовательно, относить ко времени нѣсколько болѣе раннему, можетъ быть къ первой четверти XV вѣка, когда Лѣтописная Повѣсть сдѣлалась общеизвѣстной.

Служа въ Рязани, Софонія нигдѣ не упоминаетъ о своемъ князѣ Олегѣ, а ему, какъ подражавшему слову, чрезвычайно легко можно было бы упомянуть о «крамолахъ» или припомнить «Олега Гориславича». Можетъ быть Софонія стоялъ къ княжескому двору близко?

Итакъ, на основаніи вышеизложеннаго, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Въ началѣ XV вѣка, послѣ сухого изложенія Лѣтописной

---

1) «Софонія» писать правильнѣе, чѣмъ «Софроній».

Повѣсти, появилось поэтическое описаніе Куликовской битвы, авторомъ котораго былъ рязанскій іерей Софонія.

2) Это произведеніе, носившее обычныя названія Слова или Сказанія и Списанія, но получившее потомъ названіе Повѣданія, было написано въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ сохраненіемъ не только его образовъ и выраженій, но и плана.

3) Повѣданіе имѣетъ цѣлью прославленіе князей Дмитрія и Владимира, причѣмъ главный матеріалъ черпаетъ изъ устныхъ преданій о Куликовской битвѣ.

4) Повѣданіе не дошло въ оригиналѣ, но познается:

а) изъ 3 списковъ, содержащихъ памятники въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ. Изъ нихъ — древнѣйшій не полонъ, а позднѣйшіе носятъ черты нѣкоторой редакціонной обработки;

б) изъ отрывковъ, находящихся во 2 и, преимущественно, въ 3 редакціяхъ Сказанія — пространной повѣсти о Куликовской битвѣ, которое пользовалось Повѣданіемъ, какъ иллюстраціей къ своему изложенію.

5) Списки и отчасти отрывки взаимно дополняютъ и поправляютъ другъ друга.

6) Оригиналь Повѣданія возстановливается изъ сличенія всѣхъ списковъ и отрывковъ.

7) Исканіе списковъ произошло:

а) отъ допущенной крупной ошибки при переходѣ къ изложенію второго момента боя;

б) отъ ошибокъ писцовъ, пропусковъ и особенно — интерполяцій;

в) отъ непониманія текста позднѣйшими переписчиками.

8) Исканіе, зависѣвшее отъ непониманія текста памятника, вытѣснило Повѣданіе изъ обращенія, и его обломки вошли въ болѣе живучій и распространенный памятникъ, носившій названіе Сказанія.

ГЛАВА IV.

Сказаніе первой редакціи.

(Кширіановская редакція).

Пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впервые отдѣльно была напечатана Снегиревымъ (Рус. Ист. Сбор. III, 1), причѣмъ въ основу изданія былъ положенъ списокъ Тимковского, носившій названіе: «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго».

Это изданіе утвердило въ литературѣ за разбираемой повѣстью названіе «Повѣданія», хотя послѣдній терминъ не былъ устойчивъ. Я съ своей стороны въ послѣдующемъ изложеніи буду пространную повѣсть называть *Сказаніемъ*. Вышеприведенное двойное названіе предполагало и двойное содержаніе, а *Повѣданіемъ*, какъ выше указано, обозначалось писаніе Софоніи, изъ котораго Сказаніе въ различныхъ редакціяхъ широко заимствовало украшающія дополненія.

*Первая редакція Сказанія находится въ спискахъ Никоновской лѣтописи. Послѣдняя, какъ извѣстно, издана Археографической Коммиссіей по 6 основнымъ спискамъ, изъ которыхъ два (Обол. и Акад. XIV) писаны во второй половинѣ XVI в., т. е. современны составленію лѣтописи*¹⁾.

---

1) По вопросу о литературной исторіи Никоновской л. и взаимоотношенію ея списковъ см. у ак. А. А. Шахматова, его рецензію на книгу Н. П. Лихачева: О палеографическомъ значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ.

При изданіи 11 тома Полнаго собранія русских лѣтописей въ число вариантовъ Никоновской л. былъ включенъ еще одинъ списокъ — Акад. XVII, извѣстный подъ именемъ Древняго Лѣтописца ¹⁾. Въ концѣ второй части рукописи, почеркомъ XVIII в., сдѣлана приписка: «Сія книга писана Игнатіемъ черцомъ Михаила архіерея Смоленского. Смотри стр. 556. Въ лѣто $\frac{6897}{1384}$ и послѣ уже 384 года».

Эта приписка устанавливаетъ за извѣстной частью лѣтописи авторство того Игнатія, который, подъ именемъ Игнатія Смолянина, оставилъ описаніе хожденія Пимена въ Царьградъ и былъ потомъ архимандритомъ Спасскимъ. Ему, по свидѣтельству историка Татищева, митр. Кипріанъ поручилъ докончить лѣтопись, начатую имъ самимъ. Митр. Евгеній, очевидно, опирался на это показаніе Татищева, когда писалъ: «Въ библіотекѣ Академіи между рукописями въ листъ есть симъ Игнатіемъ писанный полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254 по 1423 годъ». (Словарь о писателяхъ дух. чина I, 194). Замѣчаніе неясное и неправильное: «полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254—1423» есть, несомнѣнно, Древній Лѣтописецъ. А если это такъ — онъ долженъ былъ быть извѣстнымъ по печатному изданію митр. Евгенію, а равно и Е. Голубинскому, который (Исторія церкви II, 351), цитируя вышеприведенныя слова митр. Евгенія, спрашиваетъ: «Желательно было бы знать, не представляетъ ли этотъ лѣтописецъ какихъ-

---

1) Рукопись лицевая, относится къ XVI в. Первое изданіе Академіи Наукъ въ 1774—5, въ 2 частяхъ, сообразно дѣленію рукописи, подъ названіемъ: «Древняго Лѣтописца часть первая, содержащая въ себѣ повѣсть проишествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей съперва Владимірскихъ, потомъ Московскихъ, чрезъ сто двадцать пять лѣтъ начинала съ $\frac{6762}{1254}$ года до $\frac{6887}{1379}$ ». И — «Древняго Лѣтописца часть вторая, содержащая въ себѣ повѣсть проишествій, бывшихъ въ Россіи съ $\frac{6887}{1379}$ по $\frac{6932}{1424}$ годъ, то есть послѣдняя лѣта княженія великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и владѣніе великаго князя Василія Дмитріевича».

нибудь данныхъ по отношенію къ нашему вопросу?» (къ вопросу объ участіи Кипріяна въ составленіи лѣтописи).

Приписка на рукописи почеркомъ XVIII в. могла быть сдѣлана самимъ Татищевымъ. Интересно знать, откуда Татищевъ почерпнулъ свѣдѣнія объ авторствѣ или редакторствѣ Игнатія? Участіе Игнатія и Кипріяна въ составленіи лѣтописи имѣетъ важное значеніе въ объясненіи первой редакціи Сказанія. Важное показаніе Татищева, за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ, требуетъ однако провѣрки, не смотря на то, что я отнюдь не раздѣляю скептическаго взгляда Е. Голубинскаго на Татищева.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Древнемъ Лѣтописцѣ, не вполне совпадаетъ съ текстомъ въ остальныхъ спискахъ Никоновской л. Онъ — полнѣе, и распространеніе это сдѣлано на счетъ вставокъ, находящихся, преимущественно, ближе къ окончанію изложенія.

Я отмѣчу эти вставки.

1) Послѣ словъ: «И тако вси изыдоша съ яростію и съ ревностію божественною на невѣрныя и противныя врагы» — прибавлено: «И не устрашишася христіане, дерзнуша, яко велицыи ратницы. Видѣша вѣрніи, яко аггели помогающе христіаномъ, и святыхъ мученикъ полки, и вѣина великаго христова Георгія, и славнаго Дмитрія, и великихъ князей русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, въ нихже бѣ воевода свершенаго полка небесныхъ силъ великій архистратигъ Михаилъ. Видѣша поганіи полцы двое воеводы, тресолечныя полки и пламенные ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ, безбожніи Татарове отъ страха Божія и отъ оружія христьянскаго падаху. Вознесе Богъ десницу великаго князя Дмитрія Ивановича на побѣду иноплеменикъ».

Все это мѣсто буквально заимствовано изъ Лѣтописной Повѣсти.

2) Послѣ рѣчи великаго князя къ воеводамъ, въ которой онъ выражаетъ желаніе биться впереди всѣхъ, прибавлено:

«И потомъ и сіе прорече имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Арефы; егда мучитель хотяше посѣщати его, и съ нимъ вся войны подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ передъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хочу видѣти небеснаго царя».

3) Послѣ словъ: «множество татаръ избіено бысть невидимою Божіею силою и пречистыя Его Матере и великого чюдотворца Петра и всѣхъ святыхъ» — прибавлено: «Бысть бо яко въ девятый часъ бующемся и мнози вѣрнии видѣша». . . и далѣе все буквально такъ же, какъ въ первой вставкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ продолженіе вставки: «Тогда же нѣкто изъ Володимирова полку Андрѣевича предста предъ великимъ княземъ, глаголя сие: азъ, господине княже, егда въ дубравѣ быхъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ въ западномъ полку, и плакахомся великимъ плачемъ Господу Богу и пречистой Его Матери и великому чюдотворцу Петру, видяще избиваемыхъ отъ Татаръ православныхъ крестьянъ, и во мнозѣ скорби и въ умиленіи быхомъ, и внезапно аки во изступленіи быхъ и видѣхъ множество безчислено вѣнцовъ, на избіенныя крестіане сходящихъ. И се есть истинное слово, яко нетлѣнными вѣнцы увязошася отъ Христа Бога и честь и славу велию на небесѣхъ пріапа и молятся о всѣхъ насъ. Безбожный же царь Тетякъ, нареченный плотный діаволъ Мамай, со страхомъ вострепетавъ и велии возстонавъ и рече: великъ Богъ крестіанескъ, велика сила Его. И рече: братіе Измаиловичи, побѣжимъ неготовыми дорогами. А самъ, вдавъ плечи свои, побѣжа вскорѣ паки ко Ордѣ. И то слышавше, вси князи темни его и вся сила татарская, то видѣвше, побѣгоша, и прочіи иноплеменницы, гоними гнѣвомъ Божіимъ и страхомъ одержими суще, отъ мала и до велика ихъ на побѣгъ устремишася. Видѣвше же крестьяне, яко Татарове побѣгоша съ Мамаемъ, и погониша за ними вслѣдъ ихъ, бующе

ихъ и сѣкуще безъ милости; Богъ бо невидимою силою устраши полки ихъ и побѣгоша, даша плещи свои на раны. Въ погони же той овѣи Татарове оружіемъ падоша отъ крестьянъ, друзіи въ рѣцѣ истопоша; и гониша до Мечи рѣки, и тамо бѣжащихъ Татаръ безчисленное множество избіено бысть, и гониша ихъ и до становъ ихъ, и полониша богатства много, вся имѣнія ихъ и стада татарская».

Въ этой вставкѣ, кромѣ разсказа о видѣніи вѣнцовъ, сходящихъ съ неба, все остальное опять буквально взято изъ Лѣтописной Повѣсти.

4) Послѣ рѣчи великаго князя «на костяхъ» къ оставшемуся войску, Древній Лѣтописецъ расходится съ остальными списками Никоновской л. Въ послѣднихъ слѣдуетъ разсказъ нѣкоего воина изъ полка князя Владимира Андрѣевича о видѣніи вѣнцовъ, — разсказъ этотъ составляетъ, какъ только что указано, — часть третьей вставки. Въ Древнемъ Лѣтописцѣ мѣсто этого эпизода занимаетъ вставка, взятая снова изъ Лѣтописной Повѣсти: «И отсегъ отъ страны Литовскіа князь Ягайло Литовскій, иже приде со всею силою литовскою поганному Мамаю и Татаромъ на помощь, а христіаномъ на пакость, но и отъ тѣхъ Богъ избавилъ: не поспѣша на срокъ за малымъ, за едино днище, наименши; но точію слышавъ князь Ягайло Олгердовичъ и вси сила его, яко великому князю Дмитрію Ивановичю съ Мамаемъ бой былъ, и великій князь одолѣлъ, а Мамай побѣжалъ безо всякого пожданья. Князь же Ягайло со всею силою литовскою побѣжа назадъ съ великою скоростію, никимже гонимъ; не видѣша бо тогда великаго князя, ни рати его, ни оружіа его, но токмо имени его бояхуся и трепетаху».

5) Послѣ словъ: «И превезошася Донъ реку и поиде князь великій по рязанской землѣ» . . . вставлено: «Повѣдаша же ему, что князь Олегъ рязанскій послалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты переметалъ, а хто поѣхалъ зъ Донского побовща домовъ сквозъ его отчину Рязанскую землю, бояре и слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагихъ пущати; вели-

кій же князь Дмитрей Ивановичъ хотѣ противу послати рать свою на князя Олга. И ниже: «Бояре же его рязанстіа оставша Олга и прїѣхаша къ великому князю и повѣдаша, что князь Олегъ повергъ отчину свою, землю рязанскую, а самъ побѣждалъ и со княгинею и з дѣтми и з бояры; и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не посылалъ, а сами биша ему челомъ въ рядъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ челобитья и рати на нихъ не посла, а на рязанскомъ княженіи посади намѣстники своя».

Обѣ эти вставки также взяты изъ Лѣтописной Повѣсти.

Такимъ образомъ, кромѣ вставки о мученикѣ Ареѣ, матеріаломъ для дополненій Древняго Лѣтописца послужила Лѣтописная Повѣсть. Всѣ вышеприведенныя вставки не связаны органически съ общимъ ходомъ разсказа. Особенно случайный характеръ носитъ третья вставка. Во первыхъ — въ ней повторяется разсказъ о вмѣшательствѣ небесныхъ силъ въ битву, разсказъ, который уже былъ помѣщенъ раньше (въ первой вставкѣ). Во вторыхъ — когда уже кончилась рѣчь объ окончательномъ пораженіи Мамая, о преслѣдованіи русскими татаръ до рѣки Мечи, о возвращеніи побѣдителей съ добычей, и повѣствуется о томъ, какъ князь Владимиръ Андрѣевичъ поздравляетъ великаго князя съ побѣдой, — изложеніе неожиданно прерывается выше приведеннымъ эпизодомъ о вмѣшательствѣ небесныхъ силъ, разсказомъ воина о чудесномъ видѣніи вѣнцовъ и *сторичнымъ* разсказомъ о бѣгствѣ Мамая, о погонѣ за нимъ до рѣки Мечи и о захватѣ добычи. Прерываетъ также ходъ повѣствованія разсказъ о томъ, что Олегъ рязанскій велѣлъ грабить всѣхъ, кто возвращался съ Донского побоища черезъ рязанскую землю. Эта вставка не вяжется съ общимъ изложеніемъ потому, что въ этомъ мѣстѣ, напротивъ, подчеркивается страхъ Олега передъ побѣдителями, а главное, — что она встрѣчается въ текстѣ уже вторично.

Подобный характеръ вставокъ заставляетъ признать въ нихъ интерполяцію, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожде-

нія, такъ какъ Древней Лѣтописецъ дошелъ въ списокѣ к. XVI вѣка.

Отсюда — болѣе близкій къ протографу текстъ Сказанія долженъ находиться во всѣхъ неинтерполированныхъ спискахъ Никоновской л., въ общемъ — вполне согласныхъ между собою.

Къ перечисленнымъ слѣдуетъ еще прибавить текстъ Сказанія, находящійся отдѣльно въ сборникѣ Синодальной Библіотеки ⁵⁷/₃₅₉ Чудовскаго м-ря, XVII в. Среди статей историческаго содержания, на л. 65 помѣщено Сказаніе, носящее заглавіе, весьма близкое къ Никоновскому: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси егда помощію божіею і пречистые его Матери Богородицы і угодника ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита всеа Русіі і преподобнаго игумена Сергія чюдотворца и всѣхъ святыхъ молитвами, князь великій Димитрій Ивановичъ з братомъ своимъ иже изъ двоюродныхъ с княземъ Володимиромъ Андрѣевичемъ і со всѣми князи рускими на Дону посрами и прогна воложскія орды гордаго князя Мамая і всю орду его со всею силою ихъ нечестивою изби и до конца посрами».

Текстъ Сказанія здѣсь — такой же, какъ и въ спискахъ Никоновской л., но мѣстами распространенъ на счетъ интерполяцій, имѣющихъ отношеніе къ послѣдующимъ редакціямъ Сказанія. При разборѣ послѣднихъ я укажу на особенности этого текста.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Никоновской л., представляетъ *первую* редакцію потому, что:

- 1) онъ ясно сохраняетъ планъ, даже цѣлыя выраженія Лѣтописной Повѣсти, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой составленъ;
- 2) въ немъ, сравнительно съ послѣдующими редакціями, всего менѣе вставныхъ эпизодовъ;
- 3) въ немъ почти отсутствуютъ заимствованія изъ Писанія Софоніи (Повѣданія), которыми въ широкой степени пользуются другія редакціи; и —

4) по времени составленія — разбираемый текстъ болѣе древній.

Нахожденіе первой редакціи въ лѣтописномъ сводѣ заставляетъ считаться съ той работой, которая произведена была надъ текстомъ Сказанія редакторомъ той части Никоновскаго свода, въ которую вставлена разбираемая повѣсть. Эту редакторскую работу въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду отмѣчать попутно.

1) *Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти.*

Сказаніе имѣетъ пространное заглавіе, данное ему редакторомъ: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда помощію Божию и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита (кіевскаго и) всея Руси, и преподобнаго игумена Сергіа чюдотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрей Ивановичь, з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми князи русскими, на Дону посрами и прогна Воложскія орды гордаго князя Мамаа и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою избѣ», затѣмъ — вступленіе.

Вступленіе написано, очевидно, тоже редакторомъ. Разсказъ идетъ о воцареніи Мамаа, убившаго измѣной хана и всю его свиту и о гибѣ Мамаа на великаго князя Дмитрія за пораженіе на р. Вождѣ. Совѣтники говорятъ Мамаю, что онъ, собравъ силу изъ разныхъ народовъ, «иже подъ его властью», можетъ дѣлать съ Москвою то, что сдѣлалъ раньше съ княземъ Олегомъ рязанскимъ. Въ Никоновской л. подъ 1379 г. помѣщенъ разсказъ «О плѣненіи Рязаньскія земли отъ Мамаа». Въ немъ подробно излагаются тѣ же слова Мамаевыхъ совѣтниковъ: «вся грады его и власти пожегъ еси и всю землю его пусту сътворилъ еси и вся люди его въ полонъ вывелъ еси, тако же сътвориши и надо княземъ Дмитріемъ Московскимъ». Редакторъ, слѣдовательно, въ этой части вступленія опирается на разсказъ 1379 года.

Послѣ вступленія идетъ собственно изложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается сходство Сказанія съ Лѣтописной Повѣстью.

а) Мамай, возгордѣвся и сравнивъ себя съ Батыемъ, начинаетъ собирать войско. Сравненіе съ Батыемъ есть въ Лѣтописной Повѣсти, изъ которой буквально заимствовано и описаніе наема войскъ: «нанмаа Фрязы, Черкасы, Ясы и иныа къ симъ. И собра воинства много и поиде на великаго князя Дмитрея Ивановичя, яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхаа и аки дѣмонъ гордяся» ¹⁾).

б) Посланіе грамотъ: отъ Олега рязанскаго къ Мамаю, отъ Ягайла къ Мамаю и отвѣтъ имъ Мамаю.

Это *первый* вставной эпизодъ Сказанія, представляющій развитіе слѣдующей краткой замѣтки Лѣтописной Повѣсти: «Олегъ... посылаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленнаго... именемъ Елифана Корѣева, веля имъ быти на той же срокъ и той же съвѣтъ съвѣща стати у Окѣ съ... сыроядци».

в) Къ великому князю Дмитрію приходятъ вѣсти о походѣ на него Мамаю.

По совѣту митрополита Кипріяна ²⁾, великій князь начинаетъ набирать войско и посылаетъ за своимъ братомъ — княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ. Въ Лѣтописной Повѣсти говорится о томъ же, но кратко.

г) Продолжаютъ приходить вѣсти о движеніи Мамаева войска. Великій князь съ братомъ своимъ снова идетъ къ Кипріану, который говоритъ имъ длинное поученіе.

Разговоръ князей съ Кипріаномъ является *вторымъ* вставнымъ эпизодомъ. Соотвѣтствія ему въ Лѣтописной Повѣсти — нѣтъ; но рассказъ о послахъ татарскихъ, пришедшихъ среди разговора великаго князя съ митрополитомъ: «абіе внезапно приидоша татарове, послы отъ Мамаа къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву, просяще выхода, какъ было при царѣ Азбякѣ и при сынѣ Азбяковѣ Чянибѣкѣ, а не по своему

1) Цитаты изъ Лѣтописной Повѣсти сдѣланы по Новгородской IV л.

2) Здѣсь въ текстѣ Сказанія — вставка о Митяѣ, объ ней — ниже.

докончанію, какъ рядъ былъ съ нимъ» — взять изъ Лѣтописной Повѣсти (въ послѣдней нѣтъ только упоминанія объ Азбжкѣ).

д) По совѣту Кипріяна великій князь посылаетъ въ Поле Захарію Тютчева, который доноситъ въ Москву объ «измѣнѣ» Олега и Ягайла. Великій князь вновь обращается за словами утѣшенія къ Кипріяну.

Этотъ эпизодъ не находится въ Лѣтописной Повѣсти, но представляетъ развитіе замѣтки послѣдней: «паки прииде князю Дмитрію другая вѣсть, повѣдаша Мамаю за Дономъ събравшася въ полѣ стояща, ждуща къ собѣ на помощь Ягайла съ Литвою... Олегъ же... приединившійся ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выходъ ему давати и силу свою слати къ нему на князя Дмитрія».

е) Посланіе первой и второй стражи, — *третій* вставной эпизодъ Сказанія. Рѣшено собираться къ 15 августа на Коломнѣ, куда приходятъ отовсюду воеводы съ войсками, между прочимъ князья Бѣлозерскіе, Ярославскіе и другіе. Лѣтописная Повѣсть отмѣчаетъ только, что на Коломнѣ было собрано воинство, числомъ до полутораста тысячъ.

ж) Великій князь ѣдетъ въ обитель св. Троицы. Вмѣстѣ съ благословеніемъ преп. Сергія, великій князь получаетъ въ число воиновъ двухъ иноковъ-богатырей, Пересвѣта и Ослябу.

Этого эпизода (*четвертаго* вставного) въ Лѣтописной Повѣсти нѣтъ. Онъ вставленъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, редакторомъ свода, о чемъ я скажу ниже. Разсказъ о посѣщеніи великимъ княземъ преп. Сергія помѣщенъ редакторомъ потому, что въ Лѣтописной Повѣсти есть упоминаніе объ участіи преп. Сергія въ битвѣ посланіемъ благословеннаго хлѣба и грамоты.

з) Выступленіе великаго князя съ войскомъ, въ сопровожденіи митрополита, изъ кремлевскихъ воротъ на войну. Войско идетъ разными дорогами — настолько оно многочисленно. При войскѣ — гости сурожане, въ качествѣ наблюдателей за ходомъ событій.

Эта часть представляет дальнѣйшее развитіе эпизода о походѣ великаго князя на Коломну. О сурожанахъ сказано глухо: «аще что Богъ случить, имуть повѣдати въ далнихъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всѣми и въ Ордахъ и въ Фрязахъ, и другая вещь: аще что прилучится, да сіи сотворяють по обычаю ихъ». Затѣмъ они только перечисляются поименно.

и) Приходъ великаго князя на Коломну, встрѣча его епископомъ Герасимомъ, уряженіе и смотръ полковъ.

Вся эта часть Сказанія составлена по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій послѣдней. Лѣтописная Повѣсть такъ излагаетъ это мѣсто: великій князь «вниде въ церковь и помолися Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и всѣмъ святымъ и благословися у Герасима епископа коломенскаго, глаголя: благослови мя, отче, ити противу татаръ. Герасимъ же епископъ коломенскій благослови его и все воинство его ратоватися противу нечестивыхъ татаръ. И поиде князь великій съ Коломны со многими силами и, пришедъ, ста у Оки на усть Лопасны рѣкы. И ту прииде къ нему великій его воевода Тимоѣй Васильевичъ, тысяцкаго внуку Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, со многими воинствы и что были остались на Москвѣ. И ту о вѣстехъ розслушавъ и повелѣ имъ Оку рѣку возитися, и заповѣда коемуждо полку, глаголя сице: аще кто идеть по рязаньской землѣ, да никто же ничему же коснется, и ничтоже возметъ у кого, и ни единому власу коснется. А на Москвѣ воеводу своего остави у отца своего Купріяна митрополита всея Русіи, и у жены своей, у великіа княгини Евдокии, и у сыновъ своихъ у Василья и у Юрья, Феодора Андрѣевича».

і) Скорбъ жителей въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ при вѣсти о переходѣ русскаго войска черезъ Оку.

Это мѣсто опять представляетъ распространеніе соотвѣтствующаго эпизода Лѣтописной Повѣсти, причемъ сохранена та же схема: приходъ на Коломну — переходъ Оки — скорбь.

к) Олегъ, получивъ извѣстіе о выступленіи русскаго войска и о благословеніи преп. Сергіемъ великаго князя, приходитъ въ смущеніе и страхъ.

Ягайло, въ свою очередь, не рѣшается двигаться далѣе и остается у Одоева, — *пятый* вставной эпизодъ.

Ему нѣтъ соответствія въ Лѣтописной Повѣсти; въ послѣдней ниже находится только краткое замѣчаніе о страхѣ Ягайла передъ именемъ великаго князя.

л) Къ великому князю пріѣзжаютъ на помощь братья Ягайла — Ольгердовичи: князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій.

Сказаніе, одинаково съ Лѣтописной Повѣстью, говоритъ объ этомъ кратко.

м) Посланіе третьей стражи, которая приводитъ къ великому князю «языкъ». Отъ послѣдняго узнаютъ о движеніи Мамаева войска и о числѣ его, — *шестой* вставной эпизодъ, который могъ явиться результатомъ распространенія предыдущихъ эпизодовъ о посланіи первой и второй стражи. Въ Лѣтописной Повѣсти соответствія нѣтъ.

н) Великій князь собираетъ совѣтъ — переходитъ ли Донъ, или ждать татаръ на своей сторонѣ. Мнѣніе Ольгердовичей одерживаетъ верхъ, войско переходитъ рѣку и разбираетъ въ тылу у себя мосты.

Сомнѣніе — переходитъ ли рѣку, описаніе перехода, рѣчь великаго князя къ воеводамъ (хотя въ иномъ изложеніи) — находятся въ Лѣтописной Повѣсти. Выраженіе ея: «гдѣ трупы, ту и орлы» — въ Сказаніи развито въ цѣлую картину.

о) Примѣты Дмитрія Волынца — *седьмой* эпизодъ, не находящій соответствія въ Лѣтописной Повѣсти.

п) Чудесныя видѣнія: Оомы Кацыбѣя (Борисъ и Глѣбъ сѣкутъ мечами татаръ), Василя Капицы и Семена Антонова (заступничество Петра, поражающаго жезломъ эфіоповъ) — *восьмой* вставной эпизодъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ рассказъ о видѣніи Василя Капицы

принадлежить редактору свода, потому что обстановка видѣнія соотвѣтствуетъ вполнѣ сну Темиръ Аксака въ повѣсти объ иконѣ Владимирской Богоматери, въ томъ же сводѣ: Темиръ Аксакъ «видѣ сонъ страшенъ зѣло, яко гору высоку велии, и з горы идяху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претяще ему зѣло». (Никоновская подъ 1395). Спасеніе отъ нашествія Темиръ Аксака приписывается здѣсь заступничеству Божіей Матери и «великаго чудотворца Петра».

р) Приготовленія къ бою: устройство засаднаго полка, укрѣпленіе воиновъ.

О засадномъ полку не говоритъ Лѣтописная Повѣсть. Разсказъ же объ устроеніи полковъ въ ней находится, причемъ Сказаніе, развивая эпизодъ, сохраняетъ буквальные выраженія Повѣсти, гдѣ это мѣсто читается такъ: «Тоя же нощи, утру святающе, мѣсяца сентября въ 8 день на праздникъ рожества Пречистыа Богородицы, и возходящу сѣлцу, бысть мгла велія по всей землѣ, аки тма и до третьяго часа дни и потомъ нача убывати».

с) Великій князь одѣваетъ своего боярина Михаила Бренка въ великокняжескую «приволоку», желая самъ сражаться, какъ простой воинъ, — *девятый* эпизодъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти говорится только о желаніи великаго князя сражаться въ рядахъ, впереди всѣхъ.

т) Къ великому князю приходятъ посланные отъ преп. Сергія съ благословеніемъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти тотъ же эпизодъ, но онъ поставленъ раньше, — передъ разсказомъ о переходѣ войска черезъ Донъ. Сказаніе, въ данномъ случаѣ, ближе къ житію Сергія.

у) Обѣ рати начинаютъ сходиться. Мамай смотритъ на битву съ возвышеннаго мѣста.

Описаніе начала боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «Самъ же князь великій напередъ въ сторожевыхъ полцехъ ѣздыше и мало тамъ пребывъ, возвратися пакы въ великій полкъ».

ф) Единоборство инокa Пересвѣта и татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, — *десятый* вставной эпизодъ.

х) Описаніе боя.

Формула боя — та же, что въ Лѣтописной Повѣсти: «бысть брань крѣпка и сѣча зла зѣло, и лѣшеся кровь, аки вода, и падоша мертвыхъ множество безчислено отъ обонихъ силъ, отъ татарскіа и русскіа. И паде татарское тѣло на христьянскомъ, а христьянское тѣло на татарскомъ».

ц) Татары начинаютъ одолѣвать, великій князь раненъ, битва рѣшается въ пользу русскихъ только потому, что засадный полкъ ударяетъ на враговъ изъ дубравы. Татары разбиты на голову.

Весь разсказъ о роли засаднаго полка составляетъ *одиннадцатый* вставной эпизодъ. Описаніе же конца боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «И побѣгоша татарстѣи полци, а христьянстѣи полцы за ними гоняюще, бьюще и сѣкуще... И мнози татарове оружіемъ падоша отъ христьянскаго воинства... а друзіи въ рѣдѣ изтопоша. И гониша ихъ до рѣки до Мечи, а княжіи полци гнашася за татары и до становъ ихъ и полониша богатства и имѣніа ихъ много».

ч) Князь Владимиръ Андрѣевичъ, ставъ «на костяхъ», посылаетъ искать пропавшаго великаго князя. Двое воиновъ находятъ его подъ ссѣченнымъ деревомъ. Придя въ чувство, великій князь объѣзжаетъ побоище.

Розыски князя представляютъ *двѣнадцатый* вставной эпизодъ. Характеристика же великаго князя и разсказъ объ его мужествѣ цѣликомъ взяты изъ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть dospѣхъ его весь избить и язвенъ зѣло, на тѣлеси же его нигдѣ же смертныа раны обрѣтеся; а прежде всѣхъ сталъ на бой, на первомъ сступѣ, и въ лице съ татары много бился. И много ему глаголаша князи и воеводы его: господине княже, не ставися напреди битися, но ставися назади или на крилѣ или индѣ гдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ. Онъ же отвѣщеваше имъ глаголя: да како азъ възъглаголю кому что: подвизаемся, братіа,

крѣпко на врагы, а самъ стоя назади и лице свое крыя? не могу азъ сіе сотворити, еже таити и скривати себя, но хочу якоже словомъ, тако и дѣломъ преже всѣхъ самъ начати и преже всѣхъ главу свою положить за имя Христово и пречистыя Его Матере и за вѣру христьянскую и за все православное христіанство, да и прочіи, видѣвше мое дрзновеніе, и тѣи такоже да сотворять со многымъ усердіемъ. Да якоже рече, тако и сотвори, преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошую его оступиша татарове, аки вода, и много по главѣ его и по плещамъ его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостію своею... соблюде его отъ смерти... Князь великій же... брата своего князя Володимира Андрѣевича и прочіи князи и все воинство възвесели сладкими словесы и похвали ихъ и възвеличи, яко тако брашяся за православную вѣру и за все христіанство».

ш) Рѣчь великаго князя къ оставшемуся войску, похороны убитыхъ и счетъ выбывшимъ изъ строя. Счетъ ведетъ московскій бояринъ Михайло Александровичъ: изъ 400 тысячъ едва осталось сорокъ.

Это мѣсто является *заключеніемъ* разбираемой редакціи Сказанія, которая заканчивается слѣдующими словами:

«И паки рече самъ князь великій: буди вамъ всѣмъ, братіа и друзи, православніи христіане, пострадавшеи за православную вѣру и за все христіанство на полѣ Куликовѣ, вѣчнаа память, между Дона и Мечи, сіе убо вамъ мѣсто суженое Богомъ. Простите мя и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и помолитесь о насъ, вы бо увязостеся нетлѣнными вѣнцы отъ Христа Бога. Та же по семъ глагола князь великій Дмитрей Ивановичъ къ брату своему ко князю Володимеру Андрѣевичю: поидемъ, брате, на свою землю Загѣскую, ко славнѣйшему граду Москвѣ, и сядемъ на своемъ княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти и славы есмя себѣ укупили въ родъ и родъ».

Это заключеніе: счетъ войска и вышеприведенное обращеніе великаго князя къ своему брату представляетъ заимствованіе

изъ другого источника — позднѣйшей редакціи Писанія Софоніи. Изложеніе первой редакціи Сказанія, надо замѣтить, не пользуется Писаніемъ Софоніи (можно отмѣтить лишь одно мѣсто, повидимому, взятое изъ Повѣданія — картину выступленія въ походъ великаго князя: «и бѣ ему спреди солнце грѣаше, а ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣаше и дыхаше»). Поэтому присутствіе такой большой вставки изъ Повѣданія слѣдуетъ объяснять какой-то редакціонной поправкой.

Дѣйствительно, вслѣдъ за приведенной выдержкой, списки Никоновской лѣтописи, доселѣ согласные, представляютъ различіе. Последнее начинается, какъ разъ, вслѣдъ за рассказомъ о перечисленіи павшихъ. Группа списковъ безъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующую схему: рассказъ о видѣніи вѣнцовъ — вышеприведенное обращеніе великаго князя, взятое изъ Повѣданія — боязнь Олега передъ побѣдителями — *вторичное* приказаніе великаго князя: не касаться ничему въ рязанской землѣ — обратный походъ на Коломну — походъ въ Москву — къ Троицѣ — похвала великому князю («О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе!»...) — рассказъ о судьбѣ Мамаѣ.

Текстъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующія измѣненія приведенной схемы: вмѣсто рассказа о видѣніи вѣнцовъ помѣщенъ рассказъ о боязни Ягайла передъ побѣдителемъ великимъ княземъ, и — передъ вторичнымъ приказаніемъ не трогать земли рязанской, вставленъ рассказъ о бѣгствѣ Олега и челобитіе бояръ рязанскихъ «въ рядъ» великому князю. Если сюда прибавить то обстоятельство, что рассказъ объ обратномъ походѣ великаго князя въ Кострому, Москву и къ Троицѣ представляетъ сжатый пересказъ *всего* предыдущаго изложенія, то несомнѣнно надо заключить, что весь конецъ Сказанія первой редакціи претерпѣлъ значительныя измѣненія не только подъ перомъ редактора Свода, но, вѣроятно, и въ томъ еще сборникѣ, откуда былъ взятъ. Судя же по тому, что похвала великому князю и рассказъ о судьбѣ Мамаѣ встрѣчаются въ другихъ

редакціяхъ и составлены по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій, нужно думать, что они были и въ протографѣ. Передѣлка же послѣдняго допустила не только сжатое повтореніе предыдущаго изложенія, но и воспользовалась для иллюстраціи Повѣданіемъ. А послѣднимъ, именно, широко пользовались всѣ дальнѣйшія переработки Сказанія для украшающихъ дополненій.

Итакъ я думаю, что заключеніе основного текста первой редакціи состояло: изъ разсказа о погребеніи убитыхъ, упоминанія о приходѣ на Коломну, похвалы великому князю и разсказа о судьбѣ Мамаѣ.

Изъ разбора содержанія первой редакціи Сказанія вытекаетъ, что вся схема Лѣтописной Повѣсти (приведенная выше, во 2-й главѣ), цѣликомъ уложена въ новой повѣсти, причемъ сохранены первоначальная послѣдовательность плана и тожество большинства выраженій. Распространеніе же текста Сказанія основано, главнымъ образомъ, на указанныхъ вставныхъ эпизодахъ.

Прежде чѣмъ переходить къ разбору послѣднихъ, я долженъ указать на то, что между Лѣтописной Повѣстью и первой редакціей Сказанія находится, такъ сказать, соединительное звено — особаго вида Лѣтописная Повѣсть, выдѣленная мною изъ предыдущаго разбора. Сказаніе первой редакціи вышло не непосредственно изъ Лѣтописной Повѣсти знакомаго уже типа, а изъ ея особой обработки.

Я говорю о спискахъ Лѣтописной Повѣсти, находящихся въ лѣтописяхъ: Дубровскаго и Архивской Ростовской.

Архивская «Ростовская» лѣтопись находится въ сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 20/25, писаномъ скорописными почерками первой половины XVIII в. Текстъ и изслѣдованіе ея напечатаны акад. А. А. Шахматовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1904, кн. первая. Во время печатанія своего изслѣдованія, А. А. Шахматовъ познакомился съ особымъ

лѣтописнымъ сводомъ, принадлежавшимъ нѣкогда Дубровскому, а теперь находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F IV 238). Сводъ этотъ оказался въ ближайшей связи съ Архивскимъ сборникомъ, но гораздо древнѣе по времени: рукопись относится къ второй половинѣ XVI в.

Изъ разбора Архивскаго списка А. А. Шахматовъ выводитъ, что первая часть «Ростовской» лѣтописи (до 1480 г.) подверглась дополненію, причемъ составитель пользовался различными памятниками. Въ числѣ послѣднихъ, матеріаломъ для дополненія служили литовскія лѣтописи (особенно объ Ольгердѣ) и родословныя московскія книги. Причемъ все лишнее въ этой лѣтописи, противъ Воскресенской, восходитъ вмѣстѣ съ основнымъ ея текстомъ, общимъ съ Воскресенскою лѣтописью, къ одному общему первоисточнику — Московскому своду, доведенному до 1479 года.

Дубровскій же списокъ, по словамъ А. А. Шахматова, въ части до 1479 г., не тождественъ съ Ростовскою лѣтописью, хотя мѣстами очень съ нею схожъ. За то онъ «почти тождественъ въ части до 1448 года съ обычнымъ текстомъ Новгородской IV лѣтописи, ... но мѣстами дополненъ».

Приводя эти дополненія, А. А. Шахматовъ не касается разбора текста повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Для послѣдней имъ приведены дополненія, встрѣчающіеся лишь въ Архивскомъ текстѣ. Между тѣмъ дополненія по Дубровскому тексту, не только «тождественны» съ Архивскимъ, но, какъ сейчасъ будетъ видно, мѣстами полнѣе.

Изъ разбора указанныхъ лѣтописныхъ сводовъ, А. А. Шахматовъ выводитъ слѣдующія положенія:

1) Лѣтописный сводъ, носящій ошибочное названіе Ростовской лѣтописи, извѣстенъ только по Архивскому списку XVIII в.

2) Время и мѣсто составленія его — неизвѣстны.

3) Въ числѣ источниковъ у сводчика былъ Московскій сводъ, доведенный до 1479 г.

4) Этотъ сводъ принадлежалъ къ разряду сводовъ великокняжескихъ (не митрополичьихъ) и восходилъ къ болѣе древнему своду 1472 года, лежащему въ основаніи Воскресенской лѣтописи (отсюда сходство «Ростовской» и Воскресенской).

5) Списокъ Дубровскаго заключаетъ рядъ чтеній болѣе древнихъ и первоначальныхъ, чѣмъ «Ростовская» лѣтопись.

Во второй главѣ настоящаго изслѣдованія мною отмѣчено нѣсколько редакцій Лѣтописной Повѣсти для первой половины XV в. Разбираемая — должна принадлежать къ тому же времени, какъ и предыдущія, но она — позднѣйшая въ смыслѣ обработки текста.

Я отмѣчу всѣ разночтенія и дополненія Лѣтописной Повѣсти по списку Дубровскаго сравнительно съ текстомъ Новгородской IV.

Заглавіе Повѣсти по Дубровскому списку слѣдующее: «Того ж лѣт бысть побоище иж на Доноу князю великому Дмитрию Ивановичю что бился съ царемъ Мамаемъ на Доноу. Побоище безбожнаго царя Мамаю за Дономъ лѣт 7200пи». Начало: «Приде изъ Орды ординскіи князь Мамай со единомысленники своими и со всеми прочими князи ординскими»...

Въ общемъ текстъ сходенъ съ текстомъ Новгородской IV, вѣрнѣе — съ Воскресенской, потому что, какъ было указано выше, Воскресенская всюду замѣняетъ выраженія: «нашъ князь», «великій князь Дмитрій» — официальнымъ: «великій князь Дмитрій Ивановичъ», то же находимъ и въ Дубровскомъ текстѣ. Перехожу къ сопоставленію текстовъ:

Новгородская IV.

Лѣтопись Дубровскаго.

...еще къ тому рати понаимовавъ...

...рати — *нѣтъ*.

...Литовскій Ягайло...

...Литовскіи князь Ягайло...

...къ лстивому сотоньщику, дьяволю свѣтнику...

...ко лстивому совѣтнику дѣаволю...

...а кровь прольяти. Враже
измѣнниче Олже!...

...а кровь прольяти, стати
ему у Окѣ на бреze с тремо-
главными зверми сыродцы и
кровопроливцы хрестиянскими.
О враже изменниче...

Въ «Ростовской» лѣтописи
этого мѣста *нѣтъ*.

...идеть на тебе Ягайло съ
всею силою своею. Дмитрій же
князь се слыша не веселую ту
годину, что идутъ на него вся
царствія, творящей безаконіе,
а глаголюще: «еще наша рука
высока есть», иде къ сборнѣй
церкви...

...съ всею силою своею,
аркущи еще рука наша высока.
Се ж слышав князь... иде...
Здѣсь *случайный* пропускъ
противъ чтенія Новгородской
IV, зависящій отъ переписчика.

...«въ той чинѣ рагозный»...
...гнѣвываясь съ всѣмъ своимъ
царствомъ...
...свѣтника Литовскаго...

...«въ той чинъ разныхъ»...
...всею своимъ гнѣвомъ и
царствомъ...
...совѣтника Ягайла Литов-
скаго...

...иде къ Пречистѣй и къ
епископу...

...Пречистѣй и помолися во
церкви святыя Богородица и
ко епископу...

...и въ Володимѣрѣ и въ
всѣхъ градѣхъ...

...Володимѣре и в Ростовѣ
и во всехъ князей русскихъ, что...

...въ высокихъ: Рахиль...

в высокихъ ха Рахиль...

...зрящи бо чадъ своихъ...

...зряще убо ихъ...

...(умножишася врази на-
ши)... Литва и Рязанци. Ма-
май же...

...(рязанци): не хотяху ити
за Дон. Мамай...

...рождества Царицы Мате-
ри...

...Царицы Марьи Матери...

...мгла не бо была того
отъ утра...

...и мгла была того утра...

... (Князю же перешедшу) ... (Непрядвы). И став ту на усть Непрядвы. Господь князь велики по достоянню Богъ единъ вождаше его...

полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣй вѣре самобратныя князь Ондрѣи и Дмитрей Олгердовичи да боярин и воевода Микула Василевич да князь Ѳеодор Романович Белозерскіи. А у себя же имѣяше князь великий Дмитрей в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню да боярина ж своего и воеводу Михайла Брянка да князя Ивана Василевича Смоленского. А в правой рукѣ воеводы учини князя Андрѣя Фодоровича Ростовского да Ѳедора Грунку да князя Ондрѣя Ѳеодоровича Стародубскаго, в лѣвой рукѣ воеводы учини князя Василевича Ярославского да Лва Морозова да князя Ѳедора Михайловича Моложскаго, в сторожевомъ полку тогда воеводы учини Михайла Иванова сына Окинеовича да князя Семена Костянтиновича Оболенского да брата его князя Ивана Поружскаго да Андрѣя Серкиза, иныя ж свои полки многи разрядив и воеводы учини. В западномъ же

полку в дубравах утаив благо-
роднаго и храбраго брата сво-
его князя Владимира Андрѣе-
вича да с нимъ нѣкоего мужа
мудра и храбра, Дмитрия Ми-
хайловича Воынца да князя
Романа Михайловича Брянского
да князя Василя Михайловича
Капинского да князя Романо-
вича Новосилского, исполчився
подоша противу. Се бе Гос-
подь Богъ единъ вождаше...

...полци противу крестьянъ,
и ту срѣтошася...

...(крестьянъ), бѣ ж обоих
многое множество (и ту срѣто-
шася)...

...съ татарскими, самъ же
великій князь наѣха...

...Самъ ж князь великій
Дмитрей Иванович восхоте на-
перед подвизатис увидѣвъ окоян-
ныя полки татарския наѣха...

...отѣха... въ великій
полкъ...

...(полкъ), но воеводы удер-
жала его не даша ему наперед
своим полком битис...

...сему великому князю всея
Руси. Бьющимъ...

...(Руси). И в те ж поры
хотяше князь Владимир Ан-
дрѣевич своимъ полкомъ удари-
тис на Агаряны, но Дмитрей
Воынецъ глаголаше ему: по-
жди мало, господине, како бу-
детъ время, понеж бѣ еще
мудръ и храбръ и искусен мно-
гажды ратному чину. Бю-
щем...

...искаше побѣдити. И ре-
че...

...(побѣдити), и за мал час
знамян болших не подсекоша,

а самого ж великого князя велими язвиша и с коня збиша. При частѣ же девятомъ глаголаше Волынецъ князю Владимиру Андреевичю: время ти, господине княже. И тогда потаенны полкъ, благородныи храбрыи брат великого князя Владимира Андрѣевича съ своими полки удари на татары, и бысть сѣча велика, яко и земли двизатис, а Дон река кровю протече, а главы, аки камене ваяхус в дуброве. И рече...

...Москвичь...

...Москвичи...

...Михаилъ; двои воеводы...

...(Михаилъ). Тако ж и погани видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно. Двои воеводы...

...падаху. И възнесе Богъ нашего князя...

...(падаху). И тако вскоре погибоша поганни. И възнесе Богъ десницу нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси...

Этотъ титулъ, несомнѣнно, *позднѣйшаго происхожденія*.

...(его)... князи побѣгоша...

...князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша...

Это — *интерполяция*: литовской силы — не было, объ этомъ говорить раньше сама Повѣсть.

...Видѣвше крестьяне, яко Татарове съ Мамаемъ побѣгоша...

...и вся имѣнія ихъ Содомьская. Тогда же...

...видев же то князь Владимир и иные многие воеводы, яко Татаровѣ с Мамаемъ...

... (Содомьская). И тамо бежащихъ безчисленное множество погибоша, тогда жъ бѣ и Руси избито множество. И тогда жъ возрадовашеся радостию великою благородныи храбрыи князь Владимир Ондреевичъ о побезеніи Агарян. И воставъ, повѣле на костехъ трубити собранными трубами и не обретосъ тогда в собрании самъ благородныи и великии князь Дмитрей Ивановичъ. И оскорбеся тогда благородныи князь Владимитриимеръ (sic) Андреевичъ и с нимъ оставшии вои его. И повеле князь Владимир искати великого князя в трупии жива или умерша и глаголя: аще кто найдетъ первоначалника нашему спасению, сей первыйи будетъ. И разидошасъ полцы по дубравамъ и начаша искати великого князя. И нѣкто отъ благородныхъ храбрыхъ воинъ, костромичи родомъ, а быша в полку у воеводы Ивана Родионовича — Феодоръ Сабуръ, да Григорѣи Холопищевъ, наидоша великого князя в дуброве подъ сѣченнымъ древомъ, велии язвена

лежаще. Падше, повѣдаша ему, яко побежени быша Агаряне, милостию вседержителя Бога и твоимъ благороднымъ подвигомъ. И тогда придоша к нему брат его князь Владимир Андрѣевич и вси вои его, падше предъ нимъ и повѣдаша ему побегъ Агарян. И тогда благородный и великий князь Дмитрій Ивановичъ встав и воиде (sic) брата своего князя Владимира и все воинство свое здраво, а погани побегеніи и возрадовасъ духомъ зело, глаголя: Слава тебѣ, Господи Вседержителю, Боже и Творче всяческихъ, яко сотвори еси намъ сие по велице милости твоеи и не попусти врагомъ нашимъ в конецъ одолѣти за наша согрѣшения и помилова нас по велицеи своей милости. Тогда целовавъ брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ѣздити по побоищу. И наѣха тогда убитыхъ воеводъ своихъ на побоищи. Тогда ж...

... Михайло, Иванъ сыны
Акинфовичи...

... Левъ Мозыревъ...

... ихъ же имена...

... Михайло Ивановъ сыны
Окинфовичъ...

... Левъ Морозовъ...

... ихъ же имена писана суть
въ книгахъ животныхъ, здѣ же
не всѣхъ писахъ избѣенныхъ имена,

только написах князей, бояръ и воевод...

... побьени быша. Самому ... (быша). А поганных же...

Агарян избитых не бѣ числа, по дубровомъ главы, аки камене, валяшес. А самому...

... а не яко при нынешнихъ временехъ Литва — поругаются...

Нѣтъ (какъ и въ Воскресенской).

... сію бесѣду...

... сію побѣду...

... такову на поганыхъ побѣду — избавльшему...

Случайный *пропускъ* этого мѣста.

... И Ярославу...

... Ярославу Володимировичю...

... Повѣдаша князю великому, что князь Олег...

... Слышав же князь велики, что князь Олег...

Приведенная параллель показываетъ, что, помимо разночтеній, въ сущности незначительныхъ, зависящихъ или отъ переписки или отъ желанія пояснить кратко выраженную мысль, лѣтопись по тексту Дубровскаго представляетъ три значительныя вставки. Въ первой идетъ рѣчь объ уряженіи полковъ, перечисляются воеводы, командовавшіе различными частями и, главное, указывается на помѣщеніе въ засадѣ отдѣльнаго корпуса, подъ начальствомъ князя Владимира Андреевича, Дмитрія Михайловича Волынца и князей: Романа Брянскаго, Василя Кашинскаго и Романа Новосильскаго. Въ Лѣтописной Повѣсти только указывается на уряженіе полковъ, безъ перечисленія воеводъ и указанія, какое кто занималъ мѣсто. Лѣтопись Дубровскаго, наоборотъ, чрезвычайно подробно исчисляетъ имена воеводъ, подробнѣй и стройнѣе, чѣмъ это мѣсто въ разбираемой редакціи Сказанія. Въ этомъ случаѣ чувствуется несомнѣнное вліяніе московскихъ родословныхъ книгъ, — источника, указаннаго А. А. Шахматовымъ. Сказаніе, сохраняя, какъ сказано,

подлинныя выраженія Лѣтописной Повѣсти, пользуется въ этомъ мѣстѣ изложеніемъ, тождественнымъ тексту Дубровскаго.

Вторая вставка рассказываетъ о роли засаднаго полка. О немъ нѣтъ упоминанія въ Лѣтописной Повѣсти, между тѣмъ и Повѣданіе, какъ я говорилъ, указывало на два момента боя. Сказаніе 1 редакціи, говоря о стояніи въ засадѣ — скорби воиновъ, видящихъ побиваемыхъ братьевъ — выѣздѣ засаднаго полка, рѣшающаго битву, близко держится текста лѣтописи Дубровскаго.

Наконецъ въ третьей вставкѣ говорится о розыскахъ великаго князя по приказанію побѣдителя — князя Владимира Андреевича. Этого мѣста снова нѣтъ въ Лѣтописной Повѣсти, но оно логически вытекаетъ изъ повѣствованія. Лѣтописная Повѣсть глухо указывала лишь на то, что великій князь былъ раненъ. При сопоставленіи этого свидѣтельства съ новымъ указаніемъ на то, что побѣда была одержана благодаря стратегическому маневру — засадѣ, естественно долженъ былъ явиться рассказъ о томъ, что собравшіеся воины не сразу нашли великаго князя — «побѣды побѣдителя».

Текстъ Повѣсти по лѣтописи Дубровскаго въ остальномъ, повторяю, сходенъ съ Лѣтописной Повѣстью. Указанныя вставки понадобились для пополненія существеннаго пробѣла: предыдущими редакціями Повѣсти не были использованы всѣ событія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ описываемую битву.

Сказаніе 1 редакціи, такимъ образомъ, пользуется тѣмъ видомъ Лѣтописной Повѣсти, гдѣ историческая канва изложена наиболѣе полно.

2) *Вставные эпизоды первой редакціи.*

Теперь перейду къ разсмотрѣнію вставныхъ эпизодовъ разбираемой редакціи.

При изложеніи схемы Сказанія я отмѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды представляютъ развитіе кратко выраженной мысли Лѣтописной Повѣсти. Таковы:

1) Грамоты, которыми обмѣниваются союзники. Онѣ составлены по образцу распространенныхъ официальныхъ бумагъ для того, чтобы яснѣе отгѣнить отношеніе союзниковъ къ Мамаю, опасность, которая грозитъ великому князю и, наконецъ — гордость и скудоуміе враговъ, разбивающіяся о христіанскую кротость Дмитрія.

2) Эпизоды о посланіи 1, 2 и 3 стражи, представляютъ, какъ указано, иллюстрацію къ замѣткѣ Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь выступилъ въ походъ, «перенмая вѣсти отъ поганныхъ». Въ сущности эти рассказы не носятъ характера развитаго литературнаго изложенія: все сводится къ простому перечисленію посланныхъ на стражу воиновъ.

3) Рассказъ о чудесномъ видѣніи Оомы Капыбѣева представляетъ риторическое дополненіе къ рассказу о чудѣ «въ девятый часъ», находящемуся въ Лѣтописной Повѣсти. (О видѣніи Василія Капицы и Семена Онтонова я скажу ниже).

4) Рассказъ о вооруженіи Бренка въ великокняжескіе доспѣхи представляетъ развитіе замѣтки Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь бился, какъ простой воинъ, и что передъ битвой «величїи его воеводы облачишася во одежды мѣстныя». Объ имени же Михаила Бренка Лѣтописная Повѣсть упоминаетъ. Сказаніе и въ данномъ случаѣ имѣетъ цѣлью — отгѣнить смиренномудріе великаго князя, хотя, изъ контекста, поступокъ великаго князя выходитъ скорѣе похожимъ на трусость.

5) Рассказъ о смущеніи Олега (равно и объ остановкѣ Ягайла съ войскомъ въ Одоевѣ) явился потому, что и Лѣтописная Повѣсть говоритъ о страхѣ Ягайла передъ великимъ княземъ.

6) Наконецъ, только что указанные два эпизода: о роли засаднаго полка и логически связанный съ нимъ — о розыскахъ великаго князя, взяты изъ Лѣтописной Повѣсти позднѣйшей редакціи почти цѣликомъ.

Такимъ образомъ изъ перечисленныхъ при изложеніи схемы *дѣнадцати* вставныхъ эпизодовъ — восемь представляютъ развитіе того, что въ зародышѣ находилось въ Лѣтописной Повѣсти. Протографъ первой редакціи Сказанія, очевидно, представлялъ Лѣтописную Повѣсть, распространенную указанными восемью вставками.

Относящимся къ протографу, (но не встрѣчающимся въ Лѣтописной Повѣсти всѣхъ редакцій), я счелъ бы эпизодъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Этотъ воевода изображается Лѣтописной Повѣстью какъ бы главнымъ руководителемъ за-сады. Онъ въ значительной степени помогаетъ Владимиру своими совѣтами. Дмитрій Волынецъ удерживаетъ стремящееся на непріятеля русское войско, выжидая наиболѣе удобнаго времени. Для характеристики этого воеводы, не только какъ храбраго воина, но и человѣка, обладающаго особенными свѣдѣніями, въ Сказаніе и былъ вставленъ цѣлый рассказъ о его примѣтахъ. Не находя себѣ соответствія въ Повѣданіи, рассказъ этотъ, однако, по тону приближается къ поэтическому изложенію.

Когда потухла заря и наступила ночь — канунъ достопамятной битвы, Дмитрій Боброковъ, Волынецъ, «воевода нарочитъ и полководецъ изященъ и удалъ зѣло», пригласилъ въ поле съ собою одного только великаго князя. Тамъ стали они между своей и татарской ратью, и Волынецъ рассказалъ великому князю свои примѣты.

Примѣты эти слѣдующія:

1) на добро: предвѣщаетъ избіеніе непріятелей: «Кличъ и стукъ велій, аки торжища снимаются, и аки грады зиждуше, и яко трубы гласятъ... волцы выюще страшно велми... во птицахъ трепеть велій, кричаще и крылами біюще, и враны грающе, и орлы клегчюще... птицамъ бысть битва и драгіе веліе», — на непріятельской сторонѣ.

«Тишина... точію отъ множества огневъ снимахуся зари», — на русской.

2) на скорбь: побѣда достанется тяжелой цѣной: «Припадахъ
(11*)

(слова Боброка) убо ухомъ на землю и слышахъ землю плачущу надвое, горко зѣло и страшно; едина убо страна, аки нѣкаа жена напрасно плачущи, дерзающи и кричящи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ, бьющися и слезы изливающи, аки рѣки; а другая страна земли, аки нѣкаа дѣвица плачущи и воплющи, аки свирѣлымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и въ печали велицѣхъ.

Крикъ птицъ и звѣрей, понимаемый какъ предзнаменованіе, встрѣчается еще въ Словѣ о полку Игоревѣ, откуда онъ перешелъ въ Повѣданіе, а затѣмъ, какъ формула, — и въ другіе памятники. Звеномъ въ послѣдовательномъ измѣненіи этой формулы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ первой примѣтѣ Воыинца, является слѣдующее мѣсто Ипатьевской л., подъ 1249 г.: «Не дошедшимъ воемъ рѣкы Сяну, сосѣднимъ же на поли вооружитися, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболочу велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъшущимъ и плавающимъ криломы своими и восприметающимъ на воздусѣ, яко же иногда же и николи же не бѣ. *И се знаменіе не на добро бысть*» ¹⁾).

Примѣты Дмитрія Воыинца, роль засаднаго полка и розыски великаго князя послѣ битвы находятся, какъ эпизоды, въ связи между собою. Центральной фигурой является здѣсь князь Владимиръ Андрѣевичъ: Воыинецъ, показывавшій *одному* великому князю примѣты, тѣмъ не менѣе состоитъ въ войскѣ князя Владимира; послѣдній вмѣстѣ съ Воыинцемъ предводительствуютъ засаднымъ полкомъ, рѣшающимъ бой въ самую тяжелую минуту для русскаго воинства; за отсутствіемъ великаго князя, Владимиръ — центръ, къ которому стекаются побѣдители; онъ, наконецъ, — объявляетъ великому князю о славной побѣдѣ.

---

1) См. объ этомъ также въ статьѣ А. Орлова «Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей». (Чтенія 1902 и отдѣльно, стр. 36—37).

Такимъ образомъ Лѣтописная Повѣсть въ послѣдующемъ развитіи была распространена первоначально на счетъ разобранныхъ дополненій. Редакціонная обработка стремилась въ этомъ случаѣ во первыхъ—къ достиженію бѣльшей картинности и наглядности, развивая въ цѣлые эпизоды схематическіе наброски оригинала; во вторыхъ—къ тенденціозному выставленію великаго князя смиреннымъ христіаниномъ и въ то же время—борцомъ за родную землю: сила духа противопоставляется неразумной физической силѣ; наконецъ, въ третьихъ—рядомъ съ великимъ княземъ выдвинуть двоюродный братъ его, дѣлившій славу побѣдителя на Куликовомъ полѣ.

Такую распространенную Повѣсть я и считаю протографомъ Сказанія первой редакціи. Этотъ протографъ не дошелъ въ первоначальномъ видѣ, но съ нимъ, несомнѣнно приходится считаться, какъ съ первой ступенью литературной исторіи Сказанія.

Перечисленные девять эпизодовъ, какъ было указано, органически связаны съ общимъ повѣствованіемъ и не представляютъ самостоятельныхъ разсказовъ.

Но совершенно иной характеръ носятъ послѣдніе три вставочныхъ эпизода, именно:

1) Разговоръ великаго князя съ Кипріаномъ (дважды въ разбираемой редакціи).

2) Посѣщеніе великимъ княземъ обители преп. Сергія.

3) Единоборство инока Пересвѣта и татарскаго богатыря.

Эти эпизоды, въ свою очередь, представляютъ нѣчто цѣлое и связаны между собою одной идеей, дающей тонъ всей первой редакціи Сказанія.

Первый изъ перечисленныхъ эпизодовъ подчеркиваетъ эту особенность первой редакціи, проходящую красной нитью черезъ все изложеніе, именно—*поставленіе личности митрополита Кипріана на первое мѣсто*. Я останавлиюсь на этомъ вопросѣ подробнѣй.

Е. Голубинскій, авторъ Исторіи Церкви, основываясь на другихъ лѣтописяхъ, утверждаетъ, что Кипріанъ прибылъ въ

Москву 23 мая 1381 г., и что повѣсть о Куликовской битвѣ по Никоновской лѣт. (т. е. — Сказаніе), относя время прибытія Кипріяна къ 3 мая 1380 г., т. е. до битвы, говоритъ неправду. Я не возражаю противъ этого положенія, но послѣдняя дата принадлежитъ не одному только Сказанію. Въ той же Никоновской лѣт., подъ 1378 г., находится описаніе торжественнаго прихода митрополита Кипріяна въ Москву: «И приде Кипріанъ изъ Кіева на Москву въ четвертокъ 6 недѣли по Пасцѣ, еже есть въ самый праздникъ Възнесенія Христова *въ мѣсто 6888*. И начаша звонити во вся колоколы, и снидошася людіе, и стечеса народъ многъ, и отвсюду пріидоша архимандриты, и игумены, и священники, и иноцы; и многу звоненію бывшу, и подвижеса весь градъ, съ женами и з дѣтми, и со младенцы, и сосущими млеко, изыдоша во срѣтеніе далече изъ града. И князь великій самъ срѣте его далече отъ града, з дѣтми своими и со всѣми бояры, съ великою честію и со многою любовію и съ вѣрою и смиреніемъ».

Это описаніе могло вылиться только изъ подъ пера близкаго сторонника Кипріяна. При этомъ событіе 1380 г. поставлено редакторомъ свода подъ 1378 г. не по ошибкѣ, а съ извѣстнымъ намѣреніемъ — описать приходъ Кипріяна *ранѣе* событія 8 сентября 1380 года и тѣмъ заставить его принять активное участіе въ такомъ важномъ подвигѣ всей Руси, какъ Куликовская битва.

Въ приведенной выдержкѣ изъ Никоновской лѣтописи замѣчается восхваленіе Кипріяна: описаніе пышно и панегирично. Въ Сказаніи панегирикъ Кипріяну доведенъ до крайней степени выраженія. Великій князь Дмитрій въ Сказаніи изображается смиреннымъ «сыномъ», не имѣющимъ личной инициативы и слѣдующимъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ совѣтамъ «отца своего» Кипріяна. Дважды великій князь обращается къ митрополиту при полученіи извѣстій о враждебныхъ намѣреніяхъ союзниковъ; Захарія Тютчевъ отправленъ къ Мамаю съ дарами — по совѣту Кипріяна; вооруженное сопротивленіе татарамъ великій

князь рѣшается оказать только потому, что это велѣлъ Кипріанъ; воеводы на Москвѣ остаются у «отца его Кипріана». Передъ битвой великій князь поручаетъ себя молитвамъ чюдотворца Петра, преподобнаго Сергія и «великаго святителя Кипріана»; только одному митрополиту великій князь рассказываетъ о посѣщеніи обители преп. Сергія и о предреченіи старца; передъ Кипріаномъ, наконецъ, великій князь плачется о грѣхахъ своихъ и выслушиваетъ отъ митрополита утѣшеніе и поученіе. Слова и поученія Кипріана въ Сказаніи первой редакціи всегда пространны и отличаются риторикой, въ стилѣ, современномъ Кипріану. При возвращеніи великаго князя съ битвы, напримѣръ, Кипріанъ произноситъ такое привѣтствіе побѣдителю: «Како же тебѣ прославимъ, господине мой, возлюбленный о Христѣ сыну, великій княже Дмитрій Ивановичъ, новый Константине, славный Владимере, дивный Ярославе, чюдный Александре! Кое ти благодареніе и честь и славу въздадимъ, яко толико подвизася и трудися за все православное христіанство».

По всей повѣсти приведены такимъ образомъ эта покорность и смиреніе великаго князя передъ главою церкви, ихъ болѣе чѣмъ дружественныя отношенія и, наконецъ — величіе и обаяніе личности митрополита ¹⁾. Между тѣмъ на дѣлѣ было иное.

Отношенія великаго князя къ митрополиту были не только не дружескими, но даже непріязненными. Великій князь намѣтилъ кандидатомъ на митрополичью кафедру нѣкоего Михаила, архимандрита Спасскаго, или, какъ его зоветъ лѣтопись, — Митяя. Конкуррентами Митяю, вопреки желанію великаго князя, явились Пимень и Кипріанъ. Оба домогались кафедры далеко не-

---

1) Неизвѣстно поэтому, почему Е. Голубинскій (Ист. Церкви II, прим. на 356 стр.) увѣряетъ, что «Кипріанъ не оставилъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ ея кругу, особенно почитаемой памяти». Наоборотъ — судя по лѣтописному изложенію, у него могли быть сторонники какъ разъ «изъ высшего круга».

легальными путями. Когда же Пимень, по смерти Митяя, по всѣмъ видимостямъ, насильственной, былъ поставленъ за деньги въ Царьградѣ митрополитомъ на Русь и хотѣлъ было уже ѣхать въ Москву, то великій князь, окончательно выведенный изъ себя подобной безцеремонностью (Пимень ѣздилъ, чтобы только сопровождать Митяя въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты), рѣшилъ не принимать Пимена въ Москву. Но митрополита не было, и великій князь принужденъ былъ волей неволей пригласить Кипріяна, хотя его лично не любилъ. Однако съ нимъ великій князь долго не ужился, въ 1381 году Кипріянь временно покинулъ московскую кафедру¹⁾.

Михаила-Митяя не желало видѣть на митрополичьемъ мѣстѣ только духовенство, — священники и монахи, вопреки желанію великаго князя и бояръ. (Исторія Церкви, II, стр. 243). Нужно думать, что партійное разногласіе было очень сильно, почему вопросъ о Митяѣ не обойдется молчаніемъ и въ Никоновскомъ сводѣ. Замѣчательно, что Кипріянь всюду старательно обѣляется, а сама исторія о Митяѣ въ Никоновской лѣтописи рассказана *четыре раза*.

Подъ 1378 г. помѣщена большая «Повѣсть о Митяи», гдѣ послѣдній выставляется въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Вторично о немъ упоминается подъ 1379 г., съ ссылкой на предыдущую повѣсть. Авторъ замѣтки заключаетъ свой рассказъ о болѣзни и смерти Митяя сужденіемъ не только въ отрицательномъ тонѣ по отношенію къ Митяю, но даже не безъ ироніи по адресу самого великаго князя: «И се збысться писанное: ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу; понеже князь велики Дмитрей Ивановичъ хотяше, а Митяй течаше, оба тщахуся едино дѣло сътворити, и ничтоже успѣша, Богу не хотящу, ими же судбами вѣсть Той единъ».

---

1) Замѣшательства на митрополичьей кафедрѣ и исторія съ Митяемъ подробно и обстоятельно изложены Е. Голубинскимъ въ первой половинѣ II тома Исторіи церкви: Дѣнадцатилѣтнія замѣшательства на кафедрѣ митрополіи послѣ кончины св. Алексія.

Третій разъ о Митяѣ говорится уже въ Сказаніи. Эта вставка находится только въ разбираемой редакціи и не имѣетъ связи съ общимъ ходомъ разсказа, почему я выше и не включилъ ея въ схему. Тонъ разсказа — болѣе спокойный, но одинаково неблагопріятный къ Митяю и Пимену — конкуррентамъ Кипріана. Разсказъ этотъ оканчивается сообщеніемъ о посылкѣ игумена симоновскаго Феодора въ Кіевъ — звать Кипріана въ Москву, съ приглашеніемъ «съ великою честію» на митрополичью кафедру, куда онъ и явился 3 мая 1380 года. (Здѣсь второй разъ — послѣ разсказа 1378 г., указывается время прихода Кипріана, на которое ссылается Е. Голубинскій).

Наконецъ — четвертый разъ о Митяѣ, опять въ тонѣ для него рѣзкомъ и неблагопріятномъ, упоминается въ житіи преп. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г., въ главѣ: «О понуженіи святого въ митрополиты». Выраженія въ разсказѣ цѣликомъ взяты изъ пространной повѣсти о Митяѣ. Отрицательное отношеніе къ Митяю доходитъ даже до утвержденія, что Митяй разболѣлся и умеръ «по пророчеству преподобнаго игумена Сергія».

Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія! Вставить въ одинъ сводъ четыре однообразныхъ разсказа, притомъ одинаково окрашенныхъ, могъ только человекъ партійный, сторонникъ Кипріана. Надо замѣтить, что въ другихъ лѣтописяхъ извѣстія о Митяѣ написаны въ тонѣ вполне ему благопріятномъ. Составитель разбираемаго свода, очевидно, лично зналъ Кипріана или принадлежалъ къ его канцеляріи, гдѣ, можетъ быть, пользовался записками митрополита и имѣлъ, во всякомъ случаѣ, намѣреніе — прославить память Кипріана въ потомствѣ.

Помѣщеніе разсказа о Митяѣ въ Сказаніе и въ Житіе Сергія принадлежитъ именно этому составителю свода. Я говорилъ, что въ Сказаніи личность Кипріана рисуется въ возможно болѣе привлекательномъ видѣ, въ роли наставника великаго князя. Мною указано также, что въ Сказаніе вставленъ редакторомъ съ этой цѣлью эпизодъ: разговоръ Кипріана съ великимъ

княземъ, получившимъ только что извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Утѣшая великаго князя, митрополитъ въ видѣ примѣра ссылается на отношенія Василя Кесарійскаго къ Юліану. Для выясненія характера этой вставки и вообще вліянія составителя свода на разбираемую редакцію Сказанія, я сравню это мѣсто съ соответствующимъ въ Житіи пр. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г.

Указываются двѣ редакціи Житія пр. Сергія: древнѣйшая, написанная его ученикомъ Епифаніемъ Премудрымъ въ 1417—1418 гг., пространная, и — болѣе позднее сокращеніе предыдущей, сдѣланное Пахоміемъ Логофетомъ не ранѣе 1440 года. Епифаніева редакція находится подъ 25 сентября въ Макарьевскихъ Четыхъ-Минейхъ и, кромѣ того — издана отдѣльно; Пахоміево сокращеніе помѣщено въ тѣхъ же Четыхъ-Минейхъ.

Е. Голубинскій ¹⁾ говоритъ, что въ Никоновской л. читается сокращенное извлеченіе изъ Епифаніева житія пр. Сергія, сдѣланное, какъ нужно думать, по подлинной редакціи самого Епифанія (примѣчаніе на 79 стр.). Странно, что историкъ нигдѣ не считаетъ текстъ Никоновскаго житія отдѣльной редакціей, хотя уже по одному, что онъ является особымъ *сокращеніемъ* основного, его слѣдовало бы счесть за отдѣльную редакцію. Но еще страннѣе, какъ Е. Голубинскій могъ проглядѣть то обстоятельство, что Никоновское житіе и по составу своему отличается отъ указанныхъ двухъ редакцій. Кромѣ того, какъ я сейчасъ укажу, эта редакція находится въ тѣсной связи съ разбираемой редакціей Сказанія.

Житіе по Никоновскому тексту, какъ сказано, представляетъ не одно сокращеніе Епифаніева изложенія. Въ главѣ «О съставленіи монастыря на Симановѣ», напримѣръ, рассказъ вполнѣ отличается отъ изложенія Епифанія. «Сокращенность» скорѣе

---

1) Преп. Сергій Рахонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Серг. Посадъ 1892.

приложима къ редакціи Епифанія, гдѣ эта глава кончается словами: «Сіа же до здѣ съкратимъ о Симоновской обители; подобающее же да приложится здѣ». А въ Никоновскомъ текстѣ продолжается разсказъ о ростовскихъ епископахъ.

Указанной выше вставки о Митяѣ — *нѣтъ* въ текстѣ житія Епифанія; слѣдовательно она принадлежитъ составителю свода, включившаго житіе въ свою компиляцію.

Наконецъ — въ главѣ «О построеніи монастыря на Дубенкѣ» текстъ не только отличенъ отъ Епифаніева текста, но оба разсказа *не имѣютъ ничего общаго между собою*. Въ житіи по Никоновской редакціи *отсутствуютъ вовсе*: разсказъ о приходѣ борзоходца къ великому князю и описаніе самой битвы¹⁾. Въмѣсто нихъ помѣщенъ пространный разговоръ великаго князя съ преп. Сергіемъ, въ результатѣ котораго преподобный даетъ великому князю «оружниковъ», иноковъ — Пересвѣта и Ослябю.

Это мѣсто житія имѣетъ непосредственную связь съ Сказаніемъ:

Житіе Сергія

(Никоновская, стр. 144—145,
11 тома П. С. Р. Л.).

Сказаніе

(ibid. стр. 50—51)

По времени же нѣкоемъ (великій князь)... иде ко прииде князь велики Дмитрей отцу своему Купріану митропо-Ивановичъ къ преподобному литу всея Руси и рече ему: Сергію въ монастырь и рече неложно, отче, грядетъ на насъ ему: вѣси ли, отче, велика мя нечестивый Мамай съ яростію скорбь обдержитъ и печаль, и во мнозѣхъ силѣхъ. всему христіанству скорбь; слышахомъ, что Мамай ординскій князь подвиже всю Орду безбожныхъ татаръ, и идутъ на

1) Разбирая Лѣтописную Повѣсть о Мамаевомъ побѣдѣ, я указалъ на то, что описаніе битвы съ Мамаемъ, помѣщенное въ главѣ о поставленіи монастыря на Дубенкѣ заимствовано Епифаніемъ изъ Лѣтописной Повѣсти.

мою отчину, на рускую землю,
хотя разорити святыя церкви
и погубити наше христьянство;
тѣмъ же, отче святыи, помоли
Бога о нашемъ христьянствѣ,
да избавитъ насъ Богъ отъ та-
ковыхъ бѣды.

Онъ же рече: господине кня-
же, тебѣ подобаетъ о своемъ
стадѣ пещися и стояти крѣпко
и душу свою положить и кровь
свою изліати въ Христовъ об-
разъ, якоже Христосъ о насъ
кровь свою изліа и душу свою
положи; и ты, господине, поиди
противу ихъ и съ истинною, и
съ правдою, и съ покореніемъ,
яко же пошла твоя дръжить;
покорятися ординскому царю
должно, тако бо и великій Ва-
сильей нечестиваго царя Уल्या
ярящася возхотѣ дары съ
смирениемъ утолити, и видѣ Го-
сподь смиреніе святаго Василія
и низложивъ нечестиваго царя
Уल्या, съмерти предаде; та-
коже и писано есть: аще убо
таковіи врази хотятъ отъ насъ
чести и славы, дадимъ имъ, аще
имѣнія и злата и сребра хотятъ,
даждь имъ, за имя же Христово
и за православную вѣру душу
свою положить и кровь свою
проліати подобаетъ; и ты, гос-

(Кипріанъ отвѣчаетъ):

...вамъ подобаетъ право-
славнымъ княземъ тѣхъ нече-
стивыхъ дарми утолити... Тако
же случися великому Василию
въ Кесаріи, егда злый отступ-
никъ Улянь царь, идый на
Персы и хотѣ разорити градъ
его Кесарію... видѣ же Гос-
подь несиमितелное сердце
Уліаново и посла на него воина
своего святаго Меркурія... и
такъ убіенъ бысть окаанный
Уліанъ царь Божіею силою...
Такъ убо повелѣ Господь мудрѣ
устроить и исправляти: аще бо
стяжанія, и имѣнія, и злата, и
сребра ищутъ гонящии, дадите
имъ, елико имате, аще ли чести
и славы хотятъ, дадите имъ;
аще ли вѣру вашу отъяти хо-
тятъ, стойте крѣпко за сіе и
сохраняйте всякимъ опасеніемъ.
И ты убо, господине, елико мо-
жеши собрати злата и сребра,
посли къ нему и исправися къ
нему и укроти ярость его.

подише, честь имъ даждь, и злато и сребро даждь, а чрезъ то еще имуть ратовати насъ, не попуститъ имъ Богъ, но уповаемъ на Бога и на пречистую Богородицу, яко ты побѣдiti имаша ихъ и здравъ возвратиши ся воинствы своими, и прославить Господь Богъ имя твое въ родъ и родъ.

И даде ему изъ монастыря своего, изъ братьи своеа, два инока, Пересвѣта и Ослебѣ, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще же и силу имущихъ и удалство веліе и смѣлство.

(Ibid. стр. 53, пророчество Сергія):

Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославить тя.

И нача просити у него князь великій Пересвѣта и Ослебѣ, мужества ихъ ради и полки умѣюща рядити, глаголя сице: отче, даждь ми два воина отъ своего полку чернечскаго, дву братьевъ — Пересвѣта да Ослебѣ. Сіи бо суть вѣдоми всѣмъ ратници величїи и богатыри крѣпци и смыслени зѣло къ воинственному дѣлу и наряду.

Изъ приведеннаго сравненїя вытекаетъ, что оба текста не только сходны, но въ нихъ встрѣчаются даже однѣ и тѣ же фразы. Несомнѣнно, здѣсь работа одного редактора, тѣмъ болѣе, что въ Епифаніевой редакціи Житїя (и въ Пахоміевой, потому что послѣдняя лишь сокращаетъ текстъ предыдущей, не внося ничего новаго) этихъ эпизодовъ нѣтъ. Редакторъ разбираемой части Никоновскаго свода вставилъ рассказы объ Юліанѣ и двухъ инокахъ-богатыряхъ отъ себя: въ Сказанїи — въ уста Кипріану, въ Житїи — Сергію ¹⁾. Замѣчу, что помѣщенная въ

1) Еще разъ повторю, что непонятно, почему Е. Голубинскій не отмѣтилъ этихъ особенностей Никоновскаго текста и просмотрѣлъ особую редакцію Житїя?

спискахъ Никоновской лѣтописи подъ 1395 г. Повѣсть о Темирѣ-Аксакѣ, въ свою очередь, упоминаетъ о «законопреступномъ Улавѣ», что показываетъ, что всѣ три памятника внесены въ сводъ въ одно время.

Прославленіе Кипріяна въ вышеизложенныхъ эпизодахъ совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Кипріянь при всякомъ благопріятномъ случаѣ старался выставить себя въ положительномъ свѣтѣ. «Во второй разъ, говоритъ Е. Голубинскій (II, стр. 339), Кипріянь ѣздилъ въ Литовскую Русь въ 1404 г. Пробывъ нѣкоторое время у Витовта, при чемъ, по словамъ Никоновской лѣтописи (*которыя, очень можетъ, принадлежатъ самому Кипріяну*¹⁾), видѣлъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ пановъ и отъ всей земли». У Кипріяна, говоритъ тотъ же авторъ, могло явиться личное побужденіе связать свое имя съ Петромъ митрополитомъ, поэтому онъ могъ вести современную лѣтопись, гдѣставлялъ себя. Этихъ лѣтописныхъ записей Кипріяна, писанныхъ имъ ли самимъ, или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, мы не имѣемъ въ отдѣльномъ видѣ, говоритъ Е. Голубинскій. «Но въ рассказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кипріяновомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое со всею вѣроятностью». (II, 354).

Въ своихъ посланіяхъ Сергію Радонежскому Кипріянь употребляетъ выраженія, сходныя съ встрѣчающимися въ Сказаніи: «А ѣду къ сыну своему ко князю къ великому на Москву»; «азъ же *святитель* есмь, а не ратный человекъ»; «елико стремленіе и повиновеніе и любовь имѣете къ святѣй Божіей Церкви и къ нашему смиренію, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ». (Прав. Соб. 1860, 2). Кипріянь въ своихъ посланіяхъ отзывался и о Митяѣ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ, который повторяли вышеприведенные о немъ рассказы: . . . «какъ оу васъ стоитъ

---

1) Курсивъ мой.

на митрополищѣ мѣстѣ чернецъ в манатѣхъ святительской и въ клобуцѣхъ и перемонаткахъ святительской на немъ, и посохъ въ роукахъ? И гдѣ *сме бещиніе и злое дѣло слышалосѣ*? ни въ которыхъ книгахъ. Аще братъ мой (св. Алексій) преставилсѣ: *азъ есмь святитель на еѣ мѣстѣ, моя ест митрополія*. Не оумѣти было ему наслѣдника оставлять при своей смерти. Коли слышалося, преже поставленія възлагати на кого святительскія одежи, иже нехъ иному никому же носити, но токмо святителемъ единемъ? *Како же ми смѣетъ стояти на мѣстѣ святительскомъ? не блюдетъ ли ся казни Божіа*? А еще страшно и трепетно, и всякіа грозы исполнено, еже створитъ: садитсѣ въ святомъ олтарѣ на намѣстномъ мѣстѣ. Вѣруйте, братія, *яко лучше бы емоу не родитисѣ*. (Прав. Соб. 1860, 2, стр. 93—94).— Вотъ источникъ нападокъ на Митѣя въ Никоновскомъ сводѣ!

Итакъ связь разбираемаго вставнаго эпизода — разговора великаго князя съ Кипріаномъ — съ другими мѣстами лѣтописнаго свода заставляеть предполагать, что этотъ эпизодъ не существовалъ въ протографѣ Сказанія, но былъ внесенъ редакторомъ, который принадлежалъ къ убѣжденнымъ сторонникамъ Кипріана, возвеличивавшимъ память его въ потомствѣ.

Упомянутое въ Сказаніи и Житіи о Пересвѣтѣ и Ослябѣ легко объясняетъ появленіе въ Сказаніи и втораго эпизода — Похода великаго князя въ обитель преп. Сергія, гдѣ старецъ благословляетъ его, даетъ двухъ иноковъ богатырей и предрекаетъ побѣду надъ татарами. Весь эпизодъ о посѣщеніи великимъ княземъ обители взятъ въ Сказаніе изъ Житія по Никоновской редакціи, почему и эту вставку слѣдуетъ отнести къ работѣ того же редактора.

О храбрости иноковъ Пересвѣта и Осляби, очевидно, уже давно ходило какое-то особое сказаніе, несомнѣнно устное. Лѣтописная Повѣсть не упоминаетъ о немъ, но занесеніе имени Пересвѣта въ синодикъ показываетъ, что онъ былъ чѣмъ-то отличенъ. Это устное сказаніе было извѣстно Софоніи, который

и воспользовался имъ для Повѣданія: «Пересвѣта чернца брянскаго боярина ¹⁾ на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ великому князю Дмитрію . . . лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганныхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, брате, стару помолодѣти, а молодому чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоємъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядѣ, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича».

Въ этомъ поэтическомъ изложеніи нѣтъ фактическаго матеріала. Упомянутое объ инокахъ-богатыряхъ въ Повѣданіи могло побудить редактора вставить этотъ эпизодъ и въ Сказаніе и въ Житіе, причемъ само преданіе о богатырствѣ Пересвѣта и Осляби было извѣстно редактору изъ непосредственнаго источника, потому что въ его изложеніи гораздо больше фактовъ: иноки прежде были храбрыми воинами, были извѣстны великому князю; передъ отправленіемъ на битву, оба принимаютъ схиму. Оба — погибаютъ въ битвѣ, причемъ Пересвѣтъ въ самомъ началѣ — въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ, гигантомъ.

Это единоборство составляетъ отмѣченный мною отдѣльный вставной эпизодъ Сказанія, тѣсно примыкающій, какъ теперь видно, къ эпизоду о походѣ великаго князя къ Троицѣ. Пересвѣтъ изображается въ этомъ эпизодѣ героемъ, такъ какъ онъ былъ «начальникомъ» славной битвы и сразилъ самаго сильнаго татарскаго богатыря, который могъ причинить большой уронъ русскому войску. Сказаніе ниже отмѣняетъ эту заслугу Пересвѣта: великій князь, при объѣздѣ побоища «прииде на другое мѣсто и видѣ Сергіева чернца Пересвѣта и близъ его нарочитаго богатыря татарскаго и,

---

1) Такъ его называетъ и Лѣтописная Повѣсть и Тверская лѣтопись.

обратився, рече къ сущимъ съ нимъ: видите, братіе, начялника, той бо побѣди подобна себѣ; отъ того было многимъ пити горкую чашу».

Свѣдѣнія объ Ослябѣ и Пересвѣтѣ неустойчивы. Пересвѣтъ называется то брянскимъ бояриномъ, какъ выше, то любчаниномъ; въ Лаврскомъ обиходникѣ Ослябя называется Иродіономъ, бояриномъ любутскимъ, посланнымъ въ 1398 году въ Царьградъ, значить, онъ остался въ живыхъ послѣ 1380 г. Келарь Симонъ Азарыинъ зоветъ его въ Житіи Андреемъ. Въ актѣ о мѣстничествѣ Бутурлина съ Плещеевымъ Ослябя Андрей упоминается въ числѣ бояръ Кипріяна въ 1390—1393 гг. Въ Повѣданіи онъ названъ Яковомъ и представляется убитымъ на бою. Въ рукописныхъ святцахъ XVII в. указано, что войны Адрианъ Ослябя и Александръ Пересвѣтъ, принесенные съ битвы, были схоронены въ Симоновомъ монастырѣ близъ деревянной церкви Рождества Богородицы въ каменной палаткѣ подъ колокольней, и надъ ними поставлены каменные плиты безъ надписей. Наоборотъ — въ Синодикахъ (слѣдовательно и въ Лѣтописной Повѣсти) указанія на смерть Осляби на бою — нѣтъ. Наконецъ, объ инокахъ-богатыряхъ, какъ погибшихъ на бою, упоминаетъ въ своей челобитной 1548—1549 гг. Иванъ Пересвѣтовъ: «служу тебѣ, государю благовѣрному, поминая своихъ прашур и прадѣд, какъ служили вѣрно государемъ руским великим княземъ, твоим прашурам и прадѣдам, Пересвѣтъ и Ослебя в чернцахъ и въ схиме со благословениемъ Сергія чудотворца на Донъскомъ побоище при великомъ князе Дмитрее Ивановиче, за вѣру христіанскую, за святыя церкви і за честь государю пострадали, главы свои положили». (Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1902, 4). Такимъ образомъ, эпическое преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ въ началѣ XVI вѣка уже успѣло сдѣлаться фамилнымъ преданіемъ¹⁾.

1) Я предлагаю сравнить другое фамилное преданіе, основанное также на эпическомъ разсказѣ изъ Куликовской битвы: дворяне Челищевы въ пятомъ колѣнѣ считаютъ своимъ родоначальникомъ Михаила Андреевича Бренка,

Противорѣчіе свѣдѣній и несогласіе ихъ съ исторической дѣйствительностью показываетъ, что эпизоды о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, находящіеся въ Повѣданіи и Сказаніи, представляютъ обломки преданія объ инокъ-богатырѣ, преданія, кончавшагося единоборствомъ.

Итакъ, три разобранныхъ эпизода: О Киприанѣ, посѣщеніи обители преп. Сергія и двухъ инокахъ этой обители — богатыряхъ находятся въ связи между собою и принадлежать одному редактору.

Въ Никоновской лѣтописи подъ 1395 годомъ помѣщена «Повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака». Никоновская лѣтопись держится, по словамъ А. А. Шахматова, первоначальной редакціи, *но подновляетъ ее по своему*. Изъ сравненія со Сказаніемъ въ обѣихъ повѣстяхъ замѣчается много точекъ соприкосновенія.

Заглавіе Повѣсти о Темиръ-Асакѣ такъ же витіевато, какъ въ Сказаніи, и избавленіе отъ татарскаго нашествія приписано также чуду: «Повѣсть на стрѣтеніе чудотворнаго образа пречистыя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Маріа, его же написа богогласный евангелистъ Лука, самовидно зря на истинную Богородицу при животѣ Ея, и како божественая та икона бысть въ Рустѣй земли, первое во градѣ Кіевѣ, и въ Вышеградѣ въ церкви преславно на въздусѣ являясь, и како преиде во градъ Владимиръ и отнегѣ же нарицашеся икона Владимирская, и ея же ради вины прииде въ боголюбивый царствующій градъ Москву, и паче надежда сугубо чудесно избавленіе намъ содѣя отъ нахождения безбожнаго и зловѣрнаго отъ царя Темиръ-Аксака, и о составленіи монастыря, идѣ же срѣтоша той пречестный Богоматери образъ».

Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ много общаго съ пріемами Сказанія. Въ немъ:

убитаго вмѣсто великаго князя на Мамаевомъ побоищѣ. У него — сынъ Ѳеодоръ Михайловичъ Чело. (См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ. Спб. 1893, стр. 3—5).

1) Темиръ-Аксакъ озлобляется «яко второй Батый» и похваляется выступить на Русь совершенно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ Мамай. Перечисляются орды, которыми онъ владѣеть.

2) Упоминается, какъ выше указано, о «законопреступномъ Юліанѣ».

3) Тонъ въ отношеніи къ Кипріану — хвалебный: цѣлая глава посвящена ему: «О прилежномъ моленіи Кипріана митрополита»; въ ней говорится, что Кипріанъ «украшалъ» престолъ русской митрополіи. Кипріанъ встрѣчаетъ великаго князя Василя Дмитріевича и князя Владимира Андрѣевича совершенно такъ же, какъ онъ въ Сказаніи встрѣчаетъ Дмитрія Донского и вообще изображается принимающимъ главное участіе въ событіи.

4) Молитвы о помощи на врага возсылаются постоянно къ чудотворцамъ святителю Петру и преподобному Сергію, какъ и въ Сказаніи.

5) Содержаніе молитвъ по тексту весьма сходно въ обѣихъ повѣстяхъ, особенно «Всенародное моленіе передъ образомъ пресвятыя Богородицы» содержитъ въ себѣ буквальные выраженія изъ молитвъ Сказанія.

6) Во снѣ Темиръ-Аксаку являются святители, «нимуще жезлы златы въ рукахъ своихъ». Подобное же видѣніе является Семену Онтонову и Василю Капицѣ въ Сказаніи. Выше я говорилъ, что видѣніе Ѳомы Кацыбѣева взято изъ Лѣтописной Повѣсти, рассказъ же о видѣніи Онтонова и Капицы слѣдовательно относится къ редакторской обработкѣ Сказанія ¹⁾.

7) Кончается Повѣсть рассказомъ о смерти Темиръ-Аксака

---

1) Сказаніе о Владимирской иконѣ находится еще въ сборникѣ Чудова монастыря № 62/264, XVI в. (изданъ М. Н. Сперанскимъ) Въ чудовскомъ текстѣ рассказа о снѣ Темиръ-Аксака ~~имѣтъ~~, въ Воскресенской лѣтописи помѣщено иное видѣніе, а текстъ Повѣсти по Воскресенской лѣтописи представляетъ первоначальную редакцію. Слѣдовательно рассказъ о видѣніи Темиръ-Аксакомъ святителей съ жезлами, повторенный и въ Сказаніи — принадлежитъ одному лицу.

въ то время, когда онъ вновь собирался итти войной на Русь. Мамай въ Сказаніи погибаетъ при такихъ же обстоятельствахъ.

Подобное сходство текста Сказанія и Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ заставляетъ предполагать, что протографы этихъ Повѣстей, занесенные въ Никоновскую лѣтопись, подверглись *одинаковой* редакціонной обработкѣ. На первомъ планѣ въ этой обработкѣ выставлялась личность Кипріяна, а также почитаніе святителя Петра и преподобнаго Сергія, который уже зовется чудотворцемъ. Помѣщенные въ Никоновской лѣтописи объ повѣсти слѣдовательно *были обработаны редакторомъ лѣтописнаго свода*, вошедшаго впоследствии въ составъ Никоновской лѣтописи.

При допущеніи положенія, что редакторъ лѣтописнаго свода, включивъ въ него Сказаніе и Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, дополнилъ ихъ и видоизмѣнилъ съ своей точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему въ Сказаніи великій князь Дмитрій изображается молящимся «предо образомъ пречистыя Богородицы, юже Лука евангелистъ написа». Исслѣдователи, начиная съ Карамзина, видѣли въ этомъ только «грубый анахронизмъ», на самомъ же дѣлѣ образъ Лукина письма попалъ въ Сказаніе на основаніи Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ, гдѣ, дѣйствительно, избавленіе русской земли приписывается чуду отъ иконы Владимирской Божьей Матери, писаной евангелистомъ Лукою. Въ протографѣ Сказанія, весьма возможно, не было этого «анахронизма»; и въ первой редакціи Сказанія на это свидѣтельство не надо смотрѣть, какъ на анахронизмъ, происшедшій отъ незнанія, а какъ на риторическій пріемъ: чтобы придать большую святость образу, редакторъ назвалъ его иконою Лукина письма.

3) *Время составленія первой редакціи.*

Вопросъ о времени составленія первой редакціи Сказанія опредѣляется съ одной стороны отношеніемъ разбираемой редакціи къ Житію преп. Сергія. Выше я указалъ, что редакторъ вставилъ эпизоды объ Юліанѣ и двухъ инокахъ — Пересвѣтѣ и Ослѣбѣ одновременно и въ Сказаніе и въ Житіе. Слѣдовательно,

послѣднее уже было написано къ тому времени, какъ составлялась первая редакція Сказанія. Само заглавіе его, приписывающее побѣду чуду Божьей Матери и святыхъ Петра и Сергія, показываетъ, что Житіе уже было извѣстно редактору ¹⁾).

Епифаніева редакція житія окончена въ 1418 году, прославленіе же Сергія началось лѣтъ черезъ 30 послѣ его кончины, т. е. около 1422 года, т. е. съ этого времени началось мѣстное его почитаніе. Начало же всеобщаго празднованія ему восходитъ не далѣе конца первой половины XV вѣка ²⁾). Слѣдовательно, первая редакція (Кипріановская) Сказанія не могла появиться ранѣе 1422 года.

Съ другой стороны она не можетъ быть очень удалена отъ этой даты: слишкомъ въ ней свѣжа память о Кипріанѣ (умеръ въ 1406 г.). Въ виду этого время составленія Кипріановской редакціи всего вѣроятнѣй слѣдуетъ относить къ началу второй четверти XV вѣка, т. е. послѣ 1425 года.

Я только что назвалъ разбираемую редакцію — *Кипріановской*, предлагаю оставить за ней это названіе, такъ какъ она, какъ было видно изъ разбора, главное вниманіе отводитъ прославленію Кипріана и носитъ партійную окраску. Составитель этой редакціи, вѣроятно, былъ изъ митрополичьей канцеляріи, человекъ, такъ или иначе зависѣвшій отъ Кипріана. Нужно думать, что онъ или составлялъ, или продолжалъ лѣтопись, центральной фигурой которой являлся митрополитъ Кипріанъ. Въ этотъ частный лѣтописный сводъ вносились различныя литературныя произведенія, которымъ придавалась тенденціозная окраска. Этотъ лѣтописный сводъ вошелъ, впоследствии, въ составъ Никоновской лѣтописи. Въ этомъ сводѣ находился и оригиналъ разбираемой редакціи Сказанія.

1) Ср. и въ текстѣ Сказанія: «Такова убо бысть побѣда и помощь Божія и чудеса и знаменія Божія Матере и великаго чудотворца Петра и преподобнаго игумена Сергія и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба и всѣхъ святыхъ».

2) Васильевъ. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Чт. въ О. И. и Д. Р. 1893, III.

Итакъ, литературная исторія 1 редакціи можетъ быть представлена, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

1) Протографъ 1 редакціи, состоявшій изъ соединенія Лѣтописной Повѣсти, типа текста Дубровскаго, съ девятью вставными эпизодами, представляющими развитіе мыслей Лѣтописной Повѣсти (посланіе грамотъ — посланіе 1 и 2 стражи — смущеніе союзниковъ — посланіе 3 стражи — примѣты Волынца — чудесныя видѣнія — рассказъ о Бренкѣ — засадный полкъ — розыски великаго князя) — *не дошелъ*.

2) Изъ соединенія протографа съ тремя рассказами, соединенными общей идеей (разговоры съ Кипріяномъ — походъ великаго князя къ Троицѣ — единоборство Пересвѣта и татарскаго богатыря), *произошла Кипріяновская редакція*, находившаяся въ предполагаемомъ мною митрополичьемъ сводѣ.

3) Кипріяновская редакція *была оригиналомъ первой редакціи*, находящейся въ Никоновскомъ сводѣ подъ 1380 годомъ. Эта первая редакція нѣсколько отлична отъ своего оригинала: прибавлены были заглавіе и вступленіе, переработано заключеніе оригинала, видоизмѣненъ слогъ, и вставленъ рассказъ о видѣніи Василя Капицы. Матеріаломъ для дополненій этой первой редакціи послужило, правда — въ незначительной степени, Повѣданіе — писаніе Софоніи.

Никоновскій сводъ составленъ въ 1550 году, Кипріяновская редакція Сказанія, какъ указано — до половины XV вѣка: за столѣтъ существованія, конечно, могла явиться разница между оригиналомъ и его спискомъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи слога.

4) Болѣе близкій къ оригиналу текстъ 1 редакціи Сказанія заключаютъ всѣ неинтерполированные списки Никоновской лѣтописи.

Обращусь къ характеристикѣ 1 редакціи.

Близко держась плана Лѣтописной Повѣсти, первая редакція Сказанія не искажаетъ исторической дѣйствительности. Врагами Дмитрія являются въ союзѣ съ Мамаемъ — Олегъ и Ягайло. Послѣдній вступилъ въ союзъ съ татарами изъ за политическихъ

соображеній: ему невыгодно было видѣть усиленіе Москвы, кромѣ того — подъ протекторатомъ великаго князя находились его братья. «Iagiello chwycił się tego wezwania, raz, że rokoszanin i pretendent Wingolt Andrzej oraz Dymitr Korybutt, bracia, protegowani byli przez Wielkiego Kieżeґcia Dymitra, zkaд przewidywały się niepokoe dla kraiu»¹⁾).

Анахронизмовъ въ разбираемой редакціи — *нѣтъ*. Выше я указывалъ на причину появленія образа Богородицы, «Лукина письма». Встрѣчающіеся имена князей и воеводъ заимствованы, очевидно, изъ московскихъ разрядныхъ книгъ — источника, на который указываетъ А. А. Шахматовъ. Упоминаніе объ Андреѣ и Дмитріи Ольгердовичахъ и приѣхавшемъ съ ними Дмитріи Волинцѣ, ихъ краткое прославленіе: «сіи же князи помощи о Бозѣ сѣтвориша много великому князю Дмитрею Ивановичю», указаніе на ихъ участіе при переходѣ черезъ Донъ — имѣеть соотвѣтствіе въ литовскихъ лѣтописяхъ. Имена убитыхъ, заимствованныя въ Лѣтописной Повѣсти изъ синодика, отсутствуютъ въ первой редакціи, но въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ поля битвы, разсказѣ, представляющемъ лишь развитіе указаннаго перечисленія, можно встрѣтиться съ тѣми же именами. Географическія указанія не представляютъ уклоненія отъ дѣйствительности. Куликово поле, находящееся въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, протяженіемъ имѣеть 18 верстъ (старинныхъ 10), и въ книгѣ Большого Чертежа границами его указываются, между прочимъ, рѣки Донъ и Непрядва. Переправа черезъ Оку произошла, по преданію, близъ мѣста, называемаго нынѣ «Четыре церкви», въ Каширскомъ уѣздѣ. Путь на древній городъ Березуй идетъ нынѣ по Епифанской большой дорогѣ, мимо теперешняго села Березова (древній — Березуй). Около села Миославщины, на берегу Дона близъ впаденія Непрядвы, былъ русскій лагерь, на высохшей рѣчкѣ Себинкѣ. Гдѣ теперь стоитъ Сабуровъ хуторъ, указы-

1) Narbutt. Dziele narodu Litewskiego. V, стр. 267.

вается мѣсто, гдѣ нашли князя Сабуровъ ¹⁾ и Холоповъ. При селѣ Монастырщинѣ, лежащемъ противъ Мирославщины, находилась знаменитая «зеленая дубрава», гдѣ былъ спрятанъ засадный полкъ. Вѣковые дубы, свидѣтели Куликовской битвы, окончательно вырублены въ XIX вѣкѣ ²⁾.

На основаніи какого-нибудь современнаго источника составлено описаніе внѣшности великаго князя: «...крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ вели, и тяжекъ собою зѣло, бородою же и власы чернъ, взоромъ же дивенъ зѣло».

Первая редакція устанавливаетъ слѣдующую послѣдовательность времени для похода великаго князя: 18 августа онъ у Троицы, 28-го — на Коломнѣ, черезъ два дня — за Окой; въ началѣ сентября (числа нѣтъ, но вторая редакція указываетъ на пятое сентября) — къ Березую, 7 сентября — переправа черезъ Донъ, 8-го съ утра — битва. Ничего нельзя возразить противъ такого указанія, оно вполне естественно. Грѣшитъ же первая редакція только въ указаніяхъ на дни: 28-е августа считается субботой, тогда какъ оно приходилось во вторникъ.

Молитвы, рѣчи дѣйствующихъ лицъ, описанія — составлены по формуламъ, издавна выработаннымъ въ воинскихъ повѣстяхъ. Въ Начальномъ сводѣ уже можно встрѣтить тексты молитвъ, чрезвычайно близко напоминающіе молитвы Сказанія. Частью они распространены реторически: редакторъ приводитъ, по обычаю, цитаты изъ евангелія, особенно — изъ псалтыри. Есть слѣды знакомства редактора съ Александріей: ярлыки, которыми обмѣниваются союзники, по формѣ тѣ же, что въ Александріи; упоминается объ Александрѣ, побѣдившемъ Пора, царя Индѣйскаго.

Матеріаломъ для вставныхъ эпизодовъ служили, кромѣ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ, преданія, ходившія послѣ

1) Въ 1 редакціи ошибкою вмѣсто этой фамиліи поставлено: «Зовъ».

2) См. Кн. Оболенскаго. Куликово поле. Ист. Вѣстн. 1903, VIII.

Куликовской битвы. Основаніе этихъ преданій было болѣе или менѣе историческимъ. Таковы рассказы о чудесныхъ видѣніяхъ, о храбрости Пересвѣта, о примѣтахъ Дмитрія Волинца, о бояринѣ Бренкѣ.

Прославляя Кипріяна и московскихъ чудотворцевъ Петра и Сергія, съ именами которыхъ любилъ связывать Кипріянь свою личность, первая редакція Сказанія проводитъ провиденціально-поучительную точку зрѣнія. На первый планъ ставится не историческій рассказъ о событіи на Куликовомъ полѣ, 8 сентября 1380 года, но, какъ я выше говорилъ, отбѣняется «бывшее чудо» — когда помощью Божіей, Пресвятыя Богородицы и чудотворцевъ Петра и Сергія великому князю удалось «посрамить» гордаго Мамая и всю его нечестивую силу. Я также говорилъ, что при всей наличной характеристикѣ, великій князь изображается лишеннымъ всякой инициативы. Божественная правда говоритъ устами Кипріяна: побѣда рисуется уже предопредѣленной, и, собственно говоря, прославленіе личныхъ качествъ Дмитрія и Владимира стоитъ на второмъ планѣ. Этимъ первая редакція существенно отличается отъ второй, которая, какъ будетъ видно изъ слѣдующей главы, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ прославленіе лицъ, благодаря индивидуальнымъ качествамъ которыхъ была одержана знаменитѣйшая въ русской исторіи побѣда.

ГЛАВА V.

Сказаніе второй редакціи.

Вторая редакція Сказанія находится въ двухъ лѣтописныхъ сборникахъ XVI вѣка: 1) Синодальной Библіотеки № 485 и 2) Московскаго Историческаго Музея № 1³/₃₅ (собранія Черткова). Оба текста вполне сходны, разница въ незначительныхъ вариантахъ. Чертковскій текстъ представляетъ мѣстами лучшіе варианты, но въ немъ находятся случайные пропуски, обусловленные недосмотромъ при перепискѣ, и однимъ внѣшнимъ дефектомъ — потерей листа.

Въ Синодальномъ текстѣ иногда на поляхъ или между строками позднѣйшимъ почеркомъ (XVII в.) помѣщены вставки, носящія характеръ глоссъ. При печатаніи текста второй редакціи вставки эти я заключилъ въ скобки.

Синодальный текстъ былъ извѣстенъ Карамзину. Онъ цитируетъ его въ своихъ примѣчаніяхъ къ V тому, обозначая указанный сборникъ номеромъ 365, причемъ считаетъ этотъ текстъ «древнѣйшимъ» изъ извѣстныхъ ему списковъ «баснословной повѣсти» о Мамаевомъ побоищѣ. (См. примѣчаніе 65) Карамзинъ ограничился одними выписками, не касаясь литературной исторіи памятника; изслѣдователи же повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ какъ будто забыли о существованіи Синодальнаго текста, вѣрнѣе — не знали. Между тѣмъ, еслибы на этотъ

текстъ было обращено вниманіе, для многихъ изъ господствовавшихъ до сихъ поръ положеній не было бы мѣста ¹⁾).

По отношенію къ первой редакціи, вторая характеризуется сокращеніями, измѣненіями и дополненіями. Сокращенія и измѣненія текста могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи:

1) происшедшія по винѣ переписчиковъ: послѣдніе или невнимательно относились къ оригиналу, или не понимали его и давали спутанное чтеніе, или вносили въ текстъ написанное на поляхъ;

2) обличающія самостоятельную работу редактора.

Отмѣчу главнѣйшія сокращенія и измѣненія первой категоріи:

1) Въ грамотѣ Ягайла Мамаю переписчикъ не понялъ текста и своеобразно его осмыслилъ:

1 редакція.

2 редакція.

...тѣмъ же оба молимъ тя, ...но молимъ тя оба, раби
всесвѣтлый волный царю, да твои, да приидетъ дръжава тво-
накажеша его не творити сици его царства, да и мы видимъ
неправды, да подвигнишися твое смотреніе нашеа грубости
самъ, царю, и пришедъ видиши отъ московского князя Дмит-
наше смиреніе, а его гордость, рея...

и тогда уразумѣши смиреніе
нашеа грубости отъ москов-
ского князя Дмитрея...

2) Въ отвѣтѣ Мамая Ягайлу и Олегу, Мамай, по первой редакціи, гордо заявляетъ, что ему, какъ великому царю, больше пристойно воевать съ Александромъ Македонскимъ и съ Поромъ, во второй же редакціи на этомъ мѣстѣ стоитъ явно неоконченная фраза: «а мнѣ, царю, достойно подобна себѣ бысть»...

---

1) На него указываетъ и Снегиревъ въ своемъ печатномъ изданіи Сказанія (Рус. Ист. Сборникъ III), но никакой характеристики не даетъ, онъ пользовался, очевидно, тѣми выдержками, которыя приводилъ Карамзинъ.

3) Такая же неоконченная фраза находится въ поэтическомъ описаніи кануна битвы: «Отъ таковыя страсти, аки морскимъ водамъ»... — сказуемаго въ текстѣ нѣтъ.

4) Разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Волинца, вообще изложенный неудовлетворительно, въ концѣ носить слѣды какой-то путаницы: Великій князь, услыхавъ отъ Волинца значеніе примѣтъ, именно, что побѣда будетъ куплена дорогой цѣною, неожиданно заявляетъ: «Боудетъ, господине, побѣда». Эта фраза сокращаетъ ясное молитвенное обращеніе великаго князя въ 1 редакціи: «Воля Господня да будетъ, якоже годѣ бысть Господеву, тако и будетъ; воли бо Его кто противиться?».

5) Рѣчь преп. Сергія, благословляющаго великаго князя на битву, очевидно, не понята переписчикомъ, отчего въ ней замѣчается сильное сокращеніе:

1 редакція.

... да дасть ти, рече, Господь Богъ и пречистая Богородица помощь, и не у еще сіе шихъ лѣтъ, вынѣ жъ мнози побѣды вѣнецъ съ вѣчнымъ венцомъ носить тебѣ есть, прочимъ же мнози безъ числа готовятся вѣнци съ вѣчною памятью...

2 редакція.

... не оужъ бо постижъ венецъ побѣде носить, но по минуувшихъ лѣтъ, вынѣ жъ мнози венцы плетутся...

6) Не совпадаютъ, по сравненію съ 1 редакціей, имена собственные, географическія названія и хронологическія даты. Собственные имена вообще весьма неустойчивы при перепискѣ; тѣмъ болѣе искаженій и непониманія могло быть, когда памятникъ отдалялся отъ протографа. Частью 2 редакція опускаетъ географическія названія и имена: пропущено, что первая стража была послана на «Быструю Сосну»; въ разсказѣ объ уряженіи полковъ выпущены имена: князь Семень Ивановичъ и Семень Меликовъ; или названія сохранены, но явно не поняты: «На Чудо на Михайлово» — вм. «Чюры Михайловы».

Не одинаковы, наконецъ, имена гостей сурожанъ, хотя и 1 редакція даетъ спутанное чтеніе: прозвище «Саларевъ» въ первой редакціи повторяется дважды (во 2-й одинъ разъ поставлено «Сараевъ»); послѣ «Константина» пропущено находящееся во 2 редакціи прозвище: «Волка».

Особенно перепутаны имена князей, пришедшихъ въ Москву со своими полками. Путаница видна изъ контекста: ...«прииде... князь Ондръй Кѣмски и *Андожски*, князь Глѣб Карголомски и *Ярославской*, и приидоша князи со всѣми силами: князь Ондръй *Ярославской*, князь Лев *Серпской*... Я обращаю вниманіе на эту порчу именъ князей, а равно и на измѣненіе числа ихъ (8 князей Бѣлозерскихъ первой редакціи и 15 — второй) потому, что считаю подобныя измѣненія скорѣе ошибками при перепискѣ, чѣмъ намѣренными редакціонными поправками. Съ этой точки зрѣнія и на этотъ разъ нельзя усматривать въ Сказаніи «анахронизмовъ», что такъ смущало Карамзина и другихъ изслѣдователей, касавшихся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

7) Въ разсказѣ объ уряженіи полковъ, кромѣ искаженія именъ, замѣчаются ошибки, происшедшія, очевидно, отъ какого-то пропуска: не ясно, кого поставилъ великій князь себѣ по правую руку, можно думать, что это были князья Ярославскіе и князь Владимиръ Андрѣевичъ; братъ Дмитрія Всеволожа названъ «княземъ»; вмѣсто «Белеусъ» 1 редакціи здѣсь написано: «Белеутъ»; подручные князя Владимира представляютъ въ именахъ сплошную путаницу.

8) Къ портѣ текста, наконецъ, слѣдуетъ отнести интерполяціи. Ниже, при разборѣ 3 редакціи, я укажу, что, по моему мнѣнію, носятъ въ разбираемой редакціи характеръ болѣе позднихъ вставокъ. Теперь же укажу на несомнѣнныя:

а) въ разсказѣ о вооруженіи Бренка въ княжескую приволюку, прибавлено разъясненіе: «И под тѣмъ знаменемъ оубиенъ бысть за великого князя».

б) характерная интерполяція, не замѣченная изслѣдователями, находится въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ

побойща. По 1 редакціи, великій князь «прииде на другое мѣсто и видѣ Сергіева чернѣца Пересвѣта и *близъ ею нарочитаго богатыря татарскаго*», обращается къ воинамъ, прося ихъ воздать всяческую почесть «начинателю» битвы, отнявшему у врага богатырскую силу — своего противника, отъ котораго многимъ пришлось бы пить горькую чашу. Картина — ясна. Между тѣмъ, во 2 редакціи это мѣсто читается такъ: «прииде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта чернѣца и близ его лежаща нарочитаго богатыря *Григорья Капустина* и речѣ». . . Это неожиданное русское имя встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи и въ хронографномъ сокращеніи Сказанія. Въ текстъ оно попало безусловно съ полей рукописи, на которой внизу могла быть помѣта, очевидно, запись о принадлежности списка какому-нибудь лицу, вроде: Сія книга (такого-то) Григорія Капустина. Ср. приписку по листамъ рукописи кн. Оболенскаго: «Книга Мамаево побойще окольничего Василья Никифорова Собакина, а подписалъ сію книгу по приказу государя своего окольничего Василья Никифорова Собакина челоуѣкъ его Аввакумъ Павловъ гѣта 1677 апрѣля въ 30 день»¹⁾.

Перейду ко второй категоріи.

Редакторская работа выразилась прежде всего, въ *улучшеніи текста* Сказанія.

1) Первая редакція, я говорилъ, держится не только плана Лѣтописной Повѣсти, но сохраняетъ буквальные ея выраженія. Эти заимствованныя изъ Лѣтописной Повѣсти мѣста — *остъ опущены второй редакціей*, чѣмъ окончательно нарушена связь между этими двумя памятниками:

а) пропущенъ рассказъ объ остановкѣ великаго князя у усть Лопасны рѣки, о приходѣ къ нему сюда Тимофея Васильевича тысяцкаго, о запрещеніи великимъ княземъ производить какія-либо насилія въ резанской землѣ, затѣмъ — указаніе, что въ Москвѣ были оставлены воеводы у великокняжескаго семей-

1) См. Рус. Ист. Сбор. III, предисловіе Снегирева VI—VII.

ства и у Кипріяна, и плачь земли русской по случаю похода на татаръ;

б) выпущено все, что касается устроения и движенія войска, числа воиновъ, что всюду старательно отмѣчаетъ 1 редакція, основываясь на Лѣтописной Повѣсти. Нѣтъ постоянного указанія на численность войска — 400 тысячъ; опущенъ разсказъ о стычкѣ сторожевыхъ полковъ, послѣ которой великій князь вернулся въ передовой полкъ; нѣтъ описанія готовящагося къ бою войска, описанія Куликова поля: «бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть рѣки Непрядвы»; выпущено указаніе, какъ враги начинаютъ сходиться «съ шеломяней». Первая редакція, наоборотъ, два раза ¹⁾ подробно останавливается на этомъ описаніи: «И бѣ уже 6 часъ дни, сходящимся имъ на усть Непрядвы рѣки, и се внезапно сила великаа татарскаяа борзо съ шоломяни грядуще, и ту паки не поступающе стаща, шбо нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступится; и тако стаща, копіа покладше, стѣна у стѣны, каждо ихъ на плещу преднихъ своихъ, имуще предніи краче, а задніи должае. А князь велики такоже съ великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу имъ. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великіа сънимающесе на кровопролитіе, на скорую съмерть», — во второй редакціи всего этого повторенія нѣтъ;

в) опуская все, что касается тактической стороны, вторая редакція сокращаетъ, естественно, и формулу боя, которая въ первой начинается такъ же, какъ въ Лѣтописной Повѣсти;

г) выпущены заимствованные 1 редакціей изъ Лѣтописной Повѣсти эпизоды: увѣщательная рѣчь великаго князя о переправѣ черезъ Донъ и о желаніи принести себя въ жертву за отечество, приказъ о наведеніи мостовъ и о разрушеніи ихъ въ тылу, указаніе на приходъ звѣрей и птицъ, ожидающихъ побоища и разсужденіе по этому поводу: «гдѣ будетъ трупъ, тамо съберутся орли»;

---

1) Разсказъ прерывается только эпизодомъ о Бренкѣ.

д) рассказ о бѣгствѣ Мамай, составленный въ 1 редакціи по Лѣтописной Повѣсти, представляется весьма сокращеннымъ и измененнымъ во 2-й: прибавлены имена боговъ, которыхъ призывалъ Мамай — «Пероуна и Соловата и Мокоша и Раклѣя и Гоурса», нѣтъ указаній на преслѣдованіе его до рѣки Мечи;

е) буквально взятые въ 1 редакцію эпизоды Лѣтописной Повѣсти: указаніе на то, что великій князь бился съ татарами «на первомъ сступѣ», что бояре увѣщевали его беречь себя, отвѣтъ его, доказывавшій, что онъ, стоя назади, не можетъ подавать имъ никакого примѣра, внѣшняя характеристика великаго князя и наконецъ перечисленіе убитыхъ «на сступѣ» — цѣликомъ выпущены во 2 редакціи.

2) Замѣчается стремленіе освободиться *отъ риторическихъ украшеній первой редакціи*, выражающееся или въ сокращеніи или въ замѣнѣ ихъ другими:

а) вмѣсто сравненія Батыя съ Навуходоносоромъ царемъ Вавилонскимъ, Антиохомъ, царемъ Антиохійскимъ и Титомъ, царемъ Римскимъ — 2 редакція говоритъ просто: «якоже халдѣй». И дальше, въ отвѣтъ Батыя союзникамъ мысль развивается проще: «но чести ваша хоощу, говоритъ Батый, моимъ имянемъ, а вашею силою распужен боудетъ князь Дмитрей московской, да огрозится имя мое во странахъ вашихъ, а мнѣ царю достойно подобна себѣ бысть, доволенъ есмь царския чти». Въ 1 редакціи отвѣтъ Батыя высокопарнѣй: онъ обѣщаетъ избавить союзниковъ «отъ насильства и отъ обиды», зоветъ всюду великаго князя своимъ «улусникомъ», который отъ одного имени царева долженъ убѣжать въ «далныя и непроходимыя мѣста», ему, царю — не достойно воевать съ такимъ ничтожествомъ: «подобаетъ мнѣ побѣдѣ подобна себѣ нѣкоего великаго и силнаго и славнаго царя, якоже царь Александръ Македонскій побѣди Даріа царя Перскаго и Пора царя Индѣйскаго, таковаа побѣда моему царскому имени достонѣтъ и величество мое славится по всѣмъ землямъ». Въ 1 редакціи тонъ болѣе выдержанъ:

оттѣнено высокоуміе Батія; 2 редакція упрощаетъ текстъ, но имѣетъ въ виду сохранить тоже впечатлѣніе.

б) Упрощеніе текста замѣчается и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ напримѣръ—въ разсказѣ о Оомѣ Кацибѣѣ сказано, что онъ былъ «разбойникъ», а не «иже бысть нѣкогда разбойникъ и въ покааніе приде»; въ разсказѣ объ утрѣ боя: «и бысть утра мгла» — вм. «мгла велія по всей землѣ, аки тма» и пр.

в) Рѣчь великаго князя передъ битвой во 2 редакціи въ простыхъ выраженіяхъ и сокращенно передаетъ мысль первой, гдѣ сказано: «возлюбленніи отцы и братія... вси бо есмы отъ мала и до велика братія едины, внуци Адамли, родъ и племя едино, едино крещеніе, единая вѣра христіанская, единого Бога имѣемъ Господа нашего Иисуса Христа, въ Троицѣ славимаго; умремъ въ сій часъ за имя Его святое и за православную вѣру и за святыя церкви и за братію нашу за все православное христіанство». И воины, «слышавше сіе... мужествени быша, яко орли летающе и яко лвы рыкающе на татарьскыя полкы». Вторая редакція сокращаетъ эту рѣчь, и великій князь представляется просто увѣщающимъ воиновъ — оставить земныя попеченія, думать о будущей жизни: «да венцы оувяземся отъ Христа Бога душамъ нашимъ». Здѣсь вторая редакція очень кстати вспоминаетъ то, что сказалъ великому князю о вѣнцахъ преподобный Сергій. Риторическаго описанія мужественной готовности русскихъ къ бою — нѣтъ.

г) Значительно сокращенъ весь разсказъ о единоборствѣ: нѣтъ описанія внѣшности татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, который во 2 редакціи не носитъ имени и названъ печенѣгомъ. Витѣватая рѣчь Пересвѣта, просящаго Бога о побѣдѣ, «якоже древле Давиду на Голиада» — замѣнена короткимъ обращеніемъ къ Ослябѣ и великому князю. Характеристика Пересвѣта — опущена. Надо думать однако, что редактору было всетаки извѣстно преданіе о Пересвѣтѣ, онъ названъ «любчанинъ родомъ» — чего въ 1 редакціи нѣтъ.

д) Въ молитвѣ великаго князя цитата изъ псалма: «что ради возсташа на мя» — замѣнена вставкой изъ того же псалма: «что ради оумножишася на мя стоужающи ми». Редакторъ могъ цитировать по памяти; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно измѣняетъ разсужденія 1 редакціи, подбирая цитаты изъ Св. Писанія по личному усмотрѣнію. Въ разсказѣ о возвращеніи пословъ къ союзникамъ отъ Мамаея обѣ редакціи, сохраняя одну и ту же точку зрѣнія, расходятся въ разсужденіи о скудоуміи Олега и Ягайла:

1 редакція.

Они же, безумни суще, возрадовашеся о суетнѣмъ семъ привѣтѣ Мамаевѣ, не вѣдаяще, яко Богъ даетъ власть емуже хоцетъ, ни помянуша реченнаго Господемъ: каа польза челоувѣку, аще весь міръ пріобрѣщеть, а душу свою отщетить, сирѣчь погубить? преходить бо житіе сіе и царство отъ рода въ родъ и отъ языка въ языкъ, а челоувѣкъ, сътворивый злаа, мучится во вѣки, не имѣя помощи отъ пріобрѣтенія всего міра. Они же безуміемъ своимъ зинушася, ищуще земнаго и тлѣннаго пріобрѣтенія, яко скотъ.

2 редакція.

Они же скоудным оумом своимъ возрадовашася о суетнемъ привѣтѣ, а не вѣдыи, Богъ даетъ власть емоуж хоцет. И не вѣм, что сіа рекоу: аще бы врази были собѣ, то о собѣ бран сотворили. Ныне ж что сіа глаголють: едина вѣра и едино крещеніе, а к безбожному приложилис, вкупе хотятъ з безбожнымъ гонити православноую вѣру. О таковыхъ бо патерикъ рече: по истинне отсекошасъ свои масличны, присадишася къ дикой масличне, тако и сіи беззаконніи отвергошасъ свои вѣры православной хрестыянской и приложисъ к безбожному. Олег же нача поспѣшивати и слати к Момаю посылы и рече: подвижася, царю, скоро. О таковыхъ бо рече писаніе: о нераз-

соуженіе поутѣ незаконныхъ и собираютъ себѣ досажденіе и понос, правыхъ же поутѣ обрящется. Нынѣ же Ола новаго Святополка нарекоу.

Отсутствіе сходства въ разсужденіи и распространеніе его во 2 редакціи обусловлены тѣмъ, что редакторъ, пользуясь писаніемъ, нашелъ, по его мнѣнію, болѣе подходящія сравненія. При обиліи матеріала онъ заставляетъ Олега вновь посылать къ Мамаю пословъ — начинать походъ, (чего нѣтъ въ 1 редакціи), для того, чтобы еще разъ блеснуть цитатой.

3) Преслѣдуя ясность и точность слога, вторая редакція, по мѣрѣ возможности, *избѣгаетъ повтореній*.

а) Въ разсказѣ о сборѣ русскаго воинства со всей земли 1 редакція дважды указываетъ на приходъ войска къ великому князю: «И собирашеся воинства много», и ниже: «И снидошася мнози отъ всѣхъ странъ на Москву къ великому князю»; во 2 редакціи объ этомъ говорится только одинъ разъ: «Къ великому жъ князю на Москву мнози люди приспѣша».

б) Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выпущены задерживающія ходъ повѣствованія подробности: возложеніе схимы вмѣсто шлема, чтобы «крѣпче поборати по Христѣ на враги Его», и опредѣленіе иноковъ, какъ «извольниковъ» великаго князя: «ихъ же изволилъ еси съ тобою быти въ прилучившихъжеся напастехъ въ бѣдное сіе и нужное время».

Въ томъ же разсказѣ преп. Сергій дважды повторяетъ предсказаніе, что великій князь побѣдитъ Мамаю: первый разъ, по возстаніи отъ трапезы, онъ говоритъ, что «Господь... вознесетъ тя, а его... гордость низложитъ», но Дмитрій повидимому пропускаетъ слова старца безъ вниманія; вторично преп. Сергій говоритъ о будущей побѣдѣ, провожая великаго князя; послѣдній же, принявъ благословеніе, *повторяетъ* слова преподобнаго: «Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Тѣмъ побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя». Эти

повторенія — замедляютъ разсказъ, не оттъняя главной идеи эпизода. Во 2 редакціи пророчество Сергія помѣщено въ началѣ разсказа и болѣе уже не повторяется; идея: пророческое благословеніе старца есть основаніе будущаго успѣха — ясна.

Когда великій князь пришелъ къ Кипріану и разсказалъ о своемъ посѣщеніи обители пр. Сергія, митрополитъ просилъ его никому не говорить о пророчествѣ. Это мѣсто одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, но въ 1-й, кромѣ того, слова: «не повѣда никому же» повторяются раньше, еще до прихода къ Кипріану.

в) Выпущенъ вторичный разсказъ о приходѣ звѣрей на мѣсто будущаго побоища: «Волкомъ же страшно всю ночь выюшимъ и толико ихъ бѣ множество, яко со всеа вселенныя снidoшася, и враны грающе и кричаще, и орлы клегчюще страшно зело всю ночь». Первая редакція, описывая передъ тѣмъ переходъ войска черезъ Донъ, говорила о собравшихся звѣряхъ и птицахъ въ тѣхъ же выраженіяхъ.

г) Наконецъ, выпущенъ разсказъ о томъ, что великій князь былъ раненъ, татары стали одолѣвать, убили Бренка и множество русскихъ воиновъ: ниже объ этомъ будетъ упоминаться вторично, и 2 редакція, дѣйствительно, сохраняетъ этотъ разсказъ только въ концѣ описанія перваго момента боя, передъ выходомъ засаднаго полка, отчего все повѣствованіе принимаетъ стройный характеръ.

Таковы измѣненія второй редакціи со стороны внѣшней, текстуальной. Редакторская работа стремилась придать Сказанію, по возможности, лучшую стилистическую отдѣлку. Въ этомъ случаѣ разбираемая редакція выгодно отличается отъ послѣдующихъ, многочисленные списки которыхъ представляютъ памятникъ часто въ весьма искаженномъ видѣ.

Измѣненія, касающіяся *содержанія* Сказанія, вытекаютъ, прежде всего, изъ перемѣны точки зрѣнія редактора. Эта точка зрѣнія высказана имъ въ самомъ заглавіи Сказанія. Первая редакція, какъ было видно изъ ея заглавія, приписывала одержанную надъ Мамаемъ побѣду исключительно «чуду» пречистыя

Богоматери, святителя Петра и Сергія, котораго Никоновская лѣтопись называетъ уже чудотворцемъ. Я замѣтилъ въ своемъ мѣстѣ, что это заглавіе не находилось въ протографѣ Сказанія, а принадлежитъ его Кипріановской редакціи, проводящей тенденцію — прославленіе Кипріана и московскихъ чудотворцевъ, замѣстителемъ которыхъ являлся на каеедрѣ митрополитъ. Вторая редакція старается дать исключительно историческое повѣствованіе, въ достаточной степени объективное, указывая на памятники, какъ на повѣсть, сложенную «отъ древняго писанія», рассказывающую о томъ, какъ случилась «брань на Дону», какъ «Богъ возвысилъ христіанскій родъ и уничтожилъ поганыхъ» и помогъ великому князю одержать побѣду надъ безбожными татарами.

Тенденція Кипріановской редакціи — *отсутствуетъ* во второй; слѣдовательно сильно сглажено участіе Петра, Сергія и особенно Кипріана въ описываемомъ событіи. Разказы о посѣщеніи обители преподобнаго Сергія, какъ я выше указывалъ, стройнѣе и короче во второй редакціи. Въ Кипріановской видны слѣды спайки протографа Сказанія и Житія Сергія, *почему и пророчество преподобнаго о побѣдѣ повторено два раза*. Въ разказѣ о примѣтахъ Дмитрія Волынца пропущено обращеніе послѣдняго къ великому князю: «Благодари Бога и пречистую Богородицу и великого чудотворца Петра и вся святыхъ»; вмѣсто этого — просто: «призывайте Бога». И всякій разъ, какъ въ 1 редакціи упоминается святитель Петръ, вторая замѣняетъ его имя какими-нибудь другими святыми, чаще всего упоминаются Борисъ и Глѣбъ. Нѣтъ разказа о чудѣ Петра въ видѣніи Василя Капицы и Семена Антонова — какъ Петръ поражалъ жезломъ множество эфіоповъ. Вмѣсто этого эпизода поставлена молитва великаго князя о побѣдѣ на враговъ, которую да пошлетъ ему Богъ такъ же, какъ когда то «великому князю Александру на хвалящагося на римскаго короля Магнуша». Князь Владимиръ Андрѣевичъ, поздравляя великаго князя съ побѣдой, *отгѣняетъ*, по первой редакціи, эту чудесную

помощь Петра, указывая на избіеніе татаръ невидимою силою тамъ, куда не ступали русскіе, и — Сергія «преподобнаго игумена чудотворца», которымъ прежде всего «должна быть воздана честь и слава». (Замѣчательно, что эта формула изъ разсматриваемаго эпизода повторена трижды въ Кипріановской редакціи). Вторая редакція упоминаетъ о помощи указанныхъ святителей одинъ разъ, и то вскользь: «По милости божии и пречистой Его Матери и молитвами сродникъ нашихъ Бориса и Глѣба и Петра московскаго святителя и игумена Сергея и всѣхъ святыхъ молитвами врази наши побеждени соутъ, а мы спасохомся». Борисъ и Глѣбъ и здѣсь поставлены на первое мѣсто: объективный редакторъ упоминалъ о нихъ прежде всего потому, что они были «сродниками» князей-побѣдителей.

Но главная особенность редакторскихъ сокращеній состоитъ въ томъ, что опущено все, *касающееся тенденціознаго прославленія Кипріана*.

Въ Кипріановской редакціи приведены два разговора великаго князя съ Кипріаномъ¹⁾. Первый происходитъ послѣ того, какъ великій князь получилъ извѣстіе о движеніи Мамаѣ. Съ братомъ Владиміромъ идетъ онъ къ «отцу своему Кипріану митрополиту» съ печальной вѣстью; митрополитъ начинаетъ утѣшать его, говоря: «не смущайся убо о семъ, господине и сыне мой возлюбленный; многи убо скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавить я Господь, и показуя, наказа мя Господь, смерти же не предасть мя, Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло». Великій князь отвѣчаетъ, что онъ сдѣлалъ все «по уставу отецъ своихъ» по отношенію къ врагу и ни въ чемъ не повиненъ.

Бесѣда неожиданно прерывается приходомъ татаръ: «забѣ внезапноу придоша» послы отъ Мамаѣ, прося выхода не по «докончанію» съ великимъ княземъ, а такъ, какъ было при

---

1) Я не говорю уже о вставкѣ о Митяѣ, которой, конечно, нѣтъ ни во второй, ни въ послѣдующихъ редакціяхъ.

Азбикѣ и Чанибекѣ. Дмитрій отказывается, и послы гордо заявляютъ, что Мамай уже за Дономъ, въ татарскомъ Полѣ.

Тогда Кипріанъ произноситъ цѣлое поученіе великому князю, указывая, что надо послать выходъ. Онъ ссылается на случай съ Василиемъ Великимъ въ Кесаріи и заключаетъ рѣчь слѣдующей сентенціей: «Тако бо Господь повелѣ христіаномъ творити со смиреною мудростію, якоже глаголетъ въ Евангеліи: будите мудри, яко змѣи, и цѣли, яко голубіе. Змѣева убо мудрость сицева есть: егда нѣкое ей бѣдное прилучится, егда будетъ отъ нѣкоего бѣема и уязвляема, тогда все тѣло свое дасть на язвы и бѣненіе, главу же свою всею силою соблюдаетъ; такоже и всякъ христіанинъ о Христѣ, егда тѣсно и нужно время прилучится ему, гонимъ, уязвляемъ, бѣемъ, мучимъ, вся своя предастъ, злато и серебро, и стяжаніе, честь, славу, въ велицей же нужѣ и тѣло свое попускаетъ ранимо быти; главу же свою, еже есть Христосъ и яже въ него вѣра христіанская, соблюдаетъ всякимъ опасеніемъ любви Его ради и вѣры. Тако убо повелѣ Господь мудрѣ устроить и исправляти: аще бо стяжанія, и имѣнія, и злата, и серебра ищутъ гонящии, дадите имъ, елико имате; аще ли чести и славы хотятъ, дадите имъ; аще ли вѣру вашу отъяти хотятъ, стойте крѣпко за сіе и сохраняйте всякимъ опасеніемъ». По этому совѣту великій князь отправляетъ посольство съ дарами.

Вторая редакція значительно сократила всю эту бесѣду. Кипріанъ нигдѣ не называется «отцемъ» великаго князя: «отче» является обыкновеннымъ обращеніемъ къ митрополиту, какъ только къ духовному лицу; митрополитъ называетъ Дмитрія всюду «господиномъ». Разказа о приходѣ татаръ — нѣтъ. Вышеприведеннаго разсужденія Кипріана о «подражаніи змѣевой мудрости» точно также нѣтъ: оставленъ одинъ только примѣръ Василя Великаго.

Второй разговоръ происходитъ послѣ того, какъ великій князь узнаетъ о переходѣ на сторону Мамай союзниковъ —

Ягайла и Олега. Смирение и подчинение великаго князя митрополиту въ Киприановской редакціи особенно подчеркнуты. Киприанъ совѣтуетъ ему собирать отовсюду войска «со всякимъ умиленіемъ и смиреніемъ и любовію», «не скорбѣть и не смущаться». Великій князь изображается совершенно утѣшеннымъ словами митрополита: онъ «возложи печаль свою на Господа и на пречистую Его Матерь и на *святаго чудотворца Петра*; со всяческимъ «смиреніемъ» разсылаетъ онъ гонцовъ по землямъ, проситъ прощенія въ грѣхахъ своихъ, творя «милостыню по монастыремъ».

Во второй редакціи текстъ не только сокращенъ, но уничтожены всякіе намеки на отсутствіе самостоятельности въ великомъ князѣ. Наоборотъ, слова утѣшенія, которыя говоритъ Киприанъ, представляютъ общее мѣсто, а не носятъ характера поученія, какъ въ 1 редакціи. О «смиреніи» Дмитрія — нѣтъ рѣчи: гонцовъ и стражу уготовляетъ великій князь по своему усмотрѣнію, единственный совѣтникъ его — князь Владимиръ. Изложеніе эпизода — стройнѣе во второй редакціи, потому что въ первой рассказъ прерывается вставкой лѣтописнаго характера: «Вмалѣ же бысть тихость отъсюду, и великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевича тысяцкаго, з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми тогда пришедшими князи и воеводами»... Эта вставка отсутствуетъ во 2 редакціи, и рассказъ о посланіи первой стражи слѣдуетъ непосредственно за окончаніемъ разговора Дмитрія съ Киприаномъ.

Итакъ сокращенія и измѣненія, касающіяся содержанія второй редакціи Сказанія, выражаются въ уничтоженіи тенденціозности: Киприанъ, имя котораго неразрывно связывается 1 редакціей съ именами Петра и Сергія, не стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи редакторъ старался быть объективнымъ.

Дальнѣйшія особенности разбираемой редакціи относятся къ разряду *дополненій*.

Эти дополненія представляютъ изъ себя: 1) — вставку разсужденій, долженствующихъ отгѣнить характеры дѣйствующихъ лицъ въ Сказаніи; 2) — разсказовъ и молитвъ, дополняющихъ характеристику великаго князя; 3) — отдѣльныхъ эпизодовъ, дополняющихъ характеристику противниковъ и 4) — риторическихъ украшеній и заимствованій изъ Повѣданія, для приданія красоты и занимательности повѣствованію.

1) *Отрицательная характеристика союзниковъ противопоставляется христіанской кротости и твердости духа великаго князя и русскаго воинства.*

а) Мамай представляется высоко мнящимъ о себѣ, но недалекимъ человѣкомъ:

Въ разсказѣ о сборѣ Мамай въ походъ и наймъ имъ войска, изложенномъ въ общемъ одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, 1 редакція говоритъ, что онъ, ставъ лагеремъ на Воронежѣ, началъ уже называть себя царемъ, а не просто «княземъ», какъ прежде. Вторая редакція, вмѣсто этого замѣчанія, приводитъ рѣчь Мамай: «заповеда оулоусомъ своимъ: ни единъ васъ не пашите хлѣба, да боудете готовы на роусскія хлѣбъ», — такой сильной выставлена увѣренность его въ побѣдѣ. Ниже, при допросѣ захваченнаго «языка» татарскаго вновь отгѣняется это желаніе Мамай: «на осенъ быти на роусскія хлѣбъ».

Получивъ ярлыки отъ Ягайла и Олега, Мамай нѣкоторое время колеблется, думая, что союзники обольщаютъ его коварно, однако чрезвычайно скоро даетъ уговорить себя своимъ приближеннымъ и утѣшается сознаніемъ: «нынѣ же разность велика межъ ими».

б) Олегъ рисуется скудоумнымъ и трусливымъ:

Въ 1 редакціи нѣтъ характеристики Олега, только послѣ разсказа объ отправленіи ярлыковъ имъ и Ягайломъ къ Мамаю прибавлено: «Сиде помыслиша въ безуміи своемъ». Вторая редакція указываетъ на «скудость ума въ главѣ его», на «ухищреніе», которое сатана вложилъ ему въ сердце. Подвигнутыя на великаго князя онъ умыслилъ «своимъ худымъ умомъ», его

коварство сравнивается съ поступкомъ Святополка, онъ самъ называется «новымъ» Святополкомъ. Переходомъ на сторону Мамаю Олегъ и Ягайло приравниваются къ «несмысленнымъ молодымъ дѣтямъ», не вѣдающимъ «Божія силы и владычнія смотрѣнія». Въ письмѣ, адресованномъ къ Ягайлу, (хотя и сокращенномъ противъ первой редакціи) есть добавленія, отмѣняющія недомысліе Олега: еще не зная, чѣмъ кончится дѣло и на чьей сторонѣ будетъ побѣда, онъ дѣлитъ уже русскую землю, наивно отдавая Ягайлу Москву, а себѣ беря Коломну, Муромъ, Владимиръ, раздѣляя княженіе «ово к Вилне, ово к Резани». Въ письмѣ Мамаю онъ хвастается, что «вельми» устрашаетъ Русь и великаго князя. Отмѣняя самомятѣніе Мамаю, редакторъ резюмируетъ неразумное высокоуміе союзниковъ слѣдующими словами въ пользу великаго князя: «По истинне бо рече: аще кто держитъ въ сердце добраядѣтели, то можетъ быти безъ многихъ враговъ. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ образъ смиренія нося, высокихъ ища, и еще жъ не слыша ни единого, ежъ совѣщаша о немъ ближніи его».

Разсказъ о смущеніи Олега, узнавшаго о томъ, что Дмитрій готовъ противустать непріятельской силѣ, значительно полнѣе, чѣмъ въ 1 редакціи. Олегъ, узнавши, что великій князь «сердцемъ своимъ не оупалъ, но твердою своею вѣрою крѣпко хочетъ съ печенѣги битися и имѣетъ оупованіе на единого Бога», началъ «с мѣста на мѣсто преходити». Бояре еще болѣе смущаютъ его, указывая на прозорливаго старца Сергія, по благословенію котораго начаты сборы. Олега не утѣшаетъ сознаніе, что не онъ одинъ «оскудѣ оумомъ», но и болѣе его умный Ягайло, потому что «не одного жъ Богъ възыщетъ, но мене, онъ имѣетъ законъ гоугниваго Петра, азъ же имѣхъ правый законъ. Но что ради зло сотворихъ, того бо ради о мнѣ рече: аще рабъ не сохранитъ закона господина своего, то бѣенъ боудетъ много». Олегъ находится въ раздумьи: онъ бы и приложился вновь къ великому князю, но тотъ его не приметъ; какъ союзника Мамаю, т. е. врага христіанству: «яко одного новаго Святополка земля моя пожретъ,

не токмо княженіа лишен боудоу, но и живота гонзуся». Молитва Сергія поможетъ Дмитрію. Съ другой стороны—ему нельзя быть нейтральнымъ: «Аще ли ни единому отъ нихъ помощи не сотворю, то в прокъ ото обоихъ како могоу прожити, а ныне которому присягоу имѣю».

в) Такимъ же слабоумнымъ и трусливымъ рисуется Ягайло:

Разсказъ о томъ, что Ягайло, узнавъ о нерѣшительности Олега, чувствуетъ, что и самъ можетъ погибнуть, благодаря неразумному союзу, распространенъ указаніемъ на трусость литовскаго князя: Ягайло остается у Одоева, говоря: «пребудемъ оубо здѣ, дондежъ оуслышимъ московскаго побѣду».

г) Дмитрій изображается прежде всего кроткимъ и смиреннымъ христіаниномъ, но сильнымъ духомъ: молитва, которую произноситъ онъ, узнавъ о походѣ Мамая, продолжена противъ 1 редакціи: «Оукроти, Господи, сердце сверѣпому и сотвори, Господи, яко Езекию. И рече: на Господа оуповаю и не изнемогоу».

Возвращаясь изъ обители преп. Сергія, великій князь радуется благословенію святаго старца: «не помышляя ни на злато, ни на серебро, ни на богатство, но велии радовашесъ о благословеніи старца».

Обѣзжая побойще, великій князь останавливается надъ убитыми воеводами и къ каждому обращается, плача, со словами, общее содержаніе которыхъ—просьба помолиться за него Богу и просить его, такъ какъ скорую смерть пріiali они «его ради».

д) Между братьями Дмитріемъ и Владиміромъ горячая любовь и дружба.

По окончаніи битвы, князь Владиміръ созываетъ уцѣлѣвшихъ. Не видя великаго князя, онъ «пожда часъ не обрете брата своего великаго князя, нача плакати и кричати и по полкомъ ѣздити и не обрете брата своего». Отгѣнена поэтому и добрая вѣсть о томъ, что Дмитрій живъ: вмѣсто «повѣдая ему великаго князя жива», вторая редакція даетъ распространенное чтеніе:

«поведа ему, яко княз великій добръ здоров и царствует в вѣки».

е) Сподвижники великаго князя и все войско умственно и нравственно превосходятъ враговъ:

Захарія Тютчевъ охарактеризованъ во 2 редакціи. Онъ выбранъ посломъ къ Мамаю, какъ «довольный смысломъ», умѣющій «языку еллинскоу».

Пришедшіе на Москву воеводы съ войсками «вси единеміи оусты глаголаху: даи ж нам, Господи, единеміи оусты и единомъ сердцемъ оумрети и святое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради христьянскіе». Этого разсужденія въ 1 редакціи нѣтъ. Общее настроеніе — умереть за родину — формулируется словами того же Дмитрія своему брату: «Поспешимъ, брате, противу безбожныхъ сихъ печенѣгъ и не отовратимъ лица своего отъ безстоудныхъ сихъ. Аще намъ случится смерть, то дома живучи и оумрети ж, а отъ смерти не избыти нигдѣ ж».

Такимъ же сильнымъ христіанскимъ духомъ, какъ Дмитрій, проникнуто все русское войско. Цѣлый рядъ дополненій 2 редакціи посвящаетъ изображенію состоянія духа войска передъ началомъ славной битвы: Русское войско — уже за Дономъ, передовые разѣзды все чаще и чаще сообщаютъ о приближеніи непріятеля, русскіе — полны мужества, «оужъ земнаго не помышляюще ничтожъ, но видяще каждо предъ очима, оужъ бо поганіи стоудомъ помрачуются, видяще погибелъ живота своего, понежъ погибѣ памяти ихъ съ шюмомъ. Правовѣрніи жъ чловѣци просвѣщаются, радующесе, чающе оного обетованія и прекрасныхъ венечъ отъ роуки Вседержителя, о нихъ же поведа преподобный Сергей старецъ».

Вслѣдъ за этимъ идетъ разсказъ о приходѣ Семена Мелика съ дружиною, еле ускользнувшего отъ татарской погони. Татары, увидавъ вдали русское войско, передаютъ Мамаю численность его съ испугу вчетверо болѣе дѣйствительной. Мамай еще болѣе исполняется ярости и приказываетъ немедленно готовиться къ битвѣ. Русскіе разѣзды сообщаютъ Дмитрію, что

царь уже «на Гусинѣ броду» — утромъ будетъ на рѣкѣ Непрядвѣ. Меликъ совѣтуетъ великому князю исполниться теперь же: завтра времени будетъ немного.

Весь этотъ рассказъ какъ бы увеличиваетъ грозное наступленіе важныхъ событій: онъ отгѣняетъ громадность непріятельской силы для того, чтобы противопоставить ей силу духа русскаго войска. Великій князь укрѣпляетъ своихъ воиновъ рѣчью, въ которой сравниваетъ грядущую битву съ давно желаннымъ пиромъ: «Братія моя милая, сынове русскія, молодые и великіе, оужъ ночь приспѣ, а день приближися грозный. Бдите и молитесь и креститесь: Господь силенъ во бранѣхъ. И здѣ пребудемъ, каждо на мѣстѣ своемъ, во оутрѣи жъ день поспешите, братія, надобетъ оурядитися: оужъ бо гости наши на рѣцѣ на Непрядвѣ, во оутрѣи жъ день имамы вси пяти общоую чашу смертную поведеную, тое бо есмь чаши ещо на Роуси жадали за много дни, но оуповайте на Бога жива. Миръ вамъ, братія». И наступившая передъ битвой ночь, по отношенію къ состоянію духа, была «по истиннѣ неслѣтна невѣрнымъ, а вѣрнымъ же просвѣщена есть».

Русское войско крѣпко своей вѣрою, и Богъ помогаетъ ему. Наоборотъ, татарское рисуется трусливымъ, и ему не могутъ помочь его «невѣрные» боги. Мамай, видя поражение своего войска, «нача призывать боги своя: Пероуна, и Соловата, и Мокоша, и Раклѣя, и Гоурса, и великаго пособника Махмета, и не бысть емоу помощи отъ нихъ ничтожъ: сила бо святаго Духа, аки огнемъ пожигаетъ ихъ, татарскіе полки роусскими мечи секоутъ». Мамай обращается къ своимъ съ рѣчью: «Побѣгнемъ, брате, и ничтожъ добра не имамъ, но токмо головы оунесемъ свои». Русскіе пытаются догнать его, но не могутъ только потому, что ихъ кони были уже утомлены, а Мамай скакалъ на отдохнувшихъ.

Трусость татаръ подчеркивается при всякомъ случаѣ: Въ мгновенье утра, когда полки стали сходитьсѣ: «татарскіе трубы яко онемѣша, а роусскіе полки оутвердишасѣ».

Наконецъ, мелкая подробность: захваченный стражею татаринъ оказывается «языкъ нарочитъ, царева двора».

2) Для дополненія характеристики великаго князя, какъ христианина, онъ изображается постоянно приближающимъ съ молитвою къ Богу.

Послѣ донесенія Захаріи Тютчева о соединеніи Олега и Ягайла съ Мамаемъ, 2 редакція приводитъ первую вставную молитву. Великій князь смиренно проситъ Господа «судить по правдѣ его»: если врагъ идетъ войною, то еще можно перенести это зло, — но когда «друзи искренніи» начинаютъ злоумышлять, то судьбою въ такомъ незаконномъ поступкѣ можетъ явиться только одинъ Богъ.

По пріѣздѣ отъ Троицы, великій князь начинаетъ собираться въ походъ. 1 редакція указываетъ только, что передъ выступленіемъ онъ молился передъ образомъ Богоматери, Лукина письма, у гроба чудотворца Петра и въ церкви святого Михаила — у праха своихъ родителей. Вторая редакція даетъ тексты всѣхъ этихъ молитвъ: «Князь же велики иде в ложницю свою, оуж к вечеру, приспѣвшу четвергоу августа 19 день, на памягь свягата отца Пимиа Отходника», съ братомъ княземъ Владимиромъ и молится: 1) Вседержителю Спасу, котораго со слезами проситъ простить согрѣшенія и дать ему помощь на противныхъ; 2) Богородицѣ, чтобы она умолила Сына своего — смирить сердце врагамъ и помочь русскимъ, ибо враги «не исповедаютъ Тебе» и, слѣдовательно, какъ безбожные, должны быть побѣждены; 3) Петру, какъ стражу земли русской: черезъ него возсіяла благодать въ великокняжескомъ родѣ; если онъ помогалъ раньше, то и теперь «приспѣ время молити за ны ко общему Владыцѣ», и 4) родителям — «православія поборникамъ», чтобы они помогли ему, такъ какъ и онъ — хранитель завѣтовъ предковъ. Всѣ молитвы выдержаны въ одномъ тонѣ: смиреніе и сохраненіе православнаго начала въ великомъ князѣ должно одержать верхъ надъ высокоуміемъ и невѣріемъ противниковъ.

Таково же содержаніе молитвы великаго князя при началѣ боя, которую онъ читаетъ въ большомъ полку передъ знаменемъ: вкратцѣ здѣсь повторяется содержаніе вышеприведенныхъ молитвъ Спасу — Богородицѣ — Петру, имена которыхъ великій князь снова упоминаетъ.

Въ разсказѣ о видѣніи Оомы Хабычѣва, гдѣ, не смотря на сокращеніе противъ 1 редакціи, проводится тенденція — обращеніе видѣніемъ этого «разбойника» на истинный путь: «и оттолкъ человекъ той вѣрен бысть и целомудръ», вставлена риторически составленная молитва Дмитрія. Я приведу ея текстъ цѣликомъ: «Господи Владыко человеколюбче, молитвами святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, яко Моисѣю на Амалика и прадедоу нашему великому князю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша и разорив его отечество. Но послѣ на ны милость свою и просвети насъ благоутробнымъ своимъ милосердіемъ, не предаждь насъ рабъ своихъ на смѣхъ цоганымъ, да не порадоуются врази наши и да не ркутъ въ странахъ своихъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него жъ оуповаша. Помози, Господи, православному хрестыанству, иже именууютъ имя твое святое». Содержаніе ея, какъ видно, такое же, какъ и вышеизложенныхъ молитвъ.

Наконецъ въ уста великому князю вложена благодарственная молитва, которую онъ произноситъ по окончаніи битвы. Содержаніе этой молитвы, составленной большею частію по Псалтыри, — хвала и благодарность Богу за то, что не далъ хрестіанъ «въ поруганіе врагомъ», не далъ «въ похвалу иному языку».

3) *Для давленнѣшаго усиленія контраста между правымъ дѣломъ русскихъ и насиліемъ союзниковъ вставлена цѣлая поѣсть:*

О приходѣ князей Ольгердовичей къ великому князю.

Вставка этой повѣсти принадлежитъ къ *важнѣйшимъ признакамъ, отличающимъ 2 редакцію.*

Первая редакція ограничилась однимъ указаніемъ на то, что князья Андрей Ольгердовичъ Полоцкій и Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій пришли на помощь Дмитрію. Повѣданіе посвя-

тило братьямъ цѣлую строфу. Очевидно существовало особое сказаніе о приходѣ этихъ двухъ братьевъ съ войсками на помощь русскимъ. Особый интересъ заключался въ томъ, что братья этимъ поступкомъ возстали на своего *родного брата* Ягайла ¹⁾, движимые чувствомъ христіанской вѣры. Редакторъ, вводя эту повѣсть въ Сказаніе, въ началѣ колебался, вести ли рассказъ въ 1 или въ 3 лицѣ, отчего у него и явились такіа выраженія: «бѣста бо есми отцемъ и братомъ ненавидимъ»; «бѣ бо есмя едини крещеніемъ», но далѣе — рассказъ уже ведется имъ исключительно отъ 3 лица.

Ольгердовичи получили крещеніе отъ мачехи — княгини Анны, но, терпя гоненіе, были словно «класы доброплодныя, терніемъ подавляемы». Узнавъ о походѣ на Русь Мамай, Андрей посылаетъ къ брату тайно письмо, въ которомъ указываетъ, что если уже они отвержены отцомъ, то лучше приложиться Отцу небесному, совершить христіанскій подвигъ — пойти едино-вѣрному великому князю на помощь. Этимъ исполнится апостольское слово: «братіа, в бедахъ пособники бывайте», поэтому не слѣдуетъ бояться, что они пойдутъ на родного брата. И Спаситель сказалъ: «предани боудете родители вашими и братею, оумрети имате, имяни моего ради». Письмо подѣйствовало на брата радостно: онъ готовъ свершить «подвигъ добрый» и предлагаетъ Андрею все свое войско, которое кстати уже готово: «иныя дѣля брани надлежащихъ от доунанскихъ варягъ». Дмитрій сообщаетъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, великій князь уже на Дону, такъ что слѣдуетъ идти съ войскомъ къ Дону, держа путь «на Сѣверу», чтобы этимъ утѣиться отъ брата своего Ягайла. Вскорѣ происходитъ радостное свиданіе двухъ братьевъ, «якожъ иногда Иосие с Веняминомъ», и вѣстѣи они идутъ къ Дону.

1)

Гедиминъ

|

Ольгердъ

Андрей Витундъ Полоцкий   Дмитрій Корибутъ   Владиславъ Константиновичъ Мелло
убить 1899   Брянский и Трубоческій   убитъ 1599

Ихъ многочисленное войско настигаетъ великаго князя еще до перехода черезъ Донъ, на мѣстѣ, называемомъ Березуѣ. Великій князь и радъ и изумленъ ихъ приходу: «яко не оудоб видѣти таковому востанію, яко братія оставиша брата пороугана», чтобы помочь русскому дѣлу. Дмитрій обращается къ нимъ съ привѣтственной рѣчью, даетъ дары и посылаетъ вѣсть объ ихъ приходѣ въ Москву къ Кипріану. Митрополитъ всюду велитъ служить благодарственные молебны, а великая княгиня творитъ милостыню нищимъ и убогимъ.

Таково содержаніе вставной повѣсти; редакторъ самъ чувствовалъ, что уклонился отъ общаго разсказа и замѣтилъ: «но на подлежащее возвратимся». Тѣмъ не менѣе слѣды прославленія Ольгердовичей и пришедшаго съ ними воеводы Дмитрія Боброкова Волинца проведены красной нитью черезъ все Сказаніе. Во первыхъ, съ внѣшней стороны, такая пространная вставка должна была нѣсколько измѣнить послѣдовательность плана второй редакціи, въ общемъ совпадающаго съ первой. Я приведу параллельно схему той и другой редакцій:

1 редакція.

2 редакція.

Уряженіе полковъ въ Коломнѣ.

Смущеніе Олега.

Посланіе 3 стражи.

Смущеніе Олега.

Ягайло остается у Одоева.

Замѣтка о приходѣ на Березуѣ.

Замѣтка о приходѣ Ольгердовичей.

Повѣсть объ Ольгердовичахъ.

Посланіе 3 стражи.

Приходъ на Березуѣ.

Разсказъ о приходѣ Петра Горскаго.

Далѣе, во 2 редакціи Сказанія Ольгердовичи уже всюду называются «новонареченною братіею». Они — герои разбираемой редакціи, поэтому принимаютъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ. Они, на примѣръ, заставляютъ колебавшагося

великаго князя назначить переправу черезъ Донъ. Въ рѣчи, съ которой Ольгердовичи обращаются къ Дмитрію, чувствуется даже риторическій пафосъ: Надо перейти Донъ, говорятъ они, тогда никто ужъ не помыслитъ назадъ: «Ярослав бо перевезеса рекоу Святополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣйского победи, а ты Бога нарек, также сотвори: аще побьемъ поганыхъ, то вси живи боудемъ, аще ли насъ побьютъ, то вси общею смертью оумремъ ото князя и до простыхъ людей». Вмѣстѣ съ Ольгердовичами прославляется и пришедшій съ ними Дмитрій Воłyнецъ. Онъ оказываетъ существенную помощь великому князю при уряженіи полковъ, его отправляетъ великій князь съ своимъ братомъ Владимиромъ въ засаду. Разсказъ о засадномъ полкѣ въ дубравѣ распространенъ, причемъ изображается состояніе духа князя Владимира, рвеніе котораго утишаетъ «мудрый воевода». «Мудрость» Воłyнца состояла въ томъ, что онъ удачно воспользовался переменной вѣтра и ударилъ на татаръ изъ засады, когда вѣтеръ былъ въ лицо врагамъ. Первая же редакція представляетъ дѣло такъ, что будто вѣтеръ чудесно переимѣнился по слезной молитвѣ русскихъ.

Послѣ разсказа объ устроеніи засады, вторая редакція непосредственно переходитъ къ разсказу о примѣтахъ Дмитрія Воłyнца. Вставочная повѣсть объ Ольгердовичахъ въ значительной степени повліяла и на этотъ эпизодъ. Въ 1 редакціи смыслъ ясенъ: Воłyнецъ беретъ съ собою одного только великаго князя, которому показываетъ примѣты. Онъ проситъ, чтобы великій князь далъ слово — не говорить никому о томъ, что онъ узналъ, чтобы не смущать войско картиной предстоящаго побоища. Діалогъ, конечно, ведется только между Воłyнцемъ и великимъ княземъ. Между тѣмъ во 2 редакціи, при сохраненіи этого діалога, великій князь не одинъ бесѣдуетъ съ Воłyнцемъ: при немъ Владимиръ и литовскіе князи, т. е. центральныя лица 2 редакціи. Получается явная несообразность: Воłyнецъ проситъ: «не подобаетъ сего, государю, в полцѣхъ повѣдати никому жъ», между тѣмъ великій князь — со свитой. Желаніе

изобразить принимающими участіе въ этомъ гаданьи Ольгердовичей, заставило редактора измѣнить эпизодъ ¹⁾. Затѣмъ, при видѣ готоваго на бой русскаго войска, слова удивленія силѣ и величію его вложены въ уста литовскихъ князей: «Не есть достойно, восклицаютъ они, при нас и преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому воинству, мужествомъ же подобни Гедеоновымъ слюзникомъ, Господь Богъ своею силою вооружил ихъ». Въ разсказѣ о поискахъ великаго князя, Ольгердовичи первые подаютъ свое мнѣніе: «Мы мнимъ, яко живъ есть, но узавен велми: егда в трупѣ мертвыхъ будетъ», тогда какъ въ 1 редакціи о томъ же сообщаютъ князю Владимиру «нѣціи»: «и начаша ему глаголати нѣціи», причемъ рѣчь ограничивается лишь сообщеніемъ, что Дмитрій раненъ, а не предположеніемъ, что онъ — живъ. Наконецъ, при объѣздѣ побоища съ Ольгердовичами и Волынцемъ, великій князь обращается къ послѣднему со слѣдующими словами: «Воистинну многоразумен еси человекъ, и неложна примѣта твоя, подобаетъ ти всегда воеводствовать».

4) *Для приданія бѣльшей живости и картинности изложенію редакторъ пользовался въ широкой степени заимствованіями изъ Повѣданія.*

а) Когда великій князь узнаетъ, что Мамай и союзники окончательно рѣшили итти на него войною, онъ обращается къ князьямъ и воеводамъ съ ободрительною рѣчью. Эта рѣчь и отвѣтъ дружины составлены на основаніи знакомства редактора съ Повѣданіемъ. Сохраняя цѣликомъ лишь немногія выраженія писанія Софонія, какъ то: «гнездо есмя Володимира Киевскаго», «головы своя положити... за православную вѣру и за твою обиду», это мѣсто можетъ считаться однако *первой* вставкой изъ этого памятника, такъ какъ въ переработкѣ сохраняетъ мысль его.

---

1) Измѣнить, но не обработать. Кромѣ указанной несообразности отмѣчу скомканность картины — плача земли, переданнаго въ сжатомъ пересказѣ, и множественное число въ обращеніяхъ Волынца: «слышасте», смѣшиваемое съ единственнымъ: «единая ти есть на пользу».

б) Послѣ перечисленія князей и воеводъ, пришедшихъ къ великому князю съ войсками, находится *вторая* вставка изъ Повѣданія, на этотъ разъ сохраняющая цѣликомъ выраженія писанія Софоніи. Вставка дѣлится на 2 половины: въ первой говорится и пріѣздѣ посадниковъ изъ Великаго Новгорода съ 7000 войска, во второй — изображается гулъ многочисленной рати, собравшейся въ Москвѣ. (Убо, братия, стук стучит...). Выше, при разборѣ Повѣданія, я указалъ въ какомъ отношеніи стоятъ эти заимствованія къ основному тексту.

в) Вслѣдъ за указанными выше текстами молитвъ (Спасу — Богородицѣ — Петру — прародителямъ) въ разбираемой редакціи находится *цѣлый* рассказъ о *прощаніи великаго князя съ женою и плачъ Евдокіи объ ушедшемъ мужѣ*. Въ Повѣданіи нѣтъ ему соответствія, но по изложенію и тону рассказъ этотъ нѣсколько близокъ къ писанію Софоніи, можетъ быть онъ былъ въ какомъ-нибудь недошедшемъ до насъ спискѣ послѣдняго. На связь этого рассказа съ Повѣданіемъ указываетъ нахожденіе въ немъ прямыхъ соответствій съ этимъ памятникомъ.

Схема рассказа такова: великая княгиня Евдокія съ женою князя Владимира (имени нѣтъ) и съ другими женщинами провожаютъ уходящихъ. Евдокія «во слезахъ не можетъ слова прорещи». Самъ великій князь насилу удерживается отъ слезъ, чтобы не выдать себя передъ народомъ, и утѣшаетъ свою великую княгиню. Послѣ отдачи «конечнаго цѣлованія» женщины уходятъ. Князь великій вступаетъ въ златое стремя и выѣзжаетъ съ князьями и боярами — «солнце имъ съ востока ясно сіяетъ, а сзади кроткій вѣтеръ вѣетъ». Это уже — непосредственно изъ Повѣданія, равно какъ и продолженіе: «Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся отъ златыхъ колодицъ, а то рвахоутся князи Белозерскія»...

Послѣ этихъ вставокъ рассказъ нѣсколько перебитъ: великій князь отпускаетъ войско разными дорогами, такъ какъ на одной всѣмъ не вмѣстится. Это мѣсто находится и въ 1 редакціи, тамъ оно кончается словами: «и бѣ ему среди солнце грѣаше, а

ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣяше и дышаше». Не смотря на то, что эта картина уже выше была въ текстѣ 2 редакціи, послѣдняя здѣсь *повторяетъ ее* еще разъ, что указываетъ на сохраненіе всего этого мѣста цѣликомъ по 1 редакціи.

Дальше продолжается разсказъ объ Евдокіи: великая княгиня съ снохою своею (имени нѣтъ) и съ другими женщинами идетъ въ златоверхій набережный теремъ и изъ южнаго окна смотритъ на удаляющееся войско. Причитаніе здѣсь изложено въ формѣ молитвы, но съ сохраненіемъ выраженій, напоминающихъ писаніе Софоніи: «отъ тоя бо брани русская земля уныла», «азъ же имѣю двѣ отрасли, еще млади суще, Василя и Юрью, егда поразить ихъ знои съ юга или вѣтръ подвѣетъ ихъ зъ запада, то не могутъ терпѣти». Замѣчательно, что указанная мною при разборѣ Повѣданія интерполяція сохранена и здѣсь: «Отъ Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣтъ 158»: очевидно, что у редактора былъ подъ руками уже интерполированный списокъ Повѣданія.

Въ житіи Дмитрія, при описаніи кончины великаго князя, вставленъ также плачъ Евдокіи, но вполне отличный отъ указаннаго: онъ находится въ ближайшей связи съ плачемъ въ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ, тогда какъ плачъ Сказанія составилъ подѣлъ сильнѣмъ вліяніемъ образовъ писанія Софоніи.

г) Четвертая вставка, вѣриѣе — передѣлка Повѣданія, находится послѣ разсказа о гостяхъ-суроужанахъ. Рисуется картина: движенія русскаго войска: «Тогда жъ возвѣяша силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошася великіа князи русскія, а по нихъ дѣти боярскіе успѣшно грядутъ, аки чаши медвяныя пити»..., и — переправы князя Владимира Андреевича черезъ рѣку: «Возвѣявшу со востока вѣтру, и в немъ громъ и молнія, ... стукъ стучитъ а громъ гремитъ по зарѣ по ранней: возитъ князь Володимѣрь Ондрѣевичъ реку Москву на красномъ перевозѣ Брашевскомъ».

д) Пятая вставка, послѣ разсказа о приходѣ великаго князя на Коломну, дополняетъ изображеніе готоваго на бой русскаго

войска: «И начаша мнози гласы ратных труб трубити и варганы теплоут... в саду Панѣиловѣ»... Я уже указывалъ выше на отношеніе этого мѣста къ Повѣданію.

е) Разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто будущаго побоища находится въ 1 редакціи. Эпизодъ этотъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Повѣданіи, и во 2 редакціи онъ значительно распространенъ противъ первой, такъ какъ редакторъ имѣлъ Повѣданіе подъ руками¹⁾.

ж) Такой же характеръ, какъ и предыдущее распространеніе, носить картинное изображеніе русскаго стана, представляшагося взорамъ великаго князя: «Аки нѣкїя свѣтильници солнечныя луча испущающе и всюдѣ светящеся... и стязи ревутъ наволоченныя, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще»... Это все мѣсто вновь обработано редакторомъ по Повѣданію.

з) Въ разсказѣ о засадномъ полкѣ вліяніе Повѣданія сказалось въ поэтическомъ сравненіи воиновъ, выѣхавшихъ на татаръ съ соколами, ударившими на стада гусиныя.

и) Формула общей битвы также нѣсколько измѣнена подъ вліяніемъ Повѣданія: первая часть формулы, общая въ 1 редакціи съ Лѣтописной Повѣстью, опущена, а вторая, ограниченная въ 1 редакціи только сравненіемъ: бояре и князи «аки дрѣвеса склоняхуся на землю» — распространена сравненіемъ битвы съ грозой, взятымъ изъ писанія Софонїи.

к) Наконецъ, вмѣсто перечисленія убитыхъ «на сступѣ» въ 1 редакціи, перечисленія, взятаго изъ Лѣтописной Повѣсти, 2 редакція, опускающая, какъ замѣчено, все изъ этого памятника, пользуется счетомъ, который ведетъ въ Повѣданіи (по списку Ундольскаго) Михайло Александровичъ, московскій бояринъ. Это перечисленіе («Нѣтъ, государь, у насъ сорока бояриновъ московскихъ»...) является послѣдней, девятой вставкой

---

1) Этотъ разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ упоминаніемъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, находящемся въ Лѣтописной Повѣсти и въ 1 редакціи и выпущеннымъ, какъ я говорилъ, во второй редакціи Сказанія.

изъ Писанія Софоніи. Какъ я говорилъ выше, всѣ эти вставки измѣнены редакторомъ противъ первоначальнаго текста.

Изъ украшающихъ вставокъ, взятыхъ изъ другихъ памятниковъ, отмѣчу заимствованіе изъ житія Ареѣы, находящееся въ 1 редакціи только въ спискѣ Древняго Лѣтописца. Эта вставка, иллюстрирующая рѣчь великаго князя въ отвѣтъ на просьбу боярь — щадить себя и не сражаться въ первыхъ рядахъ, какъ простой воинъ, повліяла на измѣненіе плана 2 редакціи:

1 редакція.

2 редакція.

Грамота отъ Сергія передъ битвой.

Уряженіе полковъ.

Увѣщательная рѣчь боярь

Видъ обѣихъ сходящихся великому князю.
силъ.

Отвѣтъ Дмитрія (вставка объ

Ареѣѣ).

Уряженіе полковъ.

Мамай съ холма смотритъ на битву.

Бой.

Разсказъ о чудѣ съ вѣнцами.

Увѣщательная рѣчь боярь.

Отвѣтъ великаго князя (Ареѣа только въ Д.).

Разсказъ о засадномъ полкѣ.

Изъ этой схемы видно, что вторая редакція имѣла цѣлью отгѣнить рѣчь боярь и отвѣтъ имъ великаго князя, поставивъ ихъ передъ повѣствованіемъ о боѣ. Въ 1 редакціи послѣдовательность нарушена: не къ чему вспоминать о томъ, что говорили бояре, уже *послѣ боя*; расположеніе частей — лучше во 2 редакціи, гдѣ вполне естественно, что бояре *до битвы* просятъ великаго князя беречь себя.

Самый разсказъ объ Ареѣѣ во 2 редакціи по изложенію гораздо полнѣе, чѣмъ въ Древнемъ Лѣтописцѣ; въ послѣднемъ, какъ я говорилъ выше, это мѣсто носитъ характеръ интерполяціи:

Древній Лѣтописецъ.

2 редакція.

И потомъ и сіе прирече имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Арефы; егда мучитель хотяше посѣщи его, и съ нимъ вся воины подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ предъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хочу видѣти небеснаго царя.

... Но паче вѣсте и разумѣте мучение святаго мученика Арефы: егда мучень бысть царемъ амиритскимъ и Дунасомъ жидовиномъ и, по многихъ мукахъ, повелѣ его царь усекнути, и крѣпцы его воины и доблии воеводы, един предъ единымъ спешитъ напередъ посеченъ быти, и единоумно вси главы своя под мечъ кланяху, видяху конецъ живота своего. И единъ нѣкоторый воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не азъ ли у земнаго царя на пиру преже васъ чару приимахъ, а нынѣ такожъ хочу преже васъ христову чашу пити и преже васъ умрети и венець отъ руки Христовы приняти. И приступивъ воинъ главу ему отсече и последи 500 воинъ усечени быша. И нынѣ, братіе, кто есть болѣ мене въ русскихъ сынехъ, но азъ вамъ глава, а мнѣ Богъ глава . . . да опшю чашу имаю съ вами пити и общю смертію имаю умрети съ вами вмѣсте.

Органичность вставки находится во 2 редакціи, въ Древнемъ Лѣтописцѣ помѣщено сокращеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, не непосредственно изъ житія, а изъ заимствованія, подобнаго изложенному.

Остальные добавленія касаются опять скорѣе улучшенія текста, чѣмъ редакціонныхъ поправокъ. Редакторъ или называетъ намѣченные въ 1 редакціи молитвы, напр., — епископъ Герасимъ, встрѣчая въ Коломнѣ великаго князя съ крестами, «со всѣми клиросы» и оѣзня его крестомъ, произноситъ молитву: «Спаси Боже люди своя»; или распространяетъ ихъ риторически: молитва Дмитрія передъ началомъ боя живоносному кресту — распространена упоминаніемъ о царѣ Константиѣ греческомъ, которому тоже «симъ образомъ явился» крестъ; наконецъ вводитъ новыя: тамъ, гдѣ 1 редакція кратко указываетъ, что князь Владимиръ прочелъ молитву передъ выѣздомъ изъ дубравы, 2 редакція приводитъ текстъ молитвы, очень неоригинальный: онъ скомпонованъ изъ выраженій, заимствованныхъ изъ предыдущихъ молитвъ великаго князя: «Господи Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, не дай ж нас поработити врагомъ нашимъ, ни порадоватися врагу діаволу, но мало показни, а много помилуй».

Таковы всѣ главнѣйшія отличія текста второй редакціи отъ первой. Я уже говорилъ, что планъ разбираемой редакціи Сказанія вполне совпадаетъ съ планомъ 1 редакціи. Отступленія (мною отмѣченные) встрѣчаются только тамъ, гдѣ редакторъ вводилъ новый разсказъ. Къ такимъ отклоненіемъ присоединю послѣднее, въ самомъ концѣ Сказанія, вызванное введеніемъ эпизода изъ Повѣданія о счетѣ побитымъ:

1 редакція.

2 редакція.

Объѣздъ побойща. Наѣзжаютъ на Пересвѣта.

Счетъ убитыхъ (= Лѣт.

Пов.).

Рѣчь великаго князя.

Счетъ убитыхъ (изъ Повѣданія).

Рѣчь великаго князя.

Видѣніе вѣнцовъ.

Бѣгство Олега.

Возвращеніе домой.

Возвращеніе домой.

Бѣгство Олега.

Разсказъ о гибели Мамая.

Конецъ Сказанія ¹⁾).

Однообразіе схемы должно указывать на зависимость второй редакціи отъ первой. Выше я говорилъ, что Кипріановская редакція представляетъ уже извѣстную обработку первой редакціи, сдѣланную редакторомъ Никоновскаго свода. Нужно думать, что вторая редакція *произошла отъ того же протографа*, изъ котораго вышла Кипріановская, но обрабатывалась вполне самостоятельно. Протографъ 1 редакціи, изъ котораго, слѣдовательно, вышли Кипріановская и вторая редакціи, до насъ, повторяю, не дошелъ.

Извѣстные мнѣ два списка 2 редакціи, принадлежащіе къ XVI вѣку, уже носятъ слѣды неточностей и искаженій, являющихся результатомъ ряда переписокъ. Съ другой стороны Сказаніе 2 редакціи обработано по первой. Слѣдовательно, время возникновенія этой редакціи слѣдуетъ относить къ тому же XVI вѣку. Еще ближе время можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ соображеніемъ: Великій князь въ своей рѣчи ссылается на житіе Ареѣы и говоритъ: «паче вѣсте и разумѣйте мучение святаго мученика Ареѣы: егда мученъ бысть *царемъ амиритскимъ и Дунасомъ жидовиною*... Объ этихъ лицахъ разсказывается въ житіяхъ Григорія Омиритскаго и Ареѣы, помѣщенныхъ въ Макарьевскихъ Четыхъ-Минейхъ подъ 19 декабря и 24 октября. Житіе Григорія Омиритскаго было переведено для Четыхъ-Миней. Отсюда, время возникновенія 2 редакціи слѣдуетъ относить къ концу второй половины XVI вѣка.

Кромѣ знакомства съ вышеприведенными житіями, редакторъ вообще представляется человѣкомъ книжнымъ. У него есть свои ссылки на Евангеліе, Апостолъ, Патерикъ, Псалтырь.

---

1) Обращу вниманіе, что во 2 редакціи *нѣтъ* заключительнаго *разсказа о возвращеніи великаго князя съ побѣдою въ Москву*. Разсказъ этотъ, повторяющій предыдущій матеріалъ, замедляя изложеніе и былъ выброшенъ редакторомъ.

Онъ знаетъ житіе Александра Невского, въ разсказѣ о раскаяніи Олега рязанскаго, онъ ссылается на Сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ. Широко распространенное въ нашей старинной письменности, это Сказаніе помѣщено между прочимъ въ тѣхъ же Четьихъ-Минеяхъ.

Я говорилъ, что 2 редакція отличается чрезвычайнымъ обиліемъ молитвенныхъ обращеній, вложенныхъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Характеризуя религіозно-поэтическое настроеніе редактора, это обстоятельство предполагаетъ за нимъ знаніе не только Псалтыри, дававшей главный матеріалъ для содержанія, но и знаніе молитвенныхъ книжныхъ формулъ, необходимыхъ для внѣшняго выраженія.

Со 2 редакціи, наконецъ, начинается пользованіе Повѣданіемъ, какъ матеріаломъ для украшенія стиля. Въ разбираемой редакціи этихъ выдержекъ всетаки меньше, чѣмъ въ третьей: редакторъ пользуется матеріаломъ въ мѣру. При разборѣ Повѣданія я указалъ предположительно на причину, благодаря которой писаніе Софоніи дошло въ незначительномъ количествѣ списковъ: удачная мысль соединить оба памятника сдѣлала Сказаніе несравненно болѣе популярнымъ.

Принимая во вниманіе стройность изложенія, заботу о стилистической отдѣлкѣ, стремленіе освободиться отъ замедляющихъ ходъ разсказа повтореній (я уже сказалъ, что выпущено все неидущее къ дѣлу заключеніе 1 редакціи), — надо признать, что Сказаніе 2 редакціи съ внѣшней стороны представляется вполне литературнымъ памятникомъ. Что касается содержанія, то редакторъ, умѣло избѣжавъ пристрастной тенденціи, постарался придать памятнику характеръ объективнаго историческаго повѣствованія. Въ этотъ разсказъ искусно вплетена основная идея: торжество православнаго начала надъ безбожіемъ поганныхъ. Русь сильна своимъ православнымъ духомъ, и всякая поганая сила не можетъ устоять противъ народа, на которомъ почіетъ благодать божія. Точка зрѣнія — не оригинальна, но характерна для того времени, когда создалась 2 ре-

дакція. О Москвѣ сложилось представленіе, какъ о центрѣ православія, преемственно перешедшаго къ ней отъ Византіи. Это перенесеніе древняго политическаго значенія Византіи на Москву уже успѣло создать рядъ легендъ, поэтически представлявшихъ это преемство — Сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, о князьяхъ владимирскихъ. Руководящій смыслъ этихъ сказаній, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ¹⁾, былъ опредѣленно высказанъ въ Степенной книгѣ, авторитетномъ трудѣ митрополита Макарія. Владимиръ принялъ діадиму и вѣнецъ греческаго царя — «мужества ради и благочестія». Послѣ паденія Константинополя это древнее благочестіе должно было окончательно утвердиться и засіять въ Москвѣ — третьемъ Римѣ. Отсюда — уже одинъ шагъ до гордаго сознанія своего превосходства, покоящагося исключительно на преемственно полученной благодати. Отсюда понятна исходная точка умозаключеній Грознаго: «земля правится божіимъ милосердіемъ, пресвятая Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди — нами, государями своими».

Эту же точку зрѣнія послѣдовательно проводить и 2 редакція Сказанія. Я уже указывалъ въ ней на искусно проведенныя параллели — скудоумія, робости и безсмія духа союзниковъ и — горячей вѣры, непоколебимой надежды и христіанской любви братьевъ Дмитрія и Владимира и другихъ героев повѣсти. Чтобы отгнѣнить христіанское правое дѣло, редакторъ вставляетъ еще цѣлую повѣсть о приходѣ Ольгердовичей, возставшихъ на своего брата, пребывающаго въ поганствѣ. Тонъ повѣсти выдержанъ; возникнувъ въ эпоху Грознаго, этотъ памятникъ, конечно, и не могъ не отразить на себѣ господствовавшаго тогда міровоззрѣнія.

---

1) Исторія русской литературы. Т. II, стр. 8.

ГЛАВА VI.

Сказаніе третьей редакціи.

Сказаніе 3 редакціи извѣстно мнѣ по слѣдующимъ спискамъ: *Императорской Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. № 342; 2) Q. XV. № 31; 3) Q. XV. X. № 70; 4) Q. XVII, № 169; 5) собранія гр. Толстого I, 447; 6) собранія гр. Толстого II, 442; 7) собранія гр. Толстого III, 32; 8) собранія гр. Толстого III, 93; 9) собранія Погодина 1555; 10) собранія Погодина 1574; 11) собранія Погодина 1595. *Императорской Академіи Наукъ*: 12) 16. 17. 22; 13) 16. 13. 2. *Общества Любителей Древней Письменности*: 14) № 38 oct.; 15) № 1886. L. *Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ*: 16) № 378; 17) № 3123; 18) № 3155; 19) собранія Ундольскаго № 578; 20) собранія Ундольскаго № 772; 21) собранія Большакова № 435. *Московского Историческаго Музея*: 22) № 40039. *Собранія гр. Уварова*: 23) № 492; 24) № 802, и 25)—списокъ, принадлежащій проф. М. Н. Соколову.

Къ 3 редакціи слѣдуетъ еще относить списки, напечатанные Снегиревымъ въ III томѣ Русскаго Историческаго Сборника: 26) Тимковскаго; 27) Снегирева; 28) Ермолаева и 29) Царскаго ¹⁾. Наконецъ — 30) отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ сборникѣ памяти Л. Н. Майкова. Со спи-

---

¹⁾ Извѣстный Снегиреву еще списокъ ин. Оболенскаго — слѣдуетъ относить къ 4 редакціи.

скомъ, напечатаннымъ Сахаровымъ, я не считаю, такъ какъ Сахаровскій текстъ — простая перепечатка изданія Снегирева¹⁾.

Замѣчаніе, не разъ высказываемое, что переписчики, списывая Сказанія, какъ бы отступили отъ своего обыкновенія — копировать оригиналъ и занялись самостоятельнымъ пересказомъ содержанія, т. е. каждый скорѣе былъ редакторомъ, чѣмъ переписчикомъ — приложимо именно къ спискамъ 3 редакціи. Нѣтъ возможности подвести варианты къ одному какому-нибудь принятому за основаніе тексту.

Поэтому я раздѣлю указанные списки на группы съ тѣмъ, чтобы каждая могла носить опредѣленный характеръ. Можно указать на два списка, лежащихъ въ основаніи послѣдующихъ группъ 3 редакціи; эти списки: 1) И. П. Б., собранія гр. Толстого III, 32 и 2) Рум. М., собранія Ундольскаго № 578. Толстовскій списокъ, какъ лучшій по тексту, напечатанъ мною въ приложеніи.

Третья редакція въ общемъ сохраняетъ тотъ же планъ, что и вторая. Отступленія весьма незначительны: 2 редакція помѣщаетъ рассказъ объ устроеніи засады передъ рассказомъ о примѣтахъ Дмитрія Волинца, въ третьей — примѣты помѣщены раньше. И затѣмъ въ концѣ, счетъ убитымъ боярамъ и благодарственная рѣчь Дмитрія во 2 редакціи поставлены передъ рассказомъ о похоронахъ убитыхъ, 3 же редакція — послѣдній эпизодъ помѣщаетъ прежде.

Въ остальномъ планъ 3 редакціи детально совпадаетъ съ планомъ второй.

Отличительной особенностью 3 редакціи является *подстановка имени Олмерда вмѣсто Яайла*. До сихъ поръ на это обстоятельство указываемо было какъ на анахронизмъ. На

---

1) Я не могъ воспользоваться списками Сказанія: 1) собранія Вахрамѣева въ Ярославѣ и Московскаго Историческаго Музея: 2) № 1554/35805; 3) № 247/29593 и 4) № 1389/23539. Еще, конечно, существуютъ неизвѣстные мнѣ списки, но въ указанныхъ 80 спискахъ всѣ особенности 3 редакціи выступаютъ вполне достаточно.

самомъ дѣлѣ, здѣсь искусный приѣмъ редактора, съумѣвшаго придать особый интересъ разсказу. Повѣсть второй редакціи объ Ольгердовичахъ, пришедшихъ помочь русскому, православному дѣлу и этимъ возставшихъ на родного брата, казалась не достаточно отгѣняющей эту чисто христіанскую жертву. Нужно было заставить ихъ, для усиленія впечатлѣнія, возстать на родного отца, чтобы совершить «подвигъ добрый» съ точки зрѣнія редактора. «Не сумняй же ся брате, говоритъ князь Андрей въ 3 редакціи, яко отцу противитися нам! Якожъ евангелистъ Лука рече усты Господа нашего Іисуса Христа: предани будете родители и братією и умрѣтвися, имени Моего ради». Для Дмитрія и Владимира помощь Ольгердовичей естественно должна была казаться особымъ промысломъ божіимъ: «такова милость божія, яко не удобъ бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють и поругашися, яко иногда вѣлси Ироду». Что «дѣти оставили отца» — объ этомъ великій князь посылаетъ вѣсть въ Москву, и митрополитъ приказываетъ по вѣсѣмъ церквамъ возносить «сугубыя» молитвы къ Богу. Редакторъ не только послѣдовательно проводитъ эту точку зрѣнія въ отношеніи Ольгердовичей къ своему отцу, но даже Олега рязанскаго заставляеть отправить съ грамотами къ Мамаю своего «сына».

Приѣмъ редактора, несомнѣнно, удался: разсказъ выигралъ въ занимательности: Сказаніе, съ именемъ Ольгерда, стало излюбленнымъ чтеніемъ, оно было очень распространено и со-всѣмъ вытѣснило 1 и 2 редакцію, извѣстныя въ весьма незначительномъ количествѣ списковъ.

Перейду къ характеристикѣ основнаго (Толстовскаго) списка.

Съ внѣшней стороны, какъ и всякая болѣе поздняя по происхожденію рукопись, Толстовскій списокъ отличается отъ 2 редакціи, главнымъ образомъ *по слову*. Измѣненія въ слогѣ сводятся прежде всего къ подновленію, прибавкѣ лишнихъ эпитетовъ, затѣмъ къ распространенію эпизодовъ путемъ многословности и витіеватости:

Вм. «вниде в сердце его подстрекател діавол, како всегда пакости деяше христьянству» — въ Т.: «и начать подстрѣкати его діаволъ и вниде въ сердце его напасть роду христьянскому».

Мамай начинаетъ говорить къ своимъ «еулпатоу и ясау-лоу»... и *остъм татаромъ*, обращается со словомъ: «къ своему великому воинству»; союзники обращаются къ нему съ эпитетомъ: «вольный».

Послѣ: «аще кто держитъ добрадѣтели» — Т. прибавляетъ: «и на Бога упованіе възлагаетъ»; и ниже, въ томъ же разсужденіи, прибавлено: «Господь Богъ можетъ живити и мертвити».

Послѣ: «моимъ имянемъ» (напуганъ будетъ Дмитрій) прибавлено: «црьскимъ и грозою»...

Въ рѣчи Кипріяна къ Дмитрію слова: «Самъ вѣси законъ божій, кто творяи правду, не подвижютца нанъ человекы» — замѣнены въ Т. разсужденіемъ: «Просвѣти си веселимъ очи сердца, законъ божій чтеши и твориши правду, яко праведенъ Господь и правду възлюби. Нынѣ же обыдоша»...

Вмѣсто: «кто... оумретъ мене ради, то и азъ покою его», поставлено: «кто постражетъ имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею възприиметъ животъ вѣчный». Конецъ молитвы великаго князя святителю Петру весь передѣланъ риторически: «И тебѣ нынѣ подобаетъ о насъ грѣшныхъ молитися, да не придетъ на насъ рука смертная и рука грѣшника да не погубитъ насъ. Ты бо еси стражъ нашъ крѣпкій и отъ супротивныхъ нападеній, яко твоя есмы паствина».

Въ размышленіи Олега «кому приложиться» замѣчается подновленіе: вм.: «вѣстника» — «приключника»; вм.: «како мыслити» — «како иметъ мыслити»; вм.: «не подобаетъ великому князю противу безбожнаго царя стояти» — «не подобаетъ русскимъ княземъ противу вѣсточнаго царя стояти. И нынѣ убо, что разумно, откуда убо ему помощь сіа приде, яко противу трехъ насъ озоружися».

Еще большія разночтенія представляются въ дальнѣйшемъ развитіи этого эпизода:

2 редакція.

...но и боле мене разумѣи Ягайло литовски, но и тот оскудѣх умом, не оногo жъ възыщетъ Богъ, но мене: онъ имѣетъ законъ Гугниваго Петра, аз же имѣхъ правый законъ. Но что ради зло сотворихъ, того бо ради о мнѣ рече: аще раб не сохранитъ закона господина своего, то бьенъ будетъ много. Нынѣ убо что сотворю и которому вдамся...

3 редакція.

...нѣ и паче мене разумѣе Волгордъ литовскый. Нѣ обаче онъ почитаетъ законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣхъ истинный законъ божій. Нѣ что ради поплѣзохся. И збудется на мнѣ реченное Господомъ: аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будетъ много. Нынѣ убо, что сътворихъ: вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли и всяа твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрайти законъ божій. Нынѣ убо, которому...

Послѣ: «живота гонзнуся» — прибавлено: «и преданъ буду въ гену огненую мучитися». Указывается, въ чемъ состояло «многое множество» воинства великаго князя: «вся Русь и словень».

Въ концѣ разсказа объ Ольгердовичахъ разговоръ ихъ съ великимъ княземъ распространенъ несомнѣнно для того, чтобы остановить вниманіе читателя на подвигѣ братьевъ:

2 редакція.

Рече же князь великій: Братія моя милая, коея ради potrzeby приидосте съмо, но Господь посла васъ в пут свой.

3 редакція.

Рече ж к нимъ князь великій: Братія моя милаа, кіа ради potrzeby приидосте съмо. *Они же рекоша: Господь Богъ посла насъ*

Воистинну естя ревнители пра- *к тебѣ на твою помощь.* Княз
отца нашего Аврама, яко от же великій рече: Въистинну
племени воскорми Лота, яко ревнители есте праотца нашего
аще подобни естя доблествен- Авраама, *яко тзи въскорѣ Ло-*
ному великому князю Яросла- *ту поможете,* и еще есть ревни-
ву, яко той отомсти обиду бра- тели доблестному великому кня-
тии своей. зю Ярославу, *яко тѣи отмсти*
кровь брата своего.

Изображеніе собравшихся на кровопролитіе звѣрей и птицъ
продолжено новыми образами: «орли... слѣтопаса, *по асру*
лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють».

Къ молитвѣ великаго князя передъ знаменемъ присоединенъ
обыкновенный конецъ: «Отца и Сына и святаго Духа, нынѣ и
присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь». Въ этой же молитвѣ Петръ
носитъ эпитетъ: «новаго чудотворца».

Въ началѣ разсказа о примѣтахъ Волинца, въ видѣ вступле-
нія, приведены слова послѣдняго: «Хощу, государь, в ноцѣ сію
примѣту свою испытати». Дальнѣйшее изложеніе также распро-
странено: вм. «назади ихъ» — «сѣзди ж плѣку татарскаго»; вм.:
«по десной ж стране» — «по десной ж странѣ плѣну татарскаго».
Что касается текста примѣтъ, то поэтическіе образы въ Т
значительно испорчены противъ 2 редакціи. Въ концѣ разсказа
находится слѣдующее добавленіе: «А твоего христолюбиваго
вѣиинства много падеть, нѣ обаче твой врѣхъ, твоя слава бу-
детъ. Слышавъ ж то князь великій прослезился и рече: Господу
Богу вся възможна: всѣхъ насъ дыхание в рупѣ его».

Видѣніе Оомы Кацыбѣева украшено риторическими до-
бавленіями: «уноши, *имуща на себѣ сѣтлыи багряница*»...
лица ихъ сіающе, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у нихъ острые
мечи».

Картина готоваго на бой русскаго войска распространена
на основаніи матеріала, находящагося въ этомъ же мѣстѣ во
2 редакціи: «И каждо воинъ идетъ под своимъ знаменемъ и видѣти

добрѣ урядно пѣкы уставлены поученіемъ крѣпкаго воеводы Дмитрея Боброкова Волынца.

Въ разсказѣ о битвѣ находится много несущественныхъ риторическихъ добавленій: «гости... ведутъ промеж собою поведеную, *предни уже испѣша* и весели быша и уснуша. Уже бо врѣмя подобно, и час *приде* храбрость свою *коемуждо* показати». «*Богатыри ж русскыя и воеводы* и удалыя люди... клонятся». О великомъ князѣ, раненомъ и скрывшемся въ дебри, сказано, что онъ «божиею силою съхраненъ бытъ».

Послѣ словъ князя Владимира (въ засадѣ): «кому нам пособити» прибавлено: «уже наши князи и бояре, вси русскыя сынове напрасно погибають от поганных, аки трава клонится». И въ отвѣтъ ему Волынца, послѣ: «начинаай без времени, вред себѣ приемлеть»: — «класы бо пшеничныя подавляеми, а тръіе растутъ и бующе над благородными». И далѣе, вмѣсто: «в сей час Бога призывайте» — «нынѣ токмо повели всякому въину Богу молитися», и въ обращеніи Волынца къ воинамъ прибавленъ эпитетъ послѣднимъ: «буюиѣ сынове рустѣи».

Картина пораженія татаръ дополнена: Мамай отдаетъ приказъ о бѣгствѣ, увидя, что «новыя люди, яко лютіи звѣріе ристаху и изрываху, аки овчье стадо»...

Въ разсказѣ о сборѣ побѣдоноснаго воинства на полѣ битвы, дополненія носятъ характеръ почти интерполяцій: послѣ словъ: «грядуще ж весело, ликующе»... прибавлено: «Кійждо въинъ едет, радуся, на трубный гласъ», и ниже, гдѣ великій князь изображается плачущимъ и радующимся среди убитыхъ, текстъ добавляетъ: о убитыхъ плачется, а о здоровыхъ радуется».

Благодарственная рѣчь къ войску въ началѣ дополнена благодарственной же молитвой Дмитрія: «Слава тебѣ вышній Творецъ, Царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас грѣшных, не предал еси нас в рудѣ врагом нашим, поганым сы(ро)ядцем».

Приведенныя распространенія текста Т, какъ видно, не идутъ далѣе простыхъ повтореній, передѣлокъ того же матеріала

на риторическій ладъ и прибавки эпитетовъ. Но есть въ разбираемомъ текстѣ мѣста, гдѣ онъ, будучи дополненъ противъ текста второй редакціи, представляетъ однако лучшее чтеніе, близкое къ тексту 1 редакціи: а) Во вступленіи:

2 редакція.

«Момай нача завидети пер-
вому безбожному Батыю и но-
вому Уліану, нача испытывати
от старыхъ еллин, како Батый
плени Киев и Володимеръ и
всю русскую и словенскую зем-
лю. Они ж сказаша ему, како
уби *Дмитрея Юрьевича* и иныя
многи православныя князи изби
и многи монастыри оскверни и
вселенную церковь пречистую,
златоверхую разграбил и *бысть*
убо плененіе велико...

3 редакція.

Мамай начать хвалитися и
поревновавъ второму Иуліану
отступнику, царю Батыю и на-
ча спрашивать старыхъ татаръ,
како царь Батый плѣнилъ рус-
скую землю. И начаша ему ска-
зывать старые татарове, како
плѣнилъ русскую землю царь
Батый, какъ взялъ Киевъ и
Владимеръ и всю Русь, Словен-
скую землю и великого князя
Юрья Дмитреевича убилъ и
многихъ православныхъ князей
избилъ и святыя церкви оскъ-
верни и многы монастыри и се-
ла пожже, и в Володимерѣ все-
ленскую церковь златаверхую
разграбилъ, *ослѣплену же ему*
умомъ...

Текстъ 3 редакціи въ этомъ случаѣ стройнѣе, понятнѣе, цѣльнѣе и ближе къ тексту 1 редакціи. Въ имени князя—безусловно ошибка во 2 редакціи: владимирскимъ княземъ при Батыѣ былъ Юрій; конечная фраза также не понята: Батый долженъ былъ быть «ослѣпленнымъ умомъ», такъ какъ не сообразилъ и не зналъ: «како Господу годе, тако и будетъ». «Плененіе» 2 редакціи — не понятное слово: «ослѣплену».

б) Передъ словами: «Яко Господня рука высока есть» вставленъ явный пропускъ 2 редакціи: «А не вѣдый того ока(я)нный».

в) Вставка въ рѣчь великаго князя изъ житія Ареы — хотя и не полнѣе въ 3 редакціи, но болѣе обработана и стройнѣй:

2 редакція.

«Егда мученъ бысть царемъ Амиритскимъ и Дунасомъ жидовиномъ, и по многихъ мукахъ повелѣ его царь усекути. И крѣпцы его воины и доблии воеводы, единъ предъ единымъ спешитъ напередъ посеченъ быти, и единоумно вси главы своя под мечъ кланяху, видяху конецъ живота своего. И единъ нѣкоторый воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не азъ ли у земнаго царя на пиру преждъ васъ чару пріимахъ, а нынѣ такоужъ хошу преждъ васъ христову чашу пити и преждъ васъ умрети и венецъ отъ руки Христовы пріяти. И приступивъ воинъ, главу ему отсече и послѣди 500 воинъ усечени быша».

3 редакція.

«Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь весті и на позорище и мечемъ иссѣщи а, доблии ж его друзи, единъ предъ единымъ скоритъ, койждо ихъ свою главу усекутѣлю под мечъ клонитъ за Арею, въводу своего, вѣдаяще убо почестъ побѣды своеа. Ареа же въвода рече въиномъ своимъ: вѣсте убо, братиа моя, у земнаго царя не азъ ли преждъ васъ почтенъ быхъ, земныа чѣсти и дары взимахъ. И нынѣ предъ ити подобаетъ ми и къ небесному царю, и главѣ моей преждъ усѣченъ быти, пачежъ вѣнчанъ. И приступль мечникъ и усеку главу его, послѣдъ же и въиномъ его усеку главы».

Что касается различій текста Т сравнительно съ текстомъ второй редакціи, то, въ большинствѣ случаевъ, текстъ Т представляетъ лучшее чтеніе, зависящее или отъ того, что протографомъ текста Т былъ исправный списокъ, или же отъ того, что 3 редакція въ основаніи сохранила лучше чтеніе 1 редакціи.

Укажу эти различія:

а) вм. «ров изры, ископа и впадется в него» — «не рой, ни копай врагу своему ямы»... = 1 ред.

б) вм. «во всем, отче, довольно по отецъ своих уставу, но и еще болѣ въздах ему» — «испытахомся, отче, повелику, яко все по отецъ нашихъ преданію, еще жъ нѣпаче въздахомъ ему»... = 1 ред.

в) рассказъ о посланіи первой стражи весь = 1 ред.:

2 редакція.

...начаша стражи готовить тверды. И посла на сторожу крѣпкаго стража Родивона Ржевского, да Якова Ондрѣева сына Волосатого, да Василя Тупика. И повелѣ имъ ѣхати близ Орды и языки добыти, дабы истину слышати царева хотѣнія. Князь жъ великій грамоты розосла по всей своей области...

3 редакція.

...здумаеша, яко сторожу твердо уготовити в Погѣ. И покрѣпкаго стража Родивона Ржевскаго, Андрѣя Тупика. И повелѣ имъ ѣхати близ Волосатого, Василя Тупика, Якова Ослябтова и иныхъ съ ними крѣпкихъ оруженікъ — крѣпкихъ юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣлати съ всякимъ усердіемъ и под Орду ѣхати и языкъ добыти, истину слышати царева хотѣнія. А самъ князь великій по всей русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всемъ градомъ...

г) та же близость къ 1 редакціи замѣчается въ рассказѣ о посланіи второй стражи.

д) вм. «повелѣ писати, да будете готови вси на Успеніе»... — «повелѣ всему вѣнству своему быти на Коломнѣ, на Успеніе»... = 1 ред.

е) имена князей по списку Т: «князь Андрѣй Кѣмъскій, князь Глѣбъ Каргополоской, и Андомскыя князи, придоша жъ Ярославскыя князи с своими силами: князь Андрѣй Ярослав-

скій, князь Романъ Прозоровскій, князь Левъ Курбскій, князь Дмитрій Ростовскій» ... = 1 ред.

ж) вм. «и поведѣда ему все, еже сотвори ему преподобный Сергій» ... — «повѣдасть единому митрополиту, еже рече ему старецъ святыи Сергій тайно» ... = 1 ред.

з) къ названію мѣста «Березуй» прибавлено: «яко за двадесѣтъ и три поприща до Дону» — указаніе такое же, какъ въ 1 ред.

и) текстъ Т дополняетъ очевидный пропускъ 2 ред., гдѣ послѣ словъ: «общемою смертію умремъ ото князя и до простыхъ людей», поставлено: «тѣмъ бо словесемъ крепится» ... : въ 3 редакціи: «общую смерть примемъ отъ князей и до простыхъ людей. *Тебѣ жъ нынѣ, юсударю великому князю, оставити смертнаа, буйными маюми маюлати, и тѣми словесы крѣпится*» ...

і) ближе по изложенію къ 1 редакціи разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Воынца: Воынецъ беретъ съ собою великаго князя «едінаго», а не съ Владиміромъ и литовскими князьями, какъ во 2 ред. Что касается повѣствованія о самихъ примѣтахъ, то списокъ Т въ общемъ весьма близокъ къ тексту 2 редакціи, въ свою очередь, близко подходящему къ первой.

к) послѣ разсказа о видѣніи Оомы Капибѣя, 3 редакція говоритъ объ устроеніи засаднаго полка въ дубравѣ подъ начальствомъ князя Владиміра и Дмитрія Воынца. Порядокъ расположенія частей плана здѣсь одинаковъ съ первой редакціей, а не со второй, которая разсказъ о засадѣ помѣщаетъ раньше, до повѣствованія о примѣтахъ Воынца.

л) въ разсказѣ о пришествіи вѣстника отъ преп. Сергія въ 3 редакціи находится явный пропускъ второй:

2 редакція.

3 редакція.

Князь же великій съѣдъ хлѣбъ. Князь жъ великій снѣде хлѣбецъ святыя Троица: пречистая бецъ святыи и, *простеръ руцѣ*

Госпоже Богородице, помогай *свои, ѡззоти оуспасно*: О велико имя всесвятѣа Троица, о пресвятая Госпоже Богородице, помогай намъ...

м) вм.: «передовой полкъ ведетъ Дмитрей Всеволож, да Володимеръ, брат его, а с правую руку идетъ Микула Василевич с коломенцы и с ыными со многими»... — «передовой плѣкъ ведетъ князь Дмитрей Всеволодичъ, да брать его — князь Владимиръ Всеволодичъ, а с правую руку плѣкъ ведетъ Микула Васильевич с коломнѣчи, а лѣвую ж руку плѣкъ ведетъ Тимоѡей Волуевич с костромичи». Исключая ошибки: «князь» Владимиръ Всеволожъ, весь отрывокъ = 1 ред.

н) вм.: «мнози мертвыя помогаху» — «мнози ж *уязвени*... помогаху» — что, конечно, естественнѣй.

о) 3 редакція опять дополняетъ явный пропускъ 2 редакціи:

2 редакція.

3 редакція.

...Сабур... поведѣ... яко ...Сабуръ... рече: князь князь великій добръ здоров и великій... здравъ бысть и царствуетъ в вѣки. Все ж князи царствуетъ ввѣки. Все ж князи и воеводы наѣхавше скоро, сни- и воеводы, *слышавше и скоро* доша с коней и поклонипася... *суняшас* и падше на ногу его, глаголюще...

. Изъ сравненія текста Т со 2 редакціей явствуетъ также то, что нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ текстѣ Т, слѣдуетъ относить не къ сокращенію 3 редакціи, а къ интерполяціямъ второй. Однако отмѣченная выше интерполяція: «Григорья Капустина» *находится* въ текстѣ Т, хотя отсутствуетъ во многихъ другихъ спискахъ 3 редакціи (между прочимъ въ списокѣ У). Присутствіе этой интерполяціи въ разбираемомъ текстѣ ¹⁾ пока-

1) Въ списокѣ Т интерполяція эта читается такъ: «И ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Ея вторичный характеръ здѣсь очевиденъ.

зываетъ, что цѣлая группа списковъ 3 редакціи *развилась изъ второй черезъ списокъ, уже имѣвшій эту интерполяцію.*

Какъ на интерполяцію въ текстѣ Т укажу еще: про иноковъ богатырей говорится: «бѣ бо вѣдомни суть ратници въ бранѣхъ, не единому сту наездници». Эта (не совсѣмъ грамотная) вставка отсутствуетъ въ другихъ спискахъ.

Но съ другой стороны — интерполяція 2 редакціи: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побойща лѣтъ 158» отсутствуетъ въ текстѣ Т.

На вопросъ великаго князя (во 2 редакціи), сколько силы у Мамай, захваченный въ плѣнъ татаринъ отвѣчаетъ: «неисчетное множество, *исчести некому*». Послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ въ текстѣ Т и, нужно думать, что эта прибавка — результатъ списыванія интерполированнаго текста. Такой же характеръ носятъ ниже прибавка къ характеристикѣ Дмитрія Волянца: «И изряден во всемъ по ряду». Въ текстѣ Т этого нѣтъ.

Наконецъ, слова 2 редакціи: «поганныхъ же побита четьреста тысящъ і лежаща трупия мертвыхъ на четьредесять поприщъ отъ обохъ странъ» — какъ не связанные органически и отсутствующія въ спискахъ 3 редакціи, можно также признать за интерполяцію 2 редакціи.

Теперь отмѣчу тѣ случаи, гдѣ чтеніе текста Т хуже, чѣмъ во второй редакціи. Такихъ случаевъ немного:

а) слова: «егда азъ погрожу ему о своей обидѣ» не поняты текстомъ Т, предлагающимъ такое чтеніе: «гдѣ будетъ о своей обидѣ». Ср. чтеніе 1 редакціи: «егда убо о своей обидѣ... погрозихъ»...

б) вм. «нижъ близъ моея власти» — «ниже отъ моего княженія близъ стоять».

в) вм. «не сотвори ми (въ спискахъ 2 редакціи: «нимъ») зла, слезъ моихъ ради» текстъ Т читаетъ: «сътвори ми, Господи, слезъ моихъ ради», и все это мѣсто получаетъ иное освѣщеніе.

г) въ разсказѣ о прощаніи княгини и боярыни съ мужьями, въ текстѣ Т вставлено: «И прочаа княгини и боярыни и слу-

жніе жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлованіе и возвратішася с великою княгинею». Этой фразы нѣтъ во 2 ред., и она — лишняя, такъ какъ дальше еще слѣдуетъ разговоръ великаго князя съ своей женою, ужѣ послѣ этого она уходитъ со свитой.

2) не понято то, что говорится объ Ольгердовичахъ во 2 ред.: «бѣста... отцем и братом ненавидими, но Богом возлюблени, бѣ бо есмя едино крещеніе от мачехи своея, княгини Анны». Текстъ Т читаетъ: «Бѣста бо тѣ князи отцемъ своим князем Волгордом ненавидими были, мачехи ради, нѣ нынѣ Богомъ възлюблены и бысть и святое крещеніе пріали».

д) вм. «рындѣ» — читается: «рыделю».

е) увѣщательная рѣчь бояръ къ великому князю въ текстѣ Т передана иначе и хуже:

2 редакція.

Не подобает тебѣ, государю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стояти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам явится. Егда спасет тебя Господь великого государя и кому случитца смерть или живот и ты — почему разумѣш, кого как чтити и кого как жаловати. Мы ж вси готовы есмя головы своя положити за тебя, за ласкова государя, а тобѣ подобает памят творити и в книгах писати, памяти дѣля русских сыновѣ, иже по нас будут, яко же иногда Леонтей Θεодору Тирону памят сотворити. Аще ли тебе единого

3 редакція.

Не подобаетъ тебѣ, великому князю, наперед самому в плѣку битися; тебѣ подобаетъ особѣ стояти и нас смотрити, а нам подобает битися и мужство свое и храбрость предъ тобою явити. Егда тя Господь упасетъ милостію своею, и ты разумѣшы, кого чим даровати. Мы же готови есмя въ сей день главы своя положити за тебе, государя, и за святыя церкви и за православное христіанство. Тебѣ ж подобает великому князю рабом своим, елико кто заслужить своею главою, память сътворити, якож Леонтій царь Θεодору Тирону, въ кнѣгы

изгубим, то который успѣх будет нам, и будем, яко стада овчье, не имущи пастуха, учнем скитаться по пустыням, и пришед волцы раският ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, государю, подобает спасти себе и насъ.

сборныя написати нас, памяти ради русским сыном, иже по нас будутъ. Аще тебе единого изгубим, тѣ от кого имамы чаяти, кто по нас память сътворитъ. Аще вси спасемъся, а тебе единого останемъ, тѣ кий намъ успѣх, и будем, аки стадо овчье, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивїи влцы распудятъ и, и разбѣжаться овцї кон куды. Тебѣ, государю, подобаетъ себе спасти, да и насъ.

Въ остальномъ — текстъ Т *дастъ лучшее чтеніе, чѣмъ 2 редакція.*

Наконедъ, текстъ Т отличается отъ 2 редакціи тѣмъ, что нѣкоторые эпизоды послѣдней, носящіе по преимству отъ 1 редакціи, тенденціозный характеръ, въ немъ совершенно сглажены. Это обстоятельство вполне естественно: 3 редакція, хронологически, — болѣе поздняя, многое, что интересовало раньше, уже отошло въ область объективныхъ представленій. Отсюда въ разбираемомъ текстѣ замѣчается: значительное смягченіе отрицательной характеристики Олега, полное отсутствіе намѣренія выставить Дмитрія лишеннымъ всякой инициативы и окончательное низведеніе Кипріяна до степени второстепеннаго персонажа повѣствованія.

Послѣ замѣны имени Ягайла — Ольгердомъ, слѣдующей характерной особенностью текста Т, равно какъ и всей 3 редакціи, является *увеличеніе заимствованій изъ писанія Софронїи.* Текстъ Сказанія пересыпанъ этими выдержками, дающими впечатлѣніе въ иныхъ спискахъ своднаго текста. Во 2 редакціи, какъ было указано, это пользованіе украшающими дополненіями

умѣренно, въ спискахъ третьей — поэтическія цитаты и по количеству и по объѣму доходятъ до максимальной степени, съ тѣмъ, чтобы уменьшиться, до полнаго почти исчезновенія, въ 4 редакціи Сказанія. Выше, при разборѣ Повѣданія, я привелъ изъ него выдержки, встрѣчающіяся въ Сказаніи 3 редакціи, поэтому не стану указывать на нихъ вновь при разборѣ текста Т, тѣмъ болѣе, что еще придется встрѣтиться съ этимъ вопросомъ при характеристикѣ послѣдующихъ группъ.

Изъ разбора текста Т вытекаетъ:

Сохраняя всѣ характерныя особенности 3 редакціи, текстъ Т по плану детально совпадаетъ съ планомъ 2 редакціи, отъ которой онъ и происходитъ. Въ этомъ особенно убѣждаетъ присутствіе одной и той же интерполяціи: «Григорія Капустина». Текстъ Т — стройнѣе и лучше, чѣмъ текстъ 2 редакціи: улучшение зависѣло не отъ одной только редакціонной обработки: выше было указано, что Т мѣстами, и нерѣдко, сохраняетъ лучшее чтеніе, близкое къ 1 редакціи. Отсюда вытекаетъ, что Т произошелъ отъ иного списка 2 редакціи, чѣмъ тѣ, которыми пользовался я: этотъ списокъ, хотя уже интерполированный, сохранялъ лучшее чтеніе 2 редакціи, чѣмъ извѣстныя мнѣ, значительно потерпѣвшіе отъ переписки.

Перехожу теперь къ разбору списка У.

Текстъ У представляетъ иногда лучшее чтеніе, чѣмъ не только списки 2 редакціи, но и текстъ Т: онъ всего ближе къ 1 редакціи по расположенію частей и по выраженіямъ; но есть основанія, по которымъ я не могъ принять его за основной списокъ: 1) по времени переписки У явился позже Т, и послѣдній списокъ оказалъ на него нѣкоторое вліяніе, и 2) переписка оставила на немъ цѣлый слой описокъ и мѣстъ явно непонятыхъ. Таковы:

Вмѣсто: «палимъ» — написано: «хвалимъ»; вм. «ехидна» — «единая»; вм. «всесвѣтлый» — «всевѣтный»; вм. «нарекъ» — «нарокъ»; вм. «помощъ» — «побѣду»; вм. «силу» — «славу»; вм. «московского побѣды» — «морские побѣды»; вм. «Лотови» —

«Лютовѣ»; вм. «Монсѣя» — «Мусіа»; вм. «Римскаго» (короля) — «Суромскаго»; вм. «конѣ» — «коніе»; вм. «испиша» — «спаша»; вм. «медокормицѣ» — ошибкою написано «мѣдѣвезешѣ». Не поняты цѣлыя выраженія: «на устѣхъ и рѣкѣхъ Воронажа»; «и видѣть твое смотреніе» — вм. «мы видимъ твое смотреніе пашея грубости»; «неуклонными образы нося»; «не же бо ти вѣнецъ сія побѣды носить, но и минувшихъ лѣтъ»; «силы божьи» — тогда когда говорится о силѣ Олега; «ушшимъ слышати рускимъ оукромѣша, а ушнимъ еще мнози бранъ необычны...»; «галици жъ с войски гласяху»; «6 часъ приближи ми ся»; «не уклонимся убо на свое», и пр. Есть мѣста выпущенныя, несомнѣнно, изъ за непониманія: о князѣ Владимірѣ: «ему же откры Господь праславную вѣру, яко оному Еустафію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую святымъ крещеніемъ» — не читается въ У, равно какъ опредѣленіе «подвига» русскаго войска: «его жъ на Руси вождедѣша». Спутано перечисленіе князей, пришедшихъ на помощь великому князю. Наконецъ замѣчается присутствіе лишнихъ интерполяцій, вродѣ: «непроходна — сирѣчь глубока»; «убилъ тогда православныхъ христіанъ».

Подобная порча текста, къ сожалѣнію — почти обычная по отношенію къ спискамъ 3 редакціи Сказанія, значительно умаляетъ достоинство этого, во многихъ отношеніяхъ хорошаго текста. По сравнительной древности — списокъ относится къ к. XVI — н. XVII в., по тому, что отъ него зависятъ цѣлая группа списковъ, отличающихся присутствіемъ иногда однихъ и тѣхъ же характерныхъ ошибокъ, я долженъ считать и текстъ У за основной.

Я буду разбирать текстъ У, главнымъ образомъ, по сравненію со 2 редакціей, но параллельно укажу и на его отличія отъ текста Т.

Измѣненія въ слогѣ текста У, какъ и въ Т, выразились вставкой лишнихъ эпитетовъ, риторическими распространеніями и подновленіемъ слога. Молитва великаго князя передъ вторичнымъ приходомъ къ Кипріану продолжена риторической

вставкой: «И в предніи дни и приде Исае на брата своего Иякова Израїля, Ияковъ ставъ на градѣ и рече Асафу: брате, Богъ межи мною и тобою, и шибе зъ града копиемъ и уби его».

Такія же риторическія распространенія встрѣчаются въ бесѣдѣ Дмитрія съ Кипріаномъ: «Азъ бо, отче», говоритъ Дмитрій, «пред Богомъ съгрѣшилъ есмь выше всѣхъ человѣкъ». Въ отвѣтъ Кипріана: «Господине, просвѣтився веселыма очима и сердцемъ и законъ божій чтеши и твориши правду». Во 2 редакціи все это — болѣе сжато.

Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выставлены лишніе эпитеты: «*священною водою*», «и рече ему *тайно*». Тоже — въ молитвахъ Дмитрія: «иде ко гробу *чюдотворному* чюдотворца Петра *преблагеннаго*»...

Смотръ войска на Дѣвичьемъ полѣ на Коломенѣ распространенъ вставками въ тонѣ писанія Софонія: русскіе «наступилиа *великія* поля коломенскія»; Дмитрій «рече своему брату Владимиру и своимъ братіямъ, сколько братія вою с нами; и рече ему князь Владимиръ Андреевичъ: сказываютъ вою с нами *ѹ* кованой рати».

Рѣчь Олега своимъ боярамъ подновлена: «аще бо мощно намъ послати... таковаго *приключника*, како *имате мыслити*, но застали намъ *дорогу*... не подобаетъ *рускому* князю противу *восточнаго* царя стояти... откуда ему прииде помощь, *яко противу насъ вооружися*»... *мене жъ мои помысли облачаютъ*. По сравненію же съ Т вся рѣчь эта носитъ болѣе сокращенный характеръ и представляетъ самостоятельную обработку соотвѣтствующаго мѣста 2 редакціи.

Разсказъ о приходѣ Ольгердовичей близь по слогу къ Т, что вполне естественно, такъ какъ братья, по 3 редакціи, изображаются возставшими на отца своего. Отмѣченный мною выше пропускъ 2 редакціи въ рѣчи Ольгердовичей, въ текстѣ У изложенъ полнѣе, чѣмъ въ Т: «Тебѣ жъ, государю великому князю, подобаетъ оставить смертныя помыслы, уже подобаетъ буйнымъ словомъ глаголати крѣпчайши войскомъ вашимъ видѣти

множеству избранным твоимъ». Не трудно видѣть, кромѣ того, что здѣсь текстъ — испорченъ.

Донесеніе татарскихъ разъѣздовъ Мамаю — все подновлено: ... «возвратишася, *выгнавши на мѣсто высоко, видиша полци наши* и скоро къ царю своему возвратишася, божиним промыслом *многое видѣша людей* и повѣдаша царю своему, *яко четверницею множае ихъ*».

Такой же характеръ носить увѣщательная рѣчь Дмитрія передъ боемъ: ... «в сію жь ночь бдѣте... на мѣстех своихъ *не мятущися, утре бо неудобь мощно, како чредитесь*, уже по (чит.: бо) гости наши *ближе суть* на рѣци на Непрядѣ *ополчишася*»...

Полиѣе, чѣмъ во 2 редакціи, молитва великаго князя передъ битвой; можетъ быть здѣсь текстъ У сохраняетъ пропуски 2 редакціи; прибавлено: ... «яко Давида на Голиада и прѣвому Ярославу на Святополка... не по грѣхомъ моимъ въздажь ми, Господи, но призри на ны милостию своею»...

Зато въ формулѣ боя — примѣръ совершенно лишняго добавленія: «не мощно бѣ слышати и изрѣти» — вм.: «не мощно бѣ зрѣти».

Описаніе перваго момента боя, распространяющее соответствующее мѣсто 2 редакціи, въ У сходно съ Т. Однакожь въ обоихъ спискахъ и счетъ побитымъ въ бою воеводамъ. Что же касается описанія втораго момента боя, то У, повторяя въ сущности чтеніе Т, измѣняетъ его въ худшую сторону.

Послѣднее обстоятельство заставляетъ вообще считаться съ дефектами У. Я уже указывалъ на ошибки, но онѣ — дѣло переписки. Существеннѣй то, что У въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ худшее чтеніе, происходящее: 1) отъ непониманія соответствующихъ мѣстъ 2 редакціи и 2) отъ сокращенія сравнительно съ текстами 2 редакціи и съ Т.

1. Въ эпизодѣ о прощаніи Дмитрія и воеводъ съ женами, У, одинаково съ Т, говорятъ, что женщины, отдавъ конечное цѣлованіе, возвратились съ великой княгиней, между тѣмъ далѣе

еще слѣдуетъ разговоръ великаго князя съ женою. Указаніе на возвращеніе — здѣсь, какъ выше указано, не у мѣста; 2 редакція излагаетъ этотъ эпизодъ логичнѣй.

Одинаково съ Т, У не понимаетъ начала разсказа о приходѣ Ольгердовичей; я указывалъ на непослѣдовательность и во 2 редакціи, гдѣ редакторъ колебался, отъ какого лица вести повѣствованіе, почему вмѣсто: «бѣста бо есмь отцем и братом ненавидимъ» — чтеніе 2 редакціи, въ У совсѣмъ безсмыслица: «и от дѣтска мысляще, коего отцем ненавидима». Очевидно, неустойчивость изложенія повліяла на непониманіе этого мѣста въ разбираемыхъ текстахъ.

Въ описаніи прихода звѣрей и птицъ на мѣсто побойща Т нѣсколько продолжаетъ 2 редакцію: послѣ сл. «храбрымъ сердце утверждается» Т читаетъ: «а иныя ж людие в плѣкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша». Дополненіе это, вѣроятно, имѣло мѣсто и во 2 редакціи, но не дошло въ спискахъ, мнѣ извѣстныхъ. Текстъ У, сохраняя эту прибавку, не понялъ ея: «и уншимъ слышати руским укротѣша, а уншимъ еще мнози бранъ необычны». Чтеніе испорчено, но всетаки ближе къ оригиналу, чѣмъ даже чтеніе текста Т.

Вмѣсто «образа Спасова», изображеннаго на знаменахъ, У читаетъ: «образы святыхъ» — несомнѣнно — позднѣйшее осмысленіе.

У читаетъ: покоривъ «подъ нози его враги Амалика» — явное непониманіе. Испорчены разсказы о бѣгствѣ Мамаи и объ участи великаго князя. Въ послѣднемъ эпизодѣ очевидцы разсказываютъ Владимиру, когда и какъ они видѣли въ бою великаго князя: въ У все — скомкано, и послѣдовательность нарушена: «...видѣхъ его въ 5 часъ быюща палицею своею желѣзною крѣпко. Послѣ того *еще видѣхъ* его быюща с четырьмя печенги, належаху бо ему велии иные»...

2. Сокращенія въ текстѣ У замѣчаются какъ противъ 2 редакціи, такъ и противъ Т. Я разберу ихъ отдѣльно:

а) Сокращенія противъ текста 2 редакціи:

Во вступленіи сокращены риторическіе эпитеты воздвигшагося на Русь Мамая: онъ называется просто — царь, пропущено — «иконоборецъ».

Выпущена вся отрицательная характеристика Олега.

Нѣтъ эпитетовъ великаго князя: посаженника — присяжника — служебника.

Въ цитатѣ: «путь нечестивыхъ не спѣшится» — нѣтъ окончанія: «справыхъ же путъ обрящется».

Нѣтъ заимствованія изъ Писанія Софоніи о посадникахъ новгородскихъ и о «громѣ» рати великаго князя передъ разсказомъ о походѣ къ Троицѣ. Т сохраняетъ вторую половину этой вставки, но и въ немъ нѣтъ о посадникахъ. Отсутствие всего этого поэтического мѣста въ У указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У, когда количество заимствованій изъ Повѣданія еще не было велико.

Благословеніе пр. Сергія передъ битвой черезъ гонца въ У передается кратко.

Сокращена нѣсколько и рѣчь бояръ къ Дмитрію передъ боемъ, но эти сокращенія выпускаютъ сомнительныя (въ смыслѣ интерполяцій) мѣста 2 редакціи.

Нѣтъ вовсе разсказа объ Арееѣ въ отвѣтной рѣчи великаго князя боярамъ.

Этимъ У отличается отъ Т, сохраняющимъ этотъ эпизодъ одинаково со 2 редакціей. Что же касается первой редакціи, то, какъ было видно, разсказъ объ Арееѣ сохраненъ спискомъ Древняго Лѣтописца. Отсюда явствуется, что на образованіе послѣдующихъ редакцій вліяли двѣ категоріи списковъ 1 редакціи: имѣвшіе разсказъ объ Арееѣ и списки — гдѣ онъ отсутствовалъ. Происхожденіе У отъ особой отъ Т категоріи еще разъ говоритъ въ пользу поставленія его во главѣ особой группы.

Въ благодарственной молитвѣ Дмитрія послѣ боя выпущены слова: «ни едино жь есть слово довольно къ похваленію чюдес твоихъ». Эта фраза находится въ 1 редакціи, но въ разбираемомъ спискѣ, равно какъ и въ Т — ея нѣтъ.

Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести отсутствіе въ У интерполяціи 2 редакціи: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣтъ 158». Выше было указано, что этой интерполяціи нѣтъ и въ списокѣ Т; отсюда еще разъ явствуетъ, что оба главныхъ списка 3 редакціи пользовались болѣе исправными списками 2 редакціи, чѣмъ тѣ, которыя я имѣлъ подъ рукою.

Таковы сокращенія У противъ текста 2 редакціи. Общій характеръ ихъ не носитъ признаковъ искаженія текста; напротивъ, отмѣченная мною раньше тенденція къ очищенію текста отъ излишнихъ прибавокъ и вообще забота объ ясности слога здѣсь та же, что и въ списокѣ Т.

2) Сокращеній текста противъ Т значительно меньше:

Весь разговоръ Батыя со своими приближенными о предполагаемомъ походѣ на Русь въ У сокращенъ противъ Т, причемъ это сокращеніе основывается на пропускѣ словъ и выраженій, обличающихъ скомканность этого эпизода.

Такой же характеръ носитъ рассказъ о посланіи Ольгердомъ ярлыка къ Мамаю. Въ этомъ эпизодѣ текстъ Т гораздо ближе ко 2 редакціи, а У представляетъ значительную уже порчу.

Въ рассказѣ о посланіи стражи случайно выпущена фамилія: поставлено «Семена» безъ «Мелика». Это, конечно, можетъ быть пропускомъ писца.

Наконецъ, рассказъ о поѣздѣ великаго князя по побоищу, по изложенію вообще близкій къ Т, въ послѣднемъ списокѣ заключаетъ рѣчь великаго князя къ воеводамъ: «Братіа, русскія сынове, князі и бояре и воеводы и дѣти боярскыя, суди вамъ Господь Богъ тою смертію умрети; положили есте главы своя за святыя церкви и за православное христіанство». Этой рѣчи въ списокѣ У — нѣтъ.

Итакъ — всѣ сокращенія У противъ Т носятъ характеръ нѣсколько иной, чѣмъ разобранные выше сокращенія противъ 2 редакціи. Здѣсь они представляютъ уже порчу текста, по сравненію съ Т.

Ошибки при перепискѣ, порча текста сравнительно съ Т, отмѣченныя выше явно непонятныя мѣста — все это, повторяю, заставило меня считать списокъ У дальнѣйшимъ послѣ Т измѣненіемъ 3 редакціи. *Но протографъ разбираемаго списка былъ несомненно гораздо лучше и исправнѣе*: отмѣченная мною связь Т съ 1 редакціей въ разбираемомъ спискѣ — еще ближе: не смотря на порчу, У представляетъ едвали не въ большемъ количествѣ случаевъ сходство съ 1 редакціей, чѣмъ списокъ Т:

1. Витѣватое заглавіе Повѣсти по списку Т — отсутствуетъ въ У. Правда, У сокращаетъ и 1 редакцію, гдѣ заглавіе въ той же степени реторично, но я думаю, что краткое: «Сказаніе о брани благовѣрнаго князя Дмитрія Ивановича с нечестивымъ царемъ Мамаемъ еллинскимъ» — идетъ изъ протографа 1 редакціи: и выше говорилъ, что распространенное заглавіе для 1 редакціи дано редакторомъ Никоновскаго свода.

2. Въ ярлыкѣ Олега фраза: «злата и богатства много, а князь Дмитрій человекъ христіанъ, егда услышитъ имя»... = 1 ред. Даже 2 редакція нѣсколько переставляетъ слова въ этомъ случаѣ.

3. Въ томъ же ярлыкѣ еще разъ встрѣчается буквальное сходство выраженій съ 1 ред.: (Дмитрій убѣжитъ)... «в великій Новгородъ, или на Двину, а то многое богатство московское все въ твои руцѣ да будетъ».

4. Одинаково разсужденіе: «не сѣтвори сусѣду своему зла и не копанъ подъ нимъ ямы, да и тебе Богъ в горшее не вержетъ». Во 2 редакціи и въ Т эта цитата сокращена.

5. Въ разсказѣ о приѣмѣ пословъ отъ союзниковъ: «Царь Мамай воспріемъ дары с любовью и писанія книгъ, разслушавъ послы, почествовавъ и отпусти и. И списавъ списаніе Олгерду литовскому»... Здѣсь и Т близокъ къ редакціи, но У сохраняетъ лучше чтеніе послѣдней.

6. Въмѣсто — «чести ваша хошу» — чтеніе 2 ред. и Т — въ У: «чести вашей ради» = 1 ред.

7. Начало разговора Дмитрія съ Кипріаномъ 2 редакція сокмкала: въ У: «Испытахомъ бо ся, отче, до велика» = 1 ред. Здѣсь Т = У.

8. Объ Юліанѣ: «отступникъ Оулянъ, идыи в Персъ» — такъ же, какъ въ 1 ред.

9. Разсказъ о посланіи Захаріи Тютчева (Тушева въ У) изложенъ съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій 1 редакціи: «князь... по совѣту митрополита своего посла избраннаго своего уношу, довоина смысломъ»... «Захарія... посла... скоро вѣстника к великому князю»... Здѣсь Т = У.

10. Разсказы о посланіи 1 и 2 стражи кажутся цѣликомъ перенесенными въ У изъ 1 редакціи. 2 редакція въ этихъ эпизодахъ измѣняетъ и сокращаетъ текстъ; Т по изложенію близко подходитъ къ У. Сохраняя цѣликомъ выраженія 1 редакціи, У и здѣсь представляетъ примѣры страннаго невниманія къ тексту: «ведуца языкъ к великому князю *Дмитриевичю*».

11. Князь заповѣдалъ: «побарати по вѣрѣ и повели съ всея земли руския и всимъ людемъ быти на Коломнѣ на Успеніе святыя Богородица», — эта фраза ближе къ 1 ред., чѣмъ сокращенное изложеніе 2 редакціи.

12. Имена князей, пришедшихъ на помощь съ войсками къ Дмитрію — перебиты во 2 редакціи. Путаница замѣчается и въ Т, но меньше; У, также не свободный отъ пропусковъ, сохраняетъ, однако, всего болѣе чтеніе 1 ред.

13. Обращеніе пр. Сергія къ инокамъ-богатырямъ: «добри воини христови» = 1 ред., вмѣсто чтенія 2-й: «добрии страдалци христовы». Т ближе къ У, но хуже.

14. Ближе къ 1 редакціи и конецъ разсказа о посѣщеніи обители пр. Сергія: Великій князь «поведа единому митрополиту, еже рече ему святыи старецъ».

15. Ближе къ 1 редакціи описаніе выступленія великаго князя. Сохранены выраженія 1 редакціи, что Дмитрій разлучился «з братомъ своимъ», что великая княгиня смотритъ въ слѣдъ уходящему мужу, сидя «на ороднуцѣ».

16. Весьма близокъ къ 1 редакціи весь эпизодъ о гостяхъ сурожанахъ. Даже пропускъ 1 редакціи сохраненъ здѣсь: въ обоихъ текстахъ читается: «Костянтина Козму Ковырю» — вмѣсто «Константина Волка» — 2 редакціи и «Константина Петунова» — списка Т. Разница въ двухъ послѣднихъ фамиліяхъ показываетъ, что въ протографѣ Сказанія, списокъ котораго послужилъ оригиналомъ для У, при словѣ «Константина» — фамиліи уже не стояло.

17. Я отмѣчалъ, что 2 редакція перепутала текстъ разсказа объ уряженіи полковъ. У здѣсь вполнѣ = 1 редакціи; Т также близокъ къ У, но въ мелочахъ послѣдній всетаки ближе къ 1 ред.: «правую руку уряди брата своего князя Володимира и давъ ему полкъ Ярославскіе князи, а лѣвую руку уряди князя Глѣба Брянскаго; передовой же полкъ — Дмитрій Всеволожъ, да Володимеръ Всеволожъ; коломенскій же воевода Микула Василевичъ; володимирскій ж воевода и юрьевскій — Тимошей Вогуевичъ; костромскій же воевода — Иванъ Родионовичъ Квашня; переславскій ж воевода Ондрей Черкизовичъ. А князя Володимера воеводы — Данило Белеустъ, Константинъ Конановичъ, князь Ѳеодоръ Елецкій, князь Юрьи Мещерскій, князь Ондрей Муромскій».

18. Вмѣстѣ съ 1 редакціей и съ Т — У указываетъ, что Березуй былъ «яко за два-десять и три поприща до Дону».

19. 2 редакція читаетъ: «твоего жъ царь собранія не вѣдаетъ». Явный пропускъ въ этомъ чтеніи: «ни сретенія твоего не чаетъ» — находящійся въ 1 редакціи, читается и въ У.

20. У повторяетъ тѣ же описанія природы, что и въ 1 редакціи, въ началѣ разсказа о примѣтахъ Дмитрія Волынца: «осени жъ тогда удолжившеся с лѣтними дни свѣтащеся»; «уже бо нощи глубоцы». Кромѣ того У и Т ближе къ 1 редакціи потому, что представляютъ великаго князя «единого», выѣхавшаго съ Волынцемъ межъ двухъ полковъ въ поле: 2 редакція ошибочно изображаетъ его въ сопровожденіи Ольгердовичей и князя Владимира.

21. Такой же характеръ — близости къ 1 редакціи — носить начало разсказа о видѣніи Оомы Капибѣя, который поставленъ былъ «на Чюру на Михайловѣ, мужества его ради, на крѣпкой стражѣ стоя от поганных». У, искажая собственныя имена, тѣмъ не менѣе, сохранилъ здѣсь буквально чтеніе 1 ред., тогда какъ 2 редакція читаетъ «на Чюдо на Михайлово».

22. Вмѣстѣ съ 1 редакціей указывается, что зная надъ Бренкомъ великій князь повелѣлъ возить «рындѣ своему». Въ Т — «рыделю».

23. Убитыхъ князей бѣлозерскихъ по У — *восемь*, а не пятнадцать, какъ во 2 редакціи. Здѣсь сохранено чтеніе 1 редакціи. Еще разъ лишнее доказательство, что нельзя, безъ элементарной критики текста, полагаться на чтеніе списковъ и указывать на «грубые промахи противъ исторической дѣйствительности», какъ это дѣлали изслѣдователи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

24. Наконецъ, къ 1 редакціи Сказанія, по Никоновскому тексту, приближается весь конецъ повѣсти по списку У. *Этотъ конецъ составляетъ отличительную особенность* какъ разбираемаго списка, такъ и зависящихъ отъ него, имѣющихъ быть указанными, списковъ.

1 редакція (Кипріановская) послѣ разсказа о принятіи великимъ княземъ бояръ рязанскихъ съ челобитьемъ, рисуетъ обратный путь Дмитрія отъ рязанской земли къ Москвѣ. Схема разсказа такова: обратный приходъ на Коломну, гдѣ Дмитрія встрѣчаетъ епископъ Герасимъ — приходъ въ Москву — встрѣча его Кипріаномъ — рѣчь Кипріана по этому торжественному случаю — благодарственныя молитвы и веселье — походъ къ Троицѣ, чтобы поблагодарить пр. Сергія за помощь — панегирикъ великому князю (О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе! . . . — изъ Лѣтописной Повѣсти). Такова схема, въ сущности какъ бы сжато передающая весь предыдущій разсказъ о пути Дмитрія изъ Москвы на Куликово поле. Это повтореніе только замедляло ходъ разсказа и потому, въ большинствѣ списковъ 3 редакціи и во 2 редакціи оно отбро-

шено, но группа списковъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить У, не только сохранила повѣствованіе по этой схемѣ, но и дополнила его. Я приведу цѣликомъ текстъ этого окончанія по списку У.

Передъ этимъ окончаніемъ схема списковъ Т и У, до сихъ поръ совпадавшая, расходится:

Т	У
Сборъ войска на побоищѣ.	Сборъ войска на побоищѣ.
Похороны убитыхъ.	Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).
Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).	Похороны убитыхъ.
Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.	Судьба Мамаѣ } кратко. Судьба Ольгерда }
	Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.
Судьба Мамаѣ.	
Судьба Ольгерда.	
Судьба Олега.	Судьба Олега.

Разсказъ объ участи Олега въ У кончается словами 1 редакціи: «Князь же великій заповѣда всему своему (войску), аще жъ кто идетъ по рязанской земли, то ни единъ же ни власу не коснитесь. Прииде же князь великій землю рязанскую, не вели ни единому власу коснутсѣ».

Послѣ этихъ словъ непосредственно въ У¹⁾ слѣдуетъ разсказъ о возвращеніи великаго князя въ Москву съ побоища:

«Поиде князь великій ко своему граду Коломнѣ, вѣсти жъ ускоряюще къ преосвященному митрополиту. Архиепископъ жъ повелѣ по всѣмъ церквамъ молебны пѣти за великаго князя и за вся христолюбивое войско. Прииде жъ князь великій на Коломну зъ Дону восьмій день. Архиепископъ же срѣте его съ живоносными

1) Какъ и въ 1 редакціи.

кресты и святыми иконами и съ всемъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту нача плакати с рыданіемъ сердечнымъ, и глагола ему епископъ: «Радуйся, княже нашъ, и веселися и твое все войско христолюбивое». Абже князь великій от плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архиепископу: «Азъ бо, отче, велми отъ нихъ смирихся, събралъ есмь злата много и послахъ противу ему. Онъ же паче възъярився на христову вѣру и на свою пагубу раженъ діаволомъ. Тако, отче, случися в Кесаріи Великому Василю, сгда отступникъ вѣры христовы, закону попрагель Оульянъ царь, иде с Персъ на Великаго Василья и хотяще разорити градъ его. Василий жъ помолися Богу и вси християни и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурия, и изби его Меркурий божиею силою, с всеми силами его. И уби Меркурей войска его ѿ кованые рати; не токмо сам Меркурей изби его, но аггели божии на помощь придоша ему». И рече ему епископъ: «Того ради, господине, Господь Богъ смиреннымъ благодать даетъ, а гордымъ противится». Князь же великій пребысть на Коломнѣ ѿ дни и хотяще изыти из града в пятый день, на память преподобныя Евфросиніи. Архиепископъ проводи дѣяше с кресты и святыми иконами и съ всемъ съборомъ, с крылосы проводиша его до рѣки до Сѣрыи. И ту став на рѣки, благослови его живоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великій разлучися с братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ, и отпусти его на Котель дорогою, а сам поиде с литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву к великой княгини и к митрополиту Кипріану, яко князь великій здравъ есть и грядеть на свою отчину. Княгиня же великая възрадовася. И митрополитъ же повели воду свящати и молебны самъ пѣти и литургию служити за великаго князя и за христолюбивое войско.

Князь же великий приде в Коломенское село и ту нача ждати брата своего, князя Владимира: того бо ради разлучися

с братом своим, что не вмѣстится дорогами множествомъ людей. Приде жъ князь Володимиръ вборзи в Коломенское село. Князь же великій отпусти свое войско прежде себя на Москву и повели всему войску опъ сию страну Юзы. И приде все войско, ста на мѣсти томъ, по повелѣнію великаго князя. И самъ князь великій приде на заутрие по заутрени, на праздникъ святѣй Богородици. Митрополитъ же Кипріанъ срѣте великаго князя в Ондриевѣ монастырѣ с живоносными кресты и с святыми иконами и оградил крестомъ и рече: «Радуйся, княже нашъ великий Дмитрий Ивановичъ, побѣдивъ свои супротивники. Новый еси Александръ, вторый Ярославъ, побѣдитель своимъ врагомъ». И окропи его святою водою и рече ему митрополитъ: «Сыну мой, господине великий княже, яко ты царствуеши в вѣки. Земля твоя спасется». И рече ему князь великий: «Азъ, отче, велики пострадахъ за вѣру и за свою великую обиду, и дасть ми Господь Богъ помощь отъ крѣпкия свои руки, и молитвою святыхъ стрѣлостерпецъ Бориса и Глѣба и игумена Сергія, вооружителя нашего, того вооруженіемъ спасохомся». И ту в монастырѣ восхотѣ слушати, иде в церковь и нача молитися с слезами и рече: «Образъ божій, нерукотворенный, не забуди нищихъ своихъ до конца. Не предади еси врагомъ нашимъ в покорение и да не порадуются о насъ». Изыде из церкви, и рече ему преосвященный митрополитъ: «Поиде, господине, на благословенное себѣ мѣсто, на градъ Москву, и сяди, господине, на своемъ княженіи».

Иде князь великій зъ братомъ своимъ со княземъ Володимиромъ и с литовскими князми на градъ Москву. И митрополитъ повелѣ пѣти стихи богородичны и мученичны. Княгиня же великая Евдокия срѣте своего государя во Ороловскихъ вратахъ с многими воинскими женами с своею снохою. И ту видивъ своего великаго князя, нача плакати от радости великия и рече: «То перво то я, господине, вижу великаго князя, славнаго в чловѣцехъ, аки солнцу на небо восходящу и освѣщающу всю рускую землю». Князь великій увѣдѣвъ свою великую княгиню и свои двѣ малѣи отрасли: князя Василія и князя Юрья, и възрадовася

и рече князь великий: яко вы царствуете в вѣки. И поиде князь великий с великою княгинею и своими дѣтми, вниде в монастырь, въ церковь архистратига Михаила, небеснаго воина, и бьет ему челом, святому образу: «Заступникъ еси во вѣки». И знаменася святым его образом. И по сем иде к гробу сродником своим и рече с слезами: «Вы есте наши пособники и наши молебники къ общему владыцѣ. Вашими молитвами велики спасохомся от супостат наших». И изыде из церкви с своим братом, княземъ Володимеромъ и с литовскими князми, поиде въ церковь святыя Богородица и ставъ пред иконою, еже поистиннѣ Лука евангелистъ написа, и рече: «Госпоже Царице, христианская еси заступнице, тобою есмь познахомъ истиннаго Бога». И иде ко гробу преложенаго Петра и, став у гроба, нача молитися с слезами и рече: «Ты еси, преложенне Петре, спаситель нашъ крѣпкыи, твоя есмь паствина, и прояви намъ тебе Господь Богъ послѣднему роду нашему и въжегъ ты намъ свѣщу неугасимую и твоею есмь молитвою велики пострадахом и побѣдихом своя враги». Скончав молитву, изыде ис церкви и иде в свое мѣсто, в бережныи сѣни, и сяде на своемъ столѣ и ту нача молитися Богу и утѣшатися.

И в то время преподобный Сергій з братнею вкуси брашна в трапези; не по обычаю вѣстав от стола и достойно сѣтворивъ и рече: «Вѣсте ли, братіа моя, что се есть сотворихъ? Не може ему ни един отвѣщати. И рече имъ: «Князь великий здравъ есть и пришелъ на свой столъ и побѣдилъ своя враги». И вѣстав от трапезы и поиде въ церковь з братнею, нача пѣти молебенъ за великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича и за литовские князи, и рече: «Братіа, силніи наши вѣтри на тихость преложишася». И рече: «Азъ есмь вамъ проповѣдахъ, пришла ко мнѣ вѣсть з Дону въ второй день, яко побѣдилъ князь великий своя супротивники; и опять пришла ко мнѣ вѣсть в осмый день, яко князь великий пошелъ з Дону на свою отчину и идетъ по рязанской земли. И услышавъ то, князь Олегъ рязанский избѣгъ отчины своея. Князь великий пришелъ

на Коломну в осмый день и былъ на Коломнѣ ѿ дни, и поиде с Коломны на ѿ день и пришелъ на Москву в осмый день». И, скончав молебен, изыде из церкви. Князь же великий пребысть на Москвѣ ѿ дни; и поиде князь великий къ отцу преподобному Сергию и з братом своим и с литовскими князми. И приде ко отцу Сергию и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его съ кресты близъ монастыря и знаменав его крестом, и рече ему: «Радуйся, господине князь великий, и веселися твое христолюбивое войско». И спроси его о своих изволницех, а о его служебницех. И рече ему князь великий: «Твои, отче, изволници, а мои служебници, — тѣми побѣдих врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣтъ, побѣдил подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христианомъ отъ того пяти горькую чашу». И скончав рѣчи сия и повели Сергию ити в церковь и воду свящати и молебен пѣти и литоргию служити. И ту слушавъ святыя литоргия, и рече ему старецъ: «Вкуси, господине, хлѣба от нашей нищеты». Князь же великий послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, вставъ от трапезы, и повелѣ нарядитися всѣм, изыде из монастыря. Преподобный старецъ проводи его со кресты. Князь же великий поиде на Москву и прииди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскии проситися въсвояси. Князь же великий нача их чтити и дарми утѣляти: язъ вамъ дамъ свыше вашее отчины и здѣ. Князь же великий не може их уняти и отпусти их. И самъ проводи их и з братом своим до Можайска и рече им с слезами: «Братіа моя милая и способници наши». И отпусти их, а самъ възвратися въ свою отчину и прииде на градъ свой Москву и сяде на своем княженіи, царствуя в вѣкы».

Таково окончаніе списка У. Надо сознаться, что разсказъ развитъ неостроумно. Схема 1 редакціи сохранена, но редакторъ ее распространилъ: онъ заставилъ великаго князя повторять епископу коломенскому все, что говорилъ въ свое время Киприанъ объ Юліанѣ, причемъ и самый эпизодъ распространенъ; путь изъ Коломны въ Москву — буквальное повтореніе

прежняго пути изъ Москвы въ Коломну. Повтореніе всего предыдущаго повѣствованія представляютъ и дальнѣйшіе эпизоды текста: встрѣча великаго князя митрополитомъ, великой княгиней, — молитвы Богородицѣ, Петру, Михаилу Архангелу — приходъ къ Троицѣ и разсказъ пр. Сергію о Пересвѣтѣ. Во всей этой схемѣ — простое сжатое повтореніе всего Сказанія, причемъ редакторъ не замѣчаетъ явныхъ негѣпостей: идти изъ Москвы можно было разными дорогами, благодаря множеству войска; но возвращаться обратно также «разными дорогами», потому что «нельзя было вмѣститься» — странно: оставалось совсѣмъ незначительное число воиновъ. Панегирика великому князю — нѣтъ. Я отмѣчаю эту характерную особенность: 3 редакція, какъ и вторая, окончательно уничтожила всякіе слѣды вліянія Лѣтописной Повѣсти.

Совершенно новыми эпизодами, по сравненію съ 1 редакціей, являются въ этомъ окончаніи: приходъ Дмитрія въ село Коломенское, оттуда на другой день къ Андроньеву монастырю, на Яузѣ, гдѣ его встрѣчаетъ митрополитъ Кипріанъ. Эта подробность, не заключающая въ себѣ никакихъ противорѣчій противъ возможной дѣйствительности, прибавлена, несомнѣнно послѣ: она чаще всего встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи, откуда попала и въ Синописисъ.

Въ разсказъ о походѣ къ Троицѣ, распространенный противъ 1 редакціи, вставлена также одна подробность: пр. Сергій, сидя съ братіей за трапезой, неожиданно встаетъ и творитъ молитву. На вопросы недоумѣвающей братіи, онъ отвѣчаетъ, что великій князь въ этотъ моментъ возвратился съ побѣдою въ Москву. Въ этомъ эпизодѣ проходитъ, такимъ образомъ, элементъ чуда, основаннаго на прозорливости Сергія. Матеріалъ же заимствованъ изъ Епифаніева житія пр. Сергія, изъ главы о епископѣ Стефанѣ. Стефанъ, направляясь изъ Перми въ Москву, не могъ при всемъ желаніи посѣтить обители преподобнаго; тогда онъ, издали сотворивъ молитву «достойно есть», поклонился по направленію къ обители и сказалъ: «миръ тебѣ,

духовный брате!» Сергій же, бывший тогда съ братіей на трапезѣ, всталъ неожиданно, сотворилъ молитву и на вопросы недоумѣвающей братіи отвѣтилъ, что издали (путь Стефана отстоялъ «на 10 поприщъ») епископъ Стефанъ привѣтствовалъ и благословилъ его и братію. Ученики подивились прозорливости старца, особенно когда нѣкоторые изъ нихъ узнали обо всемъ этомъ лично отъ Стефана.

Все остальное распространеніе основано исключительно на повтореніи выраженій и молитвъ Сказанія.

Что касается отношенія У къ писанію Софоніи, то слѣдуетъ отмѣтить, что У и группы списковъ, отъ него зависящія, пользуются выдержками изъ этого памятника въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ Т со своими группами. Эта особенность указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У сравнительно съ Т: разрастаясь количественно, списки 3 редакціи все болѣе и болѣе заимствовали украшающія поэтическія добавленія изъ Повѣданія. Во 2 редакціи ихъ еще немного; въ У — больше, но по сравненію съ Т — всетаки меньшее количество.

Во 2 редакціи выѣздъ князей Бѣлозерскихъ изображается такъ: «уж бо тогда аки соколи рвахуся отъ златыхъ колодищъ, а то рвахутся князи белозерскія ис камена града Москвы». Въ списокѣ Т эта картина развита на основаніи Повѣданія: «уже бо тогда аки соколи урвашася отъ златыхъ колодищъ ис камена града Москвы и възлѣгѣша подъ сінія небеса и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ... а хотять наѣхати на великую силу татарскую».

Въ списокѣ У нѣтъ не только всего этого мѣста, но даже той краткой выдержки, которая читается во 2 редакціи.

Въ Т Пересвѣтъ говоритъ словами Повѣданія: «чаду моему Іакову миръ и благословеніе». Ни въ У, ни во 2 редакціи этой фразы нѣтъ.

Выѣздъ засаднаго полка въ У хотя и изложенъ такъ же, какъ въ Т, но текстъ всетаки хуже: «аки соколы изучены ударишася на многи на жоровины (такъ и въ Т: жировины) стада, тако сїи крѣпциі мужи направлены разумнымъ своимъ воеводою» . . .

Присутствіе неодинаковыхъ вставокъ въ У и въ Т, (а также и во 2 редакціи) заставляетъ предполагать, что списки пользовались Повѣданіемъ самостоятельно, и этотъ памятникъ утилизировался, такъ сказать, до полнаго своего истощенія. Такъ, напр. въ У читается слѣдующее, не имѣющее соответствія ни съ Т, ни со 2 редакціей, мѣсто: «Рече князь Ондрей: брате Дмитрей! колко с нами вою удалыхъ людей и храбрыхъ Литвы? И рече князь Дмитрий: вою съ нами 70 тысящъ кованої рати, удалыя Литвы; учрежены бо, яко нарочитыи противныя полци». Въ другихъ спискахъ категоріи Т это мѣсто — на лицо.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію списковъ, зависящихъ отъ У.

Списокъ У я ставлю во главѣ двухъ группъ:

Первая группа представляется *тремя* списками:

1) Москов. Румянц. Музея № 3155, лицевая рукопись, скорописью XVII вѣка. Рукопись представляетъ сборникъ, начинающійся Александріей, занимающей первые 144 листа; на 145 — начинается Сказаніе: «Лѣта ,зпе Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу і брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Текстъ Сказанія не полонъ, потому что въ рукописи утрачено нѣсколько листовъ. Текстъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, списанъ со списка, одинаковаго съ У: даже повторены однѣ и тѣ же ошибки. Въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей къ великому князю, Дмитрій Брянскій обращается къ брату со слѣдующими словами: «слышахъ бо, яко прїѣдоша ко мнѣ отъ Сѣверы *мѣдвезешъ*, а кажутъ великого князя ужъ на Дону». Характерная ошибка: «мѣдвезешъ» — вмѣсто «медокупцы» находится и въ У. Можетъ быть для обоихъ списковъ былъ одинъ общій оригиналъ.

2) Совершенно такого же характера текстъ Сказанія по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IV. № 342. Судя по припискѣ, рукопись относится къ 1682 г. Заглавіе приписано другой рукою: «Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Благослови отче». Текстъ буквально сходенъ съ У; та же опять ошибка: «медъвезешь». По отношенію къ выше разобранному списку и къ У текстъ этого исправнѣй: отсутствуютъ многія описки и ошибки; въ перечисленіи убитыхъ бояръ вставлено несомнѣнно пропущенное предыдущими двумя списками: «да ѿ бояриновъ серпуховскихъ». Зато въ началѣ повѣсти есть самостоятельная описка, которую я отмѣчаю, какъ имѣющую отношеніе къ другимъ спискамъ: «како възвысися рои христьянскій» — вмѣсто: «родъ».

Итакъ, оба эти списка новаго по тексту ничего не даютъ.

3) Благодаря указанной опискѣ: «рогъ» я присоединяю къ этой группѣ третій списокъ — Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. 169, скорописный сборникъ XVII вѣка: «Въ лето 6889 Сказаніе о страшномъ достовѣрномъ побойще великого князя Дмитрея Ивановичя, государя Московъского. — Братія, извѣстно хошу поведати, како бысть преславная побѣда на Дону православному христіянству с безбожными агаряны, како Богъ возвыси рои христьянскіи, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, якожъ Едеономъ на Мадіамы и православнымъ Моисеомъ на Фараоны. Но подобаетъ намъ поведати величества божія силы, како поможетъ Господь Богъ великому князю Дмитрію Ивановичу, государю рускія земли, владимерскому и московскому». Текстъ — неисправенъ; о дальнѣйшемъ сходствѣ его со спискомъ У я не имѣю возможности утверждать, потому что Сказаніе обрывается менѣе, чѣмъ на половинѣ: «Князь великий Дмитрей Иванович уряди полки своя и приказа коемуждо полку воеводу и повеле Оку реку перевозитися и заповеда всемъ княземъ и воеводамъ, да аще кто с великими». Этимъ кончается

текстъ, причемъ далѣе — не написано, а не то, что — утрачены листы.

Ниже будетъ указанъ списокъ Московскаго Румянцевскаго Музея № 378, принадлежащій къ одной изъ группъ, восходящихъ къ списку Т. Въ немъ опять та же описка: «рогъ» вмѣсто «родъ». Можетъ быть разбираемый списокъ принадлежитъ къ той группѣ: характернаго для У окончанія, какъ я говорилъ, здѣсь нѣтъ.

Во всякомъ же случаѣ, нужно предположить, что и этотъ и румянцевскій списки составились подъ перекрестнымъ вліяніемъ, въ которомъ участвовалъ и списокъ разбираемой группы.

2) Вторая группа представляется однимъ спискомъ — Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, № 442. Этотъ списокъ представляетъ несомнѣнный переходъ къ группамъ, зависящимъ отъ списка Т. Съ У сближаетъ его окончаніе — тотъ же разсказъ объ обратномъ пути великаго князя съ поля битвы. Разсказъ этотъ начинается, какъ и въ У, непосредственно послѣ разсказа о походѣ по рязанской землѣ и участіи Олега.

Списокъ этотъ — поздній, рукопись относится къ концу XVII и началу XVIII вѣка и представляетъ писанный разными почерками сборникъ; вплетены нѣсколько печатныхъ листовъ. Заглавіе и начало Сказанія близки къ соответствующимъ въ группахъ Т: «Побойще великаго князя Дмитрія Ивановича, како побѣдилъ поганого царя Мамая на Дону зъ братомъ своимъ съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, в лѣто 7200и году. — Братне, хошу начати повѣсть новыя сія побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяномъ зъ безбожными Агаряны и како возвысися безбожныхъ надъ христіяны, но Богъ уничижи и посрами ихъ суровство, яко жъ иногда Гедеону на Мадеамы и преславнымъ Мойсеомъ на Фараона. Но подобаетъ повѣдати величества божія, како сотвори волю боящихся его, како способовавъ великому князю Дмитрею Ивановичю надъ безбожными татары».

Вступленіе, какъ видно, — подновлено. Это подновленіе замѣчается вообще въ текстѣ: подновлены тексты ярыковъ; слова: «аще который человекъ Богу вѣруетъ дѣлы добрыми»... — приписаны апостолу Павлу, какъ въ болѣе позднихъ спискахъ; въ эпизодѣ объ Юліанѣ вставлено: «дѣялося в прошлыхъ лѣтахъ в Кесаріи при святѣмъ Великомъ Василии»; князей бѣлозерскихъ, побитыхъ, уже не 15, а 50.

Подновленіе выразилось, между прочимъ, въ добавленіяхъ: видно, что редакторъ пользовался нѣкоторыми другими источниками, по всѣмъ вѣроятіямъ устными: великій князь просить у Сергія Пересвѣта Александра и брата его *Андрея* Ослябя; характерно описаніе противника Пересвѣта: «аки сильная гора печенѣг, он окаянный над ним, яко трею лакти возвыше его» — ниже будетъ видно, что эта характеристика распространялась еще далѣе, заимствуя матеріалъ изъ народныхъ старинъ.

Схема разбираемаго списка совпадаетъ со схемами У и Т. Интерполяція, отсутствующей въ У — о числѣ лѣтъ между битвами на Калкѣ и Куликовомъ полѣ — нѣтъ и здѣсь; за то интерполяція Т о Григоріи Капустинѣ находится и въ разбираемомъ спискѣ.

Сохраняя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе У, разбираемый списокъ подходитъ однако къ группамъ Т тѣмъ еще, что въ немъ замѣчается обиліе выдержекъ изъ Повѣданія; между прочимъ сравнительно рѣдкая въ 3 редакціи картина бѣгства Мамая: «И абие побеже самдесять в лукоморіе, сѣрымъ волкомъ воучи и скрекчюще зубы своими, плачюще и глаголюще еллинскимъ языкомъ, поминающе други своя — ясоулове, и князи, і упатове своя, рекуще: уже намъ, братіе, в земли своей не быватъ і дѣтей своихъ не видати і катунъ своихъ не трепати, трепати намъ, братіе, сырая земля, цѣловати намъ зеленая мурава».

Разобранный списокъ, такимъ образомъ, стоитъ на границѣ перехода группъ У къ группамъ Т.

Нужно думать, что 3 редакція, вытекавшая изъ второй, была обработана сначала по схемѣ первой: т. е. сохраненъ былъ

и конецъ послѣдней, подновленный и распространенный. Въ такомъ видѣ былъ протографъ 3 редакціи, неисправными списками съ котораго явились У и списки первой группы, зависящей отъ У. Дальнѣйшая передѣлка, состоявшая въ большемъ числѣ прибавленій изъ Повѣданія, въ стилистическомъ измѣненіи текста, въ перестановкахъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, еще сохраняла характерный конецъ протографа 3 редакціи, но нѣкоторые списки внесли въ текстъ характерную интерполяцію — «Іггорія Капустина». Отъ этихъ интерполированныхъ списковъ впоследствии произошелъ списокъ Т, откинувшій замедлявшее ходъ разсказа окончаніе, которое представляло повтореніе всего повѣствованія. Отъ Т пошли списки, раздѣлившіеся на группы, съ большимъ или меньшимъ количествомъ вариантовъ. Въ этихъ спискахъ упомянутая интерполяція встрѣчается далеко не во всѣхъ: въ нѣкоторыхъ спискахъ ее сознательно опускали.

Перейду къ разбору списковъ, зависящихъ отъ Т.

Списокъ Т, какъ я сказалъ, стоитъ во главѣ цѣлаго ряда группъ списковъ 3 редакціи, въ общемъ сохраняющихъ тоже расположеніе частей плана, но отличающихся болѣе или менѣе значительными добавленіями. Текстъ большинства этихъ списковъ — неисправенъ: переписчики плохо понимали его или списывали съ рукописей, гдѣ листы были перебиты, вообще въ спискахъ чувствуется какая то небрежность и поспѣшность въ работѣ, должно быть преслѣдовались торговыя цѣли исключительно. Что же касается добавленій — то всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ широкимъ заимствованіямъ изъ Повѣданія, писанія Софонія.

Группы эти слѣдующія:

I. *Лицевая*, представляемая двумя списками, имѣющими сходныя миниатюры. Одинъ изъ нихъ — рукопись Московскаго Историческаго Музея № 40039, писана скорописью въ XVIII в. Сказаніе — не имѣетъ начала и конца въ виду утраты многихъ лпстковъ. Начинается со словъ: «Слышавъ же то Олгъ рязанскій, яко грядетъ князь великій»..., но изложеніе снова

обрывается, такъ какъ это — отдѣльный листокъ, и текстъ повѣсти вновь начинается со словъ: «...возрадовашася о суетномъ привѣте, аки не вѣды, Богъ даетъ власть, ему же хошетъ, не вѣмъ бо, что сия нарѣку, аще врази были себѣ, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещение, а к безбожному приложилися»... Въ срединѣ — снова многое перебито, и текстъ обрывается на словахъ: ...«Грозно, брате, в то время посмотриши, лежитъ трупъ христіанскаго, аки сѣнныя стоги, а Дон рѣка»... Текстъ неисправенъ, многого, какъ сказано, нѣтъ.

Въ виду дефектовъ, нельзя составить достаточнаго представленія о текстѣ повѣсти въ этомъ спискѣ, но миниатюры роднятъ его со слѣдующимъ спискомъ этой группы: Московскаго Румянцевскаго Музея № 3123, писаннымъ полууставомъ и скорописью XVIII в. Текстъ Сказанія и здѣсь не полонъ: утрачено начало, рассказъ идетъ со словъ: ...«Восточному царемъ царю Мамаю князь Волгирдъ литовскій»..., но пропуски вообще незначительны.

По отношенію къ тексту Т, разбираемая рукопись представляетъ:

а) наличность большого количества ошибокъ, вытекающихъ изъ явнаго непониманія текста, напр.: «гнѣздо есмь кіевское иже изведенны»...; «нынѣ же сего агарянскаго втораго Святополка нарѣку»...

б) добавленія, носящія характеръ риторическаго распрощанія:

1) передъ рассказомъ о посланіи Мамаемъ ярлыка: «Безбожный же царь, возрѣвъ и мнѣ себѣ, яко оболстіша писаша ко мнѣ сицѣ. И нача глаголати с темными своими князми, они же разумѣша, яко прилична суть писанія ихъ. И рече царь: азъ мнихъ, яко воедино совокупленіе ихъ будетъ ихъ на мя, нынѣ же празность велика межъ нма, имамъ бо присно на Руси быти. Тѣхъ же пословъ чествовавъ отпусти и писахъ писанія, даде имъ».

2) распространено разсужденіе по поводу перехода Олега на сторону Мамаю: «Богъ даетъ власть, ему же хочетъ, не вѣмъ бо, что сія нарѣку, аще врази были сѣбе, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещеніе, а г безбожному приложишася, аки к дикой масличнѣ, вкупѣ гонити хотятъ православную вѣру. О таковыхъ бо рече патерикъ: поистиннѣ сїи отсѣкошася своєю масличны и присадишася к дикой масличнѣ»...

И ниже: ... «(Олегъ) посылая к Мамаю гонцы, веля ему ско итти на Русь, о немъ бо рече притча воистинну сиѣ: Путіе злыхъ сплетаются, собираютъ же ся себѣ понасъ и досажденіе, правыхъ же путіе общаются. Нынѣ же»...

3) архіепископомъ города Коломны названъ «Евфимій».

4) послѣ сл. «Лотови» прибавлено: «поможе вскорѣ доблественному князю Ярославу, яко отмсти обиды брату своему»...

5) въ перечисленіе убитыхъ воеводъ вставлено: «Было кованные рати на службѣ великъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ ,у ,о храбрыхъ людей в лате».

Всѣ эти вставки новаго не даютъ ничего. Но въ концѣ Сказанія находится пространное заимствование изъ Повѣданія, въ сокращеніи соотвѣтствующее вставкѣ списка Румянцевскаго Музея № 378:

в) В то же время приде вѣсть к Москвѣ в четверты день после бою, на память преподобныя Феодоры Александриска к великой княгинѣ Евдокиѣ і ко преосвященному митрополиту Кипріану, к воинскимъ женамъ, і сказаша, кон побиты. Слыша же ту погибелную вѣсть Феодося Микулина жена, да Мария Дмитрева жена рано плакаша оу Москвѣ рѣки на берегу, глаголюще: Доне, Доне, быстрая рѣко, протекла еси сквозѣ каменные горы, а течешъ в землю половецкую, прилѣй нашихъ государей к намъ: Микулу Васильевича, Дмитрія и Тимоея Вогуевичев. Оуже бо веселие наше пониче в славнемъ граде Москвѣ, оуже бо не видимъ мужей своихъ в животѣ. Княгиня же великая Евдокія нача ихъ увѣщати: не плачите

по мужехъ своихъ... и глаголюще: Москва, Москва, быстрая рѣка, х чему залѣгла еси мужей нашихъ от нас в половецкую землю; тако можеш ли, господине князь великій, веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку запрудити татарскими трупы, замкни, государь князь великій, Онѣ (чит. Окѣ) врата желѣзными враты, чтобъ, государь, к намъ потом поганіи к нам не ходили, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке на Непрядвѣ. Ея (чит. сія) же оставимъ, но на подлежащее возвратимся».

Эта вставка, представляющая заимствование (испорченное) изъ писанія Софоніи, приближаетъ разбираемую группу къ слѣдующей, отличающейся вообще *чрезвычайно широкимъ заимствованиемъ поэтическихъ мѣстъ изъ Повѣданія*, причемъ это заимствование, какъ я уже говорилъ, доходитъ мѣстами до своднаго текста, какъ это замѣчается въ спискѣ Румянцевскаго Музея № 378. Его я ставлю поэтому во главѣ этой второй группы, отличающейся отъ предыдущей во первыхъ — отсутствіемъ миниатюръ, во вторыхъ — наибольшей полнотой содержания, въ общемъ повторяющаго схему списка Т.

II. Эта группа представляется тремя списками:

1) Рум. Музея № 378 ¹⁾, самый полный и исправный списокъ этой группы.

Повѣсть начинается словами: «Братія, хочу повесть начати новыя сея побѣды, како случися бран на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными огаряны и како возвыси Богъ рогъ (такъ!) христьянскій на поганыхъ и уничижи ихъ и посрами ихъ суровство, якожъ иногда Гедеону на Мадьяма и преславному Моисею на Фараона»... Изложеніе цѣликомъ повторяетъ, за исключеніемъ конца, текстъ Т. Разнотченія въ сущности — не важны и сводятся къ ошибкамъ при перепискѣ:

Не совпадаютъ, во первыхъ, имена собственные: въ перечисленіи гостей сурожанъ: «Василья *Камуцу*, Сидора *Федорова*,

---

1) Сборникъ, скорописью XVII в. См. Востокова, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея.

Константина, Козму Коверу, Семена Онтонова, Михаила Саларева, Тимофея *Вусяковд*, Дмитрія Чернаго, *Дементія Саларева*, *Ивана Шихова*. «Дементіємъ» зовется и Меликъ. Въмѣсто «Чурикова» читается «Чиракова». Нашедшіе великаго князя носятъ имена: «*Феодоръ Сабуровъ* и *Феодоръ Холопивецъ*», родомъ «*костромитичи*».

Встрѣчаются слова, явно не понятыя переписчикомъ: «и приидоша ко мнѣ *сиверки*» — *вм.* — съ сѣвера медокупцы; «*Гедеоновы книжницы*»; «въ нощи той и мрацы росяныи явишася»; «повелѣ *рыдателю*... возити» — *вм.* *рындѣ*; «кояждо рука держаше от облака того ово вѣнцы, ово *потырци*».

Есть мѣста, носящія характеръ подновленія: «и рече: Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, предстоя на ны, коромолу дѣет. Не даи же, Господи, о нас порадоватися врагу нашему»... Еще, въ описаніи бѣгства Мамаю: «Мнози ж узвены наши помогаютъ намъ, секуще без милости: ни единъ же бѣ, камо може убѣжати, занежъ кони ихъ притомишася»...

Присутствіе интерполяціи «Григорья Капустина» указываетъ на непосредственную связь № 378 съ текстомъ Т. Лучше чтеніе послѣдняго противъ 2 редакціи наблюдается и въ разбираемомъ спискѣ. Кроме того, послѣдній самъ даетъ уже вторичныя улучшенія текста: формула боя здѣсь болѣе арханчна: «на томъ бо полѣ силни полца ступишася, а изъ нихъ выступали кровавые езера, блистаніе жъ мечное и трепетъ, аки силнии молнии, и зыкъ великъ отъ мечного сѣченія»...

Характерной же особенностью № 378 является конецъ Повѣсти, представляющій сводку Сказанія съ Повѣданіемъ, при этомъ сводчикъ, оканчивая попеременно выписки изъ того и другого памятника, отдѣлялъ ихъ замѣткой: «Ся убо оставимъ, на первое возвратимся». Выше, при разборѣ Повѣданія, я указывалъ на характеръ этого своднаго конца, на его отношеніе къ Писанію Софоніи и привелъ самый текстъ.

2) Слѣдующій списокъ — собраніи Ундольскаго № 772, скоропись XVII в., стоитъ въ ближайшей связи съ вышеприве-

деннымъ. Къ сожалѣнію, онъ очень неисправенъ: не полонъ, списанъ съ перебитыхъ листовъ, изобилуетъ грубыми ошибками, обличающими или явное непониманіе оригинала или весьма невнимательное отношеніе къ тексту.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ подновленъ, начиная съ самаго заглавія: «В лѣта 7311. Сказаніе о Донскомъ побоище, како случися великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому брань и победы восточново крымского царя Мамае, и возвыси Богъ родъ крестіянскій надъ поганымъ».

Рукопись, повторяя, изобилуетъ массой ошибокъ, описокъ, пропускомъ слоговъ, цѣлыхъ словъ: «землянаго» — вм. земнаго; «царева творя» — вм. царева двора; «спѣшно грядяху, яко вѣдовѣнныя чары питіи и стеблѣи, и тѣ хотять себѣ чести добыти и славнаго имени. Ужи бо, брати, стукъ а громъ гудитъ по ранней зорѣ, князь Володимеръ Ондрѣевичъ Москву реку перовое». Перепутаны имена Сурожанъ; рассказъ о примѣтахъ Волинца обрывается на полурѣчи и непосредственно, на той же страницѣ, слѣдуетъ продолженіе рассказа о приходѣ Ольгердовичей. Нѣкоторыя мѣста въ рукописи зачеркнуты самимъ писцомъ. Последніе четыре листа перебиты; Сказанію не достаетъ конца.

Не смотря на эти дефекты, разбираемый текстъ представляетъ мѣстами лучшее чтеніе, чѣмъ Рум. № 378. Таково начало рассказа о прощаніи княгинь съ мужьями: «Княгиня же великая Овдотья и княгиня Володимерова Марія и инныхъ православныхъ князей княгини с воеводцкими женами»...; тогда какъ въ № 378 читается: «Княгини жъ великая Евдокѣя инныхъ 23 володимерскихъ православныхъ княгини»...

Особенностью же разбираемаго списка является присутствіе новыхъ, еще не находившихся въ предыдущихъ спискахъ вставокъ. Эти дополненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространяютъ текстъ такими указаніями или эпизодами, которые органически связаны съ группой, составляющей переходъ къ 4 редакціи Сказанія. Въ разбираемомъ списокѣ еще такихъ мѣстъ немного,

но его, какъ и нѣкоторые другіе, имѣющіе быть указанными списки 3 редакціи, слѣдуетъ разсматривать какъ протографы, изъ которыхъ, впослѣдствіи, развилась 4 редакція Сказанія.

Я отмѣчу эти новыя указанія и вставки:

а) Слова: «аще хто вѣру держитъ ко Господу добрыми дѣлы и правду держитъ в сердцахъ, не можетъ бѣзо многихъ враговъ быти» — опять приписаны здѣсь апостолу Павлу.

б) Захаріи Тучкову дается въ сопровожденіе товарищъ, фигурирующій, собственно въ спискахъ 4 редакціи: «да другова с нимъ отпусти Оандрѣя Семенова сына Попова, иже прибежа от царя Мома с вестью к великому князю Дмитрею Ивановичю».

в) Разсказъ о посланіи стражи продолженъ: великій князь послалъ: «Радюна Ржевскаго, Оандрѣя Волосатаго, Василья Туника, Якова Ослабятова, иныхъ многихъ с ними крѣпкихъ *юнаковъ*¹⁾ семдесятъ человекъ».

г) Указано имя снохи великой княгини — Соломонида.

д) Но что особенно приближаетъ этотъ списокъ къ 4 редакціи — это довольно пространная вставка въ разсказъ о посольствѣ Василія Туника: великій князь «скоро посла от думы дворянина Василья Тубинака и многихъ с нимъ дворянъ и детей боярскихъ, а мы его силу обедемъ 12 дней на добрыхъ конехъ, и во второй на десять дней подстерегли насъ сторожи царевы и меня поймали и перед царемъ поставили. И воспрашивалъ меня царь: вѣдомо ли моему слуге, а вашему великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому, что яз иду к нему гостит со многими силами, а силы моей двенатцать ордъ и три царьствія, князей 803, опричь боловны, и поскихъ 40 безъ единого князя, а воиска моего со мною семъсотъ тысячъ и три тысячи, опричь того, что после моего числа пришли ко мнѣ великия два олпоута з двѣма орды, темъ я числа не вѣдаю. Можетъ ли де слуга мой, а васъ государь всѣхъ насъ накормити и одолити. Меня же,

---

1) Присутствіе здѣсь слова «юнакъ» и странныя ошибки въ перепискѣ заставляютъ думать, что писецъ не былъ русскимъ славяниномъ.

государь, велѣлъ царь по полкомъ водити и казати сосуды бранныя, яже баше привезены на взятіе руским градомъ, но, милостию пречистыя Богородицы и молитвами святаго преподобнаго игумена Сергіи і твоим государевымъ счастьем, убежал у самого царя из рук и пришел с вѣстію к тобѣ, государю».

Этой вставки нѣтъ въ предыдущихъ текстахъ, она рѣдка вообще въ текстахъ 3 редакціи, рассказъ Тупика здѣсь представляетъ попытку иллюстраціи къ посланію великимъ княземъ стражей въ татарское Поле. Объ этихъ посольствахъ 2 и 3 редакція, какъ извѣстно, говорятъ весьма кратко. Естественно, поэтому, могло возникнуть желаніе объяснить себѣ поведеніе пословъ передъ Мамаемъ; точка зрѣнія, конечно, должна была быть патріотической: все могущество Мамаея разбивалось о божественное заступничество за русскихъ или же о хитрость и мудрость пословъ. Такія подготовительныя работы, какъ приведенный отрывокъ, впоследствии должны были привести къ особому эпизоду о встрѣчѣ какого-нибудь русскаго посла съ татарскимъ ханомъ, и этотъ эпизодъ нашелъ себѣ мѣсто въ спискахъ 4 редакціи: рассказъ о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ является одной изъ отличительныхъ особенностей именно 4 редакціи Сказанія.

Списки 3 редакціи, сохраняя схему протографа, имѣютъ много подобныхъ вставокъ, иногда настолько оригинальныхъ, что въ отдѣльную группу приходится выдѣлять чуть не по одному списку. Популярность 3 редакціи была прямо пропорціональна передѣлкамъ текста: еще разъ приходится констатировать, что списки разбираемой редакціи на столько различны, что рѣчи быть не можетъ объ элементарномъ подведеніи вариантовъ.

3) Последній списокъ этой группы, собранія гр. Уварова № 492, конца XVII в., имѣетъ отношеніе и къ № 378 и къ только что разобранному. Съ Румяцевскимъ № 378 его роднитъ одна и та же вставка изъ Писанія Софоніи, которую я указывалъ также и въ списокѣ Рум. Муз. № 3123. Вставка эта представляетъ эпизодъ о плачѣ женъ:

«Слышав ту погибельную вѣсть, Феодосія Микулина Васильевича, да Марія Димитріева жена Волуча, да Тимоѣева жена Волуевича рано плакаше оу Москвы реки на берегу и ркучи: Донѣ, Донѣ; быстрая реко, протекла еси сквозѣ каменныя горы, а течеш в землю половецкую, прилелѣй нашихъ государей к намъ — Микулоу Васильевича, Димитрія Волуевича, Тимоѣя Волоуевича. Оуже веселие наше пониче в славномъ градѣ Москвѣ, оуже бо не видимъ мужей своихъ в животѣ. — Княгиня же великая Евдокѣя нача ихъ тѣшити: Не плачите по своихъ мужахъ, дасть Богъ, сождем к себѣ великаго князя, оучнетъ васъ дарми оутоляти про вашихъ мужей за ихъ великую службу. А аз рада о вас государю великому князю со слезами печаловатися, а по мужехъ вашихъ памяти творити. — И рече Ондрѣева жена Черкизовича: Государыня великая княгиня, се оуже веселие наше пониче, а солнце намъ померче в славнѣ градѣ Москвѣ. — Коломенскіхъ бояръ жены рано плачущеся оу Коломны, на забралахъ града и рекучи: Москва, Москва, быстрая реко, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в половецкую землю, такъ можеш ли, господине князь великій, веснѣ прудъ запрудити, а Дон реку шелома вычерпати. Аще, господине, Дон реку татарскими запрудяшь трупы, а замкни, господине князь великій, ворота желѣзными враты, чтобъ, государь, потомъ поганіи к нам не ходили, оуже мужей нашихъ поганіи побил на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве. *Ея же оставимъ, но на преднее возвратимся.*

При всей близости къ тексту № 378, этотъ отрывокъ отличается большимъ удаленіемъ отъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ Писанія Софоніи, что показываетъ его болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ Румянцовскаго № 378. Последний списокъ, какъ я указывалъ, съ наибольшей полнотою удерживаетъ поэтическія мѣста Повѣданія. Разбираемый, при сохраненіи большинства вставокъ, нѣкоторыя иногда выпускаетъ: такъ, нѣтъ вставки: «стукъ стучать, а громъ гремятъ»... передъ разсказомъ о походѣ къ Троицѣ. А болѣе поздніе списки, по мѣрѣ

приближенія къ типу 4 редакціи, начинаютъ мало по малу, какъ я замѣчалъ, терять поэтическія украшенія. Здѣсь, слѣдовательно, — какъ бы начало приближенія къ 4 редакціи, съ которой разбираемый списокъ сближаетъ еще одно обстоятельство: 4 редакція разбита на главы, причемъ каждая носитъ определенное заглавіе; заглавія, написанныя кинноварью, находятся и въ разбираемомъ спискѣ; правда, они здѣсь, какъ бы въ зачаткѣ, ихъ немного, и они не проведены по всему тексту. Таковы: 1) О Олеге, царѣ рѣзанстемъ; 2) Ярлыкъ от Олга к Мамаю; 3) Ярлыкъ Волгирда Литовскаго; 4) О пришествіи пословъ с книгами к Мамаю; 5) Ярлыкъ Мамаю царя ко Олгирду и ко Ольгу; 6) О извѣданіи про Мамаю царя Дмитрія Ивановича (разсказъ о томъ, что великій князь, узнавъ о походѣ Мамаю, начинаетъ молиться); 7) Князя Дмитрія молитва; 8) Князя Дмитрія и Володимера приход к Киприяну митрополиту.

На этомъ заглавія обрываются. Замѣчу, что въ большинствѣ случаевъ указанныя заглавія не соотвѣтствуютъ выставленнымъ въ 4 редакціи, такъ что послѣдняя имѣла только прецедентъ въ спискахъ 3 редакціи, но самостоятельно и послѣдовательно развила ихъ сама.

Разбираемый списокъ — не полонъ. Онъ начинается со словъ: ... «пленил Киев и Володимеръ град и всю вселенскую вѣру, како оуби князя Юря Дмитриевича и многія православныя князи»... Текстъ испорченъ, по обыкновенію, напр.: «И оусплени же бысть очима, того не разумѣша, яко Господь ни единъ будетъ, той и будетъ». Не понять вовсе разсказъ объ Уланѣ: «Како случися великому князю Дмитрію преступникъ, хотя разорити *градъ ея*, онъ же помолися Богу со вѣсьми христіяны и собраша злата много, да быша оутолить. Онъ же паче възъярився, Господь же посла воина своего Меркурія: онъ же оуби гонителя невидимо»; если здѣсь, не ошибка, то очень неудачный примѣръ подстановки. Впрочемъ, у переписчика было стремленіе измѣнять текстъ оригинала, напр. въ характеристикѣ

князей бѣлозерскихъ: «Придоша же к нему князи Белозерскія, подобни суще воевѣ, велики оучрежено воинство ихъ, яко могутъ имъ братися противу агарянъ».

Въ общемъ же схема вполне приближается къ Т, развѣ только нѣкоторыя мѣста являются въ болѣе сокращенномъ чтеніи, напр. — молитвы великаго князя. Весь конецъ — по схемѣ Т; приходомъ великаго князя на Москву оканчивается разбираемый списокъ.

III. Третью группу, въ виду того, что нѣкоторые списки, къ ней относящіеся, были въ свое время напечатаны И. Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, я предлагаю назвать *печатной*. Снегиревское изданіе было сдѣлано по 5 спискамъ; въ основаніи положенъ списокъ Тимковского, уставной сборникъ XVII вѣка; изъ остальныхъ къ тексту подведены варианты. Однако — не всѣ эти списки одной редакціи, и приводимый Снегиревымъ списокъ кн. Оболенскаго я принужденъ отдѣлить и отнести всецѣло къ 4 редакціи, по моему дѣленію. Оставшіеся 4 списка могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ:

Въ основу печатной группы слѣдуетъ поставить Ермолаевскій списокъ, а не — Тимковского, какъ наиболѣе подходящій по плану къ списку Т., съ которымъ онъ вполне совпадаетъ и по окончанію ¹⁾. Списокъ Тимковского, по сравненію съ Ермолаевскимъ, далеко не полонъ и имѣетъ явно случайные пропуски (напр. выпущена вся первая половина разсказа о посѣщеніи обителя пр. Сергія). Заключение списка Тимковского значительно сокращено: выпущены эпизоды: сборъ войска подъ знамя на побоищѣ, рѣчь Дмитрія и счетъ побитымъ воеводамъ, благодарственная рѣчь къ войску, и разсказы объ участи Ольгерда и Олега. Въмѣсто всего этого, послѣ разсказа объ участи Мамая, слѣдуетъ поэтическая вставка, изъ Повѣданія, имѣющая характеръ исходнаго величанья:

1) Въ немъ — та же интерполяція, что и въ Т: «Григорія Капустина».

«Оудальцы восплескаше в татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы, и насычи, бугай, коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахары. Предъвознесеса слава руская надъ поганныхъ землею, ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поидѣ вѣсть по всѣмъ градомъ ко Орначу, к Риму, х Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратомъ, ко Царюграду на похвалу: Роусь поганыи одолѣша на полѣ Куликове, на рѣчкѣ на Непрядве. Воздадимъ хвалу русской земли! Кой градъ глава всѣмъ градомъ, — Володимеръ и Ростовъ, хвалу воздають Богу со всѣми грады. Прославлю милость божію во вѣки вѣковъ. Аминь».

Всего ближе къ списку Тимковского стоитъ лицевой списокъ Царскаго, по указанію издателя — Снегирева. Съ текстомъ Царскаго Снегиревъ знакомитъ мало.

Наконецъ Снегиревскій списокъ, заключающій текстъ неполный Сказанія (нѣтъ начала), отличается отъ перечисленныхъ также окончаніемъ: въ Снегиревскомъ спискѣ оно сходно съ концомъ Кипріановской редакціи, иными словами, этотъ списокъ можно въ равной степени относить къ группамъ, зависящимъ отъ У. Судя по вариантамъ, этотъ списокъ по тексту всего ближе къ Ермолаевскому, слѣдовательно и къ Т. Интерполяціи «Григорія Капустина» нѣтъ. Принимая во вниманіе эти особенности Снегиревского списка, я, оставляя его въ группѣ печатной, тѣмъ не менѣе принужденъ считать образовавшимся отъ протографа У.

Эти четыре, напечатанныхъ Снегиревымъ, списка представляютъ всѣ характерныя особенности, отличающія печатную группу. Текстъ всѣхъ этихъ списковъ вполне исправный; по содержанію — главная особенность ихъ — *обиліе заимствованій изъ Повѣданія*: въ нихъ это заимствование выражается особенно ярко.

По отношенію къ тексту Т, печатный текстъ представляетъ:

1. При наличности сходства со списками Т и У, печатная группа мѣстами представляетъ чтеніе, приближающееся ко 2 редакціи. Это обстоятельство еще разъ доказываетъ, что

3 редакція образовалась отъ 2, причемъ протографомъ 3 редакціи служили исправные списки.

2. Печатная группа представляетъ рядъ мелкихъ разночтеній, какъ со списками Т и У, такъ и со 2 редакціей, и путаницу въ собственныхъ именахъ (воеводъ, пришедшихъ на помощь Дмитрію, боговъ, которыхъ призывалъ Мамай на помощь). Я не стану приводить всѣхъ этихъ разночтеній, такъ какъ они ничего не даютъ для характеристики текста: ошибки и разночтенія — непремѣнное слѣдствіе послѣдовательной переписки.

3. Печатная группа по происхожденію — болѣе поздняя, что явствуется изъ цѣлаго ряда дополненій и подновленій въ изложеніи. Укажу на главнѣйшія:

а) въ ярлыкѣ Олега: *не презри моленія моего*. Ярлыкъ списавъ, *посла же непославъ, но посла посолство...* (къ Ольгерду).

б) въ его же писаніи къ Ольгерду: *«Азъ же писахъ, но не послахъ, хочу бо единою с тобою и жду твоего послисаря»*. Въ обонхъ вставкахъ отгѣняется единомысліе Олега и Ольгерда.

в) продолжено разсужденіе о недомысліи союзниковъ: ... не вѣдуще... *Богъ даетъ власть, ему же хочетъ...* Въ томъ же мѣстѣ, ниже — подновленіе: ... паки рече: *изрыи яму, самъ...*

г) отвѣтъ пословъ союзникамъ — подновленъ: «яко царь здравить, велии хвалить».

д) Кипріанъ совѣтуетъ великому князю послать дары Мамаю, «дабы не разрушилъ хрістовы вѣры».

е) приведено приблизительное содержаніе грамоты, разосланной великимъ княземъ: «да будете готови на брань и збиритися на Коломну битися з безбожными Агаряны. *Вси бо на мя собращася сопостати, но помощію божіею и молитвами святя Богородица, възидемъ имъ во срѣтеніе»*.

ж) молитва Дмитрія ко Вседержителю Богу передъ началомъ выступленія изъ Москвы распространена риторически: ... къ Тебѣ прибѣгаемъ единому, *егда оунываемъ отъ скорбей нашихъ...* Тебѣ бо *мыно* есть миловати и спасти насъ, подѣ

твоею рукою есмь... но и Тебѣ, Господи, *оставляющему насъ, намъ тебя взыскающимъ. И иная многая ему глаголюще и молящися. Прїимъ...*

з) плачь Евдокіи нѣсколько дополненъ поэтически (вставка: «Отъ Калкинскаго побоища до Мамаевы рати *рѣѣ лѣтъ*», читаемая во 2 редакціи, не находится въ спискахъ Ермолаевскомъ и Снегиревскомъ): ...Азъ же, *оуналая*, имѣю двѣ отрасли, ... *но еще и тѣ мали* суть... то не могу терпѣти, *ни на что же опираяся*; ихъ или зной проразитъ, *такъ же имъ поибнути*...

и) точно указано, когда надлежало уходить изъ Коломны: «в четвергъ августа 29 день, на память оусѣкновенія главы Ивана Крестителя».

і) на поздній характеръ происхожденія печатной группы указываетъ титулъ Дмитрія: «великому царю русскому».

к) дополнено размышленіе Олега; эта часть повѣствованія вообще подвергалась различнымъ передѣлкамъ, какъ останавливавшая на себѣ вниманіе редакторовъ по своей поучительной точкѣ зрѣнія.

л) риторически дополнена грамота князя Андрея Ольгердовича: ...*лавающаго тернія сего и подающаго насъ и присадимся*... винограду *плодовитому и христіанскоупотѣльному* рукою Христовою... Господи и Владыко *животу моему*...

м) въ примѣтахъ Воынца замѣчаются слѣды подновленія: ...города ставятъ... птицамъ, прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто... лебеди и оутята... ..нудивъ его добръ...

н) поновленіе есть и въ отвѣтной рѣчи бояръ великому князю: «оучнемъ волочитися, ни на что же взирая» — ви. «ски-татися по пустынямъ».

о) занимала редакторовъ также картина единоборства, противъ 3 редакціи здѣсь она распространена: «Они же оударилася копыи, аки силніи громи грянуша, егда мѣсто не проломися подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Оба же они спадоша с коней на землю, ту и скончашася».

п) подновлено описаніе конца 1 момента боя: «Яко же 6-му часу минующе поганіи же всуду задѣша, и около крестьянъ обступиша татарове. Оуже бо мало есть полковъ крестьянскихъ: всѣ полки татарские».

р) значительно распространень рассказъ князя Стефана Новосильскаго, видѣвшаго на побойщѣ великаго князя. Этотъ вставочный эпизодъ попалъ въ распространенную, четвертую редакцію Сказанія: «Азъ видѣхъ его предъ самимъ твоимъ приездомъ, пѣша по побойщу идуща, и оуязвлена велми, и еще емоу стужаютъ 4 татарина. Азъ же бился с татаринѡмъ и помощію божіею борзо побѣдихъ его и погнахся за тѣми, иже стужаютъ великому князю: не мощно бо бѣ борзо гонитися, не може конь итти в трупу челоувѣчю борзо. Но оугонивъ татарина, оубилъ; три же ихъ на мя нападоша, много ми стужаху, и по милости божіи, два отъ нихъ оубихъ, третей же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ, оузрѣвъ же иныя татарове, наехаша на мя и многими стужиша и раны многи нанесоша ми; крѣпко отъ нихъ пострадахъ, егда избыхъ отъ нихъ, и в трупу пребыхъ, донѣдеже ты приспѣ».

Этотъ рассказъ вставленъ, такъ сказать, для оправданія очевидца, не имѣвшаго возможности помочь преслѣдуемому великому князю.

Таковы главнѣйшія прибавленія печатной группы противъ основныхъ списковъ. Въ разбираемой группѣ видно сознательное отношеніе редакторовъ къ тексту: распространенія имѣли въ виду поясненіе неясныхъ или краткихъ мѣстъ оригинала, развивали наиболѣе интересные эпизоды, модернизировали старые обороты и дополняли ихъ новыми выраженіями. Если же текстъ сокращался, — списокъ Тимковскаго, напримѣръ, то редакторъ всюду отмѣчалъ это сокращеніе: не доканчивая текста молитвъ или рѣчей дѣйствующихъ лицъ, онъ ставилъ: «І ина многа глаголющимъ имъ» или: «иная многая рече со князи».

4) Забота объ украшеніи слога выразилась, какъ я упоминалъ, въ широкомъ заимствованіи поэтическихъ мѣстъ изъ

Повѣданія, настолько, что даже самое заглавіе повѣсти стало носить двойное названіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго: см. списокъ Тимковскаго: «Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о побоище»... Замѣчу, что списокъ Тимковскаго, сокращая Сказаніе, всего болѣе изобилуетъ вставками изъ писанія Софонія. Отмѣчу эти, не находящіяся во 2 ред. и спискахъ Т и У мѣста Повѣданія:

1) «И говоритъ князь Владимиръ Анѣдрѣевичъ: господице, князь Димитрей Ивановичъ, воеводы оу насъ велики крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣють подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣють велики тверды, злеченные колантыри, и булатныя байданы, и колчары оряйскія, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червенныя, копья злеченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велики свѣдома, берези имъ по Опѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду государя великаго князя».

2) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо с поволокою ратныя трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей русской земли, велико вѣче бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи новѣгородцы оу святыя Софѣи премудрости божія, аркучи между собою таковое слово: Оуже намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю Димитрию; оуже бо яко орли слѣталися дивныя оудалцы храбрыхъ своихъ пытати».

3) Картина прихода звѣрей на мѣсто будущаго побоища — полнѣе и лучше:

«За многіе же дни приідоша на то мѣсто мнози волцы, по вся ноци воютъ непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца оутверждаетъ, и мнози ворони собравшася, необычно неумолкающе грають, галлицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оустъ Дону приспѣша, лисицы на кости брещутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, в онѣже имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ».

4) Вся картина боя — полнѣе и ближе къ Повѣданію:

...«крѣпко ступишася: треснуша копія харалужная, звѣннѣхъ доспѣхи злеченныя, стучат щиты черленныя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя»...

...«На полѣ Куликовѣ между Дономъ и Мечею сильни полки сступишася, из нихъ же вытекають крововые ручьи [сп. Ерм.: ...напрасно щипляются щиты богатырскіи о злеченныя доспѣхи, а лѣется кровь богатырская подъ сѣдлами коваными, блискають саблѣ булатными около головъ богатырскихъ, котятся шоломы позлащенныя с личинами добрыми конемъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрыхъ коней на сырую землю и потоптаны бывають. Не едины богатыріе рускіе біены быша, но и татарскихъ вдвое: не токмо бо оружіемъ біющеся, но и сами отъ себѣ разбивахуся] и трепетали сильни молніе от облістанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломенія»...

...«В то же время тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выстоупиша из мѣстъ своихъ, протопташеся холми высокіе, траву же кровію подмывало, льющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны»...

...«Роускіе оудалцы побіени суть, аки сильни дрова сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози оудалцы, оурывающеся на землю под конскіи копыта, и мнози же сынове рускіи сотрошася»...

5) Наконецъ, заключительное величаніе въ спискѣ Тимковскаго, цѣликомъ заимствованное изъ писанія Софоніи, приведено мною выше, и здѣсь я его вторично приводить не буду.

До сихъ поръ я касался списковъ, напечатанныхъ Снегиревымъ. Но мнѣ извѣстно еще нѣсколько неизданныхъ, *которые нужно относить къ печатной группѣ*:

1) Академіи Наукъ 16. 17. 22, скороп. XVIII в. Сказаніе носитъ названіе: «Сказаніе *Софоніи изерея резанца*, похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его, князю Вла-

димеру». Начало: «Сія побѣда и брань, како случи на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны»...

Академическій текстъ *совершенно совпадаетъ съ текстомъ Тимковскаго*, то же отсутствіе первой половины разсказа о походѣ къ Троицѣ.

2) Императорской Публичной Библіотеки Q. XV, X, 70, скор. начала XIX в. Заглавіе: «Сказаніе *Софронія іерея рязанца*, похвала и о побѣдѣ великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андреевичю». Начало: «Сія побѣда и брань бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ со безбожными агаряны»...

Текстъ этого списка *сходенъ съ текстами Ермолаевскимъ и Тимковскаго*. Въ концѣ помѣщенъ: счетъ войска (= Ерм. сп.) и исходное величанье (= сп. Тимк.). Последнее я приведу:

«И возвратися князь Дмитрей Ивановичъ съ побѣды, поиде ко граду своему Москвѣ. Уже рускія удалцы восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ, идучи во свою землю рускую, чусы и пасы ¹⁾ и бугаи и кони и вельбуды и волю и медъ и вина и сухари ²⁾ съ собою катаху ³⁾. Предвознесеса слава руская надъ поганыхъ землею, ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Поиде же вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Риму ⁴⁾ и къ Кафѣ и къ Желѣзнымъ градомъ ⁵⁾ и къ Царю граду, что похвала Дмитрею Ивановичу всея Русіи ⁶⁾. Русь поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Упочивали князи рускія у быстрого Дону. Того ради ⁷⁾ воздадимъ хвалу земли русской. Которыя градъ глава всѣмъ градомъ былъ Володимеръ и Ростовъ ⁸⁾, нынѣ же глава всѣмъ градомъ славный градъ Москва. Славяще святую Троицу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

3) Тѣсно примыкаетъ къ этому Библіотечному списку другой списокъ, той же Библіотеки, собранія гр. Толстого I, 447.

Тимк.: 1) оуусы и насычи. 2) сахари. 3) — *нѣтъ*. 4) ко Орначу, к Риму. 5) вратомъ. 6) ко Царю граду на похвалу. 7) упочивали — того ради — *нѣтъ*. 8) *послѣ*: Ростовъ — *слѣдующиѣ словѣ о Москвѣ* — *нѣтъ*.

Эта рукопись — такъ называемый «Морозовскій лѣтописецъ», была извѣстна Карамзину; на нее онъ ссылается, рѣшая вопросъ объ авторствѣ Софронія.

Заглавіе: «Історія или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамаѣ съ безчисленными его агаряны на русскію землю и о великой брани и о грозномъ побоищи съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ и о братѣ его, князѣ Володимирѣ Андреевичѣ. *Сказаніе рязанца Софронія іереа*». Начало: «Въ лѣто ⁷⁰⁰⁰ брань убо и побѣда сія бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ брань имѣти со безбожными агаряны» . . .

Текстъ — подновленъ, но вообще, какъ я говорю, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Можетъ быть оба они восходятъ къ одному оригиналу. Исходное величанье находится и здѣсь, но текстъ дагѣ продолженъ разсказами о бѣгствѣ Олега и Ольгерда и о возвращеніи великаго князя къ Москвѣ. Послѣдній эпизодъ носитъ явные слѣды позднѣйшей компановки:

«Великій же князь Дмитрій Ивановичъ зъ братомъ своимъ со княземъ Володимиромъ Андреевичемъ и съ оставшими князи и воеводы и съ воинствомъ придоша къ Москвѣ, дагъ Богъ здравы. И срѣтоша ихъ архимандриты и игумены и протопопы и весь священническій и іноческій чинъ со кресты и чудотворными иконами. Потомъ же князи и бояре и весь народъ, тако же и великая княгиня Еудокія со своими дѣтми и съ прочіими княгинями и зъ боярынями, вси единогласно славу возсылающе Богу, избавльшему ихъ отъ напраснаго Мамаева нахожденія, и великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его, князю Володимиру Андреевичу честь воздающе, яко побѣдителемъ, такожде и прочіимъ княземъ и бояромъ и всему воинству честь воздающе по достоянію. Великій же князь Дмитрій Ивановичъ приде къ Москвѣ лѣта ⁷⁰⁰⁰ ¹⁰го, октября въ 11 день, и воинство распусти по домоу своимъ».

4) Слѣдующій, близкій къ Ермолаевскому и Тимковскому спискамъ, текстъ Сказанія находится въ рукописи Академіи

Наука 16. 13. 2, конца XVII, называемой *Едомскимъ Лѣтописцемъ*. По опредѣленію Попова, этотъ Лѣтописецъ представляетъ русскую часть хронографа Сергія Кубасова; онъ былъ извѣстенъ Строеву, который впервые указалъ на имя Софонія, какъ на какое-то другое лицо, принимавшее участіе въ составленіи повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Сказаніе въ Едомскомъ лѣтописцѣ носитъ заглавіе: «О нашествіи Мамаевѣ на русскую землю і брань с нимъ великая, і грозно побоище великому князю Димитрію Ивановичю. *Сказаніе Софонія іерея рязанца*. Похвала великому князю Димитрію Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. Память о Мамаевѣ побоище, яко же было тогда лѣта 7001-го».

Начало: «Сия побѣда и брань на Дону случися, како православнымъ христіаномъ со безбожными агаряны»...

Едомскій лѣтописецъ содержитъ текстъ Сказанія весьма близкій къ Ермолаевскому, но не полный: въ началѣ разсказа объ обличеніи Бренка княжеской приволокой, текстъ обрывается на словахъ: «и ту приволоку на него ж обличе»... Далѣе слѣдуетъ большой пропускъ, происшедшій отъ утраты листовъ въ академической рукописи, и продолженіе Сказанія относится уже къ самому заключенію: ... «на князя Олга рать послати». Слѣдуютъ краткіе разсказы о судьбѣ Олега и Ольгерда, о возвращеніи великаго князя въ Москву и встрѣчѣ его Евдокіей, духовенствомъ и народомъ. Весь конецъ равенъ, такимъ образомъ, тексту въ Морозовскомъ Лѣтописцѣ.

Не достающая же часть Сказанія, благодаря случайному дефекту, вполне возстановливается другимъ текстомъ Сказанія, имѣющимъ буквальное сходство съ текстомъ Едомскаго лѣтописца: именно

5) текстомъ въ сборникѣ Общества Любителей Древней Письменности, № 1886, L, полууст. XVII—XVIII в.: «Сказаніе извѣстно о нашествіи Мамаеве на русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побоище великому князю Димитрію Іоанновичю и похвала ему же великому князю и брату его,

князю Владимиру Андреевичю, якоже содѣся тогда». Имени Софоніи — нѣтъ. По сравненію съ сохранившейся частью Сказанія въ Едомскомъ лѣтописцѣ текстъ Общества, какъ я сказалъ, совпадаетъ вполнѣ. Оба они, слѣдовательно, восходятъ къ текстамъ, представляемымъ съ одной стороны Морозовскимъ Лѣтописцемъ, съ другой — Ермолаевскимъ, какъ наиболѣе близкимъ къ протографу печатной группы. Но въ этихъ разбираемыхъ спискахъ есть своя особенность: въ началѣ оба представляютъ *текстъ сводный*:

«Сия побѣда и брань на Дону случися какъ православнымъ христіаномъ со безбожными агаряны, како возвыси Богъ род христіанскіи, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, яко иногда Гедеон Маднама низложи и православнымъ Моисѣемъ Оараона. І нынѣ подобаетъ намъ повѣдати величія божія, како сотворить волю боящихся его і како пособствова Господь православному великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. Того же лѣта, попущеніемъ божиимъ, от наученія дияволя воздвижеся царь от восточныя страны, іменемъ Мамай, еллинъ сый вѣроу и родомъ идоложрецъ і иконоборецъ, злый христіанскіи ненавистникъ и укоритель; вниде в сердце его дияволъ пострекатель, иже всегда пакости дѣетъ христіаномъ, научи его разорити православную вѣру, всему христіанству, яко да не славится імя Господне в людехъ тѣхъ. Господь же что хоцетъ, то и сотворить. Поиде князь ординскіи Мамай, а с нимъ всѣ князи ординскія со всѣми своими силами татарскими на Русь, к Москвѣ на великого князя Дмитрия Ивановича. Еще ж к тому наняли рать — Бесермены, Армены, Оряги, Черкасы, Ясы, Буртасы, Буярасы, і князь великій Олегъ резанскіи поиде к Мамаю на помощь *и с Литвою во едасть и князь Ягай литовскіи* с своею силою — Литвою и Жемоти и Ляхи и Нѣмцы». Близость этого вступленія къ соответствующему въ 1 ред. Сказанія, упоминаніе въ числѣ союзниковъ *Ягайла*, тогда какъ во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ дѣйствовать *Олигеръ*, заставляетъ предположить, что въ

оригиналъ могло не быть случайно вступленія, и писецъ воспользовался для дополненія вступленіемъ первой редакціи. Тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдовъ вліянія 1 ред. — нѣтъ.

Я нѣсколько разъ указывалъ, что 3 редакція вообще, а печатная группа ея списковъ особенно — отличаются широкимъ заимствованіемъ поэтическихъ мѣстъ изъ писанія Софонія. Украшеніе слога поэтическими вставками, очевидно, приходилось по вкусу читателей: вотъ причина, почему списки 3 редакціи такъ многочисленны. Широта заимствованій повлекла за собою, во многихъ спискахъ, составленіе какъ бы своднаго текста: Сказаніе получило наряду со старымъ названіемъ еще новое — Повѣданіе, наконецъ — и само имя автора *послѣдняго* — *Софоній стало выставляться въ заглавіяхъ Сказанія. Въ почти всѣхъ спискахъ печатной группы приписываютъ Сказаніе — Софонію, іерею рязанцу.* Это имя встрѣчается и въ сводномъ текстѣ 3 редакціи — румянцевскомъ № 378. Вставка имени Софонія въ Сказаніе вводила въ заблужденіе изслѣдователей, строившихъ теоріи объ авторствѣ Софонія и Софонія.

6) Къ вышеприведеннымъ спискамъ печатной группы, въ общемъ близко совпадающимъ по тексту между собою, я отношу еще списокъ Сказанія въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого, III, 93, скороп. XVII в. Заглавіе повѣсти сокращено: «Побойще великого князя Дмитрея Иваночя московскаго на Доноу с Мамаемъ». Начало — обыкновенное: «Сие побѣда и брань на Дону слоучис православнымъ крестіаномъ с безбожными агаряны»... Списокъ — не полный, обрывается на подсчетѣ бояриномъ Михаиломъ Александровичемъ побитыхъ воеводъ.

Особенность разбираемаго списка состоитъ въ томъ, что сохраняя поэтическія мѣста, встрѣчающіяся въ немногихъ спискахъ (напр. — только въ списокѣ Тимковского), онъ распространяетъ уже имѣющіяся или дополняетъ ихъ на основаніи другихъ источниковъ, вродѣ причитаній.

Такъ, обыкновенно встрѣчающаяся формула: стукъ стучить, а громъ гремитъ... здѣсь распространена: «стоучит рат сила велика князя Дмитрея Ивановича, роуские удалцы колантыри злаченными, а щиты червленными».

Плачь Евдокіи составленъ, несомнѣнно, на основаніи народныхъ причитаній: «сѣде под южными оконцы і рече со въздыханіемъ: Оуж бо конечное зрѣние зрю тя, солнце мое незаходимое і свѣтъ от очю моею і надежда моя крѣпкая, великий князь Дмитрей Иванович. Оуж бо к тому не имам видети тебѣ». Этотъ плачь очень напоминаетъ плачь той же Евдокіи въ житіи Дмитрія Донского.

Формула боя, также распространенная, имѣетъ нѣкоторыя дополненія по сравненію съ предыдущими списками разбираемой группы: «удалцы руские, аки дреѣа преклонившася от сильныхъ вѣтровъ на землю. І сломившася, аки трава от косы постылашеся на лузехъ, тако падоша сыновѣ рустии от поганныхъ. Не турове возревѣша на полѣ Куликовѣ, возревѣша мнози удалцы, урывающися на землю под конские копыта. І конми подавляеми, і мнози сынове рустии сотрошася».

Въ плачѣ князя Владимира на костяхъ также слышны причитанія: «Увы мнѣ, брате мой, увы мнѣ, свѣте мой, аще еси зѣло уранен, а аще жив еси, подай ми глас свой, да аще бы видѣл лице твое і еще бы насладился доброты твоея; подай ми глас свой, утоли печал мою»... Можетъ быть, редакторъ пользовался причитаніями не непосредственно; тогда для подобныхъ заимствованій я могу указать еще только одинъ источникъ — Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ.

Наконецъ, примѣромъ дальнѣйшаго поэтического распространія вставки изъ Повѣданія, укажу на картину выѣзда русскаго войска: «Князь великий Дмитрей Иванович воступи во свое златокованное стремя і всѣде на своего любимаго копя, аки млад ясен сокол воспаривъ крыль свои. І вси жъ князи і бояре і воеводы всѣдше на свои борзые кони, аки соколи от своихъ златыхъ колодицъ, а солнце со востоку

противу имъ свѣтитъ в путь, а вѣтрѣцъ тихъ, *тонкий* і теплѣ по нимъ вѣетъ».

Присутствіе интерполяціи: «і тут видеша нарочита челоуѣка удалого Григорія Капустина», ставитъ этотъ списокъ въ связь съ остальными списками печатной группы и показываетъ, что онъ былъ обработанъ изъ списка Сказанія, восходящаго къ Т.

Таковы списки печатной группы, зависящей отъ Т. Я указывалъ на ея характерную особенность: списки, въ общемъ сходные между собою, заключаютъ текстъ Сказанія исправный. Этого качества не имѣли двѣ предыдущія группы списковъ, не имѣетъ ихъ, какъ сейчасъ будетъ видно, и слѣдующая.

Слѣдующая группа, сохраняя свою зависимость отъ Т, начинаетъ разнообразить текстъ повѣсти различнаго рода вставками, частію приближающими ихъ уже къ 4 редакціи, частію настолько оригинальными, что Сказаніе является по содержанію единственнымъ въ своемъ родѣ. Къ этой группѣ я отнесу 4 списка; предупреждаю, что соединеніе ихъ въ данномъ случаѣ только механическое:

IV. Группа со вставками:

1) Находящійся въ Публичной библіотекѣ, Погодинскій списокъ № 1595, скорописью XVII—XVIII в., несомнѣнно, долженъ быть поставленъ въ ближайшую связь съ предыдущей печатной группой. Снегиревъ, издавая Сказаніе по списку Тимковскаго, напечаталъ такъ начало: «Сія повѣдай *Уранъ*»... Слово «Уранъ» толковалось изслѣдователями различно, но во всякомъ случаѣ какъ собственное имя. Н. С. Тихонравовъ предложилъ первый читать здѣсь испорченное слово: «брань». Конъектура правильная, но не издатель былъ виноватъ въ этой ошибкѣ. Разбираемый списокъ какъ разъ начинается такими словами: «Хощемъ, братіе, начатъ повѣдати *бранновы* побѣды, како случися на Дову»... Ошибка, слѣдовательно, была уже въ спискахъ: «вранновы» вышло изъ «брань новыя (побѣды)» — какъ читается въ Погодинскомъ спискѣ № 1555 (относящемся къ переходной группѣ): «Хощем, братіе, брань новыя побѣды

начати, како случися на Дону»... «Уранъ» списка Тимковского находился, слѣдовательно, въ рукописи. Одинаковая ошибка заставляетъ предполагать для обоихъ списковъ какой-нибудь общій источникъ.

Разбираемый списокъ прежде всего дефектный: нѣтъ конца, — рассказъ обрывается, послѣ счета убитыхъ, на словахъ: «Князь же великій Дмитрий Ивановичъ зъ братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ даша литовскимъ княземъ много множества»... Въ срединѣ рукописи нѣтъ листовъ: послѣ словъ: «тутъ же, братие, на Москвѣ по всѣмъ»... текстъ продолжается со словъ: «никого помощниковъ в скорбѣ не имамы, развѣ Тебя», (слѣдуютъ молитвы великаго князя); нѣтъ примѣтъ Волища; послѣ словъ: «а христианстія полцы оскудѣша» опять нѣтъ листовъ, рассказъ начинается съ розысковъ великаго князя.

Ошибки носятъ характеръ небрежности и поспѣшности при перепискѣ: «Юрья і *Василика* убилъ»; «днаволомъ *хвалимъ* (вм. палимъ)»; «*анаматомъ*»; «како і *кождо* сотворити»; «*строю* рускою владѣти начну»; «Мамай *воюетъ* (вм. кочюетъ) в полѣ»; «Путика» (вм. Тупика), — вообще собственные имена передаются ошибочно: Каргольский, Холмецкій, Галасій (вм. Герасимъ); «*Ерославовый* Александръ» — и др.

Отличаясь добавленіями въ текстѣ, Погодинскій списокъ тѣмъ не менѣе старается иногда сократить основной текстъ: «выѣхаша із города каменнаго Москвы *во все трои ворота* — вмѣсто подробнаго указанія пути войска; выпущены имена гостей сурожанъ; сокращено все уряженіе полковъ передъ началомъ боя.

Дополненія носятъ характеръ двоякій:

I. Риторическое распространеніе текста и введеніе новыхъ собственныхъ именъ:

Мамай говоритъ: «срѣте мя своими силами, елико гдѣ оуспѣте, да не одолѣемъ своего нѣдруга. Аще бы азъ своею силою хотѣлъ древній Іерусалимъ пленить, якоже халдѣй,

кто бы могъ укрытися отъ руки моея і отъ величества силы моея».

Видъ войска, пришедшаго съ князьями на Москву: «велики учрежено, доспѣхи на нихъ і шеломы, яко вода колышетъ морскими волнами». Ольгердовичи вышли «с тридцатю тысящами»; великій князь принялъ ихъ «в шатрахъ за трапезою».

Олегъ не только сердится, но даже велитъ своихъ бояръ казнить, «занеже подвѣита (подвига) великаго князя не повѣдали».

Поганые бредутъ «аки стадо свиное».

Въ описаніи движенія войска изъ города замѣтенъ москвичъ: князья бѣлозерскіе идутъ «коломенскою дорогою, мимо Симаномъ (такъ) монастырь»; великая княгиня видитъ Дмитрія «грядуща лугомъ подле Москвы реки».

При объѣздѣ побойща съ Тимошеемъ Волуевичемъ лежитъ убитый «дворецкой его Иванъ Кожуховъ», — появленіе этого имени несомнѣнно вызвано поставленіемъ убитаго Григорія Капустина рядомъ съ Пересвѣтомъ; счетъ побитымъ ведетъ Михаилъ Александровичъ *Воронцовъ*; исчисленіе войска (о немъ я скажу ниже) ведетъ князь Ѳеодоръ Семеновичъ «*Висковатой*, московской болшей бояринъ».

II. Вставка новыхъ эпизодовъ.

Разбираемый списокъ отличается, главнымъ образомъ, вставкой одного эпизода, *характернаго для настоящей группы* и встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи. Когда русское войско находилось еще по сю сторону Дона, передъ началомъ появленія вѣстей о движеніи Мамаея, упомянутый выше бояринъ Висковатый обращается къ великому князю съ рѣчью, въ которой указываетъ ему на количество войска, находящагося у него подъ началомъ. И другіе воеводы указываютъ на численность находящихся у нихъ воиновъ:

«Князь же Ѳеодоръ Семеновичъ Висковатой, московской болшей бояринъ, говоритъ великому князю Дмитрію Ивановичу: У тебя, государя, у великаго князя Дмитрія Ивановича в полку

в болшем войска ,о. Правыя же руки говоритъ братъ его, князь Владимиръ Андреевичъ Боровскій, говоритъ: У меня, государь, в полку ,м. Лѣвыя же руки воевода князь Глѣбъ Брянскій говоритъ: У меня, государь, в полку войска ,л. Сторожевого же полку воевода Микула Василевичъ, да Тимоѣй Волуевичъ, да Иванъ Родионовичъ Кваша Углецка говорятъ: У нас, государь, в полку ,д. Передового же полку воевода князь Дмитрей Володимировичъ Холмецкой говоритъ: У меня, государь, в полку ,ке. А в ертовулах болшей стати дворянъ і выборныхъ головъ ,к, а с литовскими князи с Олгердовичи пришло силы ,л, да мѣлъкие статьи людеі за кошами было у кормов у всего войска ,к. Того приѣхали из великого Новагорода посадники Яковъ Ивановъ сынъ Зензинъ, да Тимоѣй Костянтиновичъ Микулинъ къ великому князю Дмитрию Ивановичю на помощь, а с ними приіде наугороцкие силы ,л князей и бояръ і всякихъ людей. Рад же бысть великій князь Дмитрій Ивановичъ і биша челомъ посадником и целоваша их с великою радостію: во истинну есте дѣти Авраамъли, яко велицей бѣде мнѣ есте пособницы».

Эта вставка, обличающая автора, какъ человѣка, несомнѣнно знакомаго съ военнымъ дѣломъ, въ разбираемомъ спискѣ носитъ характеръ позднѣйшей передѣлки и искаженія; лучше она читается, какъ будетъ видно, въ текстѣ Сказанія по сборнику, принадлежащему проф. М. И. Соколову.

Остальныя вставки относятся къ разсказу объ объѣздѣ по боища и представляютъ незначительныя распространенія, скомпонованныя на основаніи имѣвшагося матеріала:

а) князю Владимиру приписывается такая рѣчь: «Гонишася за мною четыре татарина с мечи, но божею милостію Иванъ Родионовичъ Квашня да Андрей Черкасовичъ увидѣвъ и прогонивъ меня скоро смялися с ними, з безбожными, и главы своя за меня поклали, аз же от них спасохся». И повелѣ тѣ тѣмеса подняти і нарядити в бѣлы отласы и положить во гробѣх и отослати в вотчину их ко женамъ і к дѣтем их.

Матеріалъ этотъ взятъ изъ рѣчи Стефана Новосильскаго, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи. Разсказъ объ объѣздѣ побойща вообще имѣетъ тенденцію подробнаго изображенія печали надъ побитыми воеводами. Такъ:

б) указанные выше новгородскіе посадники — показаны убитыми. Около нихъ: — «вкупѣ лежатъ побиты семсот угороцкихъ выборныхъ дворянъ. Надъ ними же нача князь великій плакаться: любимыи мои братья, приѣхали вы есте своею волею ко мнѣ, а не по моему велѣнію, видя меня в бѣдѣ великой и главы своя поклали».

в) подробнѣй описывается и погребеніе павшихъ: ... всѣхъ же ямъ выкопаша великихъ тѣл... А с поганыхъ с убитыхъ доспѣхи и портища і злато і сребро и оружье и конские наряды обирати, а тѣлеса ихъ псомъ и звѣремъ пометати на полѣ Куликовѣ.

2. Къ этому списку чрезвычайно близко подходитъ отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ Сборникъ памяти Л. Н. Майкова ¹⁾ по рукописи, принадлежащей издателю. Очень жаль, что напечатанъ только отрывокъ (рукопись дефектная), а не имѣющійся у Х. Лопарева другой, болѣе полный текстъ Сказанія.

Напечатанный отрывокъ начинается съ разсказа объ уряженіи полковъ и обрывается на самомъ началѣ эпизода о примѣтахъ Воынца: Рече жъ Дмитрей Воынецъ... Новаго текста ничего не даетъ.

3) Сборникъ, принадлежащій проф. М. И. Соколову, въ 4-ку, скорописью XVII в. Сказаніе носитъ заглавіе: «Побойще бысть въ лѣто 7200-го году. Бысть побойще бо на Дону с Мамаемъ царемъ с нечестивымъ у великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго і какъ победѣ безбожнаго царя Мамаю. Слово.

Происходя отъ одного изъ списковъ 3 редакціи, разсматриваемый текстъ является единственнымъ, уклоняющимся съ

---

1) Стр. 116—123.

перваго взгляда отъ схемы 3 редакціи. До разсказа о совѣтѣ — переходить Донъ или нѣтъ, изложеніе еще совпадаетъ съ общей схемой, но далѣе части перепутаны. По сравненію съ планомъ текста Т Соколовскій текстъ пропускаетъ: совѣтъ о переходѣ черезъ Донъ, прибытіе вѣстниковъ, сообщающихъ о приближеніи татаръ; затѣмъ пропущено все, гдѣ говорится о Семѣ Меликѣ, о приготовленіи къ рѣшительному бою, молитва великаго князя и рѣчь его къ войску, разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волинца и видѣніи Оомы Кацибѣя. Затѣмъ схема обоихъ списковъ вновь совпадаетъ, и разсказъ одинаковъ до описанія объѣзда побоища великимъ княземъ. Послѣ этого эпизода въ Соколовскомъ текстѣ неожиданно являются всѣ отмѣченные мною выше пропуски. Нахожденіе ихъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста, конечно, указываетъ только на то, что списокъ былъ сдѣланъ съ экземпляра съ перебитыми листами; въ дальнѣйшемъ изложеніи я отмѣчу всѣ мѣста, гдѣ текстъ перебитъ. О редакторскихъ измѣненіяхъ въ планѣ здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. Поэтому не смотря на видимое уклоненіе отъ плана, и этотъ текстъ слѣдуетъ считать относящимся по схемѣ вполне къ 3 редакціи.

Особенностями же его являются, какъ и въ предыдущихъ спискахъ этой группы — вставки, частію подобныя изложеннымъ, частію являющіяся здѣсь впервые. Чтобы отмѣтить вмѣстѣ съ ними и стилистическія распространенія, я приведу разночтенія разбираемаго текста сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ Т:

Стр. 39 (печатнаго текста): ...орды многие совокупил к себе на помощь и не можно бе изчести войска его, и глаголя войскому своему, яко обогатеетъ рускимъ златомъ і ризами драгими и доспехи позлащенными и женами добрыми зрачными и девицы прекрасными...

Стр. 40: ...гдѣ пусто место и неключимо и можетъ противъ тебя стояти и совокупитися, рускія силы вся разбегошася, а злата и богатства московскаго и много то все въ вашей руцѣ

будеть и твоему великому и нещетному войску на потребу...

Стр. 41: ...велеишемъ, ова к Литве, ова к Резаниі, царь же Мамай и ерлыкъ свой подасть намъ и родом нашим по нас и тако поживем безмятежно. И егда восхощет князь Дмитрей Московский вотчину свою взяти, и мы противу его станем, тако проженем его...

Стр. 44: ...именем Захарія Тучева и другаго с ним отпусти Ондreja Семенова сына Попова...

Стр. 46: ...и Господь Богъ и пречистая Богомати и чюдотворцы Борис и Глѣбъ и Никола чюдотворецъ и Петръ митрополит будутъ ти помощники... князь Борисъ Прозоровский, князь Лѣвъ Купрински...

Стр. 47: ...знамение на челе и рече ему тайно: Имаши побѣдити супостат своих, елико довлѣеть государству твоему, а тебя самого уязвить сыроядцы под левую пазуху, да не узреть будеть, но о томъ мужайся и крепис и призывай Господа Бога на помощь... ратницы: Ондрей же гнаша на ꙗ, Александръ ж гнаше на ѿ...

Стр. 52, послѣ словъ «перевезеся самъ Оку реку» — слѣдуетъ первая большая вставка, тождественная со вставкой въ предыдущихъ двухъ спискахъ, но по тексту — лучше:

Повеле смечатца — колико у коего воеводы в полку рати. И говоритъ тогда первый воевода болшей бояринъ Ѳедоръ Семеновичъ великому князю: Подо мною, государь, силы ꙗке. Вторы воевода говоритъ Глѣбъ Брянски: Подо мною, государь, силы ꙗке. Третьей воевода говоритъ Всеволожъ з братомъ с Володимеромъ: Подо мною, государь, силы ꙗси. Четвертой воевода говоритъ Данило Василевичъ: Подо мною, государь, силы ꙗк. Пятой воевода говоритъ Тимоеей Волуевичъ: Подо мною, государь, силы ꙗеи. Шестой воевода говоритъ Иванъ Романовичъ Квашня: Подо мною, государь, силы ꙗги. Переславской воевода говоритъ Ондрей Серкизовъ: Подо мною, государь, силы ꙗви. Осмой воевода говоритъ князь Ондрей Муромски: Подо мною,

государь, силы ,гі. Князь Владимиръ Андреевичъ говоритъ и его воеводы: Под нами, государь, силы всея ,м. Константинъ Кононовичъ говоритъ: Подо мною, государь, силы ,кд. І всея тоя силы с великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ ,скг. Того же числа придоша за Донъ к великому князю Дмитрею Ивановичю великаго Новаграда посадники, а с ними ихъ ,і. Радъ бысть велики князь, и биша ему челомъ новгородчя.

Стр. 54: ...увы мнѣ: хотѣхъ азъ чюжие власти господинѣ быти, ныне жъ своихъ улишаюсь. Но воля Господня да будетъ: кому Господь поможетъ... Оттолѣ мышляху, яко отцѣмъ ненавидими, но обаче боголюбиви, беста бо крещение прияли от матехи своея, княгини Анны...

Стр. 55: Конецъ повѣсти объ Ольгердовичахъ *распространенъ*: описаніе состоянія духа Ольгерда, узнаваго о переходѣ сыновей на сторону великаго князя представляетъ *оторую* вставку:

І тут совокупишася с ними. И придоша с ними силы ,мз. Слышавъ же то Олгирдъ, князь литовски, от вестника своего и прочеть писальные книги от своихъ пановъ, что его оба сына — князь Ондрей и князь Дмитрей Олгирдовичи придоша к великому князю Дмитрию Ивановичю Московскому на помощ против поганных татар и безбожного царя Мамаю, и о том князь Олгирдъ Литовски велми устрашися и глагола к себе: К которому аз пойду на помощь? к царю Мамаю пойду, то ужъ пути мнѣ нетъ. Аще пойду к великому князю, ино пойдоша дети мои, на- преди придоша мнѣ к великому князю. Не вем, что сотворю. — И глаголаше ему панове его: Препре сего времени сиче быша — сыны за отца главы своя кладутъ, а си сынове твои, что творятъ. Аще ли убють на бою татаровя, то ты самъ спасешся в земли литовской и ихъ грады самъ станешъ владѣть, аще ли пойдеши к великому князю на помощь, ино самъ убиень будеши от царя Мамаю, по предні реченым писанием проклет будеши. Аще ли одолеетъ царь Мамай московского князя, без тебя изгибѣ твоего войска литовского, и ты можеши от нѣю отговоритис, что дороги князь велики Дмитрій Московски все поотымае.

всее земли своею силою святорускою. — Слышавъ же то князь Олгирдь от своихъ пановъ ту речъ и полюбилъ словеса ихъ и глагола словеса тако: Помози, Господи, великому князю московскому и детямъ моимъ надъ погаными татарами и надъ безбожнымъ царемъ Мамасиѣмъ.

Стр. 57: разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, помѣщенный послѣ довольно значительнаго пропуска въ текстѣ противъ Т (выпущено: «приспѣ жъ в ѣ день — на Руси въждедѣша»), представляетъ неудачное и неоконченное сокращеніе эпизода, читающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи:

Отъ восточныя страны придоша звери образомъ страшнымъ на овчье стадо, и мало отъ нихъ сташасъ, бѣдныя, и превратилася овчате на волки образы свирѣпыми, и устремишася лвы тѣ на нихъ техъ звѣрей и поядоша ихъ до единого звѣря. Но азъ, царю, чаю прокъ виденіе есть — велико грозно побоище въ некоторой земли, не вѣмъ, гдѣ будетъ¹⁾.

Непосредственно за этими словами, въ рукописи со словъ: «Велики князь пересѣде на избранной своей конь и нача по полкомъ ѣздити, со слезами глаголюще»... идетъ то, что въ печатномъ текстѣ находится на *страницѣ 62*.

Стр. 62: ...земнаго помышляйте, страшныхъ и пустошныхъ словесъ не говорите, но уклонимся насъ во единое, да вѣнцы...

Стр. 64 — разсказъ о мученіи Арееы изложенъ нѣсколько иначе:

Вы бо, раби божіи истинни, паче есте мученика Христова и страстотерпца Арееы. Егда мучень Устинианомъ царемъ, по многихъ же мукахъ, и повеле царь известити и посещая. Добли же воини избраннаго воеводы, единъ предъ единымъ главу свою предъ мечемъ кланить, видяще бо почестъ победы своея. И той воинъ возбрани войску своему, глаголя: Вѣсте ли, братія моя, у земнаго царя не азъ ли прождѣ васъ почтенъ землею почести и дарове имахъ, нынѣ же подобаетъ ми преудивити у небеснаго

1) См. ниже ссылку на 62 стр. приложеній.

царя главѣ моей прежде усеченной быти, паче венчанной. Приступль же воин и усекну главу его, последи же пришедшу иссѣче дружину его.

Стр. 69: послѣ сл. «Сергия и техъ всехъ святыхъ молитвами побѣдить тако і спасемся» слѣдуетъ неидущая къ контексту прибавка: Аще умрем, то вси общую смерть примѣм от князя и до простыхъ людей. Тебѣ же, государю, подобаетъ отставить смертная, да zde ужъ буйными головами глаголати имѣти с главы крѣпитися (такъ!) войско твое, мы ж убо видим, яко множество избранныхъ витязей в войскомъ твоёмъ. — Послѣ чего непосредственно: «Князь же велики повѣле войску своему Дон перевозитися» и т. д. — то, что въ печатномъ текстѣ начинается на *страницѣ 57*. Весь этотъ отрывокъ со словъ «Аще умремъ»..., читающійся какъ разъ на 57 стр. приложений, доказываетъ, что текстъ Соколовскаго сборника *писанъ съ перебитыхъ листовъ*.

Стр. 61: ...Хылопцыбеевъ... поставлень бѣ стражомъ от великаго князя Дмитрея Ивановича на рѣкѣ на Непрядве на Михаловке, мужества...

Стр. 62: ...николи ж такимъ людямъ нѣ бысть на месте томъ. В тож время по всемъ градомъ и землямъ великая гроза бысть, земля стонѣтъ нѣобычно въ Царѣградѣ і в Галади і в Каае і в Бѣлградѣ. Царь же цареградски во страстѣ велицѣ бысть і в нѣдоумѣни, і мнози глаголаше: что будѣтъ. И глаголаше волхвъ: Аз, царю, видѣхъ видѣние прежде сего страха за семь дней...

Этотъ неоконченный отрывокъ о землетрясеніи въ Цареградѣ представляетъ начало вставного эпизода, конецъ котораго приведенъ былъ мной выше (см. ссылку на стр. 57 печатнаго текста). Подобное раздѣленіе текста съ нарушеніемъ смысла еще разъ указываетъ на перебитые листы протографа, съ котораго писецъ списывалъ текстъ механически.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ въ рукописи, со словъ: «Сентября въ ѿ ден на память святаго пророка Захаріи»...

идеть то, что въ печатномъ текстѣ находится на страницѣ 56.

Стр. 57: совѣтъ Ольгердовичей — перевозиться Донъ — распространень:

...здѣ ли пребудемъ или Дон превеземся. И рекоша ему князи и бояре московские: Предадимъ животъ свой на сей странѣ Дону. Кликнуша Олгирдовичи, князи литовские от всего сердца своего: Не послуша, государь князь Дмитрей Ивановичь, кромолниковъ московскихъ. Пойдѣ за Дон, аще на страсть не дерзнешь тайно, и желанно не получиш и славнаго имѣни во вѣки. — Сами ж Олгирдовичи удариша по конемъ своимъ и побредоша за Дон і вся силы ихъ и глаголаша князю Дмитрею Ивановичю: Аще хоцещи, господишь, крепкаго войска...

Послѣ разсказа о переправѣ черезъ Донъ, текстъ уже переходитъ къ окончанію, и со словъ: «Князь же велики Димитрей Ивановичь слышавъ, возстав и рече: Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся»... начинается то, что находится на 70 страницѣ печатнаго текста. Въ окончаніи нѣтъ особенныхъ добавленій, кромѣ характеристики убитаго богатыря татарскаго, который здѣсь носить имя «Тавримъ»: мѣра бо сего татарина — высота трехъ сажень, межъ плечми сажень, межъ очима локоть. Эта характеристика сближаетъ рассматриваемый текстъ со слѣдующимъ, Уваровскимъ, гдѣ она развита подробнѣй. Присутствіе имени татарина — указываетъ уже на извѣстный переходъ къ 4 редакціи, хотя характерная для Т интерполяція здѣсь еще присутствуетъ: «нарочитаго богатыря Григоря Капустина».

Отмѣченная мною особенность Погодинскаго списка № 1595 — сокращать основной текстъ Сказанія, замѣчается и въ разбираемомъ текстѣ. Выпущено много вставокъ изъ Повѣданія, сохраненныя поэтическія мѣста часто сокращены, нѣтъ именъ боговъ, которыхъ призываетъ Мамай, сказаніе о примѣтахъ сокращено и перебито, наконецъ сокращенія замѣчаются и въ эпизодѣ о поискахъ великаго князя. Эти сокращенія

слѣдуетъ отнести скорѣе къ поспѣшности при перепискѣ, нежели къ редакторскимъ измѣненіямъ въ виду общаго характера текста.

4) Скорописный сборникъ собранія гр. Уварова, № 802, XVII вѣка. Сказаніе по плану *сполнитъ совпадаетъ* со спискомъ Т; въ текстѣ мѣстами буквальное сходство. Плохое пониманіе текста, этотъ общій недостатокъ списковъ 3 редакціи, въ достаточной степени чувствуется и здѣсь.

Что заставляетъ относить этотъ текстъ къ разряду перечисленныхъ мною списковъ, это стремленіе къ распространенію и добавленіямъ, носящимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совершенно оригинальную окраску. Редакторъ, очевидно, былъ знакомъ съ народной поэзіей: сохраняя поэтическія выдержки изъ писанія Софонія, онъ дополнялъ ихъ образами, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ. Я не встрѣчаю другого примѣра украшенія текста цитатами изъ народной поэзіи, которыя были бы настолько сохранены, что даже самый пѣсенный складъ не нарушенъ.

Отмѣчу прежде всего разночтенія Уваровскаго списка со спискомъ Т:

Начало Сказанія: «В лѣто ̑ тысящъ восемь сотъ и ̑ девятого. Начинаемъ повѣсть новыя сія побѣды, како случися бран на Доноу православнымъ крестияномъ з безбожными агаряны и како возвысися родъ крестиянствѣ на поганыхъ и уничижи ихъ и посрами ихъ суровство».

Стр. 38 (печатнаго текста): ...сія величествія божія... великому князю Дмитрию Ивановичу московскому на(д) безбожнымъ Мамаемъ и надъ его погаными половцы. В лѣто же то попущеніемъ... научи его, како бы разорити православную вѣру и осквернити святыя божія церкви и всему крестьянству потреблену быти...

Стр. 39: ...яко да не славиться... Батыеви и окаянному отступнику Улиану возревъновавъ, начя пытати старыхъ еллинъ і мурзы і уланы болшіе, како... *Ослепленъ же бысть*

очима ¹⁾ и тогда не разумѣ, како Господу *юдѣ бысть*... согрешеніе и *малотруя*... глаголати ко отступником своим алпаутом, князем... оубию князя их і *жену ею* и приведу всу Рус под свою руку... глаголя имъ, яко обогатеете...

Стр. 40: ...посла князь Олегъ рязанскіи і посла ко царю Мамаю безбожьному... и твоему войску великому и *потребу*.

Стр. 41: ...казнити своего служебника... прѣствия твоего, да отмсти ему нашу обиду седмѣрицею и видит твое смотреніе *нашу зрюбость*... зла, *ни рыдания ни подконаі* под врагом...

Стр. 42: ...ямы, да ты самого Богъ в горшея не ввержет. И придоша... чествовав велики... Ольгу рязанскому: Елико написасте... **халдѣй*. И не от чести вашею рукою... побѣдити подобна себѣ и довлѣет ми прѣская честь. Рците княземъ... Мамай со всѣми силами *иорданьскими*, неуклонно и зверообразно яряся на...

Стр. 43: ...рабъ твой, но на ты надѣюся и возвергу... хочещи всю *оселенную* землю рускую погубити. Аз... сверѣпому сему воздвигшемуся на мя. И се рек: на Господа... воеводы приѣхаша на Москву... еще же и наипаче воздахъ ему злато и серебро и драгяя порты. Пресвященный митрополитъ...

Стр. 44: ...злата и серебра и посла... преступника злаго... противу ему и наипаче исправи. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего ²⁾... Захарія *Тятишева*... и злата много отпусти с ним ко царю... врагъ ненавистикъ...

Стр. 45: ...і твориши правду возлюбя ³⁾... Тупика иныхъ многихъ крѣпких... стеречи со всяким усердіем... на Коломне, на Успение... *Всеславскаго*, Григорія *Тупика*... како *неизложение* идет... осени *требует*... Киевского, иже поведе нас от страсти еллинския ⁴⁾ ему же... *Стратилату* Плакидѣ.

1) Курсивомъ отмѣчаю не понятое писцомъ. 2) Какъ и въ Т — пропущено: «посла». 3) Пропускъ въ Уваровскомъ текстѣ. 4) Въ третьей редакціи это опредѣленіе стоитъ ниже и относится къ Евстафію Плакидѣ.

Стр. 46: ...постражет за ния мое, то аз с ними еси. Мы же, господине... главы своя под меч подклонити за православную вѣру и за святыхъ церкви кров свою пролити, и своєю кровию второе крещение приимем». Князь великий слышав то... и подвигъ скончати, имени твоего ради... подобни сущи боеви, храбри воини и удалы витязи, учрежено... *Карюломской и Андоския* князи... *Лев Суронский*... ко отцу своему духовному, преподобному...

Стр. 47: ...своего Пересвета і Ослеба... яко извѣстни сут ратницы. Они же скоро послушание сотвориша... еже рече ему преподобный старецъ. И ко граду своему *яси* некая сокровища некрадомая, несый благословение...

Стр. 48: ...всеа твари помощнице, человѣческая заступнице... и на твою помощь на противныя враги...

Стр. 49: ...свѣтлую свѣщу на свѣщнице высоце. *Те* бо подобает о нас молитися, да не... крестъ, и посла архиепискуп священныя соборы с клиросы... уныние и востание приключися... боярыни своим князем и бояром тоже отдадут целование и возвратишася...

Стр. 50: Уже тогда аки соколи отрывахуся из краснаго града Москвы, а князи Белозерския... разлучися з братом своим, со князми белозерскими, яко не вмѣстится дорогами...

Стр. 51: ...яко *хозяевъ сущи*... *Костянтина Хоерю*... *Силалареева*... стеблия *фининнаго* ясти... органы мнози бити, трубы трубят гласом ратным изволенно жалобно тихонко, стязи ревут у сада Панфилева...

Стр. 52: ...Оку рѣку перевозитися.

В то же время в великом Новѣградѣ стоят мужи новгородцы у святыхъ Софен, на площади быют вече великое, говорят мужи таково слово: Уже нам не поспѣтъ на пособ к великому князю, кажут, он Оку реку перевозится, а токо нам к нему не ѣхат, а ему будетъ не пособъ, ино нам будет Новымгородом не отсадится. И борзо мужики новгородцы наряжалис, отпускали з города 13 посадников болших новгородских, с ними же силы

немного, толко 13 тысящъ, а все люди нарядные, пансыри доспехи давали з города. И рекоша: поидите, братия, с одново на безбожнова. И пришла сила новгородская к великому князю Дмитрію, оному же Оку реку перевезшуся. И радъ бысть князь Дмитрій Ивановичъ и рече имъ: в полату (такъ!) вам, мужи новгородцы, что мя есте не отдали. И почтив их велии и заповѣда...

...Петра Горепцкаго... вѣдомцов полских.

Стр. 53: ...вѣроу и къ Богу и о всѣхъ за вся имый упо-
вание ко вседержителю Богу... ..путь. Мы надѣяхомся
преже его поити и мнехом, яко не подобает... которому моему
разуму худому вдамся. Аще имам великому князю *поработати*,
то вѣсть *утробу* мою измѣнную, не примет мя. Аще ли при-
ложуся...

Стр. 54: ...по прежереченным *укором*... и слышав, яко
князь великій Дмитрій Ивановичъ совокупися со многою силою,
Словены и Блѣгары и Новгородци, идеже кождо, услышав,
яко Олегъ... Мамаея. Отголе мысляще *ко отцу* ненавидими, но
паче Богомъ... ходити по нему, обрѣте нас *пустыни*, *не*
суетно сотворена чада. Он же *имам*, что воздати сему *противу*
сею таковому промыслению, скончаем убо подвигъ доброй под-
вижнику Христову, начальнику бо крестиянству...

Стр. 55: ...видѣвше и множество людей и урядно нарочи-
тые противници и полци, ихже баше седмдесятъ тысящъ. И
приспѣвше на Дон, борзо сущи, наѣхаша... и ту совокупися
князь великій Дмитрій Ивановичъ з братом своим князем Влади-
миромъ, с ними же совокупишася Олгирдовичи, князь Андрей
Полоцкій, князь Дмитрій Брянскій. Князь же...

Стр. 56: ...яко Олгирдовичи князи приидоша... [въ ру-
кописи слѣдующая страница пустая, и текстъ начинается съ]:

Стр. 57: ...то днес вели имъ перевозитися, то вѣсть ни
единому помышления воспать... сердца укрѣпляхуся, *муним*
слышав руским паче укротыша, понеж убо многи враи... дни
грознаго. И мнози звѣри стекошася, лисицы брешут, глядячи

на злаченыя доспѣхи, ждуши часа, в он же страх придет, Богом изволенъ... морскія воды из мѣстъ вылиятися. От таковаго... трава сильная вся постигается...

Стр. 58: ...яко приближаются напрасно поганиі. Яко час 6 приде, прибежа... нольни о полцы наша ударишася. Видевше же множество людей, изратишася и взѣха на мѣсто высоко и видѣша множество людей, полцы наша, и скоро возвратишася ко царю и повѣдаша... при Дону. Царь же рече: колико людей? Они же рѣша: божиним промыслом множество много, четверицею множае нас. Он же...

Стр. 59: ...заря во время *оттра* (такъ!) сияюще; еловци... собрания и храбрости таковаго же учреждения. Все бо единъ за единъ хотят умерети... подобно есть войску макидонскому, царя Александра Макидонскаго, мужеством.... Гедеонови, опасніи непобѣдиміи воини. Господь... на колѣну свою, на траву зелену, прямо... душа начаша въздыхати от сердца и жалостно слезяще и зваше велегласно... имя твое святое. Войско же все по молитвѣ всѣдши на коня своя, начаша творити молитву вси. Князь же великій нача по полком... до велика. Сие вам приспѣ день грозный, и час смертный приближися. Бдите... не мятущеся. Утре бо неудоб...

Стр. 60: ...чашу и ту имут пити поведеную, ея же... миръ вам будет, братии моей. И еще утре ускори со братею и со всѣми князми своими. Отпусти... [идеть рассказъ о выдѣленіи засаднаго полка, здѣсь послѣдовательность въ планѣ сходна со 2 редакціей] ...лѣтними сияющей... князю: Княже господине, искушу убо аз примѣту свою. Уже бо нощи глубоцеи заря изгасе и потуше. Дмитрей же всѣд на кон и поим с собою Владимира [потомъ «Владимера» зачеркнуто и написано «великого»] князя единаго... зиждуще. Бысть зззди... по другой же странѣ клегчюще, и бысть трепету и кличъ птичей велик велии. Враном же, яко граворон грающе, противу же по речѣ той по Непрядвѣ... едина ти есть радостная, а другая...

Стр. 61: ...жена горко плачущи еленьским гласом чад своих, а другая... много примѣтовах и боев испытах, сего ради... и рече: Тако буди побѣда поганым, а державе господне божия милость. Рече же Волинецъ... мужъ сунклитикъ, разбойникъ, именем Оома Клицибе... на Чюрковке... видѣвъ изрядно и прият, аки нѣкакые полки от востока велика зѣло...

Стр. 62: ...на запад до Дону... прегигающесея, аки волны морския колыбающесея, рѣки же воды выступали из мѣстъ своих, яко николиже съ тилъ земь на мѣсте томъ. Великому же... Бога ради, всядите на кони своя, подвизайтесея, покладите главы своя святых ради церквей... вѣчный наслѣдуйте и ничто ж... не мыслите, по уклонитися на усвоение, да вѣнцы...

Стр. 63: ...на мѣсте том и положив руце свои за пазуху и взем живоносный... ему идущу на брани славнаго вина пити с нечестивыми и чюдным... аки нѣкаким твердым оружием на брань утвердишася. Еще же... и прим копіе свое и взем... милостию своею до временныя части, по чему разумѣши, кого даровати. Мы же...

Стр. 64: ...волци распудят, елико кто служит своею главою, елико кто хочетъ. Тебѣ подобаетъ... отвещати, паче же і не успѣю, но токмо... мучень Устьяном царем, с ним же быше 60 воинъ... на позорище и посѣщи добрых воинъ избраннаго воеводу, и един пред... последи и тѣм шестидесяти воинном. Также и аз... почтен бѣ, нынѣ же вамъ глаголю, аще благая... меня бо ради всѣмъ вамъ единого общая чаша пити, аще общею смертию умрем вси, аще ли умру с вами, аще и спасуся с вами. Нынѣ же оставим же бо, коиждо к своему потягнем. Передовой...

Стр. 65: ...печеньгъ

именем Телибей: трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа добраго, а глава его, аки пивный котелъ, а между ушей у него стрѣла мѣрная, а между очи у него, аки пяти чары; а конь под ним, аки гора велия. И вопияше еленьским языкомъ, пред всѣми...

... видетсяя, пыхая, яко лев и аки жених хотя венець восприяти небеснаго царствія. Бѣ на нем... за мя Бога. Войско же все единымъ гласомъ вопиюще: поиди, господине, Богъ да проститъ тебя и святой Сергій.

Онъ же разжегся сердцемъ и наступи на печенѣга того, яко мланья, и рече в себѣ молитву Исусову, глаголя: Господине святой, игумень Сергій, помогай мнѣ молитвою своею рабу своему на безбожнаго сего печенѣга, яко на мя вооружился. — Онъ же, безбожный печенѣгъ, устремися противу его и глаголя в себѣ: О Бахмет, помози ми. — Вонъ же крестіянстіи вси воскликнуша единымъ гласомъ: Господи, помози рабу своему. — И ударишася вмѣсто два богатыря межу собою, аки сильный громъ грянулъ, едва мѣсто не проломилося подъ ними, и спadoша...

...и часъ приде, каждо на своемъ конѣ поскочи, ста вси, аки медвяны чаши пити. Храбрымъ же сердца веселяхуся, а уншимъ сердца ужасающеся. И кликнуша... помози намъ на противныя враги наша, не дай же насъ, Господи, в посмѣхъ врагомъ нашимъ, но дай же намъ, Господи, помощь на враги наша. Печенѣзи жъ воскликнуша, призывающе своихъ боговъ оканныхъ: оканнаго своего пособника Махмета: о Махмете, помози намъ и моли о насъ Бога. И ступишася велици полцы и крѣпко бьущеся; напрасно щепляются щиты богатырские отъ вострыхъ копеевъ, ломаются рогатины булатныя о злаченныя доспѣхи, льется кровь богатырская по седельцамъ покованнымъ, сверкаютъ сабли булатныя около головъ богатырскихъ, катятся шелома злаченныя съ личинами добрымъ конямъ подъ копыта, валятся головы многихъ богатырей съ добрыхъ коней на сырую землю. И потоптаны быша, не едины бо русскіе богатыри побѣдени быша, но да и татарскихъ вдвое, не токмо оружіемъ... и подъ трупнемъ мертвымъ мнози живи умираху отъ великия тесноты... заріи, блистаніе жъ мечное и сабельное сверканіе, яко мланья изъ рукъ богатырскихъ, отъ мечнаго сечения трепетъ бысть тогда, трускъ и ломъ великъ копейной, яко же бо не мощно зрѣти...

Стр. 66: ...одолевати крестіянъ. Уже бо восият хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю, уже мнози от храбрыхъ богатырей и унотъ русскихъ побени суть, богатыри же рускіе, аки древа... Видѣвъ же то князь Володимиръ Андреевичъ великую беду крестіанскую, аки класы пшеничныя подавляеми терниемъ, а терние ростяше и буяше. Благородный же князь Владимиръ Андреевичъ не моги...

Стр. 67: ...Боже, содѣтелю твари, предстои надъ нами, сидя на херувимѣхъ, пѣаемый отъ сераѣмъ, не дай же... аки соколы изучены, а нападоша на поганыя татаръ, аки на многи стада гусиные. Поганыи же прибѣгоша ко царю Мамаю и рѣша ему: зри, царю, яко христіане надъ нами умудриша... соблюдошася. Мамай же, видѣвъ войско свое разбиваемо и рече къ себѣ: вознесохся есмь высоко и до ада сошелъ есмь, мнози же уязвени нами рустіи побиваютъ насъ, секущи... *Сивата и Аракма и Гусаря*...

Стр. 68: ...Видѣвъ же то беззаконный царь, иже новыи люди придоша, и рече своимъ угодникомъ: Побѣгнемъ... одолѣша о конехъ ихъ, яко цѣли суть, гоняще же возвратишася... на сторожи стоя. Богатыри же рускіе, гоняюще, побиваху поганыя, и якоже всѣхъ избиша и возвращахуся... не обрѣте великого князя, и нача глаголати: Братна...

Стр. 69: ...*Врѣньска*, изубитаго в приволоде великого князя и в шломе. Ини же... воеводы, слышавше таковую радость великую, скоро *счочашася* на конехъ своихъ и придоша и падоша на ногу его и пролиаша слезы своя, глаголюще... Александръ, радуясь святыи рускія земли и пастырю добрый заблудшимъ овцамъ и побѣдителю врагомъ...

Стр. 70: ...лежатъ ѿ князей беловерскихъ... Перскаго, ты жъ своему государю такожъ служилъ еси. И ту лежащу Семену Мелику...

Стр. 71: ...начальника Пересвѣта, той бо *наединей* побѣди... Храбры же богатыри изъ всѣхъ странъ, поѣхавше на гласъ трубный, испытывающе довольно своихъ оружи о поганыя тата-

рова. Грядущее... расхищение. Говоритъ князь великій Дмитрій Ивановичъ: братья, князи рускіе и бояре мѣстные и воеводы сильные, считайтесь... большой бояринъ, у него ж были переписи, коко пошло силы руския за Дон: Государь князь Дмитрій Ивановичъ, нѣтъ... (въ счетѣ противъ Т пропущены бояре костромскіе и галицкіе).

Стр. 72: ...І рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Братіе, князи рускіе и бояре мѣстные и воеводы сильные, люди молодшіе, вси избитые, вамъ, братіе, суженое... и в будущемъ. Сне ж оставимъ здѣ и на первое взыдемъ. Поганому же царю Мамаю отселе избѣжавшу до моря, до мѣста, идѣже бѣ град Каза создан. І потави свое имя і познан бысть нѣкоем купцемъ и тут убьенъ бысть отъ Оряз, іспроверже злѣ животъ свой. Сня же оставимъ здѣ.

Стр. 73: Слышавъ же Олгирдъ литовскій, яко князь великій Дмитрій Ивановичъ одолѣ и побѣ царя Мамая, і поиде отъ Одуева во свою землю литовскую со многимъ стыдомъ і срамомъ, не токмо Москву улучи, но и своихъ лишепъ агарянь.

А Олегъ такожъ убояся, покры рукою лице свое: Увы мнѣ, вопияше, како ми на Рязани прожити. Ров изрыи, ископай і упадется въ яму, юже содѣла старецъ мой.

Распространенія Уваровскаго списка не интересны и новаго ничего не даютъ. Гораздо важнѣе его поэтическія добавленія: съ одной стороны, редакторъ не только сохранилъ заимствованія изъ Повѣданія, читающіяся въ текстѣ Т, но и дополнилъ ихъ, такъ что въ этомъ отношеніи этотъ текстъ, по количеству поэтическихъ вставокъ, приближается къ списку Тимковскаго и вообще — къ печатной группѣ.

Съ другой стороны — въ разбираемомъ текстѣ находятся три вставки, съ ясно выраженнымъ пѣсеннымъ складомъ. Книжная обработка коснулась ихъ очень мало, настолько, что стихъ легко возстановливается. Я приведу ихъ, заключивъ въ скобки то, что несомнѣнно прибавлено книжникомъ и явно нарушаетъ пѣсенный складъ народной старины:

1) Пѣсня о помощи новгородцевъ. Сюжетъ не новъ, онъ встрѣчается и въ другихъ спискахъ 3 редакціи, но въ данномъ случаѣ напрашивается предположеніе — не былъ ли этотъ рассказъ въ началѣ, дѣйствительно, пѣсней:

... въ великомъ Нов(ѣ)городѣ
 Стоять мужи новгородцы, (у святыя Софен)
 На площади бьютъ вѣче великое.
 Говорятъ мужи таково слово:
 Уже намъ не поспѣть (на пособъ) къ великому князю,
 Кажуть, онъ Оку реку перевозится.
 Ино (намъ) будетъ Новымгородомъ не отсидиться.
 И барзо мужики (новгородцы) наряжались
 Отпущали (з города) тринадцать посадниковъ...
 Съ ними же силы (немного, только) тринадцать тыся(чей)
 А все люди нарядные,
 Пансыри-доспѣхи давали з города...

2) Описаніе вида татарскаго богатыря — печенѣга Телибея. Это описаніе взято изъ эпическаго изображенія Идолища Погананаго:

Трею сажень высота его,
 А дву сажень ширина его,
 Межу плечь (у него) сажень мужа добраго,
 А глава его, (аки) пивной котель,
 А межу ушей (у него) — стрѣла мѣрная,
 А межу очи (у него, аки) питіи чары,
 А конь подъ нимъ, (аки) гора велія...

3) Наконецъ — картина общаго боя. Въ современныхъ записяхъ старинъ ей нѣтъ соответствія, это — не locus communis; нужно думать, слѣдовательно, что она составляла часть спеціальной какой-либо пѣсни:

Щепляются щиты богатырскія, (отъ вострыхъ копеевъ)
 Ломаются рогатины булатныя, (о злеченыя доспѣхи)
 Льется кровь богатырская
 По сѣдельцамъ покованнымъ,
 Сверкаютъ сабли булатныя
 Около головъ богатырскихъ,
 Катятся шеломя злеченыя
 Добрымъ конямъ подъ копыта,
 Валятся головы (многихъ) богатырей
 Съ добрыхъ коней на сыру(ю) землю...

Я не думаю, однако, чтобы наличность этихъ пѣсенныхъ отрывковъ заставляла предполагать о существованіи старины о Мамаевомъ побоищѣ. Я думаю, что такой старины не было. Встрѣчающіяся теперь упоминанія въ старинахъ Мамаю, Мамаева побоища, поля Куликова — представляются оторванными отъ письменной повѣсти. «Мамаево» побоище, какъ и «Камское» — стало синонимомъ «страшнаго, ужаснаго, кровопролитнаго». «Мамай» въ старинахъ фигурируетъ столько же, сколько въ пословицѣ: «Здѣсь точно Мамай воевалъ». «Куликово» поле, наконецъ, является въ старинахъ съ сюжетами, нисколько не напоминающими Куликовскую битву. Отдѣльныя историческія пѣсни, какъ напр., предложенная мною — о походѣ новгородцевъ на помощь Москвѣ — еще могли существовать, да и то, за отсутствіемъ доказательствъ, я не могу утвердительно ставить такое предположеніе. Вѣрнѣе всего, слѣдовательно, что редакторъ этого списка, использовавъ весь поэтический матеріалъ Повѣданія, обратился за дальнѣйшими украшающими дополненіями къ народной поэзіи. Примѣръ очень характерный, какъ соединеніе въ одной повѣсти «старыхъ словесъ», восходящихъ къ Слову о полку Игоревѣ, съ живымъ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Съ этой стороны Уваровскій текстъ Сказанія — единственный въ своемъ родѣ.

Разобранная группа списковъ является переходомъ къ послѣдней, пятой группѣ списковъ 3 редакціи, *представляющей родъ соединительнаго звена между 3 и 4 редакціями Сказанія*. Пятая группа характеризуется также рядомъ вставокъ, большею частью соответствующихъ вставкамъ 4 редакціи. Вообще же вставочные эпизоды четвертой и пятой группъ представляютъ изъ себя письменную обработку какихъ-то устныхъ преданій, пѣсень, иногда не имѣющихъ прямого отношенія къ повѣствованію о Куликовской битвѣ, или же вновь скомпонованные рассказы на основаніи матеріала, находящагося въ Сказаніи — таковъ, напр., рассказъ объ исчисленіи воеводами имѣющагося у нихъ войска. Въ остальномъ же распространенія носятъ обыкновенный риторическій характеръ, не разъ мною отмѣчаемый.

V. Пятая группа, слѣдовательно, состоитъ изъ списковъ, представляющихъ *переходъ отъ третьей редакціи къ четвертой*.

1) Публичной Библіотеки Q. XV. 31, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе представляетъ, собственно, рядъ отрывковъ, начинается съ эпизода о посылкѣ великимъ княземъ грамотъ для сбора на Москвѣ войска. Планъ, въ общемъ, одинаковъ съ планомъ 3 редакціи, особенно начиная съ рассказа о походѣ къ Троицѣ. Есть вставки, одинаковыя со вставками IV группы: о пространствѣ Куликова поля, о количествѣ вырытыхъ могилъ, о торжественномъ погребеніи убитыхъ.

До рассказа о походѣ великаго князя къ Троицѣ находятся двѣ вставки, характерныя уже для 4 редакціи: *текстъ грамоты*, посланной великимъ княземъ по городамъ и — *подробный рассказъ о посольствѣ Захаріи Тютчева въ орду*, о его хитрости и убіеніи вельможъ татарскихъ. Эти два эпизода принадлежатъ, какъ я говорю, уже 4 редакціи. Принимая во вниманіе, что дальнѣйшій текстъ Сказанія въ разбираемомъ спискѣ сходенъ съ текстами предыдущей группы, т. е. съ 3 редакціей, надо думать, что памятникъ представляетъ на этотъ разъ текстъ

сводный. Вообще — сводка текстовъ 3 и 4 редакцій представляетъ отличительную особенность пятой группы.

2 и 3) *Сводный* характеръ носятъ слѣдующіе два списка, находящіеся въ ближайшей связи между собою:

а) Рум. Музея, собранія Большакова № 435, лѣтописный сборникъ XVII в. Передъ началомъ Сказанія — выписка изъ Степенной книги:

Степень вторая на десять — о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского. Затѣмъ уже идетъ Сказаніе: «В лѣто *ꙗꙋꙋꙋ* Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Володимеру Ондръевичу». При разсказѣ о смерти «поганого Мамая» слѣдуетъ опять выписка изъ Степенной книги.

б) ИПБ., собранія Погодина № 1574, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе носитъ то же заглавіе: «В лѣто *ꙗꙋꙋꙋ* Сказаніе о Донскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андрѣевичу». Заключеніе представляетъ сокращенное изложеніе окончанія группы У.

Эти тексты сходны между собою до разсказа о посѣщеніи Дмитріемъ обители пр. Сергія, включительно, причемъ Погодинскій текстъ дополняетъ случайные дефекты Большаковского, гдѣ утеряны нѣкоторые листки. Кромѣ того, въ началѣ Погодинскій текстъ самъ по себѣ представляетъ какую-то сводку: письмо Олега къ Ольгерду приводится дважды, находится упоминаніе о послѣ Ольгерда — Бартешѣ, что, собственно, принадлежитъ уже 4 редакціи. Что же касается всего содержанія Погодинскаго списка, то по плану и изложенію текстъ Сказанія, находящійся въ этомъ списокѣ, всего болѣе *приближается къ группамъ, зависящимъ отъ У*, тотъ же характерный конецъ.

Разошедшись съ Погодинскимъ съ 272 листа, Большаковский текстъ въ дальнѣйшемъ изложеніи представляетъ распространенія, приближающія его уже къ 4 редакціи. Такъ — слова бояръ Олегу: «А се, господине, кажутъ пришли къ нему на помощь новгородцы со многими силами, воинства же ихъ кажутъ

красно и храбро велики, і князи бѣлозерскія, і князи ярославскія, и князи володимирскія, и князи юревскія, і князи костромскія, і князи переславскія, и князи стародубскія, и князи муромскія», — принадлежатъ уже 4 редакціи, гдѣ, между прочимъ, есть цѣлая повѣсть о приходѣ новгородцевъ.

Попытка воспроизвести текстъ грамоты пр. Сергія, посланной на поле битвы, также относится къ 4 редакціи, стремящейся вообще давать тексты грамотъ.

Картина единоборства развита самостоятельно: «Выѣде ж печенег ис полку татарскаго, предо всѣми мужествомъ и величествомъ, яко древній Голяндъ. Видѣвъ же Пересвѣтъ чернецъ, иж в передовом полку, и рече: Сей человекъ ищетъ подобна себѣ, аз хочу с нимъ видѣтися. — Бѣ же шелоу на главѣ старца аггельскаго образа воображенъ схиною по благословенію игумена Сергія, и рече: Отцы и братія, простите мя грѣшнаго. — И напусти на Печенѣга. И рече: Преподобный отче Сергіе, помози мнѣ. — И напусти к татарину, аки стрѣла из лука и злегъ по коню съ (пропускъ), такожь и печенѣгъ к н(ему) напусти. Христіяне ж (воскликну)вше вси: Боже, помози рабу своему. — І толико ударишася крѣпко, яко не возмогша их кони удержати на себѣ, но сразишася кони их вмѣсто и падше умроша. Они же воставше и хватишася под пазухи, оба ударишася о землю и ту оба скончашася, токмо Пересвѣтъ на печенѣгѣ лежитъ, всего разразивъ, сам же весь цѣлъ. И от сего мнози разумѣша, яко верхъ великаго князя будетъ, еже і бысть».

Тотъ же мотивъ встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи.

Дальнѣйшее изложеніе — по 3 редакціи: бѣгство татарскаго войска — поиски князя — поѣздка по побоищу («лежитъ *Григорій Капустникъ* и чернецъ Пересвѣтъ, да брат его Ослебя, первыя воины, нарочитыя богатыри. Их же видѣвъ, князь великій рече: Видите, братія, сего началнаго богатыря, иж побѣди подобна себѣ воина, от него ж было пити многимъ намъ горкая чаша. *А се — и брат его Ослебя* множество поганыхъ побил, и сам, туто ж пришед, у брата своего главу свою положилъ» — позднее

и неудачное осмысление интерполяций списка Т) — сборы на полъ и рѣчь Дмитрія — погребение — счетъ (въ концѣ прибавлено: «Князь же великий Дмитрей Иванович повелѣ вострубити грозно над костми поганых татар и поиде радуясь восвоюси. От трубнаго же гласа земля потрясися, а поле Куликово все кровю воскипѣ, а река Непрядва 3 дни и 3 нощи кровию текла, а трупия татарския остались, аки сѣнные стоги, звѣрем и птицам на сѣденіе. Князь же великий Дмитрій Ивановичъ идучи повелѣ *рязанскую землю грабити, опричь святыхъ церквей*) — смерть Олега — судьба Ольгерда и Мамая. Вся эта схема близка къ списку Т. Что же касается распространений, примѣры которыхъ отчасти приведены, то по склонности къ многорѣчію и по безталанности образовъ Большаковский текстъ подходитъ къ напечатанной мною Передѣлкѣ 4 редакціи, поражающей полнымъ отсутствіемъ беллетристическаго таланта у редактора.

Начало и конецъ Большаковского текста тѣсно связаны со Степенной книгой. Въ началѣ идетъ выписка: Степень вторая на десять, о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского, затѣмъ — «В лѣто 7509 Сказание о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондрѣевичу». Въ концѣ, въ разсказѣ «о смерти поганого Мамая» — идетъ снова выписка изъ Степенной. Можетъ быть, редакторъ имѣлъ въ виду включить Сказаніе въ Степенную книгу?

4) Ниже, при разборѣ 4 редакціи, я буду говорить, что 4 редакція восходитъ къ протографу, имѣвшему тотъ же заключительный разсказъ о возвращеніи Дмитрія съ Куликова поля, какъ и списокъ У 3 редакціи. Въ разбираемой группѣ уже встрѣтился одинъ списокъ съ такимъ же заключеніемъ (Погодинскій 1574), къ нему же слѣдуетъ отнести еще списокъ, собранія того же Погодина, № 1555. Со спискомъ У сближаетъ его еще одна характерная особенность. Выше я указывалъ на ошибку У (и 1, зависящей отъ него группы): «медвезешь» — вм. медокупцы; въ разбираемомъ является какъ бы попытка

объясненія этой ошибки: вмѣсто этого слова въ спискѣ стоятъ: *«привезоша ко мнѣ от Северы медъ»*. Несомнѣнно, что Погодинскій № 1555 восходитъ къ списку У.

При разборѣ 4 редакціи я отмѣчаю постепенную утрату поэтическихъ заимствованій изъ Повѣданія и переходъ ихъ въ прозаическія переложенія. Эта особенность замѣчается и въ разбираемомъ спискѣ. Нѣтъ вовсе описанія «стука и грома» рати передъ разсказомъ о поѣздкѣ Дмитрія къ Троицѣ. Другія выдержки — искажены, напр.: «сынове рустии успѣшно грядутъ, *яко медвенныя чары пьютъ или стеблия виннаго ясти*»... Или, въ разсказѣ о пріѣздѣ на Коломну: «начаша мнози гласи труб ратныхъ гласити *на граници* мнози бьюще и стези ревуть. Сынове жъ рустии наступиша великия коломенскія поля»... Или: «травъ постилашеса и люди унывающе, видяще предъ собою смерть». Совершенно скомкана формула боя: «и на томъ поле силніи полци сташа, изъ нихъ же выступиша кровавыя зари отъ облитанія мечного, слыный звукъ бысть и стукъ отъ копейна сломенія, *яко не можно бѣ зрѣти никакожъ того грозного и горкого часу*».

При такомъ отношеніи къ поэтическимъ мѣстамъ Повѣданія очень странно видѣть здѣсь сравнительно рѣдкую вставку изъ того же памятника: «Уже намъ в своей землѣ не бывати, а катунъ своихъ не трепати, а детей своихъ не видати, трепати намъ сыра земля, целовати намъ зеленая мурава. А на Рус намъ уже ратю не ходити, а выходовъ намъ не имати. Застонула татарская земля бѣдами и тугами покрывашеса, уныша сердце и хотения, княземъ похваля на рускую землю ходити. Уже сынове рускіе заграбиша доспехи наши и всякое узорочье, отласы и бархаты». Такой неиспорченный текстъ не гармонируетъ съ остальными заимствованиями изъ Повѣданія и заставляетъ предположить, что списокъ составилъсь подъ перекрестнымъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ списковъ 3 редакціи (для двухъ послѣднихъ группъ это перекрестное вліяніе является почти закономъ). Судя по тому, что великій князь, при объѣздѣ

побойща, наѣзжаетъ: «Пересвѣта старца и близ его нарочитаго богатыря печенега, *близъ нѣтъ лежитъ рускій добрый богатырь Григорей Капустинъ*» — такое вліяніе другого списка 3 редакціи — необходимо.

Разсказъ о единоборствѣ Пересвѣта съ татаринѣмъ продолжень такъ, какъ обыкновенно разрѣшаетъ его 4 редакція: рукопашный бой кончается смертью противниковъ, но Пересвѣтъ лежитъ вверху, «покры печенега монатею своею» (4 редакція видитъ въ этомъ указаніе, что «верхъ возьметъ» русское войско).

Изъ вставныхъ разсказовъ въ разбираемомъ спискѣ находится только распространеніе эпизода о посольствѣ Захаріи въ Орду. Характерный разсказъ этотъ является здѣсь какъ бы ядромъ, изъ котораго впослѣдствіи выработался отличный для 4 редакціи эпизодъ о Захаріи: «Захарія же прииде к царю Мамаю и обрѣте его на мѣсте, нарицаемом на *Браду на Вороноже*, и принесе ему от князя Дмитрея Ивановича дары многія. Мамай же дары многія видѣвъ, наипаче возярис на православную вѣру и рекъ Захарію: Захарме, не на дары бо Мамай воздвигся с войскомъ своимъ, иду бо на Русь казнити улусника своего, князя Дмитрея московскаго, дары бо ваши приму войску своему на плети. — Отвѣщав же ему Захарія: Царю, како ты тако вешиш, аки младый отроча несмысленный, а не ведуще божія силы и владычнѣя смотраенія, но яко Господу годе, тако и будетъ. — Глагола еж ему Мамай: Аще бо восхошу, и аз иду и поплению. . . Отвеще же му Захарія: Царю, елико Господу гоже, тако и будетъ. — Слышевше же сие Мамай и разжегся крикнул: Аще ли сего малого улусу не одолею, то не возвращусь к себѣ. Теба ж не имамъ отпустить ко князю твоему, но отселе ми будеши раб и дамъ тебѣ имѣнія свыше, ежъ еси имѣлъ у князя своего. — Видѣвъ же сие Захарія, что возвращеніе его твердо к великому князю и возвѣща Мамаю: Господине царю, уже бо мя нарицаеши себѣ рабом, но аз ти ныне нарицаю раб, ныне бо отпусти (м)я на Русь к великому князю, исправлю ему свои рѣчи посолскія, да не забуду

люббе (такъ!) прежняго своего государя, и возвращусь к тебѣ и буду ти вѣренъ раб. И аще сему, царю, не вѣруеши, и ты пошли со мною от своих раб и будетъ ти вернеѣ возвращеніе мое к тебѣ. — Мамай же сие слышав и рад бысть сему велии и отпусти Захарію великому князю Дмитрею Ивановичю на Русь и с нимъ отпусти в товарыщах...

Разсказъ не помонъ, содержаніе такое же, какъ въ 4 редакціи, но изложеніе иное, въ началѣ оно представляетъ какъ бы схему, изъ которой впослѣдствіи развилось болѣе стройное повѣствованіе.

Заключеніе, какъ я говорилъ, такое же, какъ въ спискѣ У. При переходѣ же къ этому заключенію вставленъ изъ Повѣданія поэтическій плачь женъ воеводскихъ, который читается въ спискахъ печатной группы разбираемой редакціи.

5) Наконецъ, послѣдній списокъ этой группы, принадлежащій Обществу Любителей Древней Письменности, № 38, оставо, представляетъ, собственно отрывокъ Сказанія, начинающійся разговоромъ Дмитрія съ вызваннымъ изъ Боровска Владиміромъ. Судя по заключенію, одинаковому со спискомъ У, и по подробному разсказу о посольствѣ Захаріи къ Мамаю, — этотъ списокъ всего ближе подходитъ къ только что разобранному Погодинскому списку.

Таковы всѣ группы, на которыя дѣлятся списки 3 редакціи. Сохраняя за незначительными отступленіями схему 2 редакціи, 3 редакція восходитъ къ послѣдней, но группа, во главѣ которой стоитъ списокъ У, по своему заключенію, по сохраненію большинства выраженій, находится въ ближайшей связи и съ 1 редакціей. Поэтому группу У слѣдуетъ считать *древнѣйшимъ* видомъ 3 редакціи; жаль, что она дошла въ незначительномъ количествѣ списковъ, притомъ чрезвычайно неисправныхъ. Что касается группъ, зависящихъ отъ Т, то они всего характернѣе отражаютъ особенности 3 редакціи, заключающіяся въ самостоятельномъ стремленіи къ улучшенію слога, распространенію его путемъ риторическихъ добавленій и украшеній, мѣстами въ

сохраненіи лучшаго чтенія, чѣмъ 2 редакція, а главное — въ чрезвычайно широкомъ заимствованіи изъ писанія Софонія. Максимальное количество поэтическихъ выдержекъ находится особенно въ группахъ второй и третьей (печатной), гдѣ упоминается само имя автора Повѣданія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ изложеніе носитъ характеръ сводки — исторической повѣсти и писанія Софонія и имѣетъ даже двойное заглавіе: Повѣданіе и Сказаніе. Дальнѣйшія группы увеличиваются путемъ вставки различнаго рода отдѣльныхъ рассказовъ и мало-по-малу принимаютъ видъ, подходящий уже къ 4 редакціи Сказанія.

Третья редакція развивалась въ теченіе XVI, XVII, даже XVIII вѣка. Я отмѣтилъ ту особенность, что писецъ являлся въ то же время и редакторомъ Сказанія. На немъ, если можно такъ выразиться, отразилась эволюція всей русской литературы за указанный періодъ. Каждый редакторъ старался внести такой эпизодъ, который по его мнѣнію, еще ярче отгѣнилъ бы основную точку зрѣнія.

Эта точка зрѣнія не нова. Она такая же, какъ во 2 редакціи. Только престижъ царской власти чувствуется въ 3 редакціи больше: великій князь здѣсь уже фигурируетъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ самовластный государь, остальные персонажи повѣсти стоятъ къ нему такъ же, какъ московскіе бояре къ царю. Есть списки, гдѣ отгѣняется, главнымъ образомъ, провиденціально-поучительная точка зрѣнія: Мамай воздвигся «за грѣхи», ратую на христіанство, здѣсь отгѣняется заступничество Сергія, особое вниманіе удѣляется Пересвѣту, охотно приводятся слова молитвенныхъ обращеній великаго князя. Есть списки, гдѣ, наоборотъ, бѣльшее вниманіе посвящено военной сторонѣ рассказа: нѣсколько разъ и съ любовью описывается уряженіе войска, вставляется рассказъ о перечисленіи, сколько подъ кѣмъ изъ воеводъ находится воиновъ, растягивается формула боя, сообщаются рассказы о боѣ очевидцевъ Владимиру, стоявшему на костяхъ. Есть списки, преслѣдующіе главнымъ образомъ поэтическій колоритъ: въ нихъ — обиліе цитатъ изъ

Повѣданія, стараніе сохранить или еще больше распространить размѣренную рѣчь, стремленіе дополнить поэтическій матеріалъ не однимъ Повѣданіемъ, но заимствованіемъ даже изъ народной поэзіи. Есть списки, имѣющіе въ виду выставить Дмитрія какъ самодержавнаго московскаго государя: большею частью это стремленіе соединено съ интересомъ къ военной сторонѣ дѣла. Наконецъ, есть списки, имѣющіе въ виду дать возможно болѣе полное повѣствованіе, причемъ сводка различныхъ эпизодовъ не всегда бываетъ удачна.

Что поражаетъ въ спискахъ 3 редакціи, это то обстоятельство, что текстъ большинства ихъ — весьма неисправенъ: или списки дефектны въ самомъ основаніи, т. е. нѣтъ листовъ, начала, конца; или они списаны уже съ перебитыхъ листовъ, съ плохого текста, безъ желанія сколько-нибудь разобраться въ непонятныхъ выраженіяхъ; или писаны такъ наскоро, что къ имѣющимся ошибкамъ прибавлена масса новыхъ, не дописаны и пропущены слова, — отчего вообще текстъ доходитъ до явной бессмыслицы. Если памятникъ украшается миниатюрами, то онѣ всегда плохи, гораздо ниже какихъ угодно другихъ, относящихся къ тому же времени. Самое письмо часто представляетъ очень некрасивую скоропись, строки нагѣзаютъ другъ на друга. Иногда памятникъ недоконченъ, и текстъ обрывается на половинѣ страницы. Все это производитъ впечатлѣніе изготвленія текста Сказанія наскоро, только бы поскорѣй отдѣлаться; и я не ошибусь, если скажу, что подобные списки 3 редакціи (а ихъ — много) готовились на продажу: Сказаніе, по своей популярности, шло ходко, и конечно, за исправностью текста не слѣдили. Съ этимъ обстоятельствомъ — торговой спекуляціей — приходится считаться, и оно весьма запутываетъ вопросъ о дѣленіи на редакціи. Мнѣ встрѣчались сборники, составленные изъ разнородныхъ произведеній, рукописныхъ и печатныхъ, разнаго формата. Переплетены они послѣ. Нужно думать, поэтому, что Сказаніе продавалось часто въ видѣ отдѣльной тетрадки.

Не смотря на значительное разнообразіе списковъ, послѣдніе всетаки объединены характерными особенностями 3 редакціи: единствомъ плана, поэтическими выдержками, стоящими на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, отсутствіемъ тенденціи, какъ и во второй редакціи, и замѣной имени Ягайла Ольгердомъ. Вставные эпизоды въ общемъ не нарушаютъ однообразной схемы изложенія.

Сравнительно со 2 редакціей, третья почти не пользуется письменнымъ матеріаломъ: начитанность редакторовъ мало замѣтна. Всѣ распространенія сдѣланы или помощью риторическихъ приемовъ или введеніемъ рассказовъ, очевидно, *изъ устнаго источника*. Таковы — описанія Куликова поля, рассказы о посольствахъ къ Мамаю Василя Тупика и Захаріи Тютчева, распространеніе эпизода о единоборствѣ, занимавшаго редакторовъ, вставка воинскихъ подробностей о перечисленіи воеводами войска, объ ертоульныхъ полкахъ (учреждены около 1552 года). Къ риторическимъ приемамъ слѣдуетъ отнести рѣчи дѣйствующихъ лицъ, напр., князя Владимира, изложеніе разговора Ольгерда съ панами и сенаторами, стремленіе къ размѣренной рѣчи и заимствованіе матеріала изъ народныхъ пѣсенъ и причтаній (можетъ быть, не изъ первыхъ рукъ). Что касается вставокъ изъ Повѣданія, то ихъ по числу гораздо больше, чѣмъ во 2 редакціи, и по объему онѣ значительнѣе; въ своемъ мѣстѣ я отмѣтилъ всѣ эти вставки. Можно сказать, что Повѣданіе было единственнымъ письменнымъ источникомъ для заимствованій.

Если же нѣкоторые списки 3 редакціи удѣляютъ много мѣста нравоучительнымъ разсужденіямъ, то таковыя не оригинальны и составлены изъ имѣвшагося уже матеріала.

Небрежность въ работѣ умаляетъ качество большинства списковъ, какъ литературнаго произведенія. Однако въ нѣкоторыхъ, стройныхъ по изложенію (особенно — въ «печатной» группѣ), — историческое повѣствованіе не уступаетъ 2 редакціи и представляетъ очень занимательную повѣсть.

ГЛАВА VII.

Сказаніе четвертой редакціи.

Сказаніе 4 редакціи извѣстно мнѣ по 13 спискамъ:

Императорской Публичной Библіотеки: 1) О. IV, 46; 2) Q. XV, 27; 3) Q. XVII, 209; 4) собранія гр. Толстого II, 140; 5) собранія гр. Толстого II, 237; *Московского Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ*: 6) собранія Бѣляева № 1516 («Казанскій лѣтописецъ»); 7) собранія Тихонравова № 337; 8) *Московской Синодальной Библіотеки* № 964; 9) *Московского Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* № 70/93; 10) *Казанской Духовной Академіи* № 879; 11) *Тверского Музея* № 3146; 12) *Рязанской Ученой Архивной Коммисіи* ¹⁾; 13) списокъ, напечатанный Снегиревымъ въ III томѣ Историческаго Сборника — кн. Оболенскаго.

Изъ этихъ списковъ — два дефектныхъ и представляютъ Сказаніе въ отрывкахъ. Эти списки: 1) Казанской Духовной Академіи, № 879, — рукопись XVII—XVIII в., въ которую вплетена не имѣющая начала и конца часть Сказанія, со словъ: . . . «новгород и пришедше возвестиша посадникомъ о великомъ князе. Они же прискорбни бяху» . . . (изъ повѣсти о мужахъ новгородскихъ), до начала молитвы великаго князя, услыжавшаго разсказъ о видѣніи Оомы Хадибеева: . . . «помози ми, якожъ

---

1) За любезное сообщеніе мнѣ копій съ этого списка приношу искреннюю благодарность С. Д. Яхонтову.

Моисѣю и яко Давиду на Голияда и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему Александру на хвалящегося римского короля, и не по грѣхом нашим воздай ми, Господи»... На этомъ обрывается текстъ.

2) Рязанской Ученой Архивной Коммиссiи, также неполный: изложеніе начинается съ главы о приходѣ вѣстниковъ къ великому князю, сообщающихъ о выступленіи Мамаѣ. Въ дальнѣйшемъ текстѣ утрачено много листовъ, главы спутаны; отрывокъ обнимаетъ, собственно, только начало повѣсти, обрывающееся на ярлыкѣ Мамаѣ къ союзникамъ. Въ обоихъ спискахъ главы носятъ названія; въ первомъ они написаны киноварью. Однако въ виду крайне несправнаго состоянія текста и отрывочности въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду принимать въ расчетъ этихъ списковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ не вноситъ въ общее изложеніе никакихъ разночтеній.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить еще списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93. Списокъ этотъ несомнѣнно принадлежитъ 4 редакціи, такъ какъ ея типичныя особенности въ немъ — на лицо. Текстъ Сказанія не полонъ, онъ обрывается на перечисленіи убитыхъ въ битвѣ. Но отъ остальныхъ списковъ разбираемой редакціи его отличаетъ отмѣченное мною при разборѣ Повѣданія обширное заимствование изъ послѣдняго памятника, вносящее, какъ я указывалъ, существенныя поправки въ текстъ писанія Софоніи. Самое перечисленіе убитыхъ въ битвѣ, — на чемъ обрывается текстъ, взято также изъ Повѣданія. Ниже будетъ указана одна изъ особенностей 4 редакціи — стремленіе опрощать поэтическія мѣста или вовсе опускать ихъ; поэтому разбираемый текстъ, воспользовавшійся, какъ разъ наоборотъ, весьма широко поэтическимъ матеріаломъ, долженъ быть выдѣленъ особо. Что касается до самаго повѣствованія, то, въ общемъ, текстъ архивскаго списка примыкаетъ къ обыкновенному тексту 4 редакціи.

О текстѣ, находящемся въ списокѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209 я скажу ниже.

Остальные 9 списковъ могутъ быть раздѣлены на 2 группы. Присутствіе въ 4 редакціи особаго окончанія, гдѣ описанъ обратный походъ великаго князя съ побѣдою въ Москву, причемъ все изложеніе сжато повторяетъ предыдущій рассказъ о походѣ на Куликово поле, заставляетъ предполагать, что 4 редакція развилась изъ третьей черезъ списокъ У. Въ этомъ предположеніи еще болѣе укрѣпляетъ совпаденіе плана 4 редакціи съ У: поставленіе указанія на устройство засаднаго полка *передъ* рассказомъ о примѣтахъ Волынца. Съ другой стороны — присутствіе въ нѣкоторыхъ спискахъ характерной для списка Т интерполяціи: «Григорія Капустина», и совпаденіе многихъ мѣстъ изложенія именно со спискомъ Т — должно указывать на воздѣйствіе типа Т на нѣкоторые изъ списковъ 4 редакціи. Поэтому я и предполагаю дѣленіе 4 редакціи на 2 группы: 1) образуютъ списки, развившіеся подъ вліяніемъ Т или подобнаго ему списка, и 2) — списки, сохраняющіе изложеніе У цѣлкомъ. Последняя группа, какъ будетъ указано ниже, дополнена противъ первой.

Окончаніе въ тонѣ У является *первой* характерной особенностью всѣхъ списковъ 4 редакціи. Выше я говорилъ, что утрата окончанія явилась слѣдствіемъ желанія не замедлять ходъ рассказа. Здѣсь же удлинненіе явилось, можетъ быть, намѣренно, *потому что четвертая редакція представляетъ Оказаніе съ наиболее распространенномъ видѣ*. Сохраняя дополненія списковъ 3 редакціи, она характеризуется вставками, носящими видъ самостоятельныхъ повѣстей. Это ея *вторая* особенность. Я отмѣчу всѣ вставки:

1) *Повѣсть объ Олгердѣ Литовскомъ.*

Я указалъ на причину появленія имени Олгерда въ 3 редакціи. Личность князя-отца продолжала занимать редакторовъ, и въ разбираемой редакціи снова на Олгерда обращено особое вниманіе. Въ данной повѣсти онъ зовется самодержавнымъ великимъ княземъ и королемъ. Рассказомъ объ отправленіи посольства къ Мамаю повѣсть разбита на двѣ части. Въ первой

идеть рѣчь о приѣмѣ Ольгердомъ пословъ отъ Олега. Прочтя его грамоту, Ольгердъ обращается къ «пановымъ и санатырямъ» своимъ съ рѣчью, въ которой указываетъ на «любовь» къ нему Олега, желающаго съ нимъ раздѣлить владѣніе Москвою. Паны и сенаторы въ торжественномъ отвѣтѣ заявляютъ, что Ольгердъ достоинъ такого владѣнія. Ольгердъ въ будущемъ обѣщаетъ имъ награды, а къ Мамаю отправляетъ своего посла, «мужа мудра», именемъ *Бортеша*. Бортешъ рисуется въ весьма положительномъ освѣщеніи.

Вторая часть повѣсти заключаетъ рассказъ Бортеша о томъ, какъ онъ правилъ посольство къ Мамаю. О татарскомъ ханѣ онъ выражается весьма пренебрежительно: Мамай не уменъ, на рѣчи не памятливъ, гордъ, имѣетъ большое, но неустроенное войско, которое врядъ ли сможетъ выдержать натискъ московской рати. Ольгердъ сильно разгнѣванъ такимъ отношеніемъ къ своему союзнику и другу и бросается съ мечемъ на Бортеша. Паны и сенаторы едва могутъ удержать его. Бортешъ выражаетъ удивленіе по поводу такого гнѣва, тѣмъ болѣе, что Ольгердъ просилъ его говорить только «правду». Предстоящіе, услышавъ такой рассказъ о Мамаѣ — «ужаснулись».

Мотивъ этой повѣсти не новъ: высокоуміе союзниковъ и ихъ недомысліе трактовались и въ 3 редакціи. Въ этомъ тонѣ проведена здѣсь характеристика Ольгерда, разумный же посолъ его Бортешъ напоминаетъ съ одной стороны посла Дмитрія — Захарію Тютшева, о которомъ въ 4 редакціи вставлено тоже особое повѣствованіе; съ другой — положительныя качества Бортеша заставляютъ относить его къ положительнымъ типамъ, къ Ольгердовичамъ, — сторонѣ, хотя и связанной съ Ольгердомъ, но прямо противоположной ему по духу. Само имя посла Ольгерда роднитъ его съ Ольгердовичами: *Вратоша* былъ литовскимъ посломъ, отправленнымъ по порученію князя *Лугесіа-Семіона Олмердовича* въ Новгородъ, чтобы передать новгородцамъ желаніе князя получить во владѣніе тѣ городки, которыми владѣлъ Наримантъ. (См. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VII, 52).

Слѣдовательно эта повѣсть объ Ольгердѣ, не оригинально скомпанованная, представляетъ развитіе эпизода объ Ольгердовичахъ, возставшихъ на родного отца за православное дѣло.

2) *Повѣсть о приходѣ Захаріи Тютшева въ Орду.*

Съ другой стороны Бортешъ по своимъ положительнымъ качествамъ близко напоминаетъ, какъ я говорилъ, посла великаго князя — Захарію Тютшева (Тютчева), который былъ отправленъ съ дарами къ Мамаю. Сказаніе и въ предыдущихъ редакціяхъ отзывалось о Захаріи, какъ о человѣкѣ «смышлеломъ, умномъ», но окончательное развитіе эпизода посольства является въ 4 редакціи.

«Темные» князья берутъ пришедшаго Захарію и ведутъ къ Мамаю. Захарія обращается къ царю съ официальнымъ привѣтствіемъ и предлагаетъ дары. Мамай при видѣ золота возносится еще большей гордостью и велитъ Захаріи цѣловать свой башмакъ. Захарія повинуется, а Мамай (совершенно неожиданно) выражаетъ удивленіе его красотѣ и «мудрымъ отвѣтамъ». Золото царь велитъ раздать «казакамъ» на плети, говоря, что съ завоеваніемъ Москвы у него будетъ въ рукахъ все золото и узорочье русское, а самъ великій князь принужденъ будетъ пасти стада. Такое глумленіе надъ Дмитріемъ вызываетъ у Захаріи рѣзкую отвѣдь, и онъ указываетъ, что все должно совершиться такъ, какъ указалъ Богъ. За такія грубыя рѣчи бросаются на него съ ножами темные князья цареви, но Мамай щадитъ его «за красоту и за премудрость». Мамай продолжаетъ свои разспросы о великомъ князѣ и въ результатѣ предлагаетъ Захаріи остаться на татарской службѣ, какъ человѣку, который очень пришелся ему по сердцу. Захарія прибѣгаетъ къ искусной уловкѣ: онъ соглашается остаться на татарской службѣ, предварительно доведя до конца свою настоящую миссію: какой же тогда онъ слуга, говоритъ Захарія, если не исполнить въ точности приказаній своего господина, кто бы тотъ ни былъ. Мамай еще разъ дивится уму его и лишаетъ отвѣтнѣй ярлыкъ

великому князю. По просьбѣ Захаріи царь посылаетъ съ нимъ къ Дмитрію четырехъ именитыхъ вельможъ царева двора. Въ ярлыкѣ указано требованіе — выразить полное подчиненіе, и желаніе посадить на Русь другого князя. Отпуская Захарію, Мамай проситъ его поскорѣй вернуться. Дойдя до Оки, Захарія посылаетъ вѣстника къ Дмитрію съ просьбой прислать отрядъ для встрѣчи татаръ. Последніе ожидаютъ всяческихъ почестей, но, по приѣздѣ отряда, Захарія отдаетъ приказъ связать татаръ, разрываетъ ярлыкъ Мамай и отсылаетъ клочки обратно съ «худымъ» татаринномъ, поручая передать царю, что онъ, Захарія, не видалъ еще никого среди людей «безумнѣй». Царь воспламеняется страшнымъ гнѣвомъ, увидя, какъ провелъ его Захарія, и начинаетъ дѣятельно готовиться къ походу на Русь. Захарія же съ плѣнными вельможами приѣзжаетъ въ Москву и рассказываетъ обо всемъ великому князю. Тотъ на радостяхъ устраиваетъ «пиръ честенъ» и даритъ послу богатые подарки.

Появленіе этой повѣсти является естественнымъ слѣдствіемъ желанія разъяснить, что дѣлалъ Захарія въ Ордѣ, почему онъ всюду выставляется какъ «умный и хитрый», и — какъ удалось ему захватить «языкъ нарочить царева двора», — на что указывали предыдущія редакціи. Отсутствие стройности въ повѣствованіи, логическія несообразности, присутствіе имени «казаковъ» — указываетъ съ одной стороны на болѣе позднее появленіе этой повѣсти, съ другой — на отсутствіе здѣсь воспоминанія о какомъ-нибудь старомъ преданіи о Захаріи, ходившемъ въ устной передачѣ. Мотивъ, что татарскій царь поражается красотой русскаго и прощаетъ ему многое за это — не новъ; думаю, что въ данномъ случаѣ приходится считаться съ заимствованіемъ соответствующаго мотива изъ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ. Не трудно видѣть, наконецъ, что ситуація этой повѣсти повліяла на предыдущую повѣсть о Боргешѣ: оба посла одинаково подвергаются опасности быть убитыми владыками за то, что говорятъ правду.

3) *Повѣсть о Новгородцахъ.*

Эта повѣсть настолько стоитъ особнякомъ въ 4 редакціи, что носитъ даже особое заглавіе: «Иную повѣсть да скажу вамъ о мужехъ новгородцехъ великаго Новаграда».

Тогда, начинается повѣсть, Новгородъ былъ «самовластный»¹⁾, не было царя надъ ними, когда была эта побѣда донская. Новгородцы сами владѣли собою, держали 80 тысячъ войска на случай борьбы съ сосѣдями-нѣмцами и литвою. Жили они *от великой славы*, подъ сѣнію Софіи, премудрости божіей.

Когда въ Москву пришла вѣсть о приходѣ Мамая и союзниковъ и о томъ, что великій князь рѣшился во чтобы то ни стало оказать сопротивленіе, новгородскіе купцы, бывшіе тогда по дѣламъ въ Москвѣ, немедленно отъѣхали въ Новгородъ, гдѣ рассказали посадникамъ о «приключившейся скорби». Новгородцы, выслушавъ, отправились къ владыкѣ Евфимію и передали ему о нашествіи союзниковъ на Москву. Владыка «возмущенъ сердцемъ», горько заплакалъ и началъ молиться за великаго князя и за все православное христіанство. По окончаніи молитвы онъ спросилъ посадниковъ новгородскихъ, — зачѣмъ же они пришли къ нему. Посадники отвѣчали, что за благословеніемъ, такъ какъ они рѣшили помочь Москвѣ. На это благое дѣло владыка благословляетъ ихъ «съ радостію». Собираютъ вѣче, звонитъ вѣчевой колоколъ, и народъ стекается на владычній дворъ. Глашатаи водворяютъ тишину, и Евфимій произноситъ народу рѣчь, въ которой побуждаетъ Новгородъ оказать помощь великому князю.

На утро всѣ уже изготавились. Выбрано было шесть воеводъ «крѣпкихъ и мудрыхъ» и приготовлено 40 тысячъ войска. Мѣстомъ, гдѣ собраться, указано дворще у святого Николы. Передъ отправленіемъ владыка служитъ молебенъ, освящаетъ воду и обращается къ предстоящимъ со словомъ

---

1) Это одно заявленіе должно показать, что появленіе этой повѣсти должно быть отнесено ко времени значительно позже 1480 года.

ободренія. Всѣ горять желаніемъ умереть за святое дѣло. Войско, напутствуемое архіепископомъ, выходитъ изъ города, «яко златопарніи орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости». Когда новгородцы подошли къ Москвѣ, имъ сообщаютъ, что великій князь уже выступилъ на Коломну. Туда двигается и новгородское войско, отрядивъ сначала вѣстниковъ къ Дмитрію. Великій князь умиленъ и пораженъ, — вѣстники застали его у заутрени, — и посылаетъ витязей на встрѣчу новгородцамъ. Блестя вооруженіемъ, новгородское войско подходитъ къ Коломнѣ; великій князь приглашаетъ воеводъ къ себѣ «хлѣба ясти». Воеводы «пріидоша и поклонишася великому князю». Дмитрій устраиваетъ пиръ и посылаетъ извѣщеніе о приходѣ новгородской силы въ Москву къ Кипріану и Евдокію.

Вступленіе этой повѣсти содержитъ печальныя воспоминанія о былой славѣ Новгорода. Можетъ быть авторомъ этой повѣсти былъ новгородецъ, развившій въ цѣлое сказаніе прежнее упоминаніе о приходѣ новгородской силы къ Дмитрію. Въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія объ этомъ фактѣ упоминалось кратко, въ Повѣданіе, какъ извѣстно, также вошла небольшая замѣтка о приходѣ новгородской помощи. По времени составленія разбираемая повѣсть относится къ позднѣйшему времени: о прежней свободѣ говорится, какъ о чемъ-то давнопрошедшемъ, Москва въ сознаніи автора явно первенствуетъ, воеводы стоятъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ московскіе бояре царскаго періода, наконецъ самое имя владыки новгородскаго — невѣрно: во время Куликовской битвы въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Алексѣй (1360—1388); въ числѣ новгородскихъ іерарховъ находятся два Евфимія, занимавшихъ катедру одинъ вслѣдъ за другимъ между 1424—1458 годами¹⁾, но отношенія къ эпизоду они никакого не имѣютъ. Имя Евфимій — нерѣдко въ спискахъ Сказанія: очень часто оно замѣняетъ настоящее имя коломенскаго епископа — Герасимъ. Если бы повѣсть была

1) Строевъ. Списки іерарховъ. СПб. 1877.

составлена раньше XVII вѣка, то она попала бы въ списки 3 редакціи, но ея тамъ не находится, поэтому нужно предположить, что она современна составленію всей 4 редакціи.

Кромѣ этихъ трехъ самостоятельныхъ повѣстей, характеризующихъ 4 редакцію, въ послѣдней находятся еще двѣ вставки, представляющія дальнѣйшее развитіе намѣченныхъ эпизодовъ. Собственно, и вставныя повѣсти имѣли тенденцію разъяснить то, о чемъ глухо говорилось въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія. Ту же цѣль преслѣдуютъ и указываемыя вставки:

1) Какъ извѣстно, великій князь, рѣшившись дать отпоръ Мамаю, посылаетъ въ Боровскъ за своимъ братомъ, княземъ Владимиромъ. Разговора между братьями въ предыдущихъ редакціяхъ нѣтъ; въ разбираемой же вставлена цѣлая бесѣда братьевъ. На вопросъ Дмитрія, слышалъ ли Владимиръ о предстоящей напасти, тотъ произноситъ отвѣтную рѣчь, въ которой указываетъ, что за единодушіе войска онъ ручается, потому что всѣмъ «надлежитъ умереть» за православную вѣру, за святыни церкви и «за тебя, государя». Дмитрій пораженъ такой горячей любовью брата, благодаритъ его и обращается съ молитвой къ Богу.

Это распространеніе вытекаетъ изъ указанной выше точки зрѣнія 3 редакціи, настаивавшей на изображеніи между братьями горячей любви и дружбы.

2) Для того, чтобы войско собиралось на Москву — великій князь разсылаетъ по всѣмъ городамъ грамоты. Текста этихъ грамотъ предыдущія редакціи не приводятъ; четвертая заполняетъ этотъ пробѣлъ и приводитъ текстъ, составленный по образцу обыкновенныхъ грамотъ XVII вѣка:

«Отъ великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Росіи княземъ и бояромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ и всему войску и всякому безъ обмѣны, чей кто ни есть. Какъ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ часа того лѣзли во единъ день и ночь, а другихъ бы есте грамотъ не дожидались и збиралися бы

всѣ неложно со всей земли на Успенъевъ день пресвятыя Богородицы на Коломнѣ, яко да тамо разберемъ подлинно и дадимъ коемуждо полку воеводу. А сами бѣ есте грамоты посылали промежъ себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ, лѣта 6889-го году, мѣсяца августа въ 15 день».

Дальнѣйшіе случаи вставокъ и дополненій относятся уже къ разряду риторическихъ распространеній текста и будутъ указаны мною при характеристикѣ списковъ.

Третьей особенностью 4 редакціи является *раздѣленіе повѣсти на главы, носящія каждая особое названіе*. Стремленіе давать названія отдѣльнымъ эпизодамъ замѣчалось и въ спискахъ 3 редакціи, но тамъ оно проводилось далеко не послѣдовательно. Тѣмъ не менѣе я выше отмѣчалъ развитые на главы списки Сказанія и усматривалъ въ нихъ какъ бы переходъ къ 4 редакціи. Въ послѣдней дѣленіе на главы — непремѣнный признакъ, почти всегда заглавія писаны киноварью, иногда они выдѣлены въ особое оглавленіе. Если же встрѣчаются списки 4 редакціи съ неполнымъ количествомъ заглавій, то причина лежитъ въ перепискѣ: для киноварнаго заголовка оставлялось мѣсто, но потомъ его позабывали заполнить, оставляя часто одно только «О . . . »¹⁾.

Всего лучше сохранилось это дѣленіе на главы въ спискахъ: Толстовскомъ II, 140 и Казанскомъ лѣтописцѣ, № 1516. Въ Толстовской рукописи я и приведу оглавленіе, выдѣленное въ этомъ спискѣ особо:

Сказаніе главамъ настоящия книги сия, глаголемыя Мамаева побойща, о многихъ силахъ его.

1. О нахожденіи безбожнаго царя Мамая со многими силами на рускую землю.
2. О превѣзненіи великія рѣки Волги.
3. О резанскомъ князи Олги.

---

1) Примѣры такихъ недописанныхъ заголовковъ можно встрѣтить въ напечатанномъ Тихомировскомъ текстѣ.

4. О посланіи князя Ольга къ царю Мамаю.
5. О литовскомъ князѣ Ольгердѣ.
6. О посланіи князя Ольгерда къ царю Мамаю.
7. О возвѣщеніи вѣстниковъ великому князю Дмитрію Ивановичу московскому и всея Руси, яко идетъ царь Мамай на Русь ратію.
8. О моленіи ко Господу Богу великаго князя Дмитрія.
9. О посланіи даровъ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ зъ Захариемъ ко царю Мамаю.
10. О первой стражи.
11. О второй стражи.
12. О пришествіи Захаріи ко царю Мамаю во Орду.
13. Посланіе отъ царя Мамаи къ великому князю Дмитрію Ивановичу.
14. О посланіи грамотъ православнаго великаго князя Дмитрія Ивановича по всѣмъ градомъ.
15. О приѣздѣ многоаго войска на Москву.
16. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь.
17. О благословеніи преподобнаго Сергія великаго князя Дмитрія Ивановича итти противу безбожнаго царя Мамаи и о подани двою воинъ въ помощь иноческаго полка Александра Пересвѣта и брата его Андрея Ослебятю.
18. О моленіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ и многимъ святымъ.
19. О благословеніи митрополита Кипріяна великаго князя Дмитрія итти противу царя Мамаи.
20. О походеніи изъ Москвы великаго князя Дмитрія противу безбожнаго царя Мамаи.
21. О пришествіи великаго князя Дмитрія на Коломну.
22. Повесть о мужехъ новгородскихъ великаго Новгорода.
23. О пришествіи новгородцовъ на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

24. О раздѣленіи полковъ и учиненіи коомуждо полку воеводы.

25. О третьей стражи въ Поли.

26. О раскаяніи Ольга, князя рязанскаго.

27. О раскаяніи Ольгердове, князя литовскаго.

28. О двою братехъ Ольгердовичехъ.

29. О сошествіи купно обою брату на Северу со всіми силами.

30. О пришествіи Ольгердовичей на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

31. О прехожденіи за Донъ реку всего войска.

32. О уряженіи полковъ изнова и о въданіи воеводъ и о многомъ извѣствованіи и о грозномъ семъ побойщи.

33. О раздѣленіи силъ и о западномъ полку.

34. Сказаніе Дмитрія Волынца о примѣтахъ ночныхъ.

35. О видѣніи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

36. О поступленіи на бой великаго князя Дмитрія Ивановича со всіми силами.

37. О преславныхъ святыхъ таянъ и о написанніи посланія отъ преподобнаго игумена Сергія съ благословеніемъ.

38. О снятіи обою великихъ войскехъ и о страшномъ побойщи.

39. О сряженіи Александра черица Пересѣта, иже побѣди отъ татаръ перваго исполина, рекши богатыря, именемъ Таврула.

40. О виденіи, еже нѣкто видѣ отъ воинъ небеса отверста.

41. О исхожденіи изъ дубравы потаеннаго полка князя Владиміра Андреевича и о конечномъ погибленіи поганыхъ божіею помощію.

42. О собраніи войска и обрѣтеніи великаго князя Дмитрія Ивановича.

43. О собраніи и о погребеніи православныхъ христіанъ, на побойщѣ умершихъ.

44. О рассмотрѣніи полковъ и колко побѣжденныхъ православныхъ христіанъ и безбожныхъ татаръ.

45. Сказаніе о злой смерти Мамаева и о тріехъ князехъ его.

46. О посланіи гонца къ митрополиту Кипріану и ко князю Евдокію.

47. О раскаяніи Ольгердовѣ, литовскаго князя.

48. О послѣднемъ прощеніи великаго князя по умершимъ.

49. О походе великаго князя Дмитрія Ивановича въ Дону ко славному граду Москвѣ.

50. О резанскомъ князѣ Ольгѣ, како побѣже изъ городовъ своихъ ко Ольгерду литовскому.

51. О приходѣ великаго князя на Коломну.

52. О приходѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Москву.

53. О пришествіи великаго князя Дмитрія со всеми силами во обитель святыхъ живоначальныхъ Троицы ко преподобному Сергію чудотворцу.

54. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко граду Москвѣ и о дарѣніи князей и бояръ и воеводъ и удалыхъ витязей и всѣхъ воинскихъ и всякихъ чиновъ, коегождо по достоинству.

Это оглавленіе — самое подробное, безъ пропусковъ; въ остальныхъ спискахъ Сказанія число главъ меньше, потому что, какъ я говорилъ, переписчики, заготовлявшіе на скорую руку книгу, позабывали вписать заглавія киноварью или вписывали ихъ не всё.

Наковецъ послѣдней, четвертой, особенностью 4 редакціи является постепенное паденіе поэтической традиціи *Повѣданія* и стремленіе перерабатывать поэтическія формулы на прозаическій ладъ. Имя Софонія совершенно отсутствуетъ въ спискахъ 4 редакціи. Очевидно, *Повѣданіе* было забыто совсѣмъ, и, рѣзавшія прозаическое ухо редактора, вставки обрабатывались или осмысливались по своему. Плохое сохраненіе и измѣненіе

текста отрывковъ изъ писанія Софоніи въ концѣ концовъ привело къ *полному изгатию изъ изъ Сказанія*.

Таковы главные особенности 4 редакцій. Перейду къ характеристикѣ списковъ.

1 группа. Къ этой группѣ принадлежать 2 списка: 1) Тихонравовскій № 337 (напечатанъ въ приложеніи; этотъ списокъ былъ извѣстенъ Тимофѣеву, который почему-то считалъ его древнѣйшимъ и первоначальнымъ) и 2) Публичной Библіотеки О. IV. 46.

Тихонравовскій текстъ, къ сожалѣнію, не вполне исправенъ: есть недописанныя заглавія, предназначенныя для заполнения киноварью, встрѣчаются пропуски, и нѣкоторые выраженія носятъ слѣды позднѣйшихъ поправокъ. Но вообще надо замѣтить, что списки 4 редакцій гораздо исправнѣе, чѣмъ списки третьей.

По сравненію съ третьей редакціей Тихонравовскій текстъ стремится кое-гдѣ нѣсколько *сокращать* основной рассказъ. Такъ, сокращенъ текстъ ярлыка Олега Ольгерду, выпущено указаніе на то, что была послана третья стража¹⁾, отсутствуютъ молитвы великаго князя передъ выступленіемъ изъ Москвы. Вмѣсто этихъ молитвенныхъ обращеній редакторомъ скомпонованъ на основаніи имѣвшагося матеріала новый эпизодъ, гдѣ молитва Богородицѣ вложена не въ уста Дмитрія, а всего народа (подобно всенародному моленію въ Повѣсти о нашествіи Темиръ-Аксака), и гдѣ великій князь изображается молящимся лишь у гробовъ митрополита Петра и своихъ прародителей. Весь эпизодъ сводится, собственно, къ одной молитвѣ:

«Яко дивно страшно видяти і велии чудно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачущесе великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своихъ, кричаще и вопиюще; мужие и жены стекошася во градъ, рыдающе і вопиюще, в церковь пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго

1) Последнее могло быть случайно.

ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пречистыя Богородицы и рекоша: «Помилуй, Владычица, государя нашего великаго князя Димитрея Ивановича, пособствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ наших, яко да ты, Боже, сотвори, елико хоцещи, избави нас от варварскаго пленения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Иисуса Христа, воплотившагося и рождышагося от тебѣ. Не дай, Господи, в разорение града сего поганому сему царю Мамаю, да не осквернит святыя твоя вѣры христіянския и умоли Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будетъ рука ихъ высока, и свою помощь послѣ с ними и нетлѣвную ризу свою, да в ню же одѣмся, да не страшливъ будемъ ранами. На тебя бо надѣмся, Владычица, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Госпоже Богородица, родила еси, аще хоцещи и можещи намъ помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призываютъ имени твоего святаго. Мы же, Госпоже, на твою милость надѣмся противу безбожныхъ печенѣгъ, да будетъ противу ихъ, да будетъ, Госпоже, умоленъ Сынъ твой Тобою и Богъ нашъ».

Значительному сокращенію подверглись также всѣ заимствованія изъ писанія Софоніи. Я уже говорилъ, что въ этомъ — особенность всей 4 редакціи. Мѣстами замѣчается стремленіе низвести поэтическія формулы до прозаическаго пересказа. Напримѣръ: (воины) «успешно грядуть, яко медвенныя чаши пити или ясти хотять до сытости»¹⁾; «обратне, стукъ стучитъ и громъ гремитъ в славномъ градѣ Москвѣ, стучитъ сильная ратъ великаго князя»; «тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и органы гласити и стези ревутъ наволочены у саду Панѣилова». Я не стану приводить примѣровъ, ограничусь указаніемъ на то,

---

1) Ср. ниже: «И приде кождо со своимъ конемъ и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити».

что вообще *есть* заимствования изъ Повѣданія въ разбираемомъ спискѣ или сокращены, или опущены, или выброшены.

Далѣе: выпущенъ рассказъ о посланіи третьей стражи и сокращены нѣкоторые обороты въ рассказѣ о приходѣ Ольгердовичей; но всѣ эти сокращенія не вліяютъ, въ сущности, на измѣненіе эпизодовъ; болѣею частію они встрѣчаются тамъ, гдѣ рассказъ въ остальныхъ частяхъ развитъ полнѣе, чѣмъ въ третьей редакціи.

Что касается распространеній и вставокъ, то онѣ, за исключеніемъ вышеизложенныхъ вставныхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи, сводятся къ обыкновеннымъ риторическимъ украшеніямъ.

Распространена молитва великаго князя послѣ извѣщенія о походѣ на него союзниковъ: «Владыко Господи Иисусе Христе, Сыне безначальнаго Царя, сошедъ с небеси і воплотися отъ пречистыя Дѣвы Маріи нашего ради спасенія і избави насъ отъ работы вражия. І нынѣ, Владыка пресвятыи, призри на смиреніе наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамаи и низложи, Господи, сего злаго, помышляющихъ на святую вѣру твою».

Въ началѣ рассказа о приходѣ ратныхъ людей къ Москвѣ прибавлено: «Людие мнози приспѣша къ великому князю Дмитрею Ивановичю, і вси яко единими усты глаголаху: Соверши Богъ теченіе наше, пострадади имяни твоего ради святаго».

Въ уста пр. Сергію вложены слова: «Поиди, господине княже великии, ко граду своему Москвѣ и прими, аки нѣкое сокровище некрадомое, благословеніе старческое».

Когда коломенскій владыка благословилъ великаго князя, то «вси ідоша в церковь, и туто князь великии многихъ князей і воеводъ звалъ к себѣ хлѣба ясти». Этотъ мотивъ — зова на пиръ — весьма частъ въ разбираемомъ спискѣ.

Подъ вліяніемъ вставной повѣсти о мужахъ новгородцахъ переходъ къ дальнѣйшему изложенію выраженъ слѣдующимъ образомъ: «Князь же великии урядивъ полки по достоянію и учини

коемуждо полку воевод и заповеда всему своему воинству не прикасаться ни х чему *к новгородскому*. И дальше приходъ новгородской силы даетъ себя чувствовать: «... новгородскія же полки *особ стояще чинно*... полки же великаго князя стояще і в трубы гласяще і в варганы биюще». Ниже: «(князь) *прииде к полкомъ новгородскимъ*, они же падше и поклонишася ему до земли. Князь же великій Димитрей Ивановичъ видевъ войско их уряжено по достоянню учреженне их, нарочиты и храбри велии. Князь же великій *подидеся учреженню ихъ и храбрости* и урядив коемуждо полку воеводу».

О новгородцахъ снова упоминается въ главѣ «О раскаяніи Олега, князя рязанского». Олегъ изображается бесѣдующимъ съ «юношами» и боярами. Послѣдніе докладываютъ, «яко приидоша к нему *на помощь новгородцы* со мноюю силою своимъ воинствомъ, ихъ же, сказываютъ, учрежено воинство ихъ и красно велии и храбро зело».

О пришествіи Ольгердовичей великій князь посылаетъ извѣщеніе въ Москву, «наипаче же во обитель живоначалныя Троицы и преподобнаго игумена Сергія, да не когда послушае Богъ ихъ молитвы».

Вообще редакторъ распространяетъ то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ особаго напоминанія или на чемъ слѣдуетъ настоять. Сокращая поэтическія мѣста, онъ въ нѣкоторыхъ формулахъ двоитъ представленія: на мѣсто боя у него приходятъ «волки и лисицы»; съ устья Дона прилетаютъ «вороны и орлы». Или же онъ, желая щегольнуть географическими познаніями, повторяетъ ихъ: «повелѣ царь татаромъ своимъ вооружитися и *Гусинъ брод* черезъ реку брестъ», — о Гусинѣ бродѣ было сказано раньше.

Русскіе войны, бросаясь въ бой, восклицаютъ: «С нами Богъ, разумѣйте языцы и покарайтесь».

Стремленіе распространять молитвенныя обращенія красной нитью проходитъ по всему списку (за исключеніемъ указаннаго выше сокращенія молитвъ великаго князя; но здѣсь цѣль

редактора была иная: заставить передъ такимъ важнымъ походомъ молиться не одного великаго князя, но весь народъ). Такъ еще распространена молитва князя Владимира, одержавшаго окончательную побѣду.

Таковы добавленія разбираемаго списка. Они, какъ видно, не оригинальны, новаго ничего не даютъ, матеріалъ для нихъ подобранъ изъ того же Сказанія, часто неудачно (напр. — слова Сергія о «некрадомомъ сокровищѣ»). Всего болѣе умістны эти добавленія тамъ, гдѣ говорится о новгородцахъ: ими эта самостоятельная повѣсть какъ бы вводится въ общій ходъ разсказа и тѣснѣй съ нимъ соединяется ¹⁾.

Я говорилъ, что 4 редакція развилаь изъ первой черезъ списокъ, близко подходившій къ списку У третьей редакціи. Тихонравовскій текстъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, но на процессъ сложенія его такъ или иначе вліялъ списокъ, восходящій къ списку Т третьей редакціи. Я уже упоминалъ объ интерполяціи «Григорія Капустина». Но и кромѣ этой вставки разбираемый текстъ мѣстами представляетъ чтеніе, сближающее его именно съ текстомъ типа Т. Эта близость всего болѣе замѣтна въ концѣ повѣсти.

Рѣчь бояръ великому князю, въ которой они ссылаются на житіе Феодора Тирона, и отвѣтная рѣчь великаго князя, ставящаго въ примѣръ мученіе преподобнаго Ареѣы — изложены вполне такъ же, какъ въ Т.

Одинаково съ послѣднимъ изложено все описаніе боя: разбираемый списокъ, сокращая поэтическія формулы, здѣсь приводитъ ихъ полностью, безъ измѣненій сравнительно съ текстомъ Т. Даже такая фраза: «Уже возмѣяс хвала на хулу і вержеся диво на землю», находящаяся въ спискахъ 3 редакціи, зависящихъ отъ Т — здѣсь на лицо, тогда какъ, повторяю, поэтическія мѣста въ остальномъ сильно сокращены.

1) Только вліяніемъ этой повѣсти можно объяснить перемѣну имени коломнскаго епископа: Герасимъ — во второй, Геронтій — въ третьей, адѣсь онъ названъ Евфимій, такъ же, какъ въ повѣсти о мужахъ Новгородцахъ.

Описаніе бѣгства Мамая, призывающаго на помощь своихъ боговъ, погони за ними русскихъ, рассказъ о томъ, кто когда и какъ видѣлъ великаго князя въ сѣтѣ, объѣздъ побойща, исчисленіе убитыхъ — вообще все окончаніе Сказанія изложено вполне сходно съ Т.

Со словъ: «Прииде же вѣсть в славный град Москву мѣсяца сентября въ 11 день на память преподобныя матери Феодоры Александрейския»... начинается заключеніе, развитое по схемѣ У и восходящее, какъ я говорилъ, къ заключенію 1 редакціи по Никоновской лѣтописи. Списокъ кончается рассказомъ о судьбѣ Мамая, общимъ съ предыдущими редакціями.

2) Слѣдующій списокъ этой группы, восходящій къ концу XVII — началу XVIII в., — Публичной Библіотеки О. IV. 46. Заглавіе написано кинноварью: «Начинаема повѣсть о Мамаевѣ побойщи, како благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской побѣдилъ нечестываго царя Мамая со всеми его агаряны за рекою Дономъ». Начало сходно съ Тихоцаровскимъ: «Хощемъ, братіе, начать и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны»... Существенныхъ отличій разбираемый списокъ не имѣетъ. Главы также носятъ названія, но по сравненію съ вышеприведеннымъ оглавленіемъ — ихъ меньше. Написаны названія 3, 6, 7, 9—12, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37 и 45 главъ.

Стремленіе къ сокращенію основного текста, упрощенію поэтическихъ мѣстъ замѣтно и здѣсь. Отмѣчу одно, не находящее себѣ соотвѣтствія въ предыдущемъ списокѣ: «рѣки же выступиша из мѣстъ своихъ и поняло поле, яко многимъ людемъ въ водѣ бродити». Значительно сокращенъ весь рассказъ о судьбѣ Мамая. Искаженіе собственныхъ именъ замѣчается и здѣсь: Борботящъ, Тетюшковъ, Миронъ — вм. Муринъ и т. д. Въ остальномъ — списокъ ничего новаго не даетъ.

Перейду ко второй группѣ.

2 группа. Сохраняя планъ и общее изложеніе 1 группы,

разбираемые списки отличаются, во-первыхъ — болѣе распространеннымъ заключеніемъ. Это заключеніе, рассказывающее, какъ и выше, объ обратномъ походѣ великаго князя съ поля битвы, о приходѣ его въ Коломну, затѣмъ въ Москву, о посѣщеніи обители преп. Сергія, о возвращеніи оттуда и награжденіи участниковъ битвы, обнимаетъ собою 51—54 главы Сказанія.

Во-вторыхъ — интерполяція списка Т: «Григорія Капустина», отсутствующая въ списокѣ У, отсутствуетъ въ спискахъ разбираемой группы.

Въ третьихъ — во 2 группѣ находится вставка въ молитву великаго князя передъ отправленіемъ къ Кипріану: «Яко же бысть в прежнія дни — приде Исакъ на брата своего Якова Израиля, Ияковъ же воста град и рече Исаку: брате, Богъ межю мною и тобою; и шибѣ со града копиемъ и уби его». Я отмѣтилъ выше (при разборѣ 3 редакціи) отсутствіе этой вставки въ Т и присутствіе ея въ У.

Наконецъ — самый планъ второй группы ближе къ плану списка У.

Такимъ образомъ вторая группа списковъ 4 редакціи *развилась изъ третьей черезъ списокъ, непосредственно восходящій къ списку У 3 редакціи.*

Къ этой группѣ принадлежатъ 5 списковъ:

1 и 2) Списки: Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 140 и Румянцевскаго музея, собранія Бѣльева № 1516 (Казанскій лѣтописецъ). Оба писаны скорописью к. XVII вѣка. Текстъ Сказанія въ обоихъ спискахъ вполне сходенъ, количество главъ (54) — одинаково, каждая глава носитъ особое заглавіе (въ Толстовскомъ списокѣ онѣ выдѣлены, какъ указано, въ самостоятельное оглавленіе). Переписчикъ Казанскаго лѣтописца отнесся внимательнѣй къ оригиналу: въ Толстовскомъ встрѣчаются довольно частыя описки. Кромѣ того Толстовскій текстъ случайно не оконченъ — рассказъ обрывается на описаніи объѣзда побойща.

Заглавіе обѣхъ списковъ одинаково: «Сказаніе извѣстно о поганомъ и богомѣрскомъ царѣ Мамае і о многихъ силахъ его, како восхоте плѣнити російскую землю, и похвала благочестивому государю і великому князю Дмитрею Ивановичю московскому і всеа Росіи самодержцу, иже побѣди его за Дономъ рекою на поле Куликове і всю силу его одоле».

Начало обѣхъ списковъ близко къ У: «Хощемъ, братіе, извѣстно повѣдати повѣсть новыя сія побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны и како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи і посрами ихъ суровство, якоже іногда Гedeономъ Мадямы низложи и православнымъ Моисеомъ Фараона побѣди, такоже и аде».

Дальнѣйшее изложеніе по сравненію съ Тихонравовскимъ текстомъ представляетъ, кромѣ нѣкоторыхъ несущественныхъ разночтеній, рядъ *вставокъ*, носящихъ характеръ распространенія основного текста. Эти вставки я отмѣчу по порядку:

а) Въ описаніи похода Мамая, въ началѣ разсказа: «По малехъ днехъ, по глаголахъ сихъ, злодей перевезеся великую реку Волгу со всею силою, со многими ордами и царми и князми, и бѣ войска его ^{дѣвѣ}и, а послѣ того числа прибыло ^ии ордъ, ^ии князей болшихъ, а ясаулов и самъ числа не вѣдаетъ, да еще три дворы великихъ в полѣ его догониша. И толико бѣ множество войска его, елико в полѣ не вмѣщатися имъ. Царь же Мамай нача ласкати шватов и князей и воеводъ своихъ, глаголя имъ, яко обогатеете рускимъ златомъ. И оттолѣ поиде на Русь царь Мамай и вси князи орднстѣи с нимъ, сердито яко лвы ревуще і яко неутолнимыя ехидны пхающе. И доидоша же до усть реки Воронежа. И видѣ нечестивый царь Мамай, яко невозможно войску его прокормитися на Воронежи, и распусти войско свое и заповѣда всему войску, яко вси вы будете до единого готовы на рускую землю и на князи ихъ и на богатство ихъ, на серебро и на злато, і да не единъ пашутъ хлѣба, но да будите готовы на руския хлѣбы».

Это распространение не ново: въ спискахъ одной изъ группъ 3 редакціи съ подобнымъ перечисленіемъ воинства татарскаго уже приходилось считаться.

б) Въ ярлыкѣ Олега Мамаю: «Мене же, царю, твоего раба Олга резанскаго да пощадить держава твоя. Азъ бо, царю, вельми ти рад и Русь утрашу твоею грозою, и князь Дмитрій и вси рустіи князи зело тебя утрашаютьца. Еще, царю, молю державу твою и жалуюся о обиде своей, и много бо ми зла сотвори князь Дмитрій. Такожде и Ольгерду литовскому: И Олегъ ты хочеть молити и присягу имѣти к тебѣ. Грады наша князь Дмитрій поимал себѣ силно; но ище ти, царю, известно чиню: и не то едино сотворих онъ зло, но имѣнемъ твоимъ о своей обидѣ погрозихъ ему, он же о том не радит; но и горшая ми сотворих и град мой Коломну за себя заграбилъ. И о всем о том молю ти ся, царю, ведомо же буди і се тебѣ колко он мыслить хочеть итти на сретение твое, а вѣдетъ по себѣ орду нѣмецъ, а мы, царю, оба идеве на помощь тебѣ, и онъ утрашитца».

Этотъ эпизодъ, особенно въ концѣ, представляетъ только риторическое многословіе, основанное на повтореніи прежняго матеріала.

в) Послѣ словъ: . . . «и приидоша вестницы и возвестиша великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай со всею силою своею», — вставлена отсутствующая въ Тихоновокомъ текстѣ глава:

7. О возвещеніи вѣстников великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай на Русь ратию.

Князь же великій Дмитрій Ивановичъ сего злаго царя Мамайа приход на ся не вѣдая, ни совокупления с ним Олга резанскаго и Ольгерда литовскаго. И быша у великаго князя Дмитрія Ивановича на то устроены в Поли крѣпкіи стражи: Симеонъ Иродионов сынъ Жидовиновъ, Андрей Симонов сынъ Поповъ, да Федоръ Стремнинникъ Милюкъ и иных удалыхъ витязей великаго князя двора ѿ человекъ. В то ж время, после Илина дни в трѣтій день, князь же великій Дмитрій Ивановичъ у себя на

пиру в набережномъ терему чаши поводитъ за своего брата князя Владимира Андреевича здравие; и в то время пригонилъ ис Поля сторожи Андрей Поповъ и говорилъ великому князю: тако: Нѣсть ти время, великій княже, еже веселитися и сладкихъ медовъ испивати, но нынѣ время есть, еже молитися Богу всемъ, чтобы тебѣ, государю, тихо и безмятежно державствовать. Нынѣ идетъ на тебя, государя, безбожный царь Мамай со многими силами, а нынѣ стоятъ на рекѣ на Воронежи, а мы силу его обѣжали в ѿ дней, и подстерегли насъ царевы сторожи и мене понимали, и царь мене спрашивалъ: вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю, князю Дмитрію, что ся иду к нему гостити со многими силами, а силы моя ѿ орды и ѿ царства, а князей со мною ѿ, опроче полскихъ баловныхъ, а всей силы моя, и послѣ того числа прибыло ѿ алпауты великия со своими двѣма дворами, и тѣмъ я числа не вѣдаю. Может ли мой слуга, а вашъ государь, всѣхъ насъ накормити и одаровати. Мене же царь повелѣ водити по полкомъ своимъ и показывати сосуды бранныя, еже привезли бяху на взятіе рускимъ градомъ, но милостию святыхъ и живоначалныхъ Троицы и молитвами пресвятыя Богородица и преподобнаго игумена Сергія и твоимъ государскимъ счастиемъ азъ убѣжалъ изъ рукъ отъ самого царя и пригони къ тебѣ, государю, с вѣстію».

Разсказъ о пребываніи Андрея Попова у Мамаея находится въ ближайшей связи съ подобнымъ же разсказомъ о нахожденіи въ татарскомъ станѣ Василя Тупика. Послѣдній разсказъ помѣщенъ въ списокѣ 3 редакціи—Ундольскаго № 772. При разборѣ этого списка я указывалъ на этотъ вставочный разсказъ, характеризую его, какъ переходный къ 4 редакціи. Настоящій же эпизодъ является, такимъ образомъ, послѣдующей попыткой разработки мотива о пребываніи русскаго лазутчика въ татарскомъ войскѣ.

г) Послѣ разсказа о раздѣленіи полковъ (24 глава): «И какъ будетъ великій князь на другой странѣ Оки реки и вси князи и воеводы и вся руская земля и сила воинская с нимъ, и повелѣ

князь великій всѣмъ воеводамъ розчести силу его, шмянемъ кождо и подъ которымъ воеводою сколко есть. И разочтоша рускую землю всю, опроче новгородкія, н. Говоритъ бо бѣше тогда первый воевода князь Ѳеодоръ Семеновичъ: подо мною, государь, силы есть, ке. Второй воевода — князь Глѣбъ Брянскій: подо мною силы, ке. Третій воевода — князь Дмитрій Всеволодичъ говоритъ: подо мною силы, сз. Четвертый воевода — князь Михайло Василевичъ говоритъ: подо мною силы, к. Пятый воевода — Тимошей Волуевичъ говоритъ: со мною силы, еі. Шестой воевода — Иванъ Родіоновичъ Квашня говоритъ: со мною силы, зі. Седьмой воевода переславской — Андрей Серпуховской: со мною силы, ві. Осмый воевода — князь Андрей Муромскій говоритъ: со мною силы, гі. Девятый воевода — князь Егорій Мещерскій говоритъ: со мною силы, ді. Десятый воевода — Кононъ Кононовичъ говоритъ: со мною силы, к. А всеє силы съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, у окованные въ доспѣсахъ.

Это перечисленіе также не ново: оно является болѣе поздней обработкой соотвѣтственнаго эпизода, вставленнаго въ списки четвертой группы 3 редакціи.

д) Распространенъ рассказъ о приходѣ Ольгердовичей. Въ началѣ эпизода разбираемые списки прибавляютъ: «Въ той же день гонецъ пригониъ ко Ольгерду Литовскому отъ земли Литовския и привезе къ нему книги написаныя, сицевымъ образомъ писано бысть про его дѣтей, иже хотятъ ити къ великому князю Московскому, да како совѣтовали про прежнему себя два брата, князь Андрей да князь Дмитрій». — Эта вставка является слѣдствіемъ того особаго вниманія, которое вообще удѣляетъ Ольгерду 4 редакція.

Распространено и окончаніе повѣсти объ Ольгердовичахъ, выдѣленное списками въ особую главу: 29. О сошествіи купно обою брата на Сѣверу.

«По малехъ днехъ снидошася два любимая братія Ольгердовичи со всѣми своими силами и видѣвше себѣ возрадовашеся,

якоже иногда Юснѣ съ Веняминомъ, и любезно лобызахуся. И видѣвше у себѣ много войска, изрядны зело, і ради быша. И рече князь Андрей брату своему князю Дмитрію: Колико есть с нами воинскихъ удалыхъ людей храбрыя Литвы. И рече князь Дмитрій: воинскихъ с нами людей удалыхъ, о окованныя рати удалые Литвы, учрежены бо, яко нарочити сопротиво борцы. І совокупившись вместо скоро и поидоша оба из Сѣверска к Дону и наѣхавше великаго князя Дмитрія Ивановича об сию страну Дону на мѣстѣ, глаголемѣ на Черномъ на Беразай, і охавившеся о выяхъ своихъ і великія печали і радости, не вѣдуше, что проглаголати, совокупиша бо ся великіи князи вмѣсто у злаго времени, не рад ниъ бысть самниъ і войску ихъ. Слышавъ же Ольгердъ, князь Литовскій отъ вѣстника своего и розслушавъ посланныя книги отъ своихъ доброхотовъ, что его оба чада пошли на помощь великому князю Дмитрію Ивановичу Московскому, и тако Ольгердъ велии усомнѣвся и помысли в себѣ тако: Х кому азъ поиду на помощь, ко царю Мамаю пошелъ бы, ино ми уже пути нѣтъ отъ великаго князя Московскаго; аще ли поиду къ великому князю Дмитрію Ивановичю, но уже оба сына моя напередъ мене у него есть; но не вѣмъ, что сотворити мнѣ. Глаголюща к нему ближніи его приятели: Прже сего времени сидѣ бысть: сынове на бою главы своя кладутъ напередъ отца своего, а сѣи твои два сына тоже творятъ; аще ли же убьютъ ихъ, то ты самъ спасешия в земли своей Литовской и ихъ грады завладѣши; аще ли пойдешъ къ великому князю, тамо убіенъ будешъ отъ дря Мамаю по пржезреннымъ своимъ книгамъ, посланнымъ къ великому князю, то, что воспріимеши; аще ли царь Мамай одолѣетъ безъ тебя великаго князя Московскаго, то можеши отъ него отговоритися, что великій князь дорогу поодималъ, а изъ своей земли со своею силою выѣхалъ вонъ. Слышавъ же сѣи Ольгердъ Литовскій отъ своихъ пановъ рѣчь такову, возлюбилъ словеса ихъ и глаголаше отъ устъ своихъ сидѣ: Помози, Господи, дѣтемъ моимъ, а не Мамаю.

Въ этой вставкѣ — Ольгердъ опять поставленъ на первомъ планѣ; разсказъ о смущеніи его и разговоръ съ панами есть и

въ Тихонравовскомъ текстѣ, но здѣсь онъ значительно распространѣнъ, особенно въ концѣ, гдѣ, совсѣмъ не кстати, приведено молитвенное обращеніе Ольгерда.

е) Передъ описаніемъ начала боя разбираемые списки вставляютъ *вторичное* указаніе на устройство великимъ княземъ засады въ дубравѣ: «Князь великій Дмитрій Иванович от быстрого Дону на полѣ Куликово къ рѣце Непрядве со всѣмъ войскомъ своимъ, и пришед близ ея, отпусти брата своего князя Владимира Андреевича с половиною силы войска своего вверхъ по Непрядве рѣце в дубраву по прежереченному наказу и с нимъ Дмитрія Волинца».

Списки, какъ указано, сохраняютъ планъ У, гдѣ рассказъ объ устройствѣ засаднаго полка помѣщенъ передъ рассказомъ о примѣтахъ Волинца. Но разбираемые списки, пользуясь, очевидно, для своихъ дополненій различными категоріями списковъ 3 редакціи, помѣстили случайно вторичное упоминаніе о засадномъ полку и въ данномъ мѣстѣ, руководствуясь схемой, восходящей къ списку Т.

ж) Послѣ описанія мглиаго утра боя и указанія на многочисленность собравшейся силы на полѣ Куликовѣ, въ разбираемые списки вставленъ цѣлый эпизодъ, носящій характеръ какъ бы особой повѣсти: «В то же время бо по всемъ градомъ заморскимъ велика гроза бысть, но и в самомъ Царѣградѣ, что земля стонеть. Тогда же царь цареградскій во страсѣ і в недоумѣніи велице бысть і глаголаше: что се будетъ. Рече же ему некто от воинъ его: Аз, царю, видѣл есмь видѣніе за седми дней прежде сего страха: придоша звѣрие бо многіе на овча стада, страшна образомъ, и поядоша ихъ, мало от нихъ овѣць тогда оставися. Тѣ же малые овцы образъ своими устремишася на лвовы стада, и техъ злыхъ звѣрей лвовъ поядоша і до едиаго звѣря. Но аз, царю, про се много мыслихъ, что се есть, таково і чаю, яко велика града побоища на земли будетъ, но не вѣмъ, царю, гдѣ есть».

Эта вставка уже встрѣчалась въ 3 редакціи (списокъ пр. Со-

колова). Мотивъ — стонъ земли, являющійся предзнаменованіемъ кровопролитія — весьма давній. Обработка эпизода шаблонна.

з) Конецъ рѣчи великаго князя передъ воеводами распространень риторически: «Подобаеть убо, братие, нынѣ і мнѣ за православную христіанскую вѣру тако же сотворити, итти противу безбожныхъ и братися с ними. Аз бо воевода болши васъ, и вся сия воздвигхеса мене ради. Приях же от Бога вся благая и нынѣ злая ли не подыму или не хошу претерпеть, і како могу видети вас побивающихъ, а мнѣ стояти і единому спасену быти, но по істиннѣ хошу с вами общую смертную чашу пити і виѣстилице; аще ли вы спасетеса, но и аз хошу с вами спасен быти; аще ли вси умремъ, то едину чашу воспримѣм. І тако нынѣ на противныя враги наша вооружимся силою сѣдящаго на херувимех, сия остальше, ко своимъ гостямъ потягнѣмъ».

и) Весьма много вставокъ и распространеній въ описаніи единоборства Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ. Весь рассказъ выдѣленъ въ особую главу: «О сряженіи Алѣксандра черноризца, рекомаго Пѣресвѣта, іже побѣди от татар пѣрваго богатыря *Таврула*». Безыменный противникъ Пересвѣта въ 4 редакціи носитъ особое имя; 1 группа 4 редакціи зоветъ его *Телебей*. Эпизодъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сильно занималъ редакторовъ: каждый по своему развивалъ и распространялъ его; ниже я укажу на особую передѣлку Сказанія 4 редакціи, гдѣ развитіе эпизода доведено до того, что въ единоборствѣ послѣдовательно принимаютъ участіе Пересвѣтъ и Ослябя, каждый со своимъ противникомъ. Распространеніе въ данномъ случаѣ основано на расширеніи діалоговъ, вставкѣ лирическихъ отступленій и болѣе подробномъ описаніи единоборства.

«Видѣвъ же его Алѣксандръ, рѣкомый Пѣресвѣтъ мнихъ, люботчанин, іже бо в пѣрвомъ полку Владимѣрове Всеволожича, со братомъ своимъ Ослѣбятемъ, да иныя два воина от преподобнаго Сергія. Сіи чернець Алѣксандръ двинуся ис полку своего и шед, рече великому князю Дмитрию: «О великій княже,

видиши ли печенега сего, сїи челоуѣкъ іщет подобна себѣ, но аз хощу с ним видетися оружиємъ, аще же аз не іду противу его, то вси вы імате от него побѣждены быти». Бѣ же на немъ шеломъ великаго ангельскаго образа, возложенъ черны клябукъ со святою схимою, приволакиваетъ же ся і приволоку, сирѣч мантию, отца своего преподобнаго ігумѣна Сергія. Тако же бысть одѣяние і на брате ево Андрѣе Ослѣбяти. І бѣ жалостно і умильно зрѣти на них, но всѣмъ прослѣзятися, взирающе на ангелския образы ихъ. Приемьѣтъ же в руцѣ свої оружие, копие, и молитвы святаго старца Сергія в помощь себѣ призывая. І рече: «Отцы и братія, благословите і простите мя грѣшнаго, и ты, брате мой Андрее, моли за мя ко Господу и послѣвай за мною, да вмѣсте іспиемъ чашу сію». Он же хотя скочити за ним, но удержаше воевода его, бяху бо оба известные богатыри, да не вскорѣ бы остати. Рече же мнихъ Алѣксандръ сицѣ: «Братія моя, князи руския, зрите сего подвига, аще кому Богъ пособит і риза его свергъ драгой ризы». І по сих словесех речѣ Пересвѣтъ чернецъ конечное слово: «О преподобне отче Сергіе, помози своими святыми молитвами». І напусти к татарину оному, якоже стрѣла из лука, излегъ по коню своему с копиемъ. Поганы же пѣчѣнх он також устремис противу его. Христиане же вси кликнуша: Боже, помози рабу своему пѣрвому воину. І ударихася копиями і преломихася копия ихъ, і падоша оба с коней своих, яко нѣ возмогоша кони силни здержати ихъ на собѣ, но падши прже их умроша. Они же воставши на земли, схватишася под пазухи, оба сами собѣ ударихася скоро о землю, яко земля погремѣти от них же. І ту не возмогоша ни един от единого востати от земли, но вкупѣ умроша, токмо Пересвѣтъ над поганымъ лѣжитъ і всего разразив его, и край мантии старьческой свергъ печенега покрыта бысть, а самъ Пересвѣтъ цѣлъ есть, нигдѣ язвы не прим. И от сего мнози уразумѣша — верху великаго князя быти над татары, еже и послѣди бысть».

Безхитростное распространение эпизода въ стилѣ устныхъ

разсказовъ имѣло отчасти мѣсто въ 3 редакціи. Желаніе присоединить Ослябю, совершающаго также «подвигъ добрый», заставило редактора разбираемыхъ списковъ вставить эпизодъ и объ этомъ извольникѣ пр. Сергія, гдѣ народно-поэтический складъ еще болѣе замѣтенъ: «І тако Ослябя чернецъ скоро выскочи из полку перваго с палицею желѣзною, ударися на всю силу татарскую і окружи их, бия палицею, и выскочи от них и паки поскочи в силу, і к тому не видаху его, колико бив татар і гдѣ како умрѣ, но послѣжде токмо мертвых *ноби улицами*, і в татарех познаша его, яко бѣз числа пребивъ ихъ. Также все войско, видѣвше сян, ударিশася по конемъ своимъ». . . (дальше — обычная картина боя).

і) Наконецъ, сравнительно съ предыдущей группой, разбираемая вставляетъ въ разсказъ о бѣгствѣ татарскаго войска извѣстную уже и раньше, по спискамъ 3 редакціи, вставку изъ Повѣданія, въ поздней обработкѣ: . . . «побѣгоша в полѣ неуготованными дорогами и даша татарове плещи свои на раны и побѣгоша в лукоморие, скрѣгчюще зубы своими и деруще лица своя і рекуще сицѣ: Уже намъ, братия, в земли своей не бывати, а катунь своих не трепати і детей своих не видати; а трепати намъ сыра земля і цѣловати намъ зелѣная мурава. А на Рус нам ратию не ходити і выходовъ нам на рускихъ князей не имати. І уже стонала татарская земля, нынѣ же бѣдами и тугою покрывася, юннымъ царемъ хотение і царемъ похвала на рускую землю. Уже сынове русиі разграбиша доспѣхи на них і разхватиша волы і велбуды і вино і сахаръ, іное доброе узороче, камки и отласы и бархаты, руския уже жены възплѣскавши татарскимъ златомъ».

Таковы главнѣйшія дополненія разбираемой группы противъ первой. Матеріалъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не новъ: это или эпизоды, имѣвшіе мѣсто въ различныхъ группахъ 3 редакціи, преимущественно въ тѣхъ, которыя я отмѣчалъ, какъ переходныя къ четвертой, или риторическія распространенія въ современномъ составленіи редакціи стилѣ, или, наконецъ — устные разсказы, записанные съ сохраненіемъ народно-поэти-

ческих приёмов. Четвертая редакция Сказания подходит подъ общее правило для старинныхъ беллетристическихъ произведений: наиболее читаемая повесть съ теченіемъ времени распространяется на счетъ развитія наиболее излюбленныхъ эпизодовъ. Въ данномъ случаѣ, разбираемая группа, сохраняя въ общемъ весьма близкую связь съ первой группой 4 редакціи, продолжаетъ распространеніе тѣхъ эпизодовъ, которые были, такъ сказать, всего болѣе популярны.

Слѣдующей особенностью 2 группы является продолжающееся паденіе поэтической традиціи, — опрощеніе заимствованій изъ Повѣданія. Я отмѣчаю выше стремленіе — придать памятнику однообразный колоритъ прозаическаго повѣствованія. Въ данномъ случаѣ я не стану приводить примѣровъ дальнѣйшаго опрощенія цитатъ изъ Повѣданія; ограничусь лишь замѣчаніемъ, что по количеству — цитаты здѣсь еще малочисленнѣй, чѣмъ въ первой группѣ; тѣже, которыя сохранились, носятъ отпечатокъ стремленія объяснять непонятный поэтическій оборотъ рѣчи, напримѣръ: «стязи подъ ними, аки телѣзи ревуще»; «еловци же шеломов их, аки поломя вогненное пашет, *сиречь говоритъ*»; «вранови и орли и прочая птицы своею рѣчью велики кричащи», и т. п.

Въ слѣдующихъ спискахъ разбираемой группы сохранена одинаковая съ предыдущими схема и удержаны тѣже добавленія. Характеризуются же они нѣкоторыми особенностями, зависящими, главнымъ образомъ, отъ переписки.

3. Списокъ Синодальной Библіотеки № 964, носящій названіе «О древностяхъ Россійскаго государства». Скоропись к. XVII в. Сказаніе помѣщено на л. 259, приче́мъ заглавіе приписано болѣе позднимъ почеркомъ — XVIII в.: «Пове́сть о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ Московскомъ, како побѣдилъ Мамаю царя татарскаго за Дономъ рѣкою». Затѣмъ идетъ основной текстъ: «Начинаема пове́сть о Мамаевѣ побоищи, како благовѣрный великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской побѣдилъ нечестиваго царя Мамаю со всѣми его агаряны. Хощемъ, братіе,

начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христیانомъ... .

Синодальный текстъ тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ, сохраняя, большею частію, тѣ же дополненія, которыми характеризуются оба предыдущихъ списка. Главы также совпадаютъ, но, какъ я говорилъ, вписаны не всѣ: изъ 54 основныхъ озаглавлено 20. (Главы 3, 6, 9—11, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37, 45).

Новаго списокъ не даетъ ничего. Какъ болѣе поздній по времени, онъ искажаетъ собственные имена еще больше: Борботяшъ, Иванъ Давесловъ и проч. Заимствованія изъ Повѣданія незначительны и находятся въ окончательной степени разложенія въ прозу: «Убо, братіе, есть стукъ стучить и яко гром гремитъ в славном граде Москве, шумитъ бо рать Дмитрія Ивановича всеа Россіи злочестивыми (такъ!) dospѣхи». Или: «Тогда възвѣявшу вѣтру, подобно вице (такъ!) широщѣ, воздвигошасъ велицыи, и князи і бояре і дети боярскіе спѣшно грядутъ на кровь, яко на многоценную трапезу, і бѣ тамо видѣти страшно стукъ великъ и громъ». Или: «И мнози враны грающе и сои цокочуще, орлы ж устіе Дону прилетающе, ждуще дня грознаго»,... и далѣе: «а словци шеломов их, аки искры горящаго угля блистаются, и бѣ умильно видѣти и жалостно зрѣти таковыхъ русскихъ князей и удалыхъ храбрыхъ витязей уряженіе и литовскихъ полковъ собраніе». Упрощены — формула боя, счетъ побитымъ, который ведетъ Михайло Александровичъ.

Относясь ко 2 группѣ, разбираемый списокъ имѣетъ, конечно, и характерный конецъ. Словами: Великій ж князь Дмитрій Ивановичъ всеа Россіи возвратися в славнѣйшій градъ Москву и прииде на престолъ свой, радуяся і славя Бога о побѣде враговъ своихъ, и поживе прочее время живота своего мирно и безмятежно, благодаря всемогущаго в святѣй Троицы славимаго Бога, иже таковую побѣду даровавшаго на злохулящія враги своя, ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» — кончается Сказаніе.

4. Списокъ Тверскаго Музея № 3146, историческій сборникъ скорописью к. XVII вѣка. Сказаніе начинается на 265 об. листѣ: «Лѣто змѣне году. Сказаніе о Донскомъ побѣдѣ і похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, с Мамаемъ царемъ і о чудесахъ преподобнаго Сергія». Начало (какъ и вообще въ спискахъ 2 группы) ближе къ У: «Хощемъ начати, братіе, повѣсти новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны»... Заглавія отмѣчаются въ 21 случаѣ: носятъ названія главы: 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 15, 22, 24, 26—29, 33—37, 40, 41.

Текстъ близокъ къ предыдущему, мѣстами замѣчаются лишь нѣкоторыя сокращенія. Отличительной особенностью списка является то, что онъ былъ списанъ съ лицевой рукописи, и подѣисы подъ миниатюрами введены въ разбираемый текстъ. Я отмѣчу эти вставки, имѣющія характеръ интерполяцій:

- 1) Князь Олгирдь спрашиваетъ посла своего Бартяша про Мамаю царя.
- 2) Татарове же связанные стоятъ предъ великимъ княземъ.
- 3) Князь же великій прикладываетъ у гроба Петрова.
- 4) Великая же княгиня Евдокѣя во златоверхомъ теремѣ набережномъ сидитъ на рундукѣ, спшибши руки, слезы льющесе отъ очю.
- 5) Новгородцы же звонятъ въ вѣчный колоколъ.
- 6) І воятся ратъ великаго князя.
- 7) Олегъ резанскій сидя кается, витязи предъ нимъ стоятъ.
- 8) Олегъ на боярей своихъ сердитуеть.
- 9) Вѣстницы же придоша ко князю Дмитрию і вѣдаша отъ брата его отъ князя Андреа послание.
- 10) Войско великаго князя Донъ перевозится.
- 11) Князь великій цѣлуеть посланники чернѣцовъ.
- 12) Бой. Ступишася полки великаго князя с татарскими бьющесе крѣпко между Дону і дву рѣкъ.

Всѣ эти названія миниатюръ вписаны въ текстъ Повѣсти, не смотря на то, что этимъ нарушенъ логическій смыслъ разсказа.

Что касается поэтическихъ вставокъ, то разбираемый списокъ хотя и сохранилъ ихъ больше, чѣмъ предыдущій, но

паденіе поэтической традиціи замѣчается и здѣсь въ полной силѣ. Заключение списка развито по схемѣ У.

5) Списокъ Публичной Библіотеки Q. XV, 27. Текстъ Сказанія несправенъ: благодаря, во-первыхъ, случайному дефекту въ повѣсти не достаетъ начала и конца; во-вторыхъ — замѣтно весьма небрежное отношеніе писца къ работѣ (въ этомъ отношеніи рукопись походитъ на нѣкоторые списки 3 редакціи): писецъ не давалъ себѣ труда объяснить почему-либо непонятное мѣсто и писалъ: «рече Захарей яко царю Мамаю»; «начат збирати от двора своего от юныхъ *іестеров* и з ратею наша довольно супа умоумъ, именемъ Захарію *Туттеева*»; «вели *стсти* в мои *кружници*, а твои *изволници*» и т. д.

Слѣшное отношеніе писца къ работѣ сказалось еще въ томъ, что онъ, не замѣчая, списывалъ Сказаніе съ рукописи, имѣвшей перебитые листы. Поэтому, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ, путаница: «И рече имъ князь великій Дмитрей Ивановичъ: братія моя милая, якоя потребы приидосте ко мнѣ великій *хощеши* крѣпко войско держати, и то повелѣ Донъ реку возитца». . . И ниже: «Князь же великій повелѣ войску своему Донъ реку *возитися*, они *ж* *приклоняютъ* суетная и сотвореніе дѣлъ, да что же воздадимъ ему противъ такового прошенія». Путаница продолжается и послѣ разсказа объ Ольгердовичахъ: въ описаніи перехода черезъ Донъ: «И рече жъ к нему Волгердовичи князи литовскія, аще *юсподине* княже *яко* *приближуются* поганыя тотарове, и многи же сынове рустіи *возрадовашася*».

Небрежное отношеніе писца видно всюду: вм. «Меликъ» онъ пишетъ «Малинь», вм. «Бренку» — «Бронскому» и проч. Этотъ экземпляръ Сказанія, какъ и вышеуказанные въ этомъ родѣ, очевидно, былъ изготовленъ для продажи, на скорую руку.

Остальные 2 списка, собственно, слѣдуетъ поставить особнякомъ, такъ какъ они даютъ основной текстъ 4 редакціи въ сокращеніи. Относить ихъ всецѣло, поэтому, къ 1 или 2 группѣ нельзя. Списки эти слѣдующіе:

1. Напечатанный Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, принадлежавшій кн. Оболенскому. Текстъ вначалѣ весьма сходенъ съ текстомъ 3 редакціи (печатная группа по моему дѣленію), но вставныя повѣсти, характерныя для 4 редакціи, въ немъ — на лицо, хотя и сокращены: такова повѣсть о Бортешѣ («Боширща» — въ спискѣ), о новгородцахъ и проч. Заглавія выпущены, нѣкоторые эпизоды — сокращены, и эти то сокращенія приближаютъ списокъ нѣсколько къ 3 редакціи (поэтому Снегиревъ и поставилъ его въ число вариантовъ списка Тимковского).

2. Списокъ Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 237. Сокращеніе Сказанія здѣсь еще сильнѣе, причемъ сдѣлано опытной рукою. Съ первыхъ же строкъ повѣсти это сокращеніе замѣтно: «Сказаніе, како приходилъ на Русъ безбожный царь Мамай на великаго князя Дмитрія Ивановича московскаго. Вложи ему дьяволъ въ сердце, како пленилъ рускую землю царь Батый, Киевъ и Володимерь и всю словенскую землю. И говоритъ своими богоотступники зъ думными мурзами: царь Батый грады разорилъ, а веры не разрушилъ, а язъ поиду на Русъ, грады разорю и веру разрушу, а вы будите готовы на рускіе хлебы. И присовокупи себѣ многіе орды, и поидежъ окоянный на Русъ, ратуя, яко неутомимая ехидна. И доиде устья реки Воронежа и распусти свою силу. Слышавъ же то Олегъ». . . Затѣмъ слѣдуетъ сокращенное изложеніе ярлыковъ союзниковъ, разсказа о Бортешѣ, разговоровъ великаго князя съ Кипріяномъ (выпущена его поучительная рѣчь о Василии великомъ), посольства Захаріи «Тучкова», текста грамоты Дмитрія по городамъ, похода къ Троицѣ, выступленія (нѣтъ молитвъ). Сокращены повѣсти о мужахъ Новгородцахъ и о приходѣ Ольгердовичей, описаніе боя, разсказъ о нахожденіи великаго князя и далѣе — все окончаніе, развитое по схемѣ У. Поэтическія мѣста или выпущены, или обращены въ прозу. Напр.: «И рече болшей братъ князь Андреи Олгердовичъ: зберемъ мы, брате, дружину, храбрую Литву и запороженъ, и сядемъ на свої на добрые кони и посмотримъ

тихова Дону, изопьем из него шелоном своим студёные воды и поидем на помощь великому князю».

Оригиналъ этого списка имѣлъ заглавія, но редакторъ ихъ или опускалъ или вписывалъ въ строку, вмѣстѣ съ общимъ изложеніемъ.

Редактору не удалось послѣдовательно провести сокращеніе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе сжато до неясности, тѣмъ не менѣе, какъ самостоятельное и въ общемъ довольно хорошее сокращеніе 4 редакціи, списокъ этотъ необходимо выдѣлять, какъ попытку самостоятельной обработки Сказанія.

По отношенію къ 1 группѣ вторая характеризуется, слѣдовательно, рядомъ добавленій, матеріалъ для которыхъ она собираетъ, такъ сказать, изъ списковъ нѣкоторыхъ группъ 3 редакціи, въ которыхъ я отмѣчалъ постепенное накопленіе разнородныхъ эпизодовъ. Отмѣченные эпизоды 2 группы 4 редакціи не блещутъ новизною: это передѣлка уже готоваго матеріала.

Вводя новыя добавленія, вторая группа стремится, повторяю, совершенно освободиться отъ поэтической традиціи. Взамѣнъ ея развивается многословность, въ ущербъ содержанію, вводится большее количество дѣйствующихъ лицъ, двоятся эпизоды, замѣчается стремленіе еще болѣе отгнать самое интересное, причемъ приемы поражаютъ своей наивною. Характернымъ примѣромъ такого вообще изложенія Сказанія является его особая передѣлка, находящаяся въ сборникѣ Публичной Библиотеки Q. XVII. 209. (См. Приложенія, стр. 129). Редакторъ этой передѣлки, держась въ общемъ плана 4 редакціи, сокращаетъ фактическую сторону, замѣняя ее ни на что не нужнымъ многословіемъ (особенно въ повѣстяхъ о Захаріи, Ольгердовичахъ) въ стилѣ позднѣйшаго повѣствованія; вводитъ множество діалоговъ, вставляя, напр., цѣлый разговоръ Ольгердовичей съ великимъ княземъ, заставляя стражей являться къ Дмитрію съ «нарочитымъ языкомъ» дважды, чтобы произнести рядъ рѣчей. Къ найденному великому князю Владимиръ также обращается съ рѣчью, нескладно имитируя акаанствъ.

Стремленіе вводить новыя собственныя имена (при портѣ основныхъ) доведено здѣсь до курьезовъ: Сергіемъ былъ данъ великому князю «Андрей Ослята», а Іаковъ Ослебя, оказывается, былъ посланъ въ свое время на сторожу въ Поле. Многіе эпизоды передѣланы вовсе изъ стремленія редактора умножать впечатлѣніе. Въ разсказѣ о примѣтахъ великій князь слушаетъ землю самъ, причемъ стонъ земли сравнивается: 1) съ плачемъ вдовицы; 2) дѣвичьимъ плачемъ; 3) со свирѣлюю; 4) съ плескомъ гусей и лебедей. Волянецъ объясняетъ всѣ эти впечатлѣнія: 1) оказывается *землей еминской*, 2) — «наша» земля литовская; 3) — русская и 4) — земля *рязанская*. Еще обращу вниманіе на подобное разложеніе сюжета въ разсказѣ о единоборствѣ: Александръ Пересвѣтъ выѣзжаетъ противъ богатыря-печенѣга, именемъ Таврула, но спутникъ Пересвѣта — Андрей Ослята, въ свою очередь, вступаетъ въ единоборство съ Телебеемъ, другимъ богатыремъ татарскимъ. Изложеніе второго единоборства — то же, что и перваго; редакторъ самъ скорѣй забываетъ объ этомъ раздвоеніи, и далѣе говоритъ только о Пересвѣтѣ. Къ числу такого раздвоенія представленій отнесу еще: вышѣ отмѣченный разсказъ о привозѣ языка татарскаго, повторяющійся дважды, и указаніе на то, что великій князь укрѣпился не только хлѣбомъ, посланнымъ преп. Сергіемъ, но и «цѣлованіемъ посланника» святого старца.

Языкъ передѣлки — вульгаренъ, прежняя риторика и поэтическая традиція исчезли, описаній природы редакторъ не понимаетъ (см. описаніе вечера передъ разсказомъ о примѣтахъ Волянца, стр. 154), не поняты и многія старыя слова: татары «ударилъ себѣ *съ плечи*» — вм. плечи и проч. Памятникъ, несомнѣнно, составленъ въ самомъ концѣ XVII вѣка, когда подобная порча текстовъ была не рѣдкость.

Разобранный текстъ, представляя нѣкоторую утритровку передѣлокъ, позволяетъ однако характеризовать вообще всю 4 редакцію Сказанія. Несомнѣнно, здѣсь уже паденіе повѣствовательнаго изложенія Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

4 редакція — поздняя по времени: явившись раньше 1674 года (Синописисъ, какъ будетъ указано ниже, взялъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по 4 редакціи), она не можетъ быть далеко и удалена отъ этого года, всего вѣроятнѣе 4 редакція появилась въ началѣ 2 половины XVII столѣтія: великій князь Дмитрій рисуется въ образѣ вполне сформировавшагося государя всея Руси: «Глава еси ты, государь, всѣхъ главъ земскихъ, государь всеі россиіской земли» — точка зрѣнія указанной выше передѣлки.

Явившись позже всѣхъ остальныхъ редакцій, четвертая собираетъ матеріалъ для дополненія въ предыдущихъ, причемъ нѣкоторыя статьи она фиксировала (характерныя вставки), нѣкоторыя же въ ней — то появляются, то исчезаютъ (2 группа). Нѣтъ, поэтому, руководящей точки зрѣнія, какъ замѣчалось въ предыдущихъ редакціяхъ. Поэтому, нахожденіе 4 редакціи въ Тверскомъ сборникѣ № 3146 среди повѣстей: О началѣ русской земли, О царскомъ ожерельицѣ, Объ Августѣ кесарѣ, О Вавилонскомъ царствѣ, О церкви св. Софіи и О Казанскомъ царствѣ — является нѣкоторымъ недоразумѣніемъ: среди такого стройнаго подбора повѣстей, проникнутыхъ одной тенденціей — по праву слѣдовало бы находиться 3 редакціи Сказанія, а не четвертой ¹⁾.

Не внося ничего своего, порвавъ съ прежней литературной традиціей (причемъ затуманились рельефы), 4 редакція, хотя и распространенная, не могла рассчитывать на популярность и, дѣйствительно, была вытѣснена передѣлкой Синописиса, воспользовавшагося ея матеріаломъ.

---

1) Впрочемъ Сказаніе Тверского Сборника, какъ выше указано, сохраняетъ больше поэтическихъ вставокъ, слѣдовательно — ближе къ 3 редакціи.

ГЛАВА VIII.

Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей.

При разборѣ редакцій Сказанія я отмѣтилъ тотъ фактъ, что каждый переписчикъ являлся въ то же время редакторомъ: такъ сильно списки разнятся между собою. Я указалъ также и на то, что передѣлки эти однако не даютъ возможности раздѣлять Сказаніе на множество редакцій, такъ какъ эти измѣненія прежде всего стилистическаго характера, и всѣ списки, такъ или иначе, могли быть подведены подъ указанныя выше группы.

Но среди повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ есть еще такія, которыя нельзя подвести подъ термины Лѣтописной Повѣсти или Сказанія. Это — вполне самостоятельныя обработки, въ которыя тексты Лѣтописной Повѣсти или Сказаній входятъ только какъ матеріалъ, комбинируемый вполне оригинально. По этому матеріалу, легшему въ ихъ основаніе, повѣсти и могутъ быть раздѣлены на 2 группы:

- 1) стоящія въ зависимости отъ Лѣтописной Повѣсти;
- 2) стоящія въ зависимости отъ различныхъ редакцій Сказанія.

Укажу повѣсти первой группы.

1. *Повѣсть, помѣщенная въ Архангелогородскомъ лѣтописи* ¹⁾.

---

1) Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ русскую исторію отъ 825—1598 года. Москва, 1781.

А. А. Шахматовъ говоритъ, что этотъ лѣтописецъ изданъ, повидимому, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ хранился въ Архангельскомъ архіерейскомъ домѣ. Онъ представляетъ *сокращеніе какого-то лѣтописнаго свода позднѣйшаго происхожденія.*

Лѣтописецъ составленъ, слѣдовательно, не ранѣе XVII вѣка, къ этому времени относится и помѣщенная въ немъ Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ. Текстъ повѣсти представляетъ *сокращенное изложеніе Лѣтописной Повѣсти, но съ добавленіями, по всемъ вѣроятіямъ, взятыми изъ Сказанія типа третьей редакціи.*

Содержаніе этой повѣсти таково:

Мамай собирается въ походъ, съ нимъ бесермены, армены, фрязи, черкасы, ясы, буртасы, мордва, черемисы. Ягайло движается съ жемотью и ляхами. У Мамайской войска 900 тысячъ и 30 человекъ. Кипріанъ благословляетъ великаго князя, а преп. Сергій даетъ Пересвѣта и Ослябю. Войско русское приходитъ въ Коломну, гдѣ его встрѣчаетъ епископъ Евфимій. Здѣсь — смотръ: у Дмитрія — 100 тысячъ, у подручныхъ князей — 200 тысячъ, и Ольгердовичи приходятъ съ 40 тысячами. Передъ тѣмъ какъ переходить Донъ, доспѣваетъ грамота отъ преп. Сергія съ увѣщаніемъ — бороться, и хлѣбецъ богородичный, какъ благословіе. Войско переходитъ Донъ по совѣту Дмитрія Боброкова Волинца, пришедшаго съ литовскими князьями. У Непрядвы — сѣча: «по долямъ кровь течаше, а трупа челоувѣча никако жъ можетъ конь скочити». Бились на 90 верстахъ. Силы русской пало 250 тысячъ, а татарской «по намекамъ четверо». Князь великій раненъ и уклонился съ поля битвы. Находятъ его Дмитрій Сабуръ и Григорій Холпищевъ. Найденнаго князя «омываютъ теплою водою и одѣваютъ». Обѣздъ побоища: среди убитыхъ значатся еще: «Василей Переріевъичъ, Каргаша Михайловичъ и нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Мамай убитъ въ Каѣ за то, что много зла сотворилъ христіанству.

Сказаніе вошло сюда, я говорю, по типу 3 редакціи: имя епископа — Евфимій находится въ спискахъ печатной группы. «Григорій Капустинъ» здѣсь получилъ окончательное право на участіе въ Куликовской битвѣ, и, по аналогіи, къ этому имени прибавлено еще два новыхъ. Редакторъ старался взять изъ Сказанія подробности чисто фактическія, дополняя ими то, о чемъ, по его мнѣнію, глухо говорила Лѣтописная Повѣсть. Лѣченіе раненаго князя и количество войскъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, личныя домышленія редактора, очень неоригинальныя.

2. *Повѣсть Степенной Книги.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, находящаяся въ Степенной книгѣ (степень 12, гл. 6 и 7), представляетъ *распространеніе Житія великаго князя Дмитрія, содланное на счетъ вставокъ изъ Лѣтописной Повѣсти и риторическихъ украшеній съ современномъ составленію стиль.*

Для уясненія процесса составленія Повѣсти я сравню Житіе съ Повѣстью Степенной Книги:

Слово о житіи и о преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя русскаго.	Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по Степенной Книгѣ.
(Новгородская IV л.).	(Глава 6).

Царіе земстїи, слышаще его удивишася и многы страны ужасошася, врази же его взавидѣша ему, живущїи окрестъ его, и наводиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:	Царіе земстїи, слышаще благодарное его мужество и храбрость и великое благоразуміе его, удивишася, врази же его, живущє окрестъ его, позавидѣша ему и навѣтовашє на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:

Дмитрій великій князь себе именуєтъ руской земли царя, и паче честнѣйша тебе славою,	Великій князь Дмитрій московскій себе именуєтъ русскія земли царя, и паче же

супротивно стоить твоему цар-
ствию.

честнѣйшій тебѣ славою, су-
противно стоить царемъ ордин-
скимъ, и твою честь ни во что
же вмѣняетъ.

Онъ же, наваженъ лукавыми
свѣтники, иже христіанскую
вѣру дрѣжаху, а поганыхъ дѣла
творяху; и рече Мамай княземъ
и рядцемъ своимъ: пренму зем-
лю рускую, и церкви христіан-
скыя разорю, и вѣру ихъ на
свою преложю и велю покланя-
тися своему Махмету; идѣже
церкви были, ту ропаты по-
ставляю, и баскаки посажаю по
всѣмъ градомъ рускимъ, а кня-
зи рускыя избію. Аки преже и
Огъ, царь васанескъ, похвалися
на кивотъ заветъ Господня, иже
въ Силомѣ, сице похвалився,
самъ погыбе.

И посла преже себе Мамай
воеводу, поганого Бегича съ
великою силою и съ многими
князми.

Се же слышавъ князь Дмит-
рій поиде въ срѣтеніе ему съ
многою силою рускыя земли, и
сѣступися съ погаными въ ря-
занской земли, на рѣцѣ Вожи,
и поможе Богъ и святаа Бого-
родица князю Дмитрію, а по-
ганыя Агаряны посрамлены

И тако поганый, наваженъ...
(дальше — все сходно до словъ:)

... погыбе самъ преже.

И пославъ безбожный Ма-
май преже себе на Русь ратью
воеводу своего окаяннаго Бе-
гича съ великою силою и съ
многими князи ординскими.

И сія слышавъ великій князь
Дмитрій Ивановичъ... (да-
льше — все сходно до словъ:)

быша, овы изсѣчены быша, а . . . побѣдою, тако Бога на
и ныа побѣгоша; и возвратися помощь призывая, заступаше
Дмитрій съ великою побѣдою, свою отчину рускую землю отъ
и тако ти заступаше рускую поганыхъ противнаго нахожде-
землю, отчину свою. нія.

(Глава 7).

И бестудный Мамай срама Безстудный же . . . похвалив-
исполнися, въ похвалы мѣсто ся со всѣми князи ординскими и
безчестіе прииде ему, и поиде со всею силою татарскою и по-
самъ на рускую землю, похва- ловецкою, наипаче же къ симъ
лився на Дмитрія, исплѣни много рати понаймовагъ, бесер-
сердце свое злаго безаконіа. мены и армены и ерязы и чер-

казы и бургасы. Бяху же тогда
съ Мамаемъ единомысленни
совѣтницы: литовскій князь
Ягайло Ольгердовичъ со всею
силою литовскою и лятскою, и
князь Олегъ Ивановичъ рязан-
скій. И тако окаянный Мамай
разгордися, понеже всею Ор-
дою и царьми владяше, и запо-
вѣда всѣмъ совѣтникомъ своимъ
со всѣми воинствы вкупѣ быти
у рѣки Оки на брезѣ.

Слышавъ же князь Дмитрій Бысть же мѣсяца августа,
и въздохнувъ изъ глубины слышавъ сіа великій князь
сердца къ Богу и къ пречистѣй Дмитрій Ивановичъ иде къ со-
его Матери и рече: борней церкви и проліявъ слезы,

воздыхая изъ . . . и рече:

Господи Боже нашъ, все-
могущый и всесильный и крѣп-
кій въ бранѣхъ, воистинну ты
царь славы и всея твари содѣ-
тель, помилуй ны молитвъ ради

пречистыя твоя Матери и всѣхъ святыхъ твоихъ. Не остави насъ, егда унываемъ, ты бо еси Богъ нашъ, и мы людѣ твои; послѣ руку твою свѣше и помилуй ны, и посрами враги наша и оружія ихъ притупи. Силенъ еси, Господи, и кто противъ станетъ ти. Помяни, Господи, милость свою, юже отъ вѣка имаши на родѣ христіян-стѣмъ.

О пресвятая госпоже, Богородице Дѣво, заступнице и помощнице міру, моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ

И ты, о многопѣтая и пресвятая Царица, госпоже Дѣво Богородице, честнѣйшая небесныхъ чиновъ и всея вселенныя заступнице и прибѣжище міру и всего живота человѣческаго кормительнице. Воздвигни, Госпоже, рудъ свои пречистиі, има же носила еси истиннаго Бога, изъ тебѣ воплощеннаго, его же моли за мя...

буду главу и животъ свой положить за имя Сына твоего и за твое, иная бо помощница не имамъ, развѣе тебе, Госпоже. Да не порадуются враждующіи миѣ безъ правды, ни ркутъ поганіи: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша? Да постыдятся вси являющіи злаа рабомъ твоимъ, яко азъ рабъ твой есмь и сынъ рабы твоея; испроси ми, Госпоже, силу и помощь

... Госпоже. Избави насъ отъ сыроядецъ сихъ, да не...

отъ святаго жилища Сына твоего и Бога моего, на злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, Госпоже, столпъ крѣпости отъ лица вражїа, и възвеличи имя христіанское надъ погаными агаряны.

... врага Мамая;...

... агаряны и посрами вся сопротивныя наша и да разумѣють языцы, яко съ нами Богъ, и того есть слава во вѣки. Аминь.

И призва вельможа своя и вся князи рускыя земля, сущаа подъ властію его, и рече княземъ и вельможамъ своимъ:

И призва вся...

Лѣпо есть намъ, братіе, положить главы своя за правую вѣрную вѣру крестьянскую, да не прїяти будутъ гради наши погаными, ни запустѣють святыя божїа церкви, и не разсѣяни будемъ по лицу всея земля, ни поведени будутъ въ полонъ жены и чада наша, да не томими будемъ погаными по вся дни; аще за насъ умолитъ Сына своего и Бога нашего пречистая Богородица.

... братіе, да идемъ противу сыроядцевъ сихъ, не пощадимъ живота своего, еже положить... крестьянскую, и за святыя церкви и за вся христіаны, да не прїяти...

... по вся дни. И нынѣ, братіе, приспѣ время подвига, потягнемъ мужески, помощницу имущу пречистую Богородицу, и та умолитъ... яко да милостивъ будетъ намъ здѣ и въ будущій вѣкъ.

И отвѣщаша ему князи рускые и вельможи его: Господине

И... его: О велеумный господине...

русскій царю! ркли есмѣ тобѣ
служи животъ свой положить;
а нынѣ, тебе дѣля, кровь свою
прольемъ и своею кровію вто-
рое крещеніе прїимемъ.

...яко же рекохомъ...

...нынѣ же готови есмы
тебе ради за избаву христіан-
скую и кровь свою прольяти,
ею же омыетъ намъ Господь
вся прежде содѣянная нами пре-
грѣшенія.

И воспрїимъ Аврамлю доб-
лесть, помолився Богу, и по-
мощника имуще святителя Пет-
ра, новаго чудотворца и за-
ступника рускыя земля, и поиде
противу погананаго, аки древній
Ярославъ, на злочестиваго Ма-
мая, втораго Святополка. И
срѣте его въ татарскомъ Полѣ,
на рѣцѣ Дону, и съступишася
полци, аки тучи силніи, и блес-
нушася оружія, аки молнія въ
день дождя, ратнии же сѣчахуся
за руки емлющеся, по удолямъ
кровь течаше, и Донъ рѣка
потече, кровью смѣсившеся и
главы татарскыя, аки ка-
меніе валяшеся, и трупья по-
ганыихъ, аки дубрава посѣ-
чена.

Великій же князь Дмитрій
Ивановичъ воспрїимъ Авраамлю
доблесть... (далѣе — по *Ль-
товиской Повѣсти*: приходъ
въ Коломну — переходъ Оки —
писаніе Сергія — переправа —
характеристика князя: О крѣп-
кія и твердыя дерзости...).

...сступишася (*формула боя
посредины раздѣлена вставкой
разказа о видѣніи Бориса и
Глѣба до словъ: И такова
бысть брань зѣльна, яко и по
удолямъ...*).

...посѣчена.

Мнози же достовѣрніи ви-
дяху ангелы божіа помогающа
крестьяномъ. И поможе Богъ
князю Дмитрію и сродници его
святая мученика Борисъ и
Глѣбъ.

Поганіи же сами видѣша три
солнѣчныя полки блистающася,
отъ нихъ же исхожаху на нихъ
пламенные стрѣлы и до конца
побѣжени быша отъ христіан-
скаго оружія.

А оканный Мамай отъ лица Окаянный... (треклятый—
его побѣже; треклятый же Свя- побѣже *нѣтъ*).
тополкъ въ прѣпастъ побѣже;
а нечестивый Мамай безъ вѣсти
погибе. . . . .погибе.

И възвратися князь Дмитрій (Передъ «И възвратися» —
съ великою побѣдою, якоже *риторическая вставка*). И воз-
преже Мойсей Амалика побѣ- вратися... Амалика побѣди,
дивъ, и бысть тишина въ рус- тако же и сей достохвалный и
кой земли. великій князь Дмитрій Ма-
маеву силу побѣди.

Если описаніе Куликовской битвы, вставленное въ *Житіе*, было составлено авторомъ по *Лѣтописной Повѣсти*, то въ разбираемой повѣсти *Степенной книги* матеріаломъ для распространія явился тотъ же памятникъ, который раньше, значить, былъ сокращенъ. Что касается риторическихъ добавленій, то дальше тавтологическихъ оборотовъ и вставки новыхъ эпитетовъ они не идутъ.

Что касается повѣстей второй группы, то онѣ всѣ представляютъ особыя измѣненія редакцій *Сказанія*, измѣненія, основанные или на простомъ сокращеніи основного текста, или представляютъ особую редакторскую работу. Эта работа касается, напримѣръ, переработки всего вступленія, подбора характерныхъ, съ точки зрѣнія редактора, эпизодовъ, опусканія того, что казалось редактору лишнимъ и ненужнымъ. Замѣчательно, что заимствованія изъ писанія Софоніи, почти уже утратившіяся въ спискахъ 4 редакціи, отсутствуютъ *вовсе* въ разбираемыхъ повѣстяхъ: видно, что редакторы сознательно производили эту чистку текста отъ поэтическихъ вставокъ. Выше, при разборѣ списковъ различныхъ редакцій *Сказанія*, я отмѣчалъ списки и сокращенные и такъ или иначе видоизмѣненные. Но считать ихъ отдѣльными редакціями или самостоятельными повѣстями я не могъ потому, что въ нихъ оставался планъ

основного текста, сокращенія были случайны, не проведены послѣдовательно, случайны были и всѣ добавленія и вставки, не касавшіяся вовсе измѣненія характера памятника. Въ разсчитываемыхъ повѣстяхъ — дѣло другое: сокращеніе здѣсь распространяется на весь памятникъ, измѣняя его до неузнаваемости, редакторская обработка — придаетъ ему совсѣмъ особый характеръ. Подводить эти повѣсти подъ какую-либо категорію предыдущихъ редакцій, какъ сейчасъ будетъ указано, невозможно.

1. *Сокращеніе первой редакціи.*

Эта повѣсть, помѣщенная въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея, собранія Ундольскаго № 754, конца XVI и начала XVII в., представляетъ прекрасное сокращеніе текста 1 редакціи Сказанія такъ, какъ оно помѣщено въ Никоновской л. На послѣднюю ссылается и самъ редакторъ: «И се есть писано о семъ в болшемъ лѣтописце, zde ж сокращенно». Въ виду стройнаго характера этого сокращенія, я приведу текстъ цѣликомъ.

О побѣде за Дономъ на Мамая ¹⁾. Воложскія орды нечестивый и гордый князь Мамай всею ордою владающе и многихъ царей и князей изби и постави себе царя по своей воли и паки в Ордѣ своей многихъ князей и алпаутовъ изби, понеже не вверяшеся ему никтоже. Гнѣваше же ся и на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его князя Владимира Андрѣевича и на князя Данила Пронскаго, что избили друзей его и князей и алпаутовъ в резанской землѣ; и о семъ скорбаше и лице свое одираше о срамоте своей. И вознесся в безуміи своемъ гордостью, восхотѣ пленити русскую землю и русскими князи владѣти. И собра воинства много своей Орды, к тому же и наемныхъ людей собра: Орязы, Черкасы, Ясы и иные с нимъ и перевезеся рѣку Волгу со всѣми силами, и приде усть рѣки Воронежа и ту ста и не к тому нарицашеся князь Мамай, но от всѣхъ странъ нарицашеся царь Мамай. Приложиша же ся к царю Мамаю

---

1) На поляхъ киноварью же: «Повѣсть о Мамаеве побоище».

Олег, князь резанскі, и Яганло, князь литовскі, и прислаша к нему послы своя, и сами готовящися со всѣми силами своими Мамаю на помощь, мняще бо великаго князя Дмитрея Ивановича, егда услышит ихъ приложившихся к Мамаю и побѣжит с Москвы в далыне мѣста, а Московское и Владимирское княжение хотяху подѣлити, ово к Вилнѣ, ово же к Резани, и мыслиша у Мамаю и ярлыки побрати и родом своимъ по них. Слышав же сия князь великіи Дмитрей Ивановичъ и з братом своим Володимером Ондрѣевичем, оскорбишася зѣло и пришед, возвѣсти великіи князь преосвященному митрополиту Кипреяну вся сия. Митрополит же Кипреянъ многи утѣшительны словеса изглагола. К сему ж сие рече великому князю: «повѣжь ми, сыне, чимъ еси к нему Мамаю не исправился, и к Яганлу, князю литовскому, и къ Олгу, князю резанскому, каковы обиды сотворил еси?» Великіи же князь рече: «ничто ж, рече, имъ не сотворих и доволен есмь своими предѣлы и чюжихъ не желаю восхщати, а Мамаю, яко ж убо ряд мой есть с ним и по тому уряжению даю ему, и не вѣм, что ради восташа на мя». И глаголя ему митрополит: «и аще тако есть, не скорби, ни смущайся, Господь ти заступник и помошникъ есть, яко Господь правду возлюби и по правдѣ поборает, и правда от смерти избавляетъ. Не просто ж убо дѣйствуй, да не внезапно напрасно искрадут тя, но собирай воинства и послы, да снудутся со всей земли чловѣцы и умножится воинства, и тако не съ единымъ смиреніемъ станеша, но со смиреніемъ и страхъ совокупиши и возразиши и устраиши сопротивляющая ти ся». Князь же великіи отложи скорбь и печал от сердца своего и возложи печал свою на Господа и на пречистую Богородицу и на святаго чюдотворца Петра и на всѣхъ святыхъ и посла по всѣмъ землямъ со смиреніемъ и умилениемъ, собирая вся чловѣки в воинство и творяше милостыню по монастыремъ и по церквамъ страннымъ и нищимъ, а воинству повелѣ совокуплятися на Коломнѣ. Великіи же князь Дмитрей Ивановичъ прииде в монастырь к преподобному Сергію августа въ ѿ день и хотя скоро возвратитися. Преподобныи же

Сергие умоли его ясти у него хлѣбъ в трапезе. «Да дасть ти, рече, Господь Богъ и пречистая Богородица помощь и не у еще снѣ победы вѣнецъ с вѣчнымъ сномъ носити тебѣ есть, прочимъ же мнозѣмъ бесчисленнымъ готовятца вѣнцы с вѣчною памятыю». И испроси великїи князь у преподобнаго Сергия и от иноческаго полку дву воиновъ, дву братьевъ, Пересвѣта да Ослебя, яко смысленны суще воинственному дѣлу и богатыри. Преподобный же Сергие благослови крестомъ великаго князя и всѣхъ князей и бояр и воеводъ, и Пересвѣта и Ослебя и окропи святою водою и глагола великому князю: «Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя». И обвеселися сердцемъ великии князь о прореченїи о семъ и держа в умѣ своемъ и не повѣда никому, кромѣ единому митрополиту, сие исповѣда, еже рече ему преподобный Сергие. И глагола ему митрополитъ: «не повѣжда сие никому, дондеже Господь в благое изведетъ». И бывъ великїи князь со всѣми в соборной церкви, помоляся со слезами предъ образомъ пречистыя Богородицы и у гроба чюдотворца Петра и благословився у Киприяна митрополита, поиде х Коломнѣ з братомъ своимъ княземъ Владимиромъ Анѣдрѣвичемъ и с прочими князи разными дорогами для вмещения. И прииде на Коломну августа въ ѿ день и изрядивъ воеводы полкомъ, перешедъ со всѣми воинствы за Оку рѣку на усть Лопасны рѣки и приказа всему воинству, идучи по резанской землѣ, никто ничего да не возметъ. И повелѣ съести силу свою и быше вяще ꙗко, но печаловаше, яко мало пѣшныя рати с нимъ. Слышавше же князь Олегъ резанскїи и князь Ягаїло литовскїи шествующа великаго князя Дмитрея со многими силами противу безбожнаго Мамаѣ и устрашившесѣ вострепетаху. Еще же к тому повѣдано имъ, яко вооружень бысть преподобнымъ Сергиемъ, и начаша скорбѣти и тужити и не спѣшно шествуя Ягаїло, понеже уже вышелъ быше со всею силою своею к Одоеву, и ту ожидаше, что сотворитца великому князю Дмитрею с Мамаемъ. Тако же и Олегъ не поиде. Приидоша же к великому князю литовскїи князи в помощь — князь Андрѣй Олгердовичъ

полотдкнї со псковичи и князъ Дмитрей Олгердовичъ пронскїи с воинствомъ своимъ. Придоша же к нему и пѣшего воинства много зѣло и купцовъ со всѣхъ земель и градовъ собравшася множество. И изочтоша вѣще ꙗꙋ воинства коннаго и пѣшаго. И по-совѣтовавше, прося у Бога милости, превозошася со всѣмъ воинствомъ за рѣку за Донъ и после себя и мосты разрушивше. Тогда же по вся нощи волцы страшно выюще, и ворони и орли грающе и клечюще по вся дни и нощи, ждуще Богомъ изволеннаго дни кровопролитнаго, толико бо ихъ много, яко со всѣхъ вселенныхъ звѣрие снидошася. В то ж время из литовскихъ полковъ нѣкто Волынецъ, Дмитрей Боброковъ, великому князю показавъ в нощи знаменія многа, на одинъ, яко же есть ему Богъ даровалъ премудрость разумѣти в примѣтахъ на боехъ. Ови же повѣдаша в нощи той великому князю видѣнія, ежъ видѣша помогающихъ ему мученицы Борисъ и Глѣбъ и чюдотворецъ Петръ митрополитъ. И се есть писано о семъ въ болшемъ лѣтописце, zde жъ сокращенно.

Лѣто жъ ꙗꙋ сентября въ ѿ день на праздникъ Рожества пречистыя Богородицы в третїи часъ дни, егда мгла нача отступати, князь великїи со слѣзами ѣздише по всѣмъ полкомъ, окрѣпляя воинство утешительными словесы, глаголя: «Нынѣ, братіе, время, и отцы возлюбленная за православную вѣру и спасенія ради своего подвизатися, станѣмъ крѣпко». И укрѣпивъ, облекъ въ свой царской санъ Михайла Андрѣевича Бренка и внамя свое повелѣ возити надъ нимъ. Тогда жъ придоша к нему посланницы от преподобнаго Сергія со благословеніемъ и съ писаніемъ, глаголюще: «Да будетъ ти Господь помощникъ и пречистая Богородица и чюдотворецъ Петръ». И присла к нему хлѣбецъ пречистыя Богородицы. Князь же великїи съяде хлѣбъ той и помолився, призвавъ Бога и пречистую Богородицу и чюдотворца Петра, тако же и молитвами Кипреяна митрополита и преподобнаго Сергія оградився и въ ѿ часъ дни на Куликове поле, на усть Непрядвы рѣки начаша сступатися передовые полки русскїи съ татарскими. И потомъ выѣде ис полку татарского богатыр

великъ зѣло и съѣхався с нимъ ученикъ святаго Сергія старецъ Пересвѣтъ и ударившася крѣпко и падоша оба на землю мертви, сице ж и кони в томъ часѣ мертви быша. И ужъ ѣ часъ наста, рече князь великнй ко всѣмъ велможамъ и воємъ: «время, братие, пйти намъ чашу за православную вѣру и за всѣ христианство, се мѣсто буди намъ гробъ». И тако сступишася обѣ силы, и бысть сѣча зла, и смѣлися кров, и телеса мертвыхъ христианская с татарскими, и сперва начаша одолѣвати поганнй христианы, и много князей и бояр и воеводов, аки дрeвеса склоняхуся на землю, и самого великого князя с коня збиша, и паки и з другаго язвенна збиша, и притруден велми, едва в дубраву вшед и под новосеченымъ древомъ лежа на землѣ, и пѣшая русская великия рат, яко дрeвеса сломившася і аки сѣно посѣчено лежаху на земли, и великнй стягъ великого князя подсѣкоша, и Михаила Бренка убиша и всѣхъ воевод и слугъ бесчисленно избиша. Въ ѣ часъ дни в дубравѣ потаенный полкъ князь Владимиръ Андрѣевичъ, с нимъ же бысть и мудрый воевода Волынецьъ Дмитрей Боброковъ, стояще плачущеся, видяще христианское воинство избивенно и еще вмалѣ нѣдцы шатающеся по побоищу, а то все поганнй, но ожидающу времени, удержеваше бо ихъ удалымъ воевода Дмитрей Волынець, понежъ вѣтръ сопротивенъ вѣяше. И восплакашася вси муже, девятому часу исходящу, и се внезапно потяну вѣтръ создаи ихъ, понужая изыти на татаръ, и рече Дмитрей ко князю Владимиру Андрѣевичю: «господине княже, часъ прииде». И тако вси изыдоша съ яростию на противныя и божественною помощію и пречистые Богородицы нечестивы увидѣвши, устрашишася и побѣгоша, а христиanye, гоняюще, сѣкоша и до реки до Мечи, и видеша бо ся Мамаю и сущимъ, яко тмочисленныя полки изыдоша из дубравы и гнашася за татары и до станов ихъ и богатство ихъ взяша. И такова убо побѣда бысть молитвами святыхъ, идѣже и не быша христианстнй полцы и тамо татарове избивени быша невидимою силою божіею. Великнй же князь Дмитрей Ивановичъ едва устратися отъ язвъ и повелѣ православныхъ христианы погребати, и

елико измогша и успѣша, погребоша, отгѣвше над ними; а о прочих—Богъ вѣсть. И изочтоша оставшихъ воинствъ христіанскихъ: отъ всего м. Надъ избѣнными же воспѣша священницы же вѣчную памят, таже и самъ князь великій и братъ его и вси вои велимъ гласомъ воскликнуша имъ с плачемъ вѣчную памят. И нѣкто исповѣда великому князю: «азъ, господине князь же, егда бѣ стояхъ в дубравѣ з братомъ твоимъ і в видѣнні, рече, видѣхъ множество бесчисленныхъ вѣнцовъ на избѣнныхъ христіане сходяще». И поиде к Москвѣ князь великій, и слышавъ сѣя вся князь Олегъ резанскій убояся, побѣжа къ Ягайлу, князю литовскому. И прииде князь великій на Москву, благодаря Бога и пречистую Богородицу и святыхъ угодниковъ его, и вси прославиша Бога, давшего таковую побѣду православнымъ христіаномъ надъ погаными. Та же велие благодареніе возда пресвященному Кипрею митрополиту и преподобному Сергію и глаголя, яко вашими святыми молитвами побѣдихомъ измальтянь. И милостыню роздаде многу и пѣти повахиду повелѣ по избѣнныхъ. И тако сяде на великомъ княженіи на своей отчинѣ. Князь же литовскій Ягайло не поспѣ Мамаю на помощь, за 1 верстъ воротився, побеже не пута. Мамай же с остаточными своими не в мнозѣ дружинѣ утече в землю свою и паки собра силу многу на великаго князя Дмитрея Ивановича и двинулся, хотя итти, и се прииде не него с восточныя страны изъ Синіе Орды царь Тахтamyшъ, и бысть имъ бой на Калках, и побѣжденъ бысть Мамай и побеже в Каю и тамо убиенъ бысть. Царь же Тахтamyшъ сяде в Ордѣ Мамаевѣ и царицы и имение его взя и вси князи русскіи послаша к нему в дары.

2. Западно-русская обработка.

Эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная повѣсть (см. Приложенія, стр. 168) носить названіе: «Книга о побойши Мамаѣ царя татарскаго отъ князя владимерскаго и московскаго Дмитрія». Языкъ повѣсти — западно-русскій съ большимъ вліяніемъ польскаго. Полонизмовъ здѣсь больше даже, чѣмъ въ западно-русскомъ сборникѣ XV вѣка, разобранномъ проф. Карскимъ (см.

Сборникъ II отд. А. Н. 65): а) существительныя: владза, змова, привилей, голдовникъ, ерасунокъ, постановене, звятяжество, ушниковане, трубене, споткане, година, шабля, блискавица, личба, герць и др.; б) прилагательныя: лѣпшій, даремный, певный, значный, задный, и др.; в) глаголы: голдовати, замордовать, недбаеть, подяковать, озваймити, звятяжить, волати, пошукивати и др.; г) нарѣчія и союзы: абы, албо, зась, жебы, ведлугъ, рихло, преть, поневажъ, перше, таемне, барзо, леть, завше, пожитечно, ледве и др. Фонетическія особенности—характерны для западно-русскаго языка: аканье: качуетъ, Алгердовичи, полтараста; смѣшеніе *e* съ *и*: гримѣли; *e* вм. *ѣ*: укрепляѣтъ; переходъ безголосыхъ въ голосовые: зъ и пр. Въ морфологiи: пом. *ving.* на *a*: звятяжца (вос. звятяжцо); ген. *king.* на *y*: полку; loc. *ving.* на *y*: ушникованю; пом. *plur.* на *e*: Ольгердовичѣ; ген. именъ прилагательныхъ на *ою*: свѣдомого и т. д. Спряжение—польское по большей части: естемъ, естесь, естесмы, погрозишемъ, мыслилесь, принялисмо, показалисте; 1 лицо *plur.* на *мо*: есмо, пристанмо, ревнуймо, біймося; сложныя формы: взягъ бымъ и пр.

Западно-русская повѣсть представляет *стройное, сжатое и ясное изложене Сказанія, восходящаго къ типу Т 3 редакціи*. Съ Т сближаетъ его: планъ, — повѣсть кончается разсказами о гибели Мамае, судьбѣ Ольгерда и Олега, — и сохраненіе интерполяцій: «Григорія Капустина»: «Далѣй поѣхал, наѣхал черяпа Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря, Григорія Капустина».

Все сокращенное изложене разбито на 12 главъ, передающихъ вкратцѣ содержаніе послѣдующаго изложенія. Содержаніе ихъ таково:

1. Повѣсть о царехъ татарскихъ, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевома въ рускую землю на великого князя Дмитрія.

2. О змовѣ злой князя резанскаго Олга зъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ на князя московскаго Дмитрія и о поселствахъ ихъ до царя татарскаго Мамае.

3. Князь Дмитрій Ивановичъ молится и раду чинить на Мамаю з митрополитом и зъ своими князи о змовѣ тежъ князей Олга и Олгерда и Мамаевомъ замыслѣ довѣдавшись, збираетъ своихъ князей, гетмановъ и войска.

4. Князь Дмитрій принимать благословение отъ святаго Сергия в манастирѣ живоначальныя Троицы и пророчество о звитязствѣ над татарами.

5. О выправѣ и выходе з Москвы князя Дмитрія на войну противъ царя татарского Мамаю.

6. О посланью сторожовъ отъ князя Димитрія, о ерасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну князя Димитрія и о пристю Олгердовичовъ князей на помощь князю Димитрію.

7. О взятю языка Мамаевого отъ сторожей князя Дмитрія, о радѣ его зъ князями и ошукваню зъ обонхъ сторонъ войскъ и о укреплєннѣ войскъ отъ князя Дмитрія и о молитвѣ его.

8. О примѣтахъ слынныхъ и о видѣннѣ явленномъ, з которыхъ звитязство князю Димитрею пророковано над Мамаемъ и о молитвѣ великого князя.

9. О поставленнѣ отъ князя Дмитрія Михайла вмѣсто себе, о листѣ отъ святаго Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханю на герць з татаринномъ Пересвѣта чернца.

10. О войнѣ князя Димитрія и войскъ русскихъ з войсками мамаевыми, о раненю князя Дмитрія и о побитю войскъ русскихъ отъ татаръ и звитязствѣ потомъ славномъ презъ помощь брата князя Димитрія войскъ русскихъ над татарами.

11. О знайденю раненаго князя Димитрія и о радости великой з звитязства над татарами.

12. О поѣздѣ князя Димитрія межи трупами, о личбѣ забытыхъ и о похованю ихъ, о славномъ въѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда князя литовского.

Эти 12 главъ вполнѣ передають все содержаніе повѣсти. Названія главъ не имѣють никакого соотвѣтствія съ оглавленіемъ.

нѣмъ 4 редакціи и съ тѣми попытками названій главъ, которыя встрѣчались въ нѣкоторыхъ спискахъ третьей. Здѣсь заголовки развиты *своими самостоятелно*: редакторъ не только вполне сознательно отнесся къ своему оригиналу, но для введенія воспользовался даже матеріаломъ, не находящимся въ Сказаніи. Именно, первая глава разсматриваемой повѣсти представляетъ краткій очеркъ татарской исторіи, излагая междоусобныя войны въ Ордѣ, начиная съ внука Батыя до Мамаю. Указывается, что со времени ига надъ русской землею прошло 150 лѣтъ, и что Дмитрій Ивановичъ, побивъ своимъ мужествомъ татаръ, вмѣстѣ съ «тверскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ» — «досканале зкинули з шиі своей ярмо татарское». Такой исторической справки ни въ одномъ изъ списковъ великорусскаго Сказанія нѣтъ.

Повѣсть, какъ я говорилъ, представляетъ весьма стройное *сокращеніе* Сказанія. Сокращеніе коснулось, прежде всего, поэтическихъ мѣстъ: *есть* заимствованія изъ писанія Софоніи пропущены; даже формула боя, наиболѣе устойчивая, изложена кратко.

Далѣе — выпущены почти всѣ молитвы. Тамъ, гдѣ онѣ находились въ Сказаніи, западно-русская обработка помѣщаетъ сжатую передачу содержанія того или другого молитвеннаго обращенія. Напримѣръ, извѣстно, что великій князь, передъ выступленіемъ изъ Москвы, провозноситъ цѣлый рядъ пространныхъ молитвъ Спасу — Богородицѣ — Петру. Разсматриваемая повѣсть прекрасно сократила весь этотъ матеріалъ: «Потомъ сталь (Дмитрій) предъ образомъ пресвятой Богородицы, написаннымъ отъ святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая Богородица, яко заступница христіяномъ непостыдная, умолила Сына своего и Бога, жебы не далъ осквернити храмовъ своихъ святыхъ и не погубилъ христіянъ, але далъ звѣязство христіяномъ надъ погаными».

О сурожанахъ — только упоминается: именъ нѣтъ. Въ разсказѣ о примѣтахъ Волинца великій князь — одинъ въ полѣ:

редакторъ пользовался неиспорченнымъ спискомъ. Нѣтъ тавтологическихъ оборотовъ, ненужныхъ риторическихъ украшеній. Вообще повѣсть представляетъ чрезвычайно ясный и быстро развивающійся историческій разсказъ.

Замѣчу, что противникъ Пересвѣта здѣсь названъ: Челебѣй. Я указываю, что имя это въ великорусскихъ Сказаніяхъ утверждается въ четвертой редакціи (въ 3-й лишь изрѣдка). Надо думать, что богатыря-татарина называли по имени уже давно.

Такъ какъ западно-русская повѣсть произошла отъ 3 редакціи, то, по времени она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ началу XVII в., къ этому времени относятся и ея списки.

3. *Повѣсть, помѣщенная въ Синописи.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синописи представляетъ сокращеніе 4 редакціи Сказанія, безо всякихъ постороннихъ вліяній.

Повѣсть, какъ и Сказаніе 4 редакціи, раздѣлена на главы; я ихъ перечислю по порядку:

1. О извѣщеніи великому князю Дмитрію, яко нечестивый Мамай идетъ войною на Русь.

2. О посланіи отъ великаго князя Дмитрія даровъ къ Мамаеву.

3. О посланіи первыя стражи.

4. О посланіи вторыя стражи.

5. О приѣздѣ русскихъ князей и воеводъ и многихъ ратей къ Москвѣ.

6. О хожденіи Захаріи въ Орду къ Мамаю.

7. О грамотѣ Мамаевой къ великому князю Дмитрію.

8. О отшествіи Захаріи отъ Мамаю.

9. О пришествіи Захаріи изъ посольства на Москву.

10. О походѣ великаго князя Дмитрія въ монастырь святыя Троицы.

11. О походѣ великаго князя Дмитрія изъ Москвы противу безбожныхъ агарянъ.

12. О пришествіи великаго князя Дмитрія на Коломну и о устроеніи полковъ.

13. О посланіи стражевъ отъ великаго князя Дмитрія и о скорби Ольга резанскаго и Олгерда литовскаго, яко поиде князь Дмитрій на брань.

14. О пришествіи двухъ братій Олгердовичевъ на помощь великому князю Дмитрію.

15. О прехожденіи Дону и о взятіи языка Мамаева.

16. О устроеніи воинствъ къ брани, о укрѣпленіи всѣхъ полковъ отъ великаго князя Дмитрія и о молитвѣ его.

17. О примѣтахъ Дмитрія Волинскаго.

18. О явленіи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

19. О исходѣ обохъ войскъ на брань, о устроеніи отъ князя Дмитрія вмѣсто себе Михаила, о посланіи Сергіевомъ и храбрости Пересвѣта черница.

20. Посланіе отъ игумена Сергія.

21. О горькомъ и претрашномъ часѣ, въ немъ же множество созданія божія смертную испи на брани чашу.

22. О видѣніи отверстыхъ небесъ.

23. О исходѣ тайнаго изъ засады полку на брань и о преславной побѣдѣ надъ татарами.

24. О собраніи войскъ христіанскихъ подъ знаменія своя, о поисканіи и обрѣтеніи великаго князя Дмитрія, и о великой радости отъ побѣды надъ татарами.

25. О поѣздѣ великаго князя Дмитрія межи трупами.

26. О разсмотрѣніи полковъ и исчитаніи убиенныхъ.

27. О возвращеніи великаго князя Дмитрія съ торжественною побѣдою къ Москвѣ.

28. О походѣ великаго князя Дмитрія къ обители святыхъ Троицы.

29. О погибели Мамаевой.

Сравнительно съ количествомъ главъ 4 редакціи Синописей даетъ меньшее число, но здѣсь часто нѣсколько эпизодовъ стягиваются подъ одно заглавіе. Такъ въ одной главѣ помѣщены:

послание стражи и раскаяние Олега и Ольгерда, уряжение полковъ и устройство засады. Въ общемъ — главы Повѣсти Синописиса вполне соотвѣтствуютъ главамъ 4 редакціи, съ которой совпадаетъ, слѣдовательно и планъ повѣсти, конецъ которой, какъ и конецъ 4 редакціи, *развитъ по схемѣ У*.

Я говорилъ, что Повѣсть Синописиса сокращена сравнительно съ оригиналомъ. Сокращение это выразилось:

а) Въ утратѣ первыхъ 6 главъ повѣствованія, рассказъ начинается прямо съ возвѣщенія Дмитрію о томъ, что Мамай идетъ на Русь войною. Нѣтъ поэтому рассказа о сборѣ Мамаемъ рати и обмѣнѣ союзниковъ ярлыками.

б) Въ пропускѣ нѣкоторыхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи: 1) О Бортешѣ: это понятно, эпизодъ находится въ утраченныхъ первыхъ главахъ; 2) Текстъ грамоты, посланной великимъ княземъ; 3) Повѣсть о мужахъ Новгородцахъ ¹⁾. 3) Эпизодъ о страхѣ цареградскаго царя (изъ 2 группы списковъ 4 редакціи).

в) Въ совершенной утратѣ всякой связи съ писаніемъ Софоніи. Вопреки установившемуся мнѣнію, я *отнюдь не могу считать повѣсть Синописиса проникнутой поэтическимъ элементомъ*: это вполне прозаическій рассказъ, вполне утратившій тѣ украшения изъ Повѣданія или устныхъ преданій, которые имѣли мѣсто въ предыдущихъ редакціяхъ. По слабымъ отголоскамъ еще кое-гдѣ можно найти мѣсто бывшей поэтической цитаты.

г) Въ сокращеніи и модернизации всего изложенія повѣствованія: часто вкратцѣ приводятся тексты молитвъ, сокращенъ плачь Евдокіи, рассказъ о приходѣ Ольгердовичей, выпущено много собственныхъ именъ, нѣтъ упоминанія о сурожанахъ; весь конецъ, соотвѣтствующій 4 редакціи также приведенъ сокращенно. Въ рѣчи великаго князя къ воеводамъ и въ отвѣтѣ ихъ нѣтъ упоминаній о Ѳеодорѣ Тиронѣ и Арееѣ; вообще все то,

---

1) Хотя повѣсть и выпущена, но епископъ коломенскій, какъ и въ 4 редакціи, названъ Евфиміемъ (по аналогіи, какъ я говорилъ, съ новгородскимъ владыкой).

что касается риторическаго распространенія, или выпущено или до крайности сжато.

Кончается изложеніе рассказомъ о гибели Мамаѣ и судьбѣ Ольгерда: только здѣсь планъ повѣсти нѣсколько отличенъ отъ 4 редакціи: тамъ рассказъ о Мамаѣ составляетъ 45 главу, т. е. помѣщенъ передъ окончаніемъ Сказанія по схемѣ У. Что касается Ольгерда, то рассказъ объ его участи составитель Синописиса выписалъ изъ Стрыйковскаго: «Потомъ и великій князь литовскій Олгердъ татаръ побѣдивши, всѣ поля до Кіева отъ древнихъ лѣтъ принадлежавшія, отъ поганскія власти очистил и поставил на Подоліи Коріатовичевъ, Александра, Константина, Θεодора и Юрія, и всѣ имъ прилежащія страны русскія съ Подоліемъ вручилъ и въ область подаде». Этимъ кончается разбираемая повѣсть въ Синописисѣ.

Синописисъ былъ распространенъ широко, и знакомство читателей съ *Повѣстью о Мамаевомъ побоищѣ*, главнымъ образомъ, было основано на текстѣ Синописиса. Этотъ видъ повѣсти почти вытѣснилъ всѣ остальные. Для XVIII вѣка, напр., большинство рукописей заключаютъ *Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ* именно въ этомъ-видѣ. Не считая прямыхъ указаній, разбросанныхъ въ различныхъ описаніяхъ рукописей, на то, что *Повѣсть «взята изъ Синописиса»*, имѣю извѣстно до 12 рукописей этой повѣсти. Таковы: *Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. 372; 2) Q. XVII. 48; 3) Q. XVII. 144; 4) Q. XVII. 158; 5) *Общества Любителей Древней Письменности* ССПИ, quarto. *Румянцевскаго Музея*: 6) № 2780, источникъ указанъ: «Выписано изъ летописца о татарскомъ царѣ Мамаѣ... 7) собранія Ундольскаго № 1017, — въ сборникѣ, кромѣ повѣсти, еще нѣсколько статей изъ Синописиса; 8) собранія Ундольскаго № 1281 — такого же содержанія. *Собранія гр. Уварова*: 9) № 115 и 10) № 150 — оба текста представляютъ текстъ повѣсти неоконченнымъ, первый на рассказѣ о поѣздкѣ Дмитрія по побоищу, второй — о выстушеніи великаго князя изъ Москвы: списки любопытны стремленіемъ соединить Синописисъ со Сказаніемъ. 11 и

12) *Собрания Григорьева*, новаго почерка. Наконецъ, кромѣ Синописиса эта повѣсть была напечатана еще разъ въ такъ называемой *Подробной лѣтописи* ¹⁾, изданной въ Петербургѣ въ 1798 г. Львовымъ. Болтинъ думалъ, что составленіе этой лѣтописи принадлежитъ Θεοфану Прокоповичу. Появленіе Синописиса въ велико-русской литературѣ характеризуетъ собою постепенное проникновеніе въ Москву воздѣйствій южно-русской школы. До Петра южная Русь представляла единственный путь, по которому шла образованность въ Московское государство.

Иннокентій Гизель, составлявшій Синописисъ, положилъ въ основаніе его Хронику Сафоновича, сокративъ ее и дополнивъ. Появившійся въ 1674 году Синописисъ до 1761 года былъ перепечатанъ 25 разъ, между прочимъ Академіей Наукъ. Это обстоятельство указываетъ на чрезвычайный успѣхъ этой компиляции въ теченіе всего XVIII вѣка. Представляя исторію Руси крайне поверхностно, и, по примѣру польскихъ хроникъ, много распространяясь о происхожденіи славянъ вообще, Синописисъ, тѣмъ не менѣе, представлялъ интересъ своимъ литературнымъ изложеніемъ. Его изложеніе — не сухое лѣтописное перечисленіе событій, а удовлетворявшій любознательности читателей полу историческій, полу беллетристическій рассказъ, опредѣлявшій интересы читателей: поднятые имъ вопросы обсуждались Щербатовымъ и Болтинымъ, Синописисъ — гѣзисъ всего, что сдѣлано исторіографіей до XVIII вѣка, наконецъ — это единственная бывшая въ употребленіи учебная книга. Вотъ причины популярности Синописиса, а вмѣстѣ съ нимъ и Повѣсти о Мамаевомъ побойщѣ.

Послѣдняя пошла составителю не случайно: отъ Батыя до Мама (Повѣсть помѣщена непосредственно послѣ разсказа о нашествіи Батыя) — большой скачекъ, но авторъ, составляя историческій сборникъ, выбиралъ такія вещи, которыя, трактуя о важныхъ моментахъ исторической жизни, въ то же время

---

1) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи.

должны были представлять вещь литературную, а такой, безъ сомнѣніе было Сказаніе, легшее въ основу Повѣсти Синописца.

Безспорно, повѣсть Синописца можно назвать единственнымъ источникомъ, по которому знакомилась послѣдующая литература съ событіемъ на Куликовомъ полѣ. Даже сказка про Мамаю безбожнаго (Афанасьевъ, № 182) представляетъ народную обработку повѣсти Синописца. Въ народѣ она попала черезъ любочныя картинки. Одна такая, напримѣръ, есть у меня: текстъ и миниатюры рѣзаны на одной доскѣ и отпечатаны въ одинъ тонъ; миниатюра занимаетъ треть страницы въ четверку, остальное текстъ; такихъ миниатюръ и страницъ текста — 24. Начало текста: «Исторія о походе великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго противъ Мамаю, егоже божіею помощію на Куликовомъ поле до конца побѣдиша». Источникъ указать: «Синописецъ листъ 121». Гравюра груба, хуже миниатюръ лицевой группы 3 редакціи.

Синописецъ, наконецъ, легъ въ основу беллетристическихъ произведеній, разрабатывавшихъ сюжетъ о Куликовской битвѣ. Такія повѣсти начали появляться съ конца XVIII вѣка и тянулись во все продолженіе XIX-го. Въ 1798 г. былъ изданъ «Новый Синописецъ, или краткое описаніе о происхожденіи Славено-Россійскаго народа; владычествованіе Всероссійскихъ Государей въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ, съ подробнымъ повѣствованіемъ пораженія страшнаго Татарскихъ войскъ полководца Мамаю, отъ Дмитрія Іоанновича Великаго Князя Московскаго, и о послѣдствующихъ по немъ Великихъ Князяхъ и Царяхъ, до вступленія на Престолъ Государя Императора Петра Великаго». Здѣсь повѣсть помѣщена совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и въ Синописцѣ Гизеля. Въ томъ же году Михайловымъ былъ написанъ «Низверженный Мамаю или Подробное описаніе достопамятной битвы, и послѣдовавшей за нею знаменитѣйшей побѣды, бывшей въ Царствованіе Великаго Князя Дмитрія Іоанновича между Россійскимъ

и Татарскимъ ополченіями, на Куликовѣ полѣ, между рѣкъ Мечи и Дона, при устьѣ рѣчки Непрядвы, взятое изъ разныхъ достовѣрнѣйшихъ Авторовъ». Авторами оказывается тотъ же Синописисъ, который Михайловъ только перелагаетъ, сохраняя то же расположение главъ. Въ предисловіи къ читателю самъ авторъ говоритъ, что «принялъ намѣреніе, переложя на Россійскій языкъ», представить читателю въ семъ новомъ видѣ описаніе битвы.

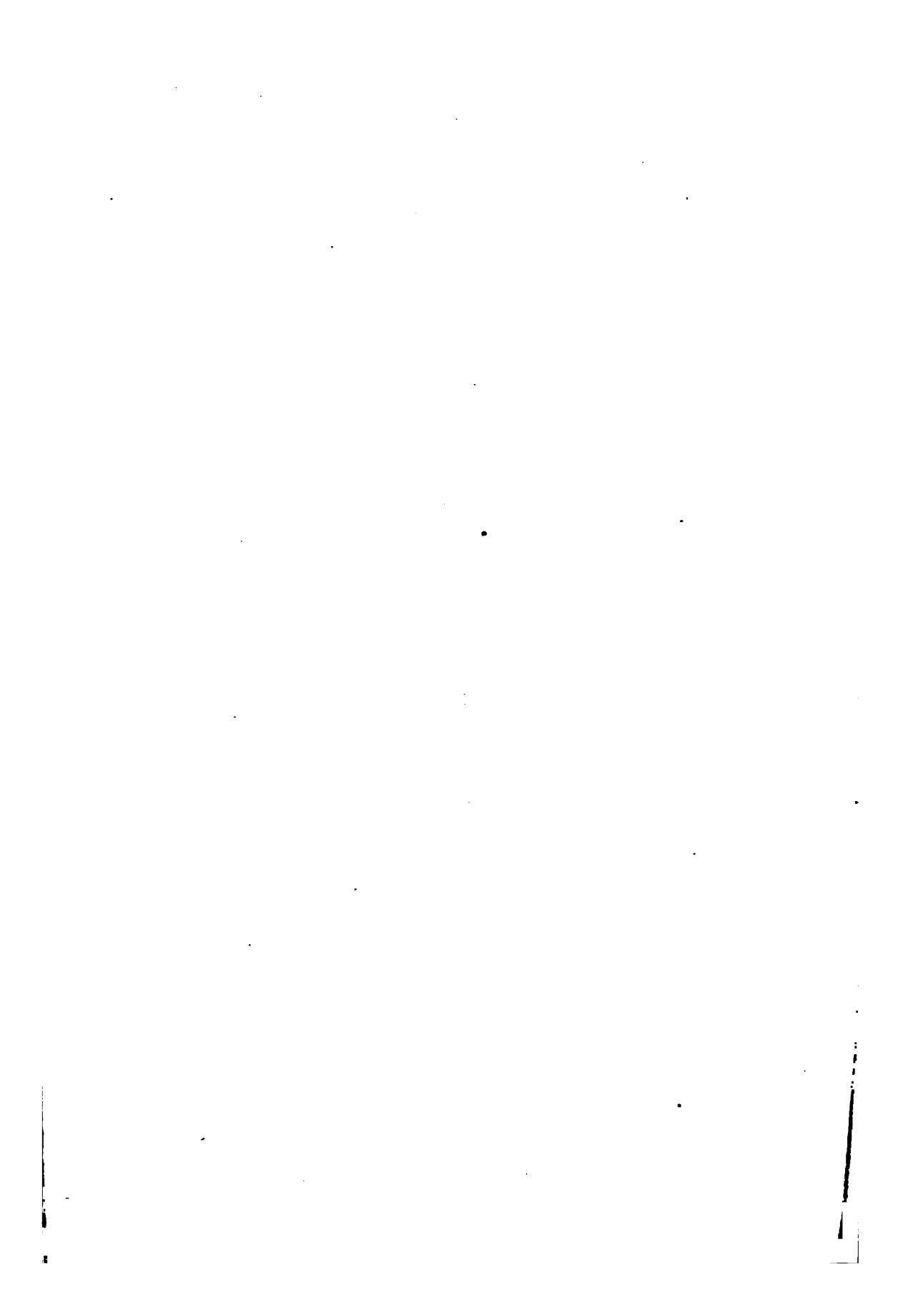
Нѣсколько изданій (1825, 1839, 1847 гг.) выдержала книжка И. Гурьянова: «Димитрій Іоанновичъ Донской или Ужасное Мамаевское побоище. Повѣсть XIV столѣтія». Полная сентиментализма, повѣсть эта въ части, гдѣ описывается Куликовская битва, имѣла источникомъ тотъ же Синописисъ.

Я не имѣю въ виду давать библиографическаго обзора всѣхъ передѣлокъ повѣсти Синописиса. Сюжетъ этотъ трактовался весьма часто: онъ зашелъ даже въ ложно-классическую трагедію, какъ извѣстно. Я имѣю въ виду указать только на то, что повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синописисѣ, давала единственный матеріалъ по этому вопросу. Только изданное въ 1838 году Снегиревымъ Сказаніе могло нѣсколько поколебать престижъ разбираемой Повѣсти, но, помѣщенное въ спеціальному научному органѣ, оно врядъ ли имѣло успѣхъ у широкой публики.

Повѣстью Синописиса заканчивается разборъ передѣлокъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Новаго матеріала эти передѣлки не дали: всѣ онѣ болѣе или менѣе остроумныя комбинаціи матеріала, уже имѣвшагося подъ руками. Или это сокращенія, или соединеніе двухъ повѣстей въ одну; одно характерно въ нихъ — это стремленіе удалиться отъ витіеватости стариннаго слога и поэтическаго наслѣдія. На сюжетъ о Мамаевомъ побоищѣ начинаютъ смотрѣть прежде всего, какъ на историческое событіе, чуждое всякой тенденціи и риторики. Такое отношеніе уже имѣетъ мѣсто и въ 4 редакціи Сказанія.

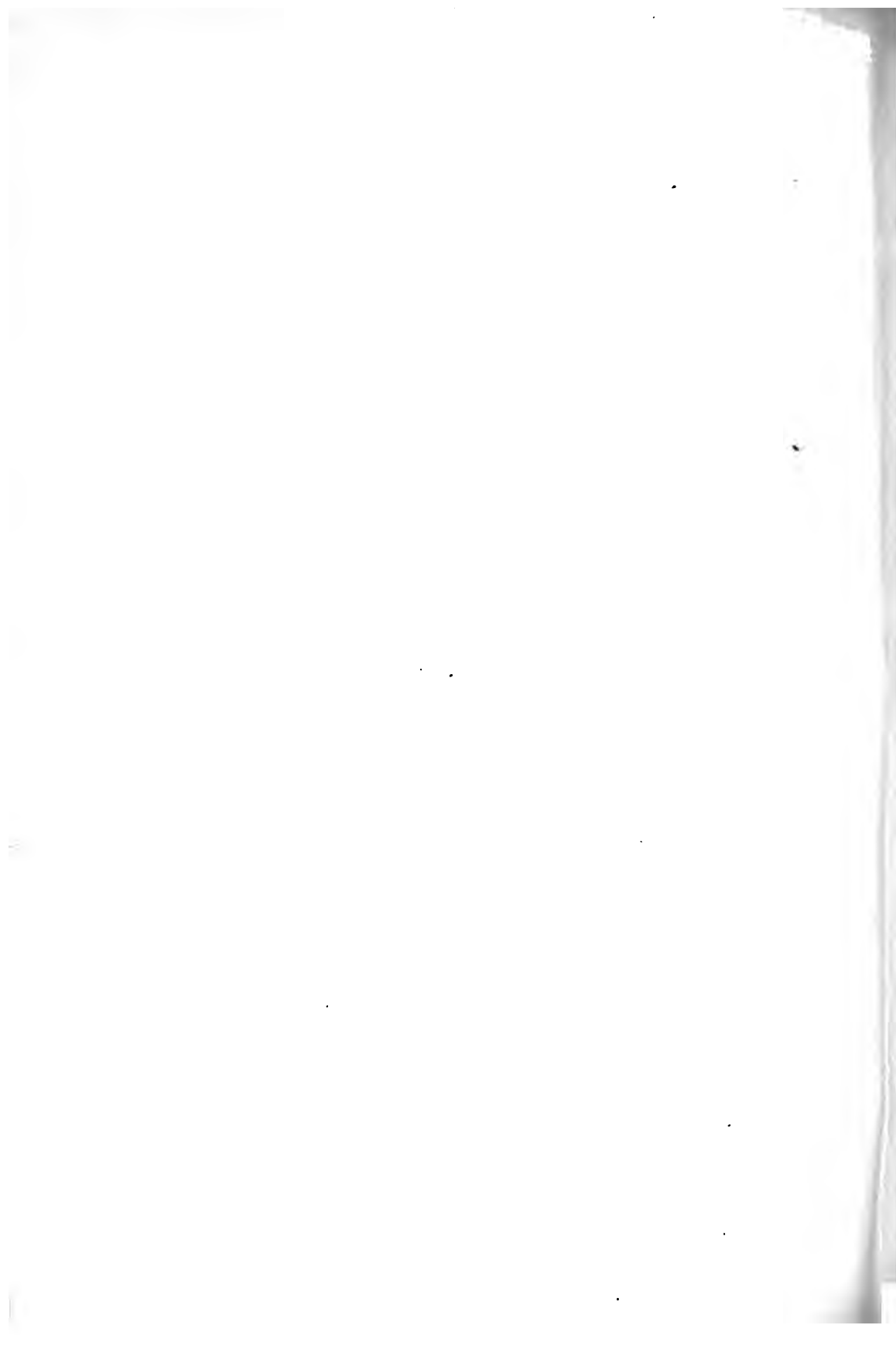
Особнякомъ стоитъ западно-русская передѣлка: сохраняя стремленіе придать разсказу прежде всего историческій характеръ, она вводитъ въ оборотъ новый матеріалъ (татарскую исторію), заимствуя ее, по всѣмъ вѣроятіямъ, у польскихъ хроникеровъ.

ТЕКСТЫ СКАЗАНІЯ.

Сказаніе.

II-я редакція.

Синодальной Библиотеки № 485, XVI в., варианты из рукописи Исторического
Музея № 1²₅₅, XVI в.

Побовищѣ великому кнѣзю Дмитрею Ивановичу на Дону
с Мамаемъ в лѣто 7500^р 1).

Повѣсть полезна от древняго списанія сложенна гл҃яющи
смы побѣды, како слоучися бран на Дону православным хр҃сты-
ном з безбожным (окаянным) цр҃ем Момаем, како возвыси Гѣ род
хр҃тыянскіи, а поганых оуничжи и посрами их соуровство,
яко ж иногда Гадеоном на Мадямы и православным Моисѣем
на Оараона. Подобаеѣ нам вѣдати величїи бж҃їи, како сотвори
Гѣ волю болящихся 2) его и како способствова Гѣ Бѣ вели-
кому православному 3) гд҃рю нашему кнѣзю 4) Дмитрею Ива-
новичю (владимирскому) и брату его кнѣзю Володимероу Ондрѣе-
вичю над безбожными татары (і агаряны) 5).

Попоущеніем бж҃їим, а наоучением деаволиим воздвижес нѣ-
который цр҃ь от восточныи страны именем Момай, еллин сы вѣ-
вою, идоложрец и иконоборец злыи, хр҃стыянскіи ненавистник и
разорител, вниде в сердце его подстрекател діавол, како всегда

---

1) яшпи   2) болящимся.   3) православному — нѣтъ.   4) вели-
кому кнѣзю.   5) *Заключенную въ скобки нѣтъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ текстѣ.*

пакости дѣлаше хрѣстьянствоу ¹⁾, и попусти (і научи) его (како) разорити православноую вѣроу хрѣстьянскую (і всему хрѣстьянству потреблену быти), ꙗко (да не) ²⁾ славѣца имя гѣе въ людех тѣх. Гѣ же что хочет, то и (со)творит.

Он же безбожный црѣ Момай нача завидѣти первому безбожному Батыю и новому Оулану, нача испытывати ³⁾ от старых еллин, како Батыи пленил Киев и Володимеръ и всю роусскую и словенскую землю. Они ж сказаша ему, како оуби кнѣз Дмитрей Юревича и иных многи православных кнѣзи изби и многи монастыри оскверни и вселенную ⁴⁾ прѣвѣ прѣтѣоу злато-верхоу разграбил (во Владимире), и бѣи оубо плененіе велико. Но того не разумѣ нечѣтивыи, ꙗко Гсѣу годѣ боудет тако ж, ꙗко Иерлѣмъ во оны дни пленен бѣ Титом римским и Новходносором црѣм вавилонским за их согрешеніе. Но не до конца прогневаѣца Гѣ ⁵⁾, ни в вѣки враждует.

Слышав же то безбожный црѣ Момай, нача быти палим діаволом непрестанно, ратуѣ на хрѣстьянство, и нача глѣти ко своим оупатом и кнѣзем и оуланом: «аз тако не хочу творити, како Батыи, како (аз) изждену кнѣзи и которые города красны довлѣют намъ и тоу сядем тихо и безмятежно поживем». Но роука бѣжи высока. По малех же временех и по глѣх тѣх перевезеся великою реку Волгоу со всѣми своими силами и многи(я) орды присовокупив ⁶⁾ к себѣ и рати иных понаймова: Бесермены и Армены, Орязы, Черкасы и Гясы ⁷⁾ и Боуртасы, и глѣ им: обогатеем роусским златом. И поиде на Роус, сердитоуѣ, ꙗко лев, рыкала (і вспыхая) и ꙗко неуютимала ехидна. И доиде реки до оустъ Воронежа ⁸⁾ и распусти облавою свою, и заповѣда оулоусом своим: ни един вас не пашите хлѣба, да боудете готовы на роусскіа хлѣбы.

Слышев то Олегъ княз рязанскіи, ꙗко црѣ Момай кочует на Воронеж ⁹⁾ а идет на великого кнѣз Дмитрея Ивановича москов-

1) христіаном
прогнѣваѣтся.

2) да.
6) присовокупити.

3) пытать.
7) Исы.

4) вселенскую.
8) Вороножа.

5) Гѣ
9) Вороножи.

скаго. И бѣ оубо оу Олга резанскаго скоудос оума во главѣ, и сотона вложи оухищреніе в сердце его. И посла посол свои (Момаю) с великою чѣтью и з дары ко прію к Момаю, и писа гърлыки сим образом: Восточному (прѣмь) прію Момаю, твои посаженник и присяжник Олег княз рязанскіи много тя молятъ. Слышах, гнѣ, яко хоцещи ити на Роус, на своего посаженника и присяженника ¹⁾ и слоужбника на кнѣзя на ²⁾ Дмитрея Ивановича московскаго, огрозитися емоу хоцещи. Ннѣ же, гнѣ, приспѣ время твое, (яко ннѣ) злата и сребра наполнися земля московская, но вѣм (всесвѣтлыи) прію, яко кротокъ есть члѣкъ княз Дмитрей, егда (издалеча) оуслышитъ имя ярости твоея, то отбежитъ въ дальнѣя ³⁾ отоки, в Новгородъ или на Двину, а злато и сребро то все во твоеи рущѣ да боудетъ. Мене ж раба твоего дръжава твоѣя, прію, пощади, да и азъ бо велии оустрашаю Роус и кнѣзя Дмитрея. Но еще, прію молю тя, оба есмѣ раби твои, и изъ обиду великую прияхъ отъ того кнѣзя Дмитрея. Но еще, прію, не то ⁴⁾ едино: егда азъ погрожоу ему о своей обидѣ твоимъ именемъ прѣскимъ, но онъ того не рядитъ; еще ж и градъ мой Коломну за себя взялъ. Но о томъ о всемъ молю тя, прію.

Другаго ж посла послалъ къ великому (къ велеумному і веле-рѣчивому) кнѣзю Іагану Олгердовичю ⁵⁾ литовскому, оумысливши своимъ хоудымъ оумомъ, (послѣдихъ) оумъ бо его (явился), аки дѣтище млада. Посла ж грамотоу къ великому кнѣзю Іагану литовскому: Олегъ князъ резанскій радоватися пишоу. Вѣмъ бо, яко издавна мысли еси московскоѣ кнѣзя Дмитрея изгонити и московскою отчѣною владѣти. Ннѣ бо ти время приспѣ, яко великій прѣ Момаи идетъ на него и на землю его, и приложися къ нему, яко тебѣ прѣ да Москву и иныи грады, ѣжъ отъ твоеи власти, а мнѣ Коломну и Моуромъ и Володимерь, ижъ близъ моеи власти. Азъ бо ему дары послахъ, а еще ты къ нему пошли своего посла, кацы имаши дарове, и пиши къ нему книги, якожъ самъ вѣси паче мене.

1) присяженника — нѣтъ. 2) на — нѣтъ. 3) дальняя. 4) токмо.

5) Послѣ «Олгердовичю» въ ркп. нѣтъ листка, и текстъ начинается на слѣдующей страницѣ.

Гягаило ж то слышав, рад бы велми и захвали другоу своему повелику Олгоу рязанскому. И посла посол свои ко прю и дары безсцѣнныи и книги писа к нему сим образом: Великому восточному прю Момаю княз великий Гягаило литовский твои присяженник много ты молиш. Слышах, гнѣ, хочещи оулоус свои казнити, московского князя Дмитрея. Того ради молю ты, прю, тако велику обиду сотворил есть князю Олгоу рязанскому, а мнѣ також пакости дѣлаше. Но молим ты оба раби твои, да придет дръжава твоего прѣства, да и мы видим твое смотреніе нѣм грубости от московскоѣ князя Дмитрея.

Вся ж глѣють лѣстью (а не истинною) на великого князя и ркуще в себѣ: егда оуслышит имя прѣво и нѣшоу присягоу к нему, то отбежит в Новгород великий или на Двину, а мы сядем на Москвѣ и на Коломнѣ. Аще прѣ придет, и мы его оусрящем болши сих; прѣ же возвратитца, а мы княженіе ¹⁾ московское разделим, по прѣвоу велѣнію, ово к Вилне, ово к Резани, тако вѣмы, имат нам прѣ дати гарлык свои и ²⁾ родом нѣшим по нас. Но сами ся не ведяхоу, что глѣху, аки несмысленіи младыи дѣтища, не ведуще бжѣи силы и влчня смотреніа. По истинне бо речѣ: аще кто держит ³⁾ добрадѣтели, то может быти без многих врагов.

Княз же великий Дмитрей Иванович образ смиренія нося, высоких ища, и еще ж не слыша сих ⁴⁾ ни единого, еж совѣщаща о нем ближнии его. О таковых бо прорѣкъ речѣ: не помысли соуздѣду своему зла, да зло тебе не постигнет; и пакы: ров изры, ископа и впадется в него.

И придоша послы от Гягаила литовского и от Олга рязанского к безбожному прю Момаю и дары ему многи даша и книги написанныи ⁵⁾. И возрѣвъ прѣ в книги и чагаше облести, и нача глѣти с темными своими князи. Они ж разоумѣша, тако прелѣжно их писание. И речѣ прѣ, тако мнѣх во едино совокупленіе боудут

---

1) Съ этихъ поръ продолжается текстъ ркн. Ист. Муз.: ... нѣ московскос... 2) нам и. 3) держит въ сердце. 4) сих — нѣтъ. 5) писанныи.

на нас, нѣ же разность велика межъ ими; имамъ оубо прѣсно на Роусъ быти.

А пословъ отпустилъ и писахъ писаніе Іѣгаилоу литовскому и Олгоу рязанскому: Писасте ко мнѣ, на дарѣхъ вашихъ васъ хвалю и сколько хотите роусскія земли, тѣмъ васъ дарю, но толико присягоу имѣйте ¹⁾ ко мнѣ, а стрѣтите мя съ своими силами, гдѣ оупѣете, да одолѣете своего недрюга. А мнѣ ваша пособ(не) не добрѣ надобетъ: аще бы хотѣлъ, то древній Іерѣимъ пленилъ быхъ своею силою, ꙗкожъ Халдѣи, но чѣмъ вашему хоцоу, моимъ нмняемъ, а вашему силою распууженъ боудетъ князь Дмитрей московскон, да огрозится имя мое во странахъ вашихъ, а мнѣ прѣю достоинно подобна себѣ бы ²⁾, доволенъ есмь прѣскимъ чти, кнѣземъ своимъ рцета ³⁾.

Послы же ихъ возвратишася къ нимъ и сказахъ имъ, ꙗко прѣ здравитъ вамъ великии и захвали повеликоу. Они же скоуднымъ оумомъ своимъ возрадовахъся о суетнемъ привѣтѣ, а не вѣдыи, Бгѣ даетъ власть, емоужъ хоцетъ. И не вѣмъ, что сіа рекоу: аще бы врази были собѣ, то ⁴⁾ о собѣ бранъ сотвориши. Нѣ же что сіа глѣють: едина вѣра и едино крѣщеніе, а къ безбожному приложилисъ вкупѣ хотятъ ⁵⁾ зъ безбожнымъ гонити православноую вѣру. О таковыхъ бо патерикъ речѣ: по истиннѣ отсекошася свои масличны ⁶⁾, присадишася къ дикой масличнѣ, тако и си ⁷⁾ беззаконнии отвергошася свои вѣры православной хрѣстианской и приложишася къ безбожному (Момаю). Олегъ же нача поспѣшивати и слати къ Момаю послы и речѣ: подвижанся, прѣю, скоро. О таковыхъ бо речѣ писаніе: о неразсоуженіи поуты беззаконныхъ и собираютъ себѣ досажденіе и поносъ, правыхъ же поутъ обрящется. Нѣ же Олга новаго ⁸⁾ Стѣполка нарекоу.

Слышавъ же то князь Дмитрей Ивановичъ, ꙗко грядетъ на него прѣ Момаи на Хсѣоу вѣру, ревнуя безгласному ⁹⁾ Батыю. Князь же Дмитрей опечалисѣ великии о безбожномъ нахоженіи, воставъ, иде

1) Въ Син. сп. «имѣ имѣите».

2) мнѣ бо прѣю достоинна себѣ бѣ.

3) рце.
раго.

4) что
9) безглавному.

5) хотя.

6) масличнѣ.

7) сіи.

8) вто-

пред чѣною икону, иж стоит оу него в головах, и пад на колѣну, нача мѣтися со слезами и речѣ: «Гѣ, аще смѣю мѣтися смиренныи раб твои и простроу ¹⁾ оуныниа мога, но на тя, Гѣ, надѣюся и возверзи печал мою. Ты ²⁾ свидѣтел еси, Вѣдко, не сотвори нам, какож наведе на град нашъ злаго Батыа, а еще страх тои и трепет в нас есть велик. Не до конца прогневайся на ны, вѣдаю, Гѣ, како мене дѣля хочеш потребити землю сию, аз бо согрѣших пред тобою паче всѣх члѣкѣ. Не сотвори им зла, слез моих ради, оукроти, Гѣ, сердце сверѣпому и сотвори, Гѣ, како Езекѣю». И речѣ: «на Гѣ оуповаю и не изнемогу».

И посла по брата своего по кнѣзю Володимера Ондрѣевича и по вся воеводы и кнѣзи мѣстныи. Кнѣз же Володимеръ Ондрѣевич в своей бѣше области в Боровсцѣ и скоро прѣѣхав на Москву. И мнози кнѣзи и воеводы съѣхашася. Кнѣз же великий Дмитрей Иванович поим с собою брата своего кнѣзю Володимера Ондрѣевича и иде ко пресвѣщенному митрополиту Кипреяну и речѣ: «вѣси ли, оѣе, настоящую нашу беду, како прѣ безбожныи Момаи идет на нас в неоукротиме образе съ глостію».

Митрополит же Кипреян речѣ великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю: «повѣж ми, гѣе, чѣм еси къ нему не исправился». И речѣ кнѣз великий Дмитрей Иванович: «во всем, оѣе, довольно по оѣцѣ своих оуставу (выходную казну), но и еще ³⁾ болѣ въздох ⁴⁾ емоу». Митрополит же Кипреян речѣ: «видиши ли, гѣе, попоущеніем бѣним, а ниѣих ради грѣх идет на землю ниѣоу, но вам подобает православным кнѣзем тѣхъ нечѣтивых дары оутолити четверицею сугубо. Аще ли того ради не смирится, но Гѣ его смирит, тои бо речѣ: Гѣ гордым противится, а смиренным дает блѣгодат. Ико ж слоучися великому Василю в Кесаріи быти и како идѣи с ⁵⁾ Персѣ злыми престоупник ⁶⁾ Оуліанѣ и хотѣ разорити град его, он же помолися Бѣоу со всѣми хрѣстыяны и собраша злата много, дабы отстоупника оутолити ⁷⁾. Гѣ же посла на него война своего

1) простри.
дамѣ.

5) ис.

2) Ты бо.
6) преступник злый.

3) Въ Сян. сп. «е еще».

7) оумолити.

4) воз-

Меркурія, он же оуби гонителя (Іульяна) невидимо. Нѣтъ ж возми злата много, сколько можеш, пошли противоу ему и еще исправися пред нимъ». Княз же великій, слышев от митрополита, иде в казною свою з братом своим и взем злата много.

И избра нѣкоторого юношоу от двора своего, имянем Захарію Тютчева, доволна соуща смыслом и дав ему два толмача, оумѣюще языкоу еллинскоу, и отпусти его ко црѣю. Захарія ж доиде земли рязанскыя, слышев же, что Іѣгаило литовскыи и Олегъ рязанскыи приложилися къ Мамаю, и посла к великому кнзю посла тайно.

Княз же великій то слышев, нача срдцем двизатися, от горости и горести наполнишася и начаста ся молати: 1) Гѣ Бжѣ мой, на тя надѣюся, любящему прѣдоу. Аще ми врагъ пакости дѣет, то подобает ми противоу его терпѣти, яко искони естъ врагъ хрѣстьянству. Но сіи друзи мои искренніи како оумыслиша на мя. Соуди, Гѣ, межи има и мною, аз ни единомуу их сотворих 2) зла, развее чѣи и даров от них взимах, а им також воздахъ. Но суди, Гѣ, по правде моеи.

Поним же брата своего кнзя Володимира и иде вѣторое ко пресѣщенному митрополитоу Кипреѣану и поведѣ 3) ему, како Олег рязанскыи и Іѣгаило литовскыи приложилися и совокупилися с Момаем. И речѣ ему Кипреѣан митрополит: «ты, гѣе княжѣ, сам вѣси, кою обиду сотворил еси има». Княз же великій прослезися: «гѣе, пред Бгѣм грѣшен есми 4), а к ним ни единыи черты по отцѣ своих заповеди престоупих николиж, но 5) вѣси, гѣе, сам, доволен есми своими отоки, а к ним кою обиду сотворих, но не вѣм 6), что ради оумножишася на мя стоужающыи ми». Митрополит же речѣ к нему: «ты, гѣе 7), сам вѣси закон бжѣи: кто творяи прѣдоу, не подвижютца 8) нан члѣци, яко прѣданъ Гѣ и прѣдоу возлюбѣ. Но тѣ обыдоша тя, яко пси мнози, соуетно поучаються на тя, ты ж имянем гѣи 9) противися им, Гѣ да боу-

---

1) молятся.	2) сотвори.	3) повѣде.	4) есми члвкъ.
5) не.	6) вѣм бо.	7) Гѣе, ты.	8) подвижаются.
			9) Гѣимъ.

детъ ти помощникъ в правдоу, а от всевидящаго ока вѣдѣня како можеша избѣжати и от крѣпкихъ руки его избыти».

Князъ же великій Дмитрей Ивановичъ з братомъ своимъ со княземъ Володимиромъ Ондръевичемъ и со всѣми роусскими князи и воеводы начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожоу крѣпкаго стража ¹⁾ Родивона Ржевского да Іакова Ондръева сына Волосатого да Василя Тупика. И повелѣ имъ ѣхати близъ Орды и языки добыти, дабы истинноу слышати црѣва хотѣнія. Князъ же великій грамоты розосла по всей ²⁾ своей области: да боудите готови на бранъ з безбожными агаряны, а снимаетеся на Коломне на мясопоусъ стѣна Бѣцы (сирѣчь Гѣжинъ постъ). Сторожи жъ в Поле замедлѣвше.

Князъ же великій посла другоую сторожоу: Климента Полянина да Ивана Всеслава да Григорыя Судока и иныхъ многихъ с ними, и повелѣ имъ ³⁾ вскоре возвратитися.

Они же стретоса Василя Тупика близъ еще Оки реки, ведуще языкъ нарочитъ црѣва двора, како неложно црѣ ⁴⁾ идетъ на Роус со многими ордами ⁵⁾, и совокупилися с нимъ многие орды и Іаганло литовски и Олегъ рязанскій, но не спешитъ црѣ того ради, осени ждетъ, хоцетъ бо на осенъ быти на роусскихъ хлѣбы. Князъ же великій слышавъ неложное востаніе безбожнаго, нача радоватися и оутешатисъ о Бзѣ, оукрепляя брата своего князя Володимира Ондръевича и вси князи ⁶⁾ и воеводы, и речъ имъ: Братиза моя ⁷⁾, вси князи роустіи и воеводы. Гнездо есмь князя Володимира Киевского, سموу Гѣ откры православноую вѣроу, како жъ оному Стратилатоу, и паки онъ же повелѣ крѣпче держати вѣроу и побарати по ней, да аще кто ея ради оумретъ, то во ономъ вѣце почитетъ. Но азъ, братиза, готовъ оумрети и пострадати за вѣроу хрѣстьянскоую.

И речъ ему князь Володимиръ Ондръевичъ и вси князи роустіи: воистинноу, гнѣ, заповѣдъ законноую сохранилъ еси и стѣмоу еуалію

1) стража — нѣтъ.
неложно. 5) дарми.

2) всей — нѣтъ.
6) князи роустіи.

3) имъ — нѣтъ.
7) приб. — и.

4) црѣ

последоуеши, и ж речѣ: кто постражет за имя мое и оумрет, мене ради, то и аз покою его. Но мы, гнѣ, всѣ готовы¹⁾ оумрети с тобою и головы свои положить за стѣны цркви и за православленную вѣру и за твою обиду. Княз же великій Дмитрей Иванович слышавъ то от брата своего князя Володимера Ондрѣевича и о²⁾ всѣхъ князей роусскихъ, яко дерзаютъ и побараютъ по хрѣстьянской вѣре.

Княз же великій Дмитрей Иванович речѣ ко всѣмъ княземъ роусскимъ и воеводамъ и всему войску повелѣ писати: да боудете готови вси на Оуспеніе стѣны Бѣды на Коломнѣ и переберемъ полки и дамъ коемуждо полку воеводу³⁾. Къ великому жъ князю⁴⁾ на Москву мнози люди приспѣша, и вси единими оусты глгоу: даи жъ намъ, Глго⁵⁾, единими оусты и единымъ срдцемъ оумрети и стое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради хрѣстьянские. Придоша же князи Белозерскіи, подобни соутъ воиномъ быти, велики бо доспѣшно и конно войско ихъ. И приде князь Ѳеодоръ Семеновичъ бе(ло)зерскій, князь Семенъ Михайловичъ, князь Ондрѣй Кѣмскій и Андомскій, князь Глѣбъ Карголомскій и Іѣрославскій, и придоша князи со всѣми силами, князь Ондрѣй Іѣрославскій, князь Левъ Серпѣйскій, князь Дмитрей Ростовскій и мнози мнози князи. И выехали⁶⁾ посадники изъ великаго Новагорода а съ ними⁷⁾ къ великому князю на помочъ.

Оубо, братиѣ, стоукъ стучитъ а громъ гремитъ въ славномъ граде Москвѣ, стоукъ⁷⁾ стучитъ великаѣ ратъ великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремятъ роусскіи оудалцы злачеными шеломы и доспѣхи.

Князъ же великій Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего князя Володимера Ондрѣевича и всѣ православныи князи и воеводы, ѣхаша къ живоначалной Трѣце и прѣдбоному игумену Сергею, и тамо шедъ блгсвеніе положучи отъ всеи обители стѣны. И моли его прѣдобныи Сергея, дабы слоушалъ оу него стѣны

1) приб. — есмѣ. 2) от. 3) воеводу коемуждо полку. 4) Дмитрию Ивановичю. 5) гнѣ. 6) выѣхаша. 7) стоукъ — *итѣ*.

слоужбы, приспѣ бо днѣ воскрѣснѣи, на память стѣх мѣнкѣ Ѡлора и Лавра. По отпущеніи ж стѣи слоужбы, моли его прѣдобныи со всею братею, дабы оу них вкусил от хлѣба обителска. Великому ж кнѣзю ноужно ѣ, прѣиде вѣсть ис Поля, ꙗко ближаютъ поганѣи. Моли ж кнѣз великѣи прѣдобнаго, дабы его отпустил без замедленія, и глѣ емоу прѣдобныи, не оу ж бо постижъ венеч побѣде носити, но по минуувшихъ лѣтахъ, нѣтъ ж мнози венцы плетоутся. Кнѣз же великѣи вкуси от хлѣба обителска. Прѣдобныи ж в то время повелѣ водоу свещати с мощей стѣх мѣнкѣ Ѡлора и Лавра. Кнѣз же великѣи скоро востав от трапезы, прѣдобныи ж старецъ окропи его водою и все любимое воинско ¹⁾ и дѣ великому кнѣзю Хвѣ знаменіе — крѣтъ на челѣ и речѣ: «поиди, гнѣ, нарек Гѣ Ба, Гѣ Бѣ да боудетъ ти помощникъ и заступникъ, имаеши победити соупостата своего». Кнѣз же великѣи прослезився, проси от него дароу; он же речѣ: «елико довѣдетъ твоему гдѣрствоу, проси от мене, еже хоцещи». И речѣ ему кнѣз великѣи Дмитрей Ивановичъ: «дай ми два воина от полкоу своего, то и ты пособствоуеши с нами». Он же речѣ: «коихъ, гнѣ». Кнѣз же великѣи речѣ о двою братехъ, о Пересвѣте и о Ослебяти. Прѣдобныи ж скоро повелѣ им готовымъ быти своимъ ратникомъ. Они ж скоро сотвориша послоушание прѣдобнаго. Он же скоро дасть им в тлѣнныхъ мѣсто нетлѣнное оружїе — крѣтъ Хвѣ на скихмахъ, и повелѣ им вмѣсто шоломовъ воздевати на себя, и дасть ихъ в роуцѣ великому кнѣзю, ркуще: «се тебѣ мои оружїицы, а твои изволницы». И речѣ имъ: «миръ вамъ, братиѣ мои, постражите, ꙗко добрии страдалцы Хвѣ». И дасть им Хвѣ знаменіе — миръ и блсвеніе. Кнѣз же великѣи обвеселисъ срдцемъ и поиде к Москвѣ, радуясѣ, ꙗко многоцѣнно сокровище обрете, не помышляя ни на злато, ни на сребро, ни на бгѣтество, но велии радовашесъ о блсвеніи старца (прѣбнаго Сергия).

И прѣиде на Москву и поимъ брата своего кнѣзя Володимера Ондръевича, иде ко пресвѣщенному Киприану митропо-

---

1) войско.

литу ¹⁾ и поведѣ ему все, еж сотвори ему прѣдбныи Серген и како дѣ ему бѣвеніе и всему его войску. Митрополит же повелѣ ему си словеса сохранить, не поведати никоуж ²⁾.

Княз же велики иде в ложницю свою, оуж ³⁾ к вечеру, приспѣвшу четвергоу авгоус ѿ днѣ, на память стго отца Пимина Отходника, восхотѣ оуж оутре изыти противу безбожных татар. И поим брата своего князя Володимера, иде ко прѣстоу Вѣдче нѣше Бѣе, согноув рупѣ къ персем и мѣтвою глах во оумиленіи срѣца, и от очию его яко источник слез течаше: Молю ти ся, чюдныи Вѣдко страшныи, крѣпкіи, востинноу прѣ славы. Помилуи нас грѣшных, егда оунываем и к тебѣ единому прибегаем, ко своему Спасу и блгдѣтлю. Под твоею рукою вси есмѣ, яко моя согрешения сотроша ми главу мою. Но тебѣ бо, вѣси, оставляющим нас, но нам тебѣ не взыскающим. И приемъ псѣмъ ѿд: соуди обидящим нас и возбрани борющимся со мною, приими оруужие и щит, стани в помощь мнѣ. Дадъ ж ми, Гѣ, помощь на противных, да познают силу твою. — И паки идетъ предъ врата чюдотворныи иконы Црци, иж Лоукина писма ⁴⁾ еуѣалиста, еще живъ написал, и нача оумилно ко прѣстому образу Емъ вещати: О чюдотворнаѣ Гѣе Царица, всего живота члѣскаго кормительница, тобою познахом истиннаго Бѣа, воплощшагося и рожшагося ис тебе. Не даи, Гѣе, в разорение града нашего поганымъ и безбожному сему Момаю, ни осквернити стѣую твою цркви и моли Сна своего и Бѣа нѣшего, Вѣдкую творца и Создателя нашего, да смиритъ сердце врагомъ нашимъ и да не боудетъ роука ихъ высока, и свою помощь послѣ с нами, нетлѣннюю ризу свою, да вноутрь одѣжемся и нестрашливы ⁵⁾ к ранамъ. На тя, Вѣдче, надѣмся и в молитве помолися за ны Сноу своему и Бѣоу нашему, яко твои есмѣ раби. Вѣмъ, Гѣе, яко можешъ намъ помощи на противныи враги, они бо не исповедаютъ тебе, Вѣдци, но азъ на твою помощь надѣюся и подвизаюся

1) митрополиту Купріяну.
(4) *встав.* — i.

2) никоужъ повѣдати.

3) *приб.* — бо.

5) нестрашливи.

противоу безбожных сих, да боудет оумолен Снѣ твои и Бгѣ наш. — И паки иде ко гробоу Петра чудотворца, митрополита всеа Роусіи, и припаде любезно ко гробоу стго и речѣ: Оче стѣи и чудотворнии, по смрти бо жив еси, чудодѣши бо, блжне; ннѣ бо ти приспѣ время мѣти за ны ко общему Владцѣ, днѣ бо злы належаѣт вещи, идоут бо на ны ¹⁾ поганіи, напрасно ополчашася. Тя бо Гбѣ прогави послѣднему родоу нашему, яко светило свѣтлое на свѣщнице за ны молитися, да не приидет роука грѣшница и не погоубит нас. Ты бо страж земли роусскихъ.

И скопчав мѣтвоу и поклонися митрополиту (Киприяну). Митрополит же блсви его и отпусти, и да емоу Хво оспѣніе пркѣви зборныа ²⁾ и с клиросы во градныа врата Ороловскыа и во врата Николскыа и Костянтиноуленскыа со живиносными крсты и с чудотворными иконами, да всяк иж воин блсвенъ боудет.

Княз же великій Дмитрей Иванович з братом своим со кнзем Володимером Ондрѣвичем иде во пркѣвь нбснаго воеводы архистратига Михайла и биша челом стму его образу. И пристоупи ко гробом православных кнзей прародител своих и ркуще: Хранители православныхъ поборници ншїи, аще имаєте дерзновеіе ко Гбу, помолитесь о нашем согрешенїи, яко великое приключенїе нам и чадом нашим. Ннѣ оубо подвизайтесь с нами. И се рек, изыде из пркѣви.

Кнѣни ж великаа Овдотя и кнѣни княж Володимерова Ондрѣвича и иныхъ православныхъ кнзей кнѣни с воеводскими женами стоятъ тутѣ и проводы дѣютъ, а во слезахъ и во кричанїи ни единого слова не можетъ рещи от жалости сердца. Кнѣни ж великаа Овдотя отдастъ конечное целованїе великому кнзю, а во слезахъ не можетъ слова прорещи. Княз же великій мало оудержася от слезъ, но не прослезибося ³⁾, народа ради, а сердцемъ жалостно плакаше, тѣшаше свою великою кнѣнью и речѣ: Жено, аще Бѣ по насъ, никто ж на ны. И прочаа кнѣни и воеводскыа жены ⁴⁾

---

1) на ны. 2) соборныа. 3) прослезился. 4) и прочаа — жены *пропущено*.

такъ жъ съ своими кнѣзи и богатыри отдаста конечное целоване и возвратишася съ великою кнѣгнею.

Князь же великій вѣстоупивъ въ златое свое стремя и сѣде на любезныи свои кони, и вси кнѣзи и богатыри всѣдоша на свои кони, и воеводы побѣхаша, а слѣдце имъ со востока съѣдетъ, а по нихъ кроткіи вѣтрѣцъ вѣетъ.

Оужъ бо тогда аки соколи рвахуся отъ златыхъ колодицъ, а то рвахуся кнѣзи Белозерскіи ис камена града Москвы, выехали своимъ полкомъ, оурядно бо бѣше полцы ихъ видѣти, ꙗко достоитъ имъ избивати полки ¹⁾ татарскіи, бѣ бо храбро ихъ видѣти войско.

Князь же великій отпусти брата своего Брашевскою дорогою, а Белозерскіи кнѣзи отпустилъ Болвановскою дорогою, а самъ князь великій поиде на Котелъ дорогою. А спереди емоу слѣдце съѣдетъ и добръ грѣетъ, а по немъ кроткіи вѣтрѣцъ вѣетъ. Но того ради не пошли одною дорогою, ꙗко не мощно имъ вместитися.

Великамъ жъ кнѣгнѣ Овдотѣ съ снохою своею и съ ыными кнѣгнями и съ воеводскими женами вниде во свои златоверхіи теремъ набережныи и сѣде подъ южнымъ окномъ и рече: Оужъ бо на ты конечное зрю, на своеѣ гсѣдрѣ великого кнѣзя. А въ слезахъ не можетъ слова прорещи, и слезы льются, аки рѣчныи струи. И воздохнувъ съ печалию и съшибе роуцѣ къ персемъ и рече: Гдѣ Бже, призри на мя смиренную и сподоби мя еще видѣти гсѣдрѣ своего славнаго въ члѣкахъ великого кнѣзя Дмитрея Ивановича. Дадъ же ему помощь крѣпкіи руки его победити враги его, и не сотвори, Гдѣ, ꙗко жъ за мало лѣтъ бранъ была крѣстьяномъ со еллины. Отъ Батыи до Калскіи рати и до Мамаева побоища лѣтъ рѣи. Отъ таковагожъ сѣси, Гдѣ, и не даи же, Гдѣ, погибнути оставльшемуусъ хрѣстьянству, да славится имя твоѣ стѣе. Отъ того бо брани роусскаѣ земля оуныла. Оужъ ни на кого жъ надежи не имамъ, но токмо на тебя всевидящего Бга. Азъ же пшѣю отрасли ²⁾, еще млади соуще: Василии и Юрью. Егда поразитъ ихъ зной съ юга или вѣтръ

---

1) полци.

2) двѣ отрасли.

подвѣтъ их з запади, то не могоут терпѣти¹⁾, а противоу бо ему что сотворю. Но возрати, Гѣ, отца их поздороваю²⁾, то и земля спасется, а они црствоуют в вѣки³⁾.

Поют же с собою княз великѣи от гостей сорожан і члѣкъ, поведаніа ради, аще что слоучится тainно, не повѣдають вборзе на Москвѣ: а гостя Василя Капцоу, в Сидора Олферева, г Костянтина Волка, д Коузму Ковырю, е Семена Онтонова, з Михаила Сараева, з Тимоѣя Весякова, и Дмитрея Черного, б Ивана Шиха, г Дмитрея Саларева.

Тогды ж возвѣташа силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошас великіа кнѣзи роусскіа, а по них дѣти болгарские оуспѣшно грядут, аки чаши медвяныа пити и стеблиа виннаго гasti, но не медвяныа чаши пити, ни стеблиа виннаго гasti, но хотят чѣи добыти и славнаго имени в вѣки.

Возвѣтавшоу со востока вѣтроу, а в⁴⁾ нем гром и молніа, но ни гром, ни вѣтръ, но стоук стучит и⁵⁾ гром гремит по зорѣ по ранней: возятсѣ княз Володимиръ Ондрѣевич рекоу Москвою на красном перевозѣ Брашевском.

Княз же великѣи приѣхал на Коломну в соуботу⁶⁾, на памят стго отца Моисѣя Моурина. Туто ж быша мнози ратницы, и воеводы стретоша его на рѣчке на Сѣверке. Епѣ же Герасим стрете его во вратех градных со живоносными крѣты и с чюдотворными иконами и со всѣми клиросы и оградив его крѣтом и мѣтвою сотворив: сѣси, Бже, люди свои. Во оутриа ж днѣ повелѣ княз великѣи выехати всѣм воеводам на поле Двѣ (на Коломнѣ) и всѣм людям сниматися во стоую идлю по заоутрени.

И начаша мнози гласы ратных труб трубити, и варганы тепоут, и стези ревоут наволоченыа в саду Панѣилове, снове роустіи наступиша поля коломенскіа, іако не мощно их никоуж презрѣти.

Княз же великѣи выеха з братом своим и видѣ множество

---

1) стерпѣти. 2) здравя. 3) см. то и земля — в вѣки: то и миръ сѣсется. 4) по. 5) а. 6) в соуботу — нѣтъ.

людей и возрадовашася и оуряди коемоуждо полку воеводеу. А к себѣ привм кнѣзи Белозерскыя, храбри бо бѣше, а брату своему дал кнѣзи Гюрославскыя. А ¹⁾ правоую руку себѣ оуряди ²⁾, а лѣвою руку брата своего кнѣзя Володимера, а кнѣзя Глѣба Дрютцкого. Передовой полкъ да ³⁾ Дмитреи Всеволож, да брат его кнѣзь Володимеръ; коломенского ж полку воевода Микула Василевич; володимерского ж полку воевода Тимоѣи Волоуевич; костромского ж полку воевода Иван Родивонович Квашня; переславской ⁴⁾ ж воевода Ондрѣи Серкизов. Оу кнѣзя ж оу Володимера воевода Данило Белеут, Костянтин Конанович, кнѣзь Ѳедор Елетцкой и воевода Мещерской, кнѣзь Юри да кнѣзь Ондрѣи ⁵⁾ с своими полки придоша.

Кнѣзь же великій оурядив полки и повелѣ им Оку реку во-зится, заповѣда ж всякому челоуѣку, хто поидет по рязанской землѣ, по вотчине их, да никто ж не прикоснетца ни единому ⁶⁾ власу землѣ их. Сам же взем блѣвеніе от еѣпа Коломенского и перевезеся Оку реку. И ту ставше послаша третью сторожоу избранных витязей и рече им: нолни своима очима видитеса с татарскими полки. А посла Семена Мелика, Игнатѣ Крени, Ѳому Тынипу, Петра Горского, Карпа Олексина, Петроушоу Чюрикова и иных многих посла с ними.

И рече кнѣзь великій Дмитреи брату своему кнѣзю Володимеру: Поспешим, брате, противу безбожных сих печенѣг и не отовратим лица своего от безстоудных сих. Аще нам случится смѣръ, то дома живучи оумрети ж, а от смѣрти не избыти нигдѣ ж. И рече: всяк идый поутем, призывает родители свои и сродник Бориса и Глѣба.

Слышев же то ⁷⁾ Олегъ рязански, ꙗко кнѣзь великій Дмитреи Иванович собрал воиъ многа з братом своим со кнѣзем Володимером Ондрѣевичем и идет противу безбожному ⁸⁾ Мамаю, а сердцем своим не оупал, но твердою своею вѣрою крѣпко хочет

1) а — *нѣтъ*.

2) оурядивъ.

3) да — *нѣтъ*.

4) переславской.

5) *приб.* — Моуромскыя.

6) не прикоснитца ни ко единому.

7) *приб.* —кнѣзя. 8) *приб.* — царю.

с печенѣги битися и имѣет оупованіе на единого Бѣа. Княз же Олегъ начѣ с мѣста на мѣсто переходити и нача глѣти ко своимъ бояромъ: не начаемому дѣлу не оудобъ разоумѣти, аще бы ми мощно послати ко многоразоумному Іѣгаилу (литовскому) таковаго вѣстника: како мыслити намъ, оужъ бо засталъ поутѣ наши, но азъ оубо¹⁾ чаюхъ по правиломъ, іако не подобаетъ великому кнѣзю противу безбожнаго црѣа стояти. Нѣъ оубо, что се здумалъ, откуда сеи хошетъ помощи противу безбожнаго црѣа стояти²⁾. И рекоша емоу бояре его: мы слышахомъ за еіа дни до сего дни, но тебѣ того не смѣли поведати. Сказываютъ въ вотчинѣ его калюгеръ, имянемъ Сергеніа, стѣи и прозорливъ велики, но тотъ деи блѣсвилъ его и вооружилъ противу намъ, но еще и отъ своихъ калюгеръ далъ емоу пособниковъ. И слышавъ то Олегъ нача боярѣмъ и нача ратовати на свои бояре: Почто ми есте преже сего дни не сказали, дабы шедъ оумолилъ црѣа да ничтобъ³⁾ зла сотворилъ. Но горе мнѣ, изгоубихъ си оумъ, но паче не азъ единъ оскудѣхъ оумомъ, но и боле мене разоумѣлъ Іѣгаило литовски, но и тотъ оскудѣхъ оумомъ, не оного жъ възыщетъ Бѣъ⁴⁾, но мене, онъ имѣетъ законъ гоугниваго Петра, азъ же имѣхъ правыи законъ. Но что ради зла сотворихъ, того бо ради о мнѣ речѣ: аще рабъ не сохранитъ закона Гдѣа своего, то бѣенъ боудетъ много. Нѣъ оубо что сотворю и которому вдамся. Что ми здумалъ мои хоудыи оумъ, чтобъ нѣъ приложился къ великому кнѣзю Дмитрею и поработалъ бы емоу, но онъ не пріиметъ мя, вѣдаетъ бо измѣну мою. Аще ли приложоусъ къ поганому Момаю, то по истиннѣ боуду врагъ на вѣроу хрѣстѣянску, іако оного новаго Отополка земля мя пожретъ, не токмо кнѣженіа лишенъ боудоу, но и живота гонзнуся. Аще бо Гдѣа по нихъ, то никто жъ имъ можетъ зла сотворити, но и еще объ нихъ мѣтва прозорливаго старца (Сергенія) къ Бѣоу. Аще ли ни единому отъ нихъ помощи не сотворю, то въ прокъ ото обомъ како могоу прожити, а нѣе которому присягоу имѣю.

1) бо.

2) *см.* противу — стоять: противу тремъ насъ вооружился.3) *приб.*: ми.

4) не оного жъ Бѣъ възыщеть.

Іѣгаило ж по прѣжреченному оуроку своему совокупѣ Литвы много и Варяг и Жюмоти, поиде на помощь к Момаю. И прииде Іѣгаило в Одоер и слыша, ꙗко Олегъ рязанскіи оубоѣся, и пребѣ Іѣгаило, оттолева ¹⁾ не подвизаѣся из Одоева. И нача разоумѣти соуетнаго своего помысла и видѣ совокоупленіе свое раздно и нача рватися и сердитовати и начѣ имати паны своимъ: егда не достало мдрости члѣчѣ, николиж бо Литва от Резани не прѣимаше разоума, нѣ изведени есмѣ от оума от кнѣзя ²⁾ Олга рязанского, сам бо нѣѣ погибѣ ѣ. Пребоудем оубо здѣ, дондеж оуслышим московского побѣду.

В тож время оуслышели кнѣз Ондрѣи Полотцкіи и кнѣз Дмитреи Брянскіи Олгердовичи, что велика туга належит великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю московскому и всѣм православнымъ хрѣстыаномъ от безбожнаго црѣя Момаѣ. И рекоша: отидемъ к великому кнѣзю московскому на помощь, бѣста бо есмѣ ³⁾ отцемъ и братомъ ненавидими, но Бгѣмъ возлюблени, бѣ бо есмѣ едино крещеніе ⁴⁾ от мачехи своеѣ кнѣгини Анны, ꙗко класъ добродноплудныи, терниемъ подавляемѣ. Не свещаста бо ся промежъ собою кнѣзи. И посла кнѣз Ондрѣи ⁵⁾ къ брату своему ко кнѣзю Дмитрею таино грамоту, в ней ж писано: Вѣси ли, брате мой милый, ꙗко отѣцъ нашъ отверзе насъ отъ себе, но паѣ Отѣцъ нѣсныи присвои ны к себѣ и давъ намъ законъ свой ходити по нему и отрешитися намъ поустошныи суеты. Но скончаемъ подвигъ добрый Хсѣу началнику хрѣстыанскомуу, поидемъ, брате, к великому кнѣзю на помощь. Нѣѣ, брате, великому кнѣзю московскому велика туга належитъ отъ поганыхъ Измалтъян, но еще и братъ нашъ Іѣгаило порѣботаетъ ⁶⁾ ему, но Олегъ рязанскіи приводитъ ихъ. Намъ же подобаетъ айслѣское слово скончати: братѣа, в бедахъ пособники ⁷⁾ бываѣте. И помысливъ, что намъ родителемъ противитися, и еуѣалистѣ Лука рѣчѣ оусты Сѣсителя нашего: предани боудете родители ваши ⁸⁾ и братею, оумрети имате, имѣяни моего ради, претерпѣвыи до конца, тои

1) оттоле.

2) *встав.*: от.

3) есмѣ.

4) еднии крещеніемъ.

5) Ондрѣи — *пропущено*.

6) порѣботаетъ.

7) пособивыи.

8) ва-

шыми.

спѣнь боудет. Но излѣзем, брате, от подавляющаго сего терниа и присадимся ко истинному виноградоу хрѣстьянскому, дѣлателью нам рукою Хрѣстовою. Нѣтъ, брате, подвигнемся не земнаго ради живота, но нбснаго, еж дѣ ГѢ творящим волю его. — Прочет же грамотоу княз Дмитрей, нача плакаться от радости, речѣ: Вѣдко члѣколюбче, дай ж рабом своим хотѣніе совершити и сего почестъ добраго подвига показати, его ж открыл еси братоу моему старшему. Днѣсь, гнѣ, по твоему изволенію готов есмь, колко моего войска готови соут со мною вкоупе, бжѣше блгода-тию совокуплени быхом ¹⁾ иныи дѣла брани ²⁾ от доунаиских варягъ. Но нѣе, брате, слышах, ѣко прѣдоша ко мнѣ медокормцы из Сѣверы, а кажоут: княз великій на Доноу, тоуто хощет ждати поганого Момата. И подобает нам итти на Сѣверу и туто совокупитися, и коим поуем оутаймся брата своего Іѣгаила, дабы нам не бранил. — По малех же двух снѣдошася желанно два брата ³⁾ со всѣми своими силами, и видѣвше и возрадовашася, ѣкож иногда Иосѣ с Венѣмином, изглядавше свое многое войско и возвеселишася сердцем, бѣше бо вооружени нарочитыи воины и ратници. И приспѣв борзо на Дон и наѣхавше великаго кнѣзя еще об сю сторону Доноу ⁴⁾ на мѣсте, нареченном Березоуи, и тоу совокупилися ⁵⁾ великіе полкы ⁶⁾.

Княз же великій Дмитрей Иванович з братом своим со кнѣзем Володимером Ондруѣвичем возрадовашася велии велице их силе, ѣко не оудоб видѣти таковому востанію, ѣко братиа оставиша брата пороугана, ѣкож иногда пороугашася волсви Иродоу, прѣдоша сѣи в помощь нам. Княз же великій почти их великими дары, також в поут идоша, радуѣся о стѣм Дѣсь, земнаго ж всего отвергшеся, чающе нбснаго живота, чѣа смѣртнаго. Речѣ же княз великій: братиа мои милыи, коети ради потребы прѣдосте сѣмо, но ГѢ посла вас в поут свои, воистинну естя ревнители праотца нашего Аврама, ѣко от племени воскорми

1) *естав.*: и.2) *естав.*: належащих.

3) два брата желанно.

4) об сю страну.

5) совокупишася.

6) полци.

Лота, ꙗко аще подобни естя доблественному великому кнѣзю Гирславоу, ꙗко тои отомсти обиду братии своей. Скоро жъ вѣсть посла ко пресщенному митрополиту Кипремну и речѣ, ꙗко Олгердовичи приидоша ко мнѣ со многими силами, а брата своего Гйгаила оставиша. Вскоре жъ вѣсть прииде к митрополитоу Кипремну. Митрополит же востав и прослезися, слышевъ таковое чюдо ¹⁾, и нача мѣтвѣ творити: Гй Вѣдо чѣлолюбче, ꙗко супротивнии нѣши вѣтри на тихость предлагаются. Посла во вся зборы црѣвныи и во обители стѣмъ, повелѣ мѣтвы творити днѣ и нощѣ ко вседержителю Бгѣу, но вбѣрзе посла во обитель ко прѣподобно старцоу Сергею. Кнѣзи жъ великаго Овдотѣ слышевъ то великое бжѣе милсрдѣе, многи мѣсти сотвори оубогимъ, сама жъ непрестанно ходи ко црѣве днѣ и нощѣ. Но на подлежащее возратимся.

Кнѣзю жъ великому бывше на мѣсте Березоуи, приспѣ жъ днѣ сентября ѿ, на память стѣго пророка Захарѣи, и еще приспѣ память сродника его стѣго кнѣзя Глѣба Владимировича, и приѣхаша два от стражъ его, Петрѣ Горьскѣи да Карпѣ Олексѣи и приведоша изыскъ нарочитъ, ꙗзъ от велможъ црѣвыхъ. Тои жъ изыскъ поведаетъ великому кнѣзю, ꙗко црѣ оужъ на Коузминѣ гати, но не спешитъ того ради, ожидаетъ Гйгаила литовскаго и Олга Рязанскаго, твоего жъ црѣ собранѣи не вѣдаетъ. По прѣписанному Гйгаиловоу совѣту на третѣи днѣ иматъ быти на Дону. Кнѣзъ же великѣи спроси его о силѣ его, онъ же речѣ: неисчетное множество, исчеисти нѣкомуу.

Кнѣзъ же великѣи нача думати зъ братомъ своимъ со кнѣземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ ²⁾ и с новонареченною братею, со кнѣзи литовскими: здѣ ли намъ ждати Мамага или итти за Донъ. И рекоша емоу Олгердовичи: аще ли, гнѣе, хоцещи крѣпкаго войска, то сего дни повели возитися за Донъ, да не боудетъ ни единого мыслящего назадъ, да всякъ бѣется безъ лѣсти, а велицей силѣ его не вѣроуи, ꙗкожъ не в силѣ Бгѣ, но в правдѣ, Гирславъ бо перевезеся

1) таковое чюдо слышавъ.

2) Ондрѣевичемъ — *и мнѣ*.

рекоу ¹⁾, Стополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣиского победи, а ты Бѣа нарек, також сотвори: аще побьем поганных, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смѣтью оумрем ото кнѣзя и до простых людей, тѣм бо словесем крепится великое войско твоих витязей. — Кнѣз же великимъ Дмитрей Иванович повелѣ оуспѣшно возитися всему войску ²⁾ за Дон.

Стражее ж оускаряют, ѣко татарове ближают, оужасно во гнѣсти. Возрадовашася радостию великою, зря своего желаннаго подвига, его ж на Роуси вожделѣша за многи дни. Придоша ж на мѣсто то волци, по вся днѣ воюще непрестанно, гроза велика. Полком же храбрымъ срѣдце оутвержается. Оуж вранове не-обычно слетѡшася, не оумолкают, галицы своею рѣчью говорят, орли ж мнози оустъ Дону налетѣша и ту клегчюще ³⁾, ждоуще дни грознаго и Богом изволеннаго, в онже ⁴⁾ днѣ имоут стертися множеству трупѡу члѣчю и крови их пролитися. От таковыа стрѣсти ⁵⁾, аки морским водам, от великихъ грозы древа прекланяются, трава постилается.

Мнози бо наполнишася дѣа храбра ⁶⁾, оуж ⁷⁾ земнаго не помышляюще ничтож, но видяще каждо пред очима, оуж бо поганѣи стоудом помрачуются, видяще погибел живота своего, понеж погибѣи памяти их с шумом. Правовѣрнѣи ж члѣди просѣаються, радующеся, чающе оногѡ обетованѣи и прекрасныхъ венѣцъ от роуки Вседержителя ⁸⁾, о них же поведѣи прѣдобныхъ Сергенъ старецъ.

Вѣстницы ж оускаряют, ѣко прѣ ближает. Прибегоша ж ѣ стражей в ѣ час дни, Семенъ Мелик со дружиною своею, а за нимъ гонѣшася много татар, мало его не оугонѣша. Оуж бо оузрѣша полки роусскихъ и возратѣшася ко прѣю и поведѣша ему, ѣко кнѣзи роусскихъ ополчѣшася при Дону, бжѣимъ промы-

1) *от ркл.* рекоу дважды.

2) всему войску возитис.

3) вранове ж

и галицы своею рѣчью говорят, не оумолкают орли ж мнози с оустъ Доноу слѣтѣшася, клегчют.

4) *приб.*: днѣ.

5) смерти.

6) ратна.

7) бо.

8) *приб.*: Бога.

словъ многое множество людей, но прѣю вчетверо того сказаша. Нечѣстивыи жъ прѣ разумѣвъ и разжен¹⁾ діаволомъ на свою пагоубоу, крикнувъ и напрасно испусти гласъ свой и речѣ: сеѣ велика сила моя, аще сего не одолѣю, како возвращоуся во свояси. И повелѣ прѣ своимъ вооружатися. Семенъ же Меликъ поведаетъ великому кнѣзю, тако прѣ на Гоусинѣ броду, единая ношѣ промежъ нами²⁾ ихъ, оутре боудутъ на Непрядву реку. Тебѣ жъ подобаетъ великому кнѣзю сего дни исполчитися, оутре бо на насъ оускорятъ татарове.

Нача жъ князь великій зъ братомъ своимъ и съ литовскими кнѣзи до ѿ чѣсу полки оуряжати. Нѣкто жъ воевода прѣиде съ литовскими кнѣзи, именемъ Дмитрей Бобровъ, родомъ земли волынские, нарочитъ бѣ воевода и полководецъ и изряденъ во всемъ по ряду. Сихъ велики по достоинанию оуставилъ полки, елико комуждо подобаетъ гдѣ стоять.

Князь же великій поимъ брата своего кнѣзя Володимера и литовские кнѣзи и всѣ кнѣзи и воеводы и выехаша на мѣсто высоко и видѣвъ образъ Спсѣвъъ воображенъ во хрѣстьянскихъ знаменіихъ, аки нѣкыи свѣтильницы слѣпныи, луча испускающе и всюдѣ свѣтящеся, озаряюще все хрѣстолюбивое воинство, и стязи ревоутъ наволоченныи, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотятъ промолвити, а оу богатырей горугови³⁾, аки живи папшутся, доспѣхи жъ роусскими, аки вода сильнаи во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главахъ ихъ, аки оутренняя заря во время солнца ведренаго свѣтящеся, еловци жъ шеломовъ ихъ, аки поломя огненное папшетьца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое роусскихъ кнѣзей собрание и оудалыхъ витязей оучреженіе. И тако въ себѣ равно единодѣшно друтъ за друга хотяще оумрети, и вси единогласно вопиашоу: Бже стѣи, призри на ны, дароуи нѣмѣу православному великому кнѣзю побѣду на поганыхъ, тако и Константину покори врази подъ нозѣ его, такожъ Моисѣю на Амалика и кроткому Двѣоу на Голиада. И⁴⁾ оуви-

1) бысть.

2) *встав.* — i.

3) хоругови.

4) ижъ.

дѣвши кнѣзи литовскыи и ркоуще: ни ѣ достоинно при нас и
преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому
воискоу ¹⁾, мужеством же подобни Гедеоновым снузницы ²⁾, Гѣ
Бѣ своею силою вооружил их.

Княз же великіи видѣв полцы свои, велии оучрежены до-
стоинно, и шед с коня долов ³⁾ и пад на колѣну прямо великому
полку черному ⁴⁾ знамени, на нем же бѣ образ Вѣды Гѣ нѣго
Ісѣ Хѣ, из глублины срѣца нача призывати велегѣсно: О Вѣдо
вседержителю, виждь смотреливым си ⁵⁾ оком на люди свои, и
твоєю рукою сотворени соут и твоею кровию искуплені из ра-
боты вражьи. Внуши, Гѣ, глас мѣтвы их и отоврати лице свое
от нечѣивых ⁶⁾, иж творят зло рабом твоим. Молю бо ся образу
твоему стѣмоу и прѣтои твоеи Мѣри и твердоу и неборимому
мѣтвенику о нас тебѣ, роусскому стѣю (Петру), на его мѣтвоу
надѣюся, смѣю призывати имя твое стѣе. Княз же великіи всѣд
на кон свои и нача по полком ѣздити со кнѣзи и с воеводами и
коемуждо полку рѣч своими оусты: Братіа мои милая, сѣве
роусскыи, моладыи и великие ⁷⁾, оуж ⁸⁾ ноцѣ приспѣ, а днѣ при-
ближися грозныи. Бдите и молитес и крепитесь: Гѣ силен во
бранѣх. И здѣ пребоудем, кождо на мѣсте своем, во оутриі ж
днѣ поспешите, братіи, надобет оурядити: оу ж бо гости нѣи
ближают ⁹⁾ на рецѣ на Непрядве, во оутриі ж днѣ имам ¹⁰⁾ вси
пити общоую чашу смѣртную поведеную, тое бо есмѣ чаши еще
на Роуси жадали за многи днѣ, но оуповаите на Бѣа жива. Мир
вам, братіи. — Отпусти ж брата своего кнѣзя Володимера
Ондрѣевича вверхъ по Дону, в дубровоу, іако оутаятисѣ полку
его, и дав емоу своего двора избранных витязей и еще отпусти
с ним извѣстнаго воеводу ¹¹⁾ Дмитрем Волинца.

Оуж ноцѣ приспѣ светоноснаго праздника Рожѣства стѣна
Бѣа. Дни же одолжившоусѣ и сѣгающе, бѣ же тогды теплота и

1) воинству. 2) Гедеоновым снузником. 3) долов — *иѣтъ*. 4) *съ рѣкѣ*.
«черному» *дважды*. 5) си — *иѣтъ*. 6) и отоврати — нечѣивых — *иѣтъ*.
7) старіи и младіи. 8) бо. 9) близко соуть. 10) имамы. 11) *съ*
рѣкѣ. «воеводу».

тихость в нощи той, и мрачныя росы явишася. По истинне: нощь несветла невѣрным, а вѣрным же просвещена есть. И рече Дмитрей Волинецъ великому кнзю: «Повѣм тебѣ, кнже, примѣтоу свою искусною». Оуж бо долго нощи вечерняя заря потоухла. Кнз же велики Дмитрей Иванович, поим с собою брата своего кнзя Володимера и литовские кнзи едины, и выехаша на поле Куликово, и став посреди обоих полков и обратися на полкъ татарской, и слыша стоук велик и клич, аки торги снимаются ¹⁾, аки гради зижоуще ²⁾, аки трюбы гласяще, и бѣ назади ³⁾ их грозно ⁴⁾ волци воюще велими. По десной ж стране ворони кличют, и бѣ глас велик птич, вранове ж играют по рече той, аки горы колыбашеся ⁵⁾, по рече той ⁶⁾ по Непрядве гоуси и лебеди непрестанно ⁷⁾ крылы плещуще, необычную грозу подают. И рече Волинецъ великому кнзю: «слышасте ли сіа». И рече ему кнз велики ⁸⁾: «слышим, брате, гроза велика» ⁹⁾. И рече Волинецъ: «призываю ¹⁰⁾, кнже, обратитесь на полкъ роусскіи». И бѣ тихость ¹¹⁾ велика. И рече великому кнзю: «что слышасте, гнѣ». Он же рече: ¹²⁾ «ничто ж, токмо видѣхом огневи мнози и зари мнози ¹³⁾ снимахоуся». Рече же Волинецъ: «оставите, кнже гнѣ ¹⁴⁾, добра знаменія ¹⁵⁾, призывайте Бга, не оскоудѣи ¹⁶⁾ вѣроу». И паки рече: «аще ми вѣра есть». И сниде с коня и пад на десное оухо и привиче на землю и предлежа на долгъ час, и воста и абие пониче. И рече емоу кнз велики Дмитрей Иванович: «что есть, брате». Он же не хотѣ сказати. Кнз же велики много ноудив его. Он же рече: «едина ти есть на ползу, а другата не на ползу: слышах землю плачущоуся на двое: едина страна, аки жена нѣкая вдовица, а другата страна, аки нѣкая дѣца, аки свирѣл просопе плачевным глсом. Аз же много тѣх примѣт пытах, и сего ради надѣюся о Бзѣ стѣм и стѣх мѣнкъ Бориса и Глѣба,

1) снимаются 2) аки торги — зижоуще *поставлено послѣ*: аки трюбы гласяще. 3) и позади. 4) гроза велика. 5) колыбашуся. 6) той — *нѣтъ*. 7) непрестанно — *нѣтъ*. 8) И рѣши ему великіе князи. 9) *приб.*: есть. 10) *приб.*: вас. 11) тишина. 12) Они ж рѣши. 13) видѣхом зари огнени мнози снимахоуся. 14) оставите гнѣ — *нѣтъ*. 15) *приб.*: сут. 16) оскоудѣвайте.

сродники вашими, аз чаю побѣды на поганых, а нѣмъ много падетъ». Князь же великій то слышав и прослезился и рече: «боудетъ гдѣ 1) побѣда». И рече Володимеръ: «не подобаетъ сего гдѣю в полцѣхъ поведати никому, но токмо Бгѣ мѣтити и стѣхъ его призывать». И рано оутре начаша на кони свои садитися, и повелѣ всякому крѣпостомъ огражатися, то бо есть побѣда на поганыхъ.

В тоу жъ ночь нѣкто мужъ, именемъ Оума Хабычѣвъ, разбойникъ, поставленъ сторожемъ отъ великаго князя на речѣ (на Непрядвѣ) на Чюдо на 2) Михайлово крѣпкою сторожою отъ поганыхъ. Сего жъ оуверья Бгѣ и откры емоу видѣніе въ ночь сію: И видѣ на высоте облакъ изряденъ прииде отъ востока, великъ зело, и отъ полуденныа страны приидоша двѣ оуноши свѣтлы зело, имоуще въ рукахъ своихъ по мечю остру и ркоуще полковникомъ татарскимъ: кто вы повелѣте требити (сирѣчь разарити) отчѣство нѣше, намъ дарова Гѣ стрещи его, начнемъ сещи ихъ, то ни единъ отъ нихъ не избытѣ. И оттолѣ члѣкъ той вѣренъ бѣ и целомѣръ. И на оутрѣ поведѣ великому князю единому. Онъ же гдѣ емоу: не гдѣ сего никому жъ. Самъ же воставъ и воздѣвъ роуцѣ на нѣбо и нача плакати и гдѣти: Гѣ Вѣдо члѣколюбче, мѣтвами стѣхъ мѣчѣ Бориса и Глѣба, помози ми, яко Моисѣю на Амалѣка и прадѣдоу нѣшему великому князю Александру на хвалящагося на римскаго короля Магнуса и разоривъ его отчѣство. Но послѣ на ны мѣть свою и просвети насъ благоутробнымъ своимъ мѣрдѣемъ, не предаи жъ насъ рабъ своихъ на смѣхъ поганымъ, да не порадоуются врази нѣши и да не ркутъ въ странахъ своихъ: гдѣ есть Бгѣ ихъ, на него жъ оуповаша. Помози, Гѣ, православному хрѣстианству, иже имяноуютъ имя твое стѣе.

Присѣ жъ праздникъ сентябръ ѿ, начало сѣсеніа нѣшего Рождѣстоу стѣи Бѣи, свѣтающеу пяткоу, восходящу сѣнцу. И бѣ оутра 3) (того велика) мгла, и начаша стѣзи хрѣстианстѣи простирати, и трубы мнози трубити. Оужъ бо роусскихъ князей и воеводъ и всѣхъ оудалыхъ людей кони оукротѣша, гласъ же трубныхъ,

1) брате.

2) на — нѣтъ.

3) оутра того.

каждо под своимъ знаменемъ, полци жъ идоша, елико какъ кому по-
велѣша по поученію.

Чсѡу жъ второму наставшоу, начаша трубити ото обоихъ
странъ, татарскіе жъ трубы яко онемѣша, а роусскіе полки
оутвердиша¹⁾. Еще полкъ съ полкомъ не видѣтца, понежъ бо оутро
велики мглою¹⁾, и земля подъ ними стонетъ, грозоу подаетъ, на
востокъ до моря, а назадъ до Доунага, поле прегнбающеся, крова-
выя реки выступающе изъ мѣстъ тѣхъ.

Великому жъ кнзю преседающе на борзыи кони и ездяшоу по
полкомъ, глгошу: Отцы и братиѣ мои, Гдѣ ради подвижитесь, стѣхъ
ради црквенъ и вѣ(ры) ради хрѣстьянскихъ, сими бо смѣръть не смѣръть
есть, но животъ вѣчный, ничто жъ оубо земнаго не помышляйте и
не желайте, брате, земнаго живота, но да венцы оувяземъ отъ
Хса Бга дшамъ нашимъ.

Оутвердивъ же полки роусскіи и снѣде съ того коня на иномъ
конѣ и совлече съ себя приволоку цѣпскую и въ ѣзю облечеся.
Тотъ жъ конь да²⁾ подъ Михаила подъ Ондрѣевича подъ Бренка²⁾ и тоу
приволоку на него положи, ижъ бѣ любимъ паче мѣры, и то зна-
меніе повелѣлъ подъ нимъ возити. И подъ тѣмъ знаменемъ оубиенъ бѣ за
великаго кнзя.

Князъ же великій ставъ и воздѣвъ роуцѣ свои на нѣбо и вложи
въ недра своя, выимъ крѣсть живоносный, на немъ же бѣ вообра-
женіе стрѣсти Гдѣи, въ немъ же бѣ древо животное, восплакася
горько и рече: На тебе жъ надѣюся конечное, живоносное древо,
крѣсть Гдѣнъ, ижъ симъ образомъ явился црю Константину греческому
и далъ еси емоу бранъ сушоу³⁾ на нечѣивыхъ и неоскуднымъ образомъ
побѣди ихъ⁴⁾, и не могутъ⁵⁾ обрѣзаніи члѣци противу образа
твоего стоять, и тако оудиви Гдѣ мѣлъ свою на рабѣ своемъ.

Се жъ емоу глгошу, въ то жъ время привезоша емоу книги отъ
прѣдобнаго игумена Сергея, въ нихъ же бѣ написано великому
кнзю и всѣмъ роусскимъ кнземъ миръ и бжвеніе и всемоу правосла-

1) мглою велики.
оскуднымъ — ихъ — нѣтъ.

2) подъ Бренка — нѣтъ.
5) приб.: бо.

3) ему побѣду.

4) и не

ному войску. Княз же великий от придобнаго прим писаніе и прочет и целова послоника его любезно, тѣм же писаніем, аки бронями нѣкими, вооружився твердо. Еще ж дастъ ему от старца (Сергия) дар — посланныи хлѣбецъ прѣтые Бѣомѣри. Княз же великий съѣд хлѣбецъ стѣи Трѣца¹⁾: прѣстаи Гѣе Бѣе, помогаи нам мѣтвами твоего²⁾ игоумена Сергея.

И прим кон свои и взем палицу свою желѣзную и подвижеся ис полку вонъ и восхотѣ преж сам³⁾ почати⁴⁾ от горе(сти) дша за свою обиду. Мнози ж кнѣзи роусскими⁵⁾ и воеводы и богатыри оудержаша его и возбраниша ему: «не подобает тебѣ, гсѣрю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стояти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам гвѣтитѣ. Егда спасет тебя Гѣ великого гсѣря и кому случитца смерть или живот, и ты почемуо разумѣеш, кого как чтити и кого как жаловати, мы ж вси готовы есмя головы свои⁶⁾ положить за тебя за ласкова гсѣря, а тобѣ подобает память творити и в книгах писати, памяти дѣля роусскихъ снѣвъ, иже по нас боудут, іако ж иногда Леонтеи Теодору Тирону память сотворити. Аще ли тебе единого изгоубим, то⁷⁾ которыи оуспѣх боудет нам, и боудем, іако стада овчье, не имоущи пастоуха, оучнем скитатися по поустыням, и пришед вожди расхитят ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, гсѣрю, подобает спѣсти себе и нас». Княз же великий прослезився и речѣ: «братия моя милая, добры ваши рѣчи и не могоу отвѣщати противу вас. Извѣстно бо гѣете, но паѣ спѣйте, токмо похваляю вас, вы бо есте блѣжнии раби, но паче вѣсте и разуумѣите мѣние стѣго мѣнка Ареѣи: егда мѣнъ бѣи прѣмъ амиритским и Доунасом жидовином и, по многих моуках, повелѣ его црѣ оусекнути, и крѣпцы его войны и доблии воеводы, един пред единым спешит напреду посечен быти, и единооумно вси главы свои под меч кланяхоу, видяхоу конец живота своего. И един нѣкоторыи воевода возбрани своему войску, и речѣ: вѣдаете, брате, не аз ли

1) *приб.*: и рече. 2) *приб.*: оугодника. 3) сам преже. 4) *на-*
чати. 5) роусскими — *мѣтѣ*. 6) свои — *мѣтѣ*. 7) *приб.*: от кого
памяти чает.

оу земнаго црѣ на пиру преж вас чароу приимах, а нѣ також хошу преж вас хсѣу чашу пити и преж вас оумрети и венець от роуки хсѣы приняти. И пристоупив воин главою ему отсече и последи фѣ воин оусечени быша. И нѣ, братие, кто есть богъ мене в роусскихъ снѣх, но аз вам глава, а мнѣ Бѣ глава, вся бо от Гѣ блѣгамъ прияхом, а злыхъ ли не хоцемъ терпѣти, на мя бо единого вся си въздвигошася, и вижоу вас побиваемыхъ, а к тому прочее не терплю, да опшюу чашоу имамъ с вами пити и общемоу смѣртю имамъ оумрети с вами вмѣсте.

Полци жъ начаша сстоупатися. А передовой полкъ ведетъ Дмитрей Всеволож да Володимеръ, братъ его, а с правую рукоу идетъ Микула Василевичъ с коломенцы и с ыныими со многими. Поганіи жъ идоутъ обаполъ, нѣгде бо имъ разступитися: поганыхъ много, а мѣста с нихъ нѣтъ. Безбожnymi жъ црѣ выехавъ с трема с темными кнѣзи на мѣсто ¹⁾ высоко, зря члѣскаго кровопролития: оужъ бо близъ себе сходятся.

Выеде жъ печенегъ ис полку татарского, предъ всемъ моужествомъ гавляся и хоробруга, подобенъ есть древнему Голиадоу. Видѣвъ же его Пересвѣтъ чернецъ, любчанинъ родомъ, ижъ бѣ въ полку оу Владимера у Всеволожа, и двигся ис полку вонъ и рече: «сїи члѣкъ ищетъ себѣ подобна ²⁾, азъ же хошу с нимъ видетися». И бѣ на немъ шеломъ архааггльскаго образа, вооруженъ бѣ скимою по повелѣнію игоумена Сергея. И рече: «отци и братиѣ мои. простите мя грѣшнаго, и братъ мой Ослебѣ, моли Бѣ за мя». И напоусти на печенѣга того и рече: «игоуменъ Сергея, помози мѣтвоею своею». Онъ же пакы ³⁾ оустремился противоу ему. Крѣстьяне жъ вси воскликнуша: Гѣ, помози рабоу своему. И оудараша крѣпко, мало что земля подъ ними не проторжеѣ. И спадоша с коней оба ⁴⁾ на землю и оумроша, ни единъ ни отъ единого не отиде.

И наставшоу третему чѣсоу днѣ. Видѣвъ же се кнѣзь великїи и рече: «видите, братиѣ, гости нѣши ближаютъ насъ, водятъ промежъ

---

1) шоломя.

2) подобна себѣ.

3) съ рж. «пакы» дважды

4) оба с коней.

собою поведеную, весели оуж быша». И речѣ: «братия роусскыя оудалцы, время приближися, а час прїиде». Оударыша жъ каждо по коню своему и кликнув: Бжѣ хрѣтыански, помози намъ. И ступишася обои вои и крѣпко бьющеся не токмо ороужемъ, но и сами о собѣ избивахоуся друг о друга, под конскими ногами оумирахоу, от великыя тесноты задыхахоуѣ, іако не мощно бѣ имъ вместилися на поле Куликове: еще бо мѣсто тѣсно межъ Дономъ и Непрядвою. На томъ бо поле сстоупишася силнии полци вмѣсто, из нихъ же выступаша крававыя зари, от мечнаго сіанія, іако молнія блистаютъ. И бѣ трескотъ от копеннаго ломленія и от мечнаго сеченія, не мочно бѣ зрѣти грознаго чѣса смѣтнаго: во единъ часъ, в мегновеніи ока от колка тысяча погибаетъ созданія бжїи. Воля бжїа совершается.

Часъ же дѣ и еѣ быются, не ослабѣютъ хрѣтыане. Оу жъ бо сѣ-му чѣсу наставшоу, бжїимъ поущениемъ и грѣхъ ради нашихъ начаша поганіи одолевати, мнози жъ велможи избивени бѣи от поганыхъ, оудалыи жъ витязи, іако древо доубравное скланяхоуся на землю, под конскыя копыта, мнози сѣве роусскыи сотрошаѣ. Самого жъ великаго кнѣзя оуязвиша, онъ же оуклонився отъ воиска и снїде съ коня ис побоища, іако не мощно ему битися. Мнози бо стязи ¹⁾ великаго кнѣзя подсекоша татарове, но бжїею силою не требишаѣ, но паѣ оукрепишася.

Се жъ слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца, гл҃ща, сєи жъ бѣи отъ полку кнѣзя Володимира Ондрѣевича. Повѣда великому кнѣзю видѣніе в сѣ-годину дни: надъ вами нбѣи отверсто, изъ него жъ изыде багряна заря и надъ вами ниско дръжашеѣ. Той жъ облакъ исполненъ роукъ члѣческихъ, кождо рука держаше венцы, ова потыри ²⁾, ова проповѣди прѣроческыи, а изъ ыныхъ жъ, аки нѣкыи ыныи дарове различныи. Внегда жъ наставшу сѣ-му чѣсу, мнози венцы испустишася на роусскыи полки. А поганіи жъ отвсюду заидоша, оступиша около хрѣтыанъ, занежъ оскоудѣша хрѣтыане, но все поганыи полки.

1) съ рхп. «бо стязи» дважды.

2) потыри.

Княз же Володимер Ондръевич не моги побѣды терпѣти и речѣ Дмитрею Волюнцю: «Беда, брате, велика, что оубо ползует нынѣ стояніе, тож на смѣхъ боудетъ намъ, да кому боудетъ намъ помощи». И речѣ емоу Дмитрен: «Беда, княже, велика, не оуж година нынѣ пришла: всякъ бо начинаемъ безъ времени, беду себѣ наноситъ. Мало еще потерпимъ до времени подобнаго и оумолчимъ, в онже имамъ дати воздаріе врагомъ нынѣмъ: в сии часъ Бѣга призывайте, осмаго чѣса ждите, в онже иматъ быти бѣгодатъ бжій». Воздвигъ роуцѣ свои на нбѣ и речѣ: Гдѣ Бже, отцѣ нашихъ, сотворившій нбѣ и землю, не дай жъ насъ поработити ¹⁾ врагомъ нашимъ, ни порадоваться врагоу діаволоу, но мало показни, а много помилуеши». Бѣдно зрѣти дѣтемъ болгарскимъ своего полку оубиваема, плачуща и непрестанно рвоуща, акы соколы, акы званіи на бракъ сладкаго вина пити. Волюнецъ же возбраняше имъ, гдѣ: «Пождите мало, еще есть бо вамъ съ кѣмъ оутѣшитися». И приспѣ жъ часъ осмыи, и абие дѣхъ южны потягнуу ззади ихъ. Возопи ²⁾ Волюнецъ гдѣсомъ великимъ кнѣзю Володимероу: «часъ прииде, а время приближися». И паки речѣ: «братія мои и друзи, дерзайте: сила бо стѣго Дѣа помогаетъ намъ». И единомыслено изъ дубравы выехаша, акы оуношенныи соколы, и оударившася на многи стада гоусиыи, и стязи крѣпко направлены грознымъ воеводоу. Бяше жъ отроци ³⁾, акы лвомъ и оударившася на овчьи стада.

Поганіи жъ, видѣвши и крикнувши, гдѣ: Оувы намъ, паки Роусъ оумдиша, оуныи люди съ нами брашася, а добліи всѣ соблюдошася. И обратившася поганіи и даша плещи и побегоша ⁴⁾. Снѣ же роусскіи силою стѣго Дѣа быяхуотъ ихъ, помощію стѣхъ мѣчкѣ Бориса и Гдѣба. Бежаша жъ татарове и гдѣ ельинскіи: Оувы тобѣ, чѣныи Момаю, высоко вознесеша до нбѣ и до ада спеша еси. — Мнози жъ мртвыи помогаху намъ, и секуще безмѣти, ни единому отъ нихъ не избежати, но оужъ кони ихъ оутомилис.

Мамаи жъ, видѣвъ побѣдоу свою, и нача призывати бѣги свога:

---

1) поработати.
жаша.

2) Воспи.

3) приб.: имъ же сердца.

4) побе-

Пероуна и Соловата, и Мокоша, и Раклѣа, и Гоурса, и великаго пособника Бахметя¹⁾, и не бѣ емоу помощи от них ничтож: сила бо стѣго Дѣа, аки огнем пожигает их, татарские полки роусскими мечи секоут. Момаи ж, видѣв побѣду свою и реч своим оулусом: Побѣгнем, брате, и ничто ж добра не имам, но²⁾ токмо головы оунесем свои³⁾. И⁴⁾ абие побеже с четырма моужи. Мнози ж хрѣстьяне за ним гоняшася, но не одолѣша: кони бо их потонишася, и гонявше возвратишася. И⁵⁾ обретоша троуниця мртвых обонпол реки Непрядвы, идѣ ж бѣ непроходно полком роусским: снѣга оубо побѣда есть от стѣх мѣнѣ Бориса и Глѣба, о них же провидѣ Оома разбойник, егда стоял на стороже. Нѣции ж всѣх догониша и возвращахоуся, кождо под свое знамя.

Княз же Володимерь Ондрѣевич, ста на костех татарских под черным знамяем, и не обрете брата своего великого князя Дмитрея Ивановича в полку, токмо едины князи литовские. И повелѣ трубити собранною трубою и пожда час не обрете брата своего великого князя, нача плакати^{б)} и кричати и по полком ѣздити и не обрете брата своего. И глѣа: «Братига мога, кто видѣ или кто слыша своего пастыря, то перво поражен пастыр и овца разыдоутся». И рекоша князи литовския: «Мы мним, ꙗко жив есть, но оуызвен велми: егда в трупе мртвых боудет». А ином реч: «аз пятого чѣоу видѣх его крѣпко бьющеся с четырма татарины, но ноужно бѣ ему велми». Юревскои ж оупоша, нѣкто Степан Новосилскои: «Аз видѣх его пред самым твоим приходом, пѣша идоуща с побоища, но оуызвленна велми, того бо дѣля не дах ему коня, гоним есми трема татарины: по мѣти бѣжи едва от них спсохся, а его есми соблюл». И реч княз Володимерь Ондрѣевич: «Да извѣстно ли еси видел его. Имте ми, брате, вѣру: аще кто обрящет брата моего, то по истинне бога^{в)} оу нас боудет».

1) Махмета.

2) но — нѣтъ.

3) свои головы оунесем.

4) И —

нѣтъ.

5) болий.

Рачителнии ж отроци разсунушася по побоищу по великому. Овиі ж наѣхаша Михаила Александровича Бренка и чапаша его великим кнѣзем. Иниі ж наѣхаша кнѣзя Ѳеодора Семеновича Белозерского и¹⁾ чапаше его великим кнѣзем, занеж приличен бѣше.

Нѣкиі ж воины, великиі витязи оуклонишася на десную страну в дубраву, единому имя Сабоур, а другому Григорей Холопищев, родом же оба костромичи. И мало выехаша с побоища, наѣхаша великого кнѣзя бита велми и отдыхающа под деревом березою, и видѣвше его и скочиша с коней и поклонишася емоу. Сабоур же скоро возвратися ко кнѣзю Володимероу Ондрѣевичю и поведа ему, ꙗко кнѣзь великиі добръ здоров и прѣстоует в вѣки.

Вси ж кнѣзи и воеводы наѣхавше скоро, снидоша с коней и поклонишася емоу глѹще: «Радоуися, о вседрагии наш кнѣже, вторыи Александръ и Гѣрослав, новыи побѣдител врагом нашим. Сия побѣда чѣтъ тебѣ, нѣшему гдѣрю подобаетъ». Кнѣзь же великиі едва с nouжею проглагола: «Поведайте ми побѣдоу сию». Рече же ему кнѣзь Володимеръ Ондрѣевич: «По мѣти бжии и прѣтои его Мѣтри и мѣтвами сродник наших Бориса и Глѣба и Петра московского²⁾ стѣля и игоумена Сергѣя и всѣх стых мѣтвами врази нѣши побеждени соут, а мы спасохомся». Кнѣзь же великиі то слышав, воста и рече: «Сіи днѣ, иж сотвори Гѣ, возрадоуемся и возвеселимся вон, сии днѣ веселитесь, людие». И рече: Велии Гѣ наш и чюдна дѣла твоѣ, ни едино ж есть слово довольно к похваленію чудес твоих, вечеръ водворится плач, а заоутра радость». И рече: «Хвалю тя, Гѣ Бжѣ мой, и почитаю имя твое стѣе, ꙗко не дал еси нас в поруганіе врагом нашим и не дал еси нас в похвалу иному ꙗзыку, иж нам оумыслиша и над ними збышася». И рече: «Суди, Гѣ, по правде моеи, да скончается злоба грѣшных, аз же в вѣки оуповаю на тя».

И приведоша ему кон кроток и всѣд на него, выеха на

1) они. 2) съ ркп. «московского».

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

побойше. И видѣ многое множество битых войско свое, а поганных вчетверо того избито ¹⁾. И обратися къ Дмитрею Волинцоу и рече: «воистинноу многоразумен еси члкъ, и неложна примѣта твоѧ, подобает ти всегда воеводствовать». И нача з братом своим и со оставшими кнзи ѣздити по побойшоу, радостныя слезы испускающе. И наѣхаша мѣсто, на нем же лежит еи кнзеи белозерских, оубитых вкоупе, толми напрасно быюшес, един единого ради оумре. И близ ту лежит оубит Микоула Васильевич ²⁾. Над ними ж став гдрь, над любезными рабы своими, нача плакаться и рече: «Братия моя милаѧ, кнзи роусскиѧ, аще есте дерзновеніе получили от Бга и молитесь о нас, вѣм бо, яко слоужает вас Бгъ». И паки на иное мѣсто приѣхал, и наѣхал любовника своего Михаила Ондръевича Бренка и близ его лежит Ссмен Мелик, твердый страж, и близ его лежит Тимоѣи Волоусвич. Над ними ж став княз великій, плакас ³⁾ и рече: «Братия моя милаѧ, моего деля образа Михайло оубиен еси ⁴⁾: кто бо таков раб мои гдрю слоужити, яко мене ради на смѣрт сам поѣхал, воистинноу древнемоу подобился еси Ависоу, иж ис полку Дарева ⁵⁾ выехал». И паке рече Мелику: «Крѣпки мои стражоу, твоею стражею крѣпко пасомы есмѧ». Прииде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта чернца и близ его лежаща нарочитаго богатыря Григорыя Капоустина. И рече княз великій: Братия, видите ли своего чиновначалника ⁶⁾ тои бо победи подобна себѣ, от него ж было пити многим людем горкою чашу».

И став на мѣсте своем, повелѣ собранною трубою ⁷⁾ трубити. Храбрыѧ ж довольно испытѧ оружия свои о сны измалтескиѧ, со всѣх стран грядуще, аки соколи слетаются под трубныѧ глас весели, ликующе, ови бгѣродичныѧ стихи поюще, и мѣнычны подобныѧ, ови крѣстныѧ.

Собанным же всѣм людем, княз же великій ста на костех

---

1) избитых. 2) Микоула Васильевич оубит. 3) плакас. 4) образа оубиенни естя. 5) Дариева. 6) *въ ржн.* «чиноначалника». 7) в собранною трубу.

татарскихъ и речѣ: «Считаетеся, братиѣ, колкихъ оу насъ воеводъ нѣтъ и колкихъ молодыхъ людей». Говоритъ Михайло Олександровичъ, московской бояринъ: Нѣтъ, гдѣрь, оу насъ ѿ бояриновъ московскихъ, да ѿ бояриновъ серпоховскихъ, да ѿ пановъ литовскихъ, да ѿ бояриновъ переславскихъ, да ѿ бояриновъ костромскихъ, да ѿ бояриновъ володимерскихъ, да ѿ бояриновъ соуздацкихъ, да ѿ бояриновъ муромскихъ, да ѿ бояриновъ ростовскихъ, да ѿ бояриновъ дмитровскихъ, да ѿ бояриновъ Можайскихъ, да ѿ бояриновъ звенигородцкихъ, да ѿ¹⁾ бояриновъ оуглецкихъ. А изгнбло, гдѣрь, оу насъ дружины, посѣчено отъ безбожнаго црѣя Мамаѣ полтретѣ ста тысячъ, а осталосъ оу насъ толко пятьдесятъ тысячъ (поганыхъ же побита четьреста тысячъ і лежаша трупия мертвыхъ на четьредесать попрѣцъ отъ обохъ странъ).

Князь же великій Дмитрей Ивановичъ, ста посреди ихъ, плакася и радуяся, гдѣше: «Братиѣ моя милѣѣ, кнѣзи русскіе и бояре мѣстные, свѣе хрѣстьянстии. Подобаѣтъ вамъ тако слоужити, а мнѣ васъ по достоинію хвалити. Внегда оупасетъ мя Гѣ, боуду на своемъ столѣ, на великомъ кнѣженіи, и то по достоинію оучну васъ жаловати. Нѣтъ жъ каждо свое оуправите²⁾, да похоронимъ каждо ближнего своего, да не боудетъ во свѣдѣ свѣремъ хрѣстьянскаѣ телеса». Князь же великій стоѣ за Дономъ, дондежъ разбираша хрѣстьянскаѣ телеса съ нечѣтивыми, да не истребятсяъ прѣдныѣ съ нечѣтивыми. Хрѣстьянъ бо похорониша, сколко оупсѣша, а нечѣтивыѣ повержени быша звѣремъ на снѣденіе.

Князь же великій Дмитрей Ивановичъ возвратися оттудоу въ богохранимый градъ Москву, во свою отчну съ побѣдою великою, одолѣвъ ратныхъ, победивъ враги свои, и мнозиѣ вои его возвратишася, ꙗко обретающе корысть многу.

Поведаша жъ великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю, что князь Олегъ рязански посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рекахъ мосты переметалъ, а хто поѣдетъ зъ Донскаго побоища сквозѣ его отчну рязанскую землю, и тѣхъ велѣлъ имати и

1) ѿ.

2) Нѣтъ оуправите — *нѣтъ*.

грабити. Княз же великий Дмитрей Иванович хотѣ противу на князя Олга послати свою рат. И се внезапно приѣхаша к нему богаре рязанские и поведаша, что князь Олегъ повергль свою землю резанскую, а сам побеже и со кнѣгнєю и з детьми и з богары, и молиша его много о сем, дабы на них рати не послал, а сами ему биша челом и оурядившеся оу него. Великий ж князь Дмитрей Иванович прим челобите их, рати на них не посла, а на резанском кнѣженіи посади намѣстники свои.

Тогда ж Момаи не во мнозе оубежа, и прибежа в землю свою не во мнозе дружинѣ, видя себя побежена и посрамлена и пороуганна. И паки гнѣващеся и грядя зело и собраша остаточною свою силу, еще восхотѣ изгоном итти на Роус. И сие емоу оумыслившу, и се приде к нему вѣсть, что идет на него нѣкий прѣ со востока, именем Тактамыш из Синие орды. Мамаи ж оуготова на нѣ рат и с тою ратю готовою поиде противу ему¹⁾. И стреташас на Калках, и бѣ им бой, и прѣ Тактамыш победи Момаи и прогна его. Мамаевы ж князи, спешше с коней своих и биша челом прѣю Тактамышу, и даша ему прѣвдоу по своей вѣре и ташася за него, а Мамаи оставиша пороуганна. Мамаи ж то видѣв и скоро побежа с своими единомысленники. Прѣ же Тактамыш посла за ним в погоню вои свои. Момаи ж побеже перед тактамышевыми гонители. И прибеж близ города Кааы и сослался с ними по докончанію и по опасоу, дабы его приняли на избавленіе, дондеж избоудет от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибеже Момаи въ Кааоу со множеством имѣнія, злата и серебра. Кааинцы ж свещашася и сотвориша над ним облесть. И тоу от них оубиен бѣ. И тако конец безбожному Момаю.

А сам прѣ, шед, взя орду момаевоу и²⁾ прѣци его и казны его, и оулусы всѣ поима, и бѣгѣство момаево раздели дружинѣ своей, и отпусти послы на Роус к великому князю Дмитрею Ивановичю и ко всѣм кнѣзем роусским, поведи им свои приход,

1) его.

2) *въ ркп. снѣ дважды.*

как сѣл на црѣствѣ и победил спорника своего и их врага Момата, а сам седе в Волжьском црѣствѣ. Кнѣзи ж роусскими посла его отпустиша с честию и з дары, а сами на весноу ту за ними послаша в Ордоу ко црю коиждо своих килитѣев со многими дары.

Сказаніе.

III-я редакція.

(Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого III, 32, XVI в.).

Начало повѣсти, како дарова Бѣ побѣду гдрю великому кнзю Дмитрею Ивановичу за Даномъ над поганым Мамаемъ и молениемъ прѣтыа Бѣа и русьскихъ чюдотворцевъ православное хрстіанство русскую землю Бѣ възвыси, а безбожныхъ агарянь посрами.

Хощу вамъ, братіе, брань повѣдати новыа побѣды, како случися брань на Дону великому кнзю Дмитрію Ивановичю и всѣмъ православнымъ хрстіаномъ с поганымъ Мамаемъ и з безбожными агаряны, и възвыси Бѣ род хрстіанскый, а поганыхъ оуничжи и посрами ихъ суровство, ꙗко жъ въ прежняя врѣмена Гедѣону над мадіамаы и преславному Моусію над Фараономъ. Подобаеть намъ повѣдати величество и милость божію, како сътвори Гѣ волю богащихъ его, како пособьствова Гѣ великому кнзю Дмитрію Ивановичю и брату его кнзю Владимиру Андрѣевичю над безбожными половци и агаряны.

Попущениемъ бжнимъ за грѣхы наша, от навожденія діаволя, въздвижесъ князъ от вѣсточныа страны, имянемъ Мамай, еллинъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый хрстіанскый укоритель. И начать подстрѣкати его діаволъ, и вниде въ сердце его напасть роду хрстіанскому, и наоусти его, како разорити православную вѣру и оскѣрѣнити стѣна цркви и всему хрстіанству

хощеть покорену от него быти, яко бы ся не славилъ гнѣ имя в людех его. ГѢ же нашъ Бѣгъ, црѣ и творецъ всеа твари елико хощеть, тѣ и творить. Онъ же безбожный Мамай начатъ хвалитися и поревновавъ второму Иовуіану отступнику, црѣ Батыю и нача спрашивать старых татаръ, како црѣ Батый плѣнилъ русскую землю. И начаша ему сказывати старыя татарове, како плѣнилъ русскую землю црѣ Батый, какъ взялъ Кіевъ и Владимиръ и всю Русь, Словенскую землю и великого кнѣзя Юрья Дмитреевича убилъ и многих православных кнѣзей избилъ и стѣна цркви оскверни и многы монастыри и села пожже, и в Володимерѣ вселенскую црквь златаверхую разграбилъ. Ослѣплену же ему оумомъ, того бо не разумѣ, како ГѢ годе, тако и будетъ. Яко ж въ оны дни Іерлѣимъ плѣненъ бысть Титомъ римскимъ и Навходнасором црѣмъ вавилонскимъ за ихъ сѣгрѣшеніа и маловѣріе. Нѣ не до конца прогнѣвается ГѢ, ни въ вѣкы враждоуетъ.

Слышавъ ж безбожный Мамай от своих старых татаръ и нача подвиженъ быти и діаволомъ палимъ непрестанно, ратуа на хрѣстіанство. И бѣ в себѣ нача глѣти къ своимъ еулпатомъ и тасауломъ и кнѣземъ и воеводамъ и всѣмъ татаромъ: яко азъ не хошу тако сътворити, яко ж Батый. Нѣ егда доиду Руси и убью кнѣзя ихъ, и которые грады красныя довлѣють намъ, и ту сядемъ и Русью владѣемъ, тихо и безмятежно поживемъ. А не вѣдый того оканый, яко гнѣ рука высока есть. И по малехъ днехъ перевезеся великую реку Волгу съ всѣми силами. И ины же многы орды къ своему великому вѣиству съвокупи и глѣ имъ: поидемъ на русскую землю и обогатѣемъ русскимъ златомъ. Поиде ж безбожный на Русь, акы левъ ревый, пыхаа, акы неутолимая ехыдна, гнѣвомъ дыша. И доиде же до усть рѣкы Вороножа и распусти всю силу свою и заповѣда всѣмъ татаромъ своимъ: яко да не пашете ни едінъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыя хлѣбы.

Слышавъ ж то князь Олегъ резанскый, яко Мамай кочюеть на Вороножѣ, а хощеть ити на Русь, на великого князя Дмитрія Ивановича московскаго. Скудость ж бысть оума въ главѣ его,

посла снѣ своего к безбожному Мамаю с великою честию и съ многими дары и писа грамоты своа к нему сиче: Вѣсточному великому и полному црѣмъ црѣю Мамаю радоватися. Твой посаженикъ и присяжнікъ Олегъ, кнѣзь резанскый много тя молитъ. Слышахъ, гнѣ, ꙗко хочещи итти на русскую землю, на своего служебника кнѣзя Димитріа Ивановича московскаго, огрозитися ему хочещи. Ннѣ же, гнѣ всесвѣтлый црѣю, приспѣ твоє врѣмя, злата и сребра и богатства много наплѣнися земля московскаа и всякого узорочіа твоему црѣству на потребу. А кнѣзь Дмитрей московской члѣкъ хрѣстіанъ, егда услышитъ имя гнѣости твоеа, то отбѣжитъ в далнія отоки своа любовно, въ город великый или на Бело озеро или на Двину, а многое богатство московское и злато все въ твоих рукахъ будетъ и твоему вѣйску в потребу. Меня ж, раба твоего Олга резанскаго, дрѣжава твоа пощадить, црѣю. Азъ бо ти велии устрашаю Рус и кнѣзя Димитріа. И еще молимъ тя, црѣю, оба раби твои — Олегъ резанскый и Ольгордь литовскый обиду пріахомъ велику от того великаго кнѣзя Димитріа Ивановича, и гдѣ будетъ о своей обидѣ — твоимъ имянемъ црѣскимъ погрозимъ ему, онъ ж о томъ не радить. И еще, гнѣ црѣю, град мой Коломну за себя заграбилъ. И о томъ о всемъ, црѣю, жалобу творимъ тебѣ.

А другаго ж посла скоро своего вѣстника кнѣзь Олегъ резанскый с своимъ написаниемъ. Написаніе ж таково в грамотахъ: Къ великому кнѣзю Олгорду литовскому радоватися великою радостію. Вѣдомо бо, ꙗко издавна еси мыслилъ на великаго кнѣзя Димитріа Ивановича московскаго, чтобы его згонѣти с Москвы, а самому владѣти Москвою. Ннѣ же, княж, приспѣ врѣмя наше, ꙗко великый црѣ Мамай грядетъ на него и на землю его. Ннѣ же, кнѣже, мы оба приложимся къ црѣю Мамаю, вѣмъ бо, ꙗко црѣ дасть тебѣ град Москву, да и иные грады, которые от твоего кнѣженія, а мнѣ дасть град Коломну, да Владимиръ, да Муромъ, иже от моего кнѣженія близъ стоятъ. Азъ ж послахъ своего посла къ црѣю Мамаю с великою честию и съ многими дары. Еще ж и ты пошли своего посла и каковы имаши дары — и ты пошли

к нему, и грамоты свои списавъ, еліко самъ вѣси, паче мене разумѣши.

Кнѣзь же Олгордъ литовскій, слышавъ то, velmi рад бысть, за велику похвалу другу своему кнѣзю Олгу резанскому. И посылаетъ скоро посла къ прію Мамаю с великими дары и съ многою тѣшью прѣскою. А пишетъ свои грамоты сѣце: Вѣсточному великому прію Мамаю князь Олгордъ литовскій присяжники твой много тя молятъ. Слышахъ, гнѣ, ꙗко хочеші казнити свой оулусъ, своего служебника, московскаго князя Дмитрія. И того ради молю тя, волный прію, рабъ твой, ꙗко велику обиду творить кнѣзь Дмитрей московской оулуснику твоему кнѣзю Ольгу резанскому, да и мнѣ також велику пакость дѣеть, гнѣ прію волный Мамаю. Да прійдетъ дрѣжава твоего прѣства ннѣ до нашихъ мѣстъ, да внидетъ, прію, твое смотреніе нашеа грубости от московскаго кнѣзя Дмитрія Ивановичя.

Помышляше ж в себѣ глѣючи Олегъ резанскій и Волгордъ литовскій, ꙗко егда оуслышитъ кнѣзь Дмитрей прѣвъ приход и ярость его и нашу присягу к нему, тѣ отбѣжытъ с Москвы в великій Новѣград или на Бѣло озеро или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда ж прѣвъ прійдетъ, и мы его з большими дары срящемъ и с великою честію и умолимъ его, и възвратится прѣвъ въ свои орды, а мы кнѣженіе московское прѣвымъ велѣніемъ раздѣлимъ себѣ, ово к Вилнѣ, ово к Резани, и имать намъ дати прѣвъ Мамай ярлыки своя и родомъ нашимъ по насъ. Не вѣдаху бо, что помышляюще и что се глѣюще, акы несмыслени молодые дѣти, невѣдающе бжѣа силы и влѣчнѣа смотреніа. По истиннѣ бо рече: аще кто к Бгѣу вѣру з добрыми дѣлы и правду въ срдци дрѣжытъ и на Бгѣа оупованіе възлагаетъ, и того члѣка Гѣвъ не дастъ в поношеніе врагомъ быти и в посмѣхъ. А о гдѣрь кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ смиренъ члѣкъ, и образъ нося смиреномѣрнѣа, вбсныхъ желаніа и чая от Бгѣа будущихъ вѣчныхъ блгѣвъ. Не вѣдый того, что на него съвѣщаютъ золѣ съвѣтъ ближніи его друзи. О таковыхъ бо пророкъ рече: не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копай врагу своему

тамы, на Бѣа творца въскладай. Гѣ Бѣъ можетъ живити и мѣтвити.

Прідоша ж послы къ прію Мамаю от Волгорда литовскаго и от Олга резанскаго и прінесоша ему многыя дары и написанныя книги. Црѣ же, пріять дары с любовію и кнѣгы и розслушавъ въ грамотах и пословъ чествовавъ, отпусти и написа отписаніе сипцева: Волгорду литовскому и Ольгу резанскому. На дарѣх ваших и за хвалу вашу, что приписаастеса ко мнѣ, елико хочете от мене вотчѣны русскыя, тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срѣтите мене, елико гдѣ оуспѣете и одолѣете своего недруга. Мнѣ оубо ваша помощь не добрѣ оудобна, нѣ аще бых азъ нѣх хотѣлъ своею силою великою и азъ бы древній Іерѣлмъ плѣнилъ, ꙗко ж и халдѣи. Нѣ нѣх чѣсти вашей хочу, моимъ имянемъ црѣскимъ и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распуженъ будетъ князь Дмитрей московскій, и огрозится имя ваше въ странах вашихъ моею грозою. Мнѣ оубо црѣю достоитъ побѣдити црѣя, подобна себѣ, то мнѣ подобаетъ и довѣбѣтъ црѣскаа чесьть получитьи. А вы нѣх поидите от меня и рците кнѣземъ своимъ глѣы моя.

Послы ж възвратившеся от црѣя къ своимъ кнѣземъ и сказаша имъ, ꙗко црѣ Мамай здравитъ и велми вамъ за хвалу вашу великую добрѣ глѣ глѣтъ. Они ж скудни оумомъ възрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ безбожнаго црѣя, а не вѣдуще того, ꙗко Бѣъ даетъ власть, ему ж хочеть. Нѣх же едина вѣра, едино крѣщеніе, а къ безбожному пріложишася, вкупѣ гонѣти православную вѣру хрѣсву. О таковыхъ бо патерикъ рече: поистинѣ сами отсѣкошася своеа добрыа масличны и присадишася къ дивіи масличнѣ. Кнѣзь ж Олегъ резанскій начатъ поспѣшывати, слати къ Мамаеву послы и рече: Подвизайся, црѣю, скорѣе къ Руси. — Глѣтъ бо премѣдрость: путь нечѣстныхъ не спѣшится, нѣ събираютъ себѣ досаженія и поносъ. Нѣх же сего Олга оканнаго новаго Стоплѣка нареку.

Слышавъ ж то кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ, ꙗко грядеть на него безбожныи црѣ Мамай съ многими ордами и съ всѣми силами, неуклонно ꙗрся на хрѣстіанство и на хрѣсву вѣру и ревнуя

безглавному Батыю, кнѣзь ж великій Дмитрій Ивановичъ великии опечалися о безбожныхъ нахожденіи. И ставъ предъ стѣною иконоу гнѣя образа, ѣже въ зглавіи его стоище и, падъ на колѣну свою, нача молитися и речѣ: Гнѣ, азъ грѣшныи смѣю ли молитися тебѣ, смиренныи рабъ твой, то к кому простру оуныніе мое, нѣ на тебя надѣюся, Гнѣ, и възвергу печаль мою. И ты, Гнѣ црѣю Вѣдо свѣтодателю, не сѣтвори намъ, Гнѣ, ѣко ж оцѣмъ нашимъ, ѣже наведе на нихъ и на грады ихъ злаго Батыа, и еще бо, Гнѣ, тому страху и трепету въ насъ суще велику. И ннѣ, Гнѣ црѣю Владыко, не до конца прогнѣвайся на насъ, вѣмъ бо, Гнѣ, ѣко мене ради грѣшнаго хоцещи всю землю нашу погубити. Азъ бо съгрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ члѣкѣ, сѣтвори ми, Гнѣ, слезъ моихъ ради, ѣко Иезекию, и укроти, Гнѣ, срѣдце свирѣпому сему звѣрю. — Въсклонся и речѣ: На Гнѣ оуповахъ и не изнемогу. И посла по брата своего по кнѣзя Владимира Андрѣевича въ Боровескъ и по всѣхъ князи русскіе скорые гонци розославъ и по вся воеводы мѣстныа и по дѣти боярскыа и по всѣхъ служилыа люди. И повелѣ имъ скоро быти оу себя на Москвѣ.

Кнѣзь ж Владимиръ Андрѣевичъ прииде въорѣзѣ к Москвѣ и вси кнѣзи и воеводы. Кнѣзь же великій Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича, прииде къ пресѣнному митрополиту Купріану и рече ему: Вѣси ли, оцѣ нашъ, ннѣ настоашую сію бѣду великую, ѣко безбожныи црѣ Мамай грядеть на насъ, неуклоннымъ образомъ ярость нося. — Митрополитъ ж рече великому кнѣзю: Повѣжь ми, гнѣ, чимъ еси предъ нимъ не исправилъся. — Кнѣзь ж великій речѣ: Испытахомся, оцѣ, повелику, ѣко все по оцѣ нашихъ преданію, еще ж нѣипаче въздахомъ ему. — Митрополитъ ж рече: Видиши ли, гнѣ, поупущеніемъ бжѣимъ, нашихъ ради съгрѣшеніи идеть плѣнити землю нашу, нѣ вамъ подѣбаеть княземъ православнымъ тѣхъ нечѣстныхъ дарми оутолити четверицею сугубъ. Аще того ради не смѣрится, ино Гнѣ его смирить, того ради Гнѣ грѣдымъ противится, а смиреннымъ блгѣтъ даетъ. Тако ж случися иногда великому Василию въ Кесаріи: егда злыи отступникъ Иоуліанъ, идый въ Прѣсы

и хотѣ разорити град его Кесарію, Василій же великій помолися съ всѣми хрстіаны Гѹ Бѹ и събра много злата и посла к нему, дабы его пресѣступніка утолити. Онъ ж оканный паче възгарися, и Гѣ посла на него вѣина своего Меркуріа погубити его, и невидимо пронзенъ бысть в срдце нечѣствый, животь свой злѣ сконча. Ты ж, гѣе, възми злато, елико имаши и пошли противу его и паче исправися пред нимъ.

Кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего юношу, доволна суща разумом и смыслом, имянем Захарію Тутышова и дасть ему два толмача, оумѣюща языкъ половецскый, и посылаетъ с ним много злата к нечѣстивому црю Мамаю. Захаріа же дойде земли Резанской и слышавъ, яко Олегъ резанскый и Волгордъ литовскый приложилися поганому црю Мамаю, пославъ скоро вѣстника тайно к великому кнѣзю.

Князь же великій Дмитрей Ивановичъ, слышавъ ту вѣсть, нача срдцѣмъ болѣти и наплѣніся ярости и горести, и нача мѣнитися: Гѣ Бже мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагъ пакости дѣеть, то подобаетъ ми трѣпѣти, яко искони есть ненавистникъ и врагъ роду хрстіанскому. Сие мои друзи искренніи тако умыслиша на мя. Суди, Гѣ, между ими и мною, аз бо имъ ні единого зла не сѣтворих, развѣ даровъ и чѣсти от них приимах, а имъ противу також даровах. Нѣ суди, Гѣ, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшных.

И поймъ брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича и поиде второе къ прѣсщенному митрополиту и повѣдаа ему, како Волгордъ литовскый и Олегъ резанскый съвокупиліся с Мамаем на ны. Прѣсщенный митрополитъ речѣ: Самъ пакы, гѣе, кою обиду сѣтворишь еси има. — Князь же великій прослезися и речѣ: Аще есми пред Бгомъ грѣшенъ или члѣкъ, а пред ними есми ні единыа черты не преступих по оцѣ своих закону. Вѣси бо, оѣе, и самъ, яко доволенъ есмы своими отоки, а имъ никою обиду не сѣтвори и не вѣм, что ради умножышася на мя стужающем ми. — Прѣсщенный ж митрополитъ речѣ: Снѹ мой, гѣе кнѣзь великій, просвѣти си веселиемъ очи срдца, законъ бжій чтеши и творіши

правду, яко праведенъ Гѣ и правду възлюби. Нѣ же обыдоша ты, яко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты жъ именемъ гнѣмъ противися имъ. Гѣ правдивъ и будетъ ти въ правду помощникъ, а отъ всевидящего ока вѣдѣнія гдѣ можетъ избыти отъ крѣпкыя руки его.

Кнѣзь жъ великій Дмитрей Ивановичъ зъ братомъ своимъ съ кнѣземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и съ всѣми русскими князи и воеводами здумаша, яко сторожу твердо оуготовити въ Полѣ. И посла на сторожу избранныхъ своихъ крѣпкихъ оруженікъ — Родиона Ржевскаго, Аньдрѣа Волосатаго, Василя Тупика, Якова Ослябтова и иныхъ съ ними крѣпкихъ юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣлати съ всякимъ оусерднемъ и подъ Орду ехати и языкъ добыти, истину слышати прѣва хотѣнія.

А самъ кнѣзь великій по всей русской земли скорые гонци розославъ съ своими грамотами по всѣмъ градомъ: да вси готови будете на мою службу, на брань зъ безбожными половци агаряны. Съвокуплены вси на Коломнѣ, на мяспустъ стѣя Бѣа.

И ти жъ сторожы замедлиша въ полѣ. Кнѣзь жъ великій вторую сторожу посла — Клімента Полянина, Ивана Стѣслава Свеслаина, Григорія Судокова и иныхъ съ ними, заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они жъ стрѣтоша Василя Тупика, ведетъ языкъ къ великому кнѣзю, языкъ жъ прѣва двора, сановитыхъ мужъ. А повѣдаеть великому кнѣзю, что неуклонно Мамай грядеть на Русъ и како обослаіся и съвокупилися съ нимъ Олегъ резанскый и Волгордъ литовскый. Не спѣшить бо прѣ того ради итти — осени ожыдаеть. Слышавъ жъ кнѣзь великій отъ языка такову изложеную мысль и таково вѣстаніе безбожнаго прѣа, нача утѣшати сѣ Бжѣ и оукрѣпляше брата своего князя Владимира и вси кнѣзи русскіе и рече: Братіе кнѣзи русскіе, гнѣздо есмь кнѣзя Владимира Стѣславича киевскаго, ему жъ откры Гѣ познати православную вѣру, якожъ оному Еоустаѣію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую стѣымъ крѣщеніемъ, изведе насъ отъ стрѣстей еллинскихъ и заповѣда намъ ту жъ вѣру стѣую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто еа ради постражеть, то въ

оном вѣцѣ съ стѣми прѣвомучившимися по вѣрѣ хѣвѣ причтенъ будетъ. Азъ ж, братіе, за вѣру хѣву хочу пострадати даже и до сѣрти. — Они ж ему рѣша всі купно, аки едіньми оусты: Вѣистінну еси, гдѣрь, свѣршілъ законъ бжій и исплѣнилъ еси еваѣскую заповѣдь, рече бо Гбѣ: аще кто постражеть, имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею въсприиметь животъ вѣчныи. И мы, гдѣрь, дѣсь готови есмя умрети с тобою и главы свои положить за стѣю вѣру хрѣстіанскую и за твою великую обиду.

Кнѣзь ж великій Дмитрей Ивановичъ, слышавъ то от брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича и от всѣх кнѣзей русских, тако дрѣзакють по вѣрѣ побораті, и повелѣ всему вѣянству своему быти на Коломнѣ на Оущпеніе стѣа Бца: тако да переберу плѣкы и коемуждо плѣку вѣводу оучиню. И все множество людей, тако едіньми оусты рѣша: Дай же нам, Гбѣ, течение се свѣршити, имени твоего ради стѣго.

И пріидоша к нему кнѣзи Бѣлоозерскыа, подобни суще к боеви и велии оучрежено вѣянство их: кнѣзь Ѳеодоръ Семеновичъ, кнѣзь Семенъ Михайловичъ, кнѣзь Андрѣй Кѣмьскый, кнѣзь Глѣбъ Каргополоской, и Андомскыа кнѣзи, пріидоша ж Гѣрославскыа кнѣзи с своими силами: кнѣзь Андрѣй Гѣрославскый, князь Романъ Прозоровскый, кнѣзь Левъ Курбскый, кнѣзь Дмитрей Ростовскый, инныа оубо многыа кнѣзи.

Тоу же, братіе, стукъ стучить и аки гром гремитъ въ славнем градѣ Москвѣ, то идетъ сілнаа рать великого кнѣзя Дмитрея Ивановича, а гремятъ русскіе сѣве своими значеными доспѣхы.

Кнѣзь ж великій Дмитрей Ивановичъ, поимъ с собою брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича и вся кнѣзи русскіе, и поеде к живоначалной Троици на поклонъ къ оцу своему прѣдбному старцу Сергію блѣсвеніа получитьи от стѣа тоа обителя. И моли его прѣдбный игуменъ Сергій, дабы слушалъ стѣю литургію, бѣ бо тогда дѣнь вѣскрсный и память стѣих мѣнкъ Флора и Лавра. По отпущестѣ ж литургіи, моли его стѣи Сергій съ всею братьею

всѣаго кнѣзя, дабы вкусилъ хлѣба в дому живоначалныа Трѣа, въ обители его. Великому ж кнѣзю нужно есть, ꙗко прїидоша к нему вѣстници, ꙗко оуже приближаются поганїи половци, моляше прїдбнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему прїдбный старецъ: Се ти замедленїе сугубо ти поспѣшенїе будетъ. Не оуже бо ти, гнѣ, еще вѣнецъ сіа побѣды носити, нѣ по минувшихъ лѣтахъ, а инымъ оубо многымъ ннѣ вѣнци плетутся. — Кнѣзь ж великій вкуси хлѣба ихъ, игумень ж Сергїй в то врѣмя повелѣ воду осѣщати с мощей стѣхъ мѣнкъ Флора и Лавра. Кнѣзь ж великій скоро от трапезы вѣстаетъ, прїдбный же Сергїй окропи его сѣнною водою и все хрѣстолюбивое его вѣяство и дасть великому кнѣзю крѣстъ хѣвъ — знаменїе на челѣ. И рече: Поиди, гнѣ, на поганыа половци, призываѣ Бѣа, и Гѣ Бѣа будетъ ти помощникъ и заступникъ. — И рече ему тайно: Имаши, гнѣ, побѣдити супостаты своя, елико довлѣетъ твоему гдѣрству. — Князь ж великій рече: Дай ми, оче, два вѣйна от своего плѣку — Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу, тѣ ты и самъ с нами пособствуеши. Старецъ же прїдбный повелѣ има скоро уготовитися с великимъ кнѣзмъ, бѣ бо вѣдоми суть ратници въ бранѣхъ, не едїному сту наездници. Они ж скоро послушанїе сѣтвориша прїдбному старцу и не отврѣгошасъ повелѣнїа его. И дасть имъ в тѣлѣнныхъ мѣсто оружїе нетѣлѣнное — крѣстъ хѣвъ, нашытъ на скихмахъ, и повелѣ имъ вѣсто в шоломовъ золоченыхъ вѣзлагати на себя. И дасть ихъ в рудѣ великому кнѣзю и рече: Се ти мои оруженїи, а твои изволнїи. — И рече имъ: Миръ вамъ, братїе моя, крѣпко постражите, ꙗко добрїи вѣини по вѣрѣ хѣвъ и по всемъ православномъ хрѣстіанствѣ с поганымъ половци. — И дасть хѣво знаменїе всему вѣянству великаго кнѣзя — миръ и блѣсвенїе.

Кнѣзь ж великій обвеселися срѣдцемъ и не повѣдаеть никому ж, еже рече ему прїдбный Сергїй. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте — блѣсвенїе стѣаго старца. И прїѣхавъ на Москву, поиде з братомъ своимъ съ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ къ прѣсщенному митрополиту Купріану и повѣдаеть едїному митро-

политу, еже рече ему старецъ стѣй Сергій тайно и како бл҃свеніе дасть ему и всему его православному вѣйску. Архїейскіи повелѣ сїа словеса хранити, не повѣдати никому же.

Приспѣвшу жѣ днѣ четвертку августа кѣзѣ, на память стѣго оца Пуміна Отходника, вѣ той днѣ вѣсхотѣ кнѣзь великій изыти противу безбожныхъ татаръ. И поимъ сѣ собою брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича и ста вѣ цркви стѣя Бца предѣ образомъ гнѣимъ, пригнувъ рудѣ кѣ персемъ своимъ, источникъ слезъ проливающи, моляся и рече: Гїѣ Бже нашѣ, Вѣдко страшный, крѣпкій, вѣистинну ты еси црѣ славы, помилуй насъ грѣшныхъ, егда оунываемъ, кѣ тебѣ едіному прибѣгаемъ, нашему спсѣителю и бл҃годателю, твоею бо рукою сѣздани есмы. Но вѣмъ, Гїѣ, ꙗко сѣгрѣшенїа моя превзыдоша главу мою, и нѣмъ не остави насъ грѣшныхъ, ни отступи отъ насъ. Суди, Гїѣ, обидящимъ мя и вѣзбрани борющимся сѣ мною, прїими, Гїѣ, оружие и щитъ и стани вѣ помощь мнѣ. Дай же ми, Гїѣ, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою.—И паки приступи кѣ чюдѣтворному образу гѣмъ Црїи, юже Лука еѣвѣлистъ, живѣ сѣмъ, написа, и рече: О чюдотворнаа гѣмъ Црце, всеа твари члѣскаа заступница, тобою бо познахомъ истиннаго Бга нашего, вѣплощѣшагосѣ и рождышагосѣ отъ тебе. Не дай же, гѣмъ, вѣ разоренїе градовъ нашихъ поганымъ половцемъ, да не осквернятъ стѣхъ твоихъ црквей и вѣры хрстіанскыа. Оумоли, гѣмъ Црце, Сна своего Ха Бга нѣшего, ты смирить срдце врагомъ нашимъ, да не будетъ рука высока. И ты, гѣмъ прстаа Бце, пошли намъ свою помощь и нетлѣнною своею ризою покрый насъ, да не страшливи будемъ кѣ ранамъ, на ты бо надѣмся, ꙗко твои есмы раби. Вѣмъ бо, гѣмъ, аще хочещи и можещи намъ помощи на противныа сїа врагы поганыа половци, иже не призываютъ твоего имени, мы жѣ, гѣмъ прстаа Бце, на тебя надѣмся и на твою помощь. Нѣмъ подвижаемъ противу безбожныхъ печенѣгъ, поганыхъ татаръ, да оумоленъ будетъ тобою Снѣ твой Бгѣ нашѣ.—И паки приде кѣ гробу бл҃женнаго чюдотворца Петра митрополита, любезно кѣ нему припадаа и рече: О чюдотворный стѣлю Петре, по мѣсти бл҃жїа непре-

станно чюдодѣйствуеши. И нѣхъ приспѣти время за ны молитисъ къ общему вѣдцѣ всѣхъ, Црю мѣстивому Спсу. Нѣхъ оубо на мя оплѣчишасъ супостатѣ поганіи и на град твой Москву крѣпко вѣоружаются. Тебе бо Гѣхъ прояви послѣдному роду нашему и вжегъ тебе намъ свѣтлую свѣщу и посѣстави на свѣщницѣхъ высокоу свѣтити всей земли русской. И тебѣ нѣхъ подобаетъ о насъ грѣшныхъ молитися, да не приидеть на насъ рука смѣртнаа, и рука грѣшница да не погубитъ насъ. Ты бо еси стражъ нашъ крѣпкій и отъ супротивныхъ нападеній, яко твоя есмы паствина. И скончавъ мѣтву, поклонися пресѣщному митрополиту Купріяну. Архиепископъ блѣсви его и отпусти поити противу поганыхъ татаръ и дасть ему хѣво знаменіе — крѣстъ на челѣхъ и посла бѣгосѣщенныи съборъ свой съ крѣсты и съ стѣлыми иконами и съ сѣщною водою въ Ороловскыя врата и въ Никольскыя и въ Константыноеленскыя, да всякъ вѣинъ блѣсвень изыдетъ и сѣщною водою кропленъ. Кнѣзь же великій Дмитрей Ивановичъ зъ братомъ своимъ съ кнѣзмъ Владимеромъ Андрѣевичемъ поиде въ цркви нѣснаго вѣеводы архистратига Михаила и бьетъ челомъ стѣму образу его. И потомъ приступи къ гробомъ православныхъ кнѣзей прародителей своихъ и тако слезно рекуще: Истиннии хранители, русскыя кнѣзи, православныя выры хрѣстіанскыя поборьници, родители наши. Аще имате дръзновение оу Хѣа, то нѣхъ помолитесь о нашемъ оуныніи, яко велико вѣстаніе нѣхъ приключисъ намъ, чадомъ вашимъ. И нѣхъ подвижайтесь съ нами. — И се рекъ, изыде изъ цркви.

Кнѣжни же великаа Евдокѣя и кнѣжни Владимерова Мрія и иныхъ православныхъ кнѣзей кнѣжни и многыя жены воеводскыя и боярыни московскыя и служниа жены ту стоище, проводы дѣбующи, въ слезахъ и вѣсклициніи срдѣчемъ не могуще ни слова изрещи, отдавающе послѣднее цѣлованіе. И прочаа кнѣжни и боярыни и служниа жены тако же отдаша своимъ мужемъ конечное цѣлованіе и вѣзвратішасъ съ великою кнѣгнею. Кнѣзь же великій самъ мало ся удръжа отъ слезъ, не давъ ся прослезити, народа ради. А срдѣцемъ своимъ велми слезяше и оутѣшаа свою кнѣгню. И речѣ: Жено, аще Бѣхъ по насъ, то кто на ны.

И взыде на избранный свой конь, и вси кнѣзи и воеводы всѣдоша на коня своя.

Слѣдѣ ему на вѣстоцѣ ясно снаеть, путь ему повѣдаеть. Оуже бо тогда, аки соколи оурвапашъ от златыхъ колодицъ, ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сѣніа нбса и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять оударитися на многыа стада лебедины и гусыны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыа оудалци съ своимъ гдремъ с великимъ кнѣзмъ Дмитреемъ Ивановичемъ, а хотять наѣхати на великую силу татарскую.

Кнѣзи ж Бѣлозерскыя особъ своимъ плѣкомъ выѣхали. Оурядно убо видѣти вѣйско ихъ. Кнѣзь же великій отпусти брата своего кнѣзя Владимира на Брашеву дорогою, а Бѣлозерскыя кнѣзи Болвановъскою дорогою, а самъ кнѣзь великій пойде на Котелъ дорогою.

Напреди же ему слѣдѣ добръ снаеть, а по немъ кроткый вѣтрецъ вѣеть.

Того бо ради разлучися кнѣзь великій з братомъ своимъ, яко не выѣститися имъ едіною дорогою.

Кнѣгні ж великаа Евдокіа с своею снохою, кнѣгнею Володимеровою Мрїею и с воеводскыми женами и з боярынями взыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ под стекляты окны. Оуже бо конечное зрѣніе зрѣть на великого кнѣзя, слезы льючи, аки рѣчьную быстрину. С великою печалію приложывъ рудѣ свои къ персемъ своимъ и речъ: Гї Бже мой, вышній Творецъ, призри на мое смиреніе, сподоби мя, Гї, еще видѣти моего гдря, славнаго въ члѣцѣхъ великого кнѣзя Дмитрія Ивановичя. Дай же ему, Гї, помощь от своего крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, Гї, яко жъ прежъ сего за мало лѣтъ велика брань была русскимъ кнѣземъ на Калкахъ с погаными половци съ агаряны. И нѣтъ избави, Гї, от такія бѣды и спѣси ихъ и помилуй. Не дай же, Гї, погынѣти оставъшему хрѣстіанству, да славится имя твое стое в русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа бѣды и великого побойща

татарскаго и нѣтъ еще русская земля оуныла и не имать оуже надежи нѣ на кого, токмо на тебя, всемѣтѣваго Бѣа, можешѣ бо живити и мѣрѣти. Азъ бо, грѣшная, имѣю нѣтъ двѣ отрасли, еще млада суще, кнѣзи Василя и кнѣзя Юрія. Егда поразитъ ихъ гасное сѣнце съ юга или вѣтръ повѣетъ противу запада, обою не могутъ еще трѣпѣти. Азъ жъ тогда, грѣшнаа, что сътворю. Нѣтъ възврати имъ, Гѣ, оца ихъ, великого кнѣзя, поздорову, тѣ и земля ихъ спсѣтся, а онѣ въ вѣкы црствуютъ.

Кнѣзь жъ великій поиде, поимъ с собою мужей нарочитыхъ, московскихъ гостей Сурожанъ, десяти чѣлкъ, видѣнія ради: аще что Бѣа ему случитъ, и онѣ имутъ повѣдати в дальнихъ земляхъ, ꙗко гости хозяеве быша: а—Василя Капицу, б—Сидора Олѣерьева, в—Константина Петунова, д—Козму Коврю, е—Семена Онтонова, з—Михаила Саларева, 4—Тимофея Весякова, 5—Димитрія Чернаго, 6—Дементія Саларева, 7—Ивана Шиха.

И подвигошася кнѣзь великій Дмитрій Ивановичъ по велицѣй широкѣ дорожѣ, а по немъ грядутъ русскіе сѣве успѣшно, ꙗко медвяныа чяши пити и сътебля виннаго мсти, хотятъ себѣ чести добыти и славнаго имени.

Оуже бо, братіе, стукъ стучитъ и громъ гремитъ по ранней зорѣ, кнѣзь Владимиръ Андрѣевичъ Москву рѣку перевозится на красномъ перевозѣ в Боровъскѣ.

Кнѣзь жъ великій прииде на Коломну в субботу, на память стѣго оца Моисѣа Мурѣина. Ту жъ быша мнози воеводы и ратници и стрѣтоша его на рѣчкѣ на Сѣверкѣ. Архіепіскупъ жъ Геронтей коломенскыи срѣте великого князя въ вратѣхъ градныхъ съ живоносными крѣсты и съ стѣыми иконами, съ всѣмъ съборомъ, и осѣни его живоноснымъ крѣстмъ и мѣтву сътвори: Спсѣи, Бжѣ, люди своя.

На оутри же кнѣзь великій повелѣтъ выѣхати всѣмъ воємъ на поле к Дивичю.

Въ стѣую же недѣлю по заоутренни начаша многихъ трубъ ратныхъ глѣсы гласити, и органы многы бити, и стязи ревутъ наволочены оу саду Панфилова.

Снѣ же русскыя наступиша на великіа поля коломеньскыя, тако немощно вѣститися от великого вѣинства, и невѣстѣно бѣ никоу ж Perezрѣти раті великого кнѣзя. Кнѣз же великій, выехавъ на высо мѣсто з братом своимъ съ кнѣзмъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, видяще множество много людій оурядныхъ и възрадоваши и урядиша коемуждо плѣку вѣводу. Себѣ ж кнѣзь великій взя в полкъ Бѣлозерскыя кнѣзи, а правую руку оуряди себѣ брата своего кнѣзя Владимира, дасть ему в полкъ Іѣрославскыя кнѣзи, а лѣвую руку себѣ сѣтвори кнѣзя Глѣба Брянского; передовой же плѣкъ — Дмитрей Всеволож, да братъ его Владимиръ Всеволожъ; с коломнѣчи — вѣвода Микула Васильевичъ; владимерскыи ж воевода и юрьевскій — Тимоѣй Волуевичъ; костромскій ж вѣвода — Иванъ Квашня Родивоновичъ; переславскій ж вѣвода — Андрѣй Серкизовичъ. А у кѣя Владимира Андрѣевича воеводы: Данило Бѣлѣуть, Константинъ Конановъ, князъ Ѳеодоръ Елетьцскій, кнѣзь Юрьи Мещерскыи, кнѣзь Андрѣй Муромскій.

Кнѣзь ж великій, урядивъ плѣкы, и повелѣ имъ Оку рѣку возити и заповѣда коемуждо плѣку и вѣводамъ: да аще кто поидеть по резанской земли, то ж не коснися ни едіному власу. И возьмъ блѣсвеніе кнѣзь великій от архіепѣа коломенскаго, и перевезеся рѣку Оку съ всѣми силами. И отпусти в Поле третью сторожу, избранныхъ своихъ витязей, тако да купно видятся съ стражми татарскими в Полѣ: Семена Меліка, Игнатѣя Креня, Ѳомоу Тыніну, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Речѣ же кнѣзь великій брату своему кнѣзю Владимиру: Поспѣшимъ, брате, противъ безбожныхъ половцовъ, поганыхъ татаръ и не оутолимъ лица своего от безстудіа ихъ. Аще, брате, и смѣрть намъ приключится, то не проста, ни без ума намъ сѣи смѣрть, нѣ животъ вѣчный. — А самъ гдѣрь кнѣзь великій, путемъ ѣдучи, призываше сроднікы своя на помощь, стѣхъ стрѣлоторѣпецъ Бориса и Глѣба.

Слышавъ ж то кнѣзь Олегъ резанскый, ꙗко кнѣзь велікій съвѣ-
купися съ многыми силами и грядеть въ стрѣтеніе безбожному
црѣю Мамаю и наипаче ж въоруженъ тврѣдо своею вѣроу, еже
къ Бгѹ вседръжителю, вышнему Творцу всю надежу възлагаа.
И наблѹстися Олегъ резанскый и с мѣста на мѣсто переходити
съ едіномысленіки своими и гл҃я: Аще бы нам мощно послати
вѣсть къ многоразумному Волгорду литовьскому противу такова
приключника, како иметь мыслѣти, но застали нам путь. Азъ
чагах по преднему, ꙗко не подобаетъ русскимъ кнѣземъ противу
въсточнаго цр҃я стояти. И ннѣ оубо, что разумѣю, откуда оубо
ему помощь сіа прінде, ꙗко противу трехъ нсѣ въоружися. —
Гл҃аша ему боаре его: Намъ, кнѣже, повѣдали от Москвы за ѿ
дній, мы ж оустыдѣхомся тебѣ сказати, како ж в вотчінѣ его
есть, близ Москвы живеть, калугеръ, Сергіемъ зовуть, велики
прозорливъ. Ты паче въоружі его и от своихъ калугеръ дагъ
ему пособніки. — Слышавъ ж то князь Олегъ резанскый, начать
богатися и на боаре свои нача опалатися и гартися: Почто ми
не повѣдали преж сего, тѣ азъ быхъ послалъ и оумолѣлъ нечѣ-
ваго цр҃я, да ничто ж бы зло сътворилося. Горе мнѣ, ꙗко изгу-
бихъ си оумъ, не азъ бо едінь оскудѣхъ оумомъ, нѣ и паче мене
разумнѣе Волгордъ литовскый. Нѣ обаче онъ почитаетъ законъ
латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣхъ
истинный законъ бж҃ій. Нѣ что ради поплѣзохся. И збудется на
мнѣ реченное Гд҃мъ: аще рабъ, вѣдаа законъ гд҃а своего, пре-
ступитъ, бѣенъ будетъ много. Ннѣ оубо, что сътворихъ: вѣдый
законъ Бг҃а, сътворителя нбу и земли и всеи твари, а прило-
жихся ннѣ къ нечестивому црѣю, хотящу поспрати законъ бж҃ій.
Ннѣ оубо, которому моему худу разумѣнію вдахъ себе. Аще бы
ннѣ великому кнѣзю помоглъ, тѣ отнудъ не прѣиметь мя, вѣсть бо
измѣну мою. Аще ꙗ приложуся къ нечестивому црѣю, тѣ, по-
истиннѣ, ꙗко древній гонитель на хсѣву вѣру, тѣ пожреть мя
земля жива, аки Стоплька; не токмо кнѣженіа лишень буду, нѣ
и живота гонѣзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися.
Аще бо Гб҃ по нихъ, нікто ж на нихъ. Еще ж мѣтва выину о немъ

прозорливаго оного мниха. Аще ли ні едіному помощи не сѣтворю, тѣ въ прокъ от обонх како могу прожити. И нѣ азъ то мыслю: которому ихъ Гѣ поможетъ, тому и азъ приложуся.

Кнѣзь ж Волгордъ литовскый, по предреченному сѣвѣту сѣвокупи Литвы много и Варягъ и Жемоті и поиде на помощь Мамаю. И прииде къ граду Одоеву и слышавъ, іако кнѣзь великій сѣвокупи многое множество вѣинства, всю Рус и словены и пошолъ к Дону противу дря Мамаа, и слышавъ, іако Олегъ оубоася, и пребылъ ту, оттоле неподвижимъ. И нача разумѣти суетныя свои помыслы, бѣ сѣвокупленіе свое съ Олгомъ резаньскимъ разномысляще, нача рватися и сердітися, глѣ: Елико чѣку не достанетъ своеа мудрости, тѣ всеу чюжую мѣрость требуетъ. Николи же бо Литва от Резани учима была, нѣ же изведе мя ума Олегъ, а сам паче погыблъ. Нѣ же оубо пребуду здѣ, дондеже оуслышу московскаго побѣду.

В то ж врѣмя слышавъ кнѣзь Андрѣй Полотскый и кнѣзь Дмитрей Брянскый Волгордовичи, іако велика туга и попеченіе належитъ великому кнѣзю Дмитрію Ивановичу московскому и всему православному хрѣстіанству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ кнѣзи оѣмъ своимъ кнѣземъ Волгордомъ ненавидими были, мачехи ради, нѣ нѣ Бгѣмъ възлюбленны бысть и стѣе крѣщеніе приали. Бѣста бо, аки нѣкіа класы доброплодныа терніемъ подавляеми, живущи межу нечестіа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посылаетъ кнѣзь Андрѣй къ брату своему кнѣзю Дмитрію тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: Вѣси, брате мой възлюбленный, іако оѣ нашъ отврѣже нас от себе, нѣ Гѣ Бгѣ, Оѣ нѣсный, паче възлюби насъ и просвѣти насъ стѣмъ крѣщеніемъ и давъ намъ законъ свой—ходити по нему и отрѣши нас от пустошнаго суетіа и от нечѣстаго сѣтвореніа брашенъ, мы ж нѣ, что о томъ Бгѣ въздадимъ. Нѣ подвигнемся, брате, подвѣгомъ добрымъ подвижнику Хсѣу, началнику хрѣстіанскому, поидемъ, брате, на помощь великому кнѣзю Дмитрію московскому и всему православному хрѣстіанству. Велика бо туга належитъ имъ от поганыхъ Измаилтянъ, нѣ еще и оѣ нашъ и Олегъ резанскый

приложылися безбожнымъ, а гонять православную вѣру Хсѣву, намъ, брате, подобаеѣ стѣе писаніе съврѣштити, глѣющее: братіе въ бѣдахъ пособиви бываѣте. Не сумняѣ же ся, брате, ꙗко оѣу противитися намъ, ꙗко жъ еѣаглицѣ Лука речѣ оусты Гѣншго Іа Хѣ: предани будете родители и братіею и умрѣтвѣтсѣ, имени моего ради; претрѣпѣвъ жъ до конца, тѣи спсѣтсѣ. Изгѣземъ, брате, отъ подавляющаго сего трѣнѣа и присадимся истинному плодовитому хѣу винограду, дѣлѣтельному рукою хсѣвою. Нѣвъ оубо, брате, подвизаемся не земнаго ради жывота, нѣ нѣсныѣа почести желающе, юже Гѣ даетъ творѣющимъ волю его. — Прочетъ жъ кѣзѣ Дмитрей Вольгордовичѣ писаніе брата своего старѣйшаго, нача радоватися и плакати отъ радости, глѣ: Влѣко Гѣ чѣлколюбче, дай же рабомъ твоимъ хотѣніе съврѣштити симъ путемъ подвига сего добраго, ꙗко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа. — И рече братню послу: Рѣди брату моему, кѣзю Андрѣю, готовъ есмѣи дѣсѣ по твоему наказанію, брате и гѣе, колико есть вѣиска моего, то вси вкупѣ съ мною, бѣжимъ бо промысломъ съвѣкуплени належащѣа ради брани отъ дунайскихъ татаръ. И нѣвъ рѣди брату моему: слышахъ оубо, ꙗко прѣидоша ко мнѣ медокормѣи ис Сѣверѣ, а кажуть оуже великаго кѣзѣа Дмитрія на Дону, ту бо ждати хочетъ злыхъ сырокодцевъ, и намъ подобаеѣ итти къ Сѣверѣ и ту съвокупитися намъ, предлежитъ бо намъ путь на Сѣверу и тѣмъ путемъ оутѣимъсѣа оѣа своего, да не възбранитъ намъ студно. — По малехъ жъ дѣехъ снѣдошасѣа оба брата желанно съ всѣми силами в Сѣверѣ и, оувидѣвше, возрадовашиѣ, ꙗко жъ иногда Иосѣе съ Венѣаміномъ, видѣвши оу себе множество людей, оусердно бо и урядно нарочитѣмъ рѣтнѣици. И прѣспѣша борзо на Донъ и наѣхаша великаго кѣзѣа Дмитрея Ивановичѣа московскаго еще обѣ сю страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуѣи и ту съвокупишиѣ.

Кѣзѣ же великѣи Дмитрей зъ братомъ своимъ Владимѣромъ възрадовастасѣа радостію великою, ꙗко бо такова мѣсть бжѣа, ꙗко не оудобѣ бѣ мощно таковому быти, ꙗко дѣти оѣа оставляють и поругашиѣ, ꙗко иногда вѣлсѣи Ироду, и прѣидоша на помощь

нашу. И многими дарми почтивъ их, и поехала путем, радуящес и веселящес о стѣм Дсѣ, земнаго уже всего отвѣргшеса, чающе себѣ бесмѣтнаго иного премѣненія. Рече ж к ним кнѣзь великій: Братіа моа милаа, кіа раді потреби приѣдете сѣмо. — Они ж рекоша: Гѣ Бѣ послѣ нѣ к тебѣ на твою помощь. — Князь же великій рече: Вѣистинну ревнители есте праѣца нѣго Авраама, іако тѣи вѣскорѣ Лоту поможе, и еще есть ревнители доблестному великому кнѣзю Іарославу, іако тѣи отмсти кровь братьѣ своей.

И вѣскорѣ послѣ вѣсть князь великій к Москвѣ къ пресѣщенному митрополиту Купріану: іако Волгордовичи князи приѣдоша къ мнѣ съ многими силами, а оѣа своего оставиша. Скоро ж вѣстникъ приѣде къ пресѣщенному митрополиту. Архиепѣспъ ж слышавъ и вѣставъ, помолися, гѣ съ слезами: Гѣи Вѣдко чѣлолюбче, іако съпротивніи наши вѣтри на тихость прелагаеши. — И послѣ въ вся съборныѣ цѣкви и въ обители, повелѣ сугубо мѣтву творити днѣ и ношѣ къ вседѣрѣжителю Бѣгу. И послѣ въ обитель прѣдбнаго игумена Сергіа, да негли их мѣтвѣ послушаетъ Бѣгъ.

Кнѣгні же великаа Евдокіа, слышавъ то великое бжіе мѣсрдие, и нача сугубы мѣстыни творити и непрестанно нача ходити въ стѣую цѣквѣ молитися днѣ и ношѣ.

Си ік пакы оставим, на прѣвое вѣзвратимся.

Великому же кнѣзю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, іако за двадесѣтъ и три поприща до Дону, приспѣ ж въ ѣ днѣ мѣца септеврѣа, на память стѣго прѣрка Захаріи, в тои ж днѣ оубиеніе сродніка его кнѣзя Глѣба Владимировича, приѣхаша два от стражѣ его — Петръ Горьскій да Карпъ Олексінъ и привеѣдоша ізыкъ нарочитѣ от сановитых цѣрѣва двора. Тѣи ізыкъ повѣдаеъ: оуже цѣрѣ на Кузминѣ гати стоитъ, нѣ не спѣшитъ, ожыдаеъ Волгорда літовскаго и Олга резаньскаго, а твоего цѣрѣ събраніа не вѣсть, ни стрѣтеніа твоего не чаеъ, по предписаным ему кнѣгам Олговым, и по трех днѣх имать быти на Дону. — Кнѣзь же великій спроси его о силѣ цѣрѣвѣ. Онъ ж

рече: неисчетно многое множество вѣинства его силы, никому ж мощно ісчесті. — Кнѣзь ж великій нача думати з братом своим и с нововареченною братією с литовьскими кнѣзи: здѣ ли паки пребудемъ или Донъ перевеземся. — Рекоша ж ему Волгордовичи: Аще хоцеша крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будетъ не единому ж помышленіа въспяты; а о велицей силѣ не помышляі, іако не в силѣ Бгѣ, нѣ в правдѣ: Іарославъ перевезеса рѣку Стоплѣка побѣди, прадѣд твой кнѣзь великій Александръ, Неву реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бгѣ, подобаетъ тож творити. И аще побиемъ, тѣ вси спсѣмся, аще ли умремъ, тѣ вси общую смѣрть приимемъ от кнѣзей и до простыхъ людей. Тебѣ ж нѣтъ, гдѣрю великому кнѣзю, оставити смѣртнаа, буйными глѣи глѣти, и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое. Мы оубо видимъ, іако многое множество избранныхъ витязей в вѣйску твоёмъ.

Кнѣзь ж великій повелѣ вѣиньству всему Донъ возитисѣ. А в то врѣмя вѣстници оускоряють, іако поганіи приближаются татарове. Мнози ж снѣе русские възрадовавшѣ радостию великою, зряще своего желаемаго подвига, его ж еще на Руси въжде-лѣша.

За многы ж дні мнози влѣди притекоша на мѣсто то, выюще грозно, непрестанно по вся нощи, слышати гроза велика. Храбрымъ людемъ в плѣкѣхъ срѣдце оукрѣпляется, а иныи ж людие в плѣкохъ, ту слышавъ грозу, паче укротѣша. Зане ж мнози рати необычно събрашаѣ, не умлѣкающі глѣють, галици ж своею рѣчию говорятъ, орли же мнози от оустъ Дону слѣтошаѣ, по аеру лѣтаючи, клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждоуще того дѣи грознаго, Бгѣмъ изволеного, вѣнь ж иматъ пасти трупа члѣа, таково кровопролитіе, акы вода морская. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посыстиляется.

Мнози людие от обоихъ оунывають, видяще оубо пред очима смѣрть. Начаша ж поганіи половци съ многымъ студомъ омрачати о погибели живота своего, понеж оубо умре нечѣствый, и

погыбе память их с шумом. А правовѣрніи ж члѣци паче процвѣтоша радующеся, чающе съврѣшеннаго оногo обѣтованія, прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихъ ж повѣда великому князю прѣдбный игуменъ Сергій.

Вѣстници ж оускоряють, яко уже близько поганіи приближаются. Въ шестый же часъ днѣи прибѣже Семень Меликъ з дружиною своею, а по нихъ гонішася мнози от татаръ; толико безстудно гнашася, нѣлнѣи и плѣкы русскыя оузрѣша и възвратишася скоро къ прію и повѣдаша ему, яко кнѣзи русскыя оплѣчишася прі Дону. Бжѣимъ бо промысломъ узрѣша множество велико людей оуражено, и повѣдаша прію, яко кнѣзей русскихъ въинство четверицею болши нашего събранія. Онъ ж нечестивый прѣ, разженъ діаволомъ на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти глѣсъ тако: Силы моя, аще не одолѣю русскихъ кнѣзей, тѣ како имамъ възвратитися въсвоаши, сраму своего не могу трѣпѣти. — И повелѣ поганымъ своимъ половцемъ въоружатися.

Семень ж Меликъ повѣдаа великому кнѣзю: яко уже Мамай прѣ на Гусинъ брод приде, и едїну ноцъ имѣемъ между собою, на оутрие бо имать прїити на Непрядву. Тебѣ ж, гдѣрю великому кнѣзю, подобаетъ дѣсь исплѣчитися, да не предварять поганіи. — Начать кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ з братомъ своимъ кнѣземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и с литовскими кнѣзи Андрѣемъ и Дмитреемъ Волгордовичи до шестаго чяса плѣци оучрежати. Нѣкто въвода приде с литовскими кнѣзи, имянемъ Дмитрей Боброковъ, родомъ волынскыя земли, иже нарочитый бысть плѣководецъ, велми оуставиша плѣци по достоанію, елико гдѣ кому подобаетъ стояти.

Кнѣзь же великій, поимъ с собою брата своего кнѣзя Владимира и литовскіе кнѣзи и вси кнѣзи русскыя и воеводы и възехавъ на высоко мѣсто и оувидѣвъ образы стѣхъ, иже суть въображени въ хрѣтіанскихъ знаменіихъ, акы иѣкїи свѣтлїици слнечнии свѣтящеся въ врѣмя вѣдра, и стязи ихъ золоченыя ревуть, просьтирающеся, акы облаці, тїхо трепьщущи, хотять промолвити; богатыри же русскыя и ихъ хоругови, акы живи па-

шутся; dospѣхы ж русскихъ снѣвъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеѣ; шоломы злачены на главахъ ихъ, аки заря утренняя въ время ведра свѣтащися; шоловцы ж шоломовъ ихъ, аки пламя огненное пашется.

Умилено бо видѣти и жалостно зрѣти таковыхъ русскихъ събраніа и оучреженіа ихъ. Все бо равнодѣшні, едінь за едіного, другъ за друга хощеть оумрети, и вси единогоу глѣюще: Боже, с высоты призри на ны и даруй православному кнѣзю нѣшему, яко Константинѣ побѣду, покори под нозѣ его врагы Амаліка, яко ж иногда кроткому Двѣду. Сему ж оудившаѣ литовскіи кнѣзи, рекуще в себѣ; нѣс было преж нас, ни при насъ, ни по насъ будетъ таково вѣиство уряжено, подобно естъ Александра цря Макидонскаго вѣиству, мужествомъ бысть Геденовы снузвци; Гѣ бо своею силою въоружил ихъ.

Кнѣзь ж великій, видѣвъ плѣци свои достойно уряжены и спешд с коня своего и паде на колѣні свои прямо великому плѣку чернаго знаменіа, на немъ ж въображенъ образъ Вѣдкы Гѣ напшего Іс Хѣ, из глубины дѣша нача звати велегѣсно: О Вѣдко вседръжителю, виждь смотреливымъ окомъ на люди сіа, иже твоею десницею сѣтвореніи суть и твоею кровію искупленіи работы вражіа. Внуши, Гѣ, глѣсь мѣтвъ нашихъ, обрати лице свое на нечѣстивыхъ, иже творять злаа рабомъ твоимъ. И нѣъ, Гѣ Іс Хѣ, молю и покланяюся образу твоему стѣму и прѣстѣй твоей Мѣтри и всѣмъ стѣымъ, оугодившимъ тебѣ и тврѣдому и неоторимому заступнику нашему и молебнику, иже о насъ к тебѣ, русскому стѣлю, новому чюдотворцу Петру, на его ж мѣстѣ надѣмся, дрѣзаемъ призывати стѣе и великолѣное имя твое, Оца и Сѣна и стѣго Дѣа, нѣъ и прѣсно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь. — Скончавъ мѣтву и всѣд на конь свой и нача по плѣкомъ ѣздити съ князи и въводами. Коемуждо полку рече: Братіа моа милаа, сѣве рускыа, от мала и до велика. Уже, братіе, ношъ пріспѣ, и дѣнь грозный пріближися. В сию ношъ бдите и молитесь, мужайтесь и крѣпитесь: Гѣ с нами, силенъ въ бранѣхъ. Здѣ пребудите, братіе, на мѣстехъ своихъ, немятушеся. Койждо васъ нѣъ оучредитесь,

утрѣ бо неудобь мощно тако учредитис: уже бо гости наши приближаются, стоятъ на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплѣчишасѣ. Оутрѣ бо намъ сѣ ними пити общую чашу, межу събою поведеную, ея же друзи мои еще на Руси възделѣша. Нѣъ, братья, оуповайте на Бѣа жива, миръ вамъ буди о Хѣ. Аще утрѣ оускоряте на насъ пріити поганіи сыромѣдци.

Оуже бо ноцѣ приспѣ свѣтоноснаго праздника Рѣства сѣа Бѣа. Осѣни жъ тогда оудолжившиися и дѣньми свѣтлыми еще сіающе. Бысть жъ въ ту ноцѣ теплота велика и тихо велми, и мрази росніи гавишасѣ. Поистинѣ бо речѣ прорѣкъ: ноцѣ не свѣтла невѣрнымъ, а вѣрнымъ просвѣщена. Рече жъ Дмитрей Волинецъ великому князю: Хошу, гдѣрь, в ноцѣ сію примѣту свою испытати. — И уже заря померкла, ноци глубоцѣ сущи! Дмитрей жъ Волинецъ, поимъ с собою великого кнѣа единаго, и выѣхавъ на поле Куликово и ставъ посреди обохъ плѣковъ и обратився на плѣкъ татарскій, слышитъ стукъ великъ и кличъ и вопль, аки тръги снімаются, аки градъ зиждоуще и аки громъ великій гремитъ. Съзиди жъ плѣку татарскаго вожди выють грозно велми; по десной же странѣ плѣку татарскаго ворони кличуще, и бысть трепетъ птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горамъ играющимъ, гроза велика зѣло; по рецѣ жъ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающе. Рече жъ кнѣзь великій Дмитрею Волинцу: Слышимъ, брате, гроза велика есть велми. — И речѣ Волинецъ: Призывай, кнѣже, Бѣа на помощь. — И обратився на плѣкъ русскій, — и бысть тихость велика. Речѣ же Волинецъ: Видиши ли что, кнѣже. — Онъ жъ рече: Вижу многы огнены зари снімахуся. — И речѣ Волинецъ: Радуйся, гдѣрь, добри суть знаменія, токмо Бѣа призывай и не оскудѣй вѣрою. — И пакы речѣ: И еще ми есть примѣта искусити. — И сниде с коня и приниче к земли деснымъ оухомъ на долгъ час. Въставъ и пониче и въздохну отъ сѣдца. И речѣ кнѣзь великій: Что есть, брате Дмитрей. — Онъ жъ млѣчаше и не хотѣа сказати ему. Кнѣазъ же великій много нуди его. Онъ жъ рече: Едина бо ти на плѣзу, а другая жъ — скръбна. Слышахъ землю плачущую на

двое: едина бо състрана, аки нѣкаа жена, напрасно плачущиѣ о чадѣхъ своихъ елліньскимъ глѣсомъ, другая же страна, аки нѣкаа дѣца, едіною възопи/велими плачевнымъ глѣсомъ, аки в свирѣль нѣкую, жалостно слышати велмі. Азъ жъ преж сего множество тѣми примѣтами боевъ искусихъ, сего ради нѣтъ надѣюся мѣсти бжїа: мѣтвою стѣхъ стрѣлоторъпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ и прочихъ чюдотворцовъ, русскихъ поборниковъ, азъ чаю побѣды поганныхъ татаръ. А твоего хрѣстолюбиваго вѣиства много падеть, нѣ обаче твой врѣхъ, твоя слава будетъ. — Слышавъ жъ то, кнѣзь великій прослезился и речѣ: Гў Бїу вся възможна: всѣхъ насъ дыхание в руцѣ его. — И рече Волынецъ: Не подобаетъ тебѣ, гдрю, того в плѣцѣхъ повѣдати, токѣмо коемуждо вѣину повели Бїу молитися и стѣхъ его угоуднїковъ призывать на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своя, всякому вѣину и вѣоружатися крѣпко и крѣстомъ огражатис: тѣ бо есть оружие на противныа, оутрѣ бо хоцуть с нами видѣтися.

В ту жъ ночь нѣкто мужъ, имянемъ Ѡома Кацибѣй, разбойникъ, поставленъ бысть стражемъ отъ великаго кнѣзя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣхъ сторожѣ отъ поганныхъ. Сего увѣряа Бгѣ, откры ему в ночь ту видѣти видѣніе велико. На высотѣ мѣсте стоа, видѣти облакъ отъ вѣстока великъ зѣло, изрядно прїа, аки нѣкакіа плѣки, к западу идущъ. От полуденныа жъ страны прїдоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыа багряница, лица ихъ сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у нихъ острые мечи. И рекуще плѣковникомъ: Кто вы повелѣте бити отчѣство наше, его жъ намъ Гбѣ дарова. — И начаша ихъ сѣщи и всѣхъ изсѣкоша, ни едінь отъ нихъ не избысть. Той же Ѡома, цѣломѣдръ и разуменъ, оттолѣ увѣренъ бысть и то видѣніе повѣда на утрѣ великому кнѣзю едіному. Кнѣзь же великій рече ему: Не глїи того, друже, никому жъ. — И въздѣвъ руцѣ на нѣбо, нача плакатисъ, глїа: Влѣко Гбѣ члѣколюбче, мѣтвъ ради стѣхъ мѣчнкъ Бориса и Глѣба, помози ми, ꙗко жъ Моусїю на Амалїка ю прѣвому Гїрославу на Стоплѣка и прадѣду моему великому кнѣзю Александру на хвалящегося короля рїмъскаго, хотящаго разо-

рѣти отчѣство его. Не по грѣхъмъ моимъ въздай же ми, нѣ изли и на ны мѣсть свою, простри на насъ бѣгоутробіе свое, не дай же насъ въ смѣхъ врагомъ нашимъ, да не порадуются о насъ врази наши, и рекутъ страны невѣрныхъ: гдѣ есть Бѣгъ ихъ, на нѣ жъ оуповаша. Нѣ помози, ГИ, хрѣстіаномъ, ими жъ величается имя твоѣ стое.

И отпусти кнѣзь великій брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича вверхъ по Дону в дуброву, тако да тамо утаятся плѣкъ его, давъ ему достойныхъ вѣдомцовъ своего двора, оудалыхъ витязей, крѣпкихъ вѣиновъ. И еще с нимъ отпусти извѣстнаго своего вѣводу Дмитрея Волинскаго и иныхъ многихъ.

Прислѣвшу жъ, мѣсяца септеврѣа въ ѣ днѣ, великому празднику Рѣйству стѣя Бѣа, свѣтающу пятку, въсходящу слѣнцу, мгляну оутру сушу, начаша хрѣстіанскыя стязи простиратися, и трубы ратныя многы гласити, оуже бо русскыя кони окрѣпишася отъ глѣса трубнаго, и койждо вѣинъ идетъ подъ своимъ знаменемъ. И видѣти добрѣ оурядно плѣкы оуставлены поученіемъ крѣпкаго вѣводы Дмитрея Боброкова Волинца. Наставшу жъ второму часу дни, и начаша глѣси трубниіи обоихъ плѣковъ снѣматися, татарскыя жъ трубы тако онемѣша, а русскіи трубы паче утврѣдѣша. Плѣкы жъ еще не видятя, занежъ оутро мгляно.

И въ то врѣмя, братѣе, земля стонетъ велими, грозу велику подавающе на востокъ нолны до моря, и на западъ до Дунаа; великое жъ то поле Куликово прегигающеся; рѣкы жъ выступаютъ изъ мѣстъ своихъ, тако николижъ быти толякимъ людемъ на мѣстѣ томъ. }

Великому жъ кнѣзю пресѣдающе на избранный конь, ѣздя по плѣкомъ и глѣше отъ великыа горести срѣца своего, слезы, аки рѣка течаше отъ очию его: Оѣи и братіа моа, ГИ ради подвижайтеся и стѣихъ ради црѣквей и вѣры ради хрѣстіанскыа, сіа бо смерть намъ нѣ нѣ смрѣть, нѣ животъ вѣчный, и ничто жъ. братіе, земнаго помышляйте, но оуклонимся убо, да вѣнци побѣдными оувяземся отъ ХИ Бѣа и СІса дѣшамъ нашимъ.—Оутврѣдивъ жъ плѣкы и пакы прѣиде подъ свое знамя черное и сѣде с коня и на нѣ конь вседе и съвлече с себя приволоку црѣскую и въ нѣну обле-

чеса. Ты конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Бреніка и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тѣ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣмъ знамянемъ и убиенъ бѣ за великого кнзя.

Кнзь ж великій ста на мѣсте своемъ и вынявъ из надръ своихъ живоносный крѣсть, на немъ ж бѣ въображены страсти хѣвы, в немъ ж бѣ живоносное дрѣво, и въсплакася горко и рече: На тебе оубо надѣмся, живоносный гнѣ крѣсте, иже симъ образомъ явивыйся греческому црю Константину, егда ему на брани сущу с нечѣстивыми, и чюднымъ твоимъ образомъ побѣди ихъ. Не могутъ бо поганіи нечестивіи половци противу твоему образу стоати. Тако, Гї, оудиви мѣсть свою на рабѣ твоємъ.

В то ж врѣмя приде к нему посолъ с книгами от прѣдбнаго старца игумена Сергіа. Въ книгахъ писано: великому кнзю и всѣмъ русскимъ кнземъ и всему православному въяску міръ и блѣвєніе. — Кнзь ж великій слышавъ писаніе прѣдбнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаніемъ утвѣрдися, акы нѣкими крѣпкими бранями. Еще ж дасть посланный старецъ от игумена Сергіа хлѣбецъ прѣтыа Бѣа. Кнзь ж великій свѣде хлѣбецъ стый и, простеръ руцѣ свои, възопи велегѣсно: О велико имя всестѣа Трѣця, о прѣстаа Гже Бѣе, помогай намъ тоя мѣтвами и прѣдбнаго игумена Сергіа, Хѣ Бже помилуй и сїси дѣа наша.

И всѣде на избранный свой конь и всемъ копіе свое и паліцу желѣзную и подвижеса ис полку и въсхотѣ прежъ всѣхъ самъ битися с погаными от великіа горесті дѣа своеа, за свою великую обиду и за стѣа цркви и вѣру хрѣтіанскую. Мнози ж русскіе богатыри оудръжавше его, възбраниша ему, глѣюще: Не подобаєть тебѣ великому кнзю напередъ самому в плѣку битися, тебѣ подобаєть особѣ стоати и насъ смотрѣти, а намъ подобаєтъ битися и мужство свое и храбрость предѣ тобою явити. Егда тя Гѣ упа-сєть мѣстію своею, и ты разумѣшєы, кого чимъ даровати. Мы же готови есмя в сїй днѣ главы своя положить за тебе, гдѣря, и за стѣа цркви и за православное хрѣтіанство. Тебѣ ж подобаєтъ

великому кнѣзю рабом своимъ, еліко кто заслужить своею главою, память сѣтворити, ѿкожъ Леонтій црѣъ Ѳеодору Тирону, въ кнѣгы сѣборныа написати насъ, памяти ради русскимъ снѣомъ, иже по насъ будутъ. Аще тебе единого изгубимъ, тѣ отъ кого имамы чѣтити, кто по насъ память сѣтворитъ. Аще вси спсѣмъся, а тебе единого оставимъ, тѣ — кій намъ оуспѣхъ, и будемъ, аки стадо овчье, не имущее пастыря, влечимы по пустыни, и пришедше дивніи влѣци распудятъ и, и разбѣжатся овцы кои куды. Тебѣ, гдѣрю, подобаетъ себе спасти да и насъ. — Кнѣзь жъ великій прослезися и рече: Братія моя милаа, русскыя снѣве, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нѣ токмо похваляю васъ, вы бо есте вѣистинну блазни раби бжѣи. Паче жъ вѣсте мѣчнѣ хѣва стрѣтотрѣппа Арееы: вѣегда мѣчъ бѣ и повелѣ црѣъ вестѣ и на позорище и мечемъ иссѣщи а, доблии жъ его друзи, едѣнъ предъ едѣнымъ скоритъ, койждо ихъ свою главу оускателю подъ мечъ клонятъ за Арееу, въводу своего, вѣдяще оубо почтѣ побѣды своеа. Арееа же въвода рече въиномъ своимъ: вѣсте оубо, братія моя, оу земнаго црѣа не азъ ли прежъ васъ почтенъ быхъ, земныа чѣсти и дары взимахъ. И нѣъ преди ити подобаетъ ми и къ нѣбсному црю, и главѣ моеи прежъ устѣченъ быти, пачежъ вѣнчанъ. И приступль мечникъ и устѣкну главу его, послѣдъ же и въиномъ его устѣкну главы. Такожъ и азъ, братіе: кто болши мене въ русскыхъ снѣвѣхъ почтенъ бѣ и блѣгаа беспрестани прѣимахъ отъ Гѣа. А нѣъ злаа прѣидоша на мя, оужели не могу трѣпѣти, мене бо ради единого сна вся въздвигошася, не могу видѣти васъ побѣжаемыхъ и прочее къ тому не могу трѣпѣти и хочу съ вами ту жъ общую чашу испити и тою жъ смртѣю умрети за стѣую вѣру хрѣтіанскую, аще ли умру съ вами, аще ли спсѣуся съ вами.

Оуже бо, братіе, в то врѣмя плѣкы ведутъ: передовой плѣкъ ведетъ кнѣзь Дмитрей Всеволодичъ, да братъ его — кнѣзь Владимиръ Всеволодичъ, а с правую руку плѣкъ ведетъ Микула Васильевичъ с коломнѣчи, а лѣвую жъ руку плѣкъ ведетъ Тимоѣй Волуевичъ с костромѣчи. Мнози жъ плѣкы поганыхъ бредутъ обаполъ: отъ великіа силы нѣ бо имъ мѣста, гдѣ разступитися.

Безбожный ж прѣ Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с тремя кнѣзи, зря чѣхскаго кровопролітія: оуже бо близ себе сходящися сильныя плѣкы. Выѣде злый печенѣгъ из великого плѣку татарскаго, пред всѣми мужством являся, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голіаду, пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видѣвъ ж его Александръ Пересвѣтъ старецъ, иже бѣ в плѣку Владимира Вселодовича и двигнувся ис полку и речѣ: Сей члѣкъ ищетъ подѣбна себѣ: азъ хочу с нимъ видѣтися. — Бѣ же на главѣ его шолом архігльскаго образа въоруженъскимю повелѣніем игумена Сергія, и речѣ: Оуди и братія, простите мя грѣшнаго, брате Андрѣй Ослебя, моли Бѣга за мя, чаду моему Іакову миръ и блсвение. — Напусти на печенѣга и рече: Игуменъ Сергій, помогай ми молитвою. — Печенѣгъ ж оустремися противу ему. Хрстіане ж вси въскликнуша: Бѣже, помози рабу своему. — И оудариша крѣпко копіи, едва мѣсто не проломіся под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу ж третьему часу дні. Видѣвъ ж то кнѣзь великій и речѣ: Се оуже гости наши приближилися и ведутъ промѣж собою поведеную, предніи оуже испіша и весели быша и уснуша. Оуже бо врѣмя подобно, и час пріиде храбрость свою комуждо показати. — И оудари всякъ вѣинъ по своему коню и кликнуша едіноглісно: С нами Бѣгъ, — и паки: Бѣже хрстіанскый, помози нам. Поганіи же половци свои богы начаша призывати.

И съступиша грозно обѣ силы великія, крѣпко бьющися, напрасно сами себе стираху. Не токѣмо оружіемъ, нѣ и от великия тѣсноты под коньскими ногами издыхаху: іако немощно бѣ вмѣститис на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею. На том бо полѣ силніи плѣці съступиша, из нихъ ж выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силніи мльнія от облістанія мечнаго. И быс трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломленія и от мечнаго сѣченія, іако немощно бѣ сего грѣкого часа зрѣти никако ж и сего грознаго побоища. Въ едінь бо час, въ мгновеніи ока — о koliko тысущъ погыбе дшѣ

члѣськихъ, созданиа бжїа. Воля ¹⁾ Гснѣя съврѣшается. Часть ж третій и четвертый и пятый и шестый крѣпко быющеся, неослабно хрїтіане с погаными половци.

Наставшу ж седмому часу дни, бжїимъ попущеніемъ, нашихъ ради грѣховъ, начаша поганіи одолѣвати. Оуже бо от сановитыхъ мужей мнози побіеніи суть. Богатыри ж русскыя и воеводы и удалыя люди, аки дрѣва дубравнаа клонятся на землю, под коньскыя копыта. Мнози ж снѣве русскыя сътрошасъ. Самого ж великого кнѣзя оуязвиша велии и с коня его збиша. Онъ ж нуужею склонився с побоища, ꙗко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрывся в дебри, бжїею силою съхраненъ бысть. Многажды стязи великого князя подскѣкоша, нѣ не истребішасъ бжїею мѣстію, нѣ и паче укрѣпишасъ.

Се ж слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плѣку Владимера Андрѣевича, повѣдаа великому кнѣзю, гл҃я: В шестую годіну сего дни видѣхъ над вами ꙗко разврѣсто, из него ж изыде облакъ, ꙗко багрянаа заря над плѣкомъ великого кнѣзя, дрѣжашесъ низко. Ты же облакъ и силѣненъ рукъ члѣськихъ, ꙗзъ руки дрѣжаше по велику плѣку, ово проповѣднікы, ово прорѣческыи. В седмый ж часъ дни облакъ той много вѣнцевъ дрѣжаше и опустишасъ над плѣкомъ, на головы хрїтіаньскыи.

Поганіи же начаша одолѣвати, хрїтіаньскыи же плѣци оскудѣша: оуже мало хрїтіанъ, а все поганіи.

Видѣвъ ж то кнѣзь Владимиръ Андрѣевичъ паденіе русскихъ снѣвъ, не мога трѣпѣти и рече Дмитрею Волинцу: Что оубо плѣза стоганіе наше, который оуспѣхъ намъ будетъ, кому намъ пособити: оуже наши кнѣзи и бояре, вси русскыя снѣве напрасно погыбають от поганыхъ, аки трава клонится.—И рече Дмитрей: Бѣда, кнѣже, велика, не уже пришла година наша: начинааѣмъ безъ времени, вредъ себѣ приемиеть; класы бо пшеничныя подавляеми, а трѣніе растуще и бугающе над бл҃городными. И мало убо потрѣпимъ до времени подобна, вѣн же часъ имаемъ въздаріе

1) въ ркп. ошибкою: «Въ».

отдати противникомъ. Нѣ токмо повели всякому вѣну Бѣу молитися прилѣжно и призывать стѣхъ на помощь, и от сего часа имать быти блгдѣ бжїа и помощь хрїстіаномъ. — Кнѣзь жъ Владимиръ Андрѣевичъ, въздѣвъ руцѣ на нбо, и прослезися горко и речѣ: Бже оцѣ нашихъ, сътворивый нбо и землю, дай же помощь роду хрїстіанскому. Не дай жъ, Гїї, порадоватисѣ врагомъ нашимъ о насъ, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и мїсти. — Снѣве жъ русскыя в полку его грѣко плачуще, видяще друзи свои побиваемі отъ поганыхъ, непрестанно покушающесъ, тако званїи на бракъ сладкаго вина пити. Волинецъ жъ възбранише имъ, глїа: Пождите мало, буавїи снѣве русскыя, будетъ ваше врѣмя, коли утѣшитисъ, есть вы съ кѣмъ възвеселитисъ. — Приспѣ жъ осмый часъ дню, дху южну потянувшу съзади намъ. Възопи жъ Волинецъ глїсомъ великимъ: Кнѣже Владимиръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный прїиде. — И речѣ: Братѣа моа, друзи, дрѣзайте, сила бо стго Дхїа помогаетъ намъ. — Единомысленни жъ друзи высѣдоша изъ дубравы зелены, аки соколи искушены оурвалися отъ златыхъ колодицѣ, ударилися на великаа стада жировины, на ту великую силу татарскую. А стязі ихъ направлены крѣпкимъ въеводомъ Дмитреемъ Волинцемъ. Бяху бо, аки Двїови отроци, иже срѣца имуща, аки лвовы, аки лютїи влѣди на овчїи стада прїидоша. И начаша поганыхъ татаръ сѣщї немлѣтївно.

Поганїи же половци оувидѣша свою погыбель, кликнуша еллінскимъ глїсомъ, глїще: Оувы намъ, Рус пакы оумдрїся: оуншїи съ нами брашаѣ, в доблии вси съблюдошаѣ. — И обратишаѣ поганїи и даша плещи и побѣгоша. Снѣве жъ русскыя, силою стго Дхїа и помощію стѣхъ мчѣнкъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчаху ихъ, аки лѣсъ клоняху, аки трава отъ косы постилается у русскихъ снѣвъ подъ конскыя копыта. Поганїи же бѣжаще кричаху, глїюще: Увы намъ, чѣстный ншїѣ црїю Мамаю. Възнесе бо ся высоко и до ада спелѣ еси. — Мнози жъ оуызвенїи нашї, и тѣ помагашу, сѣкуще поганыхъ безъ мїсти: едїнѣ русїнѣ сто поганыхъ гонїть.

Безбожный жъ прѣ Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывать богы своя — Перуна и Салавата и Раклиа и Гурса и

великого своего пособника Махмета. И не быс ему помощи от них: сила бо стго Дѣа, аки огнь пожигаетъ их. Мамай же, видѣвъ новыя люди, тако лютии звѣріе ристаху и изрываху, аки овчье стадо и рече своим: Побѣгнем, нічто ж бо добра имам чаати, нѣ поне свои главы оунесем. — И абие побѣже поганый Мамай с четырьми мужы в лукоморіе, скрегча зубы своими, плачуши грѣко, глѣя:

Уже нам, братіе, в земли своей не бывати, а катунѣ своих не трепати, а дѣтей своих не відати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова; а съ дружиною своею оуж нам не видатис, ни съ кнѣзи и съ алпауты.

Мнози ж гонишаѣ по них и не одолѣша их, понеж кони их утомішаѣ, у Мамаѣ ж цѣлы суть кони его, и убѣже. Сия ж суть млстію всемогущаго Бга и прѣстыа Мтрї Бжїа и моленіемъ и помощію стѣх стрѣтотрѣпецъ Бориса и Глѣба, ихъ ж видѣ Ѡома Кадибѣевъ разбойникъ, егда на сторожы стоя, також преж писано ѣ. Етери ж суще женяху, внегда всѣх доступиша и възвращахус, койждо под свое знамя.

Кнѣзь ж Владимиръ Андрѣевичъ ста на костѣх под черным знаменем. Грозно, братіе, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грѣко посмотрити члѣскаго кровопролитїа, аки морская вода, а трупу члѣа, аки сѣнныа громады: борзъ конь не можетъ ско- читї, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три днї кровію течаху.

Кнѣзь ж Владимиръ Андрѣевич не обрѣте брата своего великого кнѣзя в плѣку, нѣ только литовскіе кнѣзи Олгордовичї, и повелѣ трубити в собранныя трубы. Пожда час и не обрѣте великого кнѣзя, нача плакати и кричати, и по плѣком ѣздити начать сам, и не обрѣте и глѣша всѣм: Братаа моа, русскыа снѣве, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего и началника. — И речѣ: Аще пастырь пораженъ, и овцы разыдутся. Кому сіа честь будетъ, кто побѣдѣ сей явится. — И рекоша литовскыи кнѣзи: Мы его мнїмъ, тако живъ ѣ, оуызвенъ велии, егда въ мртвом трупу лежыт. — Инъ ж вѣинъ речѣ: Азъ видѣх его на седмом часу

крѣпко бьющаѣ с погаными палицею своею. — Инъ ж речѣ: Азъ видѣх его поздѣе того, четири татаріны належахуть ему, онъ ж крѣпко бившес с ними. — Нѣкто княз, имянем Стефанъ Новосилской, ты речѣ: Азъ видѣх его пред самым твоим приходом, пѣша и идуща с побоища, оугазвена велими; того ради не могах азъ ему помощи, гоним есмь трема татаріны, нъ мѣстію бжіею едва от них сѣсохся, а много зла от них прінимах и крѣпко пострадах. — Кнѣзь ж Володимерь речѣ: Братіа и друзи, русскыа сѣбе, аще кто жыва брата моего обрящет, тыи повстиннѣ прѣвыйи будетъ у наю. — И разсыпашас вси по велику силу и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. Ови ж наѣхаша убитаго Михайла Андрѣевича Бренка; лежыть в приволоцѣ и в шеломи, что ему далъ княз великій; иніи же наѣхаша убитаго князя Ѳедора Семеновича Бѣлѣзерскаго, чающе его великим кнѣземъ, занеж приличенъ бѣ ему.

Два ж етера вѣина оуклонишас на десную страну в дуброву: едінь имянемъ Ѳедоръ Сабуръ, а другій — Григорей Холопичевъ, оба родом костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великоѣ кнѣзя бита и гизвена велими и трудна, отдыхающи ему под сѣнію ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и спадше с коней, поклонишасъ ему. Сабуръ ж скоро възвратис повѣдати кнѣзю Владимиру. И речѣ: Кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ здравъ бысть и црѣствуетъ вѣкы. — Вси ж князи и вѣеводы, слышавше, и скоро суняшас и падше на ногу его, глѣюще: Радуйся, кнѣзю нашъ, дрѣвній Гѣрославъ, новый Александръ, побѣдитель врагом. Сіа же побѣды честь — тобѣ довлѣеть. — Княз же великій едва речѣ: Что есть, повѣдайте ми. — Рече ж княз Владимиръ: Млѣстю бжіею и прѣстыа его Мѣтри, пособием и млтвами сродникъ нѣшѣх стѣх мѣчнкъ Бориса и Глѣба и моленіем русскаго стѣла Петра и пособиіа нѣго и вѣоружителя игумена Сергіа и тѣх всѣх стѣх млтвами врази наши побѣжени суть, мы ж сѣсохомся.

Кнѣзь ж великій, слышавъ то и вѣставъ, речѣ: Сій днѣ сътвори Гѣ, възрадуемся и възвеселимся, людие. — И паки речѣ:

Сій днь Гн̄ъ веселитес̄, людие, велій еси, Гї̄, и чюдга дѣла твоа суть. Вечерь въдворится плач, а заутра радость. — И пакы речѣ: Хвалю тя, Гї̄ Бж̄е мой, и почятаю имя твое стое, ѣко не предаѣ еси нас врагом нш̄им и не далѣ еси им похвалитис̄, иже сїи на мя умыслїша злаа. Нѣ суди им, Гї̄, по правдѣ их, азъ ж, Гї̄, оуповаю на тя. — И прїведоша ему конь, и всѣд на конь и выѣхавъ на велико, силно и грозно побоище и видѣвъ вѣйска своего бито велми много, а поганных татаръ четверицею сугубъ того боле бито, и, обратився Волынцу, речѣ: Вѣистїну, Дмитрей, не ложна ѣ примѣта твоа, подобает ти всегда вѣведодоу быти.

И нача з братом своимъ и съ оставшими кн̄зи и вѣведодами ѣздити побоищу, ср̄дцем боля, кричаше, а слезами мысяся, и речѣ: Братїа, русскыа сїве, кн̄зи и богаре и вѣведоды и дѣти богарьскыє. Суди вам Гб̄ Бг̄ъ тою смрт̄їю оумрети, положили есте главы своа за ст̄ѣа црк̄ви и за православное хр̄стіанство. — И поѣхавъ мало, паехалаше мѣсто, на немъ ж лежать побьени вкупѣ кн̄зи Бѣлозерскыє, толма кр̄пко бишас, ѣко едїнъ за единаго умре. Туж близъ лежить убит Михайло Васильевич. Над ними ж ставъ кн̄зь великій, над любезными вѣведодами, и нача плакати и гл̄атї: Брат̄аа моа кн̄зи, сїве русскыє, аще имате др̄зновенїе у Бг̄а, помолитес о нас, вѣм бо, ѣко послушаетъ вас Бг̄ъ, да вкупѣ с вами у Гб̄ Бг̄а будем. — И пакы прїѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напръстника Михайла Андрѣевича Бренка, и близ его лежить твр̄дыи стражъ Семень Меликъ. Близъ ж имъ Тимоѣѣй Волуевич оубїенъ. Над ними ж ставъ кн̄зь великій, прослезися и речѣ: Брате мой възлюбленный, моего ради образа убіенъ еси. Кїй бо рабъ тако можетъ гѣдну служыти, ѣко, меня ради, самъ на смрт̄ь смыслено грядяше. Вѣистїнну древнему Авису подобенъ, иже бѣ от пл̄ьку Дарьєва Перскаго, иже и сей тако сътвори. — Лежашу ж ту Мелику, речѣ над ним: Кр̄пкый мой стражу, твр̄до пасомыи есмя твоею стражею. — Прїѣдеж на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта чернѣца, а пред ним лежатъ поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора. И ту близъ лежить парочитый богатырь Грг̄горей Капустинъ. Обратився кн̄зь ве-

ликій и речѣ: Видите, братіе, починальника своего, яко сій Александръ Пересвѣтъ, пособникъ нашъ, блсвенъ игуменомъ Сергіемъ, и побѣди велика, силна, зла татарина, от него ж было піти многимъ людемъ смѣртнаа чаша.

И отѣхавъ на иное мѣсто и повелѣ трубити в събранные трубы, съзывать люди. Храбріи ж витязі, довѣлно испытавше оружие свое над погаными половци, съ всѣхъ странъ бредутъ под трубный глѣсъ. Грядуще ж весело, ликующе, пѣсні поюху; овии поюху бѣгородичныи, друзіи же мѣнничныи, нини ж псаломъ, то ѣ хрѣстіанское пѣніе. Кійждо вѣинъ едетъ, радуася, на трубный глѣсъ. Събраннымъ ж людемъ всѣмъ, кнѣзь великій ста посреди ихъ, плача и радуася: о оубиенныхъ плачется, а о здоровыхъ радуется. Глѣаше ж: Братіа моа, кнѣзи русскыа и боаре мѣстныа и служылыа люди всеа земля. Вамъ подобаетъ тако служыти, а мнѣ по достоанію похвалити вас. Егда ж оупасеть мя Гбъ и буду на своемъ столѣ, на великомъ кнѣженіи, въ градѣ Москвѣ, тогда имамъ по достоанію даровати вас. Ннѣ же сіа управимъ, коиждо ближняго своего похоронимъ, да не будутъ звѣремъ на снѣденіе телеса хрѣстіанскаа.

Стоялъ кнѣзь великій за Даномъ на костѣхъ осмь днѣй, дондежъ разобраша хрѣстіанъ с нечестивыми: хрѣстіанскаа телеса в землю покопаша, а нечестивыхъ телеса повръжена звѣремъ и птицамъ на расхыщеніе.

И речѣ кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ: Считаите, братіе, колкихъ вѣводъ нѣтъ, колкихъ служылыхъ людей. — Говоритъ боярѣнъ московской, имянемъ Михайло Александровичъ, а былъ в плѣку оу Микулы у Василевича, расчетливъ быѣ велики: Нѣтъ у насъ, гсдрь, м боаріновъ московскихъ, да ¹²вѣ кнѣзей бѣлозерскихъ, да ¹³гѣ боаріновъ посадниковъ новгородскихъ, да ²н боаріновъ Новагорода нѣжного, да ¹⁵м боаріновъ серпоховскихъ, да ²⁵к боаріновъ переславскихъ, да ²ке боаріновъ костромскихъ, да ¹⁶ле боаріновъ владимерскихъ, да ¹н боаріновъ суздалскихъ, да ¹м боаріновъ муромскихъ, да ²¹лг боаріновъ ростовскихъ, да ¹к боаріновъ дмитровскихъ, да ²о боаріновъ можайскихъ, да ³ж боаріновъ звенігородскихъ, да ²еі боарі-

нов углетцких, да ²⁰к боаринов галитцских. А молодым людем счета нѣтъ, нѣ токмо вѣдаем: изгыбло у нас дружины всеа полтретья ста тысящъ и трі тысящи, а осталося у нас дружины пятьдеся тысящъ.

Рече ж кнѣзь великій: Слава тебѣ, вышній Творецъ, Црю нбсный, мѣствый Спсѣ, яко помиловал еси нас грѣшных, не предаъ еси нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыицдем. А вам, брата, кнѣзи и боаре и вѣводы и молодые люди, русские сѣве, сужено мѣсто лежаті между Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Положили есте головы своя за землю русскую, за вѣру хрѣтіанскую. Простите мя, братіе, и блсвите в сем вѣцѣ и в будущем. — И прослезися на длгъ час и речѣ кнѣзем и вѣводам своим: Поѣдем, брате, въ свою землю Залѣсскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вѣтчинах и дѣдинах: чѣсти есмя себѣ доступилі и славнаго имени.

Поганый ж Мамай тогда побѣже с побойща и прибѣже къ граду Каѣ. И, потаивъ свое имя, прибѣже в свою землю и не мога трѣпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена и поругана. И пакы гнѣвашес, грядя зѣло и еще зло мысля на русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неуголимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу и еще хотяше изгоном ити на русскую землю. И сие ему мыслящу, внезапно прииде к нему вѣсть, яко црѣ, именем Тактамышъ съ востока, нолны из Синіе орды, идеть на него. Мамай ж, яже бѣ оуготовилъ рать ити было ему на русскую землю, и онъ с тою ратью пошел противу црѣ Тактамыша. И стрѣтошаѣ на Калках и бѣ им бой великъ. И црѣ Тактамышъ побѣдивъ црѣ Мамаа и прогна его, мамаевы ж кнѣзи и рядци и ясовулы и алпауты биша челом црю Тактамышу. И приаъ их и взя орду и сѣде на царствѣ. Мамай ж прибѣже пакы въ Каѣу едінь, потаивъ свое имя пребываше ту. И познанъ бѣ нѣким купцем и ту оубіенъ бѣ Өязы и испровръже злѣ живот свой. Сіа же оставим здѣ.

Слышавъ ж Олгордъ литовскый, яко княз великій Дми-

трей Иванович побѣдилъ Мамаа, възвратис въсвоаси с студом многым.

Олегъ ж резанскый, слышав, яко хочетъ князь великій послати на него рать, оубоася и побѣже из своа отчины и съ кнѣгнєю и з боары. И резанци добиша челом великому кнѣзю, и кнѣзь великій посади на Резани свои намѣстники.

Сказаніе.

4 редакція

(РАСПРОСТРАНЕННАЯ).

Московского Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, собранія Н. С. Тихонова № 337, XVII в.

В лѣта сѣмѣ году. Сказаніе о Донскомъ побоище великаго кнѣзя Димитрея Ивановича московскаго и всеа Росіи и брата его кнѣзя Владимира Андреевича з безбожнымъ прѣмъ Мамаемъ.

Восхощемъ, братие, начати повѣсть новыя сия побѣды, како случися бран на Дону православнымъ христіяном з безбожными агаряны и како подвижесе род христіянскіи, а поганыхъ уничижени посрами ихъ суровѣство, яко же во оны дни пророку Гедѣону на измаилтян злыхъ, и пророку Моиссѣю со израилтяпы на жестосердаго Фараона и на египтян всѣхъ. И нынѣ намъ подобаетъ воздати величїе Божїе, како сотвори Господь волю боящихся его и како пособствова православному і великому князю Димитрею Ивановичю владимерскому и московскому на безбожныя агаряны. Попущениемъ Божїимъ, от наученія дїаволя, воздвижесе прѣ от восточныя страны, именемъ Маман, еллин сынъ вѣроу, идоложрецъ і иконоборецъ злыхъ, христіянскіи искоренитель; и вниде в сердце его дїаволъ подстрекатель, кото-

рыи всегда пакости дѣя православному христианству и учиста его, кабы ему разорити вѣру христианскую вѣру и осквернити сѣбя Бжїи цркви и всему христианству потреблену быти, яко дабы не славилось имя Гдѣе в людехъ его; мѣстивый же человеклюбѣцъ Бгѣ, что восхощет, то и сотворит. Он же безбожный црѣ Мамай научениемъ дияволимъ нача завидовати первому отступнику црю Батыю и новому иконоборцу прегордому Улиану црю возревновах и нача испытовати от старыхъ своихъ селникѣ, како тои безбожный црѣ Батыи пленилъ Киевъ і Володимер и всю рязанскую землю и словенскую Рус і великаго князя Георгия Игоревича убилъ, и много кнѣзей русскихъ православныхъ побилъ, и сѣе мѣстныя мѣстныя мѣстныя осквернилъ, і вселенную црковъ златоверховую разграбилъ, і ослеплену же ему царю Батыю очима. И онъ того не разуме, какъ Гдѣу годно, такъ и сотворитъ, яко же во оны дни Иерусалимъ плененъ бысть Титомъ римскимъ и Навуходоносоромъ црѣмъ вавилонскимъ. Не црѣи тѣхъ любя, Гдѣ Иерусалимъ казня за ихъ согрѣшение і маловѣрие. Но не до конца прогнѣвается Гдѣ, ни в вѣкъ враждуетъ.

И слышавъ жестосердынъ безбожный црѣ Мамай таковое сказаніе отъ своихъ агарянъ, нача во уне своемъ тою крѣпкою мыслью держати, дияволомъ палимъ бысть непрестанно, ратуясь на христианство. И нача рассылати грамоты за своими печатями по улосомъ своимъ ко отступникамъ своимъ, княземъ и воеводамъ, и глѣ имъ: «яко хочу воздвигнути ратъ на православную Русь, а не хочу такъ творити, какъ црѣ Батыи: егда доидемъ Руси и убью кнѣзя и жену его и иныхъ кнѣзей русскихъ; а которые грады ихъ красныя довлѣютьъ нашему црѣскому величеству, и мы сядемъ, во вѣки безмятежно поживемъ». А не вѣды того, яко Гдѣя рука высока есть. По малехъ же днехъ и по глаголахъ сихъ нача збирати войско свое и мѣстныя орды присовокупиша къ себѣ, и глѣ имъ: «яко обогатеемъ русскимъ златомъ и серебромъ». И скоро поиде Мамай на рускую землю, рыкая, яко левъ и пыхая, яко неутолима ехидна. И перевезеся Мамай великую реку Волгу со всѣми силами своими и доиде же до устья рѣки Воронежи и распустивъ

войско свое, елико довлѣтъ, по улусомъ русскимъ. И повелѣ имъ црѣ Мамаи возити к себѣ елико, что ему годно на потребу и всему войску его и заповѣда улусомъ своимъ: яко «ни единъ не пашите хлѣба да будите готовы на руския хлѣбы».

И услышавъ же то князь Олгъ резанскій, яко црѣ Мамаи идетъ на великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича московскаго ратю, а стоитъ на Воронеже. И оскуде же умъ во главе его, и Олгъ, кнѣзь резанскій, по ухищрение приимъ в сердцахъ своемъ. И посла кнѣзь Олгъ резанскій посла своего г безбожному црю Мамаю со многими дары и с великою честию и ерлыки свои писахъ к нему сипцевымъ образомъ: «Восточному, великому и волному црю Мамаю твои присяльникъ и приселникъ Олгъ кнѣзь резанскій, много тебѣ молю и челомъ бью: слышахъ я, гдѣне, что ты хоцещи итти на рускую землю на своего служебника на кнѣзя Дмитрея московскаго ратю и огрозитися ему хоцещи. И нынѣ, гдѣне, приспѣ время, яко златомъ и серебромъ наполнися руская земля. Вѣмъ бо, всесвѣтлымъ црѣ Мамаи, яко кротокъ есты Дмитрей московскій, егда услышитъ имя твое царево, то и царьствия своего от ярости твоея побѣжитъ далече, гдѣ же есть мѣсто неключимо, а злато же его и серебро и все узорочье московскіе земли в твое руце будетъ и твоему войску на потребу. Меня же раба своего, кнѣзя Олга резансково держава твоя, црю, пощади: яз бо ти велми устрашу кнѣзя Дмитрея Ивановича московскаго. И еще, црю, молю тя, яко именуемся раби твои, но яз велику обиду прияхъ от того ж князя Дмитрея московскаго. И еще, црю, не то едино, но егда о своей обиде твоимъ црѣскимъ именемъ погрозихъ ему, и он же посмеялся твоему величеству царьскому, — не радѣтъ о тебѣ, и еще городъ мой Коломну за себя же взял, и о томъ о всемъ молю тя».

О князя Волгерда литовскомъ.

Другаго же вѣстника скоро посла кнѣзь Олгъ резанскій: «И великому и многоразумному и к велерѣчивому и премудрому во члвѣцехъ Волгерду литовьскому, самодержавному великому кнѣзю и королю милостивому честна и многимъ землямъ гдрю.

Олгъ, кнѣзь рязанскіи, радоватися пишу. Нынѣ вѣдомо ти буди, яко издавеча мыслии еси московскаго кнѣзя Дмитрея изгонити, а Москвою завладѣти. И нынѣ же намъ приспе время, аще есть вѣдомо твоеи милости, аще ли не вѣси, то аз ти возвѣщу: Црѣ бо великїи и силныи и грозныи Мамаи идет на него и на его землю, и мы нынѣ приложимся к великому црѣ Мамаю. Вѣмъ бо, яко тебѣ дастъ Москву і иныя ближние грады, иже отстоятъ от твоеи области, а мнѣ дастъ Коломну і Володимир и Муром і иныя грады близ меня, иже от твоея области отстоятъ. Но яз же послах посла своего к великому црѣ Мамаю с великою честію и со многими дары; аще ты пошлешь своего посла и каковыя имѣеши у себя даровя и пиши к нему ерлыки своя, елико самъ вѣси, паче мене».

Посол же от Олга рязансково пришедъ в литовскую землю и посланную с нимъ грамоту дастъ Волгерду, кнѣзю литовскому и пред паны его. Он же прїимъ грамоту с радостию великою зело и повелѣ чести пред собою. И услышавше таковое писание от друга своего, от кнѣзя Олга рязансково, Волгердъ же, кнѣзь литовскїи, велми радостен бысть и похвали друга своего Олга, рязансково кнѣзя. И рече предстоящимъ пред нимъ паном: «Но милшіи мои санатыри и пановя велицы и мали, слышате ли великую и крѣпкую любовь межю нами и милость друга моего, великаго кнѣзя Олга рязанского, видите, яко един кнѣзь Олгъ Москвою владѣти не восхотѣ, но и мене, другу своему, повѣда, яко аз с нимъ владѣти имам Москвою». Яко безумни не вѣдуще, что глѣ. Предстоящїи же пановя и санатыри вси проклинувшє и рекоша к нему: «Подобно есть, гдѣрь милостивѣши, владѣти Москвою, а того, гдѣрь, кнѣзя Дмитрея изгонити с Москвы і все грады его раздѣлити по себѣ, а злато и сребро і все узорочье московское земли предадите великому и грозному црѣ Мамаю, а рука ваша высока во вѣки безмятежно црѣствовати иматъ». Ся же словеса Волгердъ, кнѣзь литовскїи, слышавъ от санатыревъ и от пановъ счелъ и радостен бысть велми зѣло и рече к ним: «Много вамъ і имам даровати в земли московъстей». Они же падше

поклонилася до земли Волгерду литовскому кнзю на ево великомъ дару и словес жалованномъ.

Волгердъ же кнзъ литовскіи посла Олгова отпустивъ его к Резани с великою честью и посла с ним к другу своему, ко кнзю Олгу резанскому дары многия и отпустивъ его и рекъ: «Тако рцы моему другу милому, великому кнзю Олгу резанскому: нынѣ другомъ ты себѣ нарицаю и господиномъ единой земли рязанстей, а по малех днехъ будемъ гдѣи земли московстей, и тамо имамъ видѣ ты, яко брата любезна, и землю московскую под нашу державу разделимъ: ово к Вилне, ово к Резани, сами же радостни будемъ и безмятежно прѣствовать учнемъ». О горе бѣзумнымъ симъ властелемъ, яко не разумѣ еще писанія, еже рече в книзе псаломстей: вскую шаташася языцы¹⁾ и безума поучишася тщетнымъ пріи и кнзи, ему же хочетъ Богъ да вручитъ црство.

О посланіи Волгердове к безбожному црю Маю.

По семъ же кнзъ Волгердъ литовскіи скоро отрядивъ посла своего к црю Мамаю мужа мудра, именемъ Бортеша. Бортежъ же, человекъ родомъ ляхскіи земли и посла его скоро и давъ ему дары безчисленныя многіе зѣло и книгу послахъ к нему сицеву: «Превысочайшему, великому и сильному и грозному, восточному, всесвѣтлому црю Мамаю Волгердъ, литовскіи кнзъ, про твою милость слышахъ. Много ти припадаю и молюся. Слышахъ, гдѣне, яко хочещи казнити своего служебника кнзя Дмитрея московскаго и улы его пленити. Того ради молю ты, црю, яко велику бѣду сотвори твоему улуснику кнзю Олгу резанскому по твоей мѣсти, а мнѣ такожде пакости дѣя, но молимъ ты, великіи црю, да прійдемъ к державе твоего црствія, да услышитъ кнзъ Дмитрей московскіи твои црской подвигъ на него и нашу присягу к тебѣ. Вѣмъ, то извѣстно, что устрашится велии». Се же глѣху на великаго кнзя лестию и рекоша оба себѣ смеюшася: «Егда услышитъ кнзъ Дмитрей московскіи нашу

1) написано: язызы.

присягу к прю Мамаю, то отбѣжит в Новѣгород в великиі, или на Двину, и мы сядемъ на Москвѣ и на Коломне. Да егда же придетъ прѣ Мамаи близъ Москвы, и мы ему все злато и сребро і все узорочье московские земли прю Мамаю изнесемъ и встретимъ его с великою честью и предъ нимъ предложимъ все узорочье московские земли, и онъ, вземъ, возвратитца во свояси, а мы княжение московскіе земли разделимъ по себѣ, ово к Вилне, ово к Резани, а намъ велитъ свои прѣскіе ерлыки подаватъ на отчину и родомъ нашимъ по насъ. Но не вѣдуще бо, что глѣху, яко немысленныя младыя дѣти, яко не вѣдуще силы бжїи и владычннго его смотренїя, к правовѣрнымъ терпѣнїя отъ беззаконникѣ. По истинне бо рече бжественное писанїе: аще кто держится добродѣтели, то не можетъ быти безо многихъ враговъ.

Кнѣзь же великиі Димитрей Ивановичъ образъ смиренномудрїя нося и смиренїя в высокихъ ищетъ, а не чая бывшихъ сихъ ни едина готоваго злаго совѣта, еже совѣщаша ближнїи его о немъ. О такихъ бо пророкъ рече: да не сотвори ближнему своему, да тебѣ не постигнетъ зло. Дбѣдъ пророкъ ясно глаголетъ в книзе псаломстей: ровъ изры, ископанъ и впадется въ яму, юже содѣла, обратится болѣзнь его на главу его.

Прѣ же Мамаи прїимаетъ грамоты и писанїе ихъ и чая отъ нихъ области по словесѣхъ ихъ. И прїидоша отъ Волгерда, кнѣзя литовскаго, и отъ Олга, кнѣзя резанскаго, къ безбожному прю Мамаю послы и дары ему даяше и писанїе ему. Прѣ же, возвратъ въ писанїе и мнѣвъ, себѣ отъ нихъ чая лести пишемыхъ, слыца на глѣти с темными своими кнѣзи и рече имъ прѣ: «Рако яз, яко отъ нихъ сїе писанїе лестъ есть. Слышите сїе, имъ оставити друга своего единовѣрнаго себѣ кнѣзя Димитрия московскаго и отворотитися отъ своея вѣры». Они же рече, яко «истинна есть» и рекоша к прю Мамаю: «Ты, прю, во прѣствуй, а мы сїе разумѣемъ, яко вѣсть лѣсти отъ нихъ, но имѣни твоего грознаго, а се кнѣзь Димитрей московскїи предступи и обиду имъ сотвори». Прѣ же Мамаи рече своимъ: «Азъ мню себѣ то, что они воедино совокуп-

лени будуть на мя вкупе ¹⁾ велико меж има, яз убо имам на Рус итти безо всякаго прекословия». И тѣхъ пословъ чествовахъ много и отпустихъ на Рус и послание сицево написахъ къ нимъ: «Волгерду, кнѣзю литовскому и Олгу, кнѣзю резанскому, елико вы писасте ко мнѣ, на дарѣхъ вашихъ жалую васъ, и елико хотите вотчины рускіе — тѣмъ дарую васъ, но токмо присягу имѣйте ко мнѣ и сряще меня съ своими силами, елико гдѣ успѣете, да одолѣете своему недругу, а мнѣ ваше пособіе не надобно, аще яз хотехъ, то бы древній Ерлѣмъ пленилъ своею силою, яко же и халдеискій Навходоносор црѣ, но чести вашей хощу, и моимъ именемъ, а вашею рукою разпужанъ будетъ кнѣзь Димитрей московскій и огрозитца имя ваше во странахъ вашихъ. Мнѣ убо, црѣ, достойно побѣдити противна себѣ и довѣсть чести. Рцѣте же кнѣземъ своимъ». Послы же возвратишася къ нимъ и сказахъ имъ, яко црѣ Мамай здравствуетъ велихъ чествовахъ непомногу. Они же скуднымъ умомъ возрадовашася о суетномъ привѣтѣ безбожнаго црѣ, а не вѣдахъ, яко Бгъ дасть власть, кому хощетъ, они же — едины вѣра и едино крещеніе, а безбожному црѣ приложишася, закупѣ гонити православную хрѣстіанску вѣру.

По семъ же Волгердъ кнѣзь Литовскій нача спрашивать посла своего Бортеша про црѣ Мамай и про войство его. И рече Волгердъ къ послу своему: «вѣмъ ты, яко мужъ еси мудръ и разумомъ смышленъ, войскомъ же приправленія знаеши, во многихъ црѣствахъ обычно ли есть и каковъ есть великій црѣ Мамай і войства его много ли зѣло и крѣпко ли». Бортежъ же рече къ нему: мѣстивый гдѣрю, аще ли велиши і вся ты о немъ повѣдаю истинну: царь Мамай возрастомъ середней, разумомъ же не велики твердъ, а въ речіи непамятливъ, но гордъ велики і войства его безчисленно много, но все, яко овцы безъ пастыря, гордостію превознесся; аще кнѣзь Димитрей ²⁾ московскій устремитца противу ему, мною же, гдѣрь, яко распудить ихъ». Волгердъ же, слышавъ слова его отъ Бортеша и прискочивъ отъ мѣста своего сердито и

1) пропускъ въ рукописи.

2) въ рук. Димитреймитрей.

приним в руку свою мечъ и хотѣ убити посла своего Бортеша, и рече ему: «Како смѣши такие словеса глѣти про таваго великаго прѣа, ему ж не может сѣи свѣтъ стояти противу его». Панове же его скоро кинувшеся и удержаша его и рече Бортешъ к Волгерду: «Что, гдѣе, на мя сердитуешь, яко спрашивал еси мя о истинне, и яз ти всю истинну повѣдахъ». Мнози же панове ужаснувшеся срѣдцемъ, слышавъ сѣи словеса о Мамаи, еже рече Бортешъ. Волгердъ же, срѣдцемъ желая к Мамаю прѣю, Олгъ кнѣзь резанскіи тако же; о таковых бо писа Лука еѣгглицъ бжѣственныи во апосталскихъ дѣяніи, рече: жестоки и необрезани сердцемъ и ушесы вы, вы убо противистеся Дху Стѣому, каменносердечныи и косная умомъ. И о сихъ же есть речено в книзѣ псаломстеи: яко отсекоша своя масличины, присадишася к пустынной лозе горцеи и неплодней.

Олгъ же кнѣзь резанскіи нача поспешивати і иныя послы посылати к прѣю Маю, яко да подвизается скоро к земли русей. О таковыхъ пророкъ рече: от нерассуждения путъ злыхъ не спешится, но збирается себѣ досаждение и посмѣхъ, правыхъ же пути общаются. Нынѣ же сего окаяннаго Олга кнѣзя резанскаго втораго Свѣтополка наречемъ.

И слышавъ же то кнѣзь великии Димитрей Ивановичъ, яко идетъ на него безбожныи прѣ Мамаи и со всѣми своими силами, неуклонно яряся на хрѣству вѣру и ревнуя безглавному и злочестивому Батыю прѣю. Кнѣзь великии Димитрей Ивановичъ опечалися велми о безбожномъ нахожденіи, воставъ, приде пред икону Гдѣа нашего Іса Хрѣста и есмю, молю ти ся, смиренныи рече, на тя Гдѣи возверзу печалъ мою, твори намъ, Гдѣи, яко же отпечемъ грады ихъ злаго законопреступства, страху и трепету обдержашу. вается на насъ. Вѣмъ бо, Гдѣи, землю сию, язъ бо предъ тобою ми Гдѣи, яко Езекею, укро

и, воставъ, приде пред олѣи и рече: «Гдѣи, аще и, призри на уныніе мое, свѣдѣтель, владыко, не согъ, яко наведе на нихъ и на прѣа Батыя, и еще бо тому Гдѣи, не до конца прогнѣе ради потребится хошеши хъ паче всѣхъ члѣвкъ сотвори сердце свирепому сему

беззаконному црю Мамаю и на Гда уповах и не изнемогу». Изшед же из ложницы своя, кнзь великий Димитрей Иванович скоро посла по брата своего по кнзя Владимира Андреевича, он же бѣ во области своей въ Боровске. И посла по вся воеводы своя мѣстныя.

Кнзь же Владимир Андреевич скоро приеде на Москву к брату своему к великому кнзю Димитрею Ивановичю, и все кнзи руския, и воеводы мѣстныя скоро приѣхаша на Москву к великому князю Димитрею ¹⁾ Ивановичю; кнзь же великий Димитрей Иванович, видѣв брата своего кнзя Владимира Андреевича, и обемъ его и целова и взем за руку и введе его в комнату свою, наедине рече ему: «Слышал ли еси, брате, находящую на нас скорбь от нахождения поганных». Отвѣщав же кнзь Владимир Андреевич к великому кнзю Димитрею Ивановичю: «Глава еси, гдѣрь, всей земли русской и како еси обдержим великою печалию о семъ, яко же Гдѣи годно есть, тако и будет. Подобно есть, гдѣрь, всемъ главамъ нашимъ любезно под мечи умерети за вѣру хрстову и за стѣя бжия цркви и за тебя, гдѣря, добраго пастыря, нежели работати злочестивому црю Мамаю, лутче нам града смерть принять, нежели в срамоте живот видѣти». Кнзь великий Димитрей Иванович воставъ от мѣста на нозѣ свои и воздѣвъ руже свои на небо и рече: «Хвалю тя, Владыко мой, Гдѣи Ісѣ Хрсте, яко брату моему въ сердце вложи умерети имени твоего ради стѣаго». Кнзь же великий Димитрей Иванович обемъ за выю брата своего и любезно облобызавъ его и рече: «Златопозанная глава, рекох ти, брате, и сущее сердце твое». И паки глѣ такожде в людях: «да утвердятся юных сердца на подвиг спасения».

И воставъ кнзь великий Димитрей Иванович, поимъ брата своего кнзя Владимира Андреевича и пойде к преосвященному Киприяну митрополиту и пришед, рече ему: «Вѣси ли, отче, нашу настоящую бѣду, яко безбожныи црь Мамай идет на нас

---

1) въ ркп.: «Дитрею».

неукротимымъ сердцемъ от ярости». Преосвященный же Киприянъ митрополит рече к великому кнзю: «Повѣждь ми, кнже великїи, чемъ вы не исправились к нему». Рече же к нему князь великїи: «Испытахомъ, отче, до велика и до мала, все по отецъ нашихъ преданию, но еще же наипаче воздохомъ ему». Преосвященный же Киприян митрополит рече ему: «Видиши, гдѣ кнже великїи, попущениемъ Бжїимъ, нашего ради согрѣшения идетъ црѣ Мамай пленити землю нашу, ино вѣмъ подобаетъ православнымъ кнземъ тѣхъ нечестивыхъ дарми утоляти четверицею сугубо, аще того ради не смиритца, то и Гдѣ смирит его: Гдѣ гордымъ противится, а смиреннымъ же благодать даетъ. Такожде случися великому Василию в Кесарїи Кападокии; отступникъ злыи Улиянъ идыи на персы и хотя разорити градъ его, онъ же помолился Богу со всѣми христианами и собраша много злата и сребра, дабы отступника утолити. Онъ же паки возярился и Гдѣ посла воина своего Меркурия, и бжїею силою убїи Меркурей того злаго отступника Улиана со всѣми силами его. Ты же, гдѣне, возми злата и сребра, еже имѣеши и пошли противу ему и паче исправися предъ нимъ». Кнзь же великїи Димитрей Ивановичъ з братомъ своимъ приде от митрополита в горнити свою.

О посланїи к безбожному црѣю Мамаю от великаго кнзя Димитрея Ивановича московскаго и всеа Русїи.

И потомъ кнзь велиїи нача избирати от двора своего юныхъ етеровъ и избра юношу доволна суца умомъ, имянемъ Захарию Тушчеева, и давъ ему два толмача, умѣюще языку татарскому и еллинскому и много злата с нимъ послахъ к црѣю Мамаю. Захария же дойде до земли рязанския и слышавъ, что Олгъ кнзь рязанскїи и Волгердъ литовскїи приложилися к црѣю Мамаю. Захария же посла тайно вѣсть к великому кнзю Димитрею Ивановичю, что Олгъ кнзь рязанскїи и Волгердъ литовскїи приложилися к Мамаю. Кнзь же великїи Димитрей Ивановичъ слышавъ таковую вѣсть и нача сердцемъ двизатися, абие ярости и горести наполнися и нача молитися: «Гдїи Бже мой, на тя надѣюся правду любящаго, аще бо ми врагъ пакости дѣял. то подо-

баеѣт противу его терпѣти, яко же искони еѣтъ врагъ роду хриѣтианскому. Сѣя же друзи мои і искренниі мои тако на мя умыслиша, суди, Гдѣ, межю има и мною. Яз бо ни единому никотораго зла не сотвориѣх, разве чести и даровъ от нихъ взимахъ, тако же им і даравахъ. Суди, Гдѣ, по правде моеи, да скончается злоба грѣшныхъ». І востав же, кнѣзь великиі Димитрей Івановичъ поиде з братомъ своимъ со кнѣземъ Владимиромъ Андреевичемъ во второе къ преосвященному митрополиту Киприяну и повѣда ему, како Волгердъ кнѣзь литовъскіи и Олгъ кнѣзь резанскіи совокупишася с Мамаемъ. Митрополитъ же рече: «Самъ, гдѣне, вѣси, кою обиду сотвориѣ еси имъ». Кнѣже великиі прослезися и рече: «Азъ предъ Бгѣмъ грѣшенъ есмь человекъ, а к нимъ ни единыя черты по отецъ своихъ заповѣди не преступихъ. Вѣси бо самъ, отче, никоея же обиды не сотвориѣ имъ и не вѣмъ, чесо ради умножишася на мя стужающіи мя». Митрополитъ же рече великому кнѣзю Димитрею Івановичю: «Просвѣти мя веселиемъ, гдѣне кнѣже великиі, книги чтеши и разумѣши законъ бжїи, елико творѣи правду, не подвижются на тя человекъцы, правду бо возлюби, нѣсть иногo помощника, развѣ егда Дбдъ пророкъ глѣтъ, яко обыдоша мя пси мнози, и сонмъ лукавыхъ обдержаша мя, суетно и тщетно поучается, но яко Гдѣ помощникъ мнѣ, призови мя в денъ печали своея і избавлю тя, и ты мя прославиши. Глѣтъ Гсдѣ: именемъ Гсднимъ противляхся имъ; аще ли, гдѣне, когo члвкъ Бгъ хранитъ, то не можетъ его погубити весь миръ, аще ли на когo члвкъ гневъ бжїи приѣдетъ, можетъ ли его весь миръ укрыти, Гдѣ праведенъ еѣтъ и правду возлюби. По правде твоеи и будетъ ти Гдѣ помощникъ, отъ всевидящего ока вѣдки и отъ крѣпъкия руки и ігдѣ кто можетъ укрытися»¹⁾.

Кнѣзь же великиі Димитрей Івановичъ з братомъ своимъ со кнѣземъ Володимеромъ Андреевичемъ и со всѣми рускими кнѣзи избра дому яко стражю уготовити твердо. Изобраша отроцы тверды отъ велможъ своихъ разумныхъ и храбрыхъ зѣло оружниѣкъ

1) въ ркп. послѣ этихъ словъ стоѣтъ: О . . . — неоконченное заглавіе.

на сторожу во кнѣзех, им же суть имя ¹⁾ да Якова Андреевича Усатова да Василя Тупина і иных с ними многих витязей храбрых. И повелѣ имъ кнѣзь великїи со всякимъ усердіемъ добывают языков, дабы истинну услышати црѣва хотѣнія. И повелѣ им ѣхати близ орды до быстрые Сосны. И потомъ же кнѣзь великїи повелѣ грамоты рассылати по всѣм градом и повелѣ быти готовымъ на бран з безбожными агаряны, а были бы совокуплены на Успенїев день Пресвятыя Бѣы на Коломне.

Тѣж стражи в Поле замедлиша. Кнѣзь же великїи з братомъ своим и з бояры умысли вторую стражю послать, а им повелѣ возвратися вскорѣ и посла Клементьева Полева да Івана ²⁾ да Григоря Судока і иных многих с ними. Они же стретоша Василя Тупина Оки рѣки, ведуще языка к великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю от сановитых царевых Мамаевых людей. І приведоша языка, язык же повѣдаеть кнѣзю, яко не ложно црѣ Мамай идетъ на рускую землю и како обослашася и совокупишася с ним Олгъ кнѣзь резангскїи і Волгердъ литовскїи. А не спешит бо црѣ того ради, яко осени ждет. Слышавъ же кнѣзь великїи от языка того такія словеса и паки нача молитися, гл҃я: «Вѣко Гдѣи Іисе Христе, Сыне безначалнаго Цр҃я, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Дѣвы Марїи нашего ради спасения і избави нас от работы вражїи. І нынѣ, Владыко прѣстѣи, призри на смирение наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамайа и низложи Гдѣи сего злаго, помышляющих на стѣую вѣру твою». И паки рече: да пришел ли буде Захарїя со златом к цр҃ю Мамаю во орду, и что црѣ отвѣщаеть ему.

Захарїя же, пришед во орду и поемши его темнїи кнѣзи и поставиша его пред цр҃емъ Мамаем і все злато посланное от великаго кнѣзя предложи пред царя Мамайа. Захарїя же пред цр҃емъ начаша посолство правити. И рече Захарїя: «Гдѣрь нашъ великїи кнѣзь Дмитрей Ивановичъ московскїи всеа Росїи во отечес своемъ здравствует, а твоего цр҃скаго здравїя присла

---

¹⁾ опущено — Родіона Ржевскаго.

²⁾ пропущено — Свяслова.

мя вопросити, а сие злато посла со мною к тебѣ, црѣю, твоеи ради царьскіе почести». Увидѣвъ же црѣ Мамаи и много злата і возяръився, наипаче гордости наполнися горѣе прежняго, и сидитъ црѣ Мамаи на своемъ црѣскомъ мѣсте и сверже бапмакъ с правыя ноги своя и повелѣ Захарию ногу свою обლობызати. И рече црѣ Мамаи к Захарию: «Дарую тя от великия славы моя, прежде обლობызай ногу мою, тако есть наша црѣская почеть, аще ли кого пожаловати». Захарія же сотворит тако, яко же повелѣ ему црѣ. І велми црѣ подивися красотѣ Захариине и мудрымъ его отвѣтомъ. И рече црѣ к Захарию: «Захарія, повѣж ми, что есть умыслил ратаи мои Димитреи Московьскіи, яко присла ми злато сие, мняше мя, яко себѣ подобна». И повелѣ злато взяти казаком и рекши им: «Возмите злато сие, да купите платей на кони своя». И рече црѣ Мамаи: «Злато твое Димитреи и сребро і все узороче Московское земли в моеи руде будет, а землю же твою раздѣлю служащимъ своимъ вѣрнымъ, а самого ты приставлю пасти стадо верблюжьи». Захарія же, исполнися ярости, не утерпѣвъ и рекоша к црѣю: «Что сие глѣши тавому великому гдрю самодержцу, аще Бгѣ что восхощетъ, то и сотворит. А ныне ты, црѣю, хочещи без божия повелѣнія сотворити». Предстоящій ж туто кнѣзи темниі выхватиша ножи и хотѣша Захарию рѣзати и глѣша ему: «Что глѣши сие пред црѣмъ». Црѣ же посмѣяся и не повелѣ ни единым перстомъ двигнути. И рече ¹⁾ црѣ к Захарию: «За твою красоту и за предмудрость не велю тя погубити». И паки рече црѣ к Захарию: «Возвести ми, многолѣтен ли есть ратаи мои Димитреи, ащели млад, то яз помилую его младости ради і возму ево во двор свои, да накажется обычая моего црѣскаго, а тамо князя иного посажю». Захарія же отвѣщавъ к црѣю: »Высокъ есть и силенъ и мѣстивъ Бгѣ христьянскіи». По семъ же црѣ рече к Захарию: «Любимъ есть ты мнѣ, Захарія, подобен еси црѣству моему предстояти. Служи ми, Захарія, сотворю тя властелина велика в Руси, будещи подобен

---

1) въ рукописи дважды.

Дмитрею, ему же нынѣ служиши». Отвѣщавъ же Захария и помышляюще в сердцы своемъ лестию глѣти црѣю. И рече Захария к црѣю Мамаю: «Не подобаетъ послу, не вершивъ посолския рѣчи, тако же иному црѣю отбѣжати. Ащели црѣю хоцещи сие помиловати и сотворити слугою себѣ, и ты, црѣю, повели ми книги дат посолския, и аз, шедъ, великому кнзю Дмитрею Ивановичю и посолство совершу, да будет род мой почтен людми ¹⁾, и аз тебѣ, црѣю, вѣрен буду, что не солгалъ первому гдрю и, шед, тамо целование крестное с себя сложу и паки к тебѣ возвращуся, лутче есть зле умерети, а нежели невѣрну црѣю служити». И сия словеса глѣ Захария лестию, помышляюще себѣ, како бы избыти от руки црѣвы а великому князю истинну повѣдати хотя. Црѣ же, слыша сия словеса от Захария, радостенъ бысть велии и повелѣ скоро писание писати к великому кнзю. И отрядивъ црѣ Захария и четыре кнзи честныя и любимыи црѣю Мамаю: перваго кнзя Кизбыемъ зовут, любимой постелникъ црѣвъ, вторыи Лучин, дьякъ црѣвъ, третии Агиш имянем, любимый конюшей црѣвъ, четвертыи Сендеян, клюшник црѣвъ и с ними отрядиша татариновъ мелких и члвкъ. Захария же тайно ходяще, молящеся и рекуще: «Мати Бжия прчстая Бдѣа, помяни мѣтву смиреннаго раба твоего гдря ²⁾ великаго кнзя Дмитрея Ивановича. Царица, владычица пресвятая Бдѣа илюи, дабы не размыслил црѣ послати тѣх и Русь». Црѣ же повелѣ грамоту писати к у: «От восточнаго и грознаго, от болшии Юля, от сильных татар прѣмъ црѣ грозный имъ гдрь. Рука моя многими црѣтвы обла- а многихъ црѣствах облежит. Ратаю нашему му ³⁾, вѣдомо да есть ти, яко улусами нашему црѣству не поклонишися. Да есть ти ука моя хоцет тя казнити, ащели младъ и поклонишися, да помилюю тя, а в твое

1) въ ркп. московскому.

2) въ ркп. дважды.

3) въ ркп. московсковъ-

мѣсто пошлю црѣствовать иного кнзя. Ащели сего не сотвориши и все грады твоя имам разорити и огню предати, а самого тебя великою казни предаю. Црѣ же, отпустив Захария и кнзев своих на Рус, и рече к Захарію: «Возвратися ты, Захария, ко мнѣ вскорѣ». И повелѣ его проводитьи честно.

И егда приближися Захария близ Оки реки и д. татарина і иные, иже посла црѣ на Рус татар своих. От Оки рѣки посла Захария тайно к великому кнзю Димитрею Івановичю вѣстника, чтобы прислал на встречу татаромъ. Захария же рече татаромъ: «Ужже вам честно встрѣтят от великаго кнзя». Они же высокоумием гордяшеся. Кнже великии, отрядивъ скоро в стрѣтенье ради Захариина т члвкъ двора своего и сretoша их на сѣи странѣ Оки рѣки. Татаровя же ждут почести. Захария же повелѣ хватати татаровъ і вязати их. Татаровя же вопиюще и глѹюще: «О прелстих еси нас, Захария». Захария же, взем грамоту цареву, посланную к великому кнзю Димитрею Івановичю, и передра ю на двое і выбравъ татарина і вдах ему раздранную грамоту, и рече Захария татарину: «Возвратися ты един и рцы безбожному црю своему, яко не обретох въ члвѣцѣх безуміѣ тебя, а грамоту твою пред свѣтлыи очи гдря моего не принесох и прочтох ее самъ і видех безумие твое, посмѣяхся и передрах ю, а служити яз тебѣ, црю, радъ своимъ мечемъ над (т)воею головою». И сие рекъ и отпусти татарина к црю. И пришед татарин к црю і возвести бывшее и грамоту давъ ему передранную. Црѣ же въскочивъ от мѣста своего и нача сердитовати и рече: «Великою прелестію прелстил мя Захария». И повелѣ неуклонно подвизатися воиску своему на рускую землю. Захария же пришед в славныи град Москву и челом удари сво(ему) гдрю, великому кнзю Димитрею Івановичю, всѣх татар приведе связанных. Кнз жь великии Димитрей Івановичъ velmi радостен бысть и подивися великому разуму Захаріину. Захария же повѣда великому кнзю все прилучившееся в Ордѣ, яко же впереди писахомъ. Кнз же великии сотвори пир честен на Захарію и почтивъ Захарію многими дары.

На утрияж пришед Захария к великому кнзю и рече: «Скоро, гсдрѣ кнже великиі, подвизаяся противъ црѣя Мамая, посылая, гдрь, по городомъ своимъ гдрьскіе грамоты і вели воинству своему совокуплятися, яко црѣ Маман идет скоро на рускую землю». Слышав же кнзь великиі таковыя словеса от Захария, что не ложно есть востание безбожнаго црѣя Мамая на православную вѣру, нача радоватися и утѣшатися и укрѣпляя брата своего кнзя Владимира Андреевича і всѣх русских кнзей і рече: «Братне, кнзи руския і воеводы мѣстныя, гвѣздо есми кнзя Владимира Киевскаго, иже он изведен от страсти еллинския, ему же открыи Гдѣ познати православную вѣру, яко же Плакиде Стратилату. Он же заповѣда намъ ту же вѣру держати крѣпко и поборати по ней. Аще кто ея ради постражет здѣ, ино во ономъ вѣще прииметь. Аз бо, братия, хочу за вѣру хрстову пострадати даже и до смерти». И рече кнзь Владимир Андреевич і все рускіе кнзи і воеводы мѣстныя: «Во истинну Гдѣ нашъ Иісѣ Хрѣтос законную заповѣдь свершивъ и святому еѣглію послѣдствуеши, яко же во святомъ еѣгліи написано: кто за имя мое постраждет здѣ, в мире семъ, и аз с нимъ и упокою его в послѣдній день. Мы же, гдѣ(не), есмь с тобою умрети днес и головы своя сложити за вѣру хрстову и за стѣя божія цркви и за свою великую обиду». Слышавъ же кнзь великиі от брата своего от кнзя Владимира Ондреевича и от всѣхъ кнзей русских і воеводъ мѣстных, яко держаютъ и поборають велии вѣре хрстіанстемъ.

О посланных грамотах и да зберутся всяко воинство уряженным полкомъ.

Во дни тѣхъ кнзь великиі Дмитрей Ивановичъ посла вѣстники многіе и грамоты свои многіе розославъ: «От великаго кнзя Дмитрея Ивановича всеа Росіи кнземъ и бояромъ і воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ і всему войску і всякому без обмена, чей хто ни есть. Какъ вамъ ся наша грамота г   і выбъ часа того¹⁾ во

---

1) въ ркп. пропускъ: глѣзи.

един день и ночь, а других бы есте грамот не дожидалися и збиралися бы все неложно со всеи земли на Успеневъ днь прѣстыя Бѣы на Коломне, яко да тамо разберемъ подлинно и дадимъ коемуждо полку воеводу. А сами б есте грамоты посылали промежь себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ лѣта 7006-го году, мѣца августа в ѣе де». Сия грамоты и вѣстники розославъ по всеи земли.

О приѣзде многихъ воин на Москву.

Людие мнози приспѣша къ великому кнзю Дмитрею Ивановичю і вси яко едиными усты глѣху: «Соверши Бгъ течение наше пострадати имяни твоего ради стѣго». И придоша къ великому кнзю Дмитрею Ивановичю кнзи Бѣлозерскіи со многою силою, яко видѣти чинно велми и подобницы суще бо яви, добре учреженно воиство ихъ: Кнзь Ѳеодор Андреевичъ, да кнзь Семен Михайловичъ, да кнзь Андрей Киевъскіи, да кнзь Глѣбъ Каргаполской и Андомскіи; и придоша же Ярославскіи кнзи с своими силами: кнзь Андрей Ярославъскіи, да кнзь Романъ Прозоровъскіи да кнзь Левъ Кипскіи, да кнзь Дмитрей Ростовскіи, и с ними многіи кнзи и бояре и дѣти боярскіи, иже есть.

Братіе, стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славномъ граде Москвѣ, стучитъ силная ратъ великаго кнзя Дмитрея Ивановича московскаго, а гремятъ рускіи сынове злечеными доспѣхами.

Кнзь же великкіи Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего кнзя Владимира Андреевича і православныи кнзи и поеде къ живоначалной Троицы и ко отцу своему преподобному игумену Сергію. И приеде ко обители и тамо шедъ въ монастырь и благословенія получивъ отъ всея обители святыи. И моли его преподобныи игуменъ Сергіи, дабы слушалъ литургіи Божіи. Приспѣвъ же день воскресный, память стѣхъ мѣнкъ Ѳлора и Лавра. Отпущенной же литургіи, моли преподобныи игуменъ Сергіи со всею братіею, дабы вкусилъ хлѣба сѣтыи обители. Великому же кнзю Дмитрею Ивановичю нужно есть велми: въ тои же время придоша вѣстницы къ нему і возвѣстиша ему, яко уже приближаются татаровя. И моли преподобнаго Сергія кнзь же великкіи,

дабы его отпустил. И рече ему игумен Сергій: «Замедление сугубо поспешитца, живот ти будет, не у же бо ти еще венець на побѣды сия наитти, но во спомывшихъ лѣтахъ, инымъ уже венцы плетутца». Кнѣже великїи Дмитрей Ивановичъ вкуси у преподобнаго игумена Сергия во обители, і в то время преподобныи игумен Сергій повелѣ воды освящати с мощи свѣтыхъ мѣникъ Флора и Лавра. Кнѣ же великїи скоро воста от трапезы, преподобныи же игумен Сергій, окропивъ свѣтою водою великаго кнѣзя і все хрѣстолюбивое воинство и благословивъ великаго кнѣзя крѣстнымъ знаменемъ и рече: «Поиди, гдѣне, на супротивныя враги; Богъ тебѣ да будетъ помощникъ и заступникъ в скорби». И тайно рече ему: «Побѣдиши супостаты своя». Князь же великїи прослезивъся и дару от него прося; он же рече ему: «елико довлетъ твоему гдѣству». И рече кнѣзь великїи: «Отче, дай ми два воина от полку своего, воеводѣ, да и тѣ пособствуютъ с нами». Он же рече: «коихъ, гдѣне, хочещи?» Кнѣзь же: «Дай ми, отче, Пересвѣта чернеца и брата его Ослябя». Преподобныи же Сергій игумен повелѣ имъ скоро готовитися, яко вѣдомыя сутъ ратницы; они же послушание преподобнаго игумена Сергия сотвориша и на брань готови быша. Преподобныи же игумен Сергій дасть имъ во тленныхъ мѣсто оружие нетлѣнное — крѣсть хрѣстовъ, нашить на схимѣ, и повелѣ имъ возложить на главы своя. И дасть ихъ преподобныи в руцѣ великому кнѣзю и рече ему: «Се ти мои оруженницы, а твои изволницы». Кнѣзь же великїи Дмитрей Ивановичъ приемлетъ ихъ и рече имъ: «Братия моя, постражите, яко другии воины христовы». Преподобныи же игумен Сергій дасть великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю і всему православному воинству миръ и благословение и отпустивъ ихъ. Кнѣзь же великїи обвеселися срѣдцемъ и не повѣдая никому преподобнаго игумена Сергия тайныхъ речей. И рече ему преподобныи игумен Сергій: «Поиди, гдѣне княже великїи, ко своему Москвѣ и прими аки ¹⁾ пѣкое сокровище некрадъ благословение старческое».

---

1) въ ркп. «аки» дважды

Кнѣз же великїи приде от сѣтые обители въ славный град Москву и паки поимѣ с собою брата своего кнѣзя Владимира Андреевича и поиде к преосвященному митрополиту Кипреяну и сказа ему, как преподобный игумен Сергїи дал ему благословение і всему воинству. Митрополит же повелѣ сїя словеса сохранити и не повѣдати никому, еже рече ему игумен Сергїи тайные словеса. Кнѣз же великїи, приде от митрополита и иде в ложницу свою, яко к вечеру сущу, изыти уже великому кнѣзю противъ безбожныхъ агарян.

Яко дивно страшно видяти і велики чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачущеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще, і вси народи града московскаго плачущеся і вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь прѣстѣя Бѣды, честнаго и славнаго ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу прѣстѣя Бѣды и рекоша: «Помилуй, Вѣдца, гѣдря нашего великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича, посубствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшныхъ рабѣ своихъ и младенцевъ нашихъ, яко да ты, Бже, сотвори, елики хочещи, избави нас от варварскаго плетения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іиса Хрѣста воплотившагося и рождышагося от тебѣ. Не даи, Гѣди, в разорение града сего поганому сему прію Мамаю, да не осквернит сѣтыя твоя вѣры христіянския и умоли Сына своего, Гѣда нашего Іиса Хрѣста, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука ихъ высока, и свою помощь послѣ с ними и нетѣнную ризу свою, да в ню же одѣмся, да не страшливъ будет ранами. На тебя бо надѣмся, Вѣдца, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Гѣже Бѣда, родила еси, аще хочещи і можещи намъ помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призываютъ имени твоего сѣтаго. Мы же, Гѣже, на твою милость надѣмся противу безбо Печенѣгъ, да будетъ противу ихъ, да будетъ, Гѣже, умоленъ Сынъ твой тобою и Богъ нашъ».

Кнз же великїи Димитрей Івановичъ приде к чюдотворцу Петру митрополиту и припаде ко гробу его святого и нача молитися: «О, чюдотворче святителю Петре, по милости бжїи готовъ еси творити безпрестанно чюдеса, и нынѣ ти приспѣ время молитися за нас ко общему вѣдце, днес бо всѣхъ злѣе являщихъ належащихъ супостатъ поганихъ на мя приснаго раба твоего крѣпко ополчѣшася и на градъ твой Москву вооружаются, тебя бо Гсѣдъ нашъ прояви послѣднему роду нашему, вжегъ ты намъ свѣтлую свещу на свѣщницѣ высоцѣ, и тебѣ бо подобаетъ о насъ молитися, да не придетъ на насъ рана смертная, и рука грѣшная да не погубитъ насъ; ты бо еси первый нашъ водителю и стражъ крѣпкїи граду нашему Москвѣ, яко твоя бо еси паства». И скончавъ молитву сию и приложишася у раки мощей его святого и поклонився митрополиту Киприяну и благословения прося. Онъ же благослови его и отпустивъ и дасть ему хрѣстово знамение. И посла митрѣполитъ Киприянъ борзо сбщенныя соборы и клиросы во Ороловскіе і въ Костянтиновскіе і въ Николскіе ворота зъ живоносными крѣсты и зъ чюдотворными иконами, да всякой воинъ благословенъ будетъ. Кнзъ же великїи Димитрей Івановичъ зъ братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ поиде въ церковь ѣбснаго і воеводы архистратига Михаила і вшедъ въ цркъвъ помолитца свѣтому ево образу. И приступиша ко гробомъ православныхъ великихъ кнзевъ прародителей своихъ и рекуще: «Истиннии храпителіе, православія поборницы, аще имѣете дерзновение у Гсѣда Бга помолитесь о нашемъ уныніи, яко велико востание приключися намъ чадомъ вашимъ. И нынѣ убо подвижайтеся съ нами». И сїя рекъ, изшедъ ис церкви.

Великая же княгиня Евдокия и кнѣгиня кнзѣя Владимерава жена і иныхъ православныхъ кнзевъ княгини и съ воеводскими женами, и многое множество народу града Москвы, мужей и жен и малыхъ отрочатъ, провожающе великаго кнзѣя Димитрея Івановича, во слезахъ восклицаніемъ сердечнымъ не могуще слова изрещи. Великая же кнѣгиня Евдокея дасть гсѣрю своему Димитрею Івановичю конечное свое целованіе. Кнзъ великїи Димитрей

Івановичъ мало самъ от слез удержався и не давъ себя прослѣзиту, народа ради, а сердцемъ своимъ горко слезяще, и рече своей великой княгинѣ Евдокее: «Жено, аще Богъ по нас, никто же на нас». И прочіи княгини и боярыни и с воеводскими женами ¹⁾).

Кнѣз же великій Дмитрей Ивановичъ, вступивъ в свое златоканное стремя і всѣдъ на свои избранныи конь, і вси князи і воеводы такожде посадаху на кони свои. И тогда ему снѣце на востоце ясно сияет, пут имъ кажет. Уже бо тогда, аки соколы от златыхъ колодицъ рвахуся ис камена града Москвы. Кнѣзи же Белозерскіи выехали особ своими полки, урядно бо их видѣти, войско же их учрежено по достоянню, яко достоит имъ избавити стада лебидиные.

Кнѣз же великій отпусти брата своего, кнѣзя Владимира, с войскомъ на Брошевскую дорогу, рекше Деревенскую, а Белозерскихъ кнѣзи — Болвановкою дорогою, а сам же кнѣзь великій пошел на Котелъ. Спереди же ево снѣце удуб грѣеть, а по немъ кротко вѣтрѣцъ вѣет. Сего ради раздѣлися з братомъ своимъ, не вмѣсте дорогою пошли, яко умѣститися единою дорогою не мочно.

Великая же княгиня Евдокия с снохою своею и со всеми кнѣгинями и с воеводскими женами взыде на свои златоверхови теремъ на набережной и сяде на рунке под южными окны и уже бо конечное зрѣние зрит на великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича, а слезы проливающе от очию своею, яко рѣчную быстрину, и зшибѣ руцѣ свои к персемъ и рече: «Гѣди Бже великій и страшныи, призри на мя грѣшную смиренную рабу свою; сподоби мене аще видѣти гѣдря моего, славнаго в члвѣцехъ великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича; даи же ему, Гѣдъ, от крѣпкия руки твоея помощь побѣдити Аммалика и не сотвори, Гѣди, яко за мало лѣтъ была бран на Калках христіяном з безбожными татари. Спаси и помилуй и не даи же, Гѣди, погибнути оставшему

---

1) здѣсь — пропускъ въ ркп., чт.: повратишася в дома своя.

хрстіянству, да славится имя твое сѣтое. От такіе великія рати до Мамаева нахождения рѣ лѣтъ, и от тое Калкскіе брани руская земля уныла. Уже ни на кого надежи нѣтъ, толко на всевидящаго Бѣа. А толко у себя имѣх двѣ оттресли, и тѣ еще малы — кнѣз Василя Дмитреевича, да кнѣз Юрія Дмитреевича, и егда же поразит ихъ сѣнце съ юга или вѣтрепомъ повѣетъ их или на западъ противу их, одва они терпѣти могут. Аз убо да то сотворю, да сождати бы им, Гдѣи, по здорову отца своего, то земля руская спасетца, а они прѣствуютъ бо во вѣки».

Кнѣз же великіи Дмитрей Ивановичъ взявъ с собою і мужей сильныхъ от Сурожан, рекше от ростей, видения ради, аще что Гдѣ Богъ случит, и они имут видати і в далших странах ¹⁾ имут повѣдати, яко нарочитые сут сходницы. Суще гостей имяна от Сурожан: а-го Василя Палицу, в-го Сидора Алеерева, г-го Костянтина Белца, д-го Козму Коверу, е-го Сама Антонова, з-го Михаила Саларева, ж-го Тимофея Васкова, й-го Дмитрея Черного, ѳ-го Івана Шиха, і-го Дементья Саларева. Да тогда же возвѣявше вѣтры, і воздвигошася великіи кнѣз і вси кнѣзи и бояре и дѣти боярскіе успешно грядуть, яко медвенные чаши пити или ясти хотять до сытости, дабы добыти себѣ чести и славнаго имени во вѣки. Возвѣявшу вѣтру велику, а в нем громъ великъ стучит. Вскоре кнѣз Владимир Андреевичъ повелѣ реку Москву возитца на красномъ перевозѣ в Боровске.

Кнѣз же великіи Дмитрей Ивановичъ приде на Коломну в субботу на память сѣаго Мойсея Мурина, и бысть уже тут мнози иицы, кнѣзи і воеводы и вѣстретоша великаго кнѣз Дмитрея овича на рѣчке на Сиверке. Архиепискуп же Еуѡимен рѣте его великаго кнѣз во градныхъ вратѣх в Ывановѣскихъ воносными крѣсты и с чюдотворными иконами и с крылосы радив его крѣстомъ и молитву говорив: «Спаси Бѣе люди и благослови достояние свое». І вси идоста в црквь, и кнѣз великіи многихъ кнѣзей і воеводъ звал к себѣ хлѣба

) въ ркп. на поляхъ: «земляхъ».

ясти. И сие оставышее иди и паки на подлежащее возвратимся.

Иную повѣсть да скажу вам о мужех Новгородцех великаго Новаграда.

Тогда же бысть Новгород великии самовластны; црѣ над ними не бысть, егда сия побѣда донская. И новгородцы же тогда владѣюще сами собою, воинству же бысть тогда учинили избраннаго нарочитаго ¹⁾ и со многими странами в мире не живуще, храбрости ради своея. Яко многажды приходяще Нѣмцы и Литва на украинны их и хотяху пленити землю их, они же выходяще и побиваху их. Сами же новгородцы, в велицей славе живуще, спасени быша Сошею, премудростию Бжїею і Варламом чюдотворцемъ, иже есть на Хутыне, и архиепископомъ великаго Новаграда и Пскова Еуѣимиемъ. Послушайте сего, братия, егда же приидоша ис поля вѣстницы к великому кнзю Дмитрею Ивановичю, яко црѣ Мамай идет пленити землю рускую с великою силою, и услышанно бысть великимъ кнземъ Дмитриемъ Ивановичемъ, яко Олгъ кнзь резанскі і Волгердь литовскіи совокупишася с Мамаемъ хотят вкупе разорити православную хрїстианскую вѣру, и тогда кнзь великии Дмитрией Ивановичъ в велицей печали бысть, і вся земля московская смятеся о напрасномъ нахожденіи безбожнаго црѣ Мамай. Кнзь же великии тогда отвергше от себя печал и повелѣ войску своему совокуплятися вскорѣ и хотя изыти на встрѣтение безбожному црѣ Мамаю и хотя пострадати о вѣрѣ хрїстианстей. В то же время тогда быша на Москвѣ гости новгородцы с товаромъ торгу ради: Николай новгородец, да Иванъ Василевъ снѣ Усатой, да Дмитрией Плонской і иные многие гости быша. Услышавъ же сие, вскоре возвратишася в великии Новѣград и, пришедше, возвестиша посадникомъ своимъ все і о великомъ кнзе Дмитрее Ивановиче прилучившееся скорби его. І восташа скоро, притекоша мужие новгородцы предъ влѣку и падоша на колени своя

---

1) въ ркп. пропускъ, чит.: п.

и моляшеся о великии кнѣзе, дабы умолити о нем Хрѣста Бѣа нашего. И такожде ко владыце Еубѣю притекоша и падоша пред нимъ и рече: «Вѣси ли, гдѣне отче, таковое востание на великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича московскаго и на всю православную вѣру, яко црѣ Мамай идет пленити землю рускую і вѣру хрѣстову искоренити, и святыя бжїя цркви разорити, и сѣи безумныи Олгъ кнѣзь резанскїи і Волгердъ литовскїи, и тѣ совокупишася с Мамаемъ црѣмъ, хотят вкупѣ гонити православную вѣру хрѣстову, мы же, отче и гдѣне, слышахом, яко кнѣзь Дмитрей Ивановичъ силою бжїєю и своим высокимъ смиреннѣмъ ополчился противу има, хочет, отче, за вѣру хрѣстову умерети». Слышавъ сие архиепископъ новгородскїи, яко велико гонение хочет быти на хрїстіанство і возмутився срдцемъ, і востав на нозе свои и паде на землю на лицы своемъ и плачася горко пред свѣтыми иконами вседержителя Спаса и прѣчстыя Бѣды, моляшеся, и рече Еуеимей ко образу Гдню и прѣчстые Бѣды моляшеся за великаго кнѣзя и за все православное хрѣстіанство: «О всемирная Црѣа чюдная Бѣда, милостивая и премилостивая Дѣво чистая, не скверная, мѣи Гѣда нашего Іиса Христа, да вѣмъ ти, умоли Сна своего, Хрѣста Бога нашего, да смирят лва сего свирѣпаго поганнаго црѣа Мамай, хотящаго осквернити прѣстое і великолѣпное имя твое и свѣтыя храмы разорити и родъ хрїстіанскїи искоренити. Помози, Гѣди, великому кнѣзю над погаными агаряны і возвыси, Гдѣи, десницу хрїстіанскую». І востав от мѣитвы и рече архиепископъ Еуеимей посадникомъ новгородскимъ: «Нѣкоторые ради потребы приидосте ко мнѣ». Они же рекоша ему: «Придохом, гдѣне отче, к тебѣ того ради, аще ли благословиши венецъ приняти с верховными сыньми московскими. Хотим, гдѣне, вкупѣ пострадати, имени ради хрѣстова». Архиепископъ же Еуеимей прослезився и рече: «Благословен Бѣгъ нашъ, таковую благодат дахъ въ сердца ваша, идите и повелите собрати народа новгородскаго, и кую рѣчь принесут ко мнѣ». Посадницы же новгородскїи, възшед на стѣну града, и повелѣша звонити в вѣстный колокол, народа ради, збиратися на совѣтъ к великому архиепископу

Еуеимию. И по всѣмъ улусамъ повелѣ ездити на конех и звати на совѣтъ, гл҃юще: да всякиі чл҃вкъ нынѣ приидет на совѣтъ, яко земская дума думати. И снисдеся народу много к совѣту. Посадницы возвѣстиша архиепископу, яко снисдеся народ мног. Архиепископъ же Еуеимей всел в сани и ¹⁾ приѣде на собор и став на ступени и повелѣ устави народы от молвы. Посадницы же повелѣша проповѣдникомъ вещати, дабы народ умолчал. Проповѣдницы же мнози гл҃юще народу, яко да молчат от молвы.

Архипископъ же новгородскіи Еуеимей рече велегласно во услышание всѣмъ: «О мужие великаго Новаграда от мала и до велика, всякой чин і возрастъ, слышите ли, сынове мои, каково гонение приспѣ на вѣру христову, яко поганый цр҃ь Маман идет на рускую зѣмлю, на великаго кнѣзя Димитрея Ивановича московскаго и хоцетъ вѣру христову осквернити и стѣи Бж҃ия церкви разорити, а род християн искоренити. Кнѣз же великиі Димитрей Ивановичъ, помощію Гд҃а нашего Іиса Христа и пречистыя Бж҃ы, вооружився противу поганых и хоцет желанно по Христе пострадати ²⁾. Молю же вы, сынове мои, подвигнитесь і вы с ним с великимъ кнѣзем, вѣры ради христовы, да получите вѣчную жизнь во ономъ вѣце». Слышавъ же сия, новгородцы, возгласиша велегласно вси, яко единеми усты, и падше поклонишася на лица своих архиепископу Еуеимею, рекоша: «Отче свѣтыи, ты еси нашъ учитель, ты еси глава всѣмъ намъ, ты еси пастыр словесным овцам стада христова. Готови есми днес, отче, скончатися, вѣры ради христовы головы свои положить по Христѣ, Бж҃ъ нашемъ, а немочно нам, гд҃не отче святыи, оставит великаго кнѣзя Димитрея Ивановича московскаго единого, ащели, гд҃не, кнѣзь великиі спасенъ будет, то и мы с ним спасемъся. Дай же нам, гд҃не отче, днес обратися, а утреи поидемъ вси на пут спасения». Архиепископ же Еуеимей приѣде от них во своя кели. Они же, мужие великаго Новаграда, нача

---

1) въ ркп. «и» дважды.

2) въ ркп. «постради».

избирати от велмож своих воевод крѣпких, і выбраша воевод крѣпких и мудрыхъ зѣло: а-го воеводу Василя Василевича посадника, б-го Оому Михаіловича Красного, в-го Андрея Івановича Волосатого, д-го Димитрея Даниловича Заверияжского, е-го пана Лвовича, з-го Юря Захаревича Хромово, і иныхъ многихъ отрядиша с ними избранново новгородцкаго воинства, и заповѣдаша всѣмъ, яко заутра, егда услышатъ колоколъ вѣстный, и готови будите всѣ на дворѣще у сѣаго Николы. Архиепископъ же Еуѡмен воставъ к заутрени и повелѣ по заутрени воду осѣтити с мощей многихъ святителей. И бысть яко первый часъ дни, повелѣ звонити архиепископъ, яко до по тому звону съѣдутца все войско на площадьъ к соборной цркви, к Своее премудрости бжїи. Они же съѣхашася вси воинские люди вскорѣ, не останся ни единъ в домѣхъ своихъ. Архиепископъ же повелѣ кропити попомъ и дякономъ сѣтою водою, самъ же свѣтитель, възшедъ на степені и возгласивъ велѣгласно, рече: «Послушайте мене, чадца, приложите ухо сердець вашихъ, нынѣ, чада, хотите итти на путъ спасения, і вы, чадо, не утолите лица своего, ни единъ отъ васъ, отъ поганныхъ и не дадите плещей своихъ предъ ними бѣгати, яко всѣмъ единою смертию умрети, да животъ вѣчный постигнете отъ Гда Бга». І все воеводские люди, яко единими усты вопияху и рекоша ему: «Единъ, отче, Бгъ свидѣтель, должны есми умрети по Христѣ Бзъ нашемъ». Святитель же, воздѣвъ руцѣ свои и благослови ихъ и рече: «Бгъ правитель да будетъ вамъ». И отпусти ихъ і вземъ честныи крестъ Гднъ и огради всѣхъ воеводъ і все воинство и рече: «Грядите и не умедлите, да не останете жизни вѣчныя». Они же, вседше на кони своя и наполнишася радости и поидоша, яко златопарни орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости. Тако же и сїи правовѣрниі воины скоро идуще и глаголюще: «Дай намъ, Гди, въскорѣ видѣти любезно великаго кнзя Димитрея Івановича московскаго». Новгородская же ратъ приіде к Москвѣ к великому кнзю на помощь; яко приближися ко граду Москвѣ і возвѣстиша имъ града Москвы, яко кнзь великий

вчерашний день на Коломну пошел. Они же отпустиша к великому кнзю вѣстниковъ возвестити о своемъ пришествіи, а сами скоро шествіе творяху ко граду Коломнѣ. Вѣстники же придоша к великому кнзю Дмитрею Ивановичю і возвестиша, яко шесть воевод идетъ к тебѣ, к великому кнзю на помощь, новгородцы, а с ними воинства ѿ вооруженыхъ. Бысть жъ тогда день воскресный. Кнзъ же великій в то время бысть у заутрени, и пришед вѣстник к великому кнзю, яко придоша вѣстницы от новгородцовъ, а сказывают, яко идутъ шесть воеводъ, а с ними силы ѿ избранново воинства новгородскаго. Кнзъ же великій повелѣ ихъ скоро поставити пред собою, яко хотя слышати от них истинны. И поставиша их пред великимъ кнземъ; они же сказаша ему такожде. Кнзъ великій воспрое ихъ: «Далече ли есть воеводы ваши і воинство все». Вѣстницы же рекоша к великому кнзю, яко поприщъ пят от града. Кнзъ же великій прослезився и рече: «Бже хвалныи и Бже чюдныи и милостивыи, яко от нечаемыхъ даеши помощь», и радостен бысть велии. Кнзъ великий Дмитрей Ивановичъ многихъ витязей в стрѣтенье новгородскимъ воем посла. І воинство же новгородское става близ Коломны. Витези же великаго кнзя приѣхаша близ новгородскаго воинства, і воеводам ихъ поклоняхуся и к великому кнзю возвращахуся. Воинство же новгородское велии уряжено по подобію и чинно конми, и портищи, и доспѣхами, и пансыри, и шеломы, все позлачены и на портищах у нихъ много бысть злата и сребра и бисеру драгоценнаго, и на седлах у нихъ все злато и сребро. Кнзъ же великій Дмитрей Ивановичъ повелѣ воеводам ихъ і витяземъ болшимъ быти пред собою. Воеводы же новгородские придоша и поклонихася великому кнзю Дмитрею Ивановичю любезно. Кнзъ же великій Дмитрей Ивановичъ прият ихъ с великою честію и зва ихъ к себѣ хлѣба ясти и многихъ витязей новгородскихъ, и сотвори имъ кнзъ великій Дмитрей Ивановичъ пиръ велии честенъ и одаривъ ихъ великими дары и посла о семъ вѣстники к славному граду Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну и к великой кнѣгине Евдокее. Они же слышавше

такое мѣсрдіе Бжїе и с великою радостію прославиша Бга, давшего имъ благодатъ свою.

Кнѣзъ же великїи урядивъ полки по достоянїю и учини коемуждо полку воеводъ и заповѣда всему своему воинству не прикасаться ни х чему к новгородскому. И повелѣ кнѣзь великїи Димитрей Ивановичъ всѣмъ воеводамъ на поле выехати к Девичью монастырю, і всему воинству сниматися повелѣ. Тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревутъ наволочепы у саду Панѣилова. Снѣове же рустїи наступиша поле Коломенское, яко не мочно бѣ никому очима видѣти воиска того, а новгородскїя же полки особъ стояще чинно, велии уряжены по достоянїю. яко немочно зрѣти на полки великаго кнѣзя. И полки же великаго кнѣзя стояще і в трубы гласяще і в варганы биюще.

Кнѣзъ же великїи Димитрей Ивановичъ з братомъ своимъ со кнѣземъ Владимиромъ Андреевичемъ нача ѣздити по полкамъ і видевше многое множество воиска своего возрадовашася радостію великою зѣло. И прїѣде к полкомъ новгородскимъ, они же падше и поклонишася ему до земли. Кнѣзъ же великїи Димитрей Ивановичъ видевъ воиско ихъ уряжено по достоянїю учреждение ихъ, нарочиты и храбри велии. Кнѣзь же великїи подивися учреженїю ихъ и храбрости и урядивъ коемуждо полку воеводу. Себѣ же кнѣзь великїи приемъ в полкъ кнѣзей белозерскихъ; а в правую руку урядивъ брата своего кнѣзя Владимира Андреевича и давъ ему в полкъ ярославъскихъ кнѣзей; а в левую руку урядивъ новгородскїе посадники; а в передовомъ полку урядивъ воеводы кнѣзя Глѣба Дрункова да Дмитре Всеволожа; володимерского и коломенского полку воевода Микула Василевича; володимерскїи и юревъскїи воевода Тимоѣей Валутевичъ; костромскїи воевода Иванъ Родионовичъ Квашня; переславъскїи воевода Андрей Сергеевичъ. А у кнѣзя Владимира Андреевича воеводы: Данило Костянтиновичъ Белоутовъ, да кнѣзь Ѳеодоръ Ялецкой, да кнѣзь Юри Мещерской, да кнѣзь Андрей Муромъскїи. И тѣ со всеми своими полки виѣсте. И повелѣ имъ кнѣзь великїи Оку реку возитися. И рат

великаго кнѣзя благословение взять у архиепископа коломенскаго у Еуѳимія, а сам кнѣзь великий перевезеся Оку реку под Коломною на Девичемъ перевозе и заповѣда коемуждо полку, аще кто поидет по резанской земли да никтоже бы не коснулся ни единому класу их. Кнѣзь же великий Дмитрей Ивановичъ рече брату своему кнѣзю Владимиру Андреевичю: «Поспешимъ, брате, противъ безбожныхъ агарян и не утолимъ лица своего от бестудия их, ащели смѣрть прилучитца намъ, то не смѣрть, но животь вѣчныи, иже путемъ своимъ идемъ, призывая сродницы своя на помощь, свѣтыхъ мѣникъ Бориса и Глѣба.

О раскаянии Олга кнѣзя резансково.

Слышав же кнѣзь Олгъ резанскій, яко кнѣзь великий Дмитрей Ивановичъ совокупился со многими силами, а идетъ въ стретение противъ безбожнаго црѣя Мамая, но паче вооружен твердою своею вѣрою, иже к Бгѹ о всѣхъ и за вся, имѣя упование ко вседержителю Бгѹ. Нача Олгъ кнѣзь резанскій от мѣста на мѣсто переходити и нача глѣти со единомышленными своими, ни гласа, ни речения чаянному своему дѣлу не удобъ разумѣюще: «Аще б было намъ мочно послати вѣсть ко многоразумному Волгерду литовъскому, но заста намъ путь. Азъ убо чаяхъ по прежнему, яко не подобаетъ рускому кнѣзю противъ восточнаго црѣя стояти, нынѣ убо разумѣю, откуда ему помощь будетъ». Юноши же пред нимъ стояще и сказаша ему, яко кнѣзь великий идетъ со многими силами на црѣя Мамая, и рекуще ему бояре его: «Намъ, кнѣже, преж сего повѣдали за ѳѣ дни, мы же боялися того тебѣ повѣдати. Сказываютъ в вотчине ево есть игумен Сергѣи, велми прозорливъ, тойже паче вооруживъ его от своихъ калугеръ и давъ ему два пособника». Слышав же то кнѣзь Олгъ резанскій от бояр своихъ, яко придоша к нему на помощь новгородцы со многою силою своимъ воинствомъ, ихъ же, сказываютъ, учрежено воинство ихъ и красно велми и храбро зело, и онъ же наипаче нача бояться, уже бо нача яриться гнѣвомъ не бояр своихъ: «Почто ми есте не сказали прежде сего, дабы шелъ и умолилъ бы нечестиваго црѣя, да ничто же бы зла сотворилъ великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю

московъскому. Горе мнѣ окаянному, яко изгубих умъ свой, но паче убояхся, единъ оскудех умомъ, но и боле меня и умомъ разумливее, — Волгердъ литовскій, той же нам паче не взыщета; он же Петра Гугниго закон разумѣх, аз же каковы истинны разумѣхъ, почто поползохся; того ради¹⁾ о мнѣ рече, аще раб вѣдает закон гѣдна своего, согрешит и не соблюдет и биен будетъ много. Нынѣ убо что сотворю и которому слуху разумѣю, аще дам великому кнѣзю повинование, работати ему, вѣсть бо он измѣну мою, то не примет мя к себѣ; аще убо приложуся к нечестивому црѣю Мамаю, то по истинне, яко древнии гонител буду на православную вѣру хрѣстову, яко новаго Свѣтополка земля мя жива пожретъ, не токмо княжения лишень буду, но и живота вѣчнаго гонзнуся. Аще ли Гдѣ по них, никто ж на них, аще же всегда о немъ молитца прозорливыи мних той Сергеи. Аще ли ни единому помощи не сотворю, то впрок от обох могу пожити, и кому Гдѣ поможет, тому и присягу имѣю.

О раскаянии Волгердове и о разрешеніи совѣта ихъ.

Волгердъ же предреченным уроком своимъ совокупи Литвы много и поиде на помощь к безбожному црѣю Мамаю. И приде же Волгердъ к Одоеву городу и услышав, яко Олгъ кнѣзь резанскій убояс, и пребысть Волгердъ оттуду недвижимъ. И нача размышляти своя суетныя помыслы і видѣ совокупление свое разнѣ разделишася и совѣты своя разрушены и нача яритися на паны своя и глѣти, сертуя: «Елико изведетца челоуѣкъ от премудрости своея, такожде і в чюжеи мудрости пребывати не долѣет, николи же бо Литва учима бѣ Резаню, и изведе нас из ума кнѣзь Олгъ резанскій, а самъ паче нас погибе. Нынѣ же пребудем здѣ, дондеже услышимъ московскаго побѣду».

Сказаніе о дву братех о Волгердовичах.

В то же время услышавъ кнѣзь Андрей Волгердовичъ полоц-

---

1) въ ркп. «ра».

киі, да кнѣзь Димитрей Волгердовичъ брянскіі, яко велика туга печаль належитъ великому кнѣзю Димитрею Івановичю московскому і всему православному хрѣстіян отъ безбожнаго црѣя Мамая. И рече самъ себѣ кнѣзь Андрей Волгердовичъ: «Да идемъ к нему на помощь, бѣста бы мы отцемъ своимъ ненавидимы и от мачехи своея кнѣгини Анны». И аки нѣкія класы допроплодия, терниемъ подаляеми, они же посреде нечестія живуще, и не бѣ тогда имъ роду достойнаго расплодиться. І вскорѣ кнѣзь Андрей к брату своему ко князю Димитрею посла з грамотою тайно, а в ней писано сице: «Веселися, брате мой возлюбленный, яко отецъ нашъ отверзе отъ себе насъ, но паче отецъ го ради живота, нбснѣя ради почести, якоже Гсѣдъ уготова творящимъ волю его». Вѣстникъ же приіде ко кнѣзю Димитрею Волгердовичю и даша ему грамоту в руцѣ отъ брата его отъ кнѣзя Андрея Волгердовича полоцкаго. Онъ же приімъ грамоту и прочетъ послание и нача рыдати велики и плакати и рече: «Гсѣди вѣдко члвколюбець, даи же намъ рабомъ своимъ хотѣние свое совершити блискимъ путемъ, начнемъ подвизатися подвига сего во брань, еже открылъ брату моему старѣишему». И рече вѣстникомъ: «Сице рцыте брату моему, кнѣзю Андрею: готовъ есмь съ тобою по твоему наказанию, брате гдѣне мой, колко есть войска моего, то все вкупѣ со мною, бжїимъ промысломъ совокуплены иныя ради брани лежащихъ ми отъ дунаискихъ татар. И нынѣ рцы брату моему, яко приідоша ко мнѣ московскіе купцы съ Сѣвера, а сказываютъ уже великаго кнѣзя Димитрея Івановича московскаго на Дону, яко пребыти хочетъ, тутъ бо ждати сыроядцовъ. И подобаетъ намъ втти на Сѣверу, путъ предлежитъ, и тамо совокупитися намъ, ибо отца своего утаимся, отъ шествїе ихъ на Сѣверу не возбранитъ намъ студно». По малехъ же днехъ снидошася два брата желанно со всѣми своими силами і въ Севері і видѣвъше радостию великою, яко же иногда Іосїеъ со Велиаминомъ, и облобызавшеся любезно два брата, кнѣзь Андрей да кнѣзь Димитрей Волгердовичи, и видѣвъше у себя множество людей и сердечно вооружишася, яко нарочиты противницы полводцы. Приспѣша же на Донъ борзо и

наѣхаша ¹⁾ великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича московскаго обсю страну еще Дону, на мѣсте речноѣмъ берегу, и туто совокупшася с великимъ кнѣзем. Кнѣз же великїи Дмитрей Ивановичъ з братомъ своимъ со кнѣзем Володимеромъ Андреевичемъ совокупшася с ними. Волгердовичи кнѣзь Ондрей да кнѣзь Дмитрей на том же мѣсте возрадовашася радостію великою и удившася силе бжїи, яко не удоб бѣ мочно таковому быти. Гдѣ посла их путемъ своимъ, яко дѣти, оставиша отца своего, яко же волсви Ирода поруганна. Волгердовичи же придоша на помощь, и многими дарми почтивъ их кнѣзь великїи, в пут же идуще, радующеся і веселящеся во свѣте ²⁾, земнаго же отвергъшеся, чающе себѣ, яко оногo времени безсмертнаго в будущи вѣкъ. И рече к нимъ кнѣзь великїи Дмитрей Ивановичъ: «Братія моя милая, коея ради potreбы приїдете ко мнѣ, се бо Гдѣ посла вас в пут свои, во истинну ревнители есте отца нашего Авраама, яко тайно вскорѣ Лотови поможет, яко доблественному великому кнѣзю Ярославу, яко отмстиши обиду брату своему».

Скоро же посла кнѣзь великїи вѣстника к славному граду своему Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну: яко Волгердовичи князи придоша ко мнѣ на помощь со многими силами, отца своего оставиша поруганна. Вѣстник же скоро приеде на Москву ко преосвященному митрополиту Киприяну и повѣдая ему вся бывшая. Митрополит же слышав і воставъ от престола своего, прослезивъся и молитву сотворивъ рече: «Гдѣ вѣдко челоуѣколюбецъ, яко супротивныя наша вѣтры на тихость прелагаютца». И посла во вся соборныя церкви і во обители свѣтые, мѣстри и повелѣ молитву творити день и ноцъ ко вседержителю Бгѣ; наипаче же во обитель живоначалныя Трѣцы и прѣдбнаго игумена Сергия, да не когда послушае Бгѣ их молитвы. Великая же кнѣгиня Евдокея, услышавъ таковое Бжїе мѣсрдие и неизреченная его мѣсть, і в то время сотвори убогимъ мѣстыни, а сама же великая кнѣгиня Евдокия непрестанно хо-

---

1) въ ркп. «и на и наѣхаша».

2) въ ркп. «веселящеся».

ждаше в црѣвь Бѣжию, молящеся день и ноць. Сие же оставимъ и паки на предне возвратимся.

О прехождениі через Дон.

Великому ж кнѣзю Димитрею Ивановичю бывъвшу на речномъ берегу занят на десят поприща до Дону. Приспѣвъ же въ ѣ день мѣста сентября, на память свѣтаго пророка Захарія, отца Предтечева, и на убиение великаго кнѣзя Глѣба Владимировича, и приидоша два стража его и литовския ¹⁾. «Аще гдѣне княже великии хоцещи крѣпко войско удержати, то вели Дон реку возитца, нѣтъ бо ни единымъ воспят помыслити, а велицей силе великаго кнѣзя нѣсть числа, яко не в силе Бгѣ, в правде: Ярославъ, перевезеса реку, Свѣтополка побѣди, прадѣтъ твои, великии кнѣзь Александръ, Неву реку перевезеса, короля побѣди, ты же, кнѣже великии, нарек Бгѣ помощника себѣ и тебѣ подобаетъ такожде творити: аще побиемъ их, то вси спасемъся, аще умремъ, то вси общую смерть приимемъ от кнѣзей и до простыхъ людей. Тебѣ же, гсѣрю великому кнѣзю, оставити смертная словеса, здѣ же иными словесы, и тѣми словесы укрѣпился ²⁾ і войско все, убо мы увидимъ, яко множество избранныхъ витязей в войске твоемъ». Кнѣз же великии повелѣ войску своему Дон реку возитца.

Они же прискаряють, яко приближаютьца поганіи татаровя. И мнози же сынове русїи возрадовашася радостию великою зѣло, зряще своего желаннаго подвига, его же на Руси желаютъ. И за многия дни приидоша на мѣсто мнози волцы и лисыцы, брегчюще по вся дни и по вся ноци непрестанно, гроза же бысть велика, по полкамъ же храбрымъ сердцамъ утврждаютца, юноша же слышитъ русскихъ снѣвъ; иже паче мнози враны необычно собрашася, не умолкая грающе, яко горамъ играющимъ; орлы же мнози ото устью Дону прилетеша и ту клицаху, ждуще дни грознаго и Бгѣмъ изволеннаго. Мнози же звѣри стекошася, лисыцы брехчюще и глядяше на злещенны доспѣхи, ждуще

1) здѣсь въ рукописи пропущено: рѣчь стражен и предложеніе — переходить ли Донъ.

2) въ ркп. «укрѣтися».

часа, в он же пасти имут множество трупа члвческаго и кровопролития и грому подающе всему войску, яко морския воды пролитися. От таваго бо страху и от великия грозы древа прикланяютца и трава постилаетца. И мнози отто обонхъ стран унывают, видяще предъ очима своимъ смерть. И начаша поганиі студом помрачатися о погибели же войска своего, понеже убо нечестивыи, погибѣ память его съ шумомъ, а правовѣрніи члвцы наипаче просвѣтишася, радующеся і веселящеся, чающе свершеннаго обѣта и прекрасныхъ вѣнцовъ, о них же повѣда прѣдбныи игуменъ Сергій.

И прибѣгоша ¹⁾ же вѣстницы к великому кнзю, повѣдаша ему, яко приближаютца поганиі татаровя. Кнз же великий Димитрей Ивановичъ повелѣ войску своему вооружатися того ж дни. Вѣстницы уже ускоряютъ, яко приближаются поганиі татаро напрасно зѣло. И бысть яко шестыи часъ дни, прибѣже Семен Маликъ з дружиною своею, сторожи, и по них же мнози татаровя пригвашася, но толико безстудно гнашася за ними. Полки же руския увидевше тоже і возвратишася. И повѣдаша прѣю Мамаю, что кнзи руския ополчишася при Дону, по бжню промыслу многое множество имъ людей показашася. Он же нечестивыи прѣ Мамай, разжжен бысть дияволомъ, не разумѣвъ свою погибѣль и кликнувъ напрасно, испусти глас свои, и рече тако: «Сила моя, аще ли сего не одолеемъ, и тако в свою землю возвратимся како можемъ». И повелѣ прѣ татаромъ своимъ вооружитися и Гусинъ бродъ через реку брестъ и напрасно повелѣ всему войску вооружитися.

Семен Маликъ повѣда великому кнзю: «яко прѣ Мамай и Гусинъ бродъ переидоша, уже прѣ Мамай о едину ноцъ имат быти между собою и тобою, утре бо имат приити на Непрядву реку. Тебѣ же великому кнзю подобаетъ днес ополчитися, да не уско-ряют татаровя». Кнз же великий Димитрей Ивановичъ з братомъ своимъ со кнземъ Володимеромъ Андреевичемъ и с литовскими

---

1) въ ркп. «бприбѣгоша».

кнѣзи с Ондреем да з Дмитреемъ Волгердовичи с того часа дни начаша полцы уставлявати. Есть же бѣ у них воевода, нѣкто приѣде с литовскими кнѣзи, именемъ Димитрей Бобровъ, родомъ волынские земли, нарочить бысть полководецъ, і велии урядно уставиша полцы по достоянню, елико гдѣ кому подобаетъ какъ стояти.

Кнѣзъ же великїи Димитрей Ивановичъ поимъ брата своего кнѣзя Владимера Андреевича и литовские кнѣзи і воеводы і выѣхаша на мѣсто высокое і видѣвше образъ стѣи во знамени воображенъ. Кнѣзь же великїи з братомъ своимъ и с литовскими кнѣзи сташа на высокомъ мѣсте и зряще на прапоры воеводскїи и на все войско свое, иже бо сутъ воукрашенныя во христіанскихъ знаменехъ, аки свѣтильницы солнечныя свѣтящєся, яко облацы тихо трепещуть, богатырей рускихъ хоругви тихо трепещутъ, аки живы пашутца, шиты на плащаницахъ воображения и доспѣхи рускихъ сыновъ, аки вода вѣтромъ колыбашєся, а шеломы на главахъ ихъ позлащєныя — утренняя зоря во время вѣдряное свѣтящєся, яловцы же шеломовъ ихъ, аки пламя огненное пашетца. Мыслєнно бо видати ихъ и жалобно зрѣти таковыхъ воинъ, сыновъ рускихъ удалыхъ молотцовъ, собранїя и храбрость и таковое учреженіе ихъ.

Вси бо единогласно и единомушно єдинъ за єдинаго хощетъ умрети і вси бо единогласно начати глѣати: «Гдѣи Бжѣ великїи и страшныи, призри на насъ с высоты свѣтыя своя и даруй православному великому кнѣзю нашему побѣду на враги, яко и Константинъ покори єси подъ нозе єго врага Амвалика, яко же иногда Голияда кроткому Давиду». Литовскїе же кнѣзи, кнѣзь Андрей да кнѣзь Димитрей Волгердовичи удивишася и рекуще сами себѣ: «Не бываетъ такову войску, ни при насъ и после насъ и прижеде насъ не бывало такова войска мужествомъ Гedeоновымъ. Гдѣ Бгѣ силою своею вооружилъ ихъ». Кнѣзъ жъ великїи видѣвъ полцы своя учрежены достойно и сшедъ с коня своего паде на колени на ковыле травѣ на зелєне, противъ великому черному знамени, на немъ же воображенъ образъ Гдѣ Бгѣ и Спаса нашего Иіса Христа, і въздохнувъ отъ сердца изъ глубины и жалосно слєзѣщєся и нача

звати велегласно: «О вѣдко, вседержителю тваремъ, смотреливымъ окомъ вождь на люди своя, иже твоею десницею сотворени сѹт, избави работы дияволя, і внуши, Гсди, гласъ молитвы моея, обрати лице свое на нечестивыхъ, иже творятъ зла работъ твоимъ; и молюся убо образу твоему гдню и прѣстолу твоей Матери и твердому неборимому молитвенному, еже о насъ къ тебѣ, рускому свѣтителю Петру, на его молитву надеемся и призываемъ имя твое стое».

Кнзъ же великій по молитвѣ всѣмъ на кон свои и нача ездити по полкамъ и зъ братомъ своимъ, со кнземъ Владимиромъ Андреевичемъ, и съ литовскими кнзи и съ ыными вельможами. И коемуждо полку рече усты своими: «Братія моя милая, сынове христіяности отъ мала и до велика. Сія васъ ноцъ приспѣ, а денъ грозный приближаецца, і въ сию бо ноцъ бдите и молитесь и крепитесь мужайтесь: Гсдъ самъ силенъ во бранѣхъ, и здѣ пребудемъ каждо на мѣстехъ своихъ. Уже бо гости наши близъ насъ, на рѣце на Непрядвѣ, утре бо имамъ пити вси общую чашу, иже друзи мои на путъ возжелеша. І вы уповайте на Бга живаго, да миръ вамъ будетъ, братія моя милая, аще на ны утре ускорятъ поганіи татаровя». И рече зъ братіею своею и о западномъ полку. Кнзъ же великій Дмитрей Ивановичъ посла брата своего, кнзя Владимира Андреевича, вверху по Дону въ дуброву, яко утаитися полку его, и давъ ему достойни воины отъ двора своего, и еще отпустивъ съ нимъ извѣстнаго того воеводу Дмитрея Воынца. Уже бо ноцъ противу живоноснаго праздника Рожества прѣстыя Бдцы, осенъ же бѣ тогда и днемъ лѣтнимъ еще сияюще, и теплота бысть и тишина, а въ ноци тои мраци розни явишася. Во истинну бо рече Гдъ: ноцъ не свѣтла невѣрнымъ, а вѣрнымъ же просвѣщенна бысть.

Сказаніе о примѣтахъ Дмитрея Воынца.

Пришедъ Дмитрей Воынецъ и рече великому кнзю Дмитрею Ивановичю и брату его кнзю Владимиру: «Утаитесь, гдне, ис полковъ своихъ, і выедите одни, да скажу вамъ примѣту свою, уже бо ноци глубоце и зоря потухаше, межъ полковъ примѣту

указываетъ». Димитрей же Волюнецъ всѣдъ на конь свои и поимъ с собою кнѣзи едины сущи і выехаш на поле Куликово и ставъ пред обѣих полковъ своих и татарских, и рече имъ Волюнецъ: «Слушайте с страны татарскихъ полковъ». И слышав же кнѣзь великиі в татарских полках стук великъ и клич члѣбскіи, аки торги силныя снимаютца, аки градъ зиздящу и трубы гласяще, и бысть ззади полков татарских волцы воюще грозно велми, по правои странѣ орлове кричаще, бысть трепет и кличъ птичей велми великъ, враномъ же, аки горам играющимъ, и противу ихъ по репе по Непрядве гуси и лебеди крылами плещут, необычную грозу подают. И рече Димитрей Волюнецъ: «Гроза велика слышати от них». И рече ему кнѣзь великиі з братомъ своимъ: «Ничтоже, токмо видехомъ от множества огне зари снимахуся». И рече Волюнецъ к великому кнѣзю Димитрею Ивановичю и к брату ево кнѣзю Владимиру Андреевичю: «Обратися, гдѣне, на полки русских¹⁾ снѣвъ и слушайте, что есть тамо о страну русских полковъ». І в русских полках бысть тишина велика. И рече Волюнецъ к великому кнѣзю Димитрею Ивановичю: «От стану, гдѣне кнѣже великиі, добро знамение и примѣта, призываюте Бѣа неоскудною вѣрою». И рече Волюнецъ: «Еще ми есть примѣта. Сниде Волюнецъ с коня своего и паде на десное ухо к земли и лежа час и воставъ от земли и абие пониже к земли. И рече кнѣзь великиі Димитрей Ивановичъ: «Что есть, брате, на ползу сия примѣта». Волюнецъ же не хотя сказати ему великому кнѣзю. Кнѣзь же великиі понудивъ его. Он же рече: «Кнѣже великиі, едина ми есть на ползу, а другая же скорбна: слышах я, гдѣне, землю плачущуюся надвое — едина бо страна горко плачущеся еллинскимъ языком о чадах своих, напрасно вопиюще, другая же страна, аки нѣкая вдовича тихо и жалобно плачевнымъ гласомъ. Аз же множество тѣхъ примѣтъ испытах, сего ради надѣюся о Бѣѣ и стѣхъ мѣчкѣ Бориса и Глѣба сродники вашими, а аз чаю побѣды на поганых а христиан падения

---

1) въ ркп. «русских а снѣвъ».

будет». Слышав же то кнѣзь великий и прослезився велии и рече: Тако будет ¹⁾ державе Гсѣдне». И рече Волинецъ к великому кнѣзю: «Не подобает тебѣ, гдѣне кнѣже великий, повѣдати и о том в полках своих, но токмо вели Бгѹ молитися и сѣтых его призывать и рано утре вели имъ подвизатися на кони своя, всякому воину вели крѣстом ограждатися, то бо есть непобедимое оружие на противъныя.

О явленіи сѣтых мѣнкъ Бориса и Глѣба нѣкоему вѣрному члвку.

Тутю же бѣ нѣкто вѣрны члвкъ, имянемъ Оома Сигклитикъ, бѣ разбойникъ, и поставленъ бысть великимъ кнѣземъ сторожемъ, мужества его ради от поганых, на рѣчке на Чару Миханлове стояти. Сего ради крепля яко Бгѣ открыти ему видѣти ноши тоя великое видѣние: на высотѣ видѣ облак изряден зѣло. И приде нѣкий полкъ великъ от востока от полуденныя страны; и придоша два юноши, свѣтлы лица их, сѣтящеся яко солнце, а в руках своих имюще мечи острыя и рекуще полковникомъ татарскимъ: хто вам повелѣ требити отечество наше, намъ Гсѣдъ дарова». И нача их сечи. И ни единъ от них не отбысть. И тако невидимы бысть и целомудръ. И повѣда на утре таковое свое видѣние великому кнѣзю единому. Кнѣзь же великий рече ему: «Не глѣи, брате, про таковое свое видѣние никому». Сам же кнѣзь великий, воздѣвше руце свои на небо, и нача молитися и глѣати: «Гсѣди вѣдко члвколюбецъ, молитвами сѣтых мѣнкъ Бориса и Глѣба помози ми, Гсѣди, яко же Моисею на Аммалика, и яко Давиду на Голиада, и первому Ярославу на Сѣтополка, и прадѣду моему великому кнѣзю Александру на хвалящаго римскаго короля, разорити хотѣлъ отечество его. Нынѣ по грѣхомъ моимъ воздаи же ми, Гсѣди, но излеи на ны мѣсть свою и просвѣти нас благоутробнемъ своимъ, не даи же нас, Гсѣди, в посмѣх врагомъ нашимъ, раб своих, да не порадуются о нас врази наши, да не рекут срама на вѣрных: гдѣ есть Бгѣ их, на

---

1) въ ркп. «будет» дважды.

него же уповаша. Помози ми Гѣди хрстіяномъ, ими же величается имя твое свѣтое на сердцахъ ихъ».

Сказание о битвенномъ и ступенномъ и о горкомъ часу, в немъ же множество создания бжїя пасти иматъ. О горкїи часъ, о прѣстрашное время, о година, кровопролитїя исполнь.

Приспѣ же время мѣца сентября въ ѣ день великаго праздника спасения хрстіяномъ Рждства прѣстыя Бдїцы, свѣтающу пятку і восходящу слнцу, бывшу же утру мгляну и начаша стези хрстіяномъ простиратися и трубы многы гласити. Кнзъ же і воеводы і все удалые люди, вседше на коши своя. И укротїшася кони ихъ гласомъ трубнымъ, и каждо под своимъ знаменемъ идяше же, полцы великаго кнзя, а идуще по поученїю великому велено. Часу же второму наставшу дни, и начаша гласы трубныя гласити отъ обѣихъ странъ.

И снималися полки ратныхъ на рѣке Дунае великаго кнзя, да прѣ Мамай, трубныя гласы снимаютца, а сами еще не видятца. Изъ рекъ же многихъ выды выступали отъ ратныя силы ихъ, а татарскїя трубы онемѣша, рускїя же твердишася, а сами еще не видятца, занеже бѣ утро мгляно велико есть; отъ земли востанула отъ востока и до моря, отъ запада и до Дуная; по полю же Куликову видѣниемъ яко прегибатися, реки же выступиша изъ мѣстъ своихъ; бродимымъ же по нимъ многимъ людямъ, яко же николи на мѣстѣ томъ великомъ полкомъ таковымъ не бытъ. Кнзъ же великїи Димитрей Івано на конѣ ездя по полю и переседающе на избранныи свои конь и ездя по полкамъ своимъ и со слезами глгоще: «отцы и братїя моя, Гѣда ради подвижитесь и свѣтыхъ ради црквей і вѣры хрстіянскїя. Сїя бо смерть не смерть, но животъ вѣчный наслѣдити прѣство небесное. Ничто бы помышляете земнаго и не уклоняетесь на свое дѣло, но вѣнцы небесными увязаетесь отъ Гѣда Бгѣ и Спса нашего Іиса Хрста.» Утвердишаше полки и паки приѣхавше подъ первое свое знамя черное и ссяде с коня своего и сяде на иной конъ и совлече с себя приволоку црѣскую и облечеся в воинскую одежду. Той же конъ свой дасть Михаилу Андреевичю Бронскому и ту свою при-

волоку на него ж положи, иже бѣ ему любимъ паче мѣры. И повелѣ кнѣзь великїи знамя рынде носити надъ нимъ; и подъ тѣмъ знаменемъ убиенъ бысть рында. Кнѣзь же великїи ставъ на мѣстѣ своемъ і въздѣвъ руде свои на небо і вложи руку свою в недра і вынесъ живоносный крѣстъ, на немъ же бѣ воображенїи хрѣстовы страсти, в немъ же живоносное древо. Кнѣзь же великїи живоносному крѣсту молится і восплакася горко: «тебѣ уже надѣюся конечно, живоносному крѣсту, иже симъ образомъ явился греческому црѣю Константину егда ему брани суци с нечестивыми, и чюдотворнымъ твоимъ образомъ побѣдихъ: не могутъ бо обрѣзани члѣвцы стояти противу образа твоего. И тако удиви Гдѣ милость свою на рабѣхъ своихъ.

Сослание отъ преподобнаго игумена Сергія, сїя ему гл҃юще.

В то же время пришедше книги отъ преподобнаго игумена Сергія, в нихъ же бѣ писано великому кнѣзю Дмитреку Івановичю і всемъ рускимъ кнѣземъ и бояромъ и воеводамъ і всему православному войску миръ и благословенїе. Кнѣзь же великїи слышавъ писанїе преподобнаго игумена Сергія и любезно целовавъ посланника того, его расторѣца любезнымъ целованїемъ, тѣмъ же, аки нѣкими твердыми бранми утвердишася. Еще же дастъ ему старецъ даръ посланныи отъ игумена Сергія — хлѣбъ пречистыя Бдцы. Кнѣзь же великїи съѣде хлѣбецъ и простре руде свои на небо і возопиша велегласно: о велико имя прѣстѣи и живоначалныя Троицы; прѣстая Гдѣже Бдца помогаи намъ на противныя враги, молитвами твоего угодника преподобнаго игумена Сергія спаси души наша.

Кнѣзь же великїи вседъ на конъ свои и приемъ копые свое і вземъ палицу свою желѣзную в руки и подвижеся ис полку вонъ і восхотѣ прежде самъ начати битися со агаряны прежде полковъ своихъ отъ горести души своя за землю рускую и свѣтыя цркви и за православную хрїстіянскую вѣру и за свою великую обиду. И мнози же рускія кнѣзи и богатыри удержавше его і возбраниша ему: не подобаетъ тебѣ великому кнѣзю самому в полку битися; тебѣ великому кнѣзю подобаетъ особъ стояти и на насъ смо-

трети то, пред кем намъ явитися, егда же упасет тебя Гсѣдь великаго кнѣзя милостию своею; то временныя чести, почему разумѣеши, кого даровати. Мы же готови есма все головы своя сложити за тебя великаго кнѣзя, за ласковаго гсѣдря. Тебѣ же гсѣдрю подобает рабом своим, елико кто служит головою своею, тѣмъ памяти сотворяти по смерти, яко же Леонтеи прѣѣ Теодору Тирону в книги соборныя велѣмъ написати памяти ради руским же кнѣземъ, иже по нас будут. Аще ли тебя единого изгубим, то у кого чаяти имат возданиа. Аще вси спасемся, а тебя единого не станет, твои успех будет намъ и будем вси, яко стада овчїи немуще пастыря в пустыни влачими бѣ, еже пришедше дивїи волцы распудят овца, елико кто хошет; тебѣ подобает спасти себя и нас. Кнѣзь же велики прослезися и рече имъ: братия моя милая, добрые ваши рѣчи и не могу я противу вас отвѣщати извѣстно, паче неже утѣшно, но токмо похваляю вас, вы бо есте во истинну блази раби; но паче вѣсте и разумѣете мучение стѣаго страсотерпца хрѣстова Ареобы. Егда бѣ Уливномъ прѣмъ, по многих же муках повелѣ прѣ вывести на позорище и усѣкнути главу его; и доблии воини избраннаго воеводы единъ пред единымъ ускоряет и един за единого хошет умерети и главы своя под мечъ клонят, видяще убо побѣды своя. И тои воевода невозбранно войску своему рече: вѣсте-ли, братия моя, о семъ на сего прѣ, не аз ли прежде вас почтен бысть земныя ради чести, не аз ли прежде вас дары взимах, нынѣ же преувѣдѣти подобает моеи глѣвѣ небеснаго прѣа прежде усѣченней быти, паче же вѣнца. И приступивъ воин усѣкнув главу его, последи же и шестьдесят воин усѣкнув; такожде и нас, братие, хто мене боле в руских кнѣзех от вас почтен бысть і вамъ всемъ глава бѣ благая от Гсѣда прїях, злых ли не могу терпѣти, мене ради единого вся сия збышася и кому видѣти вас побиваемых и протчая к тому не терплю, общую чашу имам пити с вами и единою смертию умерети, аще ли умру с вами, нынѣ же вси останемся уже кто потягнет первыи.

Яже полки разступашася: в первомъ полку воевода Дмитрей Всеволод, да брат ево Володимер; с правую же руку бредут

Микула Василевичъ с коломенцы и с новгородцкими посадники. А поганыя же Агаряны бредут убо полъ, несть имъ мѣста, гдѣ раступитися. Безбожны же црь Маман, выехав на мѣсто высокое с тремя со кнѣзми своими и начаша смотреть члѣвческаго кровопролития. Уже бо близ себя сходящеся поганіи с рускими пол(ки). І выиде печенег ис полку татарскаго богатыр пред всеми мужествомъ своимъ являшеся, именемъ Телебен еллинскимъ языкомъ, подобенъ есть древнему Голяду. І видѣвши сего Пересвѣтъ чернецъ, любеченин, иже бѣ в полку у Володимира Всеволожа, и двигнувся ис полку вон и рече: сѣ члѣвъкъ ищетъ подобнаго себе, и азъ хошу с нимъ видѣтися. И пылая яко левъ и аки женихъ хошетъ воспріяти небеснаго прѣствѣя, бѣ бо шеломъ на главѣ его ангелскииго образа вооруженъ схиною по повелѣнію преподобнаго игумена Сергія и рече: отцы и братія, простите мя грѣшнаго, и ты, брате Ослябя, прости и моли за мя Бѣга. І все войско яко единими усты гласомъ великимъ возопиша: Гдѣ Бѣгъ да проститъ ты и свѣтыи игуменъ Сергіи. И напусти старецъ на печенегъ, яко на мя вооружившася; онъ же безбожныи печенегъ устремися противу Пересвѣта чернца и рекоша в себѣ: охъ Махметъ, помаганъ мѣѣ. Вонъ же христіянистѣи яко единими усты возопиша: Боже нашъ, помози намъ рабомъ своимъ. И ударишася крѣпкѣи два богатыря межю собою оружіемъ своимъ и мни ему, яко едва мѣсто не проломишася подъ ними; и спадоста оба на землю с коней своихъ мертвы и туто скончашася.

И се уже наставше третему часу дни, видѣвъ же то кнѣзь великии Димитрей Ивановичъ и рече своему войску: видите, братія, яко гости наши поганіи приближаются къ намъ и испиваютъ волныя чаши, ведутъ себѣ поведенную; инѣи же отъ нихъ уже испиша і весели быша, уже бо время подобно часъ приспѣвшу. И прииде кождо ко своимъ конемъ и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити; храбрымъ же срѣдца веселящеся, а инымъ же срѣдца ужасошася. И удариша кождо по коню своему и кликнувше вси единогласно: с нами Бѣгъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся. И пакы рекоша сынове русѣи, Бѣже, помози намъ на противныя

враги наши, не дай же нас, Гѣди, помощь на враги. А поганые же кликнувши боговъ своих на помощь и окаяннаго Махмета: ох Махмет, помози намъ и моли о нас. И соступишася крѣпко бьющеся, зацепляхуся щиты богатырския о вострыя копья и о злеченыя доспехи ломаютца, и лется кровь богатырская по седламъ златокованнымъ, и сверкают сабли буланныя около голов богатырскихъ, и катаютца шелома с личинами подъ копытами добрыхъ коней на сыру землю; и потоптани быша, не едины бо руския богатыри побиты быша, но и татарскихъ вдвое есть: не токмо оружіемъ бьющеся, но сами о себя разбивахуся, а в трупѣ мертвыхъ мнози умираху от великия тесноты задыхавшася. Коль велико поле Куликово, яко же бѣ в немъ не мочно вмести-
 тися, но то мѣсто тѣсно стало межъ Дону и межю дву рѣкъ. Но на томъ бо поле велицы полцы силны великаго кнѣзя и татарския снимашеся, из нихъ же выступали кровавыя езера, облистание же мечное трепеташеся, яко силныі молніи от рукъ богатырскихъ, от мечнаго сѣченія бысть же тогда трескъ и ломъ копейномъ, яко громъ великій, не мочно бѣ слышати, не токмо видѣти сего грознаго дни и страшнаго часа: во единъ день убо часъ, в мегновеніи ока от множества тысящъ побиваемо создания Бжїи, і воли Гѣдни совершается. Не ослабеваютъ христіяне с печенегъ. Уже шестому часу наставъшу дни и бжїимъ попущеніемъ, а нашихъ ради согрѣшеніихъ нача одолевати христіянъ печенегъ поганіи. Уже возляисъ хвала на хулу, і вержеся диво на землю уже от многихъ сотъ и подъ кони сотрошася. Богатыри жъ русскіи аки дрова дубравная клонятца на землю подъ копыта добрыхъ коней и погибающе; а самого жъ великаго кнѣзя уязвиша велишъ. Онъ же уязвленъ склонися с коня своего на землю и поиде с побойща пѣшъ, яко не мочно ему битися. По стези же великаго кнѣзя многожды татаровя секоша и не истребишася бжїею силою, паче укрепишася.

О виденіи еже виде ѿбса отверста.

Нѣкїи члвкъ, сїя слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца глѣ, иже бѣ отъ полку кнѣзя Володимира Андреевича и повѣдаху виденіе

свое великому кнѣю Дмитрею Ивановичю, яко въ 5 час, в битвенную годину сего дни видехом над вами небо отверзостася, из него же изыде облакъ, аки багряная заря, и над вами ниско держащеся, и тои же облакъ исполнен рук члвческих, коя же рука держаще оружие, аки нѣкая древа красная зѣло и цвѣты красныя многыя, а иная же рука держаще венцы прекрасныя. И егда наставшу седмому часу, мнози же ото облакъ того отпустишася венцы на главы рускимъ сыномъ. Погани же одолѣша, а християнскыя полки оскудѣша, уже бо мало християн, а все то видят погани.

И видѣвше то кнѣзь Володимир Андреевичъ великую погибель християнскую, аки класы ишеничныя подавляеми терниемъ, а терние растяше болши. Благовѣрный же кнѣзь Володимир Андреевич не моги терпѣти побѣды християнскыя и рече Дмитрею Волюнецъ: брате Дмитрие, кому бо полза есть наше стояние, и кѣи успѣхъ будет намъ, уже кому имъ пособити. И рече Дмитрей Волюнецъ: бѣда уже, кнѣже, велика, не у же пришла година, начиная бо без времени, вред себѣ приимати; мало убо претерпимъ подобная да получимъ, вон же воздание отдадимъ противникомъ нашимъ поганымъ; нынѣ только в сїи и час Бѣа призываите к себѣ на помощ; то осмаго часа година гонити имамъ; в он же имат быти благодати бжїи и помощи роду хрїстіанскому. Кнѣзь же Володимир Андреевичъ воздѣвъ руце свои на небо и рече: Гдїи Бжїе нашъ, содѣтелю тваремъ, сотворивши небо и землю и предстоящая на ны крамоу днес, не дамъ же врагомъ радоватися о нас поганымъ; мало показни нас, много помилуй, безна бо его мѣти. Сынове же русїи в полку его плачущеся, видящеся, яко звани на бракъ сладково вина пити. Волюнецъ же возбраняше имъ: пождите мало, буявїи сыновы християнскыи, еще есть с кемъ вамъ тогда утѣшиться и с кемъ вамъ веселиться.

О исходе потаеннаго полка у кнѣзя Володимира Андреевича, иже пребысть в дуброве.

Присѣвъ же время, час осмыи, и абие потягнувъ Духъ бжїи з западу. Возопив же Волюнецъ гласомъ великимъ: Кнѣзь же Воло-

димере, час приде, а время приближися. И рече кнѣзь Володимиръ Андреевичъ: братия моя и друзи, дерзайте, сила бо стѣго Духа помогает намъ. Богатыри же руския выехали из дубравы зеленыя, аки соколы ударишася на многіе жеравлиныя стада. Тако же и сие ударишася витязи, направлены крѣпкимъ воеводою, бяху бо яко Давыдови отроцы. Сии же сердце бяху аки лвовы образни живуще і виде яко овечье стада придоша. Поганиі же видѣша мнози полцы и кликнув же глѹще: увы намъ, Рус паки умудришася, хуждѣши брашася с нами, а богатыри же вси соблюдошася. И обратишася поганиі и даша плещи свои бѣжати и погибоша. Сынове же рускіи силою стѣго Духа гонящеся за ними и побиваху их помощію стѣх мѣнкъ Бориса и Глѣба. Поганиі же сѣчени быша аки лѣс клоняхуся; бѣжаще татаровя и глѹще еллинскими языки: увы тебѣ, црѣю Мамаю, вознесся еси до нбси и до ада низшел еси; мнози же уязвлени сыновѣ рускіи помогаху намъ и секуще поганных без милости, ни единому мочно, какъ убѣжати, занеже кони их утомишася. Црѣ же Мамаи, виде побѣду свою, нача призывати бгѣ своя, Перуна і Коловита и Раклія і Гурса і великаго своего пособника Махмѣта і не бысть ему от них помощи, сила бо стѣго Духа, яко огнемъ пожигает, татарские же полцы с рускими мѣчи секутца. Видев же црѣ Мамаи погубел свою, иже новыя люди придоша; и речѣ угодникомъ своимъ кнѣземъ: побегнемъ, ничто же бо намъ добра чаяти, но себя упасемъ і головы свои унесемъ. И абие црѣ Мамаи побѣжав с четырьми кнѣзи своими и мнози же сыновѣ рускіи за ними гнашася і не догнаша их: кони бо у них цѣлы сут, на бою не утомишася. И гонящи же, сынове рускіи возвратишася і обретоша мертвых многое множество трупы поганных обо полѣ реки Непрядвы, идеже бѣ помощ бысть полкомъ крестьянскимъ, иже сут биеми от стѣх мѣнкъ Бориса і Глеба, о них же провиде Оома разбойникъ, егда на сторожи своя. Богатыри же руския за погаными гнашеся і тогда паганныхъ всех побивша і возвращахуся вси каждо под свое знамя, яко не бысть в полку великаго кнѣзя, чающи его яко убиен бысть.

Кнѣзь же Володимир Андреевич стах на костяхъ под чернымъ знамѣнемъ і не обретѣ брата своего великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича в полку, толко литовские кнѣзи Волгердовичи единни. І повѣле кнѣзь Володимир Андреевич трубити в собранную трубу; і пожда часъ і не обретѣ брата своего великаго кнѣзя і нача плакати и кричати велии і нача самъ по полкамъ ездити і не обретѣ брата своего великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича. І нача глѣати: братия моя милая, кто виде іли кто слыша своего пастыря, то перво ражденный пастыр, і не будет пастыря и разыдуща овцы, кому сия честь будет і кто сей побѣде побѣдникъ будет явитися. І речѣ ему литовские кнѣзи: мы мним, яко жив есть, но уязвлен велии, егда в трупѣ мертвых будетъ. Иныи же воини речѣ: азъ видех его в пятомъ часу дни крепко бьющеся палицею своею с поганными Агаряны. А инныи рече: опосле того азъ видех его бьющеся с четырьми татарыны і належать ему велии. А инныи же некто юрьевскіи юноша, імянемъ кнѣзь Степан Василевич Новосилскіи, тот рече: азъ его видех перед твоимъ приходомъ пеша ідуща с побойща, велии уязвлен; того ради азъ не могахъ ему помощи подати—в то время азъ гонимъ былъ тремя татарыны, по милости бжїи одва я от нихъ спасохся и много я от нихъ пострадахъ. І рече кнѣзь Володимир Андрѣевич: известно ли виделъ еси брата моего великаго кнѣзя жива, то по истинне не будет у насъ первыи рачител. І слышавъ же оттроцы такие словеса от кнѣзя Во(ло)димера Андрѣевича і разехашася по великому грозному побойщу победителя искати. Ови же наехаша убитаго мѣртва Михаила Андреевича Брынскаго в преволоке великаго кнѣзя і в шеломѣ; ини же наехаша кнѣзя Θεодора Семеновича Белозерскаго, чающіи его великимъ кнѣземъ, зане приличен бе ево образу. Два же воина етеры уклонишася на десную страну к дубровѣ, единъ імянемъ Θεодоръ Сабуръ, а другіи Григорей Холпищев, родомъ же оба костромичи. Мало же поехав в побойща великаго кнѣзя избитаго добре, едва отдыхающе под сеченымъ древомъ под березою. І увидевше его і спадоща оба с коней і поклонишася ему. Сабуръ же Θεодоръ возвратився скоро

ко кнѣзю Владимиру Андрѣевичю і повѣдая ему: гѣдрь нашъ великий кнѣзь Дмитрей Иванович здравствуетъ і прѣствуетъ во вѣки. Слышав же кнѣзь Володимер Андреевич і вси кнѣзи і воеводы от Сабура таковую велию радость і поскочиша на кони своя скоро. И приехав к великому кнѣзю і падше поклонишася ему на ногу его і пролия слезы своя и гл҃юще: радуися, кнѣже нашъ, древній Ярослав, а новы Александръ, радуися светлорусские земли пастырѣ добрыи заблудшимъ овцамъ, побѣдителю всемъ врагомъ, сия же побѣда, а тебѣ гѣдрю честь довлеетъ. Кнѣзь же великий Дмитрей Ивановичъ сдва рече брату своему кнѣзю Владимиру Андреевичю: что ти есть, брате, поведайте ми. І рече кнѣзь Владимир Андреевич по милости бж҃іи и пречистыя его Матери, милостию і молитвою сродникъ нашихъ свѣтыхъ мученикъ Бориса и Глеба і молениемъ рускаго святителя Петра митрополита и пособника нашего і вооружителя игумена Сергия і техъ всехъ свѣтыхъ молитвами врази наши побеждени суть, мы же спасохомся. Кнѣзь же великий Дмитрей Иванович, слышав таковыя словеса от брата своего і от велможъ своихъ, воста от места своего і рече: сеи день, иже сотвори Гѣдъ, возрадуемся і возвеселимся вонь. І паки: сеи день гѣднь веселитесь людие, велии Гѣдъ, чюдна дела твоя, вечер водворитца плачь, а завтра радость. І паки рече: хвалю тя Гѣди Бж҃е мой і почитаю имя твое свѣтое во веки, иже паки не дал еси нас іному языку в похвалу і не дал еси нас в погибел врагомъ нашимъ, еже на мя умножишася; но суди ми, Гѣди, по правде моеи и да скончаются злоба грешныхъ, аз же в век уповаю на тя. І приведоша великому кнѣзю кон повиненъ. І всед на коня своего кнѣзь великий і поехав по побоищу і видевъ воя своего много побито добре, а поганныхъ четверицею боле того побито. І обратися к Вѣнцу и рече кнѣзь великий Дмитрей Ивановичъ Дмитрею Воынцу: воистинну ты Дмитрей разумееш і неложные сут приметы твои, подобает тебѣ всегда воеводою быти над полками.

І нача кнѣзь великий з братомъ своимъ со кнѣземъ Владимиромъ и с литовскими кнѣзи і с рускими со оставшими кнѣзми і воеводы ездити по великому и грозному побоищу, срѣдцемъ сте-

няше і слезами омываяся. І наехаша на место, на немъ же лежатъ восемь кнѣзи бѣлозерскихъ, вкупѣ побитыи сущіи, толъ велики бо напрасно бишася они, яко единъ за единого мертвѣ. Тутъ же близъ ихъ лежитъ убитъ Микула Василевичъ. Надъ ними же ставъ кнѣзь великій надъ любезными рабы своими і нача плакати и глѣати: братія моя кнѣзи рускіи снѣве, аще имѣте дерзновение у Гдѣа, помѣтѣся о насъ; вѣмъ бо, яко послушаетъ васъ Бгъ; і паки помолитѣся о насъ, да вкупѣ будемъ съ вами. І прииде на иное мѣсто і наеде своего наперсника Михаила Андрѣевича Бронскаго, і близъ его лежитъ крепкии стражъ Семенъ Малинъ, і близъ ихъ лежитъ Тимоѣеи Валуевичъ. Надъ ними же кнѣзь великій ставъ і плача горко і рече: братія моя возлюбленная, моего ради образа убитыи есте, кто бо таковъ рабъ можетъ гдѣну своему служити, яко мене ради сами мысленно на смерть поехали есте; воистинну древнему Авису подобенъ, иже отъ полку Дарія персидскаго прѣа, иже сие тако сотворилъ. Лежашу же тутъ Семену Малику і рече кнѣзь великій: крепкии мои стражи, твердо ми пакохомъ есмя о тебе. І прииде на иное место і виде Пересвета старца убитаго і близъ его нарочитаго богатыря Григоря Капустина, і обратився кнѣзь великій і рече ездѣщимъ съ нимъ: видѣте, братія, перваго сего починальника Пересвета старца, победы подобна себѣ окаяннаго Печенѣга, отъ него же было всемъ пити горкую смертную чашу. І ставъ на мѣсте і повеле трубѣти со всехъ странъ, чтобъ ехали на трубы гласъ, і нача испытovati довольно оружїя своего о поганыхъ татаръ, о трупїяхъ ихъ. Отъ всехъ странъ грядуще на трубный гласъ і весело ликующе і поюще крестїяне песни, ови воскресенскїе, ови же богородичныи, ови мученичныи. І виде людемъ своихъ собранныхъ всехъ, кнѣзь же великій ставъ посреде ихъ і нача плакати і рыдати великии и глѣюще: братія моя, кнѣзи рускіи і боляре местныи і воеводы сильныи, сынове всея рускіи земли, вамъ подобаетъ служити, а мнѣ васъ хвалити і по достоинству даровати; посетитъ мене Гдѣъ Бгъ да буду на своемъ престолѣ на великомъ кнѣженїи въ славномъ граде Москвѣ, тогда имамъ васъ даровати. І рече кнѣзь великій Дмитрей Ивановичъ брату

своему кнзю Владимиру Андреевичю: грозно бо брате в то время посмотреть, лежит трупъ крестьянскаго, аки силные стоги, а Дон река текла кровию три дни і три ноци, а река мечьми вся запродилася трупомъ татарскимъ; ныне же сия управимъ, каждо ближняго своего похоронимъ в землю, да не будутъ съедены зверемъ телеса крѣстьянскія.

Кнзъ же великиі стоя за Дономъ после побоища во ѿ дней, дондеже разбирая христіянскія телеса отъ нечестивыхъ, да не сочетаютца праведницы со грѣшники. Христіянская же телеса похорониша в землю столько успеха, а нечестивыхъ повергоша зверемъ на снѣденіе і птицамъ на расхищеніе. І говоритъ кнзъ великиі Дмитрей Ивановичъ: братія моя кнзи русскія і воеводы местныя, считайтеся братія, колко у нас воеводъ нетъ і колко молодыхъ людей. І говоритъ Михайло Александровичъ московской бояринъ: гдѣрь кнзъ великиі Дмитрей Ивановичъ, нетъ у насъ ѿ бояриновъ московскихъ, да двенадцать бояриновъ белозерскихъ, ѿ бояриновъ посадниковъ новгородскихъ, ѿ пановъ литовскихъ, ѿ бояриновъ коломенскихъ, ѿ бояриновъ серпуховскихъ, ѿ бояриновъ переславскихъ, ѿ бояриновъ костромскихъ, ѿ бояриновъ володимѣрскихъ, ѿ бояриновъ суздальскихъ, ѿ бояриновъ муромскихъ, ѿ бояриновъ ростовскихъ, ѿ бояриновъ дмитревскихъ, ѿ бояриновъ Можайскихъ, ѿ бояриновъ углицкихъ, ѿ бояриновъ ярославскихъ, ѿ бояриновъ Нижнево Новограда, ѿ бояриновъ тверскихъ, а посечены, гдѣрь, отъ безбожнаго прѣя Мамаѣ і изгнѣло, гдѣрь, у насъ всеѣ дружины, сѣгъ.

Прииде же вѣсть въ славныи градъ Москву мѣца сѣнтѣбря въ ѿ де на память преподобныя матери Θεодоры Александрѣйскія къ великомъ кнзю Евѣдокіѣ і ко преосвященному митрополиту Кипреѣну и ко воинскимъ женамъ, а после бою въ ѿ день і сказаша имъ, кои побиты, кои живы, а поганныи же Мамаѣ побѣденъ бысть. И услышавъ же Волгордъ кнзъ литовскі, яко кнзъ великиі Дмитрей Ивановичъ побѣди і одолѣ безбожнаго прѣя Мамаѣ і возвратисѣ со стыдомъ во свояси вспѣт. Безбожныи же прѣ Мамаѣ не токмо Москвы видѣлъ, но и своихъ агарѣян ли-

шихся. І посемъ рече кнѣзь великїи Дмитрей Ивановичъ: Гсѣи Бже нашъ, помили нас грѣшныхъ, яко не предаи еси насъ въ руце поганнымъ агаряномъ, а вамъ, братія кнѣзи і боляре и мѣдые люди, сужу на мѣсте межъ Дону і Непрядвы на поле Куликове і на Непрядве реце, положили еси главы своя за свѣтыя бжїи цркви и за веру христїанскую; простиѣ, братія моя отъ мала і до велика, в семъ вѣце і в будущемъ. І речѣ кнѣзь великїи Дмитрей Ивановичъ брату своему кнѣзю Владимиру Андреевичю: поидемъ, братія, во свою землю Залесную къ славному граду Москвѣ і сядемъ, брате, на своемъ кнѣженїи і на вотчинѣ, на дѣдинѣ, а чести себе укупилї і славнаго имени. І еще рече кнѣзь великїи брату своему и литовскимъ кнѣземъ: братія моя мѣлая, пенїю время, а молитвѣ часъ; праздниѣ приспе всемирнаго Воздвиженїя честнаго і животворящаго крста Гсѣи. І повѣле всему войску Донъ реку возитися. И поиде кнѣзь великїи по резанской землї, и услыша то кнѣзь Олгъ резанскїи, яко идеть кнѣзь великїи Дмитрей Ивановичъ побѣдилъ врага, і нача плакати и рыдати велми и нача блюстися великаго кнѣзя і рече самъ собѣ: о горѣ мнѣ грѣшному отступнику вѣры христовы, поползохомся что видѣхъ, а безбожному црю Мамаю присягу имѣл. И збежа изъ граду своего Резани і побѣже къ Волгерду литовскому і приеде на рубежъ литовскїе земли і тутъ ставъ и речѣ боляромъ своимъ: азъ хочу тутъ ждати вѣстника, какъ великїи кнѣзь проидеть землю мою і приидеть во свою вотчину в славныи градъ Москву, и азъ тогда возвращуся восвоея. Кнѣзь же великїи Дмитрей Ивановичъ идучи по резанской землї и заповѣда всему войску своему, аще кто идеть по резанской землї, то ни единому класу ихъ не коснитися. І проиде же кнѣзь великїи на свою землю къ славному граду Москвѣ. Вѣстницы же ускоряюще ко преосвященному архїепископу на Коломну, яко идеть кнѣзь великїи Дмитрей Ивановичъ, врага своя побѣдивъ і на свою вотчину возвратився. Преосвѣщенный же архїепископъ Евсеимъ коломенскїи повѣле по всемъ црквамъ молебны пѣти за великаго кнѣзя Бга молити и за все хрстолюбивое воинство. І приеде кнѣзь великїи на Коломну зъ Дону во осмыи день

мѣсяца сентябрю въ кѣ де на память свѣтаго апостола Кондата. Преосвѣщенный же архиепископъ Еуѳимей встрѣтити великаго кнѣзя во градныхъ вратехъ Ивановскихъ зъ живоносными крѣсты и чудотворными іконами, со всеми соборными крылосы, і оградив архиепископъ Еуѳимей великаго кнѣзя крѣстомъ животворящимъ і кропив свѣтою водою і все хрѣстолюбивое воинство і нача плакати с рыданиемъ сердечнымъ и глѣ ему архиепископъ Еуѳимей: радуися, кнѣже нашъ великій Дмитрей Ивановичъ, і веседися все хрѣстолюбивое воинство. І абие кнѣзь великій от плача прѣдста і нача утешатися и хвалити Бѣга, глѣ ко преосвященному архиепископу: по бжїи, отче, милости і прѣчстыя его Бѣгоматери і молитвами сродникъ нашихъ свѣтыхъ мѣчнкъ Бориса и Глѣба и моленьемъ рускаго святителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя прпѣдѣнаго игумена Сергія техъ всехъ свѣтыхъ молитвами враги своя победихомъ, мы же от нихъ спасохомся; азъ бо, отче, велми предъ ними исправихомся, собрахъ ему много злата і сребра и послахъ к нему, дабы нечестиваго утолити. Онъ же безбожный прѣ Мамай наипаче возярился і на православную крѣстьянскую веру і нача твою пагубу разженъ бысть дияволомъ, такожъ случися в Кесари Кападокиистемъ граде великому Василию, егда первый отступникъ веры христовы Улянъ прѣ злочестивой законопреступникъ, иды ис персь на великаго архиепископа Василия, хоте раззорити градъ его. Василией же помолися Бѣгу со всеми крѣстьяны і собра злата и сребра много і посла к нему противу, дабы отступника утолити. Онъ же безбожный прѣ Улянъ наипаче возярился, и Гсѣдъ посла воина своего Меркурия, онъ же усекнувъ беззаконнаго прѣ невидима Бжїею силою і все войско его сокруши Бѣгъ. Тако же і безбожный прѣ Мамай за свою гордость погибе со всеми силами своими. Кнѣзь же великій Дмитрей Ивановичъ тутю восхоте на Коломнѣ в мѣстрѣ слушати свѣтыя бжїия литургии і иде во церковь і нача молитися со слеза нерукотворенному образу Гсѣда Бѣга і Спаса нашего Іиса Хрѣста и рече: Гсѣди Бжїе нашъ, творче небу і земли і содетелью тваремъ, не забуди насъ нищихъ своихъ до конца і не предади еси вра-

гомъ нашимъ в покорение, да не порадуютца врази наши о нас. І изыде кнѣзь великїи из прѣкви і пребысть на Коломне ̄ дни. Из Коломны поиде кнѣзь великїи к славному своему граду Москвѣ. Преосвѣщенный же архиепископъ Еуѣимей проводивъ его честно из града со свѣщами і с кандилы і с всеми крылосы своими, і благослови его архиепискупъ Еуѣимей і речѣ: поиде, гдѣ кнѣже нашъ великїи Дмитрей Иванович, на благословенное свое мѣсто в славный град Москву. Кнѣзь же великїи Дмитрей Иванович благословеніе вземъ у архиепископа коломенскаго і поиде к Москве с Коломны к славному своему граду Москве сентября въ ̄ де, на памят свѣтаго апостола і евангелиста Іоанна Бгѡслова. А к Москве прииде с Коломны октября въ ̄ де, на праздникъ Покрова прѣсвѣтыя Бдѣцы. Преосвященный же митрополитъ Кипрїянъ услышавъ великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича пришествіе к славному граду Москве і повеле изыти из града зъ живоносными крсты и с чудотворными іконы и со свѣщами і с кондилы і всему народу повеле изыти на встрѣтеніе великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича. Сам же митрополитъ Кипрїянъ вѣстрѣте великаго кнѣзя і оградивъ великаго кнѣзя крѣстомъ животворящимъ, а самъ прослезився велии і речѣ великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю: радуися кнѣже нашъ великїи, древнїи Ярослав, а новїи Александръ, радуися добрый пастырю светлоруское, радуися врагомъ побѣдителю. Кнѣже великїи рече: помощію божіею і прѣсвѣтыя Бдѣцы і молитвами сродникъ нашихъ свѣтыхъ мѣнкъ Бориса і Глеба і моленіемъ рускаго свѣтителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя ігумена Сергія техъ всехъ молитвами супостатъ своихъ побѣдихомъ, отче, мы же спасохомся і на свою степенъ возвратихомся в славный град Москву, аки волковъ злохитрыхъ, отче, от стаду христова, от православныя веры христіанския отгонихомъ. Кнѣзь же великїи поиде в славный град Москву, митрополитъ же повеле пѣти стихи бгѡродичны і мученичны. І великая кнѣгиня Евдокія вѣстрѣте великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича во градныхъ вратехъ во Ороловскихъ со многими воинскими женами и с своею снохою; і увидевъ своего гѣдря великаго кнѣзя

Дмитрея Ивановича і нача плакати от великия радости і рече великая кѣгня Евдокия гѣдрю своему великому кнзю: нынѣ ты, гѣдря славнаго во чѣвцех великаго кнзя Дмитрея Ивановича узрю, аки солнца на небе восходяща і светящу всю рускую землю. Кнзь же великий увидев свою великую кѣгню Евдокою і свои две малые отрасли — кнзя Василия Дмитриевича, да кнзя Юрия Дмитриевича, і возрадовашася радостію великою zelo. І рече кнзь великий детем своимъ: яко вы црѣствуете во вѣки. Поиде же кнзь великий с своею великою кѣгнєю і с своими детьми і вниде в славный град Москву і поиде во црков ѣбснаго воеводы архистратига Михаила і моляшеся святому его образу і речѣ: заступникъ нашъ еси архистратигъ ѣбесныхъ силъ воевода, на ты надѣмся во веки, помилуй нас. И знаменася сѣтымъ его образом і поимъ иде ко гробомъ благоверныхъ великихъ кнзевъ прародителей своихъ и рече со слезами: вы бо есть нѣши пособницы і молебницы ко общему вѣдце нашему Бгѹ, яко да вашими молитвами спасохомся от супостатов нашихъ. І изыде из цркви з братом своимъ со кнземъ Володимеромъ і с литовскими кнзи і поиде во црквъ сѣтыя Брѣцы честнаго ее Успения і вниде во цркв, став пред образомъ пречистые Бѣцы і рече: Воистинно ты Лука евагелистъ написа, Гсѣже црѣе, крепкая еси крѣстьянская заступница, тобою познахомъ истиннаго Бга. І прииде ко гробу сѣтеля Петра митрополита і ставъ у гроба его сѣтаго і нача молитися со слезами: ты еси, преблаженне Петре, спасителъ нашъ, крепка твоя есми паства і намъ прояви тебя Гсѣдъ Бгѣ нашъ последнему роду нашему і вжегъ ты намъ свещу неугасимую і твоею молитвою побѣдихомъ враги своя. Скончав молитву і изыде изъ церкви і поиде во свое мѣсто в набережныя хоромы і сяде на своемъ престолѣ и нача молитися Бгѹ і утѣшаться.

В то время прѣподобный игуменъ Сергій з братією вкуси на трапезе брашна, не по обычаю воставъ от трапезы і достойно сотворилъ, і ре(че) игуменъ Сергій ко братіе своей: весте ли, братія, что есть вы отвѣщати не можете ко мнѣ. Они же рекоша к

нему, отче святыи, не вѣмы и что отвещати. Преподобныи же игумен Сергій і рече: кнѣзь великїи Дмитрей Иванович здравствуетъ і пришел на свои престолъ, на дедину, вотчину свою въ славныи град Москву і враги своя побѣдил. І воставъ от трапезы з братією поиде во цркъви і нача пети молебен за великаго кнѣзя Дмитрея Ивановича і брата его кнѣзя Владимира Андреевича і за литовскихъ кнѣзем і за все хрстолюбивое воинство і рече: братия моя, силнешши ветри на тихость преложишася. І рече, аз есмь вамъ не повѣдал, пришла вѣсть ко мнѣ во вторымъ день, яко побѣдихъ кнѣзь великїи супротивники своя, і опятъ ко мнѣ вѣсть пришла, яко во осмыи день кнѣзь великїи з Дону пошел на свою вотчину во славныи град Москву, і какъ будет на резанской земли, і услыша то князь Олгъ резанскїи, яко кнѣзь великїи побѣдил враги своя, а идетъ нынѣ по резанской земли, Олгъ же кнѣзь резанскїи убояся великаго кнѣзя, из вотчины своея из резанские земли убежавъ; кнѣзь же великїи пришел на Коломну з Дону во осмыи день і поиде с Коломны в пятыйи день, а к Москвѣ пришелъ в шестыи день. І изыде ис цркви. Кнѣзь же великїи пребысть на Москве четыре дни і поиде кнѣзь великїи Дмитрей Иванович к живоначальной Троице во обители ко отцу своему прѣподобному игумену Сергию. Преподобныи же игумен Сергій услышавъ великаго кнѣзя пришествіе ко свѣтѣи обители і встрѣтѣ его со кресты и чудотворными іконами і со свещами и с кандилы со благодареніемъ близ монастыря святыи обители. Преподобныи же игумен Сергій знаменавъ крестомъ животворящимъ великаго кнѣзя і рече прѣподобныи игумен Сергій: радуися, кнѣже нашъ, и веселися хрстолюбивое воинство. І вопросы его прѣдбныи игумен Сергій о своихъ служебникахъ, а о его изволницахъ. І рече ему кнѣзь великїи: отче, твои служебницы, а мои изволницы теми побѣдихъ враги своя; твои, отче, вооружителъ рекомыи Пересветъ побѣдилъ подобнаго себе Печенега; аще бы не Пересветъ побѣдилъ его, іно бѣ, отче, от него многимъ людемъ пити от него смертная чаша. Кнѣзь же великїи Дмитрей Иванович у прѣдбнаго игумена Сергия во обители бывъ і благословеніе от прѣдбнаго игумена примъ, а поиде из

мнѣстря на свои престолъ на великое кнѣжение въ славный град Москву і воиско свое дарив златомъ і сребромъ довольно и честію, розпусти кождо восвоися, славяще Бѣа і святую, Троицу Отца і Сына и Стѣаго духа. А безбожный же црѣ Мамаи тогда не во мнозе силе убежавъ во свою землю і видя себя побита і побеждена и посрамлена і поруганна і паки гневашася и яряся зело. І собра остаточною свою силу і еще восхоте итти ізнова на рускую землю. І сице ему мыслящу, і сиі прииде к нему вѣсть, что идеть на него некїи црѣ с востоку, імянемъ Тахтамыш, из Синие орды. Црѣ же Мамаи, иже на ны рать уготова, і с тою готовою ратью поиде противу црѣ Тахтамыша. І стретоша его на Колкахъ і бои с нимъ сотворили велии зело. Црѣ же Тахтамышъ победив црѣ Мамаи і прогна его. Мамаевы же кнѣзи сседше с конен своих і биша челомъ црѣ Тахтамышу і дея ему правду, яже во своен вѣре, і яшася за него, а царя Мамаи оставиша поруганна і посрамленна. Црѣ же Мамаи видеи срамоту свою і гибель нати собою і побеже со едиными мышленными своими кнѣзи і вземъ нѣхъ црѣства своего много злата. Црѣ же Тахтамышъ посла за нимъ воиско свое в погоню. Мамаи же гонимъ бысть воискомъ тактамышевымъ, і побеже црѣ Мамаи вов Орязскую землю; прибежав близ града Каеи і сослашася с каеинцы і моля ихъ по докочанью і по опасу, дабы его приняли к себѣ на избавление, дондеже избудет от всех гонящих его. Каеинцы жъ і Орязи повѣлѣша ему внийти во град на соблюдение. Мамаи же по повелѣнью і по совѣту ихъ прииде во градъ Каеи со множествомъ імѣния, злата и сребра. Каеинцы жо увидѣша у него множество імѣния, злата і сребра и совѣщася со Орязи і сотвориша над нимъ обѣсть і тутю Мамаи убиша. И тако конецъ безъбожному Мамаю.

Сказаніе.

Передѣлка IV-й редакціи.

(Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII, № 209, к. XVII в.).

Сказаніе о приходѣ безбожнаго царя Мамаѣ, како приходилъ в рускую землю с воиноу и хотѣлъ раззорить Богомъ спасаемое царство христіанское, богохранимый царствующій градъ Москву и окрестныя грады і веси, и порудить православную вѣру христіанскую, при князе Димитріе Иоанновиче Донскомъ, и о побѣде великаго князя Димитрія Иоанновича и о храбрости его и мужествѣ, како побѣдилъ безбожнаго царя Мамаѣ и силу его воинскую.

В лѣто 7500. Хотите ли, братіе, извѣстно вѣдати новыя побѣды, како случися на Дону великому князю и государю руския земли Димитрію Иоанновичу і всему православному христіанству сыновом ростим со бѣзбожными агаряны, и како возвыси Господь родъ христіанскій над погаными и уничижи и посрами суровство ихъ. Икоже иногда Давидъ Голияда поби и Геденъ Маднамы і Моисей Фараона. Также и здѣ повѣда нам величество божіе, како Господь возможе великому князю і всеа росііския земли государю Димитрію Иоанновичу Владимірскому и Московскому над безбожными татари.

Божимъ ізволениемъ за грѣхи наша подвижесе царь отъ восточныя страны, имянемъ Мамай, еллинъ сынъ родомъ, вѣроу идоложрецъ и іконоборецъ злыі, христіянский гонитель и мучитель. І въиде в сердце его подстрекатель дияволъ, всегда бо дѣеть непрестая пакости христіяномъ, и научи сего злодѣя, како бы раззорити вѣру христіянскую и прѣкви божія осквернити и разрушити і вес родъ христіянский потребити и в конецъ погубити. А не вѣдая окаянный, егда изыдетъ духъ его і возвратится в землю свою, в той день погибнуть вся помышления его. Сію бо святую і непорочную вѣру суемысленныі Мамай потребити хотѣтъ, но самъ окаянный от Бога потреблень бысть. Господь же всемогущъ, елико хоцетъ, то и творить.

Безбожный же царь Мамай, нача рвеннемъ диявольскимъ поносимъ бывати і ревновати первому отступнику царю Батыю, иже прежде Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, тому окаянному озлобити христіянство. И нача то окаянный испытovati у старыхъ мурзъ своихъ, како тоі царь Батый плѣнилъ руссіскую землю и что ему случилось отъ нихъ. Они же ему сказаша всю істинну и боі всѣ по ряду, і како той царь Батыі пленилъ градъ Клевъ і Владимиръ і всю русскую землю і великого князя Георгия убилъ і иныхъ князей руссіскихъ избилъ и князя Юрія Ингоровича рязанскаго побилъ и землю рязанскую разрушилъ и мѣста святые опщежителныя раззорилъ и осквернилъ и святую церковь златоверхую разграбилъ, і ослѣпи ихъ за то Богъ очи ему. И не разумѣ сего окаянный—Господь что восхоцетъ, то и сотворитъ, яко же бо во дни Іерусалимскаго плѣнення бысть, егда Навходоносоръ, перскій царь, плѣнилъ градъ Іерусалимъ і три отроки и Даниіла пророка. Да не до конца прогнѣвается, ни в вѣкъ враждуеть. Слышавже то безбожный царь Мамай отъ своихъ ему Агаряпъ и нача окаянный подвижень быти на родъ христіянский, на христомыянитое наслѣдіе, на избранныі жребіи божія достоянія, і палимъ дияволомъ непрестанно, и нача глаголати своимъ пашамъ і санчакомъ і воеводамъ: «Азъ не токмо хоцу сотворити, яко же Батыі и когда доиду до Руси, тутъ побію князя

ихъ, гдѣ довлѣетъ намъ, тут и сядемъ і тихо и кротко і безмятежно поживемъ». А не вѣдая того окаянный, яко Господня рука высока есть. І повелѣ воинству своему совокуплятися.

По малехъ же днехъ перевезеся великую реку Волгу со всѣми силами своими, со многими ордами і цари и князи, иже бѣ воинства его ѿ,н,г. А послѣ того числа прибыло два алпauta двора великие, і тѣмъ уже числа онъ не вѣдалъ. Царь же Мамай, пуская ихъ, і рече имъ: «Обогатѣте рускимъ златомъ и серебромъ». И оттуду окаянный поиде і князи его на рускую землю, яко волцы гладныя, воюще і яко лвы свирѣпыя рыкающе, желающе пролити кровь христіянскую. И доидоша реки, глаголемыя Воронежа і видеъ царь Мамай, яко невозможно воинству его прекормитися на Воронеже, и распусти воинство свое все и заповѣда всѣмъ, яко ни ѣдинъ не пашеть хлѣба, но будѣ готовы на руския хлѣбы.

Слышавъ же то Ольгъ князь рязанскій, яко царь Мамай кочуетъ на рекѣ Воронеже и хочетъ ітти на Русь, на великого князя Димитрія Ивановича Московского. И о семъ велми оскорбѣ о напрасномъ царевѣ нашествіи. И во иступленіи ума бысть і оскудѣ умомъ своимъ. И посла послы своя ко царю Мамаю с великою честію і з дары многими і послание списа сидевыми глаголы: Восточному и сильному царю во царехъ Мамаю, твоі посаженикъ і присяженикъ рязанскій князь Ольгъ много молю тя. Слышавъ, царю, что хочещи ітти на рускую землю, на своего служебника, а на моего сопостата Димитрія Ивановича Московского, и хочещи огрозити его. І нынѣ, царю, приспѣ тебѣ время: злата и серебра много ісполнися земля роская, а князь Димитрій человекъ смиренъ есмь, егда услышитъ имя твое царевое і грозное твое страхование силы величества твоего, то отбѣжит в далныя грады, в великій Новградъ или на Двину к морю, а то все богатество его в твоей руде будетъ і твоему воинству в потребу будетъ. І меня же, царь, своего раба Олга рязанскаго да пощадитъ держава твоя. Но и еще тебѣ, царю, извѣщаю на твоего слугу, а на моего сопостата князя Димитрія Московского,

что приходил в мое княжение в землю рязанскую, і грады моя силно поимал, і меня твоего раба князя Олга под свою державу подвел. О семь молются, да освободит мя его держава твоя. По семь здравствуй.

И паки иныя послы посылаетъ князь Олгъ ко Олгерду, литовскому королю, возвѣщая ему царево нашествие, і епистолию к нему посла, в неі же писание імуще сиче: Князь Олгъ рязанскі к тебѣ великому литовскому королю Олгѣрду пишу радоватися тебѣ о семъ. Вѣмъ, яко издавна мыслиша на князя Дмитрия Ивановича Московского еже с Москвы согнати и тебѣ Москвою владѣти. А нынѣ же намъ приспѣ время: царь Мамаі грядетъ на твоего нѣдруга, а на моего сопостата і на всю рускую землю. Нынѣ же приближися ко царю Мамаю. Вѣмъ бо, яко царство тебѣ дастъ Москву і иныя грады от твоея власти тебѣ есть, а мнѣ дастъ Коломну і Владимир і Муром и іныя грады от моея власти мнѣ есть. Аз же посла своего послалъ к нему такоже і ты к нему дары пошли и пиши к нему от себя, елико самъ вѣси болши меня.

Корол же Олгердъ литовскі, слышав вѣсти сия, велии радъ бысть, і посем честь велику велии воздасть послу его. И посла Олигердъ король литовскі своего посла ко царю нечестивому Мамаю с великими дары і писания к нему написа же сичевыми глаголы: Грозному и великому царю во царехъ Мамаю король Олигердъ литовскі, твоі посаженикъ и присяженикъ, пишу радоватися. Вѣсть нѣкая во уши моі вниде, яко хоцещи улус свої воевати князя Дмитрия Ивановича Мосского і всю рускую землю плѣнити і грады его под свою державу подводить. Се ти есть пришло время и приспѣ часъ, злата і сребра велии наполнися земля руская. Да еще ти, царю, пишу и молю, извѣщаю на твоего слугу, а на моего злодѣя, на князя Дмитрия Ивановича Московского, что онъ приходил в мою землю воіною і грады моя за себя силно взялъ, і меня твоего раба под свою державу покорилъ. Такожде сотвори и Олгу князю рязанскому, твоему рабу. Такожде і меня своего слугу да пощадить держава

твоя и оборонить от насилия великого князя Дмитрія Московского. И аще помилуешь насъ держава твоя, і к нам твоимъ рабомъ пріятелство будет, то будемъ ти помощницы на твоего холопа, а на нашего сопостата князя Дмитрія Ивановича Московского, і срѣтити ты имамы с вѣликими силами честнѣ, і тако услышитъ князь Дмитрій Иванович твое грозное імя і величество силы твоея и нашу присягу, то отбѣжитъ в далнія грады, в великіи Новградъ или на Двину к морю, но и отуду его царским твоим імянем, яко птицу возмутъ і в рuce твоі предадут, злато же и сребро, то все будет в твоеі рuce і твоему воінству на потребу будетъ.

Тако бо князь Олгъ резанскіи і Олигердъ корол литовскіи прелстишася и оскудѣша умом своимъ, яко младыі дѣти, не вѣдуще писанія, ни силы божія. Апостоль Павель рече: аще кто вѣру Богу держить з добрыми дѣлы і правду в сердцы своемъ, імать враговъ побѣдити.

Князь же великіи Дмитреі Ивановичъ, не вѣдая сего злаго царева на себя нашествія і что князь Олгъ резанскіи и Олигердъ король литовскіи совокупились ко царю Мамаю. И быша у великого князя Дмитрія Ивановича в полѣ устроены крѣпкіе сторожи, імянем Семіон да Родион Жидовиновъ, да Андреі Попов сынъ Семеновъ, да Феодор Стремник і иныхъ многихъ удалыхъ великого князя двора ѣ человекъ.

В тоже время после Ільина дни великіи князь Дмитрій Ивановичъ у себя на пиру в набережном терему чашу поводи за брата своего князя Владимира Андреевича за здравіе, и в то время приходил стражъ Андреі Попов із поля и говорил великому князю Дмитрію Ивановичу тако: Нѣсть ти нынѣ время, княже, веселитися, нынѣ время есть Богу молитися, посемъ что тебѣ государю тихо и бѣзмятежно державствовать. Нынѣ ідетъ на тя гордъ царь, імянем Мамаі, со всеми силами своими риомскими, а нынѣ стоитъ на рекѣ Воронеже, і мы его силу объѣжали въ ѣі днѣ, і подстрѣлили сторожи царевы коня моего и меня попоимали и к царю привели. И царь у меня спрашивал:

вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю князю Дмитрию Ивановичу, что аз іду к нему в гости с великим воинством, а силы моя ѿ орды і ꙗꙗ црства, а князеі со мною ѹт, опроче полскихъ баловныхъ, а силы моя ѿ ѿ, н, г, і послѣдѣ моего числа прибыло два алпаута великихъ двема своимъ дворы, и тѣмъ дѣ я числа не вѣдаю. Может ли де мой слуга, а вашъ государь всѣхъ нас накормити і одарити, і меня царь велѣлъ по полкомъ водити и казати ми оружие, еже на брань і на взятие рускихъ градовъ. І привели мя опять предѣ царя. Но милостию божіею святыя живоначалныя Троицы и молитвами пресвятыя Богородицы і преподобнаго отца Сергія и твоимъ государевымъ счастиемъ избѣжалъ отъ рукъ отъ самаго царя и пришель къ тебѣ государю с вѣстію.

Князь же великій Дмитрій Ивановичъ Московскій услышавъ сию вѣсть, в недоумѣніе приде и въ скорби велицей бысть і възпріа смирення образъ, желая небеснаго житія получитьи. Не вѣдая же князь великій Дмитрей Ивановичъ, что ближніи на него зомъ совѣтъ совѣщаваютъ. О таковыхъ бо рече божественное писание: Не сотвори искреннему своему зла и поношения не приять на ближняго своего.

Придоша же отъ Олга рязанскаго князя да отъ Олгерда Литовскаго короля послы ихъ къ безбожному царю Мамаю послы ихъ с честью великою и дары многими і грамоты ему подаша и поклонишася. Царь же Мамайъ воспріять грамоты и прочетъ ихъ і дары ихъ приять і пословъ ихъ одари и начатъ глаголати со своими болшими князьми, с мурзы і воеводами: «О храбріи мои витязи і велемошни мои богатири і все мое воинство. Видите ли, како прелшають насъ Олгъ князь рязанскій і Олгердъ король литовскій, како оставяють они свою вѣру и законъ і стануть противитисъ великому князю». Они же послы рекоша: «Государь царь, ты во вѣки царствуй, а нѣтъ отъ нихъ лсти къ тебѣ ни единая, но обоятся имяни твоего грознаго. А се князь Дмитрій предъ ними престушилъ і велику обиду имъ сотвори». Царь же рече: «Мню, яко они во единомъ совокупленнѣ будутъ на мя. Нынѣ же,

рече, развие межъ ими великъ несовѣтъ». І послѡвъ тѣхъ чествовал и отпусти ихъ и отписал ко Ольгерду литовскому королю и Олгу князю рязанскому. Елико писасте вы ко мнѣ и хвалю вас и на дарехъ вашихъ кланяюся. Вѣдомо вам буди, сколько захощете рускіе отчины, но тѣмъ одарю вас, но токмо присягайте ко мнѣ і срѣтите мя со своими силами и да одолѣете нѣдруга своего, а мнѣ убо ваша помощь не удобна есть велии, аще бы аз хотѣлъ, то плѣнил бы древній Иерусалимъ своею силою. Да чести ради вашея прииму васъ, не вас бо ради, но моимъ именемъ распужен будетъ князь Димитрій Московскій і да угрози́тся имя мое во всеі странѣ вашей.

Послы же возвратишася отъ царя і сказа́ша по сердцу ихъ, яко царь васъ здравствуетъ велии за хвалу велику. Они жъ скуднымъ быша умомъ своимъ о суетномъ привѣте безбожнаго царя Мамаѣ, никако же помянуша закона божіа, ниже въ заповѣдехъ его восхотѣ́ша ходити. По семъ же Олгердъ король литовскій нача вопрошати у посла своего Бартяши. І рече: «возвести ми, Бартяше, ходилъ ты послѡмъ ко царю Мамаю, а вѣмъ, яко мужъ еси ты твердъ разумомъ і многіе воинства и царства заобычеі тебѣ. Скажи ми, каковъ грозныйъ царь Мамаі, мню, яко страшно есть велии его видѣти, а воинства чаю у него много и крѣпко зѣло». Бартяша же къ нему рече: «Милостивый мой государь Олгердъ кра́ль литовскій, аще ли повелиши сказать мнѣ, повѣмъ, господинѣ, во истинну. Царь Мамаѣ возрастомъ средній, а въ речахъ не памятливъ, но гордъ велии, а воинства у него многое множество, да всѣ, аки овцы безъ пастыря ходятъ, гордостію превознесенны. Аще, господинѣ, устремится ітти противу его московскій самодержецъ князь Димитрей Ивановичъ, чаю, господине краљу Олгердѣ, разпутить ихъ, яко овецъ і крѣпко разбити его имать», Олгердъ же литовскій король, слышавъ отъ посла своего Бартяшу словеса сѣя і рече, яко хулу глаголетъ. Рыкнувъ аки левъ, съ мѣста своего скочивъ, мечъ свой подхвативъ, хотя Бартяшу уразити по устамъ. Паны жъ ту предстоящій, скоро кинувшеся, воздержали Олигерда і рекоша ему: Предстані,

господине, что ты сердитуешь, сам ны спросил еси. Олгердъ же яряся, хотя убить Бартяшу, съ яростию рече к нему: О злая главо, како ты смѣши, такие словеса глаголати про такового силнаго государя царя над цари, ему же вес свѣтъ противу стояти не может, о окаянне! І плюну на лице его. Бартяша же отвращся от него, отступи мало. Паны же рекоша къ Бартяши потиху: «почто тако сказал еси всю правду». Мнози же тогда панове ужаснулись сердцемъ, слышавъ о Мамае, что рече о нем Бартяша. Олгердъ же литовскіи король сердцемъ желалъ к Мамаю, князь же Олгъ резанскіи такоже. О таковыхъ написа Лука еуангелистъ во апостоле рече: жестокии и необразнии сердцемъ, овни противящесе духомъ святымъ.

Олгъ же нача поспѣшати і послы своя посылати к безбожному царю Мамаю, глаголя, яко подвизаіся скоро, царю, къ земли руской. О таковыхъ патерикъ речѣ: о нерассуженныхъ пути злыхъ неспешаются, но собирають себѣ осуженный понос, правыхъ же пути поспѣшаются.

Князь же великии Димитриі Иоанновичъ слышавъ приходъ безбожнаго і зловѣрнаго і гордаго царя Мамаю і сущихъ с нимъ скверныхъ печенѣгъ і тмочисленныхъ борецъ, идущихъ на все православное христіанство от своего сторожа Андреа Попова, і сердцемъ своимъ велии поскорбѣвъ і рече: На Господа уповахъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ чловѣкъ. І вскоре посла в Боровецъ градъ по брата своего князя д Владимира Андреевича. І вскоре приехавъ князь Владимиръ Андреевичъ к Москвѣ. Князь же великии Димитриі Ивановичъ срѣте его по достоянию і любезно обლობыза его і вземъ его за руку і веде его во внутреннюю палату свою і сяде с нимъ наединѣ і рече к нему: «Слышал ли еси, брате, приходящую на ны скорбь великую от нахождения безбожнаго царя Мамаю і сущихъ с нимъ суровѣщихъ варваръ тмочисленныхъ». И отвѣща ему князь Владимиръ Андреевичъ: «О великии государь князь Димитрій Ивановичъ, глава еси ты, государь, всѣхъ главъ земскихъ, государь всеі російской земли. Како ты о семъ держиши велику печал, яко же

Господеви воля, тако і буди. Подобно, государь, всемъ намъ любезно умрети і главы своя положить за святѣя божія церкви і за вѣру христіанскую і за тебя, государя великого князя Дмитрія Ивановича, нежели намъ срамень животъ жити под рукою нечтиваго царя Мамаѣ. Лутше, государь, намъ почесту смерть принять».

Князь же великій Дмитрій Ивановичъ, слышавъ сие слово отъ брата своего князя Владиміра Андреевича і взявъ его за выю и любезно его лобызая. И повмъ великій князь Дмитрій Ивановичъ брата своего князя Владимира і всѣхъ князеі русскихъ і поиде в соборную прѣковъ пресвятѣя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріѣ честнаго і славнаго ея Успения і припадаетъ со слезами къ чудотворному Ея образу, моляся сиче:

Молитва. О пресвятая госпоже владычице Богородице, выщи еси всѣхъ ангель и архангель і всея твари честіѣиши. Призри нынѣ, Госпоже, отъ святаго жилища твоего на насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ твоихъ, избави насъ лежащая сѣя лютыя скорби отъ нахождения безбожнаго сего царя Мамаѣ і сущихъ безбожныхъ с нимъ варваръ. Избави, о пресвятая Владычице Богородице грады достоянія твоего и люди нареченныя во твое имя, умилосердися, Госпоже, на скорбящая рабы твоя, даі же намъ помощь смиреннымъ рабомъ твоимъ. Молися, Госпоже Владычице Богородице, Сыну своему і Богу нашему Ісусу Христу, и да препояшетъ насъ силою своею свыше на невидимыя і видимыя враги наша, да о нынѣшнѣе бѣды тобою избавльшеся и благодарно возопиемъ: радуса, Заступнице наша непостыдная.

И скончавшу ему молитву і приемлетъ благословение у преосвященнаго Кипріяна митрополита і речѣ ему: «Вѣси ли ты, отче, настоящую на ны скорбь, понеже ідетъ на насъ гордѣ царь, імянемъ Мамаѣ с восточныя страны, отъ сильныя орды со многими силами, и хощетъ нашу землю роскую плѣнити і родъ христіанскій погубити и церкви божія разорити». Преосвященный Кипріянь митрополитъ рече къ великому князю: «Государь князь великій Дмитрій Иоанновичъ, повѣжь ми, господине, чѣмъ еси

к нему не исправился? Князь же великий рече: «Отче, пред Богом согрѣшихъ, понеже человекъ есмь, а ему по отецъ своихъ закону еще наипаче воздахом». Преосвященный жъ Киприянь митрополит рече великому князю: «Видиши, господине, попу-щениемъ божіимъ, нашего ради спасения идетъ плѣнить нашу землю роскую, а вамъ, государемъ православнымъ княземъ, тѣхъ нечти-выхъ цареі подобаетъ дары утоляти четверицею сугубо. Да еще не смирится, то Господь Богъ смиритъ его. Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Яко же бо іногда случися великому Василю Кесаріискому, приде бо на него злый законопреступникъ Уліянь царь с Персы и хотя град Кесарі-скіи раззориті, Васили же великий со всѣми хрестіянны моляся Господу Богу и собра много злата і сребра и посла противу его. Он же наипаче возярьсь на него, и посла на него Господь Богъ воіна своего Меркурія, и уби Меркуріи божіею силою злаго царя Уліяна і всю силу его погуби. Такожде и ты, госу-дарь, еще пошли противъ его дары, елико имаши, наипаче еще предъ нимъ правися. Да аще того ради не смирится, то Господь Богъ всемошныи смиритъ его».

Князь жъ великий Дмитріи Івановичъ всего слатко послушавъ, аки отъ божіихъ устъ, сія словеса вменивъ і поіде отъ архіепископа в палату свою и начатъ совѣтъ совѣщевати с братомъ своимъ и со інѣми роскими князи і воеводы, кого послать посолствомъ к нечестивому царю Мамаю. Ізбраша юношу, доволна сущу разу-момъ и смысшленна умомъ, именемъ Захарію Тупишева, і отпусти с нимъ дары ко царю, злата і сребра многое множество. Заха-рія же доіде земли рязанскоі, и посланы с нимъ два толмача, горазднѣ умѣюща еллинскому языку. И послышавъ Захарія, что Олгъ рязанскіи и Ольгердъ литовскіи король совокупилися с Мамаемъ царемъ.

Князь же великий Дмитріи Івановичъ слышавъ сию вѣсть, что Олгъ рязанскіи и Ольгердъ литовскіи король совокупились с Мамаемъ царемъ, і начатъ сердцемъ двизатися, ярости великия и горести наполнися, і рече: «Господи Боже моі, аще бы ми

врагъ поносилъ і пакости дѣял, то подобаетъ противъ его терпѣти, искони бѣ врагъ поносить. А снѣ бо друзи мои ізкренниі, како умыслиша на мя злая. Суди, Господи, между ими і мною». И поимъ князь великіи брата своего князя Владимира Андреевича і всѣхъ князеі роскихъ и поиде вовторые к преосвященному Киприяну митрополиту, и пришедъ речѣ: «Слышалъ ли еси, отче, опять великую скорбь на нас. Олгъ рязанскій князь і Олгѣрдъ король литовскій совокупилися с Мамаемъ царемъ». Преосвященный жъ Киприянъ митрополитъ речѣ к великому князю Дмитрію Ивановичу: «Повѣждь ми, господинѣ, Господа ради, что еси имъ сотворилъ зла? Великіи же князь рече: «Отче святыі, никоего же имъ зла никако сотворихъ, токмо развие отъ нихъ дары прияхъ, такожде і самъ к нимъ посылахъ». Киприянъ же митрополитъ речѣ к великому князю: «О государю, великіи князь Дмитріи Ивановичъ, о семь тебѣ не подобаетъ, государю, быть в велико печали: кого Богъ милуетъ, того никто не можетъ ізженуть. Такожде тебѣ, государю, подобаетъ Богу молитися і вооружатися и по путемъ крѣпки стражи поставити».

Князь же великіи Дмитріи Ивановичъ поиде ізъ полаты отъ митрополита в палату свою и начатъ думу думать зъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со всеми роскими князи і воеводами, чтобы послать сторожу твердую в поле отъ велможъ разумныхъ и мужей крѣпкихъ. І посла на сторожу Игнатія Кренякова до Оому Тынинина да Василя Тушика да Григоря Судока і иныхъ многихъ нарочитыхъ і крѣпкихъ вѣдомыхъ удалыхъ мужей великого князя двора. И повелѣ имъ близъ Орды ѣхать до быстрые реки Воронежи, чтобы со всякимъ усердиемъ языки добывать, чтобы истинну слышати царева хотѣнія. И та сторожа в полѣ замѣдлѣла. І послаша вторую сторожу. Послалъ на сторожу Петра Горского да Карпа Олексина да Петрушку Чуракина, и повелѣ имъ возвратитися вскоре.

Они жъ стрѣтили Василя Тушика, вѣдуща языкъ к великому князю. Языкъ же той сановитъ, царева двора. И той языкъ повѣда великому князю, что неложно идетъ царь на Русъ и сово-

купилис с Мамаем царемъ Олгъ резанскіі і Ольгердъ король литовскіі. А не спешит того радп итти царь, но осени требуетъ. Князь же великкіі Димитріі Иоанновичъ, услышав то неложное востание безбожнаго царя Мамаю, и начат утѣшатис о Бозѣ і учал укрѣпляти брата своего і всѣхъ князеі роскихъ, рече к нимъ: «Братія моя милая, князи рускіі, боляре и воеводы! Гнѣздо есмы великаго князя Владимира прадѣда нашего, крестившаго землю нашу рускую; он же заповѣда нам сию православную вѣру крѣпко держать і побарать по неі. Аще здѣ кто добре постраждетъ за сию православную вѣру, то во ономъ вѣце со святыми равенъ от Бога венець приімет. І аз бо, братія моя, хочу пострадат, даже і до смерти».

Князь же Владимиръ Андреевичъ і всѣ князи рускіе, аки едінеми усты рекоша: «О государь князь великкіі Димітреі Іоанновичъ! А мы готовы днес всѣ с тобою возжелѣнно і почестно умерети по Христѣ, главы своя положить за вѣру христіанскую і за твою, государь, великую обиду». Князь же великкіі Димитріі Іоанновичъ, слышавъ сія словеса от нихъ і Бога попремногу благодаривъ, і начать утѣшатися о Бозѣ.

Посланный же посолствомъ от великаго князя Димитрія Іоанновича Захарія Тупишевъ, приіде со златомъ к нечестивому царю Мамаю. І взяша его мурзы, князи і воеводы і поставиша его предъ царемъ Мамаемъ. Захарія же все злато, что с нимъ послано, повелѣ имъ предъ царемъ Мамаемъ положить, і начать посольство свое правити и рече: «Государь нашъ князь великкіі Димитріі Іоанновичъ владимирскіі, московскіі, во отечествѣ своемъ здравствуетъ на Москвѣ і твоего царьскаго здравія велѣлъ вопрошати, а сие злато царьскіе тебѣ почести, і велѣлъ тебѣ челомъ ударити твоему величеству». Царь же, увидѣвъ многое і множество злата ради, велии возярис і повелѣ злато козакомъ взяти і рече имъ: «Возмѣте злато, московскаго князя дары, да купите себѣ плети на кони своя, злато и серебро твое, Димитріе, будетъ в моеі руке, а самово тебя велицеі казни предамъ». И рече царь: «Возвѣсти ты мнѣ, Захаріе, многолѣтенъ ли Димитрей, ратаѣ

мой? Аще ли онъ млад, то помилю аз его, ради милости, і возму его во дворъ свої і научится моего царьского обычая. І аще ли он стар, і аз его велицеі казни предам іли заставлю у себя пасти стада велблужьі». Тако ему рекшу окаянному. Захария же, стоя пред царемъ, ісполнися ярости і горести, і рече: «О царю, что глаголеши таковое безуміе сие про таковаго силнаго государя, ему же і вес свѣтъ стоять не можетъ». И тутъ стоятъ царевы болшиіе мурзы і воеводы і выхватили ножи і хотѣли Захарию ізрѣзать на уды. І рече Даускалдакъ татаринъ: «Что ты, русьнинѣ, говоришь стрѣшно такому великому царю надъ царі». И рече царь: «За красоту твою і за премудрость твою не велю тя погубити». І паки рече царь к Захарии: «Служи ты мнѣ, Захария, і аз сотворю тя велика властителя в Росіи, сеі, и будеши подобенъ Димитрию, ему же ты нынѣ служишь». И рече Захария: «О царю, не подобаетъ тебѣ у себя меня посла держати; нынѣ отпусти мя к Москвѣ, аз к тебѣ возвращуся с Москвы, да нынѣ же пошли со мною своїх татар сановитых своего царьского двора, чтобы им быть на Москвѣ і Москвою владѣть і судить». Он же безумный і высокомысленный царь вскоре повелѣ грамоты писать к великому князю, а в грамотѣ сиче писахъ:

Царь царемъ Мамаі і многимъ землямъ государь, рука моя многимъ царствы владѣть, и десница моя на многихъ царствахъ лежитъ, ратаю моему Димитрию московскому. Вѣдомо ли тебѣ, что хощетъ рука моя казнити тя, і ты себѣ раніе животом своим промыслиаі. Аще еси млад, і ты вскорѣ приіди ко мнѣ, і аз помилю тя, ради младости твоея і возму тебя во дворъ свої. Аще ли старъ еси, то повѣлю ти пасти стада велблужьі. А тебѣ бы, Захария, вскорѣ ко мнѣ возвратитис с Москвы, да послалъ аз Захариемъ четырехъ своих мурзъ, а с ними послалъ ѿ татаринновъ, а велѣмъ имъ быти на Москвѣ, вѣдать і судить.

І какъ доіде Захария земли рязанскоі и посла вѣсть тайно к Москвѣ к великому князю Димитрию Ивановичу, чтобы прислалъ

встрѣчу удалыхъ людеі двора своего. А тотаром говорит Захария: уже вас стрѣтятъ честно от моего государя. Они же высокоумиемъ гордящес, не вѣдуше погибли своея. Князь же великий Димитрій Иванович послалъ встрѣчу къ нимъ ꙗголовъ двора своего, велѣи имъ стрѣтитъ Захарию. Егда стрѣтоша, Захария повелѣ хватати і вязати татаръ. Тотары же сташа, яко ізумлени і начаша вопити, глаголюще: о великою прелестию прелсти насъ Захария! Захария же выбралъ изъ нихъ худаго татарина і давъ грамоту цареву, предрану надвое, і рече: «Шед, рцы безумному своему царю, яко не обрѣтохъ въ челоуѣцехъ безумнѣе его, а грамоту безумного писання твоего предъ свѣтлыя очи государя моего, великаго князя Димитрія Ивановича не принесохъ, самъ прочетъ ю и видѣвъ безумное твое писание, посмѣявся ему, а служить тебѣ, государю, радъ своимъ острымъ мечемъ надъ твоею главою». «И егда прииде татаринъ къ нечестивому царю Мамаю і дасть грамоту, предрану надвое. Царь же, скочивъ изъ мѣста своего, изпусти гласъ свой, сердито рече: «О коликою прелестию прелсти насъ, Захария!» І повелѣ окаянный воинству своему неуклонно подвигатися на Русь.

Захария же прииде въ славыі градъ Москву і челомъ ударивъ великому князю і всѣхъ татаръ связанныхъ привелъ. Князь же великий Димитрій Ивановичъ радостенъ бывъ, подивися разуму Захариину. І сотвори князь великий Димитрій Ивановичъ пиръ радостенъ і честенъ, і многими дары Захарию даровавъ.

На утри же прииде Захария къ великому князю і рече: «Государь князь великий Димитрій Ивановичъ! вскорѣ посылай грамоты по градомъ, вели воинству своему совокуплятисъ, либо, государь, ускорятъ поганіи приіти». Князь же великий повелѣ грамоты писать отъ великаго князя Димитрія Ивановича всеа Росіи московскаго, княземъ і бояромъ і всякому возрасту, челоуѣкъ чей, хто ни есть безъ мѣшкоты і бѣзъ ізмѣны, чтобы часа того шли і ѣхали въ преіменитыі градъ Москву, и собралисъ бы вси на мясопустъ пресвятѣи Богородицы, на Господинъ день, яко тамъ ізберемъ полки і дадимъ коемуждо полку воеводу.

И посемъ приідоша на Москву князи белозерские, да князи ярославские, чиновно і урядно конми і доспѣхи і шеломы значеными і оружіемъ велии вооруженно, много злата і великого бисера на портищах іх и на сѣдлахъ. І посемъ приідоша князи намболеіские, князь Борис, князь Роман Прозоровской, князь Левъ Купрьскіи, князь Дмитрии Ростовскіи. Тии всѣ суть велицы князи со своими полки приідоша, служаще великому князю Дмитрию Ивановичу, і иные многіе рускіе князи і воеводы і боляре мѣстныє. Вси бо приідоша велии вооруженны, подобни суть храбрымъ витяземъ.

Уже бо, братіє, стукъ стучит і гром грѣмит в славномъ градѣ Москвѣ, сильная рать великаго князя залочеными доспѣхи звенитъ.

Князь же великій Дмитрии Ивановичъ, видѣвъ воинства своего много множество и по премногу воздавъ хвалу Богу.

Посемъ восхотѣ князь великій поитти в монастырь к живоначальнѣи Троице, молебное пѣніє сотворити і к преподобному отцу Сергію ігумену, і благословеніє получить от святыя обители сеа. И моли его преподобныи со всею братією, чтобы у нихъ слушал в монастыри святую литургію. І великому князю нужно бѣ, пришли бо к нему із поля вѣстницы, что близятся погании татаровѣ. Князь же великій моли преподобнаго Сергія, чтобы ему ослабил. І рече к нему преподобныи: «Не спѣши, государю князю великій Дмитрии Иванович, сие бо замедленіє сугубо, Богъ ти поспешитъ». И паки рече к нему преподобныи старецъ таіно к великому князю: «Молися, государь, Господу Богу і пречистей его Матери, імаши бо побѣдити супостаты своя». И повелѣ святыи Сергіи воду освящати с мошми многыхъ святыхъ і окропив великаго князя Дмитрия Ивановича святою водою і все его воіньство і даде ему благословеніє і рече імъ: «Миръ вамъ, братіє, добрии воіни христови, постражите, імени ради Христова, да венцы победными увязетеса от Христа Бога і Спаса душамъ нашимъ». І рече ігумен Сергіи к великому князю: «Государь князь великій Дмитрий Ивановичъ, многу славу и

честь побѣда сия носить многимъ і в предѣ идущемъ вѣце. Многимъ же і венцы плетутся». І рече таіно: «І самово тебя, государя уязвятъ поганиі, но не к смерти, но к животу будетъ». Князь же великіи прослезі і рече: «Благая пріяхом от руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ». І поклонися к преподобному до земли і дары просить от преподобнаго. Преподобныі же рече к великому князю: «Елико довлѣтъ твоему государству». Князь же великіи Дмитріи Івановичъ речѣ: «Даждь ми, отче, воіна своего Александра Пересвѣта чернца і брата его Андрея Осляту і твоими святыми молитвами тии намъ пособьствуютъ, вѣдоми бо суть ратницы». Преподобныи жъ Сергіи повелѣ имъ готовитис. Они же не отвергоша словеса святаго старца, вскоре пригодишася. И дасть имъ преподобный Сергіи в тѣлѣныхъ мѣсто нетлѣнное оружие—крестъ Христовъ на схимахъ нашиты, і то имъ повелѣ вмѣсто шоломовъ возлагати на ся, вмѣсто же доспѣховъ—мантіи. І речѣ имъ: «То вамъ, братіе, непобѣдимое оружие». І дасть ихъ в руже великому князю і рече: «Се ти, государь, моі оружицы, а твоі изволницы». Князь же великіи Дмитріи Івановичъ поиде от преподобнаго Сергія ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое сокровище обрѣте, цесыі старче благословение на себѣ.

І приѣхавъ к Москвѣ, единому повѣда преосвященному Кипріяну митрополиту, какъ ему святыи Сергіи благословение подал і что ему рекъ. Архиепископъ же повелѣ ему сия словеса хранити, а не повѣдать никому.

Посемъ восхотѣ князь великіи Дмитріи Івановичъ изытти противъ безбожныхъ печенѣгъ, взя с собою брата своего князя Владимира Андреевича і всѣхъ князеі роскихъ і поиде во прѣковы святыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и приступивъ ко пречистому образу ея і начать умиленно молитис пречистому образу Пресвятыя Богородицы.

Молитва. О пресвятая Госпоже Владычице Богородице, всего роду христіанского помощница и кормилица. Ты, Госноже, Бога намъ родила еси, но родители твоі есть мы,

Авраамовѣ внуцы, а нынѣ, Госпоже, намъ, рабомъ твоимъ, велико гонение приспѣло. Свою же помощь пошли с нами, негнѣвную свою ризу от невѣрныхъ, да в ню одѣмся і нестрашливи будем ранами. А вѣмъ, Госпоже, что хочещи помощь подати намъ, рабомъ твоимъ на нѣвѣрныхъ, да не исповѣдуешъ намъ, мы же грѣшніи на твою помощь надѣмся і подвигаемся против ихъ.

Се рекшу великому князю ко образу пресвятѣи Богородицы со слезами і со многимъ умилением і поклонис до земли и поиде ко гробу блаженного Петра митрополита, всеа Россіи чюдотворца і рече со слезами: «О чюдотворче святителю Петре, ты прояви Богъ послѣднему роду нашему помощника і заступника намъ грѣшнымъ і молитвенника о душахъ нашихъ, і вжегъ над тобою свѣщу свѣтлую, і нынѣ о нас грѣшныхъ помолися Господу Богу і пресвятеи Богоматери Владычице нашої Богородицы, да погибнуть врази наши і исчезнуть, яко дым і растаются, яко воскъ от лица огню».

І се рекъ, поиде въ прѣков воеводы небеснаго архистратига божія Михаила і поклонис до земли образу святому его, слезы ізо очию іспущаяс. И приступив ко гробомъ православныхъ князеі прародителей своихъ і рече: «Вы істинніи наши хранители і по православоу вѣре поборники, аще ли имате дерзновение, то молитесь Христу Богу нашему о нашемъ согрѣшеніи, а нынѣ убо подвигаіте с нами». І сие рекъ, ізыде із церкви вон, и приѣмъ благословение і прощение с преосвященнымъ Кипріяномъ митрополитомъ і со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

Княгиня іже великая Евдокѣя со всѣми княгинями і боярынями и с воеводскими женами і множество народу, мужей і жен, плачуще и рыдающе плачемъ великимъ ко пресвятѣи Богородицы, вопиюще: «Помилуй, о пресвятая Владычице Богородице, государя нашего, славнаго во челоуѣцехъ великаго князя Дмитрія Ивановича, даруй помощь ему і на враги одолѣніе». Князь же великій Дмитрій Ивановичъ дастъ великой княгинѣ конешнее целование, а едва государь удержался от слез, тѣша

великую княгину. І рече к ней: «Аще Богъ по нас, то никтоже на насъ». А сердцемъ государь велми поскорбѣл. Такожде вси жены своїмъ мужемъ конешнѣе целование дали. І великая княгиня Евдокѣя возвратис с великими княгинями, в палаты свої поиде.

Князь же великий Дмитрій Ивановичъ ступив в златокованное свое стремя і сѣд на бурнатыи конь свой, і вси князи і бояре на свои кони всѣдоша. Преосвященныи же Кипріяны митрополитъ в той час попов і диаконов посла с живоносными кресты і со святыми мощыи і со святою водою во Олоровские врата і Николские врата, в Царякоостянтинские врата въ Бленинские врата, чтобы ся всякій человекъ воинской благословень пошел.

Княгиня же великая Евдокѣя взыде в златоверхиі свои терем і сяде на урундуце под южнымъ оконцем і рече: «Уже конешное зрѣти на великаго князя». І рече со слезами: «О чудотворна ікона Господжи нашея Богородицы і Приснодѣвы Маріи, сподоби мя грѣшную еще видѣти государя моего, славнаго во человекѣхъ великаго князя Дмитрія Ивановича, даруй ему побѣды на враги».

Князь же великий Дмитрій Ивановичъ раздѣлис з братомъ своимъ з княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, понеже невозможно бѣ воінству ихъ виѣститися единою дорогою. Самъ князь великий поиде дорогою Засенною на Прашево, а брата своего отпустил дорогою на Котель. І бѣ бо видѣти дивно і преславно рать і силу великаго князя: бѣша бо вси, аки соколы і урядно вооруженны конми и доспѣхи, пансыри и шеломы і оружиемъ зѣло вооруженны, яко во едино время і во един час ударити на сопротивныхъ, і един за единого хочеть умерети. Солнце же ему ясно сияеть на востоце, путь ему, государю, повѣдает, а по немъ вѣтрець кроткий вѣеть.

Того же дни на Москвѣ быша гости новгородцы с таваромъ, торгу ради: Микула да Иванъ Василевъ, сынъ Усатовъ, да Дмитреі Ключковъ, і с ними многіе іные гости. І видѣша велие гонение і скорбь великую православнымъ христіаномъ от христовеневистыхъ

агарянь і скоро возвратишася в великий Новград і, пришедше, возвѣстиша посадником великаго Новаграда. Они ж, слышавше, прискорбни быша зѣло о великомъ князе і скоро поидоша ко владыце Евѣимію, і пришедше рекоша: «Веси ли ты, отче, великую беду на нас, ідет бо на нас гордый царь Мамай со множеством татарскими вой і хощеть нашу землю русскую всю пленити, прѣкви ж божия і грады наша огнемъ поपालити, нас же всѣхъ мечемъ погубити. І сказываютъ, что князь великий Дмитрій Иванович і всѣ князи рускіе вооружилася противъ его і хотятъ похесъ желанно узрети і кровь свою пролити за святыхъ божия прѣкви і за вѣру христіанскую». Слышавъ же сѣ Евѣимій, прослезисъ і рече: «Яко же Господеви, тако і будетъ, да вы ко мнѣ, о чада, почто пришли есте і коея ради потребы». Они же ему рекоша: «Господине честный отче нашъ, ты, господинѣ, глава намъ всѣмъ словеснымъ овцамъ, да что намъ повелиши творити, мы бо хотимъ пострадати за вѣру Христову во единомъ мѣсте, сынове рускіи съ московскими вой і съ великимъ княземъ, а не можно, господинѣ, намъ оставити великаго князя Дмитрія Ивановича». Архиепископъ же рече: «Благодарю тя, Господи Боже нашъ, что такову благодать вложилъ въ сердца ихъ». И рече к нимъ: «Подите, братіе, велите собирать народъ къ вѣчью, і которую рѣчь народъ принесетъ, хотятъ ли ітти противъ поганныхъ іли нѣтъ». Посадницы же повелѣша звонити въ вѣчный колоколъ, повелѣша собирать народъ къ вѣчью і послаша многіе проповѣдники по улицамъ граднымъ, звати народъ.

І тогда многое множество сошлося народу на колокольный звонъ, і возвѣстиша сѣ всѣмъ народомъ о нашествіи безбожнаго царя Мамая. Народъ же возопи, аки ѣдиними усты рекоша: «Мы днесь должны есмы по Христѣ умерети». І заповѣдаша другъ другу, егда завтра услышите вѣчный колоколъ, всѣ будьте готовы съ конми и со оружіемъ на дворѣще у старика Николы, яко тутъ нарядимся по достоянію. На утро же съѣхалося все войнство. Архиепископъ же Евѣимій к нимъ приде на соборище, і той, возгласивъ, рече к нимъ: «Войнство великаго Новаграда, чада моя

милая, нынѣ хотите вы ѣтти на подвигъ спасенія, не утолите лицъ своихъ, ни ѣдин отъ васъ, отъ поганныхъ, да примѣте отъ подвигоположника Спаса Христа неувядаемыя венцы». І все воінство, яко едиными усты, рекоша ему: «Един Богъ, отче, нашъ свѣтъ во свѣте, славимый Сынъ едиnorodьныи, а мы всѣ должны по немъ умерети». Архиепископъ же вземъ честный крестъ і ограда воеводъ і все воінство і повелѣ многимъ попомъ і диякономъ все воінство оградити кресты і святою водою окропити. Архиепископъ же благослови ихъ, отыде восвояси.

Они же строішасъ весъ день, і до ноши ізобраша себѣ ѿ воеводъ крепкихъ і мудрыхъ зѣло: а—воевода Іванъ Василевичъ посадникъ, в-го сына его Андреа Волосатого, г-го—Оому Михайловича Красного, д-го Дмитрія Даниловича, е-го Михайла пана Лвовича, з-го Юрія Захаревича, а съ ними урядиша Новогорода воінства, ѿ. Во утрий же день восташа, всѣдоша на кони своя і наполнишася духа ратнаго і начаша, яко златозарнии орли по воздуху летати, ищущи восточныя страны свѣтлости. І вскорѣ въ ѿ день придоша въ преименитый градъ Москву, і возвестиша имъ—уже князь великийъ Дмитрій Ивановичъ во вчерашній день на Коломну пришелъ. Они же скоро поидоша на Коломну за великимъ княземъ. Не дошедше же Коломны за пять верстъ, сташа на рече на Сиверкѣ і послаша вѣсть къ великому князю. Посланцы жъ придоша і возвѣстиша ему: «Государь князь великийъ Дмитрій Ивановичъ, пришли къ тебѣ на помощь новгородская сила, ѿ воеводъ, а съ ними воінства, ѿ». Князь же великийъ радостенъ бысть і вопросы любезно посланника того: «Брате, далече ли отсюду воеводы ваши». Онъ же рече ему: «Государь, отселе ѣ поприщѣ». Князь же великийъ Дмитре Ивановичъ прослезися і рече: «Господи Боже нашъ, чудна дѣла твоя, и҆бѣна дѣемыхъ даеши въ помощь». І поиде въ полкъ къ новгородцамъ і видѣ воінство ихъ чинно и урядно конми і порьтищами і шеломы, много злата і великаго бисера на портишахъ і на сѣдлахъ ихъ. И зва государь воеводъ новгородскихъ і многихъ отъ воінства хлѣба ясти.

Повелѣ воінству своему выѣхать на великое поле. Сынове же ростиі наступиша на всѣ поля коломенские, не можно бѣ очима обозрѣти, но всюду, аки вешная вода разлилась колебалася: велии бо велико воінство. І стязи ревуть у саду Панѣилова. И учреди государь всѣ полки по достоянню. Себѣ взял полкъ белозерскихъ князеі, а брату своему Владимиру далъ ярославскихъ князеі; передовой полкъ Дмитрея Всеволодовича да брата его Владимира; болшей полкъ—князь Дмитрій да князь Феодор Шлетски; правая рука с коломенцы, воевода Іоанъ Радионовичъ Квашня; лѣвая рука—новгородская сила; сторожевой полкъ—Андрей Беутов да Костянтинъ Конанов; в матице же самъ благочестивый великий князь Дмитрій Ивановичъ і мнози воеводы крѣпкіе. І урядиша полки по достоянню, гдѣ кому подобаетъ стояти. І повелѣ возитисъ великую реку Оку всему воінству своему. Самъ же великий государь вземъ благословеніе у епископа коломенского Евѣимія, і все воінство, и перевезеся великую реку Оку со всѣми своими силами великими. І стаха на другой странѣ реки Оки і сочтоша великую свою силу і под которымъ воеводой сколько силы. І бѣ силы неісчетное множество, кованой рати в доспѣсѣхъ обрѣтоша ѿ, а протчему же воінству счету вскорѣ не возмогша дати, понеже в то время прибѣже Карпъ Алексинъ да Петръ Горскоі, приведоша языкъ к великому князю.

И той языкъ повѣда великому князю, уже бо ближаются поганиі татаровѣ. І поидоша отгуду вси сынове ростиі противъ скверныхъ і нечистыхъ печенѣгъ. І поідоша по земли рязанскоі. Князь же великий заповѣда всему воінству своему, да не прикоснутся ни единому власу.

Слышавъ же то Ольгъ рязанскій, что князь великий устрѣмися противъ нечестиваго царя Мамаѣ і ідетъ къ Дону со всѣми силами своими, і глагола Ольгъ: «Азъ по прежнему чаяхъ в себѣ, яко не подобаетъ рускому князю противъ восточнаго царя Мамаѣ стояти с копиемъ, а нынѣ азъ почто поползся есть ко царю Мамаю, а уже бы азъ помогъ великому князю, да отнюдь мя не приіметь, вѣдая ізмѣну мою. Аще ли к нечестивому царю при-

ложуся, но і пути застали рускіе люди, і аз буду гонител на вѣру Христову, ако же Святополка земля пожреть мя, не токмо княжения лишон буду, но и живота гонзу. Да аще бы можно было мнѣ послати ко Ольгерду литовскому королю, да се уже і пути нѣтъ. Да что бо Олигѣрдъ,—он бо не вѣдая Бога истиннаго, аз же разумѣхъ святыи законъ. Почто поползохся, окаянный аз, і бысть горши древних гонителей на вѣру Христову. От того начат Олгъ размышляти, откуда пріиде помощь великому князю, понеже стал онъ противу нас ѿ-хъ, а един вооружился. І рекоша ему бояре его: «Уже тому ѿ ден, такъ сказывали, есть в отчинѣ его едины от монастырей, в том монастырѣ калугѣр, Сергием зовутъ. Той прозорливъ духом, а дал ему от своихъ помощи ѿ чернца, сила велика, а се, сказываютъ, пришли к нему новгородская сила, чинно і урядно конми і доспѣхи і оружіемъ зѣло вооруженны і воинства много велики». Олгъ же, слышавъ сие от бояръ своихъ, і начат боле того блюстися і на бояръ своихъ стал яритис: «О чемъ вы мнѣ о томъ прежде не повѣдали. Аз бы шел і умолил і воротил царя нечестиваго, а нынѣ бо аще ни ѣдиному не помогу, какъ будетъ мнѣ от обоихъ мотчи прожить. Нынѣ же пребуду здѣс, дондеже услышу московского князя побѣду, і аз в то время приложуся к нечестивому царю Мамаю». И нача Олгъ с мѣста на мѣсто переходити со единомыслики своими.

Ольгердъ же литовскій король под предиреченнымъ урокомъ своимъ совокупи литвы множествомъ злата, чахов і ляхов і варягъ и агарянь і жамоть, і поиде на помощ ко царю Мамаю со множествомъ воі. І пріидѣ Олигѣрдъ ко граду своему Одоеву і слышавъ, что великій князь Димитрей Иванович московскій иде к Дону против нечестиваго царя Мамаю с великими силами, і о семь убоявся велики і пребысть отуду неподвиженъ; і начат размышляти о суетномъ привѣте і помыслѣ своемъ, і видѣвъ совокупление свое, размышляя: «к которому, рече, присягну. Аще к великому князю, і он мене не пріимет, аще ли к нечестивому царю, но и пути нѣтъ, уже бо застали пути рускіе люди». І о

семь нача рватис и сердитися і рече: «Кому не достанет чело-
вѣку ума своего, то все в чужей мудрости пребывают, ни-
коли же бывала Литва учима Рязанью. А нынѣ князь Ольг
изведе мя из ума, а сам наипаче мене погибѣ. Нынѣ же аз пре-
буду здѣсь, дондеже услышу московскаго побѣду, і аз в то время
приложуся к нечестивому царю Мамаю».

Слышав же то князь Андреі Ольгѣрдовичъ Половѣтскій,
яко велика туга і печаль наступаетъ великому князю от безбож-
наго царя Мамаю, і послалъ князь Андреі Олигѣрдовичъ Половет-
скій ко брату своему князю Дмитрію Олигѣрдовичу буквицу
малу, в неі же писание сичевыми глаголы: «Брату моему возлю-
бленному, князю Дмитрію Ольгѣрдовичу, радоватис тебѣ пишу.
Веси ли, брате, что отецъ нашъ Олигѣрдъ краля отринул нас от
себѣ, наіпа же мы нынѣ приближимся ко істинному винограду
Христову плодовицу і дѣлательному рукою Христовою, да вѣнцы
побѣдными увяземся от подвигоположника Христа Бога і Спаса
душамъ нашим, і поидемъ мы на помощь к благочестивому князю
Дмитрію Івановичу московскому, а станем отцу своему проти-
витис за нечестие его». И приим же сию буквицу князь Дмитріі
Олигердович і радостень бысть велми і рече: «Дай, Господи, і
мнѣ, рабу твоему, желание сие, дай же, Господи, тоже хотѣние,
кое брату моему князю Андрею Олигѣрдовичу». І в той час князь
Дмитрей Олигердовичъ послав насупротив буквицу малу к брату
своему князю Андрею Олигердовичу, в неі же писа сиче:
«Вѣдомо ти буди, брате князю Андрею Олигѣрдович, аз бо, брате,
готов побарать по словеси твоему і по вѣрѣ Христовѣ, а воін-
ства у меня по силѣ моей совокуплено не тоя ради брани, но
ради дунайскіх варягъ. А нынѣ убо з Богом, се таіно приспѣло
есть нам время, а истинно аз хочу по православной вѣрѣ побарать,
а отцу своему противитися за его неправду і за клятвен-
ное преступление, еже к князю великому Дмитрію Івановичу.
А истинно, брате, добро намъ помощь подать великому князю
Дмитрію Івановичу московскому. А нынѣ пришли ко мнѣ ме-
докупцы от пещеры і сказывают, уже великий князь на Дону, і

мы, брате, соїдемся на Сиверкѣ рекѣ с вої своими, да великаго князя постижем на Дону, да тѣмъ путемъ отца своего утаимся, чтобы не воротил нас со стыдомъ.

И по малехъ днехъ снидошася оба брата на Сиверкѣ рекѣ с вои своими і возрадовастася другъ другу, яко же древле Іосифъ съ Вениаминомъ. І увидѣвше они у себѣ воінства уряженно, м і радости быша велии і поїдоша вслѣдъ за великимъ княземъ і постигоша великаго князя на мѣсте, реченномъ Берестовѣ, за три поприща Дону стаща за обиду свою. Они же послаша вѣсть к великому князю, глаголюще: «Димитрей і Андрей Олигердовичи пришли к тебѣ на помощь со многими силами». Князь же великий Димитрій Ивановичъ рече брату своему і всѣмъ княземъ роскимъ: «Неудобно таковой вещи быти, что дѣти отца оставляют і хотятъ ему противитисъ». І посла к нимъ, глаголя: «Братия моя милая, Димитрій і Андрей Олигердовичи, не сумняйтесь вы умою своимъ, но пойдѣте вы посрѣди силы моея, і гдѣ мысль отца вашего належитъ». Они же опять послаша к великому князю с великимъ молениемъ: «Государь князь Димитрей Ивановичъ, ничего о нас не мысли, нѣтъ от нас к тебѣ ни единая лсти, но послал нас Господь Богъ на твою помощь. Отецъ нашъ отринул нас от себѣ, но Господь Богъ паки восприимъ насъ». Князь же великий Димитрій Ивановичъ, слышавъ сия словеса, радостенъ бысть, глаголя: «Господи Боже нашъ, чудна дѣла твоя». І в той часъ самъ государь с братомъ своимъ і со всѣми рускими князи поѣхавъ в стѣгение князеі литовскихъ і срѣте ихъ, радуяся і веселяся. И в тоі часъ послалъ к преподобному отцу Серگیю і повелѣ молебны пѣти Господу Богу і пресвятей его Матери о себѣ і о братѣ своемъ і о литовскихъ князехъ, о новонареченныхъ братияхъ, что пришли к нему на помощь со многими силами.

І в тоі часъ прибѣже Іаковъ Ослебя да Родионъ Ржевской, приводеша языкъ к великому князю. Языкъ же той сановитъ царева двора. І той языкъ повѣда великому князю, уже царь Мамай на Гусинце броду, а в шестомъ часу дни быти на Дону. Князь же великий Димитрій Ивановичъ начатъ совѣтъ совѣщати з братомъ

своимъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ і со всѣми рускими князи і с Олигѣрдовичи: «Братія моя милая, князи і воеводы і вси сыновѣ ростні, думайте думу, здѣс ли, братія; пребудемъ, іли за Дон перевеземся». І рекоша ему князи литовские Олигѣрдовичи: «Аще ли, господине, хоцещи крѣпку воінству быти, повели возитис за Дон реку, то, господинѣ, ни ѣдин вспять не мыслить бѣжати. Аще ли намъ Богъ поможетъ, побиемъ нечестивыхъ, то всѣ спасемся; аще ли что Господь случитъ, то всѣ опшюу смерть воспріимемъ, отъ князеі и до простыхъ людеі. Помни, господинѣ, прадѣдъ нашъ князь Александръ Невскій Неву реку перевезеся, побѣди краля Аремѣта, что раззорити хотѣлъ отечество наше, да не по грѣху нашимъ еще не прогнѣвался на насъ Владыко. Такожде, господинѣ, нарекшихъ Бога себѣ въ помощь, такожде сотворимъ; а о велицемъ, господинѣ, воінстве не надобѣ вѣщати: не в силѣ Богъ, в правдѣ; не нашимъ хотѣниемъ будетъ, но божіимъ ізволениемъ, что таково воінство совокупилосъ. Воистинну, государь, таково воінству не бывать ни при насъ, ни по насъ; подобно, государь, воінство сие древняго Александра царя Макидонскаго воінству его».

Князь же великій Димитрій Івановичъ повелѣ воінству своему Дон реку перевозитис. І перевезеся государь со всѣми силами своїми великими.

Приспѣвшу же шестому часу дни прибѣже стражъ Семень Милюковъ со своею дружиною, а за ними гонипаша погании татарове. Увидѣвъ же полки рускіе і всѣпять возвратишася і повѣдаша царю своему Мамаю, глаголя: «Вѣдимо ти буди, царю, яко князи рускіе божіимъ промысломъ на Дону стоятъ, ополчипашася, а воінство іхъ нашево боле четверицею». Царь же, кликнувъ, напрасно іспусти злый свой гласъ, глаголя: «Аще азъ московскаго князя не одолѣю, но нѣсть достоинъ ити въ землю свою срама ради і поношенія людскаго».

Семионъ же Милюковъ повѣда великому князю: «Государь князь великій Димитрій Івановичъ, уже бо безбожныі царь Мамай на Кузьмиѣ гати, а на сию ношъ имать быти на реку

Няпрядну, на полѣ Куликовѣ, а утре имать быти рано к Дону. Единою, государь, мы нощию имѣем разньствие промежь собоі. Тебѣ, государю, дни сего подобает полки своя урядити, егда бо заутра ускорять погании приити». В той же чась повелѣ князь великий Димитрій Иванович полки уряжати. Нѣкто воевода пришел с литовскими князи, імянем Дмитрей Боброкъ, а родом земли Волыскоі, тоі воістинну нарочитоі полководецъ і велми урядил полки по достоянію, елико кому гдѣ подобаесть стояти.

І какъ уже нощь глубока, зоря потухла, і приѣхавъ Димитрій Волынецъ к шатру великаго князя, і сотворивъ молитву. Великий же князь рекъ: аминь. І глагола Волынецъ к великому князю: «Государь князь великий Димитрей Иванович, выѣдемъ со мною іс полковъ своих, примѣтъ моіхъ іспытати». Князь же великий Димитрій Иванович, сѣд на конь свої і поѣхавъ с нимъ і стапа на полѣ Куликовѣ среди полковъ рускихъ і татарскихъ. І повелѣ Волынецъ с коня слѣсти великому князю і летчи на травѣ ковылѣ і приникнути ухом к земли. Князь ж великий Димитрей Ивановичъ, лежа дѣлгъ час, і воста; і рече Волынецъ к великому князю: «Государь великий Димитрій Ивановичъ, что еси слышал, повѣждь ми?» Он же рече: «слышав, братее Димитрие, земли многие плачутся надвое: едина земля, аки вдовица плачущеся горкимъ плачевнымъ гласом, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, а третия земля, аки во свирѣль плачевную добре жалостно просопѣ, а по рѣкѣ Непряднѣ какъ бы гуси і лебеди крылами плещутъ». І речѣ Волынецъ великому князю: «Молися, государь, Богу, добра примѣта сия. То, государь, аки вдовица плачущеся — земля ельнинская о погибѣли чадъ своихъ, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, то — наша земля литовская, а что во свирѣль плачевную добрѣ жалостно просопѣ, то — земля руская, а что гуси і лебѣди крымома плещутъ, то колыблется земля рязанская». Посемъ Волынецъ самъ с коня слѣзѣ і, приникъ ухом правым, на землю ляже і лежа долгъ час і воста, главу пониче. Князь же великий рече к нему: «Брате Димитрие, повѣждь ми, что еси слышал?» Он же рече: «Государь князь

великий, аз бо ничего не слышавъ. І много нудивъ его: «Скажи, брате Димитрие». Он же не смѣяше повѣдати, печали ради его. Князь же великий принуди его сказати, і рече Волынцъ: «Государь князь великий Димитріі Івановичъ, едина ти есть примѣта на веселие, а другая ти на пагубу і на скорбь велию. Ас чаю, государь, божию милостью добра примѣта сия, побѣда на поганыхъ будетъ, а і христіяномъ велие падение будетъ». Князь же великий прослезися і рече: «О брате, велия побѣда христіяномъ будетъ». І рече в себѣ: «яко же Господеви воля, тако і буди, что онъ святыи великий восхоцетъ, то і сотворитъ».

Приѣхавъ государь къ своему черному знамени і сѣде с коня своего, припаде на колѣну свою со слезами моляшеся, глаголя сие: «Господи і Ісусе Христе, Сыне Божий, призри с высоты святыя своя отъ готоваго жилища своего на сия вся сыныи челоувѣческия, іжъ имя святое твое призываютъ і за имя твое великое хотять пострадати. Укрѣпи насъ, Владыко Господи, укрепи, да дерзновенно поидемъ на подвигъ сеі, і низложи, святыи Господи, враги наша, борющая насъ, іже імяни твоего не познаша. А мы жъ, людие твоі і овцы пажити твоя». І скончавшу ему молитву і рекъ: амин. И посла брата своего князя Владимира Андреевича і дасть ему воінства, ізі і своего двора многихъ избранныхъ людей і повелѣ полку утаитисъ, да и того извѣстнаго воеводу Димитрія Воынца с ними в полку послалъ. Они же шедше вверхъ по Дону і стаща в дубравѣ, в мѣсте сокровеннѣ.

А самъ же великий князь пересѣдая на кони своя і ѣздитъ по полкомъ своимъ і говоритъ своими усты всякому полку: «Отцы і братія, князи і воеводы, старии и юннии, і вси сынове христіанстия, грозно бдите, мужаітесъ і крѣпитесъ, уже бо гости наши блиско суть, а нынѣ, братие, готовы держите раноподвижные кони своя.

Въ ту же ношъ Оома Хацыбуевъ разбойникъ стоялъ на сторожи, блюдучисъ поганыхъ татаровеі. Явисъ ему тое ноци видѣние великое, на востоце велико воінство с обою странъ; іс того же

полку выѣхали ѿ юноши, свѣтолюбны багряницы на себѣ имуща, а в руках своих мечи остры, і рекоша полком татарским: «кто вам повелѣ отечество наше, рускую землю, пленити, а нам вас повелѣ Господь сещи». І в той часъ повѣда великому князю Дмитрию Івановичу. Князь же великий повелѣ ему сие хранити, никому не повѣдать, покаместъ божия милость сотворится.

И в то время мнози орли от стад к Дону сълѣталис, і волцы непрестанно воюще і галицы грающе, ждуще дни того грознаго і страшнаго побоища. У многѣх же у русскихъ богатырей сердца ярости наполнишася, а унѣх же уныша. Поле же Куликово подогнуло, земля же непрестанно стонаше, необычно грозу дающе. Не ту бо во одномъ мѣсте, но по многимъ мѣстамъ стонаше і люте колебашеся, близ моря живущимъ страх велиі творяше.

В Царѣградѣ цареградскій царь во мноземъ унынии і в скорби велицей бывъ, что земля колебашеся стонеть, необычну грозу даючи. І речѣ царь к совѣтникомъ своимъ: «Азъ мню, яко есть на земли во языцехъ смятение великое». И ту нѣки от предстоящихъ совѣтникъ его рече к нему: «Азъ убо, царю, прежде сего малыми денми видѣхъ сонъ, яко возлегшу ми, рече, на одрѣ мой спати і видѣхъ во снѣ поле, велико же і долго. І се внезапно придоша ту множество многое звѣрей дивныхъ, лвовъ же і волцы зли і медведи, имъ же нѣсть числа, лютѣ же неіствовствующес і рыкающе і ршуще. І се придоша противу ихъ единопшерстно стадо овецъ, кротцы же і смиренни, имъ же и число малецъ отъ тѣхъ звѣрей. Звѣрие же тѣ люте на оно овчье стадо рыкающе і поѣсти ихъ хотяху. Овчье ж стадо на нихъ такожде устремилася. І се же имъ вкупѣ смѣсившимся, злымъ онымъ звѣремъ і овцамъ, і начаша между собою лютѣ ѣстися, і бысть у нихъ между собою вопль великъ і ристание зѣло. І в малѣ звѣри ес страшни тѣ овчье молое то стадо не изъядоша і немного ихъ оста. І посѣмъ оставшнии тѣ овцы устремилася единопшерстно, люте ж і немилостивно тѣхъ звѣрей изъядоша до избытка, не оставиша в нихъ ни единого звѣря живаго. Азъ же от видѣния того возбнухъ і трепе-

тен велии бывъ, размышляя в себѣ, что се хощеть быти, і мноу бо, господи царю, тоже, что будетъ на земли кровопролитіе і великое».

Князь ж великий Дмитрій Іванович всю ту ночь без сна пребысть, уряжая і укрепляя полки своя, і велии уряди полки своя по достоянію. І уже свѣтающу пятку і воссиявшу солнцу, на самый празникъ Рожества Пресвятыя Богородицы, полком же обоимъ стоящимся, другъ же друга невидѣвшимъ, понеже утро мгляно. І тогда во обоихъ полкахъ начаша в трубы трубити і по литаврамъ мнози быти начаша і во многия сурны гласити, татарскихъ же трубы онѣмѣша, руския же напач гласы своими просияша. І в то время со обоихъ странъ удалые люди ѣздит начаша, понеже сердца ихъ наполнишася ярости і горести. Онѣи же царь Мамай услышавъ трубный глас великий і завидѣ полки руския і содрвуся сердцемъ своимъ, і выѣхавъ безбожный с тремя царевичи і не со многими мурзами на мѣсто высоко видѣти кровопролитія челоуѣческаго.

Князь ж великий Дмитрій Іванович приѣхавъ под свое черное знаменіе і слезе с коня своего і совлечѣ с себя приволоку свою царскую і во иную облечеса. Тот же конь свой дасть под Михайла Андреевича под Брянцу, і ту приволоку свою царскую на него же возложи, занеже бывъ ему любимъ паче мѣры, і повелѣ рыдалю своему знамя носить над нимъ. Он же убиенъ бысть под знаменемъ за великаго князя. А самъ государь князь великий Дмитрій Івановичъ сѣде на иной конь і вземъ свою палицу желѣзну і падвижеса из полку своего, самъ восхотѣ битис за великую обиду свою. Мнози же князи рустіи і богатыри держаше его, умильно глаголаша ему: «Подобаетъ тебѣ, государю, в полку своемъ стояти і на насъ смотрити, а намъ, государь, предъ тобою храбрость і мужество явити; і тебѣ, государю, подобаетъ насъ кого за выслугу одарити. Аще ли насъ побіютъ, а тебя, государя, Богъ соблюдетъ, і ты, государь, по насъ памяти учнешъ творити і в книги соборное запишешь. Аще ли мы спасемъся, а тебя, государя, единого изгубимъ, то

будем вси, аки овцы, не імуше пастыря, і приїдутъ волцы, ізгубят ны. Тебѣ, государю, подобаетъ спасти себѣ, да и нас». Князь же великий Димитрій Иванович прослезився рече к ним: «Добрии речи ваши, не могу противитис ім, ни отвѣщати противо вас, умру вкупѣ с вами і испию едину чашу смертную і спасуся с вами. Аз ѣдинъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ».

В той ж часъ приідоша к великому князю книги от преподобнаго ігумена Сергія, в них же писани сидевыми глаголы к великому князю Димитрію Ивановичу московскому — миръ и благословение. Князь же великий Димитрій Ивановичъ прочет книги, радостен быв велии, самъ же посолника сергіева начать целовати. Самъ же целованием, аки нѣким доспѣхом, укрепись. І еще дасть великому князю богородичен хлѣб, просфору. Князь же великий простер рупе свои на небо и рече: «Велико имя святыя Троицы, Пресвятая Богородица помогай нам, Господи Ісусе Христе, Боже мой, сподоби мя грѣшнаго причаститися животворящихъ таін твоихъ».

В той час іс полку татарского выѣхалъ Печенѣхъ, величествомъ подобень древнему Голиаду, і начать являти храбрость свою. Сынове же ростии видѣвше его і ужасошася. Увидѣв же его Александръ Пересвѣтъ чернецъ і начать у Владимира у Всеволодовича в полку ѣздитъ, вооружень, вмѣсто доспѣха і шелома возложи на ся ангельскій образ і куколь, сирѣчь святую схиму. І приѣхав к великому князю і рече: «Государь, княже великий Димитрій Иванович і вси князи і боляре, сынове христіянстии, воно поганый сопротивника с себѣ іщет, і аз хочу с нимъ видѣтис. Простите мя грѣшнаго я молитес о мнѣ». І рече: «Святыи Сергій, помогай ми молитвою своею і брате Андрее, молися за мя Богу». Сие рекъ, напусти і поѣха на Печенѣга, мнози же прослѣзишася от воін, видѣвши ангельское вооружение. Печенѣгъ же устреми на него, і съѣхались оба вкупѣ і ударишася копиями, і копия у них ізломишася, і оба вкупѣ с коней падоша і скончашася въ 7 часъ дни.

І посем выехал іс полку татарскаго Б-рый Печенѣгъ, імянем Телебеі, таков же, якоже і первыі. І увидѣвъ же его Андреі чернецъ і рече: «Сыновѣ ростиі, простите мя грѣшнаго, ігуменъ Сергіі, помогаі молитвою своею». І съѣхалис оба вкупѣ і ударилис копиями, і копия у нихъ ізломишас і с коней своїх падоша, и ту оба скончашася.

Тако кликнули христіанѣ: «Боже христіанскій, помози намъ». А печенѣзи кликнули свої бози. І ступишася крѣпко, на первом часу дни. І бысть сѣча зла і трус великъ от копеінаго ломлення і от воінскаго крычания і от конскаго потопу земли непрестанно стонуши. І бишася крѣпко дѣ часа, і еще бо полки рускіе неослабно биющеся, печенѣзи же велии належаху. І не можно бѣ очима зрѣти, ни слышати, не токмо что оружием бияхуся, но і от великия тесноты задыхавуся і под конскими ногами умараху. Поле же Куликово колебашеся, а река Непрядна, аки весною разлилася, с кровію течаше.

Наставшу же шестому часу, велии бо начаша поганиі налѣжати, а еще христіане не ослабѣють. І уже мнози рускіи саношити богатыри побити быша. Приспѣвшу же 3-му часу, велии бо начаша поганиі рать творити, і мнози бо рускія полки побиша. І уже мало христіан, но все татаровѣ.

Сынове же ростиі, стоящій в дубравѣ полкъ великаго князя Владимира Андреевича, горко плакавше, видѣвши братію свою рассѣкаему, и рекоша другъ другу: «Что убо, братіе, в стоянии нашемъ кая полза есть». Напрасно восхотѣша пуститися на полки татарскія, но возбраняше ім Димитреі Воłyнецъ, глагола ім: «Постойте убо, братіе, пождите мало, уж бо милость божія совершится». Они ж велии стужаху, наполнишас бо ярости і горести сердца их. Наставшу ж осмому часу, і возвѣя вѣтрецъ по всѣм полком рускимъ. І воскрича Воłyнецъ гласом великим, глаголя: «О братія, сынове христіянстии, дерзайте». І тако вси единодушно ударишася на полки татарскіе, въ ярости другъ друга преспѣваху. І тако ударилис сынове ростиі на силу татарскую и начаша ім воздарія давати. Трѣснули копия хар-

лужские, възгрѣмѣли мечи булатные о ихъ головы половецкие, і ни единъ противу ихъ стояти не может, ни камо бѣжати: кони бо ихъ притомишася. Татарове же удариша себѣ в плѣши, вопиюще: «Горе тебѣ, горе тебѣ, царю Мамаю. Высокоумием вознеслся, а снщел еси до ада: уже бо сила татарская, аки трава постигается». І вопиюще і глаголюще: «О увы, увы нам, увы тебѣ, Рось премудрая, прежде худи с нами бишася, а лутчи всѣ соблюдошася». Мамаі же, видѣвъ силу свою свю побиваему, нача призывати боги своя: Перуна і Тарха і Раклѣя і Гуся і великого своего Бахмета пособника, і не бѣ гласа ни послушания. Воистинну бо речѣ божественное писание: яко огонь поपालяя дубравы, яко пламень пожигая горы, тако поженежся силою своею. Воистинну бо сила святаго Духа, яко огонь пожигает.

І рече Мамай своимъ пашамъ санчаком, которые с нимъ были: «Побѣгнем, братие, унесем главы своя». І побѣже Мамай въ ѳ-ти мурзахъ, зубы своими скрежеташе, поминающе друзи свої, саулы, алпаутовѣ, і речѣ: «Уже вам в земли своєї не бывать, а чадъ своихъ не видать, а катун своихъ не требуется, трепать вамъ земля роская і трава мурава, а на Рос ратию не хаживати, а с русскихъ князеі выходовъ не прашивати». Мнози же рустиі богатыри гонишася за нимъ і не возмогша постигнути ихъ, кони бо притомишася, а сами утрудишася, а ихъ бо кони мочни быша. І тако ихъ окаянных печенѣгъ всѣхъ погубиша і не остатася от нихъ ни ѣдин в живыхъ, токмо котори со царем ушли.

І тако сѣтъ их сокрушиш, а мы избавлени быхом милостию Господа Бога і Спаса нашего Иисуса Христа і пречистые Богородицы і молитвами московскихъ чюдотворцевъ і сродниковъ нашихъ Бориса і Глѣба і преподобнаго отца нашего Сергия.

Князь же великий Владимиръ Андреевичъ побѣди всѣхъ поганныхъ татар і приѣхав на грозное побоище под свое черное знамение і не обрѣтѣ брата своего, великаго князя Дмитрия Ивановича московского, і нача плакатис велии і убиватис, глаголя:

«О братія моя милая, всѣ сынове христіянстїи, кто видал ѿ слыхалъ своего пастыря і начальника великаго князя Дмитрія Івановича московскаго». І много искавше і не обрѣтоша его. І повелѣша трубить в собранные трубы, і начаша мнози стека- тся на тои трубный глас, ови поюще стихи, інии мученичны, і инии же богородичны, плачущес і рыдающе вкупѣ і веселя- щеся, пѣсни побѣдительны Богу приносяще со слезами. У иново бо убиша отца, у иново брата. А ізгубихом мы своево пастыря і начальника.

І разошлись (от роды) по великому грозному попоіщу, іщущи побѣды побѣдителя. Ови найдоша Михаила Андреевича Брянцу в приволоде і в шеломѣ великаго князя, і чающе его великим княземъ, занеже былъ приличен ему. Інии найдоша князя Феодора Семеновича Белозерскаго. Нѣкто же бяше Сте- фанъ Новосилцовъ рече: «Аз его, государя, видѣл в ѿ часъ дни, что пѣшь он бежит по побоіщу, а гоним бысть он ѿ татарины, а щитится он палицею желѣзною; от нихъ і аз ему, государю, не могъ помощи подати, занеже і самъ был гонимъ ѿ татарины». А инъ воін рече: «Аз его видѣхъ такожде с тою же с палицею желѣзною, толко уявленъ уже он добрѣ копием под пазуху». І рекоша князи литовские: «Мы его мним, яко в трупѣхъ с мертвыми». І рече князь Владимир Андреевичъ: «Братія моя милая, сыновѣ христіянстїи от мала і до велика, аще кто на- ідетъ брата моего великаго князя Дмитрія Івановича москов- скаго жива, воістинну первыйі человекъ будетъ на Москвѣ у нас».

І разошлись отроцы по великому побоіщу, іщуще в тру- пѣхъ. Два отрока мало ѣхаша с попоіща в десную страну, единому імя Феодор Сабор, и другому імя Григорей, оба костро- мичи, Холопищевы. І наѣхаша великаго князя жива, ранена, отдыхающа под сѣченным древом березою. Сабур же ссѣд с коня і поклонис до земли великому князю і рече: «Радуйся, ве- ликий князю і государю, побѣдителю врагом своїмъ». Он же ни во что же вменияше реченная ім. Они ж опять сѣдше на кони

своя і вѣхали на побоіще і повѣдали великому князю Владимиру Андреевичу: «Государь нашъ князь великій Дмитрей Ивановичъ живъ, лежитъ подъ сѣченнымъ древомъ березою». Князь же Владимир Андреевич і всѣ князи роскіе сие слышавше радостныи быша, і вѣдше на кони своя і поѣхали до великаго князя. І слѣзше с коней своїхъ, поклонившася ему до земли, припадше к ногамъ, глаголюще: «Радуися, радуися, государю нашъ, великий княже, храбрый побѣдителю на поганыхъ христоненавистныхъ агарянь, радуися, древний Ярославъ, радуися новыи Александре, радуися свѣтило земли росістей, радуися утѣхо наша, радуися побѣдителю враговъ».

Князь же великий едва проглагола к нимъ: «Скажите ми, возлюбленная братія, что дѣется у васъ с татаръ». І отвѣща князь Владимиръ Андреевичъ: «Государь князь великий Дмитрии Ивановичъ, по милости божий і пречистыа Божия Матере і сугубыми молитвами сродниковъ нашихъ мученикъ Бориса і Глѣба, заступлениемъ же росіиского святителя Петра митрополита і протчихъ чудотворцовъ, і пособиемъ вооружителя нашего преподобнаго Сергія игумена і всѣхъ святыхъ ходатаіствомъ і христіанскими молитвами побѣждени суть враги наши, а мы спасохомся». Тогда великий князь радости исполнился і рече: «Сіи день, его же сотвори Господь, возрадуемся і возвеселимся в онъ». І паки рече: «Велий еси, Господи, і чудна дѣла твоя, вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Хвалю тя, Господи Боже мой, і почитаю імя твое святое, его же ради не предал еси насъ в руки враговъ нашихъ і не попусти еси похвалитисъ над нами іному языку. Сего ради уповаю на тя во вѣки».

Приведоша же коня великому князю. І вѣд на нь і выехав на побоіще і видѣ множество мертвыхъ любимыхъ своихъ витязей і нача горько плакаться. По семъ узрѣ татар четверицею в трупше падшихъ, мало утѣшися і, обрашся, рече к Волинцу: «Воистинну неложны твои примѣты, брате Дмитрии, достойно есть всегда быти тебѣ воеводою». І нача князь великий со всѣми князми і воеводами ѣздить по побоищу, сердцемъ же велики склицаше, сле-

зами умывалас. И наѣхавъ мѣсто, на нем же лежаще князи Белозерстїи, вкупѣ побїени, иже толма бишася крѣпко, яко единъ другаго ради умре. Тутю же блиско лежаще і Микула Василевич. Над ними же став великий князь нача плакаться і глаголати: «Братїа моя мїлая, князи і воеводы і сыновѣ рустїи, положившии за вѣру святую главы своя, аще имате дерзнове- нїе, молитесь за ны». Шедше же на ино мѣсто, і се обрѣте на- перстника своего Михайла Андреевича Брянцу і близ его ле- жаща Семена Милюка і князя Тимофея Волуевича, убиенныхъ. І ставъ над ними великїи князь восплакався горко і рече: «Бра- тїя моя возлюбленная, кто тако может за государя своего умрети, яко любимецъ мой Бренник в моемъ нарядѣ, вмѣсто мене выѣхавши, до смерти подвизався за мя». І паки рече: «О добрыи мої стражу Симеонѣ, твоею стражею мы многажды спа- сохомся, ты же здравїя нашего стрегущи за нас, главу свою положилъ еси». Приде же на иное мѣсто, і се лежаще ту храбрыи витязь Пересвѣтъ чернецъ, і близ его лежаще Таврул татарин, величествомъ подобен древнему Голнаду, от Пересвѣта побѣжденный. Князь же великий возплакася горко над ними і, обрѣвъ, рече к своимъ: «Зрите, братїя, на- чалника своего Пересвѣта, сеі бо побѣди подобна себѣ бо- гатыря татарина, от него же бы многимъ было пїть чашу смертнукъ».

І паки ста на мѣсте своем і повѣлѣ в трубы трубїти собран- ные на собрание, весело ликовствующе і пѣсни воспѣвающе, овы крестныя, інии богородичны, ово мученичны и протчна бо- гоугодныя благодаренїя о толикой преславной побѣде, веселящес. Собравшу же ся воїнству, ста посрѣди, великий князь нача с радостию і с плачем глаголати: «Братїя моя возлюбленная, князи і боляре мѣстныя, воеводы силныя і вси сыновѣ всеа земли русскїя, вам подобаетъ такожде і впредь служити, а мнѣ службы вашеа тѣшитися і по стоянїю хвалити вас; ввсегда упа- сет мене Богъ, буду на своем столѣ, на великом княженїи московском, імам вас дарити ізобильно. Нынѣ же сїе управим,

похоронимъ каждо ближняго своего, да не будутъ звѣремъ і птицамъ в снѣдь тѣлеса христіанская».

І стояше князь великии за Дономъ ѿ дней і разбираше і храняше тѣлеса христіанская отъ нечестивыхъ, а нечестивыхъ тѣлеса оставшасъ звѣремъ и птицамъ на разхищеніе.

По семь великии князь Дмитрій Ивановичъ рече: «Считаітес, братіе, сколько у насъ князей і воеводъ нѣтъ і всего воінства». І отвѣща Михайль Александровичъ бояринъ московскій: «Азъ (государь) смѣтилъ, сколько у насъ князей и бояръ нѣтъ і сколько воінства побито і переписалъ на черныи списокъ. Нѣтъ, государь, у насъ мѣти бояриновъ московскихъ, і бѣ князей белозерскихъ, да і посадниковъ новгородскихъ, да кѣ бояриновъ перепоходскихъ, да кѣ бояриновъ переславскихъ, да кѣ бояриновъ костромскихъ, да лѣ бояриновъ владимирскихъ, да ѿ бояриновъ сузальскихъ, да мѣ бояриновъ муромскихъ, да кѣ бояриновъ дмитровскихъ, да і бояриновъ ростовскихъ, да зѣ бояриновъ можаіскихъ, да і бояриновъ свенигородскихъ, да еі бояриновъ углецкихъ, да і павовъ литовскихъ, да ѡ бояриновъ ярославскихъ, а отъ всѣхъ полковъ всеі дружины воінскоі положивши главы своя за честь божию і за тебя государя, с, н, г головами».

Тогда великии князь Дмитрій Ивановичъ изъ глубины сердца своего воздохнувъ і обратясь ко гробомъ убиенныхъ росііскихъ воевъ с великимъ умилениемъ і слезами рече: «Братія моя возлюбленная, князи, бояре і воеводы і всѣ витязи стари и юнии, сыновѣ рости, вамъ, братіе, Богомъ сужено мѣсто сие между Дономъ і Мечею рекама, на поли Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Здѣ положили есте вы богатырстии есте головы за вѣру христіанскую і за землю рускую. Вамъ да будетъ вѣчная память с получениемъ почести венцовъ небесныхъ за доблія подвиги ваши, а мене грѣшнаго со всѣми оставшими со мною братіями, со сродниками і други вашими простите і благословите в семь вѣце і в будущемъ. Се бо здѣ васъ оставляю, отхожду же к Москвѣ. О горкое наше разлученіе с вами в сеі временой жизни, желаю же усердно случитися с вами в жизни вѣч-

ной, Богомъ назнаменові, идѣже есть всѣхъ веселящихся жилище».

О возвращении великого князя Дмитрія с торжественною побѣдою к Москвѣ.

Давши великий князь послѣднее цѣлованіемъ тѣлесамъ побѣннаго воинства христіанскаго на полѣ Куликове, рече ко всемъ своимъ княземъ, бояромъ, воеводамъ і всему воинству: «Братія моя милая, уже есмы по милости божіе снабдѣли имя себѣ славное, нынѣ же часъ намъ возвратитися в свою землю. Время бо пѣнію і молитвѣ часъ, праздникъ всемирнаго Воздвиженія честнаго креста, почнемъ чрезъ Дон возитисъ».

І тако перевезшися Донъ, поиде великий князь со всѣми к Москвѣ на столъ свой. И егда приближися к Москвѣ во время праздника Покрова пресвятыя Богородицы, се преосвященный Кипріанъ митрополитъ со всѣми освященнымъ соборомъ срѣте великого князя во Андрониковѣ монастырѣ, со честными кресты и святыми іконами. И огради его крестомъ и рече: «Радуйся, княже нашъ великий Дмитрій Іоанновичъ, преславный побѣдитель». И окропи его святою водою. И ту великий князь восхотѣ в монастырѣ святыя литургии слушати. І вниде в церковь, нача молитися со слезами, взирая на нерукотворенны образъ Христа Спасителя и глаголя: «Владыко Господи Боже мой, благодарение тебѣ воздаю, яко не предадъ еси рабовъ своихъ врагомъ нашимъ в покорение и не поступилъ еси имъ порадоватисъ о насъ, не забуди нищихъ своихъ до конца». По церковномъ же правилѣ иде князь великий з братомъ своимъ и с литовскими князи и со всѣми своими доброты в торжественно побѣде на Москву. Митрополитъ же повелѣ в походѣ пѣти стихи богородичны и мученичны.

Княгиня же великая Евдокія со двоима сынами и со многими нарочитыми женами срѣте государя своего во Өроловскихъ вратѣхъ с плачемъ и радостію. Князь великий, видѣвъ свою великую княгиню и двѣ свои отрасли, князя Василия князя Юрию, возрадовася и поиде в церковь небеснаго воеводы архистратига

Михаила, поклонися святому образу его, глаголя: «Заступникъ нашъ еси во вѣки». По сем идѣ ко гробомъ сродниковъ своихъ и рече со слезами: «Вы есте пособники наши, вашими молитвами спасохомся отъ сопостатовъ нашихъ». Изшедъ ис тоя церкви, поиде паки въ церковь соборную пресвятыя Богородицы, и ставъ предъ чудотворнымъ ея, Лукою святымъ евангелистомъ написанымъ, образомъ, возрѣвъ на ня, падши ницъ, нача благодарение воздавати, глаголя: «Госпоже Царице, ты еси христианская заступнице, тобою избавишеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемсти раби твои, Богородице». Посем иде ко гробу преблаженнаго Петра митрополита и протчихъ чудотворцовъ и поклонися имъ, глаголя: «Вашими молитвами добръ подвижахомся, побѣду восприяхомъ надъ сопостаты нашими».

По семъ ис церкви поиде въ свое мѣсто, въ набережнии сѣни и сѣдѣ на престолѣ своемъ, радуяся и торжествуя о Господѣ.

О походѣ великаго князя Дмитрія ко обители святыя Троицы.

Пребывши великий князь Дмитрій Ивановичъ на Москвѣ четыре дни, поиде ко святей живонаначально Троицы къ преподобному отцу Сергию зъ братомъ своимъ и съ литовскими князи. Преподобны же отецъ Сергий сръте его со кресты близъ монастыря и знаменавъ его крестомъ, рече: «Радуйся, княже великий, іъ веселися твое христолюбивое воинство». Іъ вопроси его преподобнымъ о своихъ изволникахъ. Іъ рече ему великий князь: «Тѣми, святымъ отче, и при святыхъ твоихъ молитвахъ побѣдивъ своя враги. Твои бо ізрядныи вооружители, рекомы Пересвѣтъ, побѣдивъ подобна себѣ богатыря отъ варварския страны. Аще бо, отче святы, не твои крѣпкыи вооружители Пересвѣтъ, было бо многимъ христіаномъ отъ того побѣжденнаго имъ татарина пити чашу горкую. Потомъ великий князь помолился во обители святой и слушавъ божественныя литургии, вкуси хлѣба отъ святыя тоя трапезы честныя обители, по прошению преподобнаго Сергия. Воздавши благодарение, поиде на Москву.

И ту литовская князи начаша проситися во свояси. Князь же

великий нача их чтити і дарми утолати, да пребудут здѣ: «Дамъ вамъ лице вашея отчины». И не возможе уняти, отпусти их. И самъ проводихъ и зъ братомъ своимъ до Можанска, въ растаніи же съ ними рече имъ со слезами: «Братія моя милая и способники наши, Господь да хранитъ хождение и ісхождение ваше отнынѣ и до вѣка». И отпусти ихъ.

Самъ возвратися во свою отчину въ градъ Москву и сяде на своемъ княженіи во всякомъ благополучіи. Услышавши о семъ Ольгердъ князь литовскій, яко князь великій Дмитрій побѣди Мамаю, возвратися съ великимъ студомъ воспятъ, а Ольгъ, резанскій князь, такожде впадши въ скорбь великую, по нѣкоемъ времени живота своего лишился.

О погибели Мамаевой.

Побѣждену же сущу воинству татарскому въ конецъ, его же быаше дванадесѣть сотъ тысячъ, яко послѣжде нарочитыя языки татарскія повѣдають о томъ, самъ поганый царь Мамай съ черными князми своими въ маломъ числѣ побѣгши зъ побоища, отъ великаго страха забѣже даже до города, лежащаго надъ моремъ, Кааы и идѣже имѣя свое утай. Но вскорѣ познанъ, убиенъ бысть отъ Орагъ и яко злы, злѣ погиге, оставивши по себѣ вѣчныи студъ и поношеніе наслѣдникомъ своимъ, поганымъ бесурманомъ. Народу же христіанску въ вѣчныя роды торжественую побѣду, надъ собою и надъ своими погаными воинствы дарованную отъ вседержителя Бога Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Потомъ кралъ литовскій Олигердъ татаръ побѣдивши, всѣ поля до Кіева, отъ древнихъ лѣтъ прислушавшійся отъ ганскія лютости, очисти и постави на Подолу Коріятовичовъ Александра, Константина, Феодора, Юрія, і въсь страны рускія съ подолиемъ вручи и въ область подаде.

По семъ похвала государю великому князю Дмитрію Іоанновичу московскому і всеа Россіи і впередъ будущимъ ихъ родомъ царскому величеству і въ наслѣдіе ихъ во вѣки вѣковъ о Христѣ. Аминь.

Сказаніе.

Западно-русская обработка.

(Императорской Публичной Библиотеки, собранія Погодина № 1569, XVII в.;
варианты — Императорской Публичной Библиотеки, собранія гр. Толстого I,
157, XVII в.).

Кнѣга о побоищи Мамая, прѣя татарского, от кнѣзя владимерского и московского Димитрія.

Глава а̄. Повѣсть о прѣх татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого кнѣзя Димитрія.

Батіи, прѣ татарскіи, яко повоевал всю землю ¹⁾ рускую, полскую, венгерскую ²⁾, пришовши в шести сотъ тысячах татар, року ,sψme, которію орду татарскую Золотою названно ³⁾, от того часу, през лѣтъ полтараста, кнѣзи рускіи татаром годдовали, и прѣи татарскіи, един по другомъ наступуючи, своих баскаковъ, албо атамановъ, то есть старость над Русью постановляли. Которым ⁴⁾, седячи в Руси, дан от Руси выбирали, судні ⁵⁾ судили и, якъ хотѣли, розказовали. От прѣй тежъ татарских и кнѣзи рускіи стоновляны ⁶⁾ бывали. Ажъ року ,swne кнѣзи рускіи,

---

1) землю всю.   2) и венгерскую.   3) называно.   4) которых.
5) суды.   6) ставляны.

особливе Семеон Ивановичъ, кнѣзь тверскіи и Димитрей Ивановичъ Семечин, великіи кнѣзь владимерскіи и московскіи, своимъ мужествомъ и храбростію татаров до конца побивши, досканале зкинули з шиі свое¹⁾ ярмо татарское і в першую пришли волность руского панованья. Такимъ способомъ, року ,swže, Занабекъ, прѣ великии татарскіи, снѣ Азбековъ, внуку Батѣевъ, в Заволскои, в Перекопскои и Крымскои ордѣ прѣствовал, братовъ своихъ для лакомства панованья позабывалъ і в русскихъ панствахъ з неволныхъ²⁾ моцъ свою широко розширалъ. Той заставив на царствѣ снѣ Бердебека, который также дватцать³⁾ родныхъ своихъ братовъ позабывалъ, абы ему в панствѣ не перешкожали, але и самъ, ледве двѣ лѣта на царствѣ бывши, умерлъ. Снѣ тежъ его Аскулпа, един мѣсяць царствовавшего, Нар, другии парикъ, забилъ. Нара зась, в рокъ потымъ Хидир забил. Року ,swži, Хидира снѣ его власный замордовалъ, але и той на царствѣ татарскомъ, эле набытомъ, ледве седмь днии выбывши, от прѣ темника Мамай былъ выгнанныи и забитый, року ,swže. Той безбожный прѣ Мамай, роспытавши у своихъ совѣтниковъ о Батѣи, якъ землю рускую повоевалъ, кнѣзей позабывалъ, города попустошил и под свою владзу подбилъ, самъ той Мамай, еще барзѣ научень от диявола, умыслилъ поити на рускую землю, мовячи: ижъ я всю землю рускую борзѣй, нижъ Батіи, спостошу, толко яки лѣпшии и милшии города себѣ оставлю, в которыхъ буду зь своими татарами жити. Не знаючи, злочестивый, же то все рука бжїя справуетъ. О томъ, зь своими наравившися, собралъ барзо великое войско татар, обѣцуючи имъ великии богатства рускии, перевезеся через реку Волгу, не кажутчи своимъ и хлѣба пахати, але на рускии хлѣбъ до сытости всѣмъ надѣяться. Дошол устия реки Воронежи, распустил⁴⁾ свою обלאву.

Глава Ѣ. О змовѣ злои кнѣзя резанского Олга зь кнѣземъ ли-

1) своей.
обלאву свою.

2) зневоленныхъ.

3) дванятцать.

4) и распустилъ

товскимъ Олгердомъ на кнѣзя московскаго Дмитрія по поселствахъ ихъ до прѣя татарскаго Мамаѣя.

Послышавши Олгъ, кнѣзь резанскіи, ижъ Мамаѣй идетъ на великаго кнѣзя Дмитрія Ивановича московскаго, Русь воевати и начуетъ на Воронежи, мало ума мѣючи, послалъ своего посла з великими подарками до Мамаѣя, написавши такую грамоту: Восточному прѣю, волному Мамаю, твои посадники Олегъ резанскіи много тя молятъ. Слышахъ, господине, што хочешь ити на Русъ, на своего служебника кнѣзя Дмитрія Ивановича московскаго, огрозитися ему хочещи. Нынѣ, всесвѣтлый прѣю, приспѣ время тебѣ: злата и богатства много наполнися земля московская, а кнѣзь Дмитрій Ивановичъ — великий христіянинъ: егда услышитъ имя твое и гнѣвъ твой, то отбежитъ в далнія стороны, albo в Новгород великий, albo на Двину, золото московское многое и богатство все будетъ въ твоихъ рукахъ, твоему войску на потребу, Мене зась, раба твоего, Олга резанскаго, держава твоя нехай пощадить: я велии устрашу Русъ и кнѣзя Дмитрія. И еще, прѣю, молю тя: оба два есмо твои слуги, и я великую обиду маю от того ж великаго кнѣзя Дмитрія, и гды ему за свою обиду твоимъ царскимъ именемъ погрозишемъ, он того недбаетъ, и город Коломну за себе заграбилъ. И о томъ, прѣю, молю тя, дай мнѣ управу. — З тым писанемъ выправивши Олегъ своего посла к Мамаю, послалъ другого посла къ Олгерду, кнѣзю литовскому з писмомъ такимъ: Олегъ, кнѣзь резанскіи, великому кнѣзю литовскому Олгерду радоватися. Вѣдаю, ижъ давно мыслилесь кнѣзя московскаго Дмитрія зогнати, а самъ землею московскою владѣти. Нынѣ приспѣлъ твои час великий, бо вѣмъ, прѣ Мамаѣй идетъ на него. Тепер пристанмо до прѣя Мамаѣя, вѣдаю же тобѣ дать прѣ Москву зъ иными городами, а мнѣ дать Коломну, Володимиръ и Муромль, которые города суг моеѣ власти. Уже я послалъ своего посла къ прѣю Мамаю зъ честью и з дарами, пошли и ты от себе своего кацѣя, написавши грамоту, якъ самъ знаешь. — Кнѣзь Олгердъ, урадовавшись с того, подяковаѣ кнѣзю резанскому, самъ з великими безчисленными дарами послалъ к

Мамаю з таким писаниемъ: Великий кнѣзь Олгердъ литовскій црѣю Мамаю великому, под твою милость прибѣгаемъ¹⁾, присяжники твои и много тя молятъ. Слышахъ, господине, што хочешь казнити своего служебника, московского кнѣзя Дмитрія, того ради молю, црѣю, великую бо вѣмъ пакость чинить твоему улуснику, кнѣзю резанскому Олгу, да и мнѣ пакости дѣять. Просимъ оба-два, да придетъ держава црѣствія твоего на отоки сян, и да придетъ твое рассмотрение нашея грубости от московского кнѣзя Дмитрія. — З тымъ пославши, мыслили кнѣзи резанскіи и литовскіи, ижъ кнѣзь Дмитріи утечетъ, а мы с покоемъ будемъ на его княженіи сидѣти, и дарами утолимъ Мамаю, ижъ пойдѣмъ²⁾ з русской земли спокойне. И дасть намъ ярлыкъ албо привилей свой на княжение. Тыи сами не знали, што чинили, не помятаючи, же все есть в рукахъ бжѣихъ, и кто под кимъ яму капаетъ, той и самъ в тую впадетъ³⁾. Кнѣзь зас Дмитріи ничего о той змовѣ на него кнѣзей не вѣдалъ. Црѣ Мамайъ принялъ пословъ вдячне и дары; прочитавши ихъ писма и зразумѣвши рѣчь, частовалъ пословъ и отпустилъ. И къ кнѣзю резанскому и къ кнѣзю литовскому такъ отписалъ: Дякую вамъ за дары, и што писалисте ко мнѣ о отчинѣ⁴⁾ русской, подарую вамъ, толко мнѣ присягните и з войсками своими мене споткайте, где можете. Я вашего на помощь войска не потребую, маю такъ войска много, которымъ и Ерусалимъ давній и хотли яко⁵⁾ царство взялъ бымъ, толко вы зъ⁶⁾ своимъ войскомъ огрозитесь кнѣзю Дмитрею при моей оборонѣ. Мнѣ, црѣю, з подобнымъ црѣмъ битися, а не з Дмитріемъ, моимъ голдовникомъ, досыть мнѣ же; мя, якъ црѣю почтите, ознаимѣте иншимъ своимъ кнѣземъ: иду к нимъ с покоемъ.

Глава ҃. Кнѣзь Дмитріи Ивановичъ московскій молится и раду чинить на Мамаю з митрополитомъ и зъ своими кнѣзи, о змовѣ тежъ кнѣзей Олга и Олгерда⁷⁾ и Мамаевомъ замыслѣ довѣ-

1) прибѣгаетъ. 2) поидетъ. 3) впадаетъ. 4) отчиняѣ. 5) якое.
6) зъ — нѣтъ. 7) *прибавлено* — князей.

давшияся, збираеть своих кнѣзей, гетмановъ и войска. Взявши вѣдомость, кнѣзь великий московскій Дмитріи, ижъ Мамай идетъ на него, ревнуючи Батию зъ ¹⁾ гнѣвомъ барзо заерасовалси, и ставши передъ образомъ хрѣстнымъ, надъ головою его стояннимъ ²⁾, упалъ на колѣна и зъ плачемъ молился, жебы Гдѣ Бгѣ грехи его простилъ и избавилъ землю рускую отъ безбожного Мамаю. Помолвившися, послалъ рихло по брата своего Владимира Андрѣевича до Боровицы и по всѣхъ кнѣзей и воеводъ своихъ. И гды приѣхалъ братъ Владимиръ і всѣ кнѣзи і воеводы къ Москвѣ, взявши кнѣзь Дмитріи брата своего Владимира, пошелъ къ преосвященному митрополиту Кипріяну, ознایмилъ ему о томъ, ижъ безбожный Мамай идетъ на насъ. Запыталъ его митрополитъ: чимъ, гдѣне, его гнѣвъ на себе подвигнулес, чого не далесъ. — Отповѣдилъ кнѣзь Дмитріе: все, ведлугъ постановенія отцовъ нашихъ и болше далемъ ему. — Реклъ митрополитъ: жебы той безбожный не спустошилъ нашей земли, пошли ему дары и дарами его гнѣвъ укроти; а если не схочеть, самъ его Бгѣ укротитъ, якъ свѣтый Василю великий учинилъ и Юлиану послалъ дары, а гды не принялъ, самъ Гдѣ Бгѣ презъ мученика Меркулія его убилъ ³⁾. — Веды ⁴⁾ кнѣзь Дмитріи, послухавши митрополита, выборного своего и разумного Захарію Тушишина послалъ зъ многимъ золотомъ и срѣбромъ къ Мамаю, придавши къ нему двоухъ толмачовъ. Посланный Захарія, гды пришелъ въ Рязанъ и довѣдался, ижъ Олегъ рязанскій и Олгердъ литовскій, змовившися на кнѣзя Дмитрія, поддалися Мамаю, послалъ заразъ таемне къ своему кнѣзю Дмитрію, тое ознایмучи. Што услышавши кнѣзь Дмитріи розгнѣвался и, заеросованный, молился Гдѣ Бгѣ и просилъ, жебы его невинности самъ онъ вышні помѣстился ⁵⁾. Помолвившеся, знову зъ братомъ своимъ пошелъ къ митрополиту, ознایмилъ ему о змовѣ на его кнѣзя Олга рязанского зъ Волгердомъ литовскимъ, и плачучи реклъ: Согрешилиемъ предъ Бгѣмъ, але имъ ничего не есть виненъ, не беру ничего ничьего, своимъ естемъ доволенъ княженіемъ. —

1) зъ — нѣтъ.

2) стоячимъ.

3) забилъ.

4) Теды.

5) поместился.

Отповѣдилъ ему митрополитъ: Даремная и несправедливая, ижь есть на тебе змова, не ерасуйся, на Бѣа въ своей невинности надѣйся. Теды кнѣзь Дмитріи, возвергыши на Бѣа печаль свою, порадиася зъ своими кнѣзями і воеводами и послалъ на сторожу от Мамаа крѣпких своихъ оружниковъ: Родиона Ржевского, Иякова Андрѣева Волосатого, Василья Тупина и многих з ними рыцеровъ, и сказалъ ¹⁾ имъ усердно стеречи и, под Орду подежжаючи, языка добывати и правды о Мамаевой мысли довѣдаватися. А самъ кнѣзь Дмитріи Івановичъ по всей руской земли послалъ гонцовъ зъ своими грамотами, жебы всѣ готовы пришли до Коломны, на Успение пресвятой Бѣы, на войну з Мамаемъ и з татарами. А поневаж сторожи кнѣзя Дмитрія забавилися, послалъ еще на провѣдки Климента Полянина и Івана Свесланика, казавши имъ скоро ворочатися. Тыи ж стрѣтили Василья Тупина, ведучого языка, который языкъ сказалъ кнѣзю Дмитрею, ижь Мамай конечно идетъ на Дмитрія и на Русь, и якъ з Мамаемъ зьедночился Олегъ кнѣзь резанский, змовившиися зъ Олгердом литовскимъ, и не спешить — ждеть осени. — Услышавши, кнѣзь Дмитріи тую певную вѣсть, печалъ тѣшиться Бѣомъ и реклъ до брата своего и до всѣхъ кнѣзей і воевод, укрепляючи ихъ: Гнѣздо естесмы великого кнѣзя Владимира киевского, который насъ вывелъ зъ тмы безбожности и просветилъ правдивою въ истенного Бѣа вѣрою; ревнуймо жъ ему, биймося до смерти за вѣру сѣтую правдивую зъ погаными татарами, Гдѣ намъ помощникъ, не убоимся, что сотворить намъ члѣвъ хотяи; кто васъ ²⁾ за вѣру ³⁾ умреть, зъ сѣтыми мучениками в небѣ венецъ приметъ. — Отповѣдилъ кнѣзь Владимир Андрѣевичъ, братъ стрѣнный ⁴⁾ і всѣ кнѣзи: правдиве такъ есть, ижь за вѣру умираючи правдивую от Бѣа заплату примуть вѣчную; готовы естесмо всѣ на войну з татарами и головы свои за вѣру сѣтую положить. — Тое услышавши, кнѣзь Дмитріи Івановичъ, ижь всѣ смѣло готовы на войну, барзо утѣшился, і ведлугъ его росказанья всѣ воинновъ

1) казатъ.

2) з насъ.

3) вѣру и.

4) стрѣнный.

множество поспешили и пришли ко кнзю Дмитрею на Успение пресвятыя Бѣы, мовячи: Дай намъ, Гдѣ, течение совершити за твое свѣтое имя. — Приѣхали теж тут же кнзи белоозерскіи с присторожными ¹⁾, барзо великими войсками: кнзь Ѳеодор Семеновичъ, кнзь Семень Михайловичъ, кнзь Андрѣй Скимьскіи, кнзь Глѣб Коргополскіи и Цынодовскіи, так же и ярославскіи пришли кнзи зъ своими силами: кнзь Андрѣй Ярославскіи, кнзь Роман Прозорожскіи, кнзь Левъ Курбскіи, кнзь Дмитрей Ростовскіи и иншии кнзи, и собралися великия войска въ славномъ градѣ Москвѣ.

Глава д. Кнзь Дмитріи принимать блѣгословение от свѣго Сергія в монастырѣ живоначальныя Троицы и пророчество о звѣтязствѣ над татарами.

Кнзь великии Дмитрей Ивановичъ, взявши брата своего Владимира Андрѣевича і всѣхъ преславныхъ кнзей руских, пошол з ними к монастырю живоначальный Троицы, къ преподобному отцу Сергію и блѣгословение взялъ от свѣтые обители. Просилъ кнзя преподобный Сергіи, жебы послушал свѣтой ²⁾ литоргии, былъ бо, вѣмъ, ден недѣльный августа ѿ-г дня. По отпустѣ литоргии просилъ отъ Сергіи кнзя Дмитрія, жебы обѣдал у нихъ. Кнзь отмовлялся, бо пришла вѣдомость, ижъ поганыи уже зближаются. Отповѣдалъ ему старецъ: обѣд тобѣ на поспѣхъ будетъ, еще тобы ³⁾ не готовъ венець, а иншими многими венцы мученическыи готуются. Послухавши, кнзь Дмитрей вкусилъ хлѣба, а свѣтый Сергіи тымъ часомъ казалъ воду освятити з мощей свѣтыхъ мученик Ѳрола и Лавра, того дня свѣтыхъ мученикъ память была. І выставши скоро от трапезы, преподобныи Сергіи покропили кнзя і все его воинство и далъ великому кнзю крестъ хрѣтъ — знамение на челѣ и реклъ: Гдѣ да поможетъ тебѣ на враги. — И мовилъ ему тайно: Маешъ звѣтяжити враговъ твоихъ, сколько довѣдетъ твоему гдѣству. — Кнзь, подяковавши за блѣгословение преподобному, реклъ: Дай мнѣ, отче, двоихъ воиновъ от твоего

---

1) пристройными.

2) свѣтой.

3) тобѣ.

иноческаго полку Пресвѣта и брата твоего Ослабя, то ты и самъ поможешь намъ. Сергіи преподобный зараз казалъ тымъ рыцереомъ свѣдомымъ наготоватися и казалъ имъ вмѣсто прилбицы схиму зъ крестами ¹⁾ на головѣ носити и отпустилъ ихъ зъ кнземъ, мовячи: Страждѣте, добрыи воины хрстовы. — Подаль тежъ великому кнзю і всѣмъ зъ нимъ миръ и блгословение. Кнзь великий Дмитріи веселыи приполъ къ Москвѣ, сказалъ тое все преосвещенному митрополиту, и приказалъ ему митрополить, жебы того ни кому не сказалъ, што ему тайно реклъ преподобный Сергій, а кнзь никому ²⁾ не сказалъ.

Глава ѳ. О выправѣ и выходе зъ Москвы кнзя Дмитрія на войну противъ прѣя татарскаго Мамаю.

Гды приполъ августа въ дватцать седмый денъ, на память преподобнаго Пимина, хотѣлъ великий кнзь Дмитріи пойти на безбожнаго Мамаю, пошолъ перше въ церковь соборную пресвятой Бѣы и, ставши предъ образомъ хрстовымъ, пригнувши руки до персей, молился, просячи Хрста Спса, абы его греховъ не помянулъ, судилъ обидящихъ и возбранилъ борющихся его и далъ побѣду на варваровъ, востающихъ на хрстіянь. Потомъ сталъ предъ образомъ пресвятой Бѣы, написаннымъ отъ свѣтго Луки, и молился, просячи, абы пресвѣтая Бѣа, яко заступница хрстіяномъ непостыдная, умолила Сна своего и Бѣа, жебы не далъ осквернити храмовъ своихъ свѣтыхъ, и не погубилъ хрстіянъ, яле далъ звѣязство хрстіяномъ надъ погаными. Оттолъ пошолъ къ гробу свѣтго чудотворца Петра митрополита киевскаго, просилъ и его, абы архiereя Хрста Спса умолилъ, жебы его овца невредныи ³⁾ сохранилъ и отгналъ и погубилъ волковъ, безбожныхъ варваровъ, хотячихъ овца его поглотити. — Такъ скончавши мѣтвы, великий кнзь поклонился митрополиту. Митрополить засъ блгсвилъ кнзя, далъ ему знакъ побѣды — крестъ свѣтый, и отпустилъ, и послалъ митрополить свѣщенный соборъ съ крилошанами въ Ороловскіи ворота, въ Костянтиновскіи і въ Николскіи зъ крестами свѣтыми и зъ образами

1) зъ крестомъ.

2) нѣкому.

3) невредны.

чюдотворными, абы всѣхъ воиновъ бл҃гословили на войну. Кнѣзь зась великій Дмитріи пошелъ еще в церковь свѣго архистратига Михаила, где кнѣзи лежать. Тамъ помолившися предъ образомъ свѣго архистратига Михаила, воиномъ скорого помощника, пришлоу къ гробомъ кнѣзей и рекъ: Прородители ¹⁾ наши, истенныи вѣры свѣтые православныи поборницы, если маєте дерзновение у Б҃га, помолитесь за насъ, потомковъ вашихъ, абы намъ далъ Б҃гъ надъ погаными звитязство. — По мѣтвѣ вышли изъ церкви. Княгиня Дмитриева Еудокія и княгиня Володимерова ²⁾ и иныхъ княгинь много со слезами провожали своихъ кнѣзей. Кнѣзь зась Дмитріи тамо удержався отъ слезъ, рекъ своей княгини: Жено, не плачь; если Б҃гъ за нами, кто на насъ. — И такъ пожегнавши, всѣмъ на коня своего выборного, зъ нимъ і всѣ кнѣзи полетѣли зъ Москвы, якъ бѣлыи соколы, нарядное войско. Князи тажъ белоозерскіи особно зъ своими полками стройно ѣхали. Кнѣзь великій Дмитрей отпустилъ брата своего Владимира на Брашево дорогою, бо незмѣстилося войско все едною дорогою, а самъ пошелъ на Котел. Княгиня зась его зъ снохою своею и зъ иными княгинями смотрѣли на поѣздъ ихъ, взышавшій на свои высокіи золотоверхіи теремъ, и молилися, просячи своему кнѣзю отъ Б҃га помочи на поганыхъ татаръ, жебы двохъ снѣвъ великого кнѣзя Дмитрія — Василя и Юрія не пустилъ въ сиротство. Кнѣзь великій Дмитріи взялъ зъ собою десять мужей Сорожанъ, жебы обачили, што будетъ дѣятися, и повѣдали потомъ в дальнихъ земляхъ. И пошелъ великій кнѣзь Дмитріи, за нимъ всѣ кнѣзи рускіи зъ великимъ войскомъ, ажъ стукъ стучить, громъ гремѣть по ранней зорѣ отъ ихъ поѣзду, якъ вина пити весело спешатся. Кнѣзь Владимир Андрѣевичъ Москву реку перевезся на красномъ перевозѣ в Боровицѣ. Кнѣзь великій Дмитріи пришло въ субботу на Коломну, на память свѣго Моисея Мурина, августа. Тутъ же стрѣтили его многіи воеводы зъ войсками на рецѣ Сѣверской. Архиепископъ зъ духовными и зъ крестами стрѣтилъ в башнѣ ³⁾ городской и

1) прародителие.

2) Владимерова.

3) в баштѣ.

блгословиѣ великого кнѣзя і всѣхъ з нимѣ. Назавѣтрее в недѣлю велѣмъ кнѣзь великии всѣмъ воеводамъ з войсками вѣхати в поле къ Девичю; и стало такъ великое войско на поляхъ коломенскихъ, аж очима зглянути всего войска не можно было. И поставилъ великии кнѣзь над полками воевод. Себѣ в полкъ принялъ кнѣзей белозерскихъ, правую руку себѣ учинилъ брата своего кнѣзя Владимира Андрѣевича, далъ ему ярославскихъ кнѣзей; а лѣвую руку себѣ учинилъ кнѣзя Глѣба Бранского; передовой засѣ полкъ — Дмитрии Всеволож; коломенского полку — Микула Василевич; володимерскіи воевода — юрѣвскіи Тимоѣей Волуевич; костромскіи воевода — Иван Родионовичъ Кувашня; переясловской воевода — Андрѣевичъ Серкизовичъ. А у кнѣзя Владимира воеводы — Данило Велевуть, Кононовичъ Костянтинъ, кнѣзь Ѳеодоръ Елецкїи, кнѣзь Юрѣ Мещерскїи, кнѣзь Андрѣй Муромскїи.

Глава 5. О посланью сторожовъ отъ кнѣзя Дмитрия, о ерасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну кнѣзя Дмитрия и о пристыю ¹⁾ Олгердовичовъ кнѣзей на помочь кнѣзю Дмитрию.

Такъ великии кнѣзь спорядивши войско, казалъ перевозитися Оку реку и приказалъ всѣмъ крѣпко, жебы, идучи черезъ землю резанскую, ничого на волос не рушили. И самъ, взявши блгословение отъ архиепископа коломенского, перевезеся реку Оку; оттол пустилъ на трое сторожовъ, жебы обачилися з татарскими сторожами: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Ѳому Тиву, Петра Юрьского, Карпа Алексина ²⁾, Петра Чирикова и иныхъ многихъ вѣдомцовъ. За ними и самъ кнѣзь великии Дмитрии зъ братомъ своимъ поспешалъ. Послышавши Олегъ, кнѣзь резанскїи, ижъ великий кнѣзь Дмитрии московскїи з великими войсками идетъ противъ Мамая, почалъ боятися и з мѣстца на мѣстце переходити. Мыслилъ послати до кнѣзя литовского Олгерда, лечь не могъ, ижъ дорога вся заступлена. Дивилъся, отколь кнѣзю Дмитрею помочь и смѣлость повстати на Мамая и на насъ двохъ кнѣзей. Сказали ему

1) пристю.   2) Олексина.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

бояре его, ижь осьмь дней уже, як мы слышали, же кулугер, именовъ Сергій, в вотчинѣ его будучи прозорливый, вооружил его и далъ ему на помощь двохъ калугеровъ своихъ. Рекль имъ Олегъ: Чему мнѣ давно не сказалисте; пошолъ бымъ къ Мамаю, злочестивому црѣю, и упросилъ бымъ, жебы ничего не чинилъ злого. Бѣда мнѣ: згубилемъ разумъ свой. И Олгердь, мудрѣйшии от мене не розумѣлъ ¹⁾ пришлихъ речей, Бгѣ на насъ обоихъ поищеть нашей глупости. Великому кнзю боюся передатися, а до Мамаю приставши, буду гонитель на вѣру православную и на братію ²⁾, якъ Святополка земля пожретъ живаго. Мгѣва прозорливого Сергія кнзю Дмитрею поможетъ. Такъ учиню: кому Бгѣ поможетъ, тому присягну. — Олгердь зас, зобравъ Литвы много, Варягъ и Жмоди, и пошолъ на помощь Мамаю. Пришовши Олгердь къ Одуеву, послышалъ, же великии кнзъ Дмитрій з великими войсками пошолъ на Мамаю и тое, ижь Олегъ, кнзъ резанскій ³⁾, убоялся великого кнзя, сталъ, задержался у Одуева и рекль: Ошукалемся, чужого разуму слушаючи, николи Литва не была учена князьями резанскими; теперъ кнзъ резанскій Олегъ и мене зрю з разуму и самъ згинулъ. Тут теперъ перебудмо, поколъ почуемъ звѣтязства кнзя московского. — В той же часъ сѣи Олгердовы: Андрѣй, кнзъ Полоцкій и Дмитрей, кнзъ Бранскій, будучи окрещены в православную вѣру през свою мачеху, княгиню Анну, за што отцѣ ихъ Олгердь, поганин, ненавидилъ, але Бгѣ любилъ, послышали, ижь великии орасунокъ великому кнзю московскому і всему православному христіянству от безбожного Мамаю належить, и они орасовалися. И послалъ кнзъ Андрѣй къ брату своему меншему родному Дмитрію буквицу малую, на которой тое было написано: Вѣдаешъ, брате, же насъ откинулъ от себе отцѣ ншъ Олгердь, для того же принялисмо вѣру православную, але Бгѣ насъ принялъ. Не жалуйможъ и до смерти подвизатися за вѣру свѣтую. Поидѣмо на помощь кнзю мо-

1) зрозумѣлъ.

2) братію, якъ Святополкъ, и мене якъ Святополкъ...

3) князь резанскій Олегъ.

сковскому Дмитрею і всему хрѣстіянству против паганаго црѣя Мамаѣя. — Тое писмо прочитавши от брата своего, кнѣзь Дмитріи урадовался и з слезами рекль: Дай намь, Гдѣи, доброе, тебѣ угодное хотѣние совершити. — Потомъ казаль послу: Мовте брату, ижъ естемь готов з тобою ити з войскомь, зкылко ¹⁾ маю. — Бо у них войска готовы были для дунайских татарь. Треба, мовить, намь ити на Сиверь къ Дону, где кнѣзь Дмитріи, и так утаѣмся тоєю дорогою от отца. — Рыхло теды обадва кнѣзи Ольгердовичи, браты, пришли к Сѣверу, изнавшися ²⁾, радосно привиталися, якъ Иосиѣ з Вениаминомь. Оттоль з войскомь стройнымъ зараз на Дон пришли. З которого ихъ приходу великнѣи кнѣзь Дмитрей московскнѣи и зъ братомъ своимь, барзо радуючися, похвалил Гдѣа Бгѣа и, принявши ихъ вдячне и чесно великими удароваль дарами, и рекль имь: Не для мене сте пришли ко мнѣ, але Гдѣ Бгѣ, любячи, послал вас к намь на помощь хрестіянству против поган, якъ Аврамь Лоту, такъ вы намь, а через васъ Бгѣ поможеть. — Зараз с тоєю вѣстью послалъ великнѣи кнѣзь к Москвѣ, к митрополиту, ознаймуючи, ижъ Ольгердовичѣ, оставивши отца своего, пришли ему на помощь. З чого радуючися, митрополит зъ слезами хвалил Гдѣа Бгѣа и приказаль днѣ и ночь за великаго кнѣзя по церквахъ молити Бгѣа, набарзѣй въ Сергнѣевомъ монастырѣ. А княгиня Дмитріива ³⁾ Еудокія давала всякую милостиню, завше до церкви ходила.

Глава 5. О взятю языка Мамаевого от сторожей кнѣзя Дмитрія, о радѣ его зъ князями и ошукованю ⁴⁾ зъ обонхъ сторонь войскъ и о укреплениі войскъ от кнѣзя Дмитрія и о молитвѣ его.

Затымъ великнѣи кнѣзь пришол на мѣстьце, названое Березуй, за двѣ албо за три мили Дону, сентября ⁵⁾ пятого дня. Тамъ прибѣгли два его сторожи, — Петрь Горскнѣи ⁶⁾ и Карпъ Алексинь, и привели языка значного от сыновныхъ ⁷⁾ црѣя Мамаѣя.

1) зколко.
5) септєврїя.

2) изнавшися.
6) Готскнѣи.

3) Дмитріива.
7) сыновныхъ.

4) ушикованю.

Той языкъ сказалъ, ижъ црѣ на Кузминѣ есть, дожидается князей к себѣ — Олга резанского и Алгерда ¹⁾ литовского, а твоего прихода и спотканя не сподѣвается. Олгъ писалъ к нему, ижъ за три дни маеть быти на Дону. — Спыталь его великий кнѣзь о силѣ мамаевой. Отповѣдилъ языкъ, ижъ никто его войска не перелечить ²⁾, барзо великое. Почалъ думати великий кнѣзь зъ своимъ братомъ и зъ князьями литовскими: если перевозитися за Дон, чили тутъ стояти. — Отповѣдили Алгердовичи ³⁾: сего дня кажѣмо войску перевозитися за Дан ⁴⁾, то никто не погадасть назад, а о великомъ войску поганскомъ не ерасуймося: Бгѣ не в силѣ челоуѣческой, але в правдѣ благоволить. Ярославъ, перевезшися реку звитяжилъ Святополка, и прадѣдъ твой Александеръ Невскій, перевезшися реку, короля немецкого звитяжилъ. Ты, Бга призываючи на помощь, тое жъ чини; если и помремъ, у Бга заплату примемъ, тымъ и войско свое подкрепляй; не бойся, витязей маешь много добрыхъ. — Казаль теды кнѣзь великий войскомъ своимъ за Дон перевозитися. Тымъ часомъ почали вѣстники прибѣгати, ознаймуючи, ижъ близко уже бѣ, чають, татаре. Тутъ же почали збиратися волки стадами, выючи безпрестанно, галки и орылы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы брешучи и иншии звѣри, на кровъ чигаючи и на трупы. Старѣйшии воины рускїи радовалися, неприятелей близко чаючи, а молодшии и ⁵⁾ иншии унывали, видячи предъ очима смерть; которыхъ укрепляли старѣйшии за смерть дочасную, вѣчный животъ предлагаячи і венцы небесныи, о которыхъ Сергїи преподобный предреклъ. Шестой години на денъ пришло Семенъ Меликъ зъ своею дружиною, за которымъ гнали татарове, ажъ до полковъ русскихъ, которыхъ ихъ оттогнали. Обачивши татарове множество полковъ русскихъ, оповѣдили црѣ Мамаю, ижъ кнѣзи рускїи, ополчившися, стоятъ при Дону. Црѣ зъ гнѣвомъ крикнулъ: такъ, моя сила, если сихъ не побью, якъ маю вернутися въ свою землю. —

1) Олгерда.

2) перелечить.

3) Олгердовичи.

4) Донъ.

5) и — *иже*.

И казаль всему войску своему справитися. Меликъ зась сказал великому кнѣзю, иж на Гусинѣ бродѣ перешли уже, за единочь ¹⁾ заутра придуть Напрадву ²⁾, а ты, великий княже, сего дня справь войско, жебы не поспешили поганцы. Зараз тебѣ великий кнѣзь Дмитрій Ивановичъ, з братомъ своимъ, кнѣземъ Владимиромъ Андрѣевичомъ и зъ князями литовскими Андрѣемъ и Дмитриемъ Ольгердовичами, почали справовати и шиковати през годинь шесть; особливе з литовскоѣ земли Дмитрій Боброкъ, родом з земли Волинской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Кнѣзь великий зъ братомъ своимъ и зъ Алгердовичомъ ³⁾ и з иншими князями, взымавши ⁴⁾ на высокое мѣсто ⁵⁾, обачиль всѣ хорогвы войска хрстіанского і все войско ихъ рядне въ зброяхъ ⁶⁾ і в прилбцах, от золота свѣтящихся ⁷⁾, и порядне ушикованое на войну охочихъ рипаровъ и Бгѹ молячихся о побѣдѣ на враги, удивился и урадовался. Также и кнѣзи литовскіи почудилися и рекли: подобно тое войско прѣ Македонского войску, такъ великое, якъ предъ нами не бывало. — И зсѣвши, великий кнѣзь палъ на колѣнахъ предъ образомъ Хрѣтовымъ, написанномъ на хорогвѣ черной ⁸⁾ большого полку и помолился, мовячи: Владыко Гдѣи, призри на насъ, рабовъ твоихъ, кровию твоею искупленныхъ, обрати лице твое на нечестивыхъ варваръ и дажъ намъ на нихъ побѣду мѣтвами пресвятой Бѣи и руского светителя Петра. — По мѣтвѣ всѣлъ на коня и зъ князями ѣздити почаль по полкахъ, каждому самъ мовячи: Братія моя милая, сѣве хрестіянскіи, приспѣль часъ вашего подвига, мужайтєся, станте крѣпко на неприятеля, который уже на речѣ Непрадвѣ близко; Гдѣ силенъ во бранъ, Гдѣ заступникъ ншѣ, Бгѣ Ияковль. Уповайте на Бга, миръ вамъ его зъ нами ⁹⁾, заутра обачюся. — Тое мовивши, отпустилъ брата своего Владимира уверхъ по Дону в дубраву, жебы его полкъ утаился, далъ ему годныхъ рыцеровъ своего двора и отпустилъ

---

1) за едину ночь.   2) на Непрадву.   3) Ольгердовичами.   4) взымавши.
 5) мѣстце.   6) войско нарядне в зброяхъ.   7) свѣтящихся.
 8) черной.   9) миръ вамъ, еще зъ вами . . .

тежъ з нимъ свѣдомого своего воеводу Дмитрія Волинского на ночь Рождества пресвятой Бѣы. Ночи тогда свѣтлыи, і теплота была.

Глава ѿ. О примѣтахъ слынныхъ и о видѣнні явленномъ, з которыхъ звятязство кнѣзю Димитрею пророковано над Мамаемъ и о мѣтвѣ великого кнѣзя.

Дмитріи Волинскіи взялъ самого толко великого кнѣзя, выехали з нимъ в поле Куликово в ночи и рекль: Спробую своей примѣты. — И сталъ посредѣ обоихъ войскъ, русскихъ и татарскихъ, почалъ слухати, на полкъ татарскіи обернувшись. Послышалъ стукъ великъ, якъ торгъ збираючися ¹⁾, албо городъ будуючися ²⁾; назадѣ ихъ волки выючили грозно; по правой сторонѣ ихъ вороны кричачіи, и стался страхъ и крикъ великии пѣтатствъ ³⁾, вороны, якъ горы летали противъ по рецѣ Неправдѣ, а гуси и лебедѣ, крыльми плещучи, незвычайную грозу подавали. Рекль великии кнѣзь Волинцу: Слышу, брате, великая гроза есть ⁴⁾. — Отповѣдиль Волинецъ: Призываются, великии ⁵⁾. — Кнѣзь знову вернулся на полкъ рускіи. — Што слышати, спыталъ Волинецъ. — Што слышно, рекль кнѣзь, не слыхатъ ничего, толко видялемъ ⁶⁾ много зарей огненныхъ збираючихся. — Рекль Волинецъ: Огни — добрый знакъ; призывай Бѣга з вѣрою. И знову рекль: Еще есть примѣта. — И зсѣвши Волинецъ з коня, поникъ на землю, приклонивъ ухо правое и долго лежавши высталъ и поникъ. Кнѣзь великии спыталъ его: Што есть, брате. — Онъ не хотѣлъ сказати, але примушень от кнѣзя сказалъ: Едно есть тобѣ пожитечно, а другое скорбно: слышалаемъ землю плачучуюся надвое, една сторона, якъ нѣякая, жона плакала горко поганскимъ голосомъ снѡвъ своихъ, а другая сторона, якъ нѣякая панна, якъ свирѣль ⁷⁾ жалосно плачевнымъ голосомъ. Зъ тоей примѣты я познаваю, ижъ бжїею силою и помощью свѣтыхъ мученикъ Бориса и Глѣба звятязишь погановъ, але будетъ многое падение войска

1) збираючійся.

2) будуючійся.

3) пѣтатствъ.

4) есть гроза.

5) *прибавлено:* княже.

6) видѣлемъ.

7) свирял.

хрстіянскаго. — Услышавши тое, великій кнѣзь заплакал и рекъ: Нехай будутъ звѣтязства гдѣни ¹⁾. — Мовил Волинецъ: Не кажи того никому ²⁾, ни брату твоему; заутра кажи на конѣ сѣдати, мѣсти Бѣа и свѣтыхъ его и крестомъ, оружиемъ непобѣдимымъ ³⁾ огорожатися на противныхъ. — Тоей жь noci нѣякіи синглитъ, именемъ Оома Кацѣй, поставленъ сторожемъ отъ великаго кнѣзя на ру на Черу Михайловѣ для мужества его, на крѣпкой сторожи отъ поганъ, видель на высокости оболокъ, якъ полки нѣякіи отъ востоку, барзо ⁴⁾ отъ полуденной засъ стороны пришли два младенцы свѣтлыи, маючи свѣчи и мечи острыи въ рукахъ; которыи ⁵⁾ были мученики Борисъ и Глѣбъ и рекли полковникомъ восточнымъ поганскимъ: Кто вамъ казалъ потребляти нашу отчизну, которую намъ Гдѣ даровалъ. — И почали ихъ сѣчи младенцы мечами, и ни единъ отъ нихъ не избылъ цѣлый. На завтрее сказала тое видѣние самому кнѣзю, а кнѣзь приказалъ ему, жебы никому не повѣдалъ. Самъ засъ великій кнѣзь, поднесши руки и очи на небо, почаль зъ плачемъ молитися: Гдѣ, мѣтвами свѣтыхъ мученикъ Бориса и Глѣба помози мнѣ, якъ Моисею на Амалика, якъ Ярославу на Сѣтополка и якъ прадѣду моему Александру на хвалящогося короля немецкаго разорити его отчество. Помози намъ, хрстіяномъ, твоимъ рабомъ, поганымъ ⁶⁾, блюзнячихъ тя. — Такъ помолившися поѣхавъ къ полькомъ.

Глава ѳ. О поставленіи отъ кнѣзя Дмитрія Михайла вмѣсто себе, о листѣ отъ свѣтго Сергія, о охотѣ князевой на войну и о выеханіи на герць зъ татаринѣмъ Пересвѣта чернца.

Въ праздникъ Рождества пресвятой Бѣы, третей години на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускіи трубы гримѣли, а татарскіи якъ онемѣли ⁷⁾. Еще не зышлися зъ собою, бо мѣгла была. А великій кнѣзь Дмитрій, ѣздячи на своемъ выборномъ конѣ, укреплялъ свое войско и мовилъ зъ слезами: Не страшѣтесе за свѣтые церкви и за вѣру хрстіянскую и

1) звѣтязства гдѣиѣ.

2) прибавлено: государу.

3) непобѣдимымъ.

4) великій барзо.

5) котріѣ.

6) на поганыхъ.

7) онемѣли.

за отчизну милую, голов своих класти не щадѣте. — Такъ укрѣпивши, подѣхалъ под свою черную короговъ и, зысѣвши зъ своего коня, зложилъ зъ себе царскую одежду, възсѣлъ на иного коня и въ иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложилъ на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего далъ ему и свою короговъ рыделю казалъ над нимъ возити¹⁾, под которою тои Михайло за своего кнѣзя былъ и забитый. А самъ кнѣзь великій, вынявши зъ запазухи свой крестъ, въ которомъ была часть животворящаго древа, рекль: В тебѣ, кресте свѣтый, останя моя надѣя, якъ помоглесъ Костянтину звитяжити враги хрѣстіянскія, такъ и намъ помози звитяжити поганого Мамаю и его всю силу. — Того жъ часу пришло писане отъ преподобнаго Сергія; въ которомъ тое написано: великому кнѣзю Дмитрею Івановичю і всѣмъ княземъ рускимъ і всему православному воинству миръ и блгословеніе. — Далъ тежъ посланецъ великому кнѣзю хлѣбъ пресвятыя Бѣы отъ игумена Сергія. Тымъ всѣ писанемъ утѣшившися, подтвердилися на войну. А великій кнѣзь, поцѣловавши посланца, взялъ хлѣбъ свѣтый и рекль: О великое имя пресвятыя Троицы, пресвятая Бѣа помагай намъ на противныхъ мѣтвахъ преподобнаго Сергія и спаси насъ. — І взявши свое копье и палицу свою желѣзную, самъ вперед хотѣлъ скочити на погановъ, але богатыри его рускіи удержали, мовячи: Не годится тебѣ вперед битися, але особно смотрѣти стоячи²⁾ на битву полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты где подѣнешся, што и по насъ будетъ; мы готовы головы свои покладати, а ты по насъ память будешь творити і виписешь въ книги, на память потомнымъ вѣкомъ. — Кнѣзь, заплакавши, рекль: В земной чести я есмь предъ всѣми вами почтенъ, нехай же вперед васъ голову положу і вперед васъ венець отъ Хрѣста приму; благая отъ Гда приняеми, злыхъ не стерплю. Затымъ передовыи полки почали сходитися зъ татарами. Первое полкъ проводилъ³⁾ Дмитрии Всеволожь і Володимеръ, братъ его, правою рукою

1) возиты.

2) стоячи смотрѣти.

3) проводилъ.

ишол Микула Василевичъ з Коломничами и зъ иными кнѣзѣми; а поганый татаре ишли обоими руками: бо не было имъ где ростиагнутися. А царь безбожный Мамай зъ трома своими князѣми възышолъ на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затымъ выѣхалъ з полку татарьского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якъ давный Голиады. Того обачивши чернецъ Сергѣевъ Пересвѣтъ, з полку Владимира Всеволожа, рекль: Сей татаринъ хочеть себѣ противного герцовынника, я з нимъ хочю видитися и ударитися і восприяти венець царствия. — Мѣлъ на своей прилбицы схиму зъ крестомъ. Потом рекль: Простѣте мя и благословите ¹⁾, и ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене. — Рекли всѣ: Бгѣ тебе да проститъ и благословитъ и поможетъ тебѣ мѣтвами свѣтго Сергия. И такъ ударилися оба два ²⁾, з коней попадавши померли.

Глава г. О войнѣ кнѣзя Дмитрия и войскъ рускихъ з войсками мамасевыми, о раненю кнѣзя Дмитрия и о побитю войскъ рускихъ от татаръ и о звитязствѣ потомъ славномъ през помощь брата кнѣзя Дмитрия войскъ рускихъ над татарами.

Затымъ крикнувши всѣ войска рускии: С нами Бгѣ, — и знову: Бже хрѣстианскиі, поможи намъ на враги. — А татаре крикнули: Огъ Магметъ. — И зышовшиися, почали крѣпко битися зъ обеихъ сторон. Лиеться кров богатырская под сѣдлами оковываемыми, котятся прилбицы золотыи под ноги конскиі, за прилбицами — и головы богатырскиі, а татарскиі выдвое того падают, на поли Куликовѣ, в тѣсномъ мѣсте межи Доном и Мечею, льются рѣки кровавыі от множества побитыхъ, сабли блискают, якъ блискавица, а копії, якъ громъ ломаючися, трищать. От третьей години ажъ до шестой билися, тамъ в три години безчисленное мнозство строена ³⁾ розумного бжїяго побито. От шестой зас години почали татаре одолѣвати, а хрѣстиане изнемогати: много храбрыхъ богатырей рускихъ и молодыхъ ⁴⁾ зацное побито.

---

1) благословѣте. 2) оба два рыцеры, чернецъ з татариномъ и оба два ...
3) створена. 4) молоді.

Многі сѣны рускіи конскими копытами татарскими потерты, и самого кнѣзя великого Дмитрія ранено, ажъ, нуждею склонившись з коня, пошел з побойща, Един вѣрный самовидецъ от полку Владимира Андрѣевича повѣдалъ, ижъ видѣлъ шестой години над великимъ кнѣземъ небо отворенное, з которого вышелъ облакъ, якъ ранняя зоря низко держачися; той облакъ полнь рукъ человѣческихъ, каждая рука держала оружие. Тын руци спустилися над головы хрстіянскіи на оборону, уже бо вѣмъ отсюль обышли татарове хрстіян. — Обачивши з дубровы, в которой на засадѣ сѣдѣ кнѣзь Владимиръ Андрѣевичъ, ижъ барзо много хртіян побито, и звияжають татаре, не могучи болше братіи своихъ православныхъ убиваня терпѣти, рекъ Дмитрею Волынскому: Што за корысть тут болше стояти, наши до конца погибають, даймо имъ помочь, хотя ¹⁾ и сами з ними головы положимъ. Рекъ Волынский: Бѣда, вижу, велика, але еще не час намъ ити, бо кто не в свой часъ починаеть, што ²⁾ шкodu относить. Потривай мало, а Бѣа призывайте: въ осмую годину будетъ ласка бжїя и помочь хрстіяномъ. — Владимиръ почалъ молитися, просячи Гда Бѣа о мѣдріе и о помочь на поганыхъ, а в полку его сѣны ³⁾ рускіи плакали, видячи братіи и друзей своихъ от татар барзо много погибающихъ, и сами порывалися на ихъ оборону, якъ на чашу вина. Волынецъ имъ еще боронилъ, мовячи: Пождѣте, будетъ ⁴⁾ вашъ часъ. — Въ осмую теды годину дувувъ вѣтеръ полудневый ззаду ихъ, тогда Волынецъ великимъ голосомъ крикнулъ: Княже Владимире, пришелъ часъ. — И рекъ: Братия милая, держайте, сила бжїя ⁵⁾ помогаетъ намъ. — Богатыри зас рускіи вышли з дубровы и кинулися на татар, якъ ясныи соколы на журавлевъ ⁶⁾. Татаре, обачивши знагла много полковъ русскихъ, зтривожилися, крикнувши же: Русь мудра, молодшихъ вперед на насъ выправили, а се самыи богатыри рипери зсадскіи ⁷⁾ идуть. — И почали татаре уступовати, а рускіи полки ихъ

1) хотя. 2) што починаетъ. 3) сынове. 4) будетъ и. 5) бжїя.
6) журавлювъ. 7) з асадски

погнали, помощю свѣтыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, и сѣкли утекающихъ поганъ. Татарове, утекаючи, волали: Бѣда, бѣда тебѣ нечестивый Мамаю. — Рускіи, Бѣга призываючи, безъ числа татаровъ побивали, бо нѣльзя имъ было отъ Руси утекати, же коней мѣли потомненыхъ. А Мамай, видячи свою бѣду, почалъ призывать своихъ боговъ: Перуна, Савата, Ираклия, Гурга і великого своего помощника Махмета; не ¹⁾ маючи себѣ отъ нихъ помочи, свою голову почаль уносити. Видячи новыхъ людей русскихъ, крѣпко сѣкучихъ татаровъ, побѣгъ зъ четырма своими мужами. За ними погналися рускіи войны, але ижъ ²⁾ ихъ не догнали, ижъ кони Мамаевы добрыи были непотомлены. А татаровъ побитыхъ помощю свѣтыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, якъ въ видѣнні видель предреченный Оома Кацѣй по обоихъ сторонахъ рѣки Неправды безчисленное множьство лежало, мало ихъ за Мамаемъ утiekло.

Глава аі. О знайденію раненаго кнѣзя Дмитрія и о радости великой звѣязства ³⁾ надъ татарами.

Такъ рускіи войска, звѣтяживши татар, вернулися каждый подъ свою короговъ; а кнѣзь Владимиръ Андрѣевичъ, ставъ подъ короговою ⁴⁾ чорною, и не нашолъ брата своего великого кнѣзя Дмитрія Ивановича подъ его короговою ⁴⁾, толко кнѣзей Олгердовичовъ, казалъ въ великую трубу трубити на радость. И за годину не дождавшись брата, пыталъ у войску: кто бы видѣлъ, албо слышалъ о великомъ кнѣзю. — Рекли кнѣзи литовскіи: Мы сподѣваемся, ижъ живъ гдес, але раненъ барзо. — И ⁵⁾ инший рекль: Я его виделъ пятой години крѣпко зъ татарами биючого ⁶⁾. — Другіи рекль: Я после того видѣлемъ его зъ четырма биючогося татарами, которыи ⁷⁾ барзо на него натирали. — Потомъ единъ молодой Навасилскіи кнѣзь Стеванъ повѣдалъ: Я предъ твоимъ, княже ⁸⁾, приходомъ виделемъ великого кнѣзя, идучого пѣшого ⁹⁾ зъ побища, барзо раненаго, але не моглимъ ему помочи, бо за мною три татарины гналися. — Рекль кнѣзь Владимиръ: Пошукайте,

---

1) и не. 2) ижъ — *иже*. 3) зъ звѣязства. 4) короговою. 5) И — *иже*. 6) биючогося. 7) котринъ. 8) *прибавлено*: Владимире. 9) пѣшо.

адинъ за другого положеныхъ. Тут же близко лежить и Микѹла Василѣвичъ. Плакал над ними великїи кнѣзь и мовилъ: Братія моя, кнѣзи и сїюве рускїи, если маєте у Б҃га дерзновение, пострадавши ¹⁾ за вѣру Хр҃тѹ, помолитесь за насъ.—Далѣи ѣдучи, наѣхал своего наперсника Михайла Андрѣевича Бренника, подле его сторожа Семена Мелика і Тимоѣѣя Волуевича убиенныхъ. Заплакавши, рекль: Любимая моя братія, кто такъ может за пана умерти, якъ любимымъ моимъ слуга Бренникъ в моемъ нарядѣ вмѣсто мене за мене. Поѣхавши, на смерть есть забытїи.—Знову рекль: О крѣпкїи нашъ сторожу Мелику, нашеѣ целости стерегучи, за насъ голову свою положилес.—Далѣи поѣхал ²⁾, наѣхал чернца Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря Григорія Капустина ³⁾. И рекль до своихъ: Смотрѣте, братія, нашего починальника Пересвѣта, той бо, вѣмъ, звѣтяжил подобного себѣ рыцера татарина, от которого вѣмъ было пити горкую чашу. Затѣмъ розказал кнѣзь великїи трубѣти въ трубу выборную на собране войскъ, и такое ⁴⁾ трубене собралися всѣ звѣтязства, пѣснь спѣваючи. А гды собралися войски, ставши великїи кнѣзь з радостию почал мовити: Кнѣзи рускїи, бояре мѣтныи, воеводы силныи и сїюве всей ⁵⁾ земли руской, вамъ подобаетъ такъ же служити и далѣи, а мнѣ з вашей службы тѣшитися, а скоро мене приведетъ Б҃гъ на мою столицу, буду васъ всѣхъ годными дары даровати. Теперь каждый своихъ похавайте, жебы тѣла хр҃стіянскїи не были на прокормъ звѣремъ и птахомъ.—И стоял великїи кнѣзь осмь дней за Дономъ, докол порозбирали тѣла хр҃стіянтїи от поганскихъ и поховали, а поганскїи покинули звѣремъ на покормъ. Потомъ рекль великїи кнѣзь: Зличѣте ⁶⁾, колко у кого воевод.—Отповѣдил Григорей Александровичъ московскїи бояринъ: У насъ сорока боярь болшихъ московскихъ нѣтъ, а дватцати кнѣзей белозерскихъ и тринадцати бояровъ посадниковъ новгородскихъ и четырдесяти бояриновъ серпуховъ

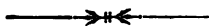
1) пострадавши.
вое.

2) поѣхавши.
3) всеѣ.
6) зличите.

3) Капустына.

4) на тако-

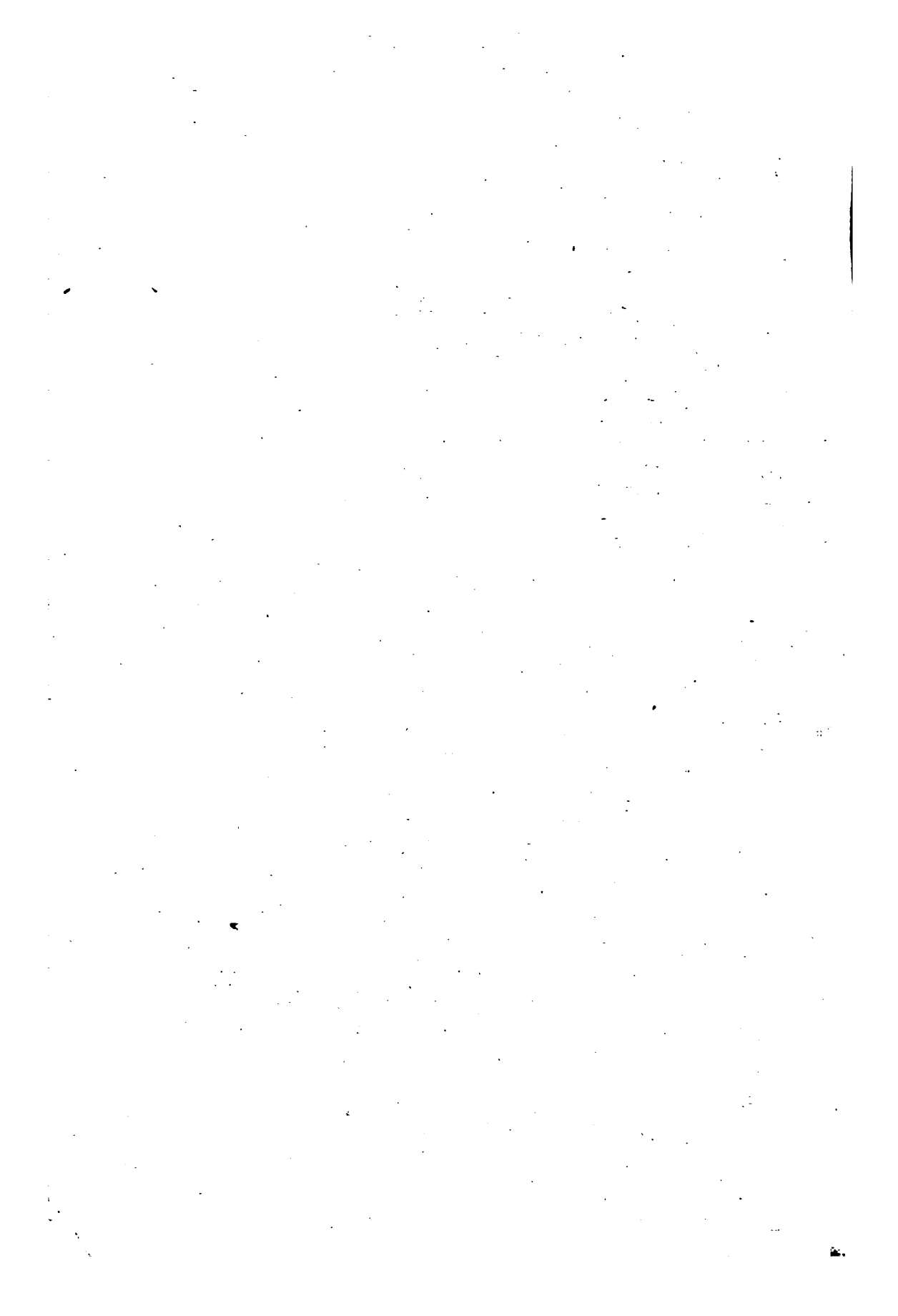
скихъ, дватцати бояриновъ переясловскихъ, а дватцати пяти бояриновъ костромскихъ, тритцать пять бояриновъ владимирскихъ, осмь бояриновъ суздальскихъ, чтыридесят бояриновъ муромскихъ; тритцать бояриновъ ростовскихъ, дватцать пять бояриновъ дмитровскихъ, шездесять бояриновъ зьвгородскихъ, пятнатцат бояриновъ углицкихъ, а всего войска дружины згинуло полтретьяста тысячъ, и помиловалъ Бгъ землю рускую, осталось всей дружины войска сорокъ тысячей и пять. Воздохнувши ¹⁾, рекль: Братия, кнѣзи, воеводы, бояре і всѣ рыцери и молодыи снѣве рускїи, межи Дономъ и Днепромъ ²⁾, на Куликовѣ полѣ за землю рускую и за вѣру хрстіянскую побитыи, простите насъ, а вамъ да будетъ вѣчная память и венець живота вѣчного. — Тое вырекши, великии кнѣзь Дмитрій Івановичъ ³⁾ з позасталыми кнѣзями, з боярами, з воеводами и з войскомъ всѣмъ зъ славнымъ звиязствомъ, пошоль на свою столицу к Москве. — Безбожныи засъ прѣ татарскїи Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремъ лежачого, Кааы, тамъ затаилъ нмя свое, але познанныи забитыйи зосталь отъ Фрагъ, зле животь скончили. Услышавши тое все Олгердь кнѣзь литовскїи, иж великии кнѣзь Дмитрій звиязжилъ Мамай, вернулъ с соромомъ великимъ назадъ. Олегъ тежъ резанскїи кнѣзь, также вшавши въ орасунокъ великии, зле свой животь скончили; обратися болезнь его на главу его і впадеса въ яму, юже содѣла.

1) Великий князь вздохнувши.

2) Мечю.

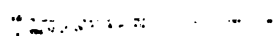
3) Иванотъ.

This book should be returned to
Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

3061269

Cancelled

~~William Thomas~~

115 0207 1117

I 10- 11 1117

I 11 1117 1117 (1117 1117)

I 17 1117 1117